Библиотека Литературы Древней Руси

ТОМ 14

(Конец XVI - начало XVII века)

Библиотека литературы Древней Руси */ РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, Н. В. Понырко. – СПб.: Наука, 2006. – Т. 14: Конец XVI – начало XVII века. – 758 с.*

СОДЕРЖАНИЕ

Хворостинин Иван Андреевич «Словеса дней, и царей, и святителей московских» *(Подготовка текста и комментарии. Е. П. Семеновой, перевод Д. М. Буланина)*
О причинах гибели царств *(Подготовка текста и комментарии М. А. Салминой, перевод О. В. Творогова)*

КОММЕНТАРИИ

Подступы к решительным переменам в строении литературы

С конца XVI века в России создается бурная обстановка надвигающейся, а затем развившейся «Смуты», всколыхнувшей все русское общество снизу доверху. Террор Ивана Грозного сдерживал, но одновременно и усиливал классовое напряжение, а когда смерть его положила начало династическим неурядицам и борьбе за власть, за престол, то борьба эта быстро перешла в могучий классовый взрыв. Иноземная интервенция породила всенародное патриотическое движение, освободившее Россию. Царистские иллюзии повлекли за собой многочисленных самозванцев, в какие-то не слишком длинные периоды времени опиравшихся на население посадов и крестьянские массы. Самозванцы сменяли друг друга. Наряду с насильственными захватами власти появились и совсем новые формы решения государственных вопросов — добровольные или полудобровольные ополчения, затем выборы, земский собор; обсуждались не только наследственные права, но и характеры претендентов.

В этой обстановке в начале XVII века литература вновь обрела высокое литературное самосознание. Это явственно ощущается в поднимаемых ею темах, в широте и глубине реагирования на исторические события. Она уже не просто помпезно оформляет государственную жизнь, а, как и столетие назад, играет по-настоящему громадную гражданскую роль в жизни общества. Ее темы общенациональны, ее слово властно и требовательно, ее критическое отношение к недостаткам общественной жизни беспощадно. На первый план выдвигаются произведения, если даже и небольшие по размерам, но монументальные по замыслу и стилю, исполненные гражданских чувств, во многих случаях новаторские по жанру, по своим связям с народным творчеством, с зарубежными литературами.

Особую роль в литературных произведениях, посвященных «Смуте», сыграло ощущение правдивости изображаемого, стремление к фактичности и документальности. Литература стала своеобразным судом над происходящим и произошедшим. Поэтому большое значение приобрели «свидетельские показания», «документы» и сама их форма. Возрастало и значение личностного начала. Авторы начинают осознавать свою собственную ответственность за события, в которых участвовали и о которых пишут. Автор должен был быть «чистым», «незапятнанным», поэтому авторские самооправдания — прямые и косвенные, — а также преувеличения своей роли в событиях занимают значительное место в повествованиях о «Смуте».

Одно из самых замечательных произведений об истоках «Смуты» — «Повесть о

житии царя Федора Ивановича», составленная патриархом Иовом не позднее 1603 года. По своему фактическому содержанию «Повесть» эта сравнительно бедна фактами, не очень ясна она и по своим тенденциям: оправдать передачу русского престола боярину Борису Федоровичу Годунову? Но выражено это только в одном эпизоде. После победы под водительством Годунова над двинувшимся на Русь войском крымского хана Федор Иванович снимает со своей шеи златокованую цепь и возлагает ее на Бориса, «честь победе его воздая и симъ паки на немъ прообразуя царского своего достояния по себѣ восприятия и всего превеликого царьствия Русийскаго скифетродержателства правление». С точки зрения отточенности формы, ритмической организации прозы и синтаксической ясности сравнительно длинных (как это полагалось в древнерусской риторической прозе) периодов произведение это представляет собой своего рода шедевр. Оно начинается с традиционного восхищения величием вселенной, имеющего яркие аналогии в былинном эпосе, и включает традиционный для фольклора развернутый и отточенный по ритмичности плач царицы Ирины по своем умершем муже. В идеализированном образе Бориса Годунова значительное место уделено в «Житии» его строительной деятельности — ив самом деле удивительной. Отмечается, что он создал много каменных градов и в них «превеликие храмы в славословие Божие возгради и многие обители устрои», а Москву «яко некую невесту» украсил, выстроив в ней много храмов, палаты купеческие и стены.

«Повесть» эта открывает собой новый период древнерусской литературы, в котором события «Смуты» заняли центральное место.

*

Пока события «Смуты» были еще в своем начальном периоде, пока народная память не была еще отягощена жгучими воспоминаниями о бесчисленных изменах и продажности руководителей, возникло произведение, героизировавшее одного из полководцев, очищавшего Русский Север от иностранных захватчиков — князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского.

Память о Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском сохранилась и в литературе — двумя повестями о нем (одна о рождении его, другая — о смерти), — и в народной исторической песне. Народное воображение было потрясено его внезапной кончиной в мае 1610 года на пиру у князя Воротынского, и создалось представление о его сознательном отравлении боярами-изменниками.

Личные свойства человека, его совесть, его честность и твердость стали осознаваться как решающие не только в его собственной жизни, но и в судьбах государства. Особенно показательны в этом отношении две повести о князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском. Наряду с книжными элементами в обеих повестях ярко прослеживается народно-песенная струя. Вот как, например, объясняется и оплакивается смерть Скопина: «И как будет после честного стола пир навесело, и диявольским омрачением злодеянница та княгиня Марья, кума подкрестная, подносила чару пития куму подкрестному и била челом, здоровала с крестником, Алексеем Ивановичем. И в той чаре питие уготовано лютое, питие смертное. И князь Михайло Васильевич выпивает ту чару досуха, а не ведает, что злое питие лютое смертное. И не в долг час у князя Михаила во утробе возмутилося, и не допировал пиру почестного, и поехал к своей матушке, княгине Елене Петровне. И как выходит в свои хоромы княженецкие, и усмотрила его мати, и возрила ему во ясные очи. И очи у него ярко возмутилися, а лице у него

страшно кровию знаменуется, а власы у него на главе стоя колеблются». Здесь и изобразительность, и фольклорность, и лиричность. Таков же и плач матери по Скопине-Шуйском: «Чадо мое, сын, князь Михайло Васильевич. Для чего ты рано и борзо с честнаго пира отъехал? Любо тобе богоданый крестный сын принял крещение не в радости? Любо тобе в пиру место было не по отечеству?» Поразительно, как в этом плаче сочетается реальный пир, на котором он умер, с метафорой жизни как пира.

Можно говорить о стилистическом разнобое в этой повести, но этот стилистический разнобой — свидетельство о новых художественных исканиях, и он пронизывает собой в целом всю литературу, посвященную событиям Смутного времени, — времени, с которого начались многие новые явления в русской литературе.

Здесь и влияние народных произведений, и церковная риторика, и простота летописного стиля, и фактографическая запись молвы и разговоров, и наблюдательность человека практического ума, и хитрость участника значительнейших событий и многое другое, из чего создавалось то необыкновенное смешение различных явлений, которое в дальнейшем должно было породить совершенно новую, решительно отличавшуюся от старой, средневековой, систему литературы Нового времени.

Одним из самых значительных произведений, направленных к тому, чтобы побудить русских людей выступить в защиту независимости России против интервентов, явилась «Новая повесть о преславном Российском царстве». Она была составлена во второй половине декабря 1610-го — начале января 1611 года и принадлежала перу простого дворянина — сыну боярскому или приказному дьяку — и была направлена против изменнического боярского правительства. Это был прямой призыв к восстанию. «Вооружимся на общих сопостат наших и врагов и постоим вкупе крепостне за православную веру, и за святыя Божия церкви, и за свои души, и за свое отечество <...> и изберем славную смерть <...> нежели зде безчестное, и позорное, и горкое житие под руками враг своих» — так начинается «Новая повесть о преславном Российском царстве». Далее идут разоблачения боярского правительства — русских пособников иноземных интервентов и захватнических замыслов польского короля Сигизмунда III. «Новая повесть» предшествует агитационным грамотам организаторов первого ополчения, действовавшего под Москвой в марте 1611 года. Это не повесть в собственном смысле этого слова, а обличительное сочинение против отдельных членов боярского правительства — «земледельцев-землесъедцев», «правителей-кривителей», разоблачение их предательской политики, противопоставляемой поведению жителей Смоленска, выдержавших осаду войска Си-гизмунда III, и «крепкой» позиции, занятой «воином Христовым» патриархом Гермогеном, решительно отказавшимся пособничать интервентам.

Близко к «Новой повести» стоит и «Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства». Это произведение написано в жанре политических плачей, посвященных тем или иным горьким событиям истории (Плач о взятии Царьграда в 1453 г., о Псковском взятии 1510 г.). В отличие от «Новой повести» автор «Плача» изобличает все русское общество, повинное в происходящем: «Правда о человецех оскуде, и воцарися неправда, и всякая злоба и ненависть, и безмерное пиянство, и блуд, и несытное мздоимание, и братоненавидение умножися».

Если в «Писании о преставлении и погребении князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского» и в других последующих произведениях не было еще какой-либо прямой агитации за того или иного претендента на царский престол, то вскоре появился целый ряд произведений, прямо агитировавших за избрание на царство Василия Шуйского. Таким было «Сказание и повести еже содеяся в царствующем граде Москве и о растриге о Гришке Отрепьеве и о похождении его», близкое по своей направленности к грамотам Василия Шуйского 1606 года. По поручению правительства Василия Шуйского было составлено и «Житие царевича Димитрия».

Когда войска Болотникова приближались к Москве, было пущено в ход и такое решительное средство, как изображение некоего чуда, якобы прямо и свыше указывавшего на Божественное неодобрение происходящей «Смуты». Это была «Повесть о видении некоему мужу духовну», обнародованная по царскому указу. «Видение» не просто указывало на то, кто прав и кто не прав в происходившей борьбе, но стремилось побудить народ к некоей демонстрации своей лояльности: оно призывало людей к покаянию, посту, угрожало предать «кровоядцам и немилостивым разбойникам» тех, кто не покается, перечисляло грехи, за которые отвечают все люди: «праздные беседы», осквернение нравов, неправедный суд, захват чужих имений и даже постригание бород.

Избрание на царство Михаила Федоровича и относительное успокоение в политической борьбе не изменили характера литературы 1620—1640-х годов. Литература продолжает развивать те или иные версии происхождения «Смуты»; произведения пишутся в защиту или опровержение прав на престол отдельных лиц, обвиняют их, оправдывают, бранят или восхваляют.

В событиях «Смуты» было много такого, что необходимо было правительству избранного на царство Михаила Романова официально объяснить народу. Специальная комиссия по поручению Земского собора 1612—1613 годов составляет «Грамоту, утвержденную об избрании на Российский престол царем и самодержцем Михаила Федоровича Романова». Эта «Грамота» описывает события «Смуты» с основной целью — защиты династических прав Романовых на царский престол. Поэтому здесь, в «Грамоте», дается идеализированное изображение жены Ивана Грозного Анастасии Романовой и ее благотворного влияния на мужа в государственных делах.

С окончательным утверждением Романовых на царстве борьба за престол, борьба с интервентами, прекратившиеся в жизни, продолжают все же свое существование в литературе. Авторы обеспокоены возможностью новых измен или появления новых самозванцев, продолжают страстно обсуждать события прошлого. Существенное различие только в том, что авторы, пишущие после «Смуты», больше рассуждают, философствуют и обобщают, извлекают для читателей уроки из всего случившегося.

Очень характерен в этом отношении «Временник» дьяка Ивана Тимофеева. Сведения о происходившем он собирает из разных, иногда сомнительных источников, в чем признается сам, но при этом обобщает и философствует, изобличая то правящие слои общества, то народные массы. По старой манере подменять живую мысль риторикой он крайне запутывает изложение и, в общем, лишает себя читателей, о чем свидетельствует то, что дошло это сочинение в единственном списке и оставило по себе единственный след — в правительственном продолжении «Книги Степенной» 60-х годов XVII века. В ней

«Временник» Тимофеева был использован одновременно и как источник сведений, и для стилистического оформления излагаемого.

Наибольшей известностью из сочинений о «Смуте» пользовалось «Сказание» монастырского келаря Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря, составленное им в 1620 году. Оно дошло до нас во множестве списков XVII и XVIII веков. Читателям нравились и его живое изложение, и документальность. В него были включены свидетельства участников обороны Троице-Сергиева монастыря. В основе первых шести глав, по-видимому, лежит сочинение другого автора — «Сказание, киих ради грех», — носившее резко обличительный характер и смягченный при переработке Авраамием. Взгляды Аврамия Палицына занимают главенствующее положение: они изложены в ярких и занимательных картинах обороны Троице-Сергиева монастыря, и им придана сугубо патриотическая окраска. События «Смуты», как никогда ранее, возбудили у автора, а вслед за ним и у читателя патриотические чувства.

Читая произведения, посвященные «Смуте», мы должны учитывать и то обстоятельство, что защита родины приобрела в этих описаниях характер также и защиты веры, а потому все произведения о «Смуте» носят в этот период черты религиозно-церковной идеологии и фразеологии. Недавнее историческое прошлое, следы которого на каждом шагу встречались на широком пространстве Русской земли в виде разрушенных зданий, пропавших ценностей и документов, о чем невозможно было забыть, продолжало тревожить воображение, требовать объяснений и объяснений.

Вслед за «Сказанием» Авраамия во второй половине 1620-х годов в рукописях появилось «Иное сказание», компилятивный памятник, основной особенностью которого, а может быть и задачей, стало оправдание Василия Шуйского и его политики. «Иное сказание» было противопоставлено «Сказанию» Палицына.

В 1626 году была написана и «Летописная книга» («Повесть книги сея от прежних лет») — произведение, прежде приписывающееся князю И. М. Катыреву-Ростовскому. «Повесть», также посвященная «Смуте», постоянно перерабатывалась, так как она выражала официальную точку зрения, а эта официальная точка зрения не отличалась особой устойчивостью, менялась, применялась к обстоятельствам «нынешних» нужд. Во всяком случае официальная точка зрения не исключила обличения «грехов» правящего класса, что было в предшествующее время большим достижением литературы о «Смуте», но затушевывала роль народа в национально-освободительной борьбе. Другой чертой «официальной» литературы была ее умеренность, стремление сгладить сложность событий. Учитывая отсутствие определенности в оценке событий, автор сам «на всякий случай» давал им неопределенные характеристики. Он был готов на компромисс с любым направлением во взгляде на события «Смуты».

«Словеса дней, и царей, и святителей московских» — любопытное произведение любопытного человека — Ивана Андреевича Хворостинина. Автор «Словес» был запятнан своим поведением во время «Смуты» и стремился изобразить события, которых он был свидетелем, со скрытой целью оправдать свое поведение, а отчасти даже восхвалить свою ученость, прозорливость и религиозную правоверность. Если первое (то есть «ученость» его) просто сомнительно, то второе (прозорливость) и третье (правоверность) прямо противоречат фактам. Он служил при дворе Лжедмитрия кравчим и был за это сослан в Иосифов Волоколамский монастырь на покаяние. Тексты Писания он толковал совсем не в

духе православия, отрицал христианские догматы, писал вирши, а затем оправдывался в других своих сочинениях.

Подобно Ивану Андреевичу Хворостинину, автором с запятнанной биографией был и другой писатель, его родственник — Семен Иванович Шаховской. В свое время он отъезжал в Тушино, а из Тушина к польскому королю Сигизмунду. Был четырежды женат, что считалось в Древней Руси церковно недопустимым. Еще и за какие-то другие вины Шаховской был заточен, а затем сослан. Его перу принадлежит «Повесть известно сказуема на память великомученика Димитрия», посвященная убийству в Угличе царевича Дмитрия. Дмитрий интересовал Шаховского как наследник, родившийся от шестого брака Ивана Грозного. Шаховской доказывал законные права на престол Дмитрия и делал это с жаром, ибо самому ему приходилось доказывать законные права своих «деток» от четвертого брака. Другое его сочинение — «Повесть о некоем мнисе» (монахе) — о Лжедмитрии. Образованный и искусный писатель, он предстает в своих многочисленных произведениях во всем своем трудолюбии и таланте.

Частичное возвращение к старым порядкам выразилось прежде всего в возрождении в летописании официальной правительственной точки зрения на историю. В 1630 году был закончен «Новый летописец». Он опирается в основном на «Сказание» Авраамия Палицына и пытается восстановить авторитет царской власти и, в частности, утвердить на основе возрождения монархической идеологии взгляд на Романовых как на династически правомочных престолонаследников.

Любопытным документом философского осмысления исторических событий явилось произведение далеко не ясного происхождения, носящее заглавие «О причинах гибели царств». Знакомясь с фактами, приводимыми в этом произведении, русские читатели имели возможность задуматься над судьбами своей истории, сопоставить ее и с историей других стран. Основная причина «гибели царств» согласно мысли автора «О причинах» — повреждение нравов, что в целом согласуется с мыслию многих других русских авторов, писавших о «Смуте».

Наконец из повествований о «Смуте» следует упомянуть и о таких, в которых сказалось непосредственное отношение к событиям писателей, ставивших себе целью простую информацию о фактической стороне событий. Традиционно центрами своеобразного «простописания» были на Руси Псков и Новгород. Особенно замечательна «Псковская летописная повесть о Смутном времени». Псковские события отражены в ней в манере псковского летописного рассказа, близкого к разговорному повествованию с характерным для автора псковским просторечием.

*

Перейдем теперь к суммарной характеристике того, что литература приобрела в начале XVII века в области «человековедения», — самой важной для литературы и особенно для периода начавшейся ее перестройки.

В целом литература первой трети XVII века при всем разнообразии ее жанров, точек зрения, стилистических решений, отношения к фольклору и т. д. была литературой одной главной темы — темы «Смуты», ее истоков, причин, характера, описания событий и поисков вин и виноватых.

Произведения этой поры резко отделяются от предшествующих летописей, исторических повестей, хронографов и «Степенной книги» рядом особенностей и в первую очередь повышенным интересом к человеческому характеру и новым к нему отношением. Изображение характеров исторических лиц составляет отныне одну из главных особенностей исторического повествования. Эти характеристики не только увеличиваются в объеме, но и изменяются по существу. По сути дела «Временник» дьяка Ивана Тимофеева представляет собой собрание характеристик деятелей «Смуты» и событий «Смуты». Это своеобразная портретная галерея, соединенная с галереей картин исторического жанра. Иван Тимофеев не стремится к фактической полноте и последовательному хронологическому изложению событий. Автор не столько описывает факты, сколько их обсуждает.

Равным образом и «Словеса дней, и царей, и святителей московских» Ивана Хворостинина состоят в основном из характеристик деятелей «Смуты» начиная с Бориса Годунова. Во вступлении к своему труду Иван Хворостинин разъясняет цели своего произведения: он желает описать «пастырь наших детелей» (деятелей. — *Д. Л.)*, подвиги «великодушных мужъ, и безкровных мучеников, и победоносцов».

В известной мере тем же стремлением к обсуждению характера исторических личностей отмечено и «Сказание» Авраамия Палицына, и «Иное сказание», и «Повесть» Семена Шаховского, и многие другие.

С наибольшей четкостью эта новая черта исторического сознания сказывается в статьях, посвященных русской истории, Хронографа редакции 1617 года. Литературные достоинства этих новых русских статей Хронографа и значение их в развитии исторического знания на Руси до сих пор еще недостаточно оценены.

Состав Хронографа редакции 1617 года обнаруживает в его авторе человека с незаурядной широтой исторических интересов. Предшествующая всемирная хронография в пределах от XI и до XVII века в гораздо большей степени, чем русское летописание, была подчинена религиозным задачам. Всемирная история трактовалась в значительной степени, хотя и не целиком, как история православия в борьбе с ересями. Редакция Хронографа 1617 года — первый и крупный шаг на пути секуляризации русской хронографии. Это отчетливо выступает в тех дополнениях, которыми распространил автор редакции 1617 года основное традиционное содержание Хронографа. Здесь и новые статьи из Еллинского летописца (преимущественно выдержки из Хроники Иоанна Малалы, касающиеся античной истории), здесь и сочинения Ивана Пересветова, и дополнения из католических хроник Мартина Бельского и Конрада Ликостена. Из этих последних выписаны статьи географического содержания <например, об открытии Америки — первые на Руси о ней известия>, статьи об античной мифологии или общие статьи о магометанстве, статьи по истории пап, по истории западноевропейских стран, по истории Польши. Все это не имело отношения к истории православия и даже иной раз противоречило официальной точке зрения на нее. Не меньший интерес имеют и вновь включенные статьи, посвященные описанию наружности Богоматери (из слова Епифания Кипрского «О житии Пресвятыя Владычица нашея Богородице») и наружности Христа («Описание же Божественныя Христовы плоти и совершеннаго возраста его»). В них сказывается интерес к реальному «портрету». Благодаря всем этим дополнениям Хронограф 1617 года отличается значительно более светским характером, чем

предшествующий ему Хронограф редакции 1512 года. Однако наиболее отчетливо этот светский характер редакции Хронографа 1617 года обнаруживается в его подробном повествовании о событиях русской «Смуты».

Давно уже было отмечено, что рассказ Хронографа 1617 года о событиях русской истории XVI—начала XVII века представляет собой единое и стройное произведение. Это ощущается не только в стилистическом и идейном единстве всего повествования, но прямо подчеркивается автором путем постоянных перекрестных ссылок: «о немже впереди речено будет в Цареградском взятии» или просто — «о немже впереди речено будет», «о немже писах в царстве блаженныя памяти Феодора Ивановича», «о немже писах и преже» и т. п.

Необходимо при этом отметить, что и само это произведение, как и вся композиция Хронографа 1617 года, идет по пути той же секуляризации исторической литературы. В нем нет ссылок на Священное Писание, нет религиозного объяснения событий. Автор не приписывает Смуту наказанию Божию за грехи всех русских людей, как это еще делают некоторые другие сочинители исторических произведений первой половины XVII века. Этот светский дух пронизывает собою и всю систему характеристик деятелей русской истории. Перед нами в Хронографе 1617 года действительно «система» характеристик, теоретически изложенная в кратких, но чрезвычайно значительных сентенциях и практически примененная в изображении действующих лиц «Смуты». Эта «система» противостоит средневековой, она подвергает сомнению основные принципы агиографического стиля. В ней нет резкого противопоставления добрых и злых, грешных и безгрешных, нет строгого осуждения грешников, нет «абсолютизации» человека, столь свойственной идеалистической системе мировоззрения средневековья.

В предшествующие века человек, особенно в житийной литературе, выступает по преимуществу либо совершенно добрым, либо совершенно злым. Правда, в литературе исторической эта идеализация и абсолютизирование нарушались сплошь и рядом, но эти нарушения были бессознательными, они не входили в художественный замысел автора, они происходили под влиянием воздействия самой действительности, дававшей материал для изображения человека, или под влиянием тех литературных образцов, которые писателю служили. Противоречивые черты могут быть замечены в изображении Дракулы в «Повести о Мутьянском воеводе Дракуле» (он справедлив и одновременно извращенно жесток), в изображении отдельных летописных героев и т. д. В «Повести о Дракуле» — последний «дьявол», но поскольку и в богословских представлениях того времени на дьявола возлагается «обязанность» возмездия за грехи людей, — он одновременно и справедлив: наказывает преступников тем, чем они провинились. Однако противоречивость характера исторического деятеля никогда еще не отмечалась в письменности особо. Она не осознавалась, не декларировалась авторами, хотя невольно уже и изображалась. Никогда исторические писатели сознательно не ставили себе целью описать эту противоречивость. Она слагалась как бы стихийно, слагалась в сознании читателя, а не в намерениях и тем более не в декларациях авторов.

Только в начале XVII века исторические писатели впервые открыто заговорили о противоречивости человеческого характера. Особенно ярко это опять-таки сказалось в Хронографе 1617 года. Человеческий характер объявляется автором Хронографа 1617 года сотканным из противоречий, сложным, в известной мере «относительным», соотнесенным со средой, условиями жизни, особенностями

биографического порядка. «Не бывает же убо никто от земнородных безпорочен в житии своем», — объявляет автор Хронографа. «Но убо да никтоже похвалится чист быти от сети неприязньственаго злокозньствия врага», — повторяет он. «Во всех земнородных ум человечь погрешителен есть и от добраго нрава злыми совратен»; иначе говоря, — каждый человек в той или иной степени «совращен» от «добраго нрава», данного ему при рождении. Нет, следовательно, во-первых, людей только злых или только добродетельных, и, во-вторых, человеческий характер создается жизнью. Живой пример такого «совращения» доброго нрава на злой — Иван Грозный. Первоначально Грозный — образец доброго, мудрого и мужественного царя: «Он же убо имый разум благо-обычен, и бысть бе в мужестве, умен, еще же и во бранех на супротивныя искусен, велик бе в мужестве, и умеа на рати копием потрясати, воиничен бо бе и ратник непобедим, храбросерд же и хитр конник». Но стоило умереть Анастасии Романовой, поддерживавшей в Грозном его «добрый» от природы нрав, как характер его резко меняется, — от старого не остается и следа. Перед нами другой человек, с диаметрально противоположным характером: «Блаженная же и предобрая супруга его не во многих летех ко Господу отиде, и потом аки чюжая буря велия припаде к тишине благосердия его, и не вем, како превратися многомудренный его ум на нрав яр и нача сокрушати от сродства своего многих, такоже и от велмож синклитства своего».

Если в этой характеристике Грозного автор Хронографа 1617 года еще зависит от Курбского и, следуя за этим последним, распределяет добродетели и злодейства Грозного во времени, относя первые к первой половине царствования, а вторые ко второй, то во всех последующих характеристиках автор Хронографа 1617 года уже не прибегает к такому механическому разделению свойств характера во времени. Он совмещает их одновременно в одном и том же человеке, впервые в истории русской исторической мысли сознательно создавая жизненно-противоречивые характеристики исторических лиц, создавая образы, полные «шекспировских» противоречий, драматизируя историю душевной борьбы, внося в них коллизии, борьбу и творя характеры, которые впоследствии действительно привлекли внимание историографов и драматургов.

Сознательной противоречивостью исполнена характеристика Бориса Годунова; противоположные качества его натуры как бы нарочно сопоставлены, сближены в одной и той же фразе с тем, чтобы подчеркнуть противоречие: Борис «аще и зело прорассудительное к народом мудроправльство показа, но обаче убо и царстей чести зависть излия». Подробная характеристика Бориса, с которой начинается повествование о его царствовании в Хронографе 1617 года, вся построена на этом совмещении положительных и отрицательных качеств его характера: «Сей убо государь царь и великий князь Борисъ Федоровичь во свое царство в Русийскомъ государствѣ градов и манастырей и прочихъ достохвалныхъ вещей много устроивъ, ко мздоиманию же зело бысть ненавистенъ, разбойства и татьбы и всякаго корчемства много покусився, еже бы во свое царство таковое неблагоугодное дьло изкоренити, но не возможе отнюдъ. Во бранех же неизкусенъ бысть: время бо тому не настояше. Оруженосию же не зело изященъ <...>. Но убо да никтоже похвалится чистъ быти от сѣти неприятелственаго злокозньствия врага», — заключает автор характеристики Бориса.

Из тех же противоречивых черт соткана и характеристика патриарха Гермогена. Признавая, что Гермоген был «словесен мужъ и хитрорьчивъ», составитель Хронографа 1617 года тут же добавляет: «но не сладкогласенъ», и дальше: «а нравомъ грубъ и къ бывающим в запрещенияхъ косенъ к разрѣшениямъ. Ко злымъ

же и благимъ не быстроразпрозрителенъ, но ко лстивымъ паче и лукавымъ прилежа и слуховѣрствователенъ бысть».

Из противоположных качеств соткана в Хронографе и характеристика Ивана Заруцкого: «Не храбръ и сердцем лютъ, но нравомъ лукавъ». Достаточно сложна характеристика Козмы Минина: «аще и неискусенъ стремлениемъ, но смѣлъ дерзновениемъ» и т. д.

Вслед за автором Хронографа 1617 года эту противоречивость, контрастность человеческого характера подчеркивают и другие авторы исторических сочинений первой половины XVII века. Прямолинейность прежних летописных характеристик по немногим рубрикам (либо законченный злодей, либо герой добродетели) исчезает в произведениях начала XVII века. Прямолинейность предшествующих характеристик отброшена — и с какою решительностью! Вслед за Хронографом 1617 года наиболее резко сказывается новый тип характеристик во «Временнике» Ивана Тимофеева. Характеристика Грозного составлена Иваном Тимофеевым из риторической похвалы ему и самого страстного осуждения его «пламенного гнева». Все люди причастны греху: «...сице и сему (то есть Грозному), осрамившуся грехом, емуже причастни вси».

Тимофеев дает разностороннюю и очень сложную характеристику Борису Годунову и утверждает, что должен говорить и о злых, и о добрых его делах: «И яже злоба о Борисе извещана бъ, должно есть и благодеяний его к мирови не утаити». Тимофеев как бы считает себя обязанным писать о добродетелях Годунова, поскольку он пишет и о его «злотворных»: «Елика убо злотворная его подробну написати подщахомся, сице и добротворивая о нем исповъдати не обленимся». Совмещение скверных и добрых качества в характеристиках Тимофеев считает знаком их беспристрастности: «И да никтоже мя о сих словесы уловит, иже о любославнем разделением: во овых того есмь уничижая, в прочих же, яко похваляя». И в другом месте: «Егда злотворная единако изречена бы, добрая же от инъх сказуема, нами же умолкнута, — яве неправдование обнажилося бы списателево. А иже обоя вправду извъстуема без прилога, всяка уста заградятся», то есть никто не сможет возразить и упрекнуть автора в пристрастии, в односторонности, если он будет отмечать в человеке и злые, и добрые черты. Положительная же или отрицательная характеристика лишь обнажает «неправдование» писателя, его необъективность. Иван Тимофеев не может решить, какая из чаш весов перетянет после смерти Бориса: «В часъ же смерти его никтоже въсть, что внезодолъ и кая страна мърила претягну дълъ его: благая ли злая». Так же как и автор Хронографа 1617 года, Иван Тимофеев не рассматривает злое и доброе начала в характере человека как нечто извечное и неизменное.

Впервые в русской литературе писатели начала XVII века стремятся выяснить причины появления и роста в характере исторического лица тех или иных качеств, рассматривают влияние одного человека на другого. Автор Хронографа 1617 года отмечает, как мы уже говорили, доброе влияние Анастасии Романовой на Грозного, с исчезновением этого влияния, после смерти Анастасии, меняется характер Грозного. Иван Тимофеев как один из факторов добродетели в характере Бориса отмечает доброе влияние на него со стороны царя Федора Ивановича: «Не вем вещи силу сказати, откуду си ему доброе прибысть: от естества ли, ли от произволения, ли за славу мирскую <...>. Мню бо, не мал прилог и от самодержавного вправду Феодора многу благу ему навыкнути, от младых бо ноготь придержася пят его часто».

Впервые, следовательно, в русской литературе применительно к историческим деятелям был поднят вопрос о причинах, вызывающих появление тех или иных черт в человеческом характере. Вневременная и абсолютная сущность человеческого характера, какой она представлялась в средневековье, поколеблена. Автора уже не смущает изменчивость характеров, как не смущают и контрасты в них.

Иван Тимофеев различает в исторических деятелях следующие слагаемые их характеров наряду с «естеством»: «произволение», то есть свободный выбор человека, «за славу мирскую», то есть тщеславие — оглядку на людское мнение, и, наконец, непосредственное влияние других людей — в данном случае царя Федора. Перемена этих слагаемых вызывает изменения в человеческом характере. Также как Грозный у автора Хронографа 1617 года, у Ивана Тимофеева Борис Годунов меняет свой характер под влиянием изменения внешней обстановки. Эта перемена картинно изображена Иваном Тимофеевым: «Сице и Борис, егда в равночестных честен бе и по цари вся добре управляя люди, тогда по всему благ является, во ответех убо обреташеся сладок, кроток, тих, податлив же и любим бываше всем <...>. По получении же того (царского сана. — *Д. Л.)*величеством абие претворся и нестерпим всяко, всем жесток и тяжек обрется; о людех варив (заботясь. — *Д. Л.)* благотворением малем и прельсти державу свою».

Сложная и контрастная характеристика Бориса присутствовала у всех писателей, писавших о «Смуте» после 1617 года. Она сказалась не только во «Временнике» Ивана Тимофеева, но и в «Словесах дней, и царей, и святителей московских» Ивана Хворостинина. У него мы видим то же совмещение в образе Бориса противоречивых качеств: «Аще убо лукав сый нравом и властолюбив, но зело и боголюбив: церкви много возгради и красоту градцкую велелѣпием исполни, лихоимцы укроти, самолюбных погубив, областем странным страшен показася, и в мудрость жития мира сего, яко добрый гигантъ облечеся, приим славу и честь от царей». А затем без всякого перехода: «...и озлоби люди своя, и востави сына на отца и отца на сына, и сотвори вражду в домѣх ихъ, и ненавидние и лесть сотвори в рабѣх, и возведе работныхъ на свободныя, и уничижи господаначалствующих, и соблазни миръ, и введе ненависть, и востави рабы на господей своих, и власти силных отъя, и погуби благородныхъ много, иже нелепо есть днесь простерти слово, да не постигнет нас время, повести дѣюще».

Контрастная характеристика Бориса предложена читателям и в «Повести книги сея от прежних лет»: «Той Борис образом своим и делы множество людей превзошед; никъто бо бе ему от царских синклит подобен во благолепии лица его и в разсуждение ума его; милостив и благочестив, паче же во многом разсуждении доволен, и велеречив зело, и в царствующем граде многое дивное о собе творяще». А затем сразу: «Но токмо единое неисправление имеяше предо всеми людми: во уши его ложное приношаху; радостно тово послушати желаху и оболганых людей без рассуждения напрасно мучителем предавах. И немилостиво мучити повелех. И властелюбив велми бываху. Началноков всего Росийского государства и воевод, вкупе же и всех людей подрученны себе учини, якоже самому царю во всем послушну ему быти и повеленное творити».

Остались чужды этой характеристики Бориса лишь «Иное сказание», хотя и испытавшее влияние Хронографа редакции 1617 года, но в своей начальной части более всего зависящее от «Повести, како восхити неправдою на Москве царский

престол Борис Годунов», и «Сказание» Авраамия Палицына в основной своей редакции, составленное еще до 1617 года.

Таким образом, проблема человеческого характера встала перед историческими писателями первой половины XVII века во всей ее сложности, какая только могла быть доступна в эту эпоху. Самое зло и добро в применении к человеческому характеру оказались относительными. Эту мысль прямо декларирует автор Хронографа 1617 года, поясняя, что от зла может произойти добро, а от добра зло: «Бывает бо по случаю и пелынная лютость врачевания ради недуг в достохвалных словесех приобношается. Такоже и от сеговыя злобы произыде доброта».

Это новое представление о человеческом характере сказывается во всех деталях восприятия исторических лиц. Многие старые средневековые добродетели уже лишены своего положительного значения. Безусловные прежде добродетели оказываются относительными. Добродетели, заложенные в характере исторических лиц, сыгравших отрицательную роль в русской истории, оказываются только вредными. О Дмитрии Самозванце автор Хронографа 1617 года говорит: «...ко книжному прочитанию борзозрителен, но не на благо». Внешность человека уже не соответствует, как раньше, его характеру. Иван Тимофеев так, например, описывает внешность своих современников, легкомысленно предавшихся Самозванцу: «Вместо разума токмо седину едину имуще и брадную власом долгость, юже являху людем и красяхуся тою, яко мудрии». Все большее и большее значение в характеристике исторических лиц приобретают их поведение, их действия. Это отчетливо видно в тех случаях, когда сравнение, образ, применяемый к человеку, имеет в виду его действия, но не его внутреннюю сущность, которая, как мы видели, в известной мере признавалась непознаваемой. Автор Хронографа 1617 года вряд ли считает патриарха Гермогена похожим на птицу: когда пишет, что его «аки птища в заклете гладом умориша».

Вследствие этой манеры применять к историческим лицам различные образные сравнения по их функции, по их действию, а не по их сущности, авторы прибегают к таким сравнениям людей, которые, казалось бы, совершенно не шли к ним, с точки зрения эстетической системы Нового времени: историческое лицо может быть уподоблено реке, буре, молнии, горе, раю, ограде и т. д.; оно может быть сравниваемо с различными дикими зверями, внешне мало похожими на человека. Автор Хронографа 1617 года сравнивает Бориса Годунова с «морем», с «езером»; Дмитрия Самозванца он называет «злодыхательной бурей». Тушинский вор — «злобъсный и кроволокателный песъ, или человъкоядный звърь, иже лукавое око отверзе и злое рыкание изпусти». Федор Иванович, говорит автор Хронографа 1617 года, «ограда бысть многихъ благъ, яже водами Божиими напояема, или рай одушевленъ, иже храня благодатная садовия». Его же он называет «свеща страны Руския». Все эти несовместимые с нашим эстетическим сознанием сравнения объясняются тем, что человек подвергается характеристике по «функции», по своим «делам». Об этом прямо однажды и заявляет автор Хронографа 1617 года, характеризуя Тушинского вора: «...се другое зло прииде, другий зверь подобен первому явился не образом, но делы».

Внешне этот способ характеристики человека еще очень близок к средневековой системе, к системе Хронографа 1512 года — образы старые, но функция их в значительной мере новая, поскольку новым оказывается самое видение человеческого характера, восприятие человеческой личности, ее оценка. И то, и

другое, и третье оказываются бесконечно более сложными, чем в предшествующий период, и вместе с тем более реальными, более близкими действительности.

Замечательно, что характеры исторических лиц показаны в произведениях о «Смуте» неизолированно. Они раскрываются в связи со слухами о них, в связи с народной молвой. В древнерусских летописях редко встречается передача разных точек зрения на события, не согласных с авторской, характеристик неавторских. Между тем авторы исторических произведений о «Смуте» постоянно ссылаются на различные слухи, разговоры, толки, отчетливо осознавая значение «общественного мнения». Автор Хронографа 1617 года ссылается на разговоры о ссылке Нагих в Углич, об убийстве Борисом царевича Дмитрия, о поставлении Филарета Никитича и т. д. Характеры исторических лиц показаны на фоне народных толков о них. Вот как характеризуется, например, Самозванец: «...глаголаше же о немъ мнози, яко по всему уподобитися ему нравомъ и дѣлы скверному законопреступнику, нечестивому мучителю царю Иулиану». Передается и мнение народа о сыне Бориса — Федоре Борисовиче: «...о нем же мнози от народа тайно в сердцах своих возрыдаша за непорочное его житие».

Автор Хронографа 1617 года не стесняется приводить мнения, резко расходящиеся с его собственным. Он собирает все «за» и «против», подвергая их строгому разбору. Так, например, в Хронографе полностью переданы слова сторонников Тушинского вора о Василии Шуйском, которого автор Хронографа 1617 года в общем идеализирует. Эти «крамольницы» и «мятежницы» так отзывались о Шуйском: «...а нынѣ его ради кровь проливается многая, потому что онъ человѣк глупъ и нечестивъ, пияница и блудник и всячествованиемъ неизтовенъ, царствования недостоинъ». В противовес этому мнению приводится и другое: «Сия же слышавше, и мнози от народа <...> рекоша к ним: “Государь нашъ, царь и великий князь Василей Ивановичь, сѣлъ на Московъское государьство не силно, выбрали его быти царем болшие боляре и вы, дворяня, и всѣ служивые люди, а пияньства и всякаго неизтовъства мы в немъ не вѣдаем. А коли бы таковому совѣту быти, ино бы тутъ были и болшие боляре, да и всяких чиновъ люди”».

То же восприятие характера исторического лица через народную молву, слухи, иногда сплетни опять-таки встречается и во «Временнике» Ивана Тимофеева, и в «Словесех дней» Ивана Хворостинина. У Тимофеева окружена народной молвой смерть Грозного: «Глаголаху же нецыи, яко прежде времени той, яростнаго ради зельства, от своих раб подъя угашение своея жизни, якоже и чадом его по нем они сотвориша тожде. Смерти же его во странах языческих, яко о празднице светле, много сотворися радость и весело восплескаша руками». У Хворостинина в связи с народными толками дана характеристика Гермогена: «...якоже слышахом, стери глаголюще, яко соблазн и смущение патриарх той сотворил есть и возведе люди своя братися на враги, владуща нами...»

Итак, характеры исторических героев не неизменны, они могут изменяться под влиянием других людей или с переменой обстоятельств. В них могут совмещаться и дурные, и хорошие качества. Человек по природе своей ни совершенно добр, ни совершенно зол. Беспорочных людей нет. Противоречивость, контрастность авторских характеристик исторических лиц служат как бы удостоверением объективности их изображения, так как только таким и может быть человек в представлениях первой половины XVII века. Характер человека преломляется в толках о нем. Историческое лицо оценивается в исторической перспективе, в его

«социальной функции».

В чем же исторические корни новых воззрений на человеческую личность, нашедших себе место в литературных произведениях начала XVII века? Новое отношение к человеческому характеру отразило общее накопление общественного опыта и отход от теологической точки зрения на человека, начавшийся в XVI веке и усиленно развивавшийся в XVII веке. Период крестьянской войны и польско-шведской интервенции способствовал огромному накоплению опыта социальной борьбы во всех классах общества. Именно в это время вытесняется из политической практики, хотя еще и остается в сфере официальных деклараций, теологическая точка зрения на человеческую историю, на государственную власть и на самого человека.

Обратимся к некоторым фактам, чтобы представить себе конкретно влияние нового социального опыта на литературу. Мы видели выше, что обсуждению в литературе подвергались в первую очередь характеры монархов. Это далеко не случайно. Здесь сказалась новая практика поставления на царство «всею землею». Если в XVI веке Грозный в своих посланиях к Курбскому отрицал право подданных судить о действиях своего государя, утверждал богоизбранность монаршей власти, а в посланиях к Стефану Баторию насмешливо отзывался о его поставлении по «многомятежному человеческому хотению», то вскоре после его смерти это положение резко изменилось: в 1598 году состоялись первые выборы русского государя «всею землею». Теологическая точка зрения на происхождение царской власти и идея неподсудности монарха человеческому суду впервые возбудили очень серьезные сомнения.

Утвержденная грамота Бориса Годунова 1598 года хотя внешне и опирается на идею Божественного происхождения царской власти, но практически объясняет необходимость власти государя чисто «земскими» причинами. Государь необходим для благосостояния своих подданных, и об этом выразительным жестом заявил сам Годунов во время своего венчания на царство: он взял за ворот свою рубашку и потряс ею, обещая и эту последнюю в случае нужды разделить со всеми для блага своих подданных.

Предвыборные страсти несомненно разжигали споры о достоинствах того или иного претендента на престол. Характер будущего монарха подвергался обсуждению в боярской думе, на соборе, среди ратников, в толпе народа у стен Новодевичьего монастыря, где народ, подгоняемый приставами, «молил» Годунова на царство. Уже упомянутая нами Утвержденная грамота 1598 года одним из доводов в пользу избрания Годунова на царство выдвигала личные черты его характера: его государственную мудрость, его добродетели и его заботу о «воинском чине».

Черты нового отношения к власти царя мы можем найти и в крестоцеловальной записи Василия Шуйского, и в грамотах патриарха Гермогена, и в июньском приговоре 1611 года, и в Утвержденной грамоте 1613 года, и т. д.

Крестьянская война постепенно вытравливала из народного сознания старое отношение к монарху как к наследственному, богоизбранному и человеческому суду не подсудному главе государства. Человеческий суд совершился и над Годуновым, и над Василием Шуйским, и над многими самозванцами. Этот суд был сперва судом народного мнения, а затем и судом действия. Характеры монархов обсуждались людьми «юнними», «малыми», «простыми» не в меньшей, может

быть, степени, чем в среде боярства и дворянства.

Вслед за монархами обсуждение личных достоинств коснулось и всех руководителей ратного и «земского» дела. Июньский приговор 1611 года отчетливо отразил мысль о том, что начальниками должны быть люди способные, а не только бояре и княжата. История выдвинула тому конкретный образец — «говядаря» (торговца «говядами» — рогатым скотом) Кузьму Минина. Черты человеческого характера стали, следовательно, предметами всеобщего обсуждения. Вопрос о них в отдельных случаях приобретал государственное значение. Вот почему и в литературе так часто начало упоминаться народное мнение. Меньше всего в этом новом критерии для избрания «всенародным единством» монарха или военного руководителя было заинтересовано боярство. Поэтому-то характеру русских правителей относительно мало уделяют места боярские писатели начала XVII века: Авраамий Палицын, Катырев-Ростовский и некоторые другие. К ним, напротив, весьма внимательны писатели — обличители бояр: дьяк Тимофеев, автор Хронографа 1617 года и некоторые другие.

Итак, с начала XVII века перед историческими писателями встала особая задача — замечать и описывать сложность человеческого характера. Эта задача была выдвинута перед литературой самой политической жизнью, и вместе с тем она ответила внутренним потребностям развития самой литературы. Еще многое в литературе XVII века в приемах составления характеристик исторических лиц восходит к житийной литературе, к Хронографу, но многое уже видится по-иному. Форма еще остается старой, но глаз уже воспринимает острее и наблюдательнее прежнего. Но самое замечательное в литературе начала XVII века — это сознательность введения новых принципов характеристик исторических лиц. Авторы XVII века не только по-новому описывают характер исторических лиц, но высказывают принципиальные суждения о том, каким он им представляется. Недалеко то время, когда и самые приемы изображения человеческого характера изменятся, улягутся в новую литературную систему.

Изменение в отношении авторов XVI—XVII веков к человеческому характеру может быть изображено в такой последовательности: первоначально растет интерес к психологии исторических личностей, и рост этот отмечен чисто количественным увеличением числа и объема характеристик в произведениях XVI века; затем авторы исторических произведений начала XVII века научаются по-новому изображать характер исторических лиц, замечают в нем многое такое, что не было доступно их предшественникам, и одновременно начинают высказывать новые суждения о человеческих характерах, осознавая их сложность. Каждый новый этап в этом «обнаружении» характера непосредственно вызывался исторической действительностью. Новое отношение к человеческому характеру не было только явлением узколитературным. Оно позволило по-новому взглянуть на современность, на трагические события, свидетелями которых были писатели, и явилось новым этапом в развитии патриотического сознания.

Д. С. Лихачев

Повесть о явлении и чудесах Казанской иконы Богородицы

Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Панченко

ВСТУПЛЕНИЕ

Казанская икона Богородицы является одной из наиболее почитаемых святынь русского народа. Она была явлена в Казани в 1579 г. в царствование Ивана Грозного, спустя четверть века после покорения им Казанского царства. Свидетелем обретения чудотворной иконы был будущий митрополит Казанский, а впоследствии — патриарх Московский и всея Руси Гермоген, в то время служивший священником одной из казанских церквей. Его перу и принадлежит «Повесть о явлении и чудесах Казанской иконы Богородицы».

Повесть была написана Гермогеном в 1594 г. (через пятнадцать лет после обретения чудотворной иконы), в первые годы его архиерейского служения во главе Казанской митрополии. Эти годы были отмечены активной деятельностью митрополита Гермогена по укреплению в православии новокрещенных татар, живших в окружении недружелюбно настроенных к ним соплеменников. Для достижения этой цели особое значение имело установление почитания местных святынь и прославление местных святых. В 1591 г. митрополит Гермоген перенес из Москвы в Свияжск святые мощи Казанского архиепископа Германа. В 1592 г., по благословению патриарха Иова, установил ежегодное поминовение всех воинов, погибших в Казанской земле за Христа. В том же году им было установлено празднование памяти первых казанских мучеников — Иоанна, Стефана и Петра. В 1595 г. Гермоген обрел нетленные мощи святителей Казанских Гурия и Варсонофия (и некоторое время спустя написал их жития).

В 1594 г., во вторую неделю по Пасхе, митрополит Гермоген заложил в Казанском девичьем монастыре каменную церковь, посвященную Казанской иконе Богородицы, и вскоре после этого написал «Повесть о явлении и чудесах Казанской иконы».

Эта «Повесть» не является, однако, творением одного только Гермогена. Как установил немецкий исследователь А. Эббингхауз, у Гермогена был предшественник, написавший «Слово о явлении святыя иконы Пречистыя Богородицы честнаго ея Одигитрия, иже есть в Казани», представляющее собой старшую редакцию «Повести о явлении Казанской иконы» (См.: Andreas Ebbinghaus. Die altrussischen Marienikonen-Legenden. Berlin. 1990. 5. 209—219).

Сочинение предшественника Гермогена было написано в жанре «похвального слова» — с пространным вступлением и панегириком в заключении. В повествовательной части этого «Слова» рассказывалось о пожаре в Казани, о видениях юной Матроне Онучиной и об обретении ею чудотворной иконы, а также о чудесах, совершавшихся от новоявленной иконы (всего было описано 14 чудес). Вступление же и заключение «Слова» почти полностью были заимствованы из торжественных слов отцов Церкви на богородичные праздники

(на Зачатие Богородицы, Покров и Введение во храм).

Работа митрополита Гермогена над «Повестью о явлении Казанской иконы» была связана прежде всего с редактированием сочинения его предшественника. Внося исправления в текст «Слова», Гермоген сократил риторическое вступление и заключение и значительно распространил повествовательную часть. В результате внесенных им исправлений изменилась и жанровая природа произведения: «похвальное слово» стало «повестью».

При этом митрополит Гермоген существенно изменил текст своего предшественника: он дополнил новыми подробностями рассказ о явлении иконы и о ее первых чудесах, исключил два «чуда» предшествующей редакции (№ 12 и 14), а два другие объединил в одно (№ 6 и 8); к записанным ранее чудесам добавил пять новых (№ 12—16). В заключении «Повести» он упомянул о своем поставлении в митрополиты и сообщил о создании каменного храма в честь чудотворной иконы Богородицы в Казанском девичьем монастыре.

Отличительной чертой редакции Гермогена стало появление в ней образа «повествователя» — живого свидетеля и участника описываемых событий, придавшее его рассказу неповторимое обаяние достоверности. Повествование ведется Гермогеном от первого лица; рассказ его автобиографичен, изобилует яркими подробностями и запоминающимися деталями (обретенная икона оказывается завернутой в рукав однорядки вишневого цвета; лик Богоматери сияет свежими красками, как будто бы внове написанный; люди, желая прикоснуться к иконе, пробираются к ней по головам других). Тональность, с которой повествователь рассказывает об обретении иконы, исполнена радости и благоговения. Питаемый памятью собственных духовных впечатлений, он вспоминает о значимом для него событии «со страхом и трепетом и радостью многою».

Автобиографический элемент в «Повести» был настолько силен, что Гермоген, заново редактируя созданный им текст, вынужден был исключить из него целый эпизод автобиографического характера (приводим его в русском переводе): «Я же тогда служил в чине священника у святого Николы, именуемого Гостиным; и сколь ни был каменносердечен, но все же прослезился и припал к образу Богородицы и к превечному Младенцу Спасителю Христу и к самой чудотворной иконе, а потом поклонился архиепископу и испросил его благословения: да повелит мне взять пречудную икону Богородицы. Архиепископ же благословил меня и повелел мне взять икону» (приведенный текст все же сохранился в авторской рукописи, в которой Гермоген обвел его сплошной чертой и сделал на поле приписку для переписчика: «Не пиши то, что въ чертѣ»).

Авторский список «Повести о явлении и чудесах Казанской иконы Богородицы» находится в Отделе рукописей Государственного исторического музея *(ГИМ,* Синодальное собр., № 982). Над созданием этого списка трудилось несколько писцов, одним из которых был сам митрополит Гермоген. В рукописи сохранились многочисленные исправления и дополнения в тексте и на полях, сделанные рукой митрополита Гермогена. На нижнем поле начальных листов рукописи читается следующая запись (частично обрезанная), сделанная почерком, современным другим почеркам рукописи: «...привезены к Москвѣ из Казани, а писмо в них рука святѣишаго Ермогена патриарха Московскаго и всеа Русии, а писал те тетрати в Казани Ермоген митрополит тогда, как сия святыя

чудеса складывал, и писал своею рукою» *(ГИМ,* Синодальное собр., №982, л. 3—10).

Текст печатается по списку Синодального собрания *ГИМ,* № 982, факсимильно воспроизведенному в изд.: Рукопись святейшего патриарха Гермогена. Издание Московской Церковной Комиссии по устройству чествования исторических событий 1612, 1613 и 1812 годов. М., 1912. 69 с.

ОРИГИНАЛ

МѢСЯЦА ИЮЛЯ ВЪ 8 ДЕНЬ. ПОВЕСТЬ И ЧЮДЕСА ПРЕЧИСТЫЕ БОГОРОДИЦЫ, ЧЕСТНАГО И СЛАВНАГО ЕЯ ЯВЛЕНИЯ ОБРАЗА, ИЖЕ ВЪ КАЗАНИ. СПИСАНО СМИРЕННЫМЪ ЕРМОГЕНОМЪ,[1] МИТРОПОЛИТОМ КАЗАНЬСКИМЪ[2]

Благослови, отче.[3]

Аще убо и предивно чюдо содѣяся в роде нашемъ милостивнымъ посѣтом Творца благому всему Господа нашего и Бога Исуса Христа и рождьшей его Пресвятыя и Преблагословеныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвыя Мария пречюдною и чюдотворною иконою в преславном градѣ Казани, но како возмогу, недостоин сый и недостойне устнѣ имъя, провѣщати таковая?

Но обаче, надѣяся на неизреченныя щедроты Сына Божия и того рождьшия молитвы, вселенныя учителя глаголъ восприиму: «Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Исуса Христа, Отецъ щедротам и Богъ всякия утѣхи, оутѣшаяй насъ от всякой скорби нашей и благословивый нас благословением духовным».[4]

Преже убо праведный гнѣв свой, безакония ради нашего, вмале испусти на нас,[5] оцыщая многия грѣхи наша: и въ мало дней оскорбихомся. Потом же, благодати ради Божия, скорбная забыхом, неизреченнаго ради человѣколюбия Божия на нас, и радости несказанней сподобихомся, явления ради иконы Божия Матери и тоя Превѣчнаго Младенца Господа нашего Исуса Христа.

Повсюду убо протекоша, яко гром, во вся конца росийския земля Божие к нам милостивное посѣщение — Богородицыны иконы явление и неизреченные чюдеса, ихже подает неоскуднѣ с вѣрою приходящим.

Мнѣ же, недостойному, самовидцу бывшу, како или коими чюдесными благотворении яви Богъ и Богородица от земных нѣдръ чюдотворный свой образ (якоже преди простретися слово хощет); писанию ж предати замедлившу — или от недостатка разума, или от нерадѣния и душегубителные лѣности, ово же и страха ради недостоинства: пленицами бо моих грѣхов стягнут есмъ и таковым преславнымъ вещем не лѣпо ми бѣ коснутися, но развѣ точию безакония моя

знати и просити отпущения безчисленым моим согрѣшением.

Но понеже желание привлачит мя и страх глаголати нудит мя, грѣси же мои, яко бремя тяжко, отяготѣша на мнѣ,[6] и что убо сотворю? Дерзну ли к начинанию? Что убо: реку ли или запрещу себѣ окаянства ради моего? или паки внимаю восходящая на сердце мое — блаженьством о Всепѣтей и Богоприятней Богородицы и Приснодѣвѣй Марии?

Но ты сама содѣйствуй ми, о Преблагословенная, Заступнице Усердная, Мати Бога Вышняго, яко да воля иже ис тебе рождьшагося Христа Бога нашего будет: да ми, недостойному, помрачивыйся умъ мой, тобою, о Всенепорочная, просвѣтится! Ты бо за всѣхъ молиши Сына своего, Христа Бога нашего, и пишущу ми содѣйствуй, всѣм бо твориши спастися, в державный ти покров прибѣгающим!

Множицею бо воспомянух, нѣкогда же и слезы испустих, вѣдый мое недостоинство, но обаче и се ми во ум прииде, яко неправедно есть Божиих тайн и неизреченных к нам и многомилостивных дарованиих в забвения глубине погружати, имже многим источником целебным и самовидец бых; и елико видѣхи слышах о пречюдней ти иконе, подай ми, о Всепѣтая, глаголати и писати, и всѣх нас заступи, Госпожа Царице!

Аще по достоянию и нѣсмь достоин похвалы тебѣ принести малы нѣкия от великихъ, но обаче сподоби мя, о Владычице, от твоих неизреченных на нас благодѣяних хвалу тобѣ принести, и якоже сподобила мя еси, о Всеблаженая, недостойнаго и грѣшнаго, скверными моими руками преже всѣх священных прикоснутися пречистому твоему образу и чюдотворнай иконе и Сына твоего Христа Бога нашего! Аще бо и вси достойни, но аз недостоин сый; но обаче влеком жадая, да поне прикоснуся пречистому твоему и чюдотворному образу, Владычице, и превѣчнаго ти младенца Спаса Христа!

Нынѣ же паки, что реку или что возглаглю великоименитей Дѣвѣй, паче же рещи многоименитей, пророки прореченнѣй?[7] Пять убо к десятим лѣтом преидоша явлению чюдотворныя Богородицыны иконы, чюдесная же исцеления безпрестани неоскудно бывают, и вся страсти душевныя и недуги телесныя немедлено от человѣкь отгоними бывают. Сие паки призывает мя к торжеству и глаголати понужает, и яко подобает ми и писанию сия предать, да не буду осужен, якоже и скрывый талантъ господина своего.[8]

Понеже убо человѣческий род обыче и святых памяти духовные с похвалами празновати, а иже Пресвятѣй и Преславней Царице — царски празники празновати, Пречистыя Богородицы и Приснодѣвы Мария! Сию попремногу паче онѣх любовию почитати должни есмы, та бо есть божественый покров рабом своим, и притецати к тихому сему и доброму пристанищу, скорой помощнице, готовому и теплому спасению — покрову Дѣвыя; и яко вышшей и паче всѣх тварей вышшую похвалу принести, яко Царице и Владычице, Царя и Владыку всѣх рождьшую!

Тоя бо ради праматерняя клятва потребися и Адам от вѣчных уз свободися, и Богъ к нам примирися! Тогда бо Ияковля лѣствица утвердися, Богу хотящу по ней снити[9] и человѣком путь сотворити къ небесным, и человѣцы со аггелы во едино быша. Не ктому, якоже тогда, со Ияковом древле борется,[10] ибо Творец Ияковль на землю сниде, погибшую драхму взыскати хотя[11] и Отцу принести. Тѣмже пророцы тогда возрадошася, своему пророчеству збытие зряще! Тогда убо Давидъ, видѣв от сѣмени его правнуку родившуся,[12] брящая в гусли,[13] играя духом, глаголя: «Слыши, дщи, и виждь, и приклони ухо твое!»[14] Тѣмже тогда не токмо пророцы, но и превышняя и земная тварь съпразноваше.

Нынѣ же паки приспѣ новый празник честный Владычицы нашея Богородицы — честнаго ея образа иконы Одигитрия,[15] крѣпкия помощница, да познают вси, яко не токмо, егда в мире бяше, ходатайственое къ своему Творцу и Сыну показоваше, но и паче и по преславном своем преставлении от земных в небесная непрестанно милостивно нас присѣщая![16]

Тѣмже, оставльше начало словеси, на совершение ведемся шествующе; да коснемся иже о сих бесѣде, елико подастъ Святый Духъ, преже похваливше ваше усердие теплое. Толико бо к Церкви ваше тщание, паче же к чюдотворней Богородицынай иконе вѣра и моление, елико чадом к матери, елико жаждущему ко источнику, елико кораблю къ пристанищу. Толико и нас веселит преспѣяние ваше, яко ѕѕуѣ явити нам о семъ.

Грѣх ради наших Богъ наказуя нас и наводя на нас милостивнѣ праведный гнѣвъ свой, овогда гладом, овогда нашествием иноплеменных, иногда мором и межусобными бранми, овогда пожаром и прочими напастьми жития, и беды и тесноты, и недуги люты наводя на нас, — понужает же паче ленивыя и жестокия на благая и подобная и спасеныя пути. Се убо реченное пророком Давидом къ Господу: «Броздами и уздою челюсти их востягнеши, не приближающимся к Тебѣ многи раны».[17] И во ином псалмѣ глаголетъ: «Аще оставят законъ Мой и в судбах Моих не пойдут, аще оправдания Моя осквернят и заповѣди Моя не сохранят, посѣщу жезлом безакония их, и ранами неправды их, милость же Мою не разорю от них».[18] Апостолъ: «Егоже любит Господь, того и наказует, бьет бо всякого сына, егоже приемлет. Аще без наказания, преблудодѣйчища есте, а не сынове».[19]

Понеже зловодими есме человѣцы и неудобно шествие имамы к добродѣтели и мало о спасении душь наших печемся, попущает Владыка наш Господь напастми и бѣдами, и скорбми и недуги лютыми, даже к нему обращаемся и о нашем спасении всеобразно печемся. Сия нам содѣяшася праведным судом Божиим; бысть же сице.

В лѣто 7087 при державѣ благочестиваго и христолюбиваго, благовѣрнаго государя царя и великого князя Ивана Васильевича[20] всея Руси самодержца, и при его благородных царевичех — князе Иване Ивановиче[21] и князе Феодоре Ивановиче[22] (нынѣ же Божиею благодатию государь царь и самодержец всея

Руси), и при святѣйшем митрополите Антонии[23] Московском и всея Руси, и при архиепископе Казанском Иеремѣе,[24] мѣсяца июня 23 дня, на память святыя мученицы Агрипѣны, бысть пожар в новопросвѣщенном граде Казани, по взятии града в двадесят шестое лѣто,[25] якоже достовѣрнейши сами видѣхом. Загорѣся в полуденное время близ церкви святаго Николы, иже зовется Тульский,[26] во дворѣ нѣкоего воина царева Данила Онучина. И мала нѣкая часть посаду остася, и половина града к соборней церкви и двор архиепископль остася. Болшая же часть посада и торги всѣ, и во граде обитель боголѣпнаго Преображения Спасова,[27] и двор великого князя — увы, вся огнь-всеядец пояде и пожже и без вѣсти сотвори.

Людие же христолюбивии, вѣрою не отпадше, но познаша своя согрѣшения, на покаяние обратишася, и начаша созидати церкви Божия и своя домы. И, Божиею милостию, мѣсто убо иноязычно и новопросвѣщено просвѣщашеся святыми церквами и божествеными учении.

Языцы же невѣрнии мнози бяху во граде, и вѣры многи. И бысть им в притчю и в поругание истинная православная вѣра; источника же целебнаго не бѣ тогда во граде. Иноязычнии же, невѣрием одержими в сердцых своих, уничижаху нас, не вѣдяще Божия милости и силы, видѣша бо, окаянии, Божие милосердие к нам — еже с милостию наказание, еже милуяй нас наказуя, яко отецъ чадолюбив, за наша согрѣшения, оцыщая грѣхи наша.

Человѣколюбец же Богъ, видя терпѣние людей своих и вѣру их, и поругание и поношение окрестъ живущих иновѣрных, и не терпя поношения и похуления на святыя иконы, и да не рекуть языцы: «Гдѣ есть Богъ их,[28] в негоже вѣруют?», — да заградятся уста, иже глаголютъ неправду;[29] и дабы убо исчезло и не помянулось жидовское и безсерменское суровство и тщегласное хуление их, и дабы искоренилось злоплевельное еретическое учение, и утвердилась бы и просвѣтилась православная вѣра истинная християнская, греческаго закона, правым учением Господа нашего Исуса Христа, и святыхъ его ученик, и апостолъ, и богоносных отецъ и всѣх святых, утвердивших православную вѣру Христову и научивших вѣровати «во Отца и Сына и Святаго Духа»[30] — Нераздѣлимую Троицу, предстательствомъ убо и молением Заступницы нашея, Царицы Владычицы Богородицы и Приснодѣвы Мария, еже к Сыну своему и Богу нашему присным предстоянием, — нынѣ же ради благодати Божия в сие в послѣднее время показа нам праведное и всесвѣтлое солнце, и отверзе породу Едема затвореннаго,[31] и яви от земли пресвѣтлую икону, источник неизчерпаемый, своим человѣколюбным смотрением в земли сокрыему чюдотворную икону Матери своея, а нашея Царицы, Владычицы Богородицы и Приснодѣвы Мария, честнаго ея Одегитрия, и свой человѣколюбный образ. Отнюду же убо праведный гнѣв свой за наше согрѣшение испусти, оттуду, близ мѣста того яко камени вержением, и благодатию свѣтящую лучю и исцеления источник показа. Яви убо себе Богородицына икона сицевым образом.

Не яви убо образа своего Владычица ни святителю града, ни начальнику властелинску, ниже вельможи или богату, ниже мудру старцу, но яви свое честное сокровище, источник неизсчерпаемый приходящим с вѣрою, чудный свой

образ, нѣкоего мужа от простых, имуща мудрость на войнѣ стрелебную, сего дщи юнна, десяти лѣт суща, именем Матрона, сей бо дѣвицы явися чюдная она и пресвѣтлая икона Богородицына, и после убо пожара в том же лѣте и месяце.

Сице нача являтися дѣвицы оной, ейже имя преди рекохом, икона пресвѣтлая Божия Матери, и веляше ей поити во град и повѣдати про икону Богородицыну, еяже видѣ, архиепископу и воеводам, дабы шед выняли образ Пречистые Богородицы от земленых нѣдръ; и мѣсто повѣда ей, идѣже последи обрѣтоша драгаго бисера честное сокровище, чюдную икону Богородицыну. Дѣвица же убо, юна и несмыслена, бояшеся повѣдати, и абие едва повѣда матери своей, мати же глаголы ея ни во что же вмѣнив. И послѣди же убо в видѣнии не единою являшеся ей пресвѣтлая и чюдная она икона, и веляше ей без сумнѣния сие видѣние повѣдати. Девица же не единою, но и многажды сказоваше матери своей явление чюдные тоя божественыя иконы, веляше ей без сумнѣния повѣдати сие видѣние.

Во един же убо день случися девицы оной, ейже имя выше надписахом, спати в полудне — и внезапу дѣвица обрѣтеся посреди двора своего, в нем же живяше, и абие явися ей чюдная и пресвѣтлая Богородицына икона страшным огненным образом, лучи испущая огнены пресвѣтлы и страшны зѣло, яко мнѣтися ей от пресвѣтлых тѣх луч, сияющих от иконы, сожжене быти. И глас бысть от образа страшенъ, къ дѣвице глаголющь: «Аще убо не повѣси глаголъ моих и не поидеши от земленых нѣдръ выняти образа моего, аз же убо имам во иной улицы явитися, или во ином граде, ты же имаши болѣзнена быти, дондеже и живота злѣ гонзнеши!»

Дѣвица же, от страшнаго сего видѣния зѣло ужасшеся, паде на землю и бысть яко мертва, и лежаше на земли на мног час. И абие возопи велиим гласомъ к матери своей, дабы шед повѣдала архиепископу и правителемъ града того о чюдней и пресвѣтлей иконе Преблагословеныя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвѣй Марии; и повѣда ей вся глаголы реченныя, яже слыша от пресвѣтлыя иконы, и мѣсто указуя.

Мати же ея скоро иде во град к воеводам,[32] и дѣвицу пред ними представи, повеле ей, да сама глаголеть, яже о ней содѣянная.Дѣвица же повѣда им вся глаголы реченныя, яже слыша от причюдныя и великолѣпныя Богородицыны иконы, и мѣсто указуя. Они же убо, невѣрием одержими о пречестней Пречистыя иконе, о ней же девица повѣда, и ни во что же вмѣниша.

Мати же, прослезився, взем дщерь, иде къ архиепископу, тѣ же предиреченныя повѣда глаголы и мѣсто указаное ей сказуя, дабы повелѣл выняти святую Богородицыну икону. Архиепископъ же не внят рѣчем ея и отосла ю бездѣлну. Бѣ же приход ихъ в седмый час дне, обрѣтоша же чюдный он пресвѣтлый образ Богородицынъ в час вторый на десять, по пожаре на том же лѣте, мѣсяца июля в 8 день, на память святаго великомученика Прокопия. Бысть же сице.

Пойде убо жена та к дому своему, повѣдая всѣм людем о чюдней иконе, како

видѣние видѣ дщи ея. Людие же дивящеся о глаголехъ ея и отхождаху, не внимающе речемъ их. Она же, взем заступ и пришед к показанному мѣсту, нача копати много время, и не обрѣте искомаго. Помале же убо начаша и инии копати, и все уже мѣсто воскопаше, ничто же обрѣтше.

Предиреченная же она дѣвица нача копати на мѣстѣ, идѣже пещь бѣ, таже и прочии с нею. И яко выкопаша мало боле двою лактий[33] — оле чюдо! — явися чюдотворная икона Владычицы нашия Богородицы и Приснодѣвы Мария, честнаго ея Одигитрия, купно с Превѣчным Младенцем, Господемъ и Богом нашим Исусомъ Христом! На чюднай же той иконе бѣ рукавъ однорядки[34] сукна вишнева ветхъ.[35] Самый же чюдотворный образ свѣтлостию чюдне сияя, якоже внове вапы начертан. Земному же праху никако же коснувшуся чюдному тому образу, якоже сами видѣхомъ.

Девица же musemъ Пречистые образ со страхом и трепетом и радостию и поставиша на том же мѣсте. Людие же ту сущии возопиша, проповѣдающе немолчными гласы явления божественыя тоя иконы. И вскорѣ стекошася безчисленое множество благочестивых народа, вопиюще со слезами: «Владычице, спаси ны!»

И послаша вѣсть къ архиепископу и к первым града, яко обрѣтоша Богородицынъ святый образ. Архиепископ же повелѣ скоро в колокол звонити и пойде со кресты на мѣсто то со всѣм освященным соборомъ, идѣже обрѣтоша чюдную Пречистые икону, с воевоеды и со множеством народа. И видѣ Пречистые образ, якоже новъ даръ пречюдне свѣтяшеся, и дивися убо зело: такова переводом образа не видѣша нигдѣже;[36] и недоумѣвашеся, страхомъ убо и радостию одержим, невѣрия ради своего, с плачем моляся и милости прося и прощения о согрѣшении.

Сице же и воеводы с плачем просяще милости, еже согрѣшиша к чюдотворному Пречистые образу нерадѣнием и невѣрием. И весь народ града стекашеся на дивное то божественое чюдо, веселящеся со слезами, и радостною душею хвалу Богу и Богородицы о обрѣтении многобогатаго и безцѣннаго сокровища возсылаху.

Мнѣ же тогда в чину поповсте святаго Николы, иже зовется Гостин; каменосердечен же сый, но обаче прослезихся, и припадох к Богородицыну образу, и к чюдотворней иконѣ, и к Превѣчному Младенцу Спасу Христу, и потом поклонихся архиепископу, и благословение испросих, о еже бы повелѣл взяти ми пречюдную Богородицыну икону. Архиепископ же благослови мя и повелѣ взяти ми.[37]

Аз же, аще и недостоинъ сый, но обаче со страхом и радостию прикоснухся чюдотворному тому образу, и взях з древца, иже бѣ поткнено на том мѣсте, идѣже и в земли бѣ святая та и чюдная икона. И по повелѣнию архиепископа, с прочими святыми иконами и честными кресты, идох со иконою въ близсущую ту церковь святаго Николы, иже зовется Тулский.[38] И тамо молебному пѣнию

совершившуся, и паки архиепископъ со всѣм освященным собором, и первии града, и все множество православных народа со женами вкупѣ и детми, вслѣд святыхъ икон во градъ идущи. К новоявленней же чюдотворней иконе безчисленое множество народа рѣяхуся, и другъ друга поревающе; инии же по главам инѣхъ ходяще, к чюдотворному образу тѣмены прикасахуся. Мнѣ же, по повелѣнию архиепископа, народа ради с чюдотворною иконою медлено идущю, но обаче толикое множество народа не соврати мя ни на десно, ни на шуе: несох бо Носящаго всю тварь, и того Рождешей пречюдную и чудотворную икону. И в той час Пречистые Богородицы образ показа чюдо.

Чюдо 1-е

Человѣка просителя, именем Иосифа, не видѣвша очима нимало, яко сам повѣда, три лѣта, — прозрѣти того Владычица сподоби. Враг же, ненавидяй спасения человѣком, забыти тому сотвори вскоре богатого врача, подавшего исцеления, Пречистую Богородицу. Еже бы воздати молитву и благодарения, вмѣсто того на прошение сребра паки устремися, емуже извыче. И вѣрою отпаде, и лѣностию отягчен, не получи до конца спасения, и невѣдѣния ради своего малу стезю зряще.

Народи же, видѣвши чюдо, и болшую вѣру ко образу Пречистыя приложиша. И тако Пречистыя образ, чюдотворную икону, внесоша в соборную церковь Пресвятыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Благовѣщения.[39] И ту в соборной церкви Владычица показа

Чюдо 2-е

Человѣка нѣкоего, именем Никиту, не видѣвша очима нимало свѣта, прозрѣти того Богородица сподоби. Он же убо теплою вѣрою припаде к чюдотворному Ея образу и получи здравие, хваля и славя Бога и Пречистую Богородицу.

И тако, пѣвше молебная пѣния, абие отидоша в домы своя со страхом и трепетом и радостию многою. Наутрие же архиепископъ служив Божественную литоргию; народи же вси, приходяще в соборную церковь к чюдотворному образу и дароношение приносяще: инъ злато, инъ же сребро, и кто что можаше, киждо по силѣ. Пречистая же Богородица нача являти чюдеса своя.

Прежереченную же дѣвицу Матрену с материю ея почтоша архиепископъ же и воеводы и весь народ.

Чюдную же икону списавше, и преславное явление чюдотворныя тоя иконы, и чюдеса бываемыя отъ нея написаша, и послаша в царствующий град на Москву, к самодержавному государю царю и великому князю Ивану Васильевичю, всеа Русии самодержцу, и к сынома его — царевичю князю Ивану Ивановичю и

царевичю князю Федору Ивановичю (нынѣ же, Божиею благодатию, государь царь и великий князь, самодержецъ всеа Русии). И видѣша убо христолюбивии царие чюдную икону Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвѣй Марии и честнаго ея Одегитрия и дивишася зело, яко такова образа переводом нигдѣже не видѣша.

Благовѣрный же царь государь и великий князь и сынове его повелѣша на том мѣсте церковь поставити, идѣже обретеся чюдотворная икона. И монастырь дѣвъ повелѣ устроити, и кѣлии поставити, и ограду монастырю оградити, и милостыню доволну повелѣ дати из своей царские казны священному собору и игуменье, и 40 сестрам урок лѣтний, — еже и бысть. И церковь поставиша во имя святыя Богородицы честнаго ея Одегитрия древяну, и ограду монастырю сотвориша.

Честную же ону и чюдотворную икону Пресвятыя Богородица отнесоша в монастырь с молебным пѣнием, со кресты, архиепискуп и боляре со всѣмъ народом проводиша честно. Предиреченную же дѣвицу Матрену постригоша в том же монастыри, и наречено бысть имя ей Мавра во иноких. Не по мнозе же времени пострижеся и мати тоя дѣвицы.

Поставиша же и другую церковь — теплую, с трапезою, во имя Рожества Пречистыя Богородица. И абие нача являти Богородица чюдеса своя.

Чюдо 3-е

Человѣкъ нѣкто из Свияжскаго града[40] лютѣ болѣзнию одержим бѣ, и приведен бысть к пречистому и чюдотворному образу з женою своею, и молящеся с теплою вѣрою Богородицы — и не отпаде прошения своего: получи здравие, и отыде в дом свой радуяся.

Чюдо 4-е

Нѣкогда убо отроча материю своею принесено в церковь слѣпо очима. Мати же его стояше пред образом Богородицы, с плачем моляшеся о прозрѣнии отрочате. Отроча же внезапу нача рукама осязати по лицу матерь свою. Народи же убо вси моляшеся Пречистыя образу, архиепископъ же стояше на мѣсте своем, зряше на отроча и видѣ сие, яко отроча матерь свою рукама осязаше. И повелѣ принести яблоко красно и показати отрочати. Отроча же и яблоко нача хватати, и вси истину увидѣвше, яко прозрѣ отроча, и славу воздаша Христу Богу и Пречистой его Матери Владычицы нашей Богородицы, творяще дивная чюдеса.

Чюдо 5-е

Нѣкто же сынъ боярский,[41] именем Ивашка, тако нарицаем, прослутием же

Кузминской, у него же бѣ жена болна ногами; не можаше ими нимало двигнути, болѣзнь бо велми одержаше ю, и ничим же себѣ не можаше помощи, но паче труднее бываше. И абие повелѣ себѣ принести к чюдотворному образу Пречистей Богородицы; и молебная отпѣвъ, со многою вѣрою и со слезами моляшеся, милости прося, — и абие получи здравие, и отойде в дом свой радуяся.

Чюдо 6-е

Бысть же убо в веси сына боярскаго Василия Рагозина: нѣкоего поселянина женѣ явися Святая Богородица, и веляше ити ей к Пречистыя образу, иже есть в Казани, и повѣдати мужу своему, дабы шед молился чюдотворному образу. Она же не внят рѣчемъ Ея и мужу не сказа. Явижеся убо и второе сама Владычице: и абие нѣкая Божественая сила взя руку ея и удари ю по лицу ея, и бысть рука ея суха. Жена же прииде во град и повѣда все по ряду архиепископу случшаяся ей. И прииде к чюдотворному образу — и получи здравие, и абие «утвердися рука ея, якоже и другая»,[42] и отиде в дом свой радуяся.

Чюдо 7-е

Человѣкъ нѣкто во градѣ Казани, именем Исак, прореклом Бык, нѣкоторыя вдовы сынъ, именем Улиты, вѣрны сущей, боящейся Бога, на посаде проскурни[43] верховных апостолъ Петра и Павла, и бысть в раслаблении полтретия годы. Болѣзнь же его бѣ всѣм знаема живущим окрестъ: неможаше велми ногами, и до полу.

И посла матерь свою к чюдотворному образу Пречистыя Богородицы молебная пѣти. Сам же убо в дому своем на одрѣ лежаще, и начат со слезами предо образомъ плакати и молитися Пресвятей Богородицы, дабы ему самому видети чюдотворный Богородицын образ. И в том часѣ видѣ себѣ мало легчайши от болѣзни; и абие, милостию Пречистые Богородицы, востав о собѣ на ногах и начат помалу поступати. И вземъ два посоха, и абие, подпираяся ими, поиде в монастырь к чюдотворному всемилостивому Богородицы образу.

О великих ти чюдес, Богородице! Матери со слезами о сыну молящися, сынъ же ненадежно и самъ в монастырь прииде! Мати же его видѣ и изумися, и едва во ум прииде, и нечаемое извѣстно увѣде. И приложиша к слезам слезы, молящеся Богородицы о исцелении, и тако до конца получи здравие. И воздаша хвалу и славу Господу Богу и Пречистей Богородицы, мѣсяца апрѣля въ 30 день, отойдоша во свой дом, хваляще и славяще Бога, творящего дивная и преславная чюдеса.

Чюдо 8-е

Жена нѣкоего пришелца Полоцкаго, попа Григория, живяше в селѣ в Тагашевѣ

(тако бо звашеся мѣсто то), именем Елена, бысть же болна очима три лѣта. И абие убо от многия тоя болѣзни и зрак отъяся, яко уже не видѣти ей нимало. И услыша убо многая и преславная чюдеса от иконы Пречистые Богородицы во градѣ Казани, и пойде во град к чюдотворному образу милости просити. И еще убо ей не дошедши града Казани яко седми поприщ,[44] и абие внезапу узрѣ свѣт очима, и мнѣтися ей, яко николиже ими болна бѣ. И пришед в монастырь к чюдотворному образу, хвалу воздаде Господу Богу и Пречистой Богородицы.

Чюдо 9-е

Повѣда нам инокъ Иосиф, иже нынѣ погребный ключник в дому Пречистыя, тогда же живя въ Троецком монастырѣ, иже въ Казани.[45]

Бысть, рече, болѣти ему очима, яко ни мала свѣта видѣти, и абие обѣщася молебная пѣти Пресвятѣй Богородицы. И егда приидоша священицы с чюдотворным Пречистыя образом в день недѣльный в соборную церковь Пресвятыя Богородица честнаго и славнаго ея Благовѣщения к молебну, Иосиф же у чюдотворнаго образа во время молебнаго пѣния моляся прилежно, и не получи исцеления, и отиде скорбен. И абие возлеже отъ болѣзни, и сведен бысть в сон тонок. И видит икону Святыя Богородицы, и бысть ему *от* иконы глас, глаголющь: «Востани и пойди в дом Пречистыя, и отпой молебная, и утри лице свое пеленою и тако получиши исцеление».

Он же встав вскорѣ, и повелѣ себе вести в монастырь Пречистые Богородицы. И отпѣв молебная, и повелѣ себе покропити святою водою, и пеленою Пречистыя утерся.[46] И в той час от очию его отбѣже болѣзнь: и узрѣ свѣт, и воздасть славу Богу и Пречистей Богородицы.

Чюдо 10-е

Нѣкто человѣкъ, именем Козма Окуловъ, Лаишескаво града,[47] бысть во иступлении ума. Свои же ему совѣщаша итти в Казань къ Пречистой Богородице в монастырь. Он же, в себѣ быв, и нача Пречистой Богородице о исцелении молитися. И помощию Пресвятыя Богородицы бысть ему облегчение. И прииде в монастырь, и образ Пречистые сподобися видѣти по своему обѣщанию, якоже обѣщася, и молебная пѣв — и абие получив совершено исцеление. И бысть здрав, и отиде в дом свой, радуяся и славя Бога и Пречистую Богородицу.

Чюдо 11-е

Человѣкъ нѣкто во граде Казани, именем Онтон, прореклом Кашевар; ему же жена именемъ Пелагия, не видѣ очима яко дний 40. Слышав же многия и преславныя чюдеса от Пречистыя Богородицы чюдотворнаго ея образа, и в день недѣльный иде в монастырь Пречистые Богородицы, и многою вѣрою одержима

бѣ, не погрѣши надежи, но получи изцеление.

Егда убо приидоша с чюдотворною иконою Богородицыною с соборнаго пѣния молебнаго священицы, жене той случися срѣсти икону Пречистыя, сошед съ паперти[48]церковные, и абие в той час прозрѣ. И отиде в дом свой радующеся, хваля и славя Бога и Пречистую Богородицу.

Чюдо 12-е

Человѣкъ нѣкий, именем Трофим Ларионов сынъ, Колмогорсково уѣзду, волости Листра-острова, во граде Самаре впаде в болѣзнь: и лютѣ трясавицею одержим, ктому же и на очи ему прииде тяжка болѣзнь. Он же, слышав Пречистыя Богородицы неизреченное милосердие, еже подает от чюдотворныя своея иконы неоскудное исцеление с вѣрою молящимся ей, и нача молитися Пресвятѣй Богородицы о исцелении.

И абие видит во снѣ икону Пречистыя Богородицы, стоящу в возглавии своем, и глас слышит от чюдотворныя тоя иконы, именем его зовущ: «Иди, рече, во град Казань к образу моему, и тамо изцеление получиши». Он же возбнувъ и почю в себѣ облегчение немало от трясавицы, такоже и очная болѣзнь не якоже исперва бѣ.

И прииде во град Казань в монастырь Пречистые Богородицы, во время Святые литоргия, и нача пред образом Пречистые неутѣшно плакати и с вѣрою молитися, глаголя: «Дажь ми, о Владычице, еже ми еси обѣщала, не мал бо путь трудихся, милосердия твоего ради!» И абие вскорѣ исцеление получи от обою болѣзней: и очима прозрѣ, и тѣлом здрав бысть.

И славя Бога и Пречистую Богородицу, повѣдая всѣм людем дивная и преславная от Пречистые иконы — милосердие ея и скорое свое исцеление.

Чюдо 13-е

Во граде Свияжском поп бѣ, емуже имя Иван, церкви святаго великого чюдотворца Николы, иже зовется Жилецкой; ему же жена, имя ей Домна. И, по дѣйству дияволю, нѣкая сусѣда ея, или любви ради, или хотя над нею бѣду сотворити, в запойство упои ея, до токова зла: идущи ей в дом свой, толик срам нанесе мужу своему и себѣ, яко и главотязю не обрѣстися на ней. Людем же многим позор дѣющим, инѣм же и скорбящим о таковѣй срамотѣ, понеже муж ея человѣкъ искусен бѣ и ненавидя пиянства, и злых ошаяся, якоже и всѣм нам знати его. Самого же попа того не бѣ тогда во граде, но бѣ отлучился нѣкоего ради орудия.

Жене же его наутрия и от сродникъ своих домашних слышавше сотворившаяся ей напасть, впаде во отчаяние и въ болѣзнь тяжку зѣло — ово страха ради, ово срама ради; и нача злым бѣсом одержима быти. И бѣ болѣзнь ея люта зѣло; на кийждо день и нощь до десятижды и вящи случашеся ей лютая та нестерпимая бѣда, зубы скрегча и пѣны теща, и составы членовныя троскотаху злѣ, якоже сам поп Иван повѣда нам. И бѣ тако бѣднѣ стража до тридесяти и пяти недѣль.

Поп же той Иван безпрестани моля Бога и Пречистую Богородицу о исцелении жены своей, и святых угодникъ Божиих призывая в помощь, не единощи же и в Казань къ чюдотворному образу Пречистыя Богородице привозя жену свою, и не получи нимало отрады.

Во сто же первом году, февраля 7 дня, паки привезе жену свою в монастырь къ Пречистѣй Богородицы, и начаша со многими слезами молити Бога о исцелении ея. Февраля же 11 дня бысть глас во снѣ игуменье монастыря Марье,[49]дабы повелѣла бѣсную къ чюдотворному образу прикладывати в то время, егда учнет бѣс томити ея. Игуменья же Марья вскоре повелѣ тому быти. И егда нача бѣсъ томити ея, и вземше бѣснующуюся, приложиша къ чюдотворному образу Пресвятыя Богородица — и абие в той час бысть недвижима от лютаго бѣса и обрѣтеся здрава. И многу хвалу и благодарение воздаша Богу и Пречистой Богородице, и идоша в дом свой, славяще Бога.

Чюдо 14-е

Во граде же Казани человѣкъ нѣкто, именем Дмитрей, прореклом Тоскутей, ремеством скорняк; ему же жена, имя ей Домна. Случися ей болѣзнь тяжка зѣло: рукам и ногам скорчившимся. И лютѣ болѣзни той притужающи ей, яко зрящим на ню умилнѣ плакати. Дщи же ея именем Неонила, девица, тою же болѣзнию злѣ одержима, по всему убо яко и мати ея страдаше. И в болѣзни своей къ Пречистой Богородицы умилныя глаголы со слезами вопияху, о исцелении молящеся. Простягши же ся имъ болѣзни той на мѣсячно.

Дмитрей же взем жену свою и отвезе ю в монастырь и в церковь Пресвятыя Владычицы нашия Богородицы, честнаго и чюдотворнаго образа явления. Жена же его нача со слезами и с воплем многим молитися Пречистой Богородице о исцелении, яко и незнающим ея плакати и рыдати. Дмитрей же отходит в дом свой, хотя и дщерь пояти къ Богородицыну чюдотворному образу.

И абие ненадежно радость обрѣте: пришед в дом свой и видѣ дщерь свою здраву и ничтоже от болѣзни страждущу. И благодаря Бога и Пречистую Богородицу, иде вскорѣ к женѣ — повѣдати ей изцеление дщери своея. Времяни же тогда бывшу чтому на Литоргии святому Евангелию.

В самое же то святое Благовѣстие пременися от недуга и жена его, и бысть здрава, яко николиже болѣв. Оле чюдо! во един час по дѣйству дияволю дщи и

мати люту скорбь болѣзнену восприяша; во един же час от чюдотворныя Богородицыны пречюдныя иконы и исцеление восприяша!

Дмитрей же и вси людие видѣша предивное скорое Пречистою Богородицею жене своей и дщери от болѣзни пременение, сугубо воздаша Богу и Пречистой Богородицы благодарение.

Вопрошаху же жены его: како им найде со дщерию равенство недуг и во едино время? Она же исповѣда подробну. Бывши ей, рече, у нѣкоего сосѣда на обѣде, и по времени иде в дом свой, и найде на пути плат мал завязан, и подъем его, и принесе в дом свой. И развѣза плат той — обрѣте в нем едину сребреницу да два орѣха. И един орѣх сама снѣсть, другий же дщери вда: оттого и пострадаша.

Чюдо 15-е

Человѣк нѣкто, именем Офонасей Ерофѣев сын, ярославец, в день недѣльный приведен бысть в соборную церковь Пречистыя Богородицы честнаго ея Благовѣщения. И многими человѣцыедваодолѣнъ бысть внити в церковь, бѣ бо бѣснуяся и рѣяся зѣло, и никакоже взирая, и не глаголя ничтоже.

Тогда же бѣ, яко же обычай, и чюдотворная Богородицына икона принесена в соборную церковь. И поставиша его пред мѣстным образом Пречистые Богородицы честнаго и славнаго Ея Благовѣщения, и пред чюдотворною Богородицыною иконою. Он же никакоже смотря, ниже глаголя.

По отпѣтии же молебнов, взем святыя воды и покропих его. Он же воззрѣвъ и нача помалу во ум приходити. И видѣвъ образ Пресвятыя Богородицы, и рече: «Пречистая!» — и ту приложиша его къ Богородицыну чюдотворному образу, и к прочим святым иконам. И помалѣ нача глаголати.

Молебному же пѣнию совершившуся, и чюдотворней иконе в монастырь пошедше. Нам же святую и чюдотворную Богородицыну икону, якоже обычей, проводихом, тому же Офонасью в соборную церковь возвратитися повелѣхом, Божественыя ради литоргия. И егда начаше чести святое Евангелие, той же предиреченный Афонасие совершено исцелѣ молитвами Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, яже приносит о всѣх нас къ Сыну своему, Христу Богу нашему.

Нам же вопрошающим его о содѣянных яже о нем: что и како исперва прилучися болѣзнь ему? Он же повѣда: «Видѣх, рече, в нощи, яко приидоша многи толпы бѣсов», — и претяху ему мукою, и показующе ему мечты своими, яко бы возношаху его на высоту и низпущаху долѣ, и ина злая дѣюще ему.

Болѣзнь же его бѣ двѣ седмицы. Милостию же Божиею и молением Пречистыя Богородица, отиде в дом свой здрав, радуяся и хваля Бога и Пречистую Богородицу.

Чюдо 16-е

Сожительствуя же ми в кѣлии моей инок Арсений, зовомый Высокий, иже послѣди бысть архимарит монастыря святаго Спасова Преображения.[50] И прилучися ему болѣти ногою; болѣзнь же ту нарицаху камчюгъ, инии же инако зваху. Мы же тому неразсудни суть, не вѣдяху имени болѣзни той, но обаче болѣзнь крѣпка зѣло, яко едва мощи ему мало ступати нужи ради и здоровою ногою; ис кѣлии же, кромѣ великия нужа, никакоже исходити ему болѣзни тоя ради.

В то же время и повелѣние от самодержавного государя царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси прииде к нам: по молению иноковъ монастыря боголѣпново Спасова Преображения, иже в Казани, благословити и поставити предипомянутого Арсенья архимаритом. Тогда же поставити его не бѣ мочно, зѣлныя ради его болѣзни.

Приспѣвшу же празнику Преполовения,[51] в онь же день святая и апостольская Церкви празнество повсюду прия исходити с литиею[52] и молебная пѣния совершати. Мнѣ же ис кѣлия в церковь еще не у изшедшу. С чюдотворнаю же Богородицынаю иконаю приидоша священницы, якоже обычей. Предипомянутый же Арсеней во оконце смотря и со слезами Богородице о исцелении моляся. И внезапу нача с великим рыданием плакати и благодарити Бога и Пречистую Богородицу, повѣдая своей болѣзни изцеление: «Токмо, — рече, — глас испустих и прослезихся, Богородица же вскорѣ милосердие свое показа на мнѣ!» И той час иде ис келия в соборную церковь сам о себѣ. И пришед в церковь, пѣвъ молебен, и благодарение воздая Богу и Пречистой Богородицы о исцелении своем.

От образа же Пречистые Богородицы неисчетно многа исцеления подаваются приходящим с вѣрою. Но обаче доволно и по ряду хто возможет исписати Богородицыны чюдеса? Дерзнух бо написати от великих малая, ина же многа преминух; земли убо широта, и морю глубина, и Богородицына чюдеся неизочтена. Сия же написах, яко да не забвению предана будут в послѣдняя времена.

Благочестивому же и самодержавному государю царю и великому князю Феодору Ивановичю всея Русии исперва, отнелѣ же явися целебный источник — икона чюдотворная Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, вся сия знаема суть. И вѣрою теплою и духом горя, яко же слышах от его царских устъ ко мнѣ, рабу его и богомолцу, глаголемая в то время, егда повелѣ мя, Божим изволением, устроити в чин митрополита:[53] «Слышахом, — рече, — о милостивнем неизреченнем человѣколюбии Божии и Пречистыя Богородицы на нас: како яви Богородица чюдотворную и пречюдную свою икону в нашей отчинѣ Казани, простирая к нам

милость свою, и како подает неизреченныя целбы с вѣрою приходящим. И хощу, рече, недостаточная исполнити», — еже и бысть, повелением его царским.

В лѣта 7102, в недѣлю святых женъ мироносиц,[54] апрѣля 14 день, на память иже во святых отца нашего Мартина папы Римскаго, заложенъ бысть храм предивен камен Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Мария честнаго и славнаго Ея Одигитрия чюдотворнаго образа явления. А в предѣле — храм честнаго и славнаго ея Успения; другой предѣл — святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго, во иноцех Алексия, новаго чюдотворца.[55]

Священа же бысть святая та церковь и с придѣлы 7103 г., октебря 27 дня, в недѣлю, на память святаго мученика Нестера. И дѣисус болшой обложен сребром[56] того же лѣта. И святыми местными иконами,[57] и книгами, и ризами, и прочими церковными потребами повелѣ государь благочестивый царь и великий князь Феодор Иванович, всея Русии самодержец, удоволити, еже и бысть.

Самую же ту пречюдную и чюдотворную Пречистыя Богородицы икону златом и камением драгим и жемчюгом великим предивне украси царских сокровищ хранитель Деменша Иванович Черемисинов.[58]

Инокинь же старицъ въ монастырѣ 64. Хлѣб им и денги и прочая потребная из царьские казны.

Мы же, Божиею благодатию и Пречистые Богородицы, чюдотворным Ея образом хвалимся и веселимся, и воспѣваем пѣснь побѣдную Сотворшему дивная чюдеса, в Троицы славимому Богу — Отцу и Сыну и Святому Духу, — и Пресвятѣй Богородицѣ, нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ! Аминь.

---

[1] *Списано смиреннымъ Ермогеномъ...* — Эпитет «смиренный» является здесь традиционной «формулой смирения», характерной для церковных иерархов. Отметим, что употребление этой формулы возможно лишь от первого лица.

[2] *...Ермогеномъ, митрополитом Казанъскимъ.* — До поставления в сан митрополита Казанского и Астраханского (в 1589 г.) св. Гермоген служил священником в одной из казанских церквей (см. об этом ниже), а потом, после принятия монашества, был архимандритом Казанского Спасо-Преображенского монастыря (1587-1589). Во главе Казанской епархии св. Гермоген стоял в течение 17лет — до избрания его патриархом (1606—1612).

[3] *Благослови, отче.* — Традиционное обращение чтеца к священнику перед началом чтения во время церковной службы или трапезы.

[4] *...«Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего... благословением духовным».* — 2Кор. 1, 3—4.

[5] *...Преже убо праведный гнѣв свой... вмале испусти на нас...* — Имеется в виду пожар, который предшествовал обретению иконы.

[6] *...яко бремя тяжко, отяготѣша на мнѣ...* — См. Пс. 37, 4.

[7] *...паче же рещи многоименитей, пророки прореченнѣй!* — Многие таинственные образы Ветхого Завета являются символическими прообразами Божией Матери. Таковы: «лествица» Иакова (Быт. 28, 12), «неопалимая купина» Моисея (Исх. 3, 2), «расцветший жезл» Аарона (Чис. 17, 23), «руно орошенное» Гедеона (Суд. 6, 36—38), «ковчег Завета» Давида (Пс. 131, 8), «врата затворенные, в которые вошел Господь» Иезекииля (Иез. 44, 1—2), «гора Божия, от которой отделился камень нерукосечный» Даниила (Дан. 2, 45), «гора, осененная духом» Аввакума (Авв. 3, 3) и др.

[8] *...дане буду осужен, якоже искрывый талантъ господина своего.* — Отсылка к притче о талантах (Мф. 25, 14—30) является одним из наиболее употребительных топосов, объясняющих причину, побудившую автора взяться за перо.

[9] *...Ияковля лѣствица утвердися, Богу хотящу по ней снити...* — Образ «лествицы», виденной Иаковом, по которой нисходили и восходили ангелы (Быт. 28, 12), является одним из прообразовательных символов таинства снисхождения Сына Божия на землю через воплощение от Святой Богородицы.

[10] *...не к тому... со Ияковом древле борется...* — См. Быт. 32, 25—31.

[11] *...погибшую драхму взыскати хотя...* — См. Лк. 15, 9.

[12] *...Давидъ, видѣв от сѣмени его правнуку родившуся...* — Святая Богородица происходила по отцу своему Иоакиму из древнего рода царя Давида (Рим. 1, 3; 2 Тим. 2, 8; Евр. 7, 14), а по матери — праведной Анне — из рода первосвященника Аарона.

[13] *...бряцая в гусли...* — Словом «гусли» здесь назван музыкальный инструмент древних иудеев псалтирь.

[14] *...«Слыши, дщи, и виждъ, и приклони ухо твое!»* — Пс. 44, 11. В этом псалме пророк Давид изображает великую Царицу, чей образ является пророчеством о Божией Матери: «Предъста Царица одесную Тебе, в ризахъ позлащенных одѣянна и преиспещрена. Слыши дши и виждь и приклони ухо твое, и забуди люди твоя, и домъ отца твоего...» (Пс. 44, 10—11).

[15] *Одигитрия* — (греч. «Путеводительница») — икона Пресвятой Богородицы, написанная, по преданию, евангелистом Лукой, которая хранилась в Константинополе и была одной из главных святынь Византии. Название иконы связано с чудом исцеления от святого источника двух слепцов, которых к нему проводила Божия Матерь («Путеводительница»). Для икон Одигитрии, известных во множестве списков, характерны некоторые общие черты: положение Богородицы фронтальное, ее правая рука покоится на уровне груди и перстами указывает на Младенца (как на «путь» — Ин. 14, 6), а левой рукой она

придерживает Младенца; Божественный Младенец, слегка обернувшись к Матери, правой рукой благословляет, а в левой держит свиток; взгляды Богоматери и Младенца направлены на молящегося. К иконографическому типу Одигитрии принадлежит и чудотворная Казанская ико-на Божией Матери.

[16] *Понеже убо человѣческий род обыче... милостивно нас присѣщая!* — Весь этот большой фрагмент текста, состоящий из трех абзацев, является почти дословным заимствованием из вступительной части Похвального слова на Покров Пресвятой Богородицы Пахомия Серба (см. наст. изд., т. 12, с. 54). Это наблюдение принадлежит А. Эббингхаузу (Die altrussichen Marienikonen-Legenden. S. 219).

[17] *...«Броздами и уздою... не приближающимся к Тебѣ многи раны».* — Пс. 31,9. Цитируя этот стих, автор допускает неточность в членении текста псалма на отдельные смысловые отрезки, смещает границы между 9-м и 10-м стихами, которые в Псалтыри выглядят следующим образом: «Не будѣте, яко конь и мьскъ, имъже нѣсть разума; броздами и уздою челюсти ихъ востягнеши, не приближающимъся къ Тебѣ. // Многи раны грѣшному, уповающаго же на Господа милость обыдетъ» (Пс. 31, 9-10).

[18] *...«Аще оставят законъ Мой.. .милость же Мою не разорю от них».—Пс.* 88,30—33.

[19] *Апостолъ: «Егоже любит Господъ, того и наказует... а не сынове».* — Евр. 12, 6—8.

[20] *Иван IV Василъевич* — царь Иван Грозный (1530—1584).

[21] *Иван Иванович* (1554—1582) — старший сын Ивана Грозного, убит отцом в припадке гнева.

[22] *Федор Иванович* (1557—1598) — средний сын Ивана Грозного, по смерти отца — государь всея Руси (1584-1598).

[23] *Антоний* — митрополит Московский и всея Руси (1572—1581).

[24] *Иеремия* — архиепископ Казанский и Свияжский (1576—1581), постриженник Иосифо-Волоколамского монастыря, до поставления в архиерейский сан был архимандритом Казанского Спасо-Преображенского монастыря.

[25] *...по взятии града в двадесят шестое лѣто...* — Казань была взята 2 октября 1552 (7061) г., а чудотворная икона явлена 8 июля 1579 (7087) г.

[26] *...церкви святаго Николы, иже зовется Тульский...* — Чудотворная икона св. Николы «Тульского» была явлена в первой половине XVI в. некоему днепровскому казаку, который построил для нее церковь в Туле. После завоевания Казани список с этой иконы был привезен в Казань, где тульскими купцами была построена церковь в честь святителя Николая (См.: Малов Евфимий. Казанский Богородицкий девичь монастырь. История и современное его состояние. Казань, 1879. С. 15, 55).

[27] *...обитель боголѣпнаго Преображения Спасова...* — Спасо-Преображенский монастырь был основан в Казани одновременно с учреждением Казанской епархии в 1555 г. Его первым архимандритом был св. Варсонофий, будущий епископ Тверской.

[28] *...да не рекут языцы: «Гдѣ есть Богъ их...»* — Пс. 78, 10.

[29] *...да заградятся уста, иже глаголють неправду...* — Ср.: Пс. 62, 12.

[30] *...научивших вѣровати «во Отца и Сына и Святаго Духа»* — Ср.: Мф. 28, 19.

[31] *...и отверзе породу Едема затвореннаго...* — Райский сад (старослав. «порода») в Эдеме — земле на Востоке — был местом изначального пребывания Адама и Евы, откуда они были изгнаны после грехопадения (Быт. 3, 23—24).

[32] *Мати же ея скоро иде во град к воеводам...* — Воеводами в Казани тогда были князь Григорий Андреевич Куракин и дьяк Михайло Битяговский.

[33] *Локотъ* — мера длины, соответствующая длине руки от локтя до конца среднего пальца, равная примерно 45—47 см.

[34] *Однорядка* — верхняя широкая долгополая одежда, без воротника, с прямым запахом и пуговицами, с длинными рукавами, под которыми делались прорехи для рук; носилась осенью и в ненастную погоду, в рукава и в накидку.

[35] *На чюднай же той иконе бѣ рукавъ однорядки сукна вишнева ветхъ.* — Обрет енная икона была небольших размеров: около 22.5 см в ширину и 27 см в высоту.

[36] *...такова переводом образа не видѣша нигдѣже...* — Иконографическими особенностями Казанской иконы Одигитрии были прежде всего оплечное (а не поясное) изображение Богородицы, легкий наклон ее головы к Младенцу, изображение Младенца стоящим и обращенным прямо к зрителю.

[37] *Мнѣ же тогда в чину поповсте... Архиепископ же благослови мя и повелѣ взя тии ми.* — В ркп. выделенный абзац, в котором сообщаются некоторые подробности, относящиеся лично к святителю Гермогену, обведен сплошной линией и на поле слева сделана приписка: «Не пиши то, что въ чертѣ». Это сокращение текста сделано, по-видимому, самим автором Повести в момент окончательной правки рукописи.

[38] *... церковъ святаго Николы, иже зовется Тулский.* — См. сноску 26.

[39] *...в соборную церковъ Пресвятыя Богородицы... Благовѣщения.* — Соборная церковь во имя Благовещения была заложена царем Иваном Грозным на второй день после взятия Казани, а еще через три дня была построена и освящена.

[40] *... из Свияжского града...* — Город Свияжск, находившийся в 15 верстах от Казани, был построен в 1551 г. по повелению царя Ивана Грозного в качестве основного русского форпоста в Казанской земле.

[41] *Сын боярский* — представитель сословия служилых людей.

[42] *...«утвердися рука ея, якоже и другая»...* — Мк. 3, 5; Лк. 6, 10.

[43] *Проскурня* — благочестивая вдова или девица, выпекающая просфоры.

[44] *Поприще* — мера пути, равняющаяся приблизительно 1.5 км.

[45] *...въ Троецком монастырѣ, иже въ Казани...* — В первые два десятилетия после завоевания Казани в городе было создано четыре мужских монастыря: Успенский, Спасо-Преображенский, Троицкий и Иоанно-Предтечев.

[46] *...и пеленою Пречистыя утерся.* — Пелена — вышитое полотенце, подвешиваемое под икону.

[47] *...Лаишескаво града...* — Лаишев — город на Каме, основанный в 1557 г. для обороны от ногайцев.

[48] *Папертъ* — крыльцо, площадка перед входом в церковь.

[49] *...игуменъе монастыря Марье...* — Игуменство Марии в Казанском Богородицком монастыре приходится на 1588—1593 гг.

[50] *...инок Арсений, зовомый Высокий, иже послѣди бысть архимарит монастыря святаго Спасова Преображения.* — Арсений был шестым архимандритом Спасо-Преображенского монастыря, при нем были обретены мощи свв. Гурия и Варсонофия во время строительства большой каменной церкви в монастыре.

[51] *Преполовение* — среда четвертой седмицы после Пасхи, половина срока от Пасхи до Пятидесятницы.

[52] *Лития* (греч. «усердное моление») — моление вне храма.

[53] *...егда повелѣ мя... устроити в чин митрополита...* — Вслед за учреждением на Руси патриаршества Казанская архиепископия была возведена в ранг митрополии; первым казанским митрополитом, после совершения над ним чина архиерейского рукоположения, стал святитель Гермоген (13 мая 1589 г.).

[54] *Неделя святых жен мироносиц* — второе воскресенье по Пасхе, когда Церковь вспоминает святых жен, которые пришли ко гробу Христа с сосудами благовоний и первыми из его учеников узнали о его Воскресении (Мк. 16, 1—8; Лк. 24, 1—10).

[55] *...великаго князя Александра Невскаго... новаго чюдотворца.* — Общероссийс кое по-читание св. благоверного князя Александра Невского было установлено на Соборе «о новых чудотворцах» в 1547 г.

[56] *Идѣисус болшой обложен сребром...* — Речь идет о «деисусном чине» — среднем ряде иконостаса, в центре которого находятся иконы Спасителя и предстоящих пред ним с обеих сторон Богородицы и Иоанна Предтечи (составляющие вместе композицию «деисиса» — греч. «моления»), за которыми следуют симметрично расположенные иконы архангелов Михаила и Гавриила, апостолов и других святых.

[57] *...святыми местными иконами...* — Имеются в виду иконы «местного ряда» иконостаса, в котором находятся иконы Спасителя и Богородицы, икона святого или праздника, которому посвящен храм, а также иконы наиболее почитаемых в данной местности святых.

[58] *Черемисинов Дементий Иванович* — любимецИвана Грозного, думный дворянин, воево-да, царский казначей; когда в 1580 г. он оказался в польском плену, Иван Грозный выкупил его, заплатив 4457 рублей.

ПЕРЕВОД

МЕСЯЦА ИЮЛЯ В 8 ДЕНЬ. ПОВЕСТЬ О ЧЕСТНОМ И СЛАВНОМ ЯВЛЕНИИ ОБРАЗА БОГОРОДИЦЫ В КАЗАНИ И О ЧУДЕСАХ ПРЕЧИСТОЙ БОГОРОДИЦЫ. НАПИСАНО СМИРЕННЫМ ГЕРМОГЕНОМ, МИТРОПОЛИТОМ КАЗАНСКИМ

Благослови, отче.

Сколь ни предивное чудо совершилось в наши дни милостивым посещением Творца всякого блага Господа и Бога нашего Иисуса Христа и родившей его Пресвятой и Преблагословенной Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии пречудною и чудотворною иконою в преславном граде Казани, но как смогу я, недостойный, и недостойные уста имея, рассказать таковое?

Но надеясь на неизреченные щедроты Сына Божия и на молитвы родившей его, скажу словами учителя вселенной: «Благословен Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа, Отец щедрот и Бог всяческого утешения, утешающий нас во всякой скорби нашей и благословивший нас благословением духовным».

Ибо сначала излил он на нас вмале праведный гнев свой за беззакония наши, очищая многие грехи наши, и несколько дней мы пребывали в печали. Но потом, по благодати Божией, о скорби забыли и, по неизреченному человеколюбию Божию к нам, несказанной радости удостоились благодаря явлению иконы Божией Матери и ее Превечного Младенца Господа нашего Иисуса Христа.

И повсюду прокатилась как гром, во все концы российской земли, <весть> о Божием милостивом посещении нас — о явлении иконы Богородицы и неизреченных чудесах, обильно источаемых приходящим к ней с верою.

Я же, недостойный, будучи очевидцем того, как и какими чудесными благодеяниями явили Бог и Богородица свой чудотворный образ из недр земных <о чем расскажу дальше>, умедлил написать об этом — то ли от недостатка разума, то ли от нерадения и душегубительной лености, то ли от страха своего недостоинства, ведь опутан я узами моих грехов, и не пристало мне касаться таковых преславных вещей, но только помнить о своих беззакониях и просить отпущения бесчисленных моих согрешений.

Но поскольку желание влечет меня и страх принуждает рассказывать, а грехи мои, как тяжкое бремя, гнетут меня, то что же мне делать? Дерзну ли начать? Что же: говорить или запретить себе из-за окаянства моего? или снова внимать восходящему на сердце мое блаженством о Всепетой и Богоприятной Богородице и Приснодеве Марии?

Но ты сама помоги мне, о Преблагословенная, Заступница Усердная, Матерь Бога Вышнего: да будет воля родившегося от тебя Христа Бога нашего, да просветится у меня, недостойного, помраченный ум мой тобою, о Всенепорочная! Ибо ты о всех молишь Сына своего, Христа Бога нашего, — и мне, пишущему, помоги, ведь ты всех направляешь к спасению, под державный твой покров прибегающих!

Много раз я вспоминал <об этом>, иногда же и слезы проливал, разумея свое недостоинство; но, однако, и то пришло мне на ум, что неправедно Божии тайны и неизреченные многомилостивые дарования погружать во глубину забвения, притом что многим из этих источников целебных я сам был свидетель; и о том, что видел и слышал о пречудной твоей иконе, о Всепетая, даруй мне рассказать и написать, и всех нас заступи, Госпожа Царица!

Хоть и недостоин я принести тебе даже малую похвалу от подобающих тебе великих, но все же сподоби меня, Владычица, прославить тебя за твои неизреченные благодеяния, как сподобила меня, о Всеблаженная, недостойного и грешного, первым из всех священнослужителей прикоснуться скверными моими руками к пречистому твоему образу и чудотворной иконе <твоей> и Сына твоего, Христа Бога нашего! Ведь если и все достойны, но я недостоин; но только был преисполнен желания прикоснуться к пречистому и чудотворному твоему образу, Владычица, и превечного твоего младенца Спасителя Христа!

Ныне же вопрошу снова: что скажу или что возглашу великоименитой Деве, или лучше сказать «многоименитой», <во многих образах> предсказанной пророками? Пятнадцать лет прошло со времени явления чудотворной иконы Богородицы, а чудесные исцеления непрестанно совершаются, не оскудевая, и все душевные страсти и телесные недуги из людей немедленно изгоняются! И это снова призывает меня к торжеству и говорить понуждает. И подобает мне написать об этом, да не буду осужден, как сокрывший талант господина своего.

Поскольку же человеческий род привык духовную память святых праздновать с похвалами, тем более и Пресвятой и Преславной Царице, Пречистой Богородице и Приснодеве Марии, пристало праздновать по-царски! Ее неизмеримо более других должны мы почитать любовью, ибо она есть божественный покров рабам своим, и прибегать к этому тихому и доброму пристанищу — покрову Девы, скорой помощницы, готовому и теплому спасению; и, как высшей всех, подобает ей и высшую всех созданий похвалу принести, достойную Царицы и Владычицы, родившей Царя и Владыку всех!

Ибо благодаря ей праматерь от проклятия освободилась, и Адам избавился от вечных уз, и Бог с нами примирился! И утвердилась тогда лестница Иакова, ибо Бог восхотел сойти по ней и сотворить людям путь на небо, и люди с ангелами обрели единение. И больше не борется Бог с Иаковом, как прежде, в давние времена, ибо Творец Иакова сошел на землю, желая обрести потерянную драхму и принести ее Отцу. Поэтому и пророки тогда возрадовались, видя свершение своих пророчеств! Тогда и Давид, увидев правнучку, родившуюся от рода своего, взыграл духом, ударяя в гусли и говоря: «Слушай, дщерь, и виждь, и приклони ухо твое!» Поэтому тогда не только пророки, но и все небесные силы и земные творения торжествовали вместе.

И ныне опять наступил новый праздник Владычицы нашей Богородицы — ее чтимой иконы «Одигитрии», крепкой помощницы; да пусть узнают все, что не только тогда, когда она пребывала на земле, предстательствовала за нас перед своим Творцом и Сыном, но и по преславном своем преставлении из земных <обителей> в небесные непрестанно посещает нас своею милостью!

А потому, закончив начало повести, перейдем к самому повествованию; и расскажем обо всем так, как подаст Святой Дух, но прежде похвалим ваше усердие теплое. Ибо такая у вас устремленность к Церкви, и особенно вера и молитвы к чудотворной иконе Богородицы, какая может быть только у ребенка к матери, или у жаждущего к источнику, или у корабля к пристанищу. В такой же мере и нас вдохновляет усердие ваше, что и хотим теперь показать.

Бог наказывает нас за грехи наши и милостиво направляет на нас праведный гнев свой: иногда голодом, иногда нашествием иноплеменников, иногда мором и междоусобными войнами, иногда пожарами и прочими житейскими напастьми, и посылает нам беды, и скорби, и лютые болезни — для того, чтобы побудить ленивых и жестоких к добру и направить на путь спасения. 06 этом и пророк Давид говорит, обращаясь ко Господу: «Браздами и уздою стянешь челюсти их, не приближающихся к Тебе и многими ранами». И в другом псалме говорит: «Если оставят закон Мой и в судьбах Моих не пойдут, если установления Мои осквернят и заповедей Моих не сохранят, посещу жезлом беззакония их, и ранами — неправды их, милости же Моей не отниму от них». И апостол <говорит>: «Господь, кого любит, того и наказывает; бьет всякого сына, которого принимает. Если остаетесь без наказания, то вы дети прелюбодеяния, а не сыновья».

А поскольку мы люди послушные злу, и с трудом устремляемся к добродетели, и мало печемся о спасении наших душ, попускает Владыка наш Господь напасти и беды, и скорби, и лютые недуги, пока не обратимся к нему и не станем всемерно заботиться о нашем спасении. <Вот> и это случилось с нами праведным судом Божиим; а было это так.

23 июня 7087 <1579> года, в царствование благочестивого и христолюбивого благоверного государя царя и великого князя Ивана Васильевича, самодержца всея Руси, и при его благородных царевичах — князе Иване Ивановиче и князе Федоре Ивановиче <который ныне, Божию благодатию, государь царь и

самодержец всея Руси>, и при святейшем митрополите Антонии Московском и всея Руси, и при архиепископе Казанском Иеремии, в день памяти святой мученицы Агриппины случился в новопросвещенном граде Казани пожар, в двадцать шестой год по взятии его, чему мы сами были достоверные свидетели. Загорелось в полуденное время близ церкви святого Николы, называемого Тульским, во дворе царского воина Даниила Онучина. И лишь малая часть посада сохранилась и та половина города, что возле соборной церкви, и двор архиепископа. Большую же часть посада, и все торговые места, и обитель боголепного Преображения Спаса в городе, и двор великого князя — увы, все то огонь-всеядец поглотил, пожег и полностью уничтожил.

Христолюбивые же люди не отступили от веры, но познали свои согрешения и обратились к покаянию, и начали созидать церкви Божии и дома свои. И, милостью Божиею, просвещалось то место иноверное и новокрещенное святыми церквами и божественным учением.

Было же в городе много людей иноверных, и верований множество. И стала у них истинная православная вера предметом толков и насмешек; целебного же источника <истины> тогда еще не было в городе. Иноплеменники же уничижали нас, одержимые в своих сердцах неверием, не ведая ни Божией милости, ни силы Божией, потому что видели они, окаянные, Божие милосердие к нам — его милостивое наказание, которым Он, как чадолюбивый отец, милуя, наказал нас за наши согрешения, очищая грехи наши.

Человеколюбец Бог, видя терпение и веру людей своих и насмешки и поношения со стороны окружающих иноверцев, не терпя оскорбления и поношения святых икон, и для того чтобы не говорили язычники: «Где Бог их, в которого они веруют?» — и чтобы затворились уста, говорящие неправду, и исчезла и более не вспоминалась иудейская и магометанская дерзость и напрасное их злоречие, и чтобы искоренилось зловредное еретическое учение и утвердилась и просияла истинная православная христианская вера греческого закона, просвещенная правым учением Господа нашего Иисуса Христа и святых его учеников и апостолов, и богоносных отцов и всех святых, утвердивших православную веру и научивших веровать «во Отца и Сына и Святого Духа» — Неразделимую Троицу, предстательством и молением Заступницы нашей, Царицы и Владычицы Богородицы и Приснодевы Марии, и ее неотступным предстоянием перед Сыном ее и Богом нашим, — показал нам ныне, в последние эти времена, по благодати Божией, пресветлое и праведное солнце, отверз райские врата затворенного Эдема и явил из земли пресветлую икону, источник неисчерпаемый, сокрытую в земле его человеколюбным промыслом чудотворную икону своей Матери, а нашей Царицы, Владычицы Богородицы и Приснодевы Марии, — честной ее образ «Одигитрии» и свой человеколюбивый лик. И вот, откуда излил Он праведный гнев свой за наши прегрешения, оттуда <от места того — рукой подать> и лучи показал, светящиеся благодатным светом, и явил источник исцелений. Явилась же икона Богородицы следующим образом.

Не открыла Владычица образа своего ни святителю города, ни властвующему начальнику, ни знатному человеку, ни богатому, ни мудрому старцу, а явила

честное свое сокровище, неисчерпаемый источник <исцелений> приходящим с верою, чудесный свой образ дочери простого стрельца, искусного в ратном деле, девочке десяти лет от роду, по имени Матрена; этой-то девочке и явилась чудесная и преславная икона Богородицы в том же году и в том месяце, в котором случился пожар.

И вот стала являться той девочке, имя которой мы назвали выше, пресветлая икона Божией Матери: и велела ей пойти в город и рассказать архиепископу и воеводам про икону Богородицы, которую она видела, чтобы они пошли и извлекли образ Пречистой Богородицы из земных недр; и указала ей место, где впоследствии обрели честное сокровище драгоценного бисера — пречудную икону Богородицы. Но девочка, будучи мала и неразумна, боялась рассказывать <о своем видении> и поведала о нем только своей матери, а мать не обратила внимания на ее слова. И после того неоднократно являлась ей та пресветлая и чудная икона и повелевала ей, не сомневаясь, рассказать <людям> о своем видении. И девочка вновь и вновь рассказывала своей матери о явлении той чудесной божественной иконы и просила ее, не колеблясь, рассказать <людям> об этом видении.

И вот однажды та девочка, имя которой мы упомянули выше, спала во время полуденное — и вдруг оказалась посреди своего двора, в котором жила, и в ту же минуту явилась ей чудесная и пресветлая икона Богородицы в страшном огненном виде, сияя огненными лучами, такими яркими и страшными, что девочке показалось, что она сгорит от этих исходящих от иконы ярких лучей. И раздался от иконы грозный голос, обращенный к девочке: «Если ты не передашь моих слов и не пойдешь извлечь мой образ из земных недр, то явлюсь я на другой улице или в другом городе; ты же будешь болеть, пока не умрешь в страданиях!»

Девочка, испугавшись этого ужасного видения, упала на землю и долгое время лежала на земле словно мертвая. А потом возопила громким голосом к своей матери, чтобы шла к архиепископу и правителям того города и рассказала о чудесной и пресветлой иконе Преблагословенной Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии; и поведала матери все сказанные ей слова, которые она слышала от пресветлой иконы, и место ей указала.

Мать же ее поспешила в город к воеводам: и поставила перед ними дочь и велела, чтобы она сама рассказала, что с ней случилось. И девочка рассказала им слово в слово все, что слышала от пречудной и предивной иконы Богородицы, и место то указала. Но они не поверили ее рассказу о пречудной иконе Богородицы и не придали ему значения.

Мать же её, прослезившись, взяла дочь и пошла к архиепископу, и поведала ему те же слова, и назвала указанное ей место, чтобы он повелел извлечь <из земли> святую икону Богородицы. Но архиепископ не послушал ее речей и отослал ни с чем. Приход их был в седьмой час дня; обрели же тот дивный пресветлый образ Богородицы в двенадцатый час — в том же году, когда случился пожар, 8 июля, в день памяти святого великомученика Прокопия. А было это так.

Пошла та женщина к своему дому, рассказывая всем людям о чудесной иконе: о видении, которое было ее дочери. Люди же удивлялись ее словам и отходили, не внимая смыслу сказанного. Тогда она, взяв лопату, пришла к указанному месту и стала копать, <и трудилась> долгое время, но не нашла того, что искала. Вскоре и другие стали копать и раскопали все место, но ничего не нашли.

Девочка же, о которой мы рассказывали выше, стала копать в том месте, где была печь, а вслед за ней — и другие. И когда выкопали немногим более двух локтей — о, чудо — явилась чудотворная икона Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, почитаемый образ «Одигитрии» вместе с Превечным Младенцем, Господом и Богом нашим Иисусом Христом! Была обернута эта чудная икона рукавом однорядки ветхого сукна вишневого цвета. Сам же образ сиял дивным светом, как будто был недавно написан <свежими> красками. Грязь же не коснулась этого чудного образа, чему мы сами были свидетели.

И взяла девочка образ Пречистой Богородицы со страхом и трепетом и радостью и установила его на том месте, <где обрела>. Люди же, находившиеся там, возопили <от радости> и стали рассказывать повсюду о явлении той божественной иконы. И вскоре собралось бесчисленное множество благочестивого люда, вопиющего со слезами: «Владычица, спаси нас!»

И послали весть к архиепископу и правителям города о том, что обрели святую икону Богородицы. Архиепископ же повелел немедля звонить в колокол и пошел крестным ходом со всем освященным собором и воеводами и множеством народа на то место, где обрели чудную икону Пречистой Богородицы. И увидел образ Пречистой, дивно светящийся, точно вновь написанный, и сильно дивился, ибо подобного образа нигде не видел; и укорял себя за неверие свое, преисполненный страха и радости; и со слезами молился, прося милости и прощения за свое согрешение.

Так же и воеводы со слезами просили прощения за то, что согрешили неверием и нерадением перед чудотворным образом Пречистой. И народ со всего города стекался <посмотреть> на то дивное божественное чудо, радуясь со слезами и радостной душой воссылая хвалу Богу и Богородице за обретение такого драгоценного и бесценного сокровища.

Я же тогда служил в чине священника у святого Николы, именуемого Гостиным; и сколь ни был каменносердечен, но все же прослезился, и припал к образу Богородицы, и к Превечному Младенцу Спасителю Христу, и к самой чудотворной иконе, а потом поклонился архиепископу и испросил его благословения: да повелит мне взять пречудную икону Богородицы. Архиепископ же благословил меня и повелел мне взять <икону>.

Я же, хотя и недостоин, со страхом и радостью прикоснулся к чудотворному образу и взял его с шеста, который был воткнут на том месте, где находилась в

земле эта святая и чудотворная икона. И по повелению архиепископа пошел с <чудотворной> иконой и с другими святыми иконами и честными крестами в находившуюся там поблизости церковь святого Николы, называемого Тульский. И отслужили там молебен, а затем архиепископ со всем освященным собором, и старейшины города, и все множество православного народа вместе с женами и детьми пошли в город крестным ходом. И бесчисленное множество народа устремлялось к новоявленной чудотворной иконе, тесня друг друга, а иные, ступая по головам других, прикасались теменем к чудотворному образу. По повелению архиепископа шел я медленно с чудотворною иконою из-за <большого стечения> людей, и, несмотря на такое множество народа, не отклонился ни вправо ни влево, ведь нес я пречудную и чудотворную икону Носящего все творение и Пречистой его Матери. И в тот же миг образ Пречистой Богородицы явил чудо.

Чудо 1-е

Человеку по имени Иосиф, живущему подаянием, который был незрячим в течение трех лет <о чем он сам поведал>, Владычица даровала прозреть. Но враг, противящийся спасению людей, совратил его вскоре забыть щедрого врача, давшего ему исцеление, — Пречистую Богородицу. Вместо того чтобы сотворить молитву и воздать благодарение, он снова принялся просить деньги, к чему так привык. И утратил веру, и отяжелел леностью, и не получил до конца спасения, но из-за своего неразумия едва путь различал перед собою.

Люди же, увидев то чудо, еще больше укрепились в вере к образу Пречистой. И затем внесли чудотворный образ Пречистой Богородицы в соборную церковь честного и славного Благовещения Пресвятой Богородицы. И там, в соборной церкви, Владычица показала <второе чудо>.

Чудо 2-е

Некоему человеку по имени Никита, не видевшему свет, Богородица даровала прозреть. Припал он к ее чудотворному образу с теплою верою — и получил исцеление, благодаря и славя Бога и Пречистую Богородицу.

Люди же по окончании молебна разошлись по домам своим, в страхе и трепете и великой радости. А наутро архиепископ служил Божественную литургию, и все люди, приходя в соборную церковь к чудотворному образу, приносили дары: один — злато, другой — серебро, и кто что имел, каждый по возможности. И стала являть Пречистая Богородица чудеса свои.

А девочку Матрену, о которой мы рассказывали выше, вместе с матерью ее почли архиепископ, и воеводы, и весь народ.

С чудотворной же иконы сделали список, и написали о ее преславном явлении и о бывших от нее чудесах, и послали в царствующий град Москву самодержавному государю царю и великому князю Ивану Васильевичу, самодержцу всея Руси, и его сыновьям — царевичу князю Ивану Ивановичу и царевичу князю Федору Ивановичу <который ныне, Божией благодатию, государь царь и великий князь, самодержец всея Руси>. И когда увидели христолюбивые цари чудную икону Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, <образ> чтимой ее «Одигитрии», то сильно удивлялись, ибо подобного образа нигде не видели.

И повелели благоверный государь царь и великий князь и его сыновья поставить церковь на месте том, где была явлена чудотворная икона. И повелел <государь> устроить девичий монастырь: построить келии, и оградить монастырь оградой, и дать довольную милостыню священному собору и игуменье из своей царской казны, и 40 сестрам <установить> годовое содержание, — что и было исполнено. Построили деревянную церковь во имя Пресвятой Богородицы, честного ее образа «Одигитрии», и поставили ограду вокруг монастыря.

Честную же и чудотворную икону Пресвятой Богородицы перенесли в монастырь: архиепископ и бояре со всем народом проводили ее с честью крестным ходом и молебным пением. Вышеупомянутую же девочку Матрену постригли в том же монастыре и нарекли в монашестве именем Мавра. Спустя некоторое время постриглась и мать той девочки.

Построили и другую церковь — теплую, с трапезною — во имя Рождества Пречистой Богородицы. И стала Богородица являть чудеса свои.

Чудо 3-е

Некий человек из города Свияжска страдал жестокой болезнью и приведен был с женою своею к пречистому и чудотворному образу, и молился Богородице с теплою верою — и не остался неуслышанным: получил исцеление и, радуясь, возвратился в дом свой.

Чудо 4-е

Однажды принесла мать в церковь своего слепого младенца. Стояла она перед образом Богородицы и со слезами молилась о прозрении ребенка. И вдруг ребенок стал водить руками по лицу своей матери. Весь же народ тогда молился образу Пречистой, архиепископ же стоял на месте своем и смотрел на младенца, и увидел, что ребенок касается руками матери своей. И велел принести красное яблоко и показать ребенку. Ребенок же и яблоко начал хватать, и все убедились воочию, что ребенок прозрел, и прославили Христа Бога и его Пречистую Матерь, Владычицу нашу Богородицу, творящих дивные чудеса.

Чудо 5-е

У некоего сына боярского по имени Ивашка <так его называли>, по прозвищу Кузьминский, была жена, больная ногами; настолько сильной была ее болезнь, что ноги у нее были совершенно недвижимы, и что бы она ни делала, ничего не помогало, но становилось только хуже. И тогда она велела отнести себя к чудотворному образу Пречистой Богородицы; и, отслужив молебен, просила милости со слезами и с великою верою, — и вдруг получила исцеление, и возвратилась в дом свой с радостью.

Чудо 6-е

А это случилось в деревне сына боярского Василия Рагозина: жене одного поселянина явилась Святая Богородица и велела ей идти к образу Пречистой в Казани, и <велела> передать мужу, чтобы и он шел помолиться чудотворному образу. Но та не послушала слов Ее и мужу ничего не сказала. Тогда явилась ей сама Владычица во второй раз: и в тот же миг взяла некая Божественная сила руку ее и ударила по лицу ее, и рука ее усохла. И пришла женщина в город, и рассказала архиепископу обо всем, что случилось с ней по порядку. И пришла к чудотворному образу — и получила исцеление, и тотчас «стала рука ее здорова, как и другая», и возвратилась в дом свой, радуясь.

Чудо 7-е

Некий человек в городе Казани, именем Исаак, по прозвищу Бык, сын некоей благочестивой и богобоязненной вдовы по имени Улита, просвирни церкви верховных апостолов Петра и Павла на посаде, пребывал в расслаблении два с половиною года. О болезни его знали все живущие вокруг: о том, что он немощен ногами и до пояса <недвижим>.

И попросил он свою мать пойти к чудотворному образу Пречистой Богородицы отслужить молебен. А сам, лежа у себя в доме на кровати, стал плакать перед образом Пресвятой Богородицы и со слезами просить, чтобы и ему самому увидеть чудотворный ее образ. И в ту же минуту почувствовал некоторое облегчение и, милостью Богородицы, вдруг сам встал на ноги, и начал осторожно ступать. И, взяв два посоха и опираясь на них, направился в монастырь к чудотворному и всемилостивому образу Богородицы.

О, велики чудеса твои, Богородица! В то время, когда мать со слезами молилась о сыне, он сам неожиданно пришел в монастырь! Мать увидела его и крайне изумилась, а когда пришла в себя, то сама убедилась в том, во что столь трудно было поверить. И усилили они слезные мольбы к Богородице о полном его исцелении, и даровано было ему окончательно выздороветь. И воздали они благодарение и хвалу Господу Богу и Пречистой Богородице в тот день, 30 апреля, и возвратились в дом свой, славя Бога, творящего дивные и преславные

чудеса.

Чудо 8-е

Жена некоего пришельца из Полоцка, попа Григория, именем Елена, жила в селе Тагашеве <так называлось то место> и три года страдала глазами. И от такой долгой болезни совсем потеряла зрение, так что ничего уже не видела. И услыхала о многих и преславных чудесах, являемых от иконы Пречистой Богородицы в городе Казани, и пошла в город к чудотворному образу просить милости. И не дойдя до Казани семи верст, внезапно прозрела: и показалось ей, будто она никогда и не болела. И, придя в монастырь к чудотворному образу, воздала хвалу Господу Богу и Пречистой Богородице.

Чудо 9-е

Поведал нам инок Иосиф, который теперь ключник кладовых в обители Пречистой, а тогда жил в Троицком монастыре в Казани.

Случилось так, что из-за болезни глаз он совершенно перестал видеть, и тогда дал обет отслужить молебен Пресвятой Богородице. И когда в воскресенье пришли священники с чудотворным образом Пречистой Богородицы служить молебен в соборной церкви честного и славного ее Благовещения, Иосиф во время молебного пения прилежно молился у чудотворного образа, но не получил исцеления и ушел в скорби. И прилег он от слабости, и забылся сном. И видит в тонком сне икону Святой Богородицы, и слышит от иконы голос, повелевающий <ему>: «Встань и иди в обитель Пречистой, и отслужи молебен, и утри лицо свое пеленою, и получишь исцеление».

Он же, встав скоро, попросил отвести себя в монастырь Пречистой Богородицы. И отпел молебен, и попросил окропить себя святой водой, и утерся пеленой от образа Пречистой. И в ту же минуту оставила его болезнь: и увидел он свет, и восславил Бога и Пречистую Богородицу.

Чудо 10-е

Некий человек по имени Козьма Окулов из города Лаишева пребывал в помрачении ума. Родные советовали ему идти в Казань в монастырь к Пречистой Богородице. Он же, придя в себя, стал молиться Пречистой Богородице об исцелении. И помощью Пресвятой Богородицы почувствовал облегчение. И, исполняя данное им <тогда> обещание, пришел в монастырь, и сподобился видеть образ Пречистой, и отпел молебное пение — и получил полное исцеление. И выздоровел, и возвратился в дом свой, радуясь и славя Бога и Пречистую Богородицу.

Чудо 11-е

У некоего казанца по имени Антон, по прозвищу Кашевар, была жена именем Пелагея; и не видела она около сорока дней. Услышав о многих и преславных чудесах от чудотворного образа Пресвятой Богородицы, пошла она в воскресный день в монастырь Пречистой, и, исполненная веры, не обманулась в своей надежде, но получила исцеление.

Когда по окончании соборного молебна вышли священники с чудотворной иконой Богородицы, та женщина, сойдя с паперти церковной, встретила икону Пречистой — и в ту же минуту прозрела. И возвратилась в дом свой, радуясь, благодаря и славя Бога и Пречистую Богородицу.

Чудо 12-е

Некий человек по имени Трофим Ларионов, Холмогорского уезда, Листра-островской волости, находясь в городе Самаре, заболел: одолела его сильная лихорадка, а потом и глазам его стало худо. Он же, услышав о неизреченном милосердии Пречистой Богородицы, о том, что подает она нескудеющие исцеления от чудотворной своей иконы просящим у нее с верою, стал молиться Пресвятой Богородице об исцелении.

И вдруг видит во сне икону Пречистой Богородицы, стоящую у него в изголовье, и слышит голос от этой чудотворной иконы <назвавший его по имени>: «Иди в город Казань к моему образу, и там получишь исцеление». Он же, проснувшись, почувствовал немалое облегчение от лихорадки, и глазам его стало легче, чем было прежде.

И пришел он в город Казань в монастырь Пречистой Богородицы во время Святой литургии, и стал безутешно плакать перед образом Пречистой и молить ее с верою: «Дай мне, о Владычица, то, что мне обещала, по милосердию твоему; ведь немалый путь прошел к Тебе!» И во мгновение получил исцеление от обеих болезней: и глаза его прозрели, и телу вернулось здоровье.

И прославил он Бога и Пречистую Богородицу, рассказывая всем людям о дивном и преславном <чуде> от иконы Пречистой, о ее милосердии и о скором своем исцелении.

Чудо 13-е

В городе Свияжске при церкви святого великого чудотворца Николая, называемого Жилецкий, был священник по имени Иван, и была у него жена

именем Домна. Соседка ее, по наущению дьявола, — то ли из добрых чувств, то ли имея злой умысел, — напоила ее до беспамятства, до такой беды, что она, возвращаясь домой, осрамила и себя, и мужа, так что и платок потеряла, и шла с непокрытой головой. И многие люди смеялись над ней, другие же скорбели о таком ее сраме, потому что муж ее был человек достойный, ненавидевший пьянство и не общавшийся со злом, каким мы все знали его. Самого же священника тогда не было в городе, но был он в отлучке по какому-то делу.

Когда же утром следующего дня жена его услыхала, какая с ней случилась беда, то впала в отчаяние и от страха или от стыда тяжело заболела, и сделалась одержимой злым бесом. Болезнь же ее была очень тяжелой; каждый день и ночь до десяти раз и более случалась с ней лютая эта напасть, когда она скрежетала зубами, испускала <изо рта> пену, суставы ее страшно трещали, — о чем рассказал нам сам священник Иван. И продолжались такие ее тяжкие мучения около тридцати пяти недель.

Священник же тот Иван беспрестанно молил Бога и Пречистую Богородицу об исцелении жены своей, и призывал на помощь святых угодников Божиих, и не один раз возил жену в Казань к чудотворному образу Пречистой Богородицы, но не получал утешения.

Седьмого же февраля 7101 <1593> года он снова привез жену свою в монастырь к Пречистой Богородице и со многими слезами молил Бога о ее исцелении. Одиннадцатого же февраля игумении монастыря Марии был голос во сне, чтобы велела она прикладывать беснующуюся кчудотворному образу, когда бес станет ее мучить. Игумения Мария тотчас распорядилась, чтобы так и поступили. И когда бес стал ее мучить, взяли беснующуюся и приложили к чудотворному образу Пресвятой Богородицы — и в ту же минуту избавилась она от лютого беса и получила исцеление. И воздали они многие хвалы и благодарения Богу и Пречистой Богородице, и пошли в дом свой, славя Бога.

Чудо 14-е

Жил в городе Казани некий человек по имени Дмитрий, по прозвищу Тоскутей, ремеслом скорняк; и была у него жена именем Домна. И случилась с ней тяжкая болезнь: скрючило у нее руки и ноги. И столько страданий доставляла ей эта болезнь, что видевшие ее от жалости плакали. Дочь ее, девочка по имени Неонила, страдала этим же недугом и переносила такие же мучения, как и ее мать. В болезни своей взывали они со слезами к Пречистой Богородице, молясь о своем исцелении. И продолжалась у них эта болезнь целый месяц.

Дмитрий же, взяв жену свою, отвез ее в монастырь, в церковь явления честного и чудотворного образа Пресвятой Владычицы Богородицы. И стала жена его со слезами молить Пречистую Богородицу об исцелении, так что и не знавшие ее плакали и рыдали. Дмитрий же отправился домой, желая и дочь привезти к чудотворному образу Богородицы.

А <дома> ждала его нечаянная радость: когда вошел он в дом, то увидел, что дочь его здорова и более не страдает от болезни. И, благодаря Бога и Пречистую Богородицу, поспешил он к жене — рассказать ей об исцелении дочери. Случилось же это в то время, когда на Литургии читали Святое Евангелие.

И во время того же самого чтения Святого Благовествования избавилась от недуга и жена его — и выздоровела, будто никогда и не болела. О чудо! как пострадали мать и дочь в одно и то же время от жестокой болезни, по действию дьявола, так в одно и то же время и исцеление получили от пречудной и чудотворной иконы Богородицы!

Дмитрий же и все люди, увидев предивное и скорое исцеление Пречистой Богородицей жены и дочери его, воздали сугубое благодарение Богу и Пресвятой Богородице.

Расспрашивали и жену его: как это случилось, что один и тот же недуг поразил ее и дочь в одно и то же время? Она же подробно рассказала, <как это произошло>. Была она у одного из соседей на обеде и, когда спустя некоторое время возвращалась домой, нашла на дороге маленький узелок — и подняла его, и принесла домой. Дома же развязала тот узелок и нашла в нем серебряную монету и два ореха. Один орех она съела сама, а другой дала дочери — оттого они обе и пострадали.

Чудо 15-е

Некоего человека по имени Афанасий Ерофеев, родом из Ярославля, привели в воскресный день в соборную церковь честного Благовещения Пречистой Богородицы. Несколько человек с большим трудом ввели его в церковь, ибо он бесновался и вырывался изо всех сил, никого не видя и ничего не говоря.

И принесли тогда, как обычно, в соборную церковь чудотворную икону Богородицы. И поставили одержимого перед местным образом честного и славного Благовещения Пречистой Богородицы и перед этою чудотворною иконою. Он же ничего не видел и ни слова не говорил.

После пения молебнов взял я святую воду и окропил его. И взгляд его прояснился, и стал он понемногу приходить в себя. И увидел образ Пресвятой Богородицы и вымолвил: «Пречистая!» — и тогда <подвели> его приложиться к чудотворному образу Богородицы и к другим святым иконам. И вскоре начал он говорить.

По окончании молебна понесли чудотворную икону в монастырь. Мы же, по обычаю, проводили святую и чудотворную икону Богородицы, а тому Афанасию

повелели возвратиться в соборную церковь на Божественную литургию. Когда же начали читать Святое Евангелие, этот вышеназванный Афанасий совершенно исцелел по молитвам Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, которые она приносит о всех нас Сыну своему, Христу Богу нашему.

Мы же спрашивали его, что с ним случилось: как и отчего началась у него эта болезнь? Он же рассказал: «Увидел я ночью, как пришли многие толпы бесов...» — и стали грозить ему муками, и внушали ему в помыслах, будто возносят его ввысь, а потом низвергают вниз, и <много> другого зла над ним совершили.

Длилась же его болезнь две недели. И, милостью Божией и молитвами Пречистой Богородицы, возвратился он домой исцеленным, радуясь и благодаря Бога и Пречистую Богородицу.

Чудо 16-е

Жил со мной в одной келии инок Арсений, называемый Высоким, который потом был архимандритом Спасо-Преображенского монастыря. И вот однажды разболелась у него нога; одни считали эту болезнь подагрой, другие называли ее как-то иначе. Мы же, ничего в этом не понимая, не знали названия этой болезни; но так сильно она у него болела, что он и здоровой ногой едва мог ступать, когда возникала необходимость; и из келии, кроме великой нужды, не выходил вовсе из-за этой болезни.

А в это время пришло к нам повеление от самодержавного государя всея Руси, царя и великого князя Федора Ивановича, благословить и поставить вышеупомянутого Арсения архимандритом Казанского Спасо-Преображенского монастыря по просьбе иноков той обители. Поставить же его тогда было невозможно из-за сильной его болезни.

Наступил праздник Преполовения <Пятидесятницы>, в который святая и апостольская Церковь установила праздничный обычай повсеместно исходить с литиею и совершать молебны. И еще не успел я выйти из келии в церковь, как пришли, по обычаю, священники с чудотворной иконой. Вышеупомянутый же Арсений смотрел в оконце келии и со слезами молился Богородице об исцелении. И вдруг заплакал он навзрыд и стал благодарить Бога и Пречистую Богородицу, и рассказал о своем исцелении: «Только произнес я молитву и прослезился, как в тот же миг Богородица явила на мне свое милосердие!» И после этого он сам пошел из келии в соборную церковь. И пришел в церковь, и пел молебен, воссылая благодарение Богу и Пречистой Богородице за свое исцеление.

Неисчислимое множество исцелений подается от образа Пречистой Богородицы приходящим с верою. Но кто сможет подробно и стройно описать <все> чудеса Богородицы? Я же дерзнул написать только малое от великого, и многое упустил, ибо как широта земли и глубина моря, так и чудеса Богородицы неисчислимы.

Написал же я это для того, чтобы не были они забыты в последующие времена.

Благочестивому же и самодержавному государю царю и великому князю всея Руси Федору Ивановичу все это было известно с самого начала, с тех пор как явился этот целебный источник — чудотворная икона Пресвятой Владычицы нашей Богородицы. И слышал я из его царских уст слова теплой веры и духовного горения, обращенные ко мне, рабу его и богомольцу, в то время, когда велел он поставить меня, Божиим изволением, в сан митрополита: «Слышали мы о милостивом и неизреченном человеколюбии Божии и Пречистой Богородицы к нам: о том, как явила Богородица пречудную и чудотворную свою икону в отчине нашей Казани, простирая на нас милость свою, и как подает неизреченные исцеления приходящим к ней с верою. Хочу же, сказал он, восполнить недостающее», — что и было исполнено по его царскому повелению.

14 апреля 7102 <1594> года, в неделю святых жен-мироносиц, в день памяти святого Мартина папы Римского, заложен был предивный храм в честь Пречистой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, в память честного и славного явления ее чудотворного образа Одигитрии. А в одном из приделов — престол честного и славного Успения Богородицы, а в другом — престол в честь святого благоверного великого князя Александра Невского, во иноках Алексея, нового чудотворца.

Была же освящена эта святая церковь вместе с приделами 27 октября 7103 <1594> года, в воскресенье, в день памяти святого мученика Нестора. И деисус большой был обложен серебром в том же году. И повелел благочестивый государь царь и великий князь Федор Иванович, самодержец всея Руси, украсить церковь святыми местными иконами, и книгами, и ризами, и прочей церковной утварью, — что и было исполнено.

Саму же пречудную и чудотворную икону Пречистой Богородицы предивно украсил золотом и драгоценными камнями и крупным жемчугом хранитель царских сокровищ Деменша Иванович Черемисинов.

В обители же живут 64 монахини. Хлеб и деньги и все необходимое идет им из царской казны.

Мы же, благодатью Божией и Пречистой Богородицы, хвалимся и веселимся чудотворным ее образом и воспеваем победную песнь Сотворившему дивные чудеса в Троице славимому Богу — Отцу и Сыну и Святому Духу, — и Пресвятой Богородице, ныне и присно и во веки веков! Аминь.

Повесть о житии царя Федора Ивановича

Подготовка текста В. П. Бударагина, перевод и комментарии А. М. Панченко

ВСТУПЛЕНИЕ

«Повесть» написана в царствование Бориса Годунова, то есть между 1598 и 1605 гг. Автор «Повести» Иов в молодости принял постриг в Старице, в Успенском монастыре, где около 1569 г. стал архимандритом. Впоследствии настоятельствовал в столичных монастырях, Симоновом и Новоспасском. С апреля 1581 г. — епископ Коломенский, с января 1586 г. — архиепископ Ростовский, с 11 декабря 1586 г. — митрополит Московский и всея Руси. Иову было суждено стать первым русским патриархом (посвящен в кремлевском Успенском соборе 25 января 1589 г.). Близкий к Борису Годунову, Иов остался верен и несчастному его сыну Федору Борисовичу, убитому сторонниками Лжедмитрия. В июне 1605 г. приверженцы самозванца «свели» Иова с патриаршества, схватив его во время службы в Успенском соборе и ограбив его палаты. На убогой телеге Иов был увезен в Старицу; там, ослепший, он умер 19 июня 1607 г.

Иов был довольно плодовитым автором. Ему принадлежат «Духовная грамота» (с автобиографией и панегириком Борису Годунову), ряд посланий (царице Ирине по случаю смерти ее дочери Федосьи, грузинским царю и митрополиту, и др.), канон и службы Иосифу Волоцкому по случаю установления общерусского праздника этому святому. Творческие установки и стиль Иова типичны для официальной литературы «второго монументализма» с ее жесткой этикетностью, пышной риторикой и даже демагогией.

В «Повести» Иов изображал не столько то, «что было», сколько то, «что должно было быть». Это сказывается в отборе фактов, в их интерпретации, в обрисовке главных персонажей. Их в «Повести» три: последний монарх из дома Калиты Федор Иванович (1557—1598, венчался на царство 31 мая 1584 г.); его ровесница и жена (с 1580 г.) Ирина Федоровна Годунова, которая, овдовев, постриглась в Новодевичьей обители с именем Александры; царский шурин Борис Федорович Годунов, достигший полноты власти уже в царствование Федора Ивановича (Годунов получил высшие чины «конюшего боярина», «царского слуги», а также особый, ранее в государственной практике не существовавший титул «изрядного правителя»).

Из трех главных персонажей лишь царица Ирина осталась вне этикетной идеализации. Эта единственная в «Повести» женщина изображена любящей супругой и неутешной вдовой, что, насколько нам известно, вполне соответствует действительности. От реального царя Федора созданный Иовом персонаж унаследовал богомольность (Федор, как пономарь, и в последние свои годы хаживал звонить на колокольню) и кротость (совершенно лишенный властолюбия, Федор устранился от дворцовых интриг). Скудоумие болезненного, отечного, с неверной походкой и блуждающей улыбкой царя в «Повести» отражения не получило. Больше всех идеализирован Борис Годунов. Он, в частности, представлен выдающимся полководцем, хотя ратных заслуг у этого превосходного администратора не было.

О том, что Иов опускал все события, которые могли бы бросить тень на его идеальных героев, красноречиво говорит умолчание о трагической смерти царевича Дмитрия и вообще об углицком деле. О том, что все происходившее Иов

трактовал исключительно в благоприятном для этих героев свете, свидетельствует рассказ об учреждении патриаршества на Руси. В «Повести» находим идиллию: приехавший в Москву константинопольский патриарх Иеремия с радостью и без раздумий посвятил Иова. На деле не обошлось без нажима и угроз, без щедрого «жалованья» Иеремии: боявшийся турок, он сам был не прочь остаться в Москве и занять русский патриарший престол и с большой неохотой пошел навстречу пожеланиям московских властей.

При всем своем почтении к литературному этикету Иов вовсе не лишен писательского дарования. Он не стремится блистать эрудицией, из Писания большей частью цитирует Псалтирь — книгу, которая в те времена заменяла букварь и которую знал наизусть каждый обученный грамоте. Это не случайно: Иов сочинял не для высокообразованной и малочисленной элиты, а для «широкого читателя». Отсюда — творческая установка на эмоциональность, отчетливо проявившаяся в «плачах» по царю Федору. В этом жанре, объединяющем традиции и письменности, и фольклора, Иову удалось достичь высокого художественного уровня.

Текст публикуется по списку *БАН,* 17.2.5, т. 2, л. 280 об.—308 об., второй половины XVII в. «Повесть» здесь дополняет Никоновскую летопись. По этому списку «Повесть» издана в кн.: *ПСРЛ.* СПб., 1910. Т. 14. С. 1—22.

ОРИГИНАЛ

ПОВЕСТЬ О ЧЕСТНѢМ ЖИТИИ БЛАГОВѢРНАГО И БЛАГОРОДНОГО И ХРИСТОЛЮБИВАГО ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ФЕДОРА ИВАНОВИЧА ВСЕА РУСИИ, О ЕГО ЦАРЬСКОМЪ БЛАГОЧЕСТИИ И О ДОБРОДѢТЕЛНОМЪ ИСПРАВЛЕНИИ, О СВЯТѢМ ЕГО ПРЕСТАВЛЕНИИ. ПИСАНО СМИРЕННЫМ ИЕВОМ ПАТРИАРХОМ МОСКОВСКИМ И ВСЕА РУСИИ

Небеси убо величества и высота недостижна и неописуема, земли же широта и долгота неосяжима и неизследима, морю же глубина неизмерима и неизпытуема. Святых же и крестоносных преславнейших росийских царей и великих князѣй многая добродетелѣм исправления неизчетна и недоумеваема. Аще убо кто будет и от силных в разсужении и глубокоразумного росийского языка, аще и грамотичными художествы и риторскою силою преукрашени будутъ доволне, но благочестивых сих самодержавнейших царей добродетелем величества по достоинству изповѣдати не могутъ.

Мы же убозии и груби разумом, аще и недоволнии о семъ помыслити, но благодать человѣкалюбиваго Бога в помощь призвавше и Святаго Духа наставника имуще, мала нѣкоя приемше добродетелных благодѣяний, в почесть всѣмъ предлагаемъ, да разумно будет всемъ слышащимъ нами днесь глаголемая ясно. Приидетѣ, услышите, и повем вамъ, вси боящиеся Бога, елика сотвори Господь в последнемъ нашем роде в земли благочестивыя Руския державы. Хощет бо ныне слово составити повесть, якоже нѣкую сладостнѣйшую и честную предложити ядь, да не многими лѣты великое Божие человѣколюбие, еже на нас сотворшѣеса, забвѣния глубина покрыетъ, но вмалѣ писанию предавше, да извѣстно будетъ всѣмъ и в вѣчныя роды, о немже нынѣ разумъ писания изъявляетъ.

Бысть убо, глаголю, во время, како убо бысть и в которое врѣмя, егда убо благочестивая и православная хрестиянская вѣра в Велицей Росии паче солнца сияющи и своя свѣтозарная луча во всю вселенную испущающе, якоже глаголетъ

пророкъ, отъ моря и до моря и от рѣкъ до конец вселѣнные[1] слава ея простирашеся, и благочестивыхъ и крестоносныхъ християнских царей Руския державы скипетродержавъство велелѣпъне цвѣтуще, и благородный царский корень многими лѣты непременне влечашеся отъ великого Августа кесаря римского,[2] обладающего всею вселенною, якоже история повѣдаетъ, и до самого святаг сего царьствия богохранимыя державы великого Росиского государства благовѣрнаго и христолюбиваго царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии. Той же убо благочестивый царь и великий князь Федор Ивановичь всеа Русии сынъ бѣ преименитого государя и храброго царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии, царьствовавшего в Велицей Росии 49 лѣтъ и мѣсяцъ 9 на престоле приснопамятнаго отца своего великого князя Василья Ивановича всеа Русии и дѣда своего великого князя Ивана Василевича всеа Русии. Той же убо благочестивый царь и великий князь Иванъ Васильевичъ всеа Русии бѣ разумомъ и мудростию украшен и въ храборскихъ побѣдахъ изряденъ и к бранному ополчению зело искусѣнъ и во всѣхъ царских исправлениих достохвален явися, великия израдныя побѣды показа и многия подвиги по благочестии совершив. Царьским своимъ бодроопасным правлениемъ и многою премудростию не токмо всѣхъ сущих богохранимыя державы своея в страх и в трепет вложи, но вся окрестныя страны невѣрныхъ языкъ, слышаще царьское имя его, с великою боязнию трепетаху. Прочая же его царьского исправления добродетѣли слово инде изъявитъ.

Тогда же убо благовѣрный царь и великий князь Иванъ Василиевичь всеа Русии преиде въ пятьдесят третьеѣ лѣто возраста своего, случися ему велия болѣзнь, в нейже проувидѣвъ свое к Богу отшествие, восприятъ великий ангелъский образ и наречен бысть во иноцех Иона, и по сѣмъ скорѣ остави земное царьство, ко Господу отиде лѣта 7092-го марта въ 19 день; и по преставлении своемъ вручивъ превеликий скифетръ Росийскаго самодержавного царствия и свой великий царьский престол предастъ благородному сыну своему благочестивому и христолюбивому царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии. Царь же и великий князь Федор Ивановичь всеа Русии по преставлении приснопамятнаго отца своего царя и великого князя Ивана Василевича всеа Русии Божиим изволением и отческим благословением приемник бывает царского престола всея Великия Росии. Возведенъ же бысть и вѣнчанъ царским венцем преосвященным митрополитом всеа Русии кир Дионисиемъ,[3] иже в та лѣта содержаша кормило великия и кафолическия церкви Пречистые Богородицы чеснаго и славного ея Успения и содержаше престол великих чюдотворцовъ Петра и Алексѣя и Ионы внутрь царьствующаго града Москвы. Бѣ же тогда благочестивый царь и великий князь Федор Ивановичь всеа Русии яко лѣтом *27.*

Сей убо благочестивый самодержецъ праведный и досточюдный и крестоносный царь и великий князь Федоръ Ивановичь всеа Русии древнимъ бо царемъ благочестивымъ равнославенъ, нынѣшним же красота и свѣтлость, будущимъ же сладчайшая повѣсть и слуха благое насладждения, не токмо единыя Росийския богохранимыя державы, но всея подсолнечныя пречестнѣйши быти *явися.* Еще бо от царьския своея юности исполненъ сый духовныя мудрости. Аще бо и безчисленными изрядными и многоценными красными вѣка сего обнимаем бѣ, ни о едином же их прилежнѣ внимая, ниже о сих когда веселя. Точию о памяти Божией и о всѣхъ добродѣтелѣхъ попечение имы, и не еже бо памя*то*вати ему житейских сихъ многоцѣнныхъ и красных и к симъ вседушно пригвоздитися, но жалая ото всѣхъ Содѣтеля и Промысленника вѣчных благих насладитися и Небесного Царьствия сподобитися. Кто убо доволенъ по достоянию явится сказати яже благочестиваго сего царя достохвалное добродетелемъ исправление? Или кто дерзнет коснутися повесть составити о святѣмъ его житии? Аще бы и

превысочайшего Росийского царствия честный скифетръ содержаше, но Богу повсегда умъ свой вперяше и душевное око бодренно и неусыпно храняше и сердечную вѣру выну благими дѣлы исполняше. Тѣло же убо свое повсегда удручаше церковными пѣнии и дневными правилы и всенощными бдѣнии и воздержанием и постом, душу же свою царскую умащая поучением божественных глагол и вниманием, и благихъ нъравъ удобрѣние украшая прилѣжно.

Ныне же паки слово помянути хощетъ и другая его царская достохвалная исправления, да не предана будетъ забытию словеси, иже памяти достойна. Еже быша въ лѣта приснопамятного отца его благочестиваго царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии нечестивыи болгари, иже близ Русии пребывающе, живуще по реце глаголемей Волзѣ, во мнозѣх лѣтех приходяще на предѣлы Русийскаго его государства[4] и многия пакости деюще православъным християном, брани составляюще и пленующе непрестанно. По вся лѣта воеваху и православнаго християнства кровь, яко рѣчьные быстрины, изливашеся. Мнози же православнии християне отъ нечестивыхъ побиени быша, ови же в плен отведени и многия и различные муки претерпѣша.

Царь же и великий князь Иванъ Васильевичь всеа Русии в лѣто 7061-го, видевъ нечестивых богомерское озлобление, подвижеся на нечестивыя, поиде во мнозе силе и град ихъ великий Казань взят, пределы их Казанския вся поплени и многое множество нечестивыхъ болгар погуби, оставших же от плѣна всѣхъ под свою под царскую десницу покори. Не по мнозех лѣтех по сем бранномъ ополчении Божиими судбами царь и великий князь Иванъ Васильевичь всеа Русии ко Господу отиде, по нем же достохвалный сынъ его благочестивый сей царь и великий князь Федор Ивановичь всеа Русии царствия скифетръ приемлет, якоже и преже явлено бысть. Нечестивии же болгари, гордостию бесовскою возношахуся, паки на благочестие востают и пришедше на пределы Росийскаго государства, якоже и преже, пленующе намнозе.

Видевъ же сия преблагий человѣколюбивый Богъ нашъ и не остави до конца погибнути наслѣдию христоимѣнитого звания, вложи в сердце благочестивому царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии, яко да православное християнство от нечестивых насилования исторгнетъ. Благочестивый же царь, истинный рачитель благочестия, слышавъ сия, божественною ревностию разжегся, повелѣ изрядному своему правителю Борису Федоровичю послати многое свое воинство на нечестивые болгары. Достохвалный же правитель Борис Федоровичь вскоре повелѣние благочестиваго царя исполняетъ, собираетъ многое христолюбивое воинство и воеводы им поставляетъ и в велицей силе, изоруживъ, на болгары посылаетъ. Воинство же благочестиваго царя пришедше в предѣлы Болгарския области и тамо, намнозе пленующе, воеваше; и Божиим пособиемъ нечестивыи побежени быша и мнози от них острием мѣча падоша. Они же, видѣвше христолюбиваго воинства храброе ополчение и невозвратное устремление и свою погибель пред очима зряще, вскорѣ ко благочестивому царю рабское покорение принесше. Царь же и великий князь Федор Ивановичь всеа Русии повелѣ многия грады своя в предѣлех ихъ поставити,[5] и оттуду же царьским его благостройнымъ правителством вся страны Болгарския в велицем покорении и в рабском послушании под его царскою десницею и доселѣ пребываютъ. Не точию же сия нечестивыя болгары под свою царскую десницу покори и послушни во вѣки сотвори, но и Сибирскую страну всю и живущих въ ней злочестивых сыроядцевъ себѣ рабы сотвори и всею землею их облада, и многия от них своя царские уроки и дани по вся лѣта приимая, и тамо нечистыя и бесовския службы вся разоривъ и грады многия возгради[6] и православными

християны вся насѣи, божественные церкви созда и благочестие велие царьскимъ его правлением устроися, даже и доныне непремѣнно пребываютъ.

К сим же и прочая царския добродетели да неумолчныи будутъ: зѣло бо бѣ нищелюбивъ, вдовица и сироты милуяй, паче же священнический и иноческий чинъ велми почитая и пространною милостынею повсегда удовляя. И толику ревность по благочестии показа: не токмо во всѣй державе богохранимаго его царствия, но и во всю вселенную непремолчная слава благочестия его, яко солнечныя луча, простирашеся, и толма милостив бѣ, яко не точию въ своей богохранимой державе пространную милостыню требующим подавая, но и в далныя страны земля, яко нескудная река, повсегда изливашеся. Глаголю же, во Святую гору Афоня и во Александрѣю и в Ливию и в Великую Антиохию и во вся святая мѣста, да иже и до самого Божия града Иерусалима, пространная милостыня по вся лѣта от него посылашеся.

Изыде же слух о его благочестивомъ добродетелномъ исправлении и до самого царствующаго Констянтинаграда и вниде во уши святѣйшаго патриарха кир Иерѣмея. Той же убо патриархъ Иерѣмей, слышавъ сицева благовѣрного царя Федора Ивановича всеа Русии добродетелное исправление и великое благочестие, вскорѣ подщася преитти толики долгий и скорбный путь, прииде въ Великую Росию, жалая видети великия християнские соборные Церкви изрядное украшение и благовѣрнаго царя Федора Ивановича великое благочестие. Якоже и древле южеская царица Сивилла приходяще от востокъ во Иерусалим, хотя видети премудрость Соломанову,[7] такоже и сѣй свѣтѣйший патриархъ Иеремей, велиею ревностию о благочестии распалаяся, отложивъ многолѣтную старость и забывъ великий труд, вскоре ко благочестивому царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии приходить, яко нѣкий добрый купѣцъ, несый с собою не злата богатства, ниже драгих камыков честности, но самое неистощимое духовное сокровище благодати безценного бисера Христа или, яко некий пречестный даръ, великого патриаршества сан. Престол же тогда Великия Руския митрополия содержашеся пресвященным кир Иевом митрополитом всеа Русии.

Царь же и великий князь Федор Ивановичь всеа Русии с великою любовию и неизреченною радостию патриарха Иерѣмея приемлетъ и достойную честь святителству его воздаетъ, от него же миръ и благословение приемлет и своими царскими многими потребами его по вся дни удоволяя. Посем же благочестивый царь и великий князь Федор Ивановичь всеа Русии совѣтъ свой царской с патриархомъ Иеремѣемъ полагаетъ, да поставитъ в Велицей Росии въ его богохранимой державе патриарха по правилом святых апостол и святых отецъ. Патриархъ же, слышав совѣтъ благочестиваго царя, зѣло удивися царскому великому благочестия желанию и нача помышляти в себѣ, како устроити на престоле Руския митрополии патриарха, поминая предания святыхъ апостол и заповеди святых отецъ, яко четырем токмо быти патриархомъ: въ Велицей Антиохии и во Иерусалимѣ и въ Констянтинеградѣ и во Александрѣи; пятому быти папе въ Римѣ. Известно бо, вѣды, яко римский папа многими лѣты благочестия отлучися и християнские истинные вѣры отпаде, ово же помышляя, яко ныне царьствующий Констянтинъград неверными обладаем и благочестивая вѣра ими нѣнавидима бываетъ, и многие брани на благочестие повсюду устрояютъ; в Велицей же Росии видѣвъ толикое православие, многими лѣты цвѣтуще, яко солнце на тверди небесней сияше, наипаче же пречестнѣйши сего узрѣ и самую Матери Божия Слова церковь, неизреченною лѣпотою украшену, и в ней многия священныя вещи и всякия святыни в различных и многообразных потребах устрояеми, иже в похвалу и славословие вседержителю Богу и

Пречистой Богородицѣ и всѣмъ святым; и видѣвъ пречестные и златокованныя раки, в нихже яко некое многоценное сокровище лежаше многочюдесныя и целбоносныя мощи великих чюдотворцов, руских митрополитовъ Петра и Алексѣя и Ионы,[8] многими лѣты ничим невредимы; и благочестиваго царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии теплое рачителство и вѣру к Богу и великое прилежание и многое попечение, еже имѣя о исправлении всего благочестиваго народа православного християнства, зѣло удивися о семъ и хвалу воздав всемогущему Богу и упование положи на его превеликих щедрот милость, и поставляетъ в Велицѣ Росии патриарха на Рускую митрополию бывшаго тогда митрополита Иова в лѣто 7097-го, нарицая его быти четвертому патриарху. В мѣсто же папино константянополский патриархъ оттуду начатъ нарицатися.

Царь же о семъ зѣло возрадовася и его превеликою честию потчте и многоценными великими дары одаривъ, не по мнозе времяни с великою честию отпустивъ ево во Царьград.[9] И егда убо патриархъ Иеремей достиже царского града, собирает все свое христоименитое стадо православнаго християнства и с велицем удивлением начат повѣдати, елико видѣ въ Велицей Росии благочестивыя християнския церкви греческаго закона пречюдное украшение и царское изрядное благочестие и всѣх православных християн божественных догмат исправление; к сему же и многоцѣнныя дары показуя, иже приятъ от руки благочестиваго християнского царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии; по сих же возвещает всемъ и патриаршеское иже в Велицей Росии поставление.

Они же, слышевше таковое благочестие, въ Велицей Росии просиявшеѣ, нача со слезами благодарити всемилостиваго Бога, глаголя: «Щедрый и милостивый Боже! Вся строя на ползу всѣмъ вѣрующимъ в тебѣ, единаго истинного Бога, яко утвердилъ еси толикое благочестие в послѣднем нашемъ роде в земли благочестивые Руския державы! Такоже, премилостивый Боже, сотвори с нами древнюю свою милость и не предаждь в поношение врагомъ достояния твоего! Ты бо еси Богъ нашъ, мы же — людие твои и овца пажити твоея, и сохрани, Владыко, церковъ и люди своя невреждены от всѣхъ навѣтъ вражиихъ, да не рекутъ супротивнии наши: „Гдѣ есть Богъ их?"[10] Ты бо еси Богъ нашъ, творяй чюдеса, единъ».

По сихъ же патриархъ Иеремия восписует ко всем триемъ патриархомъ, во Александрѣю и во Антиохию и во Иерусалимъ, возвѣщая, еже како бывъ в Велицей Росии и тамо патриарха постави на престолъ Руския митрополия, да воспишут к нему согласная и соединительная писания за своими руками, еже быти в Велицей Росии патриаршескому престолу во веки и к тому не требовати поставления от Констянътинополския церкви патриарха, но своими ему митрополиты в Велицей Росии и поставлятися. Они же, прочет писание, вскоре препослаша, яко достойно быти патриарху в Велицей Росии, въ такове благочестии сияюще, и митрополиты и архиепископы и епискупы коегождо их пределов православных вси к писаниемъ патриаршеским руки свои приложиша. Сие же согласное написание триех патриарховъ с протчими своими митрополиты и архиепискупы и епискупы святѣйший патриархъ Иеремия вскорѣ посылаетъ в Великую Росию к благочестивому царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии, моля его и глаголя: «Приими, о великий самодержавецъ и крестоносный царю, истинныя православныя вѣры теплый рачителю и непреклонный крѣпки побORNиче, сие от нас твоему благочестивому царствию духовное дароприношение, еже от нас ныне принесеся в славу Святыя и Живоначалныя Троицы и в честь Пресвятѣй Владычицы нашея Богородицы и великихъ чюдотворцовъ руских и в достоинство похвал твоего самодержавного

благочестия, да будетъ престол патрияршеский в твоей богохранимой державе во веки. Видев бо преблаги Богъ нашъ толикое твое достохвалное рачение и вѣру несуменну, юже имать царское твое благородие о исправлении всего православного благочестия, и подастъ ти дар возжъделѣненъ по желанию твоему, устроивъ престол великого сана патриаршества нашимъ смирениемъ. И да будет сие соединителное написание о Святѣм Дусѣ брату и сослужебнику нашего смирения, вашему же о Святѣмъ Дусѣ отцу и богомолцу Иеву патриарху на утвержение святителству его и по нем сущимъ патриархомъ всем во вѣки».

Слышав же сия благочестиваго царя добродѣтелное исправление и во всехъ странахъ невѣрных языкъ, июдеи же и еллины, скифи же и латыня и аравития и бесермени, нѣ точию прости, но и сами царюющгш, во всю бо землю, по пророку, изыде слава о нем[11] и в конце вселенныя его благочестие простирающеся — мнози убо оставляюще свою злоскверную прелесть и ихъ злочестивую и богомерскую вѣру проклинающе и со мнозем студом отревающе, ко благочестивому его царствию богохранимыя державы с великимъ тщанием приходяще и со мноземъ молениемъ и ревностию правую нашу християнскую вѣру прияти желающе и во Христа вѣровати непрелестна хотяще. Он же, великий самодержец и благочестивый царь, во всѣмъ, яко чадолюбивый отецъ, являшеся и своея прѣщедрыя милости всѣм неоскудную руку помощи простирая, овѣмъ убо великая села и многая стяжания во одержание подавая, овем же велѣдарными даянии презелнѣ обогащая.

В лѣто же благочестиваго его царствия управляя и строя под нимъ богохранимую державу шурин его, слуга и конюшей бояринъ Борисъ Федоровичъ Годунов. Бѣ же убо той Борисъ Федоровичь зело предизрядною мудростию украшен и саном паче всѣхъ и благимъ разумом превозходя, и пречестным его правителством благочестивая царская держава в мире и в тишине велѣлепней цвѣтуще; и многая тщания показа по благочестии и великъ подвиг совершивъ о исправлении богохранимыя царския державы, яко и самому благочестивому самодержцу царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии дивитися превысокой его мудрости и храбрости, и мужеству. И не точию во своем царствѣ Руския державы изыде слух, но и по всѣмъ странамъ неверных язык проиде слава о нем, якоже никто же ин обрѣтеся в та лѣта во всѣм царстве Руския державы подобен ему храбростию и разумомъ и вѣрою, яже к Богу. И от многихъ стран языческих царей приходяще по славе к царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии з дары многоценными, рабское поклонение и достойную честь царьскому его величеству воздающе и тому изрядному правителю царские богохранимыя его державы, пресвѣтлой красоте лица его и премудрости разуму его чюдящеся; и возвращеся во своя страны, со удивлением превеликую добродетель повѣдающе.

Сей же изрядный правитель Борис Федоровичъ своим бодроопасным правительством и прилежным попечением по царскому изволению многи грады камены созда и в них превеликие храмы в славословие Божие возгради и многие обители устрои. И самый царьствующи богоспасаемы град Москву, яко некую невѣсту, преизрядною лепотою украси: многия убо в нем прекрасные церкви камены созда и великие полаты устрои, яко и зрѣние их великому удивлению достойна; и стены градные окресть всея Москвы превелики камены созда и величества ради и красоты проименова его Царьград;[12]* внутрь же его и полаты купѣческии созда во упокоѣние и снабдение торжникомъ; и ина многа хвалам достойна в Руском государствѣ устроити. Протчая же добродетели пространное инде слово изъявитъ, мы же к повести слово подвигнем и на предлежащеѣ возвратимся.

В седмое же лѣто богохранимыя державы благочестиваго царя и великого князя

Федора Ивановича[13] всеа Русии; тогда быша некия грады царского его достояния Корелския области, навѣтуемыи и озлобляемыи от нечестивых латын, иже нарицаютця германе. Видѣвъ же благочестивый царь свое царское достояние и отеческое наследие, ото многих лѣтъ невѣрными обладаемое, к себѣ возвратити и, яко неких волковъ, губящих стадо Христово, далече отгнати. Паче же и самъ изрядный правитель Борис Федоровичь велию ревностию по благочестии *разгараяся;* и по благому изволению благочестиваго царя вскоре собираетъ многое христолюбивое воинство и посылаетъ в предѣлы немецкия области, не яко да их пленити, ниже грады до основания разорити, но сим паче нечестивых в страх и в трепетъ вложити, да поне сии, мало убоявся нечестивии толикого множества ратных нашествие, благочестиваго царя отеческое наследие и оторженые грады без крове паки к нему возвратятъ. Злочестивыи же германе со христолюбивым воинством благочестиваго царя брань немалу поставляютъ.

Видев же великий самодержецъ жестокое их и непокорное сквѣрное сердце и сопротивное ополчение, ревностию велию по благочестии разгараяся, самъ подвижеся со многою ратию христолюбиваго своего воинства и в помощъ призва человѣколюбца Бога и Пречистую Богородицу и великихъ чюдотворцовъ и благословение приемъ ото отца своего и богомолца Иева патриарха и всего вселенского собора. И поиде на нечестивые немцы, ополчився во мнозѣ силе, моля в себѣ и глаголя: «Суди, Господи, обидящим мя и возбрани борющим мя со мною и помози ми, Господи, якоже дрѣвлѣ Моисѣю на Аммалика[14] и прадеду моему, великому князю Александру, на окоянныя сия нечестивыя немцы».[15] Егда прииде во свое отечество, в Великий Новград, тамо убо преосвященный митрополитъ Александръ, иже содержаше в то врѣмя кормило великия соборныя церкви Софѣи Премудрости Божияго Слова в Велицемъ Новѣграде,[16] и со въсѣм освященным собором и всѣнародное множество с великою радостию сретоша и царскому его величеству раболепное поклоняние и достойную честь воздающе. Туто же благочестивый царь и великий князь Федор Ивановичь всеа Русии паки христолюбиваго своего воинства тмочисленные полки устрояетъ и благоразсудныя им воеводы поставляетъ и на подвиг всѣх к бранному ополчению поощряетъ, аще и до смерти за имя Христово пострадати повелѣваетъ и свое царское жалованье всѣмъ обещеваетъ. С ними же и многие стенобитные пушки, всякие хитросодѣенные вѣщи к разорению градовом предпослати повелѣваетъ, не точию хотя еже бранию сею многое кровопролитие сотворити, но невѣрных на благочестие пременити. Самъ же во своем отечествѣ, в Великом Новѣграде, по семъ немноги дни пребывъ, непрестанныя молитвы повсѣгда Богови возсылая и, руцѣ горѣ воздевъ, на помощъ Всѣсилнаго Бога призывая, и непобѣдимаго воеводу Пречистую Богородицу в помощъ ратных поставляя, и великих чюдотворцов непрестанно умоляя, да на сопротивных помогут и без крове побѣду устоятъ. Оле крѣпкия и твердыя дерзости и мужества! Оле благия царския душа неуклонное ко всѣмъ милосердие! Оле благаго произволения и умышления неотложного избавления ради християнска!

По сем же благочестивый царь прииде в Немецкую область под град, нарицаемы Ругодивъ, и начатъ ко граду с великою бранною хитростию приступати. Видевше жѣ нечѣстивии, сущии во градѣ, благочестиваго царя храброе ополчение и многое воинское собрание, к бранному подвигу неложное устрѣмление и граду своему конечное разорение, и во ужась себѣ влагают, вскоре своея надежды отпадаютъ. И великий страх нападе нань: прислаша ко благочестивому царю неких от града сущих, моление царю предпосласта и ослабы от брани просяще, и царское его отечество обѣщеваютца без крови паки к нему возвратитися. Благочестивый же царь и великий князь Федор Ивановичь всеа Русии, видѣвъ рабское их покорение, в той часъ повелѣ ратнымъ от града отступити и о брани повелѣ престати и

яростное стремление ратных повелѣ удержати и посланныхъ отъ града повелѣ о сем истязати, аще не лѣстию обещаютца и истинною покоряютца. Тогда же нечестивии обет свой вскорѣ исполняютъ и град свой, Иванъ нарицаемый, к сему же и протчии два, Копорью и Яму, благочестивому царю без закоснѣния предают.

Он же, благочестивый самодержецъ, вскорѣ повелѣ Иванъград от нечестивых истрѣбити и всяких еллинъскихъ богомерских гнусовъ повелѣ очистити, и божественные церкви в нем поставляти устрояетъ, и своего царского синклита некоего от бояръ в снабдения града воеводством поставляетъ. Во грады же Копорью и Яму такоже посылаше избранныхъ воевод своих и с ними многое воинство, да и тамо же такоже грады от нечестивых очистятъ. Самъ же благочестивый царь не по мнозех днѣхъ возвратися во свое царское достояние с великою и славною побѣдою и приде во свое отечество, в Великий Новгород. Преосвященный же митрополитъ Великого Новаграда Александръ и весь освященный соборъ с честными и животворящими кресты и с чюдотворными иконами и всенародное множество изыдоша во сретение ему, хвалу Богу возсылающе и благодарные песни о побѣде его воспѣвающе: «Пособивый Господи кроткому Давыду побѣдити иноплеменники, сице и сему благочестивому царю нашему побѣду на сопротивных и одолѣние дарова». Благочестивый же царь и великий князь Федор Ивановичь всеа Русии немногое время тамо пребыв и свое христолюбивое воинство овѣхъ убо отпусти кождо восвояси, овѣхъ же остави в Велицем Новѣграде, самъ же поиде во свой великий царствующий град Москву.

Слышавъ же сия святѣйший Иев патриархъ, яко благочестивый царь к царьствующему граду уже приближашеся, собираетъ весь освѣщенный вселѣнский соборъ, и приемлютъ честные и животворящие кресты и чюдотворныя иконы вседержителя Бога и того Пренепорочныя Матери Владычицы нашея Богородицы и великихъ чюдотворцовъ и изыдоша во срѣтение благочестиваго царя, молебная совѣршающе. Егда же прииде благочестивый царь в царьствующий град Москву, и вниде в соборную церковъ Пречистые Богородицы чеснаго и славнаго ея Успения и припадает ко образу Пречистые Богородицы, иже нарицаетца Владимерская, и умиления глаголы с плачем к ней испущающе: «О Пречистая Госпоже Дѣво Богородице Владычице, крѣпкая стѣна и заступница царьствию нашему и всему нашему воинству непобѣдимый воевода! Тобою, Владычице, супротивнии наши побѣжаютъся и брани повсюду разсыпаютца! Ты, Владычице, ныне не престай молящи Сына своего Христа, Бога нашего, яко да устроит царьствие моея державы в мире и в тишинѣ и возвратит от неверных древняя грады наслѣдия нашего, яко да и *тамо* прославитца в них по достоинству пресвятое и поклоняемое имя его со Отцем и со Святым Духомъ во веки, аминь».

По сем же благочестивый царь и великий князь Федор Ивановичь всеа Русии от патриарха Иева благословение приемлетъ, возвѣщая ему, како Божиею помощию и Пречистые Богородицы и великих чюдотворцов молитвами и заступлением невѣрнии языцы победишася и отческие грады паки к нему возвратишася. Патриархъ же, слышав сия ото устъ благочестиваго царя, зело возрадовася со всѣмъ священным соборомъ и хвалу воздавъ Всемогущему Премилостивому Богу, победное *славословие*приносяще, глаголя: «Кто Богъ велий яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ творяй чюдесная единъ; дивенъ еси, Господи, и вся дела твоя истинна и правии пути твои,[17] яко строиши вся на ползу по своему смотрѣнию к нашему спасению. Благодарим же и о сѣмъ великое человѣколюбие твоего благоутробия, яко предал еси в руцѣ благочестивому царю нашему невѣрныя языки незнающих тебѣ, истиннаго Бога нашего, сих же изгнал еси и вѣрными грады ихъ населил еси, въ нихъ же нѣпрестанно славится твое пресвятое имя, яко благословен еси во

вѣки, аминь». По сих же патриархъ глаголя благочестивому царю: «О великий государь боговенчанный царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии! Воистинну еси ты равен явися православному первому во благочестии просиявшему царю Констянтину и прародителю своему великому князю Владимеру, просвѣтившему Рускую землю святым крещением. Они же убо кождо во свое врѣмя идолы поправше и благочестие восприяша, ты же ныне, великий самодержце и истинный рачителю благочестия, не единех идол сокрушая, но и служащих имъ до конца истрѣбляя. Твоим же неуклоннымъ к Богу желанием и велиею вѣрою вся благая тебѣ даровашеся: которые грады православных самодержавънаго вашего царьствия во дни преже тебѣ в Велицей Росии царствовавшихъ невѣрными от благочестия быша отторжены и многими лѣты быша невѣрными обладаеми, ныне же твоимъ самодержавнымъ правлением вся *православными* населяеми. Идѣ же бѣша ельлинская капища, тамо ныне божественные церкви; идѣ же быша скверныя службы, тамо нынѣ безкровныя жертвы; иде же быша бесовския козни, тамо ныне богодухновенныя пѣсни; идѣ же дьявол величашеся, тамо ныне Христосъ прославляетца; иде же ельлини водворястася, тамо ныне твое царское имя во мнозе славе обношашеся». Царь же и великий князь Федор Ивановичь всеа Русии исполни моление свое, отиде в царския своя полаты.

Мало же по сем времении минувшу, яко двою лѣту или мало вяще, паки злочестивии немци лукавствием побѣжахуся и гордостию возношахуся, помышляют совѣты,[18] их же не возмогоша составити. Оле бѣзсрамнаго и *безстуднаго* их лицемерия! Беззаконие убо к беззаконию приложиша, совокупиша силу многу сии, суемыслиемъ шатающеся, глаголаху: «Поидем на пределы Великого Новаграда, да тамо победимъ и мѣсть срама нашего воздадим. Се днесь руский царь во свое ему отечество отиде и всѣ воинство ратныхъ с собою отведе». И собравше силу многу, приидоша в предѣлы Великого Новаграда, достигше же пленующе близ и до самого Новаграда. Слышав же сия христолюбивое воинство благочестиваго царя, бывшѣе тогда в Велицем Новѣграде, изыдоша противу ихъ и брань немалу на нихъ подвигоша и помощию Божиею нечестивых побѣдиша. Оставшии же убоявшеся и вспять возвратишася, рустии же полцы вслед по них гоняще, непрестанно их убивающе.

Вниде же *слухъ* побѣды сея во уши благочестиваго царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии, яко нечестивии немцы на наугородцкие пределы приходиша и тамо немалое время, плѣнующе, воеваша. Вскорѣ посылаетъ некоихъ своих избранных воевод и с ними многое свое христолюбивое воинство в предѣлы Немецкия области под град, нарицаемый Корелу. Полцы же рустии шедше и всю Корелскую область поплениша, и нечестивых немец безчисленно побиша. Видевше же нечестивыи немцы христолюбиваго воинста храброе ополчение и яростное стремление, паче же и свою погибель пред очима зряще, зело убоявшеся и послаша послы к полком благочестиваго царя с великим покорением и пагубы своея ослабы просяще и Корелскую свою землю благочестивому царю обещавшеся предати. Слышав же сия благочестивии полцы рустии и, мало от брани преставше, послаша ко благочестивому царю, возвещая ему нечестивых немец рабское покорение и Корелския всея области обѣтъ предаяния.

Царь же и великий князь Федор Ивановичь всеа Русии вскоре посылаетъ в Корелу царского своего синклита нѣких от бояр и повелѣваетъ тамо капища еллинская разорити и идолы сокрушати и святые церкви воздвизати и пречистыя великия обители *устрояти* и во всѣй своей богохранимой державе Росийскаго царствия всѣх сущих обрѣтающихся от рода корелского языка тамо преселяти повелѣвает.

И по его благому произволению вся сия совершишася; от того же времени и доныне Божиею благодатию во граде Корелѣ и во всѣхъ пределехъ его великое благочестие непременно, яко солнце, сияетъ. Зрите убо, каковы сий день постизаетъ, иже ненавистию и завистию подстрекаемыи, на благочестие дерзающих! «Пишетъ бо в пророце: „Мнѣ месть, аз воздам, глаголет Господь"». [19]

Слышавъ же сия скверны пес крымский царь Муратъ-Кирей,[20] яко многое благочестиваго царя христолюбивое воинство посланно бысть Немецкие области воевати, многое же воинство оставлено бѣ и в Великом Новеградѣ и во всѣх предѣлех его в сохранение от нашествия нечестивых немецъ; бѣ же тогда крымский царь Мурат-Кирей совѣтъ имея свѣйскимъ королем сь Еганом, яко да во едино время от обѣих стран на благочестие ополчатся. Богу тако попустившу грѣхъ ради наших, наказующе ны овогда гладом и пагубы смертоносия, овогда огнемъ запаления и междоусобныя брани, иногда же иноплеменных языкъ нашествием, да отвратимся от злоб наших. Нечестивый же царь совокупил силу многу ратных не точию своих, но иных многихъ языкъ, и поиде со многою своею суетною ратию, устремившеся, яко нецыи волцы злыи, хотяще разсторгнути христоименитое стадо словесных овецъ, хваляся и гордяся, суетная глаголя на Бога нашего, и благочестиваго царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии и царское и отеческое наслѣдие возхитити хотяще. Слышавъ бо он, всѣскверный царь Муратъ-Кирей, яко благовѣрный царь и велики князь Федор Ивановичь всеа Русии велие благочестие преходя и своими царскими непрестанными к Богу молитвами всю богохранимую царскую державу в мире и тишине соблюдая. Сей же окаянный царь прииде вскоре в Великую Росию со многою силою своею, благочестиваго же царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии многия грады и великия села вскоре преминуя, ниже пленуя, ниже разоряя, помышляя бо в себѣ скверный: «Аще ли возму царствующей град Москву восхитити, тогда и сим всѣм могу одолѣти».

Слышавше благочестивый царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии, яко безбожный крымский царь со многою силою идетъ на его царское наслѣдие, оскорбися зело, паче же на молитву подвигся к Богу, моляся сице, глаголя: «Суди, Господи, обидящим мя и возбрани борющимся со мною, приими оружие и щит и стани в помощъ мою[21] и сотвори с нами милость человѣколюбия твоего, якоже и древъле *при* Езекии царе Израилеве,[22] егда на Иерусалимъ Сенахиримъ царь асириский хвалящеся, сице глаголя, в силе велицей хотя разорити достояние твое, к сему же и хулу изрицая на имя твое святое, и послалъ еси ангела своего, и уби во едину нощь от полка асирийска 185 000. Такоже и ныне посли, Владыко, мнѣ, рабу твоему, в помощь ангела своего и не попусти нечестиваго сего варвара и сущих с нимъ, гордостию бесящихся, хвалящихся разорити достояние твое, отечество мое, да не рекутъ сопротивни наши: „Где есть Богъ ихъ?”, но разумѣют воистинну, яко ты, избавитель, с нами еси». Егда же крымский царь к царствующему граду начатъ приближатися, тогда благочестивый царь повелѣ изрядному правителю и своему царскому шурину, достохвалному воеводе, прежереченному боярину Борису Федоровичю вскорѣ собрати все свое христолюбивое воинство, прилучившеѣся тогда в царской его державе, и к бранному ополчению повелѣваетъ вскорѣ уготовлятися (занеже в то время много воинство послано бысть въ Великий Новъград против ополчения нечестиваго воинства короля свийского, злаго совѣтника крымского оного царя, прочеѣ же христолюбивое воинство благочестиваго царя в то время по своим домомъ пребывающе и нашествие ратных не вѣдущѣ).

Бе же бо сий Борис Федоровичь премудростию украшен и к бранному ополчению

зело искусен и во всѣхъ воинских исправлениихъ непобѣдимый воевода явися. Въскоре собираетъ чиноначалники и тысущники и сотники и все многое людное воинство Росийского царствия, прилучившееся тогда в царствующемъ градѣ Москве, да готови будутъ всопротивъ ополчения востающихъ паганых варвар. Таже и устроити повелѣ в царствующем граде окрестъ всѣхъ далнихъ посадов град древянъ и велики пушки и пищали и по стенам и стрелницам градным повелѣваетъ уготовляти. Близ же царствующего града, яко поприща два или мало вдалѣе, повелѣ изрядный правитель Борис Федоровичь поставити град, обоз нарицаемый,[23] иже нѣкоею премудростию на колесницах устроенъ и к бранному ополчению зело угоденъ. И тамо повелѣ совокупити царское христолюбивое воинство и великие пушки и многие бранные хитрости тамо повелѣл устроити. Внутрь же града того повелѣ поставити церковь во имя преподобнаго Сергия чюдотворца, иже от полотна устроена, якоже и дрѣвняя израителская скиния,[24] в сохранение и спасение града от нашествия поганыхъ варвар.

Благовѣрный же царь и великий князь Федор Ивановичь всеа Русии, велию вѣру и молитву простирая ко Всѣмогущему Богу и Пречистой Богородице и великих чюдотворцовъ, и прииде в память его преславное и великое чюдо Пречистые Богородицы, еже чюдотворною иконою ея неисчетное человѣколюбие показав Премилостивый Богъ нашъ молением Пречистые своея Матери прародителю его, благовѣрному князю Дмитрею Ивановичю, иже на Дону изрядную побѣду на нечестиваго Мамая дарова. И вскоре свой царской совѣтъ отцу своему и богомолцу Иеву патриарху изъявляетъ, да повелит устроити Пречистой Богородице соборное молебное пѣние, и чюдотворную ея икону въземши и со животъворящими кресты и с прочими чюдными иконами повелѣ окрестъ града обходити; и отнести повелѣвают в прежереченный град обоз и в тамо сущимъ храме преподобнаго чюдотворца Сергия поставити повелѣваетъ, да и тамо Владычице покажетъ милость своего заступления и спасетъ град нашъ, якоже и преже, от нахожения иноплеменых варвар.

И вскорѣ царский благий совет въ дѣло произходит. Патриархъ же, совершивъ молебная пения, и чюдную ту икону Пречистые Богородицы епископу суздалскому Иеву прияти повелѣваетъ:[25] «Приими, епископе, владыки нашего Бога пространное вмѣстилище! Приими Матере всѣхъ Царя и спасение всего мира! Приими хранилище и печаль граду нашему и заступницу непостыдную всѣх насъ! Изыди против нечестивых сил варваръ! Сия нам будет стена нерушима и страж крѣпокъ граду нашему и воевода непобѣдим христолюбивому воинству». Сам же благочестивый царь, припадая пред иконою Царицыною, из глубины сердца стенание неумолчно и слезы ото очию непрестанныя, яко быстрины речныя, испущающе, молящеся, сице глаголюще: «О Владычице госпоже Дѣво Богородице! Не остави жребия достояния твоего и не предаждь, Владычице, в росхищение иноплеменныхъ сего винограда, его же насади крепкая десница Сына твоего! Иди, божественный киоте пречеснѣйши всеа твари, и стани в помощъ нашу! Иди, преславная Владычице, и спаси нас! Иди, небранное оружие, и возрази поганых яростное стремление и сотвори с нами милость твоего заступления и спаси град нашъ и всю страну християнскую от нахождения иноплеменъных сихъ варвар! Якоже и древле избавила еси сей нашъ град от нашествия окаянного царя Темир-Аксака[26] преславнымъ пришествиемъ честнаго и чюдотворного образа твоего, сице и ныне, Владычице, подщися, подвигнися, ускори, умоли сына своего Христа, Бога нашего, да спасетъ нас, не имущих помощи развеѣ тебѣ, Владычица! Ты нам помози, на тебя ся надѣемъ и тобою ся хвалимъ, яко ты еси утвержение наше и, на тя надѣющеся, во вѣки не

постыдимъся».

Архиепископъ же приим чюдную ту икону Пречистые Богородицы, со кресты и со инѣми чюдотворными иконами, изыде отъ царствующаго града в пятокъ и стены градные окрѣстъ обхожаше и молебная совершающе. По сем же приносят чюдную ту икону Пречистые Богородицы в преждереченный град обозъ и поставляютъ во церкви чюдотворца Сергия, идеже царское христолюбивое воинство пребываше, и тамо непрестаныя молитвы къ Богородицы возсылают. Назаутрия же отшествия Царицыны чюдные иконы, в день суботный, благочестивый царь и великий князь Федор Ивановичь всеа Русии отпусти против нечестивых варвар изрядного своего правителя Бориса Федоровича и с нимъ послал многих бояр своего царского синклита и многа воинства; самъ же паче на молитву подвигся и всѣхъ сущих своих укрепляя и на молитву подвизая. И скоро быти пременению от злых возвещает, яко не боятися ополчения беззаконного оного царя. Якоже убо и древле великий боговидец Моисѣй избранное израилтеское воинство изооруживъ и отпусти на нечестиваго Аммалика,[27] самъ же, на гору возшед, молитвы и моления возношаше всѣхъ Содетелю и Владыце о спасении всѣх людех моляшеся; такоже сей великий самодержецъ непрестанныя к Богу молитвы и моления возсылая, да в мирѣ и в тишинѣ сохранитъ богохранимую державу царствия его непоколебимую, и о избавлении града от нашествия невѣрных пророчествуя, глаголя: «Аще ли убо сей окоянный царь и со тщанием прииде на мое достояние, но помощию Божиею и заступлением Пречистые Богородицы и великихъ чюдотворцов со срамом паки и с велицемъ студом во своя возвратится»; еже и *збысться*по словеси его.

Великий же и изрядный воевода Борис Федоровичь и со всею сущею с ним ратию изыде от царствующего града яко поприщь пять и ста на реце, на Котлѣ, тако зомово, ожидая оного окоянного царя пришествие. И своим бодроопасным разсужениемъ самъ окрестъ воинства непрестанно обходитъ и полки изрядно устрояетъ и к бранному ополчению всѣхъ поощряетъ и не отпадати надежда повелѣваетъ и на подвиг всѣхъ укрѣпляет. И егда беззаконный царь достиже близ царствующего града Москвы, тогда убо и он изрядный благочестиваго царя достохвалный воевода Борис Федоровичь от полка своего посылаетъ избранных воин противъ нечестиваго оного царя.

Бе же убо тогда лѣто 7099-го мѣсяца июля въ 4 день, в день неделный; полцы рустии брань поставиша с нечестивыми немалу и весь день той на розличных мѣстех окрестъ царствующего града Москвы бьяхуся непрестанно. Сам же изрядный правитель, непобедимый воин Борис Федоровичь с протчими воинскими силами и со многим огнебранным оружиемъ в той день стояща в прежереченнем граде обозе, идеже икона Пречистые Богородицы, молящеся непрестанно и помощи на сопротивных просяще. Весь же день той и нощь со всѣх стѣн градных из великиихъ огнедыхающихъ пушекъ непрестанно стреляху и изо всѣхъ обителей, иже близ царьствующего града Москвы, такоже непрестанно стреляюще и многих от поганых побивающе.

Безбожный же царь в той день к вечеру прииде в царское село, нарицаемое Воробьево. Бѣ же то Воробьево близ царьствующего града яко поприща три, тамо же бѣ горы велики, зело превысоки. Оттуду же узрѣ окаянный царь красоту и величества всего царьствующего града и великие каменоградные стены и златом покровенные и пречюдно украшенныя божественныя церкви и царския великия досточюдные двоекровные и трикровные полаты; паче же слышавъ великий тресновенный гром и неизреченный гласовом звук, иже бысть от великого во граде и изо обитель пушечного стрѣляния. Видѣвъ же окоянный царь благочестивых сопротивное ополчение, зело убоявъся, и ужас велий нападе нань,

и вскоре возвратися со всѣм своим злочестивым воинством и побѣже с велицем страхом, ниже от пути в нощъ мало почити хотяще. И на бегство устрѣмишася, [28] тыл къ Русе показающе, и всѣ, *еже* в плене взятое окрестъ царствующего града, все на пути оставляюще. Гоними убо невидими быша гневом Божиимъ и заступлениемъ великия и непостыдныя нашея предстателницы Пречистые Богородицы и молитвами великих чюдотворцов руских вскоре вси посрамишася; яко и самый окоянного оного царя возокъ на пути в реце обретоша рустии полцы оставленъ, и многия вещи на пути повѣржены лежаще: сѣ же убо всѣ окоянныи они мечюще, себѣ облегчающе суетнаго ради скорого бѣгъства своего.

Наутрия же бранного ополчения великий изрядный воевода Борис Федоровичь, видевъ нечестиваго оного царя отшествие и всѣ его съ нимъ богомерского воинства возвращения и увѣдевъ извѣстно, яко помощию Божиею и Пречистые Богородицы и великих чюдотворцовъ руских заступлением отидоша противнии посрамлении и на бѣгъство вси устремишася, посылает вскоре в царствующий град к благочестивому самодержцу, возвѣщая ему нечестиваго царя и сущих с ним возвращение. Слышавъ же великий самодержецъ, яко беззаконный царь со всѣмъ своим богомерским воинством посрамлении оттойдоша вскоре, приходит в соборню церковъ Пречистые Богородицы с великою радостию, благодарныя пѣсни Богови возсылающе и того Пренепорочной Матери, Владычице нашей Богородицы, неложной заступницы, истиной християнской предстателнице, хвалу благодарение преносяще, молебная совершающе. Возвещаетъ же о семъ отцу своему богомолцу Иеву патриарху и всему освященному собору; они же, слышавше сия, руцѣ на небо воздѣвше, благодарно Богови вопияху, со слезами глаголюще: «Десница твоя, Господи, прославись в крѣпости, десная твоя рука, Господи, сокруши враги, и множеством славы твоея стерль еси супостаты наша». [29]

Благочестивый же царь и великий князь Федор Ивановичь всеа Русии падаетъ пред иконою Пречистые Богородицы, иже нарицается Владимерская, и, от многия радости источники слѣз от очию своею изливая, глаголаще: «Благодарю тя, о Пресвятая Госпоже Дѣво, Владычице Богородице, християнская непостыдная заступница, яко великое свое милосердие днесь показала еси на нас! Якоже и дрѣвле самый царствующий Констянтинград избавила еси предстателнымъ заступлением от нахождения прегордаго перскаго воеводы Хоздроя[30] или якоже и дрѣвле, Владычице, сохранила еси жребий достояния твоего, сей нашъ царствующий град в нахождение злосквернаго царя Темир-Аксака пришествием пречистые иконы твоея, тако и ныне, Владычице, явила еси на нас превеликие своея милости пучину и щедроты и человѣколюбия бездну преславно и паче надежди избавила еси насъ и град нашъ от нахождения окоянного варвара, сего злочестиваго варвара царя и сущих с ним. И всегда, Владычице, неотступно буди, спасая стадо свое ото всякого обстояния и невредны сохраняя нас и всѣ отечество наше Росиския державы, яко да непрестанно величаем заступление твое, Владычице!» По семъ же великий самодержецъ приходитъ к целбоносным и многочюдесным мощемъ великихъ чюдотворцовъ руских Петра и Алексѣя и Ионы, такоже припадая, моляся прилежно, благодарение приносяще: «О велицы святителие и заступницы и хранителие царствию нашему и о нас к Богу неусыпни молитвеницы! Вашим предстателством ныне царьствующий град нашъ сохранен и невредимъ бысть от нашествия окоянного сего злочестиваго царя; и что имам воздати вам, велицыи чюдотворцы, противу толикому вашему милосердию и заступлению?» Великий же достохвалный воевода Борис Федоровичь, пришед в царствующий град и благочестивому царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии достойное поклоняние сотворивъ, возвещает ему вся по ряду, како Божиею милостию и

Пречистые Богородицы заступлением и великих чюдотворцовъ молением и его царскимъ счастиемъ окаянный царь крымский устрашися, побѣже и все свое богомерзское воинъство с собою отведе; к сему же возвещаетъ похваляя и христолюбиваго царского его воинства супротив ратных храброе ополчение.

Великий же самодержец, слышав сия, зело возрадовася и от радости многи слезы испусти и к Богу велие благодарение изрече, яко не браннымъ ополчениемъ, ниже острием меча супротивнии побѣдишася, но Божиим неизреченным человѣколюбиемъ и Пречистые Богородицы заступлениемъ нечестивии постыдешася и во своя с великимъ студом возвратишася. Царь же великий князь Федоръ Иванович всеа Русии благодарив Бога и Пречистую Богородицу и сотвори брак великъ в царских палатах своих и трапезу многоядну устрои, на ней же самъ зело веселящеся, о избавлении града от бѣзбожных варвар неизреченною радостию радовашеся, изрядного жь своего правителя Бориса Федоровича зело почтивъ и всему своему царьскому сигклиту и всему христолюбивому воинству велие учрежьжение творяше на трапезе в полатах своих. Тогда жь благочестивый самодержец по совершении царьского стола своего приемлет от своея царьския выя златокованную чепъ, еяже ношаше в почесть великого своего самодержавънаго царьствия, и возлагает на выю достохвалному своему воеводе Борису Федоровичю, достойную честь победе его воздая и симъ паки на немъ прообразуя царского своего достояния по себѣ восприятия и всего превеликого царьствия Русийскаго скифетродержателства правление, еже последи Божиимъ смотрениемъ не по мнозех лѣтех царьское его на семъ пророчество совершися. Бояром же своим и всему христолюбивому воинству такоже свое царское великое милосердие и жалованья неоскудно ко всем простирая.

По прехожении же единого лѣта, или мало вяще, по преславномъ том чюдеси Пречистые Богородицы, благочестивый самодержецъ повелѣ устроити монастырь честен близ царьствующего града Москвы на том мѣсте, идеже прежереченный град обоз стояше, и в немъ созда церковь камену во имя Пречистые Богородицы, честныя и славныя ея Похвалы, и всякими изрядными лѣпотами пречюдно украси ю; и подобие пречюдные иконы Богородицы Донския написати повелѣ, златомъ и камением драгим украсив; и в тамо сущем храме поставляют в память преславнаго того чюдеси, еже како человѣколюбивый Богъ показав нам преславную побѣду на супротивных, пречюдною иконою Матере своея спасение и избавление и граду нашему дарова; яко да незабвенныи пребудут намъ великия щедроты Бога нашего и Пречистые его Матере Владычицы нашея помощь и заступление. Во обители же той благочестивый царь повелѣ игумна устроити и братию совокупив и многая стяжания потребных имъ предадѣ; еже и доныне обитель та честная Пречистые Богородицы нарицаетца Донская; оттоле же по вся лѣта Пречистой Богородицы празнество совершаетца воспоминания бывшего ея тогда чюдеси.

Мы же паки возвратимся на предлежащеѣ слово, к повести подвигнемъ разумы вперяя, благочестиваго царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии по достоинству изрядныя добродетели похваляя. Бѣ же убо сей крестоносный царь зело благочестив и милостив ко всемъ, кроток и незлобивъ, милосердъ, нищелюбив и страннолриимецъ, наипаче же вдовица и сироты щадя и всех скорбных милуя и напастным помогая, повинныхъ же смерти на живот свобожая, и во всей своей богохранимой державе Росийского царьствия правду любя, злобы ненавидя, любовъ имѣя, лукавство жь разрушая и межусобныя брани, востающая во всем царьствии его, своим царьским смиренномудриемъ украшая, и вся пределы богохранимаго царьствия своего в мире и въ тишине и во всяцем благоденствии, и утвержая, и вся окрестныя страны невѣрных языкъ, востающая

на благочестивую християнскую вѣру и на его богохранимую царь-скую державу, не бранным ополчениемъ, ниже остриемъ меча побѣждая, но всенощным бдением и непрестанными к Богу молитвами сих до конца низлагая. Сице всесилный Богъ своими божественными пречистыми судбами и многими чюдесными знаменми повсюду прославляя свое трисвятое имя Отца и Сына и Святаго Духа, наипаче же снабдевая свое святое избранное достояние, великия Росийския державы благочестиваго царя нашего великого князя Федора Ивановича всеа Русии царьствие, въ мире сохраняя, в немже утвержая непоколебимо истинное благочестие и от всяческих еретических смущений невредимо сохраняя, и от находящих врагъ всячески защищая, и от всяких бѣд милосердно избавля(я), и на сопротивныя побѣды даруя.

Царьствующу же благочестивому царю и великому князю Федору Ивновичю всеа Русии в Велицей Росии на престолѣ приснопамятного отца своего лѣтъ 13 и мѣсяцъ 9, имѣя же и благозаконную супругу свою благовѣрную царицу и великую княгиню Ирину Федоровну всеа Русии по всему благими нравы подобну себѣ, бѣ же добродетелию и вѣрою к Богу друг друга преспевая. И во всемъ своемъ царьскомъ сожитии имѣста едину блаженную лѣтарасль царьского своего благочестиваго коренѣ, благородную дщерь благоверную царевну и великую княжну Феодосью,[31] и та еще юностию, яко лѣтом четырмя или мало вящеи, ко Господу отиде, яко некий прекрасный цвѣт вскоре увядше отпаде, или яко некий пречестный бисер в скалке скрыйся; своимъ же благочестивым родителемъ великую скорбь и сетование сотвори и их царьскому сигклиту и всему народу православного християнства печаль немалу нанесе.

Егда же благочестивый царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии прииде в мужа совершенна в меру возраста, и бысть в лѣто 40 и едина возраста, случися ему болезнь велия и пребысть в ней время немало; елико же болезнию изнемогаше, толико благодарениемъ к Богу укрепляшеся. Бысть же в лѣто 7106-го, мѣсяца генваря в 6 день, в самый празникъ святаго Богоявления Господа и Спаса нашего Исуса Христа, в вечер против Предтечи Крестителя Иванна, честнаго и славнаго его собора; в седмый час нощи[32] начат благочестивый царь зело изнемогати и повелѣ призвати къ себѣ отца своего и богомолца Иева патриарха со освещеннымъ соборомъ. Прежде же пришествия патриархова видит нѣкакова пришедша к нему мужа светла во святителских одеждах, и глаголетъ благочестивый царь внезапу предстоящим боляромъ своимъ, повелѣвает отступити от одра его, да устроят мѣсто нѣкоему, патриархомъ нарицая его и честь достойную ему воздати повелѣвая. Они же глаголаше ему: «Благочестивый царь и великий князь Федор Ивановичъ всеа Русии! Кого, государь, зриши и с кимъ глаголеши? Еще бо отцу твоему Иеву патриарху не пришедши, и кому повелѣваеши мѣсто устроити?» Он же отвѣщав рече им: «Зрите ли? Одра моего предстоит мужь светел во одежде святителстей, ити ми, глаголя, с собою повелѣвает». Они же чюдишася на многъ час, царя убо единого зряще и того зело изнемогающе, мужа же не видяще, ни гласа его не слышаще; и мнѣша воистину аггела Божия пришедша к нему и возвещающа ему к Богу отшествие.

По сем же вскоре прииде отецъ его и богомолец Иев патриархъ и со освященнымь собором, и царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии достойное поклонение сотворше и благословение подастъ. Боляре жѣ возвестиша патриарху царьское видение и глагол его, еже сказуя о мужи, предстоящим одра его. Патриархъ же начат вопрошати его: «О великий государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии! Возвести ми, бомолцу своему, и не утаи мя явления сего, отца твоего, яко да мною, нищимъ, и всемъ будет явлено Божие великое человѣколюбие и твое царьское добродетелное к Богу исправление». Царь же и

великий князь Федор Иванович всеа Русии нача патриарху глаголати: «Се прежде вмалѣ пришествия твоего бѣ у меня мужь светелъ в ризах святителских и повелѣваяй ми итти с собою»; и повѣда ему вся подробну, яко и боляром преже сказоваше.

Патриархъ же, слышав сия ото устъ благочестиваго царя, зело удивися о бывшем чюдеси и благодарив Бога, глаголя: «Благодарю тя, Владыко человѣколюбче Господи, яко неизреченнаго ради своего милосердия излиял еси на ны превеликого своего человѣкалюбия пучину, и не остави от нас прещедрыя твоея милости; якоже и древним святым царемъ избраннымъ твоимъ ангелы посылая имъ явления, показуя к нам образъ твоего человѣкалюбия, сице и сему рабу твоему благочестивому царю послал еси ангела твоего свята, мирна хранителя и всему благочестивому его царьствию. Молим же и о семъ великое твое благоутробие, да послеши к нам богатую твою милость отъ святаго жилища твоего и славы, и да подаси сему благочестивому царю, вѣрному слузе твоему, душевное спасение и телесное здравие; и воздвигни его, премилостивый Боже, от одра многовременныя болезни и умножи, Господи, лѣта его, якоже древле Езѣкея[33] царя Израилева! И призри, Господи, на молитву моего смирения и сотвори с нами великую милость твоего человѣколюбия: зриши бо, Владыко, яко днесь оставляемся сиры и без заступления. Ты бо реклъ еси, Владыко, пророкомъ твоимъ: „Призови мя в день печали твоея и избавлю тя";[34] и ныне, Владыко Боже Пресвятый, удиви на нас милость твоего смотрѣния, яко да прославимъ святое и покланяемое имя твое, яко благословен еси во вѣки; аминь».

И по семъ благочестивый царь повелѣ патриарху святити себѣ маслом. Патриарх же со всем освященным собором вскорѣ облекся во вся священныя одежда, начен же освящение масла, и по совершении божественнаго пѣния помазуют благочестиваго царя святым маслом во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Царю же болезни зело належащи, и к часу ужь исходному начат приближатися, повелѣваетъ благочестивый царь патриарху себѣ исповедати и причастити Пречистых Таин, предстоящимъ же у одра его повелѣвает вон изыти всемъ. Патриархъ же вскорѣ, исповѣдав благочестиваго царя, и причащает Пречистых и Животворящих Таин тѣла и крови Христа Бога нашего. И в девятый час тоя жь нощи благочестивый царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии ко Господу отиде; тогда убо просвѣтися лице его, яко солнце.

Слышасте, братие, повѣсть страшну, слышасте ли вещь, всякие печали и сѣтования исполнь сущу, яко всех Владыко и Господь вѣрнаго своего слугу и блаженнаго раба святую душу с миром приемлет? Толико убо мирно успѣ, елико ни единому от сущих предстоящих одру его разумети святое преставление его; якоже убо всегда звезда предваряетъ солнце и неразлучна пребывает, сице сего благочестиваго царя святая душа словом изыде и никакоже потрепета ни единем удъ телѣси его, но якоже некоимъ сладкимъ сномь успе. О таковых убо глаголет пророкъ: «В мире вкупе усну и почию, яко ты, Господи, единаго на упование вселил мя еси».[35] Сей убо благочестивый царь, по пророку, в мире предастъ святую свою душу Господеви и проиде в мѣсто крова дивъна даждь до дому Божия, почиет во вѣки в нѣдрах Авраамовех со всеми святыми, иже во благочестии просиявшими цари.

Отселе убо что реку и что возглаголю? Слез настоящеѣ время, а не словес; плача, а не рѣчи; молитвы, а не бесѣд. Или откуду начну произносити слово плачевнаго повѣствования? Кое ли преставлю начало слезнаго излития? Како ли возвѣщу время скорбнаго рыдания? Како же и коснуся делу преисполнену уныния? Како ли возмогу подробну сказати случившуюся скорбь в земли благочестивыя Руския державы? Хотѣх убо словомъ изрещи, но грубость разума запинает ми и язык

утерпевает и души уныния наносит; хотѣх же и писанию предати, но руку скорбь удержевает ми. Аще ли же начну словомъ повѣдати, кто возможет послушати? Которое ли слово по достоинству сказати возможет? Или кий язык дерзнет глаголати? Или который слух вонметъ послушати преисполненаго плача времени начало? Здѣ убо пророческая вѣщания слово на нас явѣ совѣршися: «Кто дастъ главѣ моей премногую воду и очесемъ моим источник слез?»,[36] яко да плачю доволно настоящую скорбь сию. О сем же инъ пророкъ глаголетъ: «Весь день сетуя хождах».[37] Мы же не дневное время сѣтованием провожаемъ, но настоящеѣ время скорби нашея печалию все исполняемъ.

Бысть убо сия, глаголю, въ лѣто 106-е, осмые тысящи. Како ли убо: бысть, реку, в лѣто? (Лѣто) убо скорби нашея пучина, лѣто же рыдания нашего множества, лѣта плача нашего бездна, лѣто убо настоитъ всѣмъ непремолчнаго сѣтования, и время предлежитъ многого уныния. Како ли отверзу уста моя скверная и исповѣмъ честное преставление царя благочестива и мудра, царя свята и праведна, царя беззлобива и кротка? Хотѣх убо молчати, но скорбь сердца моего понужаетъ мя глаголати, ныне же дерзнухъ о семъ повѣдати.

Слышите, возлюбленнии, внятно и разумейте глаголемая ясно: се днесь благочестивый государь царь и великий князь Федор Ивановичъ всеа Русии, звание приимъ отъ Бога, оставивъ земное царство, восходитъ к Вышнему. Отселе же прекрасный и многолѣтный царский престолъ Великия Росия вдовствовати начинаетъ, и великий, Богом спасенный, матере градовомъ, царствующи многолюдный градъ Москва сиротства сѣтования приемлетъ, и пречистый и долговремянный и многородный царский коренъ прекращение конецъ приемлетъ. Который же ли реку царский корень? Слышите прежереченного, иже влечашеся от Августа кесаря римского, обладающаго всею вселенною, но бяше в нечестии даже до великого Владимера, просвѣтившаго всю Рускую землю святымъ крещением. Оттоле же той благородный корень царьский во благочестии величашеся даже и до сего благочестиваго царя Федора Ивановича всеа Русии, и вси убо Великия Росия самодержцы приемницы бываху царьского престола по отецъ своих преданию, и царьствоваше в Велицей сей Росии кождо во свое время лѣта долга, и вси убо един по единому правяща скифетръ Великия Росия, и бѣ у них Росийское царьство многими лѣты не пременно: егда убо отецъ ко Господу отидет, тогда убо скифетръ Великия Росии по себѣ сынови своему вручает. Тогда же убо в Велицей Росии пророческое вещание яве збывашеся: «В мѣсто отецъ твоихъ быша сынове твои, уставиша их князя по всей земли».[38] От того убо самого великого князя Владимера ни един самодержецъ Великия Росия отиде безчаден, нынѣ же Божиими пречистыми судбами благочестивый царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии ко Господу отиде, грех же ради всего народа православного християнства по немъ царьского его корени благородных чад не остася, и по себѣ вручив скифетръ благозаконной супруге своей благоверной царице и великой княгинѣ Иринѣ Федоровне[39] всеа Русии.

Боляре же, благочестиваго царя видеша ко Господу отшедша, начаша неутѣшна плакати. Слышав же сия, благовѣрная царица и великая княгиня Ирина Федоровна всеа Русии вскоре притече ко одру благочестиваго царя и припаде к царьскому его тѣлеси и восплакася горким гласом, огненныя слезы ото очию ея испущающе и в перси своя руками біюще, сице глаголюще: «О великий мой государь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии, како умре живот мой драгий? Свет мой преслаткий, камо от мене нынѣ отходиши? Увы мнѣ, преславнейший самодержателю! Великий государь руский, кому свой царьский скифетръ вручаеши? Увы мнѣ, пречестнѣйший мой супружниче! Како мене едину въдовою оставляеши? О солнце пресветлое, почто свѣтозарная своя луча

сокрываеши? Цвѣте мой прекрасный, что вскоре увядаеши? О ластовица богоглаголивая, что ко мнѣ не промолвиши? Послушай мене, благочестивый царь, многаго воздыхания сердца моего и горкаго сетования плача моего! О веселие и радость, царю преславный, гдѣ ныне отходиши? Сокровище живота моего, звезда златазарная, почто къ западу рано заходиши? О пастырю добрый, кому стадо свое вручаеши? Великий государь самодержецъ руский, кому мене оставляеши? Увы мнѣ, смиренней вдовице, без чадъ оставшейся! На кого ли возрю или о комь утѣшуся, не имея чад твоего царьского корени? Мною бо нынѣ единою вашъ царьский корень конецъ прият! О преславный царю изрядный, похвала руская, возри на мя, царицу свою! Почто мя вскоре забыл еси? Како ли убо, великое свѣтозарное мое солнце, земли предати тя возмогу? О утроба моя, возлюбленаго нынѣ убо с тобою конечнѣ разлучаюся и потом царьского твоего лица не имамъ видети, ни гласа твоего не могу к тому слышати! О великий государь, истинный поборникъ благочестия и всея Великия Росия достохвалный правителю, многия страны и языки покорил еси, ныне же смертию побѣжден еси! Почто яз, увы мнѣ, убогая, прежь тебѣ не умрох, да твоего бы царского преставления не имела видети? Како ли нынѣ, прехвалный государь, возмогу управити толикое народу множество? Что убо сотворити о сих, недоумѣюся. Аще бых имела чада твоего царьского наследия, не толикою б яз печалию сокрушалася: той бы возмогъ правити державу твоего царьствия. О прехрабрый царю руский, предай ми послѣднее целование, рабѣ своей! На который, государь, далний путь отходиши? И борзо ли, превеликий государь, приидеши? Могу ли тебя, государя, дождатися или мнѣ вскоре велиши по себѣ ити? О прекрасный государь мой супружниче! Гдѣ убо, государь, царьская любовь твоя, еже имѣя ко мнѣ, рабе своей? Почто убо, государь, менѣ вскорѣ забываеши? Возри на мя, праведный рачителю, и предай же ми конечное слово, царице своей: в которыя убо, государь, царьския твоя багряница изволиши, который царьский венецъ на главу возприимеши? Ныне же, государь, зрю тебѣ не царьские славы совершение, но Божия силы смотрение: за пресветлыя полаты гробъ сей возприемлеши и вмѣсто царьския порфиры бѣдъныя сия рубища приемлеши и за венецъ свой царьский худым симъ платом главу покрываеши.[40] Како ли же, государь, днесь со умершими вменишися, како ли же и аз вдовою имам нарицатися? Еще б угод юности нашея не отиде от нас и время глубокия старости не постиже нас. О пречюдная красота всеа Русии! Аще имаши дерзновение у Бога, молися о мнѣ, царице своей, да и аз нынѣ не остану тебѣ: вкупе убо жих с тобою, вкупе же и умру с тобою. Нынѣ же, государь, како могу с тобою разлучитися? Гдѣ убо, великий самодержецъ, преславная радость царьствия нашего? Нынѣ же, государь, за радости безмерная скорбь постиже мя и за веселие плач и рыдание приидоша ми. Сугубо убо, государь, нынѣ печалию уязвляюся: твоего убо оплакую к Богу отшествия, своего же рыдаю с тобой разлучения!» И ина многа глаголющи плачущи, и никто же можаше утолити плача ея.

Изрядный же правитель прежереченный Борис Федорович вскорѣ повелѣ своему царьскому синклиту Животворящий Крестъ целовати и обѣт свой благочестивой царице предавати, елико довлѣет пречестному их царьскому величеству; бѣ же у крестьного целования сам святѣйший патриархъ и весь освещенный собор. И егда убо светающе дню, изыде слух царьского преставления по всему царьствующему граду, бысть же непрестанный вопль и стенания велие и воздыхание в людех; всюду воплевѣ и рыдания, всюду персемъ биение и сетование неумолчно, и ни един дом обретеся, идеже не бѣ плачющих. Тогда же убо святейший патриархъ повелѣ благовестити Пречистые Богородицы соборные церкви всенароднаго ради собрания, яко да известно будет всѣмъ царьское успение. Слышаще же людие, вси со тщанием вскоре снидошася во граде, иереи и дьякони, и иноки и инокини,

мужа и жены, даже и до сущих младенецъ, с воплемь многимъ плачющеся неутешно. Егда же благочестиваго царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии честное тѣло к погребению уготовляшеся, тогда всего царьского его синклита непрестанныя слезы яко рѣка изливашеся.

По сем же царьское тѣло, опрятовше, вложиша во гроб. Благоверная же царица и великая княгиня Ирина Федоровна скорбию велию снедашеся и утробою разпалашеся, яко от великого ея сердечнаго захлипания и непрестанно в перси бьение кровию уста ея обагришеся, мало же ей в велицей той жалости и самой живота не гонзнути. Святейший же Иев патриархъ благочестивую царицу моляще и утешаше на мнозе, но нѣ успе ничтоже; бѣ же тогда и сам патриархъ зело в велицей скорби пребываше.

И егда же приспѣ время, тогда святѣйший патриархъ и весь освященный соборъ, приемше честные и животворящие кресты, идоша по тѣло благочестиваго царя и, вземъ честныя мощи, понесоша от царьских его полат со псалми и песнми и кандилы благовонными, яко убо и воздуху наполнитися ото многого фимьяма благоухания. Боляре же и весь царьский синклит и всенародное множество, ови убо предидуще, ови же последствующе, друг друга утесняюще, и вси велѣгласно кричаще и слезами землю поливающе: «О великий государь нашь царь и великий князь Федор Иванович всеа Русии, похвала и красота руская! Камо отходиши, солнце свѣтозарное, нас же, раб своих, сирых оставляеши? И свой царьский скифетръ и превеликий престолъ самодержавного твоего царьствия по себѣ кому вручаеши?» И ина многа глаголюще, плачющеся неутешно.

Егда же принесоша благочестиваго царя честное тѣло в соборную церковь архистратиха Михаила, патриархъ же и весь освященный собор, певше надгробное пение, благочестиваго царя тѣло поставиша в церкви архистратиха Михаила, генваря 7 день, в день суботный. Весь же день той и нощь надъ тѣлом благочестиваго царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии псаломское песнословие непрестанно совершашеся. Назаутрия жь, в день недѣлный, абие приходит патриархъ и весь освященный собор в церковь архистратиха Михаила. По сем же и благочестивую царицу тамо приносят, занеже от великого скорбнаго сетования и непрестанного плача и самой быти ей исполусмертной. Таже боляре и всенародное множество на погребение благочестиваго царя собираются и глаголы жалостныя испущают и паки воплемъ многим воздух исполняют и слезы яко реки изливают. И гробу уже ископанну бывшу в пределѣ, архистратиха Михаила в церкве, преподобнаго отца Иванна, списателя Лествицы, идеже гроб приснопамятного отца его, благовѣрнаго христолюбиваго царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии, и брата его, царевича князя Ивана Ивановича всеа Русии.

Патриарх же и весь освященный собор облекшися во вся священная одежда и наченше погребалное божественное пение. Бѣ же тогда поистинне видѣти позор умилен и зело жалости достоин: вси убо архиереи и сановницы и весь освященный собор неумолчно плачющи и с велицем захлипанием непрестанно рыдающе, яко нижё божественного пѣния от слез по достоинству изправити могуще. Благочестивая же царица от великия печали и сама близ смерти пребывающе, изрядный же правитель прежереченный Борис Федорович сугубу печаль в сердцѣ своемь имущи, ово о отшествии к Богу благочестиваго царя сѣтуя, ово же и о безмерной скорби благородныя сестры своея благовѣрныя царицы рыдая, ово же и земнаго правителства тишину и мир со опасением устроя. Боляре же и всенародное множество вси о преставлении царьском неутешно плачющеся, не яко убо царя ко гробу провожающе, но яко чадолюбиваго отца с нужею разлучающеся; и погребше честно царьское тѣло со

псалмы и пенми и песнми духовными, и плакастася намнозе, якоже целомудренный Иосифъ и братия его[41] надъ Израилем, отцем их.

По сем же патриархъ и всенародное множество христоименитого звания, руце на небо воздевше с воплем многим и со слезами к Богу молящуся, сице глаголюще: «О Владыко Человѣколюбче Господи Исусе Христе, сыне Бога живаго, что ради лишил еси нас такова благочестиваго царя, и праведна и свята? Почто убо нас, незлобивый Владыко, оставил еси сиры и смиренны? На кого убо нынѣ упование возложим? Кто ли нынѣ толикий народ в мире упасет? Зриши ли, Владыко Человѣколюбче, яко бѣхом днесь во мнозе скорби сѣтования нашего? Отъял еси от нас царя, но не отъими от нас милости своея и призри, Господи, на град и люди сия, яко пусти бѣхом, яко осиротехом и бѣхомъ, яко овца, не имуща пастыря; да не отрынеши ны, Владыко, от твоего человѣколюбия. Сокрушил еси — исцели, росточил еси — паки собѣри, наказав — паки милуй!»

Благочестивая же царица и великая княгиня Ирина Федоровна всеа Русии повелѣ патриарху и всему освященному собору давати милостыню доволну. Такоже и нищих безчисленно множество собрав, насытив доволна и милостыню пространну подав. Вся же темница и узилища тогда отверзе и сущих в них повинных смерти всех на живот свобожая и в скудости потребных имъ всячески помогая. Сия же вся блаженная царица совершая, царьскую святую его душу ублажая и венец добродетели его тамо украшая.

Ты же убо, о великая блаженная царьская красота, аще еси уже достиже умных сил в премирная селѣния и ясне зриши триипостасного Существа пресветлое сияние, поминай царьское свое достояние, яко да въ мирѣ и в тишине сохранитъ Господь наслѣдие царьствия твоего и сущих в нем. И дерзнувшему сия, твоему благородию малое хвалословие дароносити, испроси моего окоянства оставлений грехов и за дерзновение прощение даруй, яко от неразумия дерзнух на толикую царьскую твою высоту составити малую похвалу, занеже убо грубость нашего ума на высоту разума не достизает.

Како же ли убо тебѣ, великий государь, ублажаю? Которое ли тебѣ нынѣ, прехвалному самодержцу, содержащу великого Росийского царьствия скифетръ, неразумный аз благодарение принесу? Како же ли убо, о блаженная и всекрасная царьская душа, по достоинству похвалити возмогу, иже в жизни сей хвалам достойно пожившаго? Но елико воистинну солнце от тины честнѣйшии, толико и твое царьское величество от нашие похвалы превышши есть; якоже убо великий в богословии Григорий: не требует бо море, рече, исполнения от внѣ текущих рѣкъ, есть бо и без тѣх полно, — сице и твое благочестие не требует нашего похваления, но и кроме нас зело достохвално есть. Елико убо преславно нача, тако изрядно и соверши, и до конца несуменну благочестия вѣру ко Христу Богу показа, его же от юности возлюби, к немуже прииде, славяще пресвятое и поклоняемое имя его со Отцем и со Святым Духом во вѣки. Аминь.

---

[1] *...отъ моря и до моря и от рѣкъ до конец вселѣнные...* — Пс. 71, 8.

[2] *...царский корень... влечашеся отъ великого Августа кесаря римского...* — См. коммент. к с. 134.

[3] *...преосвященным митрополитом всеа Русии кир Дионисиемъ...* — Дионисий,

хиротонисанный на митрополию в 1581 г. из игуменов Хутынского монастыря, в октябре 1586 г. был лишен митрополичьей кафедры и сослан обратно на Хутынь, где и умер. Причина ссылки — поддержка Дионисием антигодуновской группировки, которая настаивала на разводе царя с бездетной тогда Ириной Годуновой.

[4] *...нечестивыи болгари... живуще по... Волзѣ, во мнозѣх лѣтех приходяще на предѣлы Русийскаго его государства...* — Имеются в виду продолжавшиеся ряд лет волнения народов Поволжья, подавленные в 1584—1585 гг.

[5] *Царъ же... повелѣ многия грады своя в предѣлех ихъ поставити...* — В царствование Федора на Волге были построены крепости Цивильск, Уржум, Царево-Кокшайск, Самара, Царицын и Саратов.

[6] *...Сибирскую страну всюи живущихвъ ней... себѣ рабы сотвори... и грады многия возгради...* — Присоединение Сибири фактически произошло при царе Федоре. Были построены Тюменский острог, затем Тобольск (с первой в Сибири православной церковью), в 1592—1596 гг. — Пелым, Березов, Сургут, Тара, Нарым и Кетский острог.

[7] *Якоже и древле южеская царица Сивилла... хотя видети премудростъ Соломан ову...* — Имеется в виду упоминаемая в Библии (ср.: 3 Цар. 10, 1—13; 2 Пар. 9, 1—12) и в апокрифах царица Савская, которая в поздней традиции была включена в число почитавшихся в Древнем Риме пророчиц-сивилл.

[8] *...рускихъ митрополитовъ Петра иАлексѣя и Ионы...* — Речь идет о причисленных к лику святых митрополитах всея Руси, считавшихся покровителями Московского государства, — Петре (ум. в 1326 г.), Алексее (ум. в 1378 г.), Ионе (ум. в 1461 г.).

[9] *...не по мнозе времяни с великою честию отпустивъ ево во Царъград.* — Патриарху Константинопольскому Иеремии со свитой было разрешено выехать в Царьград только в конце мая 1589 г., после почти годичного житья в Москве и спустя четыре месяца после возведения Иова на патриаршество. Иеремия и его спутники получили громадное «жалованье» деньгами, мехами и проч.

[10] *...да не рекутъ супротивнии наши: «Где есть Бог их?»* — Ср.: Пс. 78, 10.

[11] *...во всю бо землю, по пророку, изыде слава о нем...* — Ср.: Пс. 56, 6.

[12] *...град Москву... преизрядною лепотою украси... и величества ради и красоты прoименова его Царъград...* — Борис Годунов, в бытность и правителем, и царем, развернул в столице грандиозную строительную деятельность. Китай-город был защищен сильными укреплениями; на Красной площади, вдоль рва, поднялась еще одна стена; в Кремле был устроен водопровод; в Китай-городе соорудили каменные купеческие лавки, и т. д. Неофициальное «прoименование» Москвы Царьградом имело целью продемонстрировать, что не захваченная османами столица Византии, а столица Руси, в соответствии с теорией «Москва — третий Рим», стала идеологическим и культурным центром греко-славянского Востока.

[13] *В седмое же лѣто богохранимыя державы... царя... Федора Ивановича...* — В начале 1590 г. русские войска предприняли попытку вернуть балтийские земли,

захваченные Швецией после Ливонской войны. Армию сопровождали сам царь (царица провожала его до Новгорода) и Борис Годунов. После осады Нарвы (в русской традиции — Ругодив) Швеция запросила перемирия, по условиям которого Россия вернула себе Ивангород, Копорье, Ям, побережье между реками Наровой и Невой.

[14] *...Моисѣю на Аммалика...* — Речь идет о победе израильтян над царем амаликитян, о которой на вершине холма молил Бога Моисей (ср.: Исх. 17, 8—16).

[15] *...и... Александру, на... немцы.* — Александр Ярославич Невский (ок. 1220—1263). Имеется в виду битва на Чудском озере (Ледовое побоище) 1242 г.

[16] *...митрополитъ Александръ... в Велицемъ Новѣграде...* — Хиротонисан в архиепископа Новгородского из архимандритов Юрьева монастыря 12 сентября 1576 г. С 1589 г., когда было учреждено патриаршество, митрополит. Умер 26 июня 1591 г.

[17] *Кто Богъ велий яко Богъ нашъ... и правии путии твои...* — Пс. 76, 14—15; Апок. 15, 3.

[18] *Мало же по сем времении минувшу... паки злочестивии немци... помышляют совѣты...* — В 1591 г. шведский король Юхан III заключил с Крымом наступательный союз против России. Однако союзники успеха не добились. Отбив набег орды, русское правительство в январе—феврале 1592 г. предприняло удачный поход в Карелию.

[19] *«Мнѣ местъ, аз воздам, глаголет Господъ».* — Евр. 10, 30.

[20] *...крымский царъ Муратъ-Кирей...* — В действительности крымским ханом (с 1588 г.) был Казы-Гирей. Он и возглавил поход 1591 г. на Москву. Мурат-Гирей — его племянник, изгнанный из Крыма; присягнув на верность Москве, он получил дозволение жить в Астрахани, где и умер в 1591 г.

[21] *«Суди, Господи, обидящим мя... и стани в помощъ мою...»* — Пс. 34, 1—2.

[22] *...якоже и древъле при Езекии царе Израилеве...* — См. 2 Пар. 32, 1—32.

[23] *...повелѣ... Борис Федоровичъ поставити град,обоз нарицаемый...* — Это — так называемый «гуляй-город», подвижная крепость на возах, за стенами которой укрывалось вооруженное пушками войско. Гуляй-город был эффективным средством борьбы с легкой татарской конницей. Изобретение его приписывается современниками князю И. М. Воротынскому; впервые использован им в сражении с татарским ханом Девлет-Гиреем 1 августа 1572 г.

[24] *...якоже и дрѣвняя израителская скиния...* — Ср.: Исх. 26, 1.

[25] *...епископу суздалскому Иеву... повелѣваетъ...* - Иов, близкий сподвижник и тезка (по иноческому имени) первого русского патриарха, в 1572 г. был настоятелем Спасо-Евфимиева монастыря. В конце 1585 или в 1586 г. хиротонисан в епископа Суздальского. Ниже он назван архиепископом, но это анахронизм, поскольку Иов был наименован архиепископом в 1592 г., а описываемое событие (посылка икон) происходило в последних числах июня 1591

г.

[26] *...древле избавила еси сей нашъ град от нашествия... Темир-Аксака...* — Имеется в виду поход Тимура (Темир-Аксака, т. е. «Железного Хромца») 1395 г., когда, разграбив Елеци две недели простояв у Дона, Тимур повернул обратно. Спасение Руси от нашествия было приписано чудесному заступничеству Владимирской иконы Богородицы (см. наст. изд., т. 6, с. 230—241, 550).

[27] *...на нечестиваго Аммалика...* — Речь идет о победе израильтян над царем амаликитян, о которой на вершине холма молил Бога Моисей (ср.: Исх. 17, 8—16).

[28] *И на бегство устрѣмишася...* — 4 июля 1591 г. крымская конница во главе с ханом по серпуховской дороге подошла к Москве. День прошел в стычках, не давших перевеса ни одной стороне. Ночью русские пушкари из гуляй-города с московских стен и со стен ближних к столице монастырей начали непрерывную пальбу. Татар охватила паника, и они в беспорядке бежали.

[29] *«Десница твоя, Господи... стерлъ еси супостаты наша».* — Исх. 15,6—7.

[30] *Якоже и дрѣвле... Констянтинград избавила еси... от нахождения... перскаго воеводы Хоздроя...* — Имеется в виду война Византии и Персии (613—628), в которой император Ираклий победил и казнил шаха Хосрова II. Победа византийцев была приписана чудесному вмешательству той же Владимирской иконы, оригинал которой, по преданию, написал евангелист Лука.

[31] *...царевну и великую княжну Феодосъю...* — Феодосья, единственный ребенок царя Федора и Ирины Годуновой, родилась в 1592 г. (крещена 4 июня) и умерла в январе 1594 г.

[32] *...в седмый час нощи...* — По современному исчислению времени — в 21 ч. 30 мин.

[33] *...умножи, Господи, лѣта его, якоже древле Езѣкея...*— Согласно библейской легенде, по молитве «смертельно болевшего» Езекии Бог исцелил его и прибавил пятнадцать лет жизни (Ис. 38, 5).

[34] *«Призови мя в день печали твоея и избавлю тя»...* — Пс. 49, 15.

[35] *«В мире вкупе усну... вселил мя еси».* — Пс. 4, 9.

[36] *«Кто даст главѣ моей премногую воду и очесемъ моим источник слез?»* — Иер. 9, 1.

[37] *«Весъ денъ сетуя хождах».* — Пс. 37, 7.

[38] *«В мѣсто отецъ твоихъ... князя по всей земли».* — Пс. 44, 17.

[39] *...по себѣ вручив скифетръ благозаконной супруге своей... Иринѣ Федоровне...* — Это версия Годунова, одним из создателей которой, бесспорно, был патриарх Иов. На самом деле царь Федор ни на письме, ни устно не распорядился о наследовании престола. Есть свидетельства, что жене он наказал постричься;

Ирина исполнила завет мужа.

[40] *...вмѣсто царьския порфиры бъдъныя сия рубища приемлеши и за венецъ свой царъский худым симъ платом главу покрываеши.* — Это не метафора, а факт. «Вскрытие гробницы показало, что покойника обрядили в скромный мирской кафтан, перепоясанный ремнем, и даже сосуд для мира ему положили не по-царски простой» (Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 1978, с. 106). Однако нельзя из этого факта делать вывод, будто «Федор умер в полном небрежении». «Освятованный царь, проведший жизнь в постах и молитве, не сподобился обряда пострижения. А между тем в роду Калиты предсмертное пострижение стало своего рода традицией со времени Василия III и Ивана IV. Но с Федором начали обращаться как с брошенной куклой еще до того, как он испустил дух» (там же). На самом деле тело Федора облачили в строгом соответствии с чином погребения мирянина: «рубище» — это саван из грубой ряднины, а «плат» — так называемый «главотяжец». То, что Федор отказался от пострига, говорит о непоказном благочестии царя: и дед, и отец его, и потом Борис Годунов (в иночестве Боголеп), как и большинство русских людей, считали, что предсмертный постриг облегчает «вход в Царство Небесное». Федор обошелся без этого.

[41] *...якоже целомудренный Иосифъ и братия его...* — О том, как Иосиф с братьями оплакивал отца, см. Быт. 50, 1—14.

ПЕРЕВОД

ПОВЕСТЬ О ЧЕСТНОМ ЖИТИИ БЛАГОВЕРНОГО И БЛАГОРОДНОГО И ХРИСТОЛЮБИВОГО ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВСЕЯ РУСИ ФЕДОРА ИВАНОВИЧА, О ЕГО ЦАРСКОМ БЛАГОЧЕСТИИ И ДОБРОДЕТЕЛЬНЫХ ПРАВИЛАХ И О СВЯТОЙ ЕГО КОНЧИНЕ. ПИСАНО СМИРЕННЫМ ИОВОМ, ПАТРИАРХОМ МОСКОВСКИМ И ВСЕЯ РУСИ

Неба просторы и высота недоступны и неописуемы, земли же ширь и даль недостижимы и неохватны, моря же глубина неизмерима и неведома. Многие же проявления добродетелей святых и крестоносных преславнейших российских царей и великих князей неисчислимы и непостигаемы. Если и сыщутся некие знатоки глубокоразумного российского языка, если и будут они умудрены искусством грамматики и силою красноречия, то и тогда о величии добродетелей благочестивых этих самодержавных царей по достоинству поведать не смогут.

Нам же, убогим и грубым разумом, хотя и не подобает рассуждать об этом, но, призвав на помощь благодать человеколюбивого Бога, имея наставником Святого Духа и сподобившись малой толики добродетельных благодеяний, мы всех потчуем духовной трапезой, да полезна будет каждому слышащему ясная наша нынешняя речь. Придите и внемлите, и поведаю вам, все богобоязненные люди, о том, что сотворил Господь в последнем нашем роде на земле благочестивой Русской державы. Дар слова понуждает ныне составить повесть, как бы некое сладостное и праздничное предложить яство, да не покроют годы глубиной забвения явленное нам великое Божие человеколюбие, но, вкратце описанное, да станет известным оно вечно всем потомкам, а о чем — изъявит смысл написанного.

Итак, было время, было, говорю вам, такое время, когда благочестивая и православная христианская вера в Великой России сияла ярче солнца и своими светозарными лучами освещала всю вселенную, по слову пророка, от моря и до моря, и от рек до края вселенной слава ее простиралась, и всевластие

благочестивых и крестоносных христианских царей Русской державы величественно процветало, и благородный царский корень долгие годы не иссыхал, — от великого Августа, цесаря римского, обладавшего, как гласит история, всею вселенной, и до самого святого нынешнего царствования богохранимой державы великого Российского государства, до благоверного и христолюбивого царя и великого князя всея Руси Федора Ивановича. Он же, благочестивый царь и великий князь всея Руси Федор Иванович, был сыном прославленного государя и храброго царя и великого князя всея Руси Ивана Васильевича, который царствовал 49 лет и 9 месяцев на престоле вечной памяти отца своего Василия Ивановича и деда своего Ивана Васильевича, великих князей всея Руси. Благочестивый же тот царь и великий князь всея Руси Иван Васильевич был разумом и мудростью украшен, и богатырскими победами славен, и в ратном деле весьма искусен, и во всем царском правлении достохвально проявил себя, великие и невиданные победы одержал и многие подвиги благочестия совершил. Царским своим неусыпным правлением и многой премудростью не только подданных богохранимой своей державы поверг в страх и в трепет, но и всех окрестных стран иноверные народы, лишь услышав царское имя его, трепетали от великой боязни. О прочих же его царских добродетельных делах скажем в своем месте.

По достижении пятьдесят третьего года жизни приключилась благоверному царю и великому князю всея Руси Ивану Васильевичу тяжкая болезнь, и прозрел он в ней скорое свое к Богу отшествие, и принял великий ангельский образ, и наречен был в иноках Иона, и вскоре после этого покинул земное царство, отошел к Господу в 7092 (1584) году, марта в 19-й день; и по кончине своей оставил превеликий скипетр Российского самодержавного царства и передал великий царский престол благородному сыну своему, благочестивому и христолюбивому царю и великому князю всея Руси Федору Ивановичу. Царь же и великий князь всея Руси Федор Иванович по преставлении вечной памяти отца своего царя и великого князя всея Руси Ивана Васильевича становится по Божьему изволению и отеческому благословению преемником царского престола всей Великой России. Возведен же был и венчан на царство преосвященным митрополитом всея Руси кир Дионисием, который тогда правил кормилом великой соборной церкви честного и славного Успения Пречистой Богородицы и занимал в Москве престол великих чудотворцев Петра, Алексея и Ионы. Было в ту пору благочестивому царю и великому князю всея Руси Федору Ивановичу от роду лет двадцать семь.

Этот благочестивый самодержец, праведный и досточтимый и крестоносный царь и великий князь всея Руси Федор Иванович сравнялся в славе с благочестивыми древними царями, нынешним же являл собою образец светоносной красоты, будущим же оставил по себе сладчайшую память, благостную слуха усладу, превзошел всех не только в Российской богохранимой державе, но и во всем подлунном мире. Еще с царственной юности своей преисполнился он духовной премудрости. Окруженный бесчисленными, редкостными и бесценными красотами бренного сего мира, он отвратил от них взор свой, никогда не прельщаясь никакой роскошью. Одно было у него попечение — помнить о Боге и всяческих добродетелях, пренебрегая житейскими красотами и соблазнами, дабы не пригвоздить к ним душу, но насладиться вечных благ от Создателя всех и Промыслителя, сподобиться Царствия Небесного. Кто же способен достойно рассказать о достохвальных проявлениях добродетелей благочестивого этого царя? Или кто дерзнет прикоснуться к перу, дабы составить повесть о святой его жизни? Хотя он и обладал могущественным скипетром превысочайшего Российского царства, но всегда ум свой устремлял к Богу, неусыпно бодрствуя душевными очами, а веру сердечную постоянно воплощая в благие дела. Тело же

свое всегда изнурял церковными службами, повседневными молитвами и поклонами, всенощными бдениями, воздержанием и постом, душу же свою царскую врачевал чтением и слушанием божественных словес, прилежно пестуя и украшая благие нравы.

Теперь же к слову хочется помянуть и другие его царские достохвальные деяния, да не предано будет словесному забвению то, что достойно памяти. При жизни незабвенного отца его, благочестивого царя и великого князя всея Руси Ивана Васильевича, бывало так, что нечестивые булгары, живущие близ русских рубежей по реке, именуемой Волгою, с давних пор вторгались в пределы Русского государства и много зла творили православным христианам, нападая на них и захватывая людей и добычу. Год за годом шла эта война, подобно речной быстрине текла кровь православных. Многих нечестивцы перебили, других увели в полон, подвергая различным мучениям.

В 7061 (1553) году царь и великий князь всея Руси Иван Васильевич, видя богомерзкое нечестивцев ожесточение, устремился на них с большими силами и город их стольный Казань взял, всеми землями казанскими завладел, несметное множество нечестивых булгар истребил, избежавших же плена всех под свою царскую десницу покорил. Спустя немногие годы после этого похода царь и великий князь всея Руси Иван Васильевич Божьею волею отошел к Господу, и Российского царства скипетр, как и прежде сказано было, принял достохвальный сын его, благочестивый наш царь и великий князь всея Руси Федор Иванович. Нечестивые же булгары, гордыней бесовскою обуянные, опять посягают на православный народ и, вступив в русские пределы, по обыкновению своему уводят большой полон.

Видя это, преблагой человеколюбивый Бог наш не дал вконец погибнуть крещеному народу, вложил благочестивому царю и великому князю всея Руси Федору Ивановичу в сердце мысль, дабы избавил православных христиан от насилия нечестивцев. Царь, истинный рачитель благочестия, воспламенился от этой божественной мысли и повелел мудрому своему правителю Борису Федоровичу послать большое войско на нечестивых булгар. Достохвальный же правитель Борис Федорович не мешкая приказ благочестивого царя выполняет, собирает большое христолюбивое воинство, назначает воевод и, вооружив эту могучую рать, посылает ее на булгар. Вторгшись в их область и захватив толпы пленников, воинство благочестивого царя с Божьей помощью в сражениях одолело нечестивцев; множество их пало от мечей. Воочию узрев храбрость и неукротимую решимость христолюбивого воинства и собственную погибель, булгары вскоре изъявили благочестивому царю рабскую покорность. Царь же и великий князь всея Руси Федор Иванович повелел в их стране много своих крепостей построить, и с той поры и доныне благодаря царскому благоразумному управлению все земли булгарские в полной покорности и в рабском послушании под его царскою десницей пребывают. Этой деснице покорны и навеки подвластны не одни нечестивые булгары; ей подчинена вся Сибирь, порабощены все живущие в сибирских землях язычники-сыроядцы, получая от них каждый год различные оброки и дани, царь разрушил все бесовские капища, поставил много укрепленных городов, населил их крещеными людьми, возвел православные храмы, и так утвердившееся при царском управлении истинное богопочитание доныне нерушимым остается.

К сему не умолчим и о прочих царских добродетелях: был он весьма нищелюбив, опекал вдов и сирот, особливо же почитал священников и монахов, всегда щедрой милостыней их оделяя. И таким ревностным был этот поборник благочестия, что незатихающая его слава, подобно солнечным лучам, простиралась не только по

державе богохранимого его царства, но и по всей вселенной; и таково было его милосердие, что не только богохранимой его державы нуждающиеся люди получали щедрое подаяние, но и в дальние края земли нескудеющей рекою оно всегда изливалось. Говорю вам, в Святую гору Афон, и в Александрию, и в Ливию, и в Великую Антиохию, и во все святые места, и в самый Божий град Иерусалим богатая милостыня всякий год царем посылалась.

Слух о его благочестивых добродетельных деяниях дошел и до царственного града Константинополя и достиг ушей святейшего патриарха кир Иеремии. Тогда этот патриарх Иеремия, услышав о добродетельной жизни и великом благочестии благоверного царя всея Руси Федора Ивановича, поспешил подвигнуться на весьма долгий и трудный путь, прибыл в Великую Россию, желая видеть необыкновенную красоту великой христианской соборной Церкви и великое благочестие благоверного царя Федора Ивановича. Как и в древние времена южская царица Сивилла приходила из восточных стран в Иерусалим, чтобы узреть премудрость Соломона, так и сей святейший патриарх Иеремия, возгоревшись пылким усердием к благочестию, невзирая на маститую старость и пренебрегши тяжкими трудами, вскоре к благочестивому царю и великому князю всея Руси Федору Ивановичу приходит, словно некий почтенный купец, который принес с собою не золотой клад и не редкостные драгоценные каменья, а неиссякаемое духовное сокровище, бесценный жемчуг Христовой благодати, иначе говоря, в качестве самого почетного дара, — сан великого патриаршества. Престол же великой Русской митрополии тогда занимал преосвященный кир Иов, митрополит всея Руси.

Царь же и великий князь всея Руси Федор Иванович с великой любовью и неизреченной радостью встречает патриарха Иеремию, воздает подобающую святительскому его сану честь, приемлет благословение и пожелание мира, вволю от своих царских щедрот наделяет патриарха всем потребным для повседневной жизни. Потом благочестивый царь и великий князь всея Руси Федор Иванович намерение свое царское изъявляет, да поставит патриарх Иеремия в богохранимой державе Великой России патриарха по правилам святых апостолов и святых отцов. Выслушав намерение благочестивого царя, патриарх был весьма удивлен тем, сколь велико царское стремление к благочестию, и стал размышлять, как бы возвести на престол Русской митрополии патриарха, ибо по заветам святых апостолов и заповедям святых отцов надлежит быть только четырем вселенским патриархам: в Великой Антиохии, в Иерусалиме, в Константинополе и в Александрии; пятый же патриарх — это папа в Риме. Зная, что римский папа много лет тому назад от благочестия отступил и от истинной христианской веры отпал, памятуя также, что ныне царственным градом Константина владеют неверные и что они ненавидят благочестивую веру и повсюду ее преследуют; убедившись, что в Великой России издревле процветает неколебимое православие, как солнце, на тверди небесной сияющее; особенно же узрев неизреченную красоту знаменитейшего храма Успения Божией Матери, а в нем — многие священные вещи и всякие святыни, употребляемые при различных и многообразных службах в похвалу и в прославление вседержителя Бога и Пречистой Богородицы и всех святых; осмотрев почитаемые златокованые гробницы, в которых, как некое многоценное сокровище, покоятся великие чудотворцы, русские митрополиты Петр, Алексей и Иона, от чьих нетленных мощей многие сподобились исцелений и других чудес; увидев в благочестивом царе и великом князе всея Руси Федоре Ивановиче сердечное усердие и веру в Бога и великое прилежание и неустанное попечение о благоденствии всех благочестивых народов, исповедующих православное христианство, патриарх Иеремия, подивившись всему этому, воздав хвалу всемогущему Богу и возложив

упование на милость от превеликих его щедрот, поставляет в 7097 (1589) году в Великой России на Русскую митрополию патриарха — тогдашнего митрополита Иова, нарекши его четвертым среди вселенских патриархов. Место же папы теперь занял патриарх Константинопольский.

Преисполнившись радости, царь оказал гостю самые высокие почести и, одарив его в изобилии многоценными дарами, через немногое время с великой честью отпустил в Царьград. Прибыв туда, патриарх Иеремия собирает тамошних православных, все свое христоименитое стадо, и с глубоким воодушевлением повествует о том, что увидел в Великой России, — о дивной красоте благочестивой христианской церкви греческого обряда, о царском истовом благочестии, о твердости в божественных догматах всех православных христиан; при этом он показывает многоценные дары, которые принял из рук благочестивого христианского царя и великого князя всея Руси Федора Ивановича; наконец, возвещает о поставлении в Великой России патриарха.

Услышав о том, что Великая Россия осиянна таким благочестием, все со слезами возблагодарили всемилостивого Бога, восклицая: «Щедрый и милостивый Боже! Устрояющий все на пользу верующим в тебя, единого истинного Бога, утвердил ты великое благочестие в последнем нашем роде, в земле благочестивой Русской державы! Сотвори то же и с нами, премилостивый Боже, верни нам исконную твою милость, не отдай достояния твоего на поругание врагам! Ибо ты Бог наш, мы же — люди твои и овцы пастбища твоего; сохрани, Владыка, церковь и людей твоих невредимыми от всех наветов вражиих, да не посмеют вопросить супостаты наши: „Где же это Бог их?" Ибо ты Бог наш единый, творящий чудеса».

Потом патриарх Иеремия пишет послания ко всем трем патриархам, в Александрию, в Антиохию и в Иерусалим, извещая, что в бытность его в Великой России поставил там патриарха на престол русской митрополии, и предлагая, да ответят ему собственноручными писаниями, одобрительными и единодушными, чтобы быть в Великой России патриаршему престолу вековечно и чтобы патриарху всея Руси быть поставляему не главою Константинопольской церкви, а собором своих митрополитов. Прочитав послание, они вскоре ответили, что сияющая таким благочестием Великая Россия достойна патриарха, и ответы сопроводили своеручными подписями митрополиты, архиепископы и епископы всех трех патриарших церковных областей. Это одобрительное писание трех патриархов, скрепленное митрополитами, архиепископами и епископами, святейший патриарх Иеремия тотчас посылает в Великую Россию к благочестивому царю и великому князю всея Руси Федору Ивановичу, обращаясь к нему с такими кроткими словами: «Прими, о великий самодержец и крестоносный царь, истинной православной веры усердный рачитель и непреклонный и неодолимый поборник, этот наш твоему благочестивому царству духовный дар, каковой ныне приносится нами во славу Святой и Живоначальной Троицы, и в честь Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, и в знак одобрения твоего самодержавного благочестия: да будет престол патриарший в твоей богохранимой державе вовеки. Ибо преблагой Бог наш, видя веру неколебимую и достохвальное рвение царского твоего благородия о соблюдении всего православного благочестия, дает тебе вожделенный дар по желанию твоему, устроив престол великого патриаршего сана посредством нашего смирения. И пусть будет эта единодушная грамота брату о Святом Духе и сослужителю нашего смирения, вашему же о Святом Духе отцу и богомольцу патриарху Иову грамотой на утверждение святительского сана ему и всем его патриархам-преемникам вовеки».

Услышали о таких добродетельных деяниях благочестивого царя и во всех тех

странах, где живут иноверные народы, услышали иудеи и эллины, скифы и латыняне, аравитяне и бесермены, и не только простые люди, но и на тронах сидящие (по всей земле, по пророку, пошла слава о нем, и до краев вселенной его благочестие простерлося), и тогда многие оставляли скверное свое непотребство, нечестивую и богопротивную веру проклинали и со стыдом и раскаянием отвергали, приходя в богохранимую державу благочестивого царя, с великим рвением, с покорными мольбами и усердием желая правую нашу христианскую веру принять и во Христа веровать нелицемерно. Великий же самодержец и благочестивый царь, во всем являя собою чадолюбивого отца и каждому простирая нескудеющую руку помощи и прещедрой милости, одним давал во владение обширные земли и большие имения, других же оделял без счета богатейшими дарами.

В годы благочестивого его царствования управлял и ведал под его владычеством богохранимой державой шурин его, чином слуга и конюший боярин Борис Федорович Годунов. Выделялся этот Борис Федорович необычайной мудростью, превосходил всех саном и благоразумием, и благодаря достойнейшему его правлению благочестивая царская держава процветала в мире и в нерушимой тишине; много стараний явил правитель о благочестии и великими деяниями споспешествовал благоденствию богохранимой царской державы, так что и сам благочестивый самодержец, царь и великий князь всея Руси Федор Иванович, дивился высочайшей его мудрости и храбрости, и мужеству. И не по одной только своей державе пронесся слух, но и по всем странам иноверных народов прогремела слава, что не было тогда в Русском царстве равного ему храбростью, разумом и верой в Бога. Из многих языческих царств слава эта приводила к царю и великому князю всея Руси Федору Ивановичу пришлецов с дарами многоценными, воздающих рабское поклонение и достодолжные почести царскому величеству и царской богохранимой державы искусному правителю; потрясенные духовной красотой его лица и премудростью его разума, они, возвращаясь в свои страны, с изумлением возвещали о величайших его добродетелях.

Искусный же этот правитель Борис Федорович по царскому изволению своим недреманным руководством и прилежным попечением возвел много окруженных каменными стенами городов, воздвиг в них во славу Божию величественные храмы, устроил множество иноческих обителей. Самый царствующий богоспасаемый город Москву, словно невесту перед венцом, украсил он дивными красотами: построил прекрасные каменные церкви, громадные палаты, так что одно их лицезрение повергает в трепет; всю Москву опоясал могучими каменными стенами, и этот город-крепость, величественный пространством и красотою, прозвал Царьградом; внутри же создал гостиные дворы для жительства купцов и для хранения товаров; много и другого, достойного хвалы, было учреждено в Русском государстве. О прочих добрых делах пространно объявим в надлежащем месте, теперь же обратим наши слова к событиям повести и вернемся к предшествующему.

Шел седьмой год, как занял богохранимый престол благочестивый царь и великий князь всея Руси Федор Иванович; тогда некоторые города Корельской земли, исконного царского достояния, притеснялись и оскорблялись нечестивыми латынянами, что из германского племени. Благочестивый царь, чьим достоянием и отеческим наследием долгие годы обладали иноверцы, решил вернуть его, а врагов, этих волков, губящих стадо Христово, отогнать подальше. Особенно же сам искусный правитель Борис Федорович ревностно воспылал о защите благочестия; по благому изволению благочестивого царя он быстро

собирает большое христолюбивое войско и посылает его в немецкие пределы, — не для того, чтобы пленить их или до основания разрушить города, но для того, чтобы привести супостатов в страх и трепет, дабы они, испугавшись нашествия такого множества ратников, отеческое наследие благочестивого царя и захваченные города вернули без кровопролития. Но злочестивые германцы завязали с христолюбивым войском благочестивого царя упорную войну.

Великий самодержец, узнав по вооруженному сопротивлению, что сердца их жестоки, непокорны, исполнены скверны, и загоревшись любовью к благочестию, сам повел в поход рати христолюбивого своего войска, призвав в помощь человеколюбца Бога и Пречистую Богородицу и великих чудотворцев, приняв благословение от патриарха Иова, отца своего и богомольца, и от всего освященного собора. Собрав большие силы, царь пошел на нечестивых немцев, творя в душе молитву: «Суди, Господи, обижающих меня, побори борющихся со мною и помоги мне, Господи, как в древние времена помог Моисею одолеть Аммалика и пращуру моему великому князю Александру окаянных этих нечестивых немцев». Когда он пришел в отчину свою, Новгород Великий, там его с великой радостью встретил митрополит Александр, в чьих руках находилось тогда кормило новгородской соборной церкви Софии Премудрости Божией, а с ним освященный собор и весь народ, воздавая достойную царского величества честь и раболепное поклонение. Тут благочестивый царь и великий князь всея Руси Федор Иванович окончательно приводит в порядок христолюбивого своего войска многотысячные полки, назначает опытных воевод и призывает всех в поход и на подвиг, повелевает сражаться до смерти во имя Христа, обещая всем свое царское пожалование. С ними же он приказывает послать много пушек для разрушения стен, всякие искусно сделанные машины, предназначенные для взятия крепостей, — не с той целью, чтобы пролить больше крови, а чтобы обратить к благочестию неверных. Сам царь в своей отчине, Новгороде Великом, пробыл недолго, все время воссылая непрестанные молитвы и, воздев руки к небесам, призывая на помощь Всесильного Бога, Пречистую же Богородицу, как непобедимого воеводу, почитая пособницей ратников, а великих чудотворцев постоянно умоляя, дабы помогли справиться с противником и добиться победы без кровопролития. О стойкая отвага и твердое мужество! О постоянное ко всем милосердие благой царской души! О благие помыслы и решения ради неотложного избавления христиан!

Вслед за тем благочестивый царь пришел в Немецкую землю к городу, именуемому Ругодив, и повел осаду с большим воинским искусством. Узрев храброе наступление благочестивого царя, скопление многочисленных воинов, их к бранному подвигу бесстрашное стремление, увидев неизбежность разорения своего города, бывшие в городе нечестивцы цепенеют от ужаса и скоро теряют всякую надежду. И великий страх обуял их, и, предварительно запросив у царя перемирия, к нему из города явились послы, ходатайствуя об ослаблении военных действий и обещая без кровопролития возвратить царские отчины. Благочестивый же царь и великий князь всея Руси Федор Иванович в ответ на рабскую их покорность тотчас повелел полкам от города отступить, военные действия прекратить и сдержать ратников в яростном их стремлении к приступу, а городским послам приказал учинить пристрастный допрос, не притворные ли они дают обещания и действительно ли покоряются. Тогда нечестивцы без промедления исполняют свои обеты, Ивангород и еще два города, Копорье и Ям, благочестивому царю вскоре передают.

Благочестивый самодержец вскоре приказал Ивангород от нечестивых избавить и от всяких богомерзких нехристианских гнусностей очистить, повелел возвести

православные церкви, назначил одного из бояр своей царской думы воеводой для управления городом. В Копорье и Ям также послал он лучших своих воевод, а с ними большое войско, чтобы и эти города очистить от нечестивцев. Сам же благочестивый царь спустя некоторое время с великой и славной победой возвратился в свою державу и прибыл в свою отчину, Новгород Великий. Преосвященный митрополит Великого Новгорода Александр и весь освященный собор с честными и животворящими крестами и чудотворными иконами во главе множества народа вышли царю навстречу, вознося хвалу Богу и благодарственные песнопения о победе его распевая: «Господи, пособивший кроткому Давиду победить чужеземцев, ты и благочестивому царю нашему победу над противниками и одоление даровал». Благочестивый же царь и великий князь всея Руси Федор Иванович, пребыв там недолгое время, свое христолюбивое войско частью распустил, частью оставил в Новгороде Великом, а сам отправился в свой царственный город Москву.

Услышав о приближении царя к царственному городу, святейший патриарх Иов собирает весь освященный вселенский собор и выходит навстречу с честными и животворящими крестами, с чудотворными иконами вседержителя Бога, Непорочной Матери его, Владычицы нашей Богородицы, великих чудотворцев и с пением молебнов. Когда же благочестивый царь пришел в царственный город Москву, то он вошел в соборный храм Успения Пречистой Богородицы, припал к ее иконе, называемой Владимирская, с умилением и слезами взывая: «О Пречистая Госпожа, Дева, Богородица, Владычица, крепкая стена и заступница царства нашего, всего нашего воинства непобедимый воевода! Твоим попечением, Владычица, противники наши побеждаются и войны повсюду утихают! Ты, Владычица, не переставай молить Сына своего Христа, Бога нашего, да устроит мое царство в мире и в тишине, да возвратит от неверных древние наследственные города наши, пусть и там по достоинству прославится пресвятое и чтимое имя его с Отцом и со Святым Духом вовеки, аминь».

Потом благочестивый царь и великий князь всея Руси Федор Иванович принял благословение от патриарха Иова, извещая его, как Божией помощью, молитвами и заступничеством Пречистой Богородицы и великих чудотворцев были побеждены неверные народы и возвращены отеческие города. Услышав об этом из уст благочестивого царя, патриарх весьма обрадовался вместе с освященным собором и воздал хвалу Всемогущему Всемилостивому Богу, победное ему славословие: «Кто столь велик, как Бог наш? Ты один Бог, творящий чудеса; дивен ты, Господи, и все дела твои истинны, и пути твои правы, которыми ты по своему усмотрению устраиваешь все на пользу для нашего спасения. Благодарим тебя, Милосердный, за великое человеколюбие, что предал ты в руки благочестивого царя нашего иноверные народы, не знающие тебя, истинного Бога нашего, что изгнал их и правоверными населил города их, в которых ныне непрестанно прославляется твое пресвятое имя: благословен ты вовеки, аминь». Вслед за этим патриарх обратился к благочестивому царю: «О великий государь, боговенчанный царь и великий князь всея Руси Федор Иванович! Воистину ты равен православному, первому в благочестии просиявшему царю Константину и прародителю своему, великому князю Владимиру, просветившему Русскую землю святым крещением. Каждый из них в свои времена идолов попрал и благочестие восприял, ты же ныне, великий самодержец и истинный ревнитель благочестия, не только идолов сокрушаешь, но и служителей их изгоняешь без остатка. За твое всегдашнее к Богу стремление и великую веру все блага тебе дарованы: православные города самодержавного твоего царства, которые при царствовавших до тебя в Великой России были иноверными, от благочестия отторгнуты и многие годы ими обладаемы, теперь, при твоем самодержавном

правлении, заселяются православными. Где были языческие капища, там ныне Божьи церкви; где было богопротивное кощунство, там ныне приносятся бескровные жертвы; где были бесовские действа, там ныне Богом вдохновенные песнопения; где дьявол величался, там ныне Христос прославляется; где язычники водворялись, там ныне твое царское имя в великой славе возносится». Царь же и великий князь всея Руси Федор Иванович, свершив свои молитвы, отбыл в царские палаты.

Немного прошло после этого времени, два года или несколько больше, и опять в нечестивых немцах возобладали лукавство и гордыня, опять они вернулись к замыслам, которых не сумели выполнить. О бессовестное и бесстыдное их лицемерие! Прибавив к прежнему беззаконию новое, колеблемые суетными помышлениями, они так говорили, собрав большую силу: «Пойдем к Новгороду Великому, чтобы там победить и отомстить за наш позор. Сейчас русский царь ушел в свое отечество и всю рать с собою увел». С большой силой вторглись они в новгородские земли и, разоряя их, достигли и самого Новгорода. Услышав об этом, бывшее здесь христолюбивое войско благочестивого царя выступило против них, доблестно с ними сражалось и с Божьей помощью нечестивых победило. Оставшиеся в живых устрашились и обратились вспять, а русские полки преследовали их, непрестанно их побивая.

Слух об этом походе достиг ушей благочестивого царя и великого князя всея Руси Федора Ивановича, — о том, что нечестивые немцы напали на новгородские области и там немалое время, разоряя их, воевали. Царь немедля послал лучших своих воевод и с ними сильное свое христолюбивое войско в немецкие пределы, к городу, называемому Корела. Полки же русские выступили и всю Корельскую область полонили, и нечестивых немцев множество побили. Те же, весьма устрашившись, своими глазами увидев храбрость и неукротимую решимость христолюбивого воинства, и больше того — собственную погибель, послали послов в полки благочестивого царя с великой покорностью, упрашивая ослабить военные действия и обещая Корельскую свою землю благочестивому царю передать. Об этом благочестивые русские полки, заключив перемирие, известили благочестивого царя, — о рабской покорности нечестивых немцев и о том, что они обещали передать всю Корельскую область.

Царь же и великий князь всея Руси Федор Иванович вскоре посылает в Корелу неких бояр из своей думы и повелевает там языческие капища разрушить, идолов сокрушить, возводить святые церкви и устраивать большие монастырские обители, повелевает также переселить в те места всех людей корельского племени, проживающих в богохранимой державе, в Российском царстве. Так все и свершилось согласно этому благому решению: с того времени и доныне в городе Кореле и окрест его Божьею благодатью великое благочестие без перемен, подобно солнцу, сияет. Смотрите же, что незамедлительно случается с теми, кто, подстрекаемый ненавистью и завистью, посягает на благочестие! «Ибо написано в пророческих книгах: „Мне отмщение, я воздам, говорит Господь"».

Скверный пес, крымский царь Казы-Гирей, узнал о том, что большое войско послано было благочестивым царем завоевывать землю немцев, что много воинов было оставлено и в Новгороде Великом, и в новгородских уездах для обороны в случае нашествия нечестивых немцев; тогда крымский царь Казы-Гирей заключил союз со шведским королем Юханом, чтобы им одновременно с двух сторон напасть на православных. Так из-за грехов наших попустил Бог, наказующий нас то голодом и смертоносной чумой, то пожарами и междоусобицами, то нашествием иноплеменников, — да отвратимся от прегрешений наших. Нечестивый царь собрал громадные силы, призвав воинов не

только своего, но и разных других племен, и двинулись эти безумные рати, помчались, словно хищные волки, собираясь растерзать христоименитое стадо разумных овец, похваляясь и кичась и хулу изрекая на Бога нашего, намереваясь захватить отеческое наследие благочестивого царя и великого князя всея Руси Федора Ивановича. Ибо слышал о нем непотребный царь Казы-Гирей, что он выше меры благочестив и своими непрестанными к Богу молитвами всю богохранимую царскую державу блюдет в мире и тишине. Этот окаянный царь со своей громадной силой скоро вторгся в Великую Россию, обходя многие города и большие поселения, находящиеся в державе благочестивого царя и великого князя всея Руси Федора Ивановича, не разоряя их и не захватывая пленников, ибо так размышлял скверный царь: «Если сумею царственный город Москву захватить, тогда и всем остальным смогу завладеть».

Благочестивый царь и великий князь всея Руси Федор Иванович, услышав, что безбожный крымский царь с могучими силами идет на его прародительское государство, весьма опечалился, но тем скорее подвигся на молитву, так обращаясь к Богу: «Суди, Господи, обидящих меня, огради от борющихся со мною, возьми оружие и щит и воздвигни их в помощь мне, окажи нам милость человеколюбия твоего, как и в древние времена при Езекии, царе Израиля, когда похвалялся царь ассирийский Сеннахерим, намереваясь с силой великою разрушить достояние твое — Иерусалим, и послал ты ангела твоего, и перебил он за одну ночь 185 000 воинов ассирийских. Так и ныне, Владыка, пошли мне, рабу твоему, ангела твоего в помощь, не попусти этому нечестивому варвару и его людям, похваляющимся и беснующимся от гордыни, разорить твое достояние, а мое отечество, чтобы не сказали противники наши: „Где же их Бог?” Пусть уразумеют истину, что ты, избавитель, с нами». Как только крымский царь приблизился к царственному городу, благочестивый царь повелел искусному правителю и своему шурину, достохвальному воеводе, вышеупомянутому боярину Борису Федоровичу быстро собрать все христолюбивое войско, сколько его оказалось тогда в царской державе, и немедля изготовиться к сражению (в то время много воинов было послано в Новгород Великий для отпора нечестивым полчищам короля шведского, злого советника крымского того царя, остальные же христолюбивые воины благочестивого царя были распущены по домам и не знали о нашествии).

Сей же Борис Федорович был премудростью украшен и в ратном деле весьма сведущ; он явил себя непобедимым воеводой во всяких воинских трудах. Быстро собирает он высших военачальников, и тысячников, и сотников, и все множество ратных людей Российского царства, сколько их нашлось тогда в царственном городе Москве, дабы приготовились отразить нападение приближающихся поганых варваров. Также приказал он все дальние посады царственного города обнести деревянной стеной и поставить на ней и на башнях большие пушки и пищали. Вблизи царственного города, верстах в двух или чуть дальше, искусный правитель Борис Федорович велел разбить стан, или обоз, умело устроенный передвижной город на повозках, очень удобный для отражения неприятеля. Там собралось царское христолюбивое воинство, снабженное мощными пушками и разными военными приспособлениями. Внутри передвижного города было повелено поставить церковь во имя преподобного чудотворца Сергия — из полотна, подобно древней израильской скинии, для сохранения и спасения города от нашествия поганых варваров.

Благоверному же царю и великому князю всея Руси Федору Ивановичу, с великой верой в молитвах припадавшему к Всемогущему Богу, Пречистой Богородице и великим чудотворцам, пришло на память преславное и великое чудо, когда

Всемилостивый Бог наш, умоленный Пречистой своей Матерью, явил посредством чудотворной иконы ее безмерное человеколюбие прародителю царя благоверному князю Дмитрию Ивановичу, даровав ему на Дону решительную победу над нечестивым Мамаем. И тотчас царь предлагает отцу своему и богомольцу патриарху Иову устроить соборное молебствие Пречистой Богородице и, взяв чудотворную ее икону, в преднесении животворящих крестов и других почитаемых икон совершить шествие окрест Кремля; а затем отнести эту икону в упомянутый укрепленный лагерь и поставить там в храме преподобного чудотворца Сергия в надежде на милость и заступничество небесной Владычицы, на то, что она, как и прежде, спасет стольный наш город от нашествия иноплеменных варваров.

И царский благой совет тут же воплощается в дело. Патриарх, совершив молебствие, повелевает принять чудотворную ту икону Пречистой Богородицы епископу суздальскому Иову: «Прими, о епископ, нашего Владыки Бога просторное вместилище! Прими образ Матери Царя царствующих, спасения всего мира! Прими хранительницу города нашего, печальницу нашу, непорочную за всех нас заступницу! Гряди навстречу нечестивым ордам варваров! Сей образ будет для нас стеной нерушимой, неодолимым стражем города нашего, непобедимым воеводой христолюбивого воинства». Сам же благочестивый царь, припав к иконе Царицы небесной, испуская из глубины сердца неумолчные стенания, источая из очей, подобно речным стремнинам, слезы непрестанные, такую творил молитву: «О Владычица, госпожа Дева Богородица! Не покинь достояние твое на произвол судьбы, не дай, Владычица, иноплеменным расхитить нашу землю — сад, насажденный крепкой десницей Сына твоего! Иди, возвысившаяся над всеми живыми существами, стань нам в помощь, ковчег божества! Иди, преславная Владычица, и спаси нас! Иди, бескровное оружие, воспрети яростному устремлению поганых, даруй нам милость твоего заступничества, спаси город наш и всю страну христианскую от нападения этих варваров-иноплеменников! Как в древние времена избавила ты наш город от нашествия окаянного царя Темир-Аксака посредством принесения почитаемой и чудотворной твоей иконы, так и ныне, Владычица, озаботься, подвигнись, поспеши, умоли сына своего Христа, Бога нашего, да спасет нас, чающих помощи только от тебя, Владычица! Помоги нам: на тебя надеемся, тебе возносим хвалу, ибо ты наша духовная крепость; уповая на тебя, вовеки избежим бесчестья».

Архиепископ же, приняв чудотворную икону Пречистой Богородицы, в преднесении крестов и других чудотворных икон, в пятницу, выйдя из Кремля, с пением молебнов совершил обход кремлевских стен. Затем чудотворную ту икону Пречистой Богородицы приносят в упомянутый укрепленный обоз и водружают в церкви чудотворца Сергия, куда собрались царские христолюбивые воины, и там возносят непрестанные молитвы Богородице. Назавтра по отправлении иконы Царицы небесной, в день субботний, благочестивый царь и великий князь всея Руси Федор Иванович послал на борьбу с нечестивыми варварами искусного своего правителя Бориса Федоровича и с ним многих бояр царской своей думы и много войск, сам же устремился на молитву, приглашая к ней и укрепляя всех, кто был с ним. И возвещает он, что скоро будет избавление от напастей и что не нужно бояться нападения неправедного этого царя. Подобно тому как встарь самовидец Бога Моисей, вооружив и отправив на нечестивого Аммалика избранное израильское войско, поднявшись на гору, воссылал молитвы и мольбы Создателю всех и Владыке о спасении людей, так и сей великий самодержец, непрестанные Богу молитвы и мольбы воссылая, да в мире и в тишине сохранит он непоколебимой богохранимую державу его царства, пророчествовал об избавлении стольного града от нашествия неверных: «Хотя этот окаянный царь

тщательно приготовил поход на мое достояние, Российское царство, но Божия помощь и заступничество Пречистой Богородицы и великих чудотворцев заставит его со срамом и с великим стыдом возвратиться восвояси»; все и сбылось согласно этим словам.

Великий же и искусный воевода Борис Федорович со всею бывшею с ним ратью отошел от царственного города верст с пять и остановился на реке, в местности, называемой Котлы, ожидая пришествия окаянного того царя. Сам же он, осторожный и предусмотрительный, воинство непрестанно обходит, и полки приводит в полный порядок, и к сражению всех побуждает, и не терять надежды повелевает, и на подвиг всех укрепляет. И когда неправедный царь приблизился к стольному граду Москве, тогда и этот благочестивого царя искусный и достохвальный воевода Борис Федорович из полков своих посылает отборных воинов против нечестивого того царя.

Случилось это в год 7099-й (1591), в четвертый день месяца июля, в воскресенье; полки русские завязали большое сражение с нечестивыми и целый день непрестанно бились в различных местах поблизости от стольного града Москвы. Сам же искусный правитель и непобедимый воин Борис Федорович с прочими силами и множеством огнестрельных орудий оставался в тот день в упомянутом укрепленном обозе, где была икона Пречистой Богородицы, беспрерывно молясь и прося о помощи против врагов. По ним весь день и всю ночь не переставая стреляли из больших пушек, изрыгающих огонь, стреляли и со стен ближних к Москве монастырей, поражая многих язычников.

Безбожный же царь к вечеру того дня прибыл в царское село, называемое Воробьево. Отстоит это Воробьево от стольного града версты на три, там большие горы, очень высокие. Отсюда узрел окаянный царь красоту и величие царственного города, огромные каменные стены, и золотом покрытые и дивно украшенные божественные церкви, и царские величественные, удивления достойные палаты в два и в три жилья; но больше он слушал громоподобный треск и не передаваемый словами звук от частой из города и монастырей пушечной стрельбы. Убедившись в мужественном сопротивлении благочестивых, окаянный царь сильно испугался, ужас великий объял его, и вскоре обратился вспять со всем своим злочестивым воинством, и побежал в большом страхе, не решившись хоть немного опочить перед ночной дорогой. И устремились они в бегство, показав русским тыл, оставляя по пути все, что было захвачено в окрестностях царственного города. Скрылись, гонимые гневом Божиим и заступничеством великой и непорочной предстательницы нашей Пречистой Богородицы и молитвами великих чудотворцев русских, за короткое время приняв позор и бесчестье; даже и собственный окаянного своего царя возок бросили по дороге — русские воины нашли его в реке, и много вещей лежало на пути: это все пометали окаянные, облегчая себе беспорядочное и внезапное свое бегство.

Назавтра после сражения искусный большой воевода Борис Федорович, увидев, что нечестивый этот царь отошел и что с ним возвратилось все его богомерзкое воинство, наверное узнав, что Божией помощью и заступничеством Пречистой Богородицы и великих чудотворцев русских противник ушел посрамленным и обратился в бегство, посылает тотчас весть в царственный город благочестивому самодержцу, извещая его о возвращении восвояси нечестивого царя и всех, кого он привел с собой. Великий самодержец, услышав о том, что безбожный царь и все его богомерзкое воинство с позором начали быстрый отход, приходит с великой радостью в соборную церковь Успения Пречистой Богородицы, вознося благодарственные песни Богу и воссылая хвалу и благодарение его Пренепорочной Матери, Владычице нашей Богородице, неложной заступнице,

истинной христианской предстательнице, совершая молебствия. Царь извещает об этом отца своего и богомольца патриарха Иова и весь освященный собор; они же, воздев руки к небесам, возопили со слезами, благодаря Бога: «Десница твоя, Господи, прославилась крепостью, правая рука твоя, Господи, сокрушила врагов, и величием славы твоей уничтожил ты супостатов наших».

Благочестивый же царь и великий князь всея Руси Федор Иванович простирается перед иконой Пречистой Богородицы, именуемой Владимирская, и, изливая от радости из очей своих потоки слез, возглашает: «Благодарю тебя, о Пресвятая Госпожа Дева Владычица Богородица, честная заступница христиан, за великое милосердие, которое ты нам сегодня даровала! Как и встарь, ходатайством и заступничеством избавила ты самый царственный Константинополь от нападения прегордого персидского воеводы Хосроя или как встарь, Владычица, перенесением пречистой твоей иконы во время похода злоскверного царя Темир-Аксака сохранила ты жребий достояния твоего — сей наш стольный град, так и ныне, Владычица, преславно явила ты нам пучину превеликой твоей милости, бездну щедрости и человеколюбия и скорее, нежели мы надеялись, избавила нас и город наш от нашествия окаянного варвара, нечестивого этого варварского царя и всех, кто был с ним. И всегда, Владычица, неотступно спасай стадо твое от всякой опасности, невредимыми сохраняя нас и все отечество наше, Российскую державу, да непрестанно возвеличиваем заступничество твое, Владычица!» Потом же великий самодержец приходит к явившим многие исцеления и чудеса мощам великих русских чудотворцев Петра, Алексея и Ионы, также припадая к ним, прилежно молясь и благодаря: «О великие святители, заступники и хранители царства нашего, неусыпные за нас Бога просители! Вашим ходатайством ныне царственный град наш был сохранен целым и невредимым от нашествия окаянного этого злочестивого царя; чем же воздам вам, великие чудотворцы, за такое ваше милосердие и заступничество?» Достохвальный же большой воевода Борис Федорович, придя в стольный град и воздав подобающие почести благочестивому царю и великому князю всея Руси Федору Ивановичу, извещает ему все по порядку, как Божьей милостью, Пречистой Богородицы заступничеством, великих чудотворцев молитвами и царским его счастьем устрашился окаянный царь крымский, как он бежал и все свое богомерзкое воинство с собою увел; к сему извещает с похвалою и о храбром сопротивлении орде христолюбивого царского его воинства.

Великий же самодержец, слушая это, весьма обрадовался и от радости многие слезы испустил и горячо благодарил Бога за то, что не силой оружия, не острием меча побежден был противник, но что Божьим неизреченным человеколюбием и Пречистой Богородицы заступничеством нечестивые были посрамлены и с большим позором вспять обратились. Возблагодарив Бога и Пречистую Богородицу, царь и великий князь всея Руси Федор Иванович устроил в своих палатах торжественный пир, обильную трапезу, на которой изъявил полное удовольствие, радовался неизреченной радостью о избавлении града от безбожных варваров, искусному же своему правителю Борису Федоровичу воздал большую честь, а всех своих думных людей и христолюбивых воинов угощал и потчевал за трапезой в палатах своих. По окончании пира благочестивый самодержец снимает со своей царской выи златокованую цепь, которую носил в знак самодержавного своего монаршего величия, и возлагает ее на выю достохвального своего воеводы Бориса Федоровича, тем самым заслуженно чествуя его за победу и также предвещая, что он после смерти царя будет преемником всего царского достояния, держателем скипетра и правителем превеликого Российского царства; потом, спустя немногие годы, Божиим промыслом царское пророчество исполнилось. Боярам же своим и всему

христолюбивому воинству царь также оказал великое милосердие, наградив их щедрым жалованьем.

Когда же протек год или чуть больше, после преславного этого чуда Пречистой Богородицы, благочестивый самодержец повелел учредить честной монастырь близ царственного города Москвы, на том месте, где стоял упомянутый укрепленный обоз, и в нем воздвиг каменную церковь во имя честной и славной Похвалы Пречистой Богородицы, и дивно и великолепно украсил ее; и велел написать икону, подобную образу Пречудной Богородицы Донской, украсив ее золотом и драгоценными каменьями; и поставляют этот образ в тамошнем храме в память преславного чуда, когда человеколюбивый Бог явил нам преславную победу над врагами, когда посредством иконы Матери своей даровал нашему граду спасение и избавление; да незабвенными пребудут великие щедроты Бога нашего и Пречистой его Матери, нашей Владычицы помощь и заступничество. В обитель же ту благочестивый царь приказал назначить игумена и призвать монахов и многое необходимое имущество дал им; так и доныне честная та Пречистой Богородицы обитель называется Донскою; с той поры каждый год совершается празднество Пречистой Богородице в воспоминание совершенного ею тогда чуда.

Мы же опять вернемся к прежнему слову, напрягая ум, продолжим повесть, по достоинству восхваляя изрядные добродетели благочестивого царя и великого князя всея Руси Федора Ивановича. Был этот крестоносный царь весьма благочестив и милостив ко всем, кроток и незлобив, милосерден, нищелюбив и странноприимен, больше всего вдовиц и сирот жалуя, всех болящих милуя и застигнутым бедами помогая, повинным смерти жизнь даруя и во всей своей богохранимой державе, в Российском царстве, правду любя, злобу ненавидя, любовь проявляя, козни же разрушая, а междоусобицы, возникающие в государстве его, своим царским смиренномудрием укрощая, все пределы богохранимого царства своего в мире и тишине и во всяком благоденствии утверждая, окрестные же страны неверных народов, восстающие на благочестивую христианскую веру и на его богохранимую царскую державу, не силой оружия, не острием меча побеждая, но всенощными бдениями и непрестанными к Богу молитвами совершенно укрощая. Так всесильный Бог своим божественным пречистым провидением и многими чудесными знаменьями повсюду прославляет свое трисвятое имя, Отца и Сына и Святого Духа, больше же всего оделяя свое святое избранное достояние, великую Российскую державу, благочестивого царя нашего и великого князя всея Руси Федора Ивановича государство, в мире его сохраняя, непоколебимо утверждая в нем истинное благочестие, блюдя невредимым от всяких еретических смут, от нападения врагов всячески защищая, от разных бед милосердно избавляя и над противящимися победы даруя.

Царствовал же благочестивый царь и великий князь всея Руси Федор Иванович на великороссийском приснопамятного отца своего престоле 13 лет и 9 месяцев, имея благозаконную супругу, благоверную царицу и великую княгиню всея Руси Ирину Федоровну, благонравием во всем ему подобную, так что они в добродетели и в вере в Бога друг перед другом преуспевали. И за все время брачной своей жизни имели они лишь одну отрасль царского своего благочестивого корня: благородную дочь благоверную царевну и великую княжну Феодосью, и та еще во младенчестве, лет четырех или несколько старше, отошла к Господу, подобно некоему прекрасному цветку, который, быстро увянув, поник, или драгоценной жемчужине, скрывшейся в раковине; смерть ее принесла благочестивым родителям великую скорбь и сетование, а царской думе и всем

православным христианам немалую печаль.

Когда же благочестивый царь и великий князь всея Руси Федор Иванович достиг меры возраста зрелого мужа, сорока одного года, приключилась ему тяжкая болезнь, в которой он пребывал немалое время; но чем больше изнемогал от болезни, тем сильнее в благодарности Богу укреплялся. Было это в 7106-м (1598) году, в шестой день месяца января, в самое святое Богоявление Господа и Спаса нашего Исуса Христа, вечером накануне праздника честного и славного собора Предтечи и Крестителя Иоанна; в седьмом часу ночи стал благочестивый царь совсем изнемогать и повелел призвать к себе отца своего и богомольца Иова патриарха с освященным собором. Еще до прихода патриарха видит благочестивый царь некоего подступившего к нему светлого мужа в святительских одеждах и внезапно обращается к бывшим здесь своим боярам, приказывая отойти от постели и уступить кому-то место, называя его патриархом и приглашая воздать подобающие почести. Они же сказали ему: «Благочестивый царь и великий князь всея Руси Федор Иванович! Кого, государь, ты видишь и с кем беседуешь? Еще отец твой Иов патриарх не пришел, кому же повелеваешь уступить место?» Он же в ответ возразил: «Видите ли? У постели моей стоит светлый муж в одежде святительской, говорит со мной, повелевая идти с ним». Они же пребывали в изумлении долгое время, видя только царя, и того совсем изнемогающего, а мужа не видя и голоса его не слыша; и подумали, что воистину посланник Божий пришел к нему, возвещая об отшествии к Богу.

Вскоре затем прибыл отец его и богомолец патриарх Иов с освященным собором, поклонился подобающим образом царю и великому князю всея Руси Федору Ивановичу и благословил его. Бояре сообщили патриарху о царском видении и царских словах, сказанных о предстоящем у постели его муже. Патриарх стал расспрашивать: «О великий государь царь и великий князь всея Руси Федор Иванович! Извести меня, богомольца твоего, не утаи от меня, отца твоего, сего явления, да будет через меня, смиренного, ведомо всем Божие великое человеколюбие и твое добродетельное и богоугодное царское поведение». Царь же и великий князь всея Руси Федор Иванович стал отвечать патриарху: «Вот, незадолго до твоего прихода был у меня светлый муж в святительских ризах, повелевавший мне идти с ним»; и все поведал ему подробно, как и прежде боярам рассказывал.

Патриарх же, слышав это из уст благочестивого царя, был поражен случившимся чудом и возблагодарил Бога, говоря так: «Благодарю тебя, Владыка, Человеколюбец Господь, что в неизреченном своем милосердии излил ты на нас превеликого своего человеколюбия пучину и не оставил нас прещедрой своей милостью; как удостаивал ты явлений древних, избранных тобою святых царей, посылая ангелов, дабы показать нам образ твоего человеколюбия, так и этому рабу твоему, благочестивому царю, послал ты святого ангела, мирного хранителя всего его благочестивого царствования. Умоляем великое твое милосердие и о том, да не лишишь нас богатых щедрот от святого жилища твоего и славы, да подашь сему благочестивому царю, верному твоему слуге, спасение души и здравие тела; подыми его, премилостивый Боже, с одра долговременной болезни и продли, Господи, годы жизни его, как в древние времена Иезекии, царю израильскому! И не отвергни, Господи, молитвы смиренного патриарха, сотвори нам великую милость твоего человеколюбия: ведь ты видишь, Владыка, что сегодня остаемся мы сиротами, не имеющими заступника. Сказал же ты, Владыка, устами пророка твоего: „Призови меня в день печали твоей, и я избавлю тебя"; и ныне, Владыка, Боже Пресвятой, одари нас милостью твоего провидения, да прославим святое и почитаемое имя твое, ибо благословен ты вовеки; аминь».

После этого благочестивый царь повелел патриарху совершить обряд миропомазания. Патриарх же со всем освященным собором тотчас возложил на себя облачение, начал освящение мира, и по окончании богослужения помазует благочестивого царя святым миром во имя Отца и Сына и Святого Духа. Царя же болезнь совсем одолевает, и время исхода души приближается, и повелевает благочестивый царь патриарху себя исповедать и причастить Пречистых Тайн, стоящим же у одра его приказывает всем удалиться. Патриарх же, не мешкая, приняв исповедь у благочестивого царя, приобщает его Пречистых и Животворных Даров тела и крови Христа, Господа нашего. И в девятом часу той же ночи благочестивый царь и великий князь всея Руси Федор Иванович отошел к Господу; тогда просветлело лицо его как солнце.

Слышали вы, братья, страшное повествование, слышали вы весть, безмерной печали и скорби исполненную, как Владыка всех и Господь святую душу верного своего слуги и блаженного раба с миром приемлет? Ибо столь тихим было его успение, что ни один из находящихся у одра его не заметил святой кончины его; подобно тому как утренняя звезда и звезда вечерняя неразлучны с солнцем и всегда его предваряют, так и нашего благочестивого царя святая душа вместе со словом покинула тело, которое даже не содрогнулось, словно заснул он сладким сном. О6 этом говорит пророк: «В мире и покое лягу и усну, ибо ты, Господи, охраняешь меня». Сей же благочестивый царь, согласно пророку, в мире передал Господу святую свою душу и прошествовал в место дивного приюта в доме Божием и почивает вовеки на лоне Авраамовом вместе со всеми святыми, благочестием прославившимися царями.

Теперь же что я скажу и о чем возглашу? Нынешнее время — время слез, а не слов; плача, а не речей; молитвы, а не бесед. И каким словом начну плачевное повествование? Как приступлю к слезному словоизлиянию? Как опишу время скорбного рыдания? Как прикоснусь к делу, исполненному уныния? Как сумею подробно рассказать о скорби, постигшей землю благочестивой Русской державы? Я хотел изречь это в слове, но скудость ума мешает мне, так что язык коснеет и в душу вселяется уныние; хотел изложить на письме, но скорбь останавливает мою руку. Если начну произносить слово, кто будет в силах слушать его? И какое слово может достойным образом это выразить? И чей язык дерзнет говорить об этом? И чье ухо способно вместить исполненное плача сетование? Ибо здесь, у нас, исполнилось вещание пророка: «Кто даст голове моей столько воды и глазам — источник слез?», да оплачу достойно нынешнюю эту печаль. О том же возглашает иной пророк: «Весь день сетуя, хожу». Мы же не дневное время сетованием провожаем, но теперешнее, скорбное время наполняем нашей печалью.

Было это, говорю вам, в 106 году восьмой тысячи (1598). Как же так: было, говорю, в некоем году? Ибо год этот — пучина нашей скорби, год нашего общего рыдания, год бездны нашего плача, год, когда всех ожидают неумолчные стенания, когда всех охватит глубокое уныние. Как же мне разомкнуть уста мои скверные, как поведать о честной кончине царя благочестивого и мудрого, царя святого и праведного, царя незлобивого и кроткого? Хотел я молчать, но скорбь сердца моего понуждает говорить, и ныне я отважился это сделать.

Внимайте, возлюбленные, прилежно, уразумейте сказанное правильно: сегодня благочестивый государь, царь и великий князь всея Руси Федор Иванович, услышав зов Божий и оставив земное царство, восходит к Царству Небесному. С этой поры прекрасный и стародавний престол Великой России во вдовстве пребывает, а мать городов, великая, спасенная Богом, царствующая многолюдная Москва скорбящей сиротой остается, а пречистый, долговременный,

многоплодный царский корень пресекается и прекращается. О каком царском корне говорю вам? Вспомните сказанное: он прорастал от римского императора Августа, обладавшего всей вселенной, но пребывал в язычестве до самого великого Владимира, просветившего всю Русскую землю святым крещением. С тех пор благородный этот царский корень славился благочестием до нашего благочестивого царя всея Руси Федора Ивановича, и все самодержцы Великой России были преемниками царского престола по завещанию своих отцов, и каждый в свое время долгие годы царствовал в Великой нашей России, один за другим обладал ее скипетром, и стояло Российское царство век от века нерушимо: когда к Господу отходит отец, он вручает скипетр Великой России своему сыну. Тогда в Великой России стало явью пророческое вещание: «Вместо отцов твоих будут сыновья твои; ты поставишь их князьями по всей земле». Начиная с самого великого князя Владимира ни один самодержец Великой России не скончался бездетным, ныне же, когда Божиим пречистым провидением благочестивый царь и великий князь всея Руси Федор Иванович отошел к Господу, из-за грехов всего христианского православного народа не осталось благородных отпрысков царского корня, и царь вручил свой скипетр законной супруге своей, благоверной царице и великой княгине всея Руси Ирине Федоровне.

Бояре же, увидев, что благочестивый царь отошел к Господу, принялись безутешно рыдать. Узнав о кончине благочестивого царя, благоверная царица и великая княгиня всея Руси Ирина Федоровна поспешила к смертному одру, припала к царскому телу и горько заголосила, источая из очей горючие слезы и ударяя себя в грудь руками: «О великий мой государь, царь и великий князь всея Руси Федор Иванович, как же ты умер, жизнь моя дорогая? Свет мой пресладкий, куда ныне уходишь от меня? Увы мне, преславнейший самодержец! Великий государь русский, кому вручаешь свой царский скипетр? Увы мне, благороднейший мой супруг! Как меня одну вдовой оставляешь? О солнце пресветлое: зачем светозарные свои лучи скрываешь? Цветок мой прекрасный, отчего так скоро увядаешь? О ласточка богогласная, что не промолвишь слова ко мне? Послушай меня, благочестивый царь, послушай частые вздохи сердца моего, послушай горькие сетованья вдовьего плача! О веселие и радость, о царь преславный: куда ты ныне уходишь? Сокровище жизни моей, звезда златозарная, отчего так рано к западу склоняешься? О добрый пастырь, кому вручаешь свое стадо? Великий государь самодержец русский, на кого меня оставляешь? Увы мне, смиренной вдовице, без детей оставшейся! На кого я полюбуюсь, кем утешусь, не имея отпрысков твоего царского корня? Мною последней ныне ваш царский корень пресекается! О преславный, всех превышающий царь, гордость русская, взгляни на меня, царицу свою! Зачем так скоро забыл ты меня? Как же, великое светозарное мое солнце, смогу я предать тебя земле? О родной мой, ныне с тобой я навсегда разлучаюсь, возлюбленного царского твоего лица не смогу больше увидеть, голоса твоего не смогу больше услышать! О великий государь, истинный поборник благочестия, всей Великой России достохвальный правитель, много стран и народов ты покорил, а теперь сам смертью побежден! Увы мне, отчего я, бедная, не умерла раньше тебя, дабы не пришлось мне видеть царскую твою кончину? Как же я ныне, преславный государь, сумею управлять таким множеством народа? Не знаю, что делать с ним. Были бы у меня дети, твои царские наследники, не так бы я сокрушалась и печалилась: сын твой сумел бы владеть державой твоего царства. О прехрабрый царь русский, дай рабыне твоей последнее целование! В какой, государь, путь уходишь, далекий? И скоро ли, превеликий государь, воротишься? Надо ли мне тебя, государя, дожидаться или повелишь мне тотчас за тобою идти? О прекрасный государь, супруг мой! Где же,

государь, царская любовь твоя, которой ты почтил рабыню твою? Почему, государь, ты меня так быстро забыл? Взгляни на меня, праведный радетель, скажи мне, царице твоей, последнее слово: какую, государь, выберешь из царских твоих порфир, какой из царских венцов возложишь на главу? Нет, государь, ныне время не царской славы и величия, ныне время Божьего промысла: вместо пресветлых палат в гроб сей вселяешься, вместо царской порфиры в бедный сей саван облачаешься, вместо царского твоего венца худым главотяжцем покрываешься. Неужто, государь, сегодня ты к мертвым причитаешься, неужто я отныне вдовой прозываюся? Еще ведь пригожая наша молодость не минула, еще время глубокой старости не пришло для нас. О предивная красота всей России! Если отважишься, моли Бога обо мне, царице твоей, дабы мне ныне не оставить тебя: вместе я жила с тобою, вместе и умру с тобою. Как мне теперь с тобой, государь, разлучиться? Куда, великий самодержец, подевалась преславная радость нашего царствования? Ныне, государь, вместо радости безмерная скорбь постигла меня, а веселье мое сменилось плачем и рыданием. Ныне двоякая, государь, печаль уязвляет меня: и твой оплакиваю к Богу уход, и о моей рыдаю с тобою разлуке!» И многое другое, рыдая, возглашала она, и никто не мог утолить ее слез.

Искусный же правитель упомянутый Борис Федорович вскоре повелел боярам своей царской думы целовать животворный крест и присягнуть благочестивой царице по обычаям их царских величеств; у крестного целования был сам святейший патриарх со всем освященным собором. И когда рассвело, слух о царской кончине прошел по всему стольному городу, и был непрестанный вопль, горькие людские жалобы и стенания; всюду вопли и рыдания, всюду биение в грудь и несмолкающие сетования, и не было ни одного дома, где бы не плакали. И тогда же святейший патриарх приказал начать благовест с соборной церкви Пречистой Богородицы, чтобы собрать всех жителей и оповестить их о царской кончине. Услышав благовест, все люди без промедления сошлись в Кремль, священники и дьяконы, и иноки и инокини, мужчины и женщины, вплоть до детей, безутешно плача и испуская вопли. Когда же благородное тело благочестивого царя и великого князя всея Руси Федора Ивановича приготовляли к погребению, тогда все ближние к царю люди рекою проливали непрестанные слезы.

Потом царское тело, обрядив, положили в гроб. Благоверная же царица и великая княгиня Ирина Федоровна страдала от глубокой скорби, была в горячке, от сердечных рыданий и непрестанного биения в грудь у нее уста обагрились кровью, так что от таких страданий она и сама чуть жизни не лишилась. Святейший же патриарх Иов старался успокоить и утешить благочестивую царицу, но не преуспел; тогда и сам патриарх пребывал в великой печали.

И когда пришло время, святейший патриарх и весь освященный собор, взяв честны́е и животворные кресты, пришли за телом благочестивого царя и понесли честны́е его мощи из царских палат с пением псалмов и молитв и с каждением, так что и воздух исполнился благоухания от ладана. Бояре же, царские приближенные, весь народ шли и впереди и сзади, тесня друг друга, громко восклицая и слезами землю окропляя: «О великий государь наш, царь и великий князь всея Руси Федор Иванович, слава и красота русская! Куда уходишь, солнце светозарное, оставляя нас, рабов твоих, сирыми? Кому после себя вручаешь царский скипетр и великий престол самодержавного твоего царства?» И многое другое возглашали, плача безутешно.

Когда принесли благородное тело благочестивого царя в соборную церковь архангела Михаила, патриарх и весь освященный собор, отслужив надгробный

молебен, поставили гроб с телом благочестивого царя в церкви архангела Михаила — в 7-й день января, в субботу. Весь этот день и всю ночь над телом благочестивого царя и великого князя всея Руси Федора Ивановича непрестанно читали Псалтирь. Назавтра же, в воскресенье, патриарх и весь священный собор рано приходят в церковь архангела Михаила. Потом туда приносят и благочестивую царицу: от великой скорби, стенаний и непрестанных слез она и сама была полумертвой. Бояре и толпы простого народа также собираются на погребение благочестивого царя, издавая жалобные возгласы, наполняя воздух воплями, проливая реками слезы. К тому времени в церкви архангела Михаила уже выкопали могилу, — в приделе преподобного отца Иоанна Лествичника, там, где могилы государева отца, благоверного и христолюбивого царя и великого князя всея Руси Ивана Васильевича, и государева брата, царевича и князя всея Руси Ивана Ивановича.

Патриарх же и весь священный собор, облекшись в священные ризы, начали погребальную службу. Тогда воистину можно было видеть умилительное зрелище, достойное сострадания: все архиереи и священники, весь священный собор неумолчно и непрестанно плакали и рыдали со стенаниями, так что от слез и богослужение не могли вести должным образом. Благочестивая же царица от великой печали и сама была при смерти, а сердце искусного правителя упомянутого Бориса Федоровича снедаемо было сугубой печалью: он и сетовал об отшествии к Богу благочестивого царя, и рыдал о безмерной скорби благородной сестры своей, благоверной царицы, и опасался, что в управлении страной трудно будет сохранить покой и мир. Бояре же и простой народ безутешно оплакивали царскую кончину, как бы не царя провожая в могилу, а насильно разлучаясь с чадолюбивым отцом; и похоронили, как подобает, царское тело, с пением псалмов, молитв и духовных гимнов, и плакали долго, как плакал целомудренный Иосиф с братьями своими по Израилю, отцу их.

Потом же патриарх и все христоименитые люди, воздев руки к небесам и вознося Богу молитвы с плачем и со слезами, так возглашали: «О Владыка Человеколюбец, Господи Исусе Христе, сын Бога живого, чего ради лишил ты нас такого благочестивого царя, праведного и святого? Зачем, незлобивый Владыка, оставил ты нас сирыми и сокрушенными? На кого нам теперь возложить упования? Кто сумеет теперь мирно управлять таким многочисленным народом? Видел ли ты, Владыка Человеколюбец, сегодняшнюю нашу глубокую скорбь и сетование? Ты отнял от нас царя, но не отними от нас своей милости, окажи покровительство, Господи, городу и жителям его, ибо мы разорены и осиротели, мы словно овцы, не имеющие пастыря; не отними от нас, Господи, твоего человеколюбия. Ты сокрушил — исцели, ты рассыпал — снова собери, наказав — снова помилуй!»

Благочестивая же царица и великая княгиня всея Руси Ирина Федоровна повелела щедро наградить патриарха и весь священный собор. Также и нищих, собрав их бесчисленное множество, накормила досыта и оделила нескудной милостыней. Тогда же она открыла все темницы и узилища, даруя жизнь осужденным на смерть и снабжая убогих узников всем необходимым. Все это блаженная царица совершила для того, чтобы прославить святую душу царя и украсить его венцом добродетели на том свете.

Ты же, о великая блаженная царская красота, если ты уже приобщился к небесным силам, если достиг премирных селений, если явственно видишь пресветлое сияние триипостасного Существа, проси о царском твоем достоянии, да сохранит Господь в мире и в тишине твое наследственное царство и всех жителей его. А тому, кто в своем окаянстве дерзнул принести в дар твоему

благородию малое хвалословие, испроси оставление грехов и даруй прощение за дерзость, ибо от неразумия отважился я сочинить малую похвалу несравненному царскому твоему величию: ведь скудость нашего ума не позволяет достичь высот разума.

Как же мне, великий государь, прославить тебя? Какую благодарность я, неразумный, могу воздать ныне тебе, преславному самодержцу, обладавшему скипетром великого Российского царства? И как, блаженная и прекрасная царская душа, по достоинству восхвалю тебя, если и в земной жизни ты был достоин хвалы? Но воистину: насколько солнце превыше тени, настолько и твое царское величество выше нашей похвалы; как сказал великий Григорий Богослов: нет нужды морю в речных водах, море и без них полно, — так и твое благочестие не требует нашего восхваления, ибо и без нас весьма достохвально. Сколь славно ты начал, так изрядно и завершил, показав до конца неколебимую благочестивую веру во Христа Бога, которого с юности возлюбил, к которому ты пришел, славя пресвятое и почитаемое имя его с Отцом и со Святым Духом вовеки. Аминь.

Житие царевича Димитрия Угличского

Подготовка текста, перевод и комментарии Т. Р. Руди

ВСТУПЛЕНИЕ

Житие царевича Димитрия Угличского», повествующее о трагической гибели в Угличе сына Ивана Грозного царевича Димитрия, известно в 4 редакциях: Четьих Миней Германа Тулупова, князя С. И. Шаховского, Четьих Миней Иоанна Милютина и Четьих Миней Димитрия Ростовского. Первая из редакций была составлена, по-видимому, вскоре после канонизации царевича, в 1606—1607 гг., последняя — в 1703 г.

Публикуемая редакция Жития, вошедшая в майский том Четьих Миней Иоанна Милютина, была создана приблизительно в середине XVII в., однако, по мнению исследователей, нет оснований считать Иоанна Милютина ее составителем: текст Жития в подлиннике Милютинской Минеи *(ГИМ,* Синодальное собр., № 805, л. 1026-1046) менее исправен, чем в некоторых других списках. Основанная на тексте Тулуповской редакции, редакция Миней Милютина включила в себя также сведения из Повести об обретении мощей царевича Димитрия, Нового летописца, Сказания Авраамия Палицына, Иного сказания и, вероятно, Русского хронографа 3-й редакции. В свою очередь Милютинская редакция Жития Димитрия оказала воздействие на другие памятники — «Сказание о царстве государя и великого князя Федора Иоанновича» и редакцию Жития царевича Димитрия, составленную Димитрием Ростовским; существует некоторая связь между Милютинской редакцией Житияирассказом о царевиче Димитрии в Прологе, изданном в 1643 г.; возможно, эта редакция памятника была известна Григорию Котошихину.

«Житие Димитрия Угличского» в редакции Милютинских Миней состоит из 4 частей: 1) собственно Жития, повествующего об убиении царевича; 2) рассказа о явлении преподобного Димитрия старцу Тихону и об отмщении крови его; 3) описания перенесения мощей нового чудотворца из Углича в Москву; 4) проложного текста Жития (иногда отсутствует в рукописях). В некоторых списках

Житие сопровождается чудесами, причем число их варьируется (от 11 до 42).

Оригинальной, новой в сравнении с предшествующими редакциями памятника, является 2-я часть Жития, описывающая явление благоверного царевича «некоему от калугеръ», старцу Тихону, в которой Димитрий предсказывает приход Самозванца, «проклятого Гриши розстриги», и его гибель. Кроме того, Милютинская редакция впервые упоминает о некоторых подробностях описываемых событий: например, сообщает о заставах, поставленных Борисом Годуновым на дорогах из Углича в Москву; рассказывает о желании Феодора Иоанновича самому ехать в Углич для погребения Димитрия, из-за чего Борису якобы пришлось отдать приказ поджечь Москву, чтобы предотвратить нежелательный для него поворот событий.

Интересно, что в трактовке составителя Милютинской редакции Борис Годунов представляется не сугубым злодеем-убийцей: он одновременно и «многосмысленъ и разуменъ зело», после же гибели царевича он «совестию внутрь обличаемъ и аки копиемъ прободаемъ». С явным и подчеркнутым расположением изображаются здесь Василий Шуйский (в отличие, например, от изображения его во «Временнике» Ивана Тимофеева) и патриарх Гермоген, которым приписывается совместная инициатива перенесенная мощей Димитрия из Углича в Москву. По мнению С. В. Лихолата, автором этой редакции Жития Димитрия был ярый сторонник партии Шуйского.

Стилистически Милютинская редакция несколько отстоит от традиций агиографического жанра: по мнению О. А. Державиной, она «мало чем напоминает именно житие. Это скорее историческая повесть, где события излагаются просто и ясно, без всяких риторических украшений, молитв и ссылок на Священное Писание, что было так свойственно житийному стилю». (Державина О. А. Рукописи, содержащие рассказ о смерти царевича Димитрия Угличского // Записки ОР ГБЛ. Вып. 15. М., 1953. С. 90). Одновременно с некоторой утратой агиографического стилистического колорита текст Жития в редакции Миней Милютина содержит некоторые фольклорные элементы (например, сравнения в знаменитом описании плача царицы над телом Димитрия и др.); в целом же текст настоящей редакции Жития отличают стройность, драматизм и убедительность. По мнению С. Ф. Платонова, самостоятельные литературные приемы Жития свидетельствуют о привычке его автора к литературному труду.

Милютинская редакция «Жития Димитрия Угличского» известна в большом количестве списков. В настоящем издании текст публикуется по рукописному сборнику 80-х гг. XVII в. из личной библиотеки Петра I: *РО БАН* России, П. I. А. 28 (старый шифр — 17.12.13), л. 22—58 об.; необходимые исправления внесены по списку: *РНБ*, собр. М. П. Погодина, № 1558, л. 206 об.—213 об.

ОРИГИНАЛ

МѢСЯЦА МАИЯ ВЪ 15 ДЕНЬ, НА ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНАГО И БОГОНОСНАГО ОТЦА НАШЕГО ПАХОМИЯ ВЕЛИКАГО.[1] УБИЕНИЕ СВЯТАГО И БЛАГОВѢРНАГО ЦАРЕВИЧА, КНЯЗЯ ДИМИТРИЯ ИОАННОВИЧА, УГЛЕЦКОГО И МОСКОВСКОГО И ВСЕА РОСИИ ЧЮДОТВОРЦА

Сей благовѣрный царевичь князь Димитрий родися от благочестиваго царя и великаго князя Иоанна Васильевича, всеа Росии самодержца, иже от Августа

римскаго кесаря[2] корене изшедша. Царю же Иоанну Василиевичю доволно бѣ держащу скипетро Российскаго государьства, и от жития сего в вѣчьную жизнь преставльшуся,[3]сему же сыну его, царевичю Димитрию, младу сущю оставшюся — от рождения своего году и полъ.[4] И приемлет царство по отцѣ своемъ старѣйший братъ его, благовѣрный царевичь Феодор Иоанновичь,[5] и начатъ добрѣ царствовати, паче же боятися Бога и заповѣди его творити, от юности бо еще имѣя страхъ Божий во сердцы своемъ, и всегда уклоняяся от шуяго на десное, и умъ свой вперяя к Богу, о житейских же попечении мало внимая. Благовѣрному же царевичю Димитрию немного время пребывшу во своем отечествѣ, в царьствующемъ градѣ Москвѣ, понеже братъ его царь Феодоръ Иоанновичь даровалъ ему, и с рождьшею его материю,[6] во удѣлъ градъ, зовомый Углечь, да пребываетъ тамо во своемъ пространствии, и бысть тако.

Бысть же у царя и великого князя Феодора Иоанновича ближний ему приятель и шуринъ, зовомый Борисъ Годуновъ,[7] многосмысленъ и разуменъ зѣло. И видѣ царь остроумие его и разумъ, и возложи на него все царство правити и строити, сам же пребывая в непрестанныхъ молитвах и во псалмопѣниих мнозѣх.[8] Той же Борисъ нача всѣмъ владѣти и во всемъ волю свою творити, благовѣрному же царевичю князю Димитрию Иоанновичю пребывающу во градѣ Углѣче и много утѣснение и досады терпя от того Бориса. Искони бѣ ненавидяй рода человѣческаго древний змий, Сатана, иже николиже никому содѣваетъ добро, но выну сотворяетъ зло, вложи убо во умъ тому Борису, еже чрезъ велию сытость насытитися величества и славы, и влагаетъ ему во сердце злую мысль и ненависть, еже той царский корень искоренити и самому сѣсти на престолѣ царьстѣмъ. И паки нача на нь помышляти, аки Каинъ на Авеля,[9] и искаше вины, како бы его смерти предати, зане за очима царевыма бяше. И о семъ убо Борисъ прием *к* себѣ *в* злый совѣтъ той нѣкоторого именемъ Михаила Битяговского[10] и сына его Данилка и племянника его Никитку Качалова и нѣкую жену, зовому Василису Волохову, живущу всегда у лица благовѣрнаго царевича князя Димитрия Иоанновича, иже у него вящшая бысть болярони,[11] и прочих подобных имъ, иже самоизволших себѣ огнь стяжати негасимый. И много с ними ухищрение творя на незлобиваго сего отрока, како бы его тайно смерти предати и отравами отравити,[12]обѣщавая же имъ всегда чести многы и богатства велика, дабы ту злую волю его сотворили, и таковое свое желание хотя совершити в конецъ сицевымъ образомъ. Хотяше бо всѣх людей утаитися таковымъ своимъ ухищрениемъ, но рождьшия, ближных его приятелей и доброхотовъ облюдения, паче же Божественаго ради хранения не возможе тѣмъ своимъ коварствомъ таковѣй смерти предати его, не у бо еще в то время концу дошедшу.

Потом же отложи страх весь во сердцы своем, повелѣ тѣмъ своимъ преждеименованнымъ злымъ совѣтником безо всякого опасения и страха сотворити: проклятыя руцѣ свои простреши,[13] аки агньца незлобива, явѣ ножемъ заклати, и повелѣ на всѣх путех, иже пристоятъ от града Углеча ко царьствующему граду Москвѣ, стражие крѣпки поставити и страхомъ великимъ и грозою запретити, да никтоже пропущенъ будетъ и извѣститъ царю о семъ. Тѣ же проклятыя послушаху его сладостнѣ, хотяще маловременную сию славу и честь от него получити, и между собою злый той совѣтъ крѣпко утвердивше, и, часъ приспѣвше, повелѣша той преждереченной Василисѣ, да повелитъ кормилицѣ его, сирѣчь мамѣ,[14] свести долу ис хором его, — вѣдяще бо окаяннии, яко обычай ему есть исходити на играние дѣтское.[15] И сотвориста та окаянная, якоже речеся: яко змия ко змии пошептавше, совѣтоваста убо вкупѣ, аки на птенца голубина, хотяста безвѣстно погубити; они же злыя кровоядцы готовы быша на пролитие тоя неповинныя крови, и наскочиша на нь, аки волцы немилостивыя, и сотвориша то прелютое дѣло: среди двора его единъ от них емъ его за выю и

прерѣза гортань ему.[16]

Мати же его, благочестивая царица Мария, во внутренних своих храмѣх сѣдящи, ничтоже того свѣдущи, токмо внезапу услыша и узрѣ то сотворенное дѣло злое, борзостно стече долу и узрѣ сына своего, аки агньца незлобива, заклана и мертва на земли лежаща, и кровь его лиющуся, и воскрича от всея силы своея, и воздохну горко из глубины сердца своего, и забы срама и чина женьска, и начатъ в перси своя бити и гласомъ велиимъ вопити и горестныя глаголы испущати. Нѣцыи же начаша в колокола бити, граждане же, мужие и жены, и до малых отрочатъ, услышавше напрасенъ шумъ и звонъ у двора ея, вси збѣгошася скорымъ шествием на звонъ той[17] и на вопль ея — и узрѣша сего благовѣрнаго царевича князя Димитрия заклана, такожде возопивша вси великимъ гласом из глубины сердечныя и рекоша: «Горе, горе, увы, увы намъ, государя своего великого оставшимъ!», и в перси своя биюще, и другъ другу глаголюще: «Нынѣ вси надежди нашея остахом!» И бысть во градѣ Углече вопль и плачь и рыдание зѣло велико.

Тѣ же окаяннии губители, иже кровопролитие сотворше, то нечеловѣческое дѣло злое, вси разбѣгошася неправымъ путем: кождо камо устремишася, — не вѣдяще окаяннии, гдѣ бѣжати, ослѣпи бо ихъ праведная и неповинная кровь незлобиваго агньца, непорочныя души, — и яты быша от гражданъ и побиени,[18] и тако злѣ скверныя души своя испровергоша, еще бо и в семъ вѣце злую смерть восприяша, во оном же праведный Судия вѣсть, иже воздастъ комуждо по дѣломъ ихъ.

Побѣгоша же вѣстницы к болярину Борису со злою тою вѣстию и, прибѣгше, сказаша, яко желание совершися. Он же, слышав сия, и радостенъ бывъ, аки сущаго врага и супостата избывъ, обаче же трепетомъ и боязнию одержашеся во сердцы своемъ и не вѣдый, что будетъ, яко злое дѣло сотворися. И повелѣ царю и великому князю Феодору Иоанновичю сказати ложно, а не истинно, яко брату его самому себе заклавъшу во играинии дѣтьстѣмъ.[19] И слышавъ царь сия, и оскорбѣ печалию великою зѣло о лишении брата своего, паче же — о нелѣпей той смерти, мняше бо, яко вправду сотворися тако, и воздохнувъ из глубины сердца своего, и велия слезы изо очию своею испущаше, и такоже многожалостныя глаголы испусти. И потомъ восхотѣ самъ двигнутися и ити ко граду Углечю, да видитъ брата своего тѣло своима очима и погребетъ его честно, якоже подобаетъ. Той же Борис, бояся восстания людскаго и царьскаго воззрѣния, и самъ себе зазирая во своей совѣсти, да не будетъ ятъ во своихъ сѣтехъ и да не злѣ живота своего гонзнет; обаче и тако и не избы, ни ухитри никакимъ своимъ умышлениемъ, ниже многимъ своим разумом, ни смысломъ, занеже праведнаго кровь вопити будетъ к Богу, аки Авелева на Каина,[20] токмо донележе не приидетъ ему часъ. Сей тако творя и умышляя во умѣ своемъ, терпѣливъ бо есть Богъ и многомилостивъ ко всѣмъ согрѣшающимъ: много и на зло попущаетъ и не даетъ отмщения, ожидая всегда на обращение и на покаяние или нѣкое добродѣтелство поминая, якоже глаголетъ великий Феодоритъ:[21] «Терпит бо и лихаго Человѣколюбецъ Богъ, поминая его добродѣтелствия». Егда же прииде на него от Бога посланный гнѣвъ праведничи ради крови, тогда ничтоже успѣ, такоже и живота своего нелѣпо гонзну, и родъ его весь погибе и искоренися,[22] якоже впреди о семъ скажется. Мы же нынѣ належащую повѣсть да извѣстуемъ.

И видѣ царя, в велицѣй скорби и печали суща о брате своемъ и хотяща ити ко граду Углечю, — тогда же по обычаю торжества дне Пятдесятнаго[23] случися царю и великому князю Феодору Иоанновичю быти у Святыя и Живоначалныя Троицы и преподобнаго Сергия Чюдотворца во обители,[24] — той же Борисъ замысли ину крамолу и бѣду велию, да отведетъ от царя таковую мысль, еже не ити ему ко граду Углечю, ни погребсти брата своего тѣлеси: и повелѣ во

царьствующемъ градѣ Москвѣ многи дворы зажигати,[25] и да превратитъ паки царя и всѣх людей на ину мысль. Царь же, слышавъ о пожжении домовъ, печаленъ бысть вельми и о семъ недоумѣяся, камо ити. Он же, видѣ царя в сомнѣнии суща, и увѣщаваетъ паки лестными словесы, и тѣм лукавымъ совѣтомъ сице, яко ничтоже помощь и избавление души брату его будетъ, аще и самъ идетъ, но паче самому болше сѣтование будетъ и скорбь, егда узритъ брата своего, тако умерша. Еще же рече ему, яко и паки великая тщета и погибель будетъ самому царствующему граду Москвѣ, аще не возвратится во нь, и совѣтовавше царю, да погребенъ будет и без него братъ его, благовѣрный царевичь князь Димитрий.

Царь же бѣ благоговѣинъ и благоутробенъ и беззлобивъ до конца, писано бо есть: «Беззлобивая душа всякому слову вѣру емлет», — также и сей государь на того Бориса велми положися и во всемъ его слушаше и во всемъ ему вѣру емляше. И сотвори царь тако, послуша его словеси того: посылаетъ от своего лица нѣкоторого вѣрнаго своего болярина, зовома князя Василия Иоанновича Шуйскаго,[26] истиннаго ради испытания,[27] и тому повелѣ Борису избрати и иных от боляръ и от священническаго чину, да послются на Углечь брата его погребсти. Борисъ же избираетъ своего единомысленика, зовома Андрѣя Клешнина, и инѣхъ с нимъ подобных и угодных ему, и много от священнаго чину,[28] и также обѣщаваетъ им чести и богатства многа, и наказуетъ имъ сказати царю и всѣм людемъ, якоже ему годѣ. Они же, слышавше от него та словеса его, ово прелщаются, ово же страха ради обѣщаваются ему вся тако сотворити, якоже от него речеся. И утверди с ними той совѣт крѣпкими клятвами, неизмѣнно сотворити по реченному, и приводитъ ихъ ко царю. Царь же посылает ихъ, да идутъ и испытаютъ достовѣрно о смерти брата его, — како и коимъ образомъ смерть случилася, — и погребутъ честно, якоже достоитъ чину царску. Сам же царь поиде ко царьствующему граду Москвѣ.

Той же Борисъ, коваренъ зѣло и вѣдѣ свою совѣсть, видѣ тѣхъ людей, у нихже погорѣша домы и имѣния многа, в скорби и печали велицѣй суще, и повелѣ имъ сребро давати десяторицею противу той тщеты ихъ и погибели, да не будет имъ скорбь и печаль велия о доиѣх своих и о имѣниих своих, да не будетъ паки мятежъ и говоръ во граде и да отведетъ имъ всю мысль, яже о царевиче Димитрие. Таже преждереченныя боляре, князь Василей Иоанновичь Шуйской и единомысленикъ Борисовъ Андрей Клешнин и прочия, посланныя с ними, пришедше на Углечь и зря тѣло новаго сего вѣнечника царевича князя Димитрия, тако бысть, якоже и прежде рѣх, — заклан, яко агнецъ; мати же его над нимъ стояше, аки горлица убивающися,[29] и горко от болѣзненныя своея утробы воздыхающе, и плачющи вдовства своего и безчадства своего, аки рѣку слезъ изо очию испущающи, не имущи себѣ помощника в той час и заступника, токмо на единаго Бога взыраюци и всю надежду на него возлагающи; и вси народи Углеча града также стеняху и рыдаху.

Той же Андрей, с лестию ругаяся, нача вопрошати граждан углечанъ, еже како закланъ бысть благовѣрный царевичь князь Димитрий, понеже всю тайну вѣдяще того Бориса, вкупѣ бо с ним бысть убийца.[30] Граждане же сказаша всю истинну. Благовѣрному же болярину князю Василию Шуйскому стоящу и ничтоже ему глаголющу страха ради Борисова, токмо слезы проливающу, зря тѣло благовѣрнаго царевича князя Димитрия, воспоминая в себѣ отца его царя Иоанна благодѣяние и милосердие; также и всѣмъ людемъ стенющим и рыдающымъ сердцы своими и ничтоже смѣюще сотворити Андрею оному страха ради Борисова. И по томъ погребенъ бысть благовѣрный царевичь князь Димитрий[31] тамо, во своемъ градѣ Углече, во храмѣ боголѣпнаго Преображения

Господа нашего Иисуса Христа.

Вси же сии посланныя от царя, пришедше во царьствующий градъ Москву, такоже сказаша царю, якоже годѣ Борису,[32] и паки царь многи дни в печали *пребысть* и скорбя зѣло о братѣ своемъ; граждане же града того Углеча такоже многи дни плакаше и сѣтоваше. Закланъ же бысть незлобивый агнецъ благовѣрный царевичь князь Димитрий Иоанновичь в лѣто седмь тысящь девяносто девятаго году, маия въ 15 день, на память преподобнаго и богоноснаго отца нашего Пахомия Великаго, а от рождения своего въ 9-е лѣто; и тако тою злою и неподобною смертию скончася, паче же взыде ко Христу, радуяся, и приимъ с мученики радование и со ангелы ликование.

О явлении благовѣрнаго царевича князя Димитрия Иоанновича Углецкаго и Московскаго старцу Тихону и о отомщении крови его

И еще не довлѣ тому Борису таковое дѣло в насыщение, еже *убити* неповиннаго сего незлобиваго отрока, благовѣрнаго царевича князя Димитрия, и желание свое получи, повелѣ и матерь его, благовѣрную царицу Марию, нуждею и великимъ бесчестиемъ во иноческий образъ облещи,[33] и наречеся во инокиняхъ Марфа. И повелѣ ю заточити в мѣсто бѣдно и горко, едва человѣки наслѣдимо, — в Бѣлоезерских предѣлѣх нѣгдѣ малъ монастыръ, нарицаемъ Николае Чюдотворецъ на Выксѣ,[34] — и пристави к ней злых и немилостивых стражей и приставниковъ, и повелѣ ю стрещи крѣпостию великою зѣло, и запрети, да отнюдъ входу и исходу не быти к ней никому кромѣ тѣх злых приставъниковъ его, и пищу ей повелѣ во урокъ дати, аки сущей осужденице, и ины многи досады и поношения творя, ихже нелѣть есть и писати. И пребысть в таковом заточении и тѣснотѣ пятьнадесять лѣтъ и болше, донележе и самъ той Борисъ искоренися.[35] И еще ему и се недоволно бысть: самъ на ся третицею гнѣвъ Божий воздвиже и гнѣвомъ боряся, душу свою погубляя и сердцемъ своимъ яряся напрасно, повелѣ от гражданъ углечанъ многихъ избранных людей, иже поборашя по благовѣрномъ царевиче князѣ Димитрие, домы ихъ и имѣния взяти, самѣх со женами и чады ихъ в далныя грады расточити.[36] И бысть во градѣ Углече вторый плачь и рыдание велико, зря кийждо свое разлучение от сродникъ и от ближних и лишение имѣния.

И в лѣта седмь тысящь сто шестое, генваря в седмый день, во осмое же лѣто по убиении благовѣрнаго царевича князя Димитрия Иоанновича, случися Божиими судбами, имиже самъ вѣсть, благовѣрному царю и великому князю Феодору Иоанновичю всеа Росии от земнаго царствия к Небесному преселитися, — и приемлетъ престолъ Российскаго государства прежьдереченный той Борисъ Годуновъ,[37] убийца царевича князя Димитрия Иоанновича. И начатъ царствовати и вся земная добрѣ и разумнѣ строити, токмо едино нелѣпо дѣло являя: и нача многи неповинныя крови проливати, а иных в заточение отсылати. И царствуя лѣтъ шесть и полъ,[38] — не судя, рещи, не царьствуя, но всегда болѣзнуя, аки Каинъ по убиении братнѣмъ, совѣстию внутрь обличаемъ[39] и аки копиемъ прободаемъ. От новаго бо сего Богомъ возлюбленнаго вѣнечника благовѣрнаго царевича князя Димитрия слыша, яко начаша знамения и чюдеса бывати, и тая во сердцы своем, аки в нѣкоей храминѣ свѣтилника затворяя и под спудомъ его поставляя,[40] не воспомянувъ слова Господня, яко «не можетъ градъ укрытися, верху горы стоя»,[41] и всѣмъ возвѣщающимъ запрещаше смертми, да не явѣ будутъ знамения и чюдеса его. И не восхотѣ покаяния пред нимъ положити, ниже прощения от него получити, и послѣди за таковую гордость злѣ гнѣвомъ Божиимъ побѣжденъ бысть, такожде и родъ его весь погибаетъ и искореневается, — какоже и коимъ образомъ, вкратце скажемъ.

Хотя Богъ прославити на небесѣхъ и на земли неповинное убиение создания

своего и кровь его мстити, и всѣмъ творящим таковая образъ дати, да накажутся сицевых не творити.

Въ первое-на-десять лѣто по убиении своемъ явися благовѣрный царевичь князь Димитрий нѣкоему от калугеръ, тамо живущих во градѣ Углѣче, именемъ Тихону, и сказа ему сице: «Нѣкто назовется у васъ именемъ моимъ царевымъ, сыномъ отца моего, благовѣрнаго царя и великого князя Иоанна Василиевича всеа Росии, и сѣсти имат на престолѣ царьстѣмъ Российскаго государьства, и того властолюбца и губителя моего Бориса со престола свержетъ и царьства лишитъ, и родъ его весь погубит; и той самъ ложный нарекователь не много имать царьствовати, но злѣ живота своего гонзнет и убиенъ будетъ; и инии же вослѣдовати имутъ ему, и тако же нелѣпо скончаются». И послѣди вся збышася сия по глаголом богоизбраннаго сего вѣнценосца.

Бысть же сице грѣхъ ради нашихъ и всяких неправдъ, яже к Богу, сихъ ради насъ наказующу, да быхомъ творили заповѣди его и отвратилися от всѣх злобъ своихъ, и попусти на насъ за наше беззаконие аки новаго Улияна Законопреступника[42] или, истиннѣйшее рещи, на отмщение неповинныя сея праведнича крови. Бяше бо нѣкто от града Галича, от обычна рода, зовомъ Юшка Отрепьевъ,[43] облечеся во иноческий образъ и нареченъ бысть Григорий, и ста во диаконский чинъ, и паки по диаволю дѣйству забы иноческаго обѣщания обѣтъ и сверже с себе иноческий образъ, и шедъ в Литву, назвася тамо сыном благовѣрнаго царя и великаго князя Иоанна Васильевича всеа Росии, преждереченнымъ царевичемъ княземъ Димитриемъ,[44] егоже достовѣрно той преждереченный Борисъ убилъ, и всѣмъ то вѣдомо и знаемо есть. И умысли сей розстрига хитростнѣ и коварнѣ зѣло, яко избавленъ бысть и сохраненъ от того своего раба Бориса и убѣжа яко от своего отечества, из Русския земли. Король же литовский и мнози велможи его яша лжи его вѣру и мняше, яко сущий царевъ сынъ князь Димитрий, и даде ему честь велию, якоже подобаетъ, и по томъ злата и сребра немало, да соберетъ и люди многи и идетъ ратию ко своему отечеству, к царьствующему граду Москвѣ, и мститъ яко своему врагу и губителю преждепоминаемому Борису; и бысть тако.

И первѣе прииде к предѣломъ Русския земли от сѣверныя страны[45] ко граду Чернигову, и тамо прельсти весь градъ и села и веси, и вси яша ему вѣру и поклонишася. И еще ему далече сущу от царьствующаго града Москвы, слыша Борисъ таковое смятение и прелщение от него в тѣхъ градѣхъ и во всей Русстей земли колебание, и ужасеся зѣло сердцемъ своимъ, и умомъ въпаде в скорбь и печаль великую, видя, яко царьству его от него отъятися, и таковыя ради своея бѣды скоро живота своего гонзаетъ, и внезапу душу свою испущаетъ,[46] и тако живота сего отходитъ.

Той же окаянный розстрига, слыша Бориса умерша, и бысть радостенъ зѣло злохитрою своею душею и злоумышленнымъ своимъ сердцемъ, яко желание его хощетъ совершитися в конецъ. Воеводы же и воя вся, яже быша посланы противу его от царя Бориса, слышаша Борисово умертвие, и паки мняще его царева сына быти, и еще помышляху в себѣ, яко страха ради и срама самому себе умертвившу,[47] и вси предашася ему и поклонишася. Он же, окаянный, яко необузданный конь, буестнѣ устремися ити к самому царьствующему граду Москвѣ, никомуже ему возбраняющу. И еще ему не дошедшу града Москвы, посла пред собою своя доброхоты и втайнѣ повелѣ Борисова сына и жену его нелѣпѣй и злой смерти предати,[48] удавомъ убо удавити, да не будетъ ему нѣкоторое пресѣчение и зазрѣния въ его совѣсти, аще ли оставитъ ихъ живых. И тако придетъ к царьствующему граду Москвѣ,[49] и такоже вси, падше, поклонишася ему яко сущему цареву сыну Димитрию. Мнози же и знающе его, яко не царевъ сынъ, но

сосудъ диаволь Гришка Отрепиевъ, но ничтоже смѣюще ему сотворити, зане страх и смерть пред очима бяше. И взя скипетръ великаго государьства, и сѣде на престолѣ царьстѣмъ,[50] и матерь благовѣрнаго царевича князя Димитрия, благовѣрную царицу иноку Марфу, назва себѣ материю,[51] яко сущая ему мати. И того Бориса повелѣ от прочих царей, с нимиже положенъ бѣ в соборнѣй церкви Архистратига Михаила, вонъ извергнути; и с послѣднимъ бесчестием и поношениемъ несенъ и положенъ бысть во единомъ от убогих монастырей, нарицаемъ Варсунофиевъ,[52] тогожде царьствующаго града Москвы. Дщерь же его, благородну и красну зѣло, повелѣ во иноческий образ облещи[53] и весь родъ и племя его разсѣяти: овых повелѣ смерти предати, а иных в заточение отсылати, и домы ихъ и богатства на расхищение взяти и раздати, комуждо ему годѣ. И збысться реченное: «Ровъ изры, и ископа и́, и впадеся в яму, юже содѣла»;[54] и «обратися болѣзнь его на главу его и на верхъ его неправда его сниде».[55]

И по томъ начатъ царствовати окаянный розстрига и многи крови напрасно пролия за свое ложное нарицание. И еще же сочетася беззаконному браку:[56] приведе себѣ жену от папежския вѣры; егда бо еще ему тамо в Литвѣ бывшу, и обѣтъ дал сатанинъ отцу ея и ей, яко да возметъ ю за ся, егда будетъ на престолѣ царьстѣмъ Российскаго государьства, и того ради окаянный взял у них злата и сребра много на собрание вой тѣх. И тако приведе ю, и святымъ крещениемъ не соверши ю, и тако вѣнчася с нею, и самую ту великую соборную и апостольскую Церковь[57] осквернивъ недостойнымъ своимъ входомъ и вѣнчаниемъ.

По том же окаянный конечное зло нача помышляти на православную христианскую вѣру, иже многочисленое множество — от велможъ и до простых людей — погубити и вѣру христианскую до конца искоренити и своя богомерзская папежская учинити.[58] Всемилостивый же Господь нашъ и Богъ не до конца милость свою отсѣче, ниже во вѣки прогнѣвася, не попусти ему сего злаго дѣла совершити вконец, и прекрати того окаяннаго живот вскорѣ, зане познанъ и обличенъ бысть от всѣх, яко не царевъ сынъ, но сосудъ диаволь и сынъ сатанинъ, чернецъ розстрига Гришка Отрепьевъ. И тако злый убиенъ бысть и огнем сожженъ,[59] егоже самъ себѣ уготова. Царьствова же годищное время неполно,[60] якоже сказа новый вѣнечникъ благовѣрный царевичь князь Димитрий в явлении своемъ преждереченному старцу Тихону. Богу нашему слава нынѣ и присно и во вѣки вѣков. Аминь.

О принесении мощей благовѣрнаго царевича князя Димитрия от града Углеча во царьствующий градъ Москву

По том же проклятомъ преждепомянутомъ Грише розстриге вскорѣ избранъ бысть на царство от всего христианского народа благочестивый бояринъ князь Василей Иоаннович Шуйской и нареченъ бысть царемъ,[61] иже много страдание показа от оных растлѣнных царей, паче же рещи, антихристовых дѣтей, понеже мнози начаша называтися тѣм же царьскимъ именованиемъ[62] и многую и безмѣрную тщету учиниша всему великому Российскому государьству, сами же, окаяннии, злѣ скончашася, якоже прежде рѣхом; он же аки столпъ непоколебимъ стояше, аки пращею[63] злохитрых волковъ от Христова стада, от православныя вѣры отгнаша; с ним же и святѣйшему патриарху Ермогену[64] Московскому и всеа Росии, тому тогда престолъ держащу над всею Росиею и такоже велию ревность по православнѣй вѣрѣ держащу и по Святѣмъ Дусѣ побарающу и единодушно с нимъ стоящу.

И вложи имъ Богъ благий совѣтъ в сердца, еже взяти мощи новаго сего страстотерпца, благовѣрнаго царевича князя Димитрия Иоанновича, от града

Углеча и принести в царьствующий градъ Москву,[65] на славу и хвалу отечеству его и на утвержение граду Москвѣ от нахождения иноплеменных, и на обличение тѣхъ многих лжехристовъ;[66] и сотворися тако. По повелѣнию ихъ и совѣту посланъ бысть преосвященный Филаретъ, митрополитъ Ростовский и Ярославский,[67] иже послѣди благодатию Святаго Духа и самъ патриархъ бысть во всей Росии,[68] и с ним боляре, и архиепископы, и епископы, и многъ чинъ освященный.[69] И егда приидоша во градъ Углечь и внидоша во церковь, идѣже лѣжитъ тѣло новаго сего страдалца, и открыша гробъ его, и в той часъ благоуха от него воня благовония, яко от священных араматъ. И обрѣтоша мощи его цѣлы и нетлѣнны, яко днесь положены, токмо мала часть взята бысть от руки перста его, свойствено бо есть земли своя сродная взяти; такожде и одѣяния его вся цѣла и нетлѣнна, и срачица его, аки виссомъ,[70] кровию очервлена, в нейже убиенъ и положен бысть.[71] В той же часъ начаша велия чюдеса быти, и мнози различными болѣзньми исцелѣша, якоже сказують.

И тако взяша мощи его со многою честию и благоговѣинствомъ и идоша ко царьствующему граду Москвѣ. И егда принесенымъ бывшимъ мощем его близъ самого царьствующаго града Москвы, тогда благочестивый царь Василий слыша и возрадовася радостию великою зѣло, яко при державѣ его прослави Богъ угодника своего, и изыде на срѣтение его со всѣмъ своимъ царьскимъ сигклитомъ, и святѣйший Ермогенъ патриархъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и с материю его, благовѣрною царицею инокою Марфою, и со множествомъ народа, с честными иконами и свѣщами и кандилы,и срѣтоша его со многою честию, и прияша и с радостию. И повелѣ царь и патриархъ нести внутрь самого града Москвы в соборную церковь Небесных силъ воеводы Архистратига Михаила,[72] еже есть зрится и нынѣ близ двора царева; и повелѣ царь уготовати в том же храмѣ Архистратига Михаила и украсити ковчегъ; патриарху же вся узаконеная над мощми праведнаго отпѣвшу, и повелѣ царь мощи святаго ту вложити и покрыти багры царьскими и окрестъ свѣщи и кандилы поставити.

И егда принесены быша честныя мощи, тогда в тыя дни и паки многи чюдеса сотворишася, и различными болѣзньми мнози исцелѣша, яко мнози сему самовидцы быша. И паки повелѣ царь праздньство свѣтло сотворити[73] и составити пѣсней торжество на славу и хвалу дающему благодать Богу и на память праведному сему новому вѣнценосцу, благовѣрному царевичю князю Димитрию. Принесены же быша мощи его от града Углеча во царьствующий градъ Москву в лѣто 7114 году июня въ 3 день, на память святаго мученика Лукиана,[74] а по убиении его в 15 лѣто.

А се по преложному. В той же день. Убиение благовѣрнаго царевича князя Димитрия, Углечского и Московскаго и всеа Росии новаго чюдотворца

Сей благовѣрный царевичь, князь Димитрий Иоанновичь, родися от благочестиваго корене, царя и великого князя Иоанна Васильевича всеа Росии. И царю убо Иоанну Васильевичю доволна лѣта держащу скипетръ Российскаго государьства и от жития сего в вѣчную жизнь преставльшуся, сему же сыну его царевичю князю Димитрию младу сущу оставшуся, от рождения своего полутора года; и по дѣйству диаволю, зависти ради и властолюбия, повелѣниемъ нѣкоторого сигклита ихъ царьскаго, зовомого Бориса Годунова, убиенъ бысть во удѣлномъ своемъ градѣ Углече, в лѣта 7099-го году, маия въ 15 день, на память преподобнаго отца нашего Пахомия Великаго, а от рождества своего въ 9-е лѣто, — закланъ бысть ножемъ и погребенъ бысть в том же во удѣлномъ своемъ градѣ Углече, во храмѣ боголѣпнаго Преображения Господа нашего Иисуса Христа. И тако тою злою неподобною смертию скончася и взыде ко Христу, радуяся, приимъ с мученики радование и со ангелы ликование. И по убиении его в 15 лѣто

повелѣниемъ и совѣтомъ благочестиваго царя и великого князя Василия и киръ[75] Ермогена патриарха принесены быша мощи его от града Углеча во царьствующий град Москву, цѣлы и нетлѣнны, в лѣта 7114-го году, июня въ 3 день, на память святаго мученика Лукиана, и положены быша в соборной церквѣ Архистратига Михаила, яже и нынѣ зрится близъ двора царева. И егда принесенымъ бывшимъ мощемъ, тогда в тыя дни различными недуги мнози исцѣлѣша о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ, емуже слава со Отцемъ и со Святымъ Духом нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Лѣта 7114-го, июня въ 3 день

Принесены к Москвѣ мощи святаго благовѣрнаго царевича Димитрия с Углеча. И поставиша мощи его во церкви Архистратига Божияго служителя Архангела Михаила на маломъ столѣ посредѣ церкве, и патриархъ Ермогенъ нача пѣти погребалная, и пѣша погребалная, и ископаша могилу, гдѣ положенъ бысть царь Борисъ, в предѣле у Иоанна, списателя Лѣствицы.[76] И в то время начаша по государеву повелѣнию сѣщи гробъ камененъ, в чемъ положити мощи святаго благовѣрнаго царевича Димитрия, и содѣлаша гробъ камененъ, и понесоша во церковь, и той гробъ стал короток. И царь Василий и патриархъ Ермогенъ о томъ сташа скорбѣти и поносиша подмастерия Василия, сирѣчь брань воздвигнуша на него, и повелѣша высѣщи вторый гробъ камененъ по таковой же мѣрѣ, что снята мѣра со благовѣрнаго царевича Димитрия, — и той каменный гробъ сталъ велми длинен, и царь Василей и патриархъ Ермоген в велицѣй скорби сташа и сняша мѣру с царевича Димитрия, измѣриша сами. И благословилъ патриархъ Ермогенъ своею рукою — и той третий гробъ ста четвероуголенъ, а могила, которую ископаша благовѣрному царевичю Димитрию, погребсти мощи его, в то же время сама о себѣ засыпашеся. И видѣша, яко чюдо велие, царь Василий и патриархъ Ермоген испусти велия слезы, и начаша пѣти молебная, и поставиша гробъ с мощми святаго благовѣрнаго царевича Димитрия во церкви Архангела Михаила у праваго столпа; и бысть велия чюдеса.

Чюдо 1. Того же мѣсеца, наутрие, въ 4 день, нача пѣти литоргию Божественую, и помолишася слѣпая жена именем Агафия, — бысть одержима слѣпотою 20 лѣтъ, — и молитвами святаго благовѣрнаго царевича Димитрия прозрѣ в томъ часѣ, и бысть здрава. И возвѣстиша сие чюдо царю Василию, и царь Василий наипаче вопроси самъ тоя жены, и повѣда та жена истинну, яко прозрѣла молитвами святаго благовѣрнаго царевича Димитрия.

Чюдо 2. Повѣда диаконъ именемъ Григорий предстоящымъ гробу святаго, котории приставлени ко гробу царевича Димитрия, и протопопу, и всему Архангелскому собору: болѣша у него нога полгода, и жилы скорчило; и услыша, яко исцѣления подаваетъ святый благовѣрный царевичь Димитрий с вѣрою приходящимъ к нему, и притекъ ко гробу его и нача молитися, дабы Божиею милостию и молитвами святаго благовѣрнаго царевича Димитрия исцѣлѣла у него нога, — и в той часъ молитвами святаго благовѣрнаго царевича Димитрия исцелѣла у него нога.

Чюдо третие. Нѣкий человѣкъ именемъ Аверкий, прозвище Богданъ,[77] повѣда о исцѣлении святаго благовѣрнаго царевича Димитрия: болѣша у него, Аверкия, очи 15 лѣтъ, отнюдъ не видѣ свѣта, и приидоша помолитися во церковь Архангела Михаила, и от множества народа не возмогоша от тѣсноты доити до гроба святаго, и ста от гроба далече, молящеся Богу и призывая на помощь благовѣрнаго царевича Димитрия, — и в томъ часѣ прозрѣ и прославиша Бога и святаго царевича Димитрия.

Чюдо 4-е. Нѣкая черноризица именемъ Полинария, великою болѣзнию одержима,

яко изгниша у нея нозѣ злымъ гноемъ, и услыша, яко точитъ цѣлбы благовѣрный царевичь Димитрий, и в коемъ часѣ пришедше ко гробу царевича Димитрия, помолишася, исцелѣ в томъ часѣ.

Чюдо 5-е. Нѣкий человѣкъ, повѣда себе родомъ Краснаго села,[78] именемъ Григорий Власовъ, бѣ бо одержимъ злымъ недугомъ, бѣсновася; приведоша его сродники ко гробу святаго благовѣрнаго царевича Димитрия, и стояше той человѣкъ у гроба святаго царевича Димитрия нощь, и на утрѣ, и до вечерни, велми бѣсновася и испущаше злыя скверныя глаголы. Послѣди же вечерни Божиею милостию и молитвами святаго благовѣрнаго царевича Димитрия бысть здравъ и моля в совершеннем разумѣ, и повѣда, яко исцелѣ он молитвами святаго царевича Димитрия совершенно.

Чюдо 6. Нѣкая жена повѣда имя свое Акилина, Леонтиева жена Пѣнкина, а жила в Пушкаряхъ, и повѣда о себѣ, яко болѣша у нея очи долгое время, и свѣтъ от очию отпаде. И приведоша ю ко гробу святаго царевича Димитрия, — и в томъ часѣ молитвами святаго благовѣрнаго царевича Димитрия прозрѣ и исцелѣша от всѣхъ болѣзней.

Чюдо седмое. Нѣкая жена повѣда имя свое Мария, не видѣ она однѣмъ окомъ свѣту долгое время, и приведоша ю ко гробу святаго царевича Димитрия, — и в томъ часѣ молитвами святаго благовѣрнаго царевича Димитрия исцелѣ совершенно.

Чюдо осмое. Нѣкая дѣвица повѣда имя свое Анна, а жила она на Покровке у горшечника, и повѣда она о себѣ: было у нея на правомъ окѣ белмо, и слыша от страных людей, приходящих с вѣрою, — получаютъ исцѣления молитвами святаго благовѣрнаго царевича Димитрия различнымъ болѣзнемъ. И притекоша и та дѣвица помолитися ко гробу святаго царевича Димитрия, — и в той часъ спаде у нея со ока бѣлмо, и бысть здрава.

Чюдо 9-е. Нѣкая жена повѣда имя свое Антонида, родомъ Галицскаго уѣзду, повѣда, яко болѣша у нея внутреняя 20 лѣтъ, и издах врачемъ все имѣние свое, и не обрѣтоша отнюд нимало ползы. И слыша она, яко исцеление получаютъ приходящии различнымъ болѣзнемъ молитвами святаго царевича Димитрия от мощей его, и притекоша к нему, и помолися, — и в той часъ бысть здравй.

Чюдодесятое. Нѣкая инокиня повѣда имя свое Маремиана Извѣкова, из Зачатейскаго монастыря,[79] и повѣда о себѣ: болѣша у нея очи 2 года, и приидоша помолитися ко царевичеву гробу, — и в том часѣ прозрѣла молитвами святаго благовѣрнаго царевича Димитрия.

Чюдо 11. Нѣкая жена повѣда имя свое Феодосия, болѣли у нея очи 15 лѣтъ, и во главѣ бысть у нея великий лом. И како она притекши ко гробу святаго благовѣрнаго царевича Димитрия и утерши очи и главу покровомъ, который на мощех святаго царевича Димитрия, — и в томъ часѣ исцелѣ молитвами его.

Чюдо 12. Нѣкая жена повѣда имя свое Фекла, яко не видѣ она многое время, и пришедъ помолитися ко гробу святаго царевича Димитрия, и приложися к мощем его, — и в томъ часѣ прозрѣ окомъ единѣмъ молитвами святаго благовѣрнаго царевича Димитрия.

Чюдо 13. Нѣкая дѣвица повѣда имя свое Мавра, не видѣ она очима свѣта полтора года, и приведоша ю ко гробу святаго благовѣрнаго царевича Димитрия, — и в томъ часѣ прозрѣ молитвами его.

Чюдо 14. Некий человѣкъ повѣда имя свое Симеонъ Стефановъ, стражь

Вознесенского монастыря,[80] одержимъ былъ лютою болѣзнию, бѣ бо разслабленъ бывъ полтора года. И вмѣстися ему во умъ: дошелъ бы ко гробу святаго царевича Димитрия, — и поидоша зѣло понуждаяся, и претерпѣ от множества народа тѣсноту, и топтания ножная со благодарением восприятъ. И обнащевалъ у гроба святаго царевича Димитрия, и усну мало, — и видѣ во снѣ явление: пришедъ к нему отрокъ младъ во свѣтлѣ одежди и глагола ему з запрещениемъ: «Востани, что сѣдиши!», — и возбну от сна, и ужасеся зѣло, и обья его страхъ. И от того часа послыша в себѣ силу, а болѣзнь забыша. И воставъ, пришед ко гробу святаго царевича Димитрия и бысть совершенно здравъ молитвами его.

Чюдо 15. Нѣкая жена повѣда имя свое Евдокия, болѣша у нея очи 4 года и 10 недѣль, и приведоша ю ко гробу святаго царевича Димитрия, — и прозрѣ молитвами его.

Чюдо 16. Нѣкая жена, вдова, повѣда имя свое Мавра, а житие ея у Спасского монастыря Новаго,[81] из слободы, что на Крутицах, не видѣ нимало свѣта от ослепления 7 лѣтъ и велми скорбя, мнѣша и умрети от тоя болѣзни. И приведоша ю ко гробу святаго царевича Димитрия, — и прозрѣ в томъ часѣ молитвами его, благодаря Бога и святаго благовѣрнаго царевича Димитрия.

Чюдо 17. Нѣкая жена повѣда о чюдеси святаго царевича Димитрия: не видѣ она окомъ единѣмъ 20 лѣтъ, и приведоша ю ко гробу святаго царевича Димитрия (токмо повѣда, что она Иоаннова Мясоѣдова жена, а имени своего не повѣда), — и в кий часъ приведоша ю ко гробу святаго, в томъ часѣ и прозрѣ молитвами его, и благодаря Бога и святаго царевича Димитрия, и бысть здрава.

Чюдо 18. Нѣкая дѣвица повѣда свое имя Анна и повѣда житие свое на Москвѣ у Георгиевского священника[82] у Василия, — от рождения ея на 4-мъ году заболѣша у нея нога, и многое время пострада от нея. И приведоша ю ко гробу святаго царевича Димитрия, — и в томъ часѣ исцелѣ и от тоя болѣзни бысть здрава молитвами святаго благовѣрнаго царевича Димитрия.

Чюдо 19. Нѣкая жена повѣда имя свое Ирина, быша слѣпа 7 лѣтъ и прозрѣша молитвами благовѣрнаго царевича Димитрия у гроба его.

Чюдо 20. Нѣкая жена повѣда имя свое Мавра, была она глуха многое время, и помолишася ко Господу Богу и святому благовѣрному царевичю Димитрию у гроба его, — и в той часъ получиша исцѣление, и нача слышати по-прежнему.

Чюдо 21. Нѣкая жена повѣда имя свое Агафия и повѣда о себѣ: была она слѣпа многое время, и приидоша ко гробу святаго царевича Димитрия, и помолишася, — и в томъ часѣ исцелѣ молитвами его, прозрѣ совершенно.

Чюдо 22. Нѣкая жена повѣда имя свое Марфа, Василия Белугина жена, не видѣ она от слѣпоты 15 лѣтъ, — и у гроба святаго царевича Димитрия прозрѣ молитвами его.

Ч ю д о 23. Нѣкая дѣвица повѣда имя свое Евфимия и повѣда о себѣ, что была слѣпа 2 года, — и у гроба святаго царевича Димитрия прозрѣ молитвами его.

Чюдо 24. Нѣкий человѣкъ именемъ Ануфрий повѣда, яко бѣсновася онъ[83] 10 лѣтъ, злѣ пострада от тоя болѣзни, и помолися у гроба святаго царевича Димитрия, — и исцелѣ молитвами его.

Чюдо 25. Нѣкая дѣвица повѣда имя свое Анна, а житие свое повѣда: живетъ на Кулишках[84] у посадского человѣка у Иякова; не видѣ она многое время, и помолися Господу Богу, предстоя у гроба святаго царевича Димитрия, и

помолишася святому царевичю Димитрию, — и в томъ часѣ прозрѣ молитвами его.

Чюдо 26. Нѣкто отрокъ повѣда имя свое Симеонъ, Димитриевъ сынъ, не видѣ лѣвымъ окомъ, — и у гроба святаго царевича Димитрия прозрѣ молитвами его.

Чюдо 27. Нѣкая инокиня повѣда имя свое Улияния, а житие ея в Зачетейском монастырѣ, не видѣ 10 лѣтъ, — и у гроба святаго царевича Димитрия прозрѣ молитвами его, и видѣ совершенно.

Чюдо 28. Нѣкая жена повѣда имя свое Ирина, а житие свое повѣда — Тимофѣева дому Витофтова, болѣла у нея нога лѣвая 2 годы, — и от гроба святаго царевича Димитрия и исцеление получила, и бысть здрава.

Чюдо 29. Нѣкая жена повѣда имя свое Евдокия, а мужь ея именемъ Исидоръ, болѣли у нея очи 2 годы, и предста у гроба святаго царевича Димитрия, — и исцелѣ молитвами его.

Чюдо 30. Повѣда о чюдеси святаго царевича Димитрия, приведенъ бысть ко гробу святаго материю своею, отрокъ именемъ Иоаннъ, а мати его именем Агафия. Той отрокъ Иоаннъ, имѣя возрастъ 10 лѣтъ, пострада от ножныя болѣзни, а болѣла у него лѣвая нога, и на древеницѣ ходилъ, и зѣло изнемогъ, и зваху его людие разслаблена. И принесоша ко гробу святаго царевича Димитрия, — и молитвами его исцелѣ, и утвердися нога его, яко другая.

Чюдо 31. Нѣкая инокиня повѣда имя свое Александра, а житие свое повѣда в Зачетейскомъ монастырѣ, болѣша у нея око 2 года, и приидоша ко гробу святаго царевича Димитрия, и помолишася, — и исцелѣ око ея молитвами его и ста, яко и здравое.

Чюдо 32. Нѣкая жена повѣда имя свое Ирина, Юрьевского уѣзду Полскова, не видѣ свѣта правымъ окомъ 7 лѣтъ, — и у гроба святаго царевича Димитрия прозрѣ.

Чюдо 33. Нѣкая жена повѣда имя свое Мария, не видѣ свѣта 5 лѣтъ, — и в кий часъ пришедъ ко гробу святаго царевича Димитрия, в той часъ и прозрѣ молитвами его.

Чюдо 34. Нѣкий человѣкъ, родомъ арапъ, во крещении повѣда нареченное имя свое Матфей; в рукѣ была у него злая язва волосатикъ[85] 3 годы, и приидоша помолитися ко гробу святаго царевича Димитрия, — и в той часъ исцелѣ у него молитвами святаго, и бысть здравъ.

Чюдо 35. Нѣкая жена, вдова, повѣда имя свое Киликия, рождение ея Новаграда; бѣ бо одержима бѣсным недугом, и приидоша помолитися, — и исцелѣ молитвами святаго благовѣрнаго царевича Димитрия у гроба его.

Чюдо 36. Нѣкоего человѣка именемъ Иоанна, приведоша его слѣпа ко гробу святаго царевича Димитрия, а слепотою одержимъ былъ 3 годы, — и прозрѣ молитвами святаго благовѣрнаго царевича Димитрия, и бысть здравъ.

Чюдо 37. Нѣкая дѣвица повѣда имя свое Ксения, нападе на нея велий страх и ужасъ по навѣту диаволю, и обдержа ея то страхование от Свѣтлыя недѣли[86] и немалое время. И приидоша помолитися ко гробу святаго царевича Димитрия, — и молитвами его отъяхся от нея страхование.

Чюдо 38. НѣкаяженаповѣдаимясвоеАнна,житиесвоеповѣданаНикитской улицѣ, а мужь ея именемъ Василий; бысть она слѣпа многое время — и прозрѣ у гроба

святаго царевича Димитрия молитвами его.

Чюдо 39. Нѣкая вдова повѣда имя свое Ксения, а житие повѣда за Москвою рѣкою, и скорбѣша 6 лѣтъ внутреннею болѣзнию, да нога у нея оолѣла лѣто; и приведоша ю ко гробу святаго царевича Димитрия, — и исцелѣ в той часъ молитвами его от обоих болѣзней.

Чюдо 40. Нѣкая жена повѣда имя свое Евфимия, болѣла внутреннею болѣзнию 8лѣтъ — и исцелѣ у гроба святаго царевича Димитрия молитвами его.

Чюдо 41. Нѣкая жена повѣда имя свое Мария, болѣша у нея очи 30 лѣтъ; и приведоша ю ко гробу святаго царевича Димитрия, — и прозрѣ в томъ часѣ молитвами его; а в то время пѣли понахиду[87] по государѣ царѣ и великомъ князе Феодоре Иоанновиче всеа Росии, а понахиды слушали царь Василей[88] и весь освященный соборъ.

Чюдо 42. Нѣкая жена, вдова, повѣда имя свое Анна, а житие свое повѣда Старицского уѣзду; не видѣ лѣвымъ окомъ немалое время, а у гроба святаго царевича Димитрия прозрѣ молитвами его и исцѣление получи о Христѣ Иисусѣ, Господѣ нашемъ, емуже слава со Отцем и со Святым Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

---

[1] *Пахомий Великий* — преподобный, основатель общежительного монашества, жил в Египте в III—IV вв., умер в 347 г., память 15 мая.

[2] *Август, кесаръ Римский* — Гай Юлий Цезарь Октавиан Август («божественный»), племянник Юлия Цезаря, провозглашенный неограниченным правителем Римской империи в 30 г. до н. э. Согласно русскому публицистическому сочинению XVI в. «Сказание о князьях Владимирских» (см. *ПЛДР ,* 6, с. 422—435), русские великие князья и их родоначальник легендарный Рюрик проис-ходили от некоего Пруса, родственника императора Августа; эта теория происхождения московских царей стала официальной доктриной во времена Ивана Грозного и была использована в беллетризованной генеалогии русских царей — «Степенной книге».

[3] *Царю же Иоанну Василиевичю... в вѣчъную жизнъ преставлъшуся...* — Иван Грозный умер 18 марта 1584 г.

[4] *...от рождения своего году и полъ.* — Царевич Димитрий родился 19 октября 1582 г. Таким образом, к моменту смерти Грозного ему было чуть менее полутора лет.

[5] *И приемлет царство... Феодор Иоанновичъ...* — Коронование Феодора Иоанновича состоялось 31 мая 1584 г. Новый царь был очень слаб физически и во время продолжительной процедуры венчания на царство отдал держать царские регалии — шапку Мономаха и державу — Борису Годунову и князю Ивану Мстиславскому.

[6] *...и с рождъшею его материю...* — Димитрий родился от седьмой жены Ивана Грозного Марии Федоровны Нагой.

[7] *...ближний ему приятелъ и шуринъ, зовомый Борисъ Годуновъ...* — Фактически м правителем страны стал боярин Борис Федорович Годунов (род. в 1552 г.), брат жены царя Ирины Годуновой, получивший после коронации Федора высокий чин конюшего. Родом из костромских бояр, после смерти отца он воспитывался дядей Дмитрием Ивановичем Годуновым, занимавшим пост главы Постельного приказа при дворе Ивана Грозного. Борис начал службу во времена опричнины в чине стряпчего. Был женат на дочери Малюты Скуратова Марии.

[8] *...сам же пребывая в непрестанныхъ молитвах и во псалмопѣниих мнозѣх.* — По свидетельству английского посланника при царском дворе Д. Флетчера, царь Федор был очень набожным и имел обыкновение ходить каждую неделю на богомолье в один из ближних монастырей (см.: Флетчер Д. О государстве Русском. СПб., 1906. С. 122).

[9] *И паки нача на нъ помышляти, аки Каинъ на Авеля...* — Имеется в виду библейский сюжет об убийстве Каином, старшим сыном Адама и Евы, своего младшего брата Авеля (Быт. 4, 1-9).

[10] *Михаил Битяговский* — государев дьяк; главный дьяк Углича, представлявший в городе особу царя. В день гибели царевича Димитрия был убит толпой; погибли также сын Битяговского Данила, его племянникНикита Качалов и муж его племянницы Осип Волохов (сын мамки Василисы Волоховой), обвиненные в организации убийства царевича.

[11] *...и нѣкую жену, зовому Василису Волохову... ижеу него вящшая бысть боляр они...* — Василиса Волохова, мамка царевича Димитрия; до того много лет служила постельницей при дворе Ивана Грозного, после смерти которого последовала в Углич за его вдовой. В день гибели царевича вместе с двумя другими няньками приглядывала за его игрой на заднем дворике дворца и стала свидетельницей трагедии.

[12] *...како бы его тайно смерти предати и отравами отравити...* — Другие памятники (Житие Димитрия из Миней Германа Тулупова, Новый летописец), говоря о попытках отравления царевича, не называют имен исполнителей. По мнению С. В. Лихолата, этот факт может свидетельствовать о том, что автор Милютинской редакции Жития, возможно, пользовался еще каким-то неизвестным источником.

[13] *...проклятыя руцѣ свои простреmи...* — Ср.: Пс. 124, 3: «... яко да не прострутъ праведнии в беззаконии рукъ своих».

[14] *...да повелитъ кормилицѣ его, сирѣчъ мамѣ...* — Свидетельницей гибели царевича была, помимо Василисы Волоховой, кормилица Арина Тучкова.

[15] *...яко обычай ему естъ исходити на играние дѣтское.* — В день гибели царевича, по свидетельствам очевидцев, царица Мария в полдень отпустила Димитрия во двор поиграть с четырьмя мальчиками-сверстниками. Дети играли «в тычку» (т. е. в ножички) на небольшом заднем дворике, в углу между дворцом и крепостной стеной (см.: Угличское следственное дело о смерти царевича Дмитрия 15 мая 1591 г. Ч. I, II. М., 1913).

[16] *...единъот них емъ его за выю и прерѣза гортанъ ему.* — Известно, что на

месте трагедии Мария Нагая кричала, будто царевича зарезал сын Василисы Волоховой Осип. Позднее в ходе следствия она показала, что «зарезали-де царевича Микита Качалов да Михайлов сын Битяговского Данило да Осип Волохов». В другом памятнике, «Сказании о царстве царя Феодора Иоанновича», говорится, что царевича заколол ножом Никита Качалов, а помогали ему Михаил Битяговский с сыном Данилой (см.:*РИБ.* СПб., 1909. Т. 13. С. 767).

[17] *Нѣцыи же начаша в колокола бити... вси збѣгошася скорымъ шествием на звонъ той...* — Сразу после гибели Димитрия по повелению царицы Марии начался неумолчный набат городского колокола, который собрал на площади перед дворцом огромную толпу.

[18] *...и яты быша от гражданъ и побиени...* — 15 мая 1591 г. вУгличе от рук толпы погибли 15 человек, которые обвинялись в организации убийства царевича Димитрия.

[19] *И повелѣ царю... сказати ложно, а не истинно, яко брату его самому себе заклавъшу во игрании дѣтъстѣмъ.* — Существует другая версия гибели царевича Димитрия (изложена в Следственном деле, принята рядом современных исследователей как истинная). По этой версии, царевич погиб случайно: во дворе во время игры «в тычку» (в ножички) с четырьмя другими мальчиками у него начался приступ «падучего недуга» (по-видимому, эпилепсии), что с ним случалось и раньше, — в результате чего он, падая («летячи»), напоролся горлом на нож. Подробнее см. об этом в кн.: СкрынниковР. Г. Борис Годунов. М., 1983. С. 67—84.

[20] *...занеже праведнаго кровь вопити будетъ к Богу, аки Авелева на Каина...* — См. Быт. 4, 10: «И рече Господь: что сътворилъ еси се? Глас крове брата твоего въпиетъ къ мнѣ от земля».

[21] *...якоже глаголетъ великий Феодоритъ...* — Имеется в виду блаженный Феодорит, епископ Киррский (ок. 393-ок. 457), автор многих сочинений по экзегетике, догматике, апологетике и истории Церкви.

[22] *...иродъ его весь погибе и искоренися...* — 10 июня 1605 г. в Москве во время народных волнений сторонниками Лжедмитрия были убиты вдова Бориса Годунова Мария и его сын Федор.

[23] *...по обычаю торжества дне Пятдесятнаго...* — Т. е. во время празднования Пятидесятницы, — праздника, установленного Церковью в память сошествия Святого Духа на апостолов; празднуется в пятидесятый день после Пасхи. В 1591 г. праздник Пятидесятницы приходился на 23 мая.

[24] *...у Святыя и Живоначалныя Троицы и преподобнаго Сергия Чюдотворца во обители...* — Т. е. в Троице-Сергиевом монастыре.

[25] *...и повелѣ во царьствующемъ градѣ Москвѣ многи дворы зажигати...* — В 20-х числах мая в Москве произошли крупные пожары: сначала загорелся двор Колымажный, а затем в несколько часов сгорели улицы Арбатская, Никитская, Тверская, Петровская до Трубы, весь Белый город и Посольский двор, Стрелецкие слободы и все Занеглинье. Однако, по наблюдениям С. Ф. Платонова, обвинение в организации этих пожаров Бориса Годунова, зафиксированное в Милютинской

редакции Жития Димитрия, не выдерживает критики. Этому утверждению противоречат даты: в 1591 г. праздник Пятидесятницы приходился на 23 мая, московский пожар произошел 22 мая, а Следственная комиссия, к которой якобы хотел присоединиться Федор, прибыла в Углич 19 мая. По мнению С. Ф. Платонова, весь описанный эпизод представляет собой позднейшую вставку, которая может свидетельствовать о том, что составитель Милютинской редакции недостаточно подробно знал обстоятельства смерти царевича (см.: Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1913. С. 360).

[26] *...нѣкоторого вѣрнаго своего болярина, зовома князя Василия Иоанновича Шуйскаго...* — из старинного рода суздальских князей, избранный на трон после народного восстания в Москве 17 мая 1606 г. и после убийства Лжедмитрия. Был свергнут с престола москвичами в июле 1610 г. и пострижен в монахи. Затем был арестован поляками вместе с братьями Дмитрием и Иваном; умер в плену под Варшавой 5 сентября 1612 г.

[27] *...истиннаго ради испытания...* — Следственная комиссия под руководством князя Шуйского была направлена в Углич, по-видимому, по инициативе Боярской думы.

[28] *Борисъ же избираетъ своего единомысленика, зовомаАндрѣя Клешнина... и много от священнаго чину...* — В состав Следственной комиссии помимо Василия Шуйского входили митрополит Крутицкий Гелвасий, окольничий Андрей Клешнин и думный дьяк Елеазар Вылузгин.

[29] *...мати же его над нимъ стояше, яко горлица убивающися...* — По преданию, все восемь дней, пока тело царевича лежало в церкви, мать безотлучно сидела подле него.

[30] *...вкупѣ бо с ним бысть убийца.* — По наблюдению С. Ф. Платонова, автор Милютинской редакции, следуя в цитированном фрагменте за Новым летописцем, допустил некоторую оплошность: стремясь к краткости изложения, он опустил известие Летописца о том, как Борис тщетно искал убийц, пока Клешнин не нашел ему Битяговского; из-за этого пропуска замечание о причастности Клешнина к убийству царевича для читателя лишено смысла, так как необоснованно.

[31] *И потомъ погребенъ бысть благовѣрный царевичь князь Димитрий...* — Царев ич Димитрий был похоронен 22 мая 1591 г. в Угличе, в церкви Св. Преображения Господня, куда его тело было принесено сразу после трагических событий.

[32] *...также сказаша царю, якоже годѣ Борису...* — Первоначально Следственная комиссия Шуйского пришла к выводу, что царевич Димитрий не был убит, а погиб случайно, в результате припадка падучей болезни, случившегося с ним во время игры в ножички.

[33] *...царицу Марию... во иноческий образъ облещи...* — Вдовствующая царица Мария Нагая была насильно сослана в монастырь и пострижена с именем Марфы по приказу Федора Иоанновича спустя несколько месяцев после смерти Димитрия.

[34] *...малъ монастыръ, нарицаемъ Николае Чудотворецъ на Выксѣ...* — Имеется в виду пустынь монастыря св. Николая на Выксе (Судина), близ Череповца.

[35] *...донележе и самъ той Борисъ искоренися.* — Борис Годунов скоропостижно скончался в Кремлевском дворце 13 апреля 1605 г.

[36] *...повелѣ от гражданъ углечанъ многихъ... в далныя грады расточити.* — Сотн и угличан, обвиненных в мятеже и самоуправстве, случившихся на городской площади в день гибели царевича, были сосланы в Сибирь, в город Пелым.

[37] *...приемлетъ престолъ Российскаго государства... Борисъ Годуновъ...* — Венча ние Бориса Годунова на царство состоялось 1 сентября 1598 г.

[38] *И царствуя лѣтъ шесть и полъ...* — Борис Годунов царствовал с сентября 1598 г. по апрель 1605 г.

[39] *...совѣстию внутръ обличаемъ...* — Ср.: Ин. 8, 9.

[40] *...аки в нѣкоей храминѣ свѣтилника затворяя и под спудомъ его поставляя...* — Ср.: Мф. 5, 15; Лк. 8, 16.

[41] *...«не можетъ градъ укрытися, верху горы стоя»...* — Мф. 5, 14.

[42] *...аки новаго Улияна Законопреступника...* — Сравнение Григория Отрепьева с Юлианом Отступником **(**Юлиан, Флавий Клавдий — римский император (331—363), вставший на сторону язычества и выступивший с гонениями против христиан, за что в истории получил имя Отступника или Законопреступника**)** попало в Житие Димитрия Угличского из «Повести 1606 года», в которой в свою очередь характеристика Самозванца целиком восходит к характеристике Юлиана из Хроники Георгия Амартола (О. А. Державина). Исследовательница пишет: «И Самозванец, и Юлиан изображаются клириками, которые, пожелав царствовать, отпали от христианства, вошли в сношение с бесами, сделавшись врагами истинной веры; оба внезапно погибли после кратковременного царствования и трупы обоих земля не приняла». (См.: Державина О. А. Анализ образов Повести XVII века о Царевиче Димитрии Угличском // Учен. зап. Московского городского пед. института им. В. П. Потемкина. Т. VII. М., 1946. Вып. 1. С. 32).

[43] *...Бяше бо нѣкто от града Галича... зовомъ Юшка Отрепъевъ...* — Юрий Богданов сын Отрепьев (ок. 1580—17 мая 1606) происходил из галичских детей боярских. Предки его выехали на Русь из Литвы; часть из них осела в Угличе, другая — в Галиче. После смерти отца, стрелецкого сотника Богдана Отрепьева (был зарезан во время пьяной драки в Немецкой слободе), Юшка воспитывался матерью Варварой, которая обучила его грамоте и Священному Писанию; позднее он был отдан на ученье в Москву. Там он поступил на службу к окольничему Михаилу Романову, а затем — к его шурину боярину Борису Черкасскому. После опалы, которая постигла Романовых и Черкасских в ноябре 1600 г., Юрий принял постриг с именем Григория (возможно, в галичском Железноборском монастыре). Позднее, пожив некоторое время в суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре, инок Григорий стал келейником архимандрита кремлевского Чудова монастыря Пафнутия, который вскоре произвел его в дьяконы. Позднее благодаря своим способностям (он был не только «зело грамоте

горазд», но и составлял каноны святым) Григорий был переведен на патриарший двор «для книжного письма», где попал в близкое окружение патриарха Иова. Однако, несмотря на блистательную карьеру, уже в феврале 1602 г. Григорий вместе с двумя другими монахами, Варлаамом и Мисаилом, покинул Чудов монастырь и бежал в Литву, а затем в Польшу.

[44] *...назвася... царевичемъ княземъ Димитриемъ...* — Отсюда происходит прозвище Самозванца Лжедмитрий.

[45] *И первѣе прииде к предѣломъ Русския земли от сѣверныя страны...* — В конце октября 1604 г. войско Лжедмитрия, перейдя Днепр, вступило на русскую землю. После первоначальной неудачи под Новгородом-Северским Самозванец одержал ряд побед: ему сдались Путивль, Рыльск, Севск, Курск, Кромы, позднее — Оскол, Воронеж, Елец, Рязань, Тула, Алексин, Кашира.

[46] *...и умомъ въпаде в скорбъ и печалъ великую... и внезапу душу свою испущаетъ...* — В конце жизни Бориса стали одолевать болезни. Будучи подвержен суевериям, он стал обращаться к прорицателям; известно, что во дворец к Борису вызывались московская юродивая старица Олена и ведунья Дарьица. 13 апреля 1605 г. Борис Годунов скоропостижно умер. Причиной смерти, по свидетельству Жака Маржарета, находившегося во дворце при особе царя, был апоплексический удар.

[47] *...яко страха ради и срама самому себе умертвившу...* — По Москве ходили слухи, будто Борис, охваченный страхом перед Самозванцем, из малодушия принял яд.

[48] *...и втайнѣ повелѣ Борисова сына и жену его нелѣпѣй и злой смерти предати...* — Лжедмитрий откладывал свой въезд в Москву до устранения последнего препятствия на его пути — Годуновых. 10 июня 1605 г. по указу Самозванца князья Василий Голицын и Василий Мосальский со стрельцами явились на подворье Годуновых и велели задушить сына Бориса, царя Федора Борисовича, и его мать — вдову Бориса Марию.

[49] *И тако приидетъ к царъствующему граду Москвѣ...* — Лжедмитрий въехал в Москву 20 июня 1605 г. на белом коне.

[50] *...и сѣде на престолѣ царьстѣмъ...* — Коронация Лжедмитрия состоялась 21 июля 1605 г.

[51] *...благовѣрную царицу иноку Марфу назва себѣ материю...* — В середине июля царицу инокиню Марфу привезли из Выксинской пустыни в село Тайнинское. 17 июля туда же приехал Лжедмитрий, после чего перед многочисленной толпой народа была устроена сцена «встречи матери с сыном», когда Марфа вынуждена была признать в Самозванце своего спасшегося сына. 18 июля царица была привезена в Москву.

[52] *И того Бориса повелѣ от прочих царей... вонъ извергнути... и положенъ бystъ во единомъ от убогих монастырей, нарицаемъ Варсунофиевъ...* — Прах Бориса Годунова был извлечен из Архангельского собора и перенесен в девичий монастырь св. Варсонофия на Сретенке, где и был захоронен на родовом

кладбище Годуновых вместе с телами Федора и Марии.

[53] *Дщеръ же его... повелѣ во иноческий образ облещи...* — Приказав удушить вдову и сына Годунова, Самозванец сохранил жизнь его дочери Ксении, известной своей красотой и образованностью. Он сделал ее своей наложницей, а потом выслал в Белозерские пределы, где она постриглась с именем Ольги в пустыни близ Кириллова монастыря.

[54] *«Ровъ изры, и ископа ú, и впадеся в яму, юже содѣла».* — Пс. 7, 16.

[55] *«...обратися болѣзнъ его на главу его и на верхъ его неправда его сниде».* — Пс. 7, 17.

[56] *И еще же сочетася беззаконному браку...* — 12 ноября 1605 г., будучи в Польше, Лжедмитрий обручился с дочерью сандомирского воеводы Юрия (Ежи) Мнишека, католичкой Мариной Мнишек; 8 мая 1606 г. в Москве без обращения невесты в православную веру состоялось их бракосочетание, и Марина была венчана на царство.

[57] *...и самую ту великую соборную и апостолъскую Церковъ...* — Здесь: Успенский собор.

[58] *...вѣру христианскую до конца искоренити и своя богомерзская папежская уч инити.* — Сохранились послания папы римского к Лжедмитрию I, в которых папа напоминал, что тот уже принял римско-католическую веру и обещал ввести ее в Московском государстве. В ответных посланиях Лжедмитрий I уклонялся от определенных обещаний и высказываний на эту тему.

[59] *И тако злый убиенъ бысть и огнем сожженъ...* — Лжедмитрий был убит 17 мая 1606 г. в ходе мятежа, поднятого против него Василием Шуйским; тело Самозванца после трехдневного надругательства над ним было сожжено в «аде», который он построил сам себе на потеху. Этот «ад» был «потешной» передвижной крепостью, которую Лжедмитрий хотел использовать в войне с татарами.

[60] *Царъствова же годищное время неполно...* — Лжедмитрий царствовал с 21 июля 1605 г. по 17мая 1606 г.

[61] *...боляринъ князъ Василей Иоаннович Шуйской и нареченъ бистъ царемъ...* — Василий Иванович Шуйский был избран на царство 19 мая, а венчался на царство 25 мая 1606 г.

[62] *...понеже мнози начаша называтися тѣм же царъскимъ именованиемъ...* — Имеются в виду появившиеся после Лжедмитрия I многочисленные самозванцы: Лжедмитрий II (Тушинский вор), Лжедмитрий III (Матюшка), «царевич» Петр и др.

[63] *Праща* — древнее боевое ручное оружие для метания камней.

[64] *Патриарх Гермоген* — Партриарх всея Руси Гермоген **(**кир (греч.) - государь, господин**)** родился около 1530 г. - умер 17 февраля 1612 г.; последние годы жизни (с конца 1610 г.) приобрел среди современников популярность главы («столпа») патриотического движения, хотя фактическим организатором его не

являлся. Ставший патриархом при Василии Шуйском и преданно служивший царю до последнего часа его правления, Гермоген после свержения Шуйского первоначально выступил как сторонник русской кандидатуры на престол и даже установил молебны об избрании царя «от корене российского рода». Вынужденный под нажимом «Семибоярщины» признать кандидатуру польского королевича, настаивал на принятии Владиславом православия и добился включения в августовский договор 1610 г. обещания охраны православия. В конце 1610 г., после получения им тайных грамот от «Великого посольства» из-под Смоленска (посланных В. В. Голицыным и Филаретом 30 октября 1610 г.), в которых сообщалось о нарушении Сигизмундом III условий августовского договора и его собственных претензиях на русский престол, о возобновлении им осады Смоленской крепости и особенно после попытки 30 ноября 1610 г. членов боярского правительства склонить Гермогена к принятию присяги Сигизмунду, патриарх перешел к открытым действиям против оккупантов и всенародно выступил в Успенском кремлевском соборе с призывом «королю креста не целовать». С этого времени с Гермогеном устанавливают связь патриоты из поднимавшихся на освободительную борьбу городов (Рязани, Нижнего Новгорода, Владимира) — П. П. Ляпунов, нижегородцы Роман Пахомов и Родион Моисеев. В конце декабря 1610 г. (как свидетельствует А. Гонсевский) появляются первые грамоты-воззвания от имени Гермогена. С 16 января 1611г. боярское правительство, стремясь к изоляции патриарха, устанавливает на его дворе стражу, лишает его дьяков и возможности писать, а впоследствии — и патриаршего сана. Умер Гермоген в заточении, по-видимому голодной смертью.

[65] *И вложи имъ Богъ благий совѣтъ в сердца, еже взяти мощи... царевича князя Димитрия... и принести в царъствующий градъ Москву...* — Составитель Милютинской редакции здесь ошибается (С. Ф. Платонов): инициатива перенесения мощей царевича Димитрия принадлежала Василию Шуйскому, Гермоген же не был участником этих событий, так как к тому времени еще не был поставлен в патриархи, а находился в Казани, куда был сослан осенью 1605 г. Лжедмитрием за требование перекрестить Марину Мнишек из римско-католической веры в православную.

[66] *...на обличение тѣхъ многих лжехристовъ.* — Т. е. «лжецарей», так как ὁ χριστός (греч.) означает «помазанник», т. е. «помазанный на царство», царь.

[67] *...преосвященный Филаретъ, митрополитъ Ростовский и Ярославский...* — Федор Никитич Романов, отец царя Михаила Романова, с 1619 г. — патриарх Всероссийский.

[68] *...иже послѣди... патриархъ бысть во всей Росии...* — Филарет был хиротонисан в патриархи 24 июня 1619 г.

[69] *...и с ним боляре... и многъ чинъ освященный.* — Вместе с Филаретом в Углич были посланы митрополит Астраханский Феодосий и бояре князья Воротынский, Шереметев, Андрей и Григорий Нагие.

[70] *Висс* — растение, служащее красящим веществом; использовался для окрашивания царских одежд.

[71] *...в нейже убиенъ и положен бысть.* — По указанию Следственной комиссии Димитрий был похоронен в той одежде, в которой погиб: в рубахе с пояском,

нижней белой рубашке и красных башмачках.

[72] *...в соборную церковъ... Архистратига Михаила...* — Т. е. в Архангельский собор.

[73] *Ипаки повелѣ царъ празднъство свѣтло сотворити...* — После канонизации Димитрия Угличского было установлено 3 празднования в его память — в дни его рождения (19 октября), смерти (15 мая) и перенесения мощей (3 июня).

[74] *...на памятъ святаго мученика Лукиана...* — 3 июня Православная церковь празднует память двух мучеников — Лукиана Тарсянина и священномученика Лукиана, епископа Бельгийского (I в.).

[75] *Кир* (от греч. κύριος — господин) — титул, употреблявшийся при имени высших духовных лиц.

[76] *...*а *предѣле у Иоанна, списателя Лѣствицы.* — Т. е. в приделе, освященном во имя преподобного Иоанна Синайского, или Лествичника (в литературе время жизни его определяется по-разному: 483—563 гг., 525—606 гг., ок. 579 — после 654 г.), монаха-отшельника, а позднее — игумена Синайского монастыря, автора знаменитой «Лествицы райской» — руководства к иноческой жизни, построенного как путь восхождения по «лестнице» духовного самосовершенствования.

[77] *...именемъ Аверкий, прозвище Богданъ...* — Т. е. помимо основного (крестного) имени человек имел еще одно, мирское, имя (или прозвище) - Богдан, т. е. Богом данный.

[78] *Красное село* — богатое торговое село в окрестностях Москвы, из которого 1 июня 1605 г. началось движение сторонников Лжедмитрия против Федора и Марии Годуновых.

[79] *...Зачатейскаго монастыря...* — Зачатьевский (Зачатия Пресвятой Богородицы) девичий монастырь был основан в Москве, за Пречистенскими воротами, в конце XVI века.

[80] *...Вознесенского монастыря...* — Вознесенский девичий монастырь в Кремле был основан великой княгиней Евдокией Дмитриевной, супругой Дмитрия Донского, в конце XIV в.

[81] *...у Спасского монастыря Новаго...* — Новоспасский (Спасо-Преображенский на Новом) монастырь был основан в 1330 г. в Москве великим князем Иваном Даниловичем Калитой; позднее Иван Грозный перенес его и поставил на новом месте, над Москвой-рекой, на горе Крутице, из-за чего монастырь получил имя Новоспасского.

[82] *...у Георгиевского священника...* — Т. е., по-видимому, у священника московской церкви св. Георгия у Флоровских ворот.

[83] *...яко бесновася онъ...*— Т. е. буйствовал, был подвержен припадкам безумия, будучи душевнобольным.

[84] *Кулишки* — район Москвы, расположенный в восточной части Белого города, по преданию, на месте существовавшего здесь некогда села Кулишки.

[85] *Волосатик* — язва или опухоль, вызываемые, по народному поверью, проникновением под кожу человека тонкого волосообразного червя.

[86] *Светлая неделя* — первая неделя по Пасхе.

[87] *Панихида* — заупокойное богослужение.

[88] *...а понахиды слушали царь Василей...* — Эта запись свидетельствует о том, что большинство чудес царевича Димитрия было записано в царствование Василия Шуйского (был свергнут и насильно пострижен в июле 1610 г.), т. е. до составления самой Милютинской редакции Жития Димитрия.

ПЕРЕВОД

МЕСЯЦА МАЯ В 15-Й ДЕНЬ, НА ПАМЯТЬ ПРЕПОДОБНОГО И БОГОНОСНОГО ОТЦА НАШЕГО ПАХОМИЯ ВЕЛИКОГО. УБИЕНИЕ СВЯТОГО И БЛАГОВЕРНОГО ЦАРЕВИЧА, КНЯЗЯ ДИМИТРИЯ ИОАННОВИЧА, УГЛИЧСКОГО И МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РОССИИ ЧУДОТВОРЦА

Этот благоверный царевич, князь Димитрий, родился от благочестивого царя и великого князя Иоанна Васильевича, всея Руси самодержца, что произошел от корня римского кесаря Августа. Когда же царь Иоанн Васильевич, довольно подержав скипетр Российского государства, от жизни сей в жизнь вечную преставился, этот сын его, царевич Димитрий, остался младенцем — от рождения своего полутора лет. И принимает царство после отца своего старший брат его, благоверный царевич Федор Иоаннович, и начинает как подобает царствовать, особенно же Бога бояться и заповеди его исполнять, ибо еще с юности имел он страх Божий в сердце своем, и всегда склонялся от неправого на правое, и ум свой устремлял к Богу, в житейские же заботы мало вникал. Благоверный же царевич Димитрий недолгое время пробыл на своей родине, в царствующем граде Москве, поскольку брат его, царь Федор Иоаннович, даровал ему, <вместе> с родившей его матерью, в удел город, называемый Углич, чтобы он жил там, в своем владении, и совершилось так.

Был же у царя и великого князя Федора Иоанновича близкий ему сторонник и шурин по имени Борис Годунов, очень смышленый и разумный весьма. И царь, видя остроту ума его и разум, поручил ему всем царством править и обустраивать его, сам же пребывал в непрестанных молитвах и в частом пении псалмов. Тот же Борис стал всем владеть и во всем волю свою творить, а благоверный царевич князь Димитрий Иоаннович пребывал во граде Угличе, терпя многие притеснения и обиды от того Бориса. Искони же ненавидящий род человеческий древний змей, Сатана, который никогда никому не делает добра, но всегда сотворяет зло, надоумил того Бориса, чтобы сверх великой сытости насытиться ему величества и славы, и вложил ему в сердце злую мысль и ненависть, чтобы тот царский корень искоренить и самому сесть на престоле царском. И тогда стал он на него <царевича> <зло> замышлять, как Каин на Авеля, и искать случая, как бы его смерти предать, так как был он вдали от царских глаз. И для этого Борис взял к себе в злодейский союз некоего <человека>, именем Михаила Битяговского, и сына его Данилку и племянника его Никитку Качалова и некую женщину по имени Василиса Волохова, живущую всегда подле благоверного

царевича князя Димитрия Иоанновича, которая была старшей из его боярынь, и других им подобных, которые сами предпочли стяжать себе огонь негасимый. И много ухищрений замышлял он с ними против незлобивого сего отрока, как бы его тайно смерти предать и отравами отравить, обещая им неизменные многие почести и богатство великое, чтобы они эту злую волю его сотворили, — и хотел таким способом это свое желание окончательно осуществить. Ибо хотел он таким своим ухищрением утаиться от всех людей, но из-за опеки матери и близких его <царевича> друзей и доброжелателей, а более — из-за Божественного хранения не смог он этим своим коварством предать его таковой смерти, ибо в то время не подошел еще конец.

Потом же изгнал он весь страх из сердца своего, повелел тем своим преждеупомянутым злым союзникам безо всякого опасения и страха <все> совершить: проклятые руки свои простереть и, как агнца незлобивого, открыто его ножом заколоть, и повелел на всех путях, которые ведут от града Углича к царствующему граду Москве, стражей надежных поставить и с устрашением великим и с угрозами приказать, чтобы никто не был пропущен и не известил об этом царя. Те же проклятые выслушали его с радостью, желая эту краткосрочную славу и честь от него получить, и укрепили между собой этот злой союз и, когда настал час, повелели той преждеупомянутой Василисе, чтобы она повелела кормилице его, то есть мамке, свести его из хором вниз, — ибо знали окаянные, что есть у него обыкновение выходить <из дому> на детские игры. И совершили те окаянные <все> по сказанному: как змея со змеей, пошептавшись, сговорились вместе будто на птенца голубиного, хотя тайно его погубить; эти же жестокие кровопийцы готовы были на пролитие той неповинной крови, и набросились на него, как волки безжалостные, и совершили то ужасное дело: посреди двора его один из них взял его за шею и перерезал ему горло.

Мать же его, благочестивая царица Мария, во внутренних своих покоях сидя, ничего того не ведала, только вдруг услышала и увидела то совершенное дело страшное, быстро сбежала вниз и увидела сына своего, как агнца незлобивого, зарезанного и мертвым на земле лежащего, и кровь его льющуюся, и закричала изо всех своих сил, и испустила горький вздох из глубины своего сердца, и забыла стыд и то, что по чину <пристало> женщине, и стала бить себя в грудь и голосить громко и горестные речи выкрикивать. Какие-то <люди> начали бить в колокола, горожане же, мужчины и женщины, вплоть до малых детей, услышав внезапный шум и звон у двора ее, все быстро сбежались на звон тот и вопли ее — и, увидев этого благоверного царевича князя Димитрия зарезанным, тоже все возопили громким голосом из глубины сердца и закричали: «Горе, горе, увы, увы нам, государя своего великого лишившимся!», и, в грудь себя бия, друг другу говорили: «Сегодня лишились мы все надежды нашей!» И были во граде Угличе вопль и плачь и рыдание великое.

Те же окаянные губители, что кровопролитие совершили, это нечеловеческое дело жестокое, все разбежались неверными путями: каждый куда-то устремился, — не знали окаянные, куда бежать, ибо ослепила их праведная и неповинная кровь незлобивого агнца, непорочной души, — и были они взяты горожанами и побиты, и так мучительно скверные души свои извергли, ибо и в нынешнем веке приняли они злую смерть, <что же получат они> в будущем веке, то знает праведный Судия, который воздаст каждому по делам его.

Вестники же побежали к боярину Борису с этой страшной вестью и, прибежав, сказали, что желание <его> исполнилось. Он же, услышав это, обрадовался, будто от истинного врага и супостата избавился, однако объял его сердце трепет и страх, и не ведал он, что же будет, ибо совершилось дело злое. И повелел он

сказать царю и великому князю Федору Иоанновичу ложно, а не истинно, будто брат его сам себя заколол во время детской игры. И, услышав это, царь стал скорбеть в великой печали об утрате брата своего, а более — о нелепой его смерти, ибо думал, будто вправду так <все> и совершилось, и, вздохнув из глубины своего сердца, пролил из очей своих обильные слезы и речи произнес, исполненные многой жалости. И потом захотел он сам отправиться в путь и идти ко граду Угличу, чтобы увидеть своими глазами тело брата своего и похоронить его достойно, как то подобает. Тот же Борис, боясь людского восстания и царского взгляда, сам себя укорял в своей совести, да не попадется в свои же сети и не лишится жестоко жизни своей; однако так и не избежал он <того>, не исхитрился никаким своим измышлением, ни многим своим разумом, ни смышленностью, ибо кровь праведника вопиять будет к Богу, как Авелева <кровь> на Каина, пока не придет его час. Так тот <Борис> все то же творил и помышлял во уме своем, ибо терпелив и многомилостив Бог ко всем согрешающим: часто и зло попускает, и не дает отмщения, всегда ожидая исправления и покаяния или поминая некое дело благое, как глаголет великий Феодорит: «Терпит же и злого человека Человеколюбец Бог, поминая его благодеяния». Когда же сошел на него гнев, посланный Богом за кровь праведника, тогда ничего не успел он, так и лишился с позором жизни своей, и род его весь сгинул и искоренился, как впоследствии об этом будет сказано. Мы же продолжим теперь нашу повесть.

И увидев царя, пребывающего в великой скорби и печали о брате своем и хотящего идти ко граду Угличу, — а случилось тогда царю и великому князю Федору Иоанновичу быть в <церкви> Святой и Живоначальной Троицы в обители преподобного Сергия Чудотворца по случаю празднования Пятидесятницы, — тот Борис замыслил иную крамолу и беду великую, чтобы отвести от царя эту мысль, чтобы не пойти ему ко граду Угличу и не погрести тело брата своего: и повелел он в царствующем граде Москве многие дворы поджечь, чтобы повернуть царя и всех людей на иную мысль. Царь же, услышав о том, что сгорели дома, опечалился очень и недоумевал, куда же ему идти. Он же, видя царя в сомнении, стал так увещевать его разными лживыми словами и коварным советом, что, мол, никакой помощи и избавления душе брата его не будет, если он сам пойдет <туда>, но будет только ему самому еще больше сетования и скорби, когда увидит брата своего, такой <смертью> умершего. И еще сказал ему, что еще большее разорение и погибель будет самому царствующему граду Москве, если он не вернется в нее, и советовал царю, чтобы без него погребен был брат его, благоверный царевич князь Димитрий.

Царь же был благоговеен и благоутробен и беззлобив до конца, ибо написано: «Беззлобивая душа всякому слову верит», — так и этот государь на того Бориса очень положился и во всем его слушал, и во всем веру к нему имел. И сделал царь все так, послушал слов его: посылает он от своего лица некоего своего верного боярина, именем князя Василия Ивановича Шуйского, для того, чтобы узнать всю правду, и повелел тому Борису выбрать и других из бояр и из священнического чина, чтобы посланы были они в Углич погрести брата его. Борис же избирает своего единомышленника, именем Андрея Клешнина, и иных ему подобных и угодных ему, и многих от священнического чина, и также обещает им честь и богатства много, и наказывает им сказать царю и всем людям так, как это ему угодно. Они же, слыша от него те слова его, — одни прельщаются, другие же из-за страха обещают ему все так совершить, как им было сказано. И закрепляет он с ними крепкими клятвами тот договор, чтобы все непреложно совершить по сказанному, — и приводит их к царю. Царь же посылает их, чтобы пошли они и достоверно разузнали о смерти брата его, — как и каким образом эта смерть

случилась, — и чтобы погребли <его> достойно, как подобает царскому чину. Сам же царь пошел к царствующему граду Москве.

Тот же Борис, будучи очень коварен и зная, что совесть его <нечиста>, увидев тех людей, у которых сгорели дома и много имущества, в скорби и великой печали пребывающих, повелел давать им серебра вдесятеро больше того их ущерба и разорения, чтобы не было у них скорби и печали великой о своих домах и о своем имуществе, чтобы не было снова мятежа и ропота в городе и чтобы отвести от них всякую мысль о царевиче Димитрии. Затем преждеупомянутые бояре, князь Василий Иванович Шуйский и единомышленник Борисов Андрей Клешнин и другие, посланные с ними, пришли в Углич и увидели тело того нового <страстотерпца, принявшего> венец <мученический>, царевича Димитрия таким, как я и прежде сказал, — закланным, как агнец; мать же его над ним стояла, как горлица, убиваясь и горько от скорбной своей утробы воздыхая, плача о вдовстве своем и о бездетности своей, будто реку слез из очей испуская, не имея в тот час себе помощника и заступника, на единого только Бога взирая и всю надежду на него возлагая; и весь народ града Углича так же стенал и рыдал.

Тот же Андрей, притворно бранясь, начал расспрашивать угличан, как был заколот благоверный царевич князь Димитрий, — <притворно>, поскольку всю тайну того Бориса знал, ибо вместе с ним был убийцей. Горожане же сказали всю правду. Благоверный же боярин князь Василий Шуйский стоял молча, боясь Бориса, и только слезы проливал, видя тело благоверного царевича князя Димитрия, вспоминая про себя благодеяние и милосердие отца его царя Иоанна; и все люди также стенали и рыдали в сердце своем, но не смели ничего сотворить этому Андрею из-за страха перед Борисом. И после того был погребен благоверный царевич князь Димитрий там, в своем городе Угличе, в храме боголепного Преображения Господа нашего Иисуса Христа.

Все же эти <люди>, посланные от царя, придя в царствующий град Москву, сказали царю так, как угодно было Борису, и царь еще многие дни пребывал в печали, очень скорбя о брате своем; жители же города того Углича также много дней плакали и сетовали. Заклан же был незлобивый агнец благоверный царевич князь Димитрий Иоаннович в лето семь тысяч девяносто девятого (1591) года, мая в 15-й день, на память преподобного и богоносного отца нашего Пахомия Великого, а от рождения своего в 9-е лето; и так тою жестокою и беззаконною смертью скончался, вернее же взошел ко Христу, радуясь, и принял с мучениками радование и с ангелами ликование.

О явлении благоверного царевича князя Димитрия Иоанновича Угличского и Московского старцу Тихону и об отмщении крови его

Но тому Борису для насыщения не было довольно даже такого дела — убить неповинного сего незлобивого отрока, благоверного царевича князя Димитрия, — и, получив <исполнение> своего желания, повелел он и мать его, благоверную царицу Марию, насильно и с великим бесчестием в иноческий образ облечь, и была она наречена во инокинях Марфа. И повелел он заточить ее в место бедное и горестное, едва достижимое для людей, — где-то в Белозерских пределах небольшой монастырь, называемый Николы Чудотворца на Выксе, — и приставил к ней жестоких и немилостивых стражей и надзирателей, и повелел стеречь ее в строжайшем заточении, и повелел, чтобы ни в коем случае не было ни входа, ни выхода от нее никому кроме тех злых надзирателей его, и пищу ей повелел давать в строго ограниченном количестве, как осужденной, и иные многие обиды и оскорбления наносил, о которых и написать нельзя. И пробыла она в таком заточении и притеснении пятнадцать лет и более, до тех пор, пока и сам тот

Борис не сгинул. А ему еще и того недовольно было: сам на себя в третий раз воздвиг гнев Божий и, с гневом борясь, душу свою погубляя и сердцем своим жестоко разъяряясь, повелел у многих лучших жителей Углича, которые были поборниками благоверного царевича князя Димитрия, взять дома их и имущество, а самих их с женами и с чадами их разослать в дальние города. И был в граде Угличе второй плач и рыдание великое — каждый видел свое разлучение с родными и близкими и лишение имущества.

И в лето семьтысяч сто шестое (1598), января в седьмой день, в восьмое лето по убиении благоверного царевича князя Димитрия Иоанновича, случилось Божиими судьбами, которые лишь Ему самому ведомы, благоверному царю и великому князю всея России Федору Иоанновичу от земного царствия к Небесному переселиться, — и приемлет престол Российского государства тот преждеупомянутый Борис Годунов, убийца царевича князя Димитрия Иоанновича. И начал он царствовать и все земные дела хорошо и разумно устраивать, одно только неподобающее дело совершая: начал он многих неповинных кровь проливать, а иных в заточение отсылать. И царствовал он шесть лет и полгода, — не вершил суд, сказать <воистину>, не царствовал, но постоянно в болезни пребывал, как Каин после убийства брата, будучи совестью изнутри обличаем и словно копьем пронзаем. Ибо слышал он, что от нового сего Богом возлюбленного, <мученический> венец <принявшего страдальца> благоверного царевича князя Димитрия начали знамения и чудеса бывать, и таил он их в сердце своем, словно светильник скрывал в некоем здании и под спудом его ставил, не вспомнив слова Господни о том, что «не может град укрыться, на верху горы стоя», а всем сообщавшим <о чудесах> запретил это <под страхом> смерти, чтобы не стало известно о знамениях и чудесах его. И не захотел он покаяния перед ним принести, ни прощения от него получить, и был он впоследствии за таковую гордость жестоко гневом Божиим покаран, и весь род его также погибает и искореняется, — как и каким же образом, расскажем вкратце.

Захотел Бог распространить на небесах и на земле весть об убиении неповинного создания своего и кровь его отомстить, а всем творящим подобное знак подать, чтобы наставились они таковог не совершать.

В одиннадцатое лето по убиении своем явился благоверный царевич князь Димитрий некоему из почтенных старцев, живущих там, в городе Угличе, по имени Тихон, и сказал ему так: «Некто назовется у вас именем моим царским, сыном отца моего, благоверного царя и великого князя всея России Иоанна Васильевича, и сядет на престоле царском Российского государства, и того властолюбца и губителя моего Бориса с престола свергнет и царства лишит, и весь род его погубит; и сам тот ложно назвавшийся <именем моим> недолго будет царствовать, но жестоко жизни своей лишится и убиен будет; и иные же последуют ему и так же позорно закончат <путь свой>». И впоследствии все это сбылось по словам богоизбранного сего венценосца.

Было же это из-за грехов наших и всяческих неправд по отношению к Богу, за что он и наказал нас, чтобы исполняли заповеди его и отвратились от всех грехов своих, и допустил <пришествие> на нас за беззаконие наше как бы нового Юлиана Отступника или, вернее сказать, <попустил это> для отмщения неповинной сей крови праведника. Ибо был некто из града Галича, из обычного рода, зовомый Юшка Отрепьев, — облекся он во иноческий образ и был наречен Григорием, и был поставлен во диаконский чин, но затем, по действу диавольскому, забыл обет иноческий и сложил с себя иноческий образ, и, пойдя в Литву, назвался там сыном благоверного царя и великого князя всея России

Иоанна Васильевича, преждереченным царевичем князем Димитрием, которого, как доподлинно <известно>, убил тот преждереченный Борис, — и всем это ведомо и известно. И измыслил хитро и очень коварно тот расстрига, будто был он избавлен и спасен от того раба своего Бориса и будто бы бежал из своего отечества, из Русской земли. Король же литовский и многие вельможи его поверили в его ложь и думали, что он — истинный царский сын князь Димитрий, и воздали ему честь великую, как и подобает, а затем — золота и серебра <дали> немало, чтобы собрал он людей многих и пошел ратью на свое отечество, к царствующему граду Москве, и отомстил как своему врагу и губителю преждепоминаемому Борису; и совершилось так.

И сначала пришел он к пределам Русской земли с северной стороны, к городу Чернигову, и там обманул весь город, и села, и деревни, и все поверили ему и покорились. И когда был он еще далеко от царствующего града Москвы, услышал Борис о таком смятении и прельщении от него в тех городах и о потрясениях во всей Русской земле, и ужаснулся очень в сердце своем, и впал во уме своем в скорбь и печаль великую, видя, что царство его у него будет отнято, — и из-за такой своей беды вскоре лишается он жизни своей, и внезапно душу свою испускает, и так уходит из жизни сей.

Тот же окаянный расстрига, услышав, что Борис умер, обрадовался весьма злохитрою своей душою и злоумышленным своим сердцем, что желание его наконец может сбыться. Воеводы же и воины все, что были посланы против него от царя Бориса, услышав о Борисовой смерти, и, считая его царским сыном, а еще рассудив про себя, что Борис сам себя лишил жизни из-за страха и стыда, все сдались ему в плен и покорились. Он же, окаянный, как невзнузданный конь, дерзко устремился к самому царствующему граду Москве, и никто ему не воспрепятствовал. И когда еще не дошел он до града Москвы, послал перед собой своих сторонников и повелел втайне Борисова сына и жену его позорной и жестокой смерти предать, — веревкой удавить, чтобы не случилась с ним какая-нибудь остановка и не стала укорять его совесть, если оставит их в живых. И так пришел он к царствующему граду Москве, и так же все, упав <на колени>, поклонились ему как истинному цареву сыну Димитрию. Многие же знали его, что не царский он сын, а сосуд диавольский Гришка Отрепьев, но не смели ничего ему сотворить, так как были перед глазами их страх и смерть. И взял он скипетр великого государства, и сел на престоле царском, и мать благоверного царевича князя Димитрия, благоверную царицу инокиню Марфу, назвал своей матерью, будто она — настоящая его мать. И того Бориса повелел он от остальных царей, с которыми тот был положен в соборной церкви Архистратига Михаила, вон извергнуть; и был он вынесен с последним бесчестием и поношением и положен в одном из убогих монастырей, нарицаемом Варсонофиев, в том же царствующем граде Москве. Дочь же его, знатную и красивую весьма, повелел во иноческий образ облечь, а весь род и племя его рассеять: одних повелел смерти предать, других же в заточение отослать, а дома и богатство их повелел отдать на расхищение и раздать, кому что захочется. И сбылось сказанное: «Ров вырыл, и выкопал его, и упал в яму, которую сам сотворил»; и «обратилась болезнь его на главу его, и на главу его неправда его сошла».

И после этого начал царствовать окаянный расстрига и много крови пролил напрасно за свое ложное именование. Еще же сочетался он беззаконным браком: привел себе жену от католической веры; ибо, когда был он еще там в Литве, дал обет сатанинский отцу ее и ей, что возьмет ее за себя <замуж>, когда будет на престоле царском Российского государства, и за то взял у них окаянный много золота и серебра, чтобы собрать тех воинов. И так привел ее, и не крестил ее

святым крещением, и так венчался с нею, и саму ту великую соборную и апостольскую Церковь осквернил недостойным входом своим и венчанием.

И после того начал помышлять окаянный последнее зло на православную христианскую веру, чтобы великое множество — от вельмож и до простых людей — погубить и веру христианскую вконец искоренить и свою богомерзкую католическую веру учинить. Всемилостивый же Господь и Бог наш не до конца отнял милость свою и не прогневался вовеки, не позволил ему совершить это злое дело до конца — и прекратил вскоре жизнь того окаянного, ибо был он узнан и обличен всеми, что не царев он сын, но сосуд диавольский и сын сатанинский, чернец-расстрига Гришка Отрепьев. И так был убит он, нечестивый, и сожжен огнем, который сам себе уготовил. Царствовал же он неполный год, как и сказал новый святой мученик благоверный царевич князь Димитрий в своем явлении преждереченному старцу Тихону. Богу нашему слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

О перенесении мощей благоверного царевича князя Димитрия из града Углича в царствующий град Москву

Вскоре же после того преждеупомянутого проклятого Гришки-расстриги был избран на царство от всего христианского народа и наречен царем благочестивый боярин, князь Василий Иванович Шуйский, который много пострадал от тех растленных царей, а вернее сказать, антихристовых детей, ибо многие начали называться тем царским именем и нанесли великий и безмерный урон всему великому Российскому государству, сами же, окаянные, плохо окончили <путь свой>, как мы уже прежде сказали; он же как столп непоколебим стоял, словно пращей коварных волков от Христова стада, от православной веры <их> отогнал; был с ним тогда и святейший патриарх Московский и всея Руси Гермоген, держал он тогда престол над всей Россией и так же с великой ревностью подвизался за православную веру, и был поборником Святого Духа, и единою душой с ним стоял.

И вложил им Бог в сердца благой совет: взять из града Углича мощи нового сего страстотерпца, благоверного царевича князя Димитрия Иоанновича, и принести в царствующий град Москву — во славу и хвалу отечеству его и на укрепление граду Москве от нашествия иноплеменников, и на обличение многочисленных лжехристов; и свершилось так. По повелению и решению их был послан преосвященный Филарет, митрополит Ростовский и Ярославский, который впоследствии благодатию Святого Духа стал и самим патриархом всей России, и с ним бояре, и архиепископы, и епископы, и многие от священнического чина. И когда пришли они в город Углич и вошли в церковь, где лежит тело этого нового страдальца, и открыли гроб его, — и в тот же час стало исходить от него благоухание, как от священных ароматов. И обрели мощи его целыми и нетленными, словно сегодня положенными, только малая часть взята была от пальца руки его, ибо свойственно земле взять свое родное; также и одежды его все целы и нетленны, а сорочка его, словно виссом, кровью обагрена, в которой он был убит и положен. И в тот же час начали великие чудеса совершаться и многие <болящие> различными недугами исцелялись, как рассказывают.

И так взяли мощи его со многою честью и благоговением и пошли к царствующему граду Москве. И когда были принесены мощи его к самому царствующему граду Москве, тогда услышал <об этом> благочестивый царь Василий и обрадовался великой радостью, что в его правление прославил Бог угодника своего, и вышел на встречу его со всем своим царским синклитом, и святейший патриарх Гермоген со всем освященным собором, и с матерью его,

благоверной царицей инокиней Марфой, и со множеством народа, и с честными иконами, и со свечами и лампадами, и встретили его со многою честию и приняли с радостью. И повелели царь и патриарх нести <его> внутрь самого града Москвы, в соборную церковь воеводы Небесных сил Архистратига Михаила, которую можно видеть и ныне близ царского двора; и повелел царь в том же храме Архистратига Михаила приготовить и украсить ковчег; когда же патриарх отслужил над мощами праведника все положенные <службы>, повелел царь вложить мощи святого в ковчег и покрыть их царскими багряницами, а вокруг свечи и лампады поставить.

И когда были принесены честные мощи, тогда в те дни снова многие чудеса совершились, и многие от различных недугов исцелились, — так что многие были тому свидетелями. И еще повелел царь устроить празднество светлое и сложить торжественное песнопение во славу и хвалу дающему благодать Богу и на память сему новому праведному венценосцу, благоверному царевичу князю Димитрию. Принесены же были мощи его из града Углича в царствующий град Москву в лето 7114-е (1606) июня в 3-й день, на память святого мученика Лукиана, а по убиении его в 15-е лето.

А это по-проложному. В тот же день. Убиение благоверного царевича князя Димитрия, Угличского и Московского и всея России нового чудотворца

Сей благоверный царевич, князь Димитрий Иоаннович, родился от благочестивого корня, царя и великого князя всея Руси Иоанна Васильевича. И когда царь Иоанн Васильевич, подержав долгие годы скипетр Российского государства, от сего жития в жизнь вечную преставился, этот сын его, царевич князь Димитрий, остался младенцем, от рождения своего полутора лет; и по действу диавольскому, повелением некоего <человека> из их царского синклита, по имени Борис Годунов, был он из-за властолюбия и зависти убит в удельном своем городе Угличе в лето 7099-е <1591>, мая в 15-й день, на память преподобного отца нашего Пахомия Великого, а от рождения своего в 9-е лето, — был заколот ножом и погребен в том же удельном своем городе Угличе, во храме боголепного Преображения Господа нашего Иисуса Христа. И так такою жестокой неподобающей смертью скончался и взошел ко Христу, радуясь, приняв с мучениками радование и с ангелами ликование. И в 15-е лето по убиении его повелением и советом благочестивого царя и великого князя Василия и кир патриарха Гермогена были принесены мощи его от града Углича в царствующий град Москву, целы и нетленны, в лето 7114-е (1606), июня в 3-й день, на память святого мученика Лукиана, и были положены в соборной церкви Архистратига Михаила, которую и ныне можно видеть близ царского двора. И когда мощи были принесены, тогда в те дни многие от различных недугов исцелились о Христе Иисусе, Господе нашем, которому слава со Отцом и со Святым Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Лета 7114 (1606)-го, июня в 3-й день

Принесены в Москву из Углича мощи святого благоверного царевича Димитрия. И поставили мощи его в церкви Архистратига Божия и служителя Архангела Михаила на малой скамье, посреди церкви, и патриарх Гермоген начал служить заупокойную службу, и отслужили ее, и выкопали могилу там, где был положен царь Борис, в приделе Иоанна Лествичника. И в это время по государеву повелению начали резать гроб каменный, чтобы положить мощи святого благоверного царевича Димитрия, и сделали гроб каменный, и понесли в церковь, и тот гроб оказался короток. И царь Василий и патриарх Гермоген стали о том скорбеть и поносить подмастерия Василия, то есть стали бранить его, и повелели

высечь второй гроб каменный по той мере, что была снята с благоверного царевича Димитрия, — и тот каменный гроб оказался слишком длинным, и царь Василий и патриарх Гермоген опечалились очень и сняли меру с царевича Димитрия, измерив сами. И благословил патриарх Гермоген своею рукою — и тот третий гроб стал четырехугольным, а могила, что выкопали благоверному царевичу Димитрию, чтобы погрести мощи его, в это время сама собою засыпалась. И, увидев это чудо великое, царь Василий и патриарх Гермоген предались плачу великому, и стали служить молебен, и поставили гроб с мощами святого благоверного царевича Димитрия в церкви Архангела Михаила у правого столпа; и совершились великие чудеса.

Чудо 1. В тот же месяц, на следующее утро, в 4-й день, стали служить Божественную литургию, и помолилась слепая женщина по имени Агафья, была она одержима слепотою 20 лет, — и молитвами святого благоверного царевича Димитрия прозрела в тот же час, и стала здорова. И возвестили об этом чуде царю Василию, и царь Василий сверх того сам расспросил ту женщину, и поведала та женщина правду, что прозрела она молитвами святого благоверного царевича Димитрия.

Чудо 2. Дьякон по имени Григорий поведал предстоящим гробу святого, которые приставлены ко гробу царевича Димитрия, и протопопу, и всему Архангельскому собору: болела у него нога полгода, и судорогой ее свело; и услышал он, что святой благоверный царевич Димитрий подает исцеления приходящим к нему с верою, — пришел ко гробу его и начал молиться, чтобы Божией милостию и молитвами святого благоверного царевича Димитрия исцелела у него нога, — и в тот же час молитвами святого благоверного царевича Димитрия нога его исцелилась.

Чудо 3. Человек некий по имени Аверкий, по прозвищу Богдан, поведал об исцелении от святого благоверного царевича Димитрия: болели у него, Аверкия, 15 лет глаза, совсем не видел света <белого>, и пришел он помолиться в церковь Архангела Михаила, и из-за множества народа и тесноты не смог он подойти ко гробу святого и встал вдалеке от гроба, молясь Богу и призывая на помощь благоверного царевича Димитрия, — и в тот же час прозрел и прославил Бога и святого благоверного царевича Димитрия.

Чудо4. Монахиня некая по имени Аполлинария была одержима страшною болезнью: покрылись ноги ее ужасными гнойными язвами, — и услышала она, что благоверный царевич Димитрий подает исцеления, и в котором часу помолилась, прийдя ко гробу царевича Димитрия, в том же часу и исцелилась.

Чудо 5. Человек некий, — назвался родом из Красного села, по имени Григорий Власов, — был одержим страшным недугом, бесновался; и привели его родные ко гробу святого благоверного царевича Димитрия, и простоял тот человек у гроба святого царевича Димитрия ночь и следующий день до вечерни, неистовствуя и выкрикивая дурные скверные слова. После же вечерни Божией милостию и молитвами святого благоверного царевича Димитрия стал он здоров и молился в полном разуме, и рассказал, что молитвами святого царевича Димитрия он совершенно исцелился.

Чудо 6. Некая женщина, — назвала имя свое, Акулина, жена Леонтия Пенкина, а жила в Пушкарской <слободе>, — и рассказала о себе, что болели у нее долгое время глаза, и стала она слепа. И привели ее ко гробу святого царевича Димитрия, — и в тот же час молитвами святого благоверного царевича Димитрия она прозрела и исцелилась от всех болезней.

Чудо 7. Некая женщина, — назвала имя свое, Мария, — была она долгое время слепа на один глаз, и привели ее ко гробу святого благоверного царевича Димитрия, — и в тот же час молитвами святого благоверного царевича Димитрия она совершенно выздоровела.

Чудо 8. Некая девица, — назвала имя свое, Анна, а жила она на Покровке, у горшечника, — и поведала она о себе: было у нее на правом глазу бельмо, и слышала она от странствующих людей, приходящих с верою, что получают они исцеления от различных болезней молитвами святого благоверного царевича Димитрия. И пришла и та девица помолиться ко гробу святого царевича Димитрия, — и в тот же час бельмо у нее с глаза сошло, и стала она здорова.

Чудо 9. Некая женщина, — назвала имя свое, Антонида, родом из Галицкого уезда, — рассказала, что болели у нее внутренности 20 лет, и раздала она врачам все свое имущество, но все же не получила никакой пользы. И услышала она, что по молитвам святого царевича Димитрия приходящие получают от его мощей исцеление от различных болезней, — и пришла к нему, и помолилась, — и в тот же час стала здорова.

Чудо 10. Некая инокиня, — назвала имя свое, Маремьяна Извекова, из Зачатьевского монастыря, — рассказала о себе: болели у нее глаза 2 года, и пришла она помолиться к царевичеву гробу, — и в тот же час прозрела молитвами святого благоверного царевича Димитрия.

Чудо 11. Некая женщина, — назвала имя свое, Феодосия, — болели у нее глаза 15 лет, и в голове у нее была сильная ломота. И как только пришла она ко гробу святого благоверного царевича Димитрия и вытерла глаза и голову покровом с мощей святого царевича Димитрия, — и в тот же час исцелилась молитвами его.

Чудо 12. Некая женщина, — назвала имя свое, Фекла, — была она долгое время слепа и, прийдя помолиться ко гробу святого царевича Димитрия, приложилась к мощам его, — и в тот же час прозрел у нее один глаз молитвами святого благоверного царевича Димитрия.

Чудо 13. Некая девица, — назвала имя свое, Мавра, — была она слепа полтора года, и привели ее ко гробу святого благоверного царевича Димитрия, — и в тот же час прозрела она молитвами его.

Чудо 14. Некий человек, — поведал имя свое, Симеон Стефанов, сторож Вознесенского монастыря, — был он одержим страшною болезнью: лежал, парализованный, полгода. И пришло ему на ум: попасть бы ко гробу святого царевича Димитрия, — и пошел он с большим трудом, и претерпел тесноту от множества народа, и топтание ногами с благодарностью воспринял. И заночевал он у гроба святого царевича Димитрия, и уснул немного, — и увидел во сне явление: пришел к нему юный отрок в светлой одежде и повелел ему грозно: «Встань, что сидишь!», — и пробудился он ото сна, и ужаснулся очень, и объял его страх. И с того часа почувствовал он в себе силу, а болезнь забыл. И, встав, пришел ко гробу святого царевича Димитрия и был совершенно здоров молитвами его.

Чудо 15. Некая женщина, — назвала имя свое, Евдокия, — болели у нее глаза 4 года и 10 недель, и привели ее ко гробу святого царевича Димитрия, — и прозрела она молитвами его.

Чудо 16. Некая женщина, вдова, — поведала имя свое, Мавра, а жила она у Новоспасского монастыря, в слободе, что на Крутицах, — не видела она света <белого> из-за ослепления и очень скорбела, думала, что и умрет от той болезни.

И привели ее ко гробу святого царевича Димитрия, — и молитвами его прозрела она в тот же час, благодаря Бога и святого благоверного царевича Димитрия.

Чудо 17. Некая женщина поведала о чуде святого царевича Димитрия: не видела она одним глазом 20 лет, и привели ее ко гробу святого царевича Димитрия <сказала только, что она — жена Ивана Мясоедова, а имени своего не сказала>, — и в который час привели ее ко гробу святого, в тот же час и прозрела она молитвами его, и благодарила Бога и святого царевича Димитрия, и была здорова.

Чудо 18. Некая девица, — назвала имя свое, Анна, и сказала, что живет в Москве, у священника Георгиевской церкви Василия, — на 4-м году жизни заболела у нее нога, и долгое время страдала она от этого. И привели ее ко гробу святого царевича Димитрия, — и в тот же час она исцелилась и выздоровела от той болезни молитвами святого благоверного царевича Димитрия.

Чудо 19. Некая женщина, — назвала имя свое, Ирина, — была слепа 7 лет и прозрела молитвами благоверного царевича Димитрия у гроба его.

Чудо 20. Некая женщина, — назвала имя свое, Мавра, — была она глуха долгое время, и помолилась ко Господу Богу и святому благоверному царевичу Димитрию у гроба его, — и в тот же час получила исцеление, и начала слышать по-прежнему.

Чудо 21. Некая женщина, — назвала имя свое, Агафия, и рассказала о себе: была она слепа долгое время, и пришла ко гробу святого царевича Димитрия, и помолилась, — и в тот же час исцелилась молитвами его, прозрела совершенно.

Чудо 22. Некая женщина, — поведала имя свое, Марфа, жена Василия Белугина, — не видела она из-за слепоты 15 лет, — и у гроба святого царевича Димитрия прозрела молитвами его.

Чудо 23. Некая девица, — назвала имя свое, Евфимия, и рассказала о себе, что была она слепа 2 года, — и у гроба святого царевича Димитрия прозрела молитвами его.

Чудо 24. Некий человек, именем Онуфрий, рассказал, что он 10 лет бесновался и жестоко пострадал от той болезни, и помолился у гроба святого царевича Димитрия, — и исцелился молитвами его.

Чудо 25. Некая девица, — назвала имя свое, Анна, а о житье своем рассказала: живет на Кулижках у посадского человека Иакова; не видела она долгое время, и помолилась Господу Богу, предстоя у гроба святого царевича Димитрия, и помолилась святому царевичу Димитрию, — и в тот же час прозрела молитвами его.

Чудо 26. Некий отрок, — назвал имя свое, Симеон, Дмитриев сын, — не видел он левым глазом, — и у гроба святого царевича Димитрия прозрел молитвами его.

Чудо 27. Некая инокиня, — назвала имя свое, Ульяния, а жила она в Зачатьевском монастыре, не видела она 10 лет, — и у гроба святого царевича Димитрия прозрела молитвами его и <стала> видеть совершенно.

Чудо 28. Некая женщина, — назвала имя свое, Ирина, а о житье своем сказала — у дома Тимофея Витовта, — болела у нее левая нога 2 года, — и от гроба святого царевича Димитрия она и исцеление получила, и стала здорова.

Чудо 29. Некая женщина, — назвала имя свое, Евдокия, а муж ее именем Исидор, — болели у нее глаза 2 года, и явилась она ко гробу святого царевича Димитрия,

— и исцелилась молитвами его.

Чудо 30. Поведал о чуде святого царевича Димитрия отрок по имени Иоанн, будучи приведен ко гробу святого своей матерью, а мать его по имени Агафья. Тот отрок Иоанн в возрасте 10 лет пострадал от болезни ног, а болела у него левая нога, и ходил он на деревянной ноге, и изнемог очень, и звали его люди расслабленным. И принесли его ко гробу святого царевича Димитрия, — и молитвами его он исцелился, и нога его стала крепкой, как и другая.

Чудо 31. Некая инокиня, — назвала имя свое, Александра, а о житье своем сказала, что живет в Зачатьевском монастыре, — болел у нее глаз 2 года, и пришла она ко гробу святого царевича Димитрия, и помолилась, — и исцелился глаз ее молитвами его и стал таким же, как и здоровый.

Чудо 32. Некая женщина, — назвала имя свое, Ирина, из Юрьево-Польского уезда, — не видела она правым глазом 7 лет, — и у гроба святого царевича Димитрия прозрела.

Чудо 33. Некая женщина, — назвала имя свое, Мария, — не видела она света <белого> 5 лет, — и в который час пришла ко гробу святого царевича Димитрия, в тот же час и прозрела молитвами его.

Чудо 34. Некий человек, родом арап, — назвал имя свое, данное ему во крещении, Матвей; была у него на руке 3 года страшная язва, волосатик, и пришел он помолиться ко гробу святого царевича Димитрия, — и в тот же час исцелилась у него <язва> молитвами святого, и стал он здоров.

Чудо 35. Некая женщина, вдова, — назвала имя свое, Киликия, родом из Новгорода; так как была она одержима недугом беснования, пришла она помолиться, — и исцелилась молитвами святого благоверного царевича Димитрия у гроба его.

Чудо 36. Некоего человека по имени Иоанн привели, слепого, ко гробу святого царевича Димитрия, а был он одержим слепотою 3 года, — и прозрел он молитвами святого благоверного царевича Димитрия, и стал здрав.

Чудо 37. Некая девица, — назвала имя свое, Ксения, — напал на нее великий страх и ужас по наущению дьявольскому, и держал ее этот страх от Светлой недели и немалое время. И пришла она помолиться ко гробу святого царевича Димитрия, — и молитвами его отошел от нее страх.

Чудо 38. Некая женщина, — назвала имя свое, Анна, сказала, что живет на Никитской улице, а муж ее — по имени Василий; была она слепа долгое время, — и прозрела у гроба святого царевича Димитрия молитвами его.

Чудо 39. Некая вдова, — назвала имя свое, Ксения, а живет, сказала, за Москвою-рекой, — и болели у нее 6 лет внутренности, да год болела у нее нога; и привели ее ко гробу святого царевича Димитрия, — и исцелилась она в тот же час молитвами его от обеих болезней.

Чудо 40. Некая женщина, — назвала имя свое, Евфимия, — болела она болезнью внутренностей 8 лет, — и исцелилась у гроба святого царевича Димитрия молитвами его.

Чудо 41. Некая женщина, — назвала имя свое, Мария, — болели у нее глаза 30 лет; и привели ее ко гробу святого царевича Димитрия, — и прозрела она в тот же час молитвами его; а в это время служили панихиду по государю царю и великому князю всея Руси Феодору Иоанновичу, а панихиду слушали царь

Василий и весь освященный собор.

Чудо 42. Некая женщина, вдова, — назвала имя свое, Анна, а живет, сказала, в Старицком уезде; не видела она левым глазом долгое время, а у гроба святого царевича Димитрия прозрела молитвами его и исцеление получила о Христе Иисусе, Господе нашем, которому слава со Отцем и со Святым Духом ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Писание о преставлении и погребении Михаила Скопина-Шуйского

Подготовка текста, перевод и комментарии Н. С. Демковой

ВСТУПЛЕНИЕ

Михаил Васильевич Скопин-Шуйский (1587-1610) происходил из рода суздальских князей Шуйских, ведущих свое начало от легендарного Рюрика. Отец его В. Ф. Скопин-Шуйский (ум. в 1595 г.) был boярином Ивана Грозного, вместе с И. П. Шуйским руководил героической обороной Пскова в 1584 г. от войск польского короля Стефана Батория. Служба 18-летнего М. В. Скопина началась в 1605 г. при Лжедмитрии I; царь Василий Шуйский использовал военные таланты племянника, направляя его против своих врагов — восставших крестьян под руководством И. Болотникова и против польско-литовских войск Лжедмитрия II. Победы М. В. Скопина способствовали стабилизации власти непопулярного царя. В 1607 г. М. В. Скопин был пожалован в бояре, а в 1608 г. был направлен в Новгород для заключения договора со шведским королем Карлом IX о союзе против поляков и о военной помощи России. Договор был подписан в Выборге в феврале 1609 г., и в апреле отряд под руководством шведского полковника Якова Делагарди прибыл в Новгород в распоряжение М. В. Скопина. Началось главное дело недолгой, но полной событиями жизни М. В. Скопина — борьба за освобождение Москвы, осажденной поляками. Не рассчитывая только на помощь наемников, М. В. Скопин установил прочные связи с северными городами России, свободными от интервентов, получал от них подкрепление людьми и деньгами, обучал увеличивающееся русское войско регулярному ведению боя и осады. 12 марта 1610 г., освободив Торжок, Тверь, Дмитров, разбив поляков под стенами Троице-Сергиевой лавры (12 января 1610 г.) и, наконец, Москвы, М. В. Скопин-Шуйский торжественно въехал в столицу как ее освободитель и был триумфально встречен царем и «всенародным множеством» московского люда. Широкие народные массы связывали с именем М. В. Скопина надежды на выход Руси из кризиса Смуты, в искусном молодом полководце, племяннике бездетного царя, видели достойного наследника престола. Казалось, что должно исполниться предсказание популярного в средневековье эсхатологического апокрифа «Откровение Мефодия Патарского» о приходе царя — народного избавителя — Михаила... В самый разгар пиров и торжеств по случаю освобождения Москвы М. В. Скопин умер.

Неожиданная болезнь молодого полководца, обладавшего богатырским телосложением (современники сравнивали его с прославленными героями Троянской войны Гектором и Ахиллесом), и скорая его смерть (М. В. Скопин заболел на крестинах у князя И. М. Воротынского 8 апреля, а умер через две

недели, 23 апреля) вызвали обильные слухи и толки. Толковали о порче, об отравлении, о внезапной лихорадке. Народная молва упорно обвиняла в смерти М. В. Скопина братьев царя Василия Шуйского и самого царя, завидовавших успеху племянника и опасавшихся его притязаний на трон; в качестве отравительницы называлась жена Д. И. Шуйского Екатерина, дочь Малюты Скуратова.

Сочувствие к трагической судьбе освободителя Москвы, вокруг имени которого уже начали складываться легенды, и народная скорбь о нем (по свидетельству современников, М. В. Скопина хоронила вся Москва) вылились в создание ряда исторических песен о Скопине; одна из них была записана в 1619 г. в Архангельске для священника английского посольства Ричарда Джемса; ближе других к тексту «Писания» — песня, дошедшая в составе сборника Кирши Данилова. И песня в сборнике Кирши Данилова, и запись 1619 г. очень точно указывают на непосредственный источник угрозы М. В. Скопину — боярскую ненависть к нему как возможному претенденту на престол.

К настроениям народных песен о Скопине — защитнике Руси — очень близка позиция автора «Писания» — одного из первых литературных сочинений, посвященных описанию его болезни и смерти как всенародного горя. «Писание» создавалось современником М. В. Скопина и, по мнению известного историка С. Ф. Платонова, очевидцем его погребения. Однако «Писание» было создано не сразу после описанных в повести событий, а не ранее чем через два года после них, уже после смерти патриарха Гермогена (он упомянут в тексте в прошедшем времени), т. е. после 17 февраля 1612 г. Можно предположить, что «Писание» было создано до конца октября 1612 г.: в результате изгнания поляков из Москвы народным ополчением Минина и Пожарского (война вступила в Москву 22 октября) настало время постепенной стабилизации государственной жизни, и в этот период трагическая тема «Писания» — тема Русской земли, оставшейся без своего единственного защитника, — стала бы звучать для современников этих событий анахронизмом (примерно этим же временем — серединой или осенью 1612 г., до освобождения Москвы — С. Ф. Платонов датировал сходный по настроению с «Писанием» «Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства»).

«Писание» — памятник, своеобразный в жанровом и стилистическом отношении: в нем нашли отражение и летописная, и житийная, и устно-поэтическая (песенная) традиции. Начавшись фрагментом, напоминающим повествование «Степенной книги» (в нем рассказывается о происхождении рода М. В. Скопина), «Писание» переходит к летописной форме исторического рассказа, содержащего точный расчет дней события, а историю отравления и погребения князя автор ведет то на основе песенного сюжета и средствами песенной стилистики, то — в агиографическом ключе, используя житийные схемы описания и вводя обильные реминисценции и сравнения из текстов Ветхого и Нового Заветов.

«Писание о преставлении и погребении князя Скопина-Шуйского» — самое раннее произведение из литературного цикла повестей о нем: позже, в начале 1620-х гг., была написана повесть «О рожении» М. В. Скопина, дополняющая «Писание» биографическими сведениями о Скопине и рассказом (в житийном духе) о его военной деятельности (цикл из этих двух произведений сохранился в рукописях второй половины XVII в. — *РНБ,* собр. *ОЛДП,* № 76, Р 12 и *РГБ,* собр. Овчинникова, № 473); позднее, уже в период окончательного упрочения на троне

новой династии Романовых, создается компилятивная «Повесть о М. В. Скопине-Шуйском», в тексте которой оба произведения слились: они были сокращены и перестроены композиционно (рукопись *РНБ,* собр. Погодина, № 1451, XVII в.). В этом переработанном виде компилятивная повесть в конце 1620-х гг. вошла в найденную Г. П. Ениным «Повесть о победах Московского государства» (Л., 1982. Серия «Литературные памятники»).

Текст «Писания» издается по списку *РНБ,* собр. *ОЛДП,* № 76, Р. 12, л. 891—904 об., с учетом чтений рукописи Погодина, № 1451.

ОРИГИНАЛ

ПИСАНИЕ О ПРЕСТАВЛЕНИИ И ПОГРЕБЕНИИ КНЯЗЯ МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ШУЙСКОГО, РЕКОМАГО СКОПИНА[1]

Отнележе рече Бог: «Да будет свѣт, небо и земля, и солнечное течение, и лунное умножение и умаление, и егда быша звѣзды, восхвалиша мя гласомъ велиемъ вси ангели мои»,[2] и сотворенна прочая тварь вся, и человѣцы уселишася, изочтоша времена, индикты и по еврейски, и по гречески, и по латынски, понеже по розводцамъ разчитаютъ времена[3] и лѣта.

По русскому же языку въ лѣта 7118-го преставися благовѣрный и благородный, и благочестивый, прирожденнаго благочестиваго государя царя и великаго князя Василия Ивановича всеа Русии, Шуйского,[4] — понеже от единаго корени владѣющаго вселенную Августа, кесаря Римского,[5] и от единыя православныя вѣры християнския началника, князя Владимера Киевскаго[6] и всеа Русския земли и от единоя отрасли великаго князя Александра Ярославича Невскаго[7] раздѣления вѣтви — государевъ бояринъ, воинъ и воевода, и ближней совѣтникъ, и правитель, и *по* прирожению *нетий**[8]*** сиирѣчь племникъ, князь Михайло Васильевичь, Шуйской именуемый, понеже от единаго великаго князя Александра Ярославича Невскаго, якоже преди рекохомъ, родишася князь Андрѣй Владимерский и Суждалский,[9] и князь Данило Московский,[10] и прочая братия; и от сего князя Ондрѣя Александровича князи суздалские и шуйские родишася, а от князя Данила Александровича московские князи и цари родишася. Но о семъ умолчимъ, на *предреченныя* да поидемъ.

О ПРЕСТАВЛЕНИИ КНЯЗЯ МИХАЙЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ШУЙСКОГО

Егда той воинъ и воевода, князь Михайло Васильевичь Шуйской, послушавъ царя и приѣхалъ въ царствующий град Москву из слободы Александровы,[11] и напрасно, грѣх ради наших, и родишася боярину князю Ивану Михайловичу Воротынскому[12] сынъ, княжевичь Алексѣй. И не дошед дву мѣсяцъ, по четыредесять *дней* рожения, бысть князь Михайло крестный кум, кума же — княгиня, жена князя Дмитрея Ивановича Шуйского, Марья,[13] дочь Малюты Скуратова.[14] И по совѣту злых измѣнников своих и совѣтников мысляше во умѣ своем злую мысль измѣнную: уловити, аки въ лесѣ птицу подобну, аки рысь, и зжарити, — змия лютоя, злым взором аки звѣрь лютыи! Дияволу потѣха бѣсится, сатанѣ невѣста готовится.[15]

И какъ будет после честного стола пир навесело,[16] и диявольским омрачением злодѣянница та, княгина Марья, кума подкрестная, подносила чару пития куму подкрестному и била челомъ, здоровала с крестником, Алексѣемъ Ивановичем. И в той чарѣ — *питие* уготовано лютое, питие смертное. И князь Михайло Васильевичь выпивает ту чару досуха, а не вѣдаетъ, что злое питие лютое, смертное. И не в долгъ час у князя Михайла во утробѣ возмутилося, и не

допировал пиру почестного, и поѣхал къ своей матушке княгине Елене Петровне.[17]

И какъ выходит в свои хоромы княженецкие, и усмотрила его мати, и возрила ему во ясные очи. И очи у него ярко *возмутилися,* а лице у него страшно кровию знаменуется,[18] а власы у него на главѣ, стоя, колеблются.

И восплакалася горько мати его родимая, и во слезах говорит ему слово жалостно: «Чадо мое, сынъ, князь Михайло Васильевичь! Для чего ты рано и борзо с честнаго пиру отъѣхал? Любо тобѣ богоданый крестный сынъ принял крещение не в радости? Любо тобѣ в пиру мѣсто было не по отечеству? Или бо тебѣ кум и кума подарки дарили не почестные? А хто тобя на пиру честно упоил честнымъ питием? И съ того тебѣ пития вѣкъ будет не проспатися! И колько я тобѣ, чадо, в Олександрову слободу приказывала: не ѣзди во град Москву, что лихи в Москвѣ звѣри лютые, а пышат ядом змииным, измѣнничьим».

И паде князь Михайло на ложе своем, и нача у него утроба люто терзатися от того пития смертнаго. Он же на ложе в тосках мечющеся, и биющеся, и стонуще, и кричаще люте зѣло, аки звѣрь под землею, и желая отца духовнаго. Мати же да жена его, княгина Александра Васильевна,[19] и весь двор его слез и горкаго вопля и кричания исполнися.

И доиде въ *слух* сия болѣзнь его страшная до войска его и подручия, до немецково воеводы, до Якова Пунтусова.[20] И *многи* дохтуры немецкие со многими лѣчебными пригодами и не можаше никако болѣзни тоя возвратити. И з двора дохтуры немецкия от князя идяху и слезы испущаху, аки о государѣ своем.

И от того же дни в настатьи всенощных, якоже в житии Великаго Василия,[21] «солнце къ солнцем заиде», по исходе дневных часовъ,[22] мѣсяца апреля въ 23 день, со дни великаго воина и страстотерпца Георгия[23] ко дни воеводы Савы Стратилата,[24] понеже и сей воинъ, и воевода, и стратилат. Но тогда бо по Московскому государству не слышанно бысть настоящия ради нощи. Наутрие же, свѣтающуся вторнику и восходящу солнцу, слышано бысть по всему царствующему граду Москвѣ: «Отшедъ он сего свѣта, преставися князь Михайло Васильевичь!»

И тогда убо стекаются ко двору его множество войска, дружины и подручия его хоробраго, и множества народа, по писанному, «юноша с дѣвы, и старцы со юнотами»,[25]и матери со младенцы, и всякъ возрастъ человѣчь, — со слезами и съ великим рыданием. От войска же его и дружины хоробрыя князя Михайла Васильевича ближние его подручники, воеводы и дворяне, и дѣти боярские, и сотники, и атаманы прихождаху во двор его, и ко одру его припадая со слезами, и со многим воплемъ, и стонанием. И жалостно во слезах глаголаше и причитаху: «О господине, не токмо, не токмо, но и государь наш, князь Михайло Васильевич! Отшел еси от сего свѣта, возлюбил еси Нѣбесному Царю воинствовати, а нас еси кому ты оставил? И хто у насъ грозно, и предивно, и хоробро полки урядит? И кому нас приказал служити? И у ково намъ жалованья просити? И за кемъ намъ радошно и весело на *враги* ѣхать ко брани? Не токмо, государь нашъ, подвигом своим врагов устрашалъ, но и мыслию: помыслишъ на враговъ, на литовских и польских людей, и онѣ и от мысли твоея дале бѣгут, со страхом емлются. А нынѣ мы — аки скоти безсловеснии, овцы, не имуще пастыря крѣпкаго! У тобя, государя нашего, въ полцѣх войска нашего и без казни страшно и грозно, а радошны и веселы. И как ты, государь нашь, въ полцѣх у нас *поЬдешъ,* и мы, аки на нѣбесное солнце, назрѣтися не можем!»

Но бо все вкратце пишем, а недоумѣем убо много и жалостнаго плача и

причитания их исписати. Но возвратимся убо ко прежнему.

Тако убо ко двору его стекаются и держащеи власти, и строящеи, и правящеи царския, народная; таже и нищии, и убогии, и вдовицы, и слѣпии, и хромии, — всяк со слезами и горким воплем, кричаще и воплюще; также и богатии велможи.

Таже прииде немецкий воевода Яковъ Пунтусовъ со двенатцетьми своими воеводы[26] и съ своими дворяны. Московские же велможи не хотяху его во двор ко князю пустити, невѣрствия ради, къ мертвому тѣлу. Яков же з грубными словесы во слезах изглагола: «Како мя не пустите, не токмо господина моего, но и государя, кормильца моего, своими очи мнѣ видѣти? Что ся таково содѣяся?» И пустиша его во двор. Шед Яковъ, и видѣ мертвое его тѣло, и восплакася горько, и целова его тѣло; простяся и пошед со двора, плакася горце; и захлѣбаяся, глаголаше во слезах: «Московскии народи! Да уже мнѣ не будет не *токмо* на Руси вашей, но и в своей Немецкой земли, но и от королевских величествъ государя такова мнѣ!»

Таже прииде и самъ царь и з братьи своими,[27] таже и патриархъ, — тогда держа святительский престолъ Великия Росии Ермогенъ,[28] — и митрополиты, и епископы, и архимариты, игумены и протопопы, и весь священный собор, и иноческий чинъ, черноризцы и черноризицы, и не бѣ мѣста вмѣститися от народнаго множества.

Тогда убо посылают во вся торги Московского государства изыскати колоду дубовую, еже есть гроб, въ ню же положат тѣло его. И, мѣру вземше, во вся торги ходивше, избравше величайшее всѣх и никако возможе вмѣстити телеси его. И тогда пристрогавши въ концѣхъ колоды тоя, и тако съ нужею пологаютъ въ колоду тѣло его, да изнесут тѣло его ко церкви. И тогда привезоша гроб каменен великъ, но ни той довляше вмѣстити тѣло его, понеже великъ бѣ возрастом телес своих, по Давиду пророку,[29] рече: «паче сыновъ человѣческих». И тако, устроивше в древяном гробѣ, понесше, хотяху положити в Чудовъ монастырь архистратига Михаила[30] до времени бо и вины ради сицевыя, яко да тѣло его во граде Суздале положено будет и ко гробомъ *прародителъским* и родительскимъ присовокупятъ,[31] и он предреченный каменный гроб устроят. Но въ Суздале-граде в то время нестроение велико сице, понеже осилели воры и литовские люди, паны съ войским своимъ;[32] да егда си отступятъ, тогды его отвезут въ Суздаль-град.

И слышавше народное множество, что хотятъ *тело* его въ Чудовъ монастырь положить, и возопиша всенародное множество, яко единеми усты: «Подобает убо таковаго мужа, воина и воеводу, и на супротивныя одолителя, яко да в соборной церкви у архангела Михаила[33] положен будет и гробом причтен царским и великихъ князей великие ради его храбрости и одолѣния на враги и понеже он от их же рода и колена», — якоже напреди рекохомъ.

И тогда царь велегласно къ народу рече: «Достойно и праведно сице сотворити». И тако на главах понесоша въ соборную церковь архангела Михаила; послѣдствующу патриарху, и митрополитам, и всему священному собору, таже по нем царь, и весь царский синглит, и всенародное множество, предъидущеи и послѣдствующеи, поющих надгробное пѣние священных собор.

От народа же и кричания и вопля тяшка гласа поющих *надгробное покрываху,* и *не бѣ слышати гласа поющих.* И се бѣ дивно, яко толику безчислено народу суще, предъидуще и послѣдствующи, яко звѣздъ небесных, или, по Писанию рещи, яко песокъ морский.[34] И не бѣ видѣти ни единаго человѣка не плачющеся, но велми слезны, кричь и плач, и рыдание велико всякого человѣка

— богатии и убозии, и нищии, хромии и слѣпии, а безногии ползующе, главами своими о землю бьющеся, плачющеся и жалостно причитаху. И якоже и самому царю и патриарху плачюще со стенанием, и воплем и рыданием горце всему народу; но и аще у ково и каменно сердце, но и той на жалость розлиется, зря своего народа плачющеся.

И тако съ великою нуждею, утеснения ради, несяху тѣло его во гробе ко церкви, и от народнаго теснения, якоже нѣкогда Алексѣя человѣка Божия;[35] и донесоша, и положиша среди церкви у архангела Михаила; и пѣвше надгробное подобное пѣние, и разыдошась, яко да предреченный каменный гроб устроят и могилу на вмѣщение гроба ископают. Но убо маломощнии и нищии, такожде вдовицы и черноризцы день той предсѣдяху, плачюще и скорбяще, Давыдовы же псалмы над нимъ непрестанно глаголаху, применяясь, день и нощь.

Наутрие же свитающе дни, утреннему славословию кончану, — солнцу паки возсиявшу и второму часу наставшу,[36] и паки стекается всенародное множество со всего Московского царства, понеже во вчерашний день не всемъ въ слухи внидоша и не вѣдомо, гдѣ погребен будет. Ныне обое слышат, и сего ради безчисленное множество отвсюду стекаются: мужие и жены, и, по-предреченному, старцы со юнотами, нищии, слѣпии и хромии, иже есть хто не вѣдаше его во плоти, но слышавше его храбрость и на враги одолѣние, и понѣ погребанию его сподобятся причетницы быти. И тако торжыща истощишася, и купилища быша порозни оставльше, а раби — господей своих службы, и домы порозни быша житей своихъ: всякъ возрастъ стекается на *погребение* его.

Таже по времени царь, и патриархъ, и прочий синглит, и освященный собор во церковъ ону собрася, и уставному пѣнию, погребению наченшуся, и гласу от поющих превозносящуся зѣлне, понеже въ строках роспеваху. От бояр же и от служилых людей, иже бѣ с ним в великой оной службѣ, и побѣде и во одолении бывших, паче же и от всенароднаго множества люди, по-предреченному, яко звѣздъ нѣбесных или песка морскаго: вдов же, оставльшихся от муж своих, и черноризиц, и нищих, и сирот, вопиющих съ плачем и кричанием. И не бѣ *слышати* гласа поющих, и мнѣтися, аки во иступлении ума сущу, яко и воздуху *потутнути,* и земли стонати, и камению колебатися, не токмо церкви стенам, но и граду; и, по пророку рещи, яко «взятся покрову храма от гласа вопиющих». И не бѣ слышати гласа поющих, а ереи все во церкви просвѣщашеся множеством *свѣщъ,* и мостъ же церковный наводнящеся пролитием слез от народа.

И не бѣ изрещи и исписати, по Апостолу глаголюще, «на сердце человѣку не взыде»,[37] иже народи плачюще и *жалостно* причитаху! Овии убо столпа его Руские земли глаголаху, инии же тверда и велика града именоваху, инии же яко новаго Исуса Наввина[38] нарицаху его, инии же яко Гедеона и Варака, или Самсона, побѣдителя иноплеменником, зваху его: отъѣхавше въмалѣ и роспространшеся, и приѣхавше во мнозѣ; овии же яко Давида, отомстителя врагом, зваху или яко Июду Макиавейского,[39] въ толкое в нужное время добре храбровавшего. И, по Апостолу рещи, «возмогоша от немощи, и быша крѣпцы во бранѣх, обративше же в бѣгство полки чюждих».[40]* Инъ же нѣкто стоя от народа, велегласно вопияху со слезами во храмѣ архангела Михаила: «Взял еси у нас, Господи, таковаго воеводу князя Михайла Васильевича, но ты нынѣ сам заступай нас, якоже при Езекеи на Сенахирима, царя Невгицкаго!»[41] А инъ же отъ служащих его глаголя: «Не подобает убо таковому телеси ево в земли разсыпатися: вѣм бо его телесную чистоту, купно же и духовную».

Да что убо много глаголати: не вмѣстят ушеса жалостнаго причитания плача их!

И мнѣтися, яко сонъ видѣти или въ недоумѣние быти, якоже Петру апостолу, егда ангелъ изведе его ис темницы.[42]

Не токмо же Русские земли народом и всему миру плакати, но и иноземцемъ, и немецким людем, и самому свицкому воеводе Якову Пунтосову плачюще, и к русскому народу во слезах от жалости глаголет: «Уже, де, нашего кормильца и вашего доброхота, Русския земли столпа и забрала,[43] крѣпкаго воеводы не стало!» Прочии же от народа, — умолчим бо о сем немецкого воеводы его умильных и жалостных глаголаний, — и возопиша русский народ: «Воистинно бысть тако!» И понеже по Еуангелию глаголюще, «не вмѣстити пишемых» плача их «книг».

И тако отпѣвше надгробное пѣние, и полагают его в предреченной каменной гроб, и относят его в соборной церкви в придѣлъ[44] за олтарем на южной стороне, в церковь Обрѣтение честные главы пророка и Крестителя Иоанна. И тамо полагают его в новоископанномъ гробѣ, иже никтоже, по Евангелию, прежде сего положенъ бысть,[45]тамо за олтарем придѣла же Святыя Живоначалныя Троицы, идѣже положени быша благочестивы и блаженныи памяти цари и великии князи: царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, во иноцех Иона,[46] и сын *его,* благодатный, благородный и благочестивый царевич Иван,[47] и вторый сынъ его, царь и великий князь Федор Иванович[48] всеа Русии, в соборной церкви, якоже преди рекохом.

Мало же о сем побеседуем от древнихъ повѣстей, *кои* приложим, якоже плакашеся прежде по патриархе Иякове Иосифъ и прочая братия его и съ ним египтяне,[49] или рещи во исходѣ Израилеве из Египта в пустыни горы Синайския,[50] плакася весь Израиль *по* Моисѣи пророце,[51] или паки рещи, плакася по Самоиле пророце[52] весь Израиль великим плачемъ, не малъ же плач сотвориша людие по цари Иосѣе,[53] таже плакася уничиженный и расточенный Израиль по Июдѣ Маккавеи и по братье его. Здѣ же не меньши того плач бысть всенародному множеству, новому Израилю,[54] христианскому народу государъства Московского.

А о матери его, княгине Елене Петровне, и о жене его, княгине Александре Васильевне, что изглаголати или исписати! Сами вѣсте матерне сѣтование и рыдание, и по своим дѣтем разумѣйте, какъ у коей матери и послѣднее дитя, а не токмо единочадное, смерти предастъся, и како убо матерню сердцу по своем дѣтяти! И то, како княгина Елена и княгина Александра горько плачюще, и кричаще, и вопиюще, и бьющеся о гробницу белу каменну князя Михайла, и жалостно во слезах причитая.

Мати же причитаху от жалости: «О чадо мое, милый князь Михайло! Для моих слез на сесь свѣт из утробы моея родися! И како еси во утробѣ моей зародися? И како утроба моя тобою не просядеся, излияти тобѣ на землю?» А жена его причитаху: «Государю мой, князь Михайло Васильевичь! Жена ли тебѣ не въ любве, яз, грѣшница! того ли еси ради смерти предался? И почто ми еси не повѣдал? И нынѣ возьми меня под свой каменной гроб, и под гробом смерти предамся! И готова есми за тобя во адѣ мучитися, нежели мнѣ от тобя на сем свѣте живой остатися!» И разумѣйте их жалостное причитание, и плача горького *не* исписати.

Но буди вам извѣстно, яко и сам царь Василий, егда от погребения возвратися, и пришед въ полату свою и на злат стол свой царский ницъ пад, и плачася, захлѣбаяся горко, смоча слезами столъ,[55] слезы на пол с стола каплющи.

Матерь же его, княгину Елену, и жену его, княгиню Александру, ближнии их

вѣрныи слузѣ едва съ нужею от гробницы отволочаше въ домъ свой. Черноризицы же, иноки и вдовицы во слезах же утѣшаше их: «Да не плачитеся, княгиня Елена Петровна и княгиня Александра Васильевна, но Богу убо такъ изволышу: краткой вѣкъ жити ему; вам бо от многаго плача и туги великия во иступлении ума не быти!» И тѣ же княгины, мати его и жена, пришед же в дом свой и падше на стол свой ницъ, плакахуся горце и захлѣбающе, стонуще и слезами своими стол уливая, и слезные быстрины, аки рѣчныя струя, на пол с стола пролияшеся, и до утра без пищы пребывая, якоже Давыд иногда плака по Анафанѣ, сыне Саулове.[56]

Но и старицы же, яко галицы, вдовицы же, яко ластовицы, наутрее около церкви оноя предсѣдяху весь день, якоже и матери со младенцы, и мнози боярские жены, овдовѣвше, своею печалию *стекахуся* въмѣсто ко оной церкви.

И бѣ въ мирѣ шатание, и колебание, и смущение много болѣзни ради смертной, и глаголаху другъ ко другу: «Откуду бо нашедшу на такова мужа такое смертное посѣчение; бысть бо таковый воин и воевода? Аще ли Божие попущение, то воля Господня да будет!» И вси ту въ сѣтовании бяху.

Не подобает же сего молчанием покрыти, по реченному ангеломъ к Товиту, «еже дѣла Божия проповѣдати, таити же царевы тайны».[57] Сице же здѣ случися. Нѣкто житель града, быв прежде въ службѣ царской въ писателѣх Дворцова приказу,[58] сказа нам, по тонку глаголя: «Прежде, — рече, — преставления его, княжа», — о немъ же нынѣ повѣсть глаголем, — «за 15 день, съ праздника Воскресения Христова къ понедѣльнику въ ночь,[59] видѣхъ видѣние. Мняхся, стою на площаде государеве межъ Пречистою соборною и Архангелом.[60] И позрѣх на царские полаты. И се видит ми ся, яко един столпъ розвалися и потече из нево вода, но велми черна, что смола, или декоть. Таже полстолпа отломився, паде, и по семъ не вдолзѣ и другая полъстолпа сокрушися, и обое ни во что бысть. И падение оно *помнихом* ми ся страшно. Аз отъ страха возбнувся от сна и размышляя видѣние се. И после заутрени таити сна не могох и повѣдах ту мужу некоторому, стару деньми, яко 90 лѣтъ ему сущу от рожения, и у царей въ приказех велику ему бывшу и многу въразумѣх, и для старости оставлься царския службы, но во смирении пребывая, кормяся от своих вотчинъ. Он же, слышавъ от меня таковая и размышляя во умѣ своем, рече ми: „Мнит ми ся, яко нѣкоторому великому мужу от полаты царевы смертное посѣчение приближается". И аз сие видѣние и оного мужа речей размышлях, и никому не глаголах до сего, донележе збышася въ сие настоящее время».

Прочее же о семъ умолчимъ, да не постигнетъ насъ, по апостолу, закоснение, но мало побесѣдуем о мимошедшемъ.

---

[1] *...рекомаго Скопина.* — М. В. Скопин-Шуйский происходил из той ветви боярского рода Шуйских, родоначальником которой был Иван Большой, по прозвищу Скопа, его прадед (XV в.); *скопа* — хищная птица из семейства орлов.

[2] *Да будет свѣт... вси ангели мои...* — Ср.: Быт. 1, 3—8; Сирах. 17, 1—2.

[3] *...изочтоша времена, индикты... порозводцамъ разчитаютъ времена...* — Счет лет на Руси (как и в Византии) велся не только по годам от «сотворения мира», но и по*индиктам* - периодам времени в 15лет; *розводцы* — пасхальные таблицы со

счетом лет.

[4] *Василий Иванович Шуйский —* царь из старинного рода суздальских князей, избранный на трон после народного восстания в Москве 17 мая 1606 г. и после убийства Лжедмитрия. Был свергнут с престола москвичами в июле 1610 г. и пострижен в монахи. Затем был арестован поляками вместе с братьями Дмитрием и Иваном; умер в плену под Варшавой 5 сентября 1612 г.

[5] *Август, кесарь Римский —* Гай Юлий Цезарь Октавиан Август («божественный»), племянник Юлия Цезаря, провозглашенный неограниченным правителем Римской империи в 30 г. до н. э. Согласно русскому публицистическому сочинению XVI в. «Сказание о князьях Владимирских» (см. *ПЛДР ,* 6, с. 422—435), русские великие князья и их родоначальник легендарный Рюрик происходили от некоего Пруса, родственника императора Августа; эта теория происхождения московских царей стала официальной доктриной во времена Ивана Грозного и была использована в беллетризованной генеалогии русских царей — «Степенной книге».

[6] *Владимир Киевский* (ум. в 1015 г.) — великий киевский князь, сделавший христианство государственной религией Руси.

[7] *...от единоя отрасли великаго князя Александра Ярославича Невскаго... —* Але ксандр Ярославич, прозванный Невским (ок. 1220—1263), — князь Новгородский, с 1252 г. — великий князь Владимирский; потомок по прямой линии Владимира Святославича Киевского и родоначальник нескольких ветвей княжеских родов Рюриковичей, в том числе Шуйских.

[8] *Нетий* — племянник по сестре.

[9] *...Андрѣй Владимерский и Суждалский... —* Сын Александра Невского Андрей Александрович (ум. в 1304 г.), князь Городецкий и Костромской (с 1276 г.), великий князь Владимирский (окончательно - с 1294 г.).

[10] *... князъ Данило Московский... —* Младший сын Александра Невского Даниил Александрович (1261—1303), получивший в удел в 1272 г. Московское княжество.

[11] *...послушавъ царя, и приѣхалъ въ царствующий град Москву из слободы Алек сандровы... —* Александрова слобода (современный город Александров Владимирской обл.) — в 113 км от Москвы; владенье московских князей с начала XIV в., с 1564 г. — укрепленная резиденция Ивана Грозного. В первой половине октября 1609 г. слобода была занята войсками М. В. Скопина и стала опорным пунктом русских войск в их дальнейшей борьбе с польско-литовскими интервентами. Из Александровой слободы М. В. Скопин выступил в конце февраля, а 12 марта 1610 г. въехал в Москву, торжественно встреченный царем Василием Шуйским и ликующими толпами москвичей как освободитель Москвы от длительной и тяжелой блокады.

[12] *Иван Михайлович Воротынский —* один из видных политических деятелей в правительстве Василия Шуйского.

[13] *...жена князя Дмитрея Ивановича Шуйского, Марья...—* Д. И. Шуйский — родной брат царя, дядя молодого полководца, завидовавший его успехам и

обвинявшийся народной молвой в его смерти. После смерти М. В. Скопина был поставлен во главе русского войска и был разбит войсками гетмана Жолкевского под Клушином в июне 1610 г. Вместе с братьями Д. И. Шуйский был арестован поляками, увезен в Варшаву, умер в плену. Женой Д. И. Шуйского была дочь Малюты Скуратова Екатерина; Марией звали ее сестру, жену Бориса Годунова.

[14] *Малюта Скуратов* (ум. в 1572 г.) — Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский («Малюта» — прозвище), думный дворянин Ивана Грозного и его ближайший помощник во времена опричнины; прославился особой жестокостью при расправах с жертвами царского гнева (имя его стало нарицательным обозначением злодея).

[15] *...сатанѣ невѣта готовится. —* Перифраз текста, приписываемого Иоанну Златоусту: «...пляшущая жена невеста нарицается сатанина» («Слово об играх и плясании»).

[16] *И какъ будет после честного стола пир навесело... —* Повесть использует эпическую формулу описания пира (ср. в русских былинах: «И потом у них пошел пир на веселие»). Согласно сообщению так называемой «Рукописи Филарета» (1620-е гг.), Скопин был отравлен «на перепиванье».

[17] *Княгиня Елена Петровна —* урожденная Татева, после смерти сына постриглась в монахини под именем Анисьи, умерла в 1631 г., погребена в Троице-Сергиевом монастыре.

[18] *...а лице у него страшно кровию знаменуется... —* «Рукопись Филарета», «Новый летописец» и др., описывая болезнь М. В. Скопина, сообщают, что из носа и рта у него не останавливаясь шла кровь.

[19] *...княгина Александра Василъевна... —* Жена М. В. Скопина (с 1608 г.), урожденная Головина (в иночестве Анастасия), постриглась в монахини сразу же после смерти мужа.

[20] *... до... подручия, до немецково воеводы, до Якова Пунтусова. —* Яков Пунтусов — Якоб Понтус Делагарди (1583—1652), шведский полковник (барон Колькский и Рунзский, впоследствии — за военные заслуги — возведен в графское достоинство, государственный маршал, президент военной коллегии Швеции и др.; отец его Понтус Делагарди прославился своими завоеваниями в Ливонии в последние годы царствования Ивана Грозного); опытный военачальник, возглавил вспомогательный отряд наемников, состоявший из шведов, французов, немцев, шотландцев, направленный в помощь войскам Василия Шуйского по выборгскому договору 28 февраля 1609 г. Отряд находился в распоряжении М. В. Скопина.

[21] *Василий Великий* (Кесарийский; 329—378) — один из отцов Церкви, христианский богослов и писатель, один из творцов Литургии. Сочинения его и житие были хорошо известны в средневековой Руси.

[22] *...в настатьи всенощных... по исходе дневных часовъ... —* Т. е. около 6 часов вечера (последний дневной, 15-й, час по древнерусскому счету часов, зависящему от времени года и восхода солнца, 23 апреля начинался в 18 час. 30 мин.).

[23] *Георгий* (ум. в 303 г.) — один из самых популярных святых христианской церкви; был замучен по приказу императора Диоклетиана, ранее был его военачальником; день памяти — 23 апреля.

[24] *Савва Стратилат* (по-гречески - полководец) - один из первых христианских мучеников (был утоплен в Тибре в 272 г.), гот по происхождению, военачальник императора Аврелия; день памяти — 24 апреля.

[25] *«юноша с дѣвы, и старцы со юнотами»...* — Литературная формула Псалтири.

[26] *...прииде немецкий воевода Яковъ Пунтусовъ со двенатцетъми своими воевод ы...* — Возможно, что сообщение о «двенатцети воеводах» Якова Пунтусова является не случайной цифрой в тексте «Писания», а опирается на какие-то реальные сведения: в отряде Якова Делагарди, прибывшем в Новгород 14 апреля 1609 г., было 12 000 человек.

[27] *...з братъи своими...* — Братья Василия Шуйского — Дмитрий и Иван.

[28] *Ермоген* — первый казанский митрополит, после совершения над ним чина архиерейского рукоположения, святитель Гермоген (13 мая 1589 г.).

[29] *...по Давиду пророку...* — Т. е. согласно Псалтири.

[30] *Чудовъ монастырь архистратига Михаила* — находился в Кремле.

[31] *...тѣло его во граде Суздале положено будет и ко гробомъ прародителъским и родительскимъ присовокупятъ...* — Фамильная усыпальница Скопиных-Шуйских находилась в г. Суздале в соборной церкви Рождества Богородицы; там в 1605 г. был похоронен его отец.

[32] *Но въ Суздале-граде в то время... осилели воры и литовские люди, паны съ во йским своимъ...* — В Суздале весной 1610 г. укрепился польский военачальник Лисовский, отряды которого разбойничали на Владимирской земле до 1616 г.

[33] *...в соборной церкви у архангела Михаила...* — Архангельский собор в Кремле был усыпальницей великих князей Московских.

[34] *...яко песокъ морский.* — Суд. 7, 12.

[35] *...якоже нѣкогдаАлексѣя человѣка Божия...* — Византийское житие Алексея, человека Божьего, содержащее легендарную историю сына знатного римлянина Евфимиана, отказавшегося — из соображений христианской морали — от семьи, имени, наследия отца, рассказывает об огромном стечении народа, пришедшего почтить его при погребении. Житие было известно на Руси с XI в., пользовалось большой популярностью, послужило источником духовного стиха, певшегося и в XVIII, и в XIX, и в XX вв.

[36] *...и второму часу наставшу...* — Начало «второго часа» 24 апреля — 5 час. 30 мин.

[37] *...по Апостолу глаголюще, «на сердце человѣку не взыде»...* — Ср.: 1 Кор. 2, 9.

[38] *Исус Наввин, Гедеон, Варак, Самсон, Давид* — легендарные библейские герои, пророки и военачальники, имена которых традиционно использовались в средневековой русской литературе для характеристики удачливых полководцев. О победах *Исуса Навина* рассказывается в Книге Иисуса Навина, *Гедеона* над мадиамлянами — Суд. 7,*Варака* над хананеянами — Суд. 1, о богатыре *Самсоне* — Суд. 14—15, о победе *Давида* над Голиафом — 1 Цар. 17, 40—52, о борьбе *Иуды Маккавея* — 2 Мак.

[39] *Июда Макиавейский* — Иуда Маккавей, один из пяти братьев Маккавеев, возглавивший борьбу народа Иудеи против царя Антиоха Епифана (II в. до н. э.).

[40] *...«возмогоша от немощи... полки чуждих».* — Евр. 11, 34.

[41] *... Господи... сам заступай нас, якоже при Езекеи на Сенахирима, царя Невги цкаго!* — Езекия, согласно Библии, 13-й царь Иудейский, при котором Иерусалим был спасен от войск ассирийского царя Сеннахерима молитвой пророка Исайи (Ис. 37). *Сеннахерим* — ассирийский царь Синахериб (705—680 гг. до н. э.), назван здесь «ниневийским» потому, что Ниневия («Ниневгия») на р. Тигр была столицей его царства.

[42] *...якожеПетру апостолу, егда ангелъ изведеего ис темницы.* — О спасении апостола Петра и его сомнениях в том, сон или явь случившееся с ним, рассказывается в Деяниях апостольских (Деян. 12, 9).

[43] *Забрало* — укрепленная для боя верхняя часть городской стены.

[44] *...и относят его в соборной церкви... в придѣлъ...* — М. В. Скопина похоронили в Архангельском соборе, но не рядом с гробницами царей, а отдельно, в новом приделе Иоанна Крестителя.

[45] *...никтоже... прежде сего положенъ бысть...* — Возможно, параллелью для автора повести послужило евангельское описание погребения Христа, где упоминается его «новый» гроб. Ср.: Мф. 27, 60.

[46] *...царъ... Иван Василъевич... во иноцех Иона...* — Иван IV Грозный (1530—1584), перед смертью принял монашеский постриг под именем Иона.

[47] *...царевич Иван...* (1554—1581) — сын Ивана Грозного, наследник престола, убитый отцом в припадке гнева.

[48] *...царъ... Федор Иванович...* (1557—1598) — сын Ивана Грозного, последний Рюрикович из рода Ивана Калиты на русском троне (с 1584 г.).

[49] *...плакашеся... по патриахе Иякове Иосифъ... и съ ним египтяне...* — Ср.: Быт. 50, 1—3, 10—11.

[50] *... во исходѣ Израилеве... горы Синайския...* — Ср.: Исх. 33, 4.

[51] *...плакася весъ Израилъ по Моисѣи пророце...* — Ср.: Вт. 34, 8.

[52] *...плакася по Самоиле пророце...* — Ср.: 1 Цар. 25, 1.

[53] *...не малъ же плач... по цари Иосѣе...* — Ср.: 2 Пар. 35, 24—25.

[54] *...новому Израилю...* — Московские книжники стали так называть русское государство после отказа Москвы присоединиться к Флорентийской унии церквей (1439 г.) и после падения Византии (1453 г.), рассматривая Московскую Русь как единственную страну, хранящую веру в чистоте.

[55] *...сам царь Василий... на злат стол... ницъ пад, и плачася... смоча слезами столъ...* — Эта несколько необычная формула описания плача, использованная в тексте и далее, встречаетсяв «Разрядных записях» за 1605 г.: Петр Басманов «патчи на стол, плакал с час, лежа на столе» (Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. С. 200).

[56] *... до утра без пищы пребывая, якоже Давыд... плака по Анафанѣ, сыне Саулове.* — Ср.: 2 Цар. 1, 12.

[57] *...по реченному ангеломъ к Товиту, «еже дѣла Божия проповѣдати ...тайны».* — Ср.: Товит 12, 7.

[58] *Дворцовый приказ* — ведал финансами и хозяйственными делами; *писатель* — писец, писарь; может быть, дьяк.

[59] *...Прежде... преставления его... за 15 день, съ праздника Воскресения Христова къ понедѣлънику въ ночъ...* — Пасха в 1610 г. была 8 апреля; видение, таким образом, приурочено автором к вечеру того дня, когда М. В. Скопин (согласно «Повести») был отравлен.

[60] *...межъ Пречистою соборною и Архангелом* — Имеются в виду Успенский и Архангельский соборы в Кремле.

ПЕРЕВОД

ПИСАНИЕ О ПРЕСТАВЛЕНИИ И О ПОГРЕБЕНИИ КНЯЗЯ МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ШУЙСКОГО, ПО ПРОЗВИЩУ СКОПИНА

С тех пор как сказал Бог: «Да будет свет, небо и земля, и движение солнца, и луны нарастание и убыль, и когда появились звезды, воздали мне хвалу громогласно все ангелы мои» и все остальные творения, и люди стали жить на земле и стали вести счет времени и по индиктам, и по еврейскому счету, и по греческому, и по латинскому, ведь по специальным таблицам рассчитываются времена и годы.

По счету же, принятому у русского народа, в 7118 (1610) году скончался благоверный, и благородный, и благочестивый родственник царя и великого князя всея Руси Василия Ивановича Шуйского, прирожденного благочестивого государя (происходил он от единого корня Римского кесаря Августа, обладавшего всей вселенной, и от начинателя единой православной христианской веры князя Владимира, князя Киевского и всей Русской земли, и от единой отрасли разделившейся ветви рода великого князя Александра Ярославича Невского), — <скончался> государев боярин, воин и воевода, ближний советник и правитель, по рождению нетий, то есть родственник царя, князь Михаил Васильевич, именуемый Шуйский, так как происходил он из того же рода великого князя Александра Ярославича Невского, о котором выше говорилось и от которого

родился князь Андрей Владимирский и Суздальский, князь Данило Московский и прочие братья; и от этого князя Андрея Александровича произошли князья суздальские и шуйские, а от князя Данила Александровича произошли московские князья и цари. Но умолчим об этом, вернемся к сказанному выше.

О ПРЕСТАВЛЕНИИ КНЯЗЯ МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА ШУЙСКОГО

Когда этот воин и воевода, князь Михаил Васильевич Шуйский, послушался царя и приехал в царствующий град Москву из Александровой слободы (и ошибкой это было, за грехи наши), родился у боярина Ивана Михайловича Воротынского сын, княжич Алексей. И не прошло двух месяцев, через сорок дней после его рождения, как стал князь Михаил крестным кумом, а кумой стала жена князя Дмитрия Ивановича Шуйского, княгиня Марья, дочь Малюты Скуратова. И по совету злых изменников и своих советчиков замыслила она в уме своем злой умысел изменнический: уловить князя Михаила неожиданно, подобно тому как в лесу птицу ловят или как рысь нападает, и растерзать — змея лютая, со взором злым, как будто у лютого зверя! Радость дьявола буйствует, невеста сатане готовится.

И настал — после торжественного стола — час пира веселого, тогда, дьяволом омраченная злодейка та, княгиня Марья, кума крестная, подносила чару питья куму крестному и била ему челом, поздравляла с крестником, Алексеем Ивановичем. А в той чаре — питье приготовлено лютое, питье смертное. И князь Михаил Васильевич выпивает ту чару досуха, а не знает, что злое питье это лютое, смертное. И скоро у князя Михаила все в утробе возмутилось, и не допировал он пира званого, и поехал к своей матушке княгине Елене Петровне.

И как входит он в свои палаты княжеские, увидела его мать и взглянула ему в ясные очи. А очи у него сильно помутились, а лицо у него страшно кровью залито, а волосы у него на голове дыбом стоят и шевелятся.

И заплакала горько мать его родимая и в слезах говорит ему слово жалостное: «Дитя мое, сыночек, князь Михаил Васильевич! Почему ты так рано и быстро со званого пира уехал? Или твой богоданный крестный сын принял крещение без радости? Или тебе в пиру место было не по отчеству? Или тебе кум и кума подарки дарили не почетные? А кто тебя на пиру честно упоил честным питьем? С этого питья тебе вовек не проспаться! Сколько раз я тебе, дитятко, в Александрову слободу наказывала: не езди в город Москву, лихие люди в Москве, словно звери лютые, пышут ядом змеиным, изменническим».

И пал князь Михаил на постель свою, и начала утроба его люто разрываться от того питья смертного. Он метался по постели в тоске, и бился, и стонал, и кричал так страшно, как будто зверь под землей, и звал отца духовного. Мать же его и жена, княгиня Александра Васильевна, плакали, и весь дом его наполнился плачем, горькими воплями и причитаниями.

И дошел слух о его страшной болезни до войска его и до его помощника, до немецкого воеводы, до Якова Пунтусова. И многие доктора немецкие с разными лечебными припасами не могли никак болезнь назад повернуть. И пошли со двора от князя доктора немецкие, и слезы о нем проливали, как о государе своем.

И в тот же день перед всенощной — как сказано в житии Василия Великого — «солнце к солнцам зашло», — случилось это на исходе дневных часов, месяца апреля в 23 день, в ночь со дня памяти великого воина и мученика Георгия на день памяти воеводы Саввы Стратилата, — ведь и князь Михаил был и воин, и воевода, и стратилат. Но тогда сразу весть эта не разнеслась по Московскому

государству из-за того, что тогда ночь была. Утром же на рассвете, во вторник, когда солнце начало всходить, слух разнесся по всему царствующему граду Москве: «Покинул этот свет, скончался князь Михаил Васильевич!»

И тогда собираются к его дому множество войска, дружина и храбрые его помощники, и множество народа, как пишется, «юноши с девами, старики с молодыми», и матери с младенцами, и люди всякого возраста, — все со слезами и громким рыданием. От войска же его и храброй дружины князя Михаила Васильевича приходили в дом его ближайшие его помощники, воеводы и дворяне, и дети боярские, и сотники и атаманы, и к одру его припадали со слезами, с громким воплем и стенанием. И жалобно, сквозь слезы, говорили они и причитали: «О господин, не только, не только, но и государь наш, князь Михаил Васильевич! Покинул ты этот свет, предпочел быть воином Небесного Царя, а нас на кого оставил? И кто у нас грозно, и красиво и храбро полки выстроит? И кому приказал нам теперь служить? И у кого нам жалованья просить? И за кем нам радостно и весело на врагов ехать в бой? Ты, государь наш, не только подвигом бранным своим врагов устрашал, но и замыслами: только задумаешь поход на врагов, на литовцев и на поляков, как они от одной мысли твоей далеко бегут, страхом гонимые. А ныне мы — как скоты бессловесные, овцы, не имеющие крепкого пастыря! У тебя, государя нашего, в полках войска нашего и без наказания порядок, страшный и грозный, а мы все — радостны и веселы. И как ты, государь наш, перед нашими полками поедешь, и мы, как на солнце на небе, на тебя насмотреться не можем!»

Пишем все это вкратце, ибо не сумеем подробно жалостный их плач и причитание описать. Но вернемся к прежнему повествованию.

Так ко двору его стекаются и власть имущие, и всем распоряжающиеся, и управляющие царскими делами и народными, стекаются и нищие, и убогие, и вдовицы, и слепые, и хромые — все со слезами и горьким воплем плачут и причитают; собираются и богатые вельможи.

Пришел и немецкий воевода Яков Пунтусов с двенадцатью своими воеводами и дворянами. Московские вельможи не хотели его — из-за его неправославия — в дом к князю пустить, к мертвому телу. Яков же с бранными словами и в слезах сказал им: «Как же вы меня не пустите своими очами видеть не только господина моего, но и государя и кормильца! Что такое случилось?!» И пустили его в дом. Пришел Яков и увидел мертвое его тело и разрыдался горько и целовал его; простился и пошел со двора, горько плача; и, захлебываясь от слез, говорил: «Люди московские! Уже не увидеть мне больше такого государя не только на Руси вашей, но и в моей Немецкой земле, даже и среди королей!»

Пришел и сам царь с братьями своими, пришли и патриарх (тогда святительский престол Великой России держал Гермоген), и митрополиты, и епископы, и архимандриты, игумены и протопопы, и весь священный собор, и иноки, монахи и монахини, и не было места, где можно было бы поместиться, из-за множества народа.

Затем посылают искать — на всех торгах Московского государства — дубовую колоду, то есть гроб, чтобы положить в него тело его. И, сняв мерку, по всем торжищам ходили, и выбрали самую большую колоду изо всех, но никак не могли вместить его тело. И тогда еще выдолбили с концов эту колоду и так с трудом положили в колоду тело, чтобы нести его в церковь. А затем привезли огромный каменный гроб, но и в тот нельзя было вместить тело его, ибо был он телом очень велик, по речению пророка Давида, «больше сыновей человеческих». И тогда, уложив его в деревянный гроб, понесли и хотели положить в Чудовом монастыре

архангела Михаила до того времени, пока тело его не положат в граде Суздале, вместе с гробами прародительскими и родительскими, и пока не приготовят упомянутый выше каменный гроб. Но в городе Суздале в это время были великие беспорядки, так как взяли там верх изменники и литовские люди, паны с войском своим; и решили, что когда те уйдут оттуда, тогда отвезут его в город Суздаль.

И услышал народ, что хотят тело его в Чудовом монастыре положить, и возопил весь народ в один голос: «Подобает, чтобы такой муж — воин, и воевода, и врагов победитель, был положен в соборной церкви архангела Михаила, вместе с гробами царскими и великих князей, ради его великой храбрости и побед над врагами, а также и потому, что происходит он из их же рода и колена», — как мы уже ранее сказали.

И тогда царь громогласно народу объявил: «Достойно и справедливо так поступить». И тогда на головах понесли его в соборную церковь архангела Михаила; шли за ним патриарх, и митрополиты, и весь священный собор, шел за ним царь и царские советники, и множество народа шло впереди и сзади, и священный собор пел надгробное пение.

От крика же народного и громких причитаний надгробное пение заглушалось, и не слышны были из-за них голоса поющих. И удивительно было видеть такое стечение народа, идущего впереди и позади гроба, и было людей бесчисленное множество, как звезд небесных, или, по Писанию, как песка морского. И нельзя было увидеть ни одного человека, который бы не плакал, но все были в слезах, крик, и плач, и рыдание громкое раздавались отовсюду: плакали и богатые, и убогие, и нищие, хромые и слепые, а безногие ползали, бились головами о землю, плакали и жалобно причитали. И сам царь и патриарх плакали горько — со стенаниями, воплем и рыданием на глазах у всего народа; если у кого-нибудь и было каменное сердце, то и тот слезами заливался от жалости, видя весь народ плачущим.

И так с великим трудом — из-за тесноты — несли его тело в гробу к церкви, — народ теснился так же, как некогда при погребении Алексея, человека Божьего, и донесли, и поставили посередине церкви архангела Михаила; и, отпев подобающее надгробное пение, разошлись до тех пор, пока упомянутый выше каменный гроб не приготовят и могилу для гроба не выкопают. Но убогие и нищие, вдовы и иноки сидели у гроба в этот день, оплакивая его и скорбя, и псалмы Давида над гробом непрестанно читали, попеременно, день и ночь.

Утром, на рассвете, когда закончилось утреннее славословие и солнце опять засияло, и настал второй час дня, опять собрался народ со всего Московского царства, так как вчера еще не все узнали о смерти и не было известно, где будут погребать. Теперь и то и другое узнали, и стекается поэтому бесчисленное множество людей отовсюду: мужчины и женщины, и, как выше говорилось, старики с молодыми, нищие, слепые и хромые, и такие, которые и не видели его, пока он был жив, но слышали о его храбрости и победах над врагами и теперь захотели быть среди погребающих. Тогда и торжища обезлюдели и все лавки пустыми остались, а холопы бросили службу у господ своих, и все дома опустели, остались без жителей: люди всех возрастов стекаются на погребение его.

Через некоторое время царь и патриарх, и прочие власти, и священный собор собрались все в церковь эту, и начался обряд погребения пением по уставу, и голоса поющих громко неслись ввысь, пели два хора попеременно. И были здесь бояре и служилые люди, которые с ним вместе несли тяжелую воинскую службу, были вместе в победах и поражениях, а более всего было людей из простого народа, по сказанному выше, как звезд небесных или песка морского: вдов,

оставшихся без мужей, монахинь, нищих, сирот, причитающих с плачем и воплями. И не стало слышно голосов поющих, и казалось, что все как будто в исступлении ума, как будто и воздух загудел, и сама земля застонала, и камни зашевелились — не только в церковных стенах, но и в городских; по словам пророка, «крыша храма поднялась от голосов вопиющих». И не слышно было голосов поющих, а священники осветили все в церкви множеством свечей, и пол церковный был залит слезами народными.

И не сказать и не описать этого, а по апостольскому речению и «сердце человека не постигнет» то, как люди оплакивали его и как жалобно причитали! Одни называли его столпом, опорой Русской земли, другие именовали укрепленной и сильной крепостью, иные называли новым Исусом Наввиным, иные — Гедеоном и Вараком, или Самсоном, победителем иноплеменников: уехал с малыми силами, и увеличил их, и вернулся со многими. Одни называли его Давидом, отомстителем врагам, другие — Иудой Маккавейским, бесстрашно воевавшим в такое трудное время. И, как апостол сказал, «преодолели немощь, и стали сильны в сражениях, обратили в бегство полки иноплеменников». Кто-то из народа громогласно возопил со слезами в храме архангела Михаила: «Взял у нас, Господи, такого воеводу князя Михаила Васильевича — теперь сам защищай нас, как при Езекии от Сеннахирима, царя Ниневийского!» А кто-то из слуг князя сказал: «Не суждено такому телу в земле истлеть: мне известна его телесная и духовная чистота».

Да что много говорить: уши не вместят жалобных причитаний их плача! И казалось всем, что сон видят или постичь не в силах, как было это с Петром апостолом, когда ангел вывел его из темницы.

Не только люди Русской земли плакали и все государство, но и иноземцы, немецкие люди, и сам шведский воевода Яков Пунтусов плакал и русскому народу, в слезах от жалости, говорил: «Уже не стало нашего кормильца и вашего покровителя, Русской земли опоры и защиты, крепкого воеводы!» Другие же люди из народа и с ними весь русский народ — умолчим далее о слезных и жалостных причитаниях немецкого воеводы — возопили: «Воистину так оно и есть!» Ведь плач их, как в Евангелии сказано, «не поместится в писаных книгах».

И так, отпев надгробную службу, кладут его в каменный гроб, о котором речь была выше, и относят его в придел за алтарем соборной церкви, на южной стороне, — в церковь Обретения честныя главы пророка Иоанна Крестителя. И там опускают его в только что выкопанную могилу, в которой никто, по Евангелию, прежде него не был положен, в той же соборной церкви, как прежде сказали, за алтарем придела Святой Живоначальной Троицы, где были погребены благочестивые, блаженной памяти цари и великие князья: царь и великий князь всея Руси Иван Васильевич, в иночестве Иона, и сын его, благодатный и благородный и благочестивый царевич Иван, и второй сын его, царь и великий князь всея Руси Федор Иванович.

Еще немного об этом поговорим, напомним о ветхозаветных историях, о том, как плакал о патриархе Иакове Иосиф и другие его братья, и с ним египтяне, или о том, как плакал весь народ Израиля при пророке Моисее во время исхода израильтян из Египта в пустыни горы Синайской, или о том, как великим плачем плакал о пророке Самуиле весь народ Израиля; не меньше был плач и о царе Иосии, плакал униженный и побежденный народ Израиля об Иуде Маккавее и о братьях его. Здесь же не меньший был плач всенародный, нового Израиля, христианского народа государства Московского.

А о матери его княгине Елене Петровне и жене его княгине Александре

Васильевне что можно сказать или написать! Самим вам известно материнское горе и рыдание, и по своим детям понимаете, каково материнскому сердцу страдать по своему дитяти, даже если смерть забирает самого младшего ребенка, а не единственного! И как описать то, как княгиня Елена и княгиня Александра горько плакали, и кричали, и вопили, и бились о гробницу белокаменную князя Михаила, жалобно в слезах причитая.

Мать его причитала жалобно: «О дитя мое, милый князь Михаил! Для моих слез ты из утробы моей на этот свет родился! И зачем ты только в утробе моей зародился! И зачем утроба моя тебя выносила, не извергнула тебя на землю!» А жена его причитала: «Государь мой, князь Михаил Васильевич! Жена ли тебе не по сердцу была — я, грешница, и ты того ради смерти предался? И почему мне ничего не поведал? А теперь возьми меня в твой каменный гроб, и в гробу я смерти предамся! Готова за тебя в аду мучиться, чем оставаться живой без тебя на этом свете!» Сами представьте их жалобное причитание, весь плач их горький не описать.

Да будет вам известно, что и сам царь Василий, когда возвратился с погребения, пришел в палату свою и на престол золотой свой царский ниц упал и плакал, захлебываясь от горького плача, и так престол слезами намочил, что слезы на пол с престола капали.

Мать же его, княгиню Елену, и жену его, княгиню Александру, ближние их верные слуги едва смогли, с трудом оторвав от гробницы, отвести в дом их. Монахини же, иноки и вдовицы со слезами утешали их: «Не плачьте, княгиня Елена Петровна и княгиня Александра Васильевна! Богу так было угодно, чтобы короткий век он жил; а вам бы не помешаться в разуме от долгого плача и скорби великой!» И княгини, мать и жена его, придя в дом свой и упав ниц на скамью, плакали горько и захлебывались от плача, стонали и скамью слезами залили, и слезные потоки, как речные струи, на пол со скамьи лились, и до утра они без пищи были, как и Давид, когда плакал он по Ионафане, сыне Саула.

И старицы, словно галки, а вдовы, словно ласточки, сидели около церкви с утра и весь день, так же и матери с младенцами, и многие боярские жены, овдовевшие, сами печалуясь, собирались вместе около этой церкви.

И было среди людей большое смятение и волнение, пересуды об этой смертельной болезни, и говорили все друг другу: «Откуда на такого мужа пришла внезапная беда: смерть как мечом посекла, ведь это был такой воин и воевода? Если это Божие попущение, то воля Господня да будет!» И все тут в скорби были.

Не подобает о случившемся молчать, ведь сказал ангел Товиту: «Дела Бога надо проповедовать, а тайны царя — таить». Так и здесь случилось. Один из жителей города — раньше он был на царской службе, служил писцом Дворцового приказа — поведал нам, рассказывая осторожно: «Прежде, — сказал, — кончины его княжеской (того князя, о котором теперь повесть рассказываем) за 15 дней, в ночь с праздника Воскресения Христова на понедельник, я видел видение. Казалось мне, что я стою на площади государевой — между соборной церковью Пречистой и собором Архангельским. И посмотрел я на царские палаты. И видится мне, что один из столпов расселся и потекла из него вода, такая черная, как смола или деготь. Затем одна половина столпа отломилась и упала, а вскоре после этого и другая половина разрушилась, и обе рассыпались в прах. И падение это показалось мне страшным. Я от страха очнулся я от сна и размышлял о видении этом. И после заутрени уже дольше скрывать свой сон не смог и рассказал его тут одному мужу, старому по возрасту — ему было 90 лет от рождения, — и у царей в приказах он занимал чины большие и многое знал, и по

старости оставил царскую службу, и жил в смирении, содержание на жизнь получая от своих вотчин. Он же, услышав от меня этот рассказ и подумав, сказал мне: „Кажется мне, что какому-то великому мужу из царского окружения грозит смерть". И я размышлял о видении этом и о словах старца, и никому не рассказывал о них до сего дня, пока не сбылось это в настоящее время».

О прочем же умолчим, да не постигнут нас, по словам апостола, беды, лишь немного побеседуем о происшедшем.

Новая повесть о преславном Российском царстве

Подготовка текста, перевод и комментарии Н. Ф. Дробленковой

ВСТУПЛЕНИЕ

«Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском» — агитационное патриотическое произведение, оформленное как грамота-воззвание, отклик писателя-патриота на события русской истории за декабрь 1610 — февраль 1611 г. Автор призывает современников к вооруженному сопротивлению против иностранных интервентов и предателей из правительства национальной измены — «Семибоярщины». «Новая повесть» появилась на волне начавшего формироваться в январе—марте 1611 г. первого народного ополчения, в канун стихийно вспыхнувшего в Москве восстания 19 марта 1611 г. (но не ранее начала февраля 1611 г.).

«Новая повесть» создавалась на фоне широко распространенных в стране агитационных патриотических грамот (обращенных ко всем сословиям населения), которыми обменивались между собой русские города и в распространении которых с января 1611 г. принимал участие П. П. Ляпунов, возглавивший первое народное ополчение (в состав которого, после разгрома Лжедмитрия II — Тушинского Вора», влились и казацкие «таборы» под предводительством Д. Т. Трубецкого и И. М. Заруцкого). Однако восстание 19 марта 1611 г. было подавлено, так как отряды П. П. Ляпунова, двинувшиеся 3 марта 1611 г. с «нарядом» и «гуляй-городом» из Коломны к Москве, не успели к его началу.

В «Новой повести» передано настроение поднимавшихся на освободительную борьбу патриотических сил столицы. Оценка событий связана с отношением автора к августовскому договору

1610 г., заключенному московским боярским правительством, «Семибоярщиной», пришедшей к власти после свержения с престола царя Василия Шуйского (17 июля 1610 г.). По этому договору Сигизмунд III должен был снять осаду Смоленска и дать королевича Владислава на царский престол (при условии принятия им православия). Для подписания текста договора в лагерь Сигизмунда под Смоленск было направлено «Великое посольство» во главе с князем В. В. Голицыным и митрополитом Филаретом, которое сразу же по прибытии фактически оказалось в плену у польского короля.

В ночь на 2 сентября 1610 г. правительство «Семибоярщины» под угрозой новой вспышки крестьянской войны «за царевича Димитрия» (отряды Лжедмитрия II

стояли вблизи от Москвы, в Калуге) впустило в столицу стоявший под стенами города гарнизон гетмана С. Жолкевского и привело соотечественников к присяге королевичу Владиславу. Между тем в нарушение договорных условий уже 19 августа 1610 г. Сигизмунд направил в Москву первое тайное указание о приведении жителей Московского государства к новой присяге самому королю.

После оккупации Москвы жизнь столицы оказалась полностью во власти королевских наместников, начальников польского гарнизона. В конце января — начале февраля 1611 г. (при гетмане А. Гонсевском) начались постепенное выведение из города русских ратников и стягивание в Москву польских отрядов, участились случаи бесчинств оккупационных солдат, надругательств над святынями, притеснение московских жителей (вплоть до закрытия Кремлевских ворот) и проч. Обо всем этом и пишет автор «Новой повести». Гневно осуждая путь национального предательства, на который вступило московское боярское правительство (когда «земледержцы»-«правители» превратились в «землесъедцев» и «кривителей»), и раскрывая подлинную суть политического обмана польского короля Сигизмунда, автор призывает соотечественников к вооруженному сопротивлению иноземным оккупантам и предателям отечества из правительства.

Название «Новая повесть...» дано произведению одним из поздних переписчиков в 30—40-х гг. XVII в., который воспринимал ее уже как историко-публицистическое повествование «о новых» «страстотерпцах» и «новых изменниках» и «мучителях», «разорителях» и «губителях веры християнския». Своеобразие этого памятника древнерусской литературы в том, что в нем сочетаются черты историко-публицистического повествования с формой и стилем, присущими памятникам агитационной деловой письменности, тем патриотическим грамотам-воззваниям, которыми тайно обменивались русские города во время польско-шведской интервенции 1608—1612 гг. Неверно было бы отождествлять «Новую повесть» и с «подмётными письмами» («листами»), которые обычно подбрасывались для прочтения в людных местах. Повесть же предназначалась для тайной передачи только проверенным патриотам из рук в руки.

По своей идейно-тематической направленности, содержанию и стилистическим приемам она ближе всего к двум литературно обработанным «грамоткам» — воззваниям, написанным примерно тогда же или немного ранее, в январе — феврале 1611 г., и, вероятно, тем же московским книжником. Воззвания эти были восприняты современниками как подлинные грамоты из Москвы и Смоленска и были включены в состав февральской «отписки» из Нижнего Новгорода в Вологду 1611 г. вместе с грамотой П. П. Ляпунова из Рязани в Нижний Новгород.

Создавая Повесть, автор следовал и композиции, и стилю агитационных патриотических грамот-воззваний: «Новая повесть» начинается и кончается традиционными адресатами-обращениями к людям «всяких чинов» «преименитаго Великаго государства» и следует принятым в них приемам описаний бытовых народных сцен (например, в сцене у Кремлевских ворот), их темам и призывам. Однако, сохраняя эти жанровые признаки агитационной письменности, «Новая повесть» представляет собой пространное художественное произведение, выполненное искусным книжником-стилистом, который свободно владел как приемами высокого риторического стиля, таки стилем деловых документов, знанием традиционных метафор и образов, обличительных средств

русской демократической сатиры, а также мастерством ритмической и рифмованной речи, и с помощью этих выразительных средств сумел создать яркие и контрастные образы патриотов и врагов, «явных» и «тайных» предателей. Героически обороняющийся Смоленск изображен им как «прехрабрый воин», удерживающий за узду взбешенного жеребца; сам король Сигизмунд III — в образе жениха-насильника, а Россия — в образе прекрасной богатой и благородной невесты. Раскрывая свои политические симпатии сторонника августовского договора 1610 г., автор восхваляет героизм двух «вящих самых» из «Великого посольства» (В. В. Голицына и Филарета) и создает идеализированный образ патриарха Гермогена как «доброго пастыря» и «учителя», «воина Христова», «крепкого адаманта» и одиноко, но непоколебимо стоящего опорного «столпа» всей «Великой полаты» — России. Уникален и автопортрет создателя «Новой повести», впервые в русской литературе раскрывающий сложную и противоречивую психологию тайного патриота, вынужденного жить двойной жизнью.

Текст «Новой повести» печатается по изданию: Дробленкова Н. Ф. «Новая повесть о преславном Российском царстве» и современная ей агитационная и патриотическая письменность. М.; Л., 1960. С. 189—209, с внесением изменений по правилам публикаций в *БЛДР;* выверен по единственному сохранившемуся списку: *ГБЛ,* собр. МДА, № 10 (175), в 4-ку, л. 369—388 об., находящемуся в составе сборника Троице-Сергиева монастыря. В книге Н. Ф. Дробленковой (в Приложении - с. 288-234) опубликованы также тексты двух московских подложных литературных «грамоток» — воззваний 1611г., написанных от имени москвичей и смольнян (с. 226—234), ближе всего стоящих к «Новой повести».

ОРИГИНАЛ

НОВАЯ ПОВѢСТЬ О ПРЕСЛАВНОМЪ РОСИЙСКОМЪ ЦАРСТВЕ И ВЕЛИКОМ ГОСУДАРСТВЕ МОСКОВСКОМЪ, И О СТРАДАНИИ НОВАГО СТРАСТОТЕРПЦА СВЯТѢЙШАГО КИР ЕРМОГЕНА,[1] ПАТРИЯРХА ВСЕА РУСИИ, И О ПОСЛАНЫХ НАШИХЪ, ПРЕСВЯЩЕННАГО ФИЛАРЕТА, МИТРОПОЛИТА РОСТОВСКАГО, И БОЛЯРИНА КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ГОЛИЦЫНА С ТОВАРЫЩИ,[2] И О крѣпкомъ стоянии града смоленска,[3] И О НОВЫХ ИЗМѢНИКАХ,[4] И МУЧИТЕЛЕЙ, И ГОНИТЕЛЕЙ, И РАЗОРИТЕЛЕЙ, И ГУБИТЕЛЕЙ ВѢРЫ ХРИСТИЯНСКИЕ, ФЕДКИ ОНДРОНОВА С ТОВАРЫЩИ[5]

Преименитаго Великого государства матере градовом Росийскаго царства православным християномъ — всякихъ чиновъ людем, которые еще душь своихъ от Бога не отщетили, и от православные вѣры не отступили, и вѣрою прелести не последуютъ, и держатся благочестия, и к соперникомъ своимъ не прилепилися, и во отпадшую ихъ не уклонилися, и паки хотятъ за православную свою вѣру стояти до крове.

Бога ради, государи, моляще его, Всемилостиваго Бога, и Пречистую его Матерь, заступницу нашу, и молебницу, и помощницу всему роду нашему християньскому, и великих чюдотворцов, иже у нас в Троице[6] преименитых, и всехъ святыхъ, не нерадите о себѣ! Вооружимся на общих сопостат нашихъ и враговъ и постоимъ вкупѣ крѣпостнѣ за православную вѣру, и за святыя Божия церкви, и за свои души, и за свое отечество, и за достояние, еже намъ Господь далъ, и изберем славную смерть! Аще и будет намъ то, и по смерти обрящем Царство Небесное и вѣчное, нежели здѣ — безчестное, и позорное, и горкое житие под руками враг своихъ.

Поревнуемъ и подивимся великому оному нашему граду Смоленьску, его же стояние к Западу, како в немъ наша же братия, православныя християне, сидятъ, и великую всякую скорбь и тесноту трпятъ, и стаят крѣпцѣ за православную вѣру, и за святые Божия церкви, и за свои души, и за всѣхъ за нас, а общему нашему сопостату и врагу, королю, не покорятся и не здадутся. Сами вѣдаете, с коего времяни сидятъ и всякое великое утеснение терпятъ, и ни на которую мѣру не поползнутся и никакову ихъ вражию прелесть и на обѣщание не прельстятся, что имъ обѣщеваетъ и самъ нашь сопостат. И вси стоятъ единодушьно, и непреклонно, и неподвижно умомъ и душею на ихъ прелестное ложное обѣщание. И душь своих не потопят и во вѣки ими погибнути не хотят, а хотят славнѣ умрети, нежели безчестнѣ и горко жити. И каково мужество показали и какову славу и похвалу учинили во всѣ наше Росийское государьство! Да не токмо в нашу во всю пресловущую землю, но и во иншия орды, в Литовскую, и Польскую, и во иные многие; чаят, и до Рима, или будет и дале паки же, ту славу и хвалу пустили, якоже и у насъ. Да и самого того короля, лютаго врага, сопостата нашего, и его способниковъ (таких же безбожниковъ, яко же и онъ, которыя с нимъ тамо, подо онымъ градомъ стоятъ и градъ тый, аки злыя волки, похитити хотятъ, и которые у нас здѣ, в великом нашем граде,[7] живутъ, и на сердцах нашихъ стоятъ и, аки лютыя лвы, всегда поглатити насъ хотят), и Сотворителя нас всѣх еще удивили. И ужасали еще и до самого ихъ злокозненаго и злоестественаго сердца имъ досадили, понеже у нихъ многихъ доброхотных ихъ, а нашихъ враговъ, перерубили, и перегубили, и позорныя смерти многимъ давали, да и нынѣ Божиею помощию всегда ихъ, враговъ, губятъ и зелнѣ им грубятъ. Чаемъ, яко и малым дѣтемъ слышавше, дивитися той ихъ, гражанъ, храбрости, и крепости, и великодушию, и непреклонному уму.

Аще будет ихъ до конца Богъ тако укрѣпит, яко же нынѣ, и учинят таковое свое крѣпкое стояние и великое скорбное терпѣние за православную вѣру, и за святыя Божия церкви, и за себя, и за всѣхъ за насъ, и усидятъ, и тою своею крепостию все царство удержатъ от лютаго нашего сопостата, по коихъ местъ, самъ Господь вѣсть и, неизреченными своими судбами, невидимо великую свою милость подастъ всѣму нашему Великому государьству, и избавитъ нас всѣхъ от толиких неудобносимых бѣдъ, и изметъ нас из рукъ тех враговъ наших, аки агнецов изо устъ волчиихъ. Тогда кто готовъ будетъ изрещи ту ихъ доблесть и крепость?! Тогда и паки достоит дерзостно рещи, что такоже не в свою едину землю, но и во иныя многия орды: до Царяграда, и до Рима, и до Иерусалима, и к самому востоку же, и западу, к сѣверу и югу славе той проити: «Во оном царстве самъ той град спасеся, и иных спасе, и сопостата и врага-короля попра и прогна, и все свое Великое государство удержа». Аще бы таких крепкостоятелных и поборательныхъ по вере градовъ в Росийскомъ государстве хотя и немного было, не токмо что всѣ, никако же бы тѣмъ нашимъ врагомъ и злым волкомъ было в нашу землю входно, отнюдь, просто рещи, — и повадно.

Подобает же намъ ревновати и дивитися и посланным нашимъ от всея нашея Великия Росия: вначале — от подражателя и сопрестолника святых святѣйших вселеньских патриярхъ, от первенца и главы церковныя всея Русии, пастыря нашего и учителя, и отцемъ отца и святителя, неложнаго стоятеля, и крѣпкаго побарателя по вере християнстей; потомъ — от благородных и великихъ самѣхъ земледержцовъ наших и правителей, нынѣ же, близ рещи, и кривителей (и не о томъ днесь слово, иже впредь узрите); таже и — *от* всѣхъ людей всяких чиновъ, — под онный градъ Смоленескъ, к тому сопостату нашему и врагу-королю, на добрѣйшее дѣло, на мирное совѣщание и на лутшее уложение,[8] чтобы от того гнилаго и нетвердаго, горкаго и криваго корении древа, и в застени стоящего (на него же, мню, праведному солнцу мало сияти, и совершеннѣй благодати от него

бывати, и аще будетъ по строю своему вмале на него и призираетъ, но искоренения его ожидаетъ), токмо за величества рода, хотящую нама вѣтъвь от него отвратити, и водою и Духомъ совершенно освятитися, и на высокомъ и преславномъ мѣсте посадити, иже всѣх мѣстъ превыше и славнее своимъ изрядством во всей поднебесней Вышняго волением. И рости бо той вѣтви и цвѣсти во свѣте благовѣрия, и своея бы ей горести отбыти, и претворитись бы в сладость, и всѣмъ людемъ подовати плодъ сладокъ, и злое бы корение и зелие ис того мѣста вонъ вывести (понеже много того корения злаго и зелия лютаго на томъ мѣсте вкоренилось!), и уже бы тому высокому и преславному мѣсту не колебатися, занеже, за некое неисправление пред Сотворшим вся, мѣсту тому колебатися, и живущимъ на нем смущатися, и главами своими глубитися, и велицѣй крови литися. И тое бы посаженую вѣтвь брещи со всякимъ опасениемъ, единодушна, а не двоедушно, сиречь рожденнаго бы от него у него испросити, и к намъ с нимъ приити, и нам бы его, по нашему закону, аки новородити, и от тмы невѣдения извести, и, аки слѣпу, свѣтъ дати, и на великий престолъ возвѣсти, и посадити, и скипетръ Росийскаго царства вручити.[9] И ему бы у насъ вся добрая творити, и закона бы нашего и устава ничемъ не разоряти, и своего бы ему злаго прирожения забыти. А намъ бы ему такоже неизмѣнно и непоползновенно служити. И тѣхъ бы враговъ нашихъ и губителей от нас, съ царствующаго града и изо всея нашея земли, вон выслати и выгнати, аки злых и гладных волковъ, в свою проклятую землю и вѣру. И уже бы к тому неповинней крови християнстей не литися, и волнению престати, и впредь тихо и безмятежно жити, аще всемилостивый Владыко по толико время праведный свой гнѣвъ утолитъ.

Злонравный же злый онъ, сопостат-король, никакоже ничего того не хотя и не мысля в умѣ своемъ, тако тому быти, якоже нам годѣ,[10] — понеже от давныхъ летъ мыслят на наше Великое государство всѣ они, окаянники и безбожники, иже и преже того были, ево же братия, в той же ихъ проклятой землѣ и вѣре, како бы имъ Великое государьство наше похитити, и вера христианьская искоренити, и своя богомерзкая учинити. Но не у бѣ имъ было время, дондеже прииде до того нынѣшняго нашего сопостата-врага, короля. Но зѣло зѣль возрадовася во злокозненомъ сердцы своемъ, и воскипѣ всѣми уды своими, якобы нѣкто, не изгубя, велико богатество хощетъ обрѣсти, и вельми рад бысть въ сердцы своемъ, и, нѣкоея ради вины, еще не до конца его видитъ в рукахъ своихъ. Такоже и онъ, окаянный король. Ни ему искони дано от Бога и паки — ни его достояние, ни отечество, а хощетъ сие Великое наше государство и в немъ безчисленное богатество взяти, и владѣти, и радуется, и кипитъ злымъ своимъ сердцемъ; чаяти, яко и на мѣсте мало сидитъ, или такоже мало и спитъ, от великия тоя своея радости, и непокорением и удержаниемъ того крѣпкаго нашего града[11] еще не до конца все наше Росийское великое государьство у себя в рукахъ *видитъ.* Или нѣкий же злый и силный безбожник, яко же онъ: не по своему достоянию и данию ему от Сотворителя всѣхъ, хощетъ *пояти* за ся невѣсту, красну и благородну, богату же и славну, и всячески изрядну, паче же и благовѣрну. И нехотѣния ради невѣстня и ея сродниковъ и доброхотовъ (кромѣ ея злодѣевъ) не можаше ю вскорѣ взятит и за ся пояти, дондеже сродников и доброхотовъ невестнихъ силою и некоимъ ухищрением ихъ побѣдитъ и под ся покарит, тогда и невесту за ся и со всѣмъ ея богатествомъ получитъ. Такоже и онъ, окаянный, нехътѣния ради к нему царствующаго великаго нашего града и оного крѣпкаго нашего же заступника и поборника,[12] иже онъ, окаянный, под нимъ стоитъ, и иных и всѣхъ градовъ наших, не хотящихъ за него (кроме его доброхотовъ, а нашихъ злодѣевъ, которыя от него нынѣ прелщены и тлѣнною, и мимотекущею, и погибающею славою и богатествомъ ослепляны, — о них же намъ впреди вмалѣ будет слово), еще не до конца Великое наше государство в рукахъ своихъ держитъ.

И паки надѣяся на то, окаянный, что Божиимъ изволениемъ царский корень у насъ изведеся,[13] вмѣсто тлѣннаго и мимотекущаго, царство небесное и вѣчно восприяша, и земли нашей без нихъ, государей, овдовѣвши и, за великия грѣхи наша, в великия скорби достигши. И горши всего, — раздѣление в нѣй на ся учинися: и гордости ради и ненависти не восхотѣша многи от християньска рода царя изобрати и ему служити, но изволиша от иновѣрных и от безбожныхъ царя изыскати и ему служити.[14] И тѣ, прежеречернныя его доброхоты, а наши злодѣи, — о именех же их нѣсть здѣ слова, — растлилися умы своими, и восхотѣша прелести мира сего работати, и в велицѣй славѣ быти, и инии, несый человецы, — не по своему достоиньству саны честны достигнути. И сего ради от Бога отпали, и от православныя вѣры отстали, и к нему, сопостату нашему, королю, вседушно пристали, и окаянными своими душами пали, и пропали, и хотят ево, злодѣя нашево, на наше Великое государство посадити, и ему служити.[15] И по се время мало не до конца Росийское царство ему, врагу, предали! Аще бы имъ мощно, то единем бы часомъ привлекли его, врага, сюдѣ и во всем бы с ними над нами волю свою сотворили. Но всемилостивый Владыко еще на нас, грѣшныхъ, своею милостию призирает, и мысль их и совѣтъ разаетъ, и тѣмъ крепкимъ нашимъ градомъ, иже он, злодѣй, под нимъ стоитъ,[16] его утержеваетъ, и к намъ итти воспрещает. Аще за великия грѣхи наша, его же Божиимъ прогнѣваниемъ и его, злодѣя нашего, злымъ умышлениемъ, которою мѣрою возмет тотъ нашъ крѣпкостоятелный град, тогда и царствующаго града доидеть;[17] и всѣхъ достигнет, и насъ себѣ покоритъ. И паки тѣ ево доброхоты, а наши злодѣи, вси об немъ радятъ, и во всемъ ему добра хотят, и великое Росийское царство до конца хотят ему отдати для своея мимотекущия славы и величества. И того ради онъ, окаянный, не хощет такъ сотворити, яко же намъ годе. И уже, конечно, во умѣ своемъ мыслить, что Великое наше государство обовладелъ, а бѣсовъскаго своего воиньства всю нашу землю наполнилъ и конечно надеженъ сталъ быти.

И тѣхъ посланных нашихъ держит, и всякою нужею, гладомъ и жаждою конечно моритъ, и плѣномъ претитъ. И пошли от насъ со многими людьми в велицѣмъ числѣ, а нынѣ-де и в малѣ дружинѣ осталися вящихъ самых два.[18] А то-де и всѣ, для великие скорби и тѣсноты, не мога терпѣти, тому сопостату-врагу, королю, поклонилися и на ево волю вѣрилися. Того не вѣмъ, всѣ ли от желаннаго сердца к нему приклонилися, или будет втайнѣ искренное к намъ и нынѣ-де жжаты, с нами же за вѣру стояти хотятъ, токмо разошлися и разъѣхалися овии к намъ, а овии — инудѣ по своимъ мѣстомъ.[19]

И тѣ-де наши оставшии, сами *вящи,* стоятъ крепцѣ и непреклонно умомъ своимъ, яко же онѣ, гражанѣ, за святую непорочную християньскую вѣру и за свою правду, на чемъ был здѣ с подручникомъ его, з Желтовъскимъ (с таким же безбожникомъ, якоже онъ, сопостатъ нашъ) совѣтъ положилъ с нашими земледержьцы (нынѣ же, по своему уму, достигли имя что землесъѣдцы).[20]

Подобает же имъ велми дивитися и хвалити их. Что есть того похвалнѣе, и дивнѣе, и безстрастнѣе?! В рукахъ будучи у своего злаго сопостата и врага, и у смерти стоячи, и всякую нужу терпячи, и лицъ своихъ противу его, сопостата, не стыдятъ и в очи ему говорятъ, что отнюдь ево воли не бывати и самому ему у нас не живати, да не токмо ему, но и рожденному от него, аще не освятится тако, якоже мы, Божиею благодатию.

Паче же подивимся и удивимся пастырю нашему и учителю, и великому отцемъ отцу, и святителю! (Имя же его всѣмъ вѣдомо.) Како, яко столпъ, непоколебимо стоитъ посреди нашея великия земли, сирѣчь посреди нашего Великаго государства, и по православной вѣре побараетъ и всѣхъ тѣхъ душепагубных нашихъ волков и губителей увѣщеваетъ. И стоит единъ противу всѣхъ ихъ, аки

исполинъ-муже, безо оружия и безо ополчения воинъскаго, токмо учение, яко палицу, в руку свою держа протива великихъ агарянских полковъ[21] и побивая всѣхъ. Такоже и онъ, государь, вмѣсто оружия токмо словомъ Божиимъ всѣмъ соперникомъ нашимъ загражая уста, и посрамляя лица, и бездѣлны отсылая от себя. И нас всѣхъ укрепляетъ и поучаетъ, чтобы страха ихъ и прещения не боятися, и душами своими от Бога не отщетитися, и стояти бы крѣпцѣ и единодушно за преданную намъ от Христа вѣру и за свои души, яко же онѣ, граждане, во ономъ граде, и послании наши под тем же градомъ.

О великое Божие милосердие! Еще не до конца прогнѣвася на християньский род. О чюдо и дивъство! И воистинну великимъ слезамъ достойно, како мати градовомъ в Росийскомъ государстве всѣми стенами и многими главами и душами врагомъ и губителемъ покорилася, и предалася, и в волю их далася, кромѣ того нашего великого, крѣпкаго и непоколебимаго столпа, разумнаго и твердаго адаманта, и с нимъ еще многихъ православных християнъ, которыя хотят стояти за православную вѣру и умерети!

И оный, прежереченный, воистинну великий град, по своему дѣйству противу тѣхъ же сопостат нашихъ и враговъ, паче же рещи, противу самого того лютаго сопостата нашего, злаго короля, хотящаго погубити святую нашу и непорочную вѣру, — крѣпко вооружился, и укрепился, и не покорился, и не здался. Да и нынѣ стоит и крепится, близ рещи, что все великое наше Росийское государство держитъ и всѣхъ тѣх врагов нашихъ, тамошних и здѣшнихъ, и того самого общаго нашего сопостата-короля страшить. И, аки прехрабрый воин, лютаго, и свирѣпаго, и неукротимаго жребца, ревущаго на мску, браздами челюсти его удерживаетъ, и все тѣло его к себѣ обращаетъ, и воли ему не подастъ, аще ли подастъ, то и самъ от него погибнетъ, занесенъ будет в неисходный ровъ и сокрушится. Такоже и оный великий град, по своим дѣламъ и паки великий, тому сопостату нашему и похитителю вѣры нашея православныя, ревущему на Великое наше государство и на всѣхъ насъ, во умѣ ему запрещаетъ и к намъ итти возбраняетъ. Аще бы не оный град по се время ему претил и держалъ, без всякаго бы сомнѣния, давно сопостат нашь у нас здѣ былъ. И аще бы ему Богъ попустилъ за великия грѣхи наша, вконецъ бы всѣми нами обовладѣлъ и во всем бы над нами волю свою сотворилъ. Горше бы всего, святую и непорочную нашу вѣру такоже вконецъ искоренилъ, развѣ по Бозѣ великий и непоколебымый нашь столпъ удержалъ бы (или нѣтъ?) до конца, не смѣю дерзнути рещи. А нынѣ его, сопостата нашего, злаго короля, той нашь град ни за главу, ни за руцѣ, ни за нозѣ, но за самое злонравное и жестокое сердце держитъ и к намъ итти претитъ. И посланники наши такоже крѣпцѣ и вседушно по православнѣй вѣре побараютъ, и противу того супостата нашего ни в чем лицъ своих не стыдят, и в правдѣ противу его стоят. Аще и не во оградѣ со гражаны сидятъ и усты своими с ними совѣту не чинят, и Божиимъ промысломъ сердцы своими вкупѣ со гражаны по благочестии горятъ.

А здѣ, у насъ, прежереченный непоколебимый столпъ самъ крѣпко и непоколебимо во умѣ своем стоитъ, и не стѣны едины великаго нашего града держит, но и живущих в нихъ всѣхъ крѣпитъ, и учитъ, и умными ихъ в погибельный ровъ впасти не велитъ. И паки великое сие безводное море словесы своими утишивает и украчает. Сами вси видите! Аще бы не он, государь, здѣ держалъ, кто бы таковъ инъ восталъ и противу тѣхъ нашихъ враговъ и губителей крѣпко сталъ?! Давно бы страха ради прещения от Бога отступили, душами своими пали и прапали.

Аще будет Божиимъ волением, и поможениемъ, и всѣхъ нас грѣховъ непомяновениемъ, от дву сихъ крѣпких стоятелей и побор ателей по вѣре нашей християньстей все Великое наше государьство спасется, и от тѣхъ враговъ

избавится, и отстоится, по коих мѣстъ которая добра мѣра от вас учинится, и промыслъ вашь над тѣми враги явится (глаголю же, тамо — от града, а здѣ — от того крѣпкаго нашего и непоколебимаго столпа), никако же такова повесть велия и притча во многихъ землях утаится, но повсюду пронесется и прославится, яко таковыми мѣрами оно царство спасеся и от враговъ своих избавися. Паки реку: «О велико Божие милосердие и щедроты на всѣх насъ!» Тамо град стоитъ, и супостата держитъ, и во умѣ ему прѣтитъ, и всѣмъ намъ по Бозѣ и по православной вѣре побарати ревность даетъ, чтобы мы всѣ, видѣвъ его крѣпкое и непреклонное стояние, такоже крѣпко вооружилися и стали противу сопостатъ своихъ. А здѣ, у нас, нашь крѣпкий и непоколебимый столпъ стоитъ, и всѣхъ насъ крѣпитъ, и учитъ, и тому же граду ревновати велитъ.

Приидите, приидите, православнии! Приидите, приидите, христолюбивии! Мужайтеся, и вооружайтеся, и тщитеся на враги своя, како бы их побѣдити и царство свободити! Не выдайте по Бозѣ спасителей нашихъ и крѣпкостоятелей: тамо — града и посланых под него, а здѣ — общаго же нашего пастыря и учителя, и отцемъ отца, и святителя!

Скажу вамъ истинну, а не лжу, что однолично сопостаты наши, которыя у нас, нынѣ с нашими измѣнники-единовѣрники, и с новыми богоотступники, и кровопролители, и разорители вѣры християнския, с первенцы сатанины, со июдиными предателя Христова братиею, с началники, и со иными их подручники, и угодники, и единомысленники, иже недостойны по своим злымъ дѣломъ прямым своимъ званиемъ именоватися (рещи достоит ихъ — душапагубныя волки), хотят насъ конечно погубити, и под меч подклонити, и подружия наша и отроды в работу и в холопи поработити, и прижитие наше пограбити, горше же всего и жалостнѣе, — святую нашу непорочную вѣру вконецъ искоренити, и свою, отпадшую, учинити, и сами в нашемъ достоянии жити. Сами видите, что они нынѣ над нами чинятъ: всегда во очех нашихъ всѣмъ намъ смерть показуютъ, и поругаются, и насилуют намъ, и посекают насъ, и домы наша у нас отнимаютъ, и поносят намъ в лѣпоту. Яко волцы, зубы своими скрегчютъ, и грозятъ намъ, и претятъ смертию. Да не токмо намъ ругаются и смеются, но и самому Создателеву образу и Рождьшей его. И руками дерзаютъ и в вид существа Божия и Пречистыя его Матере стреляютъ, якоже нынѣ свидетельствуютъ злодѣйственнѣи руце, пригвожденнѣи к стене под образомъ Матери Божии[22] и всѣмъ им, окаяннымъ, в страхъ и в трепет. И хотятъ вси вооружены и изоострелены быти, на сущих злодеевъ изготовляны. Вѣдятъ, окаяннии, что не в свое достояние пришли и не свою мѣру хотятъ достигнути, аще имъ Богъ до конца попуститъ.

А нынѣ послали во всѣ городы, по которымъ стоятъ такия же губители и кровопролители неповинныхъ новоизраительскихъ[23] кровей, а велѣли имъ быти сюда, к намъ. А нашихъ людей же в воиньскомъ чину, которыя живут у нас здѣ, тѣхъ всѣхъ ссылаютъ доловъ,[24] а умышляючи то, чтобы их, враговъ, было много, а нас было мало, чтобы намъ отнюдь противу ихъ стати не мочно, и вконецъ бы имъ нами обовладѣти и себѣ покорити. На то не смотрите, православнии християне, и не имите тому вѣры, что они нынѣ пред вами лицемѣръство чинятъ: сами своихъ людей казнят. А все намъ блазнятъ, уверяючи и прелщаючи вас тѣмъ, тако творятъ и сказываютъ, что не отцу быти у нас, но сыну.

А и самъ тот злодѣецъ нашь, сыновень отецъ, тоже льститъ и блазнитъ, аки сатана, мечты творитъ и, аки бѣсовъ, с вестьми присылает, что хощетъ сына своего намъ дати,[25] по здѣшнимъ его, злодѣя, злодѣевъ нашихъ, а его доброхотовъ, по прежереченныхъ онѣх измѣнников, всему нашему Великому государству крестопреступниковъ и вѣры отступниковъ, и умышлению и добра

хотѣни ему, злодею. Видя здѣ, в мирѣ, колебание и за вѣру стояние, для того нам лстят и блазнятъ, чтобы насъ всѣхъ тѣмъ областити, и укротити, и великим бы нашим моремъ не взмутити, и имъ бы самѣм, врагомъ, в нем не потонути, и главами своими не наложити. А се умышляючи то, докуды с своими способники, с такими же безбожники, соберутся в число много и докуды самъ той супостатъ нашь и сущий врагъ всѣхъ насъ коею злою мѣрою, и Божиимъ попущениемъ, и всѣхъ насъ великимъ грѣхомъ, и неисправлениемъ пред нимъ, Господемъ, возметъ тот нашь крѣпкий поборник, сопротивный ему, злодѣю, град. Тогда, аки змий, возлетитъ к нам со всѣмъ своимъ бѣсовскимъ воинъствомъ, и которые нынѣ здѣ, у нас, всѣ на насъ востанутъ, аки змии и скорпии, или, яко волки лютыя, и обладаетъ нами. И тогда намъ будетъ от нихъ конечная погибель, аще Господь Богъ за великия грѣхи наша разгнѣвается на нас и конечно захочетъ насъ предати имъ, аки псомъ, на снѣдение.

Отнюдъ ничему тому не бывати, православнии, что сыну здѣ, у насъ, живати! Сами видите, что все блазный оман и прелесть. Или с нимъ не увѣритеся, видѣвъ над собою явное умышление?! Чаю, яко и малым отрочатем, слышавше, разумѣти мощно, не токмо сверстнымъ и в разумѣ совершеннымъ человекомъ. Коли отецъ лиха хощетъ сыну?! И нам сына дати, а самому, аки злому волку, под городомъ Смоленьскомъ стояти, и тѣмъ врагомъ воля дати землю нашу разоряти, и неповинную кровъ христьяньскую разливати, и на достолныхъ безмѣрныя и неподъятныя кормы имати, и до смерти же мучити, и тамо посланныхъ наших насмерть морити, и у насъ, здѣ, в великомъ градѣ, великое утеснение чинити?! Такъ ли сыну прочити, что все на конецъ губити?! А онъ, окаянный, тѣмъ дѣломъ не токмо сыну прочить, но и самъ здѣ жити не хощет. Токмо бы ему своя воля сотворити и великая бы слава учинити, что всѣми бы нами обовладѣли, и намъ бы под рукою его быти и его слыти. И ему бы своихъ подручниковъ, таких же безбожниковъ, в Великомъ государстве нашемъ посадити, и все б симъ царство, что еще вживе останется, предате правити и вѣдати, и дани-обраки всякия тяжкия имати, и к нему бы, ко врагу, аки бесомъ к сатанѣ, жертва приносити. Сему слову болше вѣрте, христолюбцы, что сыну — не бывати!

Преже сихъ дней было, всѣ вы слышели самое его, отцово, злокозненое сердце и тайна вся. Нѣкто, тое же душепагубныя бѣсовъския сонмицы, от нашего, Христа тезоименитаго, рода злуначальный губитель Божияго жребия (именем по всему его злому дѣлу не достоитъ его во имя мысленнаго или святого назвати, но достоитъ его нарещи «злый, человекъядный волкъ»), тому же нашему великому столпу, и отцемъ отцу, и святителю (имя же его всѣмъ вам вѣдомо) тот душепагубный волкъ яд свой изблевалъ, и тайную свою общую явѣ открылъ, и помыслилъ во злохитромъ своемъ умѣ того непоколебимаго нашего столпа покачати и на свою отпадщую от Бога страну кочнути. Аки змий, изъ своих устъ изрекъ, что он, великий столпъ и тверды адамантъ, въ ихъ в суеумышленную и человекоубиенную мысль и волю самъ бы поколебался, здался въ ихъ вражие хотение, и всему бы множесвенному народу безплотнымъ своимъ в погибелный ровъ во вѣки пасти понудил, и, всего бы мира спасение, злодѣйцу-отцу усты касатися повелѣлъ.[26] Великий же и непоколебимый столпъ Богомъ крѣпко водружан, не на песцѣ основанъ, но на земли сердечнѣй твердѣ: самъ никакоже не поколебался и не покачнулся нимало на ихъ отпадшую от Бога страну и великую полату широтою и долготою и округ, иже об немъ стоит и держится, и в ней многочисленнаго народа живуща такоже на зло не поустилъ, и умных ихъ во-вѣки не пленил, но и паче укрѣпилъ. Видѣв же той прежереченный многодушьный губитель и злый разоритель Великаго государства крѣпкое и непреклонное того столпа стояние за святую и непорочную вѣру и за все православное християньство, отверзлъ свои человекоубиенныя уста, и начатъ,

аки безумный песъ, на аеръ зря, лаяти, и нелѣпыми славами, аки сущий буй камениемъ, на лице святителю метати, и великоимянитое святительство безчестити, и до рождьшия его неискуснымъ и болезненым словомъ доходити. Он же, государь, твердый адамантъ, никако тому речению внятъ и того его буесловия не убоялся, ни устрашился, наипаче же посмеялъся тому его безумному словесному дерзновению, но и зело ему вспретилъ и велие ему зло провозвестилъ; изъ пречестных своихъ устъ ему изрекъ, мню, яко острымъ оружиемъ, своимъ святительскимъ словомъ тѣло и злохитрую душу его посѣклъ: «Да будеши проклятъ со всѣмъ своимъ соньмомъ[27] в сем вѣцѣ и в будущемъ, но и с темъ, его же желаеши, и, всего мира спасение, ему всѣм усты касатися поущаеши!»[28] И еще прирек: «Не токмо намъ онъ годѣ, но и тако его отрасль, аще не приидетъ в наше хотѣние».[29] Он же, окаяный, стули лице свое, отиде со всѣмъ своимъ сонмомъ посрамленъ и изумленъ, паче же зло возъяренъ на великаго пастыря и учителя и в правдѣ крѣпкаго стоятеля, аки змий дыша или аки лѣвъ рыкая.

Послѣди же, окаянный, обшедся умомъ своимъ, и позна свою вину, и видѣ свою злую совесть, и раскаяся в себѣ о прадерзке словеснѣй, что не у бе ему было время тако говарити и явѣ и нагло великому господину тайну свою открыти. И побояся множестеннаго християньскаго народа: такое слово к нимъ пронесется что о недостойномъ и злом дѣлѣ и нехотящемъ ими, и паки — не в правдѣ на того высочайшаго верха и непоколебимаго столпа приходилъ и, не яко святѣйшаго, но яко простѣйшаго, в лѣпоту, яко пес, лаялъ и бранилъ. И в томъ своемъ слове запрѣние учинил, яко нѣсть говорилъ, и, аки в темнѣ храминѣ, в скверномъ своемъ теле лукавую свою душу затворил.

И потомъ же, злодѣй, еще лицѣмѣръство учинилъ; яко шуменъ былъ, и без памяти говорил; и у великаго святителя и у незлобиваго учителя прощение испросилъ. Обаче же аще и прощение испросилъ, а еще злого своего нрава-обычая и впредь умышления на злое дѣло от себя не отщетилъ. И нынѣ дышитъ и сипитъ, аки скоропия, и не престая крамолы воздвизаетъ, и всю свою плотную бѣсовъскую сонмицу возмущает, и всяко ему, государю, стужаетъ.

И теснятъ — сами вси видите — и еще конечно мыслятъ со всѣми своими пособники, како бы его, государя, погубити, что без него все свое желание совершити и всѣхъ насъ, аки змиямъ, поглотити. Якоже и преже рѣхъ, что нѣкому иному будетъ без него имъ, врагомъ, возбранити и стати накрепко, якоже онъ, государь.

Великий же онъ столпъ, и твердый адамантъ, и крѣпкий воинъ Христовъ, не имѣя ни тула, ни меча,[30] ни шлема, ни копия, ни воинъ вооруженныхъ (понеже ему не дано то, ни повелено от Сотворшаго вся того держати), к тому же ни стѣнъ, крѣпко огражденных, и словом Божиимъ, аки нѣкимъ изряднымъ оружием препоясався, или, яко изящными воины, ополчився, или нѣкими крѣпкими стѣнами оградився. «Не бойтеся, — рече, — от убивающих тѣла: души же коснутися не могут!» И молитвеныя своя словеса от желаннаго своего сердца къ Богу и Пречистѣй его Матери, аки благовонный фимиянъ, всегда возсылая о себѣ и о всѣхъ насъ, паче же о святѣй и непорочнѣй християньстей нашей вѣре, чтобы православныя християньская наша вѣра от тѣхъ враговъ наших и губителей не погибла; и слезы от очию своею, аки рѣчныя быстрины, испущая пред образомъ Господа нашего Исуса Христа, и пред Пречистою его Материю, и великихъ чюдотворцов, иже в Руской землѣ просиявшихъ, и всѣхъ святыхъ, и надѣяся тѣми своими силными слезами и молитвеными словесами, аки острыми стрелами, от себя и от всѣхъ нас тѣхъ общих нашихъ видимыхъ враговъ отгоняти, и погубити, и

все Великое государство от них свободити.

О столпѣ крѣпкий и непоколебимый! О по Бозѣ и по Пречистѣй его Матери крѣпкая стѣна и забрала! О твердый адамантъ, о поборникъ непобѣдимы! О непреклонный в вѣре стоятель! О воистинну пастырь неложный! В лепоту реченно бысть к таковымъ великимъ и крѣпкодушнымъ — «пастырь добрый»: «Пастырь добрый душу свою полагаетъ за овца». Воистинну, воистинну пастырь добрый себѣ, а не наемникъ: душу свою полагаетъ за овца, иже ему преданы пасти. И на выи его возложены все мы, православни християне. И поминаетъ Божественное Писание: «Подобаетъ словес ради Божиихъ и до смерти стояти». Видим же вси: не дастъ тому Божию слову пасти на землю, и всегда близ смерти стоитъ от тѣхъ общихъ нашихъ враговъ и губителей, обаче же на Сотворшаго вся, и на Рождьшую его, и на великихъ чюдотворцовъ, на общихъ нашихъ заступниковъ и богомолцевъ, надежду держитъ. Аще ему, государю, случится за слово Божие и умрети, — не умретъ, но жив будет вовѣки.

Вѣстно и дерзостно достоитъ рещи: аще бы такихъ великихъ, и крѣпкихъ, и непоколебимыхъ столповъ было у нас не мало, никако же бы в нынѣшнее злое время от такихъ душепагубныхъ волковъ, от видимыхъ враговъ, от чюжихъ и от своихъ, святая и непорочная вѣра наша не пала, наипаче бы просияла, и великое бы наше море без поколебания и без волнения стояло. А нынѣ единъ уединенъ стоитъ, и всѣх держитъ, и врагомъ сурово претъ. А иному нѣкому пособити ни в слове, ни в дѣле; кромѣ Бога, и Пречистыя его Матери, и великихъ чюдотворцов, способниковъ себѣ не имѣетъ никагоже. Которые его были сынове и богомолцы, той же санъ на себѣ имѣютъ, и тѣ славою мира сего прелестнаго прельстилися, просто рещи, подавилися, и к тѣмъ врагом приклонилися, и творят ихъ волю.

А сами наши земледержьцы (якоже и преже рѣхъ, землесъѣдцы), тѣ и давно от него отстали, и умъ свой на послѣднее безумие отдали, и к нимъ же, ко врагомъ, пристали, и ко инымъ к подножию своему припали, и государьское свое прирожение пременили в худое рабское служение, и покорилися, и поклоняются невѣдомо кому,[31] — сами вѣдаете, — и смотрят из рукъ и ис скверныхъ устъ его, что имъ дастъ и укажетъ, яко нищии, у богатаго проклятаго. (Иже впереди и мы вамъ проклятое имя его от Бога и от человекъ вмалѣ объявимъ. Здѣ же еще впреди поидемъ). И тако тѣ наши благороднии зглупали и душами своими пали и пропали навѣки, аще от того зла и худа на добро не обратятся. Горши же намъ всего учинили, что нас всѣхъ выдали, да не токмо выдали, ино заедино с ними, со враги, вооружилися вкупѣ, и хотятъ насъ всѣхъ погубити, и вѣру християньскую искоренити.

Аще будетъ и есть избраннии, сердцемъ желаннии по християньстей вѣре и по всѣхъ по нас жалѣютъ и радятъ, от тѣх же чиновъ и боляръскихъ родовъ, но не могутъ ничево учинити и не смеютъ стати, что не с кемъ поборати и своего величества отбыти, а имъ, врагомъ, ничего не сотворити, понеже силно обовладѣли: и многихъ маловременнымъ богатествомъ и славою прельстили, и иныхъ закормили, и вездѣ свои слухи и доброхоты поистоновили и поизнасадили.

Ина толка у нас нынѣ по Бозѣ и по Пречистѣй его Матери стѣны и забрала, что он, государь,[32] великий святитель и крѣпкий заступитель. Аще которою мѣрою от тѣхъ враговъ нашихъ, что над нимъ, государемъ, учинитца, и телеснѣ разрешитца, и от свѣта сего прелестнаго в вѣчныя обители преселится, конечно и вѣра наша изгубится настоящихъ нашихъ губителей, аще ваше противление к нимъ не явится. Аще ли его, государя, от нихъ Богъ соблюдетъ и невреженъ поживетъ, тогда Бога, и Пречистую его Матерь, и великихъ наших чюдотворцовъ, и всѣхъ святыхъ умолитъ, и себя, и нас всѣхъ спасетъ, и веру удержитъ, и враговъ

побѣдит молитвою своею.

А вы, православнии, не помогаете ему,[33] государю, ни в чемъ! Говорите усты, а в дѣлехъ вашихъ, Господь вѣсть, что у васъ будетъ. Паки молю вы с великими слезами и сокрушеннымъ сердцемъ: не нерадите о себѣ и о всѣхъ насъ! Мужайтеся, и вооружайтеся, и совѣтъ между собою чините, како бы намъ от тѣхъ враговъ своихъ избыти! Время, время пришло! Во время дѣло-подвиг показати и на страсть дерзновение учинити, какъ васъ Богъ наставитъ и помощь вамъ подастъ! Прибѣгнемъ къ Богу, и Пречистей его Матери, и к великимъ чюдотворцемъ, и ко всѣмъ святымъ! Припадемъ к нимъ с теплою вѣрою, и со умильнымъ сердцемъ, и з горящими слезами, некли намъ милость свою подадутъ! И препояшемъся оружиемъ тѣлеснымъ же и духовнымъ, сирѣчь молитвою и постомъ и всякими добрыми дѣлы! И станемъ храборъски за православную вѣру и за все Великое государство, за православное християньство, и не подадимъ того пастыря нашего и учителя и крѣпкаго поборателя по вѣре православной и того нашего преславнаго града, иже за всѣхъ за нас также стоитъ и сопостата нашего держит. Сами все вѣдаете, что аще не нынѣ умремъ, всяко умремъ. А некли за правду нашу соблюдѣт ны Господь невредимы и живы будемъ от нихъ, враговъ своихъ! Аще ли нынѣ терпимъ, время длимъ, сами от себя за свое нерадѣние и за недѣрзновение погибнемъ.

Что стали, что оплошали? Чего ожидаете, и враговъ своихъ на себя попущаете, и злому корению и зелию даете в землю вкоренятися[34] и паки, аки злому горкому пелыню, распложатися?! Али того ожидаете, чтобы вамъ самъ великий тотъ столпъ святыми своими усты изрекъ и повелѣлъ бы вамъ на враги дерзнути и кровопролитие воздвигнути? Сами вѣдаете, ево то есть дѣло, что тако ему повелевати на кровь дерзнути?! Ей, ей, никакоже такова от него, государя, поущения не будетъ, понеже и самъ он, — государь велика разума, и смысла, и мудра ума, — мню, мыслитъ, чтобы не от него зачалося, а имъ бы добро сотворилося, ево бы крѣпкымъ стояниемъ и молитвою къ Богу, а вашим бы тщаниемъ, и аполчениемъ, и дерзновениемъ на враги. То вам не вѣсть ли от него, государя, что, аки пастырь добрый, всехъ нас опасаетъ от техъ душепагубныхъ, человѣкоядныхъ волковъ и чистыя нашея Голубицы[35] не дастъ им, аки змииными усты, поглотити и погубити, а ожидаетъ с часу на час Божия поможения и вашего тщания и дерзновения на нихъ?! Аще и без его, государева, словеснаго повелѣния и ручнаго писания, по своей правдѣ дерзнете на нихъ, злыхъ, и добро сотворите, и их, враговъ, побѣдите, царство от бѣд свободите, и вѣру удержите, и его, государя, святителя великаго, и себя и всѣхъ насъ от нихъ, враговъ, избавити, не будет от него на вас клятва и прещение, паче же — велие благословение на вас и на чадѣхъ вашихъ, в роды и роды, комуждо до живота его.

Сами вси видите, какое гонение на православную вѣру и какое утеснение всѣмъ православнымъ християномъ от тѣхъ губителей нашихъ и враговъ! Всегда многимъ смертное посечение, а инымъ зѣлное ранение, а инымъ грабление, и женамъ безчестие и насилавание. И купльствуютъ не по цѣнѣ, отнимаютъ силно; и паки не цѣною цѣнятъ и сребро платят, но с мечемъ над главою стоятъ над всякимъ православным християниномъ, куплю дѣющаго, и смертию претятъ. Нашь же братъ, православный християнинъ, видя свое осиротѣнение, и беззаступление, и ихъ, враговъ, великое одолѣние, не смѣет инъ и устъ своихъ отверсти, бояся смерти, туне живота своего сступается и толко слезами обливается. И уже еще нѣчего имъ, врагомъ, замыслити, и всѣхъ насъ, православныхъ християнъ, теснити, и ругатися над нами, и величатися, и смѣятися, якоже мы сами видимъ, замыслили и умыслили во всемъ Великомъ и силномъ нашемъ государстве (в ресноту, аки в великом и неудержанномъ мори!):

которая страна и стѣна имѣетъ двои врата в ряд по себѣ, и одни врата затворити, и замки закрѣпити, а другия бутто ся отворити, да и тѣ — вполы.[36] И множественнаго християньскаго народа не тѣснопроходными и ускими враты проходити, но и широкими не одними, и многими толька такъ было исходити, понеже Божиею было благодатию безчисленно християньска народа расплодилося и умножилося. Нынѣ такъ за грѣхи всѣхъ насъ умалилося, высечено и выгнано в плѣнъ от тѣхъ же враговъ и губителей проклятыя ихъ земли и вѣры! А аще и умалилося, аще и мало зритца, а еще много соберется. И всегда в тѣхъ — теснити (нелѣпо рещи, аки мышей, давити), и шуму, и виску, и крику быти для того ускаго и нужнаго проѣждения и прохождения. И имъ, самѣмъ врагомъ, вооруженымъ всякимъ смертным оружиемъ, обаполъ тѣхъ утѣсненыхъ вратъ пешимъ и на конехъ готовымъ стояти, и противу самѣхъ вый нашихъ и сердецъ то свое оружие в рукахъ своихъ держати, и всѣмъ намъ живую и явную смерть казати.

То ли вамъ не вѣстъ, то ли вамъ не повелѣние, то ли вам не наказание, то ли вам не писание?! Ох, ох, увы, увы! Горе, горе лютѣ-лютѣ! И где идем, и камо бежим? Како не восплачемся, како не возрыдаемъ, како от сердца не воздыхаем, како в перси не биемъ?! Како сами себе презираем и нерадимъ о себѣ, видя за великия и безчисленныя грѣхи наша от Саздателя и Зижителя всѣхъ конечное на нас смирение, и их, тѣхъ враговъ, чюжихъ и своихъ, попущение, и всякое от нихъ на себѣ ругание, и смѣяние. А аще и плачемъ, аще и рыдаемъ, аще и в перси биемъ, аще и от сердца воздыхаемъ, и зелно Ему досаждаемъ, и подвигу и радѣния не сотворяемъ, и къ Богу не прибѣгаемъ, и Его не умоляемъ, и над ними, враги, ничего не промышляемъ, и все в презорство пущаемъ, и сами в свою землю и вѣру злое семя вкореняемъ.

Паки реку: «Ох, за безчисленныя грѣхи наша чимъ нас Господь не смиряетъ, и какихъ казней не посылаетъ, и кому нами владѣти не повелѣваетъ!» Сами видите, кто той есть. Нѣси человекъ, и невѣдомо кто! Ни от царскихъ родовъ, ни от болярскихъ чиновъ, ни от иныхъ избранныхъ, ратныхъ головъ; сказываютъ, — от смердовскихъ рабовъ.[37]* Его же, окаяннаго и треклятаго, по его злому дѣлу не достоитъ его во имя Стратилата, но во имя Пилата назвати,[38] или во имя преподобнаго, но во имя неподобнаго, или во имя страстотерпьца, но во имя землеѣдца, или во имя святителя, но во имя мучителя, и гонителя, и разорителя, и губителя вѣры християньския. И по словущему реклу его такоже не достоитъ его по имяни святого назвати, но по нужнаго прохода людцкаго — Афедронов.[39] Такимъ именитымъ государствомъ владеет, аки великим морем, колеблетъ: что хощет, то творит, а никто ему не возбранитъ!

А сами наши земледержьцы и правители (нынѣ же, якоже и преже рѣхъ, — землѣсъѣдцы и кривители), тѣ, яко ослѣпоша или онемотѣша, паче же рещи, не смѣютъ ни единъ тому врагу воспретити и Великому государству ни в чемъ пособити. А инии молчатъ, и не говорятъ, и ни в чемъ ему не претятъ, понеже с нимъ же, со врагомъ, всѣхъ нас погубити хотятъ. И полцы велицы всякихъ чиновъ люди за тѣм врагомъ ходятъ и милости и указу от него смотрятъ. Не токмо простии и неимянитии люди, но и сами болярския и дворянския дѣти, и сами дворяне, добродродни и изрядни всѣмъ, иже иному онъ, врагъ креста Христова и всѣхъ православныхъ християнъ, и в подножие ногъ негожь.

И еще же врагъ и лютый злодѣй нашь не в свое достояние вниде. Аки Ихнилатъ,[40] в цареву ризницу въѣся, казити и губити то великое царское сокровище, от многих лѣтъ многими государи-самодержьцы, великими князи и цари всеа Русии собраны и положено. Он же, окаянный, аки вышереченный Ихнилатъ, во единомъ часѣ или паки не во мнозѣ времяни, все хощетъ извѣсти, и расточить, и погубить,

и ту цареву ризницу хощетъ пусту до конца оставити, аки пустую и бездѣлную храмину. А уже и оставилъ! И нынѣ тѣ великия сокровища, тяжкоценныя камыки, и портища, и всякия вѣщи, иже нами невѣдомы и незнаемы, с своими единомысленники разбиваетъ, и вещь к вещи прибираетъ, к тому же злата, и сребра, и бисерия велия ковчеги насыпаетъ, и к тому прежереченному сопостату нашему, врагукоролю и похитителю, под оный заступный наш градъ посылаетъ. А мыслятъ, окаянныя, то во умѣ своемъ: коимъ Божиимъ промысломъ и вашимъ над ними, над враги, домысломъ, что добрая нам учинится, и над ними, враги, побѣда явится, и имъ, врагом, от насъ убѣжати случится, и имъ бы у сатаны у своего величества своего не отщетится, и тѣмъ бы многочисленнымъ и дорогоцѣннымъ сокровищемъ к нему примирится, и смертию бы от него не скончатися, что будет Божиею милостию не на их хотении: здѣ у нас добро сотворится. И царьство наше от них не отстоится, погибнет, — кто не восплачется, кто не возродг/ется, кто не воздохнетъ?! Не токмо кто от нашия православныя вѣры и християнска рода православный християнинъ, мню, от иновѣрныхъ или от техъ же враговъ, мало мало кто мякокъ и жалостивъ сердцемъ, ино и тотъ, аще не заплачетъ, и онъ воздохнетъ и речетъ: «Како таковая великая и преславная земля во всѣхъ земляхъ стала в разорении, и такое Великое царство в запустѣнии, и таковая великая царьская ризница в расточении!»

И вы, православнии, Богомъ почтеннии, умилитеся душею, содрогните сердцемъ, зряще на себѣ такия неудобносимыя бѣды, и скорби, и смерть свою всегда видяще во очех своихъ и попрание вѣры нашея православныя! И не давайте сами себя в руки врагомъ своимъ! Взявъ Бога на помощь, и Пречистую его Матерь, и великихъ чюдотворцовъ, и всех святыхъ, дерзайте на враговъ своихъ! Некли Господь нашь Богъ Исусъ Христосъ, наказавъ нас праведнымъ своимъ гнѣвомъ, да и помилуетъ, и на нихъ, враговъ, побѣду дастъ, и избавитъ, и спасетъ насъ от нихъ. А они, злодѣи наши и губители, однолично умышляютъ на насъ (якоже и прежде рѣхъ вамъ): хотятъ насъ погубити, а оставших в свою волю привести.

А сему бы есте писму вѣрили безъ всякого сумнѣния, язъ вамъ сказываю и пишу! И аз ихъ думы и мысли слышечи, помнячи свою православную вѣру, и не хощу души своей грѣшной до конца погубити, и в геене ею быти. Грѣхомъ своимъ великимъ и слабостию и славою мира сего прельстился и к нимъ, ко врагомъ, прилепился, такоже, якоже и прочая братия наша, для ради суетныя сея славы и тлѣннаго богатества. Всѣ мы, того ищучи, в томъ и погибли. Аще бы того не искали, всѣ бы от Бога не отпали, и душами и тѣломъ не пали и не пропали. И нынѣ аз сусмотрихъ, что послѣдуючи имъ, врагомъ креста Христова и всѣхъ насъ, православных християнъ, губителемъ, и будучи въ ихъ во отпадшей от Бога вѣре, и не отставъ от нихъ, — быти в геене огненѣй душею и тѣломъ. Явно мнѣ не мощно от нихъ отстати и вамъ про се сказати. Или бы единому кому от вас втайнѣ рещи боюся: некли тотъ человекъ умом своимъ поползнется, и не утерпитъ, и вамъ скажетъ имя мое, и от васъ разнесется, и до нихъ, враговъ и губителей християнскихъ, донесется; тогда мя взявъ, злой смерти предадутъ. Аз же у нихъ нынѣ зѣло пожалован.[41] Сами вѣдаете, что всѣ мы смерти боимся. А се тако же имѣю жену и дѣти, якоже и вы. Аще мнѣ самому случится умрети, вѣстно и на Господа надежда, что не умрети, но ожити за ту правду; ино — жена и дѣти осиротити, меж дворъ пустити или, будетъ всего того горши, — на позоръ дати. А вамъ будетъ, православнии, в тѣ поры ничего не учинити, понеже нынѣ враговъ воля и сила стала. Для ради того явно вамъ самъ не дрьзну сказати, от нихъ отстати, сего ради писмомъ вамъ потрудихся написати. Аще Господь помилуетъ всѣхъ насъ, и избавит насъ от тѣхъ нашихъ видимыхъ враговъ, и живи будем все, тогда явно вамъ будетъ и про насъ, про грѣшныхъ. Аще будетъ вамъ и молвити, что и яз вамъ нынѣ враг и навѣтникъ, ино Господь зритъ тайная моя, что с вами

же хощу душу свою положити за православную вѣру и за святыя Божия церкви. А нынѣ, якоже и выше рѣхъ, нужда ради не отстану от нихъ.

И кто сие писмо возмет и прочтетъ, и он бы ево не таилъ, давалъ бы, разсмотряючи и вѣдаючи, своей братие, православнымъ християномъ, прочитати вкратцѣ, которыя за православную вѣру умрети хотятъ, чтобы имъ было вѣдомо, а не тайно, а не темъ, которыя были наша же братия, православныя християне, а нынѣ всею душею, без раскаяния, отвратилися от християнства, и во враги намъ претворилися, и с ними, со враги, соединилися, и вкупѣ с ними вооружилися, и хотятъ насъ до конца погубити, — тѣмъ бы есте отнюдъ не сказывали и не давали прочитати. Буди же вамъ всѣмъ, доброхотящимъ Росийскому царству, милость Божия и помощь и Пречистыя Богородица, и великихъ чюдотворцовъ, иже у насъ в Троице преимянитыхъ, и всѣхъ святыхъ! Аминь.

---

[1] *...О страдании новаго страстотерпца святѣйшаго кир Ермогена...* — Партриарх всея Руси Гермоген **(**кир (греч.) - государь, господин**)** родился около 1530 г. - умер 17 февраля 1612 г.; последние годы жизни (с конца 1610 г.) приобрел среди современников популярность главы («столпа») патриотического движения, хотя фактическим организатором его не являлся. Ставший патриархом при Василии Шуйском и преданно служивший царю до последнего часа его правления, Гермоген после свержения Шуйского первоначально выступил как сторонник русской кандидатуры на престол и даже установил молебны об избрании царя «от корене российского рода». Вынужденный под нажимом «Семибоярщины» признать кандидатуру польского королевича, настаивал на принятии Владиславом православия и добился включения в августовский договор 1610 г. обещания охраны православия. В конце 1610 г., после получения им тайных грамот от «Великого посольства» из-под Смоленска (посланных В. В. Голицыным и Филаретом 30 октября 1610 г.), в которых сообщалось о нарушении Сигизмундом III условий августовского договора и его собственных претензиях на русский престол, о возобновлении им осады Смоленской крепости и особенно после попытки 30 ноября 1610 г. членов боярского правительства склонить Гермогена к принятию присяги Сигизмунду, патриарх перешел к открытым действиям против оккупантов и всенародно выступил в Успенском кремлевском соборе с призывом «королю креста не целовать». С этого времени с Гермогеном устанавливают связь патриоты из поднимавшихся на освободительную борьбу городов (Рязани, Нижнего Новгорода, Владимира) — П. П. Ляпунов, нижегородцы Роман Пахомов и Родион Моисеев. В конце декабря 1610 г. (как свидетельствует А. Гонсевский) появляются первые грамоты-воззвания от имени Гермогена. С 16 января 1611г. боярское правительство, стремясь к изоляции патриарха, устанавливает на его дворе стражу, лишает его дьяков и возможности писать, а впоследствии — и патриаршего сана. Умер Гермоген в заточении, по-видимому голодной смертью.

[2] *...о посланных нашихъ, пресвященнаго Филарета, митрополита Ростовскаго и болярина князя Василия Голицына с товарыщи...* — Имеется в виду русское «великое посольство», отправленное к Сигизмунду III под Смоленск для подписания договора 17 августа 1610 г. По требованию королевского наместника С. Жолкевского в состав посольства были включены наиболее активные московские политические деятели во главе с князем В. В. Голицыным и митрополитом Филаретом. Сигизмунд III различными способами пытался убрать

из-под Смоленска мешавшее ему посольство, и к концу 1610 г. некоторые из послов, одаренные королем, разъехались по домам. Однако другая часть посольства во главе с В. В. Голицыным и Филаретом осталась выполнять свою миссию и продолжала до конца (до увоза их 12 апреля 1611 г. на корабле в плен в глубь Польши) отстаивать условия августовского договора.

Глава посольства, выходец из родовитой боярской знати, князь Василий Васильевич Голицын был видным политическим деятелем начала XVII в. После смерти Бориса Годунова перешел на сторону Лжедмитрия I, а в начале 1606 г. стал одним из активных участников заговора против Самозванца. В 1610 г., организовав 17 июля свержение Василия Шуйского, выдвинул свою кандидатуру на царский престол, но под давлением правительства «Семибоярщины» был вынужден присягнуть Владиславу. После ввода в Москву польского гарнизона был как глава посольства послан в королевский лагерь под Смоленск, а оттуда — в плен в Польшу. Умер в 1619 г. по пути в Россию. *Филарет* (Федор Никитич Романов) — крупнейший политический деятель рубежа XVI—XVII вв. (род. ок. 1560 г.—ум. в 1633 г.). Как двоюродный брат царя Федора Ивановича после его смерти претендовал на престол, но, по приказу Бориса Годунова, был пострижен в монахи и сослан на север, откуда возвратился в 1605 г. и был назначен Лжедмитрием I ростовским митрополитом. В октябре 1608 г. после захвата тушинцами Ростова был взят в плен, а затем Лжедмитрием II наречен тушинским патриархом. После перехода Лжедмитрия II из Тушина в Калугу в январе 1610 г. Филарет в числе тушинской боярской знати, настроенной против правительства Шуйского, начал переговоры с Сигизмундом III о приглашении на царский престол королевича Владислава и организовал к нему посольство под Смоленск во главе с М. Г. Салтыковым. Заключенный этим посольством договор 4(14) февраля 1610 г. подготовил программу будущего августовского договора. В середине мая 1610 г. Филарет вернулся в Москву, но после заключения договора 17 августа был отослан из столицы как член «Великого посольства», а весной 1611 г. взят в плен и увезен в Польшу. Вновь вернулся он в Москву в 1619 г. (уже после избрания его сына Михаила Федоровича на царство) с большими почестями как всероссийский патриарх, и с этого времени, получив титул «великого государя» при своем сыне, фактически стал полновластным правителем России.

[3] *...о крѣпкомъ стоянии града Смоленска...* — Речь идет о двадцатимесячной героической обороне, которую вел небольшой гарнизон Смоленска против двадцатитысячного войска короля Сигизмунда III. Расположенный на западной границе России, Смоленск был одной из крупнейших крепостей XVII в. Отказавшись сдать город польским интервентам и не подчиняясь приказам правительства «Семибоярщины», смольняне оказались в осаде, которая началась 21 сентября 1609 г. (когда в городе насчитывалось около 80 тысяч жителей, а гарнизон состоял из 2500 воинов) и закончилась 3 июня 1611г., когда в Смоленске осталось не более 8 тысяч человек, изможденных голодом и болезнями. К моменту написания «Новой повести» Смоленск, единственный из городов, продолжавший оказывать длительное вооруженное сопротивление интервентам, стал для современников символом героизма и побудил неизвестного московского книжника создать от имени смольнян патриотическую «грамотку»-воззвание.

[4] *...о новых измѣникахъ...* — Имеется в виду московское боярское правительство, «Семибоярщина», в ее позднем составе. Первоначально, после свержения Шуйского, в состав «Семибоярщины» входило 7 представителей знатных

боярских родов: Ф. И. Мстиславский, И. М. Воротынский, А. В. Трубецкой, А. В. Голицын, И. Н. Романов, Ф. И. Шереметев и Б. М. Лыков. С момента заключения августовского договора и впуска в столицу польского гарнизона С. Жолкевского правительство «Семибоярщины» фактически лишилось власти. В составе его к этому времени произошли значительные изменения: часть его членов (А. В. Голицын и И. М. Воротынский) были арестованы А. Гонсевским, а решающую роль в правительстве приобрели, наряду с главенствовавшим по-прежнему Ф. И. Мстиславским, новые «бояре» и «дворяне», перебежавшие к Сигизмунду III из Тушинского лагеря; среди них ведущее положение принадлежало М. Г. Салтыкову и Ф. Андронову.

[5] *...Федки Ондронова с товарыщи...* — Федор Андронов — ярый сторонник Сигизмунда III; его предательское поведение вызвало резкое осуждение у современников-патриотов. Человек незнатного происхождения, «мужик», Андронов начал свою служебную карьеру в Тушине у Лжедмитрия II. В январе 1610 г. был направлен Филаретом в составе посольства М. Г. Салтыкова под Смоленск, где, перейдя на сторону Сигизмунда III, получил от него в награду чин думного дворянина. 19 августа 1610 г. прибыл под Москву в стан С. Жолкевского с приказом Сигизмунда III приводить москвичей к присяге самому королю. В ноябре 1610 г., по требованию короля, получил от правительства «Семибоярщины» в полное распоряжение государственную казну (став главным казначеем Казенного двора) и ведение челобитных дел, т. е. фактически обрел неограниченную власть, позволявшую ему вместе с М. Г. Салтыковым и думным дьяком Иваном Грамотиным вершить государственные дела в интересах Сигизмунда III. Регулярно через гетмана Льва Сапегу Ф. Андронов доносил королю о московских событиях. В 1613 г., после завершения следствия о его преступлениях, был повешен «по многом истязании».

[6] *...у нас, в Троице...* — Т. е. в Троице-Сергиевом монастыре. На основании неоднократного упоминания в «Новой повести» Троицкого монастыря исследователи предполагают связь с монастырем ее автора.

[7] *... и которые у нас здѣ, в великом нашем граде...* — Речь идет о польском гарнизоне, оккупировавшем Москву.

[8] *Подобает же намъ ревновати и дивитися и посланным нашимъ от всея нашея Великия Росия... от всѣхъ людей всяких чиновъ,*
- под онный градъ Смоленскъ, к тому... врагу-королю... намирное совѣщание и на лутшее уложение... — Речь идет о «Великом посольстве», направленном в стан Сигизмунда III под Смоленск для обсуждения условий мирного договора. «Великое посольство» состояло из представителей различных социальных групп, «всяких чинов». От церковного собора, по «благословению» патриарха Гермогена, с посольской миссией отпра-вились: митрополит Филарет, келарь Троицкого монастыря и книжник Авраамий Палицын, но-воспасский архимандрит Евфимий, игумен Иона, вознесенский протоиерей Кирилл. В состав по-сольства были включены и представители от каждого думного чина, начиная со знатных боярских родов, каким был глава посольства В. В. Голицын, а также: окольничий князь Д. И. Мезецкий, думный дворянин В. Б. Сукин, думные дьяки Томило Луговской и Василий Сыдавний. От Москвы в нем были представлены: стольники, дворяне, стряпчие, стрелецкие головы, торговые люди, 8 при-казных стрельцов, 4 слободских представителя и проч.; кроме того — 46 дворян от других го-родов.

[9] *...чтобы от того гнилаго... корении древа... вѣтъвь... отвратити... сиречъ рожде ннаго бы от него у него испросити... и скипетръ Российскаго царства вручити.* — В иносказательной форме автор излагает основные требования «Великого посольства»: приезд королевича Владислава в Москву, принятие им православия и вывод войск Сигизмунда III из столицы и «изо всея нашея земли».

[10] *...сопостат-король, никакоже ничего того не хотя... якоже нам годѣ...* — Известия о том, что король Сигизмунд нарушил августовский договор, требует присяги ему самому и вновь возобновил военные действия против Смоленска, начали поступать в Москву уже на второй день после заключения договора и к концу ноября 1610 г. стали известны патриарху Гермогену.

[11] *...и непокорением и удержаниемъ того крѣпкаго нашего града...* — Здесь и далее подразумевается Смоленск.

[12] *...нехътѣния ради к нему царствующаго великаго нашего града и оного крѣпкаго нашего же заступника и поборника...* — Имеются в виду Москва и Смоленск.

[13] *...царский коренъу насъ изведеся...* — Со смертью царя Федора Ивановича прекратилась династия Рюриковичей: правление новой царской династии Романовых началось в 1613 г.

[14] *...не восхотѣша многи от християньска рода царя изобрати... но... от иновѣрн ых... царя изыскати и ему служити.* — Избранию на царство королевича Владислава предшествовала неосуществившаяся идея выдвижения на царский престол вместо свергнутого Шуйского новых русских кандидатур (В. В. Голицына или М. Ф. Романова), которую поддерживали П. П. Ляпунов и патриарх Гермоген; автор «Новой повести» также воспринимал избрание на царство иноземного претендента как горькую неизбежность.

[15] *И тѣ, прежереченныя его доброхоты... к... сопостату нашему, королю... прист али... и хотят ево... на наше Великое государство посадити, и ему служити.* — В конце ноября 1610 г. приверженцы Сигизмунда III начали особенно активно готовить Москву (только что, в августе 1610 г., присягнувшую королевичу Владиславу) к присяге самому королю.

[16] *...и тѣмъ крепкимъ нашимъ градомъ, иже он, злодѣй, по нимъ стоитъ...* — Под Смоленском.

[17] *...тогда и царствующаго града доидетъ...* — Т. е. до Москвы.

[18] *И пошли от насъ со многими людъми в велицѣмъ числѣ,а нынѣ-де... осталися вящихъ самых два.* — Имеются в виду В. В. Голицын и Филарет; посольство со свитой первоначально составляло 1246 человек.

[19] *...королю, поклонилися... разошлися и разъѣхалися овии к намъ, а овии — ин удѣ по своимъ мѣстомъ.* — Автор намекает на тех членов посольства, которые, приняв от Сигизмунда III дары, разъехались из-под Смоленска в декабре 1610 г. Среди них были: келарь Троицкого монастыря Авраамий Палицын, новоспасский архимандрит Евфимий, думный дворянин В. Б. Сукин и дьяк Василий Сыдавний.

[20] *...стоятъ крепцѣ... за свою правду, на чемъ был здѣ с подручникомъ его, з Же лтовъскимъ... совѣтъ положилъ с нашими земледержъцы...* — Речь идет о соблюдении условий августовского договора, заключенного «Семибоярщиной» с гетманом С. Жолкевским. Станислав Жолкевский (1547—1620) — представитель крупной шляхты, видный польский военачальник, один из организаторов похода Сигизмунда III на Москву в 1609 г. и автор «Записок о Московской войне». 24 июня 1610 г., разбив под Клушином войска Василия Шуйского, подошел с отрядами к стенам Москвы. Участвовал в приведении Москвы к присяге Владиславу и оккупации столицы 21 сентября 1610 г.; добился отсылки в королевский стан под Смоленск в составе «Великого посольства» крупных московских политических деятелей. Однако сам не стал осуществлять королевского приказа о приведении Москвы к присяге Сигизмунду III и уже 30 октября 1610г., оставив вместо себя начальником гарнизона А. Гонсевского, поспешил уйти под Смоленск.

[21] *...токмо учение, яко палицу, в руку свою держа противa великихъ агарянских полковъ...* — Традиционное агиографическое изображение христианина, борющегося с иноверными врагами.

[22] *...в вид существа Божия и Пречистыя его Матере стреляютъ, якоже нынѣ сви детелъствуютъ злодѣйственнѣи руце, пригвожденнѣи к стене под образомъ Матер и Божии... они нынѣпред вами лицемѣръство чинятъ: сами своихъ людей казнят.* — Автор имеет в виду надругательство шляхтича Блинского над кремлевской иконой Богородицы, которое вызвало среди москвичей бурное волнение и последовавшую за этим показательную расправу над виновником, учиненную около 25 января 1611г. по приказу начальника польского гарнизона А. Гонсевского.

[23] *...неповинныхъ новоизраительскихъ...* — Имеются в виду православные христиане.

[24] *А нашихъ людей же в воинъскомъ чину...тѣхъ всѣхъ ссылаютъ доловъ...* — До оккупации Москвы в ней было более 18 тысяч стрельцов, которых из опасения вооруженного восстания польские наместники стремились разослать по разным городам. В тревожные дни конца января—начала февраля 1611 г. А. Гонсевский выслал в Вологду очередную партию, «полный приказ» стрельцов из 500 человек, которые вскоре присоединились к народному ополчению в Ярославле.

[25] *А и самъ тот... сыновень отецъ, тоже льститъ и блазнитъ... что хощетъ сына своего намъ дати...* — Автор раскрывает суть политического обмана Сигизмунда III с его несостоятельными обещаниями прислать на царство королевича Владислава, таким путем пытавшегося выиграть время для накопления вооруженных сил, необходимых интервентам для захвата Смо-ленска и Москвы.

[26] *Нѣкто, тое же... бѣсовъския сонмицы... не достоитъ его во имя мысленнаго ил и святого назвати... злодѣйцу-отцу усты касатися повелѣлъ.* — Речь идет о боярине Михаиле Глебовиче Салтыкове, которого автор считает недостойным носить имя, данное ему при крещении, «тезоименитое» архангелу Михаилу и русским святым Михаилу Черниговскому и Михаилу Клопскому. М. Г. Салтыков 30 ноября 1610 г. и на следующий день (вместе с Ф. И. Мстиславским) безуспешно требовал от патриарха Гермогена присягнуть самому Сигизмунду III.

Отсутствие подписи Гермогена под текстом новой договорной грамоты, составленной в обход августовского договора 1610 г., позволило послам под Смоленском продолжать мотивированный отказ от кандидатуры на престол самого короля. Имя М. Г. Салтыкова как воеводы, участвовавшего в Ливонской войне, встречается уже в 1580 г.; при Борисе Годунове он был послом в Польше и Швеции, а в 1605 г. перешел на сторону Лжедмитрия I. Назначенный при Шуйском воеводой Орешка, в 1608 г. присягнул Лжедмитрию II, а в 1609 г. сдал крепость М. В. Скопину-Шуйскому и бежал в Тушино. После распада Тушинского лагеря отправлен главой посольства под Смоленск к Сигизмунду III, откуда, получив королевскую грамоту на поместья и вотчины, возвратился с отрядами С. Жолкевского в столицу, став деятельным сторонником короля. Во время восстания москвичей 19 марта 1611 г. был одним из организаторов пожара Москвы. Впоследствии был послом А. Гонсевского в Польше, призывавшего Сигизмунда идти с войсками к Москве. Умер в Польше в 1618 г.

[27] *...со всѣмъ своимъ соньмомъ...* — Имеются в виду сторонники М. Г. Салтыкова из правительства «Семибоярщины».

[28] *...и с темъ, его же желаеши, и... ему всѣм усты касатися поущаеши!* — Речь идет о присяге королю Сигизмунду III.

[29] *...его отрасль, аще не приидетъ в наше хотѣние.* — Имеются в виду королевич Владислав и непременное договорное условие принятия им православия.

[30] *Великий же онъ столпъ... и крѣпкий воинъ Христовъ, не имѣя ни тула, ни меча...* — Патриарх Гермоген предстает не в образе ратного воина, традиционно вооруженного «ту-лом и мечом» (тул — колчан для стрел), а безоружным, воином Христовым, «пастырем добрым», готовым «до смерти стояти» «словес ради Божиих».

[31] *...невѣдомо кому...* — Автор укоряет родовитых членов боярского правительства за то, что они променяли свое «благородное» происхождение на «рабское» подчинение самому «низкому» (на феодальной иерархической лестнице) из «рабов», каким был Федор Андронов.

[32] *Ина толка у нас нынѣ... стѣны и забрала, что он, государь...* — Гермоген.

[33] *А вы, православнии, не помогаете ему...* — Освободительное движение против ин-тервентов широко развернулось уже в последние два месяца 1610 г., о чем было известно боярскому правительству; автор, по-видимому, сознательно умалчивает о нем из тактических соображений.

[34] *...злому корению... даете в землю вкоренятися...* — Т. е. роду короля Сигизмунда III.

[35] *...и чистыя нашея Голубицы...* — Символ Православной церкви и веры.

[36] *...замыслили... которая страна и стѣна имѣетъ двои врата в ряд по себѣ, и один врата затворити... а другия бутто ся отворити, да и тѣ - вполы.* — В октябре 1610 г. польские оккупационные власти объявили в городе военное положение и овладели ключами от 17 ворот, через которые шло сообщение между Кремлем, Китай-городом и Белым городом, и часть ворот наглухо закрыли, установив в

воротах стражников, что особенно затрудняло связь посада с многолюдным торговым центром Китай-города. После городских волнений, происшедших 25 января 1611 г., по распоряжению А. Гонсевского у ворот была выставлена усиленная круглосуточная охрана.

[37] *Сами видите, кто той есть... сказываютъ, - от смердовскихъ рабовъ.* — Автор намекает на «низкое» происхождение Федора Андронова, получившего чин думного дворянина за услуги Сигизмунду III.

[38] *...недостоитъ его во имя Стратилата, ново имя Пилата назвати...* — Т. е. Андронов недостоин называться своим именем Федор, данным ему в честь святого страстотерпца Федора Стратилата. Автор сопоставляет его с Понтием Пилатом, римским прокуратором Иудеи (в 26—36 гг.), утвердившим, согласно Евангелию, смертный приговор Христу.

[39] *...также не достоитъ его по имяни святого назвати, но по нужнаго прохода людцкаго - Афедронов.* — Автор обыгрывает созвучие фамилии Андронова с греческим словом «афедрон».

[40] *Ихнилатъ* — персонаж переводной повести XV в. «Стефанит и Ихнилат», хитрый царский советник, стремившийся «от нижних до вышняя взыти», но в конце концов казненный за обман своего властителя (см. наст. изд., т. 8, с. 210—273).

[41] *Иаз ихъ думы и мысли слышечи... у нихъ нынѣ зѣло пожалован.* — Об авторе «Новой повести» известно лишь с его слов. Долгое время исследователи расходились в предположениях о его имени: С. Ф. Платонов (Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII в. М., 1937), например, полагал, что им мог быть дьяк Григорий Елизаров. Однако Я. Г. Солодкин в статье «К датировке и атрибуции „Новой повести о преславном Российском царстве"» *(ТОДРЛ,* т. XXXVI. Л., 1981) приводил подкрепленные архивными находками убедительные доводы в пользу дьяка Марка Ивановича Поздеева.

ПЕРЕВОД

НОВАЯ ПОВЕСТЬ О ПРЕСЛАВНОМ РОССИЙСКОМ ЦАРСТВЕ И ВЕЛИКОМ ГОСУДАРСТВЕ МОСКОВСКОМ, О СТРАДАНИИ НОВОГО СТРАСТОТЕРПЦА СВЯТЕЙШЕГО КИР ГЕРМОГЕНА, ПАТРИАРХА ВСЕЯ РУСИ, О ПОСЛАННИКАХ НАШИХ, ПРЕОСВЯЩЕННОМ ФИЛАРЕТЕ, МИТРОПОЛИТЕ РОСТОВСКОМ, И БОЯРИНЕ КНЯЗЕ ВАСИЛИИ ГОЛИЦЫНЕ С ТОВАРИЩАМИ, О СТОЙКОЙ ОБОРОНЕ ГОРОДА СМОЛЕНСКА И О НОВЫХ ИЗМЕННИКАХ И МУЧИТЕЛЯХ, ГОНИТЕЛЯХ И РАЗОРИТЕЛЯХ, И ГУБИТЕЛЯХ ВЕРЫ ХРИСТИАНСКОЙ, ФЕДЬКЕ АНДРОНОВЕ С ТОВАРИЩАМИ

Православным христианам матери городов Российского царства преименитого Великого государства — всяких чинов людям, которые еще душ своих от Бога не отвратили, и от православной веры не отступили, и в вере заблуждениям не следуют, а держатся благочестия, и врагам своим не предались, и в богоотступную их веру не совратились, но готовы за православную свою веру стоять до крови.

Бога ради, государи, моля Всемилостивого Бога и Пречистую его Матерь, заступницу нашу и молебницу, помощницу всему роду нашему христианскому, и

великих чудотворцев, кои у нас, в Троице, прославлены, и всех святых, порадейте о себе! Вооружимся на общих супостатов наших и врагов и постоим вместе крепко за православную веру, за святые Божии церкви, за свои души и за свое отечество, за достояние, что нам Господь дал, и изберем славную смерть! И если выпадет нам эта участь, то лучше по смерти обрести Царство Небесное и вечное, чем здесь — бесчестное, позорное и горькое житье под властью врагов своих.

Станем подражать и подивимся тому великому нашему граду Смоленску, его обороне от Запада, как в нем наша же братия, православные христиане, в осаде сидят и великие всякие страдания и притеснения терпят, но стоят крепко за православную веру, и за святые Божии церкви, за свои души, и за всех за нас, а общему нашему супостату и врагу, королю, не покорятся и не сдадутся. Сами знаете, с какого времени сидят и всяческие великие притеснения терпят, но никакой малостью не поступятся и ни на какие их дьявольские соблазны и обещания не польстятся, на те, что обещает им сам наш супостат. И все стоят единодушно, непреклонно и неизменно умом и душою против их соблазнительных ложных обещаний. А душ своих в грехе не потопят и навеки загубить не хотят, но готовы лучше умереть со славой, нежели жить в бесчестии и горе. А какое мужество показали и какую славу и похвалу снискали во всем нашем Российском государстве! Да и не только во всей нашей преславной земле, но и в иных землях, в Литовской, и Польской, и во многих других; чают, что и до Рима, или и еще далее, снискали ту же славу и похвалу, что и у нас. Да и самого того короля, лютого врага, супостата нашего, поразили и его пособников (таких же безбожников, как и он, которые с ними там, под градом, стоят и город тот, как злые волки, похитить хотят, и которые у нас здесь, в великом нашем граде, живут, и на сердцах наших стоят, и, как лютые львы, всегда поглотить нас хотят), а Создателя нашего прославили. А еще устрашили и в самое их злокозненное и злобствующее сердце их уязвили тем, что многих доброхотов их, а наших врагов, перерубили, и перегубили, и позорной смерти многих предали, да и ныне с Божьей помощью всегда их, врагов, губят и сильно их рубят. Чаем, что и малые дети, узнав, подивятся этой их, горожан, храбрости, мужеству, великодушию и непреклонности духа.

Если же Бог будет до конца их так укреплять, как ныне, и выдержат они эту суровую осаду и великое мученическое страдание за православную веру, за святые Божии церкви, за себя и за всех нас и устоят, то этой своей стойкостью все царство наше сохранят от того лютого нашего супостата до той поры, что одному Господу известна, пока он неизреченными своими судьбами невидимо великую свою милость подаст всему нашему Великому государству и избавит нас всех от таких непереносимых бед, изымет нас из-под власти врагов наших, как агнцев из уст волчьих. Тогда кто сможет описать эту их доблесть и мужество?! Тогда можно будет и прямо сказать, что не только в своей единственной земле, но и по многим иным странам: до Царьграда, и до Рима, и до Иерусалима, к самому востоку и западу, к северу и югу разнеслась эта слава: «В таком-то царстве и сам тот город спасся и других спас, а супостата и врага-короля попрал и прогнал и все свое Великое государство удержал». Если бы таких несокрушимых городов, поборников веры, в Российском государстве хотя бы и немного было, не то чтобы все, никогда бы тем нашим врагам и злым волкам наша земля не была бы доступна, а проще сказать, — не было бы им и повадно.

Подобает же нам подражать и дивиться и посланникам нашим ото всей нашей Великой России: прежде всего — от последователя и сопрестольника святых святейшеств вселенских патриархов, от первенца и главы церковной всея Руси, пастыря нашего и учителя, и отца отцов и святителя, истинного стоятеля, и

твердого поборателя за веру христианскую; потом — от самых благородных и великих земледержцев наших и правителей, ныне же, лучше сказать, и кривителей (да не о том здесь речь, то впредь увидите); а также и — от всех людей всяких чинов, — под тот град Смоленск, к тому супостату нашему и врагу-королю, на добрейшее дело, для мирного совещания и наилучшего договора о том, чтобы от корня того гнилого и нетвердого, горького и кривого деревца, в тени растущего (на него же, полагаю, и праведное солнце едва ли сияет, и совершенной благодати от него не бывает, а если же по устроению своему оно изредка на него и взирает, то все же искоренение его ожидает), ветвь, избираемую нами только ради величия рода, от него отделить, и водою и Духом ее достойно освятить, и, Вышнего велением, на высоком и преславном месте посадить, что своим превосходством превыше и славнее всех мест во всей поднебесной. И расти бы той ветви и цвести во свете благоверия, от горечи бы своей ей избавиться, и приобрести бы сладость, и всем бы людям подавать плод сладок, а злой бы корень и зелье с того места вон вывести (ведь этого дурного коренья и сорных злаков на том месте много укоренилось!), и чтобы уж тому высокому и преславному месту больше не колебаться, ибо, за некую провинность перед Творцом, место то стало колебаться, а живущие в нем — смущаться и головами своими глупиться, а оттого — и великой крови литься. А ту бы посаженную ветвь беречь со всяческим тщанием единодушно, а не двоедушно, то есть рожденного от него у него бы выпросить и к нам с ним прийти, а нам бы его, по нашему завету, как бы заново родить, и из тьмы неведения вывести, и, как слепому, свет дать, и на великий престол возвести, и посадить, и скипетр Российского царства вручить. А ему бы у нас все на благо творить, и веры бы нашей и закона ничем бы не нарушать, а свое бы ему нечестивое происхождение забыть. И нам бы ему тоже неизменно и бескорыстно служить. А тех бы врагов наших и губителей от нас, из царствующего града и из всей нашей земли, выслать вон и выгнать, как злых и голодных волков, в их проклятую землю и веру. И уж тогда бы неповинной христианской крови больше не литься, волнениям прекратиться и впредь тихо бы и безмятежно жить, если Всемилостивый Владыка утолит после этого свой праведный гнев.

Злонравный же и жестокий тот супостат-король ничего подобного не хотел и не мыслил в уме своем, чтобы так тому быть, как нам угодно, — ведь с давних лет на наше Великое государство все они, окаянные и безбожные, и те, что прежде того были, его же братья, той же их проклятой земли и веры, помышляют, как бы им Великое государство наше похитить и веру христианскую искоренить, а свою богомерзкую учинить. Но тогда еще не приспело им время, пока не дошло до нынешнего нашего супостата-врага, короля. А он так сильно возрадовался злокозненным сердцем своим и распалился всеми членами своими, словно тот, кто, еще не овладев, жаждет обрести великое богатство и в душе своей уже ликует, но по какой-то причине еще не окончательно держит его в своих руках. Так и он, окаянный король. Не ему искони дано Богом и тем более — ни его наследство, ни отечество, а хочет само Великое наше государство и с ним бесчисленные богатства взять и владеть, и радуется, и кипит злым своим сердцем; чаем, что и на одном месте не усидит или же мало спит от своей великой радости, но из-за непокорности и неодолимости того крепкого нашего града еще не окончательно видит у себя в руках все наше Российское великое государство. Или же подобен он некоему злому и властному безбожнику: не по своему достоянию и даянию ему от Создателя, хочет взять за себя невесту, прекрасную и благородную, богатую и известную и во всем совершенную, к тому же и благоверную. Но из-за нежелания невесты и ее родственников и доброжелателей (кроме ее злодеев) не может вскорости ее взять и мужем ей

стать, пока родственников и доброжелателей невесты силою и какими-нибудь ухищрениями не победит и себе их не покорит, а тогда и невесту со всем ее богатством за себя возьмет. Так и он, окаянный, еще не окончательно Великое наше государство в руках своих держит из-за нежелания царствующего великого нашего града и того крепкого нашего заступника и поборника, под которым он, окаянный, сам стоит, а также и иных всех наших городов, не хотящих его (кроме его доброхотов, а наших злодеев, которые ныне им прелыцены и тленной, мимолетной и гибнущей славой и богатством ослеплены, — о них впредь еще будет наше слово).

И еще на то надеялся, окаянный, что по Божьей воле царский корень у нас перевелся, восприяв вместо тленного и мимолетного царства небесное и вечное, а земля наша, за великие грехи наши, без них, государей, овдовевшая, в великую скорбь поверглась. А горше всего, в ней произошел разлад: из-за гордости и вражды не захотели многие из рода христианского царя избрать и ему служить, но пожелали среди иноверных и безбожных царя изыскать и ему служить. А те, прежденазванные его доброхоты, а наши злодеи — об именах их нет здесь речи — растлились умами своими и захотели соблазнам мира сего служить и в великой славе быть, а иные, нёлюди, — не по своему достоинству чина почетного достичь. И ради этого от Бога отпали, и от православной веры отстали, и окаянными своими душами пали и пропали, и хотят его, злодея нашего, на наше великое государство посадить и ему служить. И по сю пору чуть ли не все Российское царство ему, врагу, предали! Если бы они могли, то в одночасье бы его, врага, сюда привлекли и во всем бы с ним совершили свою волю над нами. Но всемилостивый Владыко еще нас, грешных, своей милостью не оставляет, и умысел их и заговор разбивает, и тем крепким нашим градом, под которым он, злодей, стоит, его обуздывает, и к нам идти воспрещает. А если за великие грехи наши, по Божьему гневу и его, злодея нашего, злому умыслу, он каким-нибудь способом возьмет тот наш накрепко стоящий город, тогда и до царствующего града дойдет, и всех достигнет, и нас себе покорит. И еще те его доброхоты, а наши злодеи, о нем радеют, во всем ему добра желают и великое Российское царство полностью отдать ему хотят ради своей мимолетной славы и величия. Потому он, окаянный, и не хочет так сделать, как нам угодно. И уж, конечно, в уме своем представляет, что овладел Великим нашим государством, а так как бесовским своим достоинством всю нашу землю наполнил, то окончательно и уверился в этом.

И тех посланников наших задерживает, и всяческими притеснениями, голодом и жаждой их совершенно изнуряет, и пленом угрожает. Пошли они от нас со многими людьми в великом множестве, а ныне-де лишь с малой дружиной остались две самых представительнейших. А остальные-де, все, кто не смог вынести великих страданий и притеснений, тому супостату-врагу, королю, поклонились и его воле вверились. Того не ведаю, все ли по велению сердца пред ним склонились или втайне верны нам, да ныне-де усмирены, но с нами стоять за веру хотят, только разошлись и разъехались одни к нам, а другие — кто куда по своим местам.

А те-де наши оставшиеся, самые представительные, так же как и сами горожане, стоят упорно и непреклонно духом своим за святую непорочную христианскую веру и за те условия договора, о чем здесь с подручным его Желтовским (таким же безбожником, как и сам наш супостат) было установлено соглашение с нашими земледержцами (ныне же, по уму своему, достойными наименования землесъедцами).

Подобает весьма восхвалять их и удивляться им. Что может быть похвальнее, и

удивительнее, и бесстрашнее?! В руках будучи у своего злого супостата и врага, пред смертью стоя и терпя всякие принуждения, а все же лица своего пред ним, супостатом, не позорят и в глаза ему говорят, что отнюдь его воле не бывать и самому ему у нас не живать, да и не только ему, но и рожденному от него, если тот не будет освящен так же, как и мы, Божией благодатью.

Еще более почтим да подивимся пастырю нашему и учителю, и великому отцам отцу, и святителю! (Имя же его всем ведомо.) Словно столп, непоколебимо стоит он посреди нашей великой земли, посреди нашего Великого государства, и православную веру защищает, а всех душепагубных наших волков и губителей увещевает. И стоит один против всех них, как муж-исполин, без оружия и без воинского ополчения, только учение, как палицу, держа в своей руке против великих агарянских полчищ и побеждая всех. Так и он, государь, вместо оружия только словом Божиим всем врагам нашим затворяет уста и, в лицо их посрамляя, ни с чем отсылает от себя. А нас всех укрепляет и поучает устрашения и угроз их не бояться и душами своими от Бога не отступаться, а стоять бы крепко и единодушно за дарованную нам Христом веру и за свои души, как и они, горожане, в том граде и как посланцы наши под тем же градом.

О великое Божье милосердие! Еще не до конца прогневался он на христианский род. О чудо и диво! И воистину великого плача достойно, как мать городов Российского государства со всеми ее крепостными стенами и великими умами и душами врагам и губителям покорилась и сдалась и на волю их отдалась, кроме лишь того нашего великого, стойкого и непоколебимого столпа, духовного и крепкого алмаза, и с ним еще многих православных христиан, которые хотят за православную веру стоять и умереть!

А тот, прежде упомянутый град, воистину великий по своим деяниям, против тех супостатов наших и врагов, а точнее сказать, против самого лютого супостата нашего, злого короля, желающего погубить святую нашу и непорочную веру, — крепко вооружился и укрепился, и не покорился, и не сдался. Да и ныне стоит и утверждается, можно сказать, все великое наше Российское государство поддерживает, а всех наших врагов, тамошних и здешних, и самого того общего нашего супостата-короля стращает. И, как бесстрашный воин, сдерживает он уздой челюсти дикого, свирепого, неукротимого жеребца, трубящего на кобылицу мула, и все тело его к себе обращает, и воли ему не дает, а ежели даст, то и сам от него погибнет, занесен будет в бездонную пропасть и разобьется. Также и тот великий град, своими подвигами великий, помыслы того супостата нашего и похитителя веры нашей православной, с ревом рвущегося на Великое наше государство и на всех нас, укрощает и к нам ему идти возбраняет. Если бы град тот до сих пор не останавливал его и не удерживал, без всякого сомнения, давно бы супостат наш у нас здесь был. А если бы Бог, за великие грехи наши, его к нам допустил, он бы вконец всеми нами овладел и во всем бы над нами волю свою учинил. Горше же всего, святую и непорочную нашу веру тоже бы вконец искоренил, разве что только наш великий и непоколебимый Бога заступник веру бы до конца удержал (или нет?), не смею и дерзнуть вымолвить. А ныне его, супостата нашего, злого короля, тот наш град не за голову, не за руки, не за ноги, но за самое злонравное и жестокое сердце держит и к нам идти не дает. И посланники наши также крепко и единодушно православную веру защищают, и пред тем супостатом нашим ни в чем лица своего не срамят, и за правоту против него стоят. И хотя они не в граде с горожанами сидят и словесного с ними совета не держат, но сердца их, по Божьему промыслу, вместе с горожанами благочестием горят.

А у нас, здесь, прежде названный непоколебимый столп сам мужественно и

непреклонно духом своим стоит и не единые лишь стены великого нашего града держит, но и всех живущих за ними бодрит, и учит, и духовно им в погибельный ров впасть не велит. И более того, великое это безводное море словесами своими утишивает и укрощает. Сами все видите! Если бы не он, государь, все здесь держал, то кто бы другой такой же встал и нашим врагам и губителям мужественно противостоял?! Давно бы под страхом наказания от Бога отступились, душами своими пали и пропали.

Если же Божьим изволением, и помощью, и всех наших грехов прощением все Великое наше государство будет спасено двумя этими крепкими заступниками и поборниками веры нашей христианской, и от тех врагов избавится и защитится, покамест еще доброе начинание ваше не свершится, и замыслы ваши над теми врагами не успеют проявиться (скажу, что там это — от града, а здесь — от того стойкого нашего и непоколебимого столпа), то уж ни в коем случае подобное важное известие и событие не сможет от многих земель утаиться, но повсюду разнесется и прославится, как такими мерами это царство спаслось и от врагов своих избавилось. И еще скажу: «О, велико Божие милосердие и щедроты Его ко всем нам!» Там град стоит, и супостата держит, и намерения его обуздывает, и всем нам в защите Бога и православной веры усердие придает, чтобы все мы, видя его крепкую и непреклонную оборону, также крепко вооружились и стали против супостатов своих. А здесь, у нас, наш крепкий и непоколебимый столп стоит и всех нас бодрит и учит и тому же граду подражать велит.

Приступайте, начинайте, православные! Приступайте, начинайте, христолюбивые! Мужайтесь и вооружайтесь, поднимайтесь на врагов своих, чтобы их победить и царство освободить! Не выдайте наших по Богу спасителей и нерушимых заступников: там — града и посланных под него, а здесь — общего нашего пастыря и учителя, и отцов отца, и святителя!

Скажу вам истину, а не ложь, что супостаты наши, которые ныне у нас, — заодно с нашими изменниками-единоверцами, новыми богоотступниками и кровопролителями, и веры христианской разорителями, родственниками сатанинскими, собратьями Иуды, предателя Христова, с нашими начальниками и с новыми их прислужниками, пособниками и единомышленниками, которые недостойны по своим злым делам истинным именем своим именоваться (называть их следует — душепагубные волки), ибо хотят нас вконец погубить и под меч склонить, а жен наших и детей в рабов и холопов обратить, нажитое же нами разграбить и, что горше всего и печальнее, — святую нашу непорочную веру вконец искоренить, а свою, отпадшую от православия, насадить и самим в наших владениях жить. Сами видите, что они ныне над нами чинят: всегда пред очами нашими всем нам смерть показывают, издеваются, насилуют и убивают нас, и дома наши отнимают у нас, и нас же при этом позорят. Как волки, зубами своими скрежещут, пугают нас и грозят смертью. Да и не только над нами глумятся и насмехаются, но и над самим образом Создателя и Богоматери. И руками дерзают прикасаться и стреляют в воплощенный образ Божий и Пречистой его Матери, о чем ныне свидетельствуют злодейские руки, пригвожденные к стене под образом Божьей Матери, всем им, окаянным, на устрашение и трепет. И все стремятся быть вооружены и оснащены, словно против истинных злодеев изготовлены. Знают, окаянные, что не в свои владения пришли и сверх меры хотят себе заполучить, если Бог до того их допустит.

Ныне же послали во все города, по которым стоят такие же губители и неповинного новоизраильского рода кровопролители, и велели им прибыть сюда к нам. А наших людей воинского звания, которые живут у нас здесь, тех всех высылают долой, замышляя так, чтобы их, врагов, было много, а нас мало, чтобы

нам против них совсем нельзя было подняться, а им бы вконец нами овладеть и себе покорить. Так не смотрите же на то, православные христиане, и не верьте лицемерию тому, что ныне они пред вами чинят: сами своих же людей казнят. А все обманывают нас, уверяя и прельщая вас тем, как поступают и обещают, что не отцу у нас быть, а сыну.

Да и сам тот злодей наш, сыновий отец, тоже прельщает и манит, подобно сатане, наваждения творит и, словно бесов, с известиями присылает, что будто бы хочет сына своего нам дать по решению и добровольному соглашению с ним, злодеем, здешних его, злодея, злодеев наших, а его доброхотов, прежде названных тех изменников, всего нашего Великого государства крестопреступников и вероотступников. Видя здесь, в нашем мире, волнение и за веру стояние, оттого-то нас прельщают и манят, чтобы всех нас подчинить и укротить, а великого бы нашего моря не возмутить, и им бы самим, врагам, в нем не потонуть, и голов своих не сложить. И так вот рассуждают, покуда не соберутся в большом числе со своими сообщниками, такими же безбожниками, и покуда сам наш супостат и сущий всем нам враг не возьмет каким-нибудь ухищрением и Божьим попущением, а всех нас великим грехом и преступлением пред ним, Господом, того нашего града, стойкого защитника, непокорного ему, злодею. Как змей, тогда прилетит к нам со всем своим бесовским воинством, а те, что ныне здесь, у нас, все на нас поднимутся, как змеи и скорпионы или как волки лютые, и он овладеет нами. И тогда нам будет от них окончательная погибель, если Господь Бог за великие грехи наши разгневается на нас и окончательно захочет нас предать им, как псам, на съедение.

Но никогда тому, православные, не быть, чтоб сыну у нас, здесь, жить! Сами видите, что все это лживый обман и хитрость. Неужели этому не поверите, видя над собой явное злоумышление?! Думаю, что и малые дети, услышав это, понять могут, а не только взрослые и разумные люди. Когда же отец желает зла сыну?! И то, нам сына дать, а самому, как злому волку, под городом Смоленском стоять, и тем же врагам волю дать нашу землю разорять, и неповинную кровь христианскую проливать, а у остальных чрезмерные и неподъемные подати взимать, и до смерти их мучить, да и наших посланных туда до смерти морить, а у нас здесь, в великом граде, большое притеснение чинить?! Так ли сыну прочить, если все вконец губить?! А он, окаянный, этими делами не только сыну не прочит, но и сам здесь жить не хочет. Ему бы только свою волю совершить и великую бы славу учинить, что всеми нами они овладели, а нам бы под его властью быть и ему принадлежащими слыть. А ему бы своих подданных, таких же безбожников, в Великом государстве нашем насадить, и всем бы царством, что еще вживе останется, им править и ведать поручить, и дани-оброки всякие тяжкие взимать, а к нему бы, врагу, как бесам — к сатане, жертвы приносить. Верьте полностью, христолюбивые, тем словам, что сыну — не бывать!

Еще прежде этого всем вам стали очевидными и собственное его, отцовское, злокозненное желание и вся его тайна. Некто из того же душепагубного и бесовского сонмища, из нашего, Христу тезоименитого, рода, зачинщик зла и губитель Божьего жребия (за все его злые дела недостоин он быть назван во имя духовного или святого, но должно прозвать его «злой человекоядный волк»), этот душепагубный волк, на того нашего великого столпа и отцов отца и святителя (имя же его всем вам ведомо) яд свой изрыгнул и потаенное свое всем явно открыл: замыслил своим злохитрым умом покачнуть тот непоколебимый наш столп и на свою богоотступную сторону склонить. Словно змей, словами своими соблазнял, чтобы он, великий столп и твердый алмаз, и сам бы поколебался в сторону их суетных и человекоубийственных помыслов и желаний, сдался бы на

их вражью волю, и весь бы наш многочисленный народ духовно навеки в погибельный ров впасть понудил, и сам бы, всего мира спасение, злодею-отцу присягнуть повелел. Великий же и непоколебимый столп Богом прочно водружен, не на песке основан, а на тверди сердец: и сам никогда не колебался и ни малость не покачнулся в их богоотступную сторону и ту палату, великую вширь, вдаль и округ, что на нем стоит и держится, и в ней живущий многочисленный народ до греха не допустил и духовно их навеки не пленил, а еще больше укрепил. Тот же вышеназванный, многих душ губитель и злой разоритель Великого государства, видя крепкое и непреклонное того столпа стояние за святую и непорочную веру и за все православное христианство, разверзнул свои дьявольские уста и начал, как обезумевший пес, в небо глядя, лаять, и скверными словами, словно сущий буян камнями, в лицо святителю метать, и высокочтимое священство бесчестить, и даже родившую его мать упоминать с непристойным и оскорбительным словом. Он же, государь, твердый алмаз, не только тем словам не внял и той его словесной буйности не убоялся, не устрашился, но даже и осмеял его безумную словесную дерзость, да и крепко ему пригрозил и великую беду ему провозвестил; пречистыми устами своими ему изрек, мнится мне, словно острым оружием, своим словом святительским тело и злонравную душу его посек: «Да будешь проклят со всем своим сонмом в сем веке и в будущем, также и с тем, кого сам так желаешь и кому, словно всего мира спасению, крест целовать побуждаешь!» И еще добавил: «Нам не только он не угоден, но также и отпрыск его, если не исполнит нашей воли». Он же, окаянный, потупив лицо свое, отошел со всем своим сонмом, посрамлен и изумлен, но более того разъярен на великого пастыря и учителя и за правду крепкого стоятеля, словно змей шипя или как лев рыкая.

После же, окаянный, опомнился и, поняв свою вину и осознав злой свой умысел, раскаялся про себя в дерзости словесной, что не время ему было так говорить и явно и нагло великому господину тайну свою открыть. И побоялся многочисленного народа христианского: что, если все это словопрение, как недостойный, злой и неугодный им поступок, до сих донесется, а также то, что несправедливо вел он себя с высочайшей главой и непоколебимым столпом, не как положено со святейшим, а его, как из простых простейшего, словно пес, лаял и бранил. И от тех своих речей отказаться вздумал, будто и не говорил, и, как в темных хоромах, затворил в скверном теле своем лукавую свою душу.

А потом ведь, злодей, и еще лицемерие сотворил: будто бы расшумевшимся был и не помня что говорил; и у великого святителя и незлобивого учителя прощения испросил. Однако же хотя и прощения просил, но все же и впредь от злого своего нрава-обычая и злодейских замыслов не отказался. И ныне дышит и сипит, словно скорпион, и не переставая крамолы воздвигает, и все свое плотское бесовское сонмище возмущает, и всячески ему, государю, досаждает.

И теснят — сами все видите — и мыслят со всеми своими пособниками, как бы его, государя, вконец погубить, чтобы без него все свои желания свершить и, как змеям, всех нас поглотить. А как я уже сказал, без него некому будет им, врагам, препятствовать и противостоять накрепко, как он, государь.

Он же, великий столп и твердый алмаз, мужественный воин Христов, не имея ни тула, ни меча, ни шлема, ни копья, ни воинов вооруженных (ибо ему не положено то, не велено Создателем все это держать при себе), к тому же ни стен, крепко огражденных, лишь словом Божиим, как неким оружием, опоясался или, словно избранным воинством, ополчился и некими неприступными стенами оградился. «Не бойтесь, — сказал, — убивающих тело: души ведь коснуться не могут!» И воссылает он всегда от всего сердца к Богу и Пречистой его Матери свои

молитвенные словеса о себе и обо всех нас, а более всего о святой и непорочной христианской нашей вере, чтобы православная христианская наша вера от тех врагов наших и губителей не погибла; и слезы из очей своих, словно речные стремнины, испускает перед образом Господа нашего Исуса Христа, и Пречистой его Матери, и прославленных в Русской земле великих чудотворцев, и всех святых, и надеется своими обильными слезами и молитвенными словесами, как острыми стрелами, от себя и ото всех нас тех наших общих явных врагов отогнать и поразить, и все Великое государство от них освободить.

О столп крепкий и непоколебимый! О крепкая стена и забрало у Бога и Пречистой его Матери! О твердый алмаз, о поборник непобедимый! О непреклонный веры заступник! О воистину пастырь неложный! В похвалу сказано было о таких великих и стойких душою — «пастырь добрый»: «Пастырь добрый душу свою полагает за овец». Воистину, воистину, пастырь он добрый, а не наемник: душу свою полагает за овец, которых ему дано пасти. А на вые его возложены все мы, православные христиане. Напоминает он Божественное Писание: «Подобает за слово Божие на смерть стоять». И видим все: не даст слову Божию пропасть на земле и, хотя всегда рядом со смертью ходит возле общих наших врагов и губителей, однако хранит надежду на Творца нашего, и Богоматерь, и на великих чудотворцев, общих наших заступников и богомольцев. Ежели ему, государю, и случится за слово Божие умереть, — не умрет, но жив будет вовеки.

Во всеуслышание и решительно следует сказать: если бы таких великих, стойких и непоколебимых столпов было у нас немало, то никогда бы в нынешнее злосчастное время наша бы святая и непорочная вера от тех душепагубных волков, от явных врагов, чужих и своих, не пала, но еще более бы просияла, а великое бы наше море без колебания и волнения стояло. А ныне один уединенно стоит и всех держит, а врагам сурово грозит. И иному некому пособить ни словом, ни делом; кроме Бога, Пречистой его Матери и великих чудотворцев никаких других пособников не имеет. Те же, кто были его сынами и богомольцами и принадлежат тому же духовному сану, — те славою мира сего тленного прельстились, проще сказать, подавились, и на сторону врагов склонились, и творят их волю.

А сами наши земледержцы (как уже прежде сказал, — землесъедцы), те давно от него отстали, и ум свой на полное безумие променяли, и к ним, ко врагам, пристали, а пред иными, как пред своим подножием, ниц пали, и господское свое происхождение променяли на жалкое рабское служение, и покорились, и поклоняются неведомо кому, — сами знаете, — и угождают ему, и смотрят ему в рот нечестивый, что им позволит и прикажет, как нищие, пред проклятия достойным богатым. (Впредь мы объявим вам его имя, проклятое Богом и людьми. Теперь же пойдем дальше.) Так-то вот эти наши благородные сглуповали и душами своими пали и пропали навеки, ежели только не обратятся от этого зла и худа к добру. Горше же всего они нам то учинили, что всех нас предали, и не только предали, но и заодно с ними, с врагами, вместе на нас ополчились и хотят нас всех погубить и веру христианскую искоренить.

Ежели и есть избранные среди тех же чинов и боярских родов, которые сердцем обращены к христианской вере и о нас обо всех жалеют и радеют, да они не могут ничего сделать и не смеют начать, ибо не с кем выступить на борьбу и показать свою силу, а с ними, врагами, ничего не сделать, ибо вошли они в большую власть: многих бренным богатством и славою прельстили, иных закормили и везде своих доносчиков и доброхотов поставили и понасадили.

Один только у нас ныне есть у Бога и Пречистой его Матери стена и забрало, так это он, государь, великий святитель и крепкий заступник. Ежели с ним, государем, по вине наших врагов что-то и случится и он от телес отрешится, и от света сего тленного в вечные обители переселится, то и вера наша теперешними нашими губителями окончательно погубится, если только ненависть ваша к ним так и не проявится. А ежели его, государя, от них Бог соблюдет и он невредим поживет, тогда Бога, и Пречистую его Матерь, и великих наших чудотворцев, и всех святых умолит, и себя, и всех нас спасет, и веру поддержит, и врагов победит молитвою своею.

А вы, православные, не помогаете ему, государю, ни в чем! Говорите одно, а на деле Бог весть чего еще от вас ждать. Снова прошу вас с великими слезами и сокрушенным сердцем: порадейте о себе и о всех нас! Мужайтесь и вооружайтесь и совет меж собой держите, как бы нас от врагов своих освободить! Время, время пришло! Время приспело деяние-подвиг свершить и на страдание решиться, как только Бог вам укажет и помощь вам подаст! Прибегнем же к Богу, Пречистой его Матери, к великим чудотворцам и всем святым! Припадем к ним с искренней верою, со смиренным сердцем и горячими слезами, да подадут нам милость свою! Препояшемся оружием телесным и духовным, то бишь молитвою и постом и всякими добрыми делами! Станем храбро за православную веру и за все Великое государство, за православное христианство и не предадим пастыря нашего и учителя, крепкого поборника веры православной, и того нашего преславного града, который за всех за нас стоит и супостата нашего держит. Сами вы знаете, что если не теперь умрем, то все равно умрем. Да пусть же за правоту нашу сохранит нас Господь невредимыми и не погибнем от врагов своих! Если же ныне будем терпеть, время тянуть, то сами по себе, из-за своего нерадения и нерешительности и погибнем.

Что стали, что оплошали? Чего ожидаете и зачем врагов своих к себе допускаете, а пагубному корню и зелью даете в земле укорениться и, как злой горькой полыни, пуще расплодиться?! Или того ждете, чтобы вам сам тот великий столп святыми своими устами изрек и повелел бы вам против врагов встать и вас на кровопролитие поднять? Сами знаете, его ли это дело — повелевать кровь проливать?! Ей-ей, никогда от него, государя, такого наставления не будет, ибо и сам он, — государь великого разума, понимания и мудрого ума, — полагаю, мыслит, чтобы не от него началось, но им бы добро свершилось, его бы непреклонной стойкостью и молитвами к Богу, а вашим бы старанием, ополчением на врагов и мужеством. То ли вам не весть от него, государя, что он, как добрый пастырь, всех нас спасает от душепагубных, человекоядных волков и чистой нашей Голубицы не даст им, словно змеиной пастью, поглотить и погубить, да ожидает с часу на час Божьего вспоможения и вашего против них старания и дерзновения?! А ежели вы и без его, государева, словесного повеления и рукописания за правду свою на злодеев дерзнете и благо сотворите и их, врагов, победите, царство от бед освободите и веру сохраните, а его, государя, святителя великого, и себя, и всех нас от врагов избавите, то не будет вам от него проклятия и запрета, более того — великое благословение вам и чадам вашим, из рода в род, каждому до скончания его жизни.

Сами вы видите, какое гонение на православную веру и какое притеснение всем православным христианам от наших губителей и врагов! Беспрестанно многим смертоносное посечение, а иным тяжкое ранение, иным ограбление, а женам бесчестие и насилие. И покупают не по цене и отнимают насильно; притом не по цене оценивают и не серебром платят, а стоят с мечом над головой всякого торгующего православного христианина и смертью грозят. Наш же брат,

православный христианин, видя свое осиротение и беззащитность, а их, врагов, полное одоление, не смеет иной и рта раскрыть, боясь убитым быть, даром от имущества своего отступается и только слезами обливается. И уж больше нечего им, врагам, было выдумать, как бы еще всех нас, православных христиан, притеснять, надругиваться над нами, кичиться и насмехаться, так они (как видим мы сами) вот что ухитрились затеять для всего Великого и могучего нашего царства (поистине великого и неукротимого, как море!): на той стороне, где стена имеет двое ворот рядом, одни ворота затворить и на замки закрыть, а другие приотворить, да и те — вполовину. А множеству христианского люда не то что тесными и узкими воротами бывало не пройти, да и в широкие-то не в одни, а только через многие удавалось выйти, ибо Божией благодатью христианский люд бесчисленно расплодился и умножился. Ныне так за грехи нас всех поубавилось, посечено и угнано теми же врагами и губителями в плен, в проклятую их землю и веру! Но хотя и убавилось, хотя и мало нас кажется, а много еще набирается. И всегда в тех воротах начинают друг друга теснить (попросту сказать, как мышей, давить), и шум, и визг, и крик бывает из-за этого узкого и затрудненного проезда и прохода. А им бы при этом, самим врагам, вооруженным всяким смертоносным оружием, с обеих сторон тех узких ворот стоять наготове пешими и на конях, и у самых шей наших и сердец это свое оружие в руках своих держать, и нас бы всех постоянной и явной смертью устрашать.

Это ли вам не весть, это ли вам не повеление, это ли вам не приказание, это ли вам не писание?! Ох, ох, увы, увы! Горе, горе злое-лютое! И куда идти, куда бежать? Как не заплакать, как не зарыдать, как всей душой не страдать, как в грудь себя не бить?! Как же сами мы не заботимся и не радеем о себе, когда видим за великие и бесчисленные грехи наши по воле Создателя и Творца полное наше смирение, а врагам, чужим и своим, попущение, и всяческое от них над собой надругание, и осмеяние. Хотя и плачем, и рыдаем, и бьем себя в грудь, и всей душой страдаем, и сильно тем Создателю досаждаем, но подвига и рвения не проявляем, и к Богу не прибегаем, и Его не умоляем, и против врагов ничего не замышляем, а все на произвол пускаем и сами же в своей земле и вере злое семя укореняем.

И еще скажу: «Ох, чем только нас Господь за бесчисленные грехи наши не смиряет, и каких только наказаний не посылает, и кому только нами владеть не повелевает!» Сами видите, кто он такой. Не человек, а неведомо кто! Ни царских родов, ни боярских чинов, ни из избранных ратников; говорят, — от смердовских рабов. Его же, окаянного и треклятого, за его злые дела следует называть не именем Стратилата, а именем Пилата, не во имя преподобного, но во имя неподобного, не во имя страстотерпца, но во имя землеедца, не по имени святителя, но по имени мучителя, и гонителя, и разорителя, и губителя веры христианской. И по известному его прозвищу также недостойно его называть во имя святого, а от названия людского нужного прохода — Афедронов. Таким именитым государством владеет и его, словно великое море, колеблет: что хочет, то и творит, и никто ему не возбранит!

А сами наши земледержцы и правители (ныне же, как я уже прежде сказал, — землесъедцы и кривители), те, словно ослепли или онемели, прямо сказать, ни один не смеет тому врагу ничего запретить и Великому государству ни в чем пособить. А иные молчат, не говорят и ни в чем ему не перечат, ибо вместе же с ним, врагом, всех нас погубить хотят. Целые полки людей всяких чинов за тем врагом следом ходят и милости и указаний его ждут. Не только простые и неименитые люди, но даже боярские и дворянские дети и сами дворяне, благородные и сановитые, иным из которых он, враг креста Христова и всех

православных христиан, и в подметки негож.

А еще враг и лютый злодей наш не своим состоянием завладел. Как Ихнилат, в цареву ризницу пробрался, чтобы разорить и погубить ту великую царскую казну, что за многие годы многими государями-самодержцами, великими князьями и царями всея Руси была собрана и положена. Он же, окаянный, как выше упомянутый Ихнилат, в одночасье или же за недолгий срок все хочет извести, расточить и погубить, и оставить эту цареву ризницу вконец разоренной, словно пустой и ненужный дом. Да уже и оставил! И теперь эти великие сокровища, драгоценные камни, и одежды, и всякие вещи, что нам неведомы и нами невиданны, со своими единомышленниками разбирает и вещь к вещи прибирает, а также золото, серебро и жемчуг в большие сундуки насыпает и к тому вышеназванному супостату нашему, врагу-королю и похитителю, под тот обороняющий нас град посылает. А мыслят, окаянные, так в уме своем: если Божиим промыслом и вашим над ними, врагами, помыслом, благо для нас свершится, если здесь, у нас, Божией милостью их желание не сбудется, а доброе дело осуществится и над ними, врагами, победа объявится, а им, врагам, от нас убежать случится, то, чтобы им у своего сатаны положения своего не лишиться, и смерти бы от него не приключиться, можно было бы теми бесчисленными и драгоценными сокровищами с ним и примириться. Но если царство наше перед ними не выстоит, погибнет, — кто не восплачет, кто не возрыдает, кто не вздохнет?! Полагаю, что не только нашей православной веры и христианского рода православный христианин, но и иноверный из тех же врагов, кто хоть мало-мальски мягок и жалостлив сердцем, если не заплачет, то и он вздохнет и скажет: «Как же такая великая и прославленная во всех странах земля оказалась в разорении, такое Великое царство в запустении, а столь богатая царская ризница в расточении!»

А вы, православные, Богом почтенные, сжальтесь над собой, содрогнитесь сердцем, видя пред собой столь непереносимые бедствия и скорби, видя всегда перед глазами своими свою погибель и попрание веры нашей православной! Не отдавайте сами себя в руки врагов своих! Призвав в помощь Бога, и Пречистую его Матерь, великих чудотворцев, и всех святых, поднимайтесь на врагов своих! Может быть, Господь Бог наш Исус Христос, наказав нас праведным своим гневом, да и помилует, и на них, врагов, победу даст, избавит и спасет нас от них. А они, злодеи наши и губители, одно замышляют против нас (как я уже и прежде вам говорил): хотят нас погубить, а оставшихся своей воле подчинить.

И тому, что в этом письме я рассказываю вам и пишу, верьте без всякого сомнения! А я, к их намерениям и замыслам прислушиваясь, помню свою православную веру и не хочу души своей грешной вконец погубить и в геенне быть. По ошибке своей и слабости, славой мира сего прельстился и к ним, врагам, прилепился, ради суетной славы и тленного богатства, как и прочая братия наша. Все мы, того ищучи, от того и погибли. Если бы того не искали, от Бога бы все не отпали, и душами и телом не пали бы, и не пропали. Ныне же я прозрел, что, следуя им, врагам креста Христова и губителям всех нас, православных христиан, перейдя в их богоотступную веру и не отстав от них, — быть в геенне огненной душой и телом. Явно же мне нельзя от них отстать и вам про это сказать. Даже единому кому-нибудь из вас втайне сказать боюсь: вдруг этот человек в мыслях своих поддастся искушению, не утерпит и вам скажет имя мое, а от вас разнесется и до них, врагов и губителей христианских, донесется; тогда меня, взяв, жестокой казни предадут. Я же у них ныне очень пожалован. Сами знаете, что все мы смерти боимся. И я, так же как и вы, имею жену и детей. Ежели мне самому доведется умереть, так на Господа надежда, что не умереть, но ожить за

эту правду; иное же дело — жену и детей осиротить, по дворам пустить, а всего того горше, — на позор отдать. Вам же, православные, в ту пору ничего будет не сделать, ибо ныне верх взяли произвол и насилие врагов. Оттого-то я вам открыто и не решаюсь сказать и от них отстать, потому-то вам письмом и потрудился написать. Если Господь помилует всех нас, избавит нас от наших явных врагов и все будем живы, тогда известно вам будет и про нас, про грешных. А ежели и скажет вам кто-то, что я вам ныне враг и клеветник, то Господь видит сокровенное мое, что с вами же хочу жизнь свою отдать за православную веру и за святые Божии церкви. Ныне же, как я выше сказал, нужды ради не отстану от них.

А кто это письмо возьмет и прочтет, пусть бы его не таил, давал бы, осмотревшись и выведав, прочесть вкратце своей братии, православным христианам, тем, которые за православную веру хотят умереть, чтобы все им стало известно, а не утаено, но не тем, которые были ранее нашими братьями, православными христианами, а ныне всей душой, без раскаянья, отвернулись от христианства и во врагов наших превратились, с ними, врагами, соединились, вместе с ними вооружились и хотят нас вконец погубить, — тем бы его ни в коем случае не показывали и не давали читать. Да будет на вас всех, доброжелателей Российского царства, милость Божия и помощь Пречистой Богородицы и великих чудотворцев, которые у нас в Троице прославлены, и всех святых! Аминь.

Плач о пленении и конечном разорении Московского государства

Подготовка текста, перевод и комментарии С. К. Росовецкого

ВСТУПЛЕНИЕ

Автор «Плача» неизвестен. С. Ф. Платонов предполагает, что он не был очевидцем описываемых событий и широко использовал официальные грамоты 1610—1612 гг.; возникло это произведение летом—осенью 1612 г. в одном из провинциальных городов (Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. Изд. 2-е. СПб., 1913. С. 146). Вероятно, этим городом была Казань: текст «Плача» использован составителем так называемого «Казанского сказания» — компиляции, датируемой М. Н. Тихомировым теми же месяцами 1612 г., к которым С. Ф. Платонов относит создание «Плача» (см.: Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 202); позднее, в 1620-е гг., он читался во время ежегодной праздничной службы иконе Казанской Богоматери. «Плач» рано получает общерусское распространение. В 30—40-е гг. XVII в. его сокращенная редакция включается в сборник, составленный жителем Устюга Великого *(БАН,* Арханг. К. 51), в 1672—1674 гг. входит в состав московской исторической компиляции о Смутном времени *(ГИМ,* собр. Уварова, № 896). В том же XVII в. «Плач» был присоединен в качестве заключительной главы к «Сказанию Авраамия Палицына».

Для книжного плача, как и для устной причети, рассказ об обстоятельствах несчастья — обязательный, но второстепенный элемент структуры; на первый план выходят в устном плаче — эмоциональный отклик, в литературном —

осмысление причины бедствия, его исторического значения и назидание для читателей (слушателей). Следуя традиции, автор «Плача» объясняет «падение» Москвы как возмездие свыше за всенародные прегрешения, однако с замечательной смелостью объявляет главными виновниками всех московских царей, при этом исключение не сделано даже для Федора Ивановича, настойчиво идеализируемого другими писателями Смуты. Привлекает внимание и исторический оптимизм автора: по его мнению, «будущие предтекущие люди», узнав о бедствиях Смуты «от писания, о сихъ зѣло удивятся» — следовательно, будут жить потомки «нынѣшних родовъ» россиян в мире и процветании. Что же касается современников, то они побуждаются к покаянию, чтобы Бог «пощадил останок» русских людей, истребил их врагов и «злолукавыи совѣтъ ихъ искоренилъ». Можно думать, что прямой призыв к борьбе представлялся неуместным в плаче, да еще предназначенном для чтения в церкви, однако патриотически настроенный читатель мог и сам прочесть этот призыв между строк произведения, восхваляющего героизм защитников Смоленска и стойкость патриарха Гермогена.

«Плач» носит ярко выраженный риторический характер. Автор его широко использовал разнообразные источники (от Псалтыри до «Рыдания» Иоанна Евгеника о запустении Царьграда). Обращение к традициям высокого литературного красноречия Киевской Руси, оживление приемов «экспрессивно-эмоционального стиля» конца XIV—XV в. помогли талантливому писателю начала XVII в. реализовать свой острозлободневный, публицистический замысел.

«Плач» печатается по списку Центральной научной библиотеки АН Украины, собр. б. Киевского церковно-археологического музея, № 186 (старый № — 0. 1/4. 50), нач. XVIII в. (далее — Киевский сборник), л. 1—12. Эта же рукопись привлекалась при публикации памятника С. Ф. Платоновым *(РИБ,* т. 13. Изд. 2-е, доп. СПб., 1909, стлб. 219—234). Приняты некоторые из исправлений, сделанных первым издателем по списку *ГПБ,* собр. Погодина, № 1504, конец XVII в., перенесены также единичные чтения из «Казанского сказания» *(ГИМ,* собр. Уварова, № 593, XVII в.) по указанной выше публикации М. Н. Тихомирова и списку *ГБЛ,* Муз. собр., № 2529, начало XVIII в.

Отрывок от слов «Обаче же во обычное моление...» и до «Начну же сице бесѣдовати...» (стр. 132—134 настоящего издания), представлявшийся С. Ф. Платонову безнадежно испорченным *(РИБ,* т. 13, стлб. 221—222), выправляем по смыслу. Все дополнения и исправления в тексте набраны курсивом.

ОРИГИНАЛ

ИЗЪ «СТЕПЕННОЙ» ПИСАНО.[1] ЦАРСТВО ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ИОАННОВИЧА ШУЙСКАГО. МЕСЯЦА ОКТЯБРЯ ВЪ 22 ДЕНЪ[2]ПЛАЧЬ О ПЛѢНЕНИИ И О КОНЕЧНОМ РАЗОРЕНИИ ПРЕВЫСОКАГО И ПРЕСВЪТЛѢЙШАГО МОСКОВЪСКАГО ГОСУДАРСТВА. ВЪ ПОЛЗУ И НАКАЗАНИЕ ПОСЛУШАЮЩИМ

Чтется по кафисмах сие слово:[3]

Откуду начнемъ плакати, увы! толикаго падения преславныя ясносияющия превеликия России? Которым началом воздвигнемъ пучину слезъ рыдания нашего и стонания? О, коликих бѣд и горестей сподобилося видѣти око наше! Молимъ послушающимъ со вниманиемъ: «О христоименитии людие, сынове

свѣта, чада церковнии, порождении банею бытия![4] Разверзите чювственныя и умныя слухи ваша, и вкупѣ разпространимъ арганъ словесныи, вострубим въ трубу плачевную, возопиемъ къ «Живущему въ неприступнѣм свѣтѣ», къ «Царю царьствующих и Господу господьствующихъ»,[5] къ херовимскому Владыцѣ съ жалостию сердецъ нашихъ, въ перси биюще и глаголюще: «Охъ, увы! горе! Како падеся толикии пиргъ благочестия, како разорися богонасажденныи виноград, егоже вѣтвие многолиственною славою до облакъ возънесошася и гроздъ зрѣлыи всѣм въ сладость неисчерпаемое вино подавая? Кто от правовѣрныхъ не восплачетъ или кто рыдания не исполнится, видѣвъ пагубу и конечное падение толикаго многонароднаго государьства, християнскою вѣрою святою греческаго, от Бога даннаго закона исполненаго и, яко солнце на тверди небеснѣй, сияющаго и свѣтомъ илекътру подобящася? И многими лѣты снованъ, вскорѣ приятъ разорение и всеяднымъ огнемъ погорѣ!»

Весь благоприятныи о Христѣ народъ вѣсть высоту и славу Великия России, како возвысися и коликъ страхъ бысть бесерменомъ и германомъ и прочим языкомъ. Преславна вещь зрящимъ бысть утворенна кафолическая соборная церковь,[6] и в ней живописанныя святыя иконы, къ сему же и столпи благочестия, и по успении рѣки чюдесъ православным изливающе![7] Колики быша царския многоцѣнныя полаты, внутрь златомъ украшени и шары доброцвѣтущими устроены! Колико сокровищь чюдныхъ царскихъ диадимъ, и пресвѣтлыхъ царскихъ багряницъ и порфиръ, и камения предрагаго, и всякаго бисера многоцѣннаго бысть преисполнено! Какови быша доми благородныхъ — двоекровныя и троекровныя, богатством и честию кипящая! Симъ пресвѣтлым и предивнымъ государьством преславни быша велицыи царие, величашася благороднии князи, и во всемъ, — дерзновенно рещи, — толикаго учреждения бысть преисполнено, и свѣтомъ, и славою превзыде, яко невѣста, на прекрасный бракъ жениху уготована![8]

Обаче же во обычное моление притеку. О Христе царю! О Спасе и Слово Божие и Боже! Увы! О! О, имже и в немъже преславная глаголашася Божия слова, гласъ и великаго царя и Бога, граде![9] О Всечистая Богомати! Како твой, иже высокоименитыи и преславно царьствующии град Москва, иже самой земли око, иже вселѣннѣй свѣтлость, увы! угасе? О Честныи же и Пречистыи Владычицы нашея Богоматере граде и наслѣдие, в немъже преславное, паче *солнца* сияющее въ пресвѣтлѣмъ храмѣ твоемъ подобие пречистаго твоего тѣлесе и зрака образъ, превѣчнаго ти младенца, Бога нашего, на руку носящи, пресвѣтлымъ Лукою евангелистомъ воображенъ, милостию сияющь, яко пресвѣтлая заря, исцѣления всѣм преизобилно подавая![10] О! О, еже въ немъ великое и всепѣтое пречестное ти имя съ сыномъ твоимъ Господемъ Богомъ нашимъ и Спасомъ Иисусомъ Христомъ, аггелоподобно выну вселѣпнѣ воспѣваемо и славимо! О всѣхъ царице Богородице и госпоже всей твари, паче слова освященная и паче мысли неблазненая Богородителнице, и паче естества Приснодево и Мати! Увы! Како едина еси спасителница и хранителница бодрая насъ остави? Каковыхъ убо бѣдъ и объстоянии прежде изимаше ны,[11] нынѣ же како, милостивая, не поможе? Или — како, убо прежде всегда заступаше, нынѣ же, иже тебе ради и святаго образа твоего, како не пощадѣ единоплеменных? И како затворихомъ человеколюбную твою утробу[12] или, — что мало помышляю, — соборную церковь, иже на земли небо солнцеобразно въ поднебесныя сияя и яко другии рай бысть православнымъ благочестия ради? Бѣдъ приятъ, разорение и запустение, и со общими освященными отцы, — увы, о! — священныя тайны приносимо в *ней о* спасении въсего мира![13] И красота пѣния въ Троицѣ славимому Богу, о! иконъ святыхъ чюдотворныхъ, по земли пометаемыхъ и попираемыхъ и своего отъемлемыхъ украшения со смѣхотворением! О! Иже донынѣ честныи и священныи аггельскии образъ въ колице изданъ бысть скверноубиицамъ и дѣвъственыи чистыи личе

оскверНению и прочии, ими же повсюду тмами плѣнникъ земли чюжихъ наполниша! Увы, силнии князи и бояре наши и прочии вси христолюбнии народи повсюду разъличнѣ попущениемъ Божиимъ от иноплеменникъ и от междоусобныя брани неисчетно падоша, ихъ же желѣзы и оскорды, и прочая оружия крови насытишася, и съ сущими неискусозлобными младенцы умиленнѣ разъличнѣй смерти от внезапнаго востания предашася! О, како къ тому помышляю и возъглаголю, яже въ насъ содѣяшася и нынѣ дѣется по смотрению Божию за неправды и за гордѣние, и за грабление, и лукавъство, и за прочая злая дѣла, о нихъ же плачевна глаголютъ пророцы: *«О* лукавая злоба, откуду *излияся* покрыти *сушу?* „Обаче за лщения ихъ положил еси злая и низложилъ еси ихъ, вънегда разгордѣти*им.* Како быша въ запустѣние? Вънезапу исчезоша и погибоша за беззакония своя, яко сония востающего”.[14] Яко погибоша благоговѣйнии от земли, яко правда въ человецѣхъ оскудѣ, и воцарися неправда и всяка злоба, и ненависть, и безмѣрное пиянъство, и блудъ, и несытное мъздоимание, и братоненавидѣние умножися, яко оскудѣ доброта, и обнажися злоба, и покрыхомся лжею. „Неведохъ бо на вы запустѣние и прузи,[15] и гусѣницы, и гладъ, и плѣнение, и всякое зло, злобы же вашея от васъ не отсѣкохъ". И о сихъ всѣхъ не отвратися ярость Его, но еще рука Его высока».[16]

Како ужаснуся, како твоему, Христе, удивлюся долготерпѣнию! О горкаго всемирнаго заколения, христоименитыи роде, якоже листъ уже и цвѣтъ отпадшии, подъятъ чашу нерастворенн­аго праведнаго гнѣва![17] Увы! О небо, како не потрясеся, и земля не поколебася, и солнце не померче, сия зря? како претерпѣ, толико видѣвъ всенародное заколение? како еще не зазрѣло приснобѣдству *сему?* и в нѣдрахъ земных *безвЬстию* себе предало бы, и вся во тмѣ оставило бы, яко же при Спасеннѣй страсти въ полудне?[18] О, «кто дастъ главѣ моей воду и очима моима источникъ горких слезъ»[19] неисчерпаемыхъ, и восплачю дщери новаго Сиона[20] — преславноцарьствующаго нашего града Москвы, яко же любоплачевенъ пророкъ,[21] яже древле Иерусалиму плачетъ злая? Тѣм же персть на устѣхъ своихъ полагаю, въ бездну смиреномудрия себе снося, еже и по уверзению виновъно, ожидающи свыше божественное утѣшение, иже над нами солнцу Создатель рече: «Егда поражу, паки исцѣлю», яко «не до конца прогнѣвается, ни вовѣки враждуетъ»[22] человеколюбивыи нашъ Господь Богъ.

Начну же сице бесѣдовати въкратцѣ богоизбранному стаду, словеснымъ овцамъ беззлобиваго пастыря Спаса Христа.

Сего ради падеся превысокая Россия, и разорися толикии твердыи столпъ. Сущии в немъ живущии царие вмѣсто лѣствицы къ Богу возъводящеи спасительных словесъ, еже раждаются от книгородных догматовъ, прияша богоненавистныя *дары:* бѣсовския козни, волшбу и чарование. И вмѣсто духовных людей и сыновъ свѣта[23] возлюбиша чадъ сатаниныхъ, иже отводятъ от Бога и от неблазненаго свѣта во тму. И не даша мѣста умному видѣти своему слуху словеси правдива, но клевету на благородныхъ ненависти ради ясно послушающе и крови многочисленнаго народа того ради, яко рѣка, излияша. И вмѣсто непобѣдимаго жезла богоподражателныя кротости и правды гордость и злобу возлюбиша, еяже ради, иже преже бысть пресвѣтелъ, яко денница, съ превысочайшаго небеси спаде и аггельския свѣтлости и славы отпаде.[24] Къ сему же от великих благородныхъ, от премудрыхъ и до простых, и въкратцѣ реку, — от главы и до ногу вси неисцѣлными струпы обязашася[25] и Содома и Гомора и прочихъ бесчисленныхъ бёсовъских язвъ исполнишася.[26] И того ради прежде гладом, встягновения ради, от Бога наказани быша — и нимала взыдоша от пути погибели на путь спасения.

Потомъ толикое наказание и гнѣвъ воздвижеся, еже немалому удивлению, паче же и слезамъ достойно. И ни едина жъ книга богословецъ, ниже жития святыхъ, и ни философския, ни царьственныя книги, ни гранографы, ни историки, ни прочия повѣстныя книги не произнесоша намъ таковаго наказания ни на едину монархию, ниже на царьства и княжения, еже случися над превысочайшею Россиею!

Воста предтеча богоборнаго Антихриста,[27] сынъ тмы, сродникъ погибели, от чина иноческаго и дияконъскаго и преже свѣтлыи аггельскии чинъ поверже и отторгнувся от части християнския, яко Июда от пречистаго *апостольскаго* лика. И изъбежавъ въ Полшу и тамо безчисленныхъ богомерскихъ ересей скрижали сердца своего наполнилъ, и тмообразную свою душу паки предая въ руцѣ сатанины, и вмѣсто святыя кристианъския вѣры греческаго закона люторскую треокаянную вѣру возлюбивъ. И безстуднѣ нарекъ себе царемъ Димитрием, приснопамятнаго царя Иванна сыномъ, глаголя, яко изъбѣглъ от рукъ убийственныхъ. И испросивъ помощь у литовскаго короля, ежи ити с воинствомъ на великую Росъсию. Королю же полскому и паномърадѣ, и кардиналомъ, и арцыбискупомъ, и бискупом велми о томъ радующимся, яко мечь на кровь християнъскую воздвижеся, понеже николи причастия нѣсть тмѣ ко свѣту, ни Велияру ко Христу.[28] И въдаша сему окаянному въ помощь воинства литовскаго, и дерзнувъ безстуднѣ приити во область Московскаго государьства во грады Сѣверския, именова себе царемъ Димитриемъ. Живущии же людие во странахъ тѣхъ осуетишася помышлением и объюродѣша умомъ, и малодушством обязашася, и яко по истиннѣ царя прияша его, и воздвигоша мечь противу братии своихъ христовых воинъ. И, рѣкамъ подобно, излияся от обою стран христианская кровь, но грѣхъ ради наших Божии превеликии гнѣвъ разлияся, и нѣсть ничтоже сопротивно праведным судбам его, и царьствовати сему окаянному въ Велицѣй России попустивъ. Егда же приятъ скифетръ и власть царскаго престола, мнози от сожителей царствующаго града и окрестных градовъ и весей прямо познаша его, яко врагъ креста Христова ространа Гришка Отрепьевъ, а не царевичь Димитрий, но страха ради безчисленных мученей смертоносныхъ не смѣюще обличити его, но тайно о немъ въ слухи християнския произъносяще.

Той же окаянныи коликихъ бѣд и злобы въ Велицѣй России не излия! Святителей, отцем начальствующих, съ престоловъ свергъ,[29] многих пастырей и наставников от паствѣ отлучи, бесчисленыя крови христианъския излиялъ и, не прия въ сытость сицеваго бѣсовскаго яда, прия себѣ в жену люторския вѣры невѣсту Маринку. И, не устыдѣвся нимало, ниже убоявся безсмертнаго Бога, ввелъ ея некрещену въ соборную апостольскую церковь Пресвятыя Богородицы и вѣнъчавъ ея царскимъ вѣнъцем. И потомъ хотѣ разорити православную христианскую вѣру и святыя церкви и учинити костелы латынския и люторскую вѣру устроити.

Премилостивыи же Богъ нашъ Троица не до конъца сему врагу попусти всезлобныи ядъ излияти, вскорѣ разъсыпа бѣсовския его козни. И душа его злѣ исторгнуся от него, и срамною смертию от рукъ правовѣрныхъ скончася. По его же, окаяннаго, смерти вси живущии людие въ Велицѣй России того надѣялися, что не токмо въ нынѣшнихъ родѣхъ таковыя соблазны искоренятся, но и въ будущихъ предтекущих людехъ слышавшии от писания о сихъ зѣло удивятся, и таковых враговъ соблазны отнюдь не явятся. Грѣхъ же ради наших, всего православнаго христианства, паки тѣмъ же проименованиемъ царя Димитрия инъ врагъ воздвижеся и тоя же страны малоумныхъ и безумным піянством одержимыхъ людей прелсти, и тое же прежеписанную Маринку-блудницу на ложе къ себѣ приятъ, и собравъ воинство на богоизбраннаго и святымъ елеомъ

помазаннаго царя и великаго князя Василия Ивановича[30] всея России, иже бысть от корене святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Ярославича Невскаго.

Къ его же злочестивому совѣту приста король литовскии и посла бѣсояростное воинство свое. И мнози грады и веси разори и святыя великия лавры разруши, и нетлѣнная и честнѣйшая по успении тѣлеса святыхъ отъ благочиннѣ устроенныхъ ракъ извергъ и конечному обруганию предастъ. И безчислено православных народа мечю предани быша, и крове источники пролияшася.[31] И не единемъ симъ несытным кровопролитиемъ великодержавная Россия въ погибель впаде, но мнози воздвигошася врази, и тмочисленное изълияся лукавство. И мнози отъ грабителеи и несытныхъ кровоядцевъ царьми именоваша себе и различная имена на ся возложиша: инъ наречеся Петръ, инъ Иваннъ нарѣчиемъ Августъ, инъ Лаврентей, инъ Гурей.[32] И от них такоже многи крови излияшася, и бесчислено благородныхъ мечем скончашася. Ихъ же всѣхъ превысокая Божия десница побѣди, и мимотекущая ихъ пребѣдная слава, яко дымъ, разлияся и, яко прах, разсыпася. Но единако оскудѣша мнози гради и веси, и бесъ числа избиени предобрии воины Христовы.

Въ та же времена воста на провославную христианскую вѣру нечестивыи литовскии король и велику ярость и злобу воздвиже. И прииде во область Московскаго государьства подъ градъ Смоленескъ и многи грады и села разори, церкви и монастыри разруши. Живущии же во градѣ Смоленскѣ благочестивии людие мученическими страданми изволиша лучше смерть восприяти, неже въ люторскую вѣру уклонитися, и мнози гладомъ и смертию нужною сконъчашася. И град нечестивому королю восхитившу. И кто не наполнится слезъ и жалости о толикомъ падении? *Много* святых церквей и монастырей разорися, бесчисленъно православных мечемъ сконъчашася, не откровеннии лица и не посягшии къ сообщению отъ безъзаконныхъ, мнози растлишася и въ плѣнъ восхищени! Егда же сему несытному кровежелателю, полскому и литовскому королю, бывшу под градомъ Смоленскомъ, а в то же время врагъ креста Христова, иже царем Димитрием нарицашеся, стоялъ под царствующим градом Москвою съ проклятою литвою. Мнози же с ним и от руских людей въ слабострастие, лихоимания ради и грабителства, уклонишася и тако же кровь християнскую, яко воду, проливаша.

Къ сему же восташа на православную вѣру христианскую домашнии врази: от сигклита царска Михайло Салтыковъ, от рода купецка Федка Андроновъ[33] и инии с ними, ихъ же множества ради писати прекративъ. И ради мимошедшия суетныя сея славы улишиша себе будущаго превѣчнаго живота и бесконечнаго веселия. И устроиша себе посланниками къ злочестивому королю, аки от царствующаго града, просити на Великую Россию державствовати сына королева. И золъ совѣтъ устроиша, и епистолиями королевъскими и своими злохищными глаголы царствующии град Москву прелстиша, обѣщавая королевича дати во крещении царствовати на Великую Россию. И злояростнаго и бѣсодерзостнаго гетмана[34] съ воинъствомъ от короля подвигнуша и крови христианския многи излияли, и под царствующии град Москву с нимъ приидоша.

Послѣдователь же стопамъ Антихристовымъ, иже царем Димитриемъ именова себе, по лукавному совѣту треклятаго воинства литовъскаго нача многи мѣста въсеядным огнемъ истребляти и насилие великое царствующему граду творити. Людие же, живущии въ Велицѣй Росъсии, не уразумѣша въраждебнаго королевскаго лукавъства, восхотѣша прияти королевича на Московское государьство царствовати. И простотою и несовершенством ума Богомъ изъбраннаго царя съ престола съвергнули и от царьства отлучили, и во иноческии чинъ насилием облекли, и къ королю под Смоленескъ отслали, и гетмана

полскаго и литовскаго с воинством его пустиша внутрь царьствующаго града Москвы.

Непоколѣбимыи же столпъ благочестия, предивныи рачитель христианския вѣры, крѣпкии твердыи адамантъ, человѣколюбныи отецъ, премудрыи ерархъ, святѣйшии Ермогенъ патриархъ, видя людей Божиихъ, иже въ Велицѣй России мятущихся и зѣло погибающихъ, много наказуя ихъ и полезная вѣщая имъ и глаголя: «Чада паствы моея, послушайте словесъ моихъ! Что всуе мятетеся и ввѣряете душа своя поганымъ полякомъ! Которое вамъ, словесним овцам, причастие со злохищными волки: вы кротцы о Христѣ, сии же дерзостни о сатанѣ. Вѣсте сами, яко издавна православная наша христианская вѣра греческаго закона от иноплеменных странъ ненавидима! Киими же нравы примиримся со иноплеменники сими? Лучше бы было вамъ изыскати, что со слезами и с рыданиемъ всенародно, зъ женами и съ чады, притещи къ неотсѣкаемой надежди, ко всемилостивому въ Троицы славимому Богу и просити милости и щедротъ у богатодателныя Его десницы, да подастъ вамъ разумъ благъ, еже творити душам своимъ полезная и царствующему граду и окрестным градом благостройная, а не мятежная!»

Инии же отъ православных христианъ сладцѣ послушаша благихъ его словесъ, и инии мнози осуетишася помышленьми и противо дивнаго пастыря своего нелѣпая вѣщающе. Нечестивымъ же полскимъ и литовскимъ людемъ лукавствомъ вшедшимъ въ царствующий и преимянитый град Москву, яко пагубнымъ волкомъ вкрадшимся в оград Христова стада, и много насилие начаша содѣвати православнымъ християном и внутрь царствующаго града костелы устроиша.

Потом же, — горе, горе! увы, увы! ох, ох! — великая злоба содьяся, и многомятежная буря воздвижеся, рѣки крове истекоша! Приступите, правовѣрнии людии, иже не видѣша сицеваго Великия Росъсии разорения, да поведаю вкратцѣ боголюбезному вашему слуху таковое превысокаго и славою превознесеннаго царства падение и конечное разорение!

Егда симъ пагубным волкомъ внутрь царствующаго града Москвы водворившимся, и не вскорѣ злобы ядъ излияша и ожидающе времени, и совѣтоваша съ предатели християнския вѣры и со враги Московскаго государьства, съ Михаиломъ Салтыковымъ да Федкою Андроновымъ, которыми образы разорити царствующии град Москву и пролити кровь християнская. И егда исполнившуся злочестивому совѣту ихъ, уготоваша окаяннии дерзобѣснии свои руцѣ и умыслиша растерзати оружием Христовых овецъ и позобати виноградъ, и *разорити* средоградия стѣны, и погасити славу христоимянитаго царствующаго града.

Приспѣвъшу же времени святыя великия Четыредесятницы, и Седмица наста Спасителныхъ страстей,[35] уготоваша окаяннии поляки и нѣмцы, иже внидоша с *нними* въ царьствующии град, нечестивии руцѣ свои на брань и жестосердо, яко лви, устремишася, иже преже огнемъ запалиша многая мѣста святых церквей и домовъ и потомъ воздвигоша мечь на православных християнъ и начаша безмилостивно посѣкати родъ християнский. И пролияша, яко воду, кровь неповинных, и трупия мертвыхъ землю покрыша. И обагришася многонародною кровию, и всеядным огнемъ вся святыя церкви и монастыри, и грады, и домы истребиша, устроении же от камения церкви разграбиша и живописанныя иконы Владычни и Богоматере Его и святыхъ угодниковъ Его с учрезжденных мѣстъ на землю повергоша, и бесчисленныя корысти, всякихъ предрагихъ вещей руцѣ свои наполниша. И сокровища царьская, многими лѣты собранная, ихже и зърѣти было таковымъ неудобно, расхитиша! И раку блаженнаго и цѣлбоноснаго тѣлесе

великаго Василия, о Христѣ юродиваго, разсѣкоша на многи части; и одръ с мѣста, иже бысть под ракою, здвигнуша; а на томъ мѣсте, идѣже лежитъ блаженное его тѣло, конем мѣста устроиша и зъ женообразными лицы[36] и безстуднѣ, и безстрашнѣ въ того святаго церкви блудное скаредие творяще. Неповиннѣ же побиенных прововѣрныхъ христианъ ниже погребения сподобиша, но в рѣку въвергоша всѣхътѣлеса. И многи жены обругаша и дѣвы растлѣниемъ повредиша; избѣгшии же от рукъ тѣхъ мнози по путемъ мразомъ и гладомъ и различными скорбми скончашася.

И кто не исполнится от християнъ плача и рыдания? Кто не ужаснется, толикую скорбь и язву слышавъ о присной по духу братии своей? Кто не накажется толикими бѣдами, не о имѣнияхъ своихъ скорбяще, но о разорении святыхъ церквей и о погублении столпа благочестия, святыя християнския вѣры рыдающе? О благочестивии, христоподражателныя, любве исполнении людие! Приклоните ухо ваше, и приимемъ страхъ Божии въ сердца своя, и начнемъ просити милости у всещедраго Бога съ неутѣшными слезами и воздыханиемъ и стенаниемъ! Отягченное бремя грѣхов наших покаяниемъ и милостынями и прочими благими дѣтелми разсыплемъ, дабы премилостивыи Богъ нашъ, человеколюбия ради своего, пощадилъ останокъ рода християнскаго и потребилъ от насъ врагов наших, и злолукавыи совѣтъ ихъ искоренилъ, и останокъ бы россииских царствъ и градовъ и весей миромъ оградилъ и всякия благодати исполнилъ. И не предастъ насъ врагомъ въ расхищение и въ плѣнъ, милостивъ бо и человеколюбивъ Богъ нашъ: на всякъ часъ кающимся пучину милосѣрдия своего изливаетъ и по писанному — «не до конца прогнѣвается, ни вовѣки враждуетъ», но браздою и уздою, сирѣчь скорьбми и бѣдами, востязуетъ насъ, да чада свѣта и горняго Иерусалима сожители будемъ и превѣчнаго будущаго живота и небесныхъ благихъ насладимся. Буди же въсему словесному стаду, Великия России православнымъ християномъ о Христѣ миръ.

---

[1] *Изъ «Степенной» писано.* - В Киевский сборник «Плач» (в составе всего комплекса статей о Смутном времени) был переписан из какого-то недошедшего до нас дополнения «Книги степенной царского родословия».

[2] *Месяца октября въ 22 денъ.* — Дата успешного штурма в 1612 г. войсками второго ополчения Китай-города, которую решил увековечить царь Михаил Федорович, повелевший ежегодно «праздновати» в этот день в честь Казанской иконы Божьей Матери, которая, как считалось, способствовала успеху ополчения. Во время службы в московской церкви Введения Богородицы на Сретенке, где находилась тогда икона, читался «Плач» и другие статьи о Смутном времени (переписанные одной рукою на л. 1—14 Киевского сборника).

[3] *Чтется по кафисмах сие слово.* — Помета на поле напротив заглавия «Плача», сделанная тем же почерком и указывающая очередность его чтения в церковной службе — после кафизм. **(**Кафизмы (или седальны) — группы псалмов, на которые разделена Псалтырь, во время чтения которых в ходе службы можно сидеть**)**.

[4] *...порождении банею бытия!* — Иносказание крещения. Ср.: Тит. 3, 5.

[5] *...къ «Живущему въ неприступнѣм свѣтѣ»... и Господу господьствующихъ»...* —

Ср.: 1 Тим. 6, 15—16.

[6] *...кафолическая соборная церковъ...* — Успенский собор Московского Кремля.

[7] *...столпи благочестия... изливающе!* — Мощи московских митрополитов Петра, Алексея и Ионы, находившиеся в Успенском соборе.

[8] *...яко невѣста, на прекрасный бракъ жениху уготована!* — Ср.: Апок. 21, 2. Москва приравнивается к мистическому «новому Иерусалиму».

[9] *О Христе царю! ...и Бога, граде!* — Переделка начальной фразы «Рыдания о запустении великого града» византийского писателя XV в. Иоанна Евгеника.

[10] *О Всечистая Богомати! ...исцѣления всѣм преизобилно подавая!* — Москва выступает здесь «градом и наследием» Богородицы, потому что в ее Успенском соборе хранится икона Владимирской Богоматери.

[11] *Каковыхъ убо бѣдъ и объстоянии прежде изимаше ны...* — Намек на события 1395 г., когда на Москву двинулся Тамерлан (Темир-Аксак).

[12] *И како затворихомъ человеколюбную твою утробу...* — Характерное для стиля высокой литературы средневековья отношение к конкретному бытовому значению слов, имеющих символическое употребление: чрево Богоматери человеколюбивое потому, что она родила Христа, перед которым теперь на небесах предстательствует за христиан. Москвичи больше не получают помощи от Богоматери — значит, они затворили источник благодати.

[13] *...и со общими освященными отцы... о спасении въсего мира!* — Одно из пострадавших при переписке мест памятника. Полагаем, что речь идет о вселенских патриархах, служивших некогда в Успенском соборе. Действительно, в 1589 г. там служил константинопольский патриарх Иеремия.

[14] *«*О *лукавая злоба, откуду... еще рука Его высока».* — Подражание ветхозаветным пророкам Исайи и Иеремии, включающее два обращения к слушателям от имени Бога. Библейские цитаты и аллюзии раскрываем ниже. *Како быша въ запустѣние?... яко сония востающего.* — Ср.: Пс. 72, 19—20.

[15] *Неведохъ бо на вы запустѣние и прузи...* — Ср.: Пс. 77, 46.

[16] *И о сихъ всѣхъ... еще рука Его высока.* — Ис. 5, 25.

[17] *...чашу нераствореннаго праведнаго гнѣва!* — Ср.: Апок. 15, 7, 16, 1.

[18] *О небо, како не потрясеся... при Спасеннѣй страсти въ полудне?* — Бедствия москвичей сравниваются со страданиями на кресте Иисуса Христа (ср.: Лк. 23, 44—45, Мф. 27, 51). Согласно Евангелию, во время распятия Христа настала тьма, продолжавшаяся с 6-го до 9-го часа — по древнерусскому счету часов в середине дня.

[19] *О, «кто дастъ главѣ моей воду... источникъ горких слезъ»...* — Ис. 9, 1.

[20] *...и восплачю дщери новаго Сиона...* — Сион здесь — символ избранного

Богом места. Образ «дочери Сиона» взят у пророков Исайи (1, 8 и др.) и Иеремии (6, 23 и др.).

[21] *...любоплачевенъ пророкъ...* — Иеремия.

[22] *...те до конца прогнѣвается, ни вовѣки враждуетъ»...* — Пс. 102, 9.

[23] *...сыновъ свѣта...* — Христиан (ср.: Лк. 16, 8; 1 Фес. 5, 5), в понимании автора «Плача» — православных.

[24] *...иже преже бысть пресвѣтелъ... и славы отпаде.* — Намек на Люцифера.

[25] *...от главы и до ногу... струпы обязашася...* — Ср.: Ис. 1, 16.

[26] *...Содома и Гомора... язвъ исполнишася.* — Греховность жителей Содома и Гоморры, вызвавшая уничтожение Богом этих городов, соотносится в сознании автора с моральным разложением жителей Московского государства, спровоцировавшим, по его мнению, бедствия Смуты.

[27] *Воста предтеча богоборнаго Антихриста...* — Речь идет о Лжедмитрии I.

[28] *...николи причастия нѣстъ...ни Велияру ко Христу.* — Ср.: 2 Тим. 6, 14—15. *Велиар* — одно из имен дьявола.

[29] *...Святителей, отцем началъствующих, съ престоловъ свергъ...* — Речь идет о сведенном Лжедмитрием с патриаршего престола Иове. (Отцам начальник — перевод с греческого «патриарх».)

[30] *...князя Василия Ивановича...* — Имеется в виду Василий Шуйский. *Василий Иванович Шуйский* — царь из старинного рода суздальских князей, избранный на трон после народного восстания в Москве 17 мая 1606 г. и после убийства Лжедмитрия. Был свергнут с престола москвичами в июле 1610 г. и пострижен в монахи. Затем был арестован поляками вместе с братьями Дмитрием и Иваном; умер в плену под Варшавой 5 сентября 1612 г.

[31] *Къ его же злочестивому совѣту... крове источники пролияшася.* — Сигизмунд III не вступал в сговор с Тушинским вором. Автор «Плача» повторяет в данном случае намеренную неточность грамоты Д. М. Пожарского (апрель 1612 г.), откуда и заимствует весь отрывок.

[32] *...инъ наречеся Петръ... инъ Гурей.* — В основе своей этот перечень самозванцев взят из той же грамоты, однако добавлено прозвище Ивана и вместо «Федки» назван неизвестный по другим источникам Гурий.

[33] *...домашнии врази: от сигклита царска Михайло Салтыковъ, от рода купецка Федка Андроновъ...* — Автор явно преувеличивает роль, которую сыграли эти изменники (см. о них коммент. к «Новая повесть о преславном российском царстве») в описываемых им событиях.

[34] *...злояростнаго и бѣсодерзостнаго гетмана...* — Речь идет о С. Жолкевском. Станислав Жолкевский (1547—1620) — представитель крупной шляхты, видный польский военачальник, один из организаторов похода Сигизмунда III на Москву

в 1609 г. и автор «Записок о Московской войне». 24 июня 1610 г., разбив под Клушином войска Василия Шуйского, подошел с отрядами к стенам Москвы. Участвовал в приведении Москвы к присяге Владиславу и оккупации столицы 21 сентября 1610 г.; добился отсылки в королевский стан под Смоленск в составе «Великого посольства» крупных московских политических деятелей. Однако сам не стал осуществлять королевского приказа о приведении Москвы к присяге Сигизмунду III и уже 30 октября 1610г., оставив вместо себя начальником гарнизона А. Гонсевского, поспешил уйти под Смоленск.

[35] *...Приспѣвъшу же времени святыя великия Четыредесятницы, и Седмица наста Спасителныхъ страстей...* — По другим источникам, сожжение Москвы произошло 19 марта 1612 г., во вторник Страстной недели. Для автора-проповедника важно было указать не конкретную дату, а подчеркнуть, что поляки и немцы совершали убийства, грабежи, насилия и святотатства в конце Великого поста, за несколько дней до главного христианского праздника — Пасхи.

[36] *...зъ женообразными лицы...* — Т. е. безбородые, бритые: в Древней Руси бороды не брили.

ПЕРЕВОД

ВЫПИСАНО ИЗ «СТЕПЕННОЙ КНИГИ». ЦАРСТВО ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ИОАННОВИЧА ШУЙСКОГО. МЕСЯЦА ОКТЯБРЯ В 22 ДЕНЬ. ПЛАЧ О ПЛЕНЕНИИ И О КОНЕЧНОМ РАЗОРЕНИИ ПРЕВЫСОКОГО И ПРЕСВЕТЛЕЙШЕГО МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА. В ПОЛЬЗУ И В ПОУЧЕНИЕ СЛУШАЮЩИМ

Читается после кафизм это слово:

С чего начнем оплакивать, увы! такое падение преславной, ясносияющей, превеликой России? Какой источник наполнит пучину слез рыдания нашего и стонов? О, какие беды и горести довелось увидеть очам нашим! Молим внимающих нам: «О христоименитые люди, сыны света, чада церковные, порожденные банею бытия! Раскройте уши разума вашего и чувств, и составим сообща орган словесный, вострубим в трубу плачевную, возопим к «Живущему в неприступном свете», к «Царю царствующих и Господу господствующих», к херувимскому Владыке с горестью сердец наших, в грудь бия себя и восклицая: «Ох, увы! горе! Как обрушился такой столп благочестия, как разорен был богонасажденный виноградник, ветви которого многолиственной славою до облаков возносились и гроздь спелая всем в сладость неисчерпаемое вино источала? Кто из правоверных не заплачет или кто не возрыдает, видя гибель и окончательное падение столь многонародного государства, исполненного христианской святою верою греческого, от Бога данного закона и сияющего, как солнце на тверди небесной, и блеском уподобляющегося янтарю? Многие годы создававшееся, сколь быстро поддалось разорению и всеядным огнем погублено было!»

Всем людям, угодным Христу, известна высота и слава Великой России, каким образом возвысилась и сколь страшна была басурманам, германцам и прочим народам. Преславное творение для видевших — построена была главная соборная церковь, и в ней живописные святые иконы, а еще столпы благочестия, и после смерти реки чудес православным изливающие! Какие были царские роскошные палаты, золотом внутри украшенные и красками многоцветными расписанные!

Сколько сокровищниц чудными царскими венцами, пресветлыми царскими багряницами и порфирами, и драгоценными каменьями, и всяким жемчугом многоценным были преисполнены! Какие были дома знатных — в две и в три кровли, богатством и честью кипящие! Пресветлым и предивным этим государством владели преславные великие цари, гордились им родовитые князья, и во всем, — дерзновенно сказать, — таким совершенным устроением оно отличалось, и светом, и славою всех превзошло, как невеста жениху на прекрасный брак уготованная!

Однако же прибегну к обычному молению. О Христос царь! О Спас и Слово Божие и Боже! Увы! О! О град, которым и в котором преславные возглашались Божии слова, глас великого царя и Бога! О Всечистая Богоматерь! Как же твой, высокоименитый и преславно царствующий град Москва, самой земли око, вселенной светлость, увы! угас? О Честной и Пречистой Владычицы нашей Богоматери град и наследие, в котором преславное, ярче солнца сияющее в преславном храме твоем подобие пречистого тела твоего, запечатленное пресветлым Лукою евангелистом твое изображение с превечным твоим младенцем, Богом нашим, на руках твоих, милосердие излучающее, будто пресветлая заря, и исцеления всем изобильно дарящее! О! О, в нем ведь великое и всевоспетое пречестное твое имя с сыном твоим Господом Богом нашим и Спасом Иисусом Христом ангелоподобно и благоговейно всегда воспеваемо и славимо! О над всеми царица, Богородица и госпожа всего сущего, выше слова освященная, превыше мысли несомненная Богородительница и сверх естества Приснодева и Мать! Увы! Как, единственная спасительница и всегдашняя охранительница, нас оставила? От каких только бедствий и осад прежде не избавлявшая нас, ныне же почему, милостивая, не помогла? Или — как это, прежде всего заступница, ныне же, ради себя и образа своего, как не спасла людей того же племени? И как затворили мы чрево человеколюбия твоего или, — что и помыслить трудно, — соборную церковь, которая на земле небом солнцеобразно в поднебесной сияла и была как второй рай для православных благочестия ради? Беды изведала, разорение и запустение, а в ней ведь со вселенскими святыми отцами — увы, о! — священные таинства совершались о спасении всего мира! И красота пения в Троице восславляемому Богу, о! и икон святых чудотворных на землю ныне бросаемых и попираемых и от своих украшений со смехом отторгнутых! О! Доныне были почитаемы и неприкосновенны те, которые приняли на себя ангельский образ иночества, а ныне сколько их пострадало от гнусных убийц, сколько осквернено чистых девственниц и множеством пленников чужие земли наполнены! Увы, могущественные князья и бояре наши и все христолюбивые люди повсюду по-разному попущением Божиим от иноплеменников и в междоусобной брани без счета пали, кровью же их насытились оковы и секиры и прочее оружие, и вместе с невинными младенцами горько погибли они различными смертями! О, как о том помыслить и как заговорить о том, что у нас содеялось и ныне совершается промыслом Божиим за неправды, и за гордыню, и за вымогательство, и за коварство, и за прочие злые дела, о коих с плачем вещают пророки: «О лукавая злоба, откуда излилась, чтобы покрыть землю? „Но за ложь их подверг ты их бедствиям и низложил, когда возгордились они. Почему постигло их разорение? Внезапно пропали и погибли за беззакония свои, будто сны пробудившегося". Ибо исчезли благоговейные с лица земли, ибо правда в людях оскудела и воцарилась неправда, и всяческая злоба, и ненависть, и безмерное пьянство, и блуд, и ненасытное стяжательство, и ненависть к братьям своим умножилась, ибо оскудела доброта и обнажилась злоба, и покрылись мы ложью. „Хоть и навел я на вас запустение, и саранчу, и гусениц, и голод, и пленение, и всякое зло, злобы

вашей не отринул от вас". И после всего этого не отвратилась ярость Его, но еще рука Его высока».

Как не ужаснусь, как твоему, Христос, не удивлюсь долготерпению! О христоименитый род, как лист и цвет уже опалый, горькой всемирной жертвы принявший чашу неразбавленного праведного гнева! Увы! О небо, как ты не потряслось, и земля не поколебалась, и солнце не померкло, это видя? как вытерпело, такую увидев всенародную гибель? как еще не устыдилось такого бедствия и в недрах земных безвестию себя не предало, и все во тьме не оставило, как было в полдень при Спасовом мучении? О, «кто даст голове моей воду и глазам моим источник горьких слез» неисчерпаемых, чтобы оплакать дщерь нового Сиона — преславноцарствующий наш град Москву, подобно многоскорбящему пророку, который в древности оплакивал беды Иерусалима? Итак, перст на уста свои налагаю, в бездну смиренномудрия себя низвергая и ожидая свыше, как и подобает после сокрушения, божественного утешения, о чем Создавший солнце над нами сказал: «Если поражу, снова исцелю», ибо «не до конца гневается и не вовеки негодует» человеколюбивый наш Господь Бог.

Начну же так короткую свою беседу с богоизбранным стадом, со словесными овцами незлобивого пастыря Спаса Христа.

Вот отчего пала превысокая Россия и разрушился столь крепкий столп. Цари, в нем жившие, вместо к Богу возводящей лестницы спасительных слов, кои рождаются от содержащихся в книгах истин, приняли богоненавистные дары: бесовские козни, волшебство и чародейство. И вместо духовных людей и сынов света возлюбили детей сатаны, которые уводят от Бога и несомненного света во тьму. И не позволяли слуху разума своего воспринимать слова правдивые, однако, ненависти ради, клевету на знатных слышали ясно и кровь множества народа из-за нее, как реку, пролили. И вместо непобедимого скипетра богоподражательных кротости и правды возлюбили гордость и злобу, из-за которой и тот, что прежде был пресветел, как утренняя заря, с превысочайшего неба низвергся и ангельской светлости и славы лишился. К тому же от великих знатных людей, от премудрых и до простолюдинов, — и короче говоря, — от главы и до ног все неисцелимыми струпьями опоясались и Содома и Гоморры и прочими бесовскими бесчисленными язвами покрылись. И за то вначале голодом, обуздания ради, были наказаны Богом — но нимало не обратились с пути погибели на путь спасения.

После того такая кара и гнев такой воздвиглись, какие немалого удивления, более того, и слез достойны. И ни одна ведь книга апостольская, ни жития святых, и ни философские, ни царственные книги, ни хронографы, ни летописи, и никакие другие книги не поведали нам о такой казни ни над одной монархией, ни над царством или княжеством, какая совершилась над превысочайшею Россией!

Явился предтеча богоборного Антихриста, сын тьмы, родич погибели, из чина иноческого и дьяконского и вначале светлый ангельский чин отринул и отторгнул себя от участи христианской, как Иуда из пречистого сонма апостольского. И бежал в Польшу и там скрижали сердца своего бесчисленными богомерзкими ересями наполнил и, тьмообразную свою душу еще больше предавая в руки сатаны, вместо святой христианской веры греческого закона лютеранскую треокаянную веру возлюбил. И бесстыдно назвал себя царем Димитрием, вечнопамятного царя Ивана сыном, утверждая, что избежал рук убийц. И попросил помощи у литовского короля, чтобы идти с воинством на Великую Россию. Король же польский и паны — рада его, и кардиналы, и архиепископы их, и епископы много радовались о том, что меч поднялся на кровь

христианскую, поскольку нет никогда ничего общего ни у тьмы со светом, ни у Велиара с Христом. И дали этому окаянному в помощь литовские войска, и дерзнул бесстыдно прийти в пределы Московского государства, в грады Северские, назвав себя царем Димитрием. Жители же той стороны соблазнились суетной мыслью и обезумели умом, и малодушием перевязались, и как истинного царя приняли его, и подняли меч против братьев своих, христовых воинов. И, как реки, пролилась с обеих сторон христианская кровь, — грехов ради наших разлился Божий превеликий гнев, его же праведным судам сопротивление невозможно, вот и попустил этому окаянному царствовать в великой России. Когда же принял скипетр и царский престол, многие из жителей царствующего града и окрестных городов и сел безошибочно узнали в нем врага креста Христова расстригу Гришку Отрепьева, а не царевича Димитрия, однако, страшась бесчисленных смертоносных пыток, не смели разоблачить его, но тайно о нем в уши христиан нашептывали.

Тот же окаянный каких только бед и злобы не обрушил на Великую Россию! Святителей, над отцами начальствующих, свергнул, многих пастырей и наставников от паствы отлучил, много крови христианской пролил и, не насытившись таким бесовским ядом, взял себе в жены лютеранской веры девку Маринку. И, не устыдившись нимало и не убоявшись бессмертного Бога, ввел ее, некрещеную, в соборную апостольскую церковь Пресвятой Богородицы и венчал ее царским венцом. И хотел после этого разорить православную христианскую веру и святые церкви, завести костелы латинские и установить лютеранскую веру.

Премилостивый же наш триединый Бог не до конца позволил этому врагу изливать всезлобный яд и вскоре расстроил бесовские его козни. И душа его мучительно исторглась из него, и позорную смерть принял от руки правоверных. После же его, окаянного, смерти все жители Великой России надеялись, что не только в нынешние времена такие соблазны искоренятся, но и те из будущих наших потомков, кто узнает из книг об этом, очень удивятся, и что подобных вражеских козней больше не будет. Грехов же ради наших, всего православного христианства, опять под тем же именем царя Димитрия иной враг явился и прельстил малоумных и безумных, одержимых пьянством людей той же стороны, и все ту же преждеупомянутую Маринку-блудницу взял к себе на ложе, и собрал войско на богобоязненного и святым елеем помазанного царя и великого князя Василия Ивановича всея России, который был от корня святого благоверного великого князя Александра Ярославича Невского.

К злочестивому его замыслу присоединился король литовский и послал бесояростное свое воинство. И многие города и села разорил, и святые великие лавры разрушил, и нетленные после успения почитаемые тела святых из благоговейно устроенных гробниц изверг и последнему поруганию предал. И бесчисленное множество православных были преданы мечу, и потоки крови пролились. И не из-за одного этого ненасытного кровопролития великодержавная Россия в погибель впала, но множество явилось врагов, и неисчислимые обрушились на нее несчастья. И многие из грабителей и ненасытных кровопийц царями объявляли себя и различные имена себе брали: один назовется Петром, другой Иваном по прозванию Август, иной Лаврентием, иной Гурием. И из-за них также много пролилось крови и бессчетное число знатных скончалось от меча. Но и их всех превысокая Божия десница победила, и мимолетная пребедственная их слава, как дым, рассеялась и, как пыль, рассыпалась. Но все-таки оскудели многие города и села, и бессчетно полегло предобрых воинов Христовых.

В это же время поднялся на православную христианскую веру нечестивый

литовский король и воздвиг великую ярость и злобу. Пришел он в пределы Московского государства под град Смоленск и многие города и села разорил, церкви и монастыри разрушил. Живущие же во граде Смоленске благочестивые люди решились лучше в мученических страданиях умереть, нежели в лютеранство уклониться, и многие от голода погибли и насильственную смерть приняли. И захвачен был город нечестивым королем. И кто не исполнится слез и жалости о таком падении? Много святых церквей и монастырей было разорено, без числа православных скончалось от меча, не покорившись и не пойдя на присоединение к беззаконным, многие пали духом и были захвачены в плен! Когда же этот ненасытный кровопийца, польский и литовский король, был под градом Смоленском, тогда враг креста Христова, который царем Димитрием себя называл, стоял под царствующим градом Москвой с проклятыми литовцами. Многие и из русских людей из-за малодушия своего, ради лихоимства и грабежей, к нему присоединились и так же кровь христианскую, как воду, проливали.

К тому же поднялись на православную христианскую веру домашние враги: из царского двора Михайло Салтыков, из рода купеческого Федька Андронов и иные с ними, которых множества их ради не называю. И ради мимолетной суетной земной славы лишили себя будущей бесконечной жизни и вечного блаженства. И согласились быть послами к злочестивому королю, будто бы от царствующего града, просить королевского сына в Великую Россию государем. И составили злодейский заговор, и посланиями королевскими и своими предательскими речами прельстили царствующий град Москву, обещая посадить королевича после крещения на царский престол в Великой России. И побудили короля послать злоярностного и бесодерзостного гетмана с войском, и много пролили христианской крови, и пришли с ним под царствующий град Москву.

А тот последователь Антихриста, что назвался царем Димитрием, по лукавому совету треклятого воинства литовского начал многие местности всеядным огнем истреблять и насилие великое творить царствующему граду. Люди же, живущие в Великой России, не поняли враждебного лукавства королевского, захотели принять королевича царем в Московское государство. И простоты ради своей и из-за несовершенства ума Богом избранного царя свергнули с престола, и от царства отлучили, и в иноческий чин насильно облекли, и к королю под Смоленск отослали, и гетмана польского и литовского с войском его впустили в царствующий град Москву.

Непоколебимый же столп благочестия, предивный радетель христианской веры, крепкий твердый алмаз, человеколюбивый отец, премудрый священноначальник, святейший Гермоген патриарх, видя, что люди Божии в Великой России в большом смятении и совсем погибают, много поучал их и, наставляя как поступать, говорил: «Чада паствы моей, прислушайтесь к словам моим! Зачем понапрасну впадаете в смятение и вверяете свои души неверным полякам? Возможно ли для вас, разумных овец, приобщение к злохищным волкам: вы кротки во имя Христа, эти же дерзостны во имя сатаны. Сами ведь знаете, что издавна православная наша христианская вера греческого закона ненавистна иноплеменным странам! Как же мы можем примириться с иноплеменниками этими? Лучше бы вам о том подумать, как со слезами и с рыданием всенародно, с женами и детьми, прибегнуть к неотсекаемой надежде, ко всемилостивому в Троице славимому Богу и просить милости и щедрот у прещедрой Его десницы, да одарит вас разумом благим, чтобы получили пользу душам своим, а царствующему граду и окрестным городам принесли успокоение, а не мятеж!»

Одни из православных христиан сладостно прислушались к благим его речам,

иные же многие, охваченные суетными помыслами, выступили против дивного своего пастыря с неподобающими речами. А нечестивые польские и литовские люди коварством проникли в царствующий и преименитый град Москву, прокрались, подобно губительным волкам, в ограду Христова стада и много насилия начали творить над православными христианами и внутри царствующего града устроили костелы.

Затем же — горе, горе! увы, увы! ох, ох! — свершилось огромное несчастье, и многомятежная буря поднялась, реки крови пролились! Люди правоверные, те, что не видели этого Великой России разорения, приблизьтесь, да поведаю вкратце боголюбезному вашему слуху о падении и последнем разорении такого превысокого и славой превознесенного царства.

Когда эти губительные волки в царствующий град Москву водворились, то не сразу яд злобы своей излили, а, поджидая удобного времени, советовались с предателями христианской веры и врагами Московского государства, с Михаилом Салтыковым да Федькой Андроновым о том, как разорить царствующий град Москву и пролить кровь христианскую. И когда совершился злочестивый их заговор, окаянные приготовили дерзкобесовские свои руки и задумали растерзать оружием Христовых овец, и поглотить виноград, и сокрушить сам город, чтобы погасить славу христоименитого царствующего града.

Когда же пришло время святого Великого поста и настала Страстная неделя, приготовились окаянные поляки и немцы, которые вошли с ними в царствующий град, к нечестивой резне и жестокосердно, как львы, устремились, поджегши сначала во многих местах святые церкви и дома, подняли потом меч на православных христиан и начали без милости убивать народ христианский. И пролили, как воду, кровь неповинных, и трупы мертвых покрыли землю. И обагрилось все многонародною кровью, и всеядным огнем истребили все святые церкви и монастыри, и укрепления, и дома, каменные же церкви разграбили и прекрасные иконы Владыки и Богоматери Его и святых угодников Его с установленных мест повергли на землю и бесчисленной добычей, всяческими предорогими вещами, свои руки наполнили. И расхитили сокровища царские, в течение многих лет собранные, на которые и глядеть таким, как они, не годилось бы! И гробницу блаженного и исцеления приносящего тела великого Василия, Христа ради юродивого, рассекли на многие части; и ложе, что было под гробницей, с места сдвинули; а на том месте, где лежит блаженное его тело, для коней стойла устроили и, похожие обличьем на женщин, бесстыдно и бесстрашно в церкви этого святого блудную мерзость творят. Неповинно же убиенных правоверных христиан и погребения не удостоили, но в реку тела всех их побросали. И опозорили многих женщин и дев растлили; из тех же, кто избежал их рук, многие на дорогах скончались от мороза, голода и различных невзгод.

И кто из христиан не преисполнится плача и рыдания? Кто не ужаснется, услышав о такой скорби и печали родной по духу братии своей? Кто не наставится столькими бедами, не о богатствах своих скорбя, но о разорении святых церквей и о погибели столпа благочестия, о святой христианской вере рыдая? О благочестивые, христоподражательные, любви исполненные люди! Приклоните уши ваши, и примем страх Божий в сердца свои и начнем просить милости у всещедрого Бога с неутешными слезами и вздохами и стенанием! Отяжелевшее бремя грехов наших покаянием и милостынями и прочими благими деяниями рассыплем, дабы премилостивый Бог наш человеколюбия ради своего пощадил остаток рода христианского и устранил от нас врагов наших и злолукавый заговор их уничтожил, и остаток бы российских царств, городов и деревень миром оградил и всякою благодатью наполнил. И не предаст нас врагам

в расхищение и в плен, милостив ведь и человеколюбив Бог наш: на покаявшихся в любое время пучину милосердия своего изливает и, по Писанию, — «не до конца гневается, и не вовеки негодует», но удилами и уздою, то есть скорбями и бедами, испытывает нас, чтобы стали мы детьми света и жителями небесного Иерусалима и насладились бесконечной будущей жизнью и небесными благами. Да будет всему разумному стаду, Великой России православным христианам, во имя Христа мир.

"Видение некоему мужу духовному" благовещенского протопопа Терентия

Подготовка текста, перевод и комментарии М. В. Рождественской

ВСТУПЛЕНИЕ

«Видение некоему мужу духовному» Благовещенского протопопа Терентия — одно из ярких литературных произведений эпохи Смуты, написанное в 1606 г. в жанре широко распространившихся «видений» и повестей о чудесных явлениях. В литературе о Смуте это сочинение иначе называется «Повесть о видении мужу духовну» или «Повесть протопопа Терентия о чудесном видении 1606 г.». Впервые Повесть была напечатана в «Летописи занятий Археографической Комиссии за 1861 г.» (Вып. 1, отд. II. СПб., 1862. С. 52—54), но не привлекла специального исследовательского внимания. В 1888 г. С. Ф. Платонов посвятил ей особый раздел в монографии «Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII в. как исторический источник» (СПб., 1888) и указал на наиболее ценный и полный, с его точки зрения, список в рукописи *РНБ,* O.IV.17 XVII в. Только в этом списке есть предисловие, из которого мы узнаем имя автора и время создания Повести (Видения): протопоп Терентий написал ее в 1606 г. В этой же рукописи находится еще ряд текстов, связанных с событиями Смуты, среди которых рассказ еще об одном видении, случившемся уже в следующем, 1607 г. в Архангельском соборе Московского Кремля.

С. Ф. Платонов, исследовавший и издавший произведения о Смутном времени, установил, что «Видение некоему мужу духовному» является одной из частей более обширного сочинения о Смуте, так называемого «Иного Сказания», время создания которого ученый отнес к середине второй половины XVII в. С. Ф. Платонов выделил в нем шесть составных частей, созданных в разные отрезки времени, среди которых и «Повесть о видении, бывшем в Успенском соборе в Москве в 1606 г.». Выводы С. Ф. Платонова относительно происхождения и состава «Иного Сказания» можно свести к следующему. В основу «Иного Сказания» легла повесть, составленная монахом Троице-Сергиева монастыря. Затем эта повесть подверглась сокращению и в таком виде дошла до нас в некоторых списках. Часть этой повести 1606 г. вошла в «Житие царевича Дмитрия», помещенное в Четьих Минеях Германа Тулупова. На эту повесть «наслоилось», по выражению С. Ф. Платонова, несколько других сочинений. Во-первых, это грамоты царя Василия Ивановича Шуйского; во-вторых, это записи о первых событиях Смуты при Василии Шуйском; в-третьих, это повесть протопопа Терентия о чудесном видении 1606 г. (Видение некоему мужу духовному). Далее, считал С. Ф. Платонов, к «Иному Сказанию» были добавлены статьи из Хронографа 2-й редакции (после 1617 г.) и некоторые «летописные заметки»,

доводящие события до середины XVII в. «Таким образом, — писал С. Ф. Платонов, — разбираемый памятник есть не что иное, как сборник самого разнохарактерного состава». (Древнерусские сказания и повести... С. 81).

Первый публикатор «Иного Сказания» в 1853 г. И. Д. Беляев опустил в нем текст Видения, однако С. Ф. Платонов показал, насколько тесно оно связано с предшествующим и последующим за ним рассказом, хотя и представляет собой самостоятельное жанровое и смысловое целое. Это подтверждается тем, что кроме двух списков Видения в составе «Иного Сказания» известны списки, переписывавшиеся отдельно. Один из таких списков — уже упомянутый из собрания *РНБ,* O.IV.17. По нему С. Ф. Платонов издал текст «Видения некоему мужу духовному» в «Памятниках Древней русской письменности, относящихся к Смутному времени» (Русская историческая библиотека. Т. 13. СПб., 1909. Стб. 177—184). Этот же список положен в основу настоящего издания.

Биографических сведений о протопопе Терентии немного. Из актовых источников известно, что после 1606 г. он был отстранен от должности протопопа в Благовещенском соборе, но через четыре года, 30 ноября 1610 г., по указу короля Сигизмунда III, возвращен. Терентий известен как автор не только «Видения некоему мужу духовному», но и двух посланий Лжедмитрию I, которые С. Ф. Платонов, однако, считал не двумя, а одним сочинением, где первое представляет собой введение ко второму. Под влиянием «Видения» в Новгороде была создана «Повесть о видении монаху Варлааму», связанная с событиями захвата Новгорода шведами в июле 1611 г. В этой повести заметны черты подражательности «Видению некоему мужу духовному», но, по словам С. Ф. Платонова, в ней «иной основной мотив»: покаяние, к которому взывали оба сочинения, в новгородской повести — это не способ избавиться от несчастий Смуты и тяжких грехов, а приуготовление к смерти как к заслуженному новгородцами наказанию за их грехи.

Мотив заступничества Богородицы за грешный род человеческий традиционен для поучительно-назидательной литературы, для апокрифических сочинений («Хождение Богородицы по мукам»), для покаянных и духовных стихов. Литературный жанр «видений», закрепленный апокалиптической и эсхатологической традицией, в эпоху Смутного времени обрел новые черты злободневности и открытой публицистичности. Многие тексты были написаны свидетелями страшных событий. «Это было скорее лихорадочное забытье, с кошмарами и видениями», — писал о восприятии Смуты ее современниками Г. В. Флоровский. И все же «Видение некоему мужу духовному» — не только документ, «свидетельствующий, до какого напряжения доходило чувство и воображение народа, ошеломленного чрезвычайными явлениями самозванщины и междоусобной смуты» (С. Ф. Платонов), но и литературно выстроенное сочинение, имеющее строгую композицию и настойчиво звучащую мысль о необходимости покаяния.

Мы публикуем «Видение некоему мужу духовному» по рукописи *РНБ,* O.IV.17, л. 284—291.

ОРИГИНАЛ

Нѣкоторому мужу духовну явися таковое видение во снѣ. И той муж то видѣние сказалъ Благовѣщенскому протопопу Терентью,[1] и по его скаскам Терентей

писал у нево, и то писмо написал да отдал патриарху, да и царю сказывал.[2] А того человека имяни не сказалъ ни царю, ни патриарху, кому то видение виделось. Заклял, де, и его именемъ Божиимъ, не велѣлъ про себя сказывать. И то видѣние чли по царьскому велению в соборе у Пречистые Богородицы[3] вслухъ во весь народ. А миру собрание велико было. И для того постъ учинили во царьстве, великъ и мал, лѣта 7115 го с октября съ 14 числа от понеделника, да по октябрь же по 19 день до недели, и молебны пѣли по всѣмъ храмомъ и Бога молили за царя и за все православное крестьянство, чтобы Господь Богъ отвратил от насъ праведный свой гнѣвъ и укротилъ бы межусобную брань, и устроилъ <бы> мирне и безмятежне всѣ грады и страны Московского государьства в бесконечныя вѣки. Аминь.

«Благочестивому царьскому сигклиту, и христолюбивому воинству, и всему православному християнству русскаго народа. Послушайте Божия милости к намъ грѣшнымъ повѣсти сия дивно и зело полезно к нынешнему роду лукавому и непокоривому и отбѣгшия Божия милости и уклонившемуся от заповѣдей его святыхъ, и нашедшему в сѣти дьяволя многоразличныя.

Повѣда мнѣ грѣшному нѣкто святъ муж, емуже имя Богъ вѣсть. Моляшу ми много сего святаго о ползе душевней и о нынешних скорбѣхъ нашедшихъ на насъ неудобьносимыхъ, он же послуша моего смиреньнаго к нему моления, и сказа ми потонку вся, яже у него вопрошахъ. И к сему приурече ми грѣшному: „Видѣхъ, — рече, — чюдное видѣние и зело ужаса исполнено. Во едину бо нощь молящу ми Господу Богу и Спасу нашему Исусу Христу и Пречистой его Матери, Заступнице нашей Богородицы Марии о мире всего мира и о нынешних лютых на нас нашедшихъ,[4] дабы Господь Богъ отвратил праведный гнѣвъ свой и послал бы милость свою на люди своя. И по молитве, яко в полунощи, возлегшу ми на одре моемъ, и едва внидох в тонокъ сонъ — и се внезапу слыша ми ся звонъ великъ, яко в той болшой колокол звонят, егоже при цари Борисе слили повелѣниемъ его.[5] И зело ми во снѣ томъ дивящуся о велицемъ томъ звону. И глаголющу ми во умѣ своемъ: «Что сий звонъ велик, яко нынѣ нѣсть празника?» И укрывшу си оконца мало, видех яко дневный свѣтъ, и зело ми дивящуся и глаголющу: «Коли нощь прейде, яко мало ми спавшу?» И се видех человека грядуща ко мнѣ, иже ми знаемъ бѣ. И вопрошах его: «Брате, что сий звонъ велик?» Он же рече ми: «Скоро иди, господине мой, во святую и апостольскую церковь Божия Матере, честна<го> и славнаго ея Успения. Тамо бо узриши преславное видѣние».

Аз же грѣшный востахъ скоро и текох по улицамъ к церкви Божия Матере, и мнях себѣ: «Что убо путь сий гладокъ, яко нынѣ належащу осени и дождемъ многимъ на землю излиявшимся, а нынѣ путь сух?» И егда приидохъ близ тоя святыя великия церкви, и видех окружену свѣтомъ неизреченнымъ. И стоях надолзе и чюдехся тому неизреченному видѣнию. И предста ми той муж, иже знаемъ бѣ, и рече ми: «Пойди, господине мой, к западнымъ дверемъ от патриарша двора и тамо узриши чюдное видѣние». Аз же текохъ тамо, и приидохъ к дверемъ церковнымъ, и поклонихся до земли. И востах от земля и видѣхъ двери церковныя отверсты и Господа моего, сѣдяща на престоле, аггелы обстоима, и Пречистую Богородицу, Надежу нашу и Заступницу, одесную престола стоящу, и Предотечю Крестителя Ивана — отлѣвую. И лики святыхъ, пророкъ, и апостолъ, и мученикъ, и святитель, и преподобныхъ, и праведникъ — ихже многих святых и аз, недостойный, знаю, на образ ихъ святый зря. И видѣхъ Свя-тую Богородицу молящуся Сыну своему и Богу нашему, и кланяющися ей до земли.

Аз же недостойный от того ужасного видѣния в велице страсѣ и трепете бывъ, и къ единой стране церковных дверей приникся и зрях видѣния того страшнаго. И слышах глас умилный Пречистыя Богородица к Сыну своему гла-голюще: «О

Сыну мой, Боже, приими молитву матере твоея, пощади люди своя, познавшихъ тебе, истиннаго Бога, и мене, матерь твою. Сыну мой вселюбезный, и не ходивши<м> в пути твоя и несотворшимъ воля твоея и нынѣ убо мнози от них воспоминають грѣхи своя и хотят приити на покаяние. Отврати от них праведный гнѣвъ свой и помилуй ихъ ради своея многия милости».

И слышах убо глас он пресладкий Владыки и Бога моего и матери своей глаголющи: «О мати моя вселюбезная, многажды твоих ради молитвъ отвращаю праведный гнѣвъ свой от нихъ. Но зело стужают ми злобами своими и лукавыми нравы. Понеже бо церковь мою оскверниша злыми своими праздными бесѣдами и мнѣ ругатели бываютъ; вземше убо от скверныхъ языкъ мерския их обычая и нравы, брады своя постригают и содомская дела творят, и неправедный суд судят, и правымъ убо насилуют, и грабят чюжая имѣния, и многая иная скверная их дѣла творят, ихже ненавидит Духъ мой Святый». Надежда же наша Пречистая Богородица преклоншися ко пречистыма ногама его, слезы точащи и глаголющи, и Предотеча с нею поклонися, и вси святии с ними: «Помилуй, Владыко, род крестьянский, да некли обратятся и предстанут от злоб своихъ и в покаяние приидут, и к тому не станут творити их, ты бо, Владыко, милостивъ, приимаеши кающихся». И возрѣ убо Господь на Матерь свою милостивымъ он окомъ, и на Предтѣчу, и на вся святыя, и испусти глас свой пресладкий: «О мати моя, ни стужай ми, и ты, друже мой, Крестителю Иване, и вси мои святии! Не рѣх ли вам, яко нѣсть истинны во царе же и в патриарсе, ни во всемъ свещенномъ чину, ни во всемъ народе моемъ, Новемъ Израили? Яко не ходятъ по преданий моих и заповѣдей моих не хранятъ. Многажды хотѣхъ помиловати ихъ, о мати моя, твоих ради молитвъ, но раздражают утробу мою всещедрую своими ихъ окаянными и студными дѣлы. И сего ради, мати моя, изыди от мѣста сего, и вси святии с тобою. Аз же предамъ ихъ кровоядцемъ и немилостивымъ раз-бойникомъ, да накажутся малодушнии и приидутъ в чювство, и тогда пощажу ихъ».

И еще убо глагола мати его, госпожа наша Пречистая Богородица: «Ужели презре матере своея прошение, о Сыну мой прекрасный, свѣте мой?» Премилостивый же Господь тогда тихимъ гласомъ рече к ней: «Тебе ради, мати моя, пощажу ихъ, аще покаются. Аще ли же не покаются, то не имамъ милости сотворити над ними».

Тогда убо от предстоящих ту единъ пришед и рече им: «Слышишь ли, рабе Божий, Господня милости и матере его, нашея Царицы, молитвы и прошения за весь род крестьянский? Иди убо и повѣдай, угодниче Христовъ, яже видѣлъ еси и слышал, емуже сам вѣси, и не утаи от сихъ никтоже». Аз же окаянный от ужасново того и страшнаго видѣния трепетенъ быхъ и едва в себѣ пришед, и убудихся на одрѣ, лежа, трясыйся, и не могий проглаголати. И тебѣ сия повѣдаю ползы ради, да проповѣси царю же и патриарху, и всѣмъ людемъ, яже слышалъ еси от мене недостойнаго. И Божиимъ имянемъ заклинаю тя, да не явиши имени моего никомуже, дондеже Богъ благоволитъ о мнѣ”».

---

[1] *...Благовѣщенскому протопопу Терентью...* — Благовещенский собор в Московском Кремле первоначально был построен в конце XIV в., затем в 1416 г. перестроен, а после разрушения этого второго храма в 1484—1489 гг. был выстроен третий собор, сохранившийся до настоящего времени.

[2] *...ито писмо написал да отдал патриарху, да и царю сказывал.* — Имеются в

виду патриарх Гермоген (годы патриаршества 1606—1612) и царь Василий Иванович Шуйский (годы царствования с мая 1606 по июль 1610 г.).

[3] *...в соборе у Пречистые Богородицы...* — Собор Успения Пресвятой Богородицы (Успенский) Московского Кремля был построен первоначально при великом князе Иване Даниловиче Калитев 1326—1327 гг. Затем его частично разобрали в связи с начавшимся разрушением, и в 1472 г. зодчими Мышкиным и Кривцовым был возведен на этом же месте новый собор. В 1474 г. он обрушился, а в 1475—1479 гг. архитектор Аристотель Фиораванти выстроил храм заново. Он и украшает сейчас Соборную площадь Московского Кремля.

[4] *...и о нынешних лютых на нас нашедшихъ...* — Речь идет о поляках, захвативших Москву.

[5] *...егоже при цари Борисе слили повелѣнием его.* — Колокол для колокольни Ивана Великого был отлит в царствование Бориса Федоровича Годунова (1598—1605). Этот колокол — предшественник «Царя-колокола», находящегося ныне в Московском Кремле.

ПЕРЕВОД

Некоему духовному мужу явилось во сне вот такое видение. И этот человек рассказал о том видении Благовещенскому протопопу Терентию, и с его слов Терентий записал его рассказ, и запись эту отдал патриарху, да и царю поведал. А имени того человека, кому то видение привиделось, не сообщил ни царю, ни патриарху. Тот, мол-де, именем Божиим клятву с него взял, не велел про себя сказывать. И видение это читали по царскому повелению в соборе Пречистой Богородицы вслух всему народу. А собралось там народу великое множество. И потому установили в царстве время поста, великого и малого, в 1606 году с 14 числа октября, с понедельника, по 19 день октября же, до воскресенья, и по всем храмам пели молебны и Богу молились за царя и за все православное христианство, чтобы Господь Бог отвел от нас праведный гнев свой, остановил междоусобную брань, установил мир и спокойствие во всех городах и концах Московского государства навечно. Аминь.

«Благочестивому царскому синклиту и христолюбивому воинству, и всем православным христианам русского народа. Послушайте повесть сию дивную и весьма полезную о Божией милости к нам, грешным, к нынешнему лукавому и непокорному народу, уклонившемуся от милосердия Божьего, забывшему его святые заповеди, попавшему в многообразные дьявольские сети.

Рассказал <это> мне, грешному, некий святой муж, имя которого Бог знает. Когда я долго умолял этого святого о духовном наставлении и (сокрушался) о нынешних невыносимых бедах, постигших нас, он выслушал мои смиренные просьбы к нему и рассказал мне подробно обо всем, о чем я его спрашивал. И к этому добавил мне, грешному: „Видел я, — сказал он, — чудесное видение, страхом преисполненное. Однажды ночью я молился Господу Богу и Спасу нашему Иисусу Христу и Пречистой его Матери, Заступнице нашей Богородице Марии, о мире для всего мира и о теперешних лютых несчастьях, постигших нас; молился о том, чтобы Господь Бог отвратил <от нас> праведный гнев свой и ниспослал бы милость свою на людей своих. И после молитвы, около полуночи, когда я возлег на постель свою и едва только начал засыпать, — и вот вдруг

внезапно слышится мне сильный звон, будто звонят в тот большой колокол, который вылит был при царе Борисе по его повелению. И очень удивился я во сне том этому громкому звону. И мысленно спросил себя: «Что это за сильный звон, ведь теперь нет праздника?» И, немного приоткрыв оконце, я увидел, что светло, как днем, и очень удивился, вопрошая: «Когда ночь прошла, ведь я так мало спал?» И тут увидел человека знакомого, идущего ко мне. И спросил его: «Брат, что это за звон сильный?» Он же ответил мне: «Иди скорее, господин мой, в святую и апостольскую церковь Божией Матери, честного и славного ее Успения. Там ты увидишь предивное видение».

Я же, грешный, быстро поднялся и пошел по улицам к церкви Божией Матери, а сам думал: «Отчего это дорога эта ровная, ведь нынче осень и много дождей пролилось на землю, а сейчас дорога суха?» И когда подошел я близко к той святой великой церкви, увидел ее окруженную неизреченным светом. И долго стоял, дивясь этому необъяснимому видению. И появился передо мной тот знакомый муж, и сказал мне: «Пойди, господин мой, к западным дверям от патриаршего двора, и там ты увидишь чудесное видение». Я же отправился туда, и подошел к вратам церковным, и поклонился до земли. И поднялся я с земли, и увидел раскрытые церковные двери и Господа моего, сидящего на престоле, окруженного ангелами, и Пречистую Богородицу, Надежду нашу и Заступницу, стоящую справа от престола, а Предтечу Крестителя Иоанна — слева. И <увидел> сонмы святых, пророков, и апостолов, и мучеников, и святителей, и преподобных, и праведников — тех многих святых, которых и я, недостойный, знал, видя их святые изображения. И увидел, что Святая Богородица молилась Сыну своему и Богу нашему, и кланялась она <ему> до земли.

Я же, недостойный, от этого полного ужаса видения пребывал в большом страхе и трепете и, приникнув к одной стороне церковных дверей, смотрел на это страшное видение. И услышал я умиленный голос Пречистой Богородицы, говорящей сыну своему: «О Сын мой, прими же молитву матери твоей, пощади людей своих, познавших тебя, истинного Бога, и меня, матерь твою. Сын мой вселюбимый, многие из тех, кто не шел по твоему пути и не исполнял волю твою, нынче вспоминают свои грехи и хотят принести покаяние. Отврати от них свой праведный гнев и помилуй их по великой милости своей».

И вот услышал я голос тот сладостный Владыки и Бога моего, своей Матери отвечающего: «О мать моя вселюбимая, по молитвам твоим уже много раз отвожу я праведный гнев свой от них. Но очень досаждают они мне злобою и лживостью своей. Потому что и церковь мою они осквернили своим пустым злословием, и меня оскорбляют; переняв от скверных народов их мерзкие обычаи и нравы, бороды свои остригают и содомские дела творят, и неправедный суд судят, попирают правых и грабят чужое имущество, и многие другие скверные дела совершают, которые ненавидит Дух мой Святой». Надежда же наша Пречистая Богородица, приклонившись к пречистым ногам его, слезы испуская, отвечала ему; вместе с нею и Предтеча поклонился, и все святые с ними: «Помилуй, Владыко, род христианский, чтобы, быть может, опомнились и оставили злобу свою и покаялись, и не стали бы больше всего того совершать, ведь ты, Владыко милостивый, принимаешь кающихся». И взглянул тогда Господь на Мать свою милостивым оком, и на Предтечу, и на всех святых, и испустил голос свой сладостный: «О мать моя, не досаждай мне, и ты, друг мой, Иоанн Креститель, и все мои святые! Не говорил ли я вам, что нет истины ни у царя, ни у патриарха, ни у всего священнического чина, ни во всем моем народе Нового Израиля? Ибо не следуют они заветам моим и заповедей моих не соблюдают. Многажды хотел я помиловать их, о мать моя, ради молитв твоих, но раздражают они душу мою

щедрейшую своими окаянными и постыдными делами. И поэтому, мать моя, уйди отсюда, и все святые с тобою. Я же отдам их кровопийцам и немилостивым разбойникам, пусть малодушные получат урок, придут в чувство, а тогда — пощажу их».

И еще говорила Мать его, госпожа наша Пречистая Богородица: «Неужели ты отверг просьбу матери своей, о сын мой прекрасный, свет мой?» Премилостивый Господь ответил ей тогда тихим голосом: «Ради тебя, мать моя, пощажу их, если покаются. Если же не покаются, то не будет у меня милосердия к ним».

Тогда вдруг один из стоявших тут подошел и сказал мне: «Слышишь ли, раб Божий, милость Господнюю и Матери его, нашей Царицы, просьбы и молитвы за весь народ христианский? Иди же и поведай, угодник Христов, о том, что видел и слышал, а кому — сам знаешь, и ничего не утаи из этого». Я же, окаянный, вострепетал от ужасного и страшного того видения и, еле придя в себя, проснулся на постели, лежа и дрожа, не в состоянии сказать ни слова. И тебе об этом рассказываю пользы ради, чтоб ты рассказал царю же, и патриарху, и всем людям то, что ты слышал от меня, недостойного. И именем Бога заклинаю тебя, не называй моего имени никому, покуда не будет мне <на то> Божьей воли”».

"Иное видение"

Подготовка текста, перевод и комментарии Н. В. Савельевой

ВСТУПЛЕНИЕ

«Иное видение», так же как и «Повесть о видении некоему мужу духовну» протопопа Терентия относится к первому этапу Смуты. Оно дошло до нас в двух списках *(РНБ,*O.IV.17 и *ГИМ,* собр. Щукина, № 1171. Оба списка 1-й четв. XVII в.), причем в списке *РНБ,* O.IV.17 текст следует за «Повестью о видении некоему мужу духовну» протопопа Терентия и потому имеет название «Иное видение». Впервые текст был опубликован С. Ф. Платоновым *(РИБ.* Т. 13. Стлб. 184—186). Это очень небольшое по размеру сочинение выделяется из других видений Смуты прежде всего своим кратким, «протокольным» (см.: История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2. Ч. С. 38; раздел написан С. К. Шамбинаго), характером и своим простонародным языком. Основной задачей автора как будто бы являлось стремление утвердить читателя в достоверности случившегося видения: для этого им точно указано время произошедшего — 27 февраля 1607 г., названы поименно все участники события — «сторожи из Овощново ряду», подробно описаны все обстоятельства бывшего видения. По своему характеру «Иное видение» более, чем другие видения Смутного времени, сравнимо с жанрами деловой письменности. А. А. Назаревский прямо сопоставляет его «с многочисленными посыльными грамотами той эпохи» (См.: Назаревский А. А. Очерки из области русской исторической повести начала XVII столетия. Киев, 1958. С. 145). В то же время смысл этого видения не совсем ясен. По предположению С. К. Шамбинаго, в нем отражается «скептическое отношение к современной власти: голоса, слышавшиеся в Архангельском соборе, — это голоса похороненных там русских великих князей, царей; это они смеялись над современной царской властью» (История русской литературы... С. 38). Можно предположить, что уже в этом видении звучит мотив плача, мотив трагического восприятия современных событий, и именно такое восприятие, такое понимание происходящего в России простым языком доносит автор до своего читателя. Потому в Архангельском соборе слышится «плач велик» и на протяжении всего действия читается заупокойная служба.

Хотя до нашего времени «Иное видение» дошло только в двух списках, в XVII в. оно было весьма популярно, свидетельством чему является включение переработанного текста «Иного видения» в состав «Иного сказания» и «Хронографа Русского» редакции 1617 г.; оба текста переработки очень схожи. В переработке изменен не только язык и стиль повествования, но и смысл его: действие перенесено к 20 октября 1610 г., обозначая тем самым предвестие близкого окончания царствования Шуйского (о переработках «Иного видения» см.: Назаревский А. А. Очерки... С. 143—145; Соколова Л. В. «Иное видение» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1993. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. С. 46-47).

Текст памятника публикуется по рукописи: *РНБ,* O.IѴ.17, л. 292—293 об.

ОРИГИНАЛ

115-го году февраля въ 27 день в ночи с пятницы на суботу наряжен ночевати во царствующем градѣ Москвѣ у соборного храма, у церкви, у собора архангела Михаила[1] в паперти[2] голова[3] Истома Артемьев сын Мыльникъ. А въ его мѣсто ночевал сынъ его Козьма, а с ним 6 человекъ сторожей из Овощново ряду:[4] Обрамко Иванов, да Васька Матфеевъ, Андрюшка Никитинъ, Первушка Дмитреевъ, да Первушка Матфѣевъ, Гришка Иванов. И тѣ сторожи, Обрамко Иванов с товарыщи, сказали околничему и казначѣю Василью Петровичю Головину да дьяку Меньшему Булдакову:[5]

«Как, де, будет въ 5 часу ночи, и учал, де, быти в церкви, у собора архангела Михаила, гдѣ благовѣрнии великие князи лежат, шумъ быти и говор великъ, по смѣте голосов з дватцать или с тритцать. А один, де, из них говорил по книжнему за упокой без престани, а рѣчей, де, его и тѣхъ людей, у которых промеж ими говор и шумъ велик, не разумѣти, и их в лица не видѣти никогоже. А в тѣ поры в церкви свѣчя горит. И после, де, того промеж ими учал быти смѣхъ. И один, де, из них изо всѣхъ голос толстъ, а против, де, его говорили всѣ встрѣчно. А один, де, такъ говорит по книжному за упокой. И толстоголосой на них на всѣхъ крикнул, и они, де, перед нимъ всѣ умолкли. И после, де, того в церкве промеж ими всѣми учал быти плач великъ. А по церкве, де, в тѣ поры по всей свѣтъ велик был. И какъ, де, свѣтъ пойдетъ кверху, ино, де, освѣтит верхъ весь и всю церковь, а как свѣт пойдет книзу, ино, де, освѣтит мостъ церковный. А в лице, де, никого не видѣти, и рѣчей, де, их не разумѣти. И тое говори было промеж ими, шуму и плача, с пятого часа до седьмаго. А заглядывали, де, тѣ сторожи въ церковные обдвои двери дщелми и сквозе замки. И их, де, всѣхъ сторожевъ в тѣ поры взял страх и ужас великъ. А Истомин, де, сынъ Козьма в тѣ поры отходил ис паперти прочь. А как, де, он пришел, и тѣ, де, ему сторожы про то видѣние сказывали».

---

[1] *...у соборного храма, у церкви, у собора архангела Михаила...* — Архангельский собор в Москве на Красной площади — усыпальница великих князей и царей московских начиная с Ивана Калиты. Первый каменный собор был поставлен в 1333 г. Иваном Калитой на месте прежней деревянной церкви. В 1505 г. разобран и вновь отстроен в 1508 г. фрязином Алевизом Новым.

[2] *...в паперти...* — Паперть — притвор перед церковью, предхрамие.

[3] *...голова...* — Голова — термин, обозначавший в Московском государстве различных начальствующих должностных лиц.

[4] *...из Овощново ряду...* — В XVI—XVII вв. по Москворецкой улице, перед Китай-городом, находились торговые лавки — ряды: Хлебный, Калачный, Масляный, Соляной и т. д. Часть Китай-города, примыкавшая к торговым рядам, так и называлась — Зарядье. Сторожа, ставшие свидетелями чудесного видения в Архангельском соборе, жили и торговали в одном из этих рядов — Овощном, т. е. торговавшем овощами.

[5] *...околничему и казначѣю Василъю Петровичю Головину да дъяку Менъшему Булдакову...* — Окольничий — придворная должность, дворцовый чин, в XVII в. назначавшийся обычно из средних боярских родов; лицо, приближенное к московскому государю. Окольничие сидели в приказах, назначались наместниками и воеводами. Казначей — лицо, хранившее казну. Казначеи назначались не только к государю, но и к боярам. На должность казначея обычно назначались люди новые, не родовитые, но, поскольку в XVI—XVII вв. это был довольно видный дворцовый чин, он давал хорошую возможность подняться наверх, к боярству. *Василий Петрович Головин* — боярин и казначей, во иночестве Вассиан, брат невестки Ивана Грозного (Евдокии Петровны); ум. 12 янв. 1611 г. *Булгаков Менъшой Семенович* — дьяк Казенного дворца (1605—1611).

ПЕРЕВОД

В 115-м (1607) году февраля в 27 день в ночь с пятницы на субботу назначен был ночным сторожем в царствующем городе Москве в соборном храме, в церкви, в соборе архангела Михаила в паперти голова Истома Артемьев сын Мыльник. А вместо него дежурил сын его Козьма, да с ним шесть человек сторожей из Овощного ряда: Абрамка Иванов, да Васька Матфеев, Андрюшка Никитин, Первушка Дмитреев, да Первушка Матфеев, Гришка Иванов. И те сторожа, Абрамка Иванов с товарищами, рассказали окольничему и казначею Василию Петровичу Головину да дьяку Меньшему Булдакову:

«Когда, де, пошел 5-й час ночи, тогда начался, де, в церкви, в соборе архангела Михаила, где благоверные великие князья погребены, шум и говор великий, будто бы голосов двадцать или тридцать (слышались). А один, де, из них читал по-книжному за упокой беспрестанно, а слов, де, его и тех людей, между которыми спор и шум великий был, не понять, и в лицо не увидеть никого из них. А в ту пору в церкви свеча горит. И потом, де, стали они смеяться. И у одного, де, из всех голос низкий, а с ним, де, все спорили. А один, де, так и читает по-книжному за упокой. И низкоголосый на них на всех крикнул, и они, де, перед ним все замолчали. И после того, де, в церкви у них у всех начался плач великий. А в церкви, де, в то время во всей свет великий сиял. И как, де, свет поднимется вверх, так, де, осветит весь купол и всю церковь, а как свет спустится вниз, так, де, осветит пол церковный. А в лицо, де, никого не видно, и слов, де, их не разобрать. И те разговоры были между ними, шум и плач, с пятого часа и до седьмого. А заглядывали, де, те сторожа в церковные обе двери в щели и сквозь замочные скважины. И их, де, всех сторожей, в ту пору объял страх и ужас великий. А Истомин, де, сын Козьма в то время уходил с паперти. И как, де, он

вернулся, и те, де, сторожа ему про то видение поведали».

Повесть о видении иноку Варлааму в Великом Новгороде

Подготовка текста, перевод и комментарии Н. В. Савельевой

ВСТУПЛЕНИЕ

«Повесть о видении иноку Варлааму в Великом Новгороде» отражает события 1611 г. Вскоре после свержения Василия Шуйского шведские войска стали постепенно занимать северо-западные русские земли. 16 июля 1611 г. ими был захвачен Великий Новгород. Видение, о котором рассказывает повесть, случилось накануне, 15 июля 1611 г. По мнению исследователей памятника, повесть была создана после захвата Новгорода и является попыткой осмыслить происходящие события (см.: Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о смутном времени XVII века как исторический источник. М., 1913. С. 77—80; Назаревский А. А. Очерки из области русской исторической повести начала XVII столетия. Киев, 1958. С. 128—133). Источником новгородской повести стала «Повесть о видении некоему мужу духовну» протопопа Терентия, причем автор новгородской повести настолько близок к своему оригиналу, что С. Ф. Платонов прямо называет новгородскую повесть подражанием московскому видению. В то же время основная идея новгородской повести иная. Если «Повесть о видении некоему мужу духовну» призывает народ к нравственному очищению как единственному способу избавиться от нестроения в государстве, то новгородская повесть, написанная после трагического падения Новгорода, пытается объяснить справедливость наказания новгородцев за их грехи и носит, скорее, покаянный характер. Особого внимания заслуживает упоминание в числе общих грехов немилостивого отношения новгородцев к беженцам, стекавшимся в свободный тогда еще Новгород из разоренных земель. На основании этого высказывались предположения, что автором видения мог быть один из этих гонимых людей. В то же время повесть о видении построена на новгородских реалиях, в ней называются новгородские святые, автор ее, по-видимому, хорошо знаком с литературными памятниками Новгорода и новгородскими преданиями. Все это позволяет предполагать, что автором повести был, скорее, новгородец или человек, проживший в Новгороде достаточно долгое время. Текст повести сохранился в одном списке **(**Саратовский гос. университет, Собр. Шляпкина, № 577 (Шл. 330); 1-я пол. XVIII в.**)**. Мы публикуем его по изданию, осуществленному С. Ф. Платоновым в 13-м томе *РИБ* (см.: *РИБ.* Т. 13. Стлб. 243—248). Внесенные нами смысловые исправления выделяются курсивом.

ОРИГИНАЛ

Повѣсть зѣло полезна. Бысть явление въ Скифополской странѣ, иже нарицается въ Великом Новѣградѣ,[1] нѣкоторому мниху, именемъ зовому Варлааму, въ лѣта 7119 году июля въ 15 прииде гнѣвъ Божий на Великий Новградъ и на вся православныя християны грѣхъ ради нашихъ. Бысть видѣние страшно и ужаса исполнено.

Въ Великомъ Новѣградѣ живый нѣкто мнихъ, зовомый именемъ Варлаамъ. Иногдаже пребывая внѣ Великаго Новаграда, и тамо ему живущу многа лѣта, и молящеся Господу Богу и Спасу нашему Ясусу Христу и Пречистѣй его Богоматери Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, честнаго и славнаго ея

Успения.[2] Беспрестанно по вся дни и нощи безъ сна пребывая, никогдаже очима своима дремания сна не далъ еси. Кормящуся ему мниху именемъ Варлааму Христовымъ именемъ.

Во единъ же день сѣдящу ему единому въ келии своей въ молчании, и прииде къ нему помыслъ о погибели православныя земли Русския, Скифополския страны, зовомо Великого Новаграда, православныхъ християнъ. «И егда помышляющу ми, и забыхся въ тонцѣ снѣ. И воздремавшу ми, и видѣхъ свѣтъ велий неизречененъ, зѣло сияющь, паче свѣта сего свѣтлѣе седмерицею. Азъ же отъ страха того воспрянувъ, и не мню сему во снѣ быти, но яко на явѣ. И открывъ оконце мало, хотя посмотрѣти, и видѣхъ человѣка, грядуща ко мнѣ въ келию и имый въ руцѣ своей жезлъ. И глагола ми: „Старче! Гряди изъ келии своей, покажу тебѣ, еже ты что просилъ еси и желалъ видѣти, и ты нынѣ гряди со мною”. Азъ же, многогрѣшный и грубый, текъ къ нему съ радостию великою и веселиемъ, яко получихъ прошение и хотѣния своего, еже просихъ у Господа Бога моего.

И пришедшу намъ ко граду, внидохсш въ Великий Новградъ по обычаю, еже и стражие градстии не видѣвше насъ, никтоже слыша. И бѣ бо тогда страхъ во градѣ и ужасъ отъ нѣмецкихъ людей, стоящимъ бо тогда нѣмецкимъ полкамъ подли Великаго Новаграда мало болѣ поприща, въ монастырѣ у Пречистыя Богородицы, еже есть зовомо на Колмовѣ.[3] Азъ же текохъ съ радостию по граду тому и видѣхъ путь гладокъ, и сухъ, и чистъ и дивихся о семъ. И вопросихъ водящаго мя: „Повѣждь ми, господине мой, что нынѣ путь гладокъ есть, а осень нестройна и дождевна?”[4] И отвѣща ми той мужъ, иже кто водяй мя, и рече ми: „Старче, не дивись сему, то есть тварь Божия: силенъ Богъ нашъ, якоже хощетъ, тако и творитъ".[5]

И по семъ приидохъ къ церкви святыя и великия Софѣи неизреченныя Премудрости Слова Божия, рекше отъ Златыхъ Вратъ,[6] и видѣхъ двери церковныя отверсты, и свѣща горяща по всей церкви. Азъ же скважнею прилежно смотрихъ во святую и великую церковь и видѣвъ посреди церкви свѣтъ невечерний сияющь, яко желѣзо разжено искры пущая, посредѣжь свѣта оного престолъ златъ, имуще велие украшение, тысяща тысящами и тмы тмами измечтанъ, еже неудобь человѣку во умъ вмѣстити; и на престолѣ же сѣдящу надежду нашу Владычицу Богородицу и Приснодеву Марию, крѣпкую помощницу и заступницу роду християнскому и необоримую стѣну, и непобѣдимую воиводу, яко солнце сияющу. И около престола движущеся множества ангелъ и архангелъ, херувимъ и серафимъ, со страхомъ, и трепетомъ, и говѣниемъ свѣтозарный престолъ окружающе, стояще во бранѣхъ страшнымъ обычаемъ, имуще оружие огненное обнажено въ рукахъ своихъ, и крылѣ распростерты по земли. И пакы смотрѣхъ изъ скважни прилежно и видѣхъ окрестъ престола множество святыхъ стояще — азъ же познахъ Никиту епископа,[7] и Иоанна архиепископа,[8] и прочии же новгородстии святии. Всѣ же суть готовящеся изыти изъ града вонъ и Великий Новградъ предати безбожнымъ нѣмцамъ грѣхъ ради нашихъ.

И начаша святии молитися Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодѣвы Марии, всѣ святии глаголюще: „О Пречистая Всемилостивая Богомати, Владычице Богородице, Приснодѣво Марие, необоримая стѣна, Великому Новуграду нашему ты еси заступнице! Послушай, Госпоже, нынѣ моления нашего, не предай же, Госпоже, града нашего поганымъ на разорение и не погуби православнаго християнства! Умоли, Госпоже, Сына своего и Бога нашего о градѣ семъ! Аще и много согрѣшения ихъ, но отъ твоея великия неизреченныя милости и отъ тебе не отступиша, тебе ходатаице имуще!” И много молиша ю.

И по семъ услышахъ пресладкий гласъ умилно глаголюще нашея заступницы роду християнскому Пресвятѣй Богородицы, крѣпкие помощницы и надеждѣ, ко всѣмъ предстоящимъ святымъ ту. И глагола ко святымъ Мати Божия: „О избраннии святии Божии! Како имате мя молити за градъ сей и за люди, понеже людская беззакония ихъ умножилася, и прогнѣвали Сына моего, Творца своего, Содѣтеля небу и земли, и мене злыми, мерзкими, скверными, блудными своими дѣлы, осодомили бо есть всѣ люди отъ мала и до велика! И многажды Господа моего молихъ за градъ сей и за люди, и не возмогохъ умолити, и не послуша гласа моления моего, но да изыду нынѣ изъ града и отъ мѣста сего со всѣми вами, святыми, и предамъ градъ сей беззаконнымъ нѣмцомъ симъ въ покорение и въ работу".

И паки всѣ святии восплакашася, моляхуся ко Пречистѣй Богородицы, паче же всѣхъ святыхъ прилежно молящеся преподобный Варлаамъ Футынский[9] и со слезами вопия: „О Владычице моя, Пресвятая Госпоже Богородице! Помилуй родъ християнский, въ бѣдѣ суще, не погуби достояния своего и не остави мѣста сего, но пребуди съ нами здѣ и буди молитвенница къ Сыну своему и Богу нашему за градъ сей и за люди своя!” И тогда Преславная Владычица наша и Страшная Царица и Богородице, Мать сущи Царева, озрѣвся на вся святыя избранныя Божия, и прослезися, и поиде отъ очию ея слезы, яко струя, и рече ко всѣмъ святымъ: „О избраннии святии Божии! Нынѣ не стужайте мнѣ о семъ! Азъ же и сама плачюся о погибели ихъ; вѣмъ бо, яко сей есть градъ жребий мой и людие есте достояние мое. И молихъ Сына моего многажды о семъ и стужахъ ему, понеже за беззаконие ихъ разгнѣвася Владыка Господь на нихъ и не послуша моления моего. Уже беззакония ихъ умножися паче всѣхъ человѣкъ, и отъ грѣхъ ихъ отяготѣша сердца ихъ, и не послушаша заповѣдей Божиихъ и въ законѣ его не изволиша ходити.[10] И нынѣ хощетъ Сынъ мой предати градъ сей и людей, понеже бысть мѣсто сие *не* разоримо и собирашася въ него людие отъ всѣхъ странъ, еже разорени отъ нынѣшнихъ бѣдъ и золъ, и утекающе сѣмо во градъ сей, — они же ихъ оскорбляюще, и поношающе ихъ, и наругающеся имъ, и досаду имъ приносяще, яко невѣрнии; а сами бо ядуще и пиюще безъ престани и блудъ творяще, паче же всего содомский грѣхъ непрестанно дѣяху. И егда внидутъ въ церковь мою, ни единъ не хощетъ отъ сердца молитвы Иисусовы сотворити, не токмо что поститися. Но убо оскуди князь и воеводы, и все воинство ихъ предано будетъ, и оружие ихъ изсѣче, и милости Божия не обрящутъ. И къ тому не воспомянется имя мое: уже градъ сей преданъ хощетъ быти”. — И сия рече заступница наша Богородица и отвратися, да не стужаютъ ей. И помалѣ паки обратися и рече имъ: „О избраннии святии Божии и мои! Не стужайте мнѣ о семъ, не могу уже милости о градѣ семъ упросити у Владыки Господа Бога, Сына моего!”

Да къ тому азъ же, грѣшный и недостойный, стоя трясыйся и трепеща, отъ ужаса и страха не могий стояти. И помалѣ возва мя, идѣже стояхъ. И приидохъ ко престолу оному и не могохъ зрѣти свѣтила, на престоле сѣдящу надежду нашу, и заступницу, и ходатаицу крѣпкую роду християнскому; и не могохъ зрѣти, падъ ницъ на землю. И рече ми Пречистая Богородице: „Старче, поиди во градъ и рци митрополиту, и всему синклиту, и воиводамъ, и всему Новаграда воинству, да приимутъ всѣ покаяние и готовилися бы къ смерти, уже хощетъ град сей во утрий день преданъ быти невѣрнымъ людемъ, нѣмцамъ, свѣяномъ Свѣйския земли”».

Слава Богу нашему, сотворшему вся!

---

[1] *...въ Скифополской странѣ, иже нарицается въ Великомъ Новѣградѣ...* — Название Новгорода Великого Скифопольем, Скифопольской страной восходит к новгородской легенде, распространившейся позднее, во второй половине XVII в., во множестве летописных памятников как легендарно-историческая повесть под заглавиями «История о зачале Руския земли и создании Новгорода», «Начало Словенску, еже есть Великий Новград именуетца» и др. Согласно этой легенде, земли, на которых стоит Великий Новгород, были уделом одного из правнуков Иафета, сына Ноева, по имени Скиф (об этом памятнике см.: Гольдберг А. Л. Легендарная повесть XVII в. о древнейшей истории Руси // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1982. Т. 13. С. 50-63).

[2] *...Пречистѣй его Богоматери Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы, честнаго и славнаго ея Успения.* — Не совсем ясно, почему при описании молитвенной жизни инока Варлаама указан праздник (или икона?) Успения Богородицы. Возможно, инок Варлаам жил в одном из Успенских монастырей, в округе Новгорода их было несколько.

[3] *...стоящимъ бо тогда нѣмецкимъ полкамъ подли Великаго Новаграда мало болѣ поприща, въ монастырѣ у Пречистыя Богородицы, еже естъ зовомо на Колмовѣ.* — Колмов Успенский монастырь в трех верстах от Новгорода, на левом берегу Волхова. Основан в 1310 г., в 1686 г. приписан к Новгородскому архиерейскому дому, в 1764 г. упразднен. Как указывает С. Ф. Платонов со ссылкой на летописные источники, 15июля 1611 г. шведские войска действительно стояли в Колмове монастыре(см.: Платонов С. Ф. Древнерусские сказания... С. 78).

[4] *...видѣхъ путъ гладокъ, и сухъ, и чистъ и дивихся о семъ. И вопросихъ водящаго мя: «Повѣждь ми, господине мой, что нынѣ путъ гладокъ естъ, а осенъ нестройна и дождевна?»* —Противоречие, имеющееся в тексте (события происходят 15 июля, а инок Варлаам говорит об «осени дождевной»), объясняется тем, что этот пассаж целиком заимствован автором из «Повести о видении некоему мужу духовну», отражающей события октября 1606 г.

[5] *...силенъ Богъ нашъ, якоже хощетъ, тако и творитъ.* — Ср.: Пс. 113, 11.

[6] *...къ церкви святыя и великия Софѣи неизреченныя Премудрости Слова Божия, рекше отъ Златыхъ Вратъ...* — Новгородский Софийский собор построен в Детинце (Новгородском Кремле) в 1045—1050 гг. (по другим данным в 1052 г.) на месте сгоревшей деревянной тринадцатиглавой церкви конца X в. Софийский собор — придворный княжеский храм — имел важное значение в общественно-политической и духовной жизни Новгорода: здесь находились казна, архив, библиотека, здесь принимали иностранных послов и именитых гостей, перед собором иногда проходили знаменитые новгородские веча.

[7] *...Никиту епископа...* — Святой Никита, печерский затворник. В 1096 г. был избран епископом Новгородским, умер в 1108 г. Канонизирован в 1558 г., когда были открыты его мощи, которые хранятся ныне в Новгородском Софийском соборе. Память св. Никиты празднуется 31 января.

[8] *...Иоанна архиепископа...* — Иоанн, архиепископ Новгородский с 1165 по 1185 г. Прославился как защитник Новгорода: в 1140 г., во время осады Новгорода войсками суздальского князя Андрея Боголюбского, св. Иоанн вышел на

городскую стену с иконой Богородицы, увидев которую, суздальцы бежали, объятые страхом. Св. Иоанн известен также своими заботами о нуждах епархии — он строил церкви, основывал монастыри, писал поучения к священникам. В 1439 г. обретены его мощи, в 1547 г. он был канонизирован. Память св. Иоанна празднуется 7 сентября.

[9] *...паче же всѣхъ святыхъ прилежно молящеся преподобный Варлаамъ Футынский...* —Варлаам Хутынский, в миру Алекса Михайлович, новгородец, умер в 1192 или 1193 г. Незадолго до смерти им был основан Спасский монастырь в Хутыни — местности в 10 км от Новгорода на правом берегу Волхова. Канонизирован в начале XV в., память его празднуется 6 ноября. По-видимому, в повести уделяется особое внимание св. Варлааму Хутынскому не только потому, что он был одним из самых популярных в Новгороде святых, но и потому, что автор был знаком с новгородским памятником XVI в. «Видением Хутынского пономаря Тарасия» (см. т. 9, с. 272—277, 534 наст. изд.). В этом видении св. Варлаам молит Иисуса Христа и Богородицу об избавлении города от потопа, от мора и от пожара. Иисус Христос внемлет молитвам св. Варлаама и заступничеству Богородицы и избавляет Новгород от потопа, но насылает на него другие беды. Как в видении XVI в., так и в нашем тексте Богородица именуется заступницей города, и здесь она напоминает новгородским святым о прежних своих мольбах к Господу Богу о спасении Новгорода.

[10] *Уже беззакония ихъ умножися... въ законѣ его не изволиша ходити.* — Ср.: Иез. 5, 6—7.

ПЕРЕВОД

Повесть душеполезная. Было явление в Скифопольской стране, как именуется Великий Новгород, некоему иноку по имени Варлаам в 7119 (1611) году июля в 15 день, <когда> нашел гнев Божий на Великий Новгород и на всех православных христиан за грехи наши. Было видение страшное и ужаса исполненное.

В Великом Новгороде жил некий инок по имени Варлаам. Некогда ушел он из Великого Новгорода <в место иное> и там жил много лет, и молился Господу Богу и Спасу нашему Иисусу Христу и Пречистой его Богоматери Пресвятой Владычице нашей Богородице, честному и славному ее Успению. Беспрестанно все дни и ночи он без сна проводил и никогда глазам своим задремать не давал. Кормился же инок Варлаам подаянием Христа ради.

Однажды сидел он в одиночестве в келье своей, в молчании пребывая, и нашли на него думы о погибели православной земли Русской, страны Скифопольской, как именуется Великий Новгород, православных христиан. «И когда задумался я <о том>, и забылся легким сном. И я задремал, и видел свет великий несказанный, земного света в семь раз ярче сияющий. Я же от страха такого воспрянул, и не думаю, что это во сне, но словно наяву <пребываю>. И, приоткрыв оконце, хотел посмотреть, и увидел человека, идущего ко мне в келию и держащего в руке своей посох. И сказал он мне: „Старче! Выйди из келии своей, и покажу тебе, о чем ты просил и что видеть желал, и ты иди сейчас со мною!" Я же, многогрешный и грубый, вышел к нему с радостью великой и весельем, ибо получил то, что желал и просил у Господа Бога моего.

И пришли мы к городу, вошли в Великий Новгород как обычно, так что и стражи городские не видели нас, и никто не слышал. А был тогда страх в городе и ужас от немецких людей, ибо стояли тогда полки немецкие на расстоянии чуть более

поприща от Великого Новгорода, в монастыре Пречистой Богородицы, что на Колмове. Я же шел с радостью по городу тому и видел дорогу ровную, и сухую, и чистую и удивлялся этому. И спросил я ведущего меня: „Скажи мне, господин мой, отчего нынче дорога хорошая, ведь осень ненастна и дождлива?" И ответил мне человек, который водил меня, сказал мне: „Старец, не удивляйся этому, все это творение Божие: всемогущ Бог наш, как хочет, так и творит".

И потом пришел я к церкви святой и великой Софии, неизреченной Премудрости Слова Божиего, что у Золотых Ворот, и увидел, что двери церковные открыты, и свечи горят по всей церкви. Я же в щелку внимательно смотрел во святую и великую церковь и видел, что посреди церкви свет невечерний сияет, будто железо раскаленное искры испускает, и посреди света того престол золотой <возвышается>, великолепный, бесчисленным множеством <красот> украшенный, так что умом человеческим и постичь невозможно; и <увидел> я, что на престоле том надежда наша Владычица Богородица и Приснодева Мария восседает, крепкая помощница и заступница роду христианскому, и несокрушимая стена, и непобедимая воительница, и будто солнце она сияет. И вокруг престола движется множество ангелов и архангелов, херувимов и серафимов, со страхом, и трепетом, и благоговением они светозарный престол окружают, и стоят на страже с грозным видом, и держат оружие огненное обнаженное в руках своих, и крылья их распростерты по земле. И вновь смотрел я в щелку внимательно, и видел, что вокруг престола множество святых стоит — я же узнал Никиту епископа, и Иоанна архиепископа, и прочих же новгородских святых. И все они готовятся выйти из города и отдать Великий Новгород безбожным немцам за грехи наши.

И начали святые молиться Пресвятой Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии, и все святые просили: „О Пречистая Всемилостивая Богоматерь, Владычица Богородица, Приснодева Мария, несокрушимая стена, ведь ты нашему Великому Новгороду заступница! Послушай, Госпожа, нынче моления нашего, не отдай же, Госпожа, города нашего поганым на разорение и не погуби православных христиан! Умоли, Госпожа, Сына своего и Бога нашего о <защите> города этого! Пусть велико согрешение (горожан), но от твоей великой несказанной милости и от тебя не отступили, тебя заступницей почитают!" И долго умоляли ее.

И потом услышал я пресладкий голос нашей заступницы рода христианского Пресвятой Богородицы, крепкой помощницы и надежды, с умилением обращалась она ко всем стоящим пред нею святым. И <так> говорила святым Матерь Божия: „О избранные святые Божии! Зачем молите меня о городе этом и о людях, ведь людские грехи их умножились, и прогневали они Сына моего, Творца вашего, Создателя неба и земли, и меня прогневали злыми, мерзкими, скверными, блудными своими делами, и осквернились все люди от мала и до велика! И много уже молила я Господа моего о городе этом и о людях, и не смогла умолить, и не послушал он слов мольбы моей, но <повелел>, чтобы покинула я ныне город и место это вместе со всеми вами, святыми, и чтобы отдала город этот безбожным немцам этим в покорение и в рабство".

И вновь все святые со слезами молились Пречистой Богородице, более же всех усердно молился преподобный Варлаам Хутынский. И со слезами он восклицал: „О, Владычица моя, Пресвятая Госпожа Богородица! Помилуй род христианский, в беде пребывающий, не погуби достояния своего и не покинь места этого, но останься с нами здесь и будь просительницей к Сыну своему и Богу нашему о городе этом и о людях своих!" И тогда Преславная Владычица наша и Великая Царица и Богородица, Матерь Царя (нашего) посмотрела на всех святых

избранных Божиих и прослезилась, и потекли из очей ее слезы, будто струи, и сказала она всем святым: „О избранные святые Божии! Не упрашивайте меня ныне об этом! Я же и сама плачу о погибели их; знаю ведь, что город этот — удел мой, и люди — достояние мое. И молила я Сына моего много об этом и тем досадила ему, ибо за неверие их разгневался Владыка Господь на них и не послушал он моления моего. Ведь грехи их умножились более, чем во всех людях, и от грехов их отяготели сердца их, и не послушали они заповедей Божиих и по вере его жить не пожелали. И ныне хочет Сын мой оставить город этот и людей, поскольку, <когда> было место это не разорено и собирались сюда люди со всех земель, погибших от нынешних бед и несчастий, и стекались они в город этот, — <люди же, здесь живущие> их оскорбляли, и ругали их, и издевались над ними, и досаждали им, будто неверные; а сами же ели и пили всечасно, и блуд творили, более же всего содомскому греху непрестанно предавались. И когда войдут в церковь мою, ни один не хочет от всего сердца молитвы Иисусовой сотворить, не то что поститься. И уже покинул <Господь> князей и воевод, и все войско их отдано будет, и оружием их посекут, и милости Божией не найдут. И имя мое больше не вспомнится: уже город этот отдан <врагу> будет”. — И сказала это заступница наша Богородица и отвернулась, чтобы не досаждали ей. И через некоторое время вновь обернулась и сказала им: „О избранные святые Божии мои! Не просите меня об этом, не могу я уже милости для города этого вымолить у Владыки Господа Бога, Сына моего!”

Я же, грешный и недостойный, стоял при этом дрожа и трепеща, от ужаса и страха стоять не мог. И вскоре позвала меня она, <увидев,> где я стоял. И подошел я к престолу тому, и не смог смотреть на светило, на престоле сидящую надежду нашу, и заступницу, и защитницу верную роду христианскому; и не мог я глядеть на нее, упал ниц на землю. И сказала мне Пречистая Богородица: „Старец, иди в город и скажи митрополиту, и всем правителям, и воеводам, и всему новгородскому войску, пусть примут все покаяние и готовятся к смерти, уже будет город этот завтра отдан неверным людям, иноземцам, шведам Шведской земли”».

Слава Богу нашему, сотворившему все!

Повесть о чудесном видении в Нижнем Новгороде

Подготовка текста, перевод и комментарии Н. В. Савельевой

ВСТУПЛЕНИЕ

«Повесть о чудесном видении в Нижнем Новгороде» относится к периоду польско-литовской интервенции, когда патриотическое воодушевление охватило все слои русского общества. Случившееся «видение» в повести датируется 26 мая 1611 г., сама повесть написана не позднее лета этого же года, до того времени, как по Руси распространилась весть о захвате шведскими войсками Новгорода Великого. Как сообщает «Новый летописец», список нижегородского видения появился под Москвой и в войсках Первого ополчения в 1611—1612 гг., однако «в Нижнем... мужа Григория такова не знаху» *(ПСРЛ.* М., 1965. Т. 14. С. 116). В отписке сольвычегодцев пермичам (октябрь 1611 г.), к которой приложен один из списков повести *(РГБ,* Эрм. собр., № 358, список XIX в.), значится, что повесть распространялась «из Ярославля и из иных городов», Нижний Новгород не назван. Тем не менее то, что описываемое видение случилось в Нижнем

Новгороде, очевидно, не случайно; именно Нижний принял активное участие в создании Первого ополчения. По мнению исследователя повести Я. Г. Солодкина, «Повесть о чудесном видении в Нижнем Новгороде» нужно рассматривать не только как свидетельство стремления русского общества избавиться от нашедших на Россию бед путем нравственного очищения и покаяния (см.: Платонов С. Ф. Древнерусские сказания... С. 158), но и как агитационное произведение, основная цель которого — предотвратить самовольное избрание нежелательного царя **(**см.: Солодкин Я. Г. Григорий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. С. 234; такая же точка зрения высказана в работе: Кушева Е. Н. Из истории публицистики Смутного времени XVII века // Уч. зап. Саратовского гос. ун-та. Т. 5. Саратов, 1926. С. 43**)**. Успешными действиями Первого ополчения объясняется, как считает Я. Г. Солодкин, оптимистический характер повести: предвидя скорое освобождение Москвы, автор ее стремился призвать к всенародному избранию нового царя.

Повесть сохранилась в трех списках, представляющих две редакции текста. По мнению Я. Г. Солодкина, первоначальную редакцию содержит список, присоединенный к отписке сольвычегодцев пермичам (Эрм. собр., № 358). Список дефектный, его части в сборнике настолько перемешаны, что С. Ф. Платонов, впервые опубликовавший Эрм. список *(РИБ,* 13, стлб. 235—240), высказывал сомнения в верном прочтении текста. Эту редакцию повести Я. Г. Солодкин, основываясь на заключительных словах «Аз я, многогрешный Григорий, виде видение се в Нижнем Новеграде» и на том, что повествование в ней ведется от первого лица, считает принадлежавшей самому Григорию. Другой точки зрения придерживается Е. Н. Кушева, считая первоначальной редакцию, представленную двумя списками **(**в том числе самым ранним СПб ФИРИ, собр. Н. П. Лихачева (колл. 238), оп. 1,№ 11, л. 38—44 об.; 1 четв. XVII в. Список был впервые опубликован С. Ф. Платоновым во втором издании 13-го тома *РИБ,* стб. 951—956**)**. Именно эта редакция завершается призывом распространять списки повести по всей России.

«Повесть о чудесном видении в Нижнем Новгороде» была популярна в XVII в., с ней были знакомы составители Нового и Пискаревского летописцев, краткий пересказ повести помещен в Пинежском летописце, она была использована при составлении «Повести о избавлении града Устюга Великого от безбожные литвы и от черкас, как с Двины шли». Однако после окончания Смуты повесть утрачивает свое острое политическое значение, свою актуальность, чем, по мнению Я. Г. Солодкина, и объясняется малочисленность ее списков.

Текст повести публикуется по списку из собрания Н. П. Лихачева. (СПб. ФИРИ, колл. 238, оп. 1, № 11, л. 38—44 об.).

ОРИГИНАЛ

Повѣда намъ нѣкто мужъ именем Григорий:

«Въ нынѣшнем во 119-м году, мѣсяца майя в 26 день, на память святаго апостола Каръпа, единаго от семидесяти, в постъ святых апостолъ Петра и Павла, уговѣвъ первую недѣлю поста, противу дни воскресения Христова,[1] спавшу убо ми во храминѣ и абие видѣхъ в тонце снѣ:

Во время утренняго пѣния взятся покровъ, еже есть верхъ, и раздвижеся храмина на всѣ четыре страны. И видѣв Григорий свѣт великъ, мѣсяцъ и звѣзды, от небеси

сходяща; и видѣ яко человѣка, въ образех человѣчиихъ птица крылатыя: и лѣтѣвшы над мене, и гласъ покрываяй землю, и весь миръ исполни Духомъ своим Святымъ. И абие видѣвъ человѣка, съ правую страну мене стоящя въ бѣлах ризах и глаголюща сице: „Господи, не вредиши ли человѣка сего?” — Он же рече: „Не врежу". — И глагола ему предстояй: „Покрываяй море, и рѣкы, и всю тварь!”[2] — Он же рече ему: „Давно у мене покрыто небо небомъ" — И сяде, яко человѣкъ, снидеся и сяде на перьсех моих. — И глагола ему предстояй: „Господи, покажи ему знамение”. — Онъ же откры нѣдра своя, и показа ему знамение, крестъ свой честный, и мнѣ повѣда, грѣшному: „Вѣруй сему, азъ есмъ Отецъ твой и Богъ". — И глагола ему предстояй: „Господи, покажи ему знамение на увѣрение”. — Онъ же сяде на перьсех моихъ, знаменася крестомъ и глагола ему: „Вѣруй во единаго Бога Отца и Святую Троицу".[3]

И рече мнѣ, грѣшному: „Повѣрь мнѣ и проповѣждь мя во градѣ семъ, чтобъ прияли постъ и молитву". — И глагола ему предстояй: „Имать здѣ в Росийскомъ государьствѣ собиратися соборъ — власти, арьхимариты, и игумены, и протопопы, и дияконы, и от всякого чыну — и молят твое человѣколюбие; простиши ли ихъ?” — Он же рече ему: „Аще покаются и постятся, и помолятся 3 дни и 3 нощы, ни ядуще, ни пиюще, старые и младые, — отвращу от них свой праведный гнѣвъ. Аще ли вельми старъ или млад, таковымъ не возъбраню; аще ли умрет в таковыя 3 дни, и причту его азъ во Царствии Небеснемъ". — И глагола ему предстояй: „Въ которыя 3 дни велиши поститися?” — Он же рече ему: „В понедѣльникъ, и во вторникъ, и в среду". — „Господи, во едином ли градѣ повелеваеши поститися или не во единомъ?” — Он же рече: „Не токмо во едином, но и во Всеросийском государьствѣ. Аще ли учнутъ поститися и всякого зла отстанутъ: отъ разбоя, и от татьбы, и от пиянства, и от блуда, и от нечистоты, и язъ наполню ихъ и насыщу Духомъ своимъ Святымъ; да аще воздвигнутъ храм во имя мое и Матере моея в Московскомъ государьствѣ и какъ соборомъ Московьскым и всѣмъ вселенскымъ соборуютъ”. — И глагола ему предстояй: „Господи, велиши храмъ воздвигнути свой и Матере своея въ Московьскомъ государьствѣ, а нынѣ Московьское государьство от враговъ нечисто”. — Он же глагола ему: „Доколе собирается собор вселенский, и азъ имъ Московское государьство очищу Духом своимъ Святымъ; и храмъ мой воздвигнут и Матере моея, то будетъ на них милость Божыа, и отвращу от них свой праведный гнѣвъ и устрою их во Царствии Небеснемъ”. — И глагола ему предстояй:„Господи, гдѣ повелеваеши и в коемъ мѣстѣ храмъ свой воздвигнути?” — Он же глагола ему: „На Пожарѣ поставите близъ Блаженнаго Василия.[4] Да аще принесутъ икону — образ Пречистыя Богородица Матере моея Владимирскыа в Московьское государьство и поставят на престоле въ освященномъ храмѣ, а свещу бы поставили невожжену, а взяли бы воску от соборные церкви, и бумагу положыли бы неписану в той же церкви”. — И глагола ему предстояй: „Господи, аще поставят свѣщу невозжену и положат бумагу неписану, а царю кому велишы быти и владѣти в Московскомъ государьствѣ?” — Он же рече ему: „Какъ отсоборуютъ вселенскымъ соборомъ и храмъ освятятъ, и постятся 3 дни и три нощы, а въ четвертый день приидутъ ко образу моему и Матере моея Богородицы, и свѣщя будет возъжена от огня небеснаго, и колоколы воззвонятъ сами о себѣ, а на бумагы будет имя написано о цари, кому владѣти въ Московьскомъ государьствѣ, а быти царю по сердцу моему. Да аще в семъ граде в Нижном учнутъ молитися 3 дни и три нощы и приидутъ в соборную церковь, добро будет граду сему, какъ помолятся”. — И глагола ему предстояй: „Господи, аще не послушают слова твоего и не повѣрятъ явлению сему, что убо будет имъ?” — Он же рече: „Аще не послушаютъ и не вѣруютъ явлению сему, то азъ Духом своимъ Святымъ потоплю Московьское государьство, и всего мира не пощажу: ни стара, ни млада за невѣрие ихъ, и все Росийское

государьство”.

Предстояй же прослезися и приклонися ко мнѣ, грѣшному, и рече ми: „Послушай слова сего и проповѣждь в мире семъ, и не убойся”. — Глагола же и сие со гнѣвом великим: „Да аще помолятся Мати моя Пречистаа Богородица и вси святии отцы и умолятъ мене, и аз, молитвъ их ради, пощажу половину Росийскаго государьства, а дъругую половину не пощажу: ни стара, ни млада за невѣрие их. Да аще не обратятся и не повѣрят сему моему явлению, или ты не проповѣдуеши во всем мире, или во граде семъ, и изверьгут сие мое явление и не пошлют в Московьское государьство и во иные градове, и азъ граду сему волю свою сотворю”. — И глагола ему предстояй: „Господи, да аще не проповѣдятъ сего явления, не вредиши ли града сего и человѣка сего?” — Онъ же рече ему: „Не врежу града сего, ни человѣка сего; но покажу имъ знамение за невѣрие ихъ". — И глагола ему предстояй: „Господи, что убо знамение будет?” — Онъ же рече: „Воздвигну бурю и волны изъ рѣки Волъгы, и потоплю суды с хлѣбомъ и с солию, и поломлю древие и храмины велиции”. — Рече же ему предстояй: „Господи, въ кий день будет знамение?” — Он же глагола ему: „Въ день недѣльный будет знамение се”. — И рече ему предстояй: „Господи, заутра ли, или в вечере?” — Он же глагола ему: „В послѣднемъ часу дни, какъ солнце на заходе”. — И отходящу ему от мене, глагола ми тако: „Аще ли сотворятъ волю мою и послушаютъ мене во всем, то будет имъ от мене на небесех Царство Небесное и на земли милость и миръ во вѣки”. Аминь».

Списывали бы з грамоты сея списки и съсылали бы в миръ во всѣ страны въскорѣ.

---

[1] *...во 119-м году, мѣсяца майя в 26 день, на память святаго апостола Каръпа, единаго от семидесяти, в постъ святых апостолъ Петра и Павла, уговѣвъ первую недѣлю поста, противудни воскресения Христова...* — Карп — византийский святой, один из 70 апостолов, ученик апостола Павла, который был епископом Верии фракийской (нынешней Варны). Его память празднуется 26 мая и 7 января. Так как в 7119 (1611) году Пасха была ранней — 27 марта, 26 мая действительно было воскресеньем второй недели по Пятидесятнице, т. е. приходилось на вторую неделю Петрова поста.

[2] *...«Покрываяй море, и рѣкы, и всю тварь!»* — Ср.: Пс. 103, 2—6.

[3] *...«Вѣруй во единаго Бога Отца и Святую Троицу».* — Перефразированное начало Символа веры.

[4] *На Пожарѣ поставите близъ Блаженнаго Василия.* — Красная площадь в Москве имела недалеко от Фроловских ворот крутой обрыв к Москве-реке. На вершине обрыва стояла каменная Троицкая церковь с небольшим кладбищем при ней. По именованию церкви площадь называлась Троицкой. После набега на Москву в 1571 г. Девлет-Гирея, когда пожар опустошил весь Китай-город, в том числе и Троицкую площадь, она стала называться «Пожаром». Только в 1661—1662 гг. она впервые получила наименование Красной. Собор Василия Блаженного — Покровский собор, построенный в 1554 г. Иваном Грозным в честь покорения Казани. Первый собор, деревянный, был поставлен на Троицком кладбище, на котором в 1552 г. был похоронен св. Василий Блаженный. Впоследствии собор неоднократно перестраивался. Окончательная постройка

создана в конце XVI в. Тогда же были открыты мощи св. Василия Блаженного и над ними сооружен придел во имя святого. С тех пор Покровский собор именуется собором Василия Блаженного.

ПЕРЕВОД

Поведал нам некий человек по имени Григорий:

«В нынешнем в 119<1611> году, месяца мая в 26 день, на память святого апостола Карпа, одного из семидесяти, в пост святых апостолов Петра и Павла, когда отговел я первую неделю поста, в ночь перед воскресением Христовым спал я в храме и внезапно увидел в тонком сне:

Во время утренней службы поднялся покров, то есть крыша, и раздвинулся храм на все четыре стороны. И увидел Григорий свет великий, месяц и звезды, с неба сходящие; и видел будто бы человека, в образе человеческом птицу крылатую: и летела она надо мной, и голосом <своим> оглашала землю, и весь мир исполнила Духом своим Святым. И внезапно увидел я человека, с правой стороны от меня стоящего в белых одеждах и говорящего так: „Господи, не покараешь ли человека этого?” — Он же ответил: „Не покараю”. — И сказал ему предстоящий: „Море, и реки, и всю тварь покрывающий!” — Он же ответил ему: „Давно у меня покрыто небо небом”. И сел, будто человек, спустился и сел на грудь ко мне. — И сказал ему предстоящий: „Господи, покажи ему знамение”. Он же распахнул недра свои и показал ему знамение, крест свой честной, и мне поведал, грешному: „Верь сему, я суть Отец твой и Бог". — И сказал ему предстоящий: „Господи, покажи ему знамение для уверения". — Он же сел на груди моей, осенил себя крестным знаменем и сказал ему: „Веруй во единого Бога Отца и Святую Троицу".

И говорил он мне, грешному: „Поверь мне и возвести обо мне в городе этом, чтобы приняли пост и молитву". — И сказал ему предстоящий: „Будет здесь, в Российском государстве, собираться собор — власти <духовные>, архимандриты, и игумены, и протопопы, и дьяконы, и всякого чина <священство> — и будут они взывать к твоему человеколюбию; простишь ли ты их?” — Он же ответил ему: „Если покаются и поститься будут, и молиться будут три дня и три ночи, не евши и не пивши, старые и молодые, — и тогда я отведу от них свой праведный гнев. Если кто стар очень или младенец, таковым не запрещаю <есть и пить>; если же умрет кто в эти три дня, то я возведу его в Царствие Небесное”. — И спросил его предстоящий: „В какие три дня ты повелеваешь поститься?” — Он же ответил ему: „В понедельник, и во вторник, и в среду". — „Господи, в одном ли городе повелеваешь ты поститься или не в одном?” — Он же ответил: „Не только в одном городе, но во всем Российском государстве. Если начнут поститься и от всякого зла отступят: от разбоя, и от воровства, и от пьянства, и от блуда, и от жизни неправедной, то я наполню их и напитаю Духом своим Святым; да еще если воздвигнут храм во имя мое и Матери моей в Московском государстве, и его собором Московским и всем вселенским освятят". — И сказал ему предстоящий: „Господи, ты повелеваешь храм воздвигнуть во имя свое и Матери своей в Московском государстве, а ныне ведь Московское государство врагами наполнено”. — Он же ответил ему: „Покуда собирается собор вселенский, я для них Московское государство очищу Духом своим Святым; а если храм во имя мое воздвигнут и Матери моей, то снизойдет на них милость Божия, и отведу я от них свой праведный гнев, и возведу их в Царствие Небесное”. — И спросил его предстоящий: „Господи, где повелеваешь и в каком месте храм во имя твое воздвигнуть?” — Он же ответил ему: „На Пожаре поставьте около Василия Блаженного. Да пусть еще принесут икону — образ Пречистой Богородицы

Матери моей Владимирской в Московское государство и поставят на престоле в освященном храме, да свечу бы поставили незажженную, а воску бы <для нее> взяли из соборной церкви, да бумагу положили бы неисписанную в той же церкви”. — И спросил его предстоящий: „Господи, если поставят свечу незажженную и положат бумагу неисписанную, то кому ты царем повелишь быть и властвовать в Московском государстве?” — Он же отвечал ему: „Как завершится вселенский собор, и как храм освятят, и как отпостятся три дня и три ночи, а на четвертый день придут к образу моему и Матери моей Богородицы, тогда свеча будет зажжена от огня небесного, и колокола зазвонят сами по себе, а на бумаге будет имя написано, кому владеть Московским государством, а быть царю по сердцу моему. Да еще если в этом городе, в Нижнем, начнут молиться три дня и три ночи и придут в соборную церковь, благо будет городу этому, если помолятся". — И спросил его предстоящий: „Господи, если не послушают слова твоего и не поверят явлению этому, что тогда будет им?” — Он же ответил: „Если не послушают и не будут верить явлению этому, то я Духом своим Святым потоплю Московское государство, и весь мир не пощажу: ни стара, ни млада за неверие их, и все Российское государство”.

Предстоящий же прослезился и наклонился ко мне, грешному, и говорил мне: „Послушай слова эти, и поведай всему миру, и не бойся!” <Господь> же сказал с гневом великим: „Если помолятся Матерь моя Пречистая Богородица и все святые отцы и умолят меня, то я, молитв их ради, пощажу половину Российского государства, а другую половину не пощажу: ни стара, ни млада за неверие их. А если не переменятся и не поверят этому моему явлению, или если ты не поведаешь всему миру, или городу этому, и если отвергнут это мое явление и не пошлют в Московское государство и во иные города, то я над городом этим волю свою сотворю”. — И спросил его предстоящий: „Господи, если не поведают этого явления, не покараешь ли ты город этот и человека этого?” — Он же ответил ему: „Не покараю я ни города этого, ни человека этого, но покажу им знамение за неверие их”. — И спросил его предстоящий: „Господи, какое знамение это будет?” — Он же сказал: „Подниму бурю и волны из реки Волги, и потоплю суда с хлебом и с солью, и поломаю деревья и дома большие”. — И спросил его предстоящий: „Господи, в какой день будет знамение?” — Он же ответил ему: „В день воскресный будет знамение это”. — И спросил его предстоящий: „Господи, утром ли или вечером?” — Он же ответил ему: „В последнем часе дня, когда солнце на закат пойдет”. И когда уходил он от меня, сказал мне так: „Если сотворят волю мою и послушают меня во всем, то будет им от меня на небесах Царство Небесное и на земле милость и мир вечный”. Аминь».

Списывали бы с грамоты этой списки и рассылали бы скоро в мир, во все концы.

Повесть о видении во Владимире в 1611 году

Подготовка текста, перевод и комментарии Н. В. Савельевой

«Повесть о видении во Владимире» сохранилась в единственном списке *(РНБ,* Эрм. собр., № 358, л. 10—10 об.), где она, так же как и «Повесть о чудесном видении в Нижнем Новгороде», приписана к отписке сольвыгодцев пермичам, и ее отдельные части перемежаются с частями нижегородского видения. Впервые владимирская повесть была опубликована С. Ф. Платоновым *(РИБ,* т. 13, стб. 240—242). Эта повесть в литературном и историческом отношении беднее других видений Смутного времени, связь с

реальными событиями в ней выражена лишь в словах: «...Господь Богъ услышит моление ихъ, и отвратит праведный гневъ свой, и победитъ враговъ, борющихъ и волнующих насъ, и дастъ земли тишину и благодетелное житие...». В то же время она отражает общее настроение эпохи Смуты и показывает: «...до какого напряжения доходило чувство и воображение народа, ошеломленного чрезвычайными явлениями самозванщины и междоусобной смутой...» (Платонов С. Ф. Древнерусские сказания... С. 76). Повесть написана простым языком, почти без риторических украшений. К общим бедам, традиционно названным во всех видениях, во владимирском неожиданно называется «множество поползущего гаду». Описание же ползущих по земле жужелиц и червей и описание змея «превелика и страшна зело» сближает этот памятник с произведениями русского фольклора. По мнению А. А. Назаревского, завершающий повесть призыв к трехдневному посту заимствован автором из «Повести о видении некоему мужу духовну», которая явилась источником владимирского видения (Назаревский А. А. Очерки... С. 139—141). По всей видимости, владимирское видение не получило широкого распространения, во всяком случае о нем нет упоминания в той части «Нового летописца», где говорится о нижегородском видении.

Повесть публикуется по рукописи *(РНБ,* Эрм. собр., № 358, л. 10—10 об., XIX в.), исправления в текст дефектного списка вносятся по смыслу при использовании издания С. Ф. Платонова.

ОРИГИНАЛ

От сотворения перваго вселенныя осмыя тысечи во 119 году, августа въ 24 день, противъ неделного дни, в пременитомъ и в преславущемъ граде Володимере явися пречудное видение и зело ужасти исполнено. Того жъ преждереченаво града нектоже именемъ Борисъ, зовомый Мясникъ, сего подружие именемъ Мелания прииде к началствующему граду и поведа еще гласъ:

«Спящи, де, намъ с мужемъ своимъ во един*ой* храмине, и *се* внезапу отворишася двери храмины тоя, и обсия мя светъ не*со*творенны*й*. И вниде во храмину ту же*на* в светлыхъ ризахъ, поверхъ главы образъ на рукахъ держит великъ и чуденъ велми. Аз же видехъ сия и ужасохся, восхотехъ возбудитися мужа своего, и в томъ часе руки моя ослабли, и язык ми не проглаголя. И глагола ми пречудная жена: „Не возбужа*й* детей, мужа своего, но, воставъ, поиди в соборную церковь, исповед*ай* архимандритомъ, игуменомъ, и протопопомъ, и попомъ, и диякономъ, и всемъ православнымъ християномъ, чтобъ постилися и молилися со слезами всещедрому Творцу и славимому Богу, и того родшую Матерь, Пречистую Богородицу, всегда Деву Марию, и великихъ чудотворцовъ, и всех святыхъ: и Господь Богъ услышит моление ихъ, и отвратит праведный гневъ свой, и победитъ враговъ, борющихъ и волнующих насъ, и дастъ земли ти-шину и благодетелное житие”. — Аз же рехъ ей: „Госпожа, азъ есть млада: аще и повемъ, не поимутъ веры”. — Она жъ отвещала: „Толко, де, не поимутъ веры на тя, и не постятся и не молят Господа Бога — и путное их дело; будетъ на нихъ три дни жаръ, и того, де, жару не возможетъ и обрестися нигде, и будетъ на нихъ многое множество поползущаго гаду". — И пахнувъ на мя рукавомъ своимъ, и абие поползе по земли и по мне много жужелецъ и червей множество. И рече ми: „Видиши ли сия: от жару, де, и от сего года будетъ *людемъ тягота* великая”. И показ*а* ми яму. Аз же возрехъ и видехъ змия превелика и страшна зело. И рече ми: „Сей змий почнетъ изъядати человека и будетъ студъ велик*ъ*”. И, по словеси симъ, дунув на *не*го*,* и не вемъ, где ся сокрыта *ирасползеся* гадъ. Аз же возбудихся и не повехъ сего видения *страха* ради. И в другое время сотвори, и како граду в нощи, рече мне та

жъ жена, прещаще ми. И рече ми: „Проповеждь то, будетъ, де, тебе знамен*ие*. *Е*жъ слышахъ и видехъ, *всем* проповеждь, всему народу"».

Сия слышав же, во всемъ граде постишася, старыя и младыя, три дни, и молили Бога, и Пречистую Богородицу, и великихъ чудотворцовъ, и всехъ святыхъ, и пели молебны*со* звоны. И вамъ, въ ближния, и въ далние, и во все грады писали, и заповедь дали поститися и молитися Богу три дни по явлению: в понеделникъ, вторникъ, въ *среду* и непрестанно верою Богу.

ПЕРЕВОД

От начала сотворения вселенной в 7119 (1611) году, августа в 24 день, в ночь перед воскресением, в известном и преславном городе Владимире случилось пречудное видение, страха великого исполненное. Некоего человека по имени Борис, по прозванию Мясник, <живущего> в том же прежденазванном городе, жена по имени Мелания пришла к правителю городскому и поведала еще видение:

«Спали, де, мы с мужем моим в доме одном, и тут внезапно открылись двери дома того, и озарило меня светом несказанным. И вошла в дом этот жена в светлых ризах, а над головой образ в руках держит великий и прекрасный. Я же увидела это и испугалась, хотела разбудить мужа моего, но в то время руки мои ослабели, и язык мой говорить не мог. И сказала мне пречудная жена: „Не буди детей, мужа своего, но, <сама> поднявшись, пойди в соборную церковь, объяви архимандритам, игуменам, и протопопам, и попам, и дьяконам, и всем православным христианам, чтобы постились и молились со слезами всещедрому Творцу и прославляемому Богу, и родившей его Матери, Пречистой Богородице, вечной Деве Марии, и великим чудотворцам, и всем святым: и Господь Бог услышит моление их, и отведет праведный гнев свой, и победит врагов, борющихся против нас и одолевающих нас, и даст земле покой и благодетельную жизнь". — Я же ей сказала: „Госпожа, я ведь молода: если и объявлю, не поверят мне". — Она же отвечала: „Если, де, не поверят тебе и не будут поститься и молиться Господу Богу — то их дело; будет на них пожар на три дня, и от того, де, пожара невозможно будет и укрыться нигде, и будет на них многое множество гадов ползучих". — И махнула она на меня рукавом своим, и тотчас поползли по земле и по мне много жужелиц и червей множество. И говорит она мне: „Видишь ли ты это: от пожара, де, и от гадов этих будет людям нужда великая". И показала она мне яму. Я же посмотрела и увидела там змея огромного и ужасного. И сказала мне: „Этот змей начнет поедать людей, и будет срам великий". И, сказав эти слова, дунула на него, и не знаю я, куда уполз и где скрылся гад этот. Я же проснулась и, убоявшись, не поведала о своем видении. И в другое время повторилось, когда настала в городе ночь, и говорила тогда мне та же жена, укоряла меня. И сказала она мне: „Объяви об этом, будет, де, тебе, знамение. О том, что видела и слышала, всем объяви, всему народу"».

Услышав же об этом, во всем городе постились, старые и молодые, три дня, и молились Богу, и Пречистой Богородице, и великим чудотворцам, и всем святым, и пели молебны со звонами. И вам, в ближние, и дальние, во все города писали, и заповедь дали поститься и молиться Богу три дня по явлению: в понедельник, вторник, в среду с непрестанною верою к Богу.

Видения Евфимия Чакольского

1611-1614 гг.

Подготовка текста, перевод и комментарии Н. В. Савельевой

ВСТУПЛЕНИЕ

«Видения Евфимия Чакольского» относятся к периоду интервенции шведских и польско-литовских отрядов на Русский Север, к периоду, когда события Смуты, почти стихнув в центре России, обрушились на ее северные рубежи. В ряду видений Смутного времени видения пинежского крестьянина Евфимия Чакольского занимают особое место. В этом тексте почти нет общерусских исторических и политических реалий Смуты, а встречающиеся упоминания о прошедших событиях неконкретны, нет каких-либо обличений Российских правителей; с другими памятниками его объединяет только общий для всех них мотив покаяния, стремления объяснить беды, нашедшие на Российское государство, отступлением народа от истинных христианских заповедей и ценностей. Все это объясняется удаленностью Пинежских пределов от центра России, от центра событий. В то же время этот памятник показывает, что в Смутное время жители окраин также были сопричастны истории, судьбе Российского государства. Евфимий Чакольский — реальное лицо, некий благочестивый крестьянин из пинежского села Чакола, имевший большой авторитет у местных жителей, о чем свидетельствует запись его видений, а также упоминание имени Евфимия Чакольского еще в двух памятниках литературы Пинежья, повествующих о событиях, хронологически близких нашему тексту: «Повести о Черногорском монастыре» и «Тетради о чудесах Параскевы Пиринемской». От лица Богородицы, являющейся ему в видениях, он не только обличает нерадивость священнослужителей, пьянство, призывает народ к покаянию и молитве, но и взывает к конкретным и понятным для местных жителей богоугодным делам — построить новый храм, заказать на общие деньги икону для церкви. Особый интерес придают памятнику безыскусность повествования, живое народное слово и обилие местных севернорусских бытовых подробностей и деталей. Сама обстановка, в которой происходят описываемые события, очень характерна для жизни севернорусского мира — т. е. сельского общества, общественного института самоуправления севернорусскими крестьянами, не знавшими крепостного права, жизнью своих селений; именно в этом значении употребляется в памятнике слово «мир». Видения Евфимия Чакольского происходят перед миром в церкви и в трапезной или о них там рассказывается всему миру, а мирской поп записывает виденное и слышанное, свидетельствуя при этом истинность записей. В тексте памятника перемежаются повествования от первого и третьего лица, что, впрочем, часто встречается в произведениях этого жанра, в том числе и в текстах видений Смутного времени. В жанровом отношении текст «Видений Евфимия Чакольского» вполне традиционен, в нем имеются все композиционные элементы жанра видений: это и обязательный «тонок сон», и традиционные описания явившихся в «тонце сне» святых, и обязательный призыв записывать виденное и распространять эти записи.

Именно такая запись и сохранилась до нашего времени в единственном, дефектном, списке *(БАН,* 45.10.9; 30—40-е гг. XVII в.; отсутствуют: часть листов в середине и листы с окончанием текста «Видений Евфимия Чакольского»). Впервые рукопись была указана В. И. Срезневским, который назвал текст отрывком судного дела и опубликовал его небольшой фрагмент **(**Срезневский В. И. Отчет о поездке в Вологодскую губернию (май—июнь 1901 г.) // ИОРЯС. 1902.

Т. 7. Кн. 4. С. 181, 233—235**)**. По этому же списку памятник подробно пересказан М. А. Островской, в критической заметке к пересказу она впервые определила жанр «Видений Евфимия Чакольского» (Островская М. А. Поморские видения 1611—1613 годов // Научный исторический журнал. 1914. № 4. Т. 2. Вып. 2. С. 61—75).

Текст публикуется по рукописи *БАН,* 45.10.9, исправления вносятся по смыслу.

ОРИГИНАЛ

Лѣта 7119 въ 7 ко второй недели Великаго поста[1]

Еуфимей Феодоровъ сынъ помолился Господу Богу, ко второй суботѣ у отца духовнаго на покаянии был и причастие святое принял. И на ту ночь ночевал к воскресению Христову в трапезѣ у святые великомучени*цы* Екатерины[2] со инѣми причастьники. И приуснул на скамьи у столпа под образом Божиимъ Спасовым и Пресвятые Богородицы.

«И не вѣдаю, меня понесло, и не вѣдаю, повело, а ноги не дотыкаются до земли. И положило меня ниц под образомъ Пречистые Богородицы, что межи Царскихъ и Сѣверных дверей.[3] И я стал плакатися со слезами, видя Пречистые образъ. И Пречистая плачется слезами великими за миръское согрѣшение и глаголеть: „Постъники, де, постятся, а со слезами не молятся в ночи и в день. И весь мир согрѣшил. А яз, де, сама Пречистая, плачюся ко Христу со слезами". И яз, Еуфимей, то видение сказал отцу духовному попу Феофилакту: „И, кабы, де, священникъ, молебны пѣти Пречистой". И поп молвил: „Что, де, тебѣ Бог наказал, то и твори, а нам, де, сего дни ехати в Пиренему молебновъ пѣти в часовню".[4] Да и поехали.

И того же Великаго поста к третему воскресению я, Еуфимей, у правила был ко святей дорѣ.[5] И в то воскресение на обѣдни я молился Пречистой Богородице — у крыласа стоял у праваго[6] — *что* Пречистая образ дала от труда, чтобы мир не смущался и вѣрил бы моим рѣчамъ, что яз то в видении помыслил в мир сказати. И у меня в то время сердце здрожало, и рука правая здрожала, и левая, и заломило голову назад к ногам. И несло меня к Царским дверям, и от Царскихъ дверей несло на ногах из церкви в трапезу, а из трапезы на улицу. А голова назаде заломлена. А мир то все видѣлъ, как меня тружало: ногу у меня лѣвую заломило вверхъ и меня здымало.

И Пречистая меня за руку имала и моею рукою мѣтныхъ людей по очам била рукавом за грѣх, хто чемъ Богу и людем повинен, — а мнѣ в тое пору Пречистая все растворила. И Пречистая же моею рукою, рукавом, и попа по очам махала, что он преже меня, тружаника, иным крестьяном, двоеженцам и ротником, дору давал. И диячка *П*речистая же моею рукою, рукавомъ, по очам и по книги била. И книгу затворить ему велѣлъ, да и дѣла ему до книгѣ нѣтъ.[7] А Пречистая мною волна и велѣла говорить. Да Пречистая же мнѣ велѣла в мирѣ сказати, чтобы крестьянѣ казенные свѣчи имали да къ церкви Божии приносили. И Пречистые же наказаниемъ тружаючись, яз выходил из церкви в трапезу, свѣчниковъ бранил.[8] И Пречистая же мнѣ нарекла: „За ваше миръское согрѣшение Господь Богъ спуститъ с небесе тучю з дождемъ, и з градом, и с каменемъ горящим, толко не обратитеся, лихоимцы и мздоимцы, и не останете злых дѣлъ, и не учнете со слезами молитися Спасу, и Пречистой Богородице, и всѣм святым".

Да Пречистая же мнѣ сказала, что, де, иные крестьяне крестъ кладут несполна. Да в том же трусѣ Пречистая, усмотря человека в церкви в нечистомъ платье, а

другово человека в самоедском платье,[9] выгнала из церкви моею рукою, рукавом машучи и бьючи. Да и про то Пречистая меня тружала, чтобы пьяные люди в церковь не ходили, или нечистые, и в платье нечистомъ — церкви бы Божии не сквернили, берегли бы накрѣпко того и розпрашивали бы. И тѣх статей надо мною было много, и на всѣхъ статьяхъ меня тружало всяко: и вверхъ бросало в церкви Божии, а до земли не допуская. А миръ то все видѣлъ, тот мой труд.

А в тѣ поры молебны пѣли звоном и со кресты ходили в другую церковь молебеновъ пѣти. И в другой церкви меня тружало же. А молебны велѣлъ служити яз, Еуфимей, по Пречистые наказу: „И вы бы естя, многой мир, обратилися ко Господу Богу, и молилися со слезами, и Пречистыя наказанья слушали, и моим трудаж вѣрили, что меня тружало за мои грѣхи. А хто не послушает и не повѣритъ Пречистая наказанья и моим трудам, и того Пречистая миром проклинати. И надо всяким то же збудется, что надо мною грѣшным было". И на всѣх статьях Пречистой Богородице молился, как она меня тружала — и с трудовъ спустит. А мир то видѣлъ: и поп, и дьячки, и мужи, и жены. И Юрье Семеновъ сынъ Щепеткин[10] — и ему, Юрью, страсть была же Пречистые Богородицы наказаниемъ и повелѣнием. А Пречистая мною, грѣшникомъ, волна».

Да в том же трусѣ Божиим повелѣнием тот же труженикъ в церкви вопил — велѣл бревна ронити всѣм миром на весну и ставити храм в Пиренемы у святого великомученика Георгия и у новоявленнаго милостиваго чюдотворца:[11] «И вы, православные крестьяне, обратитеся ко Господу Богу, и ко Пречистей Богородицы, и ко всѣм святым всѣм сердцемъ и всею душею с великими слезами о вашем согрѣшеньи. И Господь Богъ милосердый молитвами Пречистые Богородицы и всѣх святых покаяние ваше приимет и подастъ вамъ всего много, чего у Спаса, и Пречистые Богородицы, и у всѣх святых просите».

«А я, попъ Феофилактъ, над нимъ, Еуфимьемъ, сие видел и рѣчи таковы от него слышал во святых церквах при всем мире. Писал поп Феофилактъ своею рукою. А тѣ люди, которые были в церкви в платье неподобном, и тѣ винилися: „Так было"».

Лѣта 7120-го декабря въ 6 день

На Болшей Пѣнегѣ, в Чаколскомъ стану, Рождества Пречистые Богородицы в приходе на память иже во святыхъ отца нашего Николы Мир Ликийских чюдотворца, в постъ Филиповъ святых апостолъ[12] бысть чюдо дивно и ужасти исполнено. В церкви святые великомученицы Екатерины при всем православном християнствѣ Чаколского стану в пяток, егда Божественною литоргию совершивше и над канономъ Николе чюдотворцу тропари отговорят,[13] бысть чюдо. Человѣкъ той же, котораго в лонском году тружало въ Великий пост, имянем Еуфимей, по прозвищу Елка, стоял Божественную литоръгию во церкви святые великомученицы Екатеринѣ. И нааде на него во время Божественныя литоргии сумрак. И ставъ пред нимъ человекъ въ платье сизом хрептом, а лица своего не показал, а не говорил ничево. И по литоргии, и по тропарех над каноном взяла невидимая сила того Еуфимия, на хребет заломило и понесло на одной ногѣ от Царских дверей. Несло к *Северным****[14]*** дверемъ и принесло ко образу Пречистые Богородицы Одегитрия, что промежи Царскими дверми и Сѣверными. И он, Еуфимей, начал во весь голосъ говорити: «О Мати Божия, Пресвятая Богородица! Помилуй, не изломи, скажу, скажу, скажу право! Скажу, не потаю, скажу!» И на многъ час то ему глаголющу. И абие повороти его на запад лицем, и к народу нача рукавом махати: «Народ Божей! Обратитеся, покайтеся, обратитеся!» И того ему много глаголющу. И народ стоя, ничтоже глаголя, толко и говоря, де, «Господи, помилуй!»

И тот же Еуфимей в трусѣ и во трудах глаголя: «Не у всякого человека платье чисто, и не всяк человекъ достоин во церковь ходить — тѣмъ церковь Божию сквернитъ. Покайтеся! Толко не покаетеся, будет воля Божия и над храмы!» И той же Еуфимей нача велиим гласомъ к народу вопити: «О злии злодѣи! Обратитеся! Ходите в Божественную и пречестную в церковь подобны! И молитва послѣ байны надобе! И не всякая байна подобна, и в байны не всякая вода чиста!»[15] И отцу своему духовному припречал, и рукавом во труде ему махал, говорил: «Ты, де, пастырь овцам и нам, крестьяном, учитель и наставникъ. Учи, наказуй! Двоеженам, и троеженам, и четвероженам причастья не давай! И пьян самь, и дьячек, и понамарь в церковь не ходи! И пияныхъ в церковь не впущай же! И жены, которые дѣтей крещают и в церковь ходят, платье на них и поясы нечисты. И о том имъ ты, отець духовный, сказывай же! А жены бы тѣмъ не красилися, и не таилися такой мѣры». И по труде, егда Еуфимию невидимая сила ослаби: «Молебен пой, батко, да и звонить вели». — И в тѣ поры пѣли молебны Пречистой Богородице и великомученице Екатеринѣ звоном. — «И за книги вели прииматца подобными руками. Да и креститься вели гораздо, многие православные крестьяне крестятся не гораздо». И того Еуфимия во церкви пред Царскими дверми и пред образом Пречистые Богородицы Одегитрея всяко крятало: и наперед, и назад, и на бок ломало. «А толко не покаетеся, и в третии увидите надо мною такой трус и тружание. И над вами, и всеми православными крестьяны то же будет, что надо мною видели. И среду и пяток храните чисто! И крестьяне бы деревеньския свѣч в трапезу промѣнных не вносили, и крестьяне бы тѣхъ свѣчь в трапезѣ не имали и не покупали».[16] И егда той Еуфимей был по-прежнему, какъ всѣ православные крестьяне, и сказал отцу своему духовному Феофилакту:

«Того же 120-го году на память иже во святых отца нашего Николы Мирликийскаго чюдотворца. Ночи яз, де, спал дома, и поутру ставъ, да умылся, и помолился Спасу и Пречистой Богородице. И по молитве и в одной рубахѣ прилегъ на лавку без постелки. И наиде на меня легок сонъ. И пришел, де, ко мнѣ человекъ, взял меня и поставил на погосте в Чаколѣ. И водил меня по Запогостью, гдѣ бобылские худые дворишка стоят, которые держат пива продажные.[17] И что зиму яз в трапезѣ в Чаколѣ говорил в тое пору, как трус был Божиимъ праведным попущениемъ. — Воры приходили на Двину и попа, де, посѣкли в Тойме ночи у питья.[18] — И яз, Еуфимей, тогда то говорил: „Кому, де, миръ поучати и наказывати на страх Божий, а тѣ, де, сами по ночам пьют. А на них же смотря, миръ таково же погибает. Да таково же им и обрѣтается”. И старец Амфилофей мнѣ, Еуфимью, учалъ говорити: „Ты, де, сталъ попом указывати!” А говорил мнѣ со рьяни, кручиною: „Какой, ли, де, ты!” И я, Еуфимей, того устрашася, поослаб и не учалъ, было, в мирѣ говорити, как мнѣ стало студно, да не говорилъ и до нынѣшнаго видѣния и тружания. А тот старец Амфилофей <…> про него тѣ бѣлые люди: „Тому не подобает на столе ясти с нами, тот ротникъ, погибшей человекъ”. И говорят, сѣдя: „Нынѣ, де, кресты целуютъ в Росийском государьствѣ многие люди. И за то нынѣ царства, и городы, и волости погибаютъ, и храмы от молния за то погорают".[19] А на меня, Еуфимья грѣшного, позирают, и поговаривают, и наказывают, и велят извѣщати в народѣ, и велят, написывая, розсылати по всем градом и по волостем. И послѣ стола тѣ свѣтлые люди, востав, почали город глиною мазать высоко, а сами говорят: „Надобѣ, де, город на весну крепить крѣпко и высоко”».[20]

И просняся, и воставъ, Еуфимей молился Господу Богу, и Пречистой Богородице, и всѣмъ святым и шел к церкви, кабы застать начало воскресенской завтрени. И стоял у Божия милосердия в церкве великомученици Екатерины воскресенскую завтреню. «И какъ начали пѣти ирмос четвертые пѣсни,[21] и в тѣ поры почалъ

молитися Господу Богу и Пречистой Богородице и просити у Господа Бога и у Пречистые Богородицы о том, что мнѣ в сновидѣнии видѣлося: „И меня ты, Господи, и Пречистая Богородица, не пощади в том, чтобы мое сновидение в мирѣ было явно, что и прежнего моего явления и труда моего не помнят, от пиянства не уимаются!”»

И как начали пѣти ирмос пятые пѣсни, и в тѣ поры того Еуфимия заломило на хребет, и голову заломило же. И понесло по церкви и принесло ко образу Пречистые Богородицы Одегитрия, что стоит промеж Царьских дверей *и* Сѣверных. И почало его крятать всяко, тружать и ломать. И Еуфимей в труде говорил: «Велитъ молитися и говорить велит Исусову молитву: „Господи Исусе Христе сыне Божий, помилуй нас!” А охати не велит, то слово худо». И сам говорит: «Господи, помилуй!» И в том часѣ почал вопѣти и крычати нелѣпыми гласы. И как отпустило, и Еуфимей в тѣ поры *п*ерекрестился и поклонился Пречистой Богородице до земля: «Пощади, Пречистая Богородица, рад тебѣ страдати и в мирѣ извѣщати, что повелѣла, вѣрою и правдою. И доставь меня Царства Небеснаго, избави мя муки вѣчныя. И отстану сего сесвѣтнаго всего житья и всѣх творцовъ миръских. Полно, полно!» И то слово удвоиша и утроиша.

И почал в труде в церкви вопить во весь голосъ, как мога: «Надобѣ на Двинѣ Архангельской город крѣпить накрепко и надобѣ глиною мазати высоко!»[22] — И то слово много говорил. — «И в Пиримени зачали храм соружать, и нынѣ оплошали и окинули. А толко за грѣхъ что Богъ и Пречистая Богородица спустит *от* лица своего, не пощадит и от небеснаго огня за умножение грѣхъ, тогда не понадобится ли?! Чаю, будет понадобится!» И во труде говорил в народе: «Слушайте, и пишите, и розсылайте по погостом!» И во умѣ у него, Еуфимея, было, про собя сказали, о совокупленье з женою, что преже сего двожды его тружало, въ первом трудѣ и в другом не претило. И нынѣ въ третьемъ труде ему не претило же вперѣдь съ женою не совокуплятися. И сказа: «К церкви ходят многие неподобны люди и не в чистом платье». И о том он, Еуфимей, крѣпко вопилъ и говорил, чтобы вперѣдь ходили в чистотѣ. И ходя по церкви и по трапезы, говорилъ попу, и дьячку, и пономарю, и многимъ мирским людем, чтобы обратилися, и Богу молилися со слезами, и по домом бы наказывали накрѣпко, чтобы без собя жены ваша жили в чистотѣ и грѣха не творили. И к метным людем припадывал, зубы стисня, говорилъ: «Обратись, обратись к Спасу и къ Богородицы, пролей слезы от сердца за свой грѣх! Милостивъ Господь Богъ, кающагося приемлет!»

Лѣта 7121-го в первую неделю Петрова поста[23] Рождество Пречистые Богородицы в Чаколѣ

Прежний тружаный человекъ Еуфимей именем, рекомый Феодоровъ сынъ, в дому своемъ, в ызбѣ прилег на лавку. «И в сумракѣ ста у мене жена, сияющи в ризах, цвѣтом риза сиза, и учала меня тружати и ломити. И стало мнѣ быти страшно и тяжело. А говорит мнѣ: „Про что, де, ты опустился и ослабѣлъ, не *г*оворишь моего наказания в мирѣ?" И мнѣ прииде во ум то, начал молитися Пречистой Богородице: „Пощади, пощади мя, Пречистая Богородица, рад тебѣ, Госпожи, тружатися и извѣщати!” А во образ я ея разсмотрети не могъ от страха, видел в мегновении ока. А я, Еуфимей, говорити перестал был для того <...> тогда как на меня зашумѣлъ. И пришел из трапезы на подворье. И палъ с печи, и убился до крови. И лежал без памяти, и призывал игумена Кеврольскаго,[24] и покаялься. А я, Еуфимей, по ся мѣста опять рад Спасу и Богородицы трудитися и молитися. Аминь».

Лѣта 7121-го Болшие Пинеги, Чаколскаго стану, Рождества Пречистой

Богородицы приходе

Чакольской же житель, крестьянинъ Елфимей Феодоров сынъ, зовом по прозвищу Елка, что и прежние его труды явны были и видѣние. «И яз, Еуфимей, зовом Елка, моляся в Троицы славимому Богу, и Пречистой Богородици, и всем святым. И почал Божию благодать в себѣ таити и Пречистые Богородицы наказаная в мирѣ не почал сказывати для мирского сумнѣния и осуду. И заговѣ въ Петровъ постъ и Павловъ святых апостолъ съ ерейского попова благословения, постились Петровъ постъ первую неделю. Всѣ крестьяне Чакольскаго стану обѣщались варити канон[25] к воскресению к первому Петрова посту нынѣ 121-го. И в воскресение Христово отстоявъ святую литоргию и над кануномъ тропари и „Свято"[26] отговоря. И чакольской поп почал канун молити Всемилостивому Спасу, въ Троицы славимому Богу, и Пречистой Богородицы, и всем святым. И яз, Еуфимей, почалъ говорити попу Феофилакту: „Попъ, будет ты хошь меня слушати, и ты меня слушай Пречистой Богородицы наказаная". И поп говорил: „Яз Пречистой Богородицы наказаная рад слушати". Еуфимей говорилъ: „И ты пой молебен звоном Пречистой Богородицы. И яз вам Пречистые Богородицы наказание без трудовъ скажу". И попъ не пивъ канонъ и почалъ пѣти молебен звономъ Пречистой Богородицы. И на молебне запѣлъ попъ ирмос. И наиде на меня Божей трус и Пречистой Богородицы наказание. Меня, Еуфимия, заломило на хребет, и стала меня тружати Пречистая Богородица. „О Владычица Пресвятая Богородица! Пощади! Рад яз твое наказание в мирѣ сказывати!"» А труды его видели все православные крестьяне. И отпѣвъ молебенъ, и почали канун молить, и Еуфимию канун молить даваютъ. И Еуфимей молит канун, а не пьет. «И крестьянинъ Шеймогорской волости именем Мосѣй канун дал молить мнѣ, Еуфимию. И язъ, Еуфимей, почал канун молити Всемилостивому Спасу и Пречистой Богородице. И меня, Еуфимия, почало тружати с кануном, а канун в туясѣ на рукѣ на одной. А меня, Еуфимия, заломило на хребет и тружало много с кануном». А Еуфимей говорил: «Тот канун доходен Пречистой Богородицы. Православные крестьяне, молитесь Богу, обратитесь!» И попъ моля канун. И в скопкарѣ[27] осталось канун, и Еуфимей говорил: «Кануну не оставливайте, пейте все!» А преже того было, канун оставливалъ пономарь и попъ. И Еуфимей говорилъ: «В томъ грѣхъ великъ, и послѣ того оставливают канун в церкви и пьют». «И послѣ вечерни почали канун пить мирьской, а мнѣ, Еуфимью, поп далъ просвиру, и говорилъ: „Ты кануну не пьешь с нами". И с того меня Пречистая Богородица за то меня тружало — а труды мои видѣлъ весь миръ — и за то мнѣ, Еуфимию, тружание было, что младенцы меж собою сквернятся и церкви Божии сквернят. А то вы и сами вѣдаете, что надобѣ глупых побечетчи». А у нас про то сыскалось: что робята межи собою укорялись, а жены траву жали в кусте и то слышали. Богу нашему слава нынѣ.

Лѣта 7122-го декабря въ 26

Божиимъ изволениемъ и Пречистые Богородицы в видении видел прежний труженикъ Еуфимей Федоровъ сынъ первые недели по Рожествѣ Христовѣ: «Идет, дѣ, Пречистая Богородица со аггелы, и со апостолы, и со множеством святых. А говорит, дѣ, Пречистая Богородица: „Ходила, де, яз на помощь православным, да воротилась, потому, де, что не обратятся ко Спасу со слезами и не молятся. И яз, де, их не защищу. А будетъ, де, обратятся вседушьно ко Спасу, и еще, де, Господь умилосердится на них. А яз, де, о них страдала много". А идет, де, с нею, Богородицею, много святых. А на правом, де, плечи у нее, Богородици, образ Спасовъ и Пречистые Богородици на иконѣ. А икона, дѣ, величествомъ в аршинъ. А у меня, де, Еуфимья, в тое пору кабы крестъ Христовъ в рукахъ несут».

И пришел он, Еуфимей, ко церкви Божии, и отслушавъ заутреню, и молебеновъ, и

часовъ. И стало его, Еуфимия, тружати, ломити назад и всяко крятати всяко. И учал вопити крѣпко и молитися со слезами. А говорил: «Согрѣшилъ, де, пред тобою, Мати Божия! Вижу, де, благодать Божию великую, а таю. А нынѣ, де, скажу и рад тебѣ страдати!» И учал он, Еуфимей, вопити, аки с пытки: «Обратитеся, миръ, окаянники, согрѣшили, де, вси: и попы, и дьячки, и проскурни!» Да опять много учал вопити: «Образ, де, надобѣ написати Пречистые Богородицы всѣм миром. Пречистая, де, Мати Божия изволила: „Еще, де, не отвращу лица своего от вас". И клали бы, дѣ, на строение образа Божия по силѣ немного, без пожалѣния, с радостию и без роптания. А писати, де, образъ, постясь всѣмъ миромъ, да и иконнику, де, поститися же. А писати, де, образ и поститися в Великий постъ. А нынѣ, де, толко обратитесь со слезами, и еще, де, Пречистая Богородица пощадит вас от всѣх притчей, от нынешней бѣды. А и впред, де, у Спаса и у Пречистые Богородицы всего много: может, де, Спасъ показнити и помиловати».

А тружало его, Еуфимья, много, и ломило крѣпко, и вопил он со слезами много. И пал ниць пред образомъ Пречистые Богородице, что промеж Царскихъ и Сѣверных дверей, и плакался, выл, рыдал великим воплем: «Погибли, де, царство, и городы, и весь миръ за ересь всякую и за чернокнижие. Ох, де, противники, злодѣи, обратитесь!» И говорил то: «Смотрите, де, миръ, что надо мною, грѣшным, дѣется, и слушайте моих рѣчей, и памятуйте, и розсылайте, написав! Не бойтесь, не сам яз затѣялъ, Спасъ да Пречистая мною вольна и владѣетъ мною и языком моим!» И попу говорил: «Чтобы, де, у васъ ропотъ меж собою впред не был! И службы, де, у вас церковные залегаютъ! Сего дни, де, которой праздникъ великой,[28] а у тебя, де, обѣдни нѣт за питьемъ!» И попъ сказал: «Я, де, в том перед Спасом». И вопил того много, чтобы, де, жили по-старому, какъ писали святии аггели, и святии апостоли, и богоноснии отцы. И у нас в Чаколѣ то мир видѣлъ, и порадели, и вѣру от чиста сердца ко Спасу и Пречистой Богородице подержали. «И обѣтъ бы сотворили той праздникъ, Пречистые Богородицы Собор, праздновати честно, с молебены и с каноны. И образ той написати, Собор Богородицы, понеже на той праздникъ чюдо се Богъ явил. А клали бы на строение того образа всѣм миромъ, по силѣ, с радостию, без роптания, да моли*лись* с верою!»

И того же 122-го в ту же в первую неделю по Рождествѣ Христовѣ пришел с погоста Петръ Павловъ сынъ Артемова домой и учал того труженика Еуфимия бранити: «Воруетъ, де, мужикъ дуростию». И то он, Петръ, много поносил тогда и преже того. И после ужины наиде мракъ, аки сон, на его Петрову дочеръ Пелагию, и явися, де, ей святый Артемей Веркольский[29] и стал, де, ея будити: «Стань, де, Пелагия!» И она устрашилася. И он в другие, и втретие: «Стань, де, не бойся, скажи отцу своему, и матери, и людемъ, живут, де, они не гораздо! Попъ, де, их благословилъ говѣти къ кануну обѣтному, кабы, де, дал Богъ помощь на воровъ,[30] и ко другому кануну, к празднику Рождества Христова. И онѣ, де, благословились да иные, де, говѣли, а иные, де, не говѣли. А мы, де, за них страдаем. А яз, де, нынѣ иду со службы». И она, проснясь, учала тихонько сказывати всѣм. И отець ея Петръ учал ея закликивати: «Што, де, ты, робя, вракаешь! Много, де, тебѣ и надобѣ, что Елки же!» И как огонь угасили, и вся семья легла спать, и ту девицу Пелагию заломило назад голову до ног. И лежала три дни, не говорила. А мучило ея крѣпко, билась, и рот у нея ворочало под ухо на обѣ стороны.

И по трех днех Богъ дал ей язык. И она сказала отцу своему Петру: «Прощайся, де, ты съ Еуфимьем Федоровым с тружаником. Ты, де, на него поносишь и говоришь напрасно. Меня, де, нынѣ святая Параскову гия Пиренемская да святый

Артемей Веркольский для тебя тружают. И то, де, мнѣ сказали: „Пьете, де, и ядите рано, и крох не бережете — то, де, велми грѣшно”». А говорила та девица смыслено, аки не млада, а возрастом она девятым лѣтом. И Петръ ту свою дочерь привозил к церкви, и велѣлъ молебен пѣти, и съ Еуфимьемъ прощался со слезами. И то тружание сказалъ в народе в трапезѣ подлинно, как написано здѣсь. И Петрова жена Ульяна сказала: «Яз, де, грѣшная, видела в видении, как над тою своею дочерию, де, сила. На печи сидя и во мрацѣ, и пришел, де, тот же святый Артемей млад, въ бѣлах ризах, а заговорил, де, то: „Смотри, де, Ульяна, что над вашим дитятем дѣется! Вечеру, де, муж твой Петръ, что древилъ про Еуфимья?!”»

И того же 122-го генваря въ 9 день въ третюю неделю по Рождествѣ Христовѣ, на втрени по 6 пѣсни...

---

[1] *...въ 7 ко второй недели Великаго поста.* — В 7119 (1611) г. Пасха праздновалась 27 марта. Таким образом, описанные события происходили в ночь с 12 на 13 февраля.

[2] ...а *трапезѣ у святые великомученицы Екатерины...* — С 1652 г. — времени, которому согласно церковным летописям относится основание Чакольского прихода, церковь святой великомученицы Екатерины являлась приходским храмом (см.: Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 2. Архангельск, 1895. С. 240—241). Более ранних известий о каких-либо храмовых постройках в Чаколе не имеется. По-видимому, в данном тексте мы имеем самое раннее упоминание о существовании в Чаколе церкви св. Екатерины. Кроме того, из текста явствует, что приход Чакольский в 1611 г. уже существовал, но приходским храмом называется церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы и указывается священник этой церкви Феофилакт. Сведений о церкви Рождества Богородицы в Чаколе, подтверждающихся какими-либо документальными источниками, мы не имеем. В то же время существование этой приходской Чакольской церкви подтверждается упоминанием о ней в другом литературном памятнике Пинежья «Тетради о чудесех Параскевы Пиринемской», в котором речь идет о событиях 1610 г. и называется не только церковь Рождества Богородицы, но также и ее священник Феофилакт (текст памятника не опубликован, см. рукопись: *БАН,* Арх. Д. 351, л. 306). Таким образом, можно предполагать, что до основания в 1652 г. Чакольского прихода с главным храмом во имя святой Екатерины здесь уже существовал ранее приход с церковью Рождества Богородицы, в котором также была и церковь святой Екатерины. *Трапеза, трапезная* — внутренний притвор (предхрамие) в церкви, получивший такое название, так как в монастырях в трапезе или в специальном помещении около нее обедают иноки. В мирских храмах в трапезной совершается оглашение и покаяние, здесь прихожане молятся и слушают поучения. Особое значение имели трапезные в севернорусских храмах, так как церковный погост здесь становился одновременно административным центром волости. Мирское правление непосредственно влияло на жизнь церкви: миром избирались кандидаты из числа крестьян на различные церковные должности, волостным миром покупалась земля для церкви, на мирские деньги приобретались для церкви служебные книги и т. д. В трапезе нередко собирались мирские суды, писались официальные документы и совершались частные сделки (см.: Островская М. А. Древнерусский северный мир // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. Архангельск, 1912. № 3. С. 100—101). Не

случайно, что объявление Евфимием Чакольским своих видений совершается перед миром в трапезе.

[3] *...под образомъ Пречистые Богородицы, что межи Царскихъ и Сѣверных дверей.* — Царские врата (двери) находятся в храме в середине иконостаса, через них во время богослужения выносятся Святые Дары; Северные врата ведут в ту часть алтаря, где находится жертвенник. Между Царскими и Северными вратами всегда помещается икона Богородицы Одигитрии, так что в древнерусском иконостасе она получила свое наименование «Межвратная».

[4] *...ехатив Пиренему молебновъ пѣтив часовню.* — По свидетельству церковных летописей Пиринемский приход образовался не ранее 1672 г., до этого времени крестьяне Пиринеми и близлежащих деревень относились к Чакольскому приходу. Чакольский священник выезжал для отправления необходимых треб в Пиринемскую часовню св. Георгия. Время построения часовни неизвестно, однако из текста «Тетради о чудесех Параскевы Пиринемской» мы узнаем, что в 1610 г. эта часовня была уже ветхой (см. рукопись: *БАН,* Арх. Д 351, л. 305—305 об.).

[5] *...у правила был ко святей дорѣ.* - Дора (антидор) - часть просфоры, оставшаяся после того, как из просфоры вынимается часть, непосредственно употребляемая во время служения Литургии — «Агнец». Дора предназначается для раздачи молящимся в храме по завершении Литургии. Неверным (некрещеным), присутствующим в храме, давать антидор запрещено.

[6] *...у крыласа стоял у праваго...* — Клирос — место, устроенное в передней части храма для чтецов и певцов (клира); обычно в храме имеется два клироса: правый — против Южной алтарной двери, и левый — против Северной.

[7] *...даи дѣла ему до книгѣ нѣтъ.* — Данный оборот является традиционным для владельческих записей на рукописях.

[8] *...чтобы крестьянѣ казенные свѣчи имали да къ церкви Божии приносили... яз выходил из церкви в трапезу, свѣчниковъ бранил.* — См. текст к сноске 16.

[9] *...в самоедском платъе...* — Самоедь, самоеды — общее название финно-угорских языческих племен, проживающих в Мезенской тундре. В Чакольский стан, где в начале XVII в. было две крупные торговые лавки, люди из этих племен приезжали в основном для продажи оленьего мяса и изделий из оленьих шкур. Кроме того, известно, что самоеды часто направлялись кеврольскими воеводами на тяжелые хозяйственные работы. Так, например, сохранился документ от 19 октября 1614 г., «память» Кеврольского воеводы Михаила Иванова Спешнева лучшим людям на Чаколе, в Перемьском, Пильих горах, Немьюшке, Мезени и Олеме о сборе ратных людей, о высылке их на засеки и о присылке с Мезени «самоеди Тиунские и Канинские человек пяти или шести легких на резвых оленях» (см.: СПб. ФИРИ, колл. 248, д. 3).

[10] *...Юрье Семеновъ сынъ Щепеткин...* — Юрий Семенович Щепоткин — брат одного из первых пинежских именитых людей, купца гостиной сотни, дьяка приказа Печатного дела Богдана Семеновича Щепоткина.

[11] *...велѣл бревна ронити всѣм миром на весну и ставити храм в Пиренемы у свя*

того великомученика Георгия и у новоявленнаго милостиваго чюдотворца... — Речь идет о построении на мирские деньги храма во имя св. Георгия с приделом во имя св. Параскевы Пятницы. О времени строительства этого храма никаких других источников, кроме текста «Видений Евфимия Чакольского», не известно. Однако храм этот несомненно был построен чакольскими крестьянами, из «Тетрадей о чудесах Параскевы Пиринемской» и других источников мы знаем о его дальнейшей судьбе: в 1643 г. храм сгорел, и на его месте был построен новый, который впоследствии неоднократно перестраивался. Последняя постройка XIX в. сгорела от молнии в 1989 г. Поводом к строительству храма стало открытие в 1610 г. в Пиринемской часовне мощей Параскевы Пиринемской, почитание которой так и осталось местным.

[12] *...в постъ Филиповъ святых апостолъ...* — Филиппов (или Рождественский) пост продолжается с 15 (28) ноября до Рождества Христова 25 декабря (7 января).

[13] *...над канономъ Николе чюдотворцу тропари отговорят...* — Канон — определенный жанр гимнографии, ряд песен, отображающих суть и значение праздника. Канон обычно состоит из 9 песен, содержание которых приноровлено к содержанию 9 песен библейских. Каждая песнь канона складывается в свою очередь из ирмоса и нескольких тропарей. В нашем тексте иногда словом «канон» также обозначается мирское пиво — «канун» (см. текст к сноске 25). Тропарь — церковное песнопение, в котором кратко отображается сущность праздника или житие святого.

[14] *...Северным...* — В рукописи ошибочно «Царским», исправлено по смыслу.

[15] *И молитва послѣ байны надобе! И не всякая байна подобна, и в байны не всякая вода чиста!* — По народным представлениям, баня (севернорусск. байна) — место обитания нечистой силы, поэтому христианину, соприкоснувшемуся с этой силой, необходимо очистить себя молитвой.

[16] *И крестьяне бы деревеньския свѣчв трапезу промѣнных не вносили, и крестьяне бы тѣхъ свѣчь в трапезѣ не имали и не покупали.* — В этом запрете, выраженном словами Евфимия Чакольского по «наказу» Богородицы, отразилось не только христианское запрещение торговли в храме, но и реальная забота севернорусских церковных служителей, препятствовавших продаже прихожанами самоизготовленных, «не казенных», свечей. Кроме нарушения церковного устава такая продажа способствовала опустошению церковной казны, так как во многих церквах, особенно на окраинах России, поступление денег от свечной продажи в казну являлось едва ли не главным источником дохода церкви.

[17] *...по Запогостью, гдѣ бобылские худые дворишка стоят, которые держат пива продажные.* — Запогостье — окраинный окол Чакольского погоста, населенный в основном бобылями — непашенными крестьянами. Бобылями становились в основном захудалые крестьяне, «отбывшие от пашни» вследствие обеднения; они могли иметь свой двор или были «бродячими», кормились различными ремеслами, а также часто занимались приготовлением на продажу пива (см.: Островская М. А. Земельный быт сельского населения Русского Севера в XVI—XVIII веках. СПб., 1913. С. 78).

[18] *Воры приходили на Двину и попа, де, посѣкли в Тойме ночи у питья.* — Тойма — населенный пункт в бассейне реки Тоймы, на месте впадения ее в Северную Двину (в настоящее время Верхнетоемский район Архангельской области). Интервенция на севернорусские земли шведских войск, впоследствии объединившихся с отрядами черкасов — казаков-изменников, потерпевших крушение в центре России, а также польско-литовских отрядов продолжалась длительное время — с 1610 до 1618—1619 гг. Особенно тяжелыми для Севера России были 1611—1614 гг., когда шведами были взяты Новгород и Вологда, когда отряды «воров» совершали опустошительные набеги на поморские города и веси: Вагу, Тотьму, Устюг, Двинские земли. Об одном из таких набегов и говорит Евфимий Чакольский. Его обличительные слова направлены не на врагов, а на предавшихся пороку пьянства священников местных церквей. Обличение Евфимием Чакольским пьянства в среде духовенства созвучно обличению пьянства воевод и военачальников, приведшего к трагическому захвату Вологды, в отписке архиепископа Вологодского и Пермского от 29 сентября 1612 г. к московским боярам, завершающейся словами: «А все делалось хмелем: пропили город Вологду воеводы» (см.: Прокофьев Н. И. Образ повествователя в жанре «видений» литературы Древней Руси // Уч. зап. МГПИ. М., 1967. №256. Ч. 1. С. 45—46).

[19] *Нынѣ, де, кресты целуютъ в Росийском государъствѣ многиелюди. Иза то нынѣ царства, и городы, и волости погибаютъ, и храмы от молния за то погораютъ.* — По-видимому, эти слова отражают в неточной, неконкретной форме событие августа 1610 г., когда правительство «семибоярщины», боясь восстания низов в столице, заключило договор о приглашении на российский престол польского королевича Владислава, сына Сигизмунда III; 27 августа в Москве в Успенском соборе бояре принесли присягу — целовали крест Владиславу. Заметим, что к общим бедам Российского государства Евфимий Чакольский прибавляет и существенное для пинежской земли «погорение от молнии храмов». Эта беда часто постигала пинежан, грозы с молниями здесь очень опасны, так как почва в пинежском регионе имеет сильное магнитное поле. Напомним, что именно убиенным молнией был и отрок из села Веркола, прославившийся как общерусский святой Артемий Веркольский.

[20] *...почали город глиною мазать высоко, а сами говорят: «Надобѣ, де, город на весну крепить крѣпко и высоко».* — См. текст к сноске 22.

[21] *...начали пѣти ирмос четвертые пѣсни.* — Ирмос — первый тропарь в ряду прочих тропарей, образующих одну песнь канона, состоящего обычно из 9 песен. Ирмос является образцом для остальных тропарей песни.

[22] *«Надобѣ на Двинѣ Архангельской город крѣпить накрепко и надобѣ глиною мазати высоко!»* — Призыв укреплять Архангельск, строить оборонительные сооружения вокруг города вполне понятен в общем контексте видений Евфимия Чакольского, происходивших во времена интервенции на Русском Севере. Надо сказать, что Архангельск, как и многие другие города и остроги Поморья, действительно был хорошо укреплен и его не постигла участь Новгорода и Вологды. 21 ноября 1613 г. после поражения под Андомским острожком польско-литовские отряды двинулись к Холмогорам, сильно укрепленным и имевшим значительный военный гарнизон. Не овладев Холмогорами и потеряв значительные силы при его осаде, отряды интервентов двинулись мимо Архангельска по Летнему и Поморскому берегам к Сумскому острогу, где также

потерпели поражение.

[23] *...в первую неделю Петрова поста...* — В 1613 г. Петров пост продолжался с 30 мая по 28 июня ст. ст.

[24] *...призывал игумена Кеврольскаго...* — Известно, что на Пинеге в Кевроле существовал один из самых ранних севернорусских монастырей — Кевроло-Воскресенский, обращенный впоследствии в Кевроло-Воскресенский приход. Однако ни о времени возникновения монастыря, ни о времени обращения его в приход точных сведений не имеется: начало монастыря датируется в разных исследованиях с XIV по XVI в., о превращении же его в приход сообщается только в описании Кевроло-Воскресенского прихода с датировкой «в XVII столетии» (см.: Краткое историческое описание приходов и церквей Архангельской епархии. Вып. 2. Архангельск, 1895. С. 259). Данный текст позволяет утверждать, что в 1613 г. Кевроло-Воскресенский монастырь еще не был упразднен.

[25] *Всѣ крестьяне Чакольскаго стану обѣщались варити канон...* — Канон (канун) — на Русском Севере — мирское пиво, приготовляемое по обету всеми прихожанами и посвящаемое определенным праздникам или каким-то исключительным событиям. Обычай пить мирской канун в трапезной был широко распространен на Русском Севере, несмотря на запреты церковных властей. Любопытно отметить, что Евфимий Чакольский хотя и обличает пьянство в среде духовенства и сам не пьет мирского кануна, однако не говорит ничего против этого обычая, наоборот, замечая, что канун «доходен» Пресвятой Богородице. Не совсем понятно, как происходило освящение кануна в церкви. Из последующего фрагмента видений явствует, что благословлял канун не только священник, но и прихожане читали «над кануном» молитвы.

[26] *...«Свято»...* — По-видимому, этим словом в тексте обозначено Трисвятое — молитвословие, в котором троекратно повторяется слово «Святый». Однако аналогии такому обозначению нам неизвестны.

[27] *...в скопкарѣ...* — Скобкарь (скопкарь) — род чаши с двумя ручками (скобами); используется для мирского пива (кануна) и хранится в церкви.

[28] *Сего дни, де, которой праздникъ великой...* — 26 декабря по ст. стилю — Собор Пресвятой Богородицы — собрание верующих наутро после Рождества Христова для прославления и благодарения родившей его Богоматери.

[29] *...святый Артемей Верколъский...* — Святой праведный Артемий Веркольский — двенадцатилетний отрок из села Веркола на Пинеге, убиенный молнией во время полевых работ в 1544 г. По мнению Е. Голубинского, Артемий Веркольский был канонизирован в 1639 г. (см.: Голубинский Е. История канонизации святых в русской церкви. М., 1903. С. 128), память его празднуется 23 июля по ст. ст. В то же время местное почитание святого началось уже в XVI в., после 1577 г., когда были обретены чудотворные мощи Артемия Веркольского. Таким образом, в нашем тексте отражен период местного почитания Артемия Веркольского, так же как и пинежской святой Параскевы Пиринемской, по преданию, сестры Артемия Веркольского, названной далее в тексте, не канонизированной Русской церковью (см. текст к сноске 11).

[30] *Попъ, де, их благословилъ говѣти къ кануну обѣтному, кабы, де, дал Богъ пом*

ощь на воровъ... — Очевидно, речь здесь идет о мирском кануне во избавление от врагов, варить который дали обет чакольские крестьяне по наказу Евфимия Чакольского.

ПЕРЕВОД

7119 (1611)года,в 7 день перед второй неделей Великого поста

Евфимий Федоров сын помолился Господу Богу, в субботу перед второй неделей Великого поста у отца духовного на покаянии был и причастие святое принял. И в ту ночь перед воскресением Христовым ночевал он в трапезной <церкви> святой великомученицы Екатерины <вместе> с другими причастившимися. И задремал на скамье у столпа под образом Божиим Спасовым и Пресвятой Богородицы.

«И не то меня понесло, не то повело, а ноги не достают до земли. И положило меня ниц под образом Пречистой Богородицы, что между Царскими и Северными дверями. И я стал горько плакать, глядя на образ Пречистой. И Пречистая плачет слезами великими из-за мирского согрешения и говорит: „Постники, де, постятся, а со слезами не молятся ночью и днем. И весь мир согрешил. А я, де, сама Пречистая, молюсь Христу со слезами”. И я, Евфимий, о том видении рассказал отцу духовному попу Феофилакту: „И надо бы, де, священник, молебны петь Пречистой”. И поп промолвил: „Что, де, тебе Бог наказал, то и твори, а нам, де, сегодня ехать в Пиринемь молебны служить в часовне”. Да и поехали.

И перед третьим воскресением того же Великого поста я, Евфимий, у правила был перед <принятием> святой доры. И в то воскресенье во время обедни я молился Пречистой Богородице — у клироса стоял у правого, — чтобы Пречистая показала <мои> страдания, чтобы мир не сомневался и верил бы моим словам, которые я в том видении задумал миру сказать. И у меня в то время сердце затрепетало, и рука правая задрожала, и левая, и заломило голову назад к ногам. И понесло меня к Царским дверям, и от Царских дверей несло на ногах из церкви в трапезную, а из трапезной на улицу. А голова у меня назад запрокинута. А мир все это видел, как меня мучило: ногу мою левую заломило вверх и меня подбрасывало.

И Пречистая меня за руку брала и моею рукой молящихся <коленопреклоненных> людей по глазам била рукавом за грех, кто в чем перед Богом и людьми повинен, — а мне в ту пору Пречистая все раскрыла. И Пречистая же моею рукой, рукавом, и попа по глазам хлестала за то, что он прежде, чем мне, мученику, иным христианам, двоеженцам и клятвопреступникам, дору давал. И дьячка Пречистая же моею рукою, рукавом, по глазам и по книге била. И я книгу закрыть ему велел, чтобы он книги и не касался. А Пречистая мною владеет и велела мне говорить. Да Пречистая же мне велела миру наказать, чтобы христиане казенные свечи покупали да в церковь Божию приносили. И по воле Пречистой страдая, я выходил из церкви в трапезную, свечников бранил. И Пречистая же мне предрекла: „За ваше мирское согрешение Господь Бог спустит с небес тучу с дождем, и с градом, и с камнями раскаленными, если только вы не переменитесь, лихоимцы и мздоимцы, и не отступите от злых дел, и не начнете со слезами молиться Спасу, и Пречистой Богородице, и всем святым”.

Да Пречистая же мне сказала, что, де, иные христиане крест кладут не сполна. Да в том же сотрясении <моем> Пречистая, увидев человека в церкви в нечистой одежде, а другого человека в самоедской одежде, выгнала из церкви моею рукою, рукавом махая и побивая <их>. Да и ради того Пречистая меня мучила, чтобы

пьяные люди в церковь не ходили, или нечистые, или в одежде нечистой — церковь бы Божию не оскверняли, соблюдали бы строго <заповеди христианские> и расспрашивали бы о них <людей благочестивых>. И тех страданий моих было много, и во всех страданиях меня мучило всяко: и вверх бросало в церкви Божией, а до земли не допускало. А мир то все видел, те мои страдания.

А в ту пору молебны служили со звоном и с крестами ходили в другую церковь молебны служить. И в другой церкви меня также мучило. А молебны велел служить я, Евфимий, по наказу Пречистой: „И вы бы, весь мир, обратились к Господу Богу, и молились со слезами, и Пречистой наказов слушали, и моим мукам верили, что страдал я за мои грехи. А кто не послушает и не поверит наказам Пречистой и моим страданиям, и того <велит> Пречистая миром проклинать. И с любым то же случится, что со мною, грешным, творилось". И во всех страданиях я Пречистой Богородице молился, как она меня мучила, — и от мук избавила. А мир то видел: и поп, и дьячки, и мужчины, и женщины. И Юрий Семенов сын Щепеткин — и ему, Юрию, мука была Пречистой Богородицы наказанием и повелением. А Пречистая мною, грешником, владеет».

Да в том же сотрясении по Божией воле тот же мученик в церкви кричал — велел бревна валить всем миром весной и ставить храм в Пиринеми у <часовни> святого великомученика Георгия и новоявленного <там> милостивого чудотворца: «И вы, православные христиане, покайтесь перед Господом Богом, и Пречистой Богородицей, и перед всеми святыми всем сердцем и всею душою с великими слезами о вашем согрешении. И Господь Бог милосердный молитвами Пречистой Богородицы и всех святых покаяние ваше примет и подаст вам все, что у Спаса, и у Пречистой Богородицы, и у всех святых просите».

«А я, поп Феофилакт, с ним, Евфимием, <происходящее> все видел и слова такие от него слышал во святых церквях при всем мире. Писал поп Феофилакт своею рукою. А те люди, которые были в церкви в одежде непотребной, и те винились: „Так было"».

7120 (1611)-го года декабря в 6 день

На Большой Пинеге, в Чакольском стане, в приходе <церкви> Рождества Пречистой Богородицы на память святого отца нашего Николы Мир Ликийских чудотворца, в пост Филиппов святых апостолов случилось чудо дивное и ужаса исполненное. В церкви святой великомученицы Екатерины при всех православных христианах Чакольского стана в пятницу, после того как Божественную литургию отслужили и после канона Николе чудотворцу тропари отговорили, свершилось чудо. Человек тот же, которого в прошлом году мучило в Великий пост, по имени Евфимий, по прозвищу Елка, стоял Божественную литургию в церкви святой великомученицы Екатерины. И нашло на него во время Божественной литургии затмение. И предстал перед ним человек в платье сизом спиной, а лица своего не показал и не говорил ничего. И после литургии, и после тропарей за каноном взяла невидимая сила того Евфимия, на спину его заломило и понесло на одной ноге от Царских дверей. Несло его к Северным дверям и принесло к иконе Пречистой Богородицы Одигитрии, что между Царскими дверями и Северными. И он, Евфимий, начал во весь голос кричать: «О Матерь Божия, Пресвятая Богородица! Помилуй, не ломай меня, скажу, скажу, скажу право! Скажу, не утаю, скажу!» И долгое время он повторял это. И тотчас повернуло его на запад лицом, и начал народу рукавом махать: «Народ Божий! Переменитесь, покайтесь, переменитесь!» И долго он это повторял. Народ же стоял, ничего не говоря, только и молил, де, «Господи, помилуй!»

И тот же Евфимий в муках и страданиях провозглашал: «Не у всякого человека одежда чиста, и не каждый человек достоин в церковь ходить — тем он церковь Божию оскверняет. Покайтесь! А если не покаетесь, то свершится воля Божия и над храмами!» И тот же Евфимий начал громким голосом к народу взывать: «О злые злодеи! Переменитесь! Приходите в Божественную и пречестную церковь в <виде> подобающем! И молитва после бани нужна! И не всякая баня хороша, и в бане не всякая вода чиста!» И отца своего духовного укорял, и рукавом в муках ему махал, и говорил: «Ты, де, пастырь овцам и нам, христианам, учитель и наставник. Учи, наказывай! Двоеженцам, и троеженцам, и четвероженцам причастия не давай! И пьян сам в церковь не ходи, и дьячку и пономарю <запрещай>! И пьяных в церковь не пускай же! И женщины, которые детей крестят и в церковь ходят, одежда на них и пояса нечисты. И на то ты им, отец духовный, указывай! А женщины бы тем не похвалялись и не таились от <твоего наказания>». И после страданий, когда Евфимия невидимая сила отпустила, <проговорил>: «Молебен пой, батька, да и звонить вели». — И в то время служили молебны Пречистой Богородице и великомученице Екатерине со звоном. — «И за книги вели браться чистыми руками. Да и креститься вели сполна, многие православные христиане крест кладут неполный». И того Евфимия в церкви перед Царскими дверями и перед иконой Пречистой Богородицы Одигитрии по-всякому мучило: и вперед, и назад, и на бок ломало. «А если вы не покаетесь, и в третий раз увидите такую мою муку и страдание. И с вами, и со всеми православными христианами то же будет, что надо мною видели. И среду, и пятницу соблюдайте крепко! И крестьяне бы деревенские свеч на продажу в трапезную не носили, а прихожане бы те свечи в трапезной не брали и не покупали!» И когда тот Евфимий стал прежним, как все православные христиане, и рассказал он отцу своему духовному Феофилакту:

«Того же 120 (1611)-го года на память святого отца нашего Николы Мирликийского чудотворца. Ночью я, де, спал дома, и наутро встал, да умылся, и помолился Спасу и Пречистой Богородице. И после молитвы в одной рубахе я прилег на лавку без постели. И нашел на меня легкий сон. И пришел, де, ко мне человек, взял меня и поставил на погосте в Чаколе. И водил меня по Запогостью, где бобыльские ветхие дворишки стоят, в которых держат пиво на продажу. И <о том вспомнил>, что зимой я в трапезной в Чаколе говорил, когда страдал по Божией праведной воле. — Воры приходили на Двину и попа, де, посекли в Тойме ночью во время пьянства. — И я, Евфимий, тогда то говорил: „Им бы, де, мир поучать и наказывать на страх Божий, а они, де, сами по ночам пьют. А на них же глядя, и мир также погибает. Да также и им воздается". И старец Амфилофей мне, Евфимию, начал <тогда> говорить: „Ты, де, стал попам указывать!" А говорил мне, вспылив, с укором: „Какой же ты!" И я, Евфимий, тех слов испугавшись, поколебался и не стал, было, миру возвещать, так мне стало тяжко, да и не говорил <ничего> до нынешнего видения и страдания. А тот старец Амфилофей <...> про него те белые люди сказали: „Ему, де, не подобает с нами за столом есть, он клятвопреступник, погибший человек". И говорят, сидя: „Ныне, де, крестное целование приносят в Российском государстве многие люди. И за это ныне царства, и города, и волости погибают, и храмы от молний из-за того сгорают". А на меня, Евфимия грешного, поглядывают, и поговаривают, и поучают <меня>, и велят <мне> вещать в народе, и велят, записывая, рассылать по всем городам и волостям. И после трапезы те светлые люди, встав, начали ограду глиною мазать высоко, а сами говорят: „Надо, де, стену городскую крепить на весну крепко и высоко"».

И проснувшись, и встав, Евфимий помолился Господу Богу, и Пречистой Богородице, и всем святым и пошел в церковь, чтобы застать начало воскресной

заутрени. И отстоял у милосердия Божьего в церкви великомученицы Екатерины воскресную заутреню. «И когда начали петь ирмос четвертой песни, и в то время я начал молиться Господу Богу и Пречистой Богородице и просить у Господа Бога и у Пречистой Богородицы о том, что мне в сновидении явилось: „И меня ты, Господи, и Пречистая Богородица, не пощади, <укрепи> в том, чтобы мое сновидение миру было явлено, а то прежних моих слов и страдания моего они не помнят, от пьянства не унимаются!”»

И когда начали петь ирмос пятой песни, и в то время того Евфимия заломило на спину, и голову заломило же. И понесло его по церкви и принесло к образу Пречистой Богородицы Одигитрии, что находится между Царскими дверями и Северными. И начало его крутить по-всякому, мучить и ломать. И Евфимий в страданиях говорил: «Велит <Богородица> молиться и читать велит Иисусову молитву: „Господи Иисусе Христе сыне Божий, помилуй нас!” А охать не велит, плохо то оханье». И сам говорит: «Господи, помилуй!» И тотчас начал вопить и кричать страшным голосом. А когда отпустило его, и Евфимий тогда перекрестился и поклонился Пречистой Богородице до земли: «Пощади, Пречистая Богородица, рад я страдать для тебя и миру вещать, что ты повелела, с верою и правдою. И дай мне достигнуть Царства Небесного, избавь меня от муки вечной. И отойду от земной этой жизни и от всей суеты мирской. Полно, полно!» И то слово дважды произнес и трижды.

И начал в страданиях в церкви вопить во весь голос, что было силы: «Надо на Двине Архангельский город крепить накрепко и надо глиной <ограду> мазать высоко!» — И те слова много повторял. — «И в Пиримени начали храм ставить, а ныне оплошали и забросили. А когда за грех Бог и Пречистая Богородица <наказание> ниспошлет от лица своего, не пощадит и от небесного огня за умножение грехов, тогда <храм> не понадобится ли?! Думаю, что понадобится!» И в муках поучал народ: «Слушайте, и пишите, и рассылайте по погостам!» А в уме у него, Евфимия, дума была, свои люди сказали, что о совокуплении с женой, когда прежде сего его дважды мучило, то и в первом страдании, и во втором запрещения не было. И нынче в третьем страдании ему не заказано же было впредь с женою совокупляться. И сказал он: «К церкви ходят многие непотребные люди и в одежде нечистой». И о том он, Евфимий, громко кричал и наказывал, чтобы впредь приходили в чистой одежде. И, проходя по церкви и по трапезной, говорил попу, и дьячку, и пономарю, и многим мирским людям, чтобы переменились, и Богу молились со слезами, и в домах своих бы наставляли накрепко, чтобы без них жены жили в чистоте и греха не творили. И к молящимся людям кидался, зубы стиснув, говорил им: «Обратись, обратись к Спасу и к Богородице, пролей слезы от <всего> сердца за свой грех! Милостив Господь Бог, кающегося принимает!»

7121-го (1613) года в первую неделю Петрова поста <в приходе церкви> Рождества Пречистой Богородицы в Чаколе

Прежний страдалец по имени Евфимий Федоров сын, в доме своем, в избе прилег на лавку. «И в сумраке предстала передо мной жена, сияющая в ризах, цветом риза сизая, и начала меня мучить и ломать. И стало мне страшно и тяжело. И говорит она мне: „Почему, де, ты заколебался и ослабел, не возвещаешь моего наказа миру?” И мне пришло на ум, начал я молиться Пречистой Богородице: „Пощади, пощади меня, Пречистая Богородица, рад я тебе, Госпоже, трудиться и <наказания твои миру> извещать!” А образа я ее рассмотреть не мог от страха, видел в мгновение ока. А я, Евфимий, возвещать перестал потому, что <...> тогда как на меня зашумел. И пришел из трапезной на <свое> подворье. И упал с печи, и ушибся до крови. И лежал без памяти, и призывал игумена Кевронского, и

покаялся. А я, Евфимий, ныне опять рад Спасу и Богородице служить и молиться. Аминь».

7121-го (1613) года на Большой Пинеге, в Чакольском стане, в приходе <церкви> Рождества Пречистой Богородицы

Чакольский же житель, крестьянин Евфимий Федоров сын, по прозвищу Елка, которого и прежние страдания и видения известны были. «И я, Евфимий, по прозвищу Елка, молился в Троице прославляемому Богу, и Пречистой Богородице, и всем святым. И начал я Божию благодать в себе таить и наказания Пречистой Богородицы миру не стал рассказывать из-за мирского сомнения и осуждения. И заговел я в пост святых апостолов Петра и Павла по иерейскому попову благословению, а постились первую неделю Петрова поста. Все крестьяне Чакольского стана дали обет варить канун к первому воскресенью Петрова поста в нынешнем 121-м (1613) году. И в воскресение Христово отстояли святую литургию и после канона тропари и „Свято" отговорили. И чакольский поп начал над кануном молитвы читать Всемилостивому Спасу, в Троице прославляемому Богу, и Пречистой Богородице, и всем святым. И я, Евфимий, начал говорить попу Феофилакту: „Поп, будешь ли ты меня слушать, и ты послушай Пречистой Богородицы наказание". И поп отвечал: „Я Пречистой Богородицы наказание рад слушать". Евфимий говорил: „И ты служи молебен Пречистой Богородице со звоном. И я вам Пречистой Богородицы наказание без страданий возвещу". И поп не пил канун, и начал служить молебен Пречистой Богородице со звоном. И во время молебна запел поп ирмос. И нашла на меня мука Божья и Пречистой Богородицы наказание. Меня, Евфимия, заломило на спину, и стала меня мучить Пречистая Богородица. „О, Владычица Пресвятая Богородица! Пощади! Рад я твое наказание миру сказывать!"» А страдания его видели все православные христиане. И отпели молебен, и начали над кануном молитву творить, и Евфимию молиться над кануном дают. И Евфимий над кануном молится, а не пьет. «И крестьянин Шеймогорской волости по имени Мосей дал мне, Евфимию, канун для молитвы. И я, Евфимий, начал молитву читать над кануном Всемилостивому Спасу и Пречистой Богородице. И меня, Евфимия, начало мучить с кануном, а канун в туеске на одной руке <висит>. А меня, Евфимия, заломило на спину и мучило сильно с кануном». А Евфимий говорил: «Тот канун приемлет Пречистая Богородица. Православные христиане, молитесь Богу, переменитесь!» И поп благословлял канун. И в скопкаре канун остался, и Евфимий говорил: «Кануна не оставляйте, пейте весь!» А прежде того случалось, что пономарь и поп канун оставляли. И Евфимий говорил: «В том грех великий, что оставляют <они> канун в церкви и <после сами> пьют». «И после вечерни начали пить канун мирской, а мне, Евфимию, поп дал просвиру, и говорил: „Ты <ведь> кануна не пьешь с нами". И за то меня, Евфимия, Пречистая Богородица мучила, — а страдания мои видел весь мир — и за то мне, Евфимию, страдание было, что младенцы между собою ругаются и церковь Божию сквернят. А о том вы и сами ведаете, что надо глупых побранить». А мы об этом узнали: ребята между собою ругались, а женки траву косили в кустах и то слышали. Богу нашему слава ныне.

7122-го (1613) года декабря в 26 день

Изволением Божиим и Пречистой Богородицы видел в видении прежний страдалец Евфимий Федоров сын на первой неделе по Рождестве Христове: «Идет, де, Пречистая Богородица с ангелами, и с апостолами, и со множеством святых. А говорит, де, Пречистая Богородица: „Ходила, де, я на помощь православным <христианам>, да воротилась, потому, де, что не взывают ко Спасу со слезами и не молятся. И я, де, их защитить <не могу>. А если, де, обратятся всею душою ко Спасу, и еще, де, Господь милость пошлет им. А я, де, о них

страдала много”. А идет, де, с нею, Богородицею, много святых. А на правом, де, плече у нее, Богородицы, лик Спасов и Пречистой Богородицы на иконе. А икона, де, величиной в аршин. А мне, де, Евфимию, в то время <видится>, будто крест Христов в руках несут».

И пришел он, Евфимий, в церковь Божию, и отслушал заутреню, и молебны, и часы. И стало его, Евфимия, мучить, назад заламывать и крутить всяко. И начал он кричать громко и молиться со слезами. А говорил то: «Согрешил, де, я перед тобою, Мати Божия! Вижу, де, благодать Божию великую, а скрываю. А ныне, де, расскажу, и рад тебя ради страдать!» И начал он, Евфимий, кричать, будто под пыткой: «Переменитесь, мир, окаянные, согрешили, де, все: и попы, и дьячки, и просвирни!» Да опять начал громко кричать: «Образ, де, надо написать Пречистой Богородицы всем миром. Пречистая, де, Матерь Божия так изволила: „И тогда, де, не отверну лица своего от вас". И вкладывали бы, де, на создание образа Божия по силе <своей> немного, без жалости, с радостью и без роптания. А писать, де, образ надо, постясь всем миром, да и иконописцу же поститься, де, надо. А писать, де, образ и поститься надо в Великий пост. А ныне, де, только помолитесь со слезами, и тогда, де, Пречистая Богородица пощадит вас от всех напастей, от нынешней беды. Да и впредь, де, у Спаса и у Пречистой Богородицы всего много: может, де, Спас наказать и помиловать».

А мучило его, Евфимия, долго, и ломало сильно, и кричал он со слезами много. И упал он ниц перед иконой Пречистой Богородицы, что между Царскими дверями и Северными, и плакал, выл, рыдал с великим воплем: «Погибли, де, царство, и города, и весь мир за ересь всякую и за чернокнижие. Ох, де, отступники, злодеи, переменитесь!» И говорил то: «Смотрите, де, мир, что со мною, грешным, делается, и слушайте мои слова, и запоминайте их, и, записав, рассылайте! Не бойтесь, не сам я это затеял, Спас да Пречистая меня ведут и владеют мною и языком моим!» И попу приказывал: «Чтобы, де, у вас ропота между собою впредь не было! И службы, де, у вас церковные забыты! Сегодня, де, какой праздник великий, а у тебя, де, и обедни нет из-за пьянства!» И поп сказал: «Я, де, за то перед Спасом <отвечаю>». И вопил <Евфимий> о том много, чтобы, де, жили по-старому, как писали святые ангелы, и святые апостолы, и богоносные отцы. И у нас в Чаколе мир все это видел, и поусердствовали, и веру от чистого сердца ко Спасу и Пречистой Богородице возымели. «И обет бы сотворили тот праздник, Собор Пречистой Богородицы, праздновать честно, с молебнами и канонами. И икону ту написать, Собор Богородицы, потому что на тот праздник чудо такое Бог явил. А вкладывали бы на создание того образа всем миром, <каждый> по силе <своей>, с радостью, без роптания, да молились бы с верою!»

И того же 122-го (1613) года в ту же первую неделю по Рождестве Христове пришел с погоста Петр Павлов сын Артемов домой и начал того страдальца Евфимия бранить: «Дурит, де, мужик!» И <его> он, Петр, много ругал и прежде того. И после ужина нашел мрак, будто сон, на его Петрову дочь Пелагею, и явился, де, ей святой Артемий Веркольский и стал, де, ее будить: «Встань, де, Пелагея!» И она испугалась. И он во второй раз, и в третий: «Встань, де, не бойся, скажи отцу своему, и матери, и людям, что живут, де, они не хорошо! Поп, де, их благословил говеть перед кануном обетным, чтобы, де, дал Бог помощь для <одоления> врагов, и перед другим кануном, к празднику Рождества Христова. И они, де, благословение получили, да одни, де, говели, а другие, де, не говели. А мы, де, за них страдаем. А я, де, сейчас иду со службы». И она, проснувшись, начала тихонько рассказывать всем. И отец ее Петр стал на нее кричать: «Что, де, ты, ребенок, болтаешь! И много, де, тебе надо, как и Елке же!» И когда огонь погасили, и вся семья легла спать, и тогда у той девицы Пелагеи заломило назад

голову до ног. И лежала она три дня, не говорила. А мучило ее крепко, билась она, и рот у нее кривило под ухо на обе стороны.

И через три дня Бог дал ей язык. И она сказала отцу своему Петру: «Извинись, де, ты перед Евфимием Федоровым страдальцем. Ты, де, его бранишь и на него наговариваешь напрасно. Меня, де, ныне святая Парасковья Пиринемская да святой Артемий Веркольский из-за тебя мучают. И то еще, де, мне сказали: „Пьете, де, и едите рано, и крох не бережете — это, де, очень грешно"». А говорила та девица смышлено, будто и не мала, а пошел ей девятый год. И Петр ту свою дочь привозил к церкви, и велел молебен служить, и у Евфимия прощения просил со слезами. И о тех страданиях рассказал народу в трапезной истинно, как написано здесь. И Петрова жена Ульяна сказала: «Я, де, грешная, видела в видении, как мою дочь <неведомая> сила мучила. На печи я сидела в темноте, и пришел, де, тот же святой Артемий <Веркольский> мал, в белых ризах, а говорить, де, начал то: „Смотри, де, Ульяна, что над вашим дитятей делается! Вчера, де, муж твой Петр, что бранил Евфимия?!"»

И того же 122-го (1614) года, января в 9 день, в третью неделю по Рождестве Христове, на утрени, после 6 песни...

Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря

Подготовка текста Е. И. Ванеевой, перевод и комментарии Г. М. Прохорова

ВСТУПЛЕНИЕ

«Сказание» Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря польско-литовско-казачьими войсками в 1608—1610 гг. — одно из самых ярких документально-исторических произведений русской литературы начала XVII в. Написано оно на основании личных наблюдений автора и собранных им чужих записок, свидетельств и воспоминаний. Завершено в 1620 г. Собственно, «Сказание», которое здесь печатается, составляет 7—52 главы большого произведения — «История в память предидущим родом...», охватывающего период от смерти Ивана Грозного до Деулинского перемирия с Польшей (1584—1618 гг.) и состоящего из 77 глав. Право на отдельную публикацию «Сказания» дает то, что оно представляет собой как бы самостоятельное сочинение, со своим вступлением и заключением, со своим завершенным сюжетом — историей героической обороны Троице-Сергиева монастыря от осаждавших его в течение года и трех с половиной месяцев, с 23 сентября 1608годадо 12января 1610 года, войск польско-литовских интервентов, казаков и русских изменников. В первых шести главах «Истории» речь идет о причинах Смуты в России и о событиях от смерти Ивана Грозного до воцарения Василия Шуйского; в последних двадцати пяти — о случившемся следом за снятием осады: о низведении с царства Василия Шуйского, о разорении поляками Москвы и освобождении ее и о возведении храма во имя Сергия Радонежского в деревне Деулине, где было заключено перемирие. Полностью «Историю в память предидущим родом...» см. в кн.: Сказание Авраамия Палицына / Подг. текста и коммент. О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. М.; Л., 1955.

«Сказание» Авраамия Палицына пользовалось большой популярностью у

читателей XVII—XVIII вв. и сохранилось в значительном числе списков.

Текст «Сказания» публикуется по списку 40-х гг. XVII в. — *БАН,* Архангельское собр., № 413. Исправления (обозначенные курсивом) вносятся по списку *РГБ,* собр. Румянцева, № 299 20-х гг. XVII века, положенному в основу издания О. А. Державиной и Е. В. Колосовой (М.; Л., 1955).

ОРИГИНАЛ

СКАЗАНИЕ, ЧТО СОДѢЯШАСЯ В ДОМУ ПРЕСВЯТЫЯ И ЖИВОНАЧАЛНЫЯ ТРОИЦА[1] И КАКО ЗАСТУПЛЕНИЕМЪ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦА И ЗА МОЛИТВЪ ВЕЛИКИХ ЧЮДОТВОРЦОВ СЕРГИА И НИКОНА[2] ИЗБАВЛЕНА БЫСТЬ ОБИТЕЛЬ СИЯ ОТ ПОЛСКИХ И ЛИТОВСКИХЪ ЛЮДЕЙ И РУСКИХ ИЗМѢННИКОВ, ТОГО ЖЕ КЕЛАРЯ ИНОКА АВРАМИА ПАЛИЦЫНА[3]

ПРЕДИСЛОВИЕ

Иже убо тѣсное разума и недоумѣтелное языка моего свѣдый, на мнозѣх отлагах о семъ писаниемъ известити, иже в Велицей Росии ко спасению благородствию вашему, колику преславну и велику милость показа намъ Богъ нашь, Пресвятая и Пребезначалная Троица, — превеликое же и паче всякого слова и смысла бывше заступление Матере Слова Божиа, по обѣщанию своему преподобному игумену Сергию[4] чюдотворцу, и неотступное ея пребывание от обители его, и от коликих золъ избави нас Господь во обьстояние многихъ вой, молитвъ ради великих чюдотворцов, — глаголю же сего преподобнаго отца нашего великого чюдотворца Сергиа и ученика его, преподобнаго отца нашего Никона чюдотворца, — и колико чюдотворений показа нам Богъ угодники своими. И убояхся паки: зрях недостаточная внутренняго ми человѣка и многою молвою съмущаемъ во многих плищех в келарских службах и от многих тѣлесных изнемоганий великих, бывающих ми повсегда, к сему же и окаяньство свое свѣдый и недостоиньство и немощь любострасътну. Но понеже къ старости глубоцѣй уже преклонихся, и непщевах быти скорому отложению телесе моего, и убояхся казни раба оного, скрывшаго сребро господина своего и прикупа имъ несотворша,[5] и еже слышах бывшая чюдеса, ово же и очима своима видѣх, нужда ми бысть писати о содѣявших во обители чюдотворца молитвами его и возвѣстити вашей любви добрым торжником, «да нѣкое дарование духовно подамъ ко утѣшению вашему».[6]

Тогда бо ми не бывшу во обители во осадѣ, бывший от польских и литовских людей и руских измѣнниковъ, но в царствующем градѣ Москвѣ по повелѣнию державнаго, и пребывающу ми в дому чюдотворца на Троецком подвории в Богоявленском монастырѣ.[7] И аще и разстоянием далече, но близ бѣ милостию и посѣщением преподобный отецъ нашь Сергий. И тамо видѣх многа чюдеса, слышах о пришествии их въ царствующий град Москву со множеством хлѣбовъ на возилѣх и от стѣн текущий хлѣбъ, и умножение всяких потреб видѣх молитвами их в сущем ту Богоявлѣнском монастырѣ и ина многа чюдеса. О семъ убо въпреди слово изъявит. Егда же отступиша от обители полские и литовские люди и руские измѣнники со многим срамомъ, и от царствующаго града Москвы лжехристу со множеством студа бѣгству вдавшуся,[8] и бывшу ми паки в дому Живоначалныя Троица, и слышах бывшее великое заступление, и помощь над враги, и чудеса преподобных отецъ Сергия и Никона и испытах вся подробну со многим опасениемъ пред многими свѣдѣтели оставшихся иноковъ святолѣпных и доброразсудителных и от воинъ благоразумных и от прочих православных христьянъ о пришествии измѣнник ко обители, и о выласках, и о приступных

боехъ, паче же о великих чюдотворениих преподобных отецъ и о пособлении их над враги. И от великих и преславных малаа избрах, яко от пучины морския горьсть воды почерпох, да поне мало напою жаждущая душа божественаго словесе. Написах сия о обьстоянии монастыря Троецкого вся по ряду, елико возмогохъ.

Да не позазрите ми о семъ, господие и братия, глаголюще, яко тщеславием или гордостию вознесохся, но поистиннѣ, по ревности Божии, грубостию же разума моего побѣждаем, коснухся дѣлу сему, Богу помогающу ми молитвъ ради чюдотворца. Много бо можетъ молитва праведнаго поспѣшествуема.

И яко всякъ разум книжный по своему сказанию не бывает, но еже слышахом и очима своима видѣхом, о семъ и свидѣтелствуем. Не подобает убо на истину лгати, но с великим опасением подобает истину соблюдати. Сие же изъясних писаниемъ на память намъ и предъидущим по нас родомъ, да не забвена будут чюдеса великих свѣтил, преподобных отецъ наших Сергиа и Никона о Христѣ Исусѣ, Господѣ нашем, Емуже слава во вѣки, аминь.

СКАЗАНИЕ, ЧТО РАДИ ТРОЕЦКОЙ СЕРГИЕВЪ МОНАСТЫРЬ БЫСТЬ ВО ОСАДѢ

Наказуя убо Господь всегда нас не престает и прибѣгающих к нему приемлет, отвращающих же ся з долготерпѣние*м* ожидает. И сего ради попусти ны в самовластии быти, да, егда в сѣтех, не разсуждая о себѣ, увязнем, и ниоткуду помощи не обрѣтше, въскорѣ к Нему умнии очи возведем и оттуду помощь получимъ. Сице убо попусти Господь Богъ владѣтелствующих нами первѣе попрателя иноческому чину розстригу Григория Отрепиева,[9] возвавшагося царьским сыном Дмитриемъ Ивановичем всея Русии и на царьский степень возше: и не в долго время той Григорий, достойную месть прием от Бога, злѣ скончася.

Потом же в того мѣсто инъ назвася.[10] И достизает и до царствующаго града Москвы, но не приемлем бываетъ. Всюду же в Росии слух о немъ протече, и сего ради вси воры к нему собрашася: не на царский убо престолъ того возвести, но вся древняа царская сокровища истощити. Вся же Росия от ложных царей злѣ стражет, и богатьство от всѣх градовъ на цари отъемлемо бывает. Народ же от околних стран всюду мечь поядает. Росии убо всей царь Василий Иановичь[11] нарицается, от тушинскаго же вора все Росийское государьство разоряется.

Мали же нѣцыи гради в Помории[12] не соблазнишася, и тии по крестному целованию правяще к Московскому государству. Инии же далняго ради отстояния крѣпостны быша врагом росийскимъ поляком и измѣнником сиверскимъ.[13] Труден же путь бывает отвсюду приходити к Москвѣ всѣмъ доброхотьствующимъ по правдѣ: облегоша бо врази царствующий град воокругъ, и на всѣхъ путѣх хотящеи к нему притекати побиваеми бываютъ. И ради неимѣниа всяких потребъ конечнѣ град Москва во озлоблении бывает. От него же избѣгающеи, и не хотяще, ко врагомъ прилагахуся, и надежно о семъ врази веселяхуся.

Немало же время способствующе граду приходящеи людие, яже от Троица Живоначалныя Сергиева монастыря, ово убо прямо, ово же преимаяся преко тѣсными стезями и лѣсы нужно проходяще даже и до самого царствующаго града и ту со избранными вои и со извѣстными хранители пред всѣмъ народом всегда обрѣтающеся. Лестцы же, отбѣгающеи от царя Василиа, всегда сицеваа вору с поляки возвѣщают, сих же врагов христианских на дом Пресвятыя Троица завистию сердца растлевают. Долго же время под Москвою стояще и хотяще ю

себѣ покорити. Но всевидящему оку недовѣдомая изволившу сотворити. Всяко убо царь Василий симъ сопротивляяся; дани и оброки от царства своего приемля, по Троецкой дороги приходящая, вся воином раздавая. Измѣнницы же от его руки даемая приемаху и въскорѣ сребролюбиа ради и кровопролития ко врагом притекаху. Царствующий же град Москва сих ради измѣны всяко колеблется, но искусившися от Гриши[14] и от Петруши,[15] и того вора не приемлют. И прилежащеи убо отвсюду пути полских ради приходов затвержены бывают: поляки бо часто прихождаху, московские посылки побивающе.

Велика же тогда полза царствующему граду бысть от обители чюдотворца Сергия ради святыхъ его молитвъ. Иже бо к морю на полнощь живущии людие на краех Студеного моря и Окиана къ царству всякъ промыслъ возвѣщаютъ и способляют. От Великого бо Новаграда, и от Вологды, и по Двинѣ рѣцѣ до моря, и на востокъ вся Сибѣрская земля и яже за нею вси способствоваху к Москвѣ. Такожe и от Нижегородския земли и от Казани вси безизмѣнно служаще. И ис тѣх всѣх прежереченных мѣстъ егда кому нѣкуды минути, то вси во обитель чюдотворца притекаху.

Тогда же в той велицей лаврѣ архимариту Иасафу[16] и келарю старцу Аврамию Палицыну, и с прочими доброхотствующими къ царьствующему граду, со всѣмъ усердиемъ велико тщание о сем показующе. И великъ промыслъ бываше от обители чюдотворца всѣмъ людем, к Москвѣ правящим во всяких нужах и в провожениихъ: и всяку вѣсть тѣмъ подаваху и от них восприемляху, себе убо соблюдающе и тѣх сохраняюще, до конца монастырьскую казну истощеваху. Вся Росиа царствующему граду способствующе, понеже обща бѣда всѣмъ прииде. Людие же, окрестъ живущеи обители, не токмо в сѣлех, но и от градов, мнози притекше со всею домашнею чадию ко обители чюдотворца, вѣдяще ту молитвы чюдотворца извѣстное заступление. И вси обще къ царствующему граду в бѣдах спострадуют. Воиньствующии же людие вси питаеми бывают от трапезы преподобных чюдотворцов; и поелику мощно всяко на смерть предаахуся.

О дѣлѣ же братолюбнѣм созидаемѣм велми сердца враговъ завистию ужасахуся: боящеся окаяннии, да не како, на начальствующее свѣтило зряще, и прочии от них отступят и къ правдѣ имутъ прилагатися. К дому бо великого чюдотворца вся Росиа, яко къ солнцу, зряще, и на его молитвы концы росийстии надѣющеся, противу врагом крѣпляхуся. Но аще и мала искра огня любве Божиа во обители чюдотворца возгорѣся, но напослѣдокъ велик пламень добродѣтелный распалися. На всѣх убо путех злодѣйствующим доброхоты от обители уловляеми бывают. И того ради совѣтомъ их лукавым препона велика сострояется.

Царь же Василий Иванович вскорѣ посла тогда к западным и к полунощным странамъ — въ Дацкую землю, и в Аглинскую, и в Свѣйскую[17] о обидѣ своей на полскаго краля и на своихъ измѣнников с ложным царемъ их, помощи прося. Ему же отдалѣвшеи по морю посланьми и дары велицѣми способствуют. Свѣйской же король Арцы-Карлус,[18] яко близ предѣлу его сущу, и той по суху немало избраннаго воиньства на помощь присла. О сем же бѣднѣ и яростнѣ дышут сердца еретикъ злочестивых. И немедлено посылают к велику врагу христианску Александру, пану Лисовскому,[19] плѣнующу тогда землю Рязанскую, и Володимерскую, и Нижегородскую, и иныя мѣста, по Росии живущая, дабы со всѣми воиньствы к совѣту их и к поможению вскорѣ пришелъ. Еже и соверши въскорѣ: кровь пиай человѣческую и грядый со огнемъ по пути от Владимиря и от Переславля ударяется стѣнамъ дому чюдотворца. И еже не того ради шествуя сын тмы, нощь едину препроводивъ, мечем окровавливая руцѣ, утѣшается; первое зло къ богоносну мужу показавъ, — началный посад Клемянтѣево[20] и во округъ ту жилища человѣческа в воздух дымом разлия. По его же отшествии народ во

обители к мукам уготовляется. Трапеза бо кровопролитная всѣмъ представляется и чаша смертная всѣмъ наливается.

О СОВѢЪТЕ ВОРА С ЛИТВОЮ, ЕЖЕ РАЗОРИТИ ДОМ ПРЕСВЯТЫЯ ТРОИЦА

Собравшу же ся сонмищу сатанину и отверзъшим псомъ уста своя, и соборуют тщетная беззаконнии, сицевая глаголющи: «О царю великий Димитрий Иванович! Доколѣ стужаютъ великому твоему благородству граворонове сии, вогнѣздившиися во гробъ каменный, и докуду сѣдатые пакосътвуют намъ повсюду? Не токмо убо на путѣх вѣстников нашихъ преемлют, от лѣсъ исходяще, яко звѣри, посылаемии ими, но и смертем лютым предают без щадости. Наипаче же повсюду имѣют многи совѣтники, и вся грады развращаютъ служащеи симъ и любящеи сих; и всѣх всяко укрѣпляютъ, еже не покарятися твоему величеству и небрещи о твоемъ благородии, но служити учатъ царю Шубину,[21] печатлѣют же всяко писание, с лестми глаголюще: „Да сохранят убо васъ всегда молитвы великих чюдотворцев Сергиа и Никона". Кто же убо сеи Сергий и Никонъ? Се убо обияхомъ всѣхъ воедино, яко гнѣздо птичие, и вси стерты быша от нас, яко птенцы. А сии, что суть противу толика множества покоршихся нам? Тебѣ убо, о великий росийский браздодержателю, самому извѣстно, такоже и нам, яко и от самых царских полатъ мнози ту пречернившеся живут. И аще тако имаши небрещи их, могутъ всегда пакостная устрояти нам. Слух же истинен всѣмъ нам возвѣстися, яко ждутъ князя Михайла Скопу с черными псы, свѣйскими нѣмцы,[22] и Федора Шереметева с понизовскими людми.[23] И тако вкупѣ вси собравшеся и твердыню сию занявъше, могутъ над нами побѣдители показатися. И еще донелиже не укрѣпишася, да повелит твое благородие всяко смирити сих. И аще не обратятся, то разсыплемъ в воздух прахомъ вся жилища их».

Велехвално же емлется за се тезоименитый гугнивому[24] гетманъ Сапѣга[25] с подручными тому воиньствы и всегоркий Александръ Лисовский с воры рускими. И тако на путь злый поспѣшаются.

ПРИХОД ПОД ТРОИЦКОЙ СЕРГИЕВЪ МОНАСТЫРЬ ПАНОВ ПОЛСКИХ И ЛИТОВСКИХ И РУСКИХЪ ИЗМѢННИКОВ, ГЕТМАНА ПЕТРА САПѢГИ[26] ДА ПАНА АЛЕКСАНДРА ЛИСОВЪСКОГО И ИНЫХЪ МНОГИХЪ

В лѣта 7117-ое, въ царство благовѣрнаго и христолюбиваго царя и великого князя Василия Ивановича всея Русии и при святѣйшем патриархе Ермогене[27] Московском и всея Русии, Пресвятыя же и Пребезначалныя Троица Сергиева монастыря при архимарите Иасафе и при келарѣ старцѣ Аврамии Палицыне, Богу попустившу за грѣхи наша, сентября въ 23 день, в Зачатие честнаго и славнаго пророка и предтечи крестителя Господня Иоанна, прииде под Троецкой Сергиевъ монастырь литовской гетман Петръ Сапѣга и панъ Александръ Лисовской с полскими и литовскими людми и с рускими измѣнники по Московской дорогѣ.

И бывшу ему на Клемянтѣевскомъ полѣ, осадные же люди, из града вышедше, конные и пѣшие, и с ними бой великъ сотвориша, и милостию Пребезначалныя Троица многих литовских людей побили, сами же во градъ здравы возвратишася.

Богоотступницы же, литовские люди и руские измѣнники, сия видѣвше, воскричаша нелѣпыми гласы, спѣшно и сурово обходяще со всѣх стран Троицкой Сергиевъ монастырь. Архимаритъ же Иасафъ и весь освященный соборъ со множествомъ народа вниде во святую церковь Святыя Живоначалныя Троица, и ко образу Пресвятыя Богородица и ко многоцѣлбоносным мощемъ великаго чюдотворца Сергиа молящеся со слезами о избавлении. Градстии же людие округ обители слободы и всякиа службы огню предаша, да не когда врагом жилище и

тѣснота велия будетъ от них. Гетман же Сопѣга и Лисовъской, разсмотривше мѣстъ, идѣже имъ с воиньствы своими стати, и раздѣлившеся, начаша строити себѣ станы и поставиша два острога и в них крѣпости многие сотвориша и ко обители пути вся заняли, и никому минути мимо их невозможно ни в дом, ни из дому чюдотворца.

О УКРѢПЛЕНИИ ОСАДЫ

Осадные же воеводы, князь Григорей Борисович Долгорукой да Алексѣй Голохвастовъ,[28] и дворяне приговорили с архимаритом Иасафом и з соборными старцы, что покрѣпити бы град осадою и всѣх бы людей привести х крестному цѣлованию, и головамъ быти старцом и дворяномъ, и раздѣлити градския стѣны, и башни, и ворота, и наряд устроити по башням и в подошевных боехъ, да всяк кождо их вѣдает и хранитъ свою страну и мѣсто и вся яже на бранную потребу устрояютъ, и с приступными людми бьются со стены, а из града и на иную ни на которую службу да не исходят. А на выласку и въ прибавку къ приступнымъ мѣстом людей особь устрояют.

Празднику же свѣтло торжествуему память преподобнаго отца нашего Сергия чюдотворца, сентября въ 25 день,[29] и бѣ тоя нощи ничто же ино от градских людей слышати развѣ воздыхание и плачь, понеже от околних мнози прибѣгше и мнѣвше, яко вскорѣ преминется великая сия бѣда. И толика тѣснота бысть во обители, яко не бѣ мѣста праздна. Мнози же человѣцы и скоты бес покрова суще; и расхищаху всяка древеса и камение на создание кущь, понеже осени время наста и зимѣ приближающися. И друг друга рѣюще о вещи пометнѣй и от всяких потребъ неимущих всѣмъ изнемогающим; и жены чада раждаху пред всѣми человѣки. И не бѣ никому съ срамотою своею нигдѣ же скрытися. И всяко богатьство небрегомо и татми не крадомо; и всякъ смерти прося со слезами. И аще бы кто и камяно сердце имѣлъ, и той, видя сия тѣсноты и напасти, восплакался, яко исполнися на нас пророческое слово реченное: «Праздники ваша свѣтлыа в плач преложу и в сѣтование, и веселие ваше в рыдание».[30]

О ВИДѢНИИ СТОЛПА ОГНЕНАГО

Тогда же нѣцыи старцы и мнози людие видѣша знамение не во снѣ, но наявѣ. От них же единъ священноинокъ Пимин в ту нощь на память Сергия чюдотворца моляшеся Всемилостивому Спасу и Пречистѣй Богородици. И се во оконце келии его свѣт освѣти. Ему же позрѣвшу на монастырь, и видѣ свѣтло, яко пожаръ, и мнѣвъ, яко врази зажгоша монастырь. И в той час изшед на рундукъ келейной. И зрит над церковию святыя живоначалныя Троица над главою столпъ огнян[31] стоящъ даже до тверди небесныя. Священникъ же Пимин велми ужасеся страшному видѣнию и возва братию свою ис келии: диакона Иосифа да диакона Серапиона и из иных кѣлей старцов многих и мирян. Они же, видѣвше, чюдишася знамению тому. И помалѣ столпъ огненый начат низходити и свится вмѣсто, яко облако огнено, и вниде окном над дверми въ церковь Пресвятыя Троица.

О КРЕСТНОМЪ ЦѢЛОВАНИИ

Всенощному же славословию и молебном совершившимся, и абие собравшемся множество народа, и совѣтом начатникъ и всѣх людей крестное цѣлование бысть, что сидѣти во осадѣ без измѣны. В первых воеводы, князь Григорей Борисович Долгорукой да Алексѣй Голохвастов, цѣловали Животворящий Крестъ Господень у чюдотворцовы раки, такоже и дворяне и дѣти бояръские, и слуги монастырские,[32] и стрѣлцы, и все христолюбивое воинство, и вси православные христиане. И оттолѣ бысть во градѣ братолюбство велие, и вси со усердиемъ без измѣны

ратовахуся со враги. И тогда литовские люди уставиша сторожи многие около Троецкого монастыря, и не бысть проходу ни из града, ни во градъ.

О ДУМѢ ПАНОВЪ

Того же мѣсяца въ 29 день полские и литовъские люди и с первосовѣтники своими, рускими богомерскими отступники, всячески размышляюще и совѣтующе тщетная. «Коими образы, — глаголюще, — возможем взяти Троецкой Сергиевъ монастырь, или коею хитростию уловити можем?» И тако совѣт составляют: ово приступы взяти, яко некрѣпокъ глаголюще град и низкостѣненъ; инии же ласкою и грозою повелѣваху у воевод и у народу прошати монастыря. «Аще ли и сим не увѣщаемъ их, и мы коиждо свой подкопъ под городовую стѣну подведемъ и без крови можем градъ взяти». Сице же совѣт ихъ положенъ бысть. На себе бо уповаша, а не на Бога жива, царюющаго вѣки. Якоже писано есть: «Да не хвалится силный силою своею»,[33] вси бо, надеющеися о силѣ своей, погибоша. Воистинну «всуе всяк человѣкъ»[34] и «суетно течение его».[35] И паки: «Избавлю избраннаго моего от оружиа люта» и «осѣню над главою его въ день брани».[36]

Сиа же они совѣтовавше и ничто же успѣша, но всуе трудишася, без Божия бо помощи ничто же может сотворити человѣкъ, Богъ бо есть творит, яко же хощет, и воли его кто противится? Совѣт же гетману Сапѣге и Лисовскому сице уложившем, и въ 29 день прислаша во град Троицкой Сергиевъ монастырь сына бояръсково Безсона Руготина с листомъ, такоже и архимариту з братьею з грозами, имѣющь образ сицевъ:

Грамота

«От великого гетмана Петра Павловича Сапеги, маршалка и секретаря Кирепецкого и Трейсвяцкаго и старосты Киевскаго, да пана Александра Ивановича Лисовского во град Троецкой Сергиевъ монастырь воеводам, князю Григорию Борисовичю Долгорукому да Алексѣю Ивановичю Голохвастову, и дворяном, и дѣтем боярским, и слугам монастырьским, и стрѣлцом, и казаком, и всѣмъ осадным людемъ, множеству народу. Пишем к вамъ, милуючи и жалуючи вас: покоритеся великому государю вашему, царю Дмитрею Ивановичю,[37] здайте намъ град. Зѣло пожалованы будете от государя царя Дмитрея Ивановича. Аще ли не здадите, да вѣсте, яко не на то есмя пришли, не взявъ града, прочь не отойти. Наипаче же сами вѣсте, колицы гради царя вашего московскаго взяхом; и столица ваша Москва и царь вашь сѣдитъ во осадѣ. Мы же пишем к вамъ, снабдяще благородие ваше. Помилуйте сами себе: покоритеся великому имяни государю нашему и вашему. Да аще учините тако, будет милость и ласка к вам государя царя Дмитриа, яко ни единъ великих вас у вашего царя Василия Шуйского пожалован есть. Пощадите благородство свое, соблюдите свой разумъ до нас. Не предайте себе лютой и безвременной смерти; соблюдите себе, и паки — соблюдите сами себе и прочих. Аще же за сею ласкою увидите лице наше, а мы вам пишем царскимъ словомъ и со всѣми избранными паны заистинствуемъ, яко не токмо во градѣ Троецком намѣстники будете от государя нашего и вашего прирожденного, но и многие грады и села в вотчину вам подастъ, — аще здадите град Троецкой монастырь. Аще же ли и сему не покоритеся, милости нашей и ласки, и не здадите нам града, а дастъ Богъ возмем его, то ни един от вас во градѣ милости от нас узрит, но вси умрутъ злѣ».

Такоже и архимариту пишутъ: «А ты, святче Божий, старѣйшино мнихом, архимарит Иасаф, попомните жалование царя и великого князя Ивана Василиевича всея Русии, какову милость и ласку стяжалъ к Троецкому Сергиеву монастырю и к вамъ, мнихомъ, великое жалование. А вы, беззаконники, все то

презрѣли, забыли есте сына его, государя царя Дмитриа Ивановича, а князю Василию Шуйскому доброхотствуете и учите во градѣ Троецком воинство и народ весь сопротивъ стояти государя царя Дмитрея Ивановича, и его позорити, и псовати неподобно, и царицу Марину Юрьевну[38] и насъ. И мы тебѣ, святче архимарит Иасафъ, засвидѣтелствуем и пишем словомъ царским: запрѣти попом и прочим мнихомъ, да не учат воиньства непокарятися царю Дмитрию, но молите за него Бога и за царицу Марину. А нам град отворите без всякия крови. Аще ли не покоритеся и града не здадите, и мы заразъ, взявъ замокъ вашъ, и васъ, беззаконниковъ, всѣх порубаемъ».

Архимарит же Иасафъ з братьею и воеводы и все воиньство, видѣвъше лукавую лесть, яко всячески хотятъ разорити дом Пресвятыя Троица, и вси вкупѣ со смиреномудрием, с плачемъ и рыданиемъ Господа Бога моляще о избавлении града, глаголюще сице: «Надежда наша и упование, Святая Живоначалная Троица, стѣна же наша и заступление и покров, Пренепорочная Владычица Богородица и Приснодева Мариа; способники же нам и молитвеници к Богу о насъ, преподобнии отцы наши, велицыи чюдотворцы Сергий и Никон!» Сими же словесы и благоумными совѣты въ богоспасаемомъ градѣ Троецком монастырѣ благодать Божия со упованиемъ всѣм сердца на подвигъ адаманта твердѣйша укрѣпи.

О ОТПИСКѢ К ПОЛЯКОМЪ И КО ВСѢМ ИЗМѢННИКОМ

Воеводы же приговорили с архимаритом и с прочими соборными старцы и з дворяны, и со всѣми воинскими людми, противъ их льстивыя грамоты к Сопѣге и Лисовскому отписку учиниша сице:

«Да вѣсть ваше темное державство, гордии началницы Сапѣга и Лисовской и прочаа ваша дружина, вскую насъ прелщаете, Христово стадо православных христиан, богоборцы, мерзость запустѣниа. Да вѣсть, яко и десяти лѣт християнское отроча в Троецком Сергиеве монастырѣ посмѣется вашему безумству и совѣту. А о нихже есте к нам писасте, мы же, сиа приемше, оплевахом. Кая бо полза человѣку возлюбити тму паче свѣта и преложити лжу на истину и честь на безчестие, и свободу на горкую работу? Какоже вѣчную оставити нам святую истинную свою православную христьанскую вѣру греческаго закона и покоритися новым еретическим законом отпадшимъ християнския вѣры, иже проклятии быша от четырех вселенских патриархъ? Или кое приобрѣтение и почесть, иже оставити нам своего православнаго государя царя и покоритися ложному, врагу, вору и вам, латине, иновѣрным, и быти нам, яко жидом или и горши сих? Они бо, жидове, не познавше, Господа своего распяша, нам же, знающим своего православнаго государя, под ихже царскою християнскою властию от прародителей наших родихомся в виноградѣ истиннаго пастыря Христа, како оставити нам повелѣваете христианского царя? И ложною ласкою, и тщетною лестию, и суетным богатством прельстити нас хощете. Но ни всего мира не хощем богатства противу своего крестного цѣлования».

И тако с тѣми грамотами отпустивъше в табары.

О ПОСТАВЛЕНИИ ОКОЛО ГРАДА СТѢНОБИТНЫХ ХИТРОСТЕЙ

Того же мѣсяца въ 30 день богоборъцы, Сапѣга и Лисовской, приимше отписку и видѣвше к ним непокорение градских людей, и исполнишася ярости и повелѣша всему своему литовскому и рускому воиньству приступати ко граду со всѣх стран и брань творити. Градстии же людие биющеся с ними крѣпко, Сапѣга же и Лисовской повелѣша туры прикатити и наряд поставити.[39] И той нощи туры многие прикатили и наряд поставили. Первые за прудом на Волкуше горѣ, другие

за прудом же подлѣ Московской дорогѣ; третьие за прудом же на Терентѣевской рощи; четвертые на Крутой горѣ противъ мѣлниць, пятые туры поставили на Красной горѣ против Водяные башни; шестые поставили на Красной же горѣ против погребов и Пивново двора и келарѣвых кѣлей; седмые по Красной же горѣ против келарские и казенных полатъ; осмые из рощи на Красной же горѣ против Плотнишные башни; девятые туры поставили на Красной же горѣ подлѣ Глиняново врага, противъ башни Конюшенных воротъ.[40] И подлѣ туров ископаша ровъ великъ, из рощи от Келарева пруда и до Глиняново врага, и валъ высок насыпали, и по-за тому валу конные и пѣшие люди ходяще.

О НАЧАЛѢ СТРѢЛБЫ ПО ГРАДУ

Мѣсяца октября въ 3 день начаша бити из-за всѣх туровъ, и биюще по граду шесть недѣль беспрестанно изо всего наряду и из верховых, и разженными желѣзными ядры. Обители же Пресвятыя и Живоначалныя Троица покровена бысть десницею вышняго Бога, и нигдѣ же не зажгоша. Ядра бо огненые падаху на празные мѣста, в пруды и въ ямы мотылныа, а разженые желѣзныя ядра из древяных храмин безпакостно изимающе. А иже увязнувших в стѣнах не узрят, тии сами устываху. Но воистинну убо дѣло се промыслъ бысть самого превѣчнаго Бога Вседеръжителя, яже творит преславная имиже вѣсть неизреченными своими судбами. Сущии же на стѣнахъ града людие, не могуще стояти, сохраняхуся за стѣны: изо рвов бо и изъ ямъ меж зубцов прицѣлены быша пищали. И тако людие стояще неотступно, ждуще приступу, и о сем едином и крѣпляхуся. А иже в башнях у наряду, и тѣм велика бѣда бысть и муки от стрѣляния. Стѣнам бо градным трясущимся, и камению разсыпающуся, и вси злѣ страждуще. Но дивно о сем строение Божие бѣ: во время бо стрѣляния зряще вси плинфы разсыпающеся и стрѣлницы и стѣны сътрясаемы, по единому бо мишеню от утра даже до вечера стрѣляние биваше, паки же стѣны нерушимы пребываху. Сповѣдающе же часто о сем врази, яко «зрим всегда в стрѣлянии огнь исходящь от стѣнъ и дивимся о сем, что не от камени, но от глины искры сыплются».

И бысть во градѣ тогда тѣснота велиа, и скорбь, и бѣды, и напасти. И всѣмъ тогда сущим во осадѣ кровию сердца кипяху, но от полезнаго дѣла, еже наченше, не престаху. Смерти же ожидаху, но на Господа Бога упование возлагаху и всяко ко врагом сопротивляхуся. Еще же блядяху богоборцы лютори и песьими своими языки богохулная и никоея же надежи на Господа Бога имѣти глаголюще. «И не возможете, — глаголюще, — избѣжати от рук наших никакоже». Такоже поругающеся имени великого чюдотворца Сергиа и ина многаа богохулная блядяху.

О МОЛИТВѢ АРХИМАРИТА И ВСѢХ СУЩИХ ВО ОСАДѢ

Боголюбивый же пастырь, архимарит Иасафъ, и весь освященный соборъ, и все православное христианьство стояще въ церкви Пресвятыя Живоначалныя Троица, со слезами восклицающе сице: «Господи Боже нашь, безсмертный и безначалный, Содѣтелю всея твари видимыя и невидимыя, иже нас ради неблагодарных и злонравных сшед с небесъ и воплотився от Дѣвица Пречистыя и кровь за ны пролиа, призри убо нынѣ, Владыко Царю, от святаго жилища твоего и приклони ухо твое и услыши глаголы наша, конѣчне погибающих. Согрѣшихом бо, Господи, согрѣшихом всячески студными дѣлы и нѣсмы достойни возрѣти на высоту славы твоея. Разгнѣвахом твоя щедроты, не послушающе твоих повелѣний, и яко неистови еже на нас милости твоея отвратихомся и на злодѣяние и беззаконие обратихомся, имиже далече от тебе отступихом. Вся сиа, яже наведе на ны и на обитель твою праведным и истиным судом, сотворил еси грѣх ради наших; и несть намъ отверсти устъ что глаголати; но убо, о всепѣтый и

всеблагословенный Господи, не предаждь нас до конца врагомъ нашим, и не разори достояниа твоего, и не отстави милость твою от нас, но ослаби нам во время се. Самъ, Владыко, реклъ еси: „Не приидох праведных спасти, но грѣшники призвати на покаяние”[41] во еже обратитися и живымъ быти. Господи Исусе Христе, Царю Небесный, ослаби нам и не остави нынѣ Пресвятыя и Пречистыя ради Богоматере твоея и молитвъ ради святых праведных отецъ наших, теплых заступниковъ Сергия и Никона чюдотворцовъ, прежде благоугодивших твоему владычеству во святѣй обители сей».

Також и Пренепорочнѣй Богородици от среды сердца стонаниемъ и рыданиемъ по вся дни и нощи моляхуся сице: «Ты убо, о Всенепорочная Владычице Богородице, человѣколюбива естеством сущи, не остави святую обитель сию, иже обѣщася явлением своимъ святым преподобному отцу нашему чюдотворцу Сергию; и нынѣ, во время се, да увѣмы, Владычице, истинное твое неложное слово, яже обѣщася, но яко Мати Христа Бога и заступнице християнскому роду, сохрани и помилуй нас по велицей милости твоей, яко да возвеличится имя великолѣпиа твоего во вся вѣки, аминь!»

Архимарит же Иасафъ повелѣ всѣмъ священником наставляти дѣтей своих духовных на покаяние и чистоту имѣти и вся благия дѣтели. И тако вси люде исповѣдающеся Господеви и мнози Пречистых Христовых Тайнъ причащающеся. Литовские же люди и руские измѣнники промышляюще о градоемъствѣ по вся дни и нощи.

О РВѢ И ПОДКОПѢ

Того же мѣсяца октября въ 6 день поведоша ровъ ис подгорья от мелницы возлѣ надолоб на гору х Красным воротам[42] и к надолобам, слоняюще доски, и к нимъ сыпаху землю. И доведоша ровъ на гору против Круглые башни.

Того же мѣсяца въ 12 день ис того же рва повели подкопы под Круглую науголную башню противъ Подолного монастыря.

О ПРИГОТОВЛЕНИИ К ПРИСТУПУ И О ПИРШЕСТВѢ И О ИГРАХ

Того же мѣсяца въ 13 день Сопѣга сотвори пиръ великъ на все войско свое и на крестопреступников, руских измѣнников. И чрез весь день бѣсящеся, играюще и стрѣляюще, к вечеру же начаша скакати на бахматех своих многиа люди и з знамяны по всѣмъ полям по Клемянтиевъским и по монастырским около всего монастыря. По семъ Сапѣга из своих табар вышел с великими полки вооруженными и сталъ своим полкомъ у туровъ за земляным валомъ противъ погреба и Келарские и Плотнишные башни и до Благовѣщенского врага,[43] а Лисовъского Александра полцы — по Тѣрентѣевской рощи и до Сазанова врага и по Переславской и по Углецкой дорогѣ и за Воловию двору до Мишутина врага.[44] Из наряду же из-за всѣх туров, изо многих пушек и пищалей по граду бьюще беспрестани.

О ПРИХОДѢ ПѢШИХ ЛЮДЕЙ КО ГРАДУ

В нощи же той на первом часу множество пѣших людей, литовских и руских измѣнников, устремишася к монастырю со всѣх стран с лѣствицы и с щитами и с тарасы рублеными на колесех[45] и заиграша во многия игры, начаша приступати ко граду. Граждане же бияхуся с ними с стѣн градных, также изо многих пушек и пищалей, и, елико можаху, много побиша литвы и руских измѣнниковъ. И тако милостию Пребезначалныя Троица и молитвъ ради великих чюдотворцов не даша имъ тогда близ града приступити и никоторой пакости граду учинити. Они же, пьяньством своим изгубивше своих много, отоидоша от града. Тарасы же, и щиты,

и лѣствицы пометаша. На утриа же, из града вышедше, вся тая во град внесоша и, тѣм брашна строяще, огню предаша.

Литва же и руские измѣнници, паки тѣм же образом приходяще, стужаху гражданом, ратующе град за седмь дний без опочивания. Овогда же ко граду подъѣжжающе с великими грозами и прещениемъ, иногда же с лестию просяще града, и показующе множество вои, да убоятся граждане. И елико убо врази стужающе имъ, тогда сущии во градѣ паче укрѣпляхуся на них. И тако окаяннии лютори и рустии измѣнницы всуе трудишася и ничто же успѣша, но паче своихъ многих погубиша.

Архимарит же Иасафъ со всѣм освященнымъ собором в тѣ дни бяше во святей велицей церкви, со слезами моляста Бога и Пречистую его Богоматерь и призывающе в помощь великих чюдотворцов Сергиа и Никона о помощи и о укрѣплении на враги, со слезами глаголюще: «Господи Боже, помози нам, конечнѣ погибающим, и не отрини людий твоих до конца, и не дай же достояниа твоего в поношение злым еретикомъ, да не рекутъ: „Гдѣ есть надежа их, нань же уповают?", но да познают, яко ты еси Богъ нашь, Господь Исус Христос, в славу Богу Отцу, аминь».

И веземше честныа кресты и чюдотворную икону Богоматере съ Превѣчным Младенцемъ и прочих святых иконы, обходяще по стѣнах всего града, молящеся со слезами.

О ПРИХОДѢ ЛИТВЫ НА ОГОРОД КАПУСТНОЙ

Того же мѣсяца въ 19 день приидоша литовские люди на огород капусты имати. Из града же увидѣвши, яко немного людей литовских, и не по воеводскому велѣнию, но своимъ изволениемъ, спустившеся съ стѣн градных по ужищем, и литовъских людей побили, а иных переранили. И в то же время в литовские полки утече служень детина Оски Селевина.

О ВЫЛАСКѢ

Воеводы же, князь Григорей да Алексѣй, устроиша из монастыря на литовских людей выласку конными и пѣшими людми. Одинъ полкъ поиде на огород Капустной по плотинѣ горняго пруда къ Служнѣ слободѣ, другой полк — за токарню на Княже поле и за Конюшенной двор. Пѣшие же люди поидоша с конными на Красную гору за враг к туром. В то же время троецкой служка Оска Селевинъ, забывъ Господа Бога, утече в литовской полкъ. Литва же и измѣнники руские, видѣвше троецкое воиньство изшедших из града, и абие устремишася сурово. И от обою страну мнози пивше смертную чашу. У туров же у литовского наряду побили и поранили стрелцовъ, и казаков, и даточных людей немало,[46] и голову у них, троецкого слугу Василия Брехова, ранили, и еще жива в монастырь внесоша и с прочими битыми и ранеными. Архимарит же Иасаф живых пострищи повелѣ и причастити Святых Тайнъ, Тѣла и Крове Христа Бога нашего. И тако со исповѣданиемъ предаша душа своя в руцѣ Господеви. И, освященным собором отпѣвше надгробная, погребоша их честно.

О ЯВЛЕНИИ ЧЮДОТВОРЦА СЕРГИЯ И О ПРИСТУПѢ, И О ЗАПАЛЕНИИ ПИВНОГО ДВОРА

В день недѣлный по утренем пѣнии пономарь Илинархъ сѣде почити и в забытии сна бысть. И абие видит в келию его вшедша великого чюдотворца Сергиа и рекша ему: «Скажи, брате, воеводам и ратнымъ людемъ: се къ Пивному двору приступъ будет зѣло тяжекъ, они же бы не ослабѣвали, но с надежею дерзали». И видѣ святаго ходяща по граду и по службам, кропяща святою водою

монастырская строениа.

По извѣщении же чюдотворца, с недѣли на понедѣлникъ в третьем часу нощи, никому же чающу, возгрѣмѣша изо множества наряду, и многочисленое воиньство литвы со гласом многим устремишася к стѣнам градским со всѣх стран. Против же Пивного двора, вземше множество бремен дров, хврастия, соломы, смолу з бересты и з зелием, и зажегше острог у Пивного двора. И от того огня объявишася вси полцы. С стѣн же града и с Пивново двора из-за тарасов, ис пушек и ис пищалей много побиша литвы, и огни их угасиша, и острогу подсѣчи не даша. Такоже и по иным стѣнамъ града и з башен, козы со огнем спущающе,[47] и литовских людей многих побиша, понеже приидоша близ града.

О ПОБѢГЕ ЛИТВЫ ИЗО РВОВ ИХ

Дни же наставшу память святаго великомученика Димитриа Селуньскаго, на первом часу дни архимарит Иасафъ со всѣм освященным собором и иноцы и весь народ, вземше честныя кресты и чюдотворныя иконы, обходяще по стѣнам града, творяще литию и моление возсылающе ко Всемогущему в Троицы славимому Богу и Пречистей Богоматери. Видѣвше же литовъские люди во рвѣх по стѣнам града ходящих множество людей, и нападе на них страх велик, и убояшася и побѣгоша изо рвов и из ямъ в табары своя.

О ВЫЛАСКѢ И О ПОИМАНИИ ПАНА БРУШЕВЪСКАГО

Воеводы, князь Григорей и Алексѣй, со всѣм христолюбивым воинством, пѣвше молебенъ соборнѣ, учиниша выласку на Княже поле в Мишутинской враг на заставы рохмистра Брушевского и на Суму с товарыщи. И Божиею помощию заставу побили и рохмистра Брушевского Ивана взяли, а рохмистра Герасима на Княжом полѣ и роту его побили, а Сумину роту топтали до Благовѣщенского врага. Врази же, видѣвше своих падение, и вскорѣ приидоша многими полки конные и пѣшие. Градстии же людие, мало-помалу отходяще, внидоша вси во град здравы и ничим же вреждены. Архимарит же со освященным собором, пѣвше молебны съ звоном, благодарственныя хвалы воздающе Всемогущему Богу. Брушевъской же панъ в роспросе и с пытки сказал, что подлинно ведутъ подкопы под городовую стѣну и под башни. А под которое мѣсто ведут подкопы, того, сказал, не вѣдает. «А хвалятся дѣ наши гетманы, что взяти замок Сергиев монастырь и огнем выжечи, а церкви Божиа до основания разорити, а мнихов всякими различными муками мучити, а людей всѣх побити. А не взявъ монастыря, прочь не отхаживати. Аще и год стояти, или два, или три, а монастырь взяти и в запустѣние положити».

Богоборцы же тогда разъяришася велми и начаша гражданом стужати злѣ и залегоша по ямам и по плотинам прудовым, не дающе градским людем воды почерпсти, ни скота поити. И бѣ во градѣ тѣснота и скорбь велиа, и мятеж бѣ великъ осаднымъ людемъ.

О СЛУХѢХЪ

Воеводы же, совѣтовавше с архимаритом Иасафом и з братиею и со всѣми воинскими людми, повелѣша во градѣ и под башнями и в киотѣх стѣнных копати землю и дѣлати частые слухи[48] троецкому слугѣ Власу Карсакову: той бо тому дѣлу зѣло искусенъ. И за се дѣло ятся. В внѣ града от Служни слободы повелѣша глубочайший ров копати. Литва же, видѣвше ровъ копающих, в началѣ перваго часа дни абие прискочивше ко рву множество людей пѣших вооружены зѣло и начаша побивати православных християн лютѣ. Из града же прицѣлены быша к тому мѣсту пушки и затинные многие и побиша литвы много. К сему же и из

града поспешиша многие воинские люди и множество их побили и многих живых взяли и во град введоша. Литва же, не возлюбивше от града частых поминковъ, тыл показавше, вспять возвратишася.

О ИСТЯЗАНИИ ЯЗЫКЪ И О ЧИСЛѢ ВОИНИСТВА ЛИТОВСКАГО И ИЗМѢННИЧЬЯ

Воеводы же новопоиманых языков повелѣша пытати и истязати распросы и пытками о думѣ их и о числѣ воинства их. Они же сказаша, что подлинно гетманы их надѣются град взяти подкопы и тяжкими приступы. А подкопы уже повели под башни и под городовую стѣну октября во 12 день. А которое мѣсто ведут, того не вѣдают. А пановъ радных: князь Констянтинъ Вишневецкой, да четыре брата Тишкѣвичи, панъ Талипской, панъ Велемоской, панъ Козоновской, панъ Костовской и иных 20 панов; а рохмистровъ: Сума, Будило, Стрѣла и иных 30 рохмистровъ; а воинских людей: с Сопѣгою полские и литовские люди, желныри, подолские люди, гусары руские, прузкие, жемоцкие, мозовецкие, а с Лисовским дворяне и дѣти боярские многих розных городов, тотарове многие, и черкасы запорозские, казаки донские, волоские, сѣверъские, астороханские. И всего войска с Сапѣгою и с Лисовским до 30 000,[49] кроме черни и *полоняниковъ.*

О ПОБИЕНИИ ГРАДСКИХ ЛЮДЕЙ И О УЖАСТИ ВЕЛИЦЕЙ ВО ГРАДѢ

Мѣсяца ноября въ 1 день, на память святых безсребреник Козмы и Дамиана, во втором часу дни из града устроиша выласку конными и пѣшими людми на литовских людей. Богу попустившу грѣх ради наших, и сего ради охрабришася на нас врази и многих градских людей побили и поранили, подщавшихся положити главы своя за святую православную вѣру и за обитель преподобнаго отца нашего чюдотворца Сергия. И на том бою убили слугу нарочита Копоса Лодыгина ис пушки, и соверши его Богъ во иноческом чину преставитися. Тогда же на выласкѣ грѣх ради наших побили и поранили троецких всяких людей 190 человѣкъ, да въ языки взяли на подкопном рвѣ старца священника Левкию, да трех служних людей, да московского стрелца, да дву клемянтѣевскихъ крестьянских дѣтей.

Архимарит же раненых постричи повелѣ, и причастившеся Тѣла и Крове Христа Бога нашего, и преставишася в вѣчныя обители. И погребоша их честно, соборнѣ отпѣвше над ними надгробныя пѣсни. А живых раненых лечити повелѣ и покоити монастырскою казною. Еретическое же исчадие и измѣнницы руские горше перваго ратоваху град. Тогда же бысть во граде всѣмъ православным христианом скорбь велика, и плачь велик, и ужасть ради подкопов, понеже слух во ушеса всѣх людей разыдеся, что ведут литовские люди подкопы, а о том достигнути не могут, под которую стѣну или башню ведутъ. И тако вси смерть свою коиждо пред очима видяще, и вси притичюще къ церкви Живоначалныя Троица и к цѣлбоносным мощем теплых заступниковъ наших, великих чюдотворецъ Сергиа и Никона, и вси на покаяние к Богу обратишася, исповѣдающеся Господеви и отцемъ своим духовным. Ови же и причастишася Тѣла и Крови Господня, къ смерти готовящеся.

О УТѢШЕНИИ ИНОКЪ

Добродѣтелнии же суще иноцы, обходяще по всему граду, молящеся христолюбивое воинство и всѣх людей, глаголюще: «Господие и братие, прииде час прославити Бога и Пречистую его Матерь, и святых великых чюдотворцовъ Сергия и Никона, и нашу православную христианскую вѣру! Мужайтеся и крѣпитеся и не ослабляйте в трудѣх, ни отпадайте надежею, яко да и нас помилуетъ и прославит Всещедрый Господь Бог! Не унывайте убо в скорбѣхъ и бѣдах, нашедших на ны! Но упование возложим на Бога и на молитвы великих наших заступников Сергиа и Никона, и узрим славу Божию! Той бо может избавити нас от рукъ всѣх врагов наших. Аще ли, братие, кто и постражет нынѣ во

время се, той мученикъ будет Господеви своему, понеже пострада за превеликое его имя!» И тако укрѣпляюще всѣх православных христианъ, сущих на стѣнах града. И сего ради вси паче охрабришася, биющеся крѣпце со враги своими.

Воеводы же повелѣша стрелцом и всяким охочим людем исходити из града нощию тайно ради языковъ по ямом и во рвѣх, что они ископали близ града. И милостию Божиею языков много емлюще и водяще во град. Подкопнаго же мѣста никакоже возмогоша у них довѣдатися: вси глаголюще, что есть подкопъ, а под которое мѣсто ведут, того не вѣдают.

О ПРИСТУПѢ

Того же мѣсяца въ 2 день въ 3-м часу нощи в литовских полцѣх бысть шум велик и заиграша во вся игры, поидоша на приступъ ко граду, яко и преже. Градские же людие бьяхуся с ними крѣпко, не дающе имъ ко граду приступити.

О ЯВЛЕНИИ СЕРЬГИА ЧЮДОТВОРЦА АРХИМАРИТУ ИАСАФУ

В то же время въ церкви Пресвятыя Троица архимариту Иасафу воздрѣмавшу, и се внезапу видит святаго и блаженнаго отца нашего Сергия, великаго чюдотворца, стояща против чюдотворного образа Святыя Живоначалныя Троица и руцѣ свои горѣ воздѣвша и молящася со слезами Святѣй Троицы. И обращся святый ко архимариту и глагола ему сице: «Брате, въстани, се время пѣнию и молитвѣ час, „бдите и молитеся, да не внидете в напасть".[50] Господь Всесилный многих своих ради щедрот помилова вас и прочее время подастъ вамъ, да в покаянии поживете». Архимарит же Иасафъ о семъ явлении, одержим страхом многим, исповѣда всей братии.

Гордостию же надмени, литовские люди тяжко и беспрестанно ратующе град Троецкой, прокативше туры и тарасы многие ко граду. Из града же удариша изо многих пушекъ и пищалей по щитом и тарасом ихъ, которые быша близ града, и много литовских людей побили. Дню же наставшу, из града вышедше конные и пѣшие люди и от града литовских людей отогнаша. Они же побѣгоша, гонимы гнѣвом Божиим. Градстии же людие приступныя козни их вся огню предаша, а иныя во град внесоша.

В четвертый же день того же мѣсяца в нощи паки литва своим дѣлом промышляюще, но издалеча, а ко рву и къ стѣнам близко приходити не смѣюще. Из града же вышедше пѣшие люди к литовъским людем к Нагорнему пруду за надолобы близко подкопново рву. Литва же и руские измѣнницы восташа изо рвовъ и изъ ямъ, яко дѣмоны, нападоша на градских людей и сотвориша бой велик. На бою же том убили троецкого слугу Бориса Рогачева и многих слугъ, и стрѣлцов, и казаков поранили; тогда же емше казака Дѣдиловского ранена. Онъ же в роспросе и с пытки сказал, что подлинно подкопы поспѣвают, а на Михайлов день хотят подставливати под стѣны и под башни зелие.

Воеводы же водяще его по городовой стѣнѣ, он же все подлинно указал мѣста, под которую башню и под городовую стѣну подкопы ведут. И изнемогаше от многих ранъ и начат умирати. И вопияше великим гласомъ со слезами и рыданиемъ: «Сотворите мнѣ, винному и бѣдному человѣку, великую милость, дайте мнѣ, Бога ради, отца духовнаго, сподобите мя быти причастника Святым Христовым Тайнам!» Архимарит же Иасафъ повелѣ его, поновив, причастити Святых Христовыхъ Тайнъ.

Воеводы же во градѣ против подкопов от Подолныя стѣны до Святых ворот велѣли острог поставити и тарасы насыпати и наряд устроити.

О ИВАНЕ РЯЗАНЦЕ

Тоя же нощи прииде в Троецкой монастырь выходецъ из Лисовских табаръ казакъ Иван Рязанец станицы атамана Пантелѣймона Матерово, а сказал, что подкопы подлинно поспѣли под нижнюю под Круглую башню.

Да тот же казакъ Иванъ Рязанецъ сказал сицеву повѣсть: «Дѣялося де в прошлую нощь с суботы на недѣлю: было явление атаманомъ и казаком, а сказывал атаман нашъ Пантелѣймон Матерой, такожe и от нас мнози видѣли своима очима, и иных станицъ атаманы и казаки многие то же видѣние видѣли и глаголы старца слышели жестоки з запрещением. Видѣша бо около града по поясу ходящих дву старцов — брады сѣды, свѣтозарны образом, яко быти имъ по образу и по подобию великимъ чудотворцом Сергию и Никону. Един же в руцѣ имѣяше кадилницу злату, а над кадилницею Животворящий Крестъ и кадяще обитель свою и огражаше Честнымъ и Животворящим Крестомъ стѣны града. Другий же имѣяше в руцѣ своей правой кисть, яко кропило, въ другой же руцѣ чашу. И, кропя святою водою стѣны и прочая вся во обители и поюще своими усты велегласно тропарь „Спаси Господи, люди своя", кондак „Вознесыйся на крестъ”, — оба до конца. И обращся к нашим полком преподобный, — от лица же его неизреченный свѣт сияше, яко огнь паля, — и глаголаше ярым гласомъ и жестоко претя: „О злодѣю законопреступницы! Почто стекостеся разорити дом Пресвятыя Троица, и в ней Божиа церкви осквернити, и иночествующих и всѣх православных христианъ погубити? Не дастъ вам жезла на жребий свой Господь!” Нашим же окаянным казаком и литовским людем по них стрѣляющим из луковъ и из самопалов, стрѣлы же и пулки наши от них отскачюще, к нам возвращахуся и многих уязвляху; и многие люди ранены от тех пулекъ в наших полцех помроша на извѣщение и на болшее чюдо прославляющу Богу угодников своих». И тоя же нощи во снѣ явися преподобный чюдотворец Сергий атаманом и многим казаком.

Тѣм же образом явися и гетману и радным паном, и рохмистромъ, претя жестоко и глаголя сице: «Молбу на вас, злодѣевъ, сотворю Вышнему Царю, и во вѣки осуждени будете мучитися в геонских муках». И быша, яко молниа и громи страшни, и от востока истече рѣка велика, а от запада и полудне два езера велики, и снидошася вси трие во едино; и взыде вода, яко гора велика, и потопи всѣ полки литовския и всѣх безвѣстно сотвори. На утрия же сшедшеся Сопѣга и Лисовъской и со всѣми рускими измѣнники вкупѣ и сказывающим имъ сны своя друг другу и глаголюще: «Что се хощет быти? Воды многи потопиша полки наша!» Тогда же предстоя пред ними донской атаман Стефан Епифанец станицы Смаги Чертенского, имѣя под собою войска пятсотъ казаков, и глагола имъ: «Великиа гетманы, аз скажу вамъ: сны сия не на добро бывают. Се убо знамение являет преподобный Сергий чюдотворецъ: яко не водам повелѣваетъ потопити, но множество православных христианъ вооружитъ на нас. И велико падение нашим людемъ будет». Литовские же люди великою кручиною объяти бывъше, сиа слышавше, и совѣщаша его с казаки побити, глаголюще, яко «сей возмущает полки наша и ужасаетъ люди воиньскиа». Стефан же и казаки, увѣдевше сиа, и собравшеся вси пятьсотъ человѣкъ и тоя же нощи побѣгоша, обѣщавшеся ко Святѣй Живоначалнѣй Троицѣ и Пречистой Матери Божии и великим чюдотворцом Сергию и Никону потомъ таковаго зла не творити, ни царствующему граду, но с православными христианы стояти за один на иновѣрныя; и призывающе в помощъ великих чюдотворцов. Полцы же литовъскиа догнаша их в Троецкой волости в Вохне на рѣкѣ на Клязмѣ. Они же помиловани быша от Бога молитвъ ради преподобных отецъ Сергия и Никона, отоидоша от литовских людей ничим же невреждены. Такожe и Оку рѣку превезошася ниже Коломны и приидоша на Донъ к своему атаману вси здравы.

О сем же знамении и о Стефанѣ Епифанцѣ атаманѣ принесоша ми писаниицѣ оставшиися иноцы во обители чюдотворца, ово же словом повѣдающе ми о семъ. Аз же и сиа повелѣх здѣ вписати, аще истинна есть и сия, яко да не обрящуся от Бога раб нерадив и презоривъ о чюдесѣх преподобных отецъ. Сия же до здѣ.

Воеводы же совѣтовавше со архимаритом Иасафом и з старцы и со всѣми воиньскими людми, чтобы очистити испод городовыя стѣны в ров потайные ворота для скорые выласки. Каменосѣчцы же, сыскавше старой вылаз подлѣ Сушилныя башни,[51] и очистили и трои двери придѣлаша к ним желѣзные.

О СТРЕЛБАХ ПО ГРАДУ НОЯБРЯ В 8 ДЕНЬ

Того же мѣсяца въ 8 день на праздникъ собора святаго архистратига Михаила. День той пребысть плача и сѣтованиа, яко уже преиде 30 дней и 30 нощей и беспрестанно со всѣх стран из-за всѣх туров изо штидесят трех пищалей биюще по граду и из верховых.[52]

В той же день иде въ церковь Святыя Троица клирикъ Корнилей, и внезапу прилетѣ ядро пушечное и оторва ему правую ногу по колѣно, и внесоша его в папертъ. И по Божественей литоргии причастися Животворящих Тайнъ Христовыхъ и глаголаше архимариту: «Се, отче, Господь Богъ архистратигом своимъ Михаилом отомстит кровь православныхъ християн». И сия рекъ старецъ Корнилей, преставися. Да того же дни убило ис пушки старицу, оторвало руку правую и с плечем.

Воеводы же и вси осадные люди во градѣ, избравше старцовъ добрых и воиских людей, которым ити на выласку и на подкопъные рвы, и разрядивше войско и учредиша по чину. В Михайлов же день святого архистратига поющим вечерню, и вси сущии во обители людие с воплем и рыданием и в перси биеньми просяще милости у Всещедраго Бога, и руцѣ воздвижуще горѣ и на небо взирающе и вопиюще: «Господи, спаси ны, погибающихъ, скоро предвари и избави нас от погибели сея имени твоего ради святаго. И не предай же достояниа твоего в руцѣ скверным симъ кровопийцам».

Врази же Святыя Троица дѣломъ своимъ коварствено промышляюще о градоемъствѣ и беспрестанно стрѣляюще изо многих пушек и пищалей. Во время же псалмопѣниа внезапу ядро удари в болшой колоколъ, и *сплы* во олтарное окно Святыа Троица, и проби в дѣисусѣ у образа архистратига Михаила[53] дску подлѣ праваго крыла; и ударися то ядро по столпу сколзь и сплы въ стѣну, отшибеся в насвѣщник пред образом Святыя Живоначалныя Троица и наязви свѣщник, и отразися в лѣвой крылос и развалися. В той же часъ иное ядро прорази желѣзныя двери с полуденныя страны у церкви Живоначалныя Троица и проби дску мѣстнаго образа[54] великого чюдотворца Николы выше лѣвого плеча подлѣ венца; за иконою же ядро не объявися.

Тогда убо в церкви Святыя Троица нападе страх великъ на вся предстоящая люди, и вси колеблющеся. И полианъ бысть мостъ церковной слезами, и пѣнию медлящу от множества плача. И воздѣюще руцѣ свои горѣ къ Пребезначалнѣй Троицѣ и ко Пречистѣй Богородици и великим чюдотворцом Сергию и Никону и молящеся о помощи и заступлении от враговъ.

Во время же стихеръ пѣниа архимарит Иасафъ в велицѣй печали сѣтуя и сведен бысть в забытие мало, и се видит великого архистратига Михаила; лице же его, яко свѣть, сиаше, и в руку своею имѣяше скипетръ и глаголаше к сопротивным: «О врази лютори! Се ваша, беззаконницы, дерзость и до моего образа доиде. Всесилный же Богъ воздастъ вам въскорѣ отмщение». И сия рекъ святый,

невидим бысть. Архимарит же повѣда се видѣние всей братии. И облекошася во священныя ризы и пѣша молебны Всесилному Богу и архистратигу Михаилу.

На Терентѣевской же рощи бѣ у них пищаль люта зѣло, зовома Трещера. Воеводы же повелѣша стреляти на Терентѣевскую гору по литовскому наряду из башни Водяных ворот. Удариша по болшой их пищали по Трещерѣ и разбиша у нея зелейникъ. Такоже и от Святых ворот с Красныя башни удариша по той же пищали и разбиша у нея устие. И видѣша с Троицкого града сущии людие, благодариша Бога, яко разруши злый той сосуд.

Архимариту же Иасафу келейное правило[55] правящу и взирающу на образ Пресвятыя Богородица и со слезами прося помощи и заступления, и воздрѣма. И видит в келию вшедша преподобнаго отца нашего Сергиа и глаголюща: «Въстани, не скорби, но в радости молитвы приноси, предстоит бо и молится Богу о обители и о вас Святая Пречистая Богородица и Приснодѣва Мариа со аггелскими лики и со всѣми святыми». Паки же и иныя старцы повѣдали различная знамения — священноинок Генадей, и священноинокъ Гурей, и священноинокъ Кипреян, и иныя мнози черноризцы и миряне, яко видѣша святаго Сергиа чюдотворца, ходяща по монастырю и будяща братию и глаголюща сице: «Идѣте, иноцы, немедлено во святую церковь и обрящете благодать». И потом видѣша вшедша въ церковь Святыя Троица Серапиона, архиепископа новгородскаго, во святительстей одежди и во святѣмъ олтари пред образом Святыя Богородица ставша. И обратився к нему святый чюдотворец Сергий, рече: «Отче Серапионе, почто умедлилъ еси принести моление ко Всесилному Богу и Пречистѣй Богородицы?» Святый же архиепископъ Серапионъ, воздѣвъ свои руцѣ, и возопи: «О Всепѣтая Мати, рождшиа всѣх святых святѣйшее Слово! Нынѣшнее приношение приемши, от всякия напасти избави всѣх и грядущая изми муки, вопиющая: аллилуйа!» И абие начаша благовѣстити к заутреннему пѣнию. Старцы же, сиа видѣвше, исповѣдаша архимариту и воеводам.

Сиа же старцы вси отидоша къ Богу еще во осадѣ тогда бывшии. Принесе же ми о сем писание диакон Маркел ризничей.[56] Аз же, исправив сие, повелѣх написати.

О ВЫЛАСКѢ И ОБРѢТЕНИИ ПОДКОПОВ И О ЗАРУШЕНИ ИХ

Воеводы, князь Григорей Борисович и Алексѣй, урядивше полки вылазных людей, приидоша в церковь Святыа Живоначалныя Троица, знаменавшеся к чюдотворным образомъ и къ целбоносным мощемъ преподобнаго отца нашего Сергиа чюдотворца. И пришедше ко вратом потайным, повелѣша выходити по малу и во рву укрыватися. В то же время с Пивного двора[57] вышли головы в воеводское мѣсто туляне Иванъ Есипов, Сила Марин, Юрьи Редриковъ переславецъ с своими сотнями и з даточными людми на Луковой огород и по плотине Красного пруда. Также и ис Конюшенных ворот вошли со многими знамены головы дворяне: Иванъ Ходыревъ олексинецъ, Иванъ Болоховской володимерецъ, переславцы Борис Зубовъ, Офонасей Редриков и иные сотники с сотнями, с ними же и старцы троецкие во всѣх полках.

И егда начаша из града выходити за три часа до свѣта, и абие наидоша облацы темныя, и омрачися небо нелѣпо, и бысть тма, яко ни человѣка видѣти. Таково Господь Богъ тогда и время устрои своими неизреченными судбами.

Людие же вышедше из града и ополчишася. И абие буря велика воста и прогна мрак и темныя облаки, и очисти воздух, и бысть свѣтло. И егда удариша в осадные колокола потрижды, тако бо повелѣно имъ вѣсть подати, Иван же Ходырев с товарыщы, призвавше на помощь Святую Троицу и крикнувше многими

гласы, нарекше ясакъ Сергиево имя, и вкупѣ нападоша на литовских людей нагло и мужественно. Они же, услышавше ясакъ той, и абие возмятошася и, гнѣвом Божиимъ гонимы, побѣгоша.

В то же время от Святых ворот голова Иван Внуков с товарыщы и со всѣми людмиприиде противъ подкоповъ на литовских людей, возвавше той же ясакъ, збивше литву и казаковъ под гору на Нижней монастырь и за мелницу.[58] А Иван Есипов с товарыщы своимъ полком бьющеся с литвою по Московъской дорогѣ по плотинѣ Красного пруда до Волкуши горы. Старцы же Сергиева монастыря ходяще в полкахъ, бьющеся с литвою, и укрѣпляюще люди не ослабляти в дѣлех. И тако вси охрабришася и бьяхуся крѣпко, глаголюще друг другу: «Умрем, братие, за вѣру христианскую!»

И благодатию Божиею тогда обрѣтоша устие подкопа. Въскочьше же тогда во глубину подкопа ради творимаго промысла крестьяне клемянтиевские Никон, зовомый Шилов, да Слота; и егда же зажгоша в подкопѣ зелие с калы и смолу, заткавше устие подкопа, и взорва подкопъ. Слота же и Никон ту же в подкопѣ згорѣша.

Градстии же людие приступающе крѣпко к Волкушѣ горѣ к наряду литовскому; они же стрѣляюще из-за туровъ. Тогда же ранили голову Ивана Есипова и троецких людей прогнали до Нижняго монастыря. Голова же Иванъ Внуковъ, обратився съ своими людми от Нижнево монастыря по плотинѣ и по пруду, и прогна литву и казаков на Терентѣевскую рощу и до Волкуши горы, побивающе ихъ нещадно. Троецкой же слуга Данило Селевинъ поносим бываше отъѣзда ради брата его Оски Селевина, и не хотяше измѣнничья имени на себѣ носити и рече пред всѣми людми: «Хощу за измѣну брата своего живот на смерть пременити!» И с сотнею своею прииде пѣшь к чюдотворцову Сергиеву кладязю[59] на измѣнника атамана Чику с казаки его. Данило же силенъ бяше и гораздъ саблею и посѣкая многих литовъских людей, к сему же и трех вооруженых на конех уби. Литвин же удари Данила копиемъ в груди, Данило же устремися на литвина того и уби его мечем, сам же от раны тоя начатъ изнемогати крѣпце. И вземше его, отведоша в монастырь, и преставися во иноческом образѣ.

Головы же Иванъ Ходыревъ, Борис Зубовъ со своими сотнями прогнаша литву и казаковъ за мелницу на лугъ. А Иван Внуков остася на Нижнем монастырѣ. Атаман же Чика уби Ивана Внукова из самопала. И отнесоша его в монастырь. И бысть троецким людем скорбь велиа о убитых дворянех и слугах, понеже быша мужествени и ратному дѣлу искусни.

Троецкое же воиньство паки исправяся убили дву полковников, дворян королевских, Юрья Мозовецкого да Стефана Угорскаго, да четырех рохмистровъ желнырьских и иных панов, и всяких людей многих побили и поранили. А живых поиманых языков во град введоша.

О ВЗЯТИИ ЛИТОВСКОГО НАРЯДУ

Того же дни градстии людие, овии убо от многаго труда во град внидоша, овым же еще дерущимся с литвою и с рускими измѣнники, нѣкоим же боголюбивым иноком вложи Богъ благую мысль, и приидоша на Пивной дворъ к чашнику старцу Нифонъту Змиеву глаголюще: «Отче Нифонте! Врази наши одолѣвают намъ, но Святая Троица дарова нам бѣдным велику помощь над враги: подкопы их отняли и зарушили; и к тебѣ сего ради приидохом: даждь намъ о сем совѣтъ, чтобы еще отняти у литовских людей на Красной горѣ туры и своему воиньству помощь и отраду сотворити». Старец же Нифонтъ, и с прочими старцы посовѣтовав, и вземше с собою двѣстѣ человѣк ратных и старцовъ тридесят и

поидоша с Пивново двора на выласку; и прешедше прудовую ручевину, и взыдоша на Красную гору к туром и к наряду литовскому.

Вѣсть же в манастырѣ учинися, яко троецкое воиньство на литовской наряд поидоша. Осадные же люди скоро пришедше ко вратом градным х Конюшеннымъ и нужею воеводу Алексѣя Голохвастова и приставов вратных премогоша и градная врата сами отвориша и устрѣмишася спѣшно к туром, взыдоша на Красную же гору. Литва же и руские измѣнники из-за туров своих стрѣляюще изо многих пушек и пищалей и из мѣлково оружиа, и збиша людей троецких под гору к Пивному двору. Множество же народа паки второе устремишася нуждею и взыдоша ис-подгория великою силою, приступающе к туром, к наряду литовскому. Богоборцы же начаша стрѣляти изо многих пушекъ с Волкуши горы поперегъ троецкого воиства и в тыл с Терентиевъские рощи и мног мятеж учиниша и ужасть в троецких людех. Они же видѣвше, яко устрашишася троецкое воиньство от стрѣляниа их, и абие *полки их* литовские и руские измѣнники вси, въскорѣ вышедше из-за туров своих, и градских людей всѣх под гору согнаша. С стѣн же градских стрѣляюще по них, возвратиша их вспять. Они же возвращьшеся и заиграша во вся игры, яко градьских людей прогнаша от наряду своего.

Градские же люди совѣтовавше отоити во враги: в Благовѣщенской, да в Косой, да въ Глиняной враг, инѣм же троецким еще бьющемся с литвою за Круглым прудом и за Капустным огородом близ Келарева пруда. И озрѣвшеся и не видѣвше градских людей на горѣ, ни у Пивного двора единого человѣка, и ужасошася, мнѣвше всѣх побитых от литовских людей, но токмо видяще у Святых ворот и на Нижнем монастырѣ перьвых людей вылазных дерущихся с литвою и с казаки.

Градские же люди утаившиися во врагѣх: в Благовѣщенском, и в Косом, и в Глиняном. От них же Иван Ходыревъ да троецкие слуги, Ананья Селевин с немногими людми, всѣдше на кони и устремившеся полем позади туров литовского наряду; и бѣ полчекъ их малъ зѣло, пред полчком же тѣм троецким, глаголют, видѣша з города многие люди воина вооружена, лице же его, яко солнце, конь же под ним, яко молния блистаяся. И в той час въскочивъ с людми троецкими в первые туры, такоже и во вторые, и в третие, и в четвертые, и в пятые, и обьявителна видѣша его Божиа посланника и помогающа православному христианству, дондеже и наряд взяша. И тако невидимъ бысть, даровав помощь и одолѣние на враги.

Троецкое же воиньство, конные и пѣшие, скрывшеися, вскорѣ изо враговъ вышедше, приступльше к первым туром к литовскому наряду. Литва же и казаки руские побѣгоша к другим туром. Градские же люди, побивающе их лютѣ, такоже из других и ис третьихъ выгнаша; о четвертых же и о пятых турах наряду своего литва и казаки укрѣпишася и бияхуся крѣпко. И ту под Борисом Зубовым убиша коня. Литва же многие люди скочьше хотяху Бориса жива взяти. Троецкой же слуга Ананья Селевин мужествен и с прочими воиньскими людми устремишася на литовских людей, и прогнаша их за туры. Вскоре же подоспѣша к ним многие люди, Иван Ходырев и с ним дѣти бояръские, и слуги, и все множество народа, и внидоша в четвертые и пятые туры к литовскому наряду. Слуга же Мерькурей Айгустов первѣе всѣх поспѣ к туром. Пушкарь же литвин уби Меркурья ис пищали. Тому же пушкарю отсѣкоша главу.

И тако помощию Живоначалныя Троица многих литовских людей побили и языков нарочитых панов живых взяли с литаврами и с трубками и со многими знамяны во град введоша. Да тут же взяли восмь пищалей полуторных и полковых и всякого оружиа литовского, затинных и изрядных сампопалов и рушницъ, копей

же и кордовъ, палашей и сабель, пороху же бочки и ядеръ, и всяких запасов множество во град внесоша. Останцы же с турами и с тарасы и со оставшимся зелиемъ вся огню предаша. Людей же троецких убитых и раненых побраша и во град внесоша. Пламени же разливающуюся и поядающу зданиа еретикъ, гетман же Сапѣга, видѣвъ заимающася огнем твердѣйшая станища своя, побѣже в табары своя, такоже и злый еретикъ лютор Лисовской.

Вся же сиа содѣяся во един день в среду, мѣсяца ноября въ 9 день, на память святых мученикъ Анисифора и Порфириа. За три убо часа до свѣта начаша битися и до самого вечера кровь лияшеся. В той день подкопы зарушили и наряд литовской взяли. И благодатию Пресвятыя Троица бысть в Троецком Сергиеве монастырѣ радость и веселие всему православному христианьству о величии Божии, яже сотвори Богъ преславная в той день.

Боголюбивый же архимарит Иасаф с братиею повелѣ звонити даже и до полунощи. Сам же со освященным собором и со всею братьею в храмѣ Трисоставнаго Божества молебны поюще, хвалу и благодарение возсылающе Богу, и Пречистѣй Богородицы, и великим чюдотворцом, Сергию и Никону, и всѣм святымъ, иже от вѣка Богу угодившим.

Изочтоша же троецких всяких побитых людей того дни 174 человѣки да раненых 66 человѣкъ. Архимарит же убьенных погребе честно соборнѣ, а раненых постричи повелѣ. От них же первый Иван Внуковъ — во иноцех Иона, Иван Есиповъ — во иноцѣх Иосиф, Данило Дмитрѣевъ сынъ протопоповъ с Москвы от Покрова со рву — во иноцѣх Давыдъ, троецкие слуги Данило Селевин, Меркурей Айгустов — в иноцех Мефодей, и иные многие. И причастишася Святых Таинъ Христа Бога нашего, преставишася ко Господу.

Воеводы же и дворяне, и все воиньство Сергиева монастыря, изшедше за град соглядати трупиа мертвых литовских и руских измѣнников на Красной горѣ у наряду их во рву и въ ямах побитых, и у прудовъ у Клемянтѣевъсково, и у Келарева, и у Конюшенново, и у Круглово пруда, и около церквей Нижнево монастыря, и около мелницы, и против Красных ворот у подкопных рвовъ, и смѣтивше литвы и измѣнников болши полуторых тысяч, да сказали полоняники и выходцы, раненых до 500. Воеводы же и все христолюбивое воиньство приговорили со архимаритом и з братьею послати к Москвѣ къ государю съ еунчем сына бояръсково переславца Ждана Скоробогатово.

О ЗАВОДНЫХ ЛИТОВЪСКИХ ЛЮДЕХЪ

Гетман же Сапѣга и Лисовъской паки умыслиша совѣт лукав над троецким воиньством. В нощи заведоша множество ротъ конных и скрыша у рыбных садов и в Сазанове и в Мишутинѣ врагѣ, дабы имъ от града отъѣхати троецкое воиньство. И, приѣжжающе к надолобам, начаша манити людей из града. Людие же во градѣ, не вѣдуще безбожных лукаваго пронырства, и изшедше на выласку конные и пѣшие. Литва же лукавъствующе и на бѣгъство обратишася. Из града же людие за ними устремишася. Стражие же, увидѣвше с церкви заводных людей во врагах стоящих, начаша бити в осадной колоколъ. Тогда же возвратишася къ стѣнам градным. Видѣвше же лукавии, яко не улучиша желаемаго, и тако из лѣсов и изо враговъ, яко лютыя лвы ис пещер и из дубравъ, на православное христианство устремишася и притиснуша къ стѣнамъ градным. Градстии же людие тогда с стѣн многих литовских людей побили и живых взяли желныр четыри человѣки. Не возлюбиша же окаяннии из града частых подарков и ктому же приложиша близ стѣн приходити, и изо рвовъ своих и из ямъ, ископанных ими, разыдошася в табары своя.

О ВЫЛАСКИ НА СТОРОЖИ ЛИТОВЪСКИЕ И РУСКИЕ

Во един же от дний тѣх, еще убо тогда во градѣ Троецкомъ Сергиеве монастырѣ множество воиньства храбрьствующих на враги и борющеся, дни освѣтающу недѣлному, бысть велика мгла в зимнее время. Воеводы же паки устроиша выласку на заставы литовские, в Благовѣщеньской враг и на Нагорнюю заставу къ Благовѣщенскому лѣсу,[60]а иных людей послаша к Нагорнему пруду за сады на заставы руских измѣнниковъ. Изшедше же конные люди и заставу в Мишутинѣ врагѣ побили; вскорѣ же поспѣвше и на Нагорнюю заставу, и тое топташа по Красной горѣ вдоль и до Клемянтѣевского пруда и многих побили. Из Сопѣгиных же табаръ многие роты приидоша, и бысть бой великъ. Из града же вышедше на помощь многие люди, конные и пѣшие, и прогнаша литву паки до пруда Клемянтѣевского. Александръ же Лисовской, яко змий возсвиставъ со своими аспиды, хотя поглотити православных воиньство, и въскорѣ прииде с конными и с пѣшими людми и с рускими измѣнники с Терентѣевской рощи противъ Красных ворот на вылазных троецких людей, бьющихся с полком его, с рускими измѣнники, и, яко лютый левъ ревый, хотя всѣх поглотити. Троецкое же воиньство бьющеся с ними крѣпце, не могуще одолѣти, отоидоша от них в городовые рвы.

Литовских же людей с стѣн градныхъ многих побиша. Воеводы же из града еще к ним устроиша на помощь выласку конную, а голов с ними отпустили старцов Ферапонта Стогова, Малафѣя Ржевитина и прочих старцовъ двадесят человѣкъ. Они же изшедше и мужествено устремишася на литовских людей. К сим же поспѣвше с Красной горы бьющиися с литвою и с поляки, прочии же скрывшеся на Красной горѣ в Глиняном врагѣ. И преподобнаго и великаго аввы Сергиа и блаженнаго Никона молитвами их устраши Богъ, беззаконных. И видѣся Лисовскому, яко из монастыря тмочислено многое воиньство изшедших; и абие устрашися злый враг кровопийца и побѣже, гоним силою Божиею, со всѣм своим воиньством под гору за мелницу на лугъ и на Тѣрентеевскую рощу. Троецкое же воиньство побивающе их мужествено. Тогда же взяша жива рохмистра Мартьяша, славнаго ратоборца, и иных панов во оружии во град введоша.

Лисовской же ста в раздолии за горою за Волъкушею, к нему же приидоша вскорѣ Сопѣгины роты конные. Он же лукавый, яко змий меташеся, какъ бы срамоты своея избыти, не вѣдый, яко против Вышняго силы ратовашеся. И се видит еретик и с ним многия поляки, яко близ полку их ѣздит старецъ, имѣя в руцѣ своей мечь обнажен и претя ему жестоцѣ . И невидим бысть от очию их.

Гетман же Сапѣга прииде на Красную гору на троецких людей по всему Клемянтѣевскому полю всѣми своими полки; Лисовъской же о пришествии Сопѣгинѣ возвеселися и хотя совѣту одолѣти Господа Бога Вседержителя, и повелѣ в полку своемъ в трубки и в сурны играти, и в накры и по литаврам. А абие въскорѣ с Сопѣгою устремишася на Красную гору поперегъ всѣх троецких людей, хотяще во единъ час всѣх потребити. И согнаша троецких пѣших людей под гору к Пивному двору. И бѣ воистину чюдно видѣти милость Божию троецкому воиньству и заступление и помощь на враги молитвъ ради великих чудотворцовъ Сергия и Никона. И сотвори Господь преславная тогда. И нератницы охрабришася, и невѣжди и никогда же обычай ратных видѣвшеи, и ти убо исполинскою крѣпостию препоясашася. От них же единъ нѣкто даточных людей, села Молокова крестьянин, Суетою зовом, велик возрастом и силенъ велми, подсмѣваем же всегда неумѣниа ради в боех, и рече: «Се умру днесь или славу получю от всѣх!» В руках оружие держаше бердыш. И укрѣпи Господь Богъ того Суету, и даде ему безстрашие и храбрость; и нудяше православных христьян стати от бѣгъства и глаголя: «Не убоимся, братие, врагов Божиих, но вооружимся крѣпце на них!» И сѣчаше бердышем своимъ на обѣ страны врагов и удержавая

полкъ Лисовъского Александра; и никто же против его стати не возможе. Скоро же скакаше, яко рысь, и многих тогда вооруженных и во бронях уязви. Мнози же крѣпцыи оружницы сташа на него за срамоту и жестоцѣ на него наступающе. Суета же сѣчаше на обѣ страны; не подающе же его пѣшие люди, иже от бѣгства своего укрѣпившиися о надолобах.

Беззаконный же Лисовской совашесе сюду и сюду, како бы что зло сотворити. И поворотився, окаянный, от того мѣста вдоль по горѣ Красной х Косому Глиняному врагу на заводных троецких людей. Тогда же с слугою с Пимином с Тененевым сущии людие сташа крѣпко против врагов на пригоркѣ у рву, бьюшеся с литвою и с казаки. Видѣвъ же мало троецкаго воиньства, злонравный люторъ Лисовской устремися жестоко на них, и смѣсившеся вси людие вмѣсто, литовские и троецкие, и бысть бой великъ близ врага Глиняново. Врази же, боящеся подсады, начаша отбѣгати. Троецкое же воинство помалу отходяще от литовских людей и скрывшесе в Косой Глиняной врагъ.

Александръ же Лисовской хотя во отводѣ жива взяти слугу Пимина Тененева, Пимин же обратився на Александра и устрѣли его из лука в лице по лѣвой скрании. Свирѣпый же Александръ свалися с коня своего. Полчане же его ухвативше и отвезоша в Сопѣгинъ полкъ. Троецкое же воинство удариша изо множества оружия по них, и ту побиша много литвы и казаков. Литва же видѣвше и скоро на бѣгъство устремишася врознь по Клемянтѣевъскому полю.

Сердца же кровию у многих закипѣша по Лисовском и на месть паки мнози воздвигнушася зань, яко лютыя волцы, литовские воеводы, князь Юрьи Горский да Иван Тишкѣевич, да рохмистръ Сума со многими гусары и желныри, и нападоша на сотника Силу Марина да на троецких слугъ, на Михаила да на Федора Павловых, и на все троецкое воинство. И бысть брань велика зѣло и люта. И сломльшии оружиа, емлющися другъ за друга, ножи рѣзахуся. И конечно отчаана та брань, понеже в троецком воинствѣ немного конных и не во бронѣх, но покровени милостию Живоначалныя Троица и молитвами великих свѣтил Сергиа и Никона; помощию же ихъ и заступлением многих вооруженых поляков и литвы побивающе. Слуга же Михайло Павлов, видѣ князя Юриа Горскаго усты меча ядуща неповинных, к прочим от брани преста, ловляше самого воеводу, и уби того князя Юрья Горскаго, и з бахматом его примча под город мертва. Много же ту отместниковъ поляков за тѣло его погибоша и не исхитиша его от руку Михайлову.

На том же бою мнози от литовских людей видѣша двою старцовъ, мещущих на них плиты и единемъ вержением многих поражающе, камение же из нѣдръемлюще, и не бѣ числа метанию их. От поляковъ же выходцы о сем возвѣстиша в дому чюдотворца.

Такову же погибель видяще поляки, яко князя Юрья лишишася и иных храбрых своихъ растесаных лежащих, и, гонимы гнѣвом Божиим, побѣгоша от троецкого воиньства. И тако разыдошася вси полци Сопѣгины и Лисовского. Троецкое же воинство внидоша во обитель с великою побѣдою.

О ПОБИЕННЫХ У ДРОВЪ

По сем же окаяннии лютори заведоша многие роты в Мишютинской враг в рощу, вѣдаху бо всегда исходящих из града в тое рощу дровъ ради з бережатаи, с конными и пѣшими людми. По обычаю же вышедше из града многие люди в тое рощу ради дров. Внезапу же нападоша на них преже реченнии они литовские роты и руские измѣнники. Троецкое же воинство и всякие осадные люди сотвориша с ними бой великъ, и грѣх ради наших одолеша врази. И в той день

убили литовские люди троецких всяких людей боле 40 человѣкъ и многих ранили, а инѣх в плѣн живых взяли. Тогда же взят бысть троецкой служебник нарочит Наумъ оконничникъ. Пребысть же у Сопѣги служа и до отшествиа от Троецкаго монастыря. И о сих во граде печаль бысть велика зѣло всѣм православным християномъ.

О ИЗМѢНЕ КАЗНАЧЕА ИОСИФА ДЕВОЧКИНА

Обрѣтает же диаволъ сосудъ себѣ и научает гонити, якоже Саулъ Давида, неповинно,[61] или якоже телцу в пустыни поклонитися вмѣсто Питающаго манною,[62] или якоже Ирода неповинных младенецъ избити устраяет.[63] Якоже не убояся Июда[64] давшаго власть немощным творити чюдеса неизреченная, такоже не устрашися Иосифъ[65] дивных явлений богоносна мужа и уподобися оному еретику черньцу, крыющу главу Предтечеву,[66] да не славится о ней имя Господне. И ни во что же вмѣняет сказумая тому от всѣх повсегдашняа заступлениа великого чюдотворца Сергиа, но невѣриемъ сый одержимъ и затыкаетъ уши свои, яко аспид глухий и небрегий Преславнаго славити, ниже писанию предаати, но хотящим неутаенная проповѣдати престати повелѣвая и ползы ради къ царствующему граду на утѣшение стражущим в скорбѣх восписовати прерѣкуя. От его же совѣта злаго старецъ Гурей Шишкин, саном диякон, весь бо ядъ, крыемый в нем, тому отрыгну, еже о предателствѣ дому чюдотворца. Таканием услаждься от Гуриа и надежен на подручных, яко по забралом ходя высоко, радовашеся и ждый в конецъ вещь злу произвести. Но якоже оселъ Валама обличаетъ,[67] тако и Гурей тайно лукавствуемая опровергает, и якоже Ефесский Сина краснопѣвный не пѣсньми, но мучителством возносится. Нетерпѣливъ же в крѣпких явлься Иосифъ, вся по тонку умышленная изъявив. Страшно же бѣ слышати трѣснутиа думы июдскиа. Не туне бо Оска Селевинъ отскочив, но и четырех невѣглас поселян тамо же предпослав за нимъ, и к совѣту поляков весь уже отдася. Тѣми и инѣх немало прелсти. Его же лукавъству другии воевода Алексѣй Голохвастов покровитель бысть и ужѣ сослася нелестнѣ со враги Пресвятыя Троица и нарекъ день, в онже хотя привести жатели бѣсовския на Божию пшеницу. Послѣднее же стрегии, да егда изыдут агньцы братися с волки: он же хотя за ними затворити врата ограды Христовы, и ту готову снѣдь отдастъ звѣрем, кровь пиющим, и инѣм же входом присрочивъ сыновъ еретических и отступников православия ввести в гору Господню и стерти бес памяти холмы святаго Израиля.[68] Егда услышашася вся сицевая тайно крыемая и от всех устъ о ненадежных великий нашь заступникъ возвеличен бысть, и съ пророкомъ вкупѣ глаголюще о сих: «Аще не Господь сохранит градъ, всуе бдя стрегий», и «суетно спасение человѣческо».[69] Превышьша же хвалы человѣческиа суща невозможно кому восхвалити по достоиньству. Но разумѣша овца невидимаго волка видимо отгонима, и радостным плачемъ в того кровѣ веселяхуся всенадежно.

О СМЕРТИ ИОСИФОВѢ

Ров же рыяй незлобивым и впадеся не въ яму, но в бездну мукъ и поноса, не от человѣкъ токмо, но и от Бога и прочим в наказание; да не дерзают з гонящими на Христа ратовати, но да претерпѣвают со Владыкою, якоже в мирѣ, тако и в гонениих. Благая бо от руки Господня приахом, злых ли не стерпим, на искус предложенных намъ? И не хотяй волею с плачющимися плакати, той неволею от радующихся подсмѣваемъ восплакася неполезно. И по таковѣм злопредательствѣ всезлобный от незлобивых вскорѣ на смерть не осудися, но дано бысть время тому на покаяние, иже недостоинъ сый жити едину черту.

Мнози убо злаго его совѣта утвержены крѣпости, писанием обличивше, на него

предложиша; отмщение же даяй по правдѣ низпосылает на него судъ, якоже на Ирода:[70]и по недузѣ тяжцѣ живъ червьми изъяденъ бысть и прежде возвращениа в землю внутреняа проѣдена видяшеся. И от тайно надымаемаго сердца мысльми высокими на много пролитие крови, яко гнѣзда кипяху рогатыя плотоядцы. И нехотящаго Бога ради тружающихся помиловати, отирают блатолюбнѣ плачющеся, но и тии устрашающеся отскачют, диво бо во очию всѣх бываше. И кто не почюдится, такову муку зряй? Во един бо час червь малъ, яко муха, ползя по плоти, возрасте с перстъ человѣчь и рожцама естество тлѣнно извертѣвая. От ревѣния же того и вопля мнози, слышавше, сердцы сокрушахуся и, плачюще, поникше отхождаху. Промышляющеи же о нем вси уступиша и смрада немогуще обоневати, заткнувше ноздри, далече отстояху. Кости же от опухнутиа въ связании составѣх видими бываху. Не презрѣвшеи же моления того плачевнаго и рыдания и послужившеи в телеси потребных не на мал часъ зловониемъ посмраждахуся и, скаредствующе, пометахуся: от воздохновениа его захватаху си уста и обоняние. И всякъ глаголаше: «Воистинну от Господа попущение се». И тако злѣ скончася. И его же совѣта таинодѣйствуемаго способник Гриша Брюшина також злѣ скончася: утроба ему разсѣдеся.

О ИЗМѢНЕ ДВОЮ СЫНОВЪ БОЯРСКИХ

Прельстиша же ся дѣти боярские переславцы Петруша Ошушков да Степанко Лешуков и на обычной выласки отскочьше от свѣта во тму, и приложишася ко врагом Божиимъ, к литвѣ и къ измѣнником; рекоша же сицевая гетману Сапѣге и лютору Лисовскому: «Что убо будетъ нам, аще повѣдаем вамъ, да вскорѣ возможете обитель Сергиеву приати без крови?» Началницы же злобѣ обѣщевающеся великим имѣнием одарити их и первѣйших въ славѣ вознести. Духу же диаволю тѣми усты дѣйствуему, рекоша: «Раскопайте, панове, берегъ пруда Верхнево и преимите от трубъ воду; то убо от жажди вскорѣ людие изнемогут и неволею покорятся вашей храбрости».

Обрадовани же бывше волцы от лисиц лукавых, и брань от стѣнъ уставляют, немедлено же промыслъ устрояютъ и, закрывающеся от града, дабы не видѣти тѣх творимаго умысла, хотѣние свое совершаху. Повелѣнием же Александра Лисовского разрыша плотину Верхнево пруда и пустиша воду в Служень врагъ в рѣчку Коншору.[71] Но молитвами великого Сергия чюдотворца немного истече тѣмъ раскопаннымъ мѣстом. Градстии же людие, дивящеся тѣх престатию ратованиа, исходяще к тѣмъ раздражению; врази же в гонбу не даахуся и непоступни же от мѣстъ бѣяху. Уже бо злодѣи вызнавше градских людей наукъ, яко подсадою часто от них языки восхищают, и того ради крѣпце стрегущеся, да не увѣстся зло творимое ими.

Нѣцыи же охотники, изшедше нощию из града, ползающе тихо и на сторожи литвина вземше, во град введоша, и все умышление врагов всѣм услышано бысть. И в той часъ всѣм народом докопавшеся до труб, введеных во обитель чюдотворца, и извертѣвше во многих мѣстѣх, и абие вода прудовая во град утече. Граждане же, паки изшедше из града в тое нощь, побиша всѣх сие зло дѣющих, литву и руских измѣнников, выпущающих воду. Воды же тоя нощи в монастырѣ пруды ископанныя наполнишася, и чрез монастырь протече вода на другую страну. И тако у литвы и измѣнников сий совѣт не збыстся. На утрѣи же злодѣи, узрѣвше в прудѣ мало воды и своихъ избиенных, восплескавше руками.

О ИНОМЪ ИЗМѢННИЦЕ

В тое же нощь инъ сынъ боярской совѣту тѣх же злодѣевъ, иже зло сие умыслиша, и видя творимое в дому чюдотворца, и ужищемъ по стѣнѣ спустися, текий скоро ко врагом с вѣстию. Его же злодѣйствующа не попусти Господь, и ногы его

десныя жилы от поясницы разорвашася, и начат лютѣ вопити окаянный. По его же гласу с стѣн слышавше и избѣгше, и взяша во град жива. От богопустныя же язвы в той час изверже душу свою.

О УМНОЖЕНИИ ВО ГРАДЕ БЕЗЗАКОНИА И НЕПРАВДЫ

Во время, в неже держими бѣяху всѣми злыми во обители чюдотворца, тогда вси плакахуся и рыдаху и злѣ сокрушахуся, долготерпяй же о нас, сотворивый вся, не хотяй смерти грѣшнику, но даяй время покаянию и призывая грѣшники во спасение, подаде во градѣ сущим во осадѣ отраду велику от руки оскорбляющих. Отступиша бо литовские полцы и руские измѣнницы далече от стѣн градных и ктому в своих жилищех в табарех пребывающе. Рвы же своя и ямы, ископанныя ими близ града, оставиша. Сущии же во граде воиньские люди и народное множество по вся дни из града исходяще, ово прохлаждения ради от великиа тѣсноты, овогда же дровъ ради и измытиа портъ, иногда же на выласку к польским и литовъским людем и к руским измѣнником. И в сраждениих с ними в повседневных здрави отхождаху во обитель чюдотворца; овогда же и побѣдители над ними показовахуся, молитвами чюдотворецъ Сергиа и Никона.

Егда же мало отдохнуша от великих бѣдъ, тогда забыша Спасающаго их и не помянуша пророка глаголюща: «Работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся ему с трепетом».[72] Диаволъ же уразумѣ на ны просвѣщение лица Господня и тогда нудит насъ от славы Божиа отпасти, еже праздновати не духовно, но телесно, и торжествовати не в целомудрии, но в бестрашии, да тѣм Владыку в негодование на ся воздвигнем, якоже бо Ноя,[73] тако и Лота пианьством обруга,[74] и Давида[75] и Соломона в блудодѣйство низведе,[76] и люди израильтескиа, сквозѣ Чермное море прошедшая, чрез мѣру сытостию и игранием под землю низведе;[77] тако и здѣ сотвори лукавый.

Опоясующии бо ся мечем на радости часто вхождаху утѣшатися сладкими меды, от нихже породишася блудныа бѣды. От повседневных же вылазок всѣх приходящих по побѣдах и по крови пианьством утѣшаху, от того же вся страсти телесныя возрастаху. На трапезѣ же брацкой иноцы и простии воду пиаху и воинствующих чинъ престати моляху. Но вси о семъ небрежаху. Еще же и се зло приложиша сребролюбственое.

Тогда бо вси всегда питаеми от дому чюдотворца, взимающе бо хлѣбы по числу кождо на себе, овии на седмицу, инии же по вся дни, и отдающе сие на сребро, сами же всегда в трапезе питахуся. Нужда же бѣ тогда иноком в хлѣбне монастырстей строящим, и не можаху успевати на потребу ратным, и не имуще сна ни покоя день и нощь; и всегда от жара пещнаго и от дыму курениа очи тѣм истекаху. Такоже и меливо зѣло нужно бѣяше. Людей убо множество, жернов же мало; не чаяху бо людие на много сидѣнию быти и легцѣ сѣдоша во осаду. И дванадесят гривенъ от мелива от четверти дааху, и мало вземлющих. В день бо всегда из града исхождаху, в нощь же о стражи градстей трезствоваху. И ихже в плѣне имаху от руских измѣнников и от поселян, такоже и от християнских жен и от служних работниц оставшихся и от прочих, тѣ имъ мелцы бѣяху, но в нужах осадныхъ и тии помираху вборзѣ.

Неправдъствующих же во взятии хлѣбовъ монастырьских отець Иасаф много о сем моляше: «Престаните, господие и братие, — глаголаше, — от таковаго неразсуждениа и простоты и не взимайте чрез потребу свою. А иже вземлющеи от вас не истощевайте в пустошь, но со спасениемъ соблюдайте. Не вѣмы бо, господие, на колико протягнется сидѣниа нашего во осаде. И вам же кая полза истощити напрасно житницы чюдотворца?» И много о сем моляще. Они же небрегше и вопреки глаголаху: «Велико ли вам, еже взимаем излишнее? И аще

пороко очима вашима, то престанем имати. Вы же с сопротивными, якоже хощете, да творите». И того ради умолчаша, рекше: «Да зрит се Сергий чюдотворецъ!»

И потом является чюдотворецъ Сергий, об руку стоя Никона, от датошных людей двѣма галицким казаком. И глагола имъ Никон чюдотворец: «Се прииде великий Сергий!» Тии же зрят чюдотворца, на посох поникша лицем, и глагола Никон има: «Возвѣстита всѣм во осадѣ сѣдящим, се глаголетъ Сергий и Никонъ: „Что лукавствуете к нам неправедно и почто, лишняа вземше, отдаете на помет сребра и на пианство? И что ругаетеся мучающимся у огня в пекарни? Или не смыслите сего, яко потъ тѣх кровь снѣдаете? Внимайте же себѣ, яко обругани имате быти чревом и от него вси злѣ скончаетеся"». Тии же галичане казаки всему воиньству вся сия возвестиста и с плачем моляста всѣх. И вси людие посмѣяшася има и проплюваша глаголы их. Они же от того дни и до отшествия враговъ в плачи и во унынии хожаста.

Хлѣбом же преизобилна тогда обитель чюдотворца. И аще и кровию дрова куповаху, но от пианьства не престаху. Блуду же и прочим злымъ умножавшимся всюду, увы, и того ради отчаяние многим внимашеся. В ров убо глубокъ блуда впадоша вси, от простых чадий даже и до священьствующих. Увы, о горе лютѣ, о напасть, и бѣда, и зло лютѣйшее! Труды без ползы, мучение без вѣнца, пождание несовершено! Терпѣние не до конца — аггеломъ слезы, Владыцѣ гнѣвъ, врагом радость.

Да идем нынѣ, братие, тонких бѣсовских запинаний ко обличителю[78] и да услышим того к нам глаголюща сице: «Которым нравом и образомъ нашего друга свяжем? Прежде даже свяжем, разрѣшается, и прежде суда с ним примириваемся и прежде утомлениа покаряемся. Како возненавидимъ, егоже естеством любити обыкохомъ? Како свободимся, емуже во вѣки связахомся? Како упраздним, иже с нами востающаго? Како покажем нетлѣнна, тлѣнно приемше естество? Что благо рцемъ иже благоприемшему извѣты? Аще свяжемъ воздержанием и осудим ближняго согрѣшающа, тому паки предани будем и сами в таяжде впадем. Аще осуждати престанем, то сего побѣдимъ. Возвысивше же ся сердцемъ низсведени сим от небесъ чистоты во адъ страстей. И споспѣшник есть и ратникъ нам, и помощник и соперникъ, и друг и навѣтник; и угодие приемля, ратует, и истааем, изнемогает, и упоковаемъ, безчинствует, и сокрушаем, не терпит; аще опечалим, то в бѣдѣ есмы, и аще уязвим, не имѣем с кимъ добродѣтели стяжати. И егоже отвращаемся, того и любим». Что се еже о нас таиньство? Како себѣ врази и друзи есмы? 0 семъ же да внимаемъ себѣ, како невоздержаниа ради начаша людие вси во истлѣние сходити.

И день от дне моръ начатъ множитися в дому чюдотворца. Благаго же и неизмѣннаго Владыки благий вѣрный раб неотступно о душах промышляа, давшихся ему. По обычаю убо своем поляки, и литва, и с рускими измѣнники, устроившеся к стѣнам обители святаго ударяются. Внезапному же возшумѣнию бывшу, и мужие оружницы к сопротивным исходят, и недовѣдомаго ради приближениа враговъ руцѣ правовѣрным трясущеся и лица тѣм изменяхуся. Исходящеи же с сомнѣниемъ зрят противу себе борзо шествующа иже на вратѣх от церкви святаго чюдотворца Сергиа, старца святолѣпна и сѣдинами совершена и глаголюща к нимъ: «Что трепещете? Аще и никто же от васъ не останется, не имат предати Богъ святаго мѣста сего, и не будет услышано во вразѣх, яко „пленихом обитель Пресвятыя Троица". Мужайтеся, не ужасайтеся. Рцѣте же во обители всѣм, яко нечисто живущеи во святѣм мѣстѣ семъ погибнут. Не нечистыми Господь спасет мѣсто сие, но имени своего ради без оружиа избавит!»

И невидим бысть.

И разумѣша людие самого чюдотворца. Сие же явление всѣм услышано бысть о сем. Но кто избавит человѣка от смерти телесныя и душевныя? Колико и сам Господь уча люди еврейския, но не послушаша и до конца погибоша. Тако-же и здѣ бысть непослушающимъ началниковъ святаго мѣста сего.

О МОРУ НА ЛЮДИ

Ноября же от 17 дни явься моръ в людех и протяшеся до пришествиа Давида Жеребцова.[79] Образ же тоя болѣзни в нужных осадах вѣдом, юже нарекоша врачеве цынга. Тѣсноты бо ради и недостатков сиа случаются, наипаче же от вод скверных, не имущих теплых зелий и корений поядающих ражающийся гной во утробах. И не имущихъ водокъ животных, распухневаху от ногъ даже и до главы, и зубы тѣм исторгахуся, и смрад зловонен изо устну исхождаше, руцѣ же и нозѣ корчахуся, жиламъ сводимым внутрь и внѣюду от *язв* кипящих. И теплицъ не имущим в пособь симъ телеса острупляхуся; и желудку необыкшу к нерастворению приятия затворяющуся, и непрестаненъ понос изнемогшим до конца и не могущим от мѣста на мѣсто преити, ни предвигнутися. И согниваху телеса их от кала измету и проядаше скверна даже до костей, и черви велицы гмизяху. И не бѣ служащих у многих ни жажду утолити, ни алчющих накормити, ни гнойным струпом пластыря приложити, ни превратити на страну, ни червиа отмыти, ни отгнати скотъ стужающий, ни вон извести прохладитися, ни подъяти, еже бы мало посидѣти, ни уста пропарити, ни лице, ни руцѣ умыти, ни от очию праха оттерьти. А иже еще воздвижущеи руцѣ и тии уста и очи нечистотою оскверневаху. И прежде смерти от стуку и от вѣтръ и от движений всяких мнози прахом посыпаны быша, и не бѣ познавати тѣх в видъ зрака. Имущеи же сребро или иныя вещи и отдаяху на купование нуж потребных, ястия и питиа. И колико на потребу, толико и за службу. И со слезами моляще таковѣх, но всякому до себе прииде, о прочих же не брежаху. И аще бы не истощили житницъ дому чюдотворца и погребов не испразднили, то и вси бы измерли во второе лѣто во осадѣ сѣдяще.

И тогда бѣ не едина бѣда и зло: внѣюду — мечь, внутрь же юду — смерть. И не вѣдуще же, что сотворити: или мертвых погребати, или стѣнъ градских соблюдати; или с любовными своими разставатися, или со враги полма разсѣкатися; или очи родителем цѣловати, пили своя зѣницы на извѣртение предаати. И неимущеи сродныя крове и тии от стѣн градных не исхождаху, но ту смерти от противных ожидаху, и един путь къ смерти, глаголюще, отовсюду. И единѣм токмо утѣшающеся ко врагом храбрым ратоборством, и друг друга на смерть поощряху, глаголюще: «Се, господие и братиа, не род ли нашь и други погребаются? Но и нам по них тамо же ити. И аще не умрем нынѣ о правдѣ и о истиннѣ, потом всяко умремъ же без ползы и не Бога ради».

И таковѣми всѣми злыми обьяти бывше вси, исперва по двадесяти и по тридесяти, и потом по пятидесяти и по сту умираху во един день. И умножися смерть в людех, и друг от друга от духу умираху. И великий храм Пресвятыя Богородица честнаго и славнаго ея Успения по вся дни мертвых наполняшеся. От могил же исперва по рублю за*выкопъ* емлюще, и потомъ по два и по три, таже и по четыре и по пяти даяху, но не бѣ кому уже приимати, ни копати; и во едину могилу и яму погребаху по десяти и по двадесяти, и двоицею сугубо и вяще. И четыредесят дней бѣ мракъ теменъ и смрад золъ. И идѣже изношаху мертвых, и за ними плачющихся сонмы хождаху; от утра и до вечера бяше погребение мертвым. И не бѣ покоя, ни сна ни во дни, ни во нощи не токмо болным, но и здравым. Овы убо надумирающими плачюще, ови же над износимыми, инии над погребаемыми; и

множество полкъ, кождо гдѣ стояще, плакахуся. И от непокойна сна аки шалны хождаху вси.

И преставишася тогда братии старых во обители 297 братов, а новопостригшихся тогда боле 500. Чинъ же священнический до конца изнеможе от многаго труда болных и умерших и умирающих. И очи иереомъ отяготѣни бысте, и держаще ихъ силою над немощъными. И тако вси иереи скончаша же ся, и мало от священнаго чина — на возвѣщение токмо — осташася. И воиньствующихъ чинъ уже начатъ изнемогати, и мали нѣцыи от смертнаго часа избавлени быша. И многыя сироты, дѣвы, и вдовицы, и отрочата осташася, а имиже мощно всяко промыслъ строити, тии помроша. И не к ползѣ же кои, но на хлѣб ѣдоки, осташася, и тии оздравливающеся въ претыкание бяху великого грѣха.

И бѣ же тогда зол смрад, не токмо в келиях, но и по всему монастырю, и в службах, и во святых церквах: ово от немощных человѣкъ, ово же и от скот умирающих; всяко бо животно не призираемо и растерзахуся между собою. И водотечныя трубы дождя ради и грязи костми животныхъ даже доселѣ зарушишася. И болѣ ста возовъ всякихъ портъ изо обители изведше и в ровъ ввергше. Дающе же от воза по полутора рубля, но мало вземлющих, вший ради и червей и смрада ради злаго. И сиа вся внѣ обители, с нужею извезше, сожигаху.

И всѣх у Живоначалной Троицы во осаде померло старцовъ, и ратных людей побито, и померло от осадные немощи слугъ, и служебников, и стрелцов, и казаков, и пушкарей, и затинщиков, и галичан, и датошных и служних людей 2125 человѣк, кромѣ женска полу и недорослей и маломощных и старых.

О ПОСЛАНИИ КЪ ЦАРЮ ВАСИЛИЮ С МОЛЕНИЕМЪ

Воеводы же, видяще толик гнѣвъ от Бога належащий по обители чюдотворца, не вѣдуще, что сотворити, понеже неотступно бысть врагов обстояние и ратующе град непрестааху, во обители же от множества воиньских людей мало число оставшееся, и ниоткуду помощи чающе, и престаху исходити из града противу ратных во много время. И о семъ велика бысть радость врагом, литовским людем и руским измѣнником, видяще бо всегда погребаемых и слышаше плач великъ во градѣ о умирающих. Ови же, на древие восходяще высоко, с Терентиевские рощи сматряху во град и радовахуся о погибели христианьстей и веселяхуся и дерзостни быша на брань; и близ стѣнъ градных прискачюще, на брань зовуще, поносными глаголы, аки камением, мещуще на граждан. Извнутрь же града о сицевых в недоумѣнии быша.

И тако, совѣтовавше со архимаритом Иасафом и з старцы, посылают къ царствующему граду х келарю Аврамию. Старецъ же во отписках о обители видѣв ужасеся и напред хотящая не на добро збытися разумѣ и все предложивъ пред царя, да разсудит праведное; и моляще всегда, да не одолѣют врази дому чюдотворца. Скипетроносецъ же словом дая, дѣлом же не производя, понеже велика бѣда царствующий град тогда обдержа.

Старецъ же бояшеся напред злу уже содѣятися и совершеное оскудение людми дому святаго все изъявляа. И еще самодержецъ дни притязует скорби и пождания и по входѣх и исходѣх к молению старца не преклоняяся; кровь бо всегда пред стѣнами царствующаго града лияшеся. Келарь же братию царевых моляше, но и тѣми ничто же бысть полезных. И потом патриарха и всю полату царьскую подвиже, показуя тѣм пишемая от обители, яко по мѣсячнем времени конецъ будет от нужи прискорбных граду. Патриархъ же со всѣмъ освященным собором молят царя, глаголюще ему: «Аще, царю, взята будет обитель преподобнаго, то и весь предѣл Росийский до Окиана моря погибнет, конѣчне же

Москвѣ тѣснота будет». И едва на слезы келаря преклонися. И в помощь посла атамана Сухана Останкова, а с ним казаков 60 человѣкъ, да зелиа 20 пудов, а келарь Аврамей отпустил троецких слуг 20 человѣкъ, Никифора Есипова с товарыщы.

О УТѢШЕНИИ ЧЮДОТВОРЦА ЯВЛЕНИЕМЪ ИЛИНАРХУ

И иже утѣшаяй въ скорбѣх великий чюдотворец Сергий паки является пономарю Илинарху и глагола ему: «Рцы братии и всѣм страждущим во осадѣ: почто унывают и ропщут на держащаго скипетръ? Азъ неотступно молю Христа Бога моего. А о людех не скорбите: людей к вам царь Василей пришлет».

И по малѣх днех послании от царя Василиа приидоша сквозѣ литовские полки, прежереченный атаманъ Сухан с товарыщы и з слугами троецкими, покровени молитвами чюдотворца, и ничим же вредими от противных здравии во обитель чюдотворца пришедше. Токмо четырех казаков его ухватиша. Лисовъской же повелѣ их казнити против града Сергиева монастыря. Воеводы же, князь Григорей да Алексѣй, против тѣх четырех казаков повелѣвше вывести литовъских *полоняников* и казнити на горѣ старой токарни надо врагом 42 человѣка, а казаков противъ Лисовского табаръ у Верхнево пруда на взгорке 19 человѣкъ. Сего же ради литва и казаки Лисовъского приидоша убити, и избави его от смерти Сапѣга.

О семъ же злии ратоборцы острѣйши наостряют оружиа, и злѣйши тѣм разъяряющеся сердца; и нощь тѣм, яко день бываше, и другъ друга возбужаху и стрежаху толико крѣпце, яко никако же прополсти сквозѣ ихъ возможно. И боязнь их велика обдержаше о проходѣ Сухановѣ, и стрежаху, другъ друга держаще, дабы никакова вѣстника ни от града, ни во град не пропустити. Во осадѣ же печаль на печаль и скорбь на скорбь возлагашеся, и братиам всѣм во обители лица на землю преклонше, унынием одолѣвахуся, болѣзнем же и смерти во градѣ лютѣ належащи. Возрадовавше же ся мало о пришествии слугъ и казаков, но и тии мало-помалу начаша изнемогати и умираху. И мало сущи число осташася ихъ. И бысть во градѣ скорбь велика, утѣшениа же отвсюду не обрѣтаху, токмо имуще утешение милость Божию и чюдотворца молитвы.

О ЯВЛЕНИИ НИКОНА ЧЮДОТВОРЦА

Еще гнѣву Божию не преставшу и многим скорбию немощи одержимым, во едину от нощий во снѣ является великий чюдотворецъ Никонъ понамарю Илинарху, глаголя сице: «Повѣждь болящим людем: се падет снѣгъ в сию нощь, и хотящеи исцѣление получити да трутся тѣм новопадшимъ снѣгом. Рцы же всѣмъ людем, яко Никон сказа се». Илинархъ же воспрянувъ трепетен и наутрия повѣда всѣм людемъ. И по глаголу чюдотворца Никона паде новъ снѣгъ; и иже вѣру сему емшеи и тѣм снѣгомъ тершеся, и от тѣх мнози здравие получиша.

О НЕВѢДОМѢМЪ ПѢНИИ ВЪ ЦЕРКВИ УСПЕНИА ПРЕСВЯТЫА БОГОРОДИЦА[80]

Стрегущим нѣкогда на церкви Духа Пресвятаго Сошествиа и спящимъ в пременении, един же стрежаше по обычаю и обзираше всюду, да не явится от коея страны ко граду внезапное пришествие врагов, и се слышит внезапу многих гласы поющих, мужескиа и отроческиа. Он же смотряше всюду, гдѣ поют, и разслыша воспѣвающих въ храмѣ велицем Пресвятыя Богородица честнаго и славнаго ея Успениа. Той же сторож и прочих возбуди, да не соблазнится о сих. Нѣцыи же от них рѣша, яко по умерших пѣние се, всегда бо храм полнъ бяше мертвых отпѣваемых. Паки же глаголаша, яко никогда же нощию с вечера не отпѣвают умерших. «Или утренее пѣние начатся? Но не у приспѣ время

утренняго пѣниа». И глаголюще: «Еда нѣкоея ради вещи собравшеся людие, и молебная исправляютъ. Но не по чину молебнов гласы исходят, и ни тако, якоже иноцы или яко же мирстии, но зѣло красно и множество поющих немолчно и безпрестанно и гласы громны». Таже рекше к себѣ: «Шедше, да увѣмы извѣстнѣе». И текше до дверей церковных къ храму Пресвятыа Богородица, и гласу не бысть. И усумнѣвшеся, борзо отидоша ко оставшимся на сторожи и снизу к высотѣ воскликнувше на храмѣ стоящим, глаголюще: «Се вси соблазнихомся: нѣсть пѣниа и никакова гласа въ церкви Успениа Пресвятыа Богородица!» И долу стоящеи ужасахуся, гласы бо пѣниа пакы слышахуся имъ. Тии же с высоты глаголюще: «Что смущаете нас? Се не гласы ли пѣниа еще суть? И егда снидосте от нас, а пѣние гласов не преста». Снидоста же и тии с высоты и на глас идоста и пѣние слышаху, пришедше же къ дверем церковным, и ничто же не слышаша. И возвратившеся рѣша: «Не туне пѣние се, братие!»

Егда же отоидоша, паки слышаша пѣние. И шедше, возвѣстиша о семъ воеводѣ. И въскорѣ мнози пришедше, и не слышаша никакова гласа, ни шума. И ужас многих обият о семъ. Таже по обычаю ко утрени начаша благовѣстити.

О ЗАСЫЛКѢ ОТ ПАНОВЪ ТРУБАЧЕА ПАНА МАРТИЯША

Видяще же врази, яко не успѣваетъ совѣт их лукавый, но разрушается. Тѣм же и мнози многажды с лестию приѣждяюще и творящеся приятелствующе и многажды сказующе дѣемая и умышляемая ими. И истинно безо лжи тако бываше по их скаскѣ. И немощнии от пианьства просяще опохмелитися. Троецкое же воинство сиа возвѣщающе архимариту и воеводам, и повелѣниемъ их приемше от чашника с погреба меду, и исхождаху к паном с питиемъ, дабы кого чим уловити от них. Они же пивше и отхождаху. Иногда же нѣцыи от них, вино принесше, меду прошаху на него. И такова дружба без бѣды не бываше, обоимъ обманывающимся людем: или убо кого возмут въ языки, или убиютъ.

Сопѣге же окаянному бѣяше трубачей люторъ, Мартияшь именемъ, зѣло вѣрен, и той, укрѣплен от Сопѣге, посылается с похмельными ко обители чюдотворца опохмелитися просити меду. И по обычаю лщениа ятъ бысть и приведен во обитель святую готов врагъ, сам сый вдадеся. Приведену же бывшу к воеводам, и по научению Сопѣги повѣда за собою добрыя рѣчи и годны всѣмъ во осаде. И того ради не бысть убиенъ. И по днех преходящих вся збывахуся по его рѣчемъ. И впред инаа кая речет, то вся збывахуся. Извѣсти же о себѣ, яко и грамотѣ полской гораздъ, и переводити писание добрѣ свѣсть. О семъ угоденъ бысть воеводам. И поносяше злѣ емлемым во языцех и ругаяся вѣре своеи аки нелицемѣрно. Входя же и исходя пред воеводою, начат же на выласки исходити; и служа нелицемѣрно, бьяшеся крѣпко и от всѣх почитаемъ и любим бѣяше. И ходя с воеводою по граду и в башнях, и к пушкам и к пищалем, прицѣлей смотряше и правѣ прицѣли устрояше, и много пакости литовским *людем* и руским измѣнником от него бываше; и вопреки многажды с воеводы глаголаше, и на его словесѣх сбывашеся. Аще ли же когда кто ослушается его, то зло случашеся. Воевода же князь Григорей яко родителя своего почиташе и во единой храмине почиваше с ним. И ризами свѣтлыми одѣян бысть, и не бѣ слышати о немъ слова лукава, и мнози правдодѣяниа его ради стыдяхуся его. И всяко недобро творимое о промыслѣ ратном извѣщаше князю и, аки зѣло скорбя, лицемѣрствоваше. И уже начат князь и нощию посылати его досматривати стражбы, и никогда же солга воеводѣ ни в чем.

О НѢМЕ И ГЛУХЕ ПАНѢ, КАКО ОБЛИЧИ ТОГО МАРТЬЯША ИЗМѢНУ

По нем же и другий панъ предадеся, нѣмъ сый и глух, егоже паны Мартьяшем же нарицаху. И той Мартьяшъ зѣло яростен и силен бѣ и послужи в дому Пресвятыя

Троица якоже истиннии христиане. Толико же знаменитъ бѣ в поляках и во измѣнницех, яко и храбрии не смѣюще нань наступати. Нѣции же, именемъ его страшаще, прогоняху нечистивых, и пешь коннаго не бояшеся. Глухоты же ради своея на боех вертяшеся и обзираяся, дабы не убиенну быти откуду. На приступѣх же никто же поспѣшен таковъ явися камениемъ метати, якоже сей нѣмко; аще ли же оружием когда бияся, то жилы рукъ его скорчевахуся и едва разводящася, и не могий в руку своею держати ничтоже. Се же дивно бѣяше, яко нѣм сый и глух, но како разумѣ о велицем богоносном отцѣ нашем Сергии: приходяще бо къ церкви Пресвятыя Троица и не дерзая входити въ святую церковь, но противъ гробу чюдотворца едину половину двери отворяа и воздѣваа руцѣ и немуя велми с плачем, и ударяшеся о помостъ пред церковию. Невѣдомо же, по явлению или от смерти бѣгая предася, или просто случаем, един се Господь вѣсть. Той же Мартьяшь нѣмко вмѣсто глагола рукама розводя и нѣмуя, указуя персты о вещи какой, или о дѣлѣ творимом, или человѣка или животно сказуя, персты же начертая. И близ бѣ воевод, и все разумѣваху воеводы указание его в немовании.

Сима же двѣма литвяком случися быти на обѣдѣ у слуги Пимина Тененева, и по обѣдѣ начаша играти тонцы. Во играниии же том отскочи той нѣмко пан от Мартьяша и нача зубы скрежетати нань и плюваше к нему. Той же литвякъ, очима нань недобрѣ позрѣвъ, и искочи скоро вон. Прилучшии же ся ту не разумѣша между има бывшаго. Нѣмко же скоро побѣжа ко князю Григорию Борисовичю и прискочив слезен и ударися чрез обычай пред ним и начертая рукама взяти того пана повелѣвая. Князь же истязуя вины нань, он же по кулаку кулаком биаше и хватая рукама стѣны келейныя и на церкви и на службы монастырския и на стѣны градския указуя и начертая на воздух всему взметнутым быти, и воеводамъ указуя посѣченым быти и всѣм в обители сожженным быти. Сиа же князь разумѣ от него, и Мартьяша сохраншася поимаша и многими муками и огнем едва довѣдашася.

И повѣда той окаянный Мартьяшь всю измѣну свою. Хотя бо той злодѣй у пушекъ иззабити затравы, а порох прижещи; и еще сказа, яко и нощию с паны под стѣну приходящими часто бесѣдоваше, единым словомъ разум тѣм подавая на стрѣлах грамоты тѣм низпуская. В нощь же ту окаянный хотяше поляков на стѣну немногих впустити, с ними же пакость содѣяти наряду и зелию, а прочим присрочил къ приступу готовым быти. Но всещедрый Господь Богъ нашь, не нас ради окаянных, но имени своего ради святаго и за молитвъ угодников своих Сергиа и Никона, от таковаго тайнаго умышлениа избави нас. И воспѣвше тогда вси благодарьственыя пѣсни всѣх защитителю и Господу Богу и его угодником Сергию и Никону чюдотворцем.

Той же панъ нѣмко, не вѣмы, что ради, измѣнилъ, отоиде в литовскиа полки; или сего ради, яко обойдоша его на нижнем огороде пѣшие руские измѣнники. Онъ же видѣвъ, яко убиенну быти ему от них, замомотовав и шапкою махая, предася к ним. Они же ограбиша его, бѣша бо на нем ризы преже помянутаго Мартьяша трубача. И пребысть в станѣх литовских нѣколико дней, паки возвратися к дому чюдотворца и паче прежняго ратоваше по християнехъ на литву и на измѣнники руские.

О СЛУГѢ АНАНИИ СЕЛЕВИНЕ

Охрабри же тогда великий чюдотворец Сергий во осадѣ слугу Ананию Селевина, егда уже во обители чюдотворца храбрии и крѣпции мужие падоша, овии убо остриемъ меча от иновѣрных, инии же во градѣ прежереченною цѣнгою помроша. Той же Ананиа мужествен бѣ: 16 языков нарочитых во осадѣ тогда сущии во град приведе, и никто же от силных поляков и руских измѣнников смѣюще наступати

нань, но издалече ловяще из оружиа убити. Вси бо знааху его и от прочих отлучающеся на того ополчевахуся. И по конѣ его мнози знающе, толик бо скоръ конь той, яко из среды полковъ литовских утекаше, и не можаху постигнути его. И с выше помянутым нѣмком во исходех на бранѣх часто исхождаху. Той бо нѣмко всегда с ним пѣшь на брань исхождаше, и роту копейных поляковъ они же два с луки вспять возвращаху. Александръ же Лисовской, нѣкогда видѣвъ того Ананию ратующа противу себе, и выйде против его, хотя его убити. Ананиа же борзо ударив конь свой и пострели Лисовского из лука в високъ лѣвой, с ухом прострелив, и опроверже его долу, сам же утече из среды полков казачихъ; бѣ бо из лука гораздъ, такоже и из самопала.

Прилучи же ся тому Анании чернь отимати от поляков в прутии, и от двою ротъ отторгаему уже от дружины его, и бѣгающу избавитися. Нѣмко же во пнѣх скрывся и зряше нестроениа Анании; имѣяше же лукъ в руку и колчанъ великъ стрѣлъ; и искочив, яко рысь, и стрѣляюще по литвякех и бияшеся злѣ. Литвяки же обратившеся на нѣмка, и абие Ананиа исторжеся к нему, и вкупѣ сташа. И многих поранивше самѣх и бахматов, отидоша здравы, токмо конь под Ананьею раниша.

Поляки же едино совѣтовавше, да убиютъ коня под Ананиею, вси бо вѣдяще, яко жива его не взяти. Егда же исхождаше Анания на брань, то вси по конѣ стрѣляюще. И тако на многих выласках конь его шестию раненъ бысть, и в седмый смерти предан. И начат Ананиа охуждатися на бранѣхъ. Потом же Ананию раниша ис пищали по нозѣ, по болшому персту, и всю плюсну раздробиша; и опухну вся нога его, но еще крѣпцѣ ратовашеся. И по седми днехъ по той же нозѣ по колѣну раненъ бысть. И тако крѣпкий муж возвратися вспять. И отече нога его до пояса, и по днѣх малѣх скончася ко Господу.

О МОСКОВСКОМ СТРѢЛЦѢ НЕХОРОШКѢ И О НИКИФОРѢ ШИЛОВѢ

Пришедшу Александру Лисовскому с полком своимъ на вылазныя люди и ядущу усты меча, яко волку агньцы, в тѣх же гонимых московской стрѣлецъ, именем Нехорошко, с ним же клемянтѣевской крестьянин Никифор Шилов. И видѣвше Лисовского вооружена зѣло броньми, копие же в руку своею имѣя, и разгарающеся оба сердцем, страшающе же ся лютости его. И возрѣвше на храм Пресвятыя Троица, призывающе на помощь великаго Сергия чюдотворца, искочше на меринех своих: Никифоръ Шиловъ уби под Лисовским бахмата, Нехорошко же удари его копиемъ в бедру. Объяты же бывше от казаков троецким воиньством и от многих противных невредими быша молитвами великого чюдотворца Сергиа. Той же Никифор Шиловъ и Нехорошко вѣдомы бойцы бѣша, на многих выласках объявляющеся, бьющеся крѣпко.

О ПРИХОДЕ ВО ОБИТЕЛЬ СХОДНИКОВ КАМЕНОСѢЧЦОВ З ГРАМОТЫ ОТ КЕЛАРЯ АВРАМИА

Мѣсяца майа въ 7 день в четвертом часу нощи пришли в Троецкой Сергиевъ монастырь сходницы троецкие, каменосѣчцы Шулешь Шпаниковъ да Гаранька, присланы с Москвы з грамотами от келаря старца Аврамиа Палицына. А пишет в грамотах архимариту Иасафу з братьею и государевым воеводам и к воиньству и ко всем осадным людемъ, православному християнству, чтобы попомнили крестное цѣлование, стояли бы противъ невѣрных крѣпко и непоколебимо, жили бы неоплошно, берегли бы ся накрѣпко от литовских людей.

О ОСВЯЩЕНИИ ХРАМА НИКОЛЫ ЧУДОТВОРЦА И О ОБЛЕГЧЕНИИ МОРА И БОЛѢЗНЕЙ

На память же святаго и всехвалнаго апостола и еуаггелиста Иоанна Богослова, мѣсяца майа въ 8 день, архимарит Иасафъ и воеводы приговорили въ храмѣ Пресвятыя Богородица честнаго ея Успениа въ предѣле освящати храм во имя иже во святых отца нашего Николы чюдотворца, въ праздник его, майа въ 9 день, еже и сотвориша въ славу в Троицы славимому Богу. И от того дне дарова Господь Богъ нашь православным христианом милость свою. И мнози болныя начаша от недуг своих оздравливати, благодаряще Пресвятую Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа, также и Всенепорочней Владычицѣ Богородице благодарственыя пѣсни возсылающе и восхваляюще святаго и великого апостола и еуаггелиста Иоанна Богослова и великого архиереа чюдотворца Николу, и свѣтилникъ великих росийских, Сергиа и Никона чюдотворцов, яко святых ради молитвъ их исцѣление бысть болѣзнем злымъ и облегчение. И смертоносие от того же дне почася в людех преставати. Оставъшии же ся от смертоносиа здравии по вся дни ходяще из града на брань к литовскимъ людем, и бьяхуся со усердиемъ, и милость Господня помогаше им.

О ВТОРОМ БОЛШОМ ПРИСТУПѢ

Мѣсяца майа въ 27 день паки в Сопѣгиных табарѣх и Лисовского бысть шум великъ, играюще во многиа игры и до полудни. С полудни же начаша литовския люди подъежжати под град, сматряюще стѣн и часто подзирающе. Такоже начаша готовити мѣста, гдѣ быти пушкам ихъ и пищалем. И скачюще на бахматѣх, машуще мечи своими на град, яко грозяще. К вечеру же начаша скакати конные многие люди и з знамены по всѣм полям Клемянтѣевским. По семъ же и Сопѣга вышелъ со многими полки вооруженными и паки скрышася в табары своа.

Оставшее же ся троецкое воинство, видяще на град лукавое позирание, уразумѣша лютый совѣт их къ пролитию крови и непщеваху быти приступу. И тако готовящеся на брань. Бѣша бо мали числом суще. И готовяху на стѣнах вар с калом, смолу, камение, и прочее, иже к тому времени пристрояюще, и подошевной бой очистиша.

И егда бысть вечеръ уже, окаяннии же литовские люди и руские измѣнники лукавствующе хотяще к стѣнам градным приити тайно и ползающе, аки змия по земли молком, везяху приступныя козни: щиты рубленые, и лѣстницы, и туры, и стѣнобитныя хитрости. Градстии людие вси взыдоша на стѣны, мужеска полу и женьска, и такожде западше, ждаху приступу.

И абие с Красной горы возгремѣша изъ огневово верхового наряду. И тако, воскричавше, все множество литовских людей и руских измѣнников и устрѣмишася на град со всѣх стран с лѣствицы, и щиты, и с тарасы, и со иными козньми стѣнобитными. И заиграша во многия игры, начаша приступати ко граду всѣми силами, всякими дѣлы и хитростьми. Мняху бо окааннии во един часъ похитити град, вѣдяше же во граде зѣло мало людей и тии суть немощни, и сего ради крѣпце належаху на град.

Но благодатию Божиею подкрѣпляемо троецкое воинство бияхуся с стѣн градных крѣпко и мужествено. Литва же тщашеся вскорѣ на град взыти и придвигнуша щиты на колесѣх и лѣствицы многия, и нуждахуся силою приставити и взыти на стѣны. Христолюбивое же воинство и вси градстии людие не дающе им щитов и тарасовъ придвигнути и лѣствицъ присланивати, бьюще ис подошевново бою из многих пушек и пищалей, и в окна колюще, и камение мещуще, и вар с калом льюще, и сѣру и смолу зажигающе метаху, и известью засыпающе скверныя их очеса. И тако бьющеся чрез всю нощь.

Архимарит же Иасафъ со всѣм освященным собором вниде въ храм Пресвятыя Троица, молящеся Всещедрому в Троицы славимому Богу и Пресвятѣй Богородицы и великим чюдотворцом Сергию и Никону о избавлении града и о помощи над враги.

Егда же бысть день, видяще окаяннии, яко не успѣша ничтоже, но паче своихъ множество изгубиша, начаша со студомъ отступати от града. Градстии же людие вскорѣ отвориша град, овии же с стѣн скочивше, учиниша выласку на оставшихся ту литовъских людей у стѣнобитных хитростей своих. Инии же во рвѣх бродяще и не могуще изыти. И тако тѣх многих побили, а живых взяли пановъ и руских измѣнников 30 человѣкъ. И повелѣша имъ в жерновы играти, работающе на братию и на все троецкое воиньство и до отшествия врагов от града. И тако милостию Пребезначалныя Троица и заступлениемъ Пречистыя Богоматере и молитвъ ради великих чюдотворцовъ Сергиа и Никона побиша тогда множество приступных людей; и тарасы их, и щиты, и лѣствицы, и прочиа козни вземше, во град внесоша. Сами же вси здравы отшедше, яко победители над враги показашася.

О ЗАСТУПЛЕНИИ БОЖИИ: КАКО ГОСПОДЬ НЕМОЩНЫХ УКРѢПИ ПРОТИВО СУПОСТАТЪ

По оскудѣнии же всего чина воинъскаго и еще тою злою болѣзнию мнози скончевающеся, зряще же остающии, не вѣдуще, что сотворити или что смыслити противу толика множества враговъ обстоящих ихъ: и яко воду морскую всюду зрят облиявшуся воокругъ Сергиева корабля. Надѣюще же ся на добраго кормъчию, на молитвы чюдотворца, и разумѣша в руку его держимо кормило оставших душъ ко спасению. И к тому «не надѣющеся на князя ни на сыны человѣческия, в нихже бо не бысть спасениа»,[81] и прочая. И уже бо препростии вземлют оружиа, аки весла, и готовятся к великим волнамъ разсѣчению и исходят противу храбрых ратоборецъ растесанию. И разумѣша вси чюдотворца молитвы и поспѣх, и уже нази не боятся блещащихся доспѣх. И хотящеи дом Пресвятыа Троица гордостно низложити осадою всегда, обагряеми кровми, бѣгают от немощных низлагаеми подсадою. И ждущеи прияти различныя муки в руки своя приаша крѣпкия луки. И лениви быша к жерновом востающеи мелцы внезапу быша на сопротивных удалые стрѣлцы. Не часто уже ударяются к стѣнам носящеи на главах шлемы, смерти бо ищущеи во очеса тѣм верзающеся, яко пчелы. Къ язвам же сынове беззаконнии всегда суть терпки, но звѣрски низлагаются кормящимися серпы.

Что много глаголю? Толико Богъ охрабри оставшихся сидѣлцов троецких на противных: не тако бо сопротивнии исперва боящеся приходити близ града и ратовати его, егда бысть во градѣ множество всякого чина воинскаго и мужей ратоборецъ, якоже боящеся послѣдних малых числом сущих невѣждь. И якоже спасе Господь Авраама[82] и Гедеона[83] и град Иерусалимъ от руку асирян[84] не силою, ни бронми, ни твердыми стѣнами, но мышцею своею, такоже и дом Пресвятаго имени своего не крѣпкими, но немощными, не мудрыми, но простыми, не множайшими, но малѣйшими. И за гневъ мало порази, но за милость много возлюби, якоже въпреди явлено будет.

О ТРЕТЬЕМЪ БОЛШОМЪ ПРИСТУПѢ И О ОБМАНКѢ НАД ТРОЕЦКИМИ СИДѢЛЦЫ

Ждуще же иже во осадѣ сѣдящеи в Троецком въ Сергиеве монастырѣ князя Михайла Васильевича Скопина. И се извѣстно бысть всѣм людем, яко собрашася вси вкупѣ от тушинского ложнаго царика, и Сопѣги ис под Троицы, и из ыных градов многия поляки и руские измѣнники поидоша против князя Михайла и

против немѣцких людей. Богу же отмщающу кровь рабъ своих, вопиющих к нему день и нощь, и тако всеоружных сотре Господь силою своею, и возвенѣ о сем слух во всей Росии. И трезвы и вооружены поляки на одрѣх почити возлегаютъ и уже ктому другомъ своим, руским измѣнником, ни в чем не вѣрят, и разделѣнныя домы и имениа оставляют, и плѣненых жен и девицъ вся помещут, и в подарцѣх тѣх мнози не приимают, но вси ко брани оружиа очищают, готовящеся звѣрски к напитию крови. И оставляют ради задержаниа князь Михайлову воинству во градѣх надежных борзобѣгцов, сами же злѣйши от всего воинства отлучаются, изыскивающе, кто еще вѣренъ имъ от руских измѣнников; и с тѣми совѣт укрѣпляют о семъ, что, оставя прочая грады, взяти Троецкой монастырь: и всѣ пути к царствующему граду тѣм заимутся. Но смущающеся о том, занеже множество их погибло под Троецким Сергиевым монастырем.

Но что творитъ вселукавый? Влагает мысль руским сыновом от ближних градов, и о каковѣ безумии прелстишася и совѣтующе рекоша: «Аще убо стояще пребудем с поляки вкупѣ на Москву и на Троецкой монастырь, то помѣстья наши не будут разорены». О прелести вражиа! Тлѣнная имѣниа соблюдающе, нетлѣнныя же душа в вѣчныя муки отсылающе; богатство храняще, главы же своея не щадяще.

И тако совокуплшеся з Зборовским полком и с тушинскими литовъскими людми, и с рускими измѣнники и от многих градов дворяне и дѣти бояръские. И тако вси приидоша под Троецкой Сергиевъ монастырь и обьявивше множество силы своея избранныя и множеством богатства своего хвалящеся, играюще же во многие игры и посылающе ко обители чюдотворца руских людей, простую чадь, с вѣстью и научающе глаголати, что нѣмецъ и руских людей побили и воевод поимали, а князь Михаилъ добилъ челом на всей воли панъской. И зовуще из града на зговор Михайло Салтыков да Иванъ Грамотин[85] троецких людей и сказываху, что «и Москва уже покорилася, и царь Василей и з бояры у нас же в руках». Такоже и дворяне с клятвою лжуще во едину рѣчь с поляки, и ни в чем же не разньствоваху, глаголюще: «Не мы ли бѣхом с Федором с Шереметевым? И се вси мы здѣ. И каа вам надежа на силу понизовъскую?[86] Мы же познавше вѣчного своего государича, и сего ради вѣрно служим ему. Царь же Дмитрей Иванович посла нас пред собою. Да аще ли ему не покоритеся, то сам за нами приидет со всѣми полскими и литовскими людми, и со князем Михайлом и с Федором Шереметевым и со всѣми рускими людми; тогда же челобитья вашего не приимем». И ина многая приѣжжающе блядяху льстяще. Таковѣми бо змииными лестьми многие грады пельстивше погубиша.

Милостию же Пресвятыя Троица не токмо умнии, но и простии не внимающе сему никако же, но единѣми усты вси отвѣщеваху: «Господь с нами, и никто же на ны![87]Добро убо и красно лжете, но никто же имет вамъ вѣры. И нань же пришли, творите, мы же готови есмы к вам на брань. Аще бы есте сказали нам, что князь Михайло под Тверью бреги поровнялъ тѣлесы вашими, и птицы и звѣри насыщаются мертвости вашея, то добрѣ быхом вѣрили. Нынѣ же, вземше оружиа, пронземъ сердца другъ другу и растешемся полма и разсѣчемся на части. И егоже во вратѣх небесных оправдит Господь, той есть творяй и глаголяй правду».

Видѣвше же злии врази, что не ищут троецкие сидѣлцы живота, но смертнаго пирьшества любезно желающе, и тако ко второму дни на приступъ строятся. Пан же Зборовской, ругаяся и понося Сопѣге и Лисовъскому и всѣм паномъ, глаголя: «Что бездѣлное ваше стояние под лукошком? Что то лукошко взяти да ворон передавити? Се убо вы нерадѣниемъ творите и хощете черныю збитою взяти». И уготовавше же ся сами къ приступу, а чернь отослаша от себе, развѣ казаковъ Лисовских. И положивше совѣт на сонных приити в ту же нощь, какъ пришел Зборовской от брани со княземъ Михайлом, и с ним прииде Левъ Плещѣевъ да

Федор Хрыпуновъ.[88] Глаголют бо, яко на ту нощь видѣша литовские люди с небеси велику звѣзду спадшу среди монастыря и разсыпашася от нея по всему монастырю огненыа искры.

Бысть же сей приступъ третий великий июля въ 31 день, канон Госпожиных заговѣнъ.[89] Во обители же чюдотворца тогда здравых отнюдь боле двою сот человѣкъ не бяше. В нощь же ту, егда к приступу уготовашася литовские люди и руские измѣнники, тогда на воздусѣ луны, яко огнь, скакаху, и всю нощь от небесных звѣздъ свѣтъ сиаше великий, и яко видящеся падаху над монастырем и въ округ монастыря. Троецкое же воиньство и вси православнии християне, мужи и жены, бьющеся со враги чрез всю нощь беспрестанно, яко и на прежних приступѣх.

И ино же прежним подобно явление бысть, якоже прежде многим началникомъ кровопийцам во снѣ, и тии в суету сонную вмѣниша. Ныне же на увѣрение истинно не во снѣ, но наявѣ показася текуща рѣка. Но в то время о семъ ничтоже во обители чюдотворца увѣдено бысть; по престатии же ранъ праведных наказания от Господа и уже в покаянии с клятвами имени Божиа истинно свѣдѣтелствовася сице.

Повѣда Андрѣй, зовомый Болдырь, атаман казачей, и с сущими под нимъ казаки. И сии по обычаю своему готовящеся къ приступу и позападше около прудов, ждуще времени. И се видят явно, яко течет рѣка велми быстра между ими и монастырем, в волнах же сломленое великое колодие, и выскидие, и лѣс мног несет, и с корениа же несет великое древие, камень и песокъ изо дна, яко горы велики восходяще. Бога же свидѣтеля представляа тому, яко видѣша два старца, сѣдинами украшена, яко снѣгом, и кличюща съ града ко всѣмъ, видящим сиа, вопиа же гласом великим: «Всѣм вам бѣдным такъ плыти! Что о себѣ не разсудите!» Нам же друг з другом шепчющим: «Что ся вам видит и слышит, братие?» И вси единогласно друг ко другу глаголахом: «Се не привидѣние, но яве видимъ реку грозну текущу и страшно ломлющу древеса и выскитие и камень мещущу изо дна». И сия глаголюще, на старца же вси зрѣхом вкупѣ. Вѣдуще же вси, яко нѣсть меж нами и монастырем рѣки и нѣсть древес великих, и начахом вси скорбѣти, глаголюще: «Се знамение быти всѣм нам побитым». И еще слышахом глас глаголющъ многих по граду: «Ложитеся спати, нѣсть убо и не будет ничтоже». И медлящим намъ в совѣтѣ, и не видѣхом рѣки, и все бысть, аки и прежде. И егда хотѣхом бѣжати, и внезапу поидоша со всѣхъ стран к приступу и мы убо, аки связани и гоними, идохом къ смерти и не удержавшеся с прочими двигнувшеся. И слышахом, з города прежде двожды или всего трижды стрелиша, и за измѣну нашу вражию с сторону нашу много побитых обрѣтшеся, а не вѣдомо, хто их побилъ. И стремъглавъ вспять неустройно вси мещущеся, от приступа того разбѣгошася, и к тому прочее на приступы не приложиша приходити. На стѣнѣ же градстѣй едину жонку убиша и никого же кромѣ ея не раниша.

Зборовской же избранное воиньство, оружных людей многих изгуби. Его же слезна зряще, Сопѣга и Лисовской съ своими воинствы подсмѣваху: «Что ради не одолѣлъ еси лукошку? Исправися еще, толикъ еси храбръ, не посрами нас — разори, шед, лукошко сие, учини славу вѣчную королевъству полскому. Нам не за обычей приступы; ты премудръ, промышляй собою и нами».

И ихже сиа от видѣвших насъ остави Господь на покаание и на обличение самѣм себѣ. Аз же, Андрѣй, с ними. Всегда плакахомся и размышляюще, да не како живых нас пожрет земля, и улучивше время, таи отбѣгохом.

О ОТЧАЯНИИ ПОМОЩИ ЧЕЛОВѢЧЕСКИА И СКОРБѢНИЕ ПОБИВАЕМЫХ У

ДРОВЪ И У ПРОЧИХ ПОТРЕБ

Многу же бѣду и многу напасть и кровь проливаему всегда зряще мучающеися во обители чюдотворца, паче же по послѣднем семъ третеемъ приступѣ, на выласках, и побивающе множество градских у добытия дров за градом, и искушаются сердца и разумы нетерпѣливых, и в неблагодарении уста отверзаютъ и возмущают крѣпость твердостоятелных, и мнози глаголют стропотная и развращенная сицевая: «Се колико время продолжается *пролитие* крови нашея, и еще что конецъ бѣдѣ сей? Что ложно упование наше о царѣ Василии? Се день ото дне ждем помощи и изручениа, но вся суть ложна. Уже бо гради росийстии вси соблазнишася и вси к вором приступиша, и ниоткуду нѣсть нам на помощь ратных воинствъ, всѣм бо до себе прииде. И како совершатся главы наша мечным поядениемъ?»

И мнозѣм руцѣ от брани престаху, всегда о дровѣх бои злы бываху. Исходяще бо за обитель дровъ ради добытиа, и во град возвращахуся не бес кровопролития. И купивше кровию сметие и хврастие, и тѣм строяще повседневное ястие, к мученическим подвигомъ зелнѣ себѣ возбуждающе, и друг друга сим спосуждающе. Идѣже сѣченъ бысть младый хврастъ, ту разсѣченъ лежаше храбрых возрастъ. И идѣже рѣжем бываше младый прутъ, ту растерзаемъ бываше птицами человѣческий трупъ. И неблагодаренъ бываше о сем торгъ, сопротивныхъ бо полкъ со оружием прискакаше гордъ. Текущим же на лютый сей добыток дровъ, тогда готовляшеся имъ вѣчный гробъ.

Во вратѣх же убо града всегда входящеи и исходящеи сретающе глаголаху сице: «Чимъ, брате, выменил еси проклятыя дрова сиа, другом ли или родителем, или своею кровию?» И ихже Господь еще закры, тии благодарствоваху, а их же суд постиже, тии злѣ рыкаху. Отецъ бо исхождаше, да препитает си жену и чада, и брат бата и сестры, такоже и чада родителей своих. И вкупѣ вношаеми бываху дрова и человѣческая глава. И брашну сострояему злѣйшею цѣною, и всяк, зря на огнь, «ох-ох, — глаголаше, — о, отче мой, почто мя роди: да кровь твою изъѣм и испию?» Матерем же вопиющим: «О, чадѣ мои, се не брашно строится, но аз за вами въ смерть готовлюся!» Братиа же братию обрыдаху глаголюще: «О, утроба матере нашея, почто не заключи наю, да не изъѣмы друг друга!» Инии же от жестости вопреки тѣм глаголаху: «Ни, братие, не скорбите: мы днесь тѣх поты и кровию напитахомся, заутра же и нашими поты и кровию оставшии напитаются. Нѣсть бо мы тому винни, но судит Всесилный злодѣем нашим о семъ».

И таковому убо бывающу унынию, от царя же никако же надѣяхуся изручениа. И о том скорбяще, что у врагов Божиих сторожи крѣпки и вѣсти къ государю царю учинити немощно о великих прежереченных приступѣх и о оскудѣнии во градѣ воинскими людми.

О ЯВЛЕНИИ ЧЮДОТВОРЦА СЕРГИЯ

Дивный же в чюдесѣх великий Сергий паки является пономарю Илинарху, глаголя сице: «Рцы братии и всѣм ратным людемъ: почто скорбят, что вѣсти послати к Мосъквѣ нелзя? Аз послах от себя к Москве в дом Пречистые Богородицы и к мосъковским чюдотворцом всѣмъ молебное торжество совершити трех учеников своих: Михѣя, да Варфоломѣа, да Наума,[90] въ третьемъ часу нощи. И воры и литва видѣша ихъ. И почто слуга не возвѣстил, еже слыша от враговъ, что видѣша их? К манастырю бо пришедше, о том сказаша сами. Вы же шедше из града глаголите врагом: „Видѣсте вы старцов, почто не изымасте их? Се будет от них на вас побѣда, да и на Москвѣ всему граду будет вѣдомо о них”». Еже и бысть.

Видѣша бо их в то время на Москвѣ пришедших со множеством хлѣбов печеных на возилѣх на Троецкое подворие в Богоявленской монастырь. И невидими быша. О сем убо впреди слово изъявлено будет[91] <...> нынѣ же сие оставльше, и еже во обители чюдотворца во осадѣ сотворшееся да глаголется.

Воеводы же и все воинство, сия слышавше от Илинарха, и начаша испытовати, кто у литовских людей что слыша. Слуга же Федоръ Чюдиновъ исповѣда все по ряду сице: «Мнѣ убо, — рече, — на сторожи хранящу повелѣнное, и подшедше близ сынове вражии грозяще глаголаху: „Что надѣетеся о сем, еже посласте трех мнихов к Москвѣ? Не минуша бо стражу нашу; аще и два утекше, но единого поимахом”». Мнози же не имуще о семъ вѣры.

И во вторый день воевода посла за город дворян и нарочитых от воинства к паном на искус о старцех увѣдети. И несогласны быша рѣчи от панов глаголющих: «Послали-де вы к Москвѣ трех мниховъ, под двѣма лошади кари, а под третьимъ стреката; и на сторожу нашу наѣхали, и сторожи наши ихъ перехватали и дву казнили, а третьего къ царику послали». Инии же воспрещаху между собою: «Не лжите, — глаголюще, — никого же не поимахом». И таковая нѣцыи от православных слышавше и смѣющеся им глаголаху: «И хто именем они, ихже в вязнех держите, и каковы образом, и что вѣстей сказаша вам?» И ругающеся они словесы мятяхуся.

Воеводы же, посовѣтовавше и просяще общей милости у Живоначалной Троицы, изшедше на выласку истиннаго ради увѣдениа чюдеси, и взяша языка нарочита шляхтича и возвратишася во град ничим же не вреждены. И в роспросе и у пытки пан сказалъ: «Поѣхали-де от вас к Москвѣ три мнихи и наѣхали на нашу сторожу, и они за ними гониша, да не догнали. Се же паны солгаша, что поимали. Истинно вам сказую, яко не поимали ни единого, лише бахматы свои поморили. Под старцами же шкапы добрѣ худы, но яко крылаты».

О семъ же вси радостным сердцем благодарение воздаяху Владыцѣ всѣх Богу и угоднику его великому Сергию чюдотворцу. И по времени, егда получиша возможение, и о всем о сем къ царю Василию писаниемъ возвѣстиша.

О ТОМ ЖЕ СВИДѢТЕЛЬСТВО

И того же дни вечеръ, в онже истино изыскано и увѣдено бысть прошествие нетлѣнных гонцов, старецъ нѣкто в болницѣ немощен бѣяше и слыша таковая глаголемая о чюдесѣх великого Сергия чюдотворца и размышляше, лежа на постели своей просто: «Какие то лошади, и будет ли то истина?» Сиа же ему мыслящу, обратися к стѣнѣ, и се слышит болницу ту оттворшуся и топот ногъ идущу. Он же не обратися позрѣти, занеже мног восход и исход болным тогда в келии той, и мнози бѣднии от мирских чади ту же живуще. И слышит старецъ той кличюща его: «Обратися сѣмо, да скажу ти нѣчто!» Старецъ же не обратися к нему и рече: «Скажи, брате, что есть; не могу убо превратитися, и вѣси и сам, яко боленъ есмь». Той же паки рече к нему: «Обратися, что ленишися!» Старецъ же отрече: «Не хощу вредитися, повѣдай просто». Мняше бо старец, яко тоя же келии нѣкто се глаголет ему, тѣм же и не хотяше зрѣти нань. И премолчавъ предстояй начат поносити ему, глаголя: «Что безумствуеши, старче, что непокоривъ еси? Се ли иночество ти? Или нѣсть милости у Бога, еже подати здравие немощи твоей?» Старецъ же о поношении размышляше и в себѣ мысля: «Кто напрасньствует ми? Когоже азъ оскорбих?» И восхотѣ обратитися, и всею силою двигся, и се на ногу своею здрав ста. И позна чюдотворца по образу, написанному на иконѣ. Глагола же ему великий чюдотворец Сергий: «Что сумнишися? Истинно послах ученикъ своих». И старец, простъ сый, рече: «И на чемъ послал еси, государь нашъ?» Преподобный же отвѣща: «Ихже конюшей

Афонасей Ощѣрин скудости ради корма трех слѣпых мѣриновъ в надолобы изгна внѣ монастыря, на тѣх послах. Повѣждь же всѣмъ о сем: не *толико* ми гнусно смрад блуда согрѣшающих мирян, елико же инок, небрегущих своего обѣщаниа. И под стѣнами града обители моея всѣх врагов пришедших потреблю, нечисто же во обители сей и двоемыслено живущих погублю и со осквернившимися управлю». И сек рекъ, невидим бысть.

Старецъ же разумѣ себе здрава и страхом многим одержим, и плакася до утрени о прерѣковании ко святому. И о себѣ прииде въ церковь и повѣда всѣм чюдотворца глаголы. И поискавше всюду тѣх меринов слѣпых и не обрѣтоша, или кто видѣ их, въ слух ни у кого же не услышаша. И увѣришася истинно по словеси святого Сергия чюдотворца, и воздаша славу вси о семъ Господу Богу, творящему дивная. Сих же ученикъ святаго пришествие не невѣдомо бысть в царствующем градѣ Москвѣ. О семъ убо, паки глаголю, въпреди слово изъявитъ <…>

О БОЮ СО КНЯЗЕМ МИХАЙЛОМ ПОЛСКИМ И ЛИТОВСКИМ ЛЮДЕМ И РУСКИМЪ ИЗМѢННИКОМЪ

Разрушителю же бранем, князю Михайлу, приближшуся х Колязину монастырю,[92] сопротивницы же, полские и литовские гетманы, и полковники, и рохмистры, коиждо своими полки: Александръ Зборовской, и Сопѣга, и Лисовской, и Иван Заруцкой,[93] поидоша паки против князя Михайла Васильевича Шуйского Скопина и нѣмец Переславъскою дорогою, мѣсяца июля въ 5 день на память преподобнаго отца Афонасиа Афоньскаго и преподобнаго отца нашего Сергиа Радонежскаго чюдотворца на обрѣтение честных мощей его, во втором часу нощи. Приидоша же на Волгу под Колязин монастырь в село колязинское Пирогово. Князь Михайло же Васильевич и со благочестивым московъским воинствомъ, и сь Яковом Пунтосовым,[94] и с Велгоремъ,[95] и со многими немецкими людми ополчивъшеся на Волгѣ противу их.

И посла князь Михаилъ воевод Семена Головина, князя Якова Борятинсково, Григорья Волуева, Давида Жеребцова со многими людми за Волгу на перевоз к Николѣ чюдотворцу в слободу на рѣчку Жабну под литовских людей, чтобы за тое рѣчку не перепустити их. Рѣчка бо та топка зѣло и ржависта. Литовские же увидѣвше московских людей, и абие, яко лютыя звѣри, устремишася на лов. Благодатию же Божиею на томъ бою многих полских и литовских людей побили и поранили, мнози же от них, на грязѣх погрязше, погибоша, прочии же в бѣгство устремишася к болшим людем в село в Пирогово. Воеводы же о семъ послаша вѣсть ко князю Михайлу, чтобы вскорѣ рѣку перевезся, еже и бысть.

Литовские же гетманы и их полковники всѣми полки своими устремишася на руское воинство. И съступишася обоих полцы, и бысть сѣча зла, и сѣчахуся на многих мѣстех, бьющеся чрез весь день. От оружейново стуку и копейного ломаниа и от гласовъ вопля и кричания обоих людей войска, и от трескоты оружиа не бѣ слышати друг друга, что глаголет, и от дымного курениа едва бѣ видѣти, кто с кѣм ся бьет. И яко звѣрие рыкающе, злѣ сѣчахуся.

Солнцу же достизающу на запад, и возопиша вси православнии къ Богу, со умилением вопиюще от сердец своих: «Виждь, Владыко, кровь рабъ твоих, неповинно закалаемых! Такоже и ты, преподобне отче, Макарие, помолися за ны къ Богу и помози нам!» И уже близ вечеру сущу, услыша Господь молитвы раб своих, и нападе страх велий на врагов Божиих, и ужасом великим одержими, в бѣгство устремишася. И побѣгоша друг друга топчюще, гоними гнѣвом Божиим. Руские же полцы гнаша литовских людей и сѣкуще до Рябова монастыря;[96] и многих литовских людей побили и поранили, и нарочитыхъ панов многих живых поимали. И с великою побѣдою и одолѣнием возвратишася под Колязин

монастырь со многою корыстию.

Полские же и литовскиа люди и руские измѣнники, яко же ис под Твери, тако ис под Колязина монастыря не путьми возвращьшеся вспять и конечнѣ хотяще разорите дом Пресвятыя Троица, и люте належаще бранию. Оставши же мали суще числом и друг друга водяще, со враги боряхуся.

По сем же из Сопѣгиных табаръ в Троицкой Сергиевъ монастырь выѣхал пан Янъ, а с ним 4 пахолки, да два человѣки руских и сказали, что под Колязиным монастырем князь Михайло литовских многихъ людей побилъ и поималъ.

Того же дни воеводы устроили ис Троицкого Сергиева монастыря выласку на рѣчку Коншуру, на бани литовские, и многих у бань побили черкасов и казаков, и бани их сожгли, и шесть человѣкъ живых взяли. И языки сказали, что подлинно литовских людей князь Михаилъ под Колязиным монастырем побил. 0 сем же вси людие благодаръствоваху Бога, и возврадовашася и благонадежни быша, чающе избавлениа от Бога, и со враги крѣпко боряхуся.

О ЛЬСТИ ПОЛЯКОВ И О ВЗЯТИИ СКОТА ИХ

Богоборцы же, полские и литовские люди, такоже и руские измѣнницы, егда поражени быша от руских людей, паче же от Бога, бѣгуще ис под Колязина монастыря, плениша многие волости и села и деревни Ростовской, и Дмитровъской, Переславъской и Слободской уѣздъ, и множество всякого скота награбиша, и наругающеся градскимъ людем гладным, иже сѣдяху во осадѣ во обители чюдотворца Сергиа, и попущаху великиа стада скота по запрудной сторонѣ по Красной горе и на Клементѣевском полѣ, вкупѣ же и блазняще из града осадных людей на выласку, чтобы отъѣхати их от града. И того по много время попущающе стада въ день и в нощь. Они убо лукави суще, яко лисица и яко хищнии волцы, сатаниным коварством сие умыслиша над гладными сидѣлцы. Богъ же не оставляет рабъ своих, уповающих нань, и совѣт ихъ той тако не совершися.

Мѣсяца же августа въ 15 день в самый свѣтлый всемирный праздник Пресвятыя Владычица нашея Богородица честнаго и славнаго ея Успения, из Сопѣгиных табаръ по первому своему злому лукавству, паки попустиша скот свой въ преждереченое мѣсто. Троецкие же сидѣлцы, конные выехавше из града тайно Благовѣщенским врагом, сторожей литовских побили, и, залучивъше стада их, погнаша ко граду. С Пивного же двора изшедше пѣшие люди и тако вогнаша скотъ во град, благодаряще Бога и Пречистую Преблагословенную Владычицу Богородицу и великих чюдотворцов Сергиа и Никона, яко здравы отидоша от толика воиньства литовских людей, и ничим же не вреждены, толицы мали суще числомъ. Еще же и о сем дивно есть: егда скот погнаша к монастырю, тогда той скотъ сами скоро потекоша к монастырю, и ничим же задержими во градъ внидоша.

О ПРИХОДѢ ВО ОБИТЕЛЬ ДАВИДА ЖЕРЕБЦОВА СО МНОГИМИ ЛЮДМИ, И О ПРЕПИТАНИИ РАТНЫХ МОЛИТВАМИ ЧЮДОТВОРЦА, И О УМНОЖЕНИИ МУКИ И СУХАРЕЙ И РЖЫ, И О БЛАГОДАРЕНИИ АРХИМАРИТА ИАСАФА И О НИЩЕЛЮБИИ ЕГО, И О ПОБѢГЕ СОПѢГИНЕ И ЛИСОВСКОГО со всѣми людми

Слышаще же в Троецком Сергиеве монастырѣ, яко князь Михайло ис Переславля изгна литву и руских измѣнников и мостяща пути трупом нечестивых даже и до слободы Александровы[97] и строящася добрѣ пути кровныя изсушити. Архимарит же Иасафъ, и иноцы, и воеводы, и прочии сидѣлцы посылают ко князю Михайлу Васильевичу от дому чюдотворца, просяще с моленьми помощи, понеже

оставшии людие изнемогоша.

И послан бысть от князя Михайла воевода Давидъ Жеребцовъ, а с ним 600 мужей избранных воинъ и триста сим служащих. Молитвами же чюдотворца проидоша ничим не задержани, ни подзаратаи, ни стражами не увѣдены быша, и легцы суще всего протекше скоро.

Не имуще с собою ко препитанию никакихъ потреб, оскорбляются, а не пекутся о препитании мучащихся в бѣдах, но строят о себѣ полезная. И вземлет Давидъ все строение на себя, и запасом монастырским памяти счетныя отъемлют же. За рукою старца Макариа взял в житницах 20 четвертей ржы, да 200 четвертей сухарей, да в хлѣбне муки ржаные 40 четвертей, да овса 7776 четвертей. Мелница же конская испорчена тогда, и лѣсу не бысть, и строити еѣ нѣчим. Такоже и молоти нѣкому, людие бо трудники вси измроша, и мелюще токмо на день по три осмины ржы или овса, пекуще же на день по четыре квашни, в квашни же по 5 четвертей. Да к тем же хлѣбом по вся дни емлюще в трапезу сухарей четвертей и по девяти, и по десяти, и по 11.

Архимарит же Иасафъ, яко же исперва начат, тако же и до сего времени печашеся о бѣдных и нищих, и бѣ око слѣпым и нога хромымъ. Аще и не своима рукама и ногама, но всѣх всячески упокоевая и без слезъ немогий взирати на плачющая и скорбя с воздыхающими, и всякъ просяй что и тщама руками не отхождаше от него.

Оставшии же иноцы, видяще ратных насилование, отца же Иасафа к бѣдным и нищим попечение, и яко же преже о том роптаху нань, тако же и в то время и потомъ, и в лице тому пришедше сваряхуся. Боголюбивая же душа прощениа просяще от всѣх и тихими словесы наказуя о всемъ благодарити Господа. И рекъ: «Лучше нам умрети, неже престати сирот миловати. И не оставит насъ великий Сергий гладом истаяти». Зрите вси слышащеи, колик скоръ заступник уповающим нань, великий отецъ нашь Сергий. Убо сей Иасафъ простъ сый, ни пророкъ, ни знаменоносецъ, но уповав вѣрою и не посрамися, яко вдова она, питавшая Фезвитенина, послуша бо того глагола, и не оскудѣша малыя пригорщи в три лѣта и мѣсяца 6.[98] Воистинну бо «праведницы и по смерти живи суть»,[99] якоже и днесь пред очию всѣх содѣяся. Мнѣша бо тогда иноцы оставшии, еже на едину седмицу дней токмо пищи, протягну же ся время от малых тѣх останков на 84 дни, октября съ 19 генваря по 12 день. В той бо день Сопѣга и Лисовской от Троицы со всѣми людми с полскими и литовскими побѣжали къ Дмитрову.

О ПОМОЩИ ЧЮДОТВОРЦА И О НЕНАДЕЖНЫХ ВЫЛАСКАХ

Дивно же се всегда бываше, егда исперва сѣдоша людие во осадѣ в Троицком Сергиеве монастырѣ даже и до пришествиа Давида Жеребцова, егда исхождаху на брань к сопостатом: егда убо устроятся людие и уготовятся с великим опасениемъ, то не всегда на добро бываше изшествие; аще ли о чем надежно изыдут, то и пагуба бываше. Похвалное же что содѣяся, и то не урядством, но послѣднею простотою. И дива слышание достойно.

Внегда бо узрят противных гдѣ стоящих и с простотою храбръствующих или близ стѣн бѣсующихся, держими же воеводами, да не погибают напрасно, и не могуще изыти и друг на друга позирающе, сердцы растерзахуся. И замышляюще кождо себѣ нужду и потребу, у приставленых над ними испрошахуся: едины травы ради, друзии же воды, инии дровъ добытия, инии же корениа ископати, овии вѣниковъ урѣзати, овии же подалѣ отманивающеся ко кладязю чюдотворца воды исцѣления ради почерпсти. Поляки же, радующеся таковому неустроению, и, яко пси на заяцовъ, отвсюду напущаху, и зачинающуся кровопролитию на многих мѣстех: не

десят бо или 20, но и пять, и три, и два, порознь бродяще, смерти искаху. Против же врагов, егда нахождаху на них, вкупѣ ополчевахуся. И нечестно исходящеи честни побѣдители показовахуся. Спасителя же нашего хранением в таковой простотѣ никто же никогда погибе, но вси здрави до единого возвращахуся в дом преподобнаго.

Давидъ же Жеребцовъ, егда прииде и видѣ таковую простоту твориму во исходящих на выласкѣ, их же много безчестив и отославъ прочь, не повелѣ с собою исходити ко брани. Надежен же на избранное воинство и к раздражителем, добрѣ урядився, исходит извѣдатися. Стигнув же ся с сопостаты и со срамотою одолѣваем, утече, въмѣсто же пота побѣдителства слезами облияся. Урядный неурядно утече. И помалѣ, еще дыша рвениемъ, исходит мститися. К нему же простцы рекоша на пути: «Мы, государь болярин, преже сего прося у чюдотворца Сергиа помощи, малоурядно исхаживали, занеже не подается нам, но яко овцы исходихом, пастырь же нашь сам нами промышляа и не погуби нас николи же». Давидъ же, вѣжди з гнѣвом возводя на прерѣкущих, и исхождаше ко врагомъ на бой. Смятию же брани бывши, и зря простцы мужа храбра и мудра нестроение, но по его отречению не смѣют помощи тому подати. Видяще же, яко кедры посѣчены имуть быти в дубравѣ и не дождавшеся своея надежи опустошитися и по обычаю простоты немощнии бранию ударивше, и исхищают мудрых от рукъ лукавых. Гордящеи же ся ктому немощных и бѣдных не нарицают овца, но лвовѣ, и не сирот, но господей, и единотрапезников спосаждают. И помещут немецкую мудрость, и приемлют покрываемых от преподобнаго буесть. И в простотѣ суще забывше бѣгати, но извыкше врагов славно гоняти.

О ПРИХОДѢ ГРИГОРИА ВОЛУЕВА[100]

Мѣсяца генваря въ *первый* день въ 4 час нощи прииде из слободы Александровы от князя Михайла Васильевича в Троецкой Сергиевъ монастырь воевода Григорей Волуевъ, а с ним избранных вой 500 мужей храбрых, и вси во оружии. Сии убо приидоша извѣдатися с литовскими людми и с рускими измѣнники и войско их смѣтити. Егда же освитающу дни, и совокуплшеся с Давыдом и с троецкими сидѣлцы, и исходят из града храборски, и наглѣ нападают на полские и литовские роты. И втопташа их в Сопѣгины табары, и станища их около табаръ зажгоша. И милостию Пребезначалныя Троицы литовъских людей многих побили и языки поимали. Сопѣга же и Лисовской со всѣми полки своими изшедше противу их, и бысть имъ бой великъ на Клементѣевском полѣ, на Келаревѣ прудѣ, и на Волкуше, и на Красной горѣ. И много бивъшеся и мнози от обою страну пивше смертную чашу, множайше же сугубо погибе полку еретического. И разыдошася обои. И день той препроводивше во обители чюдотворца, сотворше заповѣданное имъ, паки возвратившеся ко князю Михайлу Васильевичю. На полских же и литовских людей и руских измѣнников тогда страх великъ нападе и в недоумѣнии быша, якоже оставшии сказаша.

О ПОБѢГЕ ГЕТМАНА СОПѢГЕ И ЛИСОВСКОГО

И генваря въ 12 день гетман Сопѣга и Лисовской со всѣми полскими и литовскими людми и с рускими измѣнники побѣгоша къ Дмитрову, никим же гонимы, но десницею Божиею. Толико же ужасно бѣжаша, яко и друг друга не ждущя и запасы своя мещуще. И велико богатство мнози по них на путѣх обрѣтаху, не от хуждьших вещей, но и от злата, и сребра, и драгих портъ, и коней. Инии же, не могуще утечи, и возвращающеся вспять, и лѣсы бѣгающе, прихождаху во обитель к чюдотворцу, и милости просяще душам своимъ, и повѣдающе, яко «мнози видѣша от нас велики зѣло два полка гоняща нас даже и до Дмитрова». Чюдиша же ся вси о сем, яко от обители не бяше за ними никакой

посылкѣ. Князь Михайлов же приход уже и отчаян, и моление от обители к нему презрѣ.

По отшествии же сынов беззаконных преждавше осмь дней, посылается къ царствующему граду къ государю от обители чюдотворца со святою водою старецъ Макарей Куровской генваря въ 20 день. Еще же опасение бяше в дому чюдотворца от врагов, и с людми считающеся и ихже к питанию восхотѣвше смѣтити. И еще муки обрѣтше в хлѣбне четвертей з десять, такоже и сухарей четвертей с пятдесят. Всѣх же во удивление чюдо сие введе, како от малых сихъ запасов на толико время простреся до преизобильства, и не токмо же человѣком, но и скотом. Вяще бо числа здѣ реченнаго преизбысть: дающе бо тогда конемъ овса на все воинство по 90 четвертей на день, да монастырским и воеводским лошадем по 10 четвертей на день; и кормим бѣ весь скот за сто дней от овса того. По разшестъвии же ратных всѣх изо обители и еще останцы того овса мнози осташася на потребу великими бѣдами искушенным от Бога. Егда же и князь Михаилъ, не мало время преминувъ, прииде из слободы в дом чюдотворца со всѣм воиньством с рускими людми и с нѣмцы, и все воинство от тѣх же малых останков доволствовашася, такожде и весь скот свой от житницъ же чюдотворца довольнѣ питаху. И по отшествии его и всего воиньства многимъ препитание бысть.

СЛОВО БЛАГОДАРСТВЕНО ЗА ВСЯ ЧЮДОТВОРЕНИА БОЖИА ИЖЕ БЫША ВО ОБИТЕЛИ ЧЮДОТВОРЦА СЕРГИА МОЛИТВАМИ ЕГО. ТВОРЕНИЕ ТОГО ЖЕ КЕЛАРЯ ИНОКА АВРААМИА

Иже хотяй исчести вся звѣзды круга небеснаго и от аера капля дождя изливаема, и въскрай моря лежащаго пѣска исчислити, но невозмогает отнюдь, нѣсть убо се возможно от человѣкъ, но токмо единому Богу. Сице же нѣсть возможно исчести чюдес великихъ свѣтил, дивнаго в чюдесѣх преподобнаго и богоноснаго отца нашего Сергиа чюдотворца и ученика его Никона чюдотворца. Колико творит Богъ угодники своими предивная и паче всякого слова и умом непостижимая чюдеса! Якоже бо солнце простираяй повсюду чюдес луча, не токмо во обители их, ноив царствующем градѣ Москвѣ и во окрестных росийских странах, вездѣ прослави Богъ угодникъ своих, но и повсюду протекоша их чюдеса и до внѣшних государствъ Греческиа и Римскиа державы. Толико убо Богъ возлюби его и прослави, елико невозможно исповѣдати или писанию предати всегда бываемых чюдес. На всяком бо мѣстѣ в бѣдах, или в скорбѣх, или во юзах, въ плѣне же, и во изгнании, и в кроволитиих, и во всяких нужных тѣснотах и печалѣх и иже призовет с вѣрою в помощь великого сего отца, той убо посрамлен никако же исходит и чааниа своего не погрѣшит. Овогда же и преже прошениа святый в печалѣх предваряет и неищущим его скоръ помощник обрѣтается. Той убо друг присный Матери Слова Божия; не исчитая тогда и нынѣ всѣх нас питает. Кто же азъ, окаянный и грѣхи неудобъцѣлимы нося, да восхощу, тма сый, за солнцем считати простираемыя чудес луча? Но о немже должен есмь вопию непрестанно, моля заступника отчаянным.

О, освященный верше, яко же исхитилъ еси из рук гордых труды потовъ, тако и мене исхити, всеокаяннаго, из гортани змиевы, к тебѣ бо прибѣгаем, поновившему чюдеса Еуфимиа Великого и Феодосиа: даждъ ми слово, безсловесная дѣла творящему, научи мя тебе похвалити, служащаго преждевѣчному Слову, словом вся составльшему! Благословен Господь Богъ нашь, дѣйствуяй тобою дивная и неизреченная! Благословено тѣло твое, преподобне Сергие, увѣряющее мертвым воскресение! Хвално и благословено и препрославлено имя Господне, давый тя зрящим в снабдѣние от грѣха! Благословенъ Господь, запинаай тобою ко грѣху влекомым и предлагаяй в мысль жива тя всѣм пред очию зрящих! Благословенъ живый преже бытия всего здания,

иже нечислимый 100 000 и тмами тѣм лѣт, но присносущный сый, изволивый создати всяческая, безначалный и бесконечный, иже прославити тя с прежними великими святыми! Благословени вы, господеви Сергие и Никоне, сохраньшеи дом свой от обстояниа сатаны!

Благословена и ты, о Дево преблагословеная Марие, иже токмо едино мѣсто сие сохранила от меча еретическа! Блажена еси, чаше, содержимаа в руку Содѣтеля всѣх, в нейже раствори Богъ вино нашего веселиа, егоже напихомся несмѣсна, ни превратна, во двою естеству Божества и человѣчества несмутно! Блажена еси, зерцало премирное, в немже увѣденъ бысть Сынъ Божий! Блаженъ еси, источниче запечатлѣнный, искипѣвый воду живу, егоже разумная невещественая существа желают напитися! Блажена еси, сокровище в будущий вѣкъ всѣм в вѣчное восприатие! Блажена ты, Царице, яко раби твои прелѣтают стѣны вышняго Иерусалима! Благословена ты, Владычице, яко тебѣ поклоняются со страхом вся небесныя силы! Блажена утроба твоя, поносившиа Свѣта свѣтлѣйша солнца тысящами тысящей и тем тмами! Благословени руцѣ твои, поносившеи Спеншаго море словом! Блажена дверь печати девьства твоего, еюже проиде Господь Богъ нашь един! Благословени очи твои, зрящеи трисоставнаго свѣта! Блажени уши твои, слышащеи тайны прежде созданиа всея твари! Благословенъ умъ твой, зряй нынѣшнюю пременяему тварь и ину созидаему и саму тя царствующу со Взаемшим пречистую плоть от тебе! Блажена уста твоя, бесѣдующа *ис* тебе рождьшему Сына! Благословена ложесна твоя безболѣзненая, имиже прошед Свѣт всѣм намъ и яко же прежде рожества, тако и въ рожестве, и по рожествѣ девьствующи! Благословенъ прошедый из боку твоею совершен человѣкъ, Богъ сый всяческих! Блажени путие, иже в тебѣ, ихже премирных разуми не постигнут! Блажена ты, свитче Бога Отца, в немже написа Слово свое во спасение вѣрным! Благословена красота твоя, еяже Гавриил убояся! Благословенъ еси, ключю, бездну щедрот искипѣвый, в нихже всего мира грѣхи погрузишася! Блажена еси, вѣро невидимымъ! Благословена еси, надеже отчаявшимся спасениа! Блажена еси, упование ненадѣющимся вѣчных мукъ избыти! Благословено ходатайство твое непосрамляющееся и в день пришествия Христова! Блажено заступление твое, восхищающе осужденых во вѣки! Благословенъ зракъ твой, воображенный на поклонение нам, грѣшным, во спасение! Благословена еси, недоумѣние по достоинству никому же восхвалити тя! Блажена еси, служимая небесными силами! Благословена еси, по достоинству восхваленная Богом Отцемъ! Блажена еси, украшеная Сыномъ Божиим! Благословена еси, сокровеное сокровище всѣх благих Духом Пресвятым! Благословенъ глаголъ твой, реченый преподобному, яко «неотступна буду от обители твоея!» Блажено речение твое, яко дѣлом совершила еси! Благословена еси, Всесилная, яко не попусти поставити мерзость запустѣниа на мѣстѣ святѣм! Благословена еси, Богородице, яко твоих ради молитвъ не узрѣхом мертва хлѣба приносима вмѣсто жива тѣла Христа Бога нашего!

Благословени есте, богоноснии отцы Сергие и Никоне, яко не воспѣшася догматы злочестиа в болѣзненых трудѣх ваших! Блажени есте, свѣтила церковная, яко не попустисте еретиком разрушити стѣн дому вашего святого!

Блажени и вы, скончавшеися в дому чюдотворца и имущеи к нему дерзновение! Помяните и нас, да помянет во святых своих молитвах пред Господемъ!

Но, о преподобнии и богоноснии велицыи отцы, Сергие и Никоне чюдотворцы! Сие малое и худое писание вам прикладное приемше, воздѣжите, преподобнѣи, свои руцѣ к Всенепорочнѣй Матере Слова Божиа и, вкупѣ припадше ко Владычицѣ и Богу, долготерпеливно помолитеся о мнѣ грѣшнѣм и недостоинѣм, аки о нѣкоем изверге, и о всѣх, иже с вѣрою вас почитающих, и сиа еже к нам о

превеликих ваших благодѣяниих и о чюдотворениих с любовию прочитающих, яко да подастъ нам отпущение грѣхом и помилует нас, недостойных милости, и поне малу ослабу получю азъ от вѣчных мучений, и да восхвалим вкупѣ убивающаго оружиемъ устъ своихъ непокоряющаяся тому языки и да поклонимся Агньцу, заколенному за нас, егоже кровию измыхомся от грѣх. Тому слава во вѣки, аминь!

---

[1] *...в дому Пресвятыя и Живоначальныя Троица...* — Имеется в виду Троице-Сергиев монастырь (или Свято-Троицкая Сергиевская лавра), расположенный в 70 км к северу от Москвы. Монастырь был основан в середине XIV в. Сергием Радонежским, к началу XVII в. представлял собой один из крупнейших в стране книжно-культурных и хозяйственных центров, обладая и большой библиотекой, и огромным количеством земель. В 1540—1550 гг. вокруг монастыря была возведена каменная стена длиной 1.25 км, высотой от 8 до 14 м, с двумя галереями, амбразурами, башнями; на стенах и башнях были установлены орудия, и монастырь стал мощной крепостью.

[2] *...великих чудотворцов Сергиа и Никона...* — Сергий Радонежский (1314—25 сентября 1392 г.) — основатель Троице-Сергиева монастыря. Никон (ум. 17 ноября 1428 или 1429 г.) — ученик и преемник Сергия Радонежского в управлении Троицким монастырем. При нем (в 1422 г.) были открыты мощи Сергия и возведен и расписан Андреем Рублевым и Даниилом Черным Троицкий собор — усыпальница Сергия.

[3] *...келаря инока Аврамиа Палицына.* — Авраамий Палицын (ум. 13 сентября 1627 г.) принадлежал к потомкам Ивана Микулаевича Палицы, выехавшего на Русь из Литвы в 1373 г. (Родословная князей и дворян Российских и выезжих... М., 1787. С. 2, 359, 418) и служившего у Дмитрия Донского воеводой. Члены этого рода были в основном военными и государственными деятелями. Правнук Ивана Микулаевича Евстафий был убит при Белеве Литовском в битве с татарским царем Махметом в 1438 г.; в XVI в. двое Палицыных в числе лучших детей боярских получили от Ивана Грозного поместья. Один из родственников Авраамия, Андрей Федорович Палицын, сподвижник Пожарского, служил воеводой в Мангазее в 1629—1631 гг.; двоюродный брат Авраамия Федор Сысоевич Палицын — воеводой на Белоозере в 1609 г. Были в этой фамилии и пишущие люди: келарь Чудова монастыря Варлаам (в миру Василий Иванович) Палицын, живший во второй половине XVI в., вероятно дядя Авраамия (см.: Филарет. Обзор русской духовной литературы. Харьков, 1859. С. 192), известен как летописец и составитель списка митрополитов. Авраамий — в миру Аверкий — родился в селе Протасьеве неподалеку от Ростова Великого, по-видимому, в начале второй половины XVI в. В 1588 г., уже будучи воеводой, он подвергся опале, очевидно, по подозрению Бориса Годунова в его связи с Шуйскими, имущество его было конфисковано, а сам он сослан на Соловки и там пострижен в монахи (может быть, насильно). Через два года он был возвращен из ссылки и получил свое имущество назад. В 1594 г. его вместе с другими соловецкими старцами отправили в Троице-Сергиев монастырь, в 1601 г. послали оттуда на какую-то должность (по-видимому, келаря) в зависящий от Троице-Сергиевского Богородицкий Свияжский монастырь недалеко от Казани. В 1608 г. Авраамий вернулся оттуда в Троице-Сергиев монастырь уже в качестве келаря. Келарь ведал хозяйством и сношениями монастыря с «миром», по важности был вторым

(после архимандрита) лицом в монастыре. К Троице-Сергиевой лавре в то время было приписано около двадцати меньших монастырей; в ее владении были примерно 250 сел, 500 деревень, 200 пустошей, более чем 70 починок и селищ, несколько волостей, примерно 40—50 тысяч душ и около 10 тысяч десятин земли. Так что Авраамий оказался во главе одного из крупнейших хозяйств страны и стал влиятельной политической фигурой. По повелению царя Василия Шуйского во время осады монастыря Авраамий жил в Москве. Через него осажденные просили царя о помощи, и Авраамий старался использовать свое влияние на царя для их поддержки. 15 февраля 1609 г. под его влиянием царь послал на помощь монастырю атамана Сухова Останкова с 60 казаками и 20 пудами пороха, а Авраамий от себя — 20 троицких слуг во главе с Никифором Есиповым. Когда в Москве начался голод, Авраамий по приказу царя и патриарха неоднократно вывозил на рынки и распродавал по низким ценам монастырские хлебные запасы, хранившиеся при Богоявленском подворье, чем сбивал высокие цены на хлеб «житопродавцев». Самому царю Василию Шуйскому Авраамий во время осады ссудил 1900рублей. Когда после падения Шуйского созванные Думой представители всей Русской земли присягнули польскому королевичу Владиславу (27 августа 1610 г.), к осаждавшему Смоленск его отцу Сигизмунду было отправлено посольство из 1246 человек; в их числе был и Авраамий Палицын. Его дары королю были самыми богатыми. Сигизмунду, добивавшемуся русской короны, а также и сдачи Смоленска, удалось расколоть русское посольство. Сигизмунд подтвердил Авраамию владельческие права его монастыря, уменьшил причитающиеся с него налоги, и тот, покинув в декабре посольство, уехал назад как якобы «богомолец» Сигизмунда. Но, вернувшись в монастырь, Авраамий начал энергично действовать против разорявших Россию поляков. В марте 1611 г. он послал из монастыря помощь Москве из 50 слуг и 200 стрельцов и начал вместе с архимандритом Дионисием (Зобиновским) писать и рассылать во все города России грамоты с призывами помогать Москве и бороться с поляками. Эти грамоты способствовали организации ополчений и освобождению от поляков Москвы. Затем Авраамий принимал активное участие в выборах, приглашении на престол и венчании на царство нового царя, Михаила Романова (февраль—июль 1613 г.). В ноябре 1618 г., при попытке осады Троице-Сергиева монастыря королем Владиславом, Авраамий возглавлял монастырскую оборону. После того как было заключено Деулинское перемирие (1 декабря 1618 г.), в память о нем Авраамий воздвиг в монастырской деревне Деулино (в трех верстах от монастыря по Угличской дороге) церковь во имя преподобного Сергия Радонежского. «История» Авраамия заканчивается известием об освящении этой церкви архимандритом Дионисием 1 декабря 1620 г. Сам Авраамий в это время был уже далеко от Троице-Сергиева монастыря: после возвращения из польского плена патриарха Филарета, члена того же посольства к королю Сигизмунду, в котором принимал участие и которое покинул Авраамий, он вновь был сослан на Соловки, где и прожил последние восемь лет своей жизни. Там он завершил литературную отделку своей «Истории». Там и похоронен (могила сохранилась).

[4] *...по обѣщанию своему преподобному игумену Сергию...* — В Житии Сергия Радонежского есть рассказ «О посѣщении Богоматере к святому», где говорится, что явившаяся Сергию после молитвы Богородица обещала ему, что не только при его жизни, но и после его смерти не прекратит забот о его обители. Именно это обещание имеет в виду Авраамий.

[5] *...казни раба оного, скрывшаго сребро господина своего и прикупа имъ несотв орша...* — Имеется в виду евангельская притча (см. Мф. 25, 24—30; Лк. 19, 20—

24), согласно которой хозяин наказал раба, не увеличившего доверенное ему серебро в «талантах» или «минах» (названия денежных единиц).

[6] *...«да нѣкое дарование... ко утѣшению вашему».* — Ср.: Рим. 1, 11.

[7] *...на Троецком подвории в Богоявленском монастырѣ.* — Троице-Сергиеву монастырю принадлежал целый ряд владений в разных городах (Троицких подворий). Богоявленский монастырь (основан в 1296 г.), где находилось такое подворье в Москве, располагался в Кремле.

[8] *...лжехристу со множеством студа бѣгству вдавшуся...* — «Христос» означает «помазанник», подразумевается — на царство, так что «лжехристос» — это «лжепомазанник», «лжецарь». Имеются в виду самозванец Лжедмитрий II и его бегство из-под Москвы в 1609 г. Лжедмитрий II объявился в конце 1607 г. в г. Стародубе. В его войско влились и польские отряды. Он двинулся к Туле, но, узнав о ее захвате Василием Шуйским, отступил в Камарицкую волость (территория современной Брянской области). Новый поход Лжедмитрия II проходил через Болхов, Медынь и завершился в селении Тушино, к северу от Москвы, где самозванец основал свою ставку; с осени 1608 г. он начал серьезно угрожать Москве. Авраамий называет Лжедмитрия II также «тушинским вором» и просто «вором». В декабре 1610 г. Лжедмитрий II был убит под Калугой служившими ему татарами.

[9] *...розстригу Григория Отрепиева...* — Лжедмитрий I.

[10] *...в того мѣсто инъ назвася...* — Имеется в виду Лжедмитрий II.

[11] *...царъ Василий Ивановичъ...* — царь из старинного рода суздальских князей, избранный на трон после народного восстания в Москве 17 мая 1606 г. и после убийства Лжедмитрия. Был свергнут с престола москвичами в июле 1610 г. и пострижен в монахи. Затем был арестован поляками вместе с братьями Дмитрием и Иваном; умер в плену под Варшавой 5 сентября 1612 г.

[12] ...а *Помории...* — В северных землях, прилегавших к Белому морю.

[13] *...измѣнником сиверскимъ.* — Казачьи отряды из Северских земель.

[14] *...от Гриши...* — Григорий Отрепьев.

[15] *...и от Петруши...* — Лжепетр, Илья или Илейка. *Петрушка.* — Автор хронографической статьи видит главную опасность в новом самозванце — «царевиче» Петре, хотя тот был далеко не главной фигурой в широком движении, направленном против Василия Шуйского. Восстание было начато летом 1606 г. путивльским воеводой князем Г. Шаховским. С осени того же года к восставшим примкнул Иван Болотников, вскоре ставший его фактическим руководителем. Он возглавил войско, двинувшееся кМоскве и осаждавшее ее в ноябре—декабре 1606 г. «Царевич» Петр — Илья Горчаков, Илейка Муромец, выходец из посадских людей г. Мурома, которого казаки объявили сыном царя Федора Ивановича (Хронограф называет Ивана Ивановича — старшего сына Ивана Грозного), начал свой поход весной 1606 г. от Астрахани. Он двигался по берегу Волги. У Свияжска (западнее Казани) Петр готовился пойти к Москве, куда его призывал Лжедмитрий, намеревавшийся использовать его войско. Узнав о гибели

Самозванца, Петр повернул назад, дошел до Путивля. Позже он направился вслед за Болотниковым, отступившим к тому времени от Москвы к Калуге, а затем к Туле. В октябре 1607 г. Болотников и Петр сдали царю Василию крепость Тулу. Впоследствии они были казнены.

[16] *...архимариту Иасафу... —* Архимандрит Троице-Сергиева монастыря Иоасаф (1605—1610), выходец из игуменов Пафнутьева Боровского монастыря, вдохновитель обороны осажденного Троице-Сергиева монастыря. После снятия осады вернулся в Пафнутьев Боровский монастырь и был там вскоре (5 июля 1610 г.) убит при взятии монастыря гетманом Петром Сапегой, прежде безуспешно осаждавшим Троицкий монастырь.

[17] *Царъ же Василий Иванович вскорѣ посла тогда к западным и к полунощным странамъ - въ Дацкую землю, и в Аглинскую, и в Свѣйскую... —* В ответ на эти посольства Василий Шуйский получил помощь только от Швеции — пять тысяч наемников.

[18] *Свѣйской же королъ Арцы-Карлус... —* Карл IX (1550—1611).

[19] ...*Александру, пану Лисовскому... —* Ян Александр Лисовский, командир двухтысячного польского конного отряда, прибывшего для помощи Лжедмитрию II. Александр Йозеф Лисовский (1575—1616), из средне-поместной шляхты, владения которого были в Литве, прибыл на Русь во главе двухтысячного конного отряда поляков. Был прислан Сигизмундом III на помощь Лжедимитрию. Разбил войска И. Куракина, с 1608 г. — на стороне Тушинского вора. Под его началом было более 700 поляков, 2000 казаков и около 1000 русских сторонников Лжедимитрия II. Вместе с Сапегой осаждал Троице-Сергиев монастырь, воевал под Орлом, Рязанью, Зарайском. До весны 1610 г. находился в лагере Сигизмунда III. С августа 1611г. прошел военным рейдом по землям Ярославля, Вологды, Солигалича. С 1614 г. — королевский полковник. Через Перемышль, Ржев, Углич, Муром в начале 1616 г. вернулся в Литву, где в апреле и умер. В некоторых русских литературных памятниках сообщается о гибели Лисовского. Источником этих ошибочных сведений стала царская грамота в Троице-Сергиев монастырь, в которой сообщалось о смерти «злого врага» России.

[20] *...началный посад Клемянтѣево... —* Первое село, возникшее около монастыря (к югу от него, между Московской дорогой и р. Кончурой).

[21] *...царю Шубину. —* Шубиным или Шубником насмешливо называли Василия Шуйского, имея в виду развитый в его родовых, Шуйских, землях шубный промысел.

[22] *...князя Михайла Скопу с черными псы, свѣйскими нѣмцы... —* Имеется в виду князь М. В. Скопин-Шуйский, см. Писание о преставлении и погребении князя Михаила Скопина-Шуйского.

[23] *...Федора Шереметева с понизовскими людми. —* Федор Иванович Шереметьев, усмиривший восставших казаков на Волге, должен был привести оттуда к Москве вспомогательное войско.

[24] *...тезоименитый гугнивому... —* Имеется в виду Петр гугнивый — персонаж ряда древнерусских литературных произведений (в том числе «Повести

временных лет»), в которых говорится об искажении веры в Риме.

[25] *...тезоименитый гугнивому...* — Имеется в виду Петр гугнивый — персонаж ряда древнерусских литературных произведений (в том числе «Повести временных лет»), в которых говорится об искажении веры в Риме.

[26] *...гетманъ Сапѣга...* — Ян-Петр-Павел Сапега (1569—1611), правитель ряда подвластных Литве земель и городов, двоюродный брат литовского канцлера Льва Сапеги, прибыл с семитысячным отрядом в августе 1608 г. в Тушино на помощь Лжедмитрию II, получил от того еще пятнадцать тысяч воинов, но скоро начал действовать самостоятельно; наряду с Лисовским — один из активнейших деятелей польско-литовской интервенции.

[27] *...патриархе Ермогене...* — Партриарх всея Руси Гермоген **(**кир (греч.) - государь, господин**)** родился около 1530 г. - умер 17 февраля 1612 г.; последние годы жизни (с конца 1610 г.) приобрел среди современников популярность главы («столпа») патриотического движения, хотя фактическим организатором его не являлся. Ставший патриархом при Василии Шуйском и преданно служивший царю до последнего часа его правления, Гермоген после свержения Шуйского первоначально выступил как сторонник русской кандидатуры на престол и даже установил молебны об избрании царя «от корене российского рода». Вынужденный под нажимом «Семибоярщины» признать кандидатуру польского королевича, настаивал на принятии Владиславом православия и добился включения в августовский договор 1610 г. обещания охраны православия. В конце 1610 г., после получения им тайных грамот от «Великого посольства» из-под Смоленска (посланных В. В. Голицыным и Филаретом 30 октября 1610 г.), в которых сообщалось о нарушении Сигизмундом III условий августовского договора и его собственных претензиях на русский престол, о возобновлении им осады Смоленской крепости и особенно после попытки 30 ноября 1610 г. членов боярского правительства склонить Гермогена к принятию присяги Сигизмунду, патриарх перешел к открытым действиям против оккупантов и всенародно выступил в Успенском кремлевском соборе с призывом «королю креста не целовать». С этого времени с Гермогеном устанавливают связь патриоты из поднимавшихся на освободительную борьбу городов (Рязани, Нижнего Новгорода, Владимира) — П. П. Ляпунов, нижегородцы Роман Пахомов и Родион Моисеев. В конце декабря 1610 г. (как свидетельствует А. Гонсевский) появляются первые грамоты-воззвания от имени Гермогена. С 16 января 1611г. боярское правительство, стремясь к изоляции патриарха, устанавливает на его дворе стражу, лишает его дьяков и возможности писать, а впоследствии — и патриаршего сана. Умер Гермоген в заточении, по-видимому голодной смертью.

[28] *...воеводы, князъ Григорей Борисович Долгорукой да Алексѣй Голохвастовъ...* — Окольничий князь Григорий Борисович Долгоруков-Роща и Алексей Иванович Голохвастов, командиры небольшого отряда, помещенного Василием Шуйским в Троице-Сергиевом монастыре после утверждения Лжедмитрия II в Тушине. Во время осады Троице-Сергиева монастыря писали успокоительные реляции Василию Шуйскому и просьбы о помощи Авраамию Палицыну.

[29] *...сентября въ 25 день...* — День смерти и памяти Сергия Радонежского по ст. ст.

[30] *«Праздники ваша свѣтлыа... врыдание».* — Приблизительная цитата из

библейской книги пророка Амоса 8, 5.

[31] *...столпъ огнян...* — Видение огня, сошедшего с неба и вошедшего в окно храма Святой Троицы, — предвестие неодолимости монастыря для осаждающих. В повести о взятии Царьграда турками в 1453 г. Нестора-Искандера (см.: наст. изд., т. 7, с. 26—71) говорится о том, что перед падением города огонь вышел из окон храма Святой Софии и взошел на небо.

[32] *...слуги монастырские.* — Светские люди, исполнявшие роль монастырских чиновников. Эквивалентны государевым и архиерейским дворянам и детям боярским.

[33] *«Да не хвалится силный силою своею».* — Цитата из библейской книги пророка Иеремии 9, 23.

[34] *...«всуе всяк человѣкъ»...* — Слова из псалма 38, 12.

[35] *...«суетно течение его».* — Парафраз слов библейского пророка Иеремии 23, 10.

[36] *...«осѣню... въ денъ брани».* — Ср.: Пс. 139, 8.

[37] *...царю Дмитрею Ивановичю...* — Имеется в виду Лжедмитрий II.

[38] *...царицу Марину Юръевну...* — Марина Мнишек; была женой обоих Лжедмитриев.

[39] *...туры прикатити и наряд поставити.* — *Туры* — фашинные укрепления батарей, представляющие собой сплетенные из тростника цилиндры, поставленные в несколько рядов и засыпанные внутри и снаружи камнями и песком, с амбразурами или промежутками для орудий. *Наряд* — орудия.

[40] *...на Волкуше горѣ... противъ башни Конюшенных воротъ.* — Первые четыре укрепления занимали войска Лисовского. Следующие пять — Сапеги. О расположении упоминаемых у Авраамия Палицына башен, ворот, дворов и прочего см.: Н. А—ий. Троице-Сергиев монастырь в первой половине XVII века. Историко-топографическое исследование // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. 1871. № 10, 12; 1872, № 3, 4; а также: Е. Голубинский. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра — *ЧОИДР. М.,* 1909. Кн. 3. С. 107—386. (Путеводитель по Лавре).

[41] *«Не приидох праведных спасти, но грѣшники призвати на покаяние...»* — Ср.: Мф. 9, 13; Мр. 2, 17; Лк. 5, 32.

[42] *...ис подгорья от мелницы возлѣ надолоб на гору х Красным воротам...* — С юго-востока к восточной стене, среди которой находились и находятся Красные, или Святые, главные ворота монастыря. *Надолбы* — заостренные деревянные столбы, врытые в землю, элементы укреплений монастыря.

[43] *...противъ погреба и Келарские и Плотнишные башни и до Благовѣщенского врага...* — С юго-запада и запада от монастыря. Благовещенский овраг, связанный с оврагами Глиняным и Косым, шел от северо-западной Плотничной башни на

северо-запад от монастыря.

[44] *...по Тѣрентѣевской рощи... до Мишутина врага.* — По Сазонову оврагу, уходившему на юго-восток от монастыря, текла речка Кончура. *Воловий двор* — севернее монастыря. Княжее поле, между Мишутиным (на Плане - Машутиным) и Глиняным оврагами, разделяло полки Сапеги и Лисовского.

[45] ...с *тарасы рублеными на колесех...* — Деревянные подвижные осадные башни.

[46] *...даточных людей немало...* — Люди, отданные в военную службу за тех владельцев поместий, которые не могли служить сами. Так же назывались крестьяне, находившиеся в зависимости от монастыря.

[47] *...козы со огнем спущающе... — Коза* — приспособление для сбрасывания средств защиты, в том числе горящих материалов.

[48] *...дѣлати частые слухи... — Слухи* — колодцы, копавшиеся для определения по звуку направления подкопных работ противника.

[49] *А пановъ радных... с Сопѣгою... до 30 000...* — По одним расчетам у Сапеги и Лисовского вместе было от 13 до 15 тысяч человек (см.: Голубинский Е. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. С. 360—363), по другим — у одного Сапеги было значительно больше 20 тысяч (см.: Возражение против замечаний об осаде Троицкой лавры в «Москвитянине». 1842. № 6 и 7 // Москвитянин. 1843. № 12. С. 405—444).

[50] *...«бдите и молитеся, да не в нидете в напасть». — С*м. Мф. 26, 41; Мр. 14, 38.

[51] *...подлѣ Сушилныя башни...* — Четырехугольная башня в восточной стене монастыря, между угловой северо-восточной Житничной и Красной (над въездными воротами).

[52] *...и из верховых.* — Из орудий, предназначенных для навесной стрельбы.

[53] *...дѣисусѣ у образа архистратига Михаила... - Деисус* (от греч. δέησις ΄прошениė,΄молениė) — основной ряд иконостаса, в центре которого находятся иконы Христа и обра-щенных к нему Богородицы и Иоанна Предтечи.

[54] *...мѣстнаго образа...* — Икона в нижнем ряду иконостаса, справа от царских врат, изображавшая святого или праздник, которому посвящен храм.

[55] *...келейное правило...* — Молитва в келии наедине.

[56] *...диакон Маркел ризничей — Ризничий* — человек, ведающий ризницей, где хранится церковная утварь и облачения священнослужителей.

[57] ...с *Пивново двора...* — Пивной двор, находившийся снаружи у южной части западной стены монастыря, был огорожен забором и связан тайным ходом с монастырем. С юга подходы к нему защищала Водяная (угловая) башня, а с северной стороны Пивная, или Погребная.

[58] *...под гору на Нижней монастырь и за мелницу.* — Нижний монастырь — он же Подольный; мельница находилась восточнее его на берегу р. Кончуры.

[59] *...к чюдотворцову Сергиеву кладязю...* — В Житии Сергия Радонежского говорится, что первоначально около монастыря не было воды и ее приходилось носить издали, что вызывало среди монахов ропот. Тогда Сергий, зайдя в чащу, помолился и отметил место, из которого начала затем истекать вода. Построенный над этим источником колодец находился недалеко от Подольного монастыря. Впоследствии над ним была поставлена часовня.

[60] *...на Нагорнюю заставу къ Благовѣщенскому лѣсу...* — Нагорная застава — на Красной горе, на которой находилась и Благовещенская роща, против Плотничной башни.

[61] *...якоже Саулъ Давида, неповинно...* — Имеется в виду рассказ библейской Первой Книги Царств (18 и сл.) о том, как царь Саул из зависти к прекрасным качествам своего верного приближенного, молодого человека Давида, стал ожесточенно его преследовать.

[62] *...якоже телцу в пустыни поклонитися вмѣсто питающаго манною...* — Авраамий Палицын вспоминает рассказ библейской книги Исход о том, как ушедшие из Египта евреи, после того как Бог неоднократно помогал им в пути, в том числе кормил их, голодных, манной с неба, сделали себе — в то время как их предводитель Моисей был на горе Синай — золотого идола тельца, поклонились ему и принесли ему жертвы (см. Исх. 32).

[63] *...якоже Ирода неповинных младенецъ избити устраяет.* — Согласно Евангелию от Матфея (2,16), царствовавший в Иерусалиме во время рождения Иисуса Христа Ирод, узнав от волхвов, что в Вифлееме родился царь Иудейский, послал туда солдат убить всех младенцев мужского пола от двух лет и моложе.

[64] *Якоже не убояся Июда...* — Имеется в виду один из учеников Иисуса Христа, предавший его еврейским первосвященникам, о чем рассказывается в Новом Завете (Мф. 10, 4; Мр. 3, 19; Лк. 6, 16; Ин. 6, 71; 13, 12).

[65] *...не устрашися Иосифъ...* — В реальности измены монастырского казначея Иосифа Девочкина историки сомневаются — главным образом потому, что в дневнике Сапеги о связях с ним Иосифа Девочкина ничего нет. Предполагают, что казначей оказался жертвой интриги, имевшей целью освободить высокую должность казначея, сделать объяснимой недостачу в казне и убрать авторитетного человека (см.: Голубинский Е. Преподобный Сергий Радонежский и созданная им Троицкая лавра. С. 378-379).

[66] *...уподобися оному еретику чернъцу, крыющу главу Предтечеву...* — Имеется в виду монах-арианин Евстафий из повествования об обретении головы Иоанна Предтечи (празднуется 24 февраля по ст. ст.): около головы Иоанна происходили чудеса, а Евстафий приписывал их благодатному действию своей ереси.

[67] *...якоже оселъ Валама обличаетъ...* — Авраамий имеет в виду рассказ библейской книги Числа (22, 28—30) о том, как ослица, везшая пророка Валаама, остановилась, увидев на пути ангела, и заговорила человеческим голосом, когда

Валаам стал ее бить.

[68] *...холмы святаго Израиля.* — Для христиан Церковь является новым Израилем, т. е. новым состоящим в союзе с Богом народом, заместившим в этом качестве старый Израиль, еврейский народ. «Холмами святаго Израиля» Палицын называет Свято-Троицкий Сергиев монастырь.

[69] *«Аще не Господъ сохранит град... суетно спасение человѣческо».* — Ср.: Пс. 126, 1.

[70] *...судъ, якоже на Ирода...* — Имеется в виду гонитель апостолов иерусалимский царь Ирод Агриппа I, о котором рассказывается в новозаветной книге Деяний апостолов (12, 21—23); за то, что он принимал божеские почести и не воздал славы Богу, он умер, изъеденный червями.

[71] *...в Служень врагъ в рѣчку Коншору.* — РекаКончура, притекая к монастырю с северо-запада, по Благовещенскому и Глиняному оврагам, огибала его с юга и текла далее на юго-восток по Сазонову оврагу.

[72] *«Работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся ему с трепетом».* — Пс. 2, 11.

[73] *...якоже бо Ноя...* — Имеется в виду рассказ библейской книги Бытие (9, 21—22) о том, как Ной, отец Сима, Хама и Яфета, напился вина.

[74] *...тако и Лота пианьством обруга...* — Палицын вспоминает рассказ той же книги (19, 33—34) о том, как дочери Лота напоили отца вином и спали с ним.

[75] *...и Давида...* — Во Второй Книге Царств (11) рассказывается, как царь Давид прельстился красотой жены Урии Хеттеянина Вирсавии, взял ее себе, а мужа ее погубил.

[76] *...и Соломона в блудодѣйство низведе...* — В библейской Третьей Книге Царств (11, 1—5) говорится о безмерном женолюбии Соломона и о том, что оно привело его к поклонению чужим богам.

[77] *...и люди израильтескиа, сквозѣ Чермное море прошедшая, чрез мѣру сытост ию и игранием под землю низведе...* — Имеются в виду наказания за неверность, которым подверглись евреи после чудесного спасения, о чем говорится в библейской книге Исход (32).

[78] *...идем нынѣ, братие, тонких бѣсовских запинаний ко обличителю...* — Подраз умевается Иоанн Златоуст, отрывок из поучения которого Авраамий далее цитирует.

[79] *...до пришествиа Давида Жеребцова...* — Давид Жеребцов, один из воевод М. В. Скопина-Шуйского, с девятьюстами воинами прибыл в осажденный монастырь 19 октября 1609 г. Об этом говорится дальше.

[80] *...въ церкви Успениа Пресвятыа Богородица.* — Успенский собор был построен в Троице-Сергиевом монастыре в XVI в. при Иване Грозном по плану московского кремлевского Успенского собора.

[81] *«...не надѣющеся на князя ни на сыны человѣческия, в нихже бо не бысть спасениа».* — Ср.: Пс. 145, 3.

[82] *...якоже спасе Господь Авраама...* — Очевидно, имеется в виду рассказ библейской книги Бытие (14, 13—16) о победе Авраама над несколькими царями.

[83] *...и Гедеона...* — Легендарный библейский герой, пророк и военачальник, имя которого традиционно использовалось в средневековой русской литературе для характеристики удачливых полководцев.

[84] *...и град Иерусалимъ от руку асирян...* — О спасении Иерусалима от нашествия ассириян — в библейской Четвертой Книге Царств (19, 32—36).

[85] *...Михайло Салтыков да Иванъ Грамотин...* — О Салтыкове см. коммент. к «Новой повести о преславном российском царстве». Иван Тарасович Грамотин был думным дьяком, в годы интервенции служил полякам, но в 1618 г. вновь был государевым думным дьяком и оставался им до 1626 г., когда патриархом Филаретом был сослан в г. Алатырь. Вернулся в Москву после смерти патриарха в 1634 г., умер примерно два года спустя.

[86] *...на силу понизовъскую?* — Войска, которые воевода Федор Иванович Шереметев должен был привести с Волги.

[87] *«Господь с нами, и никтоже на ны!»* — Ср.: Рим. 8, 31.

[88] *...Левъ Плещѣевъ да Федор Хрыпуновъ.* — Боярин Лев Осипович Плещеев и дворянин Федор Хрипунов служили Лжедмитрию II, затем вели переговоры с Сигизмундом III и участвовали в посольстве к нему с приглашением на русский престол Владислава.

[89] *...июля въ 31 день, канон Госпожиных заговѣнъ.* — Канун Успенского поста (с 1 августа по ст. ст.), предшествующего дню Успения Богоматери (15 августа по ст. ст.).

[90] *...Михѣя, да Варфоломѣа, да Наума...* — Михей упоминается в Житии Сергия Радонежского как его ученик и свидетель посещения Сергия Богородицей.

[91] *...впреди слово изъявлено будет...* — За пределами публикуемой нами части повествования Авраамия Палицына, в главе 57, носящей название «О явлении чюдотворца на Москве с хлебы», повествуется, что в страдавшей от голода осажденной Москве появились через восточные ворота двенадцать возов с печеным хлебом, перед которыми ехал «на яздиле» благолепный седой старец. Удивленный народ следовал за возами, пока они не въехали в Богоявленский монастырь, московское подворье Троицкого монастыря. Вышедшие из монастырских ворот иноки удивились стечению народа и сказали, что никаких возов и приезжих из Троицкой лавры не видели. Народ недоумевал; извещенный о приезде троице-сергиевских посланцев царь Василий гневался на келаря Авраамия, что тот не отправил их первым делом к нему. Возы и посланцев искали на подворье, но не нашли. С тех пор, однако, на подворье началось изобилие «хлебов и всякого брашна», польза от которого была всему городу. В завершение говорится, что это произошло в тот же день, когда «явися преподобный в монастыре пономарю Илинарху, глаголя, яко послах к Москве трех ученик

своих», и читатель отсылается к комментируемому нами месту (см.: Сказание Авраамия Палицына / Подг. текста и коммент. О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. М.; Л., 1955. С. 200—202).

[92] *...х Колязину монастырю...* — Троицкий Калязин мужской монастырь, основанный в 1444 г. напротив впадения в Волгу речки Жабны.

[93] *...и Иван Заруцкой... — Заруцкий Иван Мартынович* — ум. в 1614 г., руководитель казачьих отрядов, поддерживал Лжедмитрия II, служил в пользу польско-литовских интервентов, чинил препятствия народному ополчению К. Минина и Пожарского. Был казнен как предатель. См. также коммент. к «Житию архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия».

[94] *...съ Яковом Пунтосовым...* —Якоб Понтус Делагарди (1583—1652), шведский полковник (барон Колькский и Рунзский, впоследствии — за военные заслуги — возведен в графское достоинство, государственный маршал, президент военной коллегии Швеции и др.; отец его Понтус Делагарди прославился своими завоеваниями в Ливонии в последние годы царствования Ивана Грозного); опытный военачальник, возглавил вспомогательный отряд наемников, состоявший из шведов, французов, немцев, шотландцев, направленный в помощь войскам Василия Шуйского по выборгскому договору 28 февраля 1609 г. Отряд находился в распоряжении М. В. Скопина.

[95] *...и с Велгоремъ...* — Шведский военачальник Иверт Горн (Ивельгор, Велгор), вместе с Делагарди союзничавший со Скопиным-Шуйским и после его смерти продолжавший сражаться с поляками.

[96] *до Рябова монастыря...* — Монастырь находился в тверских землях недалеко от г. Кашина.

[97] *...и до слободы Александровы...* — В 40 км к северу от Троице-Сергиева монастыря, ныне г. Александров.

[98] *...яко вдова она, питавшая Фезвитенина... в три лѣта и мѣсяца 6.* — Авраамий имеет в виду рассказ библейской Третьей Книги Царств (17, 9—16) о том, как вдова в Сарепте Сидонской во время голода кормила жившего у нее три года пророка Илию Фесвитянина, и мука и масло у нее чудесным образом не оскудевали.

[99] *...«праведницы и по смерти живи суть».* — Ср.: Пс. 36, 29.

[100] *Григорий Волуев* — дворянин и воевода, служил в войсках М. В. Скопина-Шуйского. В 1606 г. он был одним из убийц Лжедмитрия I. В 1610 г. под Клушином он дал возможность гетману Жолкевскому напасть на войско Дмитрия Ивановича Шуйского (заместившего М. В. Скопина-Шуйского) и разбить его.

ПЕРЕВОД

СКАЗАНИЕ О ТОМ, ЧТО ПРОИЗОШЛО В ДОМЕ ПРЕСВЯТОЙ И ЖИВОНАЧАЛЬНОЙ ТРОИЦЫ И КАК ЗАСТУПНИЧЕСТВОМ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ И ПО МОЛИТВАМ ВЕЛИКИХ ЧУДОТВОРЦЕВ СЕРГИЯ И НИКОНА ИЗБАВЛЕНА БЫЛА ЭТА ОБИТЕЛЬ ОТ ПОЛЬСКИХ И ЛИТОВСКИХ ЛЮДЕЙ И

РУССКИХ ИЗМЕННИКОВ, ТОГО ЖЕ КЕЛАРЯ ИНОКА АВРААМИЯ ПАЛИЦЫНА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Скудость разума и невразумительность языка моего зная, долго откладывал я, не решаясь писанием известить о том, сколь преславную и великую милость для спасения благородства вашего явил нам в Великой России Бог наш, Пресвятая и Пребезначальная Троица, — о превеликом и превышающем всякое слово и разумение заступничестве Матери Слова Божия, согласно ее обещанию преподобному игумену Сергию чудотворцу, и ее неотступном от обители его пребывании, о том, от скольких зол избавил нас Господь при окружении ее множеством воинов, молитв ради великих чудотворцев, — я говорю об этом преподобном отце нашем великом чудотворце Сергии и ученике его, преподобном отце нашем Никоне чудотворце, — и о том, сколько чудес сотворил для нас Бог через угодников своих. Да и боялся я, видя недостаточность внутреннего во мне человека и будучи многою суетою смущаем во многих хлопотах, связанных с келарской службой, и из-за многих телесных недомоганий великих, бывающих у меня постоянно, к тому же и окаянство свое зная, и недостойность, и немощь любострастия. Но поскольку к старости глубокой я уже преклонился и подумал, что скоро придется мне расстаться с моим телом, то и убоялся казни раба оного, скрывшего серебро господина своего и прибыль на него не получившего, и почувствовал необходимость записать то, что слышал о бывших чудесах — кое-что же и очами своими видел, — написать о происшедшем в обители чудотворца по его молитвам и возвестить вашей любви, подобно доброму глашатаю, «чтобы преподать вам некое дарование духовное к утешению вашему».

Сам я не был в обители во время осады ее польскими и литовскими людьми и русскими изменниками, пребывая в царствующем граде Москве по повелению державного князя, в доме чудотворца на Троицком подворье в Богоявленском монастыре. И, хоть и далекий по расстоянию, близок был ко мне своей милостью и заботами преподобный отец наш Сергий. И я видел там многие чудеса, слышал о приходе старцев в царствующий град Москву со множеством хлеба на возах, видел текущий от стен хлеб и умножение всего потребного по молитвам старцев в находящемся здесь Богоявленском монастыре и иные многие чудеса. Об этом впереди будет речь. Когда же отступили от обители посрамленные польские и литовские люди и русские изменники, и лжепомазанник из царствующего града Москвы постыднейшему бегству предался, а я вновь оказался в доме Живоначальной Троицы, и услышал о происходившем великом заступничестве, о помощи против врагов и о чудесах преподобных отцов наших Сергия и Никона, и старательно проверил все в подробностях при многих свидетелях у оставшихся иноков, святых по облику и здраво рассуждающих, у благоразумных воинов и у прочих православных христиан о приходе изменников к обители, о вылазках, о боях во время приступов, а более всего — о великих чудесах, совершенных преподобными отцами, и об их помощи в борьбе с врагами. И из великого и преславного я выбрал малое — как бы зачерпнул горсть воды из морской пучины, — чтобы хоть немного напоить божественным словом жаждущую душу. Все это об осаде Троицкого монастыря я написал, насколько смог, по порядку.

Да не осудите меня за это, господа и братья, говоря, что в тщеславии или в гордости я вознесся, но поистине по ревности Божией, хоть и грубостью разума моего побеждаемый, взялся я за это дело с Божией мне по молитвам чудотворца помощью. Много ведь может помочь молитва праведника.

И так как писать в книге что попало по собственному произволу не следует,

только, что слышали мы и своими глазами видели, о том и свидетельствуем. Не подобает ведь на истину лгать, но с великим тщанием подобает истину соблюдать. Изъяснил же я это писанием на память нам и следующим за нами родам, да незабвенны будут чудеса великих светил, преподобных отцов наших Сергия и Никона во Христе Иисусе, Господе нашем, ему же слава вовеки да будет.

РАЗЪЯСНЕНИЕ, ПО КАКОЙ ПРИЧИНЕ ТРОИЦКИЙ СЕРГИЕВ МОНАСТЫРЬ БЫЛ В ОСАДЕ

Господь никогда не перестает учить нас и прибегающих к нему принимает, отвращающихся же с долготерпением ожидает. И потому предоставил он нам жить по своей воле, чтобы, когда в сетях, не размышляя о себе, увязнем и ниоткуда помощи не найдем, вскоре к Нему очи ума возвели мы и оттуда помощь получили. Так, сначала попустил Господь Бог владеть нами попирателю иноческого чина расстриге Григорию Отрепьеву, назвавшемуся царским сыном Дмитрием Ивановичем всея Руси и на царский престол взошедшему: и в скором времени тот Григорий, достойную месть получив от Бога, умер лютою смертью.

Потом на то же место другой назвался. И доходит до самого царствующего града Москвы, но не принят оказывается. Повсюду же в России слух о нем прошел, и потому все воры к нему собрались: не на царский престол его возвести, но все древние царские сокровища расхитить. Вся Россия от ложных царей мучительно страдает, и богатство всех городов для царей отнимают. Людей же из окрестных мест всюду меч поедает. Всей России царем Василий Иванович называется, тушинским же вором все Российское государство разоряется.

Малое некое число городов в Поморье не соблазнилось, и те по крестному целованию держались Московского государства. Иные же по причине дальнего отстояния подчинены были врагам российским, полякам и изменникам сиверским. Труден же был путь отовсюду к Москве для всех, добра хотевших по правде, ибо обложили враги царствующий град вокруг, и хотевшие к нему пройти на всех путях побиваемы бывали. И из-за недостатка во всем необходимом в предельно бедственном состоянии был град Москва. Из него убегавшие, и не желая, число врагов пополняли, и самоуверенно по этому поводу враги веселились.

Немалое время помогали городу люди, приходившие из Живоначальной Троицы Сергиева монастыря, иногда прямо, иногда же пробираясь окольными узкими тропами и лесами, с трудом доходя до самого царствующего града и тут с избранными воинами и надежными хранителями перед всем народом всегда объявляясь. Обманщики же, убегавшие от царя Василия, всегда об этом вору с поляками сообщали и сердца этих врагов христианских ненавистью к дому Пресвятой Троицы распаляли. Долгое время под Москвой они стояли и хотели ее себе покорить. Но всевидящее око нечто неведомое изволило сотворить. Всячески царь Василий им сопротивлялся: дани и оброки, по Троицкой дороге приходившие, с царства своего принимая, все воинам раздавал. Изменники же из руки его даваемое принимали, но вскоре сребролюбия ради и кровопролития к врагам перебегали. Царствующий же град Москва из-за их измены всячески колебался, но, имея уже опыт с Гришей и Петрушей, и того вора там не принимали. И отовсюду ведущие к Москве пути оказываются по причине польских нашествий закрытыми, ибо поляки часто приходили, московских посланцев побивая.

Великая же тогда польза была царствующему граду от обители чудотворца Сергия благодаря его святым молитвам. Ибо у моря на севере живущие люди, на

берегах Студеного моря и Океана, царству обо всем происходящем возвещают и помогают. И из Великого Новгорода люди, и из Вологды, и с Двины-реки вплоть до моря, и с востока вся Сибирская земля и те, что за ней, — все помогали Москве. Также и из Нижегородской земли, и из Казани люди все без измены служили. И когда кому-нибудь из всех тех вышеназванных мест некуда было деться, то все они в обитель чудотворца приходили.

Тогда той великой лавры архимандрит Иоасаф и келарь старец Авраамий Палицын с прочими, добра хотевшими царствующему граду, со всем усердием великое старание в этом деле проявили. И великая помощь была от обители чудотворца всем людям, к Москве шедшим по всяким делам и в провожатых: и всякие новости им там сообщали и от них узнавали, причем, о себе заботясь и тех поддерживая, до конца монастырскую казну истощали. Вся Россия царствующему граду помогала, поскольку общая для всех беда пришла. Многие же люди, вокруг обители живущие, не только в селах, но и в городах, пришли со всеми домочадцами в обитель чудотворца, зная об известном заступничестве там молитв чудотворца. И все вместе царствующему граду в бедах сострадали. И воинского чина люди все питались от трапезы преподобных чудотворцев; и по мере возможности всячески опасности смерти себя подвергали.

Совершавшееся дело братолюбия сильную злость в сердцах врагов и ужас вызывало: боялись, окаянные, как бы, глядя на первенствующее светило, и прочие от них не отступили и к правде не стали присоединяться. Ибо на дом великого чудотворца вся Россия, как на солнце, смотрела, и, на его молитвы надеясь, все окраины российские против врагов укреплялись. И хоть и малая искра огня божественной любви загорелась в обители чудотворца, но в конце концов великий пламень добродетели запылал. На всех ведь путях злодеи ловили людей, хотевших обители добра. И из-за этого по их коварному замыслу великая трудность создается.

Царь же Василий Иванович вскоре тогда послал послов в западные и северные страны — в Датскую землю, в Английскую и в Шведскую, сообщая об обиде своей на польского короля и на своих изменников с их ложным царем, прося помощи. И ему отделенные морем посланиями и великими дарами помогают. Шведский же король Арци-Карлус, чьи владения расположены поблизости, посуху прислал на помощь немало отборного войска. Из-за этого страх и ярость охватили сердца злочестивых еретиков. И немедленно посылают они к великому врагу христиан Александру, пану Лисовскому, пленявшему тогда земли Рязанскую, Владимирскую и Нижегородскую и другие Российские места, чтобы он со всем воинством на совет к ним и на помощь вскоре пришел. Что он и сделал вскоре: кровь пия человеческую и идя с огнем по пути от Владимира и от Переяславля, уперся он в стены дома чудотворца. Но не для того шествовал сын тьмы: одну ночь проведя, он утешился, мечом окровавливая руки; первое зло по отношению к богоносному мужу, которое он сделал, — первоначальный посад Клементьево и вокруг его жилища человеческие в воздухе дымом развеял. По его приходе народ в обители стал к мукам готовиться. Ибо трапеза кровопролития всем предоставлялась и чаша смертная всем наливалась.

О СОВЕТЕ ВОРА С ЛИТОВЦАМИ, КАК РАЗОРИТЬ ДОМ ПРЕСВЯТОЙ ТРОИЦЫ

Когда же собралось скопище сатанинское и отверзли псы уста свои, то недостижимое задумывают беззаконные, таковое говоря: «О царь великий Дмитрий Иванович! Доколе будет досаждать твоему благородству воронье это, угнездившееся во гробе каменном, и долго ли седовласые будут пакостить нам повсюду? Не только перехватывают на дорогах вестников наших посылаемые ими

люди, из лесов, как звери, выходя, но ведь и мучительной смерти предают их без пощады. А сверх того повсюду имеют они многих советчиков, и все города смущают служащие им и любящие их; и всячески поддерживают они всех в непокорности твоему величеству и в пренебрежении твоим благородием и учат служить царю Шубину, всячески распространяя писания, лживо говорящие: „Да сохранят вас всегда молитвы великих чудотворцев Сергия и Никона”. Но кто же эти Сергий и Никон? Вот, захватили мы всех вас вместе, как гнездо птичье, и все раздавлены нами, как птенцы. А эти что против такого множества покорившихся нам? Тебе ведь, о великий российский браздодержец, и самому известно, также и нам, что и из самых царских палат многие, став чернецами, тут живут. И если ты будешь так же не обращать на них внимания, они всегда смогут пакости устраивать нам. Слух же истинный до всех нас дошел, что ждут они князя Михаила Скопу с черными псами, шведскими немцами, и Федора Шереметева с понизовскими людьми. И тогда все они, вместе собравшись и твердыню эту заняв, смогут оказаться нашими победителями. И пока они еще не укрепились, да повелит твое благородие полностью смирить их. И если они не одумаются, пустим по воздуху прахом все жилища их».

Весьма похваляясь, берется за это тезоименитый гнусавому гетман Сапега с подручным своим воинством и всегорький Александр Лисовский с русскими ворами. И тут они в злой путь спешно отправляются.

ПРИХОД ПОД ТРОИЦКИЙ СЕРГИЕВ МОНАСТЫРЬ ПАНОВ ПОЛЬСКИХ И ЛИТОВСКИХ И РУССКИХ ИЗМЕННИКОВ, ГЕТМАНА ПЕТРА САПЕГИ, ПАНА АЛЕКСАНДРА ЛИСОВСКОГО И ИНЫХ МНОГИХ

В год 7117-ый (1609), в царство благоверного и христолюбивого царя и великого князя Василия Ивановича всея Руси и при святейшем патриархе Гермогене Московском и всея Руси, Пресвятой же и Пребезначальной Троицы Сергиева монастыря при архимандрите Иоасафе и при келаре старце Авраамии Палицыне, по попущению Божию за грехи наши, сентября в двадцать третий день, в Зачатие честного и славного пророка и предтечи, крестителя Господня Иоанна, пришел по Московской дороге под Троицкий Сергиев монастырь литовский гетман Петр Сапега и пан Александр Лисовский с польскими и литовскими людьми и с русскими изменниками.

И когда был он на Клементьевском поле, находившиеся в осаде люди, выйдя за стены, конные и пешие, с ними великий бой совершили и по милости Пребезначальной Троицы многих литовских людей побили, а сами в город здравыми возвратились.

Богоотступники же, литовские люди и русские изменники, это увидев, закричали мерзкими голосами, быстро и грозно окружая со всех сторон Троицкий Сергиев монастырь. Архимандрит же Иоасаф и весь освященный собор со множеством народа вошел в святую церковь Святой Живоначальной Троицы, к образу Пресвятой Богородицы и к многоцелебным мощам великого чудотворца Сергия, молясь со слезами об избавлении. Городские же люди предали огню находившиеся вокруг обители слободы и всякие службы, чтобы они не служили врагам жилищем, и была у тех большая теснота. Гетман же Сапега и Лисовский, осмотрев места, где им с войсками своими стоять, и разделившись, начали строить себе станы и поставили два острога, а в них возвели многие укрепления и все пути к обители заняли, и оказалось никому невозможно пройти, минуя их, ни в дом, ни из дома чудотворца.

ОБ УКРЕПЛЕНИИ ОБОРОНЫ

Бывшие же в осаде воеводы, князь Григорий Борисович Долгорукий и Алексей Голохвастов, и дворяне постановили с архимандритом Иоасафом и с соборными старцами, что следует укрепить стены для обороны и всех людей привести к крестному целованию, а главными быть старцам и дворянам, и разделить городские стены, башни, ворота, и орудия установить по башням и в подошвенных бойницах, и чтобы каждый знал и охранял свою сторону и место и все, что для боя необходимо, приготовил бы, и с идущими на приступ людьми бился бы со стены, а за стены и на иную ни на какую службу не выходил бы. А для вылазок и в подкрепление к местам приступов людей особо назначают.

В праздник же, светло торжествуемый, памяти преподобного отца нашего Сергия чудотворца, сентября в двадцать пятый день, ничего той ночью другого не было слышно из среды находящихся в городе людей, кроме вздохов и плача, потому что многие из окрестностей туда сбежались, думая, что вскоре минует эта великая беда. И такая теснота была в обители, что места не было свободного. Многие же люди и скотина остались без крова; и тащили бездомные всякое дерево и камень для устройства прибежищ, потому что осени настало время и приближалась зима. И друг друга отталкивали от вещи брошенной, и, из нужного ничего не имея, все изнемогали; и жены рожали детей перед всеми людьми. И невозможно было никому со своей срамотою нигде укрыться. И всякое богатство не береглось и ворами не кралось; и всякий смерти просил со слезами. И если бы кто и каменное сердце имел, и тот, видя эти тесноту и напасти, расплакался бы, ибо исполнилось на нас сказанное пророком слово: «Праздники ваши светлые в плач вам обращу и в сетование, и веселие ваше в рыдание».

О ВИДЕНИИ СТОЛПА ОГНЕННОГО

Тогда некоторые старцы и многие люди видели знамение не во сне, а наяву. Один из них, священноинок Пимен, в ту ночь на память Сергия чудотворца молился Всемилостивому Спасу и Пречистой Богородице. И вот в оконце его кельи свет засиял. Когда же он взглянул на монастырь, то увидел, что светло, будто пожар, и подумал, что враги зажгли монастырь. Тотчас же он вышел на рундук келейный. И видит над главой церкви Святой Живоначальной Троицы огненный столп, стоящий до самой тверди небесной. Священник Пимен очень испугался страшного видения и вызвал братию свою из кельи: дьякона Иосифа да дьякона Серапиона и из иных келий старцев многих и мирян. Они же, глядя, дивились тому знамению. И вскоре огненный столп начал опускаться и свился в клубок, как огненное облако, и вошел в окно над дверьми в церковь Пресвятой Троицы.

О КРЕСТНОМ ЦЕЛОВАНИИ

Когда же завершились всенощное славословие и молебны, тут же собралось множество народа и по решению начальников и всех людей было целование креста, — клялись сидеть в осаде без измены. Первыми воеводы, князь Григорий Борисович Долгорукий и Алексей Голохвастов, целовали Животворящий Крест Господень у раки чудотворца, затем дворяне и дети боярские, слуги монастырские, стрельцы и все христолюбивое воинство, и все православные христиане. И с той поры царило в городе братолюбие великое, и все с усердием без измены сражались с врагами. И тогда литовские люди поставили стражу во множестве вокруг Троицкого монастыря, и не было проходу ни из крепости, ни в крепость.

О ЗАМЫСЛЕ ПАНОВ

Того же месяца в двадцать девятый день польские и литовские люди с первосоветниками своими, русскими богомерзкими отступниками, тщательно

размышляли и советовались о недостижимом. «Каким образом, — говорили они, — сможем мы взять Троицкий Сергиев монастырь или какой хитростью уловить их можем?» И такой вопрос обсуждают: не взять ли его приступом, так как некрепка, говорят, стена и невысока; иные же советовали просить монастырь у воевод и у народа с лаской и угрозой. «Если же и так не уговорим их, то каждый из нас поведет свой подкоп под крепостную стену, и мы сможем взять крепость без крови». Так они и постановили делать. На себя ведь они надеялись, а не на Бога живого, царящего вечно. Как написано: «Да не хвалится сильный силою своею», ибо все, надеющиеся на свою силу, погибли. Воистину «суетен всякий человек» и «суетно стремление его». И еще: «Избавлю избранника моего от оружия лютого» и «осеню голову его в день брани».

Так они советовались и ни в чем не преуспели, понапрасну трудились, ибо без Божьей помощи ничего не может сотворить человек, ибо Бог творит, как хочет, и воле его кто воспротивится? Приняв такое решение, гетман Сапега и Лисовский в двадцать девятый день прислали в крепость, в Троицкий Сергиев монастырь, сына боярского Бессона Руготина с посланием, также и к архимандриту с братией с угрозами, такого содержания:

Грамота

«От великого гетмана Петра Павловича Сапеги, маршалка и секретаря Кирепецкого и Трейсвятского и старосты Киевского, и пана Александра Ивановича Лисовского в крепость, в Троицкий Сергиев монастырь, воеводам, князю Григорию Борисовичу Долгорукому и Алексею Ивановичу Голохвастову, дворянам, детям боярским, слугам монастырским, стрельцам, казакам и всем осажденным людям, народному множеству. Пишем к вам, милуя и жалуя вас: покоритесь великому государю вашему, царю Дмитрию Ивановичу, сдайте нам крепость. Весьма пожалованы будете вы от государя царя Дмитрия Ивановича. Если же не сдадите, то знайте, что не для того мы пришли, чтобы, не взяв крепости, отойти прочь. Тем более что сами знаете, сколько городов царя вашего московского мы взяли; и столица ваша Москва осаждена, и царь ваш сидит в осаде. Мы же пишем к вам, жалея ваше благородство. Помилуйте сами себя: покоритесь великому имени, государю нашему и вашему. И если сделаете так, будет милость и ласка к вам государя царя Дмитрия, какими ни один великий из вас у вашего царя Василия Шуйского не пожалован. Пощадите благородство свое, отнеситесь разумно к нам. Не предайте себя лютой и безвременной смерти; сохраните себя, и еще раз — сохраните сами себя и прочих. Если же вслед за этой лаской увидите лицо наше — а мы пишем вам по царскому слову и со всеми избранными панами подтверждаем, — то не только в Троицкой крепости наместниками вы будете нашего и вашего прирожденного государя, но и многие города и села он подаст вам в вотчину, — если сдадите крепость, Троицкий монастырь. Если же и этому не покоритесь, милости нашей и ласки, и не сдадите нам крепости, а даст Бог мы возьмем её, то ни один из вас в крепости милости от нас не увидит, но все умрут страшно».

Также и архимандриту пишут: «А ты, святитель Божий, старейшина монахов, архимандрит Иоасаф, припомни жалование царя и великого князя Ивана Васильевича всея Руси, какую милость и ласку оказывал он Троицкому Сергиеву монастырю и вам, монахам, великое жалование. А вы, беззаконники, все то презрели, забыли сына его, государя царя Дмитрия Ивановича, а князю Василию Шуйскому доброхотствуете и учите в Троицкой крепости воинство и весь народ стоять против государя царя Дмитрия Ивановича, и позорить его, и облаивать непотребно, и царицу Марину Юрьевну, и нас. И мы тебе, святитель архимандрит Иоасаф, свидетельствуем и пишем по царскому слову: запрети попам и прочим

монахам, пусть не учат воинство не покоряться царю Дмитрию, но молите за него Бога и за царицу Марину. А нам крепость отворите без всякой крови. Если же не покоритесь и крепость не сдадите, то мы сразу же, взяв замок ваш, вас, беззаконников, всех порубим».

Архимандрит же Иоасаф с братией и воеводами и все воинство, видя лукавую лесть и что хотят те всячески разорить дом Пресвятой Троицы, все вместе смиренно с плачем и рыданием молили Господа Бога об избавлении крепости, говоря так: «Надежда наша и упование, Святая Живоначальная Троица, стена наша, заступница и покров, Пренепорочная Владычица Богородица и Приснодева Мария, и пособники наши и молитвенники к Богу о нас, преподобные отцы наши великие чудотворцы Сергий и Никон!» Этими-то словами и благоразумными советами в богоспасаемой крепости, в Троицком монастыре, благодать Божия с упованием всем сердца на подвиг тверже алмаза укрепила.

ОБ ОТВЕТНОМ ПИСЬМЕ ПОЛЯКАМ И ВСЕМ ИЗМЕННИКАМ

Воеводы же с архимандритом и с прочими соборными старцами и дворянами и со всеми воинскими людьми постановили и на их льстивую грамоту составили к Сапеге и Лисовскому такое письмо:

«Да знает ваше темное господство, гордые начальники Сапега и Лисовский и прочая ваша дружина, что напрасно нас, Христово стадо православных христиан, прельщаете вы, богоборцы, мерзость запустения. Знайте, что и десятилетний христианский отрок в Троицком Сергиевом монастыре посмеется вашему безумству и совету. А то, о чем вы нам писали, мы получив это, оплевали. Ибо есть ли польза человеку возлюбить тьму больше света и променять истину на ложь, честь на бесчестие и свободу на горькое рабство? Как же оставить нам вечную святую истинную свою православную христианскую веру греческого закона и покориться новым еретическим законам отступников от христианской веры, которые прокляты были четырьмя вселенскими патриархами? Есть ли какое-нибудь приобретение и почесть в том, чтобы оставить нам своего православного государя и покориться ложному царю, врагу и вору, и вам, латиняне, иноверным, и быть нам вроде жидов или хуже их? Ведь те, жиды, не познав, распяли своего Господа, мы же знаем своего православного государя, под чьей царскою христианскою властью от прародителей наших родились мы в винограде истинного пастыря Христа, как же повелеваете нам оставить христианского царя? И ложною ласкою, и тщетной лестью, и суетным богатством прельстить нас хотите. Но мы и за богатства всего мира не хотим нарушить своего крестного целования».

И затем с теми грамотами отослали в таборы.

ОБ УСТАНОВКЕ ОКОЛО КРЕПОСТИ СТЕНОБИТНЫХ ОРУДИЙ

Того же месяца в тридцатый день богоборцы Сапега и Лисовский, получив ответное письмо и увидев, что не покорились им люди в крепости, и, исполнившись ярости, повелели всему своему литовскому и русскому воинству приступать к крепости со всех сторон и вступать в бой. Люди же из крепости крепко с ними бились, тогда Сапега и Лисовский повелели прикатить туры и поставить орудия. И той ночью прикатили многие туры и поставили орудия. Первые за прудом на горе Волокуше; вторые тоже за прудом возле Московской дороги; третьи за прудом же в Терентьевской роще; четвертые на Крутой горе против мельницы; пятые туры поставили на Красной горе против Водяной башни; шестые поставили на Красной горе против погребов, Пивного двора и келаревых келий; седьмые по Красной же горе против келарских и казенных палат; восьмые

же в роще тоже на Красной горе против Плотничьей башни; девятые туры поставили на Красной же горе возле Глиняного оврага, против башни Конюшенных ворот. И возле туров выкопали большой ров, из рощи от Келарева пруда и до Глиняного оврага, и насыпали высокий вал, так что за тем валом, укрываясь, ходили конные и пешие люди.

О НАЧАЛЕ СТРЕЛЬБЫ ПО КРЕПОСТИ

Месяца октября в третий день начали бить из-за всех туров, и били по крепости шесть недель беспрестанно изо всех орудий и из верховых, и раскаленными железными ядрами. Обитель же Пресвятой и Живоначальной Троицы была покрыта десницею вышнего Бога, и нигде ничего не загорелось. Ибо огненные ядра падали на пустые места, в пруды и в выгребные ямы, а раскаленные железные ядра извлекали из деревянных домов, пока они не успевали причинить вреда. А какие, застрявшие в стенах, не замечали, те сами остывали. Но воистину дело то было промыслом Самого предвечного Бога Вседержителя, который творит преславное ему известными неизреченными своими путями. Бывшие на стенах крепости люди, не имея возможности стоять, прятались за стены: ибо из рвов и из углублений в промежутки между зубцами были прицелены пищали. И так люди стояли, не отступая, ожидая приступа, и ради того одного и крепились. А кто был в башнях у пушек, те терпели великую тяготу и мучения от стрельбы. Ибо стены городские тряслись, камни рассыпались, и все жестоко страдали. Но удивительно при этом все Богом устраивалось: во время стрельб все видели, как плинфы рассыпались и бойницы и стены сотрясались, ибо стрельба велась с утра и до самого вечера по одной мишени, но стены всё оставались нерушимыми. Враги об этом часто сообщали, говоря: «При стрельбе мы всегда видим огонь, исходящий от стен, и удивляемся тому, что искры сыплются не от камня, а от глины».

И были в крепости тогда теснота большая, скорбь, беды и напасти. И у всех, тогда оказавшихся в осаде, сердца кипели кровью, но полезного дела, которое они начали, они не прекращали. Смерти они ожидали, но на Господа Бога упование возлагали и всячески врагам сопротивлялись. А еще ругались богоборцы лютеране, собачьими своими языками богохульные слова говоря, чтобы не имели они никакой надежды на Господа Бога. «Не сможете вы, — говорили они, — избежать рук наших никак». Также поносили они имя великого чудотворца Сергия и иной многий и богохульный вздор говорили.

О МОЛИТВЕ АРХИМАНДРИТА И ВСЕХ, НАХОДЯЩИХСЯ В ОСАДЕ

Боголюбивый же пастырь, архимандрит Иоасаф, и весь священный собор, и все православное христианство стояли в церкви Пресвятой Живоначальной Троицы, со слезами так восклицая: «Господи Боже наш, бессмертный и безначальный, Создатель всей твари видимой и невидимой, нас ради, неблагодарных и злонравных, сошедший с небес и воплотившийся от Пречистой Девы и кровь свою за нас проливший, призри и ныне, Владыка Царь, из святого жилища твоего и приклони ухо твое и услышь слова наши, вконец погибающих. Ибо согрешили мы, Господи, согрешили всякими постыдными делами и недостойны взглянуть на высоту славы твоей. Разгневали твою щедрость, не послушали твоих повелений и, как безумные, от твоей к нам милости отвратились и на злодеяние и беззаконие обратились, с ними же далеко от тебя отступили. Все это, что ты навел на нас и на обитель твою праведным и истинным судом, сотворил ты из-за грехов наших; и не можем мы уст открыть и сказать что-либо; но все же, о всепетый и всеблагословенный Господь, не предай нас до конца врагам нашим, и не разори достояния твоего, и не лиши нас милости твоей, но дай нам послабление во время

это. Сам ты, Владыка, сказал: „Я пришел не праведных спасти, но грешников призвать на покаяние", чтобы обратились они и живы были. Господи Иисусе Христе, Царю Небесный, сделай нам послабление и не оставь нас ныне ради Пресвятой и Пречистой Богоматери твоей и молитв ради святых праведных отцов наших, теплых заступников Сергия и Никона чудотворцев, прежде благоугодивших твоему владычеству в святой обители сей».

Также и Пренепорочной Богородице из глубины сердца со стонами и рыданием во все дни и ночи так они молились: «О, Всенепорочная Владычица Богородица, человеколюбивая естеством, не оставь ты эту святую обитель, как и обещала при явлении своему преподобному отцу нашему чудотворцу Сергию; и да познаем мы ныне, в это, Владычица, время, истинную неложность слов твоего обещания, и как Мать Христа Бога и заступница рода христианского сохрани нас и помилуй по великой твоей милости, да возвеличится великолепное имя твое во все века, аминь!»

Архимандрит же Иоасаф повелел всем священникам наставлять своих духовных детей, чтобы те каялись, сохраняли чистоту и делали только благие дела. И тогда все люди исповедовались Господу и многие Пречистых Христовых Тайн причащались. Литовские же люди и русские изменники и денно и нощно помышляли о взятии города.

О РВЕ И ПОДКОПЕ

Того же месяца октября в шестой день они повели ров из-под горы от мельницы возле надолб на гору к Красным воротам и к надолбам, покрывая его досками и на них насыпая землю. И довели ров до верха горы против Круглой башни.

Того же месяца в двенадцатый день они повели из того рва подкопы под Круглую угловую башню против Подольного монастыря.

О ПРИГОТОВЛЕНИИ К ПРИСТУПУ, О ПИРШЕСТВЕ И ОБ ИГРАХ

Того же месяца в тринадцатый день Сапега устроил великий пир для всего своего войска и для крестопреступников, русских изменников. И весь день бесились они, играя и стреляя, а к вечеру начали многие люди скакать со знаменами на своих конях по всем Клементьевским полям и по монастырским вокруг всего монастыря. Потом и Сапега вышел из своего табора с большими вооруженными полками и стал со своим полком у туров за земляным валом против погреба, Келарской и Плотничьей башен и до Благовещенского оврага, а полки Александра Лисовского — по Терентьевской роще до Сазонова оврага, по Переяславской и Угличской дорогам и за Воловьим двором до Мишутина оврага. Из орудий же они били по городу из-за всех туров, из многих пушек и пищалей, беспрестанно.

О ПРИХОДЕ К КРЕПОСТИ ПЕШИХ ЛЮДЕЙ

Той же ночью в первом часу множество пеших людей, литовцев и русских изменников, устремилось к монастырю со всех сторон с лестницами, со щитами и с турусами рублеными на колесах, и, заиграв во многие трубы, они начали приступ крепости. Люди же в крепости бились с ними с крепостных стен, били также из многих пушек и пищалей и, насколько могли, много побили литовцев и русских изменников. И так милостью Пребезначальной Троицы и по молитвам великих чудотворцев не дали им тогда подойти близко к крепости и причинить стенам какого-либо вреда. И они, своим пьянством загубив многих своих, отошли от крепости. Турусы же, щиты и лестницы они побросали. Наутро вышедшие из

крепости люди внесли все их в крепость и, пищу на них готовя, предали огню.

Но литовцы и русские изменники, продолжая таким же образом подходить, досаждали бывшим в крепости, нападая на крепость семь дней без отдыха. А иногда они подъезжали к крепости со страшными угрозами и руганью, иногда же, льстя, просили сдать крепость и показывали множество воинов, чтобы бывшие в крепости убоялись. И чем больше враги пугали их, тем больше находившиеся в крепости крепились против них. Так окаянные лютеране и русские изменники понапрасну трудились и ни в чем не преуспели, только многих своих погубили.

Архимандрит же Иоасаф со всем священным собором в те дни был во святой великой церкви, со слезами моля Бога и Пречистую его Богоматерь и призывая на помощь великих чудотворцев Сергия и Никона для помощи и укрепления против врагов, со слезами говоря: «Господи Боже, помоги нам, вконец погибающим, и не отринь людей твоих до конца и не предай достояния твоего в поношение злым еретикам, да не скажут: „Где есть надежда их, на которую они уповают?", но да узнают, что ты Бог наш, Господь Иисус Христос, в славу Богу Отцу, аминь».

И, взяв честные кресты и чудотворную икону Богоматери с Превечным Младенцем и иконы прочих святых, обходили они по стенам всю крепость, молясь со слезами.

О ПРИХОДЕ ЛИТОВЦЕВ НА КАПУСТНЫЙ ОГОРОД

Того же месяца в девятнадцатый день литовские люди пришли на огород брать капусту. Из крепости же, увидев, что немного людей литовских, не по воеводскому повелению, но по своей воле, спустившись некоторые со стен крепостных по веревкам, литовских людей побили, а иных переранили. В то время в литовские полки убежал служка, детина Оська Селевин.

О ВЫЛАЗКЕ

Воеводы же, князь Григорий и Алексей, устроили вылазку из монастыря на литовских людей конными и пешими людьми. Один полк пошел на Капустный огород по плотине верхнего пруда к Служней слободе, другой полк — за токарню на Княжее поле и за Конюшенный двор. Пешие же люди пошли с конными на Красную гору за овраг, к турам. В то же время троицкий служка Оська Селевин, забыв Господа Бога, убежал в литовский полк. Литовцы же и изменники русские, видя троицкое воинство, вышедшее из крепости, тут же яростно устремились ему навстречу. И с обеих сторон многие испили смертную чашу. У туров у литовских орудий побили и поранили немало стрельцов, казаков, и даточных людей, и старшину у них, троицкого слугу Василия Брехова, ранили, его еще живым внесли в монастырь с прочими убитыми и ранеными. Архимандрит же Иоасаф повелел живых постричь и причастить Святых Тайн Тела и Крови Христа, Бога нашего. И так, исповедавшись, они предали души свои в руки Господа. И, священным собором отпев надгробные песнопения, погребли их с честью.

О ЯВЛЕНИИ ЧУДОТВОРЦА СЕРГИЯ, О ПРИСТУПЕ И О ПОДЖОГЕ ПИВНОГО ДВОРА

В воскресный день после утреннего пения пономарь Иринарх сел отдохнуть и забылся сном. И вдруг он видит, что в келью его вошел великий чудотворец Сергий и слышит, как тот говорит ему: «Скажи, брат, воеводам и ратным людям: сейчас к Пивному двору будет очень тяжелый приступ, они же да не ослабевают, но с надеждою дерзают». И он видел святого, ходившего по крепости и по

службам, кропившего святой водой монастырские строения.

После предупреждения чудотворца, с воскресенья на понедельник в третьем часу ночи, когда никто не ожидал, загремело множество орудий, и многочисленное воинство литвы с громким криком со всех сторон устремилось к крепостным стенам. Против же Пивного двора, взяв множество вязанок дров, хвороста, соломы, смолы с берестой и порохом, они зажгли острог у Пивного двора. И от того огня стали видимы все полки. Со стен же крепости и с Пивного двора из-за турусов, из пушек и из пищалей много побили литовцев, и огни их погасили, и острог подсечь не дали. Также и по другим стенам крепости и с башен, козы с огнем спуская, многих литовских людей побили, потому что они подошли близко к крепости.

О ПОБЕГЕ ЛИТВЫ ИЗ ИХ РВОВ

Когда же настал день памяти святого великомученика Дмитрия Солунского, в первом часу ночи архимандрит Иоасаф со всем священным собором, и иноки, и весь народ, взяв честные кресты и чудотворные иконы, обходя по стенам крепость, творили литию и моление воссылали ко Всемогущему в Троице славимому Богу и Пречистой Богоматери. Когда же литовские люди из рвов увидели ходящих по стенам крепости во множестве людей, напал на них страх великий, и испугались, и побежали они из рвов и из ям в свои таборы.

О ВЫЛАЗКЕ И ПОИМКЕ ПАНА БРУШЕВСКОГО

Воеводы, князь Григорий и Алексей, со всем христолюбивым воинством, отпев соборно молебен, устроили вылазку на Княжее поле в Мишутинский овраг на заставы ротмистра Брушевского и на Суму с товарищами. И Божиею помощью заставу они побили и ротмистра Ивана Брушевского взяли, а ротмистра Герасима и его роту побили на Княжем поле, а Сумину роту топтали до Благовещенского оврага. Враги же, увидев падение своих, вскоре пришли многими полками конные и пешие. Но бывшие в крепости люди, мало-помалу отходя, все вошли в крепость здоровыми и совершенно невредимыми. Архимандрит же со священным собором, отпев молебны со звоном, воздали благодарственные хвалы Всемогущему Богу. Пан же Брушевский при допросе под пыткой сказал, что подлинно ведут они подкопы под крепостную стену и под башни. А под какое место ведут подкопы, того, сказал, не ведает. «А хвалятся-де наши гетманы, что возьмут замок, Сергиев монастырь, и огнем выжгут, а церкви Божии до основания разорят, а монахов всякими различными муками замучат, а людей всех побьют. А не взяв монастыря, прочь не отойдут. Хоть и год стоять будут, или два, или три, а монастырь решили взять и до основания разрушить».

Богоборцы тогда весьма разъярились и начали бывшим в крепости очень досаждать и залегли по ямам и по плотинам прудовым, не давая бывшим в крепости людям ни воды зачерпнуть, ни скота напоить. И была в крепости теснота и скорбь великая и волнение было большое среди осажденных людей.

О СЛУХАХ

Воеводы же, посоветовавшись с архимандритом Иоасафом, с братией и со всеми людьми воинского чина, повелели в крепости под башнями и в стенных нишах копать землю, а троицкому слуге Власу Корсакову делать частые слухи, ибо тот был в этом деле очень искусен. И он за это дело взялся. А вне крепости от Служней слободы повелели копать глубокий ров. Литовцы же, увидев копающих ров, в начале первого часа дня вдруг прискочили ко рву во множестве пешие, сильно вооруженные, и начали жестоко избивать православных христиан. Из

крепости же прицелены были на то место многие пушки и пищали и побили литовцев много. К тому же из крепости поспешили многие люди воинского чина и множество их побили и многих живыми взяли и в крепость ввели. Литовцам не понравились из крепости частые подарки, и, тыл показав, они возвратились вспять.

О ДОПРОСЕ ПЛЕННЫХ И О ЧИСЛЕ ЛИТОВСКОГО И ИЗМЕННИЧЬЕГО ВОИНСТВА

Воеводы же повелели новопойманных языков пытать и разузнавать у них вопросами и пытками об их замыслах и о количестве их воинства. Те же сказали, что действительно гетманы их надеются крепость взять подкопами и упорными приступами. А подкопы уже повели под башни и под крепостную стену в двенадцатый день октября. А к какому месту ведут, того они не знают. А командующих панов — князь Константин Вышневецкий, да четыре брата Тышкевичи, пан Талипский, пан Велемовский, пан Козоновский, пан Костовский и других двадцать панов; а ротмистров: Сума, Будило, Стрела и других тридцать ротмистров; а людей воинского чина: с Сапегою — польские и литовские люди, жолнеры, подольские люди, гусары русские, прусские, жемоцкие, мазовецкие, а с Лисовским — дворяне и дети боярские из многих разных городов, татар много, и черкесы запорожские, казаки донские, волжские, северские, астраханские. И всего войска с Сапегою и с Лисовским — до тридцати тысяч, кроме черных людей и пленных.

ОБ ИЗБИЕНИИ БЫВШИХ В КРЕПОСТИ ЛЮДЕЙ И О ВЕЛИКОМ УЖАСЕ В КРЕПОСТИ

Месяца ноября в первый день, на память святых бессребреников Козьмы и Демьяна, во втором часу дня из крепости устроили вылазку на конях и пешими людьми на литовских людей. Бог же попустил грехов ради наших, и потому расхрабрились на нас враги и побили и поранили многих вышедших из крепости людей, постаравшихся положить свои головы за святую православную веру и за обитель преподобного отца нашего чудотворца Сергия. И в том бою убили почтенного слугу Копоса Лодыгина из пушки, и дал ему Бог в иноческом чину преставиться. Тогда же на вылазке из-за грехов наших побили и поранили троицких всяких людей сто девяносто человек, да в плен взяли у подкопного рва старца священника Левкию, да трех служилых людей, да московского стрельца, да двух клементьевских крестьянских детей.

Архимандрит же раненых повелел постричь, и, причастившись Тела и Крови Христа, Бога нашего, они преставились в вечные обители. И погребли их с честью, соборно отпев над ними надгробные песнопения. А живых раненых повелел лечить и содержать за счет монастырской казны. Еретическое же исчадие и изменники русские страшней прежнего нападали на крепость. Тогда были в крепости у всех православных христиан скорбь великая, плач великий и ужас из-за подкопов, потому что слух в уши всех людей разошелся, что ведут литовские люди подкопы, а о том допытаться не могут, под которую стену или башню ведут. И тогда все смерть свою, каждый перед своими глазами, видели и, прибегая к церкви Живоначальной Троицы и к целебноносным мощам горячих заступников наших великих чудотворцев Сергия и Никона, все на покаяние к Богу обратились, исповедуясь Господу и отцам своим духовным. Некоторые же причастились Тела и Крови Господних, готовясь к смерти.

О ТОМ, КАК ИНОКИ ОБОДРЯЛИ

Добродетельные же иноки, обходя по всей крепости, молили христолюбивое

воинство и всех людей, говоря: «Господа и братья, пришел час прославить Бога и Пречистую его Матерь, и святых великих чудотворцев Сергия и Никона, и нашу православную христианскую веру! Мужайтесь и крепитесь и не ослабевайте в трудах, не оставляйте надежды, да и нас помилует и прославит Всещедрый Господь Бог! Не унывайте в скорбях и бедах, нашедших на нас! Но возложим упование на Бога и на молитвы великих наших заступников Сергия и Никона, и увидим славу Божию! Ибо Тот может избавить нас от рук всех врагов наших. Если же, братья, кто и пострадает ныне, в это время, будет он для своего Господа мучеником, потому что пострадал за превеликое его имя!» Так они укрепляли всех православных христиан, бывших на стенах крепости. И благодаря этому все больше расхрабрились, крепко сражаясь со своими врагами.

Воеводы же повелели стрельцам и всем добровольцам тайно выходить ночью из крепости ради поимки языков по ямам и во рвах, которые те выкопали близ крепости. И милостью Божией много языков поймали они и привели в крепость. Подкопного же места никак не могли у них дознаться: все говорили, что есть подкоп, а под которое место ведут, того не ведают.

О ПРИСТУПЕ

Того же месяца во второй день в третьем часу ночи в литовских полках был большой шум и заиграли во все трубы, и пошли на приступ к крепости, как и прежде. Бывшие же в крепости люди крепко с ними бились, не давая им приступить к крепости.

О ЯВЛЕНИИ СЕРГИЯ ЧУДОТВОРЦА АРХИМАНДРИТУ ИОАСАФУ

В то время в церкви Пресвятой Троицы архимандрит Иоасаф задремал, и вот внезапно видит он святого и блаженного отца нашего Сергия, великого чудотворца, стоящего против чудотворного образа Святой Живоначальной Троицы, руки свои воздевшего вверх и молящегося со слезами Святой Троице. И обратился святой к архимандриту и сказал ему так: «Брат, встань, — это время пения и час молитвы; „бдите и молитесь, да не войдете в напасть". Господь Всесильный по многой своей щедрости помиловал вас и подаст вам еще время, да в покаянии поживете». Архимандрит же Иоасаф, одержимый сильным страхом, поведал об этом явлении всей братии.

Надменные же от гордости литовские люди тяжело и беспрестанно нападали на Троицкую крепость, прикатив к крепости много туров и турусов. Из крепости же ударили из многих пушек и пищалей по их щитам и турусам, которые были близ стен, и много литовских людей побили. Когда же настал день, из крепости вышли конные и пешие люди и от крепости литовских людей отогнали. Те же побежали, гонимые Божиим гневом. Бывшие же в крепости люди их осадные приспособления все предали огню, а иные внесли в крепость.

В четвертый день того же месяца ночью литовцы снова своим делом промышляли, но издалека, а ко рву и к стенам близко подходить не смели. Из крепости же вышли пешие люди к литовским людям к Нагорному пруду за надолбы близко к подкопному рву. Литовцы же и русские изменники, встав из рвов и из ям, как демоны, напали на вышедших из крепости людей и учинили великий бой. В том бою убили троицкого слугу Бориса Рогачева и поранили многих слуг, стрельцов и казаков; тогда же взяли в плен раненого Дедиловского казака. На допросе под пыткой он сказал, что действительно подкопы заканчивают, а на Михайлов день хотят заложить под стены и под башни порох.

Воеводы водили его по крепостной стене, и он в точности указал все места, под

которую башню и городскую стену ведут подкопы. И, изнемогая от многих ран, он начал умирать. И возопил громким голосом со слезами и рыданием: «Сотворите мне, виновному и бедному человеку, великую милость, дайте мне, Бога ради, отца духовного, сподобьте меня быть причастником Святых Христовых Тайн!» Архимандрит же Иоасаф повелел его, исповедав, причастить Святых Христовых Тайн.

Воеводы же в крепости повелели против мест подкопов от Подольной стены до Святых ворот поставить острог, насыпать турусы и установить орудия.

ОБ ИВАНЕ РЯЗАНЦЕ

Той же ночью пришел в Троицкий монастырь выходец из табора Лисовского казак Иван Рязанец из станицы атамана Пантелеймона Матерого и сказал, что подкопы в самом деле готовы под нижнюю Круглую башню.

И тот же казак Иван Рязанец рассказал такую историю: «Произошло, дескать, в прошлую ночь с субботы на воскресенье: было явление атаманам и казакам, а сказывал атаман наш Пантелеймон Матерый, также и из нас многие видели своими глазами, и иных станиц атаманы и казаки многие то же видение видели и слова старца слышали твердые с запрещением. Видели они ходивших вокруг крепости по стене двух старцев — бороды седые, светозарные образом, так что быть им по образу и по подобию великими чудотворцами Сергием и Никоном. Один в руке имел золотую кадильницу, а под кадильницей Животворящий Крест и, кадя обитель свою, ограждал стены крепости Честным Животворящим Крестом. Второй держал в правой своей руке кисть вроде кропила, а в другой руке чашу. И, кропя святою водой стены и все прочее в обители, он пел своими устами громким голосом тропарь „Спаси, Господи, люди своя” и кондак „Вознесшийся на крест”, — оба до конца. И, обратившись к нашим полкам, преподобный — от его лица сиял неизреченный свет, паля, как огонь, — сказал с яростью, сурово грозя: „О злодеи законопреступники! Зачем вы сошлись разорить дом Пресвятой Троицы, осквернить в ней Божии церкви и погубить иночествующих и всех православных христиан? Не даст вам Господь жезла на свой жребий!” Наши же окаянные казаки и литовские люди стреляли по ним из луков и из самопалов, но наши стрелы и пульки, от них отскакивая, возвращались к нам и многих поражали; и многие люди в наших полках, раненные теми пульками, померли, извещая тем самым о большом чуде Бога, прославляющего своих угодников». Той же ночью и во сне явился чудотворец Сергий атаманам и многим казакам.

Тем же образом явился он гетману, начальствующим панам и ротмистрам, сурово предупреждая и так говоря: «Я сотворю на вас, злодеев, мольбу Вышнему Царю, и вы будете осуждены вовеки мучиться в геенских муках». И было, будто молния ударила и громы страшные загремели, и с востока потекла великая река, а с запада и с юга появились два великих озера, и сошлись все три воедино; и поднялась вода, как гора великая, и потопила все полки литовские, и все совершенно пропали. Наутро же Сапега и Лисовский, встретившись вкупе со всеми русскими изменниками, рассказывали друг другу свои сны и говорили: «Что такое должно произойти? Многие воды потопили наши полки!» Тогда предстал пред ними донской атаман Стефан Епифанец из станицы Смаги Чертенского, имевший в своей власти войско из пятисот казаков, и сказал им: «Великие гетманы, я скажу вам: такие сны не к добру бывают. Это знамение являет преподобный Сергий чудотворец: то не водам повелевает он нас потопить, но множество православных христиан вооружит на нас. И великое падение ждет наших людей». Литовские же люди, услышав это, были объяты великой кручиной

и договаривались с казаками его убить, говоря, что «этот человек возмущает наши полки и пугает людей воинского чина». Стефан же и казаки, узнав об этом, собрались все пятьсот человек и той же ночью бежали, пообещав Святой Живоначальной Троице, Пречистой Матери Божией и великим чудотворцам Сергию и Никону больше такого зла не совершать, также и царствующему городу, а стоять заодно с православными христианами против иноверных; и призывали в помощь великих чудотворцев. Литовские же полки догнали их в Троицкой волости в Вохне на реке Клязьме. Но те помилованы были Богом по молитвам преподобных отцов Сергия и Никона и ушли от литовских людей все невредимыми. Также и через Оку-реку переправились они ниже Коломны и пришли на Дон к своему атаману все здравыми.

Об этом знамении и об атамане Стефане Епифанце принесли мне записку оставшиеся в обители чудотворца иноки, а кое-что поведали мне о том и словом. Я же повелел вписать здесь и это, раз и это есть истина, чтобы не оказаться мне перед Богом нерадивым рабом, презревшим чудеса преподобных отцов. Об этом до сих пор.

Воеводы же советовались с архимандритом Иоасафом, со старцами и со всеми воинскими людьми, как очистить для неожиданной вылазки потайные ворота, ведущие из-под крепостной стены в ров. Каменотесы же, разыскав подле Сушильной башни старый лаз, очистили его и приделали к нему три железные двери.

О СТРЕЛЬБЕ ПО КРЕПОСТИ В ВОСЬМОЙ ДЕНЬ НОЯБРЯ

Того же месяца в восьмой день на праздник собора святого архистратига Михаила. День тот был днем плача и сетования, потому что прошло уже тридцать дней и тридцать ночей, как беспрестанно со всех сторон били по крепости из-за всех туров из шестидесяти трех пищалей и из верховых орудий.

В тот же день шел в церковь Святой Троицы клирик Корнилий, и внезапно прилетело ядро пушечное и оторвало ему правую ногу по колено, и внесли его в притвор. И после Божественной литургии он причастился Животворящих Тайн Христовых и сказал архимандриту: «Вот, отец, Господь Бог рукою своего архистратига Михаила отомстит кровь православных христиан». И, это сказав, старец Корнилий преставился. Да в тот же день убило из пушки старицу, оторвало ей руку правую с плечом.

Воеводы же и все осажденные в крепости люди, избрав добрых старцев и людей воинского чина, которым идти на вылазку и на подкопные рвы, разделили войско и расставили по порядку. В день же архистратига Михаила пели вечерню, и все бывшие в обители люди с воплем и рыданьем, бия себя в грудь, просили милости у Всещедрого Бога, и воздевали вверх руки, и на небо взирали, и взывали: «Господи, спаси нас, погибающих, скорей поспеши и избавь нас от этой погибели ради твоего святого имени. И не предай достояния твоего в руки этим скверным кровопийцам».

Враги же Святой Троицы деятельно и коварно добивались захвата крепости и беспрестанно стреляли из многих пушек и пищалей. Во время псалмопения внезапно ядро ударило в большой колокол, отскочив от него, влетело в алтарное окно Святой Троицы, пробило в деисусе доску подле правого крыла образа архистратига Михаила и, ударившись вскользь по столпу, а затем в стену, отскочило то ядро в насвечник пред образом Святой Живоначальной Троицы, ранило священника и, отлетев в левый клирос, развалилось. В то же время другое ядро пробило железные двери с южной стороны у церкви Живоначальной Троицы

и пробило доску местного образа великого чудотворца Николы выше левого плеча подле венца; за иконой же ядра не оказалось.

И тогда в церкви Святой Троицы на всех находившихся там людей напал великий страх, и все заволновались. И полит был церковный пол слезами, и пение замедлялось от сильного плача. И воздевали все руки свои вверх к Пребезначальной Троице, к Пречистой Богородице и великим чудотворцам Сергию и Никону, молясь о помощи и заступничестве от врагов.

Во время же пения стихир архимандрит Иоасаф, будучи в великой печали и сетовании, погрузился в легкое забытье, и вот, видит он великого архистратига Михаила; лицо его, как свет, сияло, в руке своей он держал скипетр и говорил противникам: «О враги лютеране! Вот, беззаконники, ваша дерзость дошла и до моего образа. Всесильный Бог вскоре воздаст вам отмщение». И, сказав это, святой стал невидим. Архимандрит же поведал об этом видении всей братии. И облеклись они в священные ризы, и пели молебны Всесильному Богу и архистратигу Михаилу.

В Терентьевской роще была у осаждавших очень страшная пищаль, называемая Трещера. Воеводы повелели стрелять на Терентьевскую гору по литовским орудиям из башни Водяных ворот. Ударили по большой их пищали, по Трещере, и разбили у ней пороховницу. Также и от Святых ворот с Красной башни ударили по той же пищали и разбили у нее устье. И видевшие это с Троицкой крепости бывшие там люди благодарили Бога, что разрушил он то злое орудие.

Архимандрит же Иоасаф, правя келейное правило и взирая на образ Пресвятой Богородицы, со слезами прося помощи и заступничества, задремал. И видит он вошедшего в келью преподобного отца нашего Сергия, говорящего: «Встань, не скорби, но возноси молитвы в радости, ибо предстоит перед Богом и молится об обители и о вас Святая Пречистая Богородица и Приснодева Мария с ангельскими ликами и со всеми святыми». Также и иные старцы поведали о различных знамениях — священноинок Геннадий, священноинок Гурий, священноинок Киприан и иные многие черноризцы и миряне, — что видели святого Сергия чудотворца, ходившего по монастырю и будившего братию со словами: «Идите, иноки, немедленно в святую церковь и обретете благодать». И потом они видели, как вошел в церковь Святой Троицы Серапион, архиепископ Новгородский, и стал в святительской одежде в святом алтаре перед образом Святой Богородицы. И, обратившись к нему, святой чудотворец Сергий сказал: «Отец Серапион, почему ты медлишь принести моление ко Всесильному Богу и Пречистой Богородице?» Святой же архиепископ Серапион, воздев свои руки, возопил: «О Всепетая Мать, родившая всех святых святейшее Слово! Нынешнее приношение приняв, от всякой напасти избавь всех и от грядущей изыми муки вопиющих: аллилуйя!» И тут начали благовестить к заутреннему пению. Старцы же, это увидев, рассказали архимандриту и воеводам.

Эти старцы все отошли к Богу еще во время тогда бывшей осады. Принес же мне запись об этом дьякон Маркел ризничий. Я же, поправив ее, повелел вписать.

О ВЫЛАЗКЕ, ОБ ОБНАРУЖЕНИИ ПОДКОПОВ И ОБ ИХ РАЗРУШЕНИИ

Воеводы, князь Григорий Борисович и Алексей, составив полки для вылазки, пришли в церковь Святой Живоначальной Троицы к чудотворным образам и исцеление приносящим мощам преподобного отца нашего Сергия чудотворца. И, придя к потайным воротам, они приказали выходить по нескольку человек и укрываться во рву. В то же время с Пивного двора вышли воеводами старшины туляне Иван Есипов, Сила Марин и Юрий Редриков, переяславец, со своими

сотнями и даточными людьми на Луковый огород и на плотину Красного пруда. Также и из Конюшенных ворот вышли со многими знаменами старшины-дворяне: Иван Ходырев, алексинец; Иван Болоховской, владимирец; переяславцы Борис Зубов, Афанасий Редриков и другие сотники с сотнями, а с ними и старцы троицкие во всех полках.

И когда начали они выходить из города за три часа до рассвета, вдруг нашли темные облака, и небо страшно помрачнело, и настала такая тьма, что и человека не было видно. Такое Господь Бог устроил тогда время своими неизреченными судьбами.

Люди же, выйдя из города, приготовились к бою. И вдруг поднялась великая буря и прогнала мрак и темные облака, и очистила воздух, и стало светло. И когда трижды ударили в осадные колокола, — ибо так было приказано им дать знак, — Иван Ходырев с товарищами, призвав на помощь Святую Троицу и выкрикнув многими голосами как боевой клич Сергиево имя, все вместе дерзко и мужественно напали на литовских людей. А те, услышав этот боевой клич, тут же смешались и, гонимые Божиим гневом, побежали.

В то же время от Святых ворот старшина Иван Внуков с товарищами и со всеми людьми пошел против подкопов на литовских людей, издав тот же боевой клич, и сбил литовцев и казаков под гору в Нижний монастырь и за мельницу. А Иван Есипов с товарищами своим полком бился с литовцами по Московской дороге по плотине Красного пруда до горы Волкуши. Старцы же Сергиева монастыря ходили с полками, бились с литовцами и укрепляли людей, чтобы те не ослабевали в делах. И от этого все расхрабрились и бились крепко, говоря друг другу: «Умрем, братья, за веру христианскую!»

И благодатью Божиею нашли тогда устье подкопа. Вскочили тогда в глубь подкопа ради совершения замысленного клементьевские крестьяне Никон, называемый Шилов, да Слота; и, зажегши в подкопе порох с кизяком и смолою, заткнули они устье подкопа и взорвали подкоп. Слота и Никон тут же в подкопе сгорели.

Люди из крепости подступали близко к горе Волкуше, к орудиям литовским; но те стреляли из-за туров. Тогда ранили старшину Ивана Есипова и троицких людей прогнали до Нижнего монастыря. Старшина же Иван Внуков, возвратившись со своими людьми от Нижнего монастыря по плотине и по пруду, прогнал литовцев и казаков в Терентьевскую рощу и до горы Волкуши, беспощадно их избивая. Троицкий же слуга Данило Селевин, которого поносили из-за бегства его брата Оськи Селевина, не желая носить на себе изменничьего имени, сказал перед всеми людьми: «Хочу за измену брата своего жизнь на смерть променять!» И со своей сотней пошел пешим к колодцу чудотворца Сергия на изменника атамана Чику с его казаками. Данило был сильным и ловким с саблей и посек многих литовских людей, а сверх того и трех вооруженных конников убил. Один же литвин ударил Данилу копьем в грудь, но Данило устремился на того литвина и убил его мечом, однако сам от той раны начал сильно слабеть. И его, подхватив, отвели в монастырь, и он преставился во иноческом образе.

Старшины же Иван Ходырев и Борис Зубов со своими сотнями прогнали литовцев и казаков за мельницу на луг. А Иван Внуков остался в Нижнем монастыре. Атаман же Чика убил Ивана Внукова из самопала. И его отнесли в монастырь. И была среди троицких людей великая скорбь об убитых дворянах и слугах, потому что они были мужественны и в ратном деле искусны.

Троицкое же воинство, снова оправясь, убило двух полковников, королевских

дворян, Юрия Мозовецкого и Стефана Угорского, да четырех ротмистров из жолнеров и иных панов, да и всяких людей много побили и поранили. А живых пойманных языков ввели в город.

О ЗАХВАТЕ ЛИТОВСКИХ ОРУДИЙ

В тот же день, когда одни выходившие из крепости люди после многих трудов вошли в крепость, а другие еще дрались с литовцами и русскими изменниками, некоторым боголюбивым инокам Бог вложил благую мысль, и они пришли на Пивной двор к чашнику старцу Нифонту Змиеву и сказали: «Отец Нифонт! Враги наши одолевают нас, но Святая Троица даровала нам, бедным, великую помощь в борьбе с врагами: подкопы их мы отняли и обрушили; а к тебе вот зачем пришли: дай нам совет, как отнять у литовских людей туры и доставить своему воинству помощь и радость». Старец же Нифонт, посоветовавшись с прочими старцами, взял с собою двести человек ратных и тридцать старцев и пошли они с Пивного двора на вылазку; и, перейдя через запруду, взошли на Красную гору к турам и к литовским орудиям.

В монастыре распространилась весть, что троицкое воинство пошло на литовские орудия. И осажденные люди, быстро придя к крепостным воротам, к Конюшенным, воеводу Алексея Голохвастова и привратных сторожей силой превозмогли, крепостные ворота сами отворили и, спешно устремившись к турам, взошли на Красную же гору. Литовцы же и русские изменники, из-за туров своих стреляя из многих пушек и пищалей и из мелкого оружия, отбили троицких людей под гору к Пивному двору. Множество же народа снова, во второй раз, устремилось напористо и, взойдя из подгорья в большой силе, подступили к турам, к орудиям литовским. Богоборцы же начали стрелять из многих пушек с горы Волкуши во фланг троицкого воинства и в тыл из Терентьевской рощи и большое смятение учинили и ужас в троицких людях. Увидев же, что испугалось троицкое воинство от их стрельбы, они тут же, полки свои литовские и всех русских изменников из-за своих туров быстро выведя, согнали всех монастырских людей под гору. Со стен же крепостных, стреляя по врагам, обратили их вспять. Те же, возвратившись, заиграли во все трубы, что прогнали, мол, монастырских людей от своих орудий.

Монастырские люди порешили отойти в овраги: в Благовещенский, в Косой и в Глиняный овраги, тогда как другие троицкие еще бились с литвою за Круглым прудом и за Капустным огородом близ Келарева пруда. И, оглянувшись и не увидев монастырских людей на горе и у Пивного двора ни единого человека, они ужаснулись, подумав, что те все побиты литовскими людьми, ибо только и видели они что у Святых ворот и на Нижнем монастыре первыми вышедших на вылазку людей, дерущихся с литовцами и с казаками.

Монастырские же люди притаились в оврагах: в Благовещенском, в Косом и в Глиняном. Из них Иван Ходырев и троицкие слуги, Ананья Селевин с немногими людьми, сев на коней, устремились полем позади туров литовских орудий; и был их отряд очень мал, а перед тем троицким отрядиком, говорят, видели со стен многие люди вооруженного воина, лицо же его было, как солнце, а конь под ним, как молния, блистал. И тотчас же он вскочил с троицкими людьми в первые туры, затем во вторые, и в третьи, и в четвертые, и в пятые, и явственно видели, что этот Божий посланник помогал православным христианам, пока те не взяли орудия. А потом, даровав им помощь и одоление врагов, он стал невидим.

Троицкое же воинство, укрывшиеся конные и пешие люди, вскоре из оврагов выйдя, приступили к первым турам, к литовским орудиям. Литовцы и русские казаки побежали тогда к другим турам. Монастырские же люди, нещадно их

избивая, выгнали их также и из-за других, и из-за третьих туров; а у четвертых и пятых туров литовцы и казаки закрепились у своих орудий и храбро бились. И тут под Борисом Зубовым убили коня. Из литовцев многие, выскочив, захотели взять Бориса живым. Мужественный же троицкий слуга Анания Селевин с прочими воинскими людьми, устремившись на литовских людей, прогнал их за туры. Вскоре подоспели к ним многие люди, Иван Ходырев, а с ним дети боярские, слуги и все множество народа, и вошли в четвертые и пятые туры к литовским орудиям. Слуга Меркурий Айгустов раньше всех подоспел к турам. Пушкарь же литвин убил Меркурия из пищали. А тому пушкарю отсекли голову.

Так с помощью Живоначальной Троицы многих литовских людей они побили, и в плен знатных панов живыми взяли, и с литаврами и с трубами и многими знаменами ввели их в крепость. Да тут же захватили восемь пищалей полуторных и полковых и всякое оружие литовское: затинные и большие самопалы, и рушницы, копия и корды, палаши и сабли, бочки пороху и ядра, — и всяких запасов множество внесли в крепость. Остальное же все с турами и с турусами и с остатками пороха предали огню. Троицких же людей убитых и раненых подобрали и внесли в крепость. Когда пламя разливалось и поедало сооружения еретиков, гетман Сапега, увидев, что занимаются огнем самые прочные его станы, побежал в свой табор, также и злой еретик лютеранин Лисовский.

Все же это произошло в один день — в среду, месяца ноября в девятый день, на память святых мучеников Анисифора и Порфирия. Ибо за три часа до света начали биться и до самого вечера кровь лилась. В один и тот же день подкопы разрушили и орудия литовские взяли. И благодатью Пресвятой Троицы были в Троицком Сергиеве монастыре радость и веселье среди всего православного христианства о величии Божьем, по причине того, что сотворил Бог преславное в тот день.

Боголюбивый же архимандрит Иоасаф с братиею повелел звонить вплоть до полуночи. Сам он со священным собором и со всей братией в храме Трисоставного Божества пел молебны, хвалу и благодарение воссылая Богу, Пречистой Богородице, великим чудотворцам Сергию и Никону и всем святым, с начала времен Богу угодившим.

Насчитали же всего побитых за тот день троицких людей сто семьдесят четыре человека да раненых шестьдесят шесть человек. Убитых архимандрит с честью соборно погреб, а раненых повелел постричь. Среди последних были Иван Внуков — в иноках Иона, Иван Есипов — в иноках Иосиф, Данило Дмитриев сын Протопопов из Москвы от Покрова на рву — в иноках Давид, троицкие слуги Данило Селевин, Меркурий Айгустов — в иноках Мефодий и многие другие. И, причастившись Святых Тайн Христа, Бога нашего, они преставились ко Господу.

Воеводы же и дворяне и все воинство Сергиева монастыря вышли за ограду посмотреть трупы мертвых литовцев и русских изменников, побитых на Красной горе у их орудий, во рву, и в ямах, и у прудов — у Клементьевского, у Келарева, у Конюшенного и у Круглого пруда, около церквей Нижнего монастыря, около мельницы, и против Красных ворот у подкопных рвов, и насчитали литовцев и изменников более полутора тысяч, да сказали пленные и перебежчики, что раненых у них до пятисот. Воеводы же и все христолюбивое воинство порешили с архимандритом и с братией послать к Москву к государю с доброй вестью и подарком сына боярского переяславца Ждана Скоробогатова.

О ЛИТОВСКИХ ЛЮДЯХ В ЗАСАДЕ

Гетман же Сапега и Лисовский замыслили новый коварный план против

троицкого воинства. Ночью они завели множество конных рот в Сазанов и в Мишутин овраги и спрятали их у рыбных садков, чтобы те отрезали троицкое воинство от крепости. И, подъезжая к надолбам, начали они манить людей из крепости. Люди в крепости, не ведая о лукавой хитрости безбожников, вышли на вылазку конными и пешими. Литовцы же притворно обратились в бегство. Вышедшие люди устремились за ними. Но наблюдатели, увидев с церкви засадных людей, стоящих в оврагах, начали бить в осадный колокол. Тогда те возвратились к крепостным стенам. Увидели лукавые, что не получили желаемого, и тогда из лесов и оврагов, как свирепые львы из пещер и дубрав, на православных христиан бросились и пригнали их к крепостным стенам. Монастырские же люди тогда со стен многих литовских людей побили и живыми взяли жолнеров четырех человек. Не понравились окаянным из крепости частые подарки, и не стали они больше пробовать близко к стенам подходить и изо рвов своих и ям, накопанных ими, разошлись по своим таборам.

О ВЫЛАЗКЕ НА ЛИТОВСКИХ И РУССКИХ СТОРОЖЕЙ

В один из тех дней, когда еще в крепости Троицкого Сергиева монастыря было множество храбро боровшегося против врагов воинства, на рассвете воскресного дня была великая мгла в зимнее время. Воеводы же снова устроили вылазку на заставы литовские, в Благовещенский овраг и на Нагорную заставу к Благовещенскому лесу, а иных людей послали к Нагорному пруду за сады на заставы русских изменников. Выйдя же, конные люди заставу в Мишутине овраге побили, а вскоре, поспешив на Нагорную заставу, и ее потоптали по Красной горе вдоль до Клементьевского пруда и многих побили. Из Сапегиных же таборов многие роты пришли, и был большой бой. Но из крепости вышли на помощь многие люди конные и пешие и прогнали литовцев снова до Клементьевского пруда. Александр же Лисовский, как змей засвистав со своими аспидами, желая поглотить православное воинство, вскоре пришел с конными и пешими людьми и с русскими изменниками из Терентьевской рощи против Красных ворот на пошедших на вылазку троицких людей, бьющихся с полком его, с русскими изменниками, — как свирепый лев ревущий, желая всех поглотить. Троицкое же воинство билось с ними крепко, но, не будучи в состоянии одолеть, отошло от них в крепостные рвы.

Литовских людей с крепостных стен многих побили. Воеводы же из крепости еще устроили для помощи своим конную вылазку, а старшими с ними отпустили старцев Ферапонта Стогова, Малафея Ржевитина и прочих старцев двадцать человек. Те же, выйдя, мужественно устремились на литовских людей. К ним же поспешили с Красной горы бившиеся там с литовцами и поляками, а другие спрятались на Красной горе в Глиняном овраге. И молитвами преподобного и великого аввы Сергия и блаженного Никона устрашил Бог беззаконных. И привиделось Лисовскому, что из монастыря вышло бесчисленное великое воинство, и тут испугался злой враг кровопийца и побежал, гонимый Божьею силой, со всем своим воинством под гору за мельницу на луг и в Терентьевскую рощу. Троицкое же воинство мужественно их побивало. Тогда взяли живым ротмистра Мартьяша, славного ратоборца, и других панов с оружием ввели в город.

Лисовский же стал в долине за горой Волкушей, и к нему вскоре подошли Сапегины конные роты. Он же, лукавый, как змей метался, думая, как бы позор свой искупить, не ведая, что против силы Вышнего ратует. И тут видит еретик, а с ним многие поляки, что пред полком их ездит старец, держа в руке своей обнаженный меч и сурово ему грозя. И затем стал невидим для их глаз.

Герман же Сапега пришел на Красную гору на троицких людей и стал по всему Клементьевскому полю со всеми своими полками; Лисовский от прихода Сапеги повеселел и захотел совместно с ним одолеть Господа Бога Вседержителя, и повелел в своем полку дуть в трубы и зурны и бить в барабаны и литавры. И тут же вскоре вместе с Сапегою устремился на Красную гору против всех троицких людей, желая в один час всех их истребить. И согнали они троицких пеших людей под гору к Пивному двору. И было воистину чудно видеть милость Божию к троицкому воинству и заступничество и помощь против врагов по молитвам великих чудотворцев Сергия и Никона. И сотворил тогда Господь преславное чудо. Даже нератные люди стали храбрыми, и не знавшие и не ведавшие никогда обычаев ратных, — и те исполинской силой препоясались. Один из таких, некий податной человек из села Молокова, крестьянин, называемый Суетою, великий ростом и очень сильный, над которым посмеивались всегда из-за его неумения в бою, сказал: «Пусть я умру сегодня, но буду всеми прославляем!» В руках он держал оружие, бердыш. И укрепил Господь Бог того Суету и дал ему бесстрашие и храбрость; и он понуждал православных христиан прекратить бегство, говоря: «Не убоимся, братья, врагов Божиих, но станем с оружием твердо против них!» И сек бердышом своим врагов с обеих сторон, удерживая полк Александра Лисовского; и никто ему противостоять не мог. Он быстро, как рысь, скакал и многих тогда вооруженных и в броне поразил. Многие же крепкие воины встали против него, чтобы отомстить за позор, и жестоко на него наступали. Суета же сек на обе стороны; не выдавая его, пешие люди, прекратив бегство, укрепились за надолбами.

Беззаконный же Лисовский совался и туда и сюда, где бы какое зло сотворить. И повернул, окаянный, от того места вдоль по Красной горе к Косому Глиняному оврагу на сидевших в засаде троицких людей. Бывшие там с монастырским слугою Пименом Тененевым люди твердо стали на пригорке у рва против врагов, биясь с литовцами и казаками. Увидев же, что троицкого воинства мало, злонравный лютеранин Лисовский свирепо бросился на них, и смешались все люди вместе, литовские и троицкие, и произошел великий бой близ Глиняного оврага. Враги же, боясь засады, начали отбегать. А троицкое воинство, понемногу отходя от литовских людей, скрылось в Косой Глиняный овраг.

Александр же Лисовский хотел при отходе взять живым слугу Пимена Тененева, но Пимен обернулся к Александру и выстрелил ему из лука в лицо в левую щеку. Свирепый Александр свалился со своего коня. Воины его полка подхватили его и отвезли в Сапегин полк. Троицкое же воинство ударило из множества орудий по ним, и тут побили много литовцев и казаков. Литовцы же, увидев это, тут же бросились бежать врассыпную по Клементьевскому полю.

Сердца кровью у многих закипели за Лисовского и, чтобы отомстить за него, снова многие двинулись, как лютые волки, — литовские воеводы князь Юрий Горский, Иван Тышкевич да ротмистр Сума со многими гусарами и жолнерами, — напали на сотника Силу Марина и на троицких слуг, Михайла да Федора Павловых, и на все троицкое воинство. И произошел бой очень большой и жестокий. И, ломая оружие, хватаясь друг за друга, они резались ножами. Предельно отчаянной была та брань, потому что в троицком воинстве немного было конных и не в бронях, но прикрыты они были милостию Живоначальной Троицы и молитвами великих светил Сергия и Никона; благодаря их помощи и заступничеству, многих вооруженных поляков и литовцев они побивали. Слуга же Михайло Павлов, видя, как острие меча князя Юрия Горского пожирает неповинных, перестал биться с прочими, ловя самого воеводу, и убил того князя Юрия Горского, и с конем примчал его мертвого под крепость. Много тут

желавших отомстить поляков погибло из-за его тела, но они не отняли его из рук Михайловых.

В том бою многие из литовских людей видели двух старцев, мечущих на них плиты, одним броском многих поражавших, камни же из-за пазухи достававших, и не было числа метаниям их. Перебежчики от поляков рассказали об этом в доме чудотворца.

Такие потери видя, поляки, — что князя Юрия лишились и других своих храбрецов, разрубленными лежащих, гонимые гневом Божиим, побежали они от троицкого воинства. Так и отошли все полки Сапегины и Лисовского. Троицкое же воинство вошло в обитель с великою победою.

ОБ УБИТЫХ У ДРОВ

После этого окаянные лютеране завели многие роты в Мишутинский овраг в рощу, так как знали, что в ту рощу постоянно ходят из крепости за дровами в сопровождении охраны из конных и пеших людей. Как обычно, вышли из крепости многие люди в ту рощу за дровами. Внезапно напали на них вышеупомянутые литовские роты и русские изменники. Троицкое же воинство и всякие осажденные люди вступили в большой с ними бой, но из-за грехов наших одолели враги. В тот день убили литовские люди троицких всяких людей более сорока человек и многих ранили, а иных в плен живыми взяли. Тогда взят был известный Наум, оконный мастер. И пробыл он у Сапеги, служа, до отступления их от Троицкого монастыря. Из-за всего этого в городе была очень большая печаль у всех православных христиан.

ОБ ИЗМЕНЕ КАЗНАЧЕЯ ИОСИФА ДЕВОЧКИНА

Находит дьявол орудие себе и научает преследовать кого-нибудь без вины, как Саул Давида, или же тельцу в пустыню поклоняться, а не Питающему манною, или же, как Ирода, побуждает избить невинных младенцев. Как не побоялся Иуда того, кто дал немощным творить неизреченные чудеса, так же не устрашился Иосиф дивных явлений богоносного мужа и уподобился тому еретику-чернецу, что скрыл голову Предтечи, чтоб не славилось с ней имя Господне. И не придавал он значения тому, что рассказывали ему все о постоянном заступничестве великого чудотворца Сергия, но, неверием одержимый, затыкал свои уши, как аспид глухой, не заботясь о том, чтобы Преславного прославить и записать рассказы, но и желавшим неутаенное поведать повелевал перестать и пытавшимся писать в царствующий город пользы ради для утешения страждущих в скорбях препятствовал. Этот злой совет услышав, старец Гурий Шишкин, саном дьякон, понял, какой яд скрывается в том, и открыл его намерение предать дом чудотворца. Наслаждаясь потаканием Гурия и надеясь на подручных, как под надежной защитой ходил тот уверенно, радовался и ожидал, когда сможет довести злое дело до конца. Но как осел Валаама обличал, так и Гурий тайно злому замыслу препятствовал и, как Ефесский Синакраснопевец, не песнями, а орудиями мучений возносится. Нетерпеливым в крепких руках оказавшись, Иосиф все в подробностях замыслы свои объявил. Страшно было слышать, как лопнул замысел Иуды. Не напрасно, оказывается, Оська Селевин переметнулся: он и четырех темных поселян оттуда уже послал за ним, и тот совету поляков весь уже отдался. С их помощью он и других немало прельстил. Покровителем его коварства был другой воевода, Алексей Голохвастов, и уже сослался он прямо с врагами Пресвятой Троицы и уверенно назвал день, в какой хотел привести жнецов бесовских на Божию пшеницу. Последнее, чего он поджидал, это — когда выйдут агнцы бороться с волками: он хотел затворить за ними врата ограды Христовой и ту готовую снедь отдать зверям, кровь пьющим, а тем временем

через другой вход ввести сынов еретических и отступников православия в гору Господню и стереть, чтобы не осталось и памяти, холмы святого Израиля. Когда все это, тайной покрываемое, стало известным, из всех уст возвеличен был за неожиданное спасение великий наш заступник, вместе с пророком говорящий об этом: «Если Господь не сохранит город, тщетно бдит стражник» и «суетно спасение человеческое». Ведь того, кто выше хвалы человеческой, никому невозможно восхвалить по достоинству. Но уразумели овцы, что невидимый волк видимо отогнан, и с радостным плачем под Божиим кровом радовались в доброй надежде.

О СМЕРТИ ИОСИФА

Рывший яму для незлобивых сам впал — и не в яму, но в бездну мук и поношения, и не от людей только, но и от Бога — прочим в назидание: да не дерзают вместе с преследующими Христа воевать, но да претерпевают все с Владыкой как в мире, так и в гонениях. Блага из руки Господней приняв, зол ли не стерпим, для испытания нам предложенных? А не захотевший добровольно с плачущими плакать, тот поневоле, высмеиваемый радующимися, расплакался, да бесполезно. И даже после такого злого предательства не был презлобный незлобивыми сразу же на смерть осужден, но дано было время ему на покаяние, хоть недостоин он был жить и одно мгновение.

Многие люди, написав о составленных по его злому совету заговорах, его обвинили; воздающий же отмщение по правде ниспослал на него суд, как на Ирода: после тяжелого недуга он был живым изъеден червями, так что прежде возвращения его в землю были видны его проеденные внутренности. Оттого что в надменном сердце тайно вырос замысел пролить множество крови, как гнезда закипели рогатые плотоядцы. Не хотевшего Бога ради трудившихся помиловать, те братолюбиво с плачем отирали, но и они, устрашаясь, отбегали, ибо удивительное это было для всех зрелище. Да и кто не удивится, таковую муку видя? Ведь за один час маленький, как муха, червь, ползая по плоти, вырастал с человеческий палец и рожками пробуравливал тленное естество. Слыша его рев и вопль, многие с сокрушенным сердцем, плача, поникшие отходили. Ухаживавшие за ним все отступили и, не будучи в силах обонять смрад, заткнув ноздри, стояли поодаль. Кости его так распухли в связях суставов, что сделались видимы. Не презиравшие же его слезных молений и помогавшие ему в телесных нуждах пропитывались на долгое время зловонием и, не выдерживая, выскакивали: от вдоха у них перехватывало гортань и нос. И все говорили: «Воистину от Господа допущено это». Так мучительно он и скончался. И его помощник в осуществлении тайного замысла, Гриша Брюшина, так же мучительно скончался: утроба его распалась.

ОБ ИЗМЕНЕ ДВУХ СЫНОВЕЙ БОЯРСКИХ

Прельстились дети боярские переяславцы Петруша Ошушков да Степанко Лешуков и во время обычной вылазки отскочили от света во тьму и пристали к врагам Божиим, к литовцам и к изменникам, так говоря гетману Сапеге и лютеранину Лисовскому: «Что будет нам, если скажем вам, как можно быстро взять Сергиеву обитель без крови?» Начинатели же зла обещали великим имением одарить их и в число первейших по славе вознести. Те же, через чьи уста действовал дьявольский дух, сказали: «Раскопайте, паны, берег верхнего пруда и отведите от труб воду; тогда от жажды вскоре люди изнемогут и поневоле покорятся вашей храбрости».

Обрадованные лукавыми лисицами волки бой у стен прекращают, немедленно же замысел осуществляют и, прикрываясь от крепости, чтобы не было видно

творимое ими дело, намерение свое совершают. Повелением Александра Лисовского они разрыли плотину верхнего пруда и пустили воду в Служень овраг в речку Коншору. Но молитвами великого Сергия чудотворца немного вытекло воды тем раскопанным местом. Люди же в крепости удивляясь, что те перестали воевать, выходили, чтобы раздразнить их; но враги в погоню не пускались и с мест не сходили. Ибо злодеи вызнали уже приемы людей из крепости — что те с помощью засады часто у них языков похищали, и потому очень остерегались, чтобы не стало известным зло, которое они творили.

Некоторые же добровольцы, выйдя ночью из крепости, подползши тихо, взяли стоявшего на страже литвина и привели в крепость, и обо всем замысле врагов всеми было услышано. И в тот же час, докопавшись всем народом до труб, введенных в обитель чудотворца, провертели их во многих местах; и снова вода потекла из пруда в город. Монастырские же, опять выйдя из крепости в ту ночь, побили всех делавших это зло, литовцев и русских изменников, которые выпускали воду. Той ночью в монастыре наполнились водой выкопанные пруды и через монастырь протекла вода на другую сторону. Так у литовцев и у изменников этот замысел и не сбылся. Злодеи же, увидев наутро, что в пруду мало воды и что свои перебиты, всплескивали руками.

О ДРУГОМ ИЗМЕННИКЕ

В ту же ночь другой сын боярский, сообщник тех злодеев, что умыслили это зло, видя происходящее в доме чудотворца, по веревке спустился со стены и быстро побежал к врагам с вестью. Но его злодейству не попустил Господь, и жилы его правой ноги у поясницы разорвались, и начал страшно вопить окаянный. Его крик на стенах услышали и, выбежав, взяли его в город живым. От попущенной же Богом язвы в тот же час он изверг свою душу.

ОБ УМНОЖЕНИИ В КРЕПОСТИ БЕЗЗАКОНИЯ И НЕПРАВДЫ

В то время, когда одержимы были люди всеми бедами в обители чудотворца, плакали все, рыдали и горестно сокрушались, долго терпящий нас, сотворивший все, не желающий смерти грешнику, но дающий время для покаяния и призывающий грешников к спасению дал находящимся в крепости в осаде хорошо отдохнуть от рук оскорбляющих. Ибо отступили литовские полки и русские изменники далеко от крепостных стен и впредь в своих жилищах и таборах пребывали. Рвы же свои и ямы, выкопанные ими близ крепости, оставили. Бывшие же в крепости военные люди и многие из народа всякий день из крепости выходили: то ради отдыха от великой тесноты, то за дровами и постирать одежду, иногда же на вылазку против польских и литовских людей и русских изменников. И из повседневных с ними сражений возвращались они здоровыми в обитель чудотворца; иногда же и победителями над ними оказывались, молитвами чудотворцев Сергия и Никона.

Когда же немного отдохнули они от великих бед, тогда забыли Спасающего их и не вспомнили пророка, говорящего: «Служите Господу со страхом и радуйтесь ему с трепетом». Дьявол же, уразумев бывшее на нас просвещение от лица Господня, понуждал нас тогда от славы Божией отпасть, и праздновать не духовно, но телесно, и торжествовать не в целомудрии, но в бесстрашии, чтобы тем самым возбудили мы у Владыки негодование на себя, наподобие того как Ноя, а также Лота, осквернил он пьянством, Давида и Соломона в блудодейство низвел, а людей израильских, сквозь Чермное море прошедших, из-за чрезмерной сытости и веселия под землю низвел; так же и здесь сотворил лукавый.

Ибо опоясывающиеся мечом на радостях часто заходили утешиться сладкими

медами, от которых породились блудные беды. Всех возвращавшихся с повседневных вылазок после победы и после пролития крови вином утешали, а от этого все страсти телесные возрастали. На трапезе же братской иноки и простые люди воду пили и военных людей перестать молили. Но те этим пренебрегали. А еще и такое зло добавили — сребролюбие.

Тогда ведь все они, постоянно питаясь от дома чудотворца, брали хлебы по числу каждый для себя, кто на неделю, а некоторые каждый день, и отдавали их за серебро, а сами всегда в трапезной питались. Тяжело тогда было инокам, в монастырской хлебне работавшим: не могли они успеть удовлетворить потребность ратных и не имели ни сна ни покоя ни днем ни ночью, и всегда от жара печного и от дыма глаза у них слезились. Также и молоть было очень трудно. Людей-то множество, жерновов же мало, ибо не ожидали люди, что долго сидение продлится, и налегке сели в осаду. И двенадцать гривен за помол четверти давали, но мало было бравших. Ибо днем всегда из крепости выходили, ночью же на страже крепостной трезвились. И кого в плен брали из русских изменников и некоторые из поселян, а также из христианских жен и оставшихся служилых работниц и прочие, — те им мельниками были, но в тяготах осадных и те быстро помирали.

Нечестно же бравших хлеб монастырский отец Иоасаф много о том молил: «Отстаньте, господа и братья, — говорил он, — от такой безрассудности и глупости и не берите сверх потребы своей. А взятое вами не расточайте попусту, но тщательно сохраняйте. Не знаем ведь, господа, на сколько протянется сидение наше в осаде. Да и какая вам польза истощить понапрасну житницы чудотворца?» И много об этом молил. Те же этим пренебрегали и наперекор говорили: «Большое ли дело, что берем лишнее? Если это позорно в ваших глазах, то перестанем брать. Но с противниками вы что хотите, то и делайте». И потому он замолчал, сказав: «Да видит это Сергий чудотворец!»

И потом является чудотворец Сергий, стоя об руку с Никоном, двум галицким казакам из даточных людей. И говорит им Никон чудотворец: «Вот пришел великий Сергий!» И те видят чудотворца, поникшего лицом на посох, и говорит им Никон: «Возвестите всем, в осаде сидящим, что так говорят Сергий и Никон: „Что обманываете нас, неправедные, и зачем, лишнее взяв, продаете, чтобы сорить серебром и пьянствовать? И что ругаете мучающихся у огня в пекарне? Или не понимаете того, что съедаете пот их и кровь? Следите за собой, потому что поруганы будете вашим чревом и от него все умрете лютою смертью”». Те галичане казаки всему воинству все это рассказали и с плачем умоляли всех. А все люди посмеялись над ними и наплевали на их слова. Они же с того дня и до отхода врагов в плаче и в унынии ходили.

Хлебом преизобильна была тогда обитель чудотворца. И хотя и кровью дрова покупали, но пьянствовать не переставали. Блуд и прочее зло умножались повсюду, увы, и потому в отчаяние многие впадали. Ибо в глубокий ров блуда впали все, начиная от простых людей вплоть до священствующих. Увы, о горе лютое, о напасть, и беда, и зло лютейшее! Труды без пользы, мучение без венца, ожидание несбывающееся! Терпение не до конца — ангелам слезы, Владыке гнев, врагам радость.

Обратимся же ныне, братья, к тонких бесовских уловок обличителю и услышим, что он говорит нам так: «Каким способом и образом нашего друга свяжем? Прежде чем свяжем, развязывается, и прежде суда мы с ним примиряемся и прежде утомления покоряемся. Как возненавидим того, кого естеством привыкли любить? Как освободимся от того, с кем навеки связались? Как упраздним с нами

встающего? Как обратим в нетленное воспринятое нами тленное естество? Что хорошего скажем благому приемнику оправданий? Если свяжем воздержанием и осудим этого ближнего согрешающего, то ему же следом преданы будем и сами в тот же грех впадем. Если же осуждать перестанем, то его победим. Возвысившись сердцем, низводимы мы им с небес чистоты в ад страстей. И споспешник он нам и враг, и помощник и соперник, и друг и клеветник; угождение принимая, воюет, а истощаясь, ослабевает; будучи оставляем в покое, бесчинствует, а будучи сокрушаем, не терпит; если опечалим его, бедствуем, и если пораним, не имеем с кем добродетели стяжать. От кого отвращаемся, того и любим». Что же это у нас такое таинственное? Почему мы сами себе враги и друзья? Послушаем же о том, как из-за невоздержания начали люди все нисходить в истление.

День ото дня мор начал распространяться в доме чудотворца. Благого же и неизменного Владыки благой верный раб неотступно заботился о вверившихся ему душах. Поляки же и литовцы с русскими изменниками, по обычаю своему построившись, ударили в стены обители святого. Шум раздался внезапно, и мужи вооруженные к противникам выходят, и из-за неожиданности приближения врагов руки у правоверных трясутся и лица у них изменились. Выходя же, они, не веря себе, видят перед собой быстро идущего от надвратной церкви святого чудотворца Сергия, святолепного, сединами украшенного старца, говорящего им: «Что трепещете? Если и никого из вас не останется, не предаст Бог это святое место и не прозвучит среди врагов „мы пленили обитель Пресвятой Троицы”. Мужайтесь, не ужасайтесь. Говорите в обители всем, что нечисто живущие в этом святом месте погибнут. Не нечистыми спасет Господь это место, но имени своего ради без оружия избавит!» И невидим стал.

И узнали люди самого чудотворца. Об этом его явлении всеми было услышано. Но кто избавит человека от смерти телесной и душевной? Сколько и сам Господь учил людей еврейских, но они не послушали и до конца погибли. Так и здесь было с неслушающими начальников этого святого места.

О МОРЕ СРЕДИ ЛЮДЕЙ

В ноябре с семнадцатого дня начался мор среди людей и тянулся до прихода Давида Жеребцова. Вид этой болезни, случающейся при тяжелых осадах, известен, — врачи называют ее цингой. Она бывает из-за тесноты и недостатков, особенно из-за плохой воды, по причине отсутствия целебных растений и кореннй, поедающих образующийся в утробах гной. Не имея целебных настоев, распухали они от ног до головы, и зубы у них выпадали, и смрад зловонный из уст их исходил, руки же и ноги скорчивались, сводимые жилами вовнутрь и наружу от гноящихся язв. А из-за того, что не имели они теплых омовений, тела их покрывались струпьями; не привыкший к нерастворению принятого желудок закрывался, и начинался непрестанный понос, доводивший до полного изнеможения и невозможности ни с места на место перейти, ни передвинуться. И согнивали тела их от извержения кала, и проедала их скверна даже до костей, и черви огромные ползали. И не было помощников у многих ни жажду утолить, ни алчущих накормить, ни к гнойным струпьям пластырь приложить, ни перевернуть на другой бок, ни червей смыть, ни отогнать надоедающих животных, ни наружу вывести прохладиться, ни приподнять, чтобы дать немного посидеть, ни уста протереть, ни лицо, ни руки умыть, ни с глаз пыль стереть. А кто еще поднимал руки, те оскверняли уста и глаза грязью. И прежде смерти многие от ударов, от ветра и от всяких передвижений были посыпаны пылью, так что невозможно было узнать их по виду. Имевшие же серебро или другие вещи отдавали их, чтобы купить необходимую еду и питье. И сколько за покупаемое, столько и за услуги давали. И со слезами молили они, но всякий думал о себе, о прочих же не

заботились. И если бы не израсходовали житниц дома чудотворца и погребов не опустошили, то все бы вымерли, второе лето в осаде сидя.

И было тогда не одно бедствие и несчастье: снаружи — меч, а внутри — смерть. И не знали, что делать: или мертвых погребать, или стены крепостные охранять; или с любимыми своими расставаться, или с врагами пополам рассекаться; или очи родителей целовать, или свои зеницы на протыкание предавать. И не имевшие кровной родни, те стен городских не покидали, но там смерти от противников ожидали, ибо один путь к смерти, говорили, отовсюду. И одним только утешались храбрым ратоборством с врагами, и друг друга на смерть поощряли, говоря: «Вот, господа и братья, не родные ли наши и друзья погребаются? Но и нам за ними туда же идти. И если не умрем ныне за правду и за истину, потом все равно умрем, но без пользы и не Бога ради».

Будучи всеми таковыми злыми бедами объяты, сперва по двадцать и по тридцать, а потом по пятьдесят и по сто человек умирали в один день. И умножалась смерть в людях, и друг от друга — от запаха — умирали. И великий храм Пресвятой Богородицы, во имя честного и славного ее Успения, каждый день мертвыми наполнялся. За могилы же сперва по рублю за выкапывание брали, а потом по два и по три, затем и по четыре и по пять давали, но не было уже кому ни брать, ни копать; и в одну могилу и яму погребали по десять и по двадцать человек, и дважды столько, и больше. И сорок дней стоял темный сумрак и злой смрад. А где выносили мертвых, там за ними сонмы плачущих ходили; погребали же мертвых с утра до вечера. И не было ни покоя, ни сна ни днем, ни ночью не только больным, но и здоровым. Ибо одни плакали над умирающими, другие над выносимыми, третьи над погребаемыми; и множество группами, кто где стоя, плакало. И от беспокойного сна как шальные все ходили.

И преставилось тогда братии старой в обители двести девяносто семь братьев, а новопостригшихся тогда — более пятисот. Чин священнический совсем изнемог от многих трудов с больными, умершими и умирающими. Глаза иереев отяжелели, и их с трудом поддерживали над немощными. И так все иереи скончались, и мало кто из священного чина — для возвещения только — остался. И воинский чин уже начал изнемогать, мало кто от смертного часа был избавлен. Много сирот, дев, вдовиц и детей осталось, а с кем можно было всякое дело делать, те умерли. А от кого не было пользы, лишь хлеба едоки, остались, и те, выздоравливая, служили соблазном к великому греху.

И был тогда злой смрад — не только в кельях, но и по всему монастырю, и в служебных помещениях, и во святых церквах: где от немощных людей, а где и от умирающего скота; ибо всякое животное было без пригляда, и растерзывали одни других. И водосточные трубы, сделанные для дождя и грязи, костями животных даже доныне забиты. И более ста возов всякой одежды вывезли из обители и вывалили в ров. За воз же давали по полтора рубля, но мало было берущих из-за вшей, червей и из-за злого смрада. И все это вне обители, с трудом вывозя, сжигали.

Всего же у Живоначальной Троицы в осаде умерло старцев, и ратных людей было побито, и умерло от осадной немощи слуг и служебных людей, стрельцов, казаков, пушкарей, застенных бойцов, галичан, даточных людей и прислуги две тысячи сто двадцать пять человек, не считая женского пола, недорослей, маломощных и старых.

О ПОСЛАНИИ К ЦАРЮ ВАСИЛИЮ С МОЛЕНИЕМ

Воеводы же, видя столь сильный гнев Божий, обращенный на обитель чудотворца,

не знали, что делать, потому что неотступно кругом враги стояли и нападали на крепость непрестанно, в обители же от множества воинских людей малое число осталось, и ниоткуда помощи они не ждали и перестали выходить из крепости против ратных в течение долгого времени. И по этой причине большая радость была у врагов, литовских людей и русских изменников, ибо они видели непрестанно погребаемых и слышали громкий плач в крепости по умирающим. Некоторые же, забираясь высоко на деревья, из Терентьевской рощи смотрели в крепость и радовались погибели христиан, веселились и рвались в бой; и, близко к крепостным стенам прискакивая, на бой они вызывали, поносными словами, как камнями, меча в находящихся в крепости. Внутри же крепости недоумевали, как тут быть.

И тогда, посоветовавшись с архимандритом Иоасафом и со старцами, они послали письма в царствующий город к келарю Авраамию. Старец же, увидав из писем положение в обители, ужаснулся, уразумел, что дело вскоре кончится недобрым, и все изложил царю, чтобы тот принял правильное решение; и постоянно молился, да не одолеют враги дома чудотворца. Скипетроносец же на словах давал, а на деле не осуществлял, потому что великая беда владела тогда царствующим городом.

Старец же, боясь, что скоро уже зло сотворится, все о совершенном оскудении людьми дома святого сообщал. Но самодержец и еще дни скорби и ожидания продлевал, к мольбам старца при входах и выходах не склоняясь; ибо под стенами царствующего города постоянно лилась кровь. Келарь же и братьев царских молил, но и от тех никакой не было пользы. Он потом и патриарха и всю палату царскую подвиг, показывая им письма из обители, где говорилось, что через месяц времени от прискорбных тягот наступит крепости конец. Патриарх же со всем священным собором умолял царя, говоря ему: «Царь, если взята будет обитель преподобного, то и вся страна Российская до Океана-моря погибнет и окончательно Москве станет тесно». И царь с трудом на слезы келаря преклонился. И послал на помощь атамана Сухана Останкова, а с ним казаков шестьдесят человек да пороху двадцать пудов, а келарь Авраамий отпустил троицких слуг двадцать человек, Никифора Есипова с товарищами.

ОБ УТЕШЕНИИ ЯВЛЕНИЕМ ЧУДОТВОРЦА ИРИНАРХУ

Утешающий в скорбях великий чудотворец Сергий вновь явился пономарю Иринарху и сказал ему: «Скажи братии и всем страждущим в осаде: зачем унывают и ропщут на держащего скипетр? Я неотступно молю Христа Бога моего. А о людях не скорбите: людей к вам царь Василий пришлет».

И через немного дней посланные царем Василием прошли сквозь литовские полки — вышеназванный атаман Сухан с товарищами и со слугами троицкими, укрытые молитвами чудотворца, — и, не понеся никакого вреда от противников, здоровыми пришли в обитель чудотворца. Только четырех казаков его захватили. Лисовский повелел их казнить около стен Сергиева монастыря. Воеводы же, князь Григорий и Алексей, за тех четырех казаков повелели вывести литовских пленников и казнить на горе, где старая токарня, над оврагом, сорок два человека, а казаков — против табора Лисовского, у верхнего пруда на взгорке, девятнадцать человек. Из-за этого литовцы и казаки пришли убивать Лисовского, да избавил его от смерти Сапега.

Из-за этого злые ратоборцы острее навостряют оружие и злей у них разъяряются сердца; и ночь для них как день бывала, и друг друга они воспаляли и стерегли крепость столь внимательно, что никак проползти сквозь них было невозможно. И боязнь великая охватила их из-за прохода Сухана, и они стерегли, друг друга

держась, чтобы никакого вестника ни из крепости, ни в крепость не пропустить. В осаде же печаль на печаль и скорбь на скорбь налагались, и братья все в обители, лица к земле преклонив, унынию поддавались, а болезни и смерть в городе люто хозяйничали. Порадовались они немного приходу слуг и казаков, но и те мало-помалу начали изнемогать и умирать. И малое число их осталось. И была в крепости скорбь великая, утешения же ниоткуда не находили, только и имели утешение — милость Божию и чудотворца молитвы.

О ЯВЛЕНИИ НИКОНА ЧУДОТВОРЦА

Когда еще гнев Божий не прекратился и многие были подвержены скорби и немощи, однажды ночью во сне является великий чудотворец Никон пономарю Иринарху, говоря так: «Поведай больным людям: в эту ночь выпадет снег, и желающие получить исцеление пусть натрутся тем нововыпавшим снегом. Скажи всем людям, что Никон это сказал». Иринарх же воспрянул в трепете и наутро поведал всем людям. И, как и сказал чудотворец Никон, выпал новый снег; и кто поверил в это и тем снегом натерся, — из тех многие здоровье получили.

О НЕВЕДОМОМ ПЕНИИ В ЦЕРКВИ УСПЕНИЯ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ

Однажды, когда стояла стража на церкви Сошествия Пресвятого Духа и спали по очереди, а один стоял на страже по обычаю и озирался вокруг, не обнаружится ли с какой-нибудь стороны внезапное нашествие на крепость врагов, и вот вдруг он слышит много голосов поющих, мужских и отроческих. Он посмотрел вокруг, чтобы понять, где поют, и разобрал, что поют в великом храме Пресвятой Богородицы, во имя честного и славного ее Успения. Тот сторож и прочих разбудил, чтобы самому не обмануться. Некоторые из них сказали, что это пение по умершим, ибо всегда храм был полон мертвых, отпеваемых. Говорили также, что никогда ночью с вечера не отпевают умерших. «Или утреннее пение началось? Но еще не приспело время утреннего пения». И говорили: «Разве что по какому-нибудь поводу собрались люди и молебен служат. Но не по чину молебнов звучат голоса и не так, как поют иноки или как мирские, но очень красиво, и множество поющих, и поют не умолкая и беспрестанно, и голоса громкие». Затем решили между собой: «Пойдем и узнаем получше». А когда они дошли до церковных дверей к храму Пресвятой Богородицы, голосов не стало. И, усомнившись, они быстро пошли к оставшимся на страже и снизу вверх крикнули стоящим на храме: «Оказывается, все мы обманулись: не слышно пения и никакого звука в церкви Успения Пресвятой Богородицы!» И внизу стоящие пришли в ужас, ибо звуки пения вновь им слышались. Те же с высоты говорят: «Что смущаете нас? Вот и сейчас — ни звуки ли это пения? И когда вы спустились от нас, голоса петь не переставали». Сошли и те с высоты и пошли на звук и пение слышали, а подойдя к церковным дверям, ничего не слышали. И, возвратившись, сказали: «Не зря это пение, братья!»

Когда же они отошли, опять слышали пение. И, пойдя, они сообщили об этом воеводе. И вскоре многие пришли и не слышали никакого ни пения, ни шума. И ужас охватил от этого многих. Затем по обычаю начали благовестить к утрени.

О ЗАСЫЛКЕ ПАНАМИ ТРУБАЧА ПАНА МАРТЬЯША

Видели враги, что не имеет успеха их коварный замысел, но рушится. Оттого многие, по многу раз с обманом приезжая и притворяясь друзьями, многократно говорили о том, что делалось и замышлялось. И истинно без лжи, так и бывало, как они говорили. И немощные от пьянства просили опохмелиться. Троицкие же воины сообщали от этом архимандриту и воеводам, и по их повелению, получив от чашника из погреба мед, выходили к панам с питьем, чтобы чем-нибудь кого-

нибудь из них уловить. Они же, выпив, отходили. Иногда же некоторые из них, принеся вино, просили за него меду. И такая дружба без беды не бывала, и те и другие люди обманывались: то кого-нибудь возьмут в плен, или убьют.

У окаянного Сапеги был трубач лютеранин, Мартьяш именем, очень верный, и вот тот, наученный Сапегой, был послан с похмельными к обители чудотворца просить меду опохмелиться. С помощью обычной уловки был схвачен и приведен в святую обитель готовый к этому враг, сам поддавшийся. Когда же его привели к воеводам, он повел, по научению Сапеги, добрые речи, приятные всем осажденным. И потому не был убит. И по мере прохождения дней все сбывалось по его речам. И впредь иное, что он ни скажет, все то сбывалось. О себе же он известил, что и грамоту польскую знает, и переводить написанное хорошо умеет. Из-за этого он понадобился воеводам. И зло поносил он взятых в плен и ругал свою веру как будто нелицемерно. Входя и выходя перед воеводой, он начал и на вылазки выходить; и, служа нелицемерно, бился крепко, и всеми почитаем был и любим. И, ходя с воеводами по стенам и по башням, он осматривал у пушек и пищалей прицелы, исправлял прицелы, и много бывало от него пакости литовским людям и русским изменникам; и часто он возражал воеводам и по его словам сбывалось. Если же когданибудь кто ослушивался его, беда случалась. Воевода же князь Григорий как родителя своего его почитал и в одном с ним доме спал. И в одежды светлые он был одет, и не было слышно о нем ни слова дурного, и многие из-за праведных дел его стыдились его. И обо всем, что нехорошо делалось в ратном промысле, он сообщал князю и, будто бы очень скорбя, лицемерил. И уже начал князь и ночью посылать его осматривать стражу, и никогда он не солгал воеводе ни в чем.

О НЕМОМ И ГЛУХОМ ПАНЕ, КАК ОН УЛИЧИЛ ТОГО МАРТЬЯША В ИЗМЕНЕ

За ним и другой пан предался, немой и глухой, его паны тоже Мартьяшем называли. Этот Мартьяш был очень яростным и сильным и послужил в доме Пресвятой Троицы как истинные христиане. Он был настолько знаменит среди поляков и изменников, что даже храбрые воины не смели на него наступать. Некоторые, пугая его именем, прогоняли нечестивых, и пеший конного не боялся. По причине же своей глухоты он вертелся в бою и озирался, чтобы не быть откуда-нибудь убитым. Во время приступов никто не был так быстр в метании камней, как этот немой; если же он бился с оружием, то жилы рук его так сводило, что он их едва разгибал и не мог в руке своей держать ничего. Удивительно было то, что, будучи нем и глух, он как будто знал о великом и богоносном отце нашем Сергии: ибо, приходя к дверям церкви Пресвятой Троицы и не дерзая входить в святую церковь, он открывал одну половину двери против гроба чудотворца и, воздевая руки, без слов, но с сильным плачем, ударялся о вымостку перед церковью. Неизвестно, вследствие явления или, смерти избегая, он предался, или просто случайно — один Господь это знает. Этот немой Мартьяш вместо слов, руками водя, говорил и, как немой, показывал пальцами, какую имеет в виду вещь или работу делаемую, или человека, или животное, пальцами очерчивая. И был он около воевод, и все воеводы понимали его бессловесные указания.

Этим двум литвинам случилось быть на обеде у слуги Пимена Тененева, а после обеда начали играть в тонцы. Во время же той игры отскочил тот немой пан от Мартьяша и начал зубами скрежетать на него и плевать в него. А тот литвин, очами на него недобро посмотрев, быстро выскочил вон. Случившиеся там люди не поняли между ними происшедшего. Немой же быстро побежал к князю Григорию Борисовичу, вбежал в слезах, упал не по обычаю перед ним и, жестикулируя руками, умолял взять того пана. Князь спросил, в чем тот виновен,

и он, по кулаку кулаком бия, хватая руками стены кельи и указывая на церкви, на службы монастырские и на стены крепости, изображал, что все будет взметено на воздух и что воеводы — показывал — буду посечены, а все в обители будут сожжены. Это князь от него уразумел, и Мартьяша, спрятавшегося, поймали и с помощью многих мук и огня едва доведались следующего.

И поведал тот окаянный Мартьяш всю свою измену. Хотел ведь злодей у пушек забить запалы, а порох прижечь; и еще сказал, что по ночам он часто беседовал с приходящими под стену панами, одним словом знаки тем подавая и на стрелах грамоты им вниз посылая. А той ночью хотел окаянный впустить на стену немногих поляков и с ними причинить вред орудиям и пороху, а прочим указал срок быть готовым к приступу. Но всещедрый Господь Бог наш не нас ради, окаянных, но имени своего ради святого и за молитвы угодников своих Сергия и Никона от этого тайного замысла нас избавил. И все тогда воспели благодарственные песни всеобщему защитнику Господу Богу и его угодникам, чудотворцам Сергию и Никону.

А тот немой пан, не знаю почему, изменил, ушел в литовские полки; может быть, из-за того, что окружили его на нижнем огороде пешие русские изменники. Он увидел, что они убьют его, замычал и, шапкой махая, предался им. А они его ограбили, ибо на нем были одежды преждеупомянутого Мартьяша-трубача. И, несколько дней пребыв в станах литовских, он возвратился в дом чудотворца и смелей прежнего сражался за христиан против литовцев и русских изменников.

О СЛУГЕ АНАНИИ СЕЛЕВИНЕ

Расхрабрил тогда великий чудотворец Сергий бывшего в осаде слугу Ананию Селевина, уже когда в обители чудотворца храбрые и крепкие мужи одни от острия меча иноверных пали, а другие померли в крепости от цинги, о которой было сказано прежде. Анания же тот был мужественным: шестнадцать знатных пленников привел он в осажденную крепость, и никто из сильных поляков и русских изменников не смел приближаться к нему, только ловили они случай убить его из ружей издалека. Все ведь знали его и, оставляя прочих, ополчились на него. И по коню его многие узнавали, ибо столь быстрым был тот конь, что из гущи литовских полков убегал, и не могли его догнать. Часто они вдвоем с вышеупомянутым немым выходили при вылазках на бой. Тот немой всегда с ним пешим на бой выходил, и роту вооруженных копьями поляков они двое с луками обращали вспять. Александр Лисовский, однажды увидев этого Ананию среди своих противников, пошел против него, стараясь его убить. Анания же быстро ударил коня своего и, выстрелив Лисовскому из лука в левый висок, с ухом его прострелил и поверг его наземь, а сам ускакал из гущи казачьих полков; ибо он хорошо стрелял из лука, а также из самопала.

Раз этот Анания, отбивая у поляков черных людей в кустарнике, был отторгнут двумя ротами от его дружины и, бегая, спасался. Немой скрылся среди пней и видел бедственное положение Анании; у него в руке был лук и большой колчан стрел; и он выскочил, как рысь, и, стреляя по литовцам, яростно бился. Литовцы обратились на немого, и тут же Анания вырвался к нему, и они стали рядом. И многих поранили они людей и коней и отошли невредимыми, лишь коня под Ананией ранили.

Поляки только и думали, как убить коня под Ананией, ибо знали, что живым его не взять. Когда Анания выходил на бой, то все по коню стреляли. Всего во многих вылазках конь его шесть раз был ранен, а на седьмой убит. И сделалось Анании хуже в боях. А потом Ананию ранили из пищали в ногу, в большой палец, и всю плюсну раздробили; и опухла вся его нога, но он еще хорошо воевал. А через семь

дней в колено той же ноги он был ранен. Тогда этот крепкий муж возвратился назад. И отекла нога его до пояса, и через несколько дней он скончался в Господе.

О МОСКОВСКОМ СТРЕЛЬЦЕ НЕХОРОШКЕ И О НИКИФОРЕ ШИЛОВЕ

Однажды, когда Александр Лисовский со своим полком напал на вышедших на вылазку людей и пожирал их устами меча, как волк ягнят, в числе преследуемых был московский стрелец именем Нехорошко, а с ним клементьевский крестьянин Никифор Шилов. Увидев Лисовского, одетого в хороший доспех и держащего в руке копье, разгорелись оба сердцем, но страшились свирепства его. И, взглянув на храм Пресвятой Троицы, призывая на помощь великого Сергия чудотворца, они поскакали на своих меринах: Никифор Шилов убил под Лисовским коня, Нехорошко же ударил его копьем в бедро. Они были отняты у казаков троицким воинством и среди многих противников остались невредимыми по молитвам великого чудотворца Сергия. Тот Никифор Шилов и Нехорошко знаменитыми бойцами были, на многих вылазках они отличались, сражаясь крепко.

О ПРИХОДЕ В ОБИТЕЛЬ С ГРАМОТАМИ ОТ КЕЛАРЯ АВРААМИЯ УХОДИВШИХ КАМЕНОТЕСОВ

Месяца мая в седьмой день в четвертом часу ночи пришли в Троицкий Сергиев монастырь уходившие троицкие каменотесы Шулешь Шпаников и Гаранька, будучи присланы из Москвы с грамотами от келаря старца Авраамия Палицына. И писал он в грамотах архимандриту Иоасафу с братией, государевым воеводам, воинам и всем находившимся в осаде людям, православным христианам, чтобы помнили они крестное целование, стояли бы против неверных твердо и непоколебимо, жили бы без оплошностей и берегли бы себя накрепко от литовских людей.

ОБ ОСВЯЩЕНИИ ХРАМА НИКОЛЫ ЧУДОТВОРЦА И ОБ ОСЛАБЛЕНИИ МОРА И БОЛЕЗНЕЙ

На память святого и достохвального апостола и евангелиста Иоанна Богослова, месяца мая в восьмой день, архимандрит Иоасаф и воеводы решили в храме Пресвятой Богородицы, во имя честного и славного ее Успения, в приделе освятить храм во имя святого отца нашего Николы чудотворца, в праздник его, мая в девятый день, что и совершили во славу в Троице славимого Бога. И с того дня даровал Господь Бог наш православным христианам свою милость. И многие больные начали от недугов своих выздоравливать, благодаря Пресвятую Троицу, Отца и Сына и Святого Духа, также и Всенепорочной Владычице Богородице благодарственные песни воссылая и восхваляя святого и великого апостола и евангелиста Иоанна Богослова, великого архиерея чудотворца Николу и великих российских светочей Сергия и Никона чудотворцев, так как по святым их молитвам произошло исцеление от злых болезней и облегчение. И смерть с того дня стала меньше людей уносить. Уцелевшие же от смертоносной болезни здоровые люди каждый день выходили из крепости на бой с литовскими людьми и бились с усердием, и милость Господня помогала им.

О ВТОРОМ БОЛЬШОМ ПРИСТУПЕ

Месяца мая в двадцать седьмой день опять в Сапегиных таборах и Лисовского был великий шум от многих труб и длился до полудня. С полудня же начали литовские люди подъезжать к крепости, осматривая стены и часто озираясь. Также начали они готовить места, где поставить свои пушки и пищали. И, гарцуя на лошадях, махали мечами своими в сторону крепости, как будто грозя. К вечеру

же много конных людей начало гарцевать со знаменами по всем полям Клементьевским. Потом и Сапега вышел со многими вооруженными полками и снова скрылся в своих таборах.

Оставшиеся же в троицком воинстве, видя как те коварно посматривают на крепость, уразумели их злой замысел, чреватый пролитием крови, и поняли, что быть приступу. И стали готовиться к бою. Было же их числом мало. И готовили они на стенах вар с нечистотами и припасали смолу, камни и прочее, что тогда годилось, и подошвенные бойницы очистили.

И когда уже настал вечер, окаянные литовские люди и русские изменники захотели хитростью подобраться к стенам крепости втайне, ползая, как змеи, по земле молча, таща приспособления для приступа: рубленые щиты, лестницы, туры и стенобитные орудия. Люди в крепости все, и мужчины и женщины, вышли на стены и, тоже затаившись, ожидали приступа.

И вдруг с Красной горы загремело из верхних огневых орудий. И тогда, закричав, все множество литовских людей и русских изменников устремилось на крепость со всех сторон с лестницами, щитами, турусами и иными стенобитными приспособлениями. И, заиграв во многие трубы, они начали приступ всеми силами, всякими способами и средствами. Думали ведь окаянные за один час захватить крепость, зная, что в крепости очень мало людей, да и те немощны, и потому всеми силами налегли на город.

Но подкрепляемое благодатью Божьей троицкое воинство билось с крепостных стен крепко и мужественно. Литовцы старались скорей взойти на крепость и придвинули щиты на колесах и множество лестниц и прилагали все усилия приставить их и взойти на стены. Христолюбивое же воинство и все люди в крепости не давали им придвинуть щиты и турусы и лестницы прислонять, стреляя из подошвенных бойниц из многих пушек и пищалей, коля в окна, меча камни и лия вар с нечистотами, и метали они, зажигая, серу и смолу, и известью засыпали скверные их глаза. И так бились всю ночь.

Архимандрит же Иоасаф со своим священным собором вошел в храм Пресвятой Троицы, молясь всещедрому в Троице славимому Богу, Пресвятой Богородице и великим чудотворцам Сергию и Никону об избавлении крепости и о помощи против врагов.

Когда же настал день, увидели окаянные, что не преуспели ни в чем, но только своих множество погубили, и начали с позором отступать от крепости. Осажденные же люди тут же отворили крепость, а некоторые со стен соскочили и устроили вылазку на оставшихся тут у стенобитных своих приспособлений литовских людей. Иные же во рвах бродили и не могли выйти. И таким образом многих тех побили, а живыми взяли панов и русских изменников тридцать человек. И повелели им жернова крутить, работая на братию и на все троицкое воинство вплоть до ухода врагов от города. И так милостью Пребезначальной Троицы, заступничеством Пречистой Богоматери и молитв ради великих чудотворцев Сергия и Никона побили тогда множество шедших на приступ людей; а турусы их, щиты, лестницы и прочие приспособления, взяв, внесли в крепость. Сами же все отошли здоровыми, победителями над врагами оказавшись.

О ЗАСТУПНИЧЕСТВЕ БОЖИЕМ: КАК ГОСПОДЬ УКРЕПИЛ НЕМОЩНЫХ ПРОТИВ СУПОСТАТОВ

По оскудении же всего воинского чина и когда еще от той злой болезни многие

умирали, озирались оставшиеся и не знали, что предпринять или что придумать против такого множества врагов, окруживших их: словно воду морскую видят они повсюду, разлившуюся вокруг Сергиева корабля. Надеясь же на доброго кормчего, на молитвы чудотворца, знали они, что его рука держит кормило, направляя оставшиеся души к спасению. И больше они «не надеялись на князя и на сынов человеческих, ибо в них не было спасения», и так далее. И уже самые простые берут оружие, как весла, и готовятся великие волны рассекать и выходят храбрых ратоборцев разрубать. Уразумели все чудотворца молитвы и попечение, и нагие уже не боялись доспехов свечения. И хотевшие дом Пресвятой Троицы горделиво низложить осадою всегда, обагряемые кровью, убегали от немощных, побеждаемые засадою. А ожидающие принять различные муки в руки свои взяли крепкие луки. И бывшие у жерновов на помоле ленивыми внезапно стали удалыми стрелками в противников. Не часто уже пробиваются к стенам носящие на головах шлемы, ибо смерти ищущие в глаза им бросаются, словно пчелы. К ранам сыновья беззаконных всегда чувствительны, но безжалостно жнут их серпы губительные.

Что много говорю? Настолько Бог расхрабрил оставшихся сидельцев троицких на противников, что не так противники боялись подходить к крепости и воевать с ним сначала, когда в крепости было множество всякого чина воинов и мужей-ратоборцев, как они боялись последних малых числом и сущих невежд. И как спас Господь Авраама и Гедеона и город Иерусалим от рук ассириян не силой, не броней, не крепостью стен, но мышцей своею, так и дом Пресвятого имени своего спас не крепкими, но немощными, не мудрыми, но простыми, не многими числом, но малейшими. Разгневавшись, слегка поразил, помиловав, много возлюбил, как впереди показано будет.

О ТРЕТЬЕМ БОЛЬШОМ ПРИСТУПЕ И ОБ ОБМАНЕ ТРОИЦКИХ СИДЕЛЬЦЕВ

Ждали сидевшие в Троицком Сергиевом монастыре князя Михаила Васильевича Скопина. И вот стало известно всем людям, что собрались вместе все, посланные от тушинского ложного царька, от Сапеги из-под Троицы и из иных городов многие поляки и русские изменники, и пошли против князя Михаила и против немецких людей. Но Бог мстил за кровь рабов своих, взывающих к нему день и ночь, и вот стер Господь силою своею бывших во всеоружии, и прозвенел об этом слух по всей России. И трезвыми и вооруженными поляки на постели спать ложатся и уже больше друзьям своим, русским изменникам, ни в чем не верят, и поделенные дома и имения оставляют, и всех плененных жен и девиц бросают, и в подарок их многие не принимают, но все к бою оружие очищают, готовясь зверски напитать его кровью. Они оставляют в городах для задержания воинства князя Михаила надежных быстрых бегунов, сами же, свирепейшие из всего войска, отлучаются, изыскивая, кто еще верен им из русских изменников, и с теми твердо решают, оставив прочие города, взять Троицкий монастырь: все пути к царствующему граду тем самым будут закрыты. Но смущает их то, что множество их погибло под Троицким Сергиевым монастырем.

Но что же творит лукавый? Он влагает мысль русским сынам из ближних городов и ею, безумные, прельстившись, советуясь, говорят: «Если пребудем с поляками, стоя против Москвы и против Троицкого монастыря, то поместья наши не будут разорены». О вражеский обман! Тленные имения сохраняя, нетленные души в вечные муки посылают; богатство лелея, головы свои не жалеют.

Так и присоединились к Збровскому полку, к тушинским литовским людям и к русским изменникам дворяне и дети боярские из многих городов. И так все они пришли под Троицкий Сергиев монастырь и показали множество избранной силы

своей, множеством богатства своего хвалились, играли на многих инструментах и посылали к обители чудотворца русских людей из простого народа с известием, научив их говорить, что немцев и русских людей они побили, а воевод захватили, а князь Михаил бил-де челом на всей воле панской. И Михаил Салтыков и Иван Грамотин вызывали из крепости для разговора троицких людей и говорили: «И Москва уже покорилась, и царь Василий с боярами у нас в руках». Также и дворяне с клятвой лгали в один голос с поляками и ни в чем не разноречили, говоря: «Не мы ли были с Федором Шереметьевым? А вот все мы здесь. И какая у вас надежда на понизовскую силу? Мы же узнали вечного своего государевича и потому верно ему служим. Царь Дмитрий Иванович послал нас перед собой. Так что если вы ему не покоритесь, то он сам следом за нами придет со всеми польскими и литовскими людьми, а также с князем Михаилом, с Федором Шереметьевым и со всеми русскими людьми; тогда уже челобитья вашего не примем». И иное многое, подъезжая, лгали, обманывая. Такой именно змеиной ложью обманув, они многие города погубили.

Милостью же Пресвятой Троицы не только умные, но и простые люди этого вовсе не слушали, но едиными устами все отвечали: «Господь с нами, и никого против нас! Хорошо вы и красиво лжете, да никто вам не верит. Для чего пришли, то и творите, а мы готовы с вами воевать. Если бы вы сказали нам, что князь Михаил под Тверью берега выровнял вашими телами и что птицы и звери насыщаются вашей мертвечиной, то мы бы легко поверили. А теперь, взяв оружие, пронзим сердца друг другу, разрубим друг друга пополам и рассечем на части. А кого во вратах небесных оправдает Господь, тот и есть творящий и говорящий правду».

Увидали злые враги, что троицкие сидельцы не ищут жизни, но смертного пиршества охотно желают, и тогда на второй день стали готовиться к приступу. Пан же Збровский, ругаясь и понося Сапегу, Лисовского и всех панов, говорил: «Что стбит бездельное ваше стояние около лукошка? Что стбит лукошко то взять да ворон передавить? Это вы творите нерадиво и еще хотите сборной чернью крепость взять». И они сами приготовились к приступу, а черных людей отослали от себя, кроме казаков Лисовского. И приняли решение напасть на сонных той же ночью, как пришел с боя с князем Михаилом Збровский, а с ним пришли Лев Плещеев и Федор Хрипунов. И говорят, что той ночью видели литовские люди, как с неба упала большая звезда посреди монастыря и рассыпались от нее по всему монастырю огненные искры.

Был же этот третий большой приступ июля в тридцать первый день, в канун Госпожина заговенья. В обители чудотворца оставалось тогда здоровых никак не больше двухсот человек. В ту же ночь, когда приготовились к приступу литовские люди и русские изменники, тогда в воздухе скакали будто огненные луны, и всю ночь сиял от небесных звезд свет великий, и, казалось, они падали на монастырь и вокруг монастыря. Троицкое же воинство и все православные христиане, мужчины и женщины, бились с врагом всю ночь не переставая, как и во время прежних приступов.

И еще было явление, подобное прежним, — такое прежде было многим начальникам кровопийц во сне, но те сочли их сонной ерундой. Теперь же вполне явственно, не во сне, но наяву показалась текущая река. Но в то время об этом ничего в обители чудотворца не знали, когда же прекратилось праведное наказание от Господа ранами и уже в покаянии пребывали, с клятвами именем Божиим истинно было засвидетельствовано следующее.

Поведал Андрей, называемый Болдырь, атаман казачий, с находившимися под ним казаками. Они, как для них обычно, готовились к приступу и залегли около

прудов, ожидая времени. И вот видят ясно, что течет очень быстрая река между ними и монастырем, в волнах же она несет поломанные большие колоды, бурелом, много бревен и большие деревья с корнями, причем со дна, как горы великие, поднимаются камни и песок. Бога свидетелем выставляли они тому, что видели двух старцев, украшенных сединами, как снегом, и кричавших громким голосом с крепостной стены всем, кто их видел: «Всем вам, бедным, так плыть! Что о себе не подумаете!» Мы друг другу шептали: «Что вам видится и слышится, братья?» И все в один голос друг другу говорили: «Это не привидение, но наяву мы видим грозную текущую реку, страшно ломающую деревья и бурелом и камни выворачивающую изо дна». И, говоря это, вместе все смотрели на старца. Зная же, что нет между нами и монастырем реки, нет и больших деревьев, начали все скорбеть, говоря: «Это знамение, что быть всем нам побитыми». И еще слышали голоса многих людей, говоривших в крепости: «Ложитесь спать: ведь нет ничего и не будет». И пока мы медлили в раздумье, не стало видно реки, и все было, как и прежде. И когда мы хотели бежать, тут внезапно пошли со всех сторон на приступ, и мы, как связанные и гонимые, пошли к смерти, не удержавшись, с прочими двинувшись. И слышали, что с крепости сначала дважды или всего трижды выстрелили, а за измену нашу вражью с нашей стороны оказалось много побитых, а неизвестно, кто их побил. И, стремглав вспять все нестройно метнувшись, с приступа того разбежались и впредь на приступы не продолжали ходить. На стене же крепостной убили одну женщину, а кроме нее никого не ранили.

Збровский же отборное воинство, многих вооруженных людей погубил. Видя его в слезах, Сапега и Лисовский со своими воинами посмеивались: «Чего ради не одолел ты лукошко? Постарайся еще, ты ведь такой храбрый, не посрами нас, пойди разори это лукошко, доставь вечную славу королевству польскому. Нам непривычны приступы, а ты — премудр, позаботься о себе и о нас».

А нас, некоторых из тех, кто видел это, оставил Господь для покаяния и для обличения самих себя. Среди них я, Андрей. Мы постоянно плакали, размышляя, как бы живыми не пожрала нас земля, и, улучив время, тайком убежали.

О ПОТЕРЕ НАДЕЖДЫ НА ПОМОЩЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКУЮ И О СКОРБИ ПОБИВАЕМЫХ ПРИ ЗАПАСЕ ДРОВ И ПРОЧЕГО НЕОБХОДИМОГО

Много бед и много напастей и льющуюся кровь постоянно видели мучившиеся в обители чудотворца, особенно же после этого последнего третьего приступа, при вылазках, и множество бывших в крепости людей было побито при добыче дров за крепостью, и в искушении оказываются сердца и разум нетерпеливых, и в неблагодарности уста они открывают и колеблют крепость твердо стоявших, и многие говорят такие строптивые и развращенные речи: «Вот уж сколько времени продолжается пролитие нашей крови, а еще какой будет конец этой беде? Что, если напрасно наше упование на царя Василия? Вот, день ото дня мы ждем помощи и выручки, но все обман. Уже ведь все российские города соблазнились и все к ворам перешли, и ниоткуда нет нам на помощь ратных воинств, ибо всем хватает забот о самих себе. А ну как станут головы наши пищей для мечей?»

И у многих руки сражаться перестали, а всегда у дров злые схватки бывали. Ибо выходили за обитель, чтобы дров добыть, а в город не возвращались без того, чтобы кровь не пролить. И мусор и хворост за кровь покупавшие и на них повседневную пищу разогревавшие, на мученические подвиги сильно себя возбуждали и друг друга этим побуждали. Где рублены бывали молодые дерева, там разрублены лежали храбрецов тела. И где срезаем бывал молодой прут,

лежал расклевываемый птицами человеческий труп. Невыгодным получался такой торг, ибо противников полк с оружием прискакивал горд. Когда шли они на страшную эту добычу дров, тогда готовился им вечный гроб.

Выходившие же и входившие, в воротах крепости встречая друг друга, всегда так говорили: «На что, брат, выменял проклятые эти дрова: на друга ли, на родителя, или на свою кровь?» И кого Господь пока прикрыл, те благодарили его, а кого суд постиг, те зло рычали. Ибо отец выходил, чтобы накормить своих жену и детей, брат — брата и сестер, также и дети — родителей своих. И разом, бывало, вносили дрова и человеческую голову. И, готовя пищу страшнейшей ценой, всякий, смотря на огонь, «ох-ох! — говорил, — о, отец мой, зачем ты меня родил: чтобы кровь твою съел я и выпил?» И матери вопили: «О, дети мои, это не пища варится, но я за вами следом к смерти готовлюсь!» Братья по братьям рыдали, говоря: «О, утроба матери нашей, почему не заключила ты нас, чтобы мы не ели друг друга!» Некоторые же им сурово возражали: «Не надо, братья, не скорбите: сегодня мы их потом и кровью напитались, а завтра оставшиеся нашими потом и кровью напитаются. Мы в этом не виноваты. Всесильный же осудит за это творящих нам зло».

И, пребывая в таком унынии, уже совсем они не надеялись, что выручит царь. И о том скорбели, что у врагов Божиих стража крепкая и весть к государю царю послать невозможно о больших преждеупомянутых приступах и об оскудении в крепости военными людьми.

О ЯВЛЕНИИ ЧУДОТВОРЦА СЕРГИЯ

Дивный в своих чудесах великий Сергий вновь явился пономарю Иринарху, говоря: «Скажи братии и всем ратным людям: почему скорбят из-за того, что нельзя послать в Москву вести? Я послал от себя в Москву в дом Пречистой Богородицы и ко всем московским чудотворцам, чтобы совершили молебное торжество, трех своих учеников: Михея, Варфоломея и Наума, — в третьем часу ночи. И воры и литовцы видели их. Почему же слуга не известил, что слышал от врагов, что они их видели? Ведь они сами о том, подойдя к монастырю, рассказали. А вы, выйдя из города, скажите врагам: „Видели вы старцев, так почему не схватили их? Вот придет от них над вами победа, да и в Москве всему городу станет о них известно”». Что и случилось.

Ибо видели в то время в Москве, как они пришли со множеством печеного хлеба на возах на Троицкое подворье в Богоявленский монастырь. И стали невидимы. Об этом дальше рассказано будет (...) а теперь оставим это, пусть речь идет о случившемся в осажденной обители чудотворца.

Воеводы и все воинство, услышав это от Иринарха, стали разузнавать, кто из литовских людей что слышал. И слуга Федор Чудинов рассказал все по порядку так: «Когда я стоял на страже, охраняя то, что мне было повелено, подошли близко сыновья вражьи и сказали, грозя: „На что вы надеялись, посылая трех монахов в Москву? Не прошли они нашу стражу; хоть два и убежали, но одного мы поймали”». Многие же этому не поверили.

Тогда на другой день воевода послал за город дворян и видных воинов к панам, чтобы разузнать о старцах. И не было согласия в речах панов, говоривших: «Послали-де вы в Москву трех монахов, под двумя лошади карие, а под третьим пестрая; и на стражу нашу наехали, а сторожа наши их перехватили и двух казнили, а третьего к царьку послали». Другие спорили между собою. «Не лгите, — говоря, — никого ведь не поймали». Слыша это, некоторые из православных, смеясь, им говорили: «А кто они по имени, которых вы связанными держите, и

каковы обликом, и что за вести сказали вам?» И, ругаясь, те путались в словах.

Воеводы же, посоветовавшись и попросив общей милости у Живоначальной Троицы, выйдя на вылазку ради того, чтобы разузнать истину о чуде, взяли в плен видного шляхтича и возвратились в крепость, не потерпев никакого вреда. И во время допроса и под пыткой пан сказал: «Поехали-де от вас к Москве три монаха и наехали на нашу стражу, а те за ними погнались, да не догнали. А то паны солгали, что поймали. Истинно вам говорю, что не поймали ни одного, лишь лошадей своих поморили. Под старцами же кони очень худые, но словно крылатые».

По этому поводу все с радостным сердцем воздали благодарность всеобщему Владыке, Богу, и угоднику его великому Сергию чудотворцу. А со временем, когда получили возможность, известили обо всем об этом посланием царя Василия.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О ТОМ ЖЕ

В тот же день вечером, когда разведали истину и узнали о приходе нетленных гонцов, некий немощный старец в больнице, слыша такие рассказы о чудесах великого Сергия чудотворца, размышлял, лежа на своей постели, попросту: «Что это за лошади, да и правда ли это?» Думая так, он повернулся к стене и вот слышит, что дверь в больницу ту отворилась, и слышит шаги идущих ног. Он не повернулся посмотреть, потому что много входило тогда в ту келью и выходило больных, и много бедных из мирских людей тут жило. Но слышит тот старец, что его зовут: «Повернись сюда, я тебе что-то скажу!» Старец же, не повернувшись к тому, ответил: «Говори, брат, что надо; я не могу повернуться, сам ведь знаешь, что я болен». Тот снова говорит ему: «Повернись, что ленишься!» А старец отказался: «Не хочу вредить себе, говори так». Ибо думал старец, что кто-то из той же кельи обращается к нему, потому и не хотел на него смотреть. И, помолчав, начал стоявший перед ним поносить его, говоря: «Что безумствуешь, старец, почему непокорен? В этом ли твое иночество? Разве нет у Бога милости, чтобы подать тебе здоровье вместо немощи?» Старец размышлял о поношении, думая про себя: «Кто это понапрасну ругает меня? Кого я оскорбил?» И решил повернуться, и, собравшись со всеми силами, двинулся, и вдруг встал на свои ноги здоровым. И узнал он чудотворца по образу, написанному на иконе. И сказал ему великий чудотворец Сергий: «Что сомневаешься? Воистину послал я своих учеников». А старец, простецом будучи, говорит: «А на чем послал, государь наш?» Преподобный же отвечает: «На трех слепых меринах, которых конюший Афанасий Ощерин из-за нехватки корма выгнал из монастыря в надолбы — на тех послал. Скажи всем об этом: не столько мне гнусен смрад блуда согрешающих мирян, сколько инок, не хранящий своего обета. Под стенами города моей обители всех пришедших врагов я истреблю, а нечисто и двулично живущих в этой обители погублю и причту к осквернившимся». И, сказав это, стал невидим.

Старец же понял, что он здоров, и, будучи охвачен сильным страхом, плакал до утрени из-за пререкания со святым. И сам пришел в церковь и передал всем слова чудотворца. И поискали повсюду тех слепых меринов и не нашли, и чтобы кто-нибудь видел их, — ни от кого не услышали. И уверились, что воистину было, как сказал святой Сергий чудотворец, и воздали все за это славу Господу Богу, творящему удивительное. А приход тех учеников святого не остался неведом в царствующем городе Москве. Но об этом, опять говорю, впереди слово покажет <...>.

О БОЕ С КНЯЗЕМ МИХАИЛОМ ПОЛЬСКИХ И ЛИТОВСКИХ ЛЮДЕЙ И РУССКИХ

ИЗМЕННИКОВ

Когда разрушитель браней князь Михаил приблизился к Колязину монастырю, противники, польские и литовские гетманы, полковники и ротмистры, каждый со своими полками, Александр Зборовский, Сапега, Лисовский и Иван Заруцкий, вновь пошли против князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского и против немцев Переяславской дорогой, месяца июля в пятый день на память преподобного отца Афанасия Афонского и преподобного отца нашего Сергия Радонежского чудотворца, в день обретения его честных мощей, во втором часу ночи. И пришли они на Волгу под Колязин монастырь в колязинское село Пирогово. Князь же Михаил Васильевич с благочестивым московским воинством и с Яковом Пунтосовым, с Велгорем и со многими немецкими людьми построил полки на Волге против них.

И послал князь Михаил воевод Семена Головина, князя Якова Борятинского, Григорья Волуева, Давида Жеребцова со многими людьми за Волгу на перевоз, к Николе чудотворцу в слободу, на речку Жабну, против литовских людей, чтобы их за ту речку не пропустить. Речка же та очень топкая и будто ржавая. Литовцы, увидев московских людей, тут же, как лютые звери, устремились на ловлю. Благодатью же Божией в том бою многих польских и литовских людей побили и поранили, а многие из них, в грязи завязнув, погибли, прочие же пустились бежать к большинству своих людей в село Пирогово. Воеводы же послали об этом весть к князю Михаилу, чтобы он скорее через реку переправился, что и было сделано.

Литовские же гетманы и их полковники со всеми полками своими устремились на русское воинство. И сошлись те и другие полки, и была жестокая сеча, и рубились на многих местах, сражаясь весь день. От ружейной пальбы, ломающихся копий, от воплей и криков людей того и другого войска и от треска оружия не слышно было друг друга, кто что говорит, и от клубящегося дыма едва было видно, кто с кем бьется. И, как звери рыча, жестоко рубились.

Солнце уже достигало запада, и воззвали все православные к Богу, умоляюще вопия от сердец своих: «Увидь, Владыка, кровь рабов твоих, без вины закалываемых! Также и ты, преподобный отец Макарий, помолись за нас Богу и помоги нам!» И уже когда приблизился вечер, услышал Господь молитвы рабов своих, и напал страх великий на врагов Божиих, и, ужасом великим охваченные, бросились они бежать. И побежали, топча друг друга, гонимые Божиим гневом. Русские же полки гнали литовских людей, посекая, до Рябова монастыря; и многих литовских людей побили и поранили, и видных панов много захватили живыми. И с великой победой, одолев врагов, с большой добычей возвратились под Колязин монастырь.

Польские же и литовские люди и русские изменники, как из-под Твери, так и из-под Колязина монастыря, по беспутью возвращаясь вспять и захотев окончательно разорить дом Пресвятой Троицы, повели на него жестокое нападение. Оставшиеся же в монастыре малые числом люди, друг друга поддерживая, боролись со врагами.

Потом из Сапегиных таборов в Троицкий Сергиев монастырь выехал пан Ян, а с ним четыре слуги и два человека русских, и те сказали, что под Колязиным монастырем князь Михаил литовских людей много побил и захватил.

В тот же день воеводы устроили вылазку из Троицкого Сергиева монастыря на речку Коншуру, на литовские бани, и у бань убили многих черкесов и казаков, и бани их сожгли, и шесть человек живыми взяли. И пленные сказали, что

литовских людей подлинно князь Михаил под Колязиным монастырем побил. За это люди благодарили Бога, и возрадовались, и в благой надежде утвердились, ожидая от Бога избавления, и с врагами стойко боролись.

О ХИТРОСТИ ПОЛЯКОВ И О ВЗЯТИИ ИХ СКОТА

Богоборцы же, польские и литовские люди, а также русские изменники, когда потерпели поражение от русских людей, а скорее от Бога, убегая из-под Колязина монастыря, пленили многие волости, села и деревни Ростовского, Дмитровского, Переяславского и Слободского уездов, и множество всякого скота награбили и, издеваясь над голодными в крепости находящимися людьми, сидевшими в осаде в обители чудотворца Сергия, выпускали большие стада по запрудной стороне по Красной горе и на Клементьевское поле и тем соблазняли осажденных людей сделать из крепости вылазку, чтобы те отъехали от стен. И так в течение многого времени выпускали они стада днем и ночью. Хитрые как лисы и как хищные волки, с сатанинским коварством замыслили они это против голодных сидельцев. Бог же не оставляет рабов своих, уповающих на него, и замысел их так и не осуществился.

Месяца августа в пятнадцатый день, как раз в светлый всемирный праздник Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, честного и славного ее Успения, из Сапегиных таборов, по прежней их злой хитрости, опять выпустили они свой скот в прежденазванное место. Троицкие же сидельцы, потихоньку выехав из крепости на конях Благовещенским оврагом, стражу литовскую побили и, захватив стада их, погнали к крепости. Пешие же люди, выйдя с Пивного двора, так и погнали скот в крепость, благодаря Бога и Пречистую Преблагословенную Владычицу Богородицу и великих чудотворцев Сергия и Никона за то, что здоровыми ушли от столь великого воинства литовских людей, не потерпев никакого вреда, будучи сами столь малочисленны. И вот что еще удивительно: когда скот погнали к монастырю, тогда тот скот сам быстро побежал к монастырю, никуда не сворачивая, и без всякой задержки вошел в крепость.

О ПРИХОДЕ В ОБИТЕЛЬ ДАВИДА ЖЕРЕБЦОВА СО МНОГИМИ ЛЮДЬМИ, О ПРОПИТАНИИ РАТНЫХ ПО МОЛИТВАМ ЧУДОТВОРЦА, ОБ УМНОЖЕНИИ МУКИ, СУХАРЕЙ И РЖИ, О БЛАГОДАРЕНИИ АРХИМАНДРИТА ИОАСАФА И О ЕГО НИЩЕЛЮБИИ И О ПОБЕГЕ САПЕГИ И ЛИСОВСКОГО СО ВСЕМИ ИХ ЛЮДЬМИ

Услышали в Троицком Сергиевом монастыре, что князь Михаил изгнал из Переяславля литовцев и русских изменников, мостя пути трупами нечестивых вплоть до Александровской слободы и имея доброе намерение пути кровавые осушить. И архимандрит Иоасаф, иноки, воеводы и прочие сидельцы посылают к князю Михаилу Васильевичу от дома чудотворца, прося с молением о помощи, потому что оставшиеся люди изнемогли.

И послан был от князя Михаила воевода Давид Жеребцов, а с ним шестьсот мужей, отборных воинов, и триста им прислуживавших. По молитвам чудотворца, они прошли никем не задержанными, — ни дозорами, ни стражей не были они замечены, и налегке всех минули быстро.

Не имея с собой для пропитания ничего потребного, они испытывают нужду и, не заботясь о пропитании мучающихся в бедах, думают лишь о своей пользе. И берет Давид все хозяйство на себя и счетные записи монастырских запасов отнимает. Из рук старца Макария он взял в житницах двадцать четвертей ржи, двести четвертей сухарей, да в хлебне муки ржаной сорок четвертей, да овса семь тысяч семьсот семьдесят шесть четвертей. Конная мельница была тогда испорчена, и

лесу не было, и починить ее было нечем. Также и молоть было некому, ибо трудившиеся люди все перемерли, и мололи в день только по три осьмины ржи или овса, пекли же в день по четыре квашни, а в квашне — пять четвертей. И к тем хлебам каждый день брали на трапезу сухарей четвертей и по девять, и по десять, и по одиннадцать.

Архимандрит же Иоасаф как начал с самого начала, так и до этого времени заботился о бедных и нищих, и был он оком для слепых и ногой для хромых. Хоть и не своими руками и ногами он им служил, но всех всячески благодетельствовал и без слез не мог смотреть на плачущих, скорбя со вздыхающими, и всякий, что-либо просивший, с пустыми руками не уходил от него.

Оставшиеся же иноки, видя насилие ратных людей и попечение отца Иоасафа о бедных и нищих, как прежде из-за этого роптали на него, так и в то время и потом, приходя, ругали его в лицо. Боголюбивая же душа у всех прощения просила и тихими словами учила за все благодарить Господа. И сказал он: «Лучше нам умереть, нежели перестать жалеть сирот. Да и не допустит великий Сергий, чтобы мы от голода истаяли». Смотрите же все слушающие, сколь скор заступник уповающих на него, великий отец наш Сергий. Ведь этот Иоасаф был простым человеком, а не пророком и не сотворителем знамений, но уповал с верой и не посрамился, как та вдова, питавшая Фесвитянина, ибо поверила его слову, и не исчерпались малые пригоршни за три года и шесть месяцев. Ибо воистину «праведники и по смерти живы», как и сегодня на глазах у всех сделалось очевидным. Казалось ведь тогда оставшимся инокам, что пищи — лишь на одну седмицу дней, протянулось же время на тех малых остатках на восемьдесят четыре дня, с девятнадцатого октября по двенадцатый день января. Ибо в тот день Сапега и Лисовский от Троицы со всеми польскими и литовскими людьми побежали к Дмитрову.

О ПОМОЩИ ЧУДОТВОРЦА В РИСКОВАННЫХ ВЫЛАЗКАХ

Удивительно это всегда происходило с самого начала во время сидения в осаде в Троицком Сергиевом монастыре, еще до прихода Давида Жеребцова, когда люди выходили на бой с супостатами: если соберутся они и подготовятся с великим тщанием, то не всегда добром оканчивался выход; если же и с какой-то уверенностью выйдут, то и пагуба бывала. Похвальное же если что делалось, то не подготовкой, а крайней простотой. Удивления эти рассказы достойны.

Когда увидят они противников, где-нибудь стоящих и с уверенностью храбро действующих или близ стен беснующихся, то, удерживаемые воеводами, чтобы не погибали понапрасну, и не имея возможности выйти, друг на друга взглядывая, сердцами они терзались. И, придумывая каждый себе нужду и потребность, у приставленных над ними они отпрашивались: одни за травой, другие за водой, иные — дров добыть, иные коренья выкопать, кто веники нарезать, а кто и подальше отпрашивался — к колодцу чудотворца, воды для исцеления зачерпнуть. Поляки же, радуясь такой несогласованности, как псы на зайцев, отовсюду нападали. И начиналось кровопролитие во многих местах: ибо не по десять или двадцать, но по пять, по три и по два, порознь бродя, смерти они искали. Против же врагов, когда те подходили к ним, они вместе ополчались. И выходившие не ради чести оказывались достойными чести победителями. Благодаря защищающему нас Спасителю в таковом смирении никто никогда не погиб, но все до одного здоровыми возвращались в дом преподобного.

Давид же Жеребцов, когда пришел и увидел, сколь попросту поступают выходящие на вылазки, долго их бесчестив и отослав прочь, повелел не выходить с ним для боя. Будучи уверен в своем отборном воинстве, хорошо снарядившись,

выходит он переведаться с раздражающими. Столкнувшись же с супостатами и позорно одолеваемый ими, он убежал, вместо пота победителя слезами облившись. Снаряженный, беспорядочно убежал. По малом же времени, еще дыша рвением, выходит он, чтобы отомстить. Ему простецы сказали на пути: «Мы, государь боярин, прежде этого прося у чудотворца Сергия помощи, выходили с малым снаряжением, потому что не дают его нам, но как овцы выходили, пастух же наш сам о нас заботился и не губил нас никогда». Давид же, с гневом подняв глаза на говорящих, вышел к врагам на бой. Когда же завязался бой, замечают простецы, что у храброго и мудрого мужа нет удачи, но из-за его запрета не смеют подать ему помощь. Видя же, что порублены будут кедры в дубраве, и не дожидаясь гибели своей надежды, по своему простому обычаю, немощные бросились в бой и похитили мудрых от рук лукавых. Гордецы же с тех пор называют немощных и бедных не овцами, но львами, и не сиротами, но господами, и вместе с собой за трапезу их сажают. И бросают немецкую мудрость, и принимают покрываемых преподобным глупость. И, простыми став, забыли, как убегать, но привыкли славно врагов гонять.

О ПРИХОДЕ ГРИГОРИЯ ВОЛУЕВА

Месяца января в первый день, в четвертом часу ночи пришел из Александровской слободы от князя Михаила Васильевича в Троицкий Сергиев монастырь воевода Григорий Волуев, а с ним отборных воинов пятьсот храбрых мужей, и все с оружием. Они пришли переведаться с литовскими людьми и русскими изменниками и войско их смести. Когда же стало рассветать, соединившись с Давидом и с троицкими сидельцами, храбро выходят они из города и смело нападают на польские и литовские роты. И втоптали они их в Сапегины таборы, и станы их около таборов зажгли. И милостью Пребезначальной Троицы литовских людей многих они побили и пленными взяли. Сапега же и Лисовский со всеми своими полками вышли против них, и произошел между ними великий бой на Клементьевском поле, на Келареве пруде, на Волкуше и на Красной горе. И, долго бившись, многие с обеих сторон испили смертную чашу, но вдвое больше погибло из полка еретического. И разошлись те и другие. И, проведя тот день в обители чудотворца, выполнив приказанное им, присланные назад возвратились к князю Михаилу Васильевичу. На польских же и литовских людей и на русских изменников великий страх тогда напал, и они были в недоумении, как рассказывали оставшиеся.

О ПОБЕГЕ ГЕТМАНА САПЕГИ И ЛИСОВСКОГО

И января в двенадцатый день гетман Сапега и Лисовский со всеми польскими и литовскими людьми и с русскими изменниками побежали к Дмитрову, никем не гонимые, только десницей Божией. В таком они ужасе бежали, что и друг друга не ждали, и запасы свои бросали. И великое богатство многие после них на дорогах находили, — не из худших вещей, но из золота, и серебра, и дорогих одежд, и коней. Иные же, не в силах бежать, возвращались назад и, в лесах поскитавшись, приходили в обитель к чудотворцу, прося милости своим душам и рассказывая, что, дескать, «многие из нас видели два очень больших полка, гнавших нас до самого Дмитрова». Все этому удивлялись, так как от обители не было за ними никакой погони. В князя Михаила приходе уже отчаялись: моление обители к нему он презрел.

По отшествии же сынов беззаконных переждав восемь дней, посылают из обители чудотворца к царствующему граду, к государю, старца Макария Куровского со святой водой, января в двадцатый день. Все еще опасались в доме чудотворца врагов, и людей считали, и пригодное для их питания захотели

учесть. И еще нашли в хлебне муки четвертей с десять, также и сухарей четвертей с пятьдесят. Всех в изумление это чудо повергло: как из столь малых запасов на такое время продлилось преизобильство — и не только для людей, но и для скота. Ибо больше названного здесь числа оказались избытки: ведь тогда давали коням овса на все воинство по девяносто четвертей на день да монастырским и воеводским лошадям по десять четвертей на день; и кормили весь скот больше ста дней тем овсом. А когда разошлись все ратные из обители, еще и остатков того овса много осталось на потребу искушенным от Бога великими бедами. И когда князь Михаил, малое время помедлив, пришел из слободы в дом чудотворца со всем воинством, с русскими людьми и с немцами, то все воинство из тех же малых остатков брало довольствие, также и весь скот свой из житницы чудотворца достаточно питали. И по уходе его и всего воинства для многих пропитание осталось.

СЛОВО БЛАГОДАРСТВЕННОЕ ЗА ВСЕ СОТВОРЕННЫЕ ЧУДЕСА БОЖИИ, БЫВШИЕ В ОБИТЕЛИ ЧУДОТВОРЦА СЕРГИЯ ПО МОЛИТВАМ ЕГО. ТВОРЕНИЕ ТОГО ЖЕ КЕЛАРЯ ИНОКА АВРААМИЯ

Кто захочет счесть все звезды круга небесного и из воздуха капли дождя изливаемые, и по краю моря лежащий песок исчислить, никак не сможет, ибо это невозможно для человека, но одному только Богу по силам. Так же невозможно счесть чудеса великих светочей, дивного в чудесах преподобного и богоносного отца нашего Сергия чудотворца и ученика его Никона чудотворца. Сколько творит Бог через угодников своих предивных, превосходящих всякое слово и умом непостижимых чудес! Словно солнце простирает он повсюду лучи чудес — не только в обители их, но и в царствующем граде Москве и в окрестных российских землях, — везде прославил Бог угодников своих, и повсюду распространились их чудеса вплоть до внешних государств Греческой и Римской державы. Настолько ведь возлюбил его Бог и прославил, что невозможно рассказать о всегда бывающих чудесах или писанию их предать. Ибо на всяком месте в бедах, или в скорбях, или в узах и в плену, в изгнании, в кровопролитиях и во всяких тяжелых утеснениях и печалях, кто призовет с верой на помощь этого великого отца, тот ведь посрамленным никогда не уйдет и в надежде своей не ошибется. Иногда же и прежде просьбы святой находящихся в печалях опережает и неищущим его скорым помощником оказывается. Ибо он вечный друг Матери Слова Божия; не считавший тогда и ныне всех нас питает. Кто же я, окаянный и грехи нелегко исцеляемые носящий, чтобы захотеть, тьмой будучи, сосчитать простираемые солнцем лучи чудес? Но о чем должен, о том я и вопию непрестанно, моля заступника отчаявшихся.

О, освященная вершина, как спас ты из рук гордецов созданное потом твоим, так и меня всеокаянного спаси из гортани змея, ибо к тебе прибегаем, обновившему чудеса Евфимия Великого и Феодосия: дай мне слово, бессловесные дела творящему, научи меня восхвалять тебя, служащего предвечному Слову, словом все составившему! Благословен Господь Бог наш, осуществляющий через тебя дивное и неизреченное! Благословенно тело твое, преподобный Сергий, уверяющее в воскресении мертвых! Всехвально, благословенно и препрославлено имя Господа, давшего тебя зрячим для спасения от греха! Благословен Господь, тобою удерживающий влекомых ко греху и вкладывающий в мысль живого тебя пред очи всем зрящим! Благословен живший прежде бытия всего мироздания, неисчислимый сотней тысяч и тьмами тем лет, но вечно сущий, изволивший создать все, безначальный и бесконечный, прославивший тебя наравне с прежними великими святыми! Благословенны вы, господа Сергий и Никон, сохранившие дом свой от обступившего его сатаны!

Благословенна и ты, о Дева преблагословенная Мария, одно только это место сохранившая от меча еретического! Благословенна ты, чаша, покоящаяся в руке Создателя всех, в которую Бог налил вино нашего веселия, а мы его напились, несмешанного, неиспорченного, в двух естествах, Божьем и человеческом, незамутненного! Блаженна ты, зеркало надмирное, в котором увиден был Сын Божий! Блажен ты, источник запечатленный, изливший воду живую, которой разумные невещественные существа желают напиться! Блаженна ты, сокровище, которое в будущий век все будут вечно воспринимать! Блаженна ты, Царица, ибо рабы твои перелетают стены вышнего Иерусалима! Благословенна ты, Владычица, ибо тебе поклоняются со страхом все небесные силы! Блаженна утроба твоя, выносившая Свет, светлейший солнца в тысячи тысяч и тьмы тем раз! Благословенны руки твои, носившие Сотворившего словом море! Блаженна дверь печати девства твоего, через которую прошел единый Господь Бог наш! Благословенны очи твои, зрящие трисоставный свет! Блаженны уши твои, слышащие тайны, существующие прежде создания всей твари! Благословен ум твой, зрящий и нынешнюю изменяемую тварь, и иную, созидаемую, и самое тебя, царствующую со Взявшим пречистую плоть от тебя! Блаженны уста твои, беседующие с родившим из тебя Сына! Блаженно чрево твое безболезненное, через которое прошел наш всеобщий Свет, как и прежде рождения, так и при рождении, и после рождения оставшееся девственным! Благословен происшедший из плоти твоей совершенный человек, сущий Бог всего! Блаженны пути, проходящие в тебе, которых и надмирных разумы не постигнут! Блаженна ты, свиток Бога Отца, в котором он написал Слово свое для спасения верных! Благословенна красота твоя, которой Гавриил убоялся! Благословен ты, ключ, бездну щедрот изливший, в которых всего мира грехи погрузились! Блаженна ты, вера невидимых! Благословенна ты, надежда отчаявшихся в спасении! Блаженна ты, упование ненадеющихся вечных мук избежать! Благословенно ходатайство твое, непосрамляющееся и в день пришествия Христова! Блаженно заступничество твое, похищающее осужденных навеки! Благословен образ твой, изображенный, чтобы поклонялись мы, грешные, для спасения! Блаженна ты, недостижимая для ума: никому по достоинству не восхвалить тебя! Блаженна ты, которой служат небесные силы! Благословенна ты, по достоинству восхваленная Богом Отцом! Блаженна ты, украшенная Сыном Божиим! Благословенна ты, сокровенное Пресвятым Духом сокровище всех благ! Благословенно слово твое, сказанное преподобному: «Неотступна буду от обители твоей!» Блаженно сказанное тобою, ибо на деле ты это выполнила! Благословенна ты, Всесильная, ибо не допустила стать мерзости запустения на месте святом! Благословенна ты, Богородица, ибо благодаря твоим молитвам не увидели мы приношения мертвого хлеба вместо живого тела Христа Бога нашего!

Благословенны вы, богоносные отцы Сергий и Никон, ибо не зазвучали злочестивые догматы в творении болезненных трудов ваших! Блаженны вы, светила церковные, что не допустили еретикам разрушить стены дома вашего святого!

Блаженны и вы, скончавшиеся в доме чудотворца и имеющие смелость к нему обращаться! Помяните и нас, да и он помянет в святых своих молитвах перед Господом!

И, о преподобные и богоносные великие отцы Сергий и Никон чудотворцы! Это маленькое и плохое писание, вам приносимое, приняв, воздвигните, преподобные, свои руки к Всенепорочной Матери Слова Божия и, вместе припав к Владычице и к Богу, долготерпеливо помолитесь обо мне грешном и недостойном, как о некоем изверге, и обо всех, с верою вас почитающих и об этих

ваших к нам благодеяниях и чудотворениях с любовью читающих, чтобы он подал нам отпущение грехов и помиловал нас, недостойных милости, и я бы некоторое послабление получил в вечных мучениях, и да восхвалим мы вместе убивающего оружием уст своих непокорные ему народы, и да поклонимся Агнцу, закланному за нас, кровью которого мы отмылись от грехов. Ему слава вовеки да будет!

Житие архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия

Подготовка текста, перевод и комментарии О. А. Белобровой

ВСТУПЛЕНИЕ

В отличие от многочисленных анонимных сочинений агиографического жанра Житие Дионисия — произведение авторское. Оно было составлено между 1648—1654 г. Симоном Азарьиным и дополнено изначально ключарем Успенского собора Иваном Наседкой. Симон Азарьин (в миру Савва Леонтьев, сын Азарьин, по прозвищу Булат) происходил из служилого сословия. До пострижения в монахи (в 1624 г.) был слугой (доверенным лицом) княжны Ирины Мстиславской. Будучи постриженником Троице-Сергиева монастыря, Симон Азарьин провел первые шесть лет монашества в качестве келейника архимандрита Дионисия (1624—1630), затем служил казначеем патриарха Московского Филарета (1630—1631), был строителем приписного к Троице-Сергиеву Алатырского монастыря; в 1634 г. он становится казначеем, а с 1646 по 1653 г. келарем Троице-Сергиевой обители. При патриархе Никоне Симона Азарьина по неустановленной причине подвергли высылке в Кирилло-Белозерский монастырь (1656-1657). Последние годы жизни писатель провел в Троице-Сергиевой лавре (1657—1665), где и погребен. За свою жизнь Симон составил обширную библиотеку, переданную им монастырю (остававшиеся в его келье книги присоединены после смерти). Составом этой библиотеки занимались Н. М. Уварова (О составе библиотеки Симона Азарьина // Проблемы жанра и стиля в русской литературе. Сб. статей Моск. пед. ин-та. М., 1973. С. 28—32) и Е. Н. Клитина (Симон Азарьин. Новые данные по малоизученным источникам // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 298—312). Рукописные и печатные книги Симон Азарьин вкладывал и в монастырские библиотеки других обителей.

Сочетая обязанности административного и хозяйственного характера с занятиями книжно образованного человека, Симон Азарьин уже в 1640-е гг. работал над «Книгой о новоявленных чудесах Сергия Радонежского». При ее издании в Москве возникли трудности: печатники высказали недоверие к «чуду о кладезе»; только вмешательство царя Алексея Михайловича и патриарха Иосифа привело к выходу в свет в типографии Печатного двора в 1646 г. книги «Службы и Жития Сергия и Никона». Работу над чудесами Сергия Симон Азарьин продолжал и далее: к изданным 35 чудесам он добавил еще 40, написал и пространное предисловие к «Книге о... чудесах» (сохранилось в рукописях, опубликовано в XIX в.).

В 1640-е гг. Симон Азарьин приступил к написанию Жития архимандрита Дионисия (ум. в 1633 г.), к чему его склонил строитель Кожеозерского монастыря, автор Жития Никодима Кожеозерского Боголеп Львов (ум. в 1675 г.). Поскольку Симон Азарьин не был свидетелем последних трех лет жизни Дионисия, он обратился к Ивану Наседке и отослал ему в Москву свой труд

(«писания») для исправления и уточнения; посылал Симон Азарьин свои «писания» и Боголепу Львову. Из-за включения в текст Жития главок другого автора — Ивана Наседки — первоначально был нарушен хронологический порядок изложения событий (так в авторской редакции). В дальнейшем порядок следования глав был изменен при переписке Жития неизвестным редактором авторского текста; еще позднее, в краткой редакции, Житие было сокращено, изложение стало даваться без разбивки на главы, без заголовков. Житие Дионисия переписывалось вплоть до XIX в., оно сохранилось более чем в 20 списках. Редакции текста установлены Н. М. Уваровой (1. Редакции «Жития Дионисия»: К проблеме изучения литературной истории сочинений Симона Азарьина // Литература Древней Руси. Сб. тр. Моск. пед. ин-та. М., 1975. Вып. I .С. 71—89; 2. Симон Азарьин как писатель середины XVII века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975). В XIX в. текст Жития был издан по неустановленному списку в кн.: Канон преп. отцу нашему Дионисию, архимандриту Сергиевой лавры, Радонежскому чудотворцу, с присовокуплением жития его. М., 1808; тоже – М., 1816; М., 1817; М, 1824; М, 1834; М, 1855 (несколько глав отсутствует). При переписке Жития Дионисия в сборниках оно нередко сопровождается текстами патриотических грамот Смутного времени, грамотами царя Михаила Федоровича, патриаршими посланиями патриарха Гермогена; этот контекст показывает, что созданное в середине XVII в. литературное произведение относили к событиям Смутного времени.

Симон Азарьин не был профессиональным писателем, он описывал жизнь своего учителя и наставника, как было принято в середине XVII в, опираясь на свидетельства современников и «самовидцев», вспоминая различные обстоятельства, в частности воздавая должное мужеству и стойкости архимандрита Дионисия. Прежде всего сообщается о составлении и рассылке патриотических грамот по городам Московской Руси (причем подчеркнута ведущая роль Дионисия, а не Авраамия Палицына). Затем показана драматическая обстановка, сопровождавшая работу по «исправлению» богослужебных книг (книжную справу), которая привела к строгому церковному наказанию ее исполнителей. Наконец описывается восстановление Троице-Сергиева монастыря после его осады интервентами. При этом распорядительный и заботливый пастырь и здесь терпит оскорбления от невежественных иноков. И все заслуги Дионисия выстраиваются в ряд испытаний и чудес. Силой чудесного небесного покровительства со стороны Богоматери, Сергия Радонежского Дионисий благоустраивает Троицкую обитель, побеждает гордыню в невеждах и обидчиках. Заботами земных покровителей — московского царя и патриарха, а также иерусалимского патриарха Феофана — Дионисий оправдан и восстановлен на посту архимандрита. К тому же он удостаивается необычной награды — вселенский патриарх возлагает на его главу свой клобук. Еще при жизни он исцеляет больных, а в посмертных чудесах, являясь в видениях, облегчает участь многих. Описания монастырского быта, разговорная речь в многочисленных диалогах представляют незаурядный интерес для читателей. Симон Азарьин называет не только духовных лиц, в его повествовании фигурируют книгописцы, ремесленники, певчие, жители подмонастырных слобод, московские подьячие и дьяки и бывшие ратники. Представление о Дионисии Симон Азарьин передает как о местночтимом святом. Но в то же время он не забывает сообщить читателям своего сочинения, что считает важной заслугой Дионисия обращение к литературному наследию Максима Грека: «До сего же Дионисия в дому Сергия... мало любили Максима Грека». Таким образом, Житие Дионисия знакомит нас с целым пластом русской жизни, отражавшейся в одном из близких

Москве середины XVII в. монастырских центров — в Троице-Сергиевом монастыре.

Изложение событий в Житии Дионисия переносит читателя то в провинциальный город Старицу, то на книжный торг Москвы, то на небезопасные дороги, опасные грабежами и воровскими людьми; монастырский быт сменяется характеристикой корыстолюбивых устремлений вотчинных землевладельцев. Получают отклик особенности певческой практики в Троице-Сергиевом монастыре — этот редкий материал привлечен А. И. Роговым в книге «Музыкальная эстетика России XI—XVIII веков» (М., 1973. С. 66—69). Диапазон описываемых сторон жизни велик — он охватывает богословские споры и торжества в честь приезда вселенского патриарха, переписку книг и составление грамот, выполнение треб и человеческое общение.

В настоящем издании текст Жития публикуется по списку конца XVII — начала XVIII в. *РНБ,* собр. Погодина, № 712; с дополнениями по списку *ГИМ,* Синод. собр., № 416 (считать этот список автографом не приходится, так как он переписан почерками трех профессиональных писцов, но дополнен правкой скорее всего Симона Азарьина. См.: Клосс Б. М. Симон Азарьин: Сочинения и автографы // Сергиево-посадский музей-заповедник. Сообщения. М., 1995. С. 49—56). Положенный в основу издания погодинский список был переписан с экземпляра с перепутанными листами, в нем имеется ряд пропусков, восполненных нами по Синодальному списку. Погодинский список был, возможно, парадным или подносным: он украшен редкой миниатюрой с изображением Дионисия.

ОРИГИНАЛ

ЖИТИЕ И ПОДВИЗИ ПРЕПОДОБНАГО ОТЦА НАШЕГО АРХИМАРИТА ДИОНИСИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Многа убо понуждения и тщателства имѣхъ прежде о семъ преподобнемъ и благочестивом муже, о немже ми повелѣлъ еси благородию своему возвестити; но тогда не смѣхъ таковая дерзнути, добродѣтелное житие его писанию предати, яже слыша от устъ его и яже видехъ своима очима, зазирающу ми совести. Понеже самъ николико стопам его не послѣдовавъ и не поревновавъ житию его благочестивому; да некако в болшее осуждение вменитъ ми ся, яко инѣмъ повествуя и писаниемъ излагая, а самъ не прикасаяся дѣломъ его благим. Безсловесно бо есть инѣмъ повѣдати пищу, самому же гладомъ таяти; и студно есть инехъ напаяти, жаждою же самому растлѣватися. И в таковыхъ помыщлениихъ многа лѣта преидоша, бояся о сих дерзати, да не выше силы моея дѣло сие начинаемо будет, понеже тмою неразумия омрачаемъ есмь и глубиною недоумѣния погружаем. Мглою убо одержимаго ми мрака безгласна имѣхъ уста, словесней трубѣ затканне сущи, и нощь обыде мя разумнаго незрѣния, паче же глубина страстей воста на мя, и сердце мое колебашеся бурею противныхъ ми вѣтръ, и уныние грѣховное, яко люта зима, омрази душу мою, и вся помышления моя и чювства олядѣша, и незрителна быша к свѣту благоразумия. И паки многи беды мира сего и напасти люты постигоша мя за моя грѣхи, еще же и тягости ради казначѣйския службы преже, нынѣ же келарскаго ради строения; [1] истинну же аще рещи, — скудости ради ума моего, множаеже — слабости ради моего жития и лѣности, еже когда отторгнут есмь от сего преподобнаго

отчьския пазухи, постигоша мя вся злая, и удалихся от него,[2] яко на село злобы, далече отидохъ и вся суетная мира сего обидохъ и в сѣти искусителевы впадохъ. И пребыхъ бездѣленъ в размышлении. И доселе грубостию ума содержимъ, желанием убо побѣждаяся,[3] еже бы како и коим образом начати. Недостоинъство же мое возбраняше ми, и молчати запрещает ми. И аще оный премудрѣйший священноинокъ Епифаний,[4] списавый житие отца своего и учителя преподобнаго чюдотворца Сергия, и сумневаяся и глаголя сице: «Мню, — рече, — яко никтоже достоинъ есть, неочищенну имѣя мысль внутренняго человѣка, Божиих касатися». Тако же и мнѣ, многострастному, присно обуреваему волнении грѣховными и в мыслех нечистых пребывающу, мню, яко нѣсть ползы вѣтви духовныхъ плодовъ собирати, а грѣхи своя презирати, — доволно есть о своихъ гресѣхъ покаяния требовати, а не повести святых излагати. Но боюся да некако житие преподобнаго лѣностию моею и нерадѣнием яко глубиною забвения покрыется, и якоже ленивый онъ рабъ приемый талантъ и скрывый в земли,[5] прикупа имъ не сотвори, и мучения достоинъ бысть, от нѣкоихже преже на сие аще и понужаемъ бываше. Но нѣсть лѣпо мудрости молчати, а невѣжеству дерзати; якоже пишет, селянин невѣжеством о благочестии не имать извѣта, сице и аз грѣшный зазираемъ бяше совестию худоумия своего от премудрѣйших и хитрословесных мужей, иже преже мене, грѣшнаго, с нимъ поживших и преподобное житие его достовѣрно вѣдящимъ и во управлении божественныхъ догматъ спотрудившихся с нимъ и сострадателны ему по благочестии быша, — о нихже напреди явленно будет, — и аще тии не начаша о немъ написати, аз же, окаянный, кто бѣхъ, иже помыслити таковая; яко пес смрадный, от его богато дарованныя трапезы, яко падающими крупицами, питаемъ бывъ[6] и в кѣлии его мении всѣхъ под отческою паствою пожихъ. И сего ради медленъ бысть умъ мой к начинанию таковых.

Ныне же уповающу ми на всемогущую Троицу и на Пречистую Богородицу, и на преподобных чюдотворцов Сергия и Никона,[7] и на самого преподобнаго отца моего, наставника и учителя архимарита Дионисия, и на твои святые молитвы, а яко отъ тебѣ повелѣнъ быхъ,[8] боголѣпному ти лицу повинухся, яко послушникъ, безо всякого прекословия дерзнухъ грѣшною моею рукою написати, яже видѣхъ, и яже слышахъ от чесных его устъ, прочая же от инѣхъ, иже мнѣ повѣдаша преже мене в близости при немъ бывшии, и что много рещи, и вси во обители сей, иноцы же и мирстии, иже при животѣ его живущии, а инии и доныне пребываютъ, иже вѣдаютъ о его добродѣтелномъ и крѣпкомъ житии и о терпѣнии и злострадании его, по правде побарающа. Паче же и твоей боголюбивей души сего не не вѣдущи, но аще убо и мене понудилъ еси, но самъ болѣе мене вѣси, понеже и ты нѣкогда во святѣй обители сей пребылъ еси, навыкая желаемый ти путь иночества, егоже и потщался еси с любовию на ся возложити; аще и в пустыни начало иночеству восприял еси, но тщание твое и вѣра яже по Бозѣ вкоренилася в душу твою к преподобнымъ чюдотворцемъ Сергию и Никону, и к сему преподобному архимариту Дионисию любовь, яко тогда слухомъ токмо слышалъ еси о нем во обители сей, последи же в пустыни от преподобнаго инока Никодима, боголюбиваго пустынножителя,[9] истинно увѣрилъся еси о немъ, яко и твоя повѣсть свидѣтельствуетъ о семъ истинно. И ныне разгараетца блаженное твое сердце божественнымъ огнемъ, незабытною любовию, иже паки хощеши от мене слышати о семъ преподобнемъ мужи. Аз же, окаянный, аще и пребывах у него в кѣлии, но желѣзну душу имѣя и окамененно сердце, не вмещающее словес его, токмо словом повѣленное сотворяхъ, а в сердъцы моемъ, яко во утле сосуде, не удержавахуся повелѣния его. Ныне же аще и послах сие писанейце к твоей благолюбивей души, желаемое тобою, но вѣмъ, яко на осуждение души моей и всему моему худому и слабому житию на обличение, аще благоволиши прочести

сия и речеши ми: «Толика лѣта пребылъ еси у такова свята мужа и благочестие его инѣмъ повествуеши, то почто, рече, стопамъ его не послѣдуеши и самъ не таяжде твориши?» Сицева совесть побѣждает мя, и сердце трепещетъ, недоумѣнием мятущися: вопросившему ти, умолчати грѣха боюся, истинну же рещи — студ лице ми покрываетъ, зазирающу ми совести моей, якоже и прежде рѣхъ. Но обаче повинухся твоему боголюбезному изволению: яже в память ми приидоша и елико возмогохъ, то и писанию предахъ, не в мудрости словес и не в хитрости рѣчений. И в чесныя ти руки вручити повелѣхъ; и молю ти ся яже аще любо забытиемъ погрѣшихъ или недоумѣниемъ не исполнихъ, и ты самъ исправи; или аще инии памятнее мене возвѣстятъ ти, и ты во исполнение приведи, а в моемъ неисправлении не зазирай, забытие бо на всѣхъ человѣкъ хвалится; и в простоте писанных словес не удивися, яко во училищахъ философскихъ не бѣхъ, ниже грамматическия хитрости не навыкохъ.[10] Ты же, о, богомудре, аще восхощеши, о сих потрудитися, елико Святый Духъ наставит тя и любовь, яже по Бозѣ, ко святому привлечет тя. Яко аще бы не ты мя на сие наставил, не бых смѣлъ таковая дерзати и не надѣял бы же ся на твою множайшую любовь, яже ко преподобному, яко можеши и худая моя словеса удобрити любве ради святаго; и не помыслилъ бых поне ни начати двоих ради помышлении: дерзновения, паче же недоумѣния и ненавычения своего. Прочее же умолчю и на Бога уповаю и начало сице положу.

Глава 1. О рожении святаго

Сей убо преподобный отецъ нашъ архимаритъ Дионисий родися во граде Ржеве от отца нарицаемаго Феодора и матери Ульянѣи, имя же ему от святаго крещения предано Давидъ, на память преподобнаго отца Давида, иже в Селуни.[11] По времени же нѣкоемъ преселистася отецъ его с супругою своею во град нарицаемую Старицу, сего же отрока с собою имуще. Отецъ его старѣйшинство приемъ Ямския слободы строение. Добродѣтелное же житие отрока сего повѣдаша нам иноцы сея честныя обители — Гурей Ржевитинъ да Германъ книгописецъ Стариченин,[12] от них же, рекоша, и грамоте наученъ бысть; к сему же свидѣтельствоваше о немъ келейный его старецъ Сергий и слуга именемъ Никита Кучинъ[13] и прочии же с нимъ единоселницы быша, яко от младенства кротость велию имяше и смиренномудрие и простоту сердечною свыше человѣческого пребывания, не внимая дѣтскимъ играм и глумлениямъ, но страху Божию присно прилежа и учению усердно внимая, яко от самого Бога таковое смирѣние даровася ему; и ревность о добродѣтелех присно соблюдая в сердцы своем, вся, яже суть мира сего, ни во чтоже вменив, но добрыми дѣлы подвизаяся, тѣм хотя сподобитися Царствия Небѣсного сожитель, яко и отцу ево духовному, именем Григорию, дивитися многому смирению его и крѣпкому разуму. Прозрѣся о немъ внутреннима очима хотящую на немъ быти благодать Святаго Духа, и дѣтем своим со удивлением глаголя: «Зрите, — рече, — чада моя, сего сына моего духовнаго, сей нѣкогда намъ будетъ отецъ». И таковаго смирения его ради и кротости от своих сверстник поношаем бываше, укоры и досады многи приимаше, еще же и язвы от них на тѣле своем ношаше, якоже обычай есть буим дѣтем, играюще, глумляхуся, на благоразумного отрока наскакаху, кличь творяше, ово же длани своя согнувше бияху, пхающе, ово, свертни от портянинъ в рукахъ имуще, уязвляху святаго и пакости ему многи содевающи. Сей же беззлобивый отрок вся сия претерпевая со благодарением, яко ничесоже зла приемъ, отхождаше от нихъ, имя Господне присно во устѣх своих обношая и страхъ Божий в сердцы своем содержа, не хотя зла за зло воздати никомуже, житие свое все возложи на Творца своего и Спасителя Бога.

Егда же грамоте изучися и в совершенномъ возрасте бывъ, понуждениемъ

родителей своихъ, аще и не хотящу ему сочетатися браку, жену поятъ, именемъ Вассу, и двоимъ чадомъ родитель бысть, Василия и Козмы. И потомъ благочестия ради его сподобленъ бысть священству, служитель бывъ церкви Богоявления Господа нашего Исуса Христа Старицкого монастыря, в веси, Ильинское имянуемо, от града Старицы дванадесять поприщь отстоящей. В шестих же лѣтех сожителница его и с чады преселистася от мира сего ко оному вѣку. Сей же не приложи к тому много в мире пребывати, оставя домъ свой и пришедъ во град Старицу в Богородичный монастырь.[14] И бысть мних, подвизаяся о спасении своемъ, якоже от юности своея извыче.

Нѣкогда же прилучися ему быти на Москвѣ с прочими братиями для церковныя потребы. И изыде в торгъ, идѣже книги продаютъ. И ту нѣкто от ту сущих, взирая на его благолѣпный образ, удивляяся высотѣ возраста его, яко никтоже инъ таков, и благолѣпию лица его, и смутися в сердцы своемъ, помысливъ об нем лукавое, зря на юность тѣлѣси его, бѣ бо юнъ сый еще лѣты, и нѣкие нелѣпые глумныя глаголы изрече к нему, яже суть не токмо инокомъ, но и мирскимъ человѣкомъ нелѣпо слышати. Он же, слышавъ таковая, ничтоже смущенно на сердцы си приимъ, ниже озлобися сердце его к нему, но, воздохнув от всего сердца, слезами облияся. И глаголя к нему со смирениемъ многимъ и кротким сердцемъ: «Ей, брате, тако, якоже ты помыслил еси о мнѣ; и таков есмь аз грѣшный, якоже изреклъ еси. И Богъ тебѣ о мнѣ открыл; аще бы аз истинный инокъ былъ, не бых по торжищу по сему бродилъ и не скитал бы ся сице меже мирскими людми, но сидѣлъ бы во своей кѣлии. И прости меня Бога ради, грѣшного, яко безуменъ есмь». К сему же и ины умилны рѣчи изрече, яко удивитися всѣмъ ту предстоящимъ и во умиление приидоша, слышаще кроткие и сладостные глаголы его, и ползовашеся зѣло смирениемъ его. На глумника же того вси крикнуша, буимъ и невѣжею нарѣкающе его. Преподобный же паки рече к нимъ: «Ни, братие, азъ буй и невѣжа есмь. Той же яко от Бога посланъ, и глаголы его ко мнѣ вся праведни суть на утвержение мое, да не буду впредь по торжищу сему скитатися и пребуду в кѣлии своей». И отиде от нихъ. Той же глумотворецъ, познавъ грѣхъ дерзости своея, прииде и прощение вземъ о своей дерзости, и ползу многу от него приимъ.[15]

И по малех лѣтехъ бысть во обители Пресвятые Богородицы в Старицкомъ монастырѣ казначѣемъ, а потом, изволениемъ Святаго Духа, избранъ и освящен, посылается в тот же Старицкой монастырь во архимариты, и пребысть тамо мало болши дву лѣтъ, якоже самъ повѣда. Пребывающу же ему на Москвѣ, и велми любимъ бѣ святѣйшимъ Гермогеномъ патриархом Московскимъ и всеа Руси;[16] и часто с ним в церковных службах служаше, нимало не отлучаяся, якоже дивитися патриарху Гермогену многому разуму его и бодрости. Никогда бо от соборныя церкви не отлученъ бысть, добрым своим житием и смиренною кротостию всѣм образ бысть. Многихъ бо патриархъ прочих наказоваше, показуя на него: «Зрите, — рече, — на старицкого архимарита, како сподвизается, от соборныя церкви никогда не отлучаетца, такоже и на царских и на всемирных соборех всегда обретается».

В то убо время грѣхъ ради наших времяни мятежну настоящу, Московское государство въ осаде бысть: вор назвався царевичем Дмитреем Ивановичем Углецким,[17] от Москвы за 12 поприщъ стояше с польскими и литовскими людми и с рускими воры в Троицкой Сергиева монастыря вотчине, в селѣ Тушине, промышляюще и подвизающеся о градоемстве Московскаго государства. Прочия жъ грады вся и всю Рускую землю мало не всю одолѣша. И не токмо в простых, но и во многих княжеска и болярска чину шатость велия бысть в Московском государстве; и разделися весь миръ, паче же и от благородныхъ, надвое: братъ на

Москвѣ с царем Василием[18] въ осаде, а другий в Тушине с воромъ; еще же у мнозех; отецъ на Москвѣ, а сынъ в Тушинѣ. И тако сходящеся на битву по вся дни, сынъ противу отца и братъ противу брата. А на Москвѣ народи без ума мятущеся, собирающеся часто, и прихождаху на своего государя царя и великого князя Василия Ивановича всеа Русии, с великим шумом вопиюще нелѣпыми глаголы на помазанника Божия, несчастие глаголюще, хотяще посохъ царский от его царских рукъ исхитити и с царства свести.

Той же архимаритъ Дионисей всегда с патриархом на таковых соборехъ у царя Василия прилучашеся и во всем способствуя самодержцу и патриарху и народ увещевая со многими слезами и з захлипанием, яко мнозем дивитися сладкому его увѣщанию от Божественного Писания и слезам многим. Нѣкогда же угодники литовския, московския злодѣи, изведше святѣйшаго Гермогена, патриарха Московского и всеа Русии, на Лобное мѣсто,[19] и егда ведуще его, ругахуся ему всячески, биюще созади, а инии песокъ, и соръ, и смрад в лице и на главу ему мещуще. А инии за перси емлюще и трясаху злѣ его. Сей же Деонисей нимало в таковых бедах не отступивъ от патриарха, но вкупе вся с ним спострадая и всѣх смутившихся со слезами горкими, увѣщевая от божественных книгъ, да бы престали от таковаго злаго безчинства, якоже мнози о семъ самовидцы свидѣтельствуют, дивящеся многому дерзновению и разуму его; от инех же и писанием известихся.

2. О архимаричествѣ его в Троицкомъ Сергиеве монастырѣ

По случаю жь нѣкоему ѣхавшу ему въ Ярославль нѣкоего вельможу погрести. В та же убо лѣта времяни многомятежну настоящу, якоже и прежеречеся, и по дорогам проѣздъ прискорбенъ бысть от воровских людей, и крови христианстей мнозей лиющеся, и грабежь велий проѣзжим бываше. Имя же тогда преподобнаго чюдотворца Сергия Радонежскаго вельми возвеличено бысть; и кто на проѣзде помянетъ того угодника Божия и скажетца Сергиевым, и не токмо его богоспасаемыя обители Святыя Единосущныя Троицы, но и протчии, иже токмо имя его помянувше, всии по дорогам пропущаеми от самых воровъ и убойцов, безо всякия пакости проѣзжаху в монастырь и из монастыря и всюду ѣздящим, идѣже хотяху. С тогоже подобия и сей архимарит Деонисей из Ярославля возвратився дорогою к Москве ѣдучи, умыслив со своими старцы и з слугами и иже с ним, положивъ совѣтъ, Богомъ наставляемъ, ничтоже вѣдая о себѣ царского и патриаршеского повелѣния, якоже нам напоследи сам сказа: «Аще, — рече, — поѣдем такъ дорогою просто, то ограбят нас воровские люди или побьютъ до смерти; аще ли учнем нарицатися именем чюдотворца Сергия, всяко спасени будемъ». И оттоле дорогою ѣдучи, называющеся именем преподобнаго чюдотворца Сергия, многи нужные страшные мѣста проезжающе, и никтоже нигдѣ никоея пакости содѣя.

И нѣкия дни проѣхавше, минувше путь немал, и еще не доѣхавшу обители Святыя Троица и преподобнаго чюдотворца Сергия, за нѣколико поприщъ встречает его Троицкого Сергиева монастыря слуга, и видев его, нача спрашивати от слугъ ево, коя власть ѣдетъ? Они же рекоша, якоже и прочим сказывающеся: «Троицкого, — рече, — Сергиева монастыря старецъ из сел ѣдетъ». Он же, зная своего монастыря старцевъ, отрече имъ и паки вторицею спросив; они же таяжде рекоша. Той же рече им: «Рците ми истинну, аще той есть Старицкого монастыря архимарит, егоже ради посланъ есмь от самодержца и от первосвятителя з грамотами?» И егда повѣдаша ему, яко той есть, вручаетъ ему грамоты. Он же, прочетъ, обрѣте в них царское повелѣние, и от святителя, спѣшно быти к Москве, а быти ему в Троицком монастыри в архимаритехъ. И облияся слезами, дивяся в себѣ судьбам Божиим, яко ни на мыслъ его о сем не взыде, яже уготова Богъ. И

самодержцу сия Богом изволися.

И бысть у самодержца, царя и великого князя Василия, и у святейшаго патриарха Гермогена, благословение прием, бысть в Троицком Сергиеве монастырѣ во архимаритехъ дватцать три лѣта и три мѣсеца, подвизаяся о спасении стада словесных овецъ, паствы своея; в молитвах и пощениихъ крѣпокъ бысть, ко братии же благоувѣтливъ и к досажающим терпеливъ, и к странным любителен, к нищим подателенъ, нелюбитель многому имѣнию, нестяжатель сребру и злату, ни власти желая поступити на большая, во всемъ послѣдуя благому обычаю самого преподобнаго чюдотворца Сергия, тщася усердно по стопам его ходити, егоже исперва возлюби, именемъ его от бѣд избавлятися.

А преподобный Сергей его возлюби, и во всем ему бысть помощникъ при его животѣ, и дарова ему путь спасения к вѣчному животу. И благонравия же его и безлобия многимъ повсюду вѣдомо, каков братолюбец и нищепитатель быв, яко никтоже от кѣлии его отходя тощъ, не прием подаяния блага от избытков его или, слова благоувѣтлива не прием, скорбенъ отходя, но радовахуся душею и сердцем веселящеся, дивляхуся беззлобивому обычаю его, яко николи яра слова не слышано бысть; но всѣхъ со утѣшениемъ наказываше ко спасению душевному кроткими словесы от Божественнаго Писания; к содевающим же нѣкая пристойная винамъ немедленъ бысть к наказанию. Милостивъ же бяше и скоръ к прощению, воспоминая божественнаго апостола Павла слово и Златаустаго Иванна, глаголя: «Аще, — рече, — аз свяжу на земли, Богъ уже к тому не свяжетъ».[20] Сего ради неумолимъ показовашеся к печалникомъ.

Мнѣ убо грѣшному пребывающу у него в кѣлии его шесть лѣтъ и прочихъ осмь братовъ, в кѣлии его сожительствующихъ, и николиже не видехомъ его гнѣвнымъ лицемъ и не слышавше что скорбно от устъ его. Аще же что кому повелитъ, глаголя ему: «Аще, — рече, — восхощеши, сотвори тако». Мнозем же от нас не познавшимъ доколе нрава его пречюднаго, от такова повелѣния ослабеваеми, на свое мѣсто отходяще, от неискусу мнѣвше, яко на воли ми дал есть, и не хотя повелѣннаго сотворити. Онъ же, видѣвъ таковая небрежения в братии, помолчавъ мало, кроткими глаголы пригласивъ к себѣ, и глаголя: «Время настоитъ, брате, повелѣнное содѣяти; иди и сотвори», — и тако всегда беззлобивыми усты наказываше.

А в кѣлии своей меж соборныхъ пѣний и келѣйнаго общаго правила пребывая во псалтырнемъ пѣнии и поклонехъ мнозех, такоже от Апостола и от Евангелия части прочиташе по вся дни, развее великая нужда в царские приходы или в пути. А правило его келѣйное пречюдно бысть, якоже самъ глаголя: «Кѣлия устава, — рече, — не имать». И молебновъ поя статьями, шесть или осмь и боле, не токмо, якоже по обычаю по вся дни, Исусовъ и акафистовъ канони, и своея обители чюдотворцевъ, и дневныя яже есть обычай глаголати, но и мнозем праздникомъ Господьским и Богородичным, и великимъ святым, еще же и Октай[21] на всю осмь гласов, и Минѣи мѣсечные[22] во весь годъ, и новымъ чюдотворцомъ службы выпевая всѣ, и Триоди обе,[23] яже в кое время настоить, все в кѣлии своей в вечернемъ пѣнии правила своего с каноны вмѣсте, не оставляя, выговариваше. И никтоже не мни того за сие, аще церкви отлучися есть и сего ради в кѣлии выпеваше, но якоже и преже рѣхъ, отнюдь от церкве не отлученъ бываше.

А сна его обычай бысть: за три часа до соборного благовѣсту и во время соборного утренняго благовѣсту приходя понамарь благословитися и приносяше в фонари огнь, той же благословяше его в дверех своихъ рукою, повелѣвая ему благовѣстити, а самъ, у понамаря огня приемъ, и поставляше свѣщу пред

образомъ Пречистые Богородицы, положа на себѣ меншую мантию, преклоняше колѣни до земли и исправляяся прямо на нозе, и в то время, доколе благовѣстятъ, исполняя по триста поклонов; развея в великия дни праздники поясныя поклоны творяше. И по исполнении утреннихъ поклоновъ, положивъ на себѣ монатью и клобукъ, нас, кѣлейную свою братию, возбужаше, сотворя молитву, глаголя: «Братия, время итти к заутрени». И самъ хождаше к церкви, провождающимъ его на то устроенымъ; и видевше его благовѣстницы, умолкнутъ от благовѣсту. Мы же, слышав гласъ его отческий, воспрянувше, поспеваемъ к церкви к началу, понеже обычай святаго в церкве: по совершении начала мало поседевъ, глаголя псаломъ «Помилуй мя, Боже»,[24] зжидаяся з братиею. И потомъ паки понамарь благословляется к полунощнице в доску бить;[25] и по ударении доски благословляетъ священника починати полунощницу. И тако всегда в церкве первый обрѣташесе и з братиею зжидашеся, образъ всѣмъ дая собою. Сия вся азъ, грѣшный, видевъ своима очима, понеже пребывая у него в кѣлии.

Не могу же и сего умолчати, не похвалы же ради, — яже о мнѣ грѣшнемъ содѣяся, да и хвалитися грѣховными болѣзньми неполѣзно есть, но паче похваляюся о милости Божии, яже молитвъ ради сего преподобнаго отца моего исцеление приемъ от нихъ. Грѣха бо ради моего нападоша на мя болѣзни зѣло тяжки; и во многихъ лекарствахъ у многихъ лекарей пребывах, и имѣния многа истощихъ, и ползы никоея не приемъ, но паче болѣзни моя превозмогаху всѣхъ лекарей. В тѣх же убо болѣзнехъ уже отчаявшу ми ся живота, умыслих милости просити у чюдотворцовъ Сергия и Никона о неисцелныхъ болѣзнех; и прибегохъ к тѣма великома свѣтилома во обитель, к пастырю и учителю, к сему преподобному архимариту Деонисию. И вся сия возвестихъ ему яже о себѣ и о своемъ слабомъ житии грѣшномъ и о болѣзнех неисцелных. Той же яко присный отецъ, поболѣзновавъ о мнѣ и не токмо погнушався мною, грѣшнымъ, но и в кѣлии своей сожителствовати мнѣ у себя повелѣ и яко истинный врачь душевный обрѣтеся моей худости. И глагола ми: «Возми от светилника моего масла», иже у него в кѣлии у налоя молитвеннаго. И помазати ми нарек телесная вреды, имиже болѣзную: «И будеши, — рече, — здравъ». Аз же яко от Божиихъ устъ сия глаголы восприем сотворивъ, якоже повелѣ ми, и оттоле молитвами его быхъ здравъ от таковыхъ болѣзней и доселе.

А ко оскорбляющимъ его братиямъ зѣло терпеливъ бысть, яко ничесоже слышав, умолчаваше, и отмщения ни в чемъ не сотворяше. Нѣкогда же по таковых многих досадахъ досадители, сами кои в беды впадаху, прибегающе к нему, яко и к присному отцу, исповѣдающе напасти своя прилучшаяся. Он же яко чада своя любезная утѣшаше их и со всяцемъ усердъствиемъ заступая от всея души, не поминая имъ прежняго к себѣ досаждения, якоже мы таковая видехомъ своима отчима. И бысть всѣмъ любимъ, беззлобия ради его, яко и самому благочестивому государю царю и благороднымъ велможам его зѣло любезенъ бысть благонравия ради его.

А о церковномъ строении велие прилежание имый, ово церкви воздвигая наново, иныя же после разорения обновляя; книги же и кадила, и кресты, сосуды, патрахѣли, ризы, стихари[26] и прочая утвари церковныя строяше и в церкви отдаяше. Но еще и в запасе у себя храняше многия утвари во украшение в церковные потребы; и егда гдѣ увѣдавъ оскудѣние церковных потребъ или хто мимо ѣхавъ возвѣститъ ему, той же, взем уготованная, с радостию неоскудно подаяше. Многия имый мастеры прехитры закормлены у себя, — иконописцы, и книгописцы, и сребросѣчцы, и швецы, — ово наново строяше, ово же ветхая обновляше от своихъ келейныхъ достатков своего уроку, яже от церкви ему уроки подаяхуся. К сему же и боголюбцы, вѣдая ево тщательство к строению и

попечению о нищихъ, приносяще ему неоскудную милостыню, не в образецъ прочимъ братиямъ. Он же, со благоговѣинъствомъ милостыню от нихъ приимая, не в пазусе свои сохраняя и не без вымыслу таковая изнуряя, но за приносящих милостыню в церковныхъ и кѣлейныхъ молитвах день и нощь Бога моляше о спасении душъ ихъ, тако же и родители ихъ поминая, — книжицу такову у себе в кѣлии имѣя, имяна ихъ писаны;[27] и в церковь ея с собою носяше, на Литоргии всю прочиташе. А милостынею не токмо скудныя церкви наделяя, но и самой той обители Святыя Единосущныя Троицы образы окладные обновляя ветхости ради, сребра своего прибавливая; такоже и сосуды церковныя наново от ветхости предѣлывая, сребро прикладывая, а иныя новыя коваше и по предѣлнымъ по всѣмъ церквамъ[28] поставляя, вмѣсто мѣднаго и оловяного сребреные по всѣмъ троицкимъ предѣлнымъ церквамъ строяше; такоже и в приписные монастыри,[29] яже суть под паствою Троицкого монастыря, прехитро вся устроивъ, Богомъ подвизаемъ. И таковаго благонравия его ради вси любляше его от благородныхъ князей и велможь и во всемъ строении спомогаху ему. Точию властолюбцы, иже с нимъ совладѣющии, премногою завистию надымахуся на него, не токмо способъствовати ему, но и многи пакости содеваху ему, не временемъ, но и *по* вся дни оскорбляюще душу его святую. Он же вся та ни во что вменяя, радуяся душею и веселяся сердцемъ, Бога присно в сердъцы своемъ имѣя. И тако и до кончины живота своего от такова обычая не оста, еже строити церкви, и всякою утварью церкви украшати, и нищихъ наделяти. Но и по смерти его крестов, кадил, сосудов церковных и к ризному дѣлу камокъ, тафтъ, дорогов, выбоекъ, крашанинъ, полотенъ[30] преизлишекъ осталося, — и в казну взято бысть, яже у него уготовано было к церковному строению.

Такоже и о чинѣх церковных, яже писано во уставехъ и в чиновных книгах апостольская и святых отецъ предания, — сия бодрым умом разсмотряя и со усердием вся исполняя, не хотя ничего от сихъ да бы небрежениемъ нѣкоимъ не исполнити; и уставщика и головщиковъ любезными глаголы увещевая и поиском всяким, пищею и питиемъ, утешая, повелевая имъ благодушным быти ко исправлению церковнаго пѣния.

Приложи же ему Богъ къ его благоразумию бодрость и силу свыше. Урядство же и благолѣпие лица его и возрастъ телесный, якоже никтоже ин в та лѣта обреташеся подобен ему: браду долгу имѣя и широку, досязающу до пупа; и власы брады его густы бяху. И таковъ любим бысть всѣми чистаго ради и благоутробнаго нрава. Яко толико во гроб положену ему быти, нѣцыи от иконописцов подобие лица его на бумаге начертаху.[31] Очи жь ему веселы имущу и в словесѣхъ утѣшителен, ко учению жь мужествен бысть и аще и с тихостию наказуя, но глаголя, никого не обинуяся; на крылосе же сам пояше[32] и статьи прочиташе; и глас его дивен бяше: вси же слышаще глас его поюща или чтуща, веселяхуся сердцы и радовахуся душами сладкому гласу его, удивляющеся, даръ убо имѣя от Бога, к зрѣнию умѣние. Внимающи же и силу словесем, чтомыхъ от него, любяше отца своего, словесы его утешающеся, аще и тихо слово от устъ испущая на чтении или ино слово повелительное глаголя, то и в задних углехъ и в притворех простирашеся глас его, и ничьихъ ушию не минуя, но вси явно глас его слышаху. Мнозем же праздникомъ службы великия, еже есть всеночныя пѣния, приложивъ при своем архимаричестве.[33] И благодарныя хлѣбы на всенощных, еще есть пять хлѣбов благословенных, то и в Сергиеве монастырѣ устави.[34] И на литѣях воскресных Богородичны догматы на осмь гласов, творение преподобнаго Иванна Дамаскина, купно со Амморѣевыми стихѣрами пѣти повелѣ,[35] преже бо его не бысть сего в Троицком Сергиеве монастырѣ. Такожь и прочая церковныя чины управляя по расмотрению, Богом наставляѣмъ, помощницу себѣ имѣя Пречистую Богородицу и преподобных

чюдотворцов Сергия и Никона, безпрестанно слезы по ланитома точаше, тѣхъ призывая себѣ на помощь.

Не мал же подвигъ его бысть молити Бога в заздравных молитвах за приносящих милостыню, и о преставльшихся помяновение. Велие бысть исправление и во время соборныя обѣдни: не бысть власти священником исходити в кѣлия, аще и в предѣльных храмѣх преже и литоргисаху порану, но к соборной обѣдне прихождаху, и, вси во олтарѣ по обѣма странама стояще под стеною в потрахѣляхъ, имена вкладчиковы о заздравии поминаху и родительские синодики прочитаху. И сице по вся дни строением сего трудолюбца вкладчиковы имена в заздравныхъ и в заупокойныхъ молитвах поминаеми биваху. Часто же и сам литоргисаше, и родительские памяти исправляше, и на гробы с кутиею сам всегда исхождаше и пояше узаконенное над ними пѣние; и не хотяше ни единого гроба именитых вкладчиковъ минути, не пропѣв обычных пѣний, овы днесь, овы же иногда. И сего ради медленъ показовашеся в служении церковномъ, яко и своими усты на просвиромисании многи имена вкладчиковы поминаше. Церковником же о сих зело тяжко вменяшесь, и многа сопротивления ему творяху и буими глаголы укоряху преподобнаго. Паче же от уставщиковъ и от головщика Логина[36] и от иных крылошанъ неизглаголанныя безчестия бываху от нихъ преподобному, о нихже нелѣпо есть писанию предати, удивляти же ся лѣпо есть сего преподобнаго благодушию и безмѣрному терпѣнию, яко вся тая поношения радостною душею приимая, благодаря Бога, яко чадолюбивый отецъ незлобивъ сый ко своим присным чадом, никогда не раздражая их, но присно увѣщевая их утѣшительными словесы от Божественного Писания, поучая и одолевая горделивых обычаем терпеливым.

Но обаче, аще и тяшко имъ вменяшеся подвиги и бодрость преподобнаго, но благонравия его ради и безгнѣвного обычая не отступаху от него, но и отвсюду стицахуся к нему во обитель. И при его архимаричестве много церковников бысть, иноковъ именитых, якоже и священников до 30, дияконов же иногда 15, а головщиков и крылошан на обѣихъ крылосах по 27 на крылосе, а иногда и болыпи бываху. И тако церковь цветяше при нем устроением и чины церковными.

Поутру же всегда сам братию созирая, со свещею ходя сам по мѣстам. Аще ли хто от братии немощи ради или небрежением не обреташеся в церкве, по тѣхъ посылая будилниковъ осмотрити, повелевая и наказываше всѣхъ с тихостию, благоразсудительно, незлобивымъ обычаемъ и неяростию; и аще кои пренемогаху, тѣм, яко истинный врачь обретаяся, всякъ промыслъ об нихъ сотворяя, душевне же и телесне, повелеваше упокоевати и попечение о нихъ имѣти приказываше на то устроенымъ, дондеже оздравѣютъ; а иже зѣльно изнемогаху, тѣхъ в болницу посылаше; сице печашеся о спасении душевномъ коегождо.

Также и звоны празднишныя зело изрядно при немъ бываху: в великия убо праздники, иже когда всенощныя пѣния бываху, с обѣихъ крылосовъ крылошане ходяще звонити, а в средние праздники полиелеосныя, и в меныпия празники, иже шестерѣчные службы поютъ,[37] то единого крылоса крылошаня ходяще звонити, иже на коем крылосе начальствуютъ. А мирских человѣкъ в то время на то устроеных не бѣаше, еже звонити въ язычныя колокола кромѣ иноковъ, токмо благовѣстъ в большей колокол мирскими человѣки благовѣствовашеся. Также и из чесных служеб старцы болыпие хождаху звонити с крылошаны, а в стыдъ себѣ того не вменяху. Часто же хождаше з братиею на полевые труды и на огороды сѣяти и садити и обилие плодов собирати во время свое межу церковными пѣнии. Зело бо трудолюбивъ бысть и востанлив и тщателенъ на всякое доброе дѣло. И на соборе росправных дѣлъ прилучашеся; и по его тщателству подаяше ему Богъ и

времена благополучны.

Аще же и продолжих слово о его подвизѣхъ и о трудолюбии, поминая его добрый нравъ и попечение о спасении душъ нашихъ, и паки невозможно есть умолкнути благоразумного его разсуждения на всякое дѣло благо. Аще и величающеся нѣцыи и гордящеся, на его благоутробную душу завистию подимающеся, якоже и преже реченно бысть, и честь всякую на себѣ преводяще, безстудиемъ своем волю у него отымающе и власть, юже Богъ дарова ему, и пакости многи дѣюща ему, не хотяще дати воли во благое устроение паствы его, но во всемъ противистася ему дияволимъ навѣтомъ.[38] К сему же многи ссоры от тых мятежниковъ творяхуся со окрестными людьми воокругъ троицких сел, и не токмо с простыми во градѣхъ и в селех, но и в государстве с великородными людьми, ово тяжущеся, денегъ, поклепав, напрасно доискивахуся, ово же вотчинных земель и християнъ тяглых неправдою и душевредием своим именем чюдотворца Сергия взимаху, позабывъ страхъ Божий и не вся тая во обитель чюдотворцову привозяху, но своим сродником паче села и деревни созидаху и християнъ за ними строяху же; именем чюдотворцовым тяжущеся, но свои руки наполняюще и сродниковъ своих наделяюще. Истинну жь рещи, и самого праведного государя самодержца на гнѣв велий воздвигнуша, и в городѣхъ посадцких людей емлюще государевых, в монастырские слободы сажающе на житие, мняще тѣмъ корысти приобрести, а монастырю от нихъ никоея прибыли не бысть, разве тяжбы и беды с посадцкими людьми и прочими. И сице испраздниша честь и славу преподобных чюдотворцов обители малодушием тѣм и корыстию своею. Архимариту же Деонисию зело тяжко сие бысть зря на таковое безстудное дѣло, и, многожды облиявся слезами, глаголя: «Тако ли нашимъ свѣтомъ чюдотворцомъ Сергию и Никону угодно есть, се ли наше иночество, еже таковая неправедная в домъ Божий приобрѣтати, еще же именемъ его тягатися, а дотягався, вземъ, своимъ сродникомъ отдавати?» Они жь не хотяще того ни слышати. Той же часто слезами обливаяся, пособити же не возможе, безстудие бо ихъ превозмогаше благонравнаго его обычая с помощию нѣкоторыхъ злохитрыхъ пособниковъ. Той же ничто ино глаголя, толико: «Воля Господня да будетъ, якоже восхощетъ, тако и сотворитъ».

Такова бо беда тогда умножися и безстрашие, яко и по дорогамъ от нашихъ монастырскихъ слугъ и крестьянъ проезжимъ людемъ нужно бываше, — овыхъ бьюще, овых же убивающе и грабяще; и недоволни сими быша, еже бити и грабити, но послѣди к тѣм же еще приставливающе и зазывные грамоты емлюще по нихъ, и записи повинныя по нихъ взимающе во многихъ деньгахъ. А иже приѣзжаху в монастырь к нимъ которые дѣти боярские, инии же и от великородныхъ слугъ своихъ присылаху з жалобою о обидахъ своихъ, и о бѣглых своихъ холопехъ, и о християнех, — тии жь имъ лестию грамоты управныя даяху, а напредь засылаху и холопей ихъ и крестиянъ в ыные села, и деревни превозяху. А иже з грамотами приѣзжаху со управными, тѣмъ дворы пусты показоваху, и путь ихъ натще бываше, к разорению ихъ, убытки сугубы[39] имъ содевахуся. И до конца обитель сию в послѣднее поношение введоша и в ненависть от всего народа Росийского государства, от велможь и от простых. И никтоже совершенно оттолѣ вѣру иметъ намъ в росправах и донынѣ за наше малодушие. Понеже бо не суть ото обители сея правящей путь росправный, но от иныхъ обителей приведени быша правды ради, но правда ихъ на шуий путь искривися, и не зжалишася о обители сей чюдотворца Сергия, яко чюжи суть; и не восхотѣша искренне присвоитися от всея душа, но сотворше токмо мятежь великъ, розъѣхашеся по своимъ обителемъ, прочии же и с нужею отведены быша послѣди, аще и не хотяще.

Архимариту же Дионисию болезненнымъ сердцемъ обличающу ихъ, но они не

слушаху его и в грѣхъ себѣ того не вмѣняху, но и сурово нападающе на него, хотяху и власти лишити, еже Богъ дарова ему стадо словесныхъ Христовыхъ овецъ пасти. Но всяку честь и власть на себя преводяще.

Но мы тако не глаголемъ, и якоже они буестию своею содеваху, но вся добро творящая, яже суть во обители сего молитвами и подвигомъ преподобного Дионисия благотворяхуся, и якоже видехомъ, сия и написахомъ, не лстивыми устнами глаголем о немъ и не затѣйнымъ обычаемъ. Аще и многи скорби и напасти той приимая от тѣхъ ненависниковъ своихъ, но подвигу своего николиже умаливъ до кончины живота своего, якоже начать, такоже и скончав, а за творящихъ ему пакости Бога моля день и нощь о прощении грѣховъ; и при его архимаричестве обитель сия молитвами его Богом снабдима бысть и изобилна всѣмъ и ни обидима же ни от когоже, якоже мнози во обители сей помняще сия, аще восхотятъ истинну рещи.

Егда же изволениемъ праведнаго Суда Божия преподобный архимаритъ Дионисей к вѣчным обителем преселися, и се вся уже не тако быша: мнози села и деревни и по градомъ слободы монастырские, старинные, чюдотворцовы, отъяты быша дерзости ради буести нашея. Денежныя же убытки, пошлины в промыслахъ монастырскихъ, имиже монастырь Сергиевъ довольства велия имѣ, и проѣзжие и невьѣзжие грамоты в чюдотворцовы вотчины — вся сия поружены быша, и исцомъ убытки по премногу платяху, ихже преже обидеша. И плодовъ изообилия умалишася, и конские падежи, и скотския умножахуся, и во всемъ скудость при прежнемъ бываетъ грѣхъ ради нашихъ. Такоже и обиды великия, и неблагополучныя случеи бываютъ. И клятвы, и многии укоры неудобь стерпимы постигоша нас, яко и уста наша не отверзающеся, чимъ отвѣщати. И сия вся начашася еще при нихъ при самѣх, и мнящеся тогда силни быти, а после его смерти, иже силнии тогда, изнемогоша, и пособити тому не возмогоша. У многихъ честь на себя тогда преимаху, а послѣ его и свою сущую честь на своих главахъ не возмогоша носить, но и з бещестиемъ и срамом от обители сея во иныи обители преселены быша, якоже и преже речеся. И тогда убо яко малыми пѣнези и алтынами или рублями прибыли монастырю мнящеся содѣвати, нынѣ же, за грѣхи наша, цѣлыми мѣхами и тысящами платити за тыя пѣнези и алтыны, и рубли не доспеваху. А в селах малыми бороздами и загонами земли пустыя прибыль малодушиемъ своимъ тогда чиняху, нынѣ же селами и деревнями живущими не можемъ исплатити.

Сия глаголя, не яко на свой монастырь посягая вины излагаю, но воспоминая наше малодушие тогдашнее, унеѣ бы намъ было тогда за малое неправедное не прикасатися, неже нынѣ студомъ и срамомъ сугубо десятерицею отдаяти. И сия вся глаголахъ, воспоминающе труды и болѣзни о томъ преподобнаго архимарита Дионисия, и подвиги по правде, разумно бо есть всѣмъ, яко молитвами сего преподобнаго архимарита Дионисия вся поспѣшествоваше тогда во благое правды его ради милостию Пресвятыя Троицы и заступлениемъ Пречистые Богородицы и великихъ чюдотворцов Сергия и Никона.

3. О устроении жития мирским человѣкомъ

Не хощу же и сего умолчати, яже благорасмотрително устроивъ при себѣ сей доброразсудный строитель: усмотривъ яко недобре мирстии слуги и служебницы пребываютъ, по уложению прежних властей, живуще около монастыря безженное житие, а воздержания и крѣпости телѣсныя и целомудрия не могуще сохранити, и в том порокъ житию ихъ и душевредие велие бысть, сей же преподобный зѣло о томъ поболѣзновавъ душею, (глаголя) от Божественнаго Писания: «Лутче, — рече, — женитися, нежели разждизатися».[40] И поговоря на соборе с келаремъ

и с казначѣемъ и с соборною братьею, прежний уставъ, еже быти без женъ, преложи, и повелѣша могущимъ целомудрено жити, а прочимъ всѣмъ поволиша женитися и домы своя имѣти по закону Божественнаго Писания.

4. О исцелении святаго глухому[41]

Нѣкогда же прилучися во обитель Святыя Троицы и к чюдотворцомъ приход самодержцев, якоже обычай есть на празники. И по исполнении вечерняго и утренняго пѣния и Литоргии самодержецъ бысть за столомъ и по обычаю царскому властемъ подачи подавая. В кѣлии же в архимаричье подачи царские приимая нѣкий слуга именемъ Иванъ Бабарыкин,[42] родомъ стариченинъ, архимариту же и прежь знаемъ сый и у него в кѣлии часто пребывая. Навѣтом же диаволимъ оболстився обоняниемъ тѣхъ ѣствъ, отрѣзывая помалу от всѣхъ подачь, наполнив блюдо, насытив утробу свою, не очютивъ в себѣ в то время никоея пакости. Егда же прииде архимаритъ в кѣлию свою, той же Иванъ Бабарыкинъ приемъ у него клобукъ и манатью. Приидоша же и гости к архимариту. И по обычаю архимаритъ гостемъ сѣсти повелѣваетъ, а Ивану Бабарыкину приказывает о потребных яже гостей ради. Он же на архимарита взирая, видитъ уста его, яко шепчюща и рукою указующа, и ничтоже ушима своими обрѣте себѣ слышаща. Архимарит же много попретивъ ему, дивися, не вѣдая ему наказания Божия за его дерзость, мнѣвъ пьянствомъ его обезумена, повелѣ ево в задние сѣни выслати; в него же мѣсто пригласивъ иново от входящихъ к нему.

Той же Иван Бабарыкинъ дивяся внезапной глухотѣ своей, подшедъ тихо к переднимъ сѣнемъ, приницая из заднихъ сѣней и уши свои прикладывая, хотя нѣчто слышати ото устъ праведнаго архимарита или гостей; и ничтоже слышавъ, токмо устнѣ движущеся видѣвъ. И познавъ в себѣ грѣхъ дерзости своея, зазирая в совести своей нескупость и благоутробие преподобнаго, всегда бо насыщенъ таковыми ѣствами у него со благословениемъ его, ныне же яко тать алченъ обрѣтеся, без благословения его дерзнувъ насытитися. И нача в себѣ каятися со слезами таковаго дерзновения. И егда гости изыдоша, тогда припаде к преподобныма ногама его, повѣдая грѣхъ свой, прося прощения. Преподобный же, много наказавъ, прости его. Он же во мнозем наказании ничтоже ино преже слышавъ, токмо се от устъ его, еже есть: «Богъ проститъ, к тому не дерзай таковая творити». И отиде от него радуяся. Сицеву повесть исповѣда мнѣ, недостойному, самъ преподобный отецъ архимаритъ, и последи и той Иванъ таяжде нам сказав о себѣ, благодаря Бога и преподобнаго сего архимарита Деонисия, яко молитвами его сподоблен бысть исцеления.

5. О правлении Потребниковъ, и о страдании его и прочихъ с ним, и о новоприкладной рѣчи, еже есть о «огни»

Изволением же благочестиваго царя государя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии повелеваетца печатати книги, глаголемыя Потребники. О исправлении же книгъ сих, с чево печатати, приказъ царской бысть сему преподобному архимариту Деонисию да старцомъ обители тоя Арсению Глухому, да Антонию Крылову, да черному дьякону Закхѣе, да священнику Ивану, имянуемому Насѣдке,[43] — в то бо время сему еще пребывающу под монастырем, в веси глаголемой Клеменьтьевой,[44] — и прочим, иже с ними. Изыскивающе по царскому повелѣнию, немалъ подвигъ показаша. Обретоша же в прежнихъ Служебниках печатных рѣчь нѣкую необычну и новоприкладну о «огни», — во освящении Богоявленския воды, в молитве, реченно бысть сице: «Освяти воду сию Духомъ Твоим Святым и огнемъ». А в старыхъ Потребникахъ харатейных и писменых[45] лѣтъ за двѣсти и болши таковые рѣчи, еже есть «огнемъ», не обретается. И многу изысканию бывшу, принесоша на доклад о сѣй

рѣчи и положиша перед Крутицкого митрополита Иону[46]* и прочихъ прилучившихся на Москвѣ властей: архимарита чюдовского Аврамия с товарыщи, мало могущих разсудити о изыскании сихъ. В то бо время, грѣх ради наших, на Москвѣ патриарху не сущу;[47] не у бѣ еще изволение праведных судеб Божиих кроволитию християнскому престати, но паче горшая беды и напасти православнымъ за грехи наша — нахожения бысть сопротивных польского королевича Владислава[48] и всеа рады ихъ, проливающе кровь християнскую, яко воду, приблизь стѣн града. Митрополитъ же и прочии московские власти завистию подъемьшися на святаго архимарита Дионисия и иже с нимъ; ничтоже разсудивше о семъ изыскании истинном, ни собору изволися о томъ собрану быти, — рекоша преложиша же въ ересь. И осудиша ихъ всѣхъ в заточение, ничтоже виновно имущих, токмо написаша из старыхъ переводов и принесоша на доклад, а не на раздор. Архимарита послаша в Кириловъ монастырь,[49] прочих же по иным обителем.

По нѣкоему жь строению Божию возвратиша с пути архимарита Дионисия к Москве, не возмогоша бо проѣхати поганых ради поляковъ, и послаша его в смирение к Спасу на Новой.[50] Сему же преподобному архимариту епитемию наложиша:[51] сверхъ обычных пѣний, по тысящи поклонов. По хотѣнию же хищниковъ и лихоимцов повелѣно бысть его мучити: 40 дней в дыму ставити на полатехъ поклоны класти. И подаде ему Богъ силу свыше, якоже мнѣ грѣшному сам сказа: наложенное ему правило и поклоны исправляя, всегда в мысли же своей глаголя, яко не свое, но повелѣнное ему должно бяше исправляти, но свыше повелѣнного за себя еще от своего усердия по тысящи поклонов исполняше. И паки еще повѣда мнѣ грѣшному: Бывшу ми, — рече, — тамо в кѣлии и по отпѣнии утрени идущимъ архимариту спаскому, и келарю, и братиямъ от церкви х кѣлиямъ своим и зрящим, яко ис тоя кѣлии, идѣже онъ пребывая, ис трубы дымъ бѣлъ и свѣтъ огненъ, яко на истоплее уже у каменных труб бывает, светяшеся зѣло. Власти жь тыя паславше спѣшно осмотрити, паче же и возбранити, яко без повѣления ихъ нагреваютъ. Посланнии же, осмотривша и ничтоже в печи обрѣтша, возвѣстиша властем; и удивляхуся о сихъ. Преподобный же увѣрився о сихъ, возрадовася душею, почая себѣ милости Божии. И вскоре потомъ свобоженъ бысть святейшимъ патриархомъ Филаретомъ.[52] А иже в Потребниках, еже он истинно изыска, еже есть приложено «и огнемъ» от слабоумных нѣкоих, и сей святейший Филаретъ, патриархъ Московский и всеа Русии, по свидѣтельству вселенскихъ патриархъ,[53] повелѣ впредь печатати, якоже архимарит Деонисеи с прочими старцы изыскав. А в тѣх Потребниках, которые печатали при крутицком митрополите Ионе, и в прежнихъ писменых в Потребниках и Служебниках новоприкладную рѣчь о «огни» вычернивати повелѣ,[54] и на поле против того описывати повелѣ впредь для памети и для вѣдома всѣмъ разумевающим истинну. Архимарита же Деонисия паки в Троицкой монастырь посылаетъ. Той же приѣхавъ в свой монастырь к чюдотворцем, подвиги к подвигомъ прикладывая, радовася душею и сердцем веселяся, яко сподобил ево Богъ за правду пострадати. И паки всѣми бысть любим, якоже и преже. Ненавистницы жь, иже клеветаше на святаго и въ ересь истинну прекладываше, посрамлени быша, и последи и сами то же восприяша и в заточении скончашася.[55] Свобождени же быша из заточения помощницы по правде старцы Арсеней Глухой с товарыщи, и поработавше на Печатном дворѣ у справы много лѣта.

6. О нѣкоемъ калугере, иже оболга святаго навѣтомъ дияволимъ

Паки же искони вѣчный врагъ, не хотя добра роду християнскому, въоружаетца на преподобнаго архимарита, и ины козни простираетъ, да бы чим от обители святаго Сергия отлучити. Входит в нѣкоего колугера, Рафаила именем,

[56] прислана суща под начало от первосвятителя, обложен веригами желѣзными за нѣкое безчинство и крамолу. И той, бѣсом наставляемъ, хотя избыти вериг тѣх, пришед к самому тому архимариту, повѣдаетъ за собою царево слово,[57] велитъ про себя вскоре возвестити самодержцу и первосвятителю, сокровенъ яд в сердцы своемъ ко святому имѣя, яко вѣдая на него от первосвятителя гнѣв содержаща по наносу от совладѣющихъ с нимъ нѣкоихъ властолюбцов. Той же, яко безлобивый агнецъ, ничтоже в совести своей имый зазорно, но зря ю в себѣ чисту и непорочну, вскоре восписуетъ о нем к самодержцу и к святейшему патриарху Филарету Московскому и всеа Русии. Немедленно же того калугера к Москве взимают, паче же и самого того преподобнаго призываютъ на свидѣтельство, глаголющая на праведнаго беззаконие и клевещуще на святаго неподобная. Его же и слышати вси не возхотѣша, вѣдающи чистоту его душевную. И вси от братии воскорбѣша, слышавше же клеветы на святаго, и вси свидѣтельствоваше праведное и чистое житие его. Клеветницы же прияша мзду своего беззакония, посылаются в заточения. Той же паки отпущаетца во обитель Живоначальные Троицы, бедами и напастьми искушенъ, яко злато во огни, благодаря Бога и Пречистую Богородицу и преподобныхъ чюдотворцов Сергия и Никона, спасших его от таковых напастей.

7. О терпѣнии святаго и страдание за отчину чюдотворца Сергия

И паки не умолкаетъ врагъ, видя себе побеждаема от святаго терпѣнием и злостраданьми, благодаряще Бога в частых напастех, яко ничтоже приемлюще, отдаяся на волю Божию, внимая глубочайшему смирению; многи сѣти разпростирает *на* многострадалную душу, паки велия пакости содѣваетъ преподобному. Иконом убо обители тоѣ, гордъ и властолюбив суще, мало страха Божия в сердцы его бяше.[58] Позавидев же врагъ, хотя пакость преподобному сотворити, да поне в ложь привлечет его. Сей иконом, имѣя у себѣ сродника, и просит у отца царева, святейшаго Филарета, патриарха Московского и всеа Русии, чюдотворцову Сергиеву отчину, назвав жилую пустым, на обмѣну своей купленой пустыя вотчины, токмо лѣс имуща велий. И по его прошению присылается ко архимариту от первосвятителя грамота, писана сице: «Будет таковая отчина, какову сказал в челобитье своем, ино сменити отчину Сергиеву на купленую ево пустошь». Архимарит же изыскав, яко старая чюдотворцова вотчина не пуста бяше, но многи жильцы имѣя и строение много имѣюща, и не хотя души же своей повредити, паче же и вся братия поскорбѣша о сей вещи, — архимариту же хотящу писати о сих к самодержцу и к первосвятителю. Той же подпадаетъ лестью к преподобному, приводя многи честны люди, моля его, да не пишетъ о том, и на гнѣв самодержца и святителя да не подвигнетъ. Он же, яко безлобивъ сый, не позна в нем лести сокровенныя, паче же повѣря предстателемъ иже за него, отлагаетъ писати о сих, утвердився в слове с нимъ, яко «приѣхав, — рече, — на Москвѣ вмѣсте о том докладъ учинимъ безо вражды», надѣяся твердости в слове, по своей души внимаючи.

Той же, бѣсомъ подстрекаемъ, позабывъ твердость слова и предстателей, ихже в правде пред нимъ представляше, изливает от сердца своего ядъ смертоносенъ, засылаетъ друзей своих и первосвятителю возвещаетъ на преподобнаго глаголы злосоставныи, яко царская повелѣния и святительская ни во что полагает, и прочия злѣ приложныя рѣчи; клеветами многими облыгая, хотя извергнути преподобного не токмо от обители, но подщася и без вести сего сотворити. Той же ничим инымъ возмогая, токмо на Бога упования имѣя.

И до толика безчестия той икономъ доведе сего мужа праведнаго, яко и в скаредно мѣсто и темно вверженъ бысть, и ту три дня в смраде пребысть никому невѣдомъ; толико жь терпеливъ и смиренномудръ, яко никтоже не увѣде от него,

кромѣ единого отца его духовного. По мнозем же прещении от первосвятителя паки возвращается в монастырь кчюдотворцемъ, благодаря Бога в таковых мнозехъ искушениихъ, яко ничтоже зло пострадавъ, радуяся душею, и от тыхъ властолюбцов и до смерти живота своего всегда укоры, и досады поношения, и оболгания безпрестани приимая, яко стрѣлами сердце его по вся дни избодаемо бываше, и глубочайшего ради его конечного смирения николи от нихъ язвено его сердце бываше; но всегда радостенъ лицем бываше, и очи веселы имѣющъ ко всякому, присно Бога помогающаго ему имый пред собою.

И той же иконом тайными грамотами оклеветая ложно сего преподобного архимарита Дионисия и многая неистовства приводя на нь небыль; потом же и сие солгалъ, яко промышляетъ в патриаршество взыти. И до толика дадеся ему безумствовати, яко за нѣкое сопрѣние на соборе при всей братии не усрамилъся чеснаго лица его бити его своею дланию по ланитома и з бесчестием в кѣлию его отослати, и четыре дни из кѣлии его не испущая, ни к пѣнию церковному не испущая; и вход и изход заповедан был — ни к нему в кѣлью, ни от него ис кельи никому не бысть. Сие же увѣдено бысть и благовѣрному государю царю, и его властию державною свобожденъ бысть сей отецъ Дионисей. И потом и во обители державному бывшу, и в лице пред всѣми людьми бывшу изысканию, отецъ же Дионисей вся закрыв собою, и всѣхъ себѣ доброхоты и добродѣюща показа, единого же себѣ винна во всемъ показуя; и царский гнѣв в милость претвори, и всѣхъ сущихъ с царем во удивление велие приведе. И к тому самодержец клевещущимъ и лжу сшивающим на него отнюдь не ятъ вѣры даже и до скончания его.

8. О Дорофее иноке и о крѣпком житии его

Повѣда мнѣ той же отецъ мой архимаритъ Дионисей о ученицѣ своем именем Дорофѣе, бывшаго у него в кѣлии, яко таково житие его крѣпко бысть, еже не отлучаяся соборнаго пѣния николи: и в церкве Никона чюдотворца понамарскую службу содержа, и потомъ паки на соборъ поспеваше, понеже и конархистъ великия церкве он же бысть, и книгохранительную службу исполняя, вся творя без отлучения. Сего ради многи укоры от братии приимая и не сопротивляяся конечнаго ради смирения; еще же и келейное правило содержа свыше человѣческия силы. Токмо самимъ Богом таковая сила даровася ему молитвъ ради преподобнаго сего; по вся дни псалтырь всю глаголаше, и по тысящи поклонов понуждахуся класти окромѣ общаго правила еже есть в кѣлии со архимаритом; еще же межи тѣмъ книгы писаше; и многи книги оставив по себѣ своея руки.[59] Сон же его зело малъ бысть, и на ребрахъ николиже почиваше, но седя на рукодѣлии своем дремаше; а пища его — мал кус хлѣба или толокна ложку и воды, и то не по вся дни; и толикимъ постом изнуривъ себя, яко и внутренним его вредитися, и пупу присохшу к хрепту.

Архимаритъ же узрѣ его зело изнурившася и едва увеща его хлѣба с квасом ясти. «Да некако от многаго неядения вредит ти ся, — рече, — крѣпость телесная, и безвременную смерть приимеши». И егда нача изнемогати тѣломъ той инокъ Дорофѣй, архимариту жь в то время готовящуся к самодержцу ѣхати; и уже хотящу ему ис кѣлия своея итти, став в сѣнях на молитве, хотя благословити братию, той же Дорофѣй немощенъ к нему изыде благословения ради, прося послѣднего прощения. «Уже, рече, время мое приходитъ, и смерть ближится». «О единомъ, — рече, — скорбно ми сердце, что отъезжаеши отсюду и от твоея преподобныя руки погребения не сподобляюся». Преподобный же глагола ему яко на глумъ з запрещением: «До моего, — рече, — приѣзду буди живъ и не сотвори того, еже смерть приняти, донеле же возвращуся от самодержца; и тогда умреши, и погребу тя, аще Господь изволит». Онъ же рече: «Воля Господня да

будетъ, якоже хощетъ, тако и сотворит».

Архимаритъ же, быв на Москвѣ у самодержца, паки возвращаетца во обитель Святые Троицы и к чюдотворцемъ; егда же вниде в сѣни кѣлия своея, глаголя молитвы обычныя, подая братии благословение, той же Дорофѣй паки изходит к нему о себѣ, конечно немощенъ, прося благословения от него, паче же и прощения. Он же, благословя его и простися с ним, иде в церковь, облачився в ризы, хотя пѣти молебенъ за царское многолѣтное здравие, якоже обычай содержитъ во обители Святыя Троицы и чюдотворцевъ Сергия и Никона на приѣзде властей. И преже неже начати ему молебен, возвестиша ему, яко отиде ко Господу инокъ Дорофѣй. Он же многи слезы на лице своем испустивъ, и по исполнении церковного пѣния погребе его со всѣм собором; и вси благодариша Бога, давшаго такову благодать просящим у него с вѣрою.

Многемъ же сие писание прочтено бысть, и не вѣдящимъ жития его усумневающимся и глаголющим: «Невмѣстно бысть человѣку в таковых подвизехъ». Аз же, убогий Симон, слышав сия и послах сие писание на Москву соборныя великия церкви х ключарю Ивану, зовому Насѣтке, самовидцу того Дорофѣева жития и собесѣднику, и спострадателю архимарита Дионисиеву житию, яже и преже о немъ явленно есть: той вкупе подвизаяся с ним о исправлении Потребников. Той же Иванъ прочет сие, и восписа ко мне сицѣ: «Азъ, многогрѣшный Иванъ, о сем Дорофѣе истинно вѣм, такъ было прямо, какъ здѣ написал еси, господине мой, ты же, отче честный, еще тогда у Живоначальные Троицы в монастырѣ не был еси. А что азъ, грѣшной, вѣдаю о сем же Дорофѣе старце, и то яз тебѣ здѣ явъственно пишу безо лжи, что своими глазы видал, такъ прямо у тебя писано. А сие, что не написано у тебя, и тебѣ, честнѣйшему господину, буди то вѣдомо, — язъ в кѣлье архимаричье многожды начевывал и писывал много дѣлъ духовныхъ и грамотъ ото властей для соединения земли; и про то вѣдаютъ Олексѣй Тихоновъ и иные подьячие.[60] А про того старца Дорофѣя крѣпкое святое житие достойно слышания сказывати. Язъ, грѣшникъ бѣдной, после разорения московскаго вскоре прибрел к дому Пресвятыя Троицы и того старца Дорофѣя за полтора года до смерти его застал, а видалъ его по вся дни болна; а не болѣзнию боленъ былъ, но болѣзнь ему была от поста презѣлново и от жажды великия; и ноги его опухли от стояния, от службы ввѣренныя ему. Да еще ему же архимаритъ Дионисий давалъ денегъ, да и платья на нужныхъ много и полотенецъ и платков. И онъ Дорофѣй то все по Дионисиеву приказу розносилъ болем всякимъ и раненымъ людемъ и от воровъ мученымъ различными муками. Да у архимарита же всегда ему приказъ былъ навещати болныхъ и мученыхъ или грабленых; и тотъ Дорофѣй не токмо по архимаричью велѣнью все прямо исполнялъ, наипаче и не сугубо, но и премножае исполняя Божия заповѣди, — всегда нощию все з болными, и с нагими, и с увѣчными бесѣдуя и архимариту все о всѣхъ возвѣщая и всѣм бѣднымъ и немощнымъ вся полезная и добрая творяше. И слышах то от братии его иноков, иже дѣлъ его стрегущихъ, и повѣдаша мнѣ с клятвами об немъ, о бѣдных труды различныя, а все в тайне творимое имъ. И многажды примѣтиша: ово дни три, иногда жь и четыре и боле отнюдь не ядши, ни пия; и стязующеся между собою и то глаголаху: „Уже пятый день мину, а иногда уже и седмый день мину, и не устрегохомъ его ни к сосуду какому прикоснувшася, ни позрѣвша на что, и от сего болѣзнь велию имѣя”. Нѣкогда же видех азъ, бѣдникъ, подсмѣхаема его при мнѣ от келѣйные его братии, и яко валяется и к стѣнамъ и к пѣчи. И в них же споръ бысть. И глаголаше, яко святъ мужь есть, иные жь — яко дуракъ есть. И аз, бѣдный, с ними же глумляхся. Отецъ же Дионисий возрѣ токмо на скаредство мое, и ничто ми не рекъ, но аз, клятый, внях себѣ о погляде томъ. И по времени улучихъ бесѣду духовную, и дойде даже и до слез; и азъ восхотѣхъ, да бы ми

увѣдати, что тот был взглядъ. Дионисий же отецъ рече ми: „Несть ти ползы в томъ, мирянинъ еси, знай себя". И аз, грѣшной, к тому не спросилъ болѣ десяти лѣт. И какъ взяли меня, грѣшнаго, к Москвѣ жить, и в приѣздъ архимарита у его святыни в духовной бесѣде сѣдехъ, и онъ меня спросилъ о нѣкоемъ дѣле, яже бѣдствоваше от иконома своего; и азъ его честности воспомянухъ отвѣтъ его ко мнѣ о Дорофѣе, отказъ, и разумѣхъ абие, яко оскорбися отецъ мой на мя; и поклонихся ему со слезами, прощения прося от него; он же мало осклабился и благословил мя рукою и рече ми: „Скажу ти се, но послушай мя, не вопрошай к тому иноков о дѣлехъ иноческих, и вамъ бо, миряномъ, и намъ, инокомъ, велия беда открывати тайны; есть бо писано о томъ: «Яже в тайнѣ творитъ десница, сего не вѣдети шуйцы»".[61] И умолчахъ. И азъ, грѣшникъ, всяко понудихся, дабы мнѣ извѣдати, что ради оскорбляетъ мя. И видѣвъ мя стужающа ему, и начахъ меня учити сице: „Вы, миряне, что услышите о черньцехъ нелѣпо, и вы осужаете ихъ и укоряете, и то вамъ грѣх есть; а что услышите добро и полезно, и тому не ревнуете, но токмо хвалите того, и вашея ради хвалы злѣе бѣси належатъ на насъ или в величание и в гордость ввести нас или прикрыватися нам, да не вѣдомо дѣло наше будетъ вам; и тѣмъ в лѣность и во всяко небрежение введетъ нас дияволъ; и лутче намъ есть, да никтоже вѣсть нас, и дияволъ да не тяжчае ратует нас".

И азъ грѣшникъ, рекох ему: „Азъ, государь, не о вашемъ житии хочю вѣдати, но о себѣ: что ты разумѣлъ о моем безумъстве, и взглянул на меня". Он же рече ми: „Не гнѣвайся, свята мужа вы просмехали, и вамъ всѣмъ грѣхъ то есть, что не по-вашему жилъ онъ и всегда постомъ себя морил; мнѣ вѣдомо о немъ — не токмо онъ седмицу не ѣдал, но часто и девять и десять дней ни ложки воды не пивалъ, а в службахъ во всѣх по заповѣди нашей ходилъ и нагъ, и босъ, и голоденъ, и озябъ, да еще не умываючися, — ни лица, ни рукъ, по указу. И какъ ходилъ кругомъ болных, да тотъ смрад и гной и на руках и на свитке своей не омывъ, и тѣмъ утиралъ и очи и уста свои. А юн сый и всегда помышленьми блудными злѣ мучим былъ. И того ради и алчбою или жаждою по вся часы крѣпце сопротивъ мысленных враговъ ратовался, а умовение и лицу, и очима, и персем, и дланем всегда слезы изливая, и тѣмъ умываяся, и на своя дѣла добрая отхождаше. И мнѣ смѣхотворение то от васъ болѣзнено стало тогда"».

9. О нѣкоемъ иноке и о друземъ мирянине, яко оболганиемъ хотѣста искусити преподобнаго

Нѣкто от дворянъ мимо ѣхавъ, имя ему Сулменъ Зиновьевъ, приступи к архимариту, прося к себѣ на подворие нѣкоего инока знаема себѣ, именемъ Антония Корсакова.[62]Той же неумолимъ ему показася нетвердаго ради жития старца того. Они жь купно согласившеся, паки приидоша к нему, лестию лжуще, рекоша: «Нужно, — рече, — дѣло есть проститися с мертвецемъ, егоже мимо возяще, и намъ есть свой». Архимаритъ же много наказуя старца. Они же вся та презрѣвше в глумъ вменяху; идоша глумляхуся, яко бы умудриша над архимаритомъ. И во многемъ питии вина обезумишася, убиша тамъ монастырского слугу именемъ Томила Яганова[63] до смерти. И приведени быша с мертвецемъ, егоже преже нарекоша своимъ, понеже своима рукама убиша его. Сице лести своея и преслушания мзду восприяша.

10. О преставлении преподобнаго архимарита Дионисия

Егда же приспѣ время преставления сего преподобнаго отца нашего архимарита Дионисия, от здѣшнаго вѣка во онъ преселитися, — повѣдаша тии, иже при его смерти прилучишася, — и тогда никако от церкве не отлучаяся, якоже преже обыклъ, уже зѣло немощенъ сый. Наканоне смерти своея обѣдню служаше самъ, и

к вечерне, и к заутрени, и к обѣдне и в самый той день исходя, не хотя убавити подвигу своего. Того же дни, егда в вечернее время приспѣ, в самый благовѣстъ, воставъ, наложи на себя клобукъ и монатью, хотяше итти в церковъ. Братия же, иже ту, не дающе ему изыти ис кѣлии его, мняху бо яко пот от лица его изходитъ. Он же, зря себѣ конечно уже изнемогаема, прося схимы; нѣцыи же не дающе ему воли схимитися, опасающеся первосвятителя. И вскоре послаша доложити з грамотами, и того же часа видѣвше его изнемогающа и желающа схимления. Приступивше священницы и диакони начаша схимити, ему же стоящу едва от болѣзни изнемогая. И еще не довершившу нѣкоихъ молитвъ, сѣдъ на постели своей, нѣкиихъ от братии благословивъ рукою и прекрестивъ лице свое, возлеже на своемъ одрѣ, очи свои смеживъ и руцѣ свои самъ на перси положивъ, душу свою в руцѣ Господеви предаде, многъ плачь и сѣтование братии остави по себѣ. Святѣйший же патриархъ Филаретъ повелѣваетъ тѣло его к Москвѣ привести; и отпѣвъ надгробная, привезоша его в монастырь, в немже поработавъ. И погребенъ бысть в лѣто 7141 году маия въ 10 день.

11. О проречении святаго иерею Феодору о смерти его явлением его

В то же время Служни слободы[64] священникъ именемъ Феодоръ, егоже любяше преподобный, благонравия его ради, к сему же и в присвоении ему бяше. И той, слышавъ, яко архимарит изнемогаетъ, бежавъ к нему спѣшно, хотя послѣднее прощение приняти, и не успѣ, — уже бо душу свою Господеви предаде. Плакавъ же неутѣшно отлучения своего, еже не приключися ту, изыде в домъ свой плача же и рыдая. По том же видитъ во снѣ архимарита, о немже присно скорбяше. Видѣние же сицево бяше: слышитъ паки сказующихъ ему архимаричье преставление, якоже и преже, онъ же яко наяве спѣшно грядый, хотя желаемое от него благословение и послѣднее прощение восприяти, и пред нимъ представъ, видитъ множемъ благословение рукою подавающа. Он же между протчими подходя и главу свою наклоняя к благословению, и ничтоже получивъ, паки наклоняя пред нимъ главу свою, требуя благословения. Той же рече ему тихо: «Почто нудишися, тии благословения просятъ, здѣ остаются, ты же, — рече, — и самъ вскоре за мною будеши, протчее же не стужай ми». Он же, возбнув, ужасен бысть, и в себѣ быв, сказавъ видѣние нѣким от ближних своих, и по осми днех и той ко Господу отоиде.

12. О видѣнии святаго священноиноку Перфилию

Бысть же во обители Святыя Живоначальные Троицы и преподобных чюдотворцов Сергия и Никона священноинок, бывый преже архимаритъ в Володимере в Рожественном монастырѣ, именемъ Перфилей,[65] постриженикъ же и ученикъ сея честныя обители; и сожитель бысть преже единыя кѣлии преподобнаго архимарита Дионисия, во всемъ подражая того жития чистым сердцем. И той, видѣвъ преставление его, немало оскорбися разлучения его, воспоминая нелицемѣрную любовь его к себѣ, паче же видевъ яже по Бозѣ подвиги и многотерпеливое беззлобивое изволение жития его, еще же и не у дозрѣлу сущу в старости изволение праведныхъ судебъ Божиихъ преставити от здѣшняго вѣка к вѣчному оному покою, не могий удержатися от слез, но присно памятуя о немъ незабытно в сердцы своемъ, поминая многострадальное его терпѣние, многажды бо к самодержцу оболганъ, паче же к первосвятителю озлословен, ово в заточении, якоже и преже речеся, ово в опитемиях, — ничтоже злаго сотворше, но паче правды ради вся страдаше, еще же и от своих совладѣющих частыя оболгания и укоры и поносы восприят.

Сия вся собра во умѣ си, прося у Всемогущаго милости явити ему о сем, аще восприятъ мзду своего многострадателнаго терпѣния же и подвигу. И в таковѣ

мысли пребывающу ему на долзе времени, Владыку Христа многожды молитъ открыти ему о семъ, яко то и самъ сказа мнѣ, грѣшному. И по множемъ молении видитъ во снѣ по прежнему подобию желаемаго ему архимарита Дионисия, седяща. Он же радостенъ бысть и припаде к нему, яко же мнѣвшу ему наяве, живу сущу; тая жь, помнившу якоже уже к Богу отшедша, и главу свою к нему наклоняя, прося благословения, и со слезами радостными глаголя ему: «Господине мой, архимаритъ Дионисей, повѣждь ми, аще обрелъ еси благодать от Вседающаго за таковое многострадателство и крѣпкия подвиги?». Он же яко наявѣ благословляше его, рукою осеняя, и глаголя, утешая его: «О, Перфилие, радуйся со мною, яко зело приялъ есмь благодать от Бога». Той же, возбнувъ, ужасенъ бысть и, помалѣ быв в себѣ, благодаря Бога, мнозем сказав. Последи же и мнѣ, недостойному, исповѣда. Сего же священноинока Перфилия по изволению самодержцеву вскоре от тоя обители емлютъ и посылают во Псковъ в Печерской монастырь в архимариты; потом же взят бысть оттуду на Москву в Андроньевъ монастырь.[66] И ту к Богу отоиде, в добромъ устроении жития вѣкъ сей препроводив.

13. О видѣнии святаго инокине нѣкоей

Бывшу ми нѣкогда, недостойному, послану быти от самого преподобнаго отца архимарита Дионисия и келаря Александра[67] в монастырь строителем на Алатырь,[68] яже есть под ихъ паствою, и пребывающу ми тамо. Изволением же праведных судеб Божиихъ осиротѣх тамо, улишихся преподобнаго сего отца архимарита Дионисия; егда преселися от жизни сея в вѣчныя обители, мнѣ не сущу ту, но на Алатаре, якоже выше рѣх. И нападе на мя беда неискупима по оболганию нѣкоихъ злокозненных людей к первосвятителю. И преже, неже свидѣтелству о мнѣ быти, предан бых мучителю немилосерду на правежь в тысящи рублехъ всего града и уѣздных людей по челобитью; прежние бо строителие согрубиша имъ, аз же предан им вмѣсто всѣхъ, преже мене бывшихъ, ни в чемъ виновенъ им бысть. Мнѣ же, недостойному, от таковыхъ напастей неистерпимых в скорби во мнозей бывшу, паче же и о сиротствѣ своемъ, еже есть о разлучении отца своего, на негожь и надѣяхся в таковых напастехъ помощника себѣ. И почаяхъ уже и живота гонзнути, не имущи помощи ниоткуду, яко и сами власти не возмогаху пособити, ярость бо первосвятителя превозмогаше многихъ пособников. И мнози во обители чюдотворцове, братья жь и мирстии, видевше напрасную мою беду, роптаху на тѣхъ, ихъже ради преданъ есмь, пособити же недоумевахуся вси, чаяху смерти предану быти.

Нѣкая же инокиня, именемъ Вѣра, пребывая у чюдотворцовых Сергиевыхъ родителей в Хотковском девичьи монастырѣ,[69] слышавъ о мнѣ таковыя неискупимые напасти, и часто со слезами моляся о мнѣ Богу и Пречистой Богородицы и преподобным чюдотворцем Сергию и Никону; паче же призываетъ на помощь преподобнаго архимарита Дионисия, припадывая мыслию, яко и живу моляся о поможении в напрасных напастехъ страждущему. И в частых призываниихъ видитъ во снѣ, яко наяве, храмы высоки и преукрашены, ихже не мощно сказати, и мнозехъ святителей, в тѣ храмы во святителских одеждах входящих по лѣствицам кверху, ихже бѣ не знаяше, — и ко всѣм припадая, прося помощи злостраждущему, от протчих же слышит: «Жди, — рече, — архимарита Дионисия, вскоре идетъ той к Небесному Царю служити». Она жь, много стоявъ с пожданиемъ, видит архимарита Дионисия, к тѣм же лѣствицамъ грядуща во освященномъ сану, со двемя дьяконы, — припаде к преподобныма ногама его, мня яко к живу сушу, со слезами прося помощи безпомощному. «Воспомяни, — рече, — егоже любил еси, и се ныне зло стражетъ и не имѣетъ ни от кого помощи». Он же коснуся ей рукою, повелѣ востати, глаголя: «Не скорби, будет

ему милость Божия и избавление от таковыя напасти, а от меня вам благословение». И рукою ея благослови, отоиде от очию ея тою же лѣствицею вверхъ. Она же возбнув, радостна бысть, сказа сыну своему именемъ Михаилу. Он же, слышав, написавъ, принесе ми писание сие, егда приѣхавшу ми, свобоженну сущу, молитвъ ради преподобныхъ.

14. О пустыннике Никодиме, <како> видѣх святаго Дионисия купно с Алексѣемъ митрополитом

Мнозем же о сихъ всѣх слышащимъ таковая про отца архимарита Дионисия радующимся душею, инѣм же усумневающимся и невѣриемъ одержимы бываху, яко и самому иконому обители тоя,[70] от негоже тогда и многи беды, напасти поносив преподобный, властолюбия его ради, якоже и преже рѣхъ, невѣриемъ одержиму быти и слышанная ни во что же вменяти, еще же и инѣм запрещати. И по нѣколицех лѣтех преставления его восписуютъ х келарю Александру с сѣверныя страны, ис Помория, Каргопольскаго уѣзду Кожеозерского монастыря[71] старцы Феодосей и протчии иноцы, яко Богом наставляеми на увѣрение невѣрующимъ. Писание же их сицево. Бысть, рече, у них вдалее монастыря яко пять на десять поприщъ среди лѣсу пустынникъ инокъ Никодимъ именем, хизицу токмо имяше зело мало на непроходимых болотных мѣстехъ, постриженикъ Чюдова монастыря[72] святаго архангела Михаила и чюдотворца Алексия митрополита, иже на Москвѣ; и по явлению святаго чюдотворца Алексѣя[73] сей инокъ Никодим сниде в тоѣ пустыню еще преже московского разорения и пребывая в той пустыни на рѣчке Хозьюге 36 лѣтъ, подвизаяся постом и молитвами. И егда изволение дойде праведнаго суда Божия, преселити его от мира сего к вѣчным обителем, присылаетъ нѣкоего от посетителей къ игумену и къ братии, моля их взяти себя в монастырь той. Бывшу же сему тако, повѣдает игумену и братии явление святаго Алексѣя митрополита, с нимже, рече, и инъ мужь чюденъ со крестом; благословляюще его преосвещенный митрополит рукою, а другий крестомъ ограждаше его, повѣдающе ему отхожение от мира сего в вѣчныя обители. Ему же вопрошающу святаго Алексѣя о друземъ, иже с ним, понеже самого святаго Алексѣя чюдотворца по образу зная, яко постриженикъ его обители, другаго же не зная, иже крестом благословляя его. Святый же Алексѣй рече ему: «То есть Троицкого Сергиева монастыря архимаритъ Дионисей». Он же, слышав, дивися, яко преже того в мире, ни во иноцех не знаяше его, и сподобленъ бысть видѣния его.

И во днех четыредесятихъ паки почасту тии являхуся ему, утешающе его, повѣдающе, яко вскоре, рече: «С нами у Бога в покои будеши». И по четыредесяти днех перваго явления их к нему преставися, душу свою в руцѣ Божии предаде. Потом же о сей повести по нѣколицехъ днех писания его слышахомъ о семъ достовѣрно от инока Гедеона того же монастыря, иже и послужив ему при ево смертной болѣзни. Последи же боголюбивый инокъ Боголѣп Лвов, тогожь Кожеозерского монастыря постриженикъ бяше, иже и понудивый мя сия написати,[74] преже бывый полаты царевы, писаниемъ возвести о сихъ святѣйшему Иосифу патриарху Московскому[75] и всеа Русии, яко самъ тамо быв и от преподобнаго инока Никодима пустынножителя увѣрився, и от его Никодимовых устъ слышав таковая, и писанию предастъ.

15. О явлении святаго на море донским казаком и о побѣде на турковъ

Еще же и паки сумневаюся слышанная писанию не предати и опасаюся глаголанная умолчати конечнаго ради забытия. Аще кто ложь приносит, сам на главѣ своей понесетъ, аще ли истинну исповѣдает, то истинна сама во увѣрение приведетъ всякъ глаголъ праведен. Мы же яже слышахом, сице и написахомъ.

Уже бо писанию сему, яже есть о преподобнем архимарите Дионисие, совершившуся по прошению инока Боголѣпа, тогожь 156-го году[76] по написании семъ вскоре внезапу прииде ко мнѣ вышепомянутый слуга Никита Кучинъ.[77] Возвещаетъ же, слышав от инока Романа Базлова[78] да от слуги Василья, имянуема Львова, о приѣзде донскихъ казаковъ и о поклонении у гробницы архимарита Дионисия. По его же извѣту тии призвани быша и в роспросе своемъ повѣдаша сице: «Идущим намъ мимо Никонову церковь[79] и увидевшимъ у гробницы архимарита Дионисия кланяющихся триехъ человѣкъ; спросившу же нам ихъ: „Почему знали есте архимарита Дионисия, яко гробу его кланяется?” Они же исповѣдаша нам, со слезами глаголюще: „Незнаем намъ был преже, но велику нам помощь подал явлением своим на море на супротивныя. Уже бо глаголаху всѣм нам быти побитым от турокъ, егда же явися намъ той; свѣтъ великъ осия насъ, а на враги наша нападе тма, и ослепоша. Мы же спасени быхомъ явлениемъ его и враговъ своихъ победихомъ. И сего ради приидохом поклонитисъ, чюдотворцом Сергию и Никону помолитися и архимарита Дионисия гробу поклонитися”».

И, исполънивше обещание свое, поидоша, благодаря Бога, восвояси. Мнѣ же о сей повѣсти написавшу и зѣло о том усумнѣвающуся, яко о сем свидѣтельства крѣпкаго не приѣм, и помышлении своими присносмущаем, да не вмѣнится в ложь быти. И в таковых помышлениих многи времена преидоша. И в лѣто 7163 году сентября въ день случися мнѣ побесѣдовати о словеси духовнѣ з государевым ключником с Никоном Протопоповым,[80] и, яко Богом наставляем, той вопроси мя о архимарите Дионисии и о житии его и о донских казаках подлинное свидѣтельство мнѣ розсказавъ, иже на мори явлением его от безбожных турок спасошася. Онъ Никон тѣхъ казаков по царской милости в государеве дворѣ кормилъ и потчивал. И от них ту повѣсть достовѣрно слышал и сказал у себя о том записочку о той повѣсти и казаком тѣмъ имяна, и хотѣл тоѣ записочку прислати.

16. Сказание о чюдесѣхъ святаго Петром Головинымъ

157-го году августа въ 4 день прииде во обитель Святые Троицы помолитися и чюдотворцовым мощемъ поклонитися дворянинъ государевъ, емуже имя Петръ Головин.[81]И по исполнении молитвъ, яже к чюдотворцем, прииде ко гробу сего преподобнаго архимарита Дионисия. И достойное поклонение на гробе его сотворяетъ, сказуя архимариту Андреяну и мнѣ, келарю Симону, и казначѣю Калиннику[82] и старцемъ соборнымъ: «Бывшу ми, — рече, — на государеве службе за Сибирью в далечайшемъ граде на рекѣ, глаголемой Лѣне, до негоже от царствующаго града Москвы треми лѣты шествие творятъ. И тамо слышахъ о семъ архимарите Дионисие, яко с митрополитом Алексѣемъ, московскимъ чюдотворцемъ, купно чюдеса содеваютъ, и в посещении, де, преподобного инока Никодима с Олексѣем митрополитом вмѣсте обрѣтеся в Помории Каргапольскаго уѣзда в Кожеозерскомъ монастырѣ».[83] Мы же от него слышахом и дивихомся неизреченным судбамъ Божиим, — яко от таковаго далнаго града и страны такову пречюдную повесть о отцѣ нашем принесе на увѣрение истинны и на радость и веселие душамъ нашим и слышащим величия чюдесем, яже прославляетъ Богъ угодника своего, поборника по истинне и поспѣшника по правде, в наша лѣта подвизавшагося. И написахом сия памяти ради.

17. О исцелении вельможе нѣкоему молитвами святаго

Егда же сицеву повесть слышахом от Петра Головина, и написахом и мноземъ даша прочитати, понеже всякий в сладость хотяше слышати, яже о нем поминающе, благочестивое житие его. И слышав сия тоя же обители Троицкой

слуга, именемъ Федоръ Каменев,[84] преже бывый близъ его кѣлии и во мнозей службѣ поработавъ у преподобнаго. И се исповѣда ми, егда рече: «Сей святый архимарит преставися от жизни сея в вѣчныя обители; по изволению же первосвятителя отвезоша тѣло его на Москву погребалных *пѣний* ради. И поставиша в церкви Богоявления Господа нашего Исуса Христа за Ветошным рядом.[85] По случаю же нѣкоему в то время болѣзнова тѣломъ нѣкий вельможа именемъ князь Алексѣй Воротынской,[86] любим бяше от сего архимарита Дионисия, и егда увѣдавъ тѣло его в церкве той велможа, воспомянув любовь его к себѣ и вѣдая благонравное его житие, вѣру емъ, посылаетъ над ним понахиду отпѣти. И по отпѣтии, егда принесоша ему кутию, он же ея вкусивъ, здравъ бысть молитвами святаго». Аз же, слышав сие, написав, да не забвенны будутъ чюдеса святаго сего.

18. Повѣсть инока Антония о чюдеси святаго

158-го году июня въ 19 день повѣда мнѣ, грѣшному, паче же писанием извести ми сея же святыя обители инокъ Антоний, рекомый Яринский.[87] «Пловущу ми, — рече, — на монастырскомъ насаде из Астрахани вверхъ с рыбою и с солью; и егда минувшим намъ град Царицын, постигоша нас за Денежнымъ островом в малой лодке донских казаков пять человѣкъ. И молиша нас да бы им быти у нас в работе на болшем насаде в прибылых ярыжных, якоже обычай есть и на протчих большихъ насадех. Сему же тако бывшу по ихъ прошению, и в пути том един от нихъ повѣда намъ повесть сицеву. „Были, де, мы на море с протчими казаки в войнѣ, и принесло, де, насъ волнами ко островамъ нѣкоимъ, и нашему, де, старѣйшине явися Святая Богородица со апостолы, с Петром и Иоанномъ, да с чюдотворцы — с Сергиемъ и Никоном; да с ними же, де, явился и третий инокъ незнаем. Ему же, де, спросившу чюдотворцов, яко наяве, вас, де, государей чюдотворцовъ, знаю, сего же инока, иже с вами вижу, не знаю. И чюдотворецъ, де, Сергий рече ему: «То есть троицкий архимаритъ Дионисий». И повѣда ему быти от турских людей в побѣде, и «дастъ, де, Богъ тишину, и вы, де, идите к берегу». И егда, де, старѣйшина нашъ сие явление нам повѣда, вскоре турские люди нас разгромили, а иныхъ побили. А мы, де, от того розгрому розбѣгалися, а ныне по своему обещанию идемъ вверхъ и хотим помолитися в Соловецком монастырѣ"».

19. О явлении святаго иерею Феодору и от болѣзни исцелѣние

Во *7*159-м году Троицкого Сергиева монастыря Пушкарские слободы церкви Пречистые Богородицы Казанские и святого пророка Ильи[88] священник Федор был в недуге смертнем; и сказавъ мнѣ видѣние, еже виде октября въ 26 день на празникъ святого великомученика Димитрия[89] въ 9 час нощи. «Лежащу ми, — рече, — больну при смерти в дому своем, явися мнѣ архимаритъ Дионисий во всем освященом чину, а пред нимъ ходяще со свещею горящею инокъ; и глагола ми архимарит Дионисий, взявъ мя за руку с постели; и повелѣл мя тому иноку вести с собою в церковь, яко наяве, мнѣвшу ми; и перед мѣстные иконы свѣчи поставляше архимарит своими руками. А говорил пред иконою Святыя Троица сице: „Слава Тебе, Господи, что церковь святаго пророка Ильи устроилася". А мнѣ, де, велѣл часу того облещися в ризы и молебенъ пѣти Пречистой Богородице чюдотворней иконе Казанской и пророку Илье. И после отпуста[90] архимаритъ осеняяся крестом, да и меня осенилъ. И в то время в церкве шумъ бысть; а я де возбнул в дому своемъ и взозрил на образъ Пресвятые Богородицы Казанские. А в монастырѣ де учали ко всенощному благовестити, и оттоле здрав бысть».

И сему своему видѣнию прислал ко мнѣ списочек; аз же, прочетъ, мню, яко не просту сему быти видѣнию и чего ради Дионисий благодарил Бога, что церковь

устроена, понеже еще при своем животѣ сей преподобный многое тщательство имѣлъ еже устроити церковь пророка Ильи под монастырем, на мѣсте, идѣже ныне поставлена, якоже мы от устъ его многажды слышахом. Теплѣйши бо сый вѣрою и молитвою, крѣпокъ в подвизех и часто со кресты соборне хождаше, овогда о дождѣ, овогда же и о ведре простирая молитвы за всѣх православных християн о умножении плодов земных. Сего ради и о церкви Ильи пророка печашеся о строении, и не случися ему при себѣ сия устроити. Но по нем нѣколико лѣт преидоша, народи же им его тщательство о сем воспомянувше или его молитвами Богом наставляеми, начаша приходити ко властемъ с молением, да будет у нихъ храм Ильи пророка. Архимарит же Андреан и келарь Аврамий Подлѣсов[91] и язъ Симон, тогда бывшу ми казначѣем, умоления ради народнаго воздвигнуша храм чюдотворныя иконы Богородичны Казанские верху, пророка же Ильи высподи. И сего ради присещение, мню, преподобнаго архимарита Дионисия в церкви исполнися, яко по его обещанию дѣло сие в совершение прииде; и чего ради видѣние сие священнику Феодору, а не иному явленно есть, мню, яко той нѣкогда за имя преподобнаго Дионисия тяжки раны прием на тѣлеси своем за едино слово, еже рече: «Ныне, де, у нас уже не Дионисей архимарит»; и сего ради посещения от преподобнаго сподобися. Вразумити же и сие должно есть, яко видѣние сие на праздникъ Димитрея Селунскаго случися видети; и то, мню, не попросту: преже бо нѣкогда слышахомъ от священноиѣрея Иванна, рекомаго Насѣдки, еще вскоре после осаднаго сидѣния Троицкого Сергиева монастыря, ту в монастырѣ ему живущу и служащу Богови в порученней ему церкви на воротех чюдотворца Сергия. На покой же телесный идѣже препочити, хизицу малу имый в стенѣ городовой; в ней же ему седящу нѣкогда, помысливщу на настоящее время, и в мысли своей размышляше пророчество Иванна Богослова от Опаколипсиса, разсужая о женѣ и о змии:[92] «Коликии, — рече, — страны великия от православия в еретичество отпадоша: Римъ великий и вся западныя страны. А ныне де уже мню, что и до нас доиде, и мнѣвшу ми — не быти уже и на Руси православию».

Сице размышляющу, склячася, седя под оконцемъ, много плакався неутѣшно. Внезапу же слышитъ — у оконца того пришед нѣкто, поносивъ его много и многи укорные рѣчи ему изглаголавъ: «Кто еси ты, — рече, — иже помышляеши не быти на Руси благочестию? А того, — рече, — не вѣдаешь, что за вас молитъ Бога чюдотворецъ Димитрий Селунский, да Василей Великий,[93] да и вашъ чюдотворецъ Сергий за вас молит Бога. И будетъ на Руси благочестие, якоже и прежде». Он же возбнувъ, прииде в чювство, возрадовася и, шед, повѣда архимариту Дионисию, еще тогда живу сущу. И нынѣ убо сия мню, яко того ради тогда сему священноиерѣю Иванну гласомъ Димитрий и Василий Великий купно с Сергиемъ объявленъ бысть за всю Рускую землю в молебниках, нынѣ же паки на его памяти сему священнику Федору архимарита Дионисия бысть явления. Довѣдавшу же ся мнѣ нынѣ, яко храмъ брусяной чюдотворца Димитрия Селунскаго былъ преже разорения в Троицкомъ монастырѣ у церкви каменые Сергия чюдотворца, еже есть на воротех по лѣвую сторону олтаря, на всходе против лѣствицы. А розобрану сказывают та церковь в осадное время, и та церковь стала в забытии[94] и до сѣхъ мѣстъ. А что пред нимъ инокъ свѣщу носяше, и то знатно есть: той ученикъ его Дорофѣй, егоже крѣпкое житие самъ архимаритъ еще в животѣ своемъ свидѣтельствоваше.

20. О проявлении о житии святаго Дионисия

В нынѣшнемъ же во 7159-м году случися мнѣ на Москвѣ на Троицкомъ Сергиеве подвории у Богоявления в монастыри[95] побесѣдовати Пречистые Богородицы чюдотворного ея образа Казанского с протопопомъ Иваномъ Нероновым,[96] и

между прочими глаголании воспомянувъ мнѣ той о житии сего преподобнаго архимарита Дионисия, хотя, у меня взявъ, яже писана бысть о немъ, положити пред самодержцемъ. Мнѣ же о семъ неудоволившуся и глаголахъ ему, еже написано быша вчернѣ, а исправити набѣло недостигшу времени. Паче же в размышлении мнозѣ бывшу ми, бояся от преподобнаго, да не вмѣсто благости, яже от него, нѣчто пострáжу, винамъ достойная, дерзости ради своея, воспоминая его крѣпкое житие и потове трудов его благочестивыхъ; и людемъ благочестие учителя своего проповѣдую, а свое житие в небрежении препровождаю. И в сицевыхъ сомнѣниих с Москвы съехавшу ми во обитель преподобнаго Сергия въ болшой монастырь.

И в тыхъ днехъ повѣда мнѣ сея же великия обители слуга, именем Никита Кучинъ,[97] о немже и в прежнихъ повѣстяхъ глаголанно бысть: Апрѣля, де, въ 7 день нощию во снѣ видитъ к себѣ пришедша человѣка незнаема, и вручивъ ему грамоту да образы складни, глаголя ему, что архимаритъ Дионисий сия к тебѣ послалъ, а велѣлъ тебѣ ихъ отдати келарю Симону, и словом, де, велѣлъ келарю изговорити: «Вскую спѣшитъ келарь Симонъ житие мое писати, все, де, мое архиморичье житие будетъ ему вѣдомо». И я, де, складни принявъ, почалъ прочитати на складняхъ подписи,[98] и не возмогъ прочесть, потому что мѣлко зѣло. И спросилъ того человѣка, какое то письмо? И он, де, мнѣ сказалъ: «То де житие писано архимарита Дионисия, а самъ, де, живетъ архимаритъ на востоке в величайшем монастырѣ, а нынѣ де пошел в болшой в Троицкой Сергиевъ монастырь во свою обитель». И сия глаголя, невидимъ бысть. Той же, возбнувъ, дивися таковому видению, написав, принесе ми сицеву повѣсть.

21. О явлении инока Гермогена о Дионисии

Во 7160-м году декабря въ 23 день бесѣдующимъ нам нѣкогда з братиею и во многихъ бесѣдахъ воспомянувше о житии архимарита Дионисия, и бысть егда услыша братъ Дионисий, рекомый Бирягинъ,[99] про архимаричье Дионисиево житие, и повѣда нам сицеву повѣсть: «Бысть, — рече, — лѣта за три или мало болѣе до сего лѣта в Троицкомъ Сергиеве монастырѣ брат, в кѣлии со мною во единой пребывая, именемъ Гермогенъ, природою скопецъ бысть, и внегда начатъ пренемогати к смерти, бысть во иступлении памяти, и духъ в немъ умолче, якоже мнѣти нам уже умерша его. И сего бысть до трею часовъ; и внезапу отдохнувъ и бысть въ цѣлой памяти, яко и преже. И сѣдъ на постели, повѣда намъ, яко „бывшу ми, рече, в прекрасныхъ садовиях, ихже сказати не мочно, и от нѣкоего приставника водимъ бяше по многим мѣстомъ, и видевъ многихъ святыхъ прежнихъ святителей, и преподобныхъ, и мучениковъ, ихже обыкохомъ в молитвахъ своихъ призывати. Мнѣ же много молящуся, иже мя водяше да бы мѣсто показалъ, идѣже архимаритъ Дионисий: и душа моя желаетъ видѣти его, понеже знаем былъ ему азъ". Той же рече ему: „Нынѣ возвратися вспять, и по четырех днехъ узреши егоже желаеши видѣти, и с нимъ здѣ будеши”. И егда четыре дни минувша, преставися от жизни сея». Мы же, слышавше сия, благодаривше Бога и написахом.

22. Явление святого архимарита Дионисия преосвященому Варламу, митрополиту Ростовскому, и повѣсть о нем же архимарита Андрѣяна

7160-го году во святый Великий постъ изволениемъ государя царя и великого князя Алексѣя Михайловича всеа Росии преосвященный Варламъ, митрополитъ Ростовский и Ярославский,[100] да бояринъ Михайло Михайловичъ Салтыковъ[101] во граде нарицаемомъ Старице в Богородичномъ монастырѣ обрѣтоша мощи святѣйшаго Иева патриарха Московскаго[102] и всеа Русии. Въ нощь же ту, в неже восхотѣша двигнутися с мощьми святѣйшаго патриарха Иова

к Московскому государству, является преосвященному митрополиту Варламу преподобный архимаритъ Дионисий сицевым образомъ. Пред заутренями стоящу митрополиту на своемъ мѣсте, молитву изо устъ Господу Богу приносящу, и мнѣвшу ему сонъ зрѣти: слышитъ глаголющихъ, повѣдающихъ ему пришествие к нему архимарита Дионисия. Он же зритъ его вшедша, кадилницу в руку имуща и углие роздувающа; и первие покадивъ образы, потомъ его покадивъ. И абие возбнувъ и бывъ в себѣ, той же невидим бысть от очию его, точию благоухание велие ощутивъ, дивяся в мысли своей о таковомъ видѣнии. Еще же ему обмышляющуся о посѣщении преподобнаго, в то время понамарь прииде благословитися благовѣстити к заутрени. Сицеву повѣсть повѣда намъ самъ преосвященный Варламъ митрополит.

И нѣкогда в дому Святыя Троица у преподобнаго чюдотворца Сергия во обители бесѣдующимъ намъ с архимаритомъ Ондрѣяномъ, дойде жъ рѣчь и до сего, и удивляющимъся намъ о посѣщении преподобнаго архимарита Дионисия, како явися митрополиту Варламу. Глагола же намъ архимаритъ Андрѣянъ: «Бывшу ми, — рече, — нѣкогда во обители сей, еще архимариту Дионисию живу сущу, и глагола ми: „Что, вскую, рече, не приидеши к намъ в чюдотворцову Сергиеву обитель с нами пребывати?” Мнѣже отрицающуся: „Идѣже, — рече, — обѣщался, ту пребыти хощу". Той же рече ми: „Аще и нынѣ не изволяеши здѣ пребывати, но по времени, Богу изволяюща, здѣ на семъ мѣстѣ поживеши”. И по неколицехъ лѣтехъ после его преставления изволениемъ самодержца и первосвятителя взят есмь от Пречистыя Богородицы из Толскаго монастыря[103] в Троицкой Сергиевъ монастырь в архимариты. И егда здѣ нача пребывати, воспомянухъ о себѣ проречение архимарита Дионисия». Азъ же сия слышавъ, повелѣ написати.

23. Свидѣтельство о житии святаго ключарем Иваном Насѣдкою

Написа же сия азъ, многогрѣшный Симонъ, по прошению инока Боголѣпа Львова и многимъ боголюбцемъ, знающимъ и помнящимъ сего святаго архимарита Дионисия, писание сие предложихъ, аще сия тако суть. И мнози прочтоша и свидѣтельствоваше, яко истинна суть, иниии же усумневахуся, якоже и преже рѣхъ, и невѣриемъ одержими бѣху. Азъ же сия вся собравъ во умѣ своемъ грѣшнемъ, помыслих, да не возмнятъ нѣцыи на мя, яко ученикъ его есмь и, любя отца своего, похвалениемъ облагаю, и да не в ложь превратят истинну. Иже азъ самъ видех у него своима очима и яже слыша от его преподобныхъ устъ, тая мнѣ вѣрна быша и на сердце не зазорно. А о слышаных помыслих извѣститися от вѣдущих, иже преже мене у него быша, понеже Богъ не хощетъ ложными словесы прославляемъ быти, и святымъ неугодно есть затѣйными чюдесы похваляемымъ быти.

Сего ради вручихъ сия вся великия соборныя апостольския церкви ключарю священноиерѣю Иванну, зовому Насѣдкину, иже со архимаритомъ Дионисиемъ в Троицкомъ Сергиеве монастырѣ много способствовав во исправлении книгъ и в церковномъ согласии на бѣзумныхъ противниковъ — на уставщика Филарета и на головщика Логина;[104] и в кѣлии его часто с нимъ бесѣдоваше, и книги писаше, и не токмо в дневныя бесѣдоваше с нимъ бесѣды, но и ночи многи у него в кѣлии обнощеваше, о исправлении книгъ с ним подвизаяся. Паче же многи епистолии архимаритъ во время кровопролития християнского по градомъ посылая, сего Иванна, способника себѣ на то имѣя,[105]многи доброписцы дав ему, и тѣми епистолиями во всѣх градѣх воеводъ, и приказныхъ и всѣхъ ратныхъ людей, и всѣхъ православных християн умоляя, да бы подвизалися за православную християнскую вѣру и крѣпкостоятелни бъ были против враговъ — поляков и литвы и руских воровъ, и подвигнулися бъ на очищение Московскаго государства,

приводя в писании тѣхъ многи слова утѣшителны от Божественнаго Писания.

К сему же и во исправлении Потребниковъ о «огни»,[106] якоже выше речеся, со архимаритомъ той Иванъ способствовал и в бѣдахъ сострадателенъ ему бысть. Сего ради вручихъ ему, да видитъ и судитъ, аще сия тако есть. Той же видевъ и свидѣтельствова, и яже от мене не исполнилося нѣкихъ ради недоумѣнии, паче же забвения ради, той же в строках поисправил и поисполнилъ. И кая у нас не вписана быша, той написавъ от себя, прислав мнѣ с моимъ писаниемъ вмѣсте.[107] Аз же сия приемъ от него радостным сердцемъ, напослѣди написавъ особь, сего ради, понеже преже предано бысть иноку Боголѣпу прежнее писание, и того ради в средину того писания не вписах,[108] да бы от невѣдущих в ложь не вменялося, — тогда де такъ писано, а ныне инако. Паче же и сего ради, да не како на свой разумъ преложу чюжь трудъ, о немже потрудися сей благолюбивый трудолюбецъ Иванъ, понеже болши мене вѣсть о семъ житии преподобнаго Дионисия достовѣрно. И разсудихомъ сия написати здѣ сице напослѣди, тажь и грамота царева о правлении Потребниковъ, и рѣчь архимарита Дионисия, и старца Арсения Глухово рѣчь, такоже рѣчь сего Иванна ключаря к святѣйшему Филарету патриарху, тридесять главизнъ, и на Антония Подолскаго рѣчь обличителна «О огни просвѣтителном», тридесятъ пять главизнъ. Потом же тогожь Иванна ключаря 40 главизнъ изыскано от многихъ божественных книгъ о прикладе огня,[109] яко не подобаетъ глаголати и прикладывати сего; такожe и двух вселенскихъ, Александрьскаго и Иеросалимскаго, патриарховъ двѣ епистолии о том же.

24. О житии святаго архимарита Дионисия, списано Иваном ключарем[110]

Начало же сему Иваннову писанию сице. Егда убо во 7118-м году грѣхъ ради нашихъ царствующий градъ Москва разорися и всѣдержавъствующии и владычествующии великою Росиею вси в плѣне быша, от велика и до мала, и всякъ чинъ и всякъ возрастъ мужеска полу и женъска — вси под огнемъ и под мечемъ злѣ мучахуся, и не бѣ нигдѣ никого, еже бы миловати другъ друга, но вси грабители яко бѣснии пси другъ друга згрызающе; и не бысть ни града, ни веси, ни села, ни поля, ни лѣса, ни дебри, ни пропасти, ни пещеры, еже бы без мучения гдѣ християномъ укрытися; и не токмо простыя мѣста, но и святыя церкви и монастыри всюду сожигаеми и всякими сквернами оскверняеми, паче же всего блудомъ и прелюбодѣйствомъ; не токмо простая чадь, но и священный чинъ, и от иночествующихъ вси оскверняемы различными виды от злодѣевъ, и вездѣ нази и боси, и гладомъ и жаждею всякъ чинъ и возрастъ томимъ, и о семъ пространно во истории болшой доволно писано у Живоначальные Троицы о разорении Московскомъ.[111] Здѣ же о Дионисии предлежимое да видимъ.

Егда убо по разорении царьствующаго града и многихъ градовъ всѣми путьми быша беглецы к дому Живоначальные Троица, — и не бѣ числа слез кровныхъ, вси бо мучены и изломанни, просяще отцовъ духовныхъ, а ини мнози испечены, а с ыныхъ власы з главъ содраны, а у иныхъ ремение из хрептовъ вырѣзывано, а у иныхъ накрестъ руцѣ и нозѣ обсѣчены, а у иных чрева прозжены камениемъ разженымъ, паче же изрещи того невозможно, каковыми различными смертьми томими, — и вся обитель Пресвятыя Троицы преисполнена бысть различными смертьми скончевающихся, от глада и наготы и от лютыя срамоты, о нейже и нелзѣ глаголати. Паче же от ранъ неисповѣдимыхъ помираху. И не токмо в монастырѣ мертвецы лежаху, но и в слободахъ, и в Служне, и в Клементьеве, и в деревнях, и по путехъ; и повсюду страшно бѣ и зрѣти наготы и срамоты, и женъ и девицъ; и невозможно есть ни исповѣдати при смерти, ни святыхъ Тайнъ Христовыхъ подавати.

Дионисий же сия видевъ, и келаря и братию всю *со* слезами многими начатъ молити, да бы во время таковыя бѣды всѣмъ всячески спострадали во всяких нуждах. Келарь же и вся братия и со слугами единогласно вси отвѣщаше сице: «Кто, государь архимаритъ, в таковой бѣде с разумомъ зберется, никому невозможно стало промышляти кромѣ единаго Бога». Паки же глаголя Дионисий сице всѣмъ со слезами и с рыданиемъ: «Се, государи мои, разумѣйте, воистинну искус от Господа Бога бысть намъ: от осады болшие нас Господь Богъ избавилъ за молитвы Владычицы нашея Пресвятыя Богородицы и великихъ чюдотворцовъ Сергия и Никона. А ныне за лѣность нашу и за скупость можетъ насъ и без осады смирити и оскорбити». Келарь же и вся братия, и слуги смятошася о рыдании его и начаша просити совѣта от него о недоумѣнии своемъ. Дионисий жь начатъ молити ихъ сице: «Дом Пресвятыя Троицы и великихъ чюдотворцев не запустѣетъ, аще станемъ милости у Господа Бога просити, да и разумъ намъ подастъ; токмо положите то, кто что смыслитъ промышляти или збирати на потребу бѣднымъ, или служити кто можетъ и кому что по силе своей дати». И бысть совѣтъ его всѣм любезенъ. И первѣе слуги и простая чадь, крестьяне, совѣтоваше, и архимариту з братиею сказали то: «Аще вы, государи, будетъ, из манастырские казны послѣ осадныхъ людей, умерших или живыхъ, да еще и вкладчиковъ, которыхъ нѣт и впредь от которых не будетъ монастырю, святому мѣсту, продажи и огласки, и вы то будетъ станете давать на бѣдных, на кормъ, и на одежду, и на лечбу, и работникомъ, кто имется стряпать, и служить, и лечить, и збирать, и погребать, а мы и за головы свои и за животы не стоим же». И бысть той совѣт радостенъ всѣмъ людемъ в монастырѣ. И воокругъ манастыря всѣмъ людемъ бѣднымъ, живущимъ и умирающимъ, всякъ промыслъ изыде. И первѣе еже по благословению архимарита Дионисия начаша строити казною манастырскою по приговору всѣхъ людей; и болнымъ людемъ обрѣташеся врачеве, исцѣляху многихъ; и егда исцеление получивше, и прихождаху во обитель Живоначалныя Троицы и поклоняхуся Пресвятѣй Троице и Владычице и Пресвятѣй Богородице и великимъ чюдотворцомъ преподобнымъ Сергию и Никону. А по благословению его отведены и даны были болницы на раненыхъ людей, да им же поставлены были и дворы и избы розные на странноприятелство всякому чину из Москвы и изо всѣхъ городовъ прибѣгающимъ, мужеску полу и женску, князем̃ъ и бояромъ, и дѣтем ихъ, и людем, и всякой челяди ихъ, да сколко избъ было поставлено мужеску полу, и женску, и девическу, и в Служне слободѣ, и в селѣ Клементьеве и сколко убогихъ домовъ сия имъ было; и сколко тысящь погребено и в монастырѣ, и у Пятницы в Нижнемъ монастырѣ.[112] А тѣхъ раненыхъ на боях и на проѣздехъ мимо Троицы Живоначальныя, и прибѣгающихъ из городов и из селъ из дальных, гладныхъ и нагихъ и мученых различными виды, и тѣхъ всѣхъ людей к душевному спасению и телесному здравию вина бысть и промысленик Дионисий архимаритъ, а не келарь Аврамей Палицынъ.[113]

А яз, грѣшной, какъ память моя осяжетъ, что яз поновлялъ, и причащалъ, и погребалъ з братом своимъ! И мнѣ то в памяти гораздо, с четыре тысящи з братомъ Семиономъ погребли мы мертвецовъ; а имянно помню, что в один струбъ у Николы чюдотворца в Клементьеве[114] восьмьсотъ шестьдесят человѣкъ, да в другой убогой день схоронили мы же шестьсот сорокъ человѣкъ, да на Терентьеве роще четыреста пятьдесят человѣкъ, да с Ываномъ священникомъ Синковским в монастырѣ у Живоначальные Троицы, и в Служне слободѣ, и у Пятницы, а иное по деревнямъ. Мы же бродили с тѣмъ Синковскимъ Иваномъ по Дионисиеву же велению, и тѣхъ людей с тѣмъ Иваномъ священникомъ считали мы по смѣте, и погребли болѣ трех тысящь в тритцать недель. Да зиму, да весну погребалъ яз по вся дни мертвецовъ тѣхъ людей, которые не хотѣли в убогихъ домъ кластися; а

бывало того многажды, что на день погребенья три, и четыре, а иногда и пять, и шесть, и болши; а в одну могилу в ту тритцать недель не бывало, чтоб одново человѣка погрести, то и нѣтъ ничево, что тричетыре или пять-шесть, а иногда десять и пятнатцать в одну могилу. А всѣе тоя бѣды протягнулося полтара года.

А по благословению святаго архимарита Дионисия мало того бывало, чтоб нагихъ погребати, занеже от него приставы надзирали и ему извѣщали, будет вскоре нага обрящутъ мертвеца. И какъ ему скажутъ, и тотчас промыслъ обо всем, и всему убо тому строй от него был. И ко всему приставы с лошадьми и вездѣ — и по путемъ и по лѣсомъ ѣздили, и смотрили того, чтоб звѣри не ѣли, и мученых от врагов, мертвых, и умирающихъ, всѣхъ збирати, и в странноприемницах, привезши, поили, и кормили, и лечили. А которые умирали, и после их одежишка худые вымывая, и бѣднымъ же отдавали. А женской полъ в тѣхъ их избахъ безпрестанно рубашки и саваны шили и мыли, а их за то и миром всѣмъ из монастыря кормили, и довольствовали и одеждою, и обувью, и во всякихъ нуждахъ ихъ вся благая творили имъ. И потому и мнози из нихъ зѣло дому Живоначальные Троицы годны быша служебницы, твердии и нелеснии работницы. А инии изыдоша в царьствующий град, и быша в чести и во имѣнии своихъ по-прежнему. А иныи Божественных Писаний научьшеся и быша в различных чинѣх, в монастырских службахъ, и служители, и началницы во многих благихъ дѣлех, и в земных и в небесных.

И елико праведным своим наказанием Господь и Богъ нашъ наказа, милосердый, гнѣвом своим во время осадное, по томъ не сугубо ли и преболши рещи, невинное же нынѣ всѣми человѣки видимо есть, коликими красотами, коликими богатствы домъ селении святыя славы своея разширилъ и возвеличилъ и упремножилъ всѣми благими виды, еже и прежде не бысть, еже нынѣ в славу Господню всѣми людми зрится и славитца. Сия же благая вся обители Пресвятей Троице подана быша молитвами великого чюдотворца Сергия. Иже во время подобное Господь Египту в прекормление Иосифа и Товию праведнаго в Вавилоне и Израилю,[115] а нынѣ, в разорение наше, сего мужа свята и дивна, архимарита Дионисия, воздвиже житомѣрителя по Господню словеси, во время подобно раздавающу пищу рабомъ, комуждо по достоянию его. И первое рещи о нем: мнози убо сподоблены быша имъ конецъ благий получити, с печатию и с напутиемъ живота вѣчнаго отшедше. И инии очищени быша от сквернъ телѣсных, инии браки законныя сохраниша чисты, и жены чисты сохранены быша в чистотѣ без осквернения, паче же дѣвъ и юношь, и отрочатъ многое множество чисты и непорочны сохранены быша. А аще похваляемъ есть о строении старѣйшина блудницъ, во отеческихъ книгахъ, — александръский Сергий — о спасении инокинь нечистыми за чистых,[116] и Товия — о милостыни и о погребении мертвыхъ,[117] но сей Дионисий превзыде сих к похвалению словесному. Но и тая бо вся благая дѣла его и нынѣ добрѣ зрят, и вѣдят мнози о нѣмъ, каков же в премудрости словесней бѣ, и того никто жь не помыслитъ о немъ, ни во ум никто не приимет, каково попечение имѣя не токмо о святѣй обители своей, в нейже сия творя, но и о велицем царствующемъ граде Москвѣ великъ подвигъ имѣя, о избавлении града моляся. И всяка нощь день ему бяше. Всегда убо, в то время егда во осаде Москва была полтора года, и онъ непрестанно в церкви Божии и в кѣлии с плачемъ великимъ стоя в молитвах. И по многих молѣниихъ то и опочивъ ему бяше же: писцы борзыя имѣяша в кѣлии, и от Божественныхъ Писаний собираху учительныя словеса и писаша послания многая в смутныя городы ко священнымъ чиномъ, и к воеводамъ, и к простымъ людемъ, о братолюбии и о соединении мира, и указуя, которые царства и властельства за какие грѣхи и за неправды погибли, и которые государьства возвысилися Богомъ за какие правды и за какие добрые дѣла,[118] за соблюдение, Господь Богъ, благий

человѣколюбецъ, миловалъ; и помощник былъ бѣднымъ, и отчаяннымъ, и худымъ, и не могущимъ стояти противу супостат, а лѣнивых и не умѣющихъ дѣлъ ратных возбужая х крѣпости, еже по смерти чюдесы и знаменми воcписуя к тѣмъ. И о таковыхъ грамотахъ тебѣ, господину, допросити Алексѣя Тиханова,[119] есть ли бо онъ вѣдаетъ, что онъ болши всѣх писывал такие грамоты — и на Рязань, и на Сѣверъ, и въ Ярославль, и в Нижней Новъгородъ[120] князю Димитрею Михайловичю Пожарскому[121] и х Кузмѣ Минину,[122] и в понизовские городы, и ко князю Дмитрею Тимофѣевичю Трубецкому,[123] и къ Заруцкому[124] под Москву и в Казань, к строителю Амфилофию, что онъ забрѣдился с сватомъ своимъ с Никоноромъ Шульгинымъ, и учинилися были измѣнниками владычеству московс*к*ому, да грамоту же к Генадию чернцу Елизарову, что бывал дьякъ на Москвѣ Григорей Елизаровъ[125] в Казанскомъ дворцѣ, а побѣжалъ был онъ отЖивоначальные Троицы на Соловки от бѣдъ и нужды от литвы и от казаковъ после разорения Москвы. И будет только сыщутся тѣ грамоты в монастырѣ у вас, либо в казнѣ после Генадия и Амфилофия, или в Розряде в соборной келье, или что под Москву к бояром и воеводам писано, а в годѣх искати во *7*119-м и во *7*120-м и во *7*125-м.[126] И будет тѣ только грамоты сыщутца, в тѣх грамотахъ болѣзнования Деонисиева о всѣмъ государстве Московском безчисленно много. И будет изволите вы, государи, разума его искати, и в тѣх ево посланияхъ, не токмо под Москвою, но и во многих городѣх воеводам и всякихъ чинов многимъ людемъ подкрепление и мужества от его совѣта и разума великое бывало. Да и ныне бы, и впредь и у вас в монастырѣ грядущих ради лѣтъ такие грамоты добрѣ бы добро было, чтоб в казнѣ были на утвержение таковому преславному великому мѣсту. А мнитца мнѣ, государи мои, и для того надобны вамъ держати тѣ грамоты осадныя для преди на гордость вельможь лукавыхъ,[127] какъ над царствующим градом учинилася от них погибѣль, как царю Борису Федоровичу, какъ царю Василью Ивановичю. И что о сих глаголати, но паче возопити: «Ох, охъ, увы, увы, Мати Матерем, Святая Церковь Божия, яже *в*поднебесней славимая, что пострада, лишившися чад своих!» И аще по Богослову открыти, юже под олтарем Господним избиеннымъ от земля и вопиющихъ день и нощь: «Мсти, Владыко, кровь нашу и тѣхже и всѣхъ святыхъ».[128] Паче же самыя тоя ради Матере Господни Пресвятыя Богородицы присно Дѣвыя Марии и отдохнули сынове ея, господия наши; а ныне всѣ то забыли, и что за четыредесят лѣт дѣялося,[129] «то, де, не вчера дѣялося, нѣчего де того и памятовати». А вамъ что в дому Божии дѣялося у вас, и то по вас сущих, хто будетъ в роды дальныя жители, и тѣм надобно чемъ боронитися от вертящихъся гордынь.

А о святем нашем отцѣ Дионисии и мнѣ грѣшному видитъся, на что иных чюдес искати болши того, что в осаде же бывшее чюдо о Амфилохиеве отцѣ, какъ съялъ муку в сыновне воровствѣ.[130] И аще бы не за терпѣния отца Дионисия, да за великия труды его, еже бѣдных промыслъ и не пощадѣние себя, что умолилъ братию всю утешати ратных людей тутъ в монастырѣ, которые раненые прилучилися ис-подМосквы и ис-под Переславля, и из дорогъ всякихъ; и, видя ихъ, многих раненыхъ, и мученых, и гладных, и нагих, от нужи погибающих, и пред братиею пред всѣю бил челом Дионисей на соборе, а моля ихъ, такъ говорил всѣмъ: «Покажите, государи, милость, келарь и казначѣй, и вся братия святая, пожалуйте, меня послушайте. Видимъ всѣ, что Москва в осаде, а люди их литовские во всю землю розсыпалися воевати; а у насъ в монастырѣ людей и пополну, да немного ратных или умѣющих, и тѣ погибаютъ от цынги, и от гладу, и от ранъ. И мы, государи, обещалися всѣ во иночестве, что умереть, а не жить; а будетъ в такихъ бедах, толь*к*о не будетъ у нас ратных людей, и что будет в нас?» И плачася пред ними, у всѣх прося милости к бѣднымъ: «Пожалуйте, господия, что у нас еще есть хлѣба, ржаного и пшеницы, и что есть у насъ квасов на

погребе, и то б нам все держати про раненых людей; а мы упование возложим на Бога, а станемъ ѣсти на трапезе хлѣб овсяной, а хто будетъ из нас станет изнемогать чем ино, того станемъ кормити ячным хлѣбом; а квас ячной на трапезе не надобно пити, а во имя Господне и с воды не умрем». И приговоръ слезъ ради его твердъ бысть. И повелѣша ратных людей лечити и всякою пищею доброю братцкою и квасы лучшими покоити, и не токмо ратных, но инѣх, бѣдных, по разсмотрению. И въ 40 дней со погребов не слыханъ бысть квас в трапезе братцкой.

И в то время молитвами ево умножение муки в хлѣбне бысть у Амфилохиева отца великаго ради Сергия чюдотворца. От дому его промыслу кто изречет! А кто просил у него милости, у великого свѣтильника, и что рещи, кто плакал, кто просил, кто молилъ, кто со смирением единою мало хлѣба ядуще овсяного 40 дней, среду же и пятокъ и не ядуще и за единою трапезою со слезами веселящеся. А немощным и раненым заутра даже и до вечера служаху и хлѣбъ предлагаху чистъ, теплый и мягкий, и всякие брашна различныя, и пития добрыя и благовонныя представляху; и злѣ немощствующе и не дважды днемъ вкушающе, но якоже кто хощетъ, заутра рано и ин же по времени; а инъ яко человѣкъ, а инъ яко скотъ — и полдни, и полънощи. Служебникомъ не бѣ покоя от приставов, бо нудими всякая потреба, дабы все было готово по воспрошению от болящих. Паче же всѣхъ сам сей Дионисей, не имѣя себѣ покоя ни на единъ день, но ни на час, и всегда дозирая болящихъ и строя сихъ одеждою и пищею, паче же лечбами, еже сия здѣ явихом, а наипаче з духовными строении, занеже мнози болнии, ови от ранъ, и от мучения желающе исповѣдати грехи своя, инии же маслосвящения требоваху и инии послѣднее отходяще от жития сего, и кровь, и слезы горкия точаще, и восклицаху горце, отпусту[131] и напутия вѣчнаго, печати тѣла Христова, испрошающе прияти, — и вси вся благая в смертном часу получаху; и никто жь не очищенъ или не измытъ от скверн ранъ по телеси, паче же и по души уязвлении исцеление приимаху. Доздѣ Иваново писание бысть.

25. О умножении хлѣба молитвами святаго

А умножение хлѣба како бысть, азъ, Симонъ, от него, Ивана, и от протчих, во мнозех бесѣдах извѣстихся достовѣрно сице. Сей убо священноинокъ Пиминъ, Анфилохиев отецъ, бысть прежде в Старицкомъ Богородицком монастырѣ архимаритом, а сынъ его сей преже помянутый инокъ Анфилофей Рыбушникъ, посланъ ис Троицкого Сергиева монастыря в Казань в Троицкой Сергиевъ Казанской монастырь[132] строителемъ, иже под паствою болшаго Сергиева манастыря властей, архимарита Дионисия з братьею. И во время Литовского разорения сей инокъ Амфилофей согласяся з дьякомъ Никоноромъ Шульгиным, измениша Московскому государству и непослушны быша бояромъ московскимъ, в неже время самодержца не бысть в Московском государстве.[133] И той Амфилохий отметникъ учинися от большаго Троицкого Сергиева монастыря и непослушникъ бысть троицкимъ властем — архимариту Дионисию и келарю Аврамию Палицыну з братьею. Сего жь ради отвержения Амфилохиева троицкие власти, архимарит Дионисей и келарь Аврамей, взяша преже бывшаго Старицкого монастыря архимарита, Амфилохиева отца, и томиша его хлѣбенными трудами, — сѣяше бо муку на братию и на протчих воинских людей, и на трудников, а о сыновне отвержении ничтоже свѣдая. А уже в монастырѣ Троицком хлѣба по оскуду бѣяше, единъ малъ сусѣкъ муки остася на толикое многолюдство, якобы на единъ день или мало болши; аще и осада миновалася, но вся пути залегоша окаяннии поляки, и литва, и русские воры; и невмѣстно ниоткуды в Троицкой монастырь из селъ хлѣба привести.

И внегда той добрый пастырь и правитель и врачь же душам же и телесемъ

человѣческимъ, архимарит Дионисей, умысли той добрый совѣтъ с келарем, и с казначѣемъ, и со всѣю братьею, и со слугами, и с протчими, и со всѣми живущими ту, — промыслъ сотворити о бѣдных, и о раненых, и больных, якоже выше речеся, хлѣбом чистым кормити и квасом добрым поити, самим же изложиша хлѣб овсяной ясти и воду пити благодаря Бога, — и в то время молитвами сего преподобнаго архимарита Дионисия и многих ради слез его умножение муки бысть из малаго сусѣка у Амфилофиева отца инока Пимина: елико ис того сусѣка емлюще и хлѣбы печаху, толико той малый сусѣкъ не оскудеваше, но паче наполняшеся. Видев же сия, Амфилохиев отецъ удивися, сказа отцу своему духовному священноиноку Симону. Тии же убо призвавше сего Ивана священника, глаголемаго Насѣдку, сказаша ему; той же Иванъ, шед, возвести сия архимариту Дионисию. Архимаритъ же Дионисий видевъ самъ, удивися человѣколюбию Божию, и с келаремъ, и с казначѣем, и з братьею увѣришася, и воздаша благодарение Богу и Пречистой Богородице и великимъ чюдотворцом Сергию и Никону, яко промыслъ ихъ о бѣдныхъ не вотще бысть. И сицевым малым сусѣком муки, егоже Богъ множаше, питаеми быша вси в монастырѣ, иноцы же и мирстии, и до 40 дней, дондеже и пути очистишася от поганых поляковъ, и отвсюду хлѣба довольно привезоша.

26. О подвизѣх святаго, и о провожении святаго с образы воинских людей, и о пременении вѣтра молитвами святаго[134]

И елико сей чюдный подвижник и молебникъ за все православное християнство подвизашеся, в молитвах и во бдѣниих всенощных, во слезахъ и поклонѣхъ мнозѣхъ вопияше ко Спасу и к Пречистой Богородице и к великим чюдотворцемъ безгласным воплем о еже избавитися православным христианом от настоящих кроволитных напастей и о мире и о тишинѣ всему миру Росийскаго государства, паче же, якоже и преже реченно бысть, бес сна пребываше! И всяка нощь ему яко день бываше. Множае же упражняшеся, писаше грамоты во многи грады о заступлении Московского государства, якоже и преже речеся.

Егда же убо князь Дмитрей Пожарской и Козьма Мининъ, грядуще под Москву со многим воинством на заступление Московскому государству и достигоста до Троицкого Сергиева монастыря, и Пресвятей Единосущней Троицы и Пречистой Богородице, помощнице всего мира, и великим чюдотворцем Сергию и Никону молебное пѣние совершише. Сей же пречюдный подвижникъ по молебном пѣнии на провожение воевод и всѣхъ воинских людей изходит изо обители во священномъ сану со свещенницы, и з дияконы, и со всѣмъ освященным собором, и з братиею же, и взыде на гору, глаголемую Волкушу, сталъ со крестом, воинских людей осѣняя крестом. Священницы же кропяху весь воинской чинъ святою водою. Людем же воинским видевшим встрѣшной вѣтръ крѣпок, ужасающимся сердцы и глаголющим: «Что се будет: вѣтръ силен в лице дыхает». Архимариту же Дионисию слезы по ланитома течаху, призывающу имя Святые Троицы, и Богородицу, и чюдотворцев. Такоже и воеводам во ужасѣ бывающим.

Егда же, пропустя войско, воеводы, послѣднее благословение приемше у архимарита, поидоша, и словесы от него утѣшными обнадежени быша, еже на Содѣтеля своего уповати, и Богородицу во устѣхъ своих именовати, и чюдотворцов безпрестанно на помощъ призывати; архимариту же еще вслѣдъ их крестом осеняющу, и нѣкоторыми мановении Божиими внезапу пременися вѣтръ, иже преже быв в лицѣ, — потягнул в тыл, яко от самые обители и от церкви Святыя Троицы, от чюдотворныхъ мощей преподобнаго Сергия, немало радование воеводамъ и всему воинству подадеся. И не пременися той вѣтръ, дондеже Московское государство милостию Божиею очистися.

Сия писания прияхом от самого князя Дмитрея[135] написана, словом нам со многими слезами исповѣдал, яко таковаго чюдеси сподоби их Богъ милостию Святыя Троицы и заступлением Пречистыя Богородицы и чюдотворов Сергия и Никона и молитвами сего святаго архимарита Дионисия. Мы же, сия слышавше, дивишася неизреченному человѣколюбию Божию, якоже егоже по своей благости избра и благодать свою на него положил, сего усты и словомъ, и рукою, и чюдодѣйствомъ исполняя, и милость свою простирая по своей воле, якоже самъ хотяше, видя крѣпкое его преподобное житие и слезы многи; и о чем у Бога прошаше, и сего не погрешивъ от Вседающаго десницы подавашеся ему.

27. Паки писание Иваново о исправлении Потребниковъ

В правлении же в Потребникахъ, такоже и в Служебникахъ обретошася многия описи в старых переводехъ, но невѣдомо кто тому виновенъ: переводники ли старые или писцы неразумные писали. А во многихъ молитвах концы писаные — иные ко Отчю лицу, а иные к Сыновню; и тѣ концы смущенны: ово по Савелиеве ереси, лица Пресвятые Троицы слияниемъ списаны, и ино же по Ариеве ереси — разделениемъ назноменаны; а инъде о воплощении Слова Божия, еже от Дѣвы Пресвятыя Богородицы Марии, бысть, и в Потребниках писмянныхъ, и в Служебникахъ, въ выходехъ перьвых печатей, обрелося; и Отецъ Богъ с Сыномъ воплотился. И такия описи по еретическому мудрованию снисканиемъ и трудами, и тщаниемъ сего мудраго мужа Дионисия изообличены[136] учинишася.

Се же от гордых безумников, от церковных началников, от митрополита Ионы Крутицкого собором московскимъ возненавиден бысть зельно. А церковь соборная тогда вдовствовала девять лѣтъ без патриарха: Филарет бо тогда в Полше заточенъ былъ.[137] И возвели на честность сего архимарита еретичество, и по четыре дни о семъ во отвѣтъ приводим былъ на Патриарховъ двор с великимъ безчестием и с позоромъ. И потомъ у государыни, у царевы матери, в Вознесенскомъ монастырѣ, у Марфы Ивановны, въ ея кѣльяхъ приемля испытание, такоже и на подворье митрополита,[138] — биение и пхание люто терпя. Сие же творяху над ним, и егда о богословии виненъ явится. Но обложенъ бысть, да пятьсотъ рублей за вину принесетъ; а вину наричюще ему, яко имя Святые Троицы в книгах велѣл морати, и Духа Святаго не исповѣдуетъ, яко огнь есть.[139]

Преподобный же мужь Деонисей, в желѣзахъ стоя, смеяшеся и с толкущими его и с плюющими на нь, яко з глумники ликуя или яко играя, отвещеваше к нимъ: «Денегъ не имамъ, а и дать нѣ за что, лихо чернцу то, что ростричь его велятъ, а достричь — то ему и венец и радость. А Сибирью ли и Соловками грозите мнѣ, и азъ тому и рад, то мнѣ и животъ. А что взводите на меня, что имя Святые Троица велѣл в концѣх в молитвах справливать, и то прямо аз указал. А святии отцы наши на седми соборехъ[140]научили насъ вѣровати во Святую Троицу нераздѣлную, и раздѣлну и нераздѣлну — и въ единицу убо существом, раздѣлну же лицы, сиирѣчь ипостасми; и научиша не нарицати пребезначалного Отца с Сыномъ, и ни Сына собезначалнаго Отцем, такоже и Духа Святаго ни Отцем, ни Сыном, но Духом. И в молитвах велѣлъ писати, отбегая Савелиевы ереси;[141] идѣже писано в концѣх ко Отцу в лицо «и Тебѣ славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне, и присно, и вовѣки вѣком, аминь» — и мы то исправливали сице: «И Тебѣ славу возсылаемъ, безначальному Отцу со Единородным ти Сыномъ и с Пресвятым и Благим и Животворящим Духом»; а идѣже к Сыну в лицо писано, — а по Евномию еретику, ученика Ариева,[142] иже прелыцаще народы, глаголя Сына Божия быти ово Отца, ово Сына и ово Святого Духа, и тако в жидовство церковь отвождаше. И мы писали концы у такихъ молитвъ: «И Тебѣ славу возсылаемъ, Христе Боже нашъ, со безначальным ти Отцем и с Пресвятым и

Благим и Животворящимъ Духом». А зрите о семъ «Богословия» Василия Великаго,[143] какъ концы у молитвъ писал, — в молитве «Боже и Господи силам» — ко Отцу в лицо, а к Сыну — «Владыко, Господи Исусе Христѣ, Боже нашъ», и в молитве «Нескверная» егоже слогъ конецъ добръ; такоже и «Помяни, Господи, иже в надежи» добрый же. А въ печатных Служебникахъ, какъ во сто девятом году печатаны, да и по сто тритцатой год, и в тѣхъ книгах многия описи явилися; а здѣлалося то от мастера от Невѣжи Тимофѣева, да от наборщика от Ивана Григориева.[144] И смотрите себѣ пред службою Златауста двѣ молитвы. 1-я «Господь Премилостивый». И тою молитвою попъ сам себя разрешаетъ. А конец по Евномию или по Савелию. Тут же молитва над вином служебным, а конец не исправлен же. А по заамбонной молитве конец Отцу в лицо, да тут же испорчено; а надобно тут — «безначалному Отцу со Единородным ти Сыном и с Пресвятым и Благимъ и Животворящим Духомъ». Да в Потребнике, какъ дати причастие было вскоре, молитва 2-я: «Господи, вѣм, яко нѣсмы достоин».[145]* И та молитва Сыну Божию, а не Отцу. А конецъ в ней напечатан по Савелию. Молитва над Пасхою, еже начало сице: «Призри, Господи, Исусе Христе, на се брашно», а конецъ по Савелию или по Евномию. И тут же в молитве «Единородне Сыне Божии», а конецъ по савелиянски же — слиты лицы Святые Троицы, и сия ересь злѣйши всѣх ересей. И иные такожь молитвы многие не правлены.

Град же тогда Москва весь смущаемъ бѣ от клеветников, иже хотяще корыстоватися от архимарита; и от царского дома, и от митрополичья двора и отдаша его за пристава, и томимъ бѣ злѣ. И егда народу собрание бываше, во дни праздественныя и торговыя дни, и тогда митрополитъ, присрочивая, повелеваше приводити его, ово до обѣдни, ово же и после обѣдни; и стояше на дворѣ митрополичье скованъ в подсѣнье, и з утра и до вечера; не дадуще ему ни малыя чашицы воды вкусити, жажды ради дней лѣтних; бяху бо тогда дни средина лѣта, месяцъ июнь, июль.

Митрополит же Иона по святей Литоргии торжествоваше с соборомъ на свѣтлых трапезах. А Дионисий со ученики своими ликоствоваше, пред окны келья его поклоны творя в кулакѣх, да в пинках многих же, еще же за почесть и батоги биении восприимаху. О сем же сей терпеливый мужь всему сему дѣемому над ним смеяся, а иже с ним стражущим и плачющихся от биения, и тѣх утешаше, глаголя: «Не скорбите, братия, Господь все видитъ, и вы не безумствуйте, за слово истинны стражемъ, и не вѣчная то есть мука — все то минется». И бяше гладом и жаждею всегда томим и вселѣтное годище в сицевых озлоблениих препроводив; о страждущих же с ним в той бедѣ велико попечение имѣяше и промыслъ велик творя, да избавятся от сих бѣд.

Промчеся убо во всем царствующем граде Москвѣ таково безумие от затѣй и лихоимцов, посульников, кровопийцов сице глаголемая: «Явилися де такие еретики, что огнь хотят в мире вывести»; а того простым людем не протолковаху и не сказываху, какой огнь и что ради оставити его. И многа брань и сваръ межу многими людьми бысть. И умѣюще Божественная Писания о сем разумѣюще и не смущахуся, простая же чадь всяких чинов, не умѣющей Писании и не вѣдущи нчтоже, болѣзноваху туне и скорбяху зело, паче же всѣх рукодѣльницы и пищи строители; и ходяще толпами з дреколием и с камениемъ, ищуще святаго сего мужа многащи убити. И часто в дождливыя дни от дождя поливаему и водиму ему, иногда пѣшу, иногда на клячишке скверне и худе без седла седяще, и союзами биему, и гониму шолыгою, и от безумных людей калом, и пескомъ, и грязью обсыпаему, и в ризахъ скверных, и в рубищах изодраных, и во обущии помещаемой, влеком, веселяшеся. И со знаемыми ему егда стреташеся, и тогда смеяся и яко младенецъ, не злобствуя, ни вопреки никому ни за что не глаголя и

никого ничѣм не понося. И иже скорбящии о немъ, и видяще беду его, и вопрошаху его, глаголюще: «Отче святый Дионисий, что сия беда над тобою?» Он же глаголяше: «Нѣсть се беда, но притча пред бедо». Любимицы же ему глаголаху: «Скажи нам, отче, что притча пред бедою, и что притча, и что беда?» И паки глаголаше «Нѣсть надо мною никакие беды, но паче милость Божия на мнѣ велика явися. А господинъ мой великий отецъ, преосвященный митрополитъ Иона, паче всѣх человѣкъ вся благая мнѣ сотворил, и то сотворилося по судьбам Божиим искушение мнѣ к прощению души моей, на очищение грехом моимъ. А господинъ отецъ по дѣлом моим смиряет мя, да не буду гордъ и величавъ пред нимъ и пред братиею своею. И сия притча есть искус Божий, а не беда. Вси бо беды и напасти в вѣце сем, и вся злая, бываемая человѣком, нѣсть беда, но милость Божия. Беда же — се есть, еже в геоне огненей живу мучиму быти вовеки со змиями, з бѣсы».

28. О свобождении из заточения святаго святѣйшим Филаретом, патриархом Московскимъ, и святѣйшим Феофаном, патриархом Иеросалимским

По лѣтном же мучении сего святаго мужа бысть смотрение Божие о умирении Русские земли сицевым образом. Слышано бо бысть восточным церквам, како стражет бѣдне великая Росия от змиева его гонения, — от папы римскаго изблеваною скверною водою, Ростригою и Жигимонтом, нарежаемыми царевичами, и ядомы сими гады уже 14 лѣтъ.[146] Не презрѣвше святии отцы, четыре патриархи вселенстии, в погибели бывающих останки росийских сѣмен изчадия; и совѣтовавше между собою со всѣми восточными церквами, еже бы помощи во время лютыя отчаянныя напасти. И двигнушася от престолъ своих, и дошедше Гроба Господня, и молиша ту Царя Царем и Господа Господем Исуса Христа Бога Вседержителя, да не дастъ одолѣти же злогрѣшныхъ своему жребию. И избраша воеводу крѣпка, силна исполина, могуща тещи путь от востока до запада, и не имѣюща ни оружияносцов, ни конь мужеских, но токмо едино Слово Божие во устѣх имуща, могущее разорити тверди неодолѣваемыя, — пресвятейшаго патриарха Феофана,[147] прекрасного и душею и тѣломъ. И оградивше его многими молитвами и вмѣсто жертвъ благовонных наполнивше его слез духовных, ихже принести ему пищу гладным, всякого хлѣба, Слова Божия, лишенным в Росии в велицей. И тако молитвами ихъ от Иеросалима до Росии во едино лѣто приспѣ здрав и прав во благочестии, наполняя всѣх мира и любве о правой вѣре и о дѣлехъ по Евангелию Божиею и созидая и утвержая обои предѣлы и здѣ, Великую Росию и Малую, такоже соединяя и укрепляя едино мудрствовати о еже держатися старых законъ греческаго православия и древних уставов четырех патриаршествъ не отлучатися. Еже и бысть, всѣм миръ по милости Божии за молитвы Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и всѣх святых.

И абие преста кровь кровь християнская литися, и митрополит Филарет отпущенъ бысть ис Польши на Русь. И донеле же здѣ той святѣйший Феофан патриархъ пребывая на Москвѣ, ждый Филарета, и увѣдав, и о Дионисии вся бываемая от многихъ истинных вѣдцов, и подаде ему руку помощи, да вознесется правда его в церкви Божии.

И вскоре Филарет митрополит Феофаном патриархом поставленъ бысть в патриаршество. И по седмице дней сия два патриарха повелѣша Ионе митрополиту Крутицкому предложити дѣло, еже на Дионисия составы; и сопрѣнию и истязанию многу бывшу от Божественных Писаний. И стояше ту Дионисей в отвѣте боле осми часов, творя ко всѣм на нь клеветником подобну обличительство. И о том свидѣтельствѣ его послѣди сея истории писано есть, еже «О огни», особь; здѣ же настоящее да глаголется, яко ту посрамлени быша вси с

Крутицкимъ митрополитом Ионою,[148] праведникъ же сей Дионисей от царя пресвѣтлаго Михаила Феодоровича всеа Русии восхваленъ и прославленъ бысть, яко истинный страдалецъ явися, за Божественное Писание стражда крѣпце. Патриарси жь, и митрополиты, и архиепископы, и весь освященный соборъ удивляшеся о немъ, и целоваше его вси любезно, и благословиша его радостною душею. И отпущенъ бысть в великую лавру с честию великою и з дарами многими, паче же и прежнихъ времян.

Егда же прииде во святую обитель и паки держася старых своихъ и добрых нравовъ и обычаевъ, — ко всѣм щедръ и ко всѣмъ милостивъ, и всѣх удоволивая, яко отецъ чадолюбив, — и добронравных, и злонравныхъ, великодушных и малодушных немощи нося, и не себѣ угождая, во всем же ища красоты церковныя и благочиния братскаго. И мало нѣчто инъ разумъ яви по времени своему: в прежних бо временѣх гордым крылошаномъ и инѣмъ церковникомъ предкнувшимся на пѣнии и в соблазнъ каков, отецъ же Дионисий, и яве не безчестя ихъ, но втай призвавъ, кротце наказуя; и когда аще и опечалитъ кого по мудрости своей, но вскоре и утѣшит того — или трапезою, или прохладом квасным. Нынѣ же вмѣсто молчания простреся свѣтле и таковымъ на научение добронравия о учении в тайне с кротостию и челобитьем.

29. О головщикѣ Логине и о Филарете, уставщике[149]

Головщик бѣ Логинъ именемъ; и сей же Логинъ, имѣя от Бога дарование излише паче человѣча естества, красен бо ему глас и свѣтел бяше и гремящ вельми, яко во дни его мало таковии обретахуся подобни ему; в хитрости пѣния и чтения первый бяше. И се ему бяше и честь суетная, и имѣния, и пища. И того Божия дарования не разумѣя в себѣ; но от того дара неученъ бѣ догматом православия, и хитрость грамотическую и философство книжное — все нарицая еретичество. И пѣнию убо мастеръ сый, и ученики же многи уча. А знамя[150] налагая на единъ стих; и пять, и шесть, и десять, и болши — розные попѣвки и розные знамена напевая.[151] Се же и сами ученики его егда сойдутца, а по невѣдению не спѣвся, то у всѣхъ рознь слышати есть. И рещи же не вѣмы и о сем, что есть, но токмо ересь, еже несогласие. И пыхая, и гордяся, и пояше, и чтяше, и всѣх под ним сущихъ клириков, и не токмо инок простых, но и от священных чинъ, лая, и бия, и обидя в милостыне бываемой от христолюбцов. И никтоже не смѣяше ни слова рещи ему, и со слезами мнози претерпеваху творимая им.

И бяше в клириках молва немала о нем, о том Дионисию же стужаху о управлении мнози. И часто приклоняшеся Дионисей к Логину и моляше его, и государем, и отцом, и братом нарицая, и со отчеством: «Что ти, свѣтъ мой, польза, что вси клирики и всѣ церковники жалуются на тебя, да и ненавидят тебя и кленутъ и проклинаютъ, а мы, началники, всѣ, что в зерцало, в тебя смотрим; и кая польза, что нам с тобою брань завести?»

О семъ же Логине толико и другий же инокъ, Филаретъ уставщикъ, и той, стар сый, иночествовав во обители Живоначальные Троицы, не исходя от обители боле пятидесяти лѣт; и уставщиком бысть больши 40 лѣтъ; на его же седины добрыя и зрѣти з дивом бяше. Тому же Филарету от простоты ненаучения двѣ мысли мудрования бѣста недобраго; и первая мысль его сице: глаголаше бо яко Господь нашъ Исусъ Христосъ не прежде вѣкъ от Отца родися, но тогда послан бысть архангелъ Гаврилъ благовестити Пресвятей Деве Марии. Другая же мысль ему бѣ мудрования: Содѣтеля убо Бога непостижимаго и неописаннаго, Отца и Сына и Святаго Духа, описанна глаголаше и человѣкообразна суща, и вся уды имѣюща по человѣчию подобию.

Бѣста же сий Филарет и Логинъ друга суща, и Дионисия ненавидяще вкупе, зане

обою сию, и уставщика, стара суща, и головщика, учаше и обличаше Дионисей, а не оглашая никому, но втайне бесѣдуя к ним. И творяше часто покой има и призывая ихъ в кѣлью и глаголаше: «Отче мой, Филаретъ, что слышу о тебѣ, а иногда и примѣтно мнѣ, что блазнишися о Пресвятей Троице, о неописанном Божествѣ, постигнути хощеши, разумѣти — и самъ погибаеши, и в братии малосмысленных смущаешъ. Какъ человѣкообразно быти Божество, глаголаше? Престани, отче честный, тако мыслити и возьми сии в руцѣ книги святыя Деонисия, и Григория Богословцовъ, и Иванна Златаустаго, и Домоскина, и в них тамо обрящеши, что некасаемым касаешися и о чесомъ не смѣютъ небесныя силы помышляти, то ты хощеши постигнути». Филарет же не покаряяся, и глаголаше: «Много ты книгъ читал, да Евангелию ты не вѣруеши, а мнѣ у тебя чево слушать?» Дионисий жь с покорениемъ моля его: «Скажи, отче честный, что я Евангелию не вѣрую?» Филаретъ же глагола: «Аще бы ты вѣрил Евангелию, то Луки евангелиста слова не отставил бы, еже речено: „Той вы крести Духомъ Святымъ и огнемъ"».[152] Отецъ же Дионисей глагола то: «Отче Филаретъ, дѣло было, да и свершилося, а мнѣ тя жаль, что в вѣре Христове некрѣпко мудрствуеши, книгамъ не хощеши вѣровати». Филарет же рекъ: «Яз больши пророческимъ словесем вѣрю». Дионисей же рече: «Да что ты нашелъ во пророцѣхъ, еже Божество человѣкообразно есть». Филарет рече: «Сам Богъ Господь рече: „Сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобию"». [153] Дионисий же рече: «И каковъ образъ Божий во Адаме, и что подобие его?» Филарет же рече: «Аз в томъ с тобою не хощу и говорити». Дионисий же рече: «Добре реклъ еси, что не смыслиши, да и не разумѣешь, что образ и что подобие; и ты, отче Филаретъ, скажи, имѣет ли Богъ уды человѣческия?» Филарет же рече: «Скажи ты мнѣ, архимаритъ государь, что Давидъ глаголетъ: „Руце твои сотвористе мя и создасте мя" и „Нога моя ста на правотѣ"[154] — о чем Давидъ глаголет?» Дионисий же рече: «Скажу ти все, но ты преже скажи от Давида реченное: „Насаждеи ухо, не слышитъ ли сей или создавый око не смотряет ли? И наказаяи языки, не обличит ли, — учай человѣка разуму!"»[155]

Логинъ, же сѣдя, смѣяся. Архимаритъ же Дионисий рече ему: «Что ты, преславной пѣвецъ, чему смѣешися?» Логинъ же начатъ плевати мало не на лицо Дионисию. И вставше оба, и Филаретъ и Логинъ и хотяще ис кѣлии его изыти. Дионисий же, до земля поклоняяся имъ, и глаголя: «Пощадите меня, не принуждайте меня в грѣх внити. Сие дѣло есть церкви Божии соборныя, а яз с вами по любви наедине бесѣдую и вопрошаю вас того ради, да бы царское величество и власть патриаршеская не увѣдали, и нам бы в смирении и во отлучении от церкви Божии не быти». Логинъ же начатъ архимарита лаяти, и глаголя сице: «Погибли мѣста святые от вас, дураков; везде вас умножилося, неученыхъ селскихъ попов; людей учите, а сами не знаете, чему учите». Архимаритъ же Дионисий рече к Логину: «Ты мастер всему, а что поеши, то же и говоришь. И тово себѣ не разсудишь, какъ прямѣе надобно в пѣнии или в говорении разумѣти, или одно; и ты в церкви Божии братию смущаешъ и в смѣхъ всѣхъ вводишь, — во чтении чтешь или в молении глаголеши: „Аврааму и сѣмени", и паки „и о сѣмени твоем благословятся вси языцы", и еще индѣ „и сѣмя твое наслѣдятъ землю сопостат своихъ";[156] и вездѣ писано оксия[157] над ятемъ — „о сѣмени", да и ты также самъ выговариваешъ, а как поешь? И ты вопишь великимъ гласомъ: „Аврааму и семенй его до вѣка", и свѣтлую статью[158] кричишь над „нашъ" и „иже". И во чтении и молении глоголется ѣ „о сѣмени" или „сѣмени", а по твоему безумному кричанию, что толковати „и сѣмени", и тутъ „сѣменй"; и кладетца в писания варйя.[159] И рѣчь та самая безумная, а глаголется от лица властельска и от начальства — к плутишкомъ и к оманщикомъ, которые людишка отманиваются от бѣдъ или от правежей, или от

побой и от ранъ. И хто не хочет под кнутье или под батоги лечь, да лжотъ и манитъ, чтоб выдумати, чѣмъ бѣды избыть, да вертитца, как собака; и ему, бѣдному, смѣютца всѣ люди и глаголютъ: „Платися или займи и или писмо крѣпость давай, а не по семенй вам не избыти бѣды манами”. И ты первой человѣкъ в церковниках, что поеши, а не разумѣеши, кого Павелъ апостолъ учитъ о пѣнии. И чему сице — „Воспою языкомъ, воспою же и умомъ”, аще ли пою, а не разумѣю или глаголю, а самъ того не знаю, то, что будетъ. Павел же глаголетъ о том же: „Аще не увѣмъ силы слову, кая полза ми есть, быхъ яко кимвал”, [160] сиирѣчь бубенъ или колоколъ шумящь; но и бубенъ или колокол дѣлу указ знаменует; человѣкъ же, аще не знаетъ своему слову силы разума, то нѣсть человѣкъ, но ветролай пес, да не просужеи, — инъ бо песъ знаетъ пришествие лиха человѣка или звѣря татя, и того ради лаетъ мало, да вѣсть господину подаетъ. Безумный же пес во всю нощь лаетъ, издалеча шумъ вѣтра слыша, и на то злится. А ты убо аще и много поешь, и малымъ чим прогнѣвляешь Господа Бога, то что твои труды будут? Аще земнаго царя год кто хвалит, а единою излаетъ, то не мученъ ли будет злѣ и погибнетъ люто? Зрите, что Петру реченно бысть: „Иди за мною, сопротивникъ, не смыслиши бо, яже суть Божия, но яже человѣческая",[161] и чадомъ Авраамлим мнящимся глагола: „Вы отца вашего диявола есте, яко волю его творите”.[162] А намъ, братия господия, что будетъ отвѣтъ, иже высоко стояти мнящимся?»

Логинъ же сия слышавъ и с Филаретом, яко здумавъ вкупе и единеми усты рекоша: «Мы вѣруемъ во Отца и Сына и Святаго Духа, а болши того не знаем, да и не премудряемъ ничево; а хто перемудряетъ, то самъ узритъ; а мы не еретики, а поемъ и чтемъ и говоримъ, какъ повелося изстари в дому Живоначалные Троицы, — такъ то мы держимъ и вѣруем». Дионисий же рече: «Отцы и братия, и бѣси вѣруютъ и трепещут и молятся, но никогда не покаются и не престанут от зла». Филарет же рекъ: «Да мы что дѣлаемь, скажи намъ, отче?» Дионисий же глагола: «Добро ли то будетъ, что в братию сѣяти не полѣзное учение, но пагубное, якоже с первыхъ рекохъ, что твое мудрование, да и Логиново пѣние, что знамя пѣнию полагает, как хочетъ, племянника своего Максима научилъ пѣти „и Цари”, стихи пропѣлъ ему „Благовѣстит Гаврилъ"[163] на семьнатцать попѣвокъ розными знамены, а иные славные стихи, то переводом не токмо по пяти, и по шти, и по десяти, и болши, — и то, отче Логинъ, не тщеславие ли, не гордость ли, что твои ученики, да гдѣ ни сойдутся, тутъ и бранятца? И ты прочти себѣ в Никонской книге,[164] когда былъ Асина пустынникъ, и трегубное пѣние, еже и донынѣ есть трестрочное, от аггелъ Божиихъ навыкъ, и потомъ возгордѣся, — и отступила от него благодать Божия, и диаволскимъ прелщением взятъ бысть от бесовъ, а мняся, яко Илья на небо, и долу изверженъ бысть, яко Симонъ волхвъ».[165]

Сия же слышавше, честнии си началницы церковнии оба прискорбни вельми быша, а прощения нимало ко отцу показаша, но еще и на гнѣвъ великъ подвигошася; и в Кириловъ монастырь, и во иныя мѣста, и въ царствующий градъ многия затѣи писаша на святаго сего отца Дионисия и возмутиша и инѣхъ малоумныхъ на его преподобьство и по смерть свою от многих злых злыя бѣды злѣ страдаше.

30. О сем же святемъ муже Дионисие о Бесѣдах евангелскихъ

Ино достойно слушати немалое терпѣние. От Бога убо дарование се дадеся ему от юности: держажеся крѣпко всегда в кѣлии своей и якоже молитвы, тако же и чтению прилежа, и не отлагаше от себя никогда же Бесѣдъ евангелскихъ и апостолскихъ. У него бо во обители и первое сия книга переведена бысть в царство царя Ивана Васильевича, благословениемъ святаго митрополита Макария, Селиваномъ, ученикомъ Максима Грѣка,[166] юже Максимъ, чюдный

философъ, своею рукою всю исправилъ; также и Апостол толковой и иныя многия послания и повести чюдныи изъявилъ. До сего же Дионисия в дому Сергия чюдотворца мало любили Максима Грѣка книгъ,[167] также и преведеныхъ от ученика его Селивана, — ни во что полагаху тѣ книги. И на соборе в торжества уставщики не давали ихъ честь. Симъ же послѣдующе Филаретъ и Логинъ, по старинѣ брѣдяще, ревнующе безумнымъ, но не по разуму святых. Дионисий же во уставех церковныхъ в переводехъ различных, в харатейных и в писмяныхъ, обрѣте писано на многия дни празничныя, паче же и в Четыредесятницу[168] и в Пятьдесятницу[169] во всю указано, якоже Григория Богослова чести, также и в Бесѣдахъ евангелскихъ и апостолскихъ Златоустовы чести списания[170]. Сия же от уставовъ изысканое не небреже Дионисий и повелѣ добрымъ доброписцомъ написати книги различныя, идѣже годно ему, тамо разсылаше в монастыри во многия,[171] паче же и в соборныя храмы, якоже и в царствующем граде Москвѣ даже и доднесь в книгохранителнице великия первыя церкви предлежатъ[172] и прочитаемы суть от патриарха и от всего святаго собора росийскаго. Сие же великое море неизслѣдимыхъ словесъ Златоустовых, от ленивых скаредниковъ, яко лужа, не годная никому, скаредуема вменяшеся; дивным симъ Дионисиемъ к морю сему великому путь очищенъ бысть всякому чину и возрасту доходити; сим же Филарету и Логину той путь ненавидимъ.

И егда хотящу и повелѣвающу Дионисию чести книг евангелских или апостолских Бесѣдъ, то мятежь и брань в крылосах бываше. Логинъ бо головщикъ никогда не претерпѣваше и под нимъ сущимъ не даяше чести; также и Филаретъ с нимъ вкупѣ воспрещаху всѣмъ. Дионисий же бяше тщателен ко всему и самъ на крылосе поя иногда, и статьи любяше чести; его же доброе чтение и яко пѣние, тако и поучение мнози от братии и от клирикъ и от простыхъ чади и зѣло любяху слушати и хваляху вси разумѣющеи Писания. Логинъ же, величаяся о гласе своемъ, злѣ ненавидяше его поюща или чтуща, и злѣ понося и укоряяся, глаголаше: «Не ваше то дѣло, что пѣти или чести, зналъ бы ты то одно, архимаритъ, чтоб лишо с мотовиломъ своимъ на крылосѣ томъ, что болван, онемѣвъ, стоялъ». Архимаритъ же о всем молчаще. Сей же Дионисий почасту творя, поя и чтый, и не себѣ то творя, ни тщеславяся, но немощи немощныхъ нося; и не себѣ угождая, но ближняго к созиданию, видя бо всегда овехъ не приходящихъ, инѣхъ же изнемогающихъ ихъ душевней или телесней от смуты избавляя, издалѣча бо зря грядущая козни дияволя.

Случижеся нѣкогда мало на крылосе поющихъ, и зшедъ Дионисий с крылоса и хотяше статью первую чести. Логинъ же прискочивъ и исторже книгу из рукъ его; и падеся налой и с книгою на землю, и стукъ великъ бысть. Архимарит же Дионисий токмо лице свое прекрестивъ, и шедъ на крылосъ, сѣде и молчаше. Логинъ же прочетъ статью и пришед к архимариту и вмѣсто прощения начатъ плевати на нь и лаяти, яко пес. Архимаритъ же, вземъ свой жезлъ пастырский и мало махнувъ, глаголя: «Престани су, Логинъ, не смущай пѣнием Божиимъ и братиею всею, мощно намъ о томъ переговорити и после заутрени». Логин же тако возъярився, яко пес, скочивъ и исхитивъ из рукъ у Дионисия посохъ его пастырский, и изломи его на четыре части, и верже его в лоно ему. Дионисий же возрѣвъ ко образу Владычню и рекъ: «Ты, Господи Владыко, вся вѣси, и прости мене, грѣшнаго, аз согрѣших пред тобою, Господи, а не он». И сошед с мѣста, и пред образомъ Пречистые Богородицы всю заутреню плака; и после заутрени не возмогли всею братиею принудити того Логина, чтоб простился у архимарита.

31. О пришествии иеросалимскаго святѣйшаго патриарха Феофана в Троицкой морастырь

По милости Божии великий господинъ святѣйший Феофанъ, патриархъ святаго

града Иеросалима, всеа Палестины,[173] егда многими труды своими и подвиги в мир введе во Илирице, еже в Скифохъ двѣ велицеи странѣ: великое царство Росийское и державство Польское, и тогда Московское владычество патриаршеством обновилъ, Киевскую же митрополию, падшихъ в латынъство отлучением во униятство, греческими законы от униат, яко ис тмы во свѣтъ изведе[174] и утвердивъ ихъ, яко возмощи имъ силою святыхъ книгъ стояти сопротив всемирнаго врага, папы римскаго. До сего Феофана патриарха во всей Росии малии от християнъ гречески писании глаголаху. Се же дивный Феофанъ патриархъ усиливъ в Руси многи сыны православныя греческии книги писати и глаголати, и философъство греческихъ книгъ до конца научилъ вѣдати. Потомъ же у великого царя Михаила Феодоровича сей премудрый святѣйший Феофанъ испросивъ, да бы ему далъ видѣти мѣста святыя, яже в Росии просиявшихъ святых Божиихъ угодников, ему же и все по воли его бысть.

Слышав же бяше о обители преславной Живоначалные Троицы, каковъ и что от еретиковъ и от латынникъ, и от измѣнников бысть томление мѣсту тому; и сомневашеся о разорении царствующаго града Москвы, како разоренъ бысть, и како то малое мѣсто спасено бысть. И хотяше видѣти з желаниемъ не мѣсто, но дивнаго хранителя — великаго святаго Сергия чюдотворца, како от толиких воинъствъ и от лютых золъ спасеся. И из царского града шедшу ему до обители святаго. Ему же честь сей Дионисий сотвори паче царского величества, внѣ бо монастыря изшед по обычаю; не по обычаю же, яко царю срѣтение, но во множестве чину священнаго во украшении святолѣпномъ, и умножениемъ драгихъ бисеръ, и многоцѣннымъ камениемъ и со множеством кадилъ с фимияном, и со множествомъ святыхъ иконъ; и братия вся со свещами. А мирстии священницы прежде и вси людие далече в поле стретиша, и со женами, и з детми; и вси святымъ к ногам сего святѣйшаго Феофана припадающе со слезами и друг друга утѣсняюще, вси благословение хотяще получити. Онъ же всѣмъ дая благословение; вси же тогда людие во изрядстве свѣтло, — но сие бывше по повелѣнию самодержца — и грядуще и благословляющеся благочинно, от стара даже и до младенцовъ, вси, падающе, покланяхуся. И егда вшедъ во обитель, и исполнися весь монастырь людьми, понеже мнози желающе видѣти его; падше, поклонишася ему до земли вси людие; и трижды воздѣвающе людие руцѣ горѣ, и, падающе, поклоняхуся ему. Он же начатъ плакати; и пѣвшим вечерню и молебная совершившимъ, онъ же святѣйший Феофанъ, ни х кому ничтоже вѣщая, но токмо плакаше беспрестанно.

По вечернемъ же пѣнии Дионисей архимаритъ со всею братиею моляше великую его святыню и чесность, да бы трапезу благословилъ, и едва на милость преклонился и иде в трапезу. И по обычаю своему моление сотвориилъ о царскомъ величествѣ, и о отцѣ его и матери его,[175] и о всемъ царьскомъ сигклите; и повелѣ грекомъ воспѣти многолѣтие царю государю Михаилу Федоровичу и потомъ отцу его, святѣйшему патриарху Филарету, и матери его, великой государыне, и потомъ всѣмъ християномъ. Поющим же прежде святымъ старцемъ Святыя горы Синайския, дванадесятьма инокомъ со архимаритомъ своимъ и с келаремъ, и потомъ повелѣ пѣти троицкимъ крылошаномъ, ихже числом бяше по дватцати по шти человѣкъ крылос. И по томъ сотвори благословение трапезе, и сѣде, и не вкуси брашна ничтоже, братию же повелѣ учредити. Слух же изыде, яко всенощному пѣнию готовляшеся; и мало почивъ, и воставъ рано велми, и повелѣ бдѣнию быти, и тако всю нощь препроводивше славословии Божии и на утрени; по времени повелѣ ко святѣй Литоргии благовѣстити. И егда прииде в церковь святую Литоргию служити, прежде молебномъ бывшимъ, и водѣ освященней бывши, и Святыя Живоначалныя Троицы образ отирая и окропляя,[176] со многими слезами, и святыя Владычицы нашея

Богородицы и Приснодевы Марии, такожe и пришедъ ко святымъ мощемъ великаго святаго чюдотворца Сергия и повелѣ архимариту Дионисию открыти святое лице чюдотворца; и егда отре губою, и объятъ его страх велий, и сердце его трепеташе в немъ, виде бо в нетлѣнии его суща; и перси святаго и руцѣ осязавъ, и дивляшеся; и став ко образу, зря Пресвятыя Троицы, и повелѣ толмачю толковати рѣчи своя и сказовати вслухъ всѣмъ людемъ благодарение ко Святѣй Троице и к Пресвятѣй Богородицѣ. И потомъ обратився к великому чюдотворцу, глаголаше сице: «О великий Сергий чюдотворец, изыде слава святаго жития твоего даже до востокъ солнечных, и благодарим Содѣтеля всяческимъ Христа Бога, яко и на конецъ вѣка дошедшимъ людемъ и вѣрующимъ в него даетъ упование не отпадати правыя вѣры за молитвъ Пречистыя его Матере, и вас ради, со всѣми святыми подвизавшимися по благочестии». И по том святую Литоргию самъ соверши со многими слезами. И толико чюдно моление его видети бѣ, яко всѣхъ сущихъ с нимъ подвиже источники слез точити, и внутрь и внѣ святыя церкви вси людие страхомъ и ужасомъ многимъ одержими бѣяху.

По совершении же святыя службы моли его величество отецъ нашъ Дионисий, да сотворитъ упокоение собѣ и всѣмъ сущимъ с нимъ, иже от Иеросалима на Русь пришедшимъ. И в трапезе почествование бысть, якоже и самѣм царемъ московским бываетъ на поклонение ко Святѣй Троицѣ в празники приходящии.[177] Трапезе же бывши предоволней, всѣми земными преизобилующи; святѣйший же Феофанъ по множемъ покланянии с молениемъ Дионисия з братьею едва мало вкуси, и сидяше, ни ядый и ни пия, но плачася велми, и полотенца многи измочи слезами. И торжество велие бываше обѣда с пѣниемъ и со многимъ чтениемъ, но патриархъ самъ не утѣшимъ нимало от плача. Жалостне же Дионисию и з братиею бысть се, яко многъ труд и подвигъ ихъ вотще бысть, и мняще, яко нѣчто Феофанъ святѣйший гнѣвъ имать; и в тихости посовѣтовавъ, и бысть велми слезенъ и со всею братиею. И абие же святѣйший Феофанъ Духомъ Святым разумѣ, и начатъ бесѣду творити к Деонисию и ко всѣмъ братиям, глаголя: «Что смущаетеся, якоже о мнѣ, яко плачюся? И вы не скорбите си, но от радости сердце мое веселится, яже от васъ не ищу бо ничтоже вашихъ, но вас, по апостолу глаголющему: „Вы бо радость моя и венецъ“,[178] яко здравых вас обретох; прежде бо слышаша вся церкви восточныя скорбь вашу и трудъ, яже подъясте о Христѣ от гонящихъ васъ правыя ради вѣры. И мнѣ убо не невѣдомо же есть о всемъ, яже случишася вам беды подъяти, ныне же и очеса моя видеша вся, за что убо страдасте, и не без ума, зане многимъ вина бысте ко спасению. И яз от Иеросалима идохъ даже и до вас и моляхся Владыцѣ Господеви Богу моему, да не будет труд мой вотще, и уже ми о Христѣ приобрѣтохомъ, и со скорбию и з болѣзнию вашею обществовахомся, такожe и радости вашей уже началницы быхом; тѣмже радуемся с вами, плакахом бо с плачущимися с вами же; и нынѣ радуемся с радующимися с вами же. И прошу нынѣ у вас нѣчто видети, да еще возвеселюся по желанию моему».

Дионисей же з братиею пад на землю, и глагола: «О, главо честнѣйшая, паче всѣх человѣкъ на земли, се мы вси и вся наша в руку твою суть, что хощеши от раб своихъ, рцы нам!» Святейший же Феофан рече: «Ничто, но еже слышах, яко во время беды ратныя[179] дерзнуша от обители сея святыя вашея иноцы нѣцыи броня возложити на ся, и прияти оружия в руку, и ратоватися крѣпце, дадите ми сих видѣти!» Сия же слышавъ, Дионисей усумнѣвся и глагола: «Что се будет?» И в братии о том взыскание бысть. Иноцы, то дѣльцы суще, и рекоша Дионисию: «Яви нас, отче, владыце нашему, буди все по воли его». И явленно бысть святительству его, и абие пред лицемъ его сташа боле двадесяти численомъ, в них же первый бѣ именемъ Офонасей Ощеринъ,[180] зело старъ сый и весь уже пожолтел, в сединахъ; и еще возвестиша ему вся, яже о нем. И мало видя и рече к

нему святѣйший Феофан: «О старче, старый воине, ты ли еси исходяй и начальствуя пред вои мученическими?» Афонасей же рече: «Ей, владыко святый, понужден бых слезами кровными». Такоже и от инѣх явленно бысть и о нем. Святейший же рече ко Афанасию: «Возлюбленный брате, и кое ти есть свойственне бяше: ко иночеству молитвами особь или подвиг пред всѣми людми?» Афанасий же пад, поклонися и глагола: «Всякая вещъ и дѣло, владыко святый, во свое время познавается; у вас, святых отецъ, от Господа Бога власть в руку — и прощати, и вязати; аз не вѣм, что творю или сотворихъ в повелѣнии послушания». И, обнажив главу свою, и приклонился к нему, и рече: «Извѣстно ти буди, владыко мой, се подпись латынникъ на главе моей от оружия, еще же и в лядвиях моих шесть памятей свинцовых обращаютца; и в кѣльи седя в молитвах, какъ найти было из воли такихъ будилников к воздыханию и стонанию? А се все бысть не нашимъ изволением, но пославшими нас на службу Божию».

Также и инии иноцы известиша святейшему же Феофану, доздѣ сѣдящу и ни к чесому не прикасающуся, — ни брашну, ни питию, отсюду же воставшу от трапезы; и совершению бывшу. И того Афонасия благословилъ, целова его любезне, такоже и протчихъ кровоточцов; и с похвалными словесы отпусти всѣх, и отиде на покой свой. Наутри же по святей Литоргии принесоша ему дары и чести великия; и ино убо прият же от святых, а ино отдал в домъ Пресвятыя Троицы и с милостию о братии.

32. О клобукѣ,[181] даномъ от патриарха Феофана архимариту Дионисию

Потом же повелѣ патриархъ Феофанъ конечный молебен пѣти Пресвятей Троице; и по молебну знаменався у святых иконъ и прииде ко гробу великого чюдотворца Сергия; и снемъ с себя клобукъ, яже ношаше на главѣ своей, и покропив святою водою, и сотре тѣм клобуком своим колѣне, и голене, и плеснѣ, и подошвы ногъ чюдотворца Сергия, и во гробе святаго приникну, под плеснѣ святых его ногъ подложи, и со многими слезами долго время моляшеся; а Дионисию повелѣ стояти откровенною главою без клобука. И взем свой клобукъ и под плеснию ног чюдотворца Сергия, и целова его, и повелѣ Дионисию целовати; и преклонь главу Дионисиеву, и возложи на нь руку, и архидиякону своему повелѣ возгласити «вонмемъ»; и архимарит Синайския горы трижды воспѣвъ «Господи помилуй», по-гречески «Кирелигисонъ» Феофанъ же держа рукою своею клобукъ на Дионисии, на главѣ, и глаголя молитву на возложение клобука; и по молитве благослови Дионисия в клобукѣ, и целова его во уста и рече: «Се во имя Отца и Сына и Святаго Духа дах ти благословение, сыну мой, и назнаменах тя в Велицѣй Росии посредѣ братии твоей, да будеши первый старѣйшинства над иноки многими по нашему благословению; и такожде и по тебѣ аще кто будет, да носят в мѣсте семъ святем наше благословение, величающеся и хвалящеся нашимъ смирениемъ, и отвѣтъ да творят радостен сице: „Се знамение намъ дано, яко патриарси восточни поклонницы суть святому мѣсту сему, и честь свою пред Святою Троицею оставив, з главы своея снявъ, по себѣ в память положи под нозе великому стражу и блюстителю великому богоносному Сергию чюдотворцу"». И повелѣ на оба крылоса во святей церкви воспѣти «Спаси, Христе Боже, отца нашего, архимарита Дионисия» трижды; и обратився ко братии, всѣм глагола: «Запишите себѣ се всѣ, яже содѣях о отце вашем архимарите; и впредь егда кто от братии нашея аще будет на поклонение здѣ, и то да буди нашего смирения изволение вѣдомо впредь по нас сущим родом, да и вам бы наше смирение и любовь не забывать и в молитвахъ своих памятьствовати» — и паки прослезився. Братия же и вси людие поклоншеся ему до земля и начаша глаголати попросту.

---

[1] *...ради казначѣйския... келарскаго ради строения...* — Симон Азарьин называет должности — казначея (1634—1645) и келаря (1645—1658), — которые он занимал в Троице-Сергиевом монастыре.

[2] *когда отторгнут есмь... и удалихся от него...* — Симон Азарьин упоминает о переводе в Алатырский Троицкий монастырь (1631—1634).

[3] *И пребых бездѣленъ в размышлении... убо побѣждаяся...* — Ср. Предисловие к Житию Сергия Радонежского: наст. изд., т. 6, с. 254.

[4] *...священноинок Епифаний...* — Епифаний Премудрый (2-я пол. XIV—1-я четв. XV в.), автор Жития Сергия Радонежского. См. наст. изд., т. 6, с. 254—411.

[5] *...якоже лѣнивый онъ рабъ приемый талантъ и скрывый в земли ...* — См. Мф. 24, 18.

[6] *яко пес смрадный, от его богато дарованныя трапезы, яко падающими крупиц ами, питаем бывъ...* — См. Мф. 15, 27.

[7] *...на преподобных чюдотворцов Сергия и Никона...* — Имеются в виду Сергий Радонежский (ум. в 1392 г.) и его ученик Никон Радонежский (ум. в 1427 г.).

[8] *...и на твои святые молитвы, а яко от тебѣ повелѣнъ быхъ... дерзнухъ грѣшною моею рукою написати...* — Здесь и далее автор обращается к Боголепу Львову, строителю Богоявленского монастыря (ум. в 1675 г.), который поручил Симону Азарьину написать Житие Дионисия. См.: Понырко Н. В. Боголеп // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. XVII в. Ч. 1. А—З. СПб., 1992. С. 140—141.

[9] *...Никодима, боголюбиваго пустынножителя...* — Никодим Кожеозерский, пустынножительствовал на Севере 36 лет, ум. около 1640 г.; ранняя редакция его жития написана до 1648 г. Боголепом Львовым.

[10] *...яко во училищахъ философскихъ не бѣхъ, ниже грамматическия хитрости н е навыкохъ...* — Приведена традиционная формула авторского самоуничижения, распространенная в культуре русского средневековья.

[11] *...преподобнаго отца Давида, иже в Селуни.* — Давид Солунский, греческий святой (ум. в 540 г.), память его 26 июня, житие составлено ок. 720 г.

[12] *...Германъ книгописецъ Стариченин...* — Герман Тулупов (ум. в 1636 г.) занимался перепиской книг для Старицкого Успенского монастыря, для Троице-Сергиева монастыря, составил и переписал Четьи Минеи (1627—1632).

[13] *...слуга именем Никита Кучинъ...* — Записан как щедрый вкладчик под 1630, 1643 и 1660 гг. (см.: Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. Загорск, 1987. С. 247 и 254). Среди вкладов названы два коня, изба, иконы, сабля, пара пистолей, пороховница.

[14] *...во град Старицу в Богородичный монастырь.* — Старицкий Успенский

Богородицкий монастырь, основан в нач. XVI в.

[15] *Нѣкогда же прилучися ему быти...и ползу многу от него приимъ .* — Пропуск в рук. Погод. 712 восполнен по рук. *ГИМ,* Синод. собр., №416, л. 19—20 об.

[16] *...святѣйшимъ Гермогеномъ патриархом Московским...* — Гермоген (ок. 1530—1612 гг.) был избран патриархом в 1606 г., занимал свой пост до гибели в 1612 г.; за выступления против польско-литовских интервентов был заключен в Чудовом монастыре и уморен голодом.

[17] *...вор назвався царевичем Дмитреем Ивановичем Углецким...* — Речь идет о Самозванце — Лжедмитрии II — Тушинском воре (ум. в 1610 г.).

[18] *...с царем Василием...* – Василий Иванович Шуйский (1552-1612) находился на московском престоле с 1606 по 1610 г.

[19] *...на Лобное мѣсто...* — Белокаменный помост на Красной площади в Москве, предназначенный для оглашения указов, а иногда и для публичных наказаний.

[20] *...апостола Павла слово и Златаустаго Иоанна... «Аще, - рече, - аз свяжу на земли, Богъ уже к тому не свяжетъ».* — Возможно, автор обращался к киевскому изданию: Иоанн Златоуст. Беседы на 14 посланий апостола Павла. Киев: Тип. Лавры. 1623.

[21] *Октай* — Октоих (от греч. — восьмигласник) — богослужебная книга, содержащая службы восьми гласов на каждый день недели.

[22] *Минѣи мѣсечные* — книги, содержащие богослужебные тексты и жития святых — по дням месяца.

[23] *службы выпевая всѣ, и Триоди обе...* — Имеется в виду Триодь — книга, содержащая богослужебные тексты на период поста (Триодь постная) или от Пасхи до первого воскресенья после Троицы (Триодь цветная).

[24] *...псаломъ «Помилуй мя, Боже»...* — Пс. 50.

[25] *...в доску битъ...* — Подавать сигнал, указывать время.

[26] *...патрахѣли, ризы, стихари...* — Названия церковных облачений.

[27] *Книжицу такову у себя в кѣлии имѣя, имяна ихъ писаны...* — Имеется в виду помяник, или синодик.

[28] *...и по предѣльнымъ по всемъ церквамъ...* — Т. е. по церквам, имеющим приделы с самостоятельными алтарями. Такие приделы были у Троицкого, Успенского соборов, у Духовской (Сошественской) церкви Троице-Сергиева монастыря.

[29] *...и в приписные монастыри...* — Так назывались обители, зависимые экономически и духовно от более крупных монастырей. Приписным по отношению к Троице-Сергиеву монастырю был, например, Алатырский Троицкий

монастырь, близ Симбирска, упоминающийся в Житии Дионисия.

[30] *камокъ, тафтъ, дорогов, выбоекъ, крашанинъ, полотенъ...* — Перечислены названия шелковых и льняных тканей, употреблявшихся в церковной практике для облачений священнослужителей.

[31] *...нѣцыи от иконописцов подобие лица его на бумаге начертаху.* — Сохранились иконы, миниатюры и даже стенные изображения Дионисия. В публикуемой рукописи собр. Погодина, № 712 миниатюра помещена перед Предисловием. Она и другие изображения архимандрита воспроизведены в работе: Белоброва О. А. Портретные изображения Дионисия Зобниновского // Сообщения Загорского гос. историко-художественного музея-заповедника. Загорск, 1960. Вып. 3. С. 175—180, 6 иллюстраций. Миниатюра из рукописи Погодина № 712 воспроизведена на спинке задней обложки в кн.: Рукописные книги собрания М. П. Погодина. Каталог. СПб., 2004. Вып. 3.

[32] *...на крылосе же сам пояше...* — На клиросе, среди певчих храма.

[33] *Мнозем же праздникомъ службы великия, еже есть всеночныя пѣния, приложивъ при своем архимаричестве.* — Дионисий заботился, чтобы в праздники службы в монастыре проходили особенно торжественно.

[34] *И благодарныях лѣбы...в Сергиеве монастырѣ устави.* — Имеется в виду чин благословения хлебов на всенощном бдении, когда после литии на середину храма поставляется стол с пятью хлебами и пшеницей и с сосудами с вином и елеем (таким образом испрашивается благословение на плодородие земли для пропитания людей). Этот чин известен с древности. Очевидно, в начале XVII в., как и ныне, этот чин не был обязателен для всех церквей.

[35] *Богородичны догматы... творение... Иоанна Дамаскина, купно со Амморѣевыми стихѣрами пѣти повелѣ.* — Богородичные догматики — это песнопения (всего их восемь, по числу гласов), исполняемые на всенощном бдении в честь Богородицы, которые содержат догматическое учение о рождении Бога-Спаса от Девы Марии; богослужебное творение их принадлежит Иоанну Дамаскину (VII—VIII вв.), византийскому богослову, философу и гимнографу. Амморейские стихиры, прославляющие Богородицу, — автором их считается Павел Амморейский, византийский гимнограф XI в.; эти стихиры исполняются также за всенощным бдением.

[36] *...от головщика Логина...* — Логин Шишелев по прозвищу Корова (ум. в 1624 г.) был наделен певческим дарованием, служил мастером-распевщиком, «в хитрости пения и чтения первый бяше». Ему был присущ неуживчивый характер. Наряду с певческой практикой он заботился о переписке составленных им песнопений (сохранились рукописи с его именем). Логин принимал участие в обвинениях архимандрита Дионисия в еретичестве, публично его оскорблял. См.: Морохова Л. Ф. 1) Лонгин // Писатели и книжники XI—XVII вв.: ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 40. С. 125—126; 2) Логгин // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. (вторая половина XIV—XVI в.) Ч. 2. Л—Я. Л., 1989. С. 71—72; *Спирина Л. М.* Малоизвестная певческая рукопись XVII в. из собрания Сергиево-Пасадского гос. историко-художественного музея-заповедника // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1995. М., 1996. С. 159—168.

[37] *...праздники полиелеосныя... шестерѣчные службы поютъ...* — Полиелеосным и праздниками называются такие праздники православной церкви, при которых производится служба с пением полиелеоса (т. е. 134 и 135 псалмов) и величания. Принадлежат к числу великих праздников. Полиелеос от греч. — многомаслие: в храме зажигаются светильники и проходит помазание верующих освященным елеем (маслом). Шестеричные службы принадлежат к разряду малых праздников; их название связано с указанием церковного Устава о чтении канона в такие дни «на шесть тропарей», т. е. по шести тропарей в каждой из его песен.

[38] *Аще и величающеся нѣцыи и гордящеся... во всемъ противистася ему диявол имъ навѣтомъ. -* Подразумеваются монастырские вотчинные власти (иначе «совладеющие» из бояр и дворян, для которых Дионисий был «простой мужик»). При восстановлении разоренного после осады монастыря вотчинного хозяйства вотчинные правители допускали злоупотребления, подлоги, присвоение земель и крестьян. Дионисий безбоязненно противился этим злоупотреблениям, чем навлек на себя недовольство. См.: Скворцов Д. Дионисий Зобниновский, архимандрит Троице-Сергиева монастыря (ныне лавры). Тверь, 1890. С. 359—375.

[39] *...зазывные грамоты... записи повинныя... грамоты управныя... дворы пусты п оказоваху... к разорению убытки сугубы...* — Симон Азарьин называет документы, с помощью которых не называемые по именам правители вотчинных владений стремились умножить свои хозяйства, применяя обман, прикрываясь авторитетным именем обители Сергия Радонежского и не подчиняясь ограничениям, выставляемым архимандритом Дионисием. В рук. Погодина № 712 здесь и далее нарушается порядок изложения текста, переписанного, по-видимому, по рукописи с перепутанными листами. Сверка текста здесь и далее сделана по рук. *ГИМ,* Синод. собр.,№ 416.

[40] *«Лутче, - рече, - женитися, нежели разждизатися».* — См. 1 Кор. 7,9.

[41] *О исцелении святаго глухому.* — Это заглавие в рук. Погодина, № 712, пропущено, приводится по списку *ГИМ,* Синод. собр., № 416. В рук. Погодина, № 712, вместо*глухому* читается *слепому.*

[42] *...нѣкий слуга именемъ Иванъ Бабарыкин...* — Его имя находим среди вкладчиков: слуга Иван Романов сын Баборыкин «дал вкладу... денег 40 рублев». См.: Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Издание подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева. Отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1987. С. 245.

[43] *...приказъ царской быстъ... архимариту Деонисию да старцомъ обители тоя Арсению Глухому, да Антонию Крылову, да черному дъякону Закхѣе, да священнику Ивану, имянуемомуНасѣдке...* — На самом деле исправление богослужебных книг троицким книжни-кам передал боярин Б. М. Салтыков, не согласовавший это предприятие с митрополитом Ионой. Старец Арсений Глухой известен как писатель и справщик Печатного двора (см.: Панченко А. М. АрсенийГлухой // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XVII в. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. А—З. С. 103—105); Антоний Крылов (не Крыслов!), «что был на Москве в книжных справщиках», назван посмертно под 1630 г. во Вкладной книге Троицкого монастыря (с. 203); черный дьякон Закхей вписан под 1631/32 г. в ту же Вкладную книгу как вкладчик строительных материалов (см. с. 195). Иван Наседка, священник (1608—1619), помогал архимандриту Дионисию в

составлении патриотических грамот, а в 1615—1616 гг. участвовал в исправлении богослужебных книг. Иван Наседка занимался литературным трудом, в 1648—1649 гг. написал дополнение к Житию Дионисия. См.: Зиборов В. К. Иоанн Васильевич Шевелев Наседка // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. XVII в. Ч. 2. И—О. СПб., 1993. С. 63—65.

[44] *...в веси глаголемой Клементъевой...* — Имеется в виду село Клементьево, ставшее подмонастырской слободой.

[45] *...в прежнихъ Служебниках печатных... А в старыхъ Потребникахъ харатейных и писменых...* — Сопоставление печатных и рукописных книг свидетельствует о текстологических навыках, свойственных участникам «книжной справы».

[46] *...Крутицкого митрополита Иону...* — Иона, митрополит Подонский и Сарский, управлял московской патриархией в 1614—1619 гг.

[47] *...митрополита Иону... архимарита чюдовского Аврамия с товарыщи... В то бо время... на Москвѣ патриарху не сущу...* — Названы участники церковного собора 1618 г. Митрополит Иона в отсутствие патриарха управлял, достаточно неумело, церковными делами, доверяясь мнению клеветников и доносчиков, в том числе головщика Логина (см. сноску 36).

[48] *...польского королевича Владислава...* — Владислав, сын короля Сигизмунда III Вазы, с 1632 по 1648 г. польский король, в 1610 г. был претендентом на русский престол.

[49]*....послаша в Кирилов монастырь...* — В Кирилло-Белозерский монастырь.

[50] *...послаша его... к Спасу на Новой.* — В Новоспасский монастырь в Москве

[51] *...епитимию наложиша...* — Т. е. назначили наказание, достаточно мучительное, с боль-шим количеством поклонов, с содержанием «в дыму» вдали от Троице-Сергиева монастыря.

[52] *...патриархомъ Филаретомъ.* — Патриарх Филарет, в миру Федор Никитич Романов (1550-е-1633), отеццаря Михаила Федоровича. Возглавлял боярскую оппозицию при Борисе Годунове, насильственно пострижен в монахи (1601), сослан в Антониево-Сийский монастырь. Был востребован из ссылки Лжедмитрием I, поставлен ростовским митрополитом (1605). При Лжедмитрии II провозглашен патриархом (1608), направлен в составе посольства в Польшу за царевичем Владиславом (1610); до 1619 г. находился в Польше в качестве пленника. По возвращении в Москву стал патриархом и соправителем царя.

[53] *...по свидѣтельству вселѣнскихъ патриархъ...* — Подразумеваются восточные патри-архи — Константинопольский, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский. Сохранились документы, подтверждающие сношения московских властей с восточными патриархами. См.: Греческо-русские связи середины XVI—начала XVIII вв.: Греческие документы московских хранилищ. Каталог выставки / Составитель Б. Л. Фонкич. М., 1991.

[54] *...и в прежнихъ писменых в Потребниках и Служебниках новоприкладную рѣчъ о «огни» вычернивати повелѣ...* — Таков, например, Служебник, изданный в

Москве в 1616 г. (см.: Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках. Сводный каталог.М., 1958. С. 26. № 31), в сохранившихся экземплярах которого от руки вычеркнуты слова « и огнем».

[55] *Ненавистницы жъ, иже клеветаше на святаго... посрамлени быша... и в заточении скончашася.* — Это утверждение автора Жития не находит прямого подтверждения, что отмечалось в монографии: Скворцов Д. Дионисий Зобниновский, архимандрит Троицкаго-Сергиева монастыря (ныне Лавры): Историческое исследование. Тверь, 1890. С. 308—309.

[56] *...в ѣкоего калугера, Рафаила именем...* — Обстоятельства оклеветания архимандрита Дионисия со стороны Рафаила остаются неясными. Д. Скворцов в своей монографии убедительно показывает, что данный рассказ не поддается точной датировке.

[57] *...царево слово...* — Приказ царя.

[58] *Иконом убо обители тоѣ... мало страха Божия в сердцы его бяше.* — По мнению Д. Скворцова, подразумевается Александр Булатников, служивший келарем Троице-Сергиева монастыря с 1622 по 1641 г.

[59] *...и многи книги оставив по себѣ своея руки.* — Речь идет о переписке книг. Дорофей известен как книгохранитель. См.: Арсений, иером. Описание славяно-русской библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878. Предисловие. С. 6—7. Упоминание Дорофея как книгохранителя находится в записях на полях рукописных книг, например в Стихираре крюковом, XVI в. См.: Ухова Т. Б. Каталог миниатюр, орнамента и гравюр собрания Троице-Сергиевой лавры и Московской духовной академии // Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1960. С. 129. В «Списке погребенных в Троицкой Сергиевой лавре, от основания оной до 1880 г.» (М., 1880) на с. 79 под № 832 назван инок Дорофей, келейный ученик архимандрита Дионисия, перечислены его обязанности и названа дата его смерти — 1614 г.

[60] *...то вѣдаютъ Олексѣй Тихоновъ и иные подъячие.* — Алексей Тихонов упоминается во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря под 1627, 1628, 1635, 1638/39 и 1654 гг. Среди его вкладов два гнедых коня, несколько книг (рукописей) «Дионисия Реопагита, Апокалипсис в лицах, книга Козма Индикоплов в лицах, в ней же о шти днех, по цене все книги за...» (Вкладная книга...С. 246).В«Списке погребенных»А. Тихонов назван троицким каллиграфом (с. 55, № 612).

[61] *«Яже в тайнѣ творитъ десница, сего не вѣдети шуйцы».* — Перефразировка, ср.: Мф. 6, 3.

[62] *...инока...Антония Корсакова.* — Имя старца Антония Корсакова записано в 1630 и 1633 гг., сначала в качестве вкладчика, затем посмертно (Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 203).

[63] *...монастырского слугу... Томила Яганова...* — Стрелецкий сотник Томила Яганов упоминается в «Сказании Авраамия Палицына» (М.; Л., 1955. С. 214).

[64] *...Служни слободы...* — Служняя слобода близ Троице-Сергиева монастыря.

[65] *...архимаритъ в Володимере, в Рожественном монастырѣ, именемъ Перфилей...* — Рождественский Богородицкий монастырь был основан в XII веке. Порфирий был там архимандритом в 1621—1627 гг.

[66] *...посылают во Псковъ в Печерской монастыръ... взят быстъ... на Москву в Андроньев монастырь.* — Имеются в виду Псково-Печерский монастырь и московский Андрониев монастырь.

[67] *...келаря Александра...* — По-видимому, подразумевается келарь Александр Булатников, названный в главе Жития «О терпѣнии святаго...» икономом. См. сноску 58.

[68] *...строителем на Алатырь...* — Речь идет об Алаторском Троицком монастыре, куда Симон Азарьин был направлен незадолго до смерти Дионисия и где он пробыл с 1631 по 1634 г.

[69] *...в Хотковском девичьи монастырѣ...* — Этот монастырь основан в XIV в. вблизи Троице-Сергиева монастыря, в нем монашествовали родители Сергия Радонежского; женским монастырь стал с 1514 г.

[70] *...самому иконому обители тоя...* — См. сноску 58.

[71] *...ис Помория, Каргопольскаго уѣзду, Кожеозерскаго монастыря...* — Этот монастырь находился к юго-западу от Антониева-Сийского монастыря.

[72] *...пустынникъ инокъ Никодим именем... постриженикъ Чюдова монастыря...* — Житие Никодима Кожеозерского составил Боголеп Львов незадолго до написания Симоном Азарьиным Жития Дионисия. См.: Соколова Л. В. Житие Никодима Кожеозерского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. XVII в. Ч. 1. А—З. СПб., 1992.С. 374—377.

[73] *...чюдотворца Алексѣя...* — Имеются в виду митрополит Московский Алексей (1292 или 1298—1378) и его явление в житии Никодима.

[74] *...Боголѣп Лвов... понудивый мя сия написати...* — Симон Азарьин неоднократно сообщает в Житии, что к написанию труда о Дионисии его «понудил» Боголеп Львов (ум. в 1675 г.). Черновой вариант своего сочинения Симон Азарьин посылал Боголепу Львову. См.: Понырко Н. В. Боголеп // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. А—З. СПб., 1992. С. 140—141.

[75] *...Иосифу, патриарху Московскому...* — Он был патриархом с 1642 по 1652 г.

[76] *...156-го году...* — Приведена дата начала написания Жития — 1648 г. Далее в чудесах приведены даты 1649, 1650, 1651 гг. А в настоящем чуде упоминается 1654 год.

[77] *...вышеупомянутый слуга Никита Кучин...* — См. сноску 13.

[78] *...от инока Романа Базлова...* — Некий Родион Базлов был троицким

монастырским слугой (под 1629 г. записан его вклад в Троице-Сергиев монастырь «мерин... в цену за 7 рублев»: Вкладная книга... С. 246); среди сотников стрелецких в «Сказании Авраамия Палицына» назван Рахманин Базлов (с. 214) вместе с Томилой Ягановым.

[79] *...Никонову церковъ...* — Храм над гробом Никона Радонежского пристроен к южному фасаду Троицкого собора в 1548 г.

[80] *...случися мнѣ побесѣдовати... з государевым ключником с Никоном Протопо повым...* — Этот «самовидец», принимавший донских казаков «в государеве дворѣ», оставил богатые вклады в ризной казне монастыря; они записаны под 1662 и 1665 гг. (см.: Вкладная книга... С. 218-219).

[81] *...Петром Головинымъ... дворянинъ государевъ, емуже имя Петръ Головин.* — Воевода Петр Головин в 1640-е гг. был направлен в отдаленные земли Сибири; сохранились письменные отчеты, челобитные с жалобами на жестокое обращение Головина с местным якутским населением и со спутниками по экспедиции. В монастырских документах и книгах посещение Головина не отражено.

[82] *...архимариту Андреяну... келарю Симону, и казначѣю Калиннику...* — Здесь названы монастырские власти, в которые Симон Азарьин входил в качестве келаря: «Андреян, взят от Пречистые Богородицы с Толги 148 (1640)-го августа в 1 день. Был в архимандричестве 15 лет и 7месяцев, преставися во 164 (1656)-м году марта в 1 день»; «164 (1656)-го году марта в день дал вкладу бывшей казначей старец Калинник...» — цитируются записи Вкладной книги Троице-Сергиева монастыря (с. 15 и 186).

[83] *в посещении, де, преподобного инока Никодима с Олексѣемъ митрополитом в мѣсте обрѣтеся... в Кожеозерскомъ монастырѣ...* — Это прямая ссылка на Житие Никодима Кожеозерского, в котором записано видение Никодиму преподобного Дионисия с Алексием митрополитом.

[84] *...обители Троицкой слуга, именем Федоръ Каменев...* — Его имя записано под 1630 и 1639 гг. в монастырской Вкладной книге (с. 246—247).

[85] *...в церкви Богоявления Господа нашего Исуса Христа за Ветошным рядом.* — В Москве было три Богоявленских монастыря. Один — на Ильинском крестце, второй на Никольской улице, третий — в Кремле, у Троицких ворот (это было Троицкое подворье). «Погребальных пѣний ради» архимандрита Дионисия привезли в Богоявленский монастырь на Никольской улице за «Вѣтошным рядом», после чего погребение состоялось в Троице-Сергиевом монастыре.

[86] *...нѣкий велъможа именемъ князъ Алексѣй Воротынской...* — Алексей Иванович Воротынский, воевода в Туле (ум. в 1642 г.), известен как заказчик иконы «Преподобные Сергий и Никон Радонежские со ученики», находившейся в притворе Троицкого собора Троице-Сергиева монастыря (см.: Олсуфьев Ю. А. Опись икон Троице-Сергиева монастыря. Сергиев, 1920. С. 36).

[87] *...инокъ Антоний, рекомый Яринский.* — Был пострижен в монахи в 1645 г. из священ-ников в Переславле (Вкладная книга... С. 208).

[88] *...Пушкарские слободы церкви Пречистые Богородицы Казанские и святого п ророка Ильи...* — Эта церковь не сохранилась; построенная на ее месте в 1752 г. деревянная церковь была разобрана в 1958 г. Сохранился каменный Казанский храм кон. XVIII в.

[89] *...октября въ 26 день на празникъ святого великомученика Димитрия ...* — Ре чь идет о Димитрии Солунском, греческом святом.

[90] *Отпуст* — краткое молитвенное благословение священника, после которого молящиеся покидают храм.

[91] *Архимарит же Андреан и келарь Аврамий Подлѣсов...* — Названы те власти Троице-Сергиева монастыря, при которых Симон Азарьин был казначеем (1634—1645). См. записи о вкладах: Вкладная книга... С. 175 и 180.

[92] *...размышляше пророчество Иванна Богослова от Опаколипсиса, разсужая о женѣ и о змии...* — См. Апок. 17, 1—17.

[93] *Василий Великий* — один из отцов Церкви (ок. 329—379), автор догматических сочинений, один из творцов Литургии.

[94] *...храмъ брусяной чюдотворца Димитрия Селунскаго... и та церковь стала в за бытии...* — Это известие Жития представляет ценность для истории архитектурного ансамбля Троице-Сергиева монастыря.

Три последующие главы Жития Дионисия приведены по списку *ГИМ,* Синод. собр., № 416, так как в Погодинском списке они опущены.

[95] *...на
Москвѣ на Троицкомъ Сергиеве подвории у Богоявления в монастыри...* — Троицкое подворье находилось в Богоявленском монастыре на территории Московского Кремля, у Троицких ворот. См. также сноску 85.

[96] *...с протопопомъ Иваномъ Нероновым...* - Иоанн Неронов (1591-1670) - священник, нижегородец, служил в Москве с 1640-х гг., был ключарем Успенского собора Московского Кремля, затем протопопом московского Казанского собора на Красной площади. Иван Неронов принимал у себя протопопа Аввакума, в дальнейшем выступал против нововведений патриарха Никона, за что был удален из Москвы: в 1654 г. его сослали в глухой Кандалакшский монастырь, откуда он бежал на Соловки; затем он снова в Москве, в Иосифо-Волоколамском и, наконец, в Переяславском монастыре. Исключение этой главы из Погодинского списка показывает, что к концу XVII в. его упоминание было нежелательным в определенных кругах.

[97] *...слуга, именем Никита Кучин...* — См. сноску 13.

[98] *...почалъ прочитати на складняхъ подписи...* — Имеется в виду практика записей не на бумаге, а на иконных досках.

[99] *...братъ Дионисий, рекомый Бирягинъ...* — Упоминается как старец Троице-Сергиева монастыря во Вкладной книге под 1645/46и 1653 гг. (Вкладнаякнига. С. 208 и209).

[100] *...Варламъ, митрополитъ Ростовский и Ярославский...* — Это Варлаам II, он занимал ростовскую кафедру с 1619г., умер в 1652 г.

[101] *...бояринъ Михайло Михайловичъ Салтыковъ...* — Племянник Михаила Глебовича Салтыкова, соратника патриарха Филарета; М. М. Салтыков служил ближним судьей московского судного приказа, умер в 1671 г.

[102] *...мощи святѣйшаго Иева патриарха Московскаго...* — Мощи первого патриарха Московского Иова, уроженца г. Старицы, были торжественно перенесены в Москву в 1652 г.; поручение об организации их перенесения было возложено на митрополита Варлаама и на М. М. Салтыкова. Вклады обоих названных лиц «по родителех своих» записаны во Вкладной книге Троице-Сергиева монастыря под 1615 и 1629 гг. (Вкладная книга, С. 38 и 61).

[103] *...архимаритъ Андрѣянъ... взят... от Пречистыя Богородицы из Толскаго монастыря...* — Об Андриане см. сноску 82; *Ярославский Толгский монастырь* (на левом берегу Волги) основан в 1314 г.

[104] *...на бѣзумныхъ противниковъ — на уставщика Филарета и на головщика Логина...* — О головщике Логине см. сноску 36. Что касается уставщика Филарета, о его личности и деятельности находим сведения и соображения в работах Б. М. Клосса и С. К. Росовецкого. Б. М. Клоссу удалось показать, что еще при царе Иване Грозном дьякон Фома, впоследствии уставщик Филарет, служил в церкви Покрова в Александровой слободе, а в Троице-Сергиевом монастыре иночествовал более 50 лет. С. К. Росовецкий усмотрел в позициях Филарета черты вольнодумства и стремился пояснить мотивы противостояния архимандриту Дионисию; при этом он нашел в «Повести о царе Иване и старце» полемический подтекст, позволивший увидеть в реальном Филарете прототип безымянного головщика «Повести» (см. Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 252; Росовецкий С. К. Повесть о царе Иване и старце как памятник демократической «смеховой культуры» XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 241—267).

[105] *...многи епистолии... посылая сего Иванна, способника себѣ на то имѣя...* — Имеются в виду патриотические грамоты, составлявшиеся архимандритом Дионисием совместно с Иваном Наседкой (см. сноску 43) и рассылавшиеся из осажденного Троице-Сергиева монастыря по городам Московского государства, с призывом противостоять интервентам. Грамоты эти сохранились выборочно, публикация дошедших списков началась в XIX в. Примечательно, что в Житии Дионисия имя Авраамия Палицына, находившегося во время осады монастыря в Москве, не фигурирует при упоминании грамот.

[106] ...*«О огни»...* — Здесь и далее речь идет об участии Дионисия в работе по исправлению богослужебных книг (см. сноску 43).

[107] *...той Иванъ... в строках поисправил и поисполнилъ... написавъ от себя, прислав мнѣ с моимъ писаниемъ вмѣсте.* — Речь идет о том, как Иван Наседка дополнил присланное ему Симоном Азарьиным Житие Дионисия.

[108] *Аз же... напослѣди написавъ особъ... преже предано бысть иноку Боголѣпу прежнее писание, и того радив средину того писания не вписах...* — Об участии

Боголепа Львова в создании Жития Дионисия см. сноску 8, 74. Отметим авторскую щепетильность Симона Азарьина, постоянно разделявшего в тексте Жития «свое» и «чужое» изложение одних и тех же событий.

[109] *...речъ сего Иванна ключаря...*
40 главизн... о прикладе огня... — Перечислены другие сочинения Ивана Наседки.

[110] *О житии святаго архимарита Дионисия, списаном Иваном ключарем.* — Эта часть заглавия в Погодинском списке отсутствует.

[111] *...во истории болшой доволно писано у Живоначалъные Троицы о разорении Московском.* — Возможно, под историей большой здесь подразумевается «История» Авраамия Палицына, более известная как «Сказание» Авраамия Палицына; не исключено и другое произведение — «Повесть о разорении Московского государства», приписываемое Симону Азарьину.

[112] *...у Пятницы в Нижнемъ монастырѣ.* — У Пятницкой церкви в Нижнем, или Подольном, монастыре, расположенном к юго-востоку от стен Троице-Сергиева монастыря.

[113] *...вина бысть и промысленик Дионисий архимаритъ, а не келаръ Аврамей Па лицынъ.* — Симон Азарьин и Иван Наседка склонны противопоставлять названных лиц в пользу Дионисия. Авраамий Палицын принадлежал к старшему поколению, годы его жизни ок. 1550—1626; до пострижения в монахи (ок. 1597 г.) Авраамий приобрел жизненный и деловой опыт на дворянской службе (в миру он носил имя Аверкия Иванова Палицына). Будучи монахом, Авраамий Палицын входил в монастырские власти (был келарем Соловецкого, затем Троице-Сергиева монастыря, заменял там же сосланного архимандрита Дионисия в 1618 г., и т. д.). Конецжизни он провел на Соловках. По опыту работы и по склонности к писательскому труду Авраамий Палицын принимал участие в составлении и рассылке патриотических грамот. Главным его сочинением стала «История», или «Сказание», об осаде Троице-Сергиева монастыря, работа над которым продолжалась в течение ряда лет. Были созданы по крайней мере три авторские редакции (последняя из них — Соловецкая). Это произведение получило широкую известность (оно сохранилось в 226 списках, как это установил Я. Г. Солодкин, наиболее глубоко изучавший творчество писателя-публициста).

[114] *...у Николы чюдотворца в Клементъеве...* — Около церкви Николы чудотворца.

[115] *Иже во время подобное Господъ Египту в прекормление Иосифа и Товию праведнаго в Вавилоне и Израилю...* — Ссылка на ветхозаветные сюжеты: об Иосифе, который по-могал голодающим, продавая хлеб (Быт., 41, 56—57), и о Товии, который алчущим давал хлеб, на-гим одежду и погребал умерших и убитых (Товит. 1, 17—18).

[116] *...аще похваляемъ естъ о строении старѣйшина блудницъ, во отеческихъ кни гахъ, — александръский Сергий — о спасении инокинъ нечистыми за чистых...* — Автор ссылается на рассказ из Скитского патерика (см. упоминание в рук. XV в.: Арсений. Описание славянских рукописей библиотеки Троице-Сергиевой лавры.

М., 1879. Ч. 3. С. 93).

[117] *...и Товия - о милостыни и о погребении мертвых.* — Ср.: Товит. 4, 7, 16—17,а также1, 17—18.

[118] *...указуя, которые царства и властельства за какие грѣхи и за неправды погибли, и которые государъства возвысилися Богомъ за какие правды и за какие добрые дѣла...* — Возможно, здесь подразумевается политический трактат «Описание винъ или причин», называемый иначе «О причинах гибели царств», получивший распространение в русской литературе XVII, а потом и XVIII в. См. наст. изд., т. 14.

[119] *И о таковыхъ грамотахъ... допросити Алексѣя Тихонова...* — Об Алексее Тихонове см. сноску 60.

[120] *...он... писывал такие грамоты – и на Рязань, и на Сѣверъ, и въ Ярославль, и в Нижней Новъгородъ...* — Речь идет о патриотических грамотах, составлявшихся Дионисием«с товарищи».

[121] *...Дмитрею Михайловичю Пожарскому...* — Д. М. Пожарский (ок. 1578—1642) — князь, полководец, возглавлял отряд первого ополчения в осажденной Москве в 1611 г., после ранения находился в Троице-Сергиевом монастыре. С конца 1611г. руководил вместе с Козьмой Мининым народным ополчением и участвовал в освобождении Москвы.

[122] *...х Кузьмѣ Минину...* — Козьма Минин (ум. в 1616 г.) — нижегородец, посадский человек, один из руководителей народного ополчения, участвовал в походе на Ярославль, в освобождении Москвы.

[123] *...ко князю Дмитрею Тимофѣевичю Трубецкому...* — Д. Т. Трубецкойум. в 1625 г.,воевода; он поддерживал Лжедмитрия II, сотрудничал с И. Заруцким в первом ополчении 1611 г., но позднее присоединился к народному ополчению К. Минина и Д. Пожарского. Умер воеводой в Тобольске.

[124] *Заруцкий Иван Мартынович* — ум. в 1614 г., руководитель казачьих отрядов, поддерживал Лжедмитрия II, служил в пользу польско-литовских интервентов, чинил препятствия народному ополчению К. Минина и Пожарского. Был казнен как предатель.

[125] *...дьякъ на Москвѣ Григорей Елизаровъ...* — Он же Геннадий-чернец. В Житии сообщается о его бегстве на Соловки «от бѣд и нужи, от литвы и от казаков — после разорения Москвы», тем не менее ему направлялась одна из грамот Дионисия.

[126] *...только сыщутся тѣ грамоты в монастырѣ у вас, либо в казнѣ после...или в Розряде в соборной келье... а в годѣх искати во 7119-м и во 7120-м и во 7125-м.* — Примечательна осведомленность Ивана Наседки о местах хранения патриотических грамот, его забота при их розысках — он будто предвидел, что эти документы важны *«грядущих радилет* », и видел, что их не ценили даже современники.

[127] *...и для того надобны... держати тѣ грамоты осадныя для преди, на гордость*

велможь лукавыхъ. — Здесь очевидна озабоченность в сохранении грамот.

[128] *И аще по Богослову открыти, юже под олтарем Господним... кровь нашу и всѣхъ святыхъ.* — Ср.: Апок. 7, 9—10.

[129] *...а ныне всѣ то забыли и что за четыредесят лѣтъ дѣялося...* — Так автор указывает дату своего обращения к событиям 1611—1612 гг.

[130] *...чюдо о Амфилохиеве отцѣ, какъ сѣялъ муку в сыновне воровствѣ.* — Об этом см. в следующем чуде «О умножении хлѣба молитвами святаго».

[131] *Отпуст* — см. сноску 90.

[132] *Троицкий Сергиев Казанский монастырь* — Речь идет либо о Феодоровском Троицком монастыре в Казани, либо о Троице-Сергиевом монастыре в Свияжске. См. *Строев П.*Списки иерархов и настоятелей монастырей Российския церкви. СПб., 1877. Стб. 302, 305.

[133] *...в неже время самодержца не бысть в Московском государстве ...* — Имеется в виду «пик» Смутного времени — 1610-е гг., до избрания на царство Михаила Федоровича.

[134] Глава «О *подвизѣх святаго, и о провожении святаго с образы воинских людей, и о премении вѣтра молитвами святаго»* до последних слов *«и сего не погрешивъ Вседающаго десницыподавашеся ему»* приведена по списку *ГИМ,* Синод. собр., № 416, так как в Погодинском списке она отсутствует.

[135] *князь Дмитрей* — по-видимому, Д. М. Пожарский.

[136] *...во многихъ молитвах концы писаные... по Савелиевѣ ереси... иноже по Ариеве ереси...И такия описи... трудами... мудраго мужа Дионисия изообличены...* — Речь идет об обвинениях в приверженности еретическим учениям Савелия (III в.) и Ария (III—IV вв.), которые были подвергнуты критике на вселенских соборах и в сочинениях Дионисия Александрийского. В этих учениях излагались положения о Троице и ее членах, о Боге-Отце, Боге-Сыне и Духе Святом, о их раздельности и единстве.

[137] *А церковь соборная тогда вдовствовала девять лѣтъ без патриарха: Филарет бо тогда в Полше заточенъ был.* — Имеется в виду промежуток времени между 1610 и 1619 гг. О Филарете см. сноску 52.

[138] *...сего архимарита* (Дионисия. *— О. Б.)... приводим былъ на Патриарховъ двор... у царевы матери, в Вознесенскомъ монастырѣ, у Марфы Ивановны... на подворъе митрополита...*— Названы места, где допрашивали и мучили Дионисия; это были не пыточные, а кремлевские палаты и покои, например, «царева мать» Марфа Ивановна (урожденная Ксения Шестова) проживала в кельях Вознесенского монастыря.

[139] *...а вину наричюще ему, яко имя Святые Троицы в книгах велѣл морати, и Духа Святаго не исповѣдуетъ, яко огнъ естъ.* — Это наиболее сжатая форма

обвинений, предъявленных на соборе Дионисию.

[140] *...на седми соборехъ...* — На семи вселенских собрах.

[141] *...Савелиевы ереси...* — См. сноску 136.

[142] *...ученика Ариева...* — См. сноску 136.

[143] ... *А зрите о семъ «Богословия» Василия Великаго...* — Пять книг в защиту учения о Святой Троице против Евномия.

[144] *...А въ печатных Служебникахъ... многия описи явилися; а здѣлалося то от мастера от Невѣжи Тимофѣева, да от наборщика от Ивана Григориева.* — Назван московский типограф Андроник Тимофеев, по прозвищу Невежа (2-я пол. XVI—нач. XVII в.), издавший в 1602 г. Служебник **(**сохранилось 83 экземпляра. См.: Сазонова Л. И. АндроникТимофеев // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI вв.). Ч. 1. Л., 1988. С. 40—42**)**.

[145] *...пред службою Златауста двѣ молитвы: 1-я «Господъ Премилостивый»... «Господи, вѣм, яко нѣсмы достоин».* — Приведены начальные слова молитв.

[146] *...от змиева его гонения, - от папы римскаго изблеваною скверною водою, Ростригою и Жигимонтом... уже 14 лѣт.* — *Змиево гонение* — образ из Апокалипсиса; *Рострига* — это первый самозванец Лжедмитрий, *Жигимонт* — король Сигизмунд III, *папа римский* — Климент VIII.

[147] *...четыре патриархи вселѣнстии... двигнушася от престолъ своих и дошедше Гроба Господня... и избраша воеводу крѣпка... пресвятѣйшаго патриарха Феофана... и тако молитвамиихъ от Иеросалима до Росии во едино лѣто приспѣ здрав...* — На самом деле Феофан выехал в Москву сам по себе, за «милостынею» на церковные нужды. *...патриарха Феофана...*— Патриарх Иерусалимский Феофан занимал свой высокий пост с 1606 по 1644 г. В России он побывал дважды: будучи еще иеромонахом, он в 1603 г. находился в Москве с поручениями от тогдашнего иерусалимского патриарха Софрония. Царь Борис Годунов поручил Феофану отвезти к Гробу Господню греческое Евангелие, переписанное в 1596 г. Арсением Елассонским (хранится в Иерусалиме поныне). Второй приезд Феофана в Москву, в 1619 г., имел целью «бити челом о милостыни». Московские власти воспользовались приездом вселенского патриарха и с его помощью Филарет Никитич Романов был возведен на престол патриаршеский в Москве. Задним числом было распространено мнение, будто Феофана прислали специально для этой торжественной церемонии.

[148] *И вскоре Филарет митрополитъ Феофаном патриархом поставленъ бысть в патриаршество... И... повелѣша Ионѣ митрополиту Крутицкому предложити дѣло, еже на Дионисиясоставы... ту посрамлени быша вси с Крутицкимъ митрополитом Ионою...* — Сразу после поставления Филарета патриархом Дионисий был оправдан и возвращен в Троице-Сергиев монастырь архимандритом (на этом посту его

заменял Авраамий Палицын).

[149] В заглавии «О *головщике Логине»* (так в Погодинском списке) вписано дополнение *«и о Филарете уставщике»* в рук. *ГИМ,* Синод. собр. № 416 (по определению Б. М. Клосса, это и другие дополнения сделаны рукой Симона Азарьина). О Логине и Филарете см.сноски 36 и 104.

[150] *...А знамя налагая на единъ стих... розные... знамена напевая.* — Знамена, знамя — это древнерусские ноты, или крюки. Речь идет о композиторских приемах Логина.

[151] *...А знамя налагая на единъ стих... розные... знамена напевая.* — Знамена, знамя — это древнерусские ноты, или крюки. Речь идет о композиторских приемах Логина.

[152] *...Той вы крести Духомъ Святымъ и огнемъ.* — Ср.: Лк. 3, 16.

[153] *...«Сотворимъ человѣка по образу нашему и подобию».* — Быт. 1, 26.

[154] *...Давидъ глаголеть: «Руце твои сотвористе мя и создасте мя» и «Нога моя с та на правотѣ».* — Пс. 118, 73 и 25, 12.

[155] *«...от Давида реченное: Насаждеи ухо... создавый око... учай человѣка разум у!»* — Пс. 93, 9 и 10.

[156] *...«Аврааму и сімени»... «и о сімени твоем благословятся вси языцы»... іíндѣ «и сѣмя твое наслѣдят землю сопостат своихъ»...* — Здесь идет речь об искажении значения слова при изменении ударения.

[157] *Окси (оксия)* - надстрочный знак в церковнославянском языке - острое ударение.

[158] *Свѣтлая статъя* — имеется в виду нотный крюковой знак.

[159] *Вария* - надстрочный знак - черта с наклоном слева направо (ударение в конце слова).

[160] *...кого Павелъ апостолъ учитъ о пѣнии... «Аще не увѣмъ силы слову, кая пол за ми есть, быхъ яко кимвал...»* — Ср.: 1 Кор. 14, 6.

[161] *...Зрите, что Петру реченно бысть: «Иди за мною... яже человѣческая»...* — См. Мф. 16, 23.

[162] *...чадомъ Авраамлим... волю его творите.* — См. Ин. 8, 37—39.

[163] *...ему «Благовѣстит Гавриил»...* — Архангел Гавриил.

[164] *...в Никонской книге...* — Имеется в виду сочинение Никона Черногорца «Пандекты».

[165] *....взятъ бысть... яко Илья на небо, и долу изверженъ бысть, яко Симонъ вол хвъ».* — Имеется в виду ветхозаветный сюжет о том, как пророк Илия был живым

взят на небо (4 Цар. 2, 11-12), и про Симона волхва (Деян. 8, 9-24).

[166] *...Бесѣдъ евангелскихъ и апостолскихъ... сия книга переведена бысть в царс тво царя Ивана Васильевича, благословениемъ святаго митрополита Макария, Селиваномъ, ученикомъМаксима Грѣка...* — Речь идет о переводе Бесед Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея, выполненном в 1524 г. Силуаном под наблюдением Максима Грека **(**см.: Буланина Т. В. Силуан // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2. Л., 1989. С. 321—323**)**. В списке Жития назван старый перевод Бесед: назван царь Иван Васильевич (Иван Грозный) и митрополит Макарий, занявший свой пост в 1542 г.

[167] *...Максимъ, чюдный философъ... исправил; такоже и Апостол толковой и ин ыя многия послания и повести чюдныи изъявилъ. До сего же Дионисия в дому Се ргия... мало любили Максима Грѣка книгъ...* — Максим Грек (в миру Михаил Триволис, ок. 1470—1555 гг.) — писатель, публицист, переводчик, родился в греческой семье в г. Арте, юность провел в Италии в среде гуманистов, постригся в доминиканском монастыре Сан Марко, затем обосновался на Афоне, где постригся под именем Максима в Ватопедском монастыре. В 1516 г. он приехал в Москву для перевода Толковой Псалтыри. По окончании работы Максим Грек не был отпущен из России. Он сблизился с кружком нестяжателей и подвергся обвинениям в ереси, а затем и порче богослужебных книг. Местами его заточения были Иосифо-Волоколамский и Тверской Отроч монастыри (в последнем он имел возможность читать и писать). Последние пять лет жизни Максим Грек провел в Троице-Сергиевом монастыре, где и был погребен у Сошественской (Духовской) церкви. Переводческое и литературное наследие Максима Грека обширно: он переводил сочинения отцов Церкви, жития греческих святых, словари; среди его произведений публицистика, в том числе об отношениях духовных и светских властей, по вопросам критики католичества. Сочинения Максима Грека переписывались до XIX в. См.: Буланин Д. М. Максим Грек // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2. Л., 1989. С. 89—98.

[168] *Четыредесятница* — т. е. Великий пост, продолжающийся 49 дней.

[169] *Пятидесятница* — промежуток времени в 50 дней от Пасхи до Троицы.

[170] *...Григория Богослова чести... Златоустовы чести списания.* — Названы авторитетные авторы, чьи сочинения Дионисий считал необходимыми для чтения и переписки.

[171] *...Дионисий... повелѣ добрымъ доброписцомъ написати книгиразличныя, идѣ же годно ему, тамо разсылаше в монастыри во многия* ... — При Дионисии в Троице-Сергиевом монастыре оживилась книгописная практика.

[172] *...в книгохранителнице великия первыя церкви предлежатъ...* — Собрание книг Успенского собора Московского Кремля.

[173] *...святѣйший Феофанъ, патриархъ святаго града Иеросалима, всеа Палестин ы...* — См. сноску 147. См. также: Фонкич Б. Л. Иерусалимский патриарх Феофан в России // Иерусалим в русской культуре / Сост. А. Баталов, А. Лидов. М., 1994.

С. 212— 218.

[174] *...Киевскую же митрополию... яко ис тмы во свѣт, изведе...* — В 1620 г. Феофану удалось укрепить православие и на Украине.

[175] *...о царскомъ величествѣ, и о отцѣ его и матери его...* — Т. е. о царе Михаиле Федоровиче, патриархе Филарете и инокине Марфе Ивановне. См. сноску 52, 138, 148.

[176] *...СвятыяЖивоначалныя Троицы образ отирая и окропляя...* — Подразумевается икона «Троица» письма Андрея Рублева, находившаяся тогда в нижнем ряду иконостаса Троицкого собора.

[177] *И в трапезе почествование бысть... якоже и самѣм царемъ... московским бываетъ на поклонение ко Святѣй Троицѣ в празники приходящии.* — Имеется в виду традиция царских «троицких походов».

[178] *...по апостолу глаголющему: «Вы бо радость моя и вѣнецъ»* — Фил. 4, 1.

[179] *...во время бъды ратныя* — Во время осады монастыря в 1610—1612 гг.

[180] *Афанасий Ощерин* — реальное лицо, он назван конюшим в Сказании Авраамия Палицына. После снятия осады, в 1613/14 г. Афанасий Ощерин дал вкладом в Троице-Сергиев монастырь книгу «Устав» московской печати (Вкладная книга, с. 138). В «Списке погребенных...» указан год смерти А. Ощерина: 1633 г.

[181] *О клобукѣ...* — В описях Троице-Сергиева монастыря не найдены упоминания подаренного патриархом Феофаном клобука. Не сохранилось в РГАДА и дело о приезде в Москву Феофана. Среди облачений патриарха Филарета в те же годы отмечены греческие клобуки — белые, вязаные или из камки (см. перечни в труде И. Е. Забелина «История города Москвы». Т. I. М., 1902. С. 497, 529-530).

ПЕРЕВОД

ЖИТИЕ И ПОДВИГИ ПРЕПОДОБНОГО ОТЦА НАШЕГО АРХИМАНДРИТА ДИОНИСИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Давно уже были у меня расположение и старание об этом преподобном и благочестивом муже, о котором ты повелел мне возвестить своему благородию; но тогда я не смел дерзать настолько, чтобы описать его добродетельное житие, о котором я слышал из его уст и которое наблюдал своими глазами, устыжаясь своей совести. Потому что сам я нисколько не последовал его стопам и не смог подражать его благочестивому житию; да не зачтется мне никак в большое осуждение, что я для кого-то повествую и излагаю письменно, а сам не прикасаюсь к его благим делам. Неразумно кому-то предлагать пищу, а самому умирать с голоду; и постыдно кого-то напоить, а самому страдать от жажды. Прошло много лет в таких размышлениях, боялся я отважиться на это, да не будет начинаемое мною дело выше моих сил, поскольку я омрачен тьмою неразумия и погружен в глубины невежества. Уста мои безгласные объяты были

мглою охватившего меня мрака, словесная труба была заткнута, и ночь объяла меня духовной слепоты, более же всего — обрушилась на меня пучина страстей, и сердце мое трепетало от бури враждебных мне ветров, и уныние греховное, как лютая зима, остудило мою душу, и все мои мысли и чувства заглохли и стали недоступными для света благоразумия. Да еще постигли меня за мои грехи многие беды мира сего и лютые напасти, раньше из-за тяжести казначейской службы, теперь же из-за келарских обязанностей; а если по правде сказать, — из-за скудости моего ума, больше — по слабости моего жития и по лености, потому что когда я был удален от отеческих недр сего преподобного, то меня постигло много зла, и удалился я от него, как в селение зла, далеко ушел и обошел все суетное мира сего и впал в сети искусителя. И пребывал я никчемный в размышлении. И до сих пор одержим безыскусностью ума, побеждаюсь я желанием хотя бы как-то и каким-то образом начать. Мое недостоинство воспрещает мне и <одновременно> запрещает мне молчать. И еще тот премудрейший священноинок Епифаний, написавший житие отца своего и учителя преподобного чудотворца Сергия, и сомневался и говорил так: «Я полагаю, — говорил, — что никто недостоин, у кого нечисты внутренние помыслы, касаться Божиих <дел>». Так же и мне, одержимому многими страстями, вечно обуреваемому греховными волнениями и пребывающему в нечистых мыслях, думаю, бесполезно собирать ветви духовных плодов, а своими грехами пренебрегать, — достаточно нуждаться в покаянии за свои грехи, а не излагать повествования о святых отцах. Но я боюсь, как бы житие преподобного по лености моей и по нерадению не покрылось пучиной забвения, как ленивый тот раб, взявший талант и скрывший <его> в земле, не сотворил им никакого прибытка и был удостоен мучения, хотя некоторыми и был побуждаем к этому. Но не следует мудрости молчать, а невежеству дерзать; как написано, — поселянин по невежеству не имеет представления о благочестии, так и я, грешный, был порицаем совестью о своем неразумии <в отличие> от премудрейших и искушенных в словесности мужей, которые до меня, грешного, с ним пожили и знали достоверно о его преподобном житии, потрудились вместе с ним в соблюдении божественных догматов и вместе с ним страдали за благочестие, — о которых будет сказано далее, — и если они не начали о нем писать, то кто <таков> я, окаянный, чтобы об этом подумать; я, как пес смрадный, от его обильно даруемой трапезы питался падающими крохами и в келье его меньше всех пожил под отеческой опекой. И поэтому медлит мой ум начать таковое <повествование>.

Ныне же с упованием на всемогущую Троицу и на Пречистую Богородицу, и на преподобных чудотворцев Сергия и Никона, и на самого преподобного отца моего, наставника и учителя архимандрита Дионисия, и на твои святые молитвы, побужденный тобою, подчинившись благолепному твоему лицу, как послушник, без всякого прекословия дерзнул я написать грешною моею рукою, что видел и что слышал из честных его уст, а прочее — от других, что мне поведали бывшие в близости при нем до меня и, что много говорить, и все в этой обители, монахи и мирские люди, которые жили <там> при его жизни, а иные пребывают и поныне, которые знают о его добродетельном и стойком житии, и о терпении и злостраданий его в борьбе за правду. Конечно же, и твоей боголюбивой душе все это не неизвестно, хоть ты меня и побудил, но сам больше меня знаешь, так как и ты пребывал некогда в этой святой обители, постигая избранный тобою путь иночества, который ты с любовью постарался на себя возложить; хотя начало иночеству ты положил еще в пустыни, но в твоей душе укоренились старание твое и Божия вера к преподобным чудотворцам Сергию и Никону, и любовь к сему преподобному архимандриту Дионисию, ибо тогда ты только устно слышал о

нем в этой обители, а потом в пустыни от преподобного инока Никодима, боголюбивого пустынножителя, подлинно уверился о нем, как и твоя повесть истинно свидетельствует об этом. И теперь твое блаженное сердце разгорается божественным огнем и не подверженной забвению любовью, если ты снова хочешь слышать от меня об этом преподобном муже. Я же, окаянный, хотя и пребывал у него в келье, но, обладая железной душой и окаменелым сердцем, не воспринимающим его речей, выполнял только на словах то, что он мне повелевал, а в сердце моем, как в дырявом сосуде, его повеления не удерживались. Теперь же, хотя я и послал свое писание твоей любезной душе, просимое тобою, но я знаю, что <это послужит> на осуждение души моей и на обличение всего моего дурного и слабого жития, когда ты соблаговолишь прочесть это и скажешь мне: «Столько лет пробыл у такого святого мужа и о благочестии его повествуешь другим, так почему, скажешь, ты не следуешь по его стопам и сам того же не совершаешь?» Сознание этого подавляет меня, и сердце трепещет, смущаемое неспособностью решить: поскольку ты меня просил, то боюсь греха умолчания, сказать же правду — стыд лицо мне покрывает, укоряет меня своя совесть, как я уже и прежде говорил. Но однако я повиновался твоему богоугодному пожеланию: все, что я вспоминал и насколько смог, то и записал, но простыми словами и без искусных описаний. И повелел я вручить это в честные твои руки; и прошу тебя, если где-либо я погрешил по забывчивости или по неразумию не описал, тогда ты сам исправь; или если другие полнее меня сообщат тебе, ты дополни, а за недоделки мои не укоряй, ведь забывчивость свойственна всем людям; и не удивляйся простоте слога, так как я не был в философских училищах, да и грамматическому искусству не обучался. Ты же, о богомудрый, если пожелаешь, потрудись над этим <писанием>, насколько наставит тебя Святой Дух и привлечет тебя к святому любовь Божия. Ибо, если бы ты меня не наставил на это, я бы не посмел на такое решиться и не стал бы надеяться на твою великую любовь к преподобному, что ты сможешь и слабые мои словеса облагородить ради любви к святому; тогда бы я даже и не помыслил приступить к письму из-за двух соображений: оттого, что считаю это дерзновением, особенно же из-за незнания и неумения своего. 0 прочем же я умолчу, на Бога уповаю и начало такое положу.

Глава 1. О рождении святого

Сей преподобный отец наш архимандрит Дионисий родился в городе Ржеве у отца, называемого Феодором, и матери Ульянии, имя же ему при святом крещении дано Давид, на память преподобного отца Давида Солунского. Через некоторое время его отец со своей супругой переселились в город, называемый Старица, взяв с собою и сего отрока. Его отец принял там должность начальника Ямской слободы. А о добродетельном житии этого отрока нам поведали иноки сей честной обители — Гурий Ржевитин и Герман книгописец Стариченин, у них же, сказали они, и грамоте научился; к тому же свидетельствовали о нем его келейный старец Сергий и слуга по имени Никита Кучин и другие, жившие там же, — что были у него от младенчества великая кротость, смиренномудрие и простота сердечная — выше человеческого обыкновения, и не внимал он детским играм и забавам, но всегда знал он страх Божий и учению внимал усердно, будто такое смирение даровалось ему от самого Бога; и ревновал он о добродетелях постоянно в своем сердце, не ставя ни во что все, что принадлежит миру сему, но подвизаясь <в делании> добрых дел, желая тем сподобиться <стать> жителем Царствия Небесного, так что и его духовный отец, по имени Григорий, дивился его глубокому смирению и здравому уму. Он распознал внутренним взором, что будет на нем благодать Святого Духа, и говорил своим духовным детям с удивлением: «Смотрите, — говорил, — чада мои, на этого сына моего духовного, он когда-нибудь будет нам отцом». Но за таковое свое смирение и кротость он

терпел оскорбления от своих сверстников, принимал много укоров и неприятностей, еще же и телесные раны от них получал, поскольку, как обычно бывает с резвыми детьми, играя и насмехаясь, набрасывались они на благоразумного отрока с криком, когда били и пихали его кулаками, когда наносили удары святому, держа в руках жгуты из грубого холста, и причиняли ему разные пакости. Сей же незлобивый отрок претерпевал все это с благодарностью, будто не приняв никакого зла, отходил от них, держа постоянно на устах своих имя Господне и сохраняя в сердце своем страх Божий, не желая никому воздавать злом за зло и вверив всю свою жизнь Творцу своему и Спасителю Богу.

Когда он научился грамоте и стал взрослым, по настоянию своих родителей, хотя и не стремился вступать в брак, взял он жену, именем Вассу, и стал он родителем двум детям, Василию и Козьме. Потом за свое благочестие он был удостоен священнического сана, став служителем в церкви Богоявления Господа нашего Исуса Христа в деревне Старицкого монастыря, названной Ильинское, отстоящей от города Старицы в двенадцати верстах. За шесть лет его жена с детьми переселилась из этого мира на тот свет. Он же больше не стал долго пребывать в мирской жизни, оставил свой дом и пришел в город Старицу в Богородичный монастырь. И стал монахом, заботясь о спасении своем, как привык еще с юности своей.

Однажды привелось ему быть в Москве с другими братиями по церковной надобности. И пришел он на рыночную площадь, где книги продают. И вот кто-то из присутствовавших там, глядя на его благолепный облик, дивясь его высокому росту, потому что не было другого такого, и красоте лица его, смутился внутренне, подумав о нем греховно, и, глядя на юное его тело, ведь он был еще молод годами, сказал ему некие неподобающие постыдные слова, какие не только монахам, но и мирским людям недостойно слышать. Он же, услышав это, ничего смущающего <душу> не принял в сердце и не озлобился на него своим сердцем, но, вздохнув от всего сердца, залился слезами. И сказал ему с великим смирением, с кротким сердцем: «Да, брат, так <оно и есть>, как ты подумал обо мне; и таков я, грешный, как ты сказал. Бог тебе обо мне открыл; если бы я был истинный монах, то не бродил бы по торжищу этому и не скитался бы так между мирскими людьми, но сидел бы в своей келье. И прости меня, грешного, Бога ради, ибо у меня нет ума». Кроме этого сказал он и иные умильные речи, так что удивились все окружающие и умилились, слыша кроткие и ласковые его слова, и весьма пошло им на пользу смирение его. А на глумотворца того все закричали, называя его безумцем и невежей. А преподобный опять сказал им: «Нет, братие, это я безумец и невежа. А он словно от Бога послан, и слова его ко мне все справедливы — для укрепления моего, да не буду впредь по этому торжищу скитаться и пребуду в келии своей». И отошел от них. А тот глумотворец, познав грех дерзости своей, пришел и попросил прощения за свою дерзость, и многую пользу от него получил.

Немного лет спустя Дионисий стал в обители Пресвятой Богородицы в Старицком монастыре казначеем, а потом, изволением Святого Духа, избран и посвящен — посылается в тот же Старицкий монастырь в архимандриты, и пробыл там немного больше двух лет, как сам рассказал. Когда же он был в Москве, то его весьма полюбил святейший патриарх Московский и всея Руси Гермоген; и часто он с ним служил церковные службы, никогда не отлучаясь, так что патриарх Гермоген удивлялся его большому уму и энергии. Никогда он не отлучался от соборной церкви, и добрым своим житием и смиренной кротостью был для всех образцом. Многих других патриарх наставлял, указывая на него: «Смотрите, —

говорил, — на старицкого архимандрита, как он подвизается, никогда не отлучается от соборной церкви, и всегда так же присутствует на царских и всей земли соборах.

Ибо тогда, за грехи наши, стояло время мятежное, Московское государство находилось в осаде: вор, назвавшись царевичем Дмитрием Ивановичем Углецким, стоял с польскими и литовскими людьми и с русскими ворами за 12 верст от Москвы, в вотчине Троице-Сергиева монастыря, в селе Тушине, замышляя и устремляясь на завоевание столицы Московского государства. Прочие же все города и всю Русскую землю они едва не всю одолели. И не только среди простых <людей>, но и во многих княжеских и боярских кругах было великое смятение в Московском государстве; и разделился весь мир, особенно среди благородных, надвое: брат с царем Василием на Москве в осаде, а другой с вором в Тушине; или еще у многих: отец на Москве, а сын в Тушине. И так сходились на битву всякий день, сын против отца и брат против брата. А в Москве народ, придя в безумное смятение, собираясь часто, выступал против своего государя и царя и великого князя Василия Ивановича всея Руси, с великим шумом крича непристойными словами на помазанника Божия, предсказывая злополучие, намереваясь царский посох из его царских рук похитить и с царского трона свести.

Сей же архимандрит Дионисий оказывался всегда с патриархом на таковых сборищах у царя Василия, во всем способствуя самодержцу и патриарху и увещевая народ со многими слезами и воздыханиями, так что многие удивлялись успокоительному его увещанию силой Божественного Писания и многим слезам. В некое время приверженцы литовские, московские злодеи, вывели святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея Руси, на Лобное место, и, когда его вели, творили над ним всяческое поругание, били сзади, а иные бросали ему в лицо и в голову песок и мусор, и смрадную мерзость. А другие хватали его за грудки и трясли его жестоко. Сей же Дионисий в этих бедах ни на малость не отступил от патриарха, но все переносил вместе с ним и увещевал всех участников беспорядков с горькими слезами, увещевая их ссылками из божественных книг, чтобы отступили от этого злого бесчинства, — как об этом многие очевидцы свидетельствуют, удивляясь его смелости и уму; от иных же мы узнали <об этом> по <их> писаниям.

2. Об архимандричестве его в Троицком Сергиеве монастыре

Ехал он однажды по случаю в Ярославль, чтобы совершить погребение некоего вельможи. В те годы было время великих мятежей, как говорилось раньше, и проезд по дорогам был трудным из-за грабителей, и много лилось крови христианской, и случался проезжим великий грабеж. А имя преподобного чудотворца Сергия Радонежского было тогда очень прославлено; и кто на проезде помянет этого угодника Божия и скажется Сергиевым, и не только из его богоспасаемой обители Святой Единосущной Троицы, но и прочие, кто только имя его упоминал, — всех по дорогам пропускали сами воры и убийцы, проезжали без всяких помех в монастырь и из монастыря и всюду ездили, где хотели. Точно так же и сей архимандрит Дионисий, возвращаясь из Ярославля, проезжая по дороге к Москве со своими старцами, слугами и прочими, кто был с ним, Богом наставляем, ничего не зная о царском и патриаршеском повелении о себе, как напоследок, сказал нам сам: «Если, — говорил, — поедем просто так дорогою, то ограбят нас воровские люди или побьют до смерти; если же станем называться именем чудотворца Сергия, всяко спасены будем». И, проезжая оттуда дорогою, они назывались именем преподобного чудотворца Сергия, и миновали многие трудные и страшные места, и никто нигде <им> никакого вреда не причинил.

И проехав несколько дней, проделав немалый путь, когда еще не доехали они до обители Святой Троицы и преподобного чудотворца Сергия, за несколько верст встречает его слуга Троице-Сергиева монастыря и, увидев его, стал спрашивать у слуг его, какой властелин едет. Они же ответили, как и прочим говорили: «Троицкого, — говорят, — Сергиева монастыря старец из сел едет». Он же, зная старцев своего монастыря, возразил им и опять, во второй раз, спросил; они же сказали то же самое. А он сказал им: «Скажите мне правду, не тот ли это архимандрит Старицкого монастыря, ради которого я послан с грамотами от самодержца и от первосвятителя?» А когда сказали ему, что это он, тогда <слуга> вручил ему грамоты. Он же, прочитав, находит в них царское повеление и святителя спешно явиться в Москву, — а быть ему в Троицком монастыре в архимандритах. И облился слезами он, дивясь в себе судьбам Божиим, как ему и в голову не приходило, что уготовил ему Бог. И самодержцу это стало угодно по воле Бога.

И был Дионисий у самодержца, царя и великого князя Василия, и у святейшего патриарха Гермогена принял благословение и пробыл в Троицком Сергиеве монастыре в архимандритах двадцать три года и три месяца, заботясь о спасении стада словесных овец, паствы своей; в молитвах и постах он был тверд, к братии приветлив, к недовольным терпелив, к странникам дружелюбен, к нищим щедр, нелюбитель иметь много имущества, нестяжатель серебру и золоту, не желающий продвинуться по службе, во всем следующий благому обычаю самого преподобного чудотворца Сергия, усердно стремившийся идти по стопам его, того, которого возлюбил он с самого начала, избавляясь от бед его именем.

А преподобный Сергий возлюбил его, и стал ему во всем помощником при его жизни, и даровал ему путь спасения к вечной жизни. И повсюду многим известно его благонравие и беззлобие, каков он был братолюбец и нищепитатель, так что никто не уходил от его кельи с пустыми руками, не приняв благого подаяния и избытков его, или отходил бы грустным, не приняв приветливого слова, но все радовались душою и веселились сердцем, удивлялись незлобивому обращению его, так что никогда резкого слова не было слышно; но всех он наставлял с утешением к душевному спасению кроткими словами из Священного Писания; к тем же, кто совершал недостойное, он был скор в наказании. Но был милостив и скор на прощение, вспоминая слова божественного апостола Павла и Иоанна Златоуста, говоря: «Если, — говорил, — я свяжу на земле, Бог больше уже не свяжет». Поэтому он казался неумолимым к просителям.

Я, грешный, живший у него в келье шесть лет, и прочие семь братьев, проживавших в его келье, никогда не видели его с гневным лицом и не слыхали ничего обидного из уст его. Когда же что кому прикажет, говорил ему: «Если, — говорил, — хочешь, сделай так». Многие из нас пока не понимали чудного характера его, расслаблялись от такого повеления, отходя на свое место, полагая, по невежеству, будто волю ему дал, и не стремясь выполнить порученное. Он же, видя такое небрежение у братии, помолчав немного, звал к себе кроткими словами и говорил: «Наступает время, брат, сделать то, что повелено; иди и сделай», — и так всегда наставлял беззлобивыми устами.

А в своей келии, между соборных богослужений и келейного правила, он пребывал в чтении Псалтыри со многими поклонами, а также прочитывал части Апостола и Евангелия каждый день, кроме редкой необходимости в царские приходы или в пути. А правило его келейное было удивительно, как сам он говорил: «Келия устава, — говорил, — не имеет». И молебны он пел по статьям, шесть или восемь и болыпе, не только, как по обыкновению повседневно, Исусов и акафистный каноны, и <каноны> своей обители чудотворцев, и по обычаю

дневные <каноны>, но и многим праздникам Господским и Богородичным, и великим святым, еще же и Октай на все восемь гласов, и Минеи месячные во весь год, и новым чудотворцам выпевая все службы, и из обеих Триодей, в какое время что положено, в своей келии в вечернем пении правила своего, с канонами вместе, не пропуская, вычитывал. И пусть никто не подумает, будто отлучался он от церкви и оттого служил в келье, нет, как я и раньше говорил, отнюдь не отлучался он из церкви.

А спал он так по обыкновению: за три часа до соборного благовеста и во время соборного утреннего благовеста приходил пономарь за благословением и приносил в фонаре огонь, <преподобный> же благословлял его рукой в дверях своих, повелевая ему благовестить <в колокол>, а сам, взяв у пономаря огонь, ставил свечу перед образом Пречистой Богородицы, возложив на себя малую мантию, преклоняя колени до земли и поднимаясь на ноги, и в то время, пока благовестят, полагая по триста поклонов; только в великие праздничные дни творя поясные поклоны. И по исполнении утренних поклонов, возложив на себя мантию и клобук, он будил нас, келейную свою братию, творя молитву и говоря: «Братия, время идти к заутрене». И сам шел к церкви с определенными на то сопровождающими; и, как завидят его звонари, перестанут звонить. Мы же, услыхав его отеческий голос, вставали и поспевали в церковь к началу, поскольку был у святого обычай в церкви: посидев немного после совершения начала, произнося псалом «Помилуй мя, Боже», дожидаться братии. И потом снова пономарь благословляется бить в доску к полунощнице; и после удара по доске <архимандрит> благословляет священника начинать полунощницу. И так всегда он в церкви первым обретался и братии дожидался, являл собою образец для всех. Все это я, грешный, видел своими глазами, потому что пребывал у него в келье.

Не могу же и об этом умолчать, но не похвалы ради, — о том, что сотворилось со мною, грешным, да и нет пользы хвалиться греховными болезнями, но особенно я похвалюсь милостью Божией, как я получил исцеление от <болезней> благодаря молитвам преподобного отца моего. Напали на меня тяжкие болезни за грехи мои; и побывал я на излечении у многих лекарей, и средств много потратил, а пользы никакой не получил, но, скорее, мои болезни одолели всех лекарей. Когда же я в тех болезнях потерял надежду на спасение жизни, то надумал просить милости о неисцелимых болезнях у чудотворцев Сергия и Никона; и пришел я к тем великим светилам в обитель, к пастырю и учителю, к преподобному сему архимандриту Дионисию. И все рассказал ему — о себе и о своем слабом и грешном житии, и о болезнях неисцелимых. Он же как родной отец посочувствовал мне и не только не погнушался мною, грешным, но и повелел мне жить вместе с ним в его келии, и как настоящий душевный врач сделался для моего ничтожества. И сказал мне: «Возьми из моего светильника масла», которое <находилось> у него в келии у молитвенного аналоя. И предписал мне помазать телесные язвы, которыми я страдал: «И будешь, — сказал, — здоров». Я же воспринял эти слова как из уст Божьих; сделал, как он велел мне, и с того времени молитвами его стал здоров от тех болезней и до сей поры.

А к оскорбляющим его братиям он был весьма терпелив, как бы ничего не слыша, молчал и не предпринимал никакого отмщения. Когда-нибудь потом, после многих таких оскорблений, обидчики, которые сами попадали в беду, прибегали к нему как к истинному отцу, с признанием о случившихся с ними напастях. Он же утешал их как своих любимых детей, заступаясь за них с большим усердием, от всей души, не поминая им прежнего оскорбления, как мы это видели своими глазами. И был он всеми любим за свое беззлобие, как и самому благочестивому

государю царю и благородным его вельможам был весьма любезен за свое благонравие.

Он имел большое усердие в церковном строении, либо воздвигая церкви заново, либо обновляя иные после разорения; книги и кадила, и кресты, сосуды, епитрахили, ризы, стихари и прочую церковную утварь он заказывал и отдавал в церкви. Но еще и в запасе у себя он хранил немало утвари для украшения на церковные нужды; и если он узнавал, что где-то оскудели церковные запасы или кто-то, проезжая мимо, сообщал ему <подобное>, он брал заготовленное и с радостью щедро отдавал. У него было много нанятых им искусных мастеров, — иконописцев, и книгописцев, и швецов, и сребросечцев — они либо заново создавали, либо обновляли старую утварь на его келейные средства, так как ему от церкви поступало жалованье. К тому же и богомольцы, зная его заботу о устроении <церковном> и попечение о нищих, приносили ему неоскудную милостыню, не в пример прочим братиям. Он же, благоговейно принимая от них милостыню, хранил ее не за пазухой и расходовал ее разумно, а за приносящих милостыню в церковных и келейных молитвах день и ночь молил Бога о спасении их душ, поминая также и их родителей, — имея у себя в келии книжицу такую с записанными их именами; и в церковь ее с собой носил, прочитывал ее всю на Литургии. А милостынею не только бедные церкви он наделял, но обновлял иконы в окладах в обители Святой Единосущной Троицы из-за их ветхости, прибавляя своего серебра; также он переделывал в новые из ветхих церковные сосуды, добавляя <свое> серебро, а некоторые ковал новые и по придельным церквам по всем он поставлял вместо медных и оловянных сосудов серебряные, по всем троицким придельным церквам строил; также и в приписные монастыри, которые находятся под управлением Троицкого монастыря, преискусно все устраивая с помощью Бога. И за такое его благонравие все из благородных князей и вельмож его любили и помогали ему во всей его деятельности. Только властолюбцы, которые были вместе с ним соправителями, переполнялись к нему великой завистью и не только не помогали ему, но и многие пакости ему причиняли, и не по временам, но и повседневно оскорбляя его святую душу. Он же всем этим пренебрегая, радовался душой и веселился сердцем, постоянно имея Бога в сердце своем. И так и до конца жизни своей он не отступил от такого обыкновения строить церкви, и украшать церкви всякою утварью, и наделять <милостыней> нищих. Но и после его смерти остался преизлишек крестов, кадил, сосудов церковных и для шитья облачений шелковых тканей: камок, тафт, дорог и еще набоек, крашенин, полотен, — и в казну было взято то, что было заготовлено у него к церковному устроению.

Так же и о чинах церковных, как записано в уставах и в книгах чиновных, апостольских и святых отцов преданиях, — все это рассматривая бодрым умом и исполняя все с усердием, желая, чтобы ничего из этого по какому-либо небрежению не осталось неисполненным; и увещевал он любезными словами и наградами всякими, пищей и питием уставщика и головщиков, повелевая им с чистой душой совершать церковное пение.

И прибавил ему Бог к его благоразумию бодрость и силу свыше. Строение же и красота его лица и рост его телесный были таковы, что никого другого не было подобного ему в те годы: у него была длинная и широкая борода, достигающая до пояса; и волосы его бороды были густыми. И его, такого, все любили за непорочный и милосердный нрав. После того как его положили в гроб, некоторые из иконописцев начертали подобие его лица на бумаге. Очи же у него были радостные, в речах он был успокоителен, неустрашим был при учении <других>, и если и наставлял с кротостью, но говорил не лицеприятствуя ни перед кем; он

сам пел на клиросе и читал статьи; и голос его был дивен: все слыхавшие его голос, поющий или читающий, веселились сердцем и радовались душой его сладкому голосу, дивясь, ибо имел он дар от Бога к прозрению. Внимая силе слов, читаемых им, любили <все> отца своего, утешаясь его речами, если он и тихое слово произносил на чтении или другое слово повелительное говорил, то и в задних углах, и в притворах раздавался его голос, ничьих ушей не минуя, и все слышали отчетливо его голос. Многим праздникам он дополнил во время своего архимандричества службы великие, то есть всенощные пения. И хлебы благодарения на всенощных, которые суть пять хлебов благословенных, уставил в Сергиеве монастыре. И на литиях воскресных Богородичны догматики на восемь гласов, творение преподобного Иоанна Дамаскина, вместе с Аммореевыми стихирами, повелел петь, ибо прежде него этого не было в Троицком монастыре. Также и прочие церковные чины установил по рассмотрению, Богом наставляем, помощниками себе имея Пречистую Богородицу и преподобных чудотворцев Сергия и Никона, источая беспрестанно слезы, призывая их себе на помощь.

И немалым было его подвижничество при молении Бога в заздравных молитвах о приносящих милостыню и о поминовении преставившихся. Было великое старание и во время соборной обедни: не имели права священники уходить в келии, если и в придельных храмах прежде служили раннюю Литургию, но к соборной обедне приходили, и все в алтарях по обеим сторонам стояли у стены в епитрахилях, поминая имена вкладчиков о заздравии и читая родительские синодики <за упокой>. И так повседневно заботами этого трудолюбца были поминаемы имена вкладчиков в заздравных и в заупокойных молитвах. Часто он и сам совершал Литургию и исполнял родительские поминовения, и выходил сам всегда к гробницам с кутьею и пел над ними положенное пение; и не пропускал ни одного гроба именитых вкладчиков, не исполнив обычных служб, одних ежедневно, других иногда. И потому он служил медленно церковную службу, так как во время приготовления святых даров он своими устами поминал многие имена вкладчиков. Церковнослужителям же это было тяжко, и они чинили ему много препятствий и дерзкими словами укоряли преподобного. Особенно же от уставщиков и от головщика Логина, да и от других клирошан бывали несказанные оскорбления преподобному, о которых не подобает и писать, зато следует удивляться благодушию и безмерному терпению преподобного, как он все эти поношения переносил с радостною душою, благодаря Бога, словно чадолюбивый отец, не имеющий зла на своих родных детей, — никогда не раздражая их, но постоянно увещевая их утешительными словами Божественного Писания, поучая и одолевая горделивых терпеливым поведением.

И однако хотя и не одобряли они подвиги и бодрость преподобного, но благодаря его благонравию и незлобливому характеру они не отступали от него и отовсюду стекались к нему в обитель. При его архимандричестве было много церковнослужителей, почтенных монахов, такчто и <число> священников доходило до 30, дьяконов же иногда до 15, а головщиков и клирошан на обоих клиросах по 27 на клиросе, а иногда и больше. И так церковь процветала при нем порядком и чинами церковными.

Поутру <преподобный> всегда сам обозревал братию, обходя по местам со свечою. Если же кто-то из братии не находился в церкви по болезни или по нерадению, он посылал за ними будильщиков посмотреть, повелевая и наставляя всех тихо, благоразумно, незлобивым образом и без ярости; и, если некоторые недомогали, о тех, как истинный врач, он проявлял попечение, душевное и телесное, повелевал их покоить и приказывал их опекать назначенным на то людям, пока не выздоровеют; а тех, кто сильно болел, тех посылал в больницу; так

он заботился о душевном спасении каждого.

Также и звоны праздничные весьма изрядные при нем бывали: в великие праздники, когда всенощные службы проходили, клирошане ходили звонить с обоих клиросов, а в средние праздники с пением полиелеоса, и в меньшие праздники, когда шестеричные службы поют, ходили звонить клирошане одного клироса, того, на котором <в тот день> начальствуют. А мирских людей, к тому предназначенных, в то время не было, чтобы звонить в язычные колокола помимо монахов, только благовест в большой колокол благовествовался мирскими людьми. Также и из почетных служб старшие старцы ходили звонить с клирошанами и не считали это постыдным. Преподобный часто ходил с братиею на полевые работы и на огороды — сеять и сажать и урожай плодов собирать — в свое время между церковными службами. Он был очень трудолюбивый, и усердный, и старательный ко всякому доброму делу. И на соборе расправных дел он оказывался; и по его старанию подал ему Бог времена благополучные.

Если уж я продолжил слово о его подвигах и о трудолюбии, вспоминая его добрый нрав и попечение о спасении душ наших, то опять невозможно умолчать о благоразумном его отношении ко всякому благому делу. Хотя некоторые главенствующие и гордящиеся испытывали зависть к его милосердной душе, — как уже раньше говорилось, — они своим бесстыдством отнимали у него права и власть, которую емударовал Бог, и многие пакости причиняли ему, стремясь не дать воли на благое управление его паствою, но во всем противились ему по дьявольскому наущению. К тому же от этих мятежников творились многие ссоры с окрестными людьми в окрестности троицких сел, и не только с простолюдинами в городах и в селах, но и в государстве с высокородными людьми, или добиваясь денег через суд, ложно обвинив кого-то, или захватывая вотчинные земли и тяглых крестьян неправдою и ложной клятвой именем чудотворца Сергия, позабыв страх Божий; и не все это привозили в обитель чудотворцеву, а своим родственникам еще села и деревни строили и крестьян за ними закрепляли; они вели тяжбы под именем чудотворцевым, а сами наполняли свои руки и наделяли еще своих родных. Если же правду сказать, они вызвали великий гнев у самого праведного государя самодержца, когда брали в городах посадских людей государевых и переселяли их в монастырские слободы, надеясь получить от того выгоду, а монастырю от них никакой прибыли не было, кроме беды и тяжбы с посадскими людьми и с прочими. И так они упразднили честь и славу обители преподобных чудотворцев слабостью духа и корыстолюбием своим. Все это было крайне тяжело архимандриту Дионисию — видеть такое бесстыдство; часто обливаясь слезами, он говорил: «Так ли нашим светилам, чудотворцам Сергию и Никону, угодно, это ли наше монашество, если такое неправедное приобретается в дом Божий, если еще его именем судиться, а отсудив имущество, захватывать его и отдавать своим родственникам?» Они же не хотели того и слышать. <Преподобный> же, часто обливаясь слезами, не мог противостоять им, ибо их бесстыдство с помощью некоторых коварных пособников превосходило благонравный его обычай. И ничего другого он не говорил, кроме как только: «Да будет воля Господня, как он захочет, так и сотворит».

Такая беда тогда распространялась и бесстрашие, что и по дорогам бывало скорбно проезжим людям от наших монастырских слуг и крестьян, — одних били, других убивали и грабили; и не довольствовались тем, чтобы бить и грабить, но потом еще привлекали тех к суду и судебные повестки им предъявляли, и обвинительные записи с них брали в крупных суммах. А те дети боярские, что приезжали к ним в монастырь, и другие, из высокородных, слуг своих присылали с жалобами на обиды свои и на своих беглых холопов и на крестьян, — они давали

им для видимости управные грамоты, и до того отсылали и холопов их, и крестьян в другие села, и деревни перевозили. А если приезжали с управными грамотами, то им показывали пустые дворы, и путешествие их оказывалось тщетным, вело их к разоренью, убытки их удваивались. И окончательно эту обитель приводили к последнему позору и к ненависти со стороны всего народа Российского государства, вельмож и простолюдинов. И с тех пор и доныне никто не доверяет вполне нам при решении спорных вопросов из-за нашего малодушия. Потому что путь судебных решений <принимался> не по правилам этой обители, а был взят из других обителей, правды ради, но правда их свернула на ложный путь, и не пожалели обители чудотворца Сергия, потому что они были посторонние; и не захотели они искренне присоединиться, от всей души, но, совершив только великий мятеж, разъехались по своим обителям, прочие же и насильно были отведены позднее, хотя и не хотели этого.

Архимандрит же Дионисий обличал их, болезнуя сердцем, но они не слушали его и не вменяли это себе во грех, но сурово нападали на него, желая его лишить власти, которую Бог даровал ему, чтобы стадо словесных Христовых овец пасти. Но всю честь и власть они переводили на себя.

Но мы так не говорим, и при том, что они дерзостью своею все это совершали, все благодетельное, что было в обители, сотворялось молитвами и подвигом преподобного, как мы видели это и написали, и не лживыми устами говорим о нем, без хитрого умысла. Хотя и многие скорби и напасти принял <преподобный> от тех ненавистников своих, но подвиг свой нисколько не умалил до конца своей жизни, как начал, так и кончил, а за делавших ему пакости он Бога молил день и ночь о прощении <их> грехов; и при его архимандричестве эта обитель молитвами его была Богом снабдима и изобильна всем, и никем не притесняема, как это вспомнят в этой обители многие, когда захотят сказать правду.

Когда же изволением праведного Суда Божия преподобный архимандрит Дионисий к вечным обителям переселился, то все уже не так было: многие села и деревни и по городам слободы монастырские, старинные, чудотворцевы, отняты были из-за самоуправства нечестия нашего. Денежные убытки, пошлины в промыслах монастырских, от которых монастырь Сергиев доход великий имел, и проезжие и невъезжие грамоты в чудотворцевы вотчины — все это порушено было, потому что много убытков платили истцам, которых прежде обидели. И плодов изобилие поуменьшилось, а конские и скотские падежи умножились, и во всем скудость против прежнего настала из-за грехов наших. Также и обиды великие, и несчастные случаи происходят. И проклятия многие, и обвинения невыносимые постигли нас, так что и уста наши не открываются, чтобы отвечать. И все это началось еще при них, тех самых, которые воображали себя тогда сильными, а после его смерти, сильные тогда, ослабели и помочь этому не смогли. У многих они тогда себе честь отбирали, а после него и свою собственную честь на своих головах не сносили и были с бесчестием и срамом переселены из той обители в другие обители, как уже раньше говорилось. И тогда они полагали получать прибыли монастырю малыми пенязями и алтынами или рублями, ныне же за грехи наши не успевают платить за те пенязи и алтыны, и рубли целыми мешками и тысячами. А в селах они тогда прибыль учинили по малодушию своему малыми бороздами и загонами пустой земли, ныне же не можем рассчитаться селами и населенными деревнями.

Говорю это не для того, чтобы возложить обвинения на свой монастырь, но, вспоминая наше тогдашнее малодушие, лучше бы нам было тогда не касаться мелких беззаконий, нежели ныне со стыдом и срамом отдавать в двадцать раз

больше. И говорил я все это, вспоминая труды и заботы о том преподобного архимандрита Дионисия и подвизание его за правду, ибо всем понятно, что молитвами преподобного архимандрита Дионисия все способствовало тогда во благо, справедливости его ради, милостью Пресвятой Троицы и заступничеством Пречистой Богородицы и великих чудотворцев Сергия и Никона.

3. О устроении жития мирским людям

Не хочу я и том умолчать, что благорассудно устроил при себе этот благоразумный строитель: усмотрев, как плохо живут мирские слуги и служебники, проживающие, по распоряжению прежних властей, около монастыря неженатыми, не сохраняя воздержания и крепости телесной и целомудрия, — и в том был ущерб их жизни и большой вред душе, сей преподобный, поболезновав о том душою, приводил слова из Священного Писания: «Лучше, — говорил, — жениться, нежели распаляться». И, поговорив на соборе с келарем и с казначеем и с соборною братиею, изменил прежний устав, чтоб быть без жен, и повелел тем, кто может, целомудренно жить, а прочим всем позволил жениться и иметь свой дом по закону Божественного Писания.

4. О исцелении святым глухого

Случился некогда приход самодержцев в обитель Святой Троицы и к чудотворцам, как обыкновенно бывает на праздники. После совершения вечерней и утренней службы и Литургии самодержец был за столом, раздавая по царскому обычаю <монастырским> властям дары-подачи. А в архимандричьей келье царские подачи принимал некий слуга по имени Иван Бабарыкин, родом стариченин, знакомый архимандриту еще прежде, часто пребывавший у него в келье. А тут дьявольским наветом соблазнился он обонянием тех яств и, отрезая понемногу от всех кушаний, наполнил блюдо и насытил свою утробу, и не ощутил в то время ничего дурного. Когда же архимандрит пришел в свою келью, тот Иван Бабарыкин взял у него клобук и мантию. И пришли к архимандриту гости. И архимандрит по обычаю предлагает гостям присесть, а Ивану Бабарыкину приказывает об угодном для гостей. А он, глядя на архимандрита, видит его рот будто шепчущий и руку, указующую, но ушами ничего не слышит. Архимандрит, укорив его, удивлялся, не подозревая его в наказании Божьем за его дерзость, возомнив его обезумевшим от пьянства, он приказал вывести его в задние сени, позвав на его место другого из входящих к нему.

А этот Иван Бабарыкин, дивясь своей внезапной глухоте, тихо подошел к передним сеням, приникая и из задних сеней прикладывая свои уши, стремясь хоть что-то услышать из уст праведного архимандрита или от гостей; и ничего он не услышал, только видел движение губ. Тогда он осознал в себе грех дерзости своей, чувствуя угрызения совести, ибо щедростью и добротою преподобного всегда накормлен у него подобными яствами с благословением его, ныне же сделался как алчный вор, дерзнув насытиться без его благословения. И стал он каяться со слезами в таком дерзновении. И когда гости ушли, тогда он припал к преподобным его ногам, рассказав про свой грех, прося прощения. Преподобный же, сильно наказав, простил его. Он же во многом наставлении ничего другого не услышал, только то же, что и раньше слышал из его уст, а именно: «Бог простил, больше не дерзай так делать». И ушел от него, радуясь. Такую повесть исповедал мне, недостойному, сам преподобный отец архимандрит, а потом и тот Иван то же нам сказал о себе, благодаря Бога и преподобного сего архимандрита Дионисия, как его молитвами был удостоен исцеления.

5. О исправлении Требников, и о страдании <преподобного> и прочих с ним, и о

новоприбавленных словах, а именно об «огне»

По распоряжению благочестивого царя государя и великого князя всея Руси Михаила Феодоровича повелевается печатать книги, называемые Требники. Царский приказ о правке книг, с которых <заново> печатать, был адресован преподобному архимандриту Дионисию и старцам той обители Арсению Глухому, Антонию Крылову, черному дьякону Закхею, священнику Ивану, по прозвищу Наседке <который находился в то время еще под монастырем в слободе Клементьевой> и прочим с ними. Проводившие по царскому повелению разыскания показали большое усердие. Они нашли в прежних печатных Служебниках некие необычные слова, вновь добавленные, об «огне» — при освящении Богоявленской воды, — в молитве было сказано так: «Освяти эту воду Духом Твоим Святым и огнем». А в старых Требниках, пергаменных, рукописных, писанных лет за двести и больше, таких слов, как «огнем», не находится. После многих разысканий они принесли справку об этих словах и положили ее перед крутицким митрополитом Ионой и перед прочими оказавшимися в Москве властями: перед чудовским архимандритом Авраамием с товарищами, мало способными оценить <результаты> их разысканий. В то время, по грехам нашим, в Москве не было патриарха; еще не прекратилось, по воле праведных судеб Божиих, кровопролитие христианское, но еще более горькие беды и напасти православным выпали за грехи наши — нашествие врагов, польского королевича Владислава и всей их рады, проливающих кровь христианскую, как воду, близ стен города Москвы. Митрополит же и прочие московские <церковные> власти укрепились в зависти к святому архимандриту Дионисию и бывшим с ним; не стали ничего обсуждать об этом их разыскании, не пожелали созвать собор, — сказали, что <обвиняемые> впали в ересь. И осудили их всех в заточение, ни в чем не виновных, только сделавших выписки из старых переводов и принесших на разбирательство, а не на раздор. Архимандрита отослали в Кириллов монастырь, остальных же по другим обителям.

Но по устроению Божию архимандрита Дионисия возвратили с дороги к Москве, так как не смогли проехать из-за нечестивых поляков, и послали его на усмирение в Новоспасский монастырь. На преподобного сего архимандрита наложили епитимию: сверх обычных служб по тысяче поклонов. По прихоти же разбойников и корыстолюбцев приказано было его мучить: 40 дней держать в дыму на полатех, поклоны класть. И подал ему Бог силу свыше, как он мне, грешному, сам сказал: выполняя назначенные ему правила и поклоны, он мысленно всегда говорил, что не свое, а приказанное он должен выполнять, но сверх приказанного он еще за себя от своего усердия по тысяче поклонов добавлял. Да еще мне, грешному, поведал: Был я, — сказал, — в келии там, и после утренней службы шли архимандрит спасский, и келарь, и братия от церкви к келиям своим и увидели, как из той кельи, где он находился, ярко светился белый дым и огненный свет из трубы, как бывает у каменных труб в конце топки. Монастырские власти послали спешно осмотреть все и запретить, если их топят без разрешения. Посланные, осмотрев все и не найдя ничего в печи, сообщили властям; и удивлялись всему этому. Преподобный же, поверив этому, порадовался душою, надеясь, что будет ему милость Божия. И вскоре потом он был освобожден святейшим патриархом Филаретом. А то в Требниках, что он рассматривал, что прибавлено «и огнем» некоторыми глупцами, и то святейший Филарет, патриарх Московский и всея Руси, по свидетельству вселенских патриархов, повелел впредь печатать, как архимандрит Дионисий с прочими старцами разыскал. А в тех Требниках, которые печатали при крутицком митрополите Ионе, и в прежних рукописных Требниках и Служебниках новодобавленные слова об «огне» приказал зачеркивать, и на полях против них

приказал писать пояснение впредь для памяти и для знания истины всем понимающим. Он <Филарет> посылает архимандрита Дионисия опять в Троицкий монастырь. Он же, приехав в свой монастырь к чудотворцам, подвиги к подвигам прибавляя, радовался душою и веселился сердцем, что сподобил его Бог пострадать за правду. И снова был он всеми любим, как и прежде. Ненавистники же, которые клеветали на святого и в ересь истину переводили, были посрамлены, а потом и сами то же приняли и скончались в заточении. А освобождены были из заточения помощники правде старцы Арсений Глухой с товарищами, и поработали они на Печатном дворе у исправления <книг> много лет.

6. О некоем монахе, который оболгал святого дьявольским наветом

И снова извечный враг, не желая добра роду христианскому, ополчается на преподобного архимандрита и распространяет иные козни, чтобы чем-либо отлучить его от обители святого Сергия. Он входит в некоего монаха, Рафаила именем, который был прислан под надзор от первосвятителя, обвешен железными веригами за некое бесчинство и крамолу. И он, бесом наставляем, стремясь избавиться от тех вериг, приходит к тому самому архимандриту, рассказывает за собой царево слово, велит быстрее сообщить о себе самодержцу и первосвятителю, имея в сердце своем тайный яд к святому, ибо знал про гнев первосвятителя на архимандрита по доносу от совластвующих с ним неких властолюбцев. <Преподобный> же, как беззлобивый агнец, не имея на совести ничего предосудительного, но видя ее чистой и непорочной, вскоре пишет о нем к самодержцу и к святейшему патриарху Московскому и всея Руси Филарету. Немедленно того монаха забирают к Москве, кроме того, и самого преподобного призывают на свидетельство, так как он возводил на праведного беззаконие и неподобным образом клеветал на святого. Но все его и слушать не захотели, зная его чистоту душевную. И все из братии опечалились, услышав клеветы на святого, и все свидетельствовали о праведном и чистом житии его. Клеветники же приняли возмездие за свое беззаконие, их отсылают в заточение. А <преподобный> снова отпускается в обитель Живоначальной Троицы, испытан бедами и напастями, как золото в огне, благодаря Бога и Пречистую Богородицу и преподобных чудотворцев Сергия и Никона, избавивших его от таковых напастей.

7. О терпении святого и страдание за вотчину чудотворца Сергия

И опять не унимается враг, видя, что святой побеждает его терпением и подвижничеством, благодаря Бога за частые напасти, как не принимая ничего, отдаваясь на волю Божию, внимая глубочайшему смирению; и многими сетями <враг> опутывает многострадальную его душу и вновь большие пакости делает преподобному. В той обители <был> эконом, гордый и властолюбивый, мало страха Божия было в его сердце. Позавидовал же враг, желая преподобному сделать пакость, чтобы хотя бы склонить его ко лжи. Имел этот эконом у себя родственника, и просит он у отца царева, святейшего Филарета, патриарха Московского и всея Руси, сделать обмен своей купленой пустой вотчины, имеющей только густой лес, на чудотворцеву Сергиеву вотчину, назвав жилую пустой. И по его прошению присылается к архимандриту от первосвятителя грамота, писана так: «Будет такова вотчина, как назвал он в своей челобитной, тогда — сменить вотчину Сергиеву на купленую его пустошь». Архимандрит же, узнав, что старая чудотворцева вотчина была не пуста, но имела много жильцов и строений, и не желая повредить своей душе, кроме того, и вся братия опечалилась об этом деле, — архимандрит захотел написать обо всем этом к царю и первосвятителю. Тот же <эконом> подолыцается к преподобному, приводя

многих честных людей и умоляя его не писать о том, чтобы не вызвать гнева у самодержца и святителя. Он же, незлобивый, не заметив в нем тайного коварства и особенно же поверя защитникам его, отказывается писать обо всем этом, договорившись с ним на словах, что «приехав, — сказал, — в Москву, вместе о том доклад сделаем без вражды», надеясь на твердость в слове, внимая своей душе.

<Эконом> же, бесом подстрекаем, позабыв твердость слова и защитников, которых он перед <преподобным> представлял свидетельствовать правду, выпускает из своего сердца смертоносный яд, засылает своих друзей и сообщает первосвятителю злокозненные речи против преподобного, будто он ни во что не ставит царские и святительские повеления, и прочие злые подобные речи; клеветами многими оговаривал, стремясь изгнать преподобного не только из обители, но стараясь его погубить. < Преподобный> же не укреплялся ничем иным, только уповал на Бога.

И до такого бесчестия довел этого праведного мужа тот эконом, что ввергли его в мерзкое и темное место, и тут он пребывал три дня в смраде, никому неведомый; настолько терпеливый и кроткий, что никто <об этом> не узнал от него, кроме одного отца его духовного. После большого наказания от первосвятителя преподобный возвращается снова в монастырь к чудотворцам, благодаря Бога за многие искушения, словно нисколько не пострадав, радуясь душою, и от тех властолюбцев и до самой смерти всегда принимая беспрестанно укоры, и обиды, и поругания, и оклеветания; сердце его как стрелами повседневно бывало пронзено, но никогда не было ими уязвлено это сердце нисколько, благодаря его глубочайшему бесконечному смирению; и всегда он был радостен лицом, и глаза его радостно <смотрели> на всякого <человека>, перед ним всегда был помогающий ему Бог.

А тот эконом тайными доносами клеветал на преподобного сего архимандрита Дионисия и возводил на него множество непристойностей; потом и такое солгал, будто <Дионисий> помышляет взойти на патриаршество. И до такой степени взялся он безумствовать, что из-за какого-то спора на соборе при всей братии, не устыдившись предчестным его лицом, бил его своею рукою по щекам и с бесчестьем отослал его в келью, и четыре дня его не выпускали из кельи, даже на церковную службу не выпускал; и никому нельзя было войти или выйти из его кельи. Все это стало известно благоверному государю царю, и его державной властью отец Дионисий был освобожден. И потом, когда самодержец был в обители, и в присутствии всех людей велось расследование, отец Дионисий все взял на себя и представил всех своими доброжелателями и сторонниками, признав повинным во всем одного себя; и обратил царский гнев в царскую милость, и привел всех присутствующих вместе с царем в удивление. И самодержец до конца его жизни больше не верил клеветникам и сплетникам, порочащим его.

8. О Дорофее иноке и о строгом житии его

Поведал мне тот же отец мой архимандрит Дионисий о своем ученике по имени Дорофей, бывшем у него в келии, как строго было его житие, что никогда он не отлучался от соборной службы: выполнял пономарскую службу в церкви чудотворца Никона, а потом еще на соборную службу поспевал, так как он же был канонархом великой <соборной> церкви и выполнял обязанности книгохранителя, и все делал безотказно. За это он получал много упреков от братии, но не противился <им> по крайнему смирению; он выполнял еще келейное правило выше человеческих возможностей. Такая сила даровалась ему самим Богом за молитвы сего преподобного; ежедневно он читал всю псалтырь и

понуждал себя класть по тысяче поклонов сверх общего правила вместе с архимандритом в келье; еще же между тех <дел> он переписывал книги; и много книг он оставил после себя своей руки. Сон же его был очень краток, и не спал он никогда лежа, но дремал сидя за своим рукоделием; а еда его — небольшой кусок хлеба или ложка толокна, и то не каждый день; и таким постом он изнурил себя, так что внутренности его повредились, и живот присох к хребту.

Архимандрит увидел его сильно изнуренным и с трудом уговорил его есть хлеб с квасом. «Чтобы ненароком не повредилась от долгого голодания крепость твоя телесная, — сказал, — и не принял бы ты безвременную смерть». И когда стал изнемогать телом этот инок Дорофей, в то время архимандрит готовился ехать к самодержцу; и уже хотел он было выйти из своей кельи, став в сенях на молитву, намереваясь благословить братию, а тот Дорофей немощный вышел к нему за благословением, прося последнего прощения. «Уже, — сказал, — время мое приходит, и смерть близится». «Об одном, — сказал, — скорбит мое сердце, что ты уезжаешь отсюда, и я не сподоблюсь погребения от твоей преподобной руки». Преподобный же сказал ему как бы в шутку со строгостью: «Будь жив до моего, — сказал, — приезда и не наделай того, чтобы умереть, пока я не вернусь от самодержца; а тогда умрешь, и я тебя погребу, если Господь допустит». Он же сказал: «Воля Господня да будет; как хочет, так и сотворит».

Архимандрит, побывав в Москве у самодержца, снова возвращается в обитель Святой Троицы и к чудотворцам; когда же он вошел в сени своей кельи, повторяя обычные молитвы, подавая братии благословение, тот Дорофей опять выходит к нему сам, совсем немощный, прося благословения у него, особенно же прощения. <Дионисий> благословил его и простился с ним, и пошел в церковь, облачился в ризы, намереваясь отслужить молебен за царское многолетнее здоровье, как обычно бывает в обители Святой Троицы и чудотворцев Сергия и Никона по приезде <духовных> властей. И прежде чем ему начать молебен, он был оповещен, что инок Дорофей отошел к Господу. Он залился слезами и после церковной службы совершил погребение его со всем собором; и все благодарили Бога, давшего такую благодать просящим у него с верою.

Многие прочитали это повествование и, не зная жития <Дорофея>, усомнились и говорили: «Невозможно быть человеку в таких подвигах». Я же, убогий Симон, слышал это и послал это описание в Москву к ключарю соборной великой церкви Ивану по прозвищу Наседка, свидетелю Дорофеева жития и собеседнику, и сострадателю архимандрита Дионисия, о котором и прежде упоминалось: он подвизался с ним вместе при правке Требников. Когда этот Иван прочел <описание>, то написал мне следующее: «Я, многогрешный Иван, знаю об этом Дорофее, истинно все так именно было, как ты здесь написал, господине мой, ты же, отче честный, еще тогда не был у Живоначальной Троицы в монастыре. А что я, грешный, знаю об этом старце Дорофее, то я тебе здесь ясно пишу без лжи, что видел своими глазами, так именно у тебя написано. А что не написано у тебя, пусть будет тебе, честнейшему господину, ведомо, — я в архимандричьей келье много раз ночевал и писал много документов по духовным делам и грамот от властей для объединения земли; и про то знают Алексей Тиханов и иные подьячие. А про того старца Дорофея строгое святое житие достойно слушать рассказы. Я, бедный грешник, после московского разорения вскоре пришел в дом Пресвятой Троицы и застал того старца Дорофея за полтора года до его смерти и видел его все время больным; а болен он был не болезнью, его болезнь была у него от жестокого поста и от болыпой жажды; и ноги его опухли от стояния на службах, вверенных ему. Да еще архимандрит Дионисий давал ему денег, да и одежды, и полотенец, и платков. И тот Дорофей по Дионисиеву приказу разносил

все это больным всяким и раненым людям, и замученным различными муками у врагов. И архимандрит постоянно обязывал его навещать больных, пострадавших от мучений или ограбленных; и тот Дорофей не только по архимандричью повелению исполнял все это честно, но даже и не вдвое <больше>, а гораздо болыпе исполняя Божьи заповеди, — всегда ночью все с больными, и с нагими, и с увечными беседуя и сообщая все обо всех архимандриту, принося пользу и добро бедным и немощным. Я слышал это от братии его, иноков, которые видели его труды и поведали мне о нем клятвенно, о разных трудах для бедных, и все творил он втайне. И много раз они замечали: не ел он и не пил то три дня, то иногда и четыре и болыпе; и они между собою считали дни и так говорили: „Уже пятый день прошел, а когда-то уже и седьмой день прошел, и не удалось нам заметить, чтобы он прикоснулся к какому-либо сосуду или посмотрел на что, и от этого получил он серьезную болезнь". А однажды я, несчастный, видел, как насмехалась над ним при мне его келейная братия, что шатает его и к стенам, и к печи. И был среди них спор. Одни говорили, что это святой, а другие — что он дурак. И я, бедняга, смеялся с ними же. А отец Дионисий, только взглянув на мою гнусность, ничего мне не сказал, но я, проклятый, задумался о том <внимательном> его взгляде. И позднее вел духовную <с ним> беседу, и дошло даже до слез; и захотел я, чтобы мне узнать, что означал тот его взгляд. Дионисий отец ответил мне: „Нет тебе пользы в этом, ты мирянин, знай себя". И я, грешный, больше об этом не спрашивал более десяти лет. А когда взяли меня, грешного, жить в Москву, то во время приезда архимандрита мы сидели у его святейшества за духовной беседой, и он меня спросил о некоем деле, в котором он пострадал от своего эконома; и я напомнил его преподобию ответ его ко мне по поводу Дорофея, его отказ, и понял вдруг, что обиделся отец мой на меня <тогда>; поклонился я ему в слезах, прося у него прощения; он же слегка улыбнулся и благословил меня рукою и сказал мне: „Я скажу тебе об этом, но послушай меня, больше не спрашивай монахов о делах иноческих, и вам, мирянам, и нам, инокам, большая беда открывать тайны; сказано об этом: «Что в тайне творит правая рука, того не подобает знать левой руке»". И замолчал. И я, грешник, всячески добивался, чтобы мне узнать, за что он сердится на меня. Когда он увидел, что я докучаю ему, он стал меня поучать так: „Вы, миряне, если услышите о чернецах что-либо дурное, вы их осуждаете и укоряете, а это вам грех; а если что услышите доброе и полезное, и тому не подражаете, но только хвалите этого <человека>, а из-за вашей похвалы подступают к нам злее бесы, чтобы ввести нас в надменность и в гордость или затаиться нам, чтобы наше дело было вам неведомо; и тем самым дьявол приведет нас к лености и ко всякому небрежению; и лучше нам, если никто нас не знает и дьявол нападает на нас меньше".

И я, грешный, сказал ему: „Я, государь, хочу знать не о вашей жизни, но о себе: что ты подумал обо мне, безумном, когда взглянул на меня". И сказал он мне: „Не сердись, вы высмеивали святого мужа, и вам это грех всем, что не по-вашему он жил и всегда морил себя постом; а мне известно о нем, что он не ел ничего не только неделю, но часто и девять, и десять дней ни ложки воды не пил, а в <церковных> службах всех он ходил по заповеди нашей — и наг, и бос, и голоден, и холоден, да еще не умываясь, — не мыл ни лица, ни рук, как указано. И как ходил за больными, не смывая смрад и гной со своих рук и с одежды, и тем вытирал свои глаза и рот. А когда был молод, его всегда мучили блудные помыслы. И из-за этого он сопротивлялся мысленным врагам голодом или жаждою все время, а омовение и лица, и очей, и груди, и рук было всегда слезами, и тем он умывался и отходил к своим добрым делам. А та ваша насмешка была для меня тогда болезненна"».

9. О некоем иноке и о другом мирянине, как хотели искусить преподобного оболганием

Некий дворянин ехал мимо, имя ему Сулмен Зиновьев, он обратился к архимандриту, приглашая к себе на подворье знакомого ему инока по имени Антоний Корсаков. <Архимандрит> не поддался на его уговоры из-за нетвердой жизни того старца. Те же, сговорившись, снова пришли к <преподобному>, говоря лживо: «Необходимо проститься с мертвецом, которого везут мимо, он нам свой». Архимандрит стал наставлять старца. Они же все это отвергли, надо всем посмеялись; отошли, насмехаясь, будто перехитрили архимандрита. И обезумели, выпив много вина, убили там слугу монастырского по имени Томил Яганов. И привели их вместе с мертвецом, которого они раньше нарекли своим, ибо они своими руками его убили. Так приняли они возмездие за свой обман и непослушание.

10. О преставлении преподобного архимандрита Дионисия

Когда же пришло время преставления преподобного нашего отца архимандрита Дионисия, время переселиться из земной в загробную жизнь, — <как> поведали те, кто присутствовал при его смерти, — тогда он от церкви нисколько не отлучался, как и прежде, привык, будучи уже очень немощным. Накануне своей смерти он сам служил обедню и, выходя к вечерне, и к заутрене, и к обедне в тот самый день, не хотел сократить свой подвиг. В тот же день, когда подошло вечернее время, в самый благовест, он, встав, надел на себя клобук и мантию, намереваясь идти в церковь. Братия же, бывшие там, не давали ему выйти из его келии, ибо полагали, что от лица <его> исходит пот <смертный>. Он же, видя себя уже окончательно изнемогающим, просил о схиме; но некоторые, опасаясь первосвятителя, не стали разрешать ему принять схиму. И вскоре они послали доложить <патриарху> с грамотами, и тотчас увидели его <Дионисия> в изнеможении, желающего принять схиму. И, приступив, священники и диаконы начали налагать схиму, он же едва стоял, изнемогая от болезни. И, в то время как еще не довершили несколько молитв, <Дионисий> сел на своей постели и, благословив рукою некоторых монахов из братии и перекрестив свое лицо, возлег на своем одре, смежив очи и сложив сам на груди свои руки, предал душу свою в руки Господа, оставив по себе много плача и сетований братии. Святейший патриарх Филарет повелевает привезти тело его в Москву; и после отпевания привезли его в монастырь, в котором он поработал. И был погребен в 7141 <1633> году в день 10 мая.

11. О проречении святого иерею Феодору о его смерти при явлении <святого>

В то же время <жил> священник Служней слободы по имени Феодор, которого преподобный любил за его благонравие, кроме того, он был ему свояком. Священник, услышав, что архимандрит изнемогает, побежал к нему спешно, желая принять у него последнее прощение, но не успел, ибо уже предал он душу Господу. И, плача неутешно о своем отсутствии, что не оказался там, ушел он к себе домой, плача и рыдая. После этого он видит во сне архимандрита, о котором постоянно скорбел. А видение было таким: слышит он опять, как говорят ему про преставление архимандричье, как и раньше, и он как наяву спешно грядет, стремясь желаемое от него благословение и последнее прощание принять, и, представ перед ним, видит, что он многих благословляет рукою. И он подходит между другими, наклоняя голову свою к благословению, и, ничего не получив, снова наклоняет перед ним свою голову, требуя благословения. <Преподобный> же сказал ему тихо: «Зачем ты стараешься, кто благословения просит, <тот> здесь остается, а ты, — сказал, — и сам вскоре за мною будешь, больше не

затрудняй меня». Он же, проснувшись, ужаснулся, и, придя в себя, рассказал о видении некоторым из своих близких, и через восемь дней и он отошел к Господу.

12. О видении святого священноиноку Перфилию

Был в обители Святой Живоначальной Троицы и преподобных чудотворцев Сергия и Никона священноинок, бывший прежде архимандритом во Владимире в Рождественском монастыре, по имени Перфилий, который был постриженником и учеником этой честной обители; прежде он проживал в одной келье с преподобным архимандритом Дионисием, во всем подражая его житию от чистого сердца. <Перфилий>, узнав о преставлении его, сильно опечалился разлукой с ним, вспоминая его непритворную любовь к себе, особенно же зная о богоугодных подвигах и многотерпеливом незлобивом правиле жития его, что не дожил он до полной старости, приняв повеление праведных судеб Божиих преставиться от земной жизни к вечному покою. Он не мог удержаться от слез, помня о нем неотступно в сердце своем, поминая его многострадальное терпение, ибо много раз был оболган он перед царем, особенно же оклеветан перед первосвятителем, то в заточении, как уже прежде говорилось, то в епитемиях, — ничего дурного не сотворив, — но страдал всегда за правду, да еще и от своих соправителей принимал часто оболгания, укоры и наговоры.

Припомнив все это, стал просить он у Всемогущего Бога милости явить ему <правду> о <святом>, получил ли он воздаяние за свое многострадальное терпение и подвижничество. И, размышляя так долгое время, молит он Владыку Христа открыть ему это, как об этом он сам сказал мне, грешному. И после долгих молитв видит он во сне любимого им архимандрита Дионисия в прежнем облике, сидящего. Обрадовался он и припал к нему, думая, что это наяву и он жив; но затем, вспомнив, что он уже отошел к Богу, наклоняя перед ним свою голову, просит <он> благословения, говоря ему с радостными слезами: «Господин мой, архимандрит Дионисий, поведай мне, обрел ли ты благодать от Всемогущего за такое свое многострадание и за большие подвиги?» Он же, как наяву, благословил его, рукою осеняя, и сказал, утешая его: «О, Перфилий, радуйся со мною, потому что я принял благодать от Бога». <Перфилий> же, проснувшись, ужаснулся и, понемногу придя в себя, рассказал многим, благодаря Бога. Потом и мне, недостойному, поведал. Вскоре этого священноинока Перфилия по повелению самодержца забирают из его обители и посылают архимандритом в Псков в Печерский монастырь; потом он был взят оттуда в Москву в Андроньев монастырь. И там он умер, прожив свой век в добром устроении.

13. О видении святого некоей инокине

Некогда я, недостойный, был послан самим преподобным отцом архимандритом Дионисием и келарем Александром в качестве строителя в монастырь на Алатырь, который находился под их паствою, и стал я там пребывать. А по воле праведных судеб Божьих я там осиротел, лишившись преподобного отца архимандрита Дионисия; когда он переселился из здешней жизни в вечную обитель, я там не был, а <был> на Алатыре, как сказал раньше. И напала на меня беда неискупимая из-за оклеветания меня некоторыми злокозненными людьми перед первосвятителем. И, до того как была подтверждена моя < невиновность>, я был предан немилосердному мучителю для взыскания тысячи рублей по челобитью городских и уездных людей; прежние строители обидели их, а я был отдан им вместо них всех, до меня бывших, хотя был ни в чем не виноват пред ними. И я, недостойный, от таких напастей нестерпимых оказался в глубокой скорби, особенно же из-за моего сиротства, то есть потери отца своего, на

которого и надеялся в этих обстоятельствах как на своего помощника. И потерял я уже надежду остаться в живых, не имея ниоткуда помощи, так как и сами власти не смогли пособить, ибо ярость первосвятителя была сильнее многих ходатаев. И многие, братия и мирские <люди> в чудотворцевой обители, видя меня во внезапной беде, роптали на тех, из-за которых я был предан, но помочь все не знали как, боясь быть преданы смерти.

Одна же монахиня, по имени Вера, находившаяся у родителей чудотворцевых Сергия Радонежского в Хотьковском девичьем монастыре, услыхав о таких моих неискупимых напастях, часто в слезах молилась обо мне Богу и Пречистой Богородице и преподобным чудотворцам Сергию и Никону; особенно же призывала она на помощь преподобного архимандрита Дионисия, склоняясь на мысль, что и живому станет она молиться о помощи страдающему безвинно. И в частых молениях видит она во сне, как наяву, храмы высокие и преукрашенные, несказанно <прекрасные>, и многих святителей в святительских одеждах, поднимающихся по лестницам в те храмы, которых она не знала, — и ко всем она припадает, прося помощи злостраждущему. От других же она слышит: «Жди, — говорят, — архимандрита Дионисия, он вскоре идет к Небесному Царю служить». И, долго простояв в ожидании, видит она архимандрита Дионисия, приближающегося к тем лестницам, в полном святительском облачении, с двумя дьяконами, — и припала она к преподобным его ногам, принимая его за живого, прося в слезах помощи беспомощному. «Вспомни, — сказала, — того, кого ты любил, а теперь он сильно страдает и не имеет ни от кого помощи». Он же коснулся ее рукою, велел подняться, говоря: «Не печалься, будет ему милость Божия и избавление от таковой напасти, а от меня вам благословение». И, благословив ее рукою, отошел от взора ее той же лестницею вверх. Она же, проснувшись, была радостна и рассказала все сыну своему, именем Михаилу. Услышав <ее рассказ>, он его записал, принес мне эту запись, когда я приехал по освобождении молитвами преподобных.

14. О пустыннике Никодиме, как он видел святого Дионисия вместе с митрополитом Алексием

Многие, кто слышал обо всем этом про отца архимандрита Дионисия, радовались душою, другие же сомневались и впадали в неверие, как и сам эконом той обители <из-за которого преподобный тогда переносил многие беды и напасти, от его властолюбия, как я и раньше говорил>, он был охвачен недоверием и не придавал значения услышанному, еще и другим запрещал верить. Через несколько лет после смерти <преподобного> пишут к келарю Александру из Северного края, из Помория, Каргопольского уезда Кожеозерского монастыря старцы Феодосий и прочие старцы, Богом наставляемые на уверение неверующим. Писание же их таково. Был, говорят, у них около монастыря в пятнадцати верстах среди леса инок-пустынник, по имени Никодим, жил в хижине малой на непроходимых болотных местах — постриженик Чудова монастыря святого архангела Михаила и чудотворца Алексия митрополита, что в Москве; этот инок Никодим удалился в пустынь после явления ему чудотворца Алексия, еще до московского разорения, и пребывал в той пустыни на речке Хозьюге 36 лет, подвизаясь постом и молитвами. И, когда приспело изволение праведного Суда Божия, чтобы переселить его из мира здешнего к вечным обителям, присылает он какого-то из пришельцев к игумену и к братии, умоляя их взять его к себе в тот монастырь. И, когда так и сделалось, рассказывает он игумену и братии о явлении святого Алексея митрополита, с которым, сказал, <был> и другой муж чудный, с крестом; благословил его преосвященный митрополит рукою, а тот, другой, осенил его крестом, и поведали ему про

отхождение его от мира здешнего в вечные обители. Он же спросил святого Алексия о другом, что с ним, потому что он знал самого святого Алексия чудотворца по образу, как постриженик его обители, другого же он не знал, того, что крестом его благословлял. Святой же Алексей сказал ему: «Это Троицкого Сергиева монастыря архимандрит Дионисий». Услышав это, он удивился, так как до того ни в мирской жизни, ни в монашеской он его не знал, и был удостоен видения его.

И в течение сорока дней опять неоднократно <оба святых> являлись ему, утешая его, говоря: «Вскоре с нами, — говорили, — у Бога на покое будешь». Через сорок дней после первого их явления к нему, он умер, душу свою предал в руки Божии. Потом мы слышали об этой повести спустя несколько дней по написании ее от инока того же монастыря Гедеона, который служил ему во время его смертельной болезни. Впоследствии постриженик того же Кожеозерского монастыря боголюбивый инок Боголеп Львов, который и побудил меня все это написать <бывший прежде царским придворным>, известил писанием обо всем этом святейшего патриарха Московского и всея Руси Иосифа, так как был там сам и поверил преподобному иноку Никодиму пустынножителю, слышал он все из уст Никодимовых и все записал.

15. О явлении святого на море донским казакам и о победе над турками

Снова и снова я сомневаюсь и опасаюсь, как бы не обойти писанием того, что слышал, и молчанием того, что рассказывалось, чтобы <все это> не забылось окончательно. Если кто ложь принесет, сам себе на голову привлечет <ее последствия>, если же кто придерживается истины, то истина сама сделает убедительным всякое праведное слово. Мы же как слышали, так и написали. Когда уже это писание о преподобном архимандрите Дионисии было завершено, по просьбе инока Боголепа, в том же 7156 <1648>-м году, вскоре после этого, неожиданно пришел ко мне вышеупомянутый слуга монастырский Никита Кучин. Он сообщает со слов инока Романа Базлова да слуги Василия, по прозвищу Львова, о приезде донских казаков и о поклонении их у гробницы архимандрита Дионисия. По его донесению их вызвали, и при расспросах они рассказали следующее. «Шли мы мимо церкви Никона <Радонежского> и увидели у гробницы архимандрита Дионисия трех человек поклоняющихся; мы спросили их: „Откуда вы знали архимандрита Дионисия, если гробу его кланяетесь?" Они же поведали нам, говоря в слезах: „Прежде он был нам незнаком, но большую помощь он нам оказал своим явлением на море против врагов. Уже говорили, что всем нам придется быть разбитыми турками, когда он явился нам; яркий свет сошел на нас, а на врагов наших напала тьма, и они ослепли. Мы были спасены явлением его и победили своих врагов. Ради этого мы и пришли поклониться, чудотворцам Сергию и Никону помолиться и гробу архимандрита Дионисия поклониться"».

И, выполнив свое обещание, они, благодаря Бога, пошли восвояси. Я же, написав об этом рассказе и весьма в том усомнившись, так как не получил об этом надежного свидетельства, смущался постоянно своими размышлениями, да не сочтется <рассказ> этот ложью. И в таких размышлениях прошло много времени. А в 7163 <1654> году сентября … день довелось мне побеседовать о деле духовном с ключником государевым, с Никоном Протопоповым, и он, словно Богом наставляем, спросил меня об архимандрите Дионисии и о житии его, приведя мне подлинное свидетельство о донских казаках, как они явлением его на море спаслись от безбожных турок. Сей Никон тех казаков кормил и потчевал по царской милости на государевом дворе. И ту повесть он достоверно слышал от них и сказал, что у него есть об этом рассказе записочка и казаков тех имена, и

хотел прислать ту записочку.

16. Рассказ Петра Головина о чудесах святого

7157 <1649> года августа в 4 день пришел в обитель Святой Троицы помолиться и чудотворцевым мощам поклониться дворянин государев по имени Петр Головин. После молитв чудотворцам он пришел к гробу сего преподобного архимандрита Дионисия. И совершает у гроба его достойное поклонение, говоря архимандриту Андреяну, и мне, келарю Симону, и казначею Калиннику, и старцам соборным: «Был я, — говорит, — на государевой службе за Сибирью в отдаленнейшем городе на реке, называемой Лена, до которого от царствующего города Москвы добираются за три года. И там я услышал об этом архимандрите Дионисии, как с митрополитом Алексием, московским чудотворцем, совершают они вместе чудеса, и при посещении преподобного инока Никодима был, де, он вместе с Алексием митрополитом в Помории Каргопольского уезда в Кожеозерском монастыре». Мы же слышали это от него и удивлялись неизреченным судьбам Божьим, — что от такого дальнего города и края такую чудную повесть о нашем отце он принес — на уверение истины и на радость и веселие душам нашим и тем, кто постигает величие чудес, которыми Бог прославляет угодника своего, поборника истины и пособника правде, подвизавшегося в наши годы, и написали об этом памяти ради.

17. О исцелении одного вельможи молитвами святого

Когда же мы услыхали эту повесть от Петра Головина, то записали ее и многим дали прочитать, потому что каждый хотел слышать всласть, вспоминая о нем, о благочестивом житии его. И слышал это той же Троицкой обители слуга по имени Федор Каменев, живший прежде близ его кельи и поработавший во многих поручениях у преподобного. И он поведал мне, когда говорил: «Сей святой архимандрит переселился из жизни здешней в вечные обители; и по распоряжению первосвятителя тело его отвезли в Москву для погребального отпевания. Его поставили в церкви Богоявления Господа нашего Иисуса Христа за Ветошным рядом. Случайно в то же время сильно болел некий вельможа, по имени князь Алексей Воротынский, его любил архимандрит Дионисий; и, когда тот вельможа узнал, что тело его находится в церкви, вспомнил он его любовь к себе и, зная о благонравном его житии, с верой посылает он отпеть над ним панихиду. И по окончании, когда принесли ему кутью, он вкусил ее и выздоровел молитвами святого». Услышав это, я это записал, да будут незабвенны чудеса этого святого.

18. Повесть инока Антония о чудесах святого

7158 <1650>-го года июня в 19 день поведал мне, грешному, и писанием отдельно известил меня инок той же святой обители Антоний, по прозвищу Яринский. «Плыл я, — сказал, — на монастырском насаде из Астрахани вверх с рыбой и с солью; и, когда мы миновали город Царицын, нас настигли пять человек донских казаков в малой лодке, за Денежным островом. Они умоляли нас, чтобы мы взяли их на работу на большое судно в охранники, как обычно бывает и на других больших насадах. Так мы и сделали по их просьбе, и в пути один из них поведал нам такую повесть. „Были, де, мы на море с другими казаками на войне, и принесло, де, нас волнами к каким-то островам, и нашему, де, старейшине явилась Святая Богородица с апостолами, с Петром и Иоанном, да с чудотворцами Сергием и Никоном; да с ними же, де, явился и третий инок неизвестный. Он же <казак> спросил чудотворцев, как наяву: вас, де, государей чудотворцев, знаю, этого же инока, которого с вами вижу, не знаю. И чудотворец, де, Сергий сказал ему: «Это троицкий архимандрит Дионисий». И предсказал ему

быть побежденными от турок и «даст, де, Бог тишину, и вы, де, идите к берегу». И когда, де, старейшина наш поведал нам об этом явлении, вскоре турки нас разгромили, а иных побили. А мы, де, от того разгрома разбежались, а теперь по своему обещанию идем вверх и хотим помолиться в Соловецком монастыре"».

19. О явлении святого иерею Феодору и исцелении его от болезни

В 7159 <1651>-м году священник Феодор, <служивший> в церкви Пречистой Богородицы Казанской и святого пророка Ильи в Пушкарской слободе Троице-Сергиева монастыря, страдал смертельным недугом; он рассказал мне видение, которое видел 26 октября, на праздник святого великомученика Димитрия, в 9 часу ночи. «Лежал я, — говорил, — больной при смерти в своем доме, и явился мне архимандрит Дионисий во всем освященном облачении, а перед ним шел инок с горящею свечою; и говорил со мной архимандрит Дионисий, подняв меня за руку с постели; и велел тому иноку вести меня с собою в церковь, мне казалось, как наяву; и архимандрит своими руками ставил свечи перед местными иконами. А говорил он перед иконою Святой Троицы так: „Слава Тебе, Господи, что церковь святого пророка Ильи устроилась". А мне, де, велел в тот час облачиться в ризы и служить молебен Пречистой Богородице чудотворной иконе Казанской и пророку Илье. И после отпуста архимандрит осенил себя крестным знамением, да и меня осенил. И в то время в церкви был шум; а я проснулся в своем доме и посмотрел на образ Пречистой Богородицы Казанской. А в монастыре, де, стали благовестить ко всенощной, и с этого момента я выздоровел».

И об этом видении своем он прислал мне списочек; я же, прочитав его, думаю, что не просто было это видение и ради чего Дионисий благодарил Бога, что церковь устроена, ведь еще при жизни преподобный много стараний прилагал, чтобы устроить церковь Ильи <пророка> под монастырем, на месте, где она ныне поставлена, как мы слышали многократно из его уст. Он был усерден верою и молитвою, крепок в подвигах и часто выходил с крестным ходом, то молясь о дожде, то о вёдре, простирая молитвы за всех православных христиан об умножении плодов земных. Ради этого он заботился о постройке церкви Ильи пророка, но не довелось ему устроить это при своей жизни. Прошло несколько лет после него, и люди, или припомнив его старания об этом, или по его молитвам наставляемые Богом, стали приходить к властям с мольбой, чтобы был у них храм Ильи пророка. И архимандрит Андреян, и келарь Авраамий Подлесов, и я, Симон, бывший тогда казначеем, по всеобщему прошению воздвигли храм чудотворный иконы Богородицы Казанской вверху, а пророка Ильи внизу. И потому, думаю, совершилось явление преподобного архимандрита Дионисия в церкви, так как дело это пришло к завершению по его обещанию; и почему видение это было явлено священнику Феодору, а не кому другому, я думаю, что это потому, что он некогда за имя преподобного принял тяжкие телесные раны за одно слово, когда говорил: «Ныне, де, у нас не Дионисий архимандрит»; и за это сподобился посещения от преподобного. Следует же и уразуметь, что это видение случилось видеть на праздник Димитрия Солунского; и это, думаю, неспроста: когда-то раньше мы слышали от священноиерея Ивана, по прозвищу Наседка, вскоре после осады Троице-Сергиева монастыря, он жил тут в монастыре и служил Богу в порученной ему церкви чудотворца Сергия на воротах. Для телесного отдохновения он имел каморку в крепостной стене. Как-то он сидел снаружи, размышляя о настоящем времени, и мысленно рассуждал о пророчестве Иоанна Богослова из Апокалипсиса про жену и змея: «Какие, — говорил, — страны великие из православия впали в еретичество: Рим великий и все западные страны. А теперь, де, уже думаю, что и до нас дошло, и кажется мне — не быть

уже и на Руси православию».

Так размышляя, сидя сгорбившись под оконцем, он сильно плакал неутешно. Вдруг он слышит, что кто-то, придя к оконцу тому, ругает его сильно и говорит ему многие укоризненные речи: «Кто ты есть, — говорит, — если думаешь, что не быть на Руси благочестию? А того, — говорит, — не знаешь, что за вас молит Бога чудотворец Димитрий Солунский, да Василий Великий, да и ваш чудотворец Сергий молит Бога за вас. И будет на Руси благочестие, как и прежде». Он, проснувшись, пришел в чувство, порадовался и, придя, рассказал <все> архимандриту Дионисию, он тогда был еще жив. И теперь мне кажется, что для того тогда священноиерею Ивану объявлены были голосом Димитрий и Василий Великий вместе с Сергием в молебниках за всю Русскую землю, ныне же опять на его памяти были явления архимандрита Дионисия сему священнику Феодору. Я узнал теперь, что брусяной храм чудотворца Димитрия Солунского был до разорения в Троицком монастыре у каменной церкви чудотворца Сергия, на воротах, слева от алтаря на входе против лестницы. А разобрана, сказывают, та церковь в осадное время, и та церковь в забвении и до сих пор. А что перед ним инок свечу носил, это известно: это был ученик его Дорофей, чье строгое житие свидетельствовал сам архимандрит еще при своей жизни.

20. Предвозвещение о житии святого Дионисия

В нынешнем 7159 <1651>-м году довелось мне в Москве, на Троице-Сергиевом подворье в Богоявленском монастыре, побеседовать с протопопом <храма> Пречистой Богородицы, чудотворного ее образа Казанского, Иваном Нероновым, и между прочими разговорами он напомнил мне о житии сего преподобного архимандрита Дионисия, выразив желание, взяв у меня все, что было о нем написано, положить перед самодержцем. Я же не обрадовался этому и сказал ему, что написано все вчерне, а исправить набело не хватило времени. Больше же всего я сомневался, боясь преподобного, как бы вместо милости от него не претерпеть обвинений, заслуженных моей дерзостью, вспоминая строгое его житие и усилия трудов его благочестивых; что проповедую я людям благочестие своего учителя, а свою жизнь провожу нерадиво. И в таких сомнениях я выехал из Москвы в обитель преподобного Сергия в большой монастырь.

В те же дни вот что поведал мне той же великой обители слуга по имени Никита Кучин <о котором уже и в предыдущих повестях говорилось>: 7-го, де, апреля ночью видит он во сне пришедшего к нему незнакомого человека, который вручает ему грамоту и икону-складень, говоря ему, что это архимандрит Дионисий тебе прислал и велел тебе их отдать келарю Симону, а на словах, де, велел келарю сказать: «Зачем келарь Симон спешит писать мое житие, все мое архимандричье житие будет ему известно». И я, де, взяв икону-складень, начал читать на досках подписи и не смог прочесть, потому что очень мелко. И я спросил того человека, какое же это письмо? А он, де, мне ответил: «Это, де, написано житие архимандрита Дионисия, а сам, де, архимандрит живет на востоке в величайшем монастыре, а теперь, де, он пошел в большой Троицкий Сергиев монастырь в свою обитель». И, сказав это, он стал невидим. Тот же <Никита Кучин>, проснувшись, подивился такому видению и, записав его, принес мне эту повесть.

21. Явление иноку Гермогену о Дионисии

В 7160 <1651> году в день 23 декабря как-то мы беседовали с братиею и за разговорами стали вспоминать о житии архимандрита Дионисия, и, когда услышал про архимандричье Дионисиево житие брат Дионисий, по прозвищу Бирягин, то поведал нам такую повесть. «Был, — говорил, — года за три или

немного больше до нашего времени в Троицком Сергиеве монастыре брат, проживал со мною в одной келье, по имени Гермоген, от рождения был скопец, и когда он стал изнемогать перед смертью, то был без сознания, и стихло его дыхание, так что мы сочли его уже умершим. И так было до трех часов; но вдруг он стал дышать и пришел в сознание, как и раньше. И, сев на постели, рассказал нам, как „был я, — говорил, — в прекрасных садах, которые невозможно описать, и меня водил некий привратник по многим местам, и видел я многих святых прежних святителей, и преподобных, и мучеников, которых мы привыкли в молитвах своих призывать. Я же много молился, чтобы мой сопровождающий показал мне место, где архимандрит Дионисий: душа моя желает его видеть, потому что он меня знал". Он же ему сказал: „Сейчас возвратись обратно, и через четыре дня увидишь того, кого хочешь видеть, и здесь с ним будешь". И, когда миновали четыре дня, он умер». Мы же, услыхав это, благодарили Бога и написали <все> .

22. Явление святого архимандрита Дионисия преосвященному Варлааму, митрополиту Ростовскому, и повесть о нем же архимандрита Андреяна

В 7160 <1652>-м году во время святого Великого поста по повелению государя царя и великого князя всея России Алексея Михайловича преосвященный Варлаам, митрополит Ростовский и Ярославский, да боярин Михаил Михайлович Салтыков в городе Старице в Богородичном монастыре обрели мощи святейшего Иова, патриарха Московского и всея Руси. В ту же ночь, когда они захотели двинуться с мощами святейшего патриарха Иова в столицу, является преосвященному митрополиту Варлааму преподобный архимандрит Дионисий вот каким образом. Митрополит перед утром стоял на своем месте, вознося молитву Господу Богу, и показалось ему, будто он видит сон: слышит он, как говорят ему о пришествии к нему архимандрита Дионисия. Он видит его вошедшего, с кадилом в руке, раздувающего угли; сначала он кадил образа, потом покадил его. Внезапно он проснулся и пришел в себя, <Дионисий> же стал невидим его зрению, только ощутил <митрополит> сильное благоухание, дивясь рассудком такому видению. Еще он размышлял о посещении преподобного, когда пришел пономарь за благословением, чтобы звонить к заутрене. А повесть эту нам поведал сам преосвященный Варлаам митрополит.

И некогда мы беседовали в доме Святой Троицы у преподобного чудотворца Сергия с архимандритом Андреяном, и дошла речь и до этого, и мы удивлялись посещению архимандрита Дионисия, как он явился митрополиту Варлааму. Архимандрит Андреян говорил нам: «Был я некогда в этой обители, когда еще архимандрит Дионисий был жив, и он сказал мне: „Почему, — говорил, — не приходишь к нам в чудотворцеву Сергиеву обитель жить у нас?" Я же отказывался: „Где, — говорю, — обещался, там пребывать хочу". Он же мне сказал: „Если теперь и не желаешь пребывать здесь, то по времени по воле Божьей поживешь здесь на этом месте". И через несколько лет после смерти его по повелению самодержца и первосвятителя я был взят из Пречистой Богородицы Толгского монастыря в Троицкий Сергиев монастырь в архимандриты. И когда я стал здесь жить, то вспомнил это пророчение о себе архимандрита Дионисия». Я же, услышав это, велел написать.

23. Свидетельство ключаря Ивана Наседки о житии святого

Я, многогрешный Симон, написал все это по просьбе инока Боголепа Львова и предложил многим боголюбцам, знавшим и помнившим святого архимандрита Дионисия, это сочинение, <чтобы судили>, так ли было. И многие прочитали и подтвердили, что это правда, другие же усомнились, как я уже раньше говорил, и

были охвачены неверием. Я собрал все это и подумал грешным моим умом, не сочтут ли некоторые, что я как его ученик и любя отца своего окружаю его восхвалением, да не обратят в ложь истину. Что я сам у него видел своими глазами и что слышал из его преподобных уст, в том я уверен и за то спокоен сердцем. А о слышанном <с чужих слов> я подумал узнать у знающих, бывших у архимандрита до меня, потому что Бог не хочет прославления лживыми словами, и святым неугодно получать восхваления за вымышленные чудеса.

Потому я вручил все это ключарю великой соборной апостольской церкви священноиерею Ивану Наседкину, который с архимандритом Дионисием в Троицком Сергиевом монастыре много трудился над правкой книг и над церковным согласием против безумных ослушников — против уставщика Филарета и головщика Логина; и в келии его часто с ним беседовал и книги писал, и не только в дневное время вел с ним беседы, но и много ночей у него в келье проводил, трудясь с ним над исправлением книг. Особенно же рассылая много посланий по городам во время христианского кровопролития, имел архимандрит на то помощника себе, сего Ивана, представив ему многих переписчиков и теми посланиями умоляя во всех городах воевод и всех ратных людей, и всех православных христиан, чтобы поднимались они за православную христианскую веру, и были бы непоколебимы против врагов — поляков и литвы и русских воров, и встали бы на очищение Московского государства, приводя в писаниях тех много утешительных слов из Священного Писания.

Кроме того, и при исправлении Требников о «огне», как раньше говорилось, тот Иван архимандриту помогал и в бедах ему сострадал. И поэтому я вручил ему <свое писание>, пусть посмотрит и судит, так ли все это. Он же посмотрел и подтвердил, и, что у меня не удалось от некоторых сомнений, больше же от забывчивости, то он в строках поисправил и дополнил. А что у нас было пропущено, то он написал от себя, прислав мне с моим писанием вместе. Я же принял это от него с радостным сердцем, в конце написал отдельно, потому что раньше было передано иноку Боголепу прежнее писание, и для того в середину того писания я не вставил, чтобы не посчитали за ложь незнающие, — тогда, де, так написано, а ныне иначе. Особенно же для того, чтобы никак не приписать себе чужой труд, над которым поработал сей добродетельный труженик Иван, потому что он знает больше меня о сем житии преподобного Дионисия достоверно. И решили мы написать здесь так напоследок, затем и грамоту цареву об исправлении Требников, и речи архимандрита Дионисия, и старца Арсения Глухого речь, также речь сего ключаря Ивана к святейшему патриарху Филарету, тридцать глав, и против Антония Подольского обличительная речь «0 огне просветительном», тридцать пять глав. После того 40 глав того же ключаря Ивана, собранных из многих божественных книг — о добавлении «огня», что не подобает произносить и добавлять это; также два послания двух вселенских патриархов, Александрийского и Иерусалимского, о том же.

24. О житии святого архимандрита Дионисия, написано ключарем Иваном

Начало этому Иванову писанию таково. Когда в 7118 <1610>-м году за грехи наши царствующий город Москва был разорен и правители и властители России все были в плену, от мала до велика, и все сословия, и все мужи и жены мучались жестоко под огнем и мечом, и не было никого и нигде, кто бы сочувствовал друг другу, но все грабители как бесноватые псы между собою грызлись; и не было ни города, ни деревни, ни села, ни поля, ни леса, ни чащи, ни бездны, ни пещеры, чтобы без мучения было где укрыться христианам; и не только простые места, но и святые церкви и монастыри всюду сжигались и всякими нечистотами осквернялись, особенно же распутством и прелюбодейством; не только простой

народ, но и священнический сан, и из числа монахов — все подвергались осквернениям разного рода со стороны злодеев, и везде раздетые и босые, и томились голодом и жаждою люди всякого возраста и звания, обо всем этом подробно написано в монастыре Живоначальной Троицы в большой истории о разорении Московском. Здесь же рассмотрим излагаемое о Дионисии.

Когда по разорении царствующего града и других многочисленных городов всеми дорогами стали приходить беженцы к дому Живоначальной Троицы, — и не было числа слезам кровавым, ибо все они, измученные и искалеченные, искали отцов духовных, а иные многие обожжены, а у других вырваны волосы с головы, у иных ремнями кожа со спины вырезана, у других руки и ноги обсечены накрест, у иных внутренности прожжены раскаленными камнями, даже сказать невозможно, какими разнообразными смертными муками истомлены были все, была переполнена вся обитель Пресвятой Троицы умирающими различными смертями, от голода и холода и от нестерпимого бесчестия, о котором нельзя и говорить. Особенно же умирали от невыносимых ран. И мертвецы лежали не только в монастыре, но и в слободах, в Служней и в Клементьевой, и в деревнях, и на дорогах; и повсюду страшно было видеть наготу и срам, и женщин, и девиц; и невозможно было ни исповедать при смерти, ни подать Святых Тайн Христовых <умирающим>.

И, видя это, Дионисий стал умолять с великими слезами келаря и всю братию, чтобы во время такого бедствия всем они всячески помогали во всех нуждах. Келарь и вся братия со слугами в один голос отвечали ему так: «Кто, государь архимандрит, соберется в такой беде с умом, никто не может оказывать помощь, кроме одного Бога». И снова так говорил всем Дионисий со слезами и плачем: «Знайте, государи мои, это воистину нам испытание от Господа Бога: от жестокой осады нас Господь Бог избавил за молитвы Владычицы нашей Пресвятой Богородицы и великих чудотворцев Сергия и Никона. А ныне за леность нашу и за скупость он может нас и без осады смирить и привести к скорби». И келарь, и вся братия, и слуги пришли в смятение от его плача и стали просить у него совета своему неразумию. Дионисий же начал просить их так: «Дом Пресвятой Троицы и великих чудотворцев не запустеет, если мы станем просить милости у Господа Бога, чтобы он нас вразумил; только постановите, кто что в состоянии делать, или собирать на нужды бедным, или служить кто может и кому-то что-то по силам своим дать». И понравился всем его совет. И сначала слуги и простые люди, крестьяне, посоветовались и архимандриту сказали вот что: «Буде вы, государи, из монастырской казны после осадных людей, умерших или живых, да еще и вкладчиков <которых нет и впредь от которых не будет монастырю, святому месту, продажи и огласки>, все то станете отдавать на бедных, на прокорм, и на одежду, и на лечение, и работникам тем, кто примется стряпать, и служить, и лечить, и собирать, и погребать, то мы за головы свои и за жизнь свою не постоим». И было то решение радостно всем людям в монастыре. И вокруг монастыря всем людям бедным, живым и умирающим, стала поступать всяческая помощь. И прежде всего по благословению архимандрита Дионисия начали строить на монастырские средства по решению всех людей; и для больных людей нашлись врачи, они исцеляли многих; а когда <люди> получали исцеление, то приходили в обитель Живоначальной Троицы и поклонялись Пресвятой Троице и Владычице Пресвятой Богородице и великим чудотворцам преподобным Сергию и Никону. А по благословению <архимандрита Дионисия> отведены и переданы были больницы для раненых, да им же были поставлены и дворы, и разные избы для странноприимства прибывающим людям всех званий, из Москвы и из всех городов, мужчинам и женщинам, князьям и боярам, и детям их, и людям, и всякой их челяди, да сколько было изб поставлено мужам, и женам, и девицам и в

Служней слободе, и в селе Клементьеве, сколько убогих домов им было; и сколько тысяч людей погребено и в монастыре, и у Пятницкой церкви в Нижнем монастыре. А тем раненым в боях и при проезде мимо Живоначальной Троицы, и беженцам из городов и из дальних сел, голодным и раздетым, по-разному изувеченным, — всем тем людям основанием к их душевному спасению и телесному здравию был их попечитель архимандрит Дионисий, а не келарь Авраамий Палицын.

А я, грешный, как память моя удерживает, сколько я исповедовал, и причащал, и погребал со своим братом! Мне крепко запомнилось, что до четырех тысяч мертвецов погребли мы с братом Симеоном; и точно помню, что в один сруб около храма Николы Чудотворца в Клементьеве восемьсот шестьдесят человек, да в другой убогий день похоронили мы же шестьсот сорок человек, да на Терентьевой роще — четыреста пятьдесят человек, да с Иваном, священником Синковским, в монастыре у Живоначальной Троицы, и в Служне слободе, и у Пятницкой церкви, а иное по деревням. С тем же Иваном Синковским ходили мы также по Дионисиеву указанию, и тех людей мы с Иваном священником считали по смете, и погребли более трех тысяч за тридцать недель. Да зиму и весну я погребал ежедневно мертвецов — из тех людей, которые не хотели ложиться в убогие дома; а бывало это много раз, что на день <приходилось> погребения три или четыре, а иногда пять, шесть и больше; за те тридцать недель не бывало, чтобы в одну могилу положили одного человека, и не было ничего <особенного>, что погребали в одну могилу трех-четырех или пять-шесть, а иногда десять и пятнадцать человек. А все это бедствие тянулось полтора года.

По благословению архимандрита Дионисия редко бывало, чтобы погребали обнаженных, потому что надзирали его сторожа и ему сообщали, если случится обрести нагого мертвеца. И, как только ему скажут, тотчас от него была забота обо всем и устроение. Ктому же конные сторожа ездили с лошадьми везде — и по дорогам, и по лесам и смотрели, чтобы звери не ели <трупы>, и чтобы собирали всех изувеченных врагами, и мертвых, и умирающих, и чтобы привозили в богадельни, поили, кормили и лечили. А кто умирал, их одежду стирали и отдавали бедным. А женщины в тех избах не переставая шили рубашки и саваны, и стирали, и за это их всем миром из монастыря кормили, и снабжали одеждою и обувью, и творили всяческое добро по всем их потребностям. И потому многие из них были весьма полезными помощниками дому Живоначальной Троицы, основательными и усердными работниками. А некоторые ушли в царствующий город и были в чести, владели имуществом по-прежнему. А другие постигли Божественные Писания и стали служить в монастырях в различных чинах — служителями и начальниками во многих благих делах, и в земных, и в небесных.

И насколько милосердный Господь и Бог наш наказал нас праведным своим наказанием и гневом своим в осадное время, потом не вдвойне ли, а то и больше <теперь всем людям это видно> он расширил и возвеличил, и какими красотами, какими ценностями дом обитания своей святой славы обогатил, всеми благими возможностями, каких и прежде не бывало, какие ныне во славу Господню всем людям видны и прославлены. Все эти блага были даны обители Пресвятой Троицы молитвами великого чудотворца Сергия. Как в подобное время Господь подавал Египту для спасения от голода Иосифа и Товию праведного в Вавилоне Израилю, так ныне, во время разорения нашего, сего святого мужа и дивного архимандрита Дионисия воздвиг хлебоподателем, по словам Господним, в подобное время раздающего пищу рабам, каждому по его положению. И главное надо сказать о нем: многим он обеспечил благой конец, так что они отошли в вечную жизнь с печатию и напутствием. И одни были очищены от скверн телесных, другие

сохранили чистыми законные браки, и жены были сохранены в чистоте, без осквернения, особенно же многое множество было сохранено дев и юношей, и отроков чистыми и непорочными. И хотя принято хвалить за разумное устройство александрийского старейшину блудниц Сергия <из Патериков>, который спас их и преобразил в чистых инокинь, а также и Товию — за его милостыню и погребение мертвых, но сей Дионисий заслужил большего словесного восхваления. Но многие, зная о всех тех благих его делах и видя их и ныне, и зная, как мудр он был в словесном искусстве, не знают и не возьмут на ум, сколь великое попечение он имел не только о своей святой обители <в которой он все это сотворил>, но и о великом царствующем городе Москве имел большие подвижнические труды, молясь об избавлении его <от врагов>. И каждая ночь была для него день. Ибо всегда, в то время, когда Москва была полтора года в осаде, он не переставая стоял в молитвах в церкви Божией и в келии, с плачем горьким. И после многих молений, то и отдых ему был, что, имея умелых писцов в келье, <руководил он тем, как> они выбирали учительные слова из Божественных Писаний и писали многочисленные послания в охваченные смутой города к лицам духовного звания, к воеводам и к простым людям — о братолюбии и о заключении мира, с указанием, какие царства и державы за какие грехи и за неправды погибли, а какие государства возвысились Богом за какие правды и за соблюдение каких добрых дел Господь Бог, благой человеколюбец, миловал; и стал он помощником бедным, и потерявшим надежду, и слабым, и не способным противостоять врагам, а ленивых и не обученных ратному делу он побуждал к твердости, описывая для таковых посмертные чудеса и знамения. И о тех <посланиях> — грамотах — тебе, господину, следует расспросить Алексея Тихонова, если он знает, так как он болыпе всех писал такие грамоты — и на Рязань, и на Север, и в Ярославль, и в Нижний Новгород князю Димитрию Михайловичу Пожарскому и к Кузьме Минину, и в понизовские города, и к князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому, и к Заруцкому под Москву, и в Казань, к строителю Амфилохию <о том, что он запутался со сватом своим, с Никанором Шульгиным, и сделались оба изменниками московскому правительству>, да грамоту к Геннадию Елизарову, чернецу, который служил в Москве как дьяк Григорий Елизаров в Казанском дворце, который бежал от Живоначальной Троицы на Соловки от бедствий и нужды от литвы и казаков после разорения Москвы. И буде только найдутся те грамоты в монастыре у вас, либо в казне после Геннадия и Амфилохия, или в Разрядном приказе, в соборной келье, или что под Москву к боярам и воеводам писано **<**а в годах искать под 7119 <1611>-м, под 7120 <1612>-м и 7125 <1617>-м <годами>**>**, и если только те грамоты найдутся, то из тех грамот <видно> бесчисленное множество болезнований Дионисия обо всем государстве Московском. И если пожелаете вы, государи, его образ мыслей узнать, то в тех посланиях не только под Москву, но и воеводам многих городов и многим людям разных званий бывало от его совета и разума великое подкрепление и храбрость. И ныне, и в дальнейшем у вас в монастыре, будущего ради, хорошо было бы, чтобы в казне были такие грамоты — на утверждение этому преславному великому месту. И думается мне, государи мои, и для того надо вам держать те осадные грамоты — для будущего, против гордости вельмож лукавых: как над царствующим городом приключилась от них беда, и царю Борису Федоровичу, и царю Василию Ивановичу. И что об этом говорить, скорее воскликнуть: «Ох, ох, увы, увы, Мати Матерем, Святая Церковь Божия, в поднебесной славимая, как ты пострадала, лишившись чад своих!» И, если по Богослову сказать, — чад, избиенных под алтарем Господним на земле и вопиющих день и ночь: «Мсти, Владыко, кровь нашу и всех тех святых». И ради Матери Господней Пресвятой Богородицы Приснодевы Марии отдохнули сыновья ее, господа наши; а ныне все то забыли, и что за сорок лет делалось, «то, де, не

вчера делалось, нечего, де, то и вспоминать». А вам — что в доме Божьем делалось у вас, и тем, кто будет после вас в будущее время жителями <монастыря>, вам нужно чем-то защищаться от вертлявых гордецов.

А о святом нашем отце Дионисии и мне, грешному, видится, на что искать другие чудеса больше того, чем было во время осады чудо об Амфилохиеве отце, как он сеял муку при сыновней измене. И, если бы не стойкость отца Дионисия, да великие его труды, как опека над бедными и пренебрежение к себе, как он умолил всю братию утешать ратных людей тут в монастыре, тех раненых, которые поступили из-под Москвы, из-под Переславля, и с разных дорог; и, видя их множество раненых, и изувеченных, и голодных, и раздетых, погибающих от тягот, Дионисий на соборе перед всей братиею бил челом и, умоляя их, говорил всем так: «Окажите, государи, келарь и казначей, и вся братия святая, милость, пожалуйста, меня послушайте. Мы все видим, что Москва в осаде, а люди их литовские по всей земле разошлись, чтобы воевать; а у нас в монастыре людей полно, да немного ратных или обученных, и те погибают от цынги, и от голода, и от ранений. И мы, государи, обещались все в монашестве умереть, а не жить; но если в таких бедах не станет у нас ратных людей, и что будет с нами?» И плакал он перед ними, испрашивая милости к бедным: «Пожалуйте, господия, сколько есть у нас еще хлеба, ржаного и пшеничного, и сколько есть у нас квасов на погребе, и то бы нам все держать для раненых; а мы возложим упование на Бога и станем есть на трапезе хлеб овсяной, а кто из нас станет болеть чем-либо, того мы будем кормить ячменным хлебом; и за обедом нам не надо пить квас ячменный, во имя Господне и с воды не умрем». И решение его было утверждено, слез его ради. И приказали ратных людей лечить и оделять всякой пищей доброй братской и лучшими квасами, и не только ратных, но и других, бедных, на усмотрение. И целых 40 дней не слышно было о квасе из погребов на братской трапезе.

И в то время молитвами <Дионисия> в хлебне у Амфилохиева отца было чудесное умножение муки великого ради Сергия чудотворца. О помощи <чудотворца Сергия> дому своему кто может сказать! А кто просил у него, у великого светильника, милости, и, что сказать, кто плакал, кто просил, кто молил, кто со смирением мало ел хлеба овсяного 40 дней, а по средам и пятницам и вовсе не ел и за одною трапезою радовался со слезами. А раненым и больным служили с утра до вечера и предлагали хлеб чистый, теплый и мягкий, и всякие кушанья разнообразные, и добрые и ароматные напитки предоставляли; а сильно изнемогавшие ели не два раза в день, а как кто хотел, с утра и в другое время; один — как человек, а другой — как скот, и в полдень, и в полночь. Слугам не было покоя от приставов, ибо понуждали их на <исполнение> разных нужд, чтобы все было готово к запросам от болящих. Больше же всех сам Дионисий не имел покоя ни на один день, ни на час, и всегда он обозревал больных и устраивал их одеждою и пищею, особенно же лекарствами, о чем мы здесь рассказали, а более всего духовными средствами, потому что многие больные, некоторые от ран и от мучений хотели исповедаться в своих грехах, другие же нуждались в елеоосвящении, а иные, отходя от жизни земной, источая кровь и слезы горькие, плакали, прося о приятии отпуста напутствия вечного, печати тела Христова, и все они все это получали в смертный час; и никто не оставался неочищенным или не омытым от скверн ран телесных, главное же, принимали исцеление от язв душевных. До сих пор было писание Ивана.

25. О умножении хлеба молитвами святого

А как было умножение хлеба, я, Симон, так узнал достоверно от него, Ивана, и от прочих, во время многих <с ними> бесед. Этот священноинок Пимен, отец

Амфилохия, был прежде в Старицком Богородицком монастыре архимандритом, а сын его, ранее упомянутый инок Амфилохий Рыбушник, был послан из Троицкого Сергиева монастыря в Казань строителем в Троицкий Сергиев Казанский монастырь, который находился под паствою у властей большого Троицкого Сергиева монастыря, — архимандрита Дионисия с братиею. И во время Литовского разорения этот инок Амфилохий, сговорившись с дьяком Никанором Шульгиным, изменили Московскому государству и непослушны стали боярам московским в то время, когда не было царя в Московском государстве. И тот Амфилохий стал изменником из большого Троицкого Сергиева монастыря и перестал подчиняться троицким властям — архимандриту Дионисию и келарю Авраамию Палицыну с братиею. За это отречение Амфилохия троицкие власти, архимандрит Дионисий и келарь Авраамий, взяли Амфилохиева отца, бывшего архимандрита Старицкого монастыря, и томили его трудами в хлебне, — он сеял муку на братию и на других ратных людей, и на трудников, — а об измене сына ничего не знал. А <в это время> уже в Троицком монастыре хлеба было на исходе, один малый сусек муки остался на такое многолюдство, примерно на один день или чуть больше; хоть и миновала осада, но на всех путях засели окаянные поляки, и литва, и русские воры; и невозможно было ниоткуда в Троицкий монастырь из сел хлеба привезти.

Когда архимандрит Дионисий, тот добрый пастырь и правитель и врач душ и тел людских, принял то доброе решение с келарем, и с казначеем, и со всею братиею, и со слугами, и с прочими, и со всеми, жившими тут, — позаботиться о бедных, и о раненых, и о больных, как говорилось выше, хлебом чистым кормить и квасом добрым поить, самим же себе постановили есть овсяный хлеб и пить воду, благодаря Бога, — в то время молитвами сего преподобного архимандрита Дионисия и за многие его слезы совершилось умножение муки из малого сусека у Амфилохиева отца инока Пимена: сколько <муки> брали из того сусека и пекли хлебы, настолько этот малый сусек не опустошался, но даже наполнялся. Заметив это, Амфилохиев отец удивился и сказал своему духовному отцу, священноиноку Симону. Они позвали сего священника Ивана Наседку и сказали ему; тот же Иван пошел и известил об этом архимандрита Дионисия. Архимандрит же Дионисий, увидев это сам, подивился Божию человеколюбию, и, удостоверившись <в истинности> вместе с келарем, и с казначеем, и с братиею, воздали благодарение Богу и Пречистой Богородице и великим чудотворцам Сергию и Никону за то, что их забота о бедных была не напрасной. И таким малым сусеком муки, который Бог умножал, питались все в монастыре, монахи и мирские люди, до 40 дней, пока не очистились дороги от нехристей поляков и не привезли отовсюду хлеба достаточно.

26. О подвигах святого, и о его проводах воинских людей с иконами, и о перемене ветра молитвами святого

И сколько этот чудный подвижник и молебник подвизался за все православное христианство, в молитвах и на всенощных бдениях, в слезах и многих поклонах взывал ко Спасу и к Пречистой Богородице и к великим чудотворцам безгласным воплем о том, чтобы православным христианам избавиться от наступивших кровопролитних напастей и о мире и о тишине всем людям Российского государства, да еще, как и раньше говорилось, находясь без сна! И каждая ночь ему была как день. Много же он трудился над написанием грамот во многие города о защите Московского государства, как уже говорилось.

Когда же князь Дмитрий Пожарский и Козьма Минин, направляясь под Москву со многим воинством на защиту Московского государства, достигли Троицкого Сергиева монастыря, они отслужили молебен Пресвятой и Единосущной Троице и

Пречистой Богородице, помощнице всего мира, и великим чудотворцам Сергию и Никону. После молебна на проводах воевод и всех воинов сей пречудный подвижник выходит из обители в полном облачении, со священниками, и с дьяконами, и со всем священным собором, и с братиею и, поднявшись на гору Волкушу, встал с крестом, осеняя воинов крестным знамением. Священники же кропили все воинство святою водою. <В это время> ратные люди обнаружили сильный встречный ветер, ужаснулись ему и сказали: «Что же будет: сильный ветер дует в лицо». Архимандрит Дионисий, в слезах, текущих по щекам, призывал Святую Троицу, и Богородицу, и чудотворцев. И воеводы также пришли в ужас.

Когда же, пропустив войско, пошли воеводы, получив последнее благословение у архимандрита, обнадеженные утешительными словами, чтобы на Создателя своего уповали, и имя Богородицы на устах носили, и призывали на помощь чудотворцев беспрестанно; и в то время как архимандрит еще осенял их вслед крестом, внезапно по воле Божьей вдруг переменился ветер, который прежде был в лицо, — подул в спину, точно от самой обители и от церкви Святой Троицы, от чудотворных мощей преподобного Сергия воеводам и всему воинству была пожалована большая радость. И не менялся тот ветер, пока не очистилось Московское государство милостью Божией.

Это описание мы приняли от самого князя Дмитрия, в записи, он и на словах в слезах нам рассказал, как такого чуда удостоил их Бог, милостью Святой Троицы и заступлением Пречистой Богородицы и чудотворцев Сергия и Никона и молитвами святого архимандрита Дионисия. Мы же, услышав это, дивились неизреченному человеколюбию Божию, ибо, кого он по своей благости избрал и на кого возложил свою благодать, того и преисполнил красноречием уст и щедростью рук и <способностью> чудодеяний, простирая <ему> свою милость по своей воле, как сам хотел, видя крепкое его преподобное житие и многие слезы; и о чем он у Бога просил, не погрешив, то неуклонно ему даровалось от десницы Вседающего.

27. Опять писание Иваново о правке Требников

При правке Требников, а также Служебников нашлось много описок в старых экземплярах, но было неизвестно, кто в этом виноват: переписчики ли старые или несведущие писцы писали. А во многих молитвах концовки написаны — одни к Отцу, а другие к Сыну; и те концовки замутнены: то по Савелиевой ереси лица Пресвятой Троицы слитно писаны, в другой раз по Ариевой ереси разделением отмечены; а в ином месте о воплощении Слова Божия от Девы Пресвятой Богородицы Марии было обретено и в рукописных Требниках, и в Служебниках первопечатных: и Бог Отец с Сыном воплотился. И такие описки в еретическом смысле были изоблечены снисканием и трудами, и старанием мудрого мужа Дионисия.

И вот его сильно возненавидели надменные глупцы, церковные начальники, митрополит Иона Крутицкий с московским собором. А соборная церковь тогда вдовствовала без патриарха девять лет: Филарет был тогда заточен в Польше. И обвинили честного сего архимандрита в еретичестве, и до четырех дней приводили его давать об этом ответ на Патриарший двор с великим позором и бесчестием. И потом у государыни, у матери царя, у Марфы Ивановны, в ее кельях в Вознесенском монастыре, он подвергался испытанию, а также и на подворье митрополита — терпел он жестокие побои и пинки. Так с ним поступали, чтобы представить его погрешившим в богословии. И положили ему, чтобы он пятьсот рублей за свою вину принес; а обвинение ему предъявили, что

имя Святой Троицы в книгах приказал вымарывать и не исповедует о Духе Святом, будто это огонь.

Преподобный муж Дионисий, стоя в оковах, смеялся и, веселясь и как бы играя с избивающими его и плюющими на него, как с шутниками, отвечал им: «Денег у меня нет, а и дать не за что, лихо чернецу, что расстричь его велят, а если достричь, — это ему и венец, и радость. А что Сибирью или Соловками вы мне грозите, так я этому рад, это мне и жизнь. А что обвиняете меня, что я велел имя Святой Троицы в концовках молитв исправлять, то это точно я указал. А святые отцы наши на семи соборах научили нас веровать в Святую Троицу нераздельную и раздельную — единую существом, раздельную же лицами, то есть ипостасями; и научили не называть пребезначального Отца Сыном, ни Сына собезначального Отцом, так же и Духа Святого ни Отцом, ни Сыном, но Духом. И в молитвах я велел писать, избегая Савелиевой ереси: где написано в концовках, обращаясь к лицу Отца, «и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, и ныне, и присно, и вовеки веков, аминь», — и это мы поправляли так: «и Тебе славу воссылаем, безначальному Отцу с Единородным твоим Сыном и с Пресвятым и Благим и Животворящим Духом»; а где при обращении к лицу Сына написано, — а по Евномию еретику, ученику Ариеву, который прелыцал народы, говоря о Сыне Божии, что он то Сын, то Святой Дух, и так в жидовство церковь заводил. И мы писали концовки у таких молитв: «И тебе славу воссылаем, Христе Боже наш, со безначальным твоим Отцом и с Пресвятым и Благим и Животворящим Духом». А смотрите об этом «Богословие» Василия Великого, как он писал концы у молитв, — в молитве «Боже и Господи силам» — к Отцу в лицо, а к Сыну — «Владыко, Господи, Исусе Христе, Боже наш», и в молитве «Нескверная», чья концовка хороша; также «Помяни, Господи, иже в надежи» также хорошая концовка. А в печатных Служебниках, как в <семь тысяч> сто девятом <1602> году печатаны, да и по <семь тысяч> сто тридцатый <1622> год, и в тех книгах много опечаток оказалось; а сделалось это от мастера Невежи Тимофеева, да от наборщика Ивана Григорьева. И посмотрите две молитвы перед службою <Иоанна> Златоуста. 1-я «Господи Премилостивый». Тою молитвою иерей сам себя разрешает. А конец <ее> по Евномию или по Савелию. Тут же молитва над служебным вином, а конец тоже не исправлен. А после заамвонной молитвы концовка с обращением к лицу Отца, и тут тоже испорчено; а нужно тут — «Безначальному Отцу со Единородным твоим Сыном и с Пресвятым и Благим и Животворящим Духом». Да в Требнике, как давать причастие, молитва 2-я: «Господи, знаю, что недостоин». И та молитва Сыну Божию, а не Отцу. А конец в ней напечатан по Савелию. Молитва над Пасхою, начало ее такое: «Призри, Господи, Исусе Христе, на эту снедь», а конец по Савелию или по Евномию. И тут же в молитве «Единородный Сыне Божий» конец тоже по-савелиански — слиты лица Святой Троицы, и эта ересь опаснее всех ересей. И другие также молитвы многие не исправлены.

Весь город Москва был тогда возбужден клеветниками, которые хотели извлечь пользу от <заточения> архимандрита; и после царского дома, и после митрополичья двора отдали его под стражу и мучили его жестоко. И когда собирался народ, в праздничные и торговые дни, тогда митрополит, подгадывая срок, приказывал приводить его или до обедни, или же после обедни; и он стоял на митрополичьем дворе, в оковах, в подсенье, с утра до вечера; и не давали ему и малой чашечки воды испить, чтобы утолить жажду летних дней, ибо тогда стояла середина лета, месяцы июнь, июль.

Митрополит же Иона после святой Литургии торжествовал со своим окружением на светлых трапезах. А Дионисий веселился со своими учениками, совершавшими поклоны среди ударов кулаками и многих пинков перед окнами кельи его, да еще

за честь принимавшими битье батогами. От всего этого терпеливый муж смеялся, что над ним делали, а страдавшим вместе с ним и плачущим от побоев он, утешая их, говорил: «Не скорбите, братия, Господь все видит, и вы не безумствуйте, мы страдаем за слово истины, и не вечная эта мука — все это пройдет». И был он всегда томим голодом и жаждой, и целый год он провел в таких бедах; а о страдавших с ним в той беде он имел большое попечение и очень заботился о том, чтобы избавились они от этих бед.

Пронеслось тогда во всем царствующем городе Москве такое безрассудство, вызванное выдумками корыстолюбцев, взяточников, кровопийц, говоривших: «Явились, де, такие еретики, что огонь хотят в мире извести»; а простым людям того не объясняли и не рассказали, какой огонь и чего ради его оставляют. И много было ругани и споров между многими людьми. И знающие Священное Писание и об этом понимающие не смущались, простые же люди всяких званий, не знающие Писания и не понимающие ничего, печалились напрасно и скорбели сильно, больше же всех мастеровые и заготовители пищи; и ходили они толпами с дреколием и с камнями, пытаясь многократно этого святого мужа убить. И часто в дождливые дни поливаемого дождем водили его, иногда пешком, иногда сидящего без седла на скверной и худой клячишке, и били его веревками, гнали плетью, безумные люди осыпали его калом, песком и грязью и одевали его в скверную одежду, в изодранные рубища и обувь; а он, влекомый, веселился. И, когда встречался со знакомыми, тогда смеялся как младенец, не сердясь ни на кого и ни из-за чего ни с кем не пререкаясь и никого никак не браня. И скорбящие о нем, видя его беду, спрашивали его: «Святой отец Дионисий, что же это за беда с тобой?» Он же говорил: «Это не беда, но притча перед бедой». Любящие же его говорили: «Скажи нам, отче, что такое притча перед бедою, и что такое притча, и что беда?» И снова он отвечал: «Нет надо мною никакой беды, но скорее милость Божия на мне болыпая проявилась. А господин мой великий отец, преосвященный митрополит Иона, больше всех людей сделал мне добра, а это совершилось по судьбам Божиим как искушение мне для прощения души моей, на очищение грехов моих. А господин отец по делам моим смиряет меня, да не буду горд и надменен перед ним и перед братиею своею. И эта притча есть искушение Божье, а не беда. Ибо все беды и напасти в этой жизни и все злое, бываемое с людьми, не беда, но милость Божия. Беда же то, когда живому в геенне огненной мучиться навеки, со змеями, с бесами».

28. Об освобождении святого из заточения святейшим Филаретом, патриархом Московским, и святейшим Феофаном, патриархом Иерусалимским

По годовом мучении сего святого мужа совершилось попечение Божие о заключении мира в Русской земле следующим образом. Стало известно восточным церквам, как страдает горестно великая Россия от змиева его гонения, — от папы римского, изблеванною скверною водою, Расстригою и Жигимонтом, которые обряжались царевичами, и поедали ее эти гады уже 14 лет. Не оставили святые отцы, четыре вселенских патриарха, погибающие ростки российских семян; и держали совет между собой со всеми восточными церквами, как бы помочь во время жестокой отчаянной напасти. И поднялись со своих престолов, и, дойдя до Гроба Господня, молили там Царя Царем и Господа Господем Исуса Христа Бога Вседержителя, чтобы не дал злогрешным одолеть свое наследие. И избрали они воеводу крепкого, сильного исполина, который мог одолеть путь от востока до запада, не имея ни оруженосцев, ни сильных коней, но только одно Слово Божие на устах, способное сокрушить неодолимые крепости, — пресвятейшего патриарха Феофана, прекрасного и душою, и телом. И оградили его многими молитвами, и наполнили его слезами духовными вместо жертв

благовонных, чтобы принести ему пищу голодным, лишенным всякого хлеба — Слова Божия — в великой России. И так молитвами их он дошел от Иерусалима до России за один год, здрав и праведен в благочестии, наполняя всех миром и любовью благодаря вере и делам по Евангелию Божию, созидая и утверждая оба здешних предела, Великую Россию и Малую, также соединяя и укрепляя их едино мыслить о том, как держаться старых законов греческого православия и не отлучаться древних уставов четырех патриаршеств. Что и сталось, для всех мир по милости Божией за молитвы Пречистой Владычицы нашей Богородицы и всех святых.

И внезапно перестала литься кровь христианская, митрополит Филарет был отпущен из Польши на Русь. И пока святейший патриарх Феофан пребывал здесь в Москве, ожидая Филарета, он узнал и о Дионисии все, что было, от многих знающих истину, и подал ему руку помощи, да возвысится правда о нем в церкви Божией.

И вскоре митрополит Филарет патриархом Феофаном был поставлен на патриаршество. И через неделю эти два патриарха приказали Ионе митрополиту Крутицкому предоставить дело по <ложному> обвинению Дионисия; и было много прений и разысканий по Священному Писанию. Дионисий стоял на допросе более восьми часов, достойно предъявляя против всех клеветников изобличения. И об этом его свидетельстве написано после этой истории отдельно «О огне»; здесь же говорится о том, как все там были посрамлены с Крутицким митрополитом Ионою, а праведник Дионисий был прославлен и восхвален пресветлым царем всея Руси Михаилом Федоровичем, как истинный страдалец, сильно пострадавший за Священное Писание. Патриархи же и митрополиты, и архиепископы, и весь освященный собор дивились ему, и целовали его все любезно, и благословили его с душевной радостью. И отпустили его в великую лавру с великой честью и со многими дарами, лучше старых времен.

Когда же он пришел в святую обитель, он снова держался старых своих добродетелей и обычаев — ко всем щедр и ко всем милостив, и всех ублаготворяя, как чадолюбивый отец, принимая на себя немощи добронравных и злонравных, великодушных и малодушных, не себе угождая, всегда заботясь о церковной красоте и о братском благочинии. И несколько иначе он вел себя теперь: когда в прежние времена надменные клирошане и другие церковники ошибались и впадали в какой-либо соблазн по ходу службы, отец Дионисий обнаружив это, не позорил их, а, тайком призвав, кротко наставлял; когда же и опечалит кого по мудрости своей, сам же того и утешит вскоре — или едой, или вкусным питьем. Теперь же он вместо молчания устремился светло учить и таковых доброму обычаю наставлять втайне с кротостью и челобитьем.

29. О головщике Логине и об уставщике Филарете

Был головщик по имени Логин; и этот Логин имел от Бога дарование сверх человеческого естества, красив был его голос, чистый и громкий, так что при его жизни мало было подобных ему; в искусстве пения и в чтении он был первым. И это было ему и суетный почет, и богатство, и пропитание. И не понимал он, что это ему Божье дарование; но благодаря этому дару был он обучен догматам православия, а грамматическое искусство и книжную мудрость — все называл еретичеством. И будучи мастером в пении, он учил многих учеников. А нотные знаки налагал на один стих и по пять, и по шесть, и по десять, и больше — роспевая разные попевки и разные знамена. Так же и сами ученики его, когда сойдутся <по незнанию не спевшись>, то у всех разноголосица. И невозможно сказать о том, что это такое, только — ересь, несогласие. И пел он, и читал,

раздуваясь и гордясь, понося и бия, и обижая в милостыне, подносимой христолюбцами, всех подчиненных ему клириков, и не только простых иноков, но и священнического звания. И никто не смел ему возразить ни слова, и многие в слезах терпели его выходки.

И было среди клириков о нем много разговоров, и многие обращались к Дионисию, чтобы он справился <с ним>. И часто Дионисий припадал к Логину и умолял его, и государем, и отцом, и братом называя, и с отчеством: «В чем тебе, свет мой, польза, что все клирики и все церковники жалуются на тебя, да и ненавидят тебя и бранят и проклинают, а мы, начальники, как на образ на тебя смотрим; и какая польза нам с тобою распрю завести?»

При этом Логине также и другой инок, Филарет уставщик, совсем старый, монашествовал в обители Живоначальной Троицы, не выходя из монастыря более пятидесяти лет; а уставщиком он был больше 40 лет; на его добрые седины и смотреть было удивительно. У этого Филарета от невежества было две мысли недоброго умствования; и первая мысль его была такова: говорил он, что Господь наш Исус Христос не превечно от Отца родился, но тогда родился, когда был послан архангел Гавриил благовестить Пресвятой Деве Марии. Другая же мысль мудрствования: Создателя Бога, непостижимого и неизобразимого, Отца и Сына и Духа Святого — называл он изобразуемым и подобным человеку, и все части тела имеющим по человеческому подобию.

Были же эти Филарет и Логин друзьями, и Дионисия они ненавидели вместе за то, что их обоих, и старого уставщика, и головщика, Дионисий поучал и обличал, никому не разглашая, но втайне беседуя с ними. Часто он покоил их, приглашая <к себе> в келью, и говорил: «Отец мой, Филарет, что я слышу о тебе, а иногда и сам замечаю, что ты впадаешь в соблазн о Пресвятой Троице, о неизобразимом Божестве, постигнуть хочешь, понять — и сам погибаешь, и в братии смущаешь мало понимающих. Как <можешь> ты говорить, что человекообразно Божество? Перестань, отец честной, так думать и возьми в руки святые книги Дионисия и Григория Богословов, и Иоанна Златоуста, и Дамаскина, и в них там найдешь, что неприкосновенного касаешься, и о чем небесные силы не смеют помышлять, то ты хочешь постигнуть». Филарет же, не покоряясь, говорил: «Много ты книг читал, да Евангелию ты не веруешь, а мне у тебя что слушать?» Дионисий же со смирением просил его: «Скажи, отец честной, в чем я Евангелию не верю?» И Филарет говорил: «Если бы ты верил Евангелию, то не исключил бы слова Луки евангелиста, как сказано: „Он будет крестить вас Духом Святым и огнем”». Отец Дионисий сказал так: «Отец Филарет, дело было, да совершилось, а мне тебя жаль, что в вере Христовой ты нетвердо умствуешь, книгам не хочешь верить». Филарет же сказал: «Я больше пророческим словам верю». Дионисий же сказал: «Да как ты нашел в пророках, что Божество человекообразно?» Филарет сказал: «Сам Господь Бог говорил: „Сотворил человека по образу нашему и по подобию”». Дионисий же сказал: «И каков образ Божий во Адаме, и в чем подобие его?» Филарет говорил: «Я о том с тобою не хочу и говорить». Дионисий же сказал: «Хорошо ты сказал, что ты не понимаешь и не различаешь, что есть образ и что есть подобие; ты, отец Филарет, скажи, имеет ли Бог части тела человеческие?» Филарет говорил: «Скажи ты мне, государь архимандрит, что Давид говорит: „Руки твои сотворили меня и устроили меня", и „Моя нога стоит на прямом пути” — о чем Давид говорит?» Дионисий сказал: «Скажу тебе все, но ты мне раньше поясни сказанное Давидом: „Насадивший ухо не услышит ли? и создавший глаз не увидит ли? Вразумляющий народы неужели не обличит, — Тот, кто учит человека разумению!”»

Логин же сидел и смеялся. И архимандрит Дионисий сказал ему: «Что,

преславный певец, чему ты смеешься?» Логин же стал плевать чуть ли не в лицо Дионисию. И встали оба, Филарет и Логин, и хотели выйти из его келии. Дионисий же, поклонившись им до земли, сказал: «Пощадите меня и не понуждайте меня впасть в грех. Это дело соборной Божьей церкви, а я с вами по любви наедине беседую и спрашиваю вас для того, чтобы царское величество и власть патриаршеская не узнали, и нам бы не оказаться в смирении и в отлучении от церкви Божией». Логин стал ругать архимандрита, говоря так: «Погибли святые места из-за вас, дураков; умножилось вас везде, неученых сельских попов; людей учите, а сами не знаете, чему учите». Архимандрит же Дионисий говорил Логину: «Ты мастер всему, что поешь, то же и говоришь. И того для себя не решишь, как правильнее надо произносить в пении и при чтении вслух, <различно> или одинаково; и ты в церкви Божией братию смущаешь и вводишь всех в смех, — в чтении читаешь или в молении глаголешь: „Аврааму и се́мени”, и опять: „и о се́мени твоем благословятся все народы”, и еще в другом месте: „и се́мя твое унаследуют землю врагов своих"; и везде поставлено ударение оксия над ятем — „о сѣ́мени”; да и ты так же сам выговариваешь, а как поешь? Ты вопишь громким голосом: „Аврааму и семенӣ его до века”, и светлую статью выкрикиваешь над „наш” и „иже”. И при чтении и молении глаголется „о се́мени” или „ се́мени”, а по твоему безумному кричанию вместо толкования „и сёмени” тут <получается> „ семенѝ”; и ставится при написании знак вария. И речь та самая безумная, а говорится от лица правителя и от начальства — к плутишкам и обманщикам, которые уклоняются от наказаний или от судебных взысканий, или от побоев и от ударов. И кто <из них> не хочет попасть под кнут или под батоги, да лжет и обманывает, чтобы придумать, как избегнуть наказания, да вертится, как собака; и над ним, бедным, смеются все люди и говорят: „Плати или возьми в долг или заверенное письмо давай, а не по семенӣ вам не избегнуть наказания обманным путем”. И ты первый человек среди церковников, который поет, а не понимает, кого апостол Павел учит о пении. И к чему это — „Воспою языком, воспою же и умом”, если я пою, а не понимаю, или говорю, а сам того не знаю, что это значит. И Павел говорит о том же: „Если я не понимаю смысла слова, то что мне в том пользы, стал я как кимвал, то есть бубен или колокол звенящий”; но бубен и колокол делу начало обозначают; человек же, если не знает в своем слове силы разума, то это не человек, а собака пустолайка; да другой никчемный пес чует, если приходит лихой человек или зверь и вор, и оттого он лает мало, да весть господину подает. Глупый же пес лает всю ночь, слыша издалека шум ветра, и на то злится. А ты, если и много поешь, а чем-нибудь малым гневишь Господа Бога, то что твой труд будет? Если кто земного царя целый год хвалит, а выругает его только раз, то не будет ли наказан жестоко и не погибнет ли мучительно? Смотри, что было сказано Петру: „Иди за мною, вражина, не понимаешь, что суть человеческое и что Божие”; и считающимся потомками Авраамовыми он говорил: „Вы <дети> отца вашего дьявола, ибо исполняете его волю”. А нам, братия господия, какой будет ответ, думающим, что высоко стоим?»

Логин с Филаретом слышали это и, как думали, вместе и сказали единодушно: «Мы веруем в Отца и Сына и Святого Духа, а больше того мы не знаем, да и не мудрствуем ничего; а кто мудрствует, тот сам увидит; а мы не еретики, а поем и читаем, и говорим, как исстари повелось в доме Живоначальной Троицы, — так мы этого придерживаемся и веруем». Дионисий сказал: «Отцы и братия, и бесы веруют, и трепещут, и молятся, но они никогда не покаются и не отстанут от зла». Филарет же говорил: «Да что мы делаем, скажи нам, отец?» И Дионисий сказал: «Хорошо ли это будет — сеять среди братии не полезное учение, а пагубное, как я сначала говорил, что твое лжеучение, да и Логиново пение <что

он знамена пению полагает, как хочет, и племянника своего Максима научил петь «и цари», стихи пропел ему «Благовестит Гавриил» на семнадцать попевок разными знаменами, а иные стихи — славники — то переводом не только по пяти, но и по шести, и по десяти, и больше>, и то, отец Логин, не тщеславие ли, не гордыня ли, что твои ученики, где не сойдутся, тут и бранятся? И ты сам прочти в книге Никона <Черногорца>, когда был пустынник Асина, он научился у ангелов Божьих трегубному пению, которое и до сих пор известно как троестрочное, и потом возгордился, — и отступила от него благодать Божия, и дьявольским прелыщением он был захвачен бесами, а думал, что на небо, как Илья <пророк>, а был низвергнут вниз, как Симон волхв».

Услышав это, оба важных церковных начальника были сильно удручены, а никакой уступчивости к отцу <архимандриту> не показали, но еще впали в великий гнев; и в Кириллов монастырь, и в иные места, и в царствующий город многие вымыслы стали писать на святого сего отца Дионисия и восстановили против него и других неумных на его преподобство, и до самой смерти он терпел от многих <людей> злые беды.

30. О том же святом муже Дионисии, о Беседах евангельских

И о другом немалом <его> терпении подобает услышать. От Бога дано было ему от юности такое дарование: он держался всегда строго в своей келье, совершая молитвы, также прилежно читая и не откладывая от себя Беседы евангельские и апостольские. Эта книга впервые у него в обители в царствование Иоанна Васильевича по благословению святого митрополита Макария была переведена Селиваном, учеником Максима Грека, и эту книгу Максим, дивный философ, исправил всю своею рукою; также и Апостол толковый, и другие многие послания и повести дивные он составил и явил. До сего < архимандрита> Дионисиия в доме чудотворца Сергия мало ценили книги Максима Грека, а также и переведенные учеником его Селиваном, не считались с этими книгами. И на соборе во время торжественных служб уставщики не давали их читать. Следуя этому, Филарет и Логин, бредя о старине, подражали безрассудным и поступали не по разуму святых. Дионисий же нашел во многих уставах церковных, в разных рукописях, пергаменных и писанных на бумаге, что указано, чтобы на многие праздничные дни, особенно же во время всей Четыредесятницы и Пятидесятницы, читать как Григория Богослова также и сочинения Иоанна Златоуста, в том числе и Беседы евангельские и апостольские. Этими <сведениями>, найденными в уставах, Дионисий не пренебрег, а распорядился, чтобы умелые писцы переписали различные книги, и разослал во многие монастыри, куда ему было угодно, особенно же в соборные храмы, так что они в царствующем городе Москве и по сей день находятся в книгохранительнице великой главной церкви и прочитываются патриархом и всем святым собором российским. Это широкое море неисповедимых поучений Златоуста, которыми, как бесполезной лужей, гнушались ленивые нечестивцы; благодаря дивному сему Дионисию был очищен путь к этому широкому морю для всякого звания и возраста; Филарет же и Логин этот путь ненавидели.

И когда Дионисий выражал желание и распоряжался читать книги Бесед евангельских и апостольских, то на клиросах бывали возмущение и ругань. Головщик Логин никогда на это не соглашался и своим подчиненным не давал читать; также и Филарет с ним вместе запрещал это всем. Дионисий же был настойчив и к тому же и сам на клиросе пел иногда, и любил читать статьи; его достойное чтение и как пение, так и проповеди очень любили слушать многие из братии и из простых людей, и все понимающие в Священном Писании хвалили его. Логин же, кичившийся своим голосом, жестоко ненавидел, когда он пел и

читал, и зло упрекая и укоряя его, он говорил: «Не ваше это дело — петь или читать, знал бы ты одно, архимандрит, чтобы только со своим мотовилом на клиросе стоять, молча, будто болван». Архимандрит на это промолчал. Дионисий часто это совершал — пел и читал, и не для себя это делал, не из тщеславия, но беря на себя немощь тех, кто был не в силах <это делать>; не себе угождая, но для назидания ближнего, ибо видел всегда одних не приходящими <к службе>, других — изнемогающими душевно и телесно, и избавлял их от смущения, издалека распознавая грядущие козни дьявола.

Однажды на клиросе оказалось мало поющих, и Дионисий, сойдя с клироса, хотел читать первую статью. Логин подскочил и вырвал из его рук книгу; и свалился аналой с книгой на землю, и раздался громкий стук. Архимандрит же Дионисий только перекрестил свое лицо, прошел на клирос и молча сел. Логин же прочел статью и, придя к архимандриту, вместо того чтобы попросить прощения, стал на него плевать и его ругать, как пес. А архимандрит, взяв свой пастырский жезл и слегка им взмахнув, сказал: «Перестань, Логин, не вноси смятение в службу Божию и во всю братию, можно нам о том переговорить и после заутрени». Логин же так разъярился, как пес, вскочил и выхватил из рук Дионисия пастырский его посох, разломил его на четыре части и бросил <обломки> ему в грудь. И Дионисий обратил взор к образу Господню и сказал: «Ты, Господи Владыко, все знаешь и прости меня, грешного, я согрешил перед тобою, Господи, а не он». И сошел с места, и плакал перед образом Пречистой Богородицы всю заутреню; и после заутрени всею братиею не смогли заставить того Логина, чтобы он просил прощения у архимандрита.

31. О пришествии иерусалимского святейшего патриарха Феофана в Троицкий монастырь

Когда по милости Божией великий господин святейший Феофан, патриарх святого города Иерусалима, своими многими трудами и подвигами установил мир в Иллирице <а в Скифии две большие страны: великое царство Российское и держава Польская>, тогда он обновил Московское государство патриаршеством, Киевскую же митрополию, где <христиане> впали в католичество, путем уклонения в униатство, он вывел, как из тьмы на свет, из униатов с помощью греческих законов и утвердил их, чтобы они могли силой святых книг противостоять всемирному врагу, папе римскому. До <приезда> этого патриарха Феофана во всей России мало кто из христиан владел греческим языком. Дивный же этот патриарх Феофан дал силу многим сынам православным в России греческие книги переписывать и разуметь и научил вникать до конца в философство греческих книг. Позднее премудрый святейший Феофан испросил у великого царя Михаила Феодоровича, чтобы он дал ему увидеть святые места просиявших в России святых Божьих угодников, и все это состоялось по его желанию.

Он слышал про обитель преславной Живоначальной Троицы, как было притеснение этому месту со стороны еретиков, латынщиков и изменников; и он спрашивал о разорении царствующего города Москвы, как был он разорен и как это малое место — <Троицкая обитель> — было спасено. И захотел он увидеть не то место, но дивного хранителя <месту> — великого святого чудотворца Сергия, как он от стольких войск и от лютых зол спасся. И отправился он из царского города к обители святого. Архимандрит же Дионисий оказал ему честь выше царского величества, ибо вышел из монастыря, как полагалось, но <устроил все> не по обычаю, как встречу царских особ, со множеством лиц священного звания, в сверкающих облачениях, украшенных жемчугом и многоценными камнями, со множеством кадил с благовониями, со множеством святых икон; и вся братия со

свечами. А мирские священники и все люди раньше встретили его далеко в поле, и с женами, и с детьми; и все к святым ногам сего святейшего Феофана припадали со слезами и друг друга толкали, все хотели получить благословение. И он всем дал благословение; все же люди были тогда в праздничных одеждах <но это было по повелению самодержца> и шли, и благословлялись благочинно, от мала до велика, все падали ниц. И как только он вошел в обитель, наполнился весь монастырь людьми, потому что многие желали видеть его; они падали перед ним, кланялись ему до земли — все люди; трижды воздевали руки люди и падая ниц кланялись ему. И он стал плакать; вот отпели вечерню и службу совершили, сей же святейший Феофан никому ничего не говорил, только плакал не переставая.

После же вечерней службы архимандрит Дионисий со всею братиею усердно просил его великую святость и честь, чтобы он благословил трапезу, и едва он на милость склонился и пошел в трапезную. <Здесь> он по своему обычаю совершил молитву о царском величестве, и об отце его и матери его, и обо всем царском синклите; и приказал грекам петь многолетие царю государю Михаилу Федоровичу и потом отцу его, святейшему патриарху Филарету, и матери его, великой государыне, и потом всем христианам. Сначала пели святые старцы Святой горы Синайской — двенадцать иноков со своим архимандритом и с келарем, а потом он приказал петь троицким клирошанам, которых было числом по двадцати шести человек на <каждый> клирос. И после этого <патриарх> благословил трапезу, и сидел не притронувшись ни к одному кушанью, братию же он повелел угостить. Прошел слух, что он готовился к всенощной службе; и, немного поспав и встав очень рано, повелел он быть бдению, и так всю ночь провел на славословии Божьем и на утрене; по времени указал звонить к святой Литургии. И когда пришел в церковь служить святую Литургию, — до того были молебны и было освящение воды, и он отирал и окроплял со многими слезами <этой водой> образ Святой Живоначальной Троицы и икону святой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, — и так он пришел к святым мощам великого святого чудотворца Сергия и повелел архимандриту Дионисию открыть святое лицо чудотворца; и когда отирал его губкою, объял его страх великий, и сердце его стало в нем трепетать, ибо увидел он его нетленным; и коснулся он груди и рук святого и дивился; и став пред образом, глядя на Пресвятую Троицу, он повелел переводчику переводить свои речи и принести вслух всем людям благодарение Святой Троице и Пресвятой Богородице. И потом он обратился к великому чудотворцу и говорил так: «О, великий Сергий чудотворец, слава святого твоего жития дошла даже до солнечных восточных <стран>, и мы благодарим Создателя всего сущего Бога Христа за то, что и дошедшим до конца времен и верующим в него людям он дает надежду не удаляться от православной веры за молитвы Пречистой его Матери и ради тебя, со всеми святыми, подвизавшимися во благочестии». И после этого он сам совершил святую Литургию со многими слезами. И настолько дивно было видеть его моление, что у всех, находившихся с ним, он вызывал слезы, и все люди, снаружи святой церкви и внутри, были охвачены страхом и великим ужасом.

По окончании святой службы отец наш Дионисий просил его величество, чтобы он устроил отдых для себя и для всех, кто с ним прибыл из Иерусалима на Русь. И в трапезной состоялось чествование <патриарха>, какое бывает и самим царям московским, когда они приходят в праздники на поклонение Святой Троице. Трапеза была предостаточная, она изобиловала всеми земными <плодами>; святейший же Феофан после многих уговоров с поклонами <последовавших от> архимандрита Дионисия и братии едва притронулся к еде и сидел — не ел и не пил — но сильно плакал и много полотенец омочил слезами. И был большой

торжественный обед с пением и со многим чтением, но патриарх сам ничем не мог утешиться и перестать плакать. Горько было это Дионисию с братиею, что труд их большой и подвиг оказались тщетными, и они думали, что святейший Феофан на что-то гневается; и, потихоньку посовещавшись, сделался архимандрит печален и со всею братиею. И тотчас святейший патриарх Феофан Духом Святым понял <это> и стал беседовать с Дионисием и со всеми братьями, говоря: «Что вы смущаетесь обо мне, почему я плачу? Вы не скорбите, это от радости сердце мое веселится, я у вас ничего не ищу вашего, но ищу вас, — как говорил апостол: „Вы радость моя и венец", — что нашел вас здоровыми; ибо раньше слышали все церкви восточные о скорби вашей и трудностях, какие вы вынесли заботами Христа от ваших гонителей ради православной веры. И мне тоже не неведомо обо всем том, какие случалось вам претерпеть беды, теперь же я и своими глазами увидел все, за что вы страдали и не напрасно, потому что для многих вы стали основой спасения. И я шел от самого Иерусалима до вас, молясь Владыке Господу Богу моему, да не будет труд мой напрасным, и уже я ко Христу приобщился и разделил с вами ваши скорби и болезни, также и радости вашей зачинщиком был; потому и радуемся мы с вами, что плакали мы вместе с вами плачущими; и ныне радуемся мы с вами радующимися. И прошу теперь еще кое-что увидеть у вас, чтобы еще больше возвеселиться по желанию моему».

И Дионисий с братиею пал на землю и сказал: «О, глава достойнейшая, более всех людей на земле, вот мы все <перед тобой>, и все, что нам принадлежит, в твоей власти, чего ты хочешь от рабов своих, скажи нам!» Святейший же патриарх Феофан ответил: «Да ничего, но я слышал, что во время осады некоторые монахи этой святой обители дерзнули возложить на себя воинские доспехи и взять в руки оружие и биться отважно, — дайте вы мне их повидать!» Услышав это, Дионисий усомнился и сказал: «Что же это будет?» И были по этому поводу среди братии розыски. Иноки, причастные к тому делу, сказали Дионисию: «Покажи нас, отец, владыке нашему, пусть будет, как он хочет». И явились к его святительству, и перед лицом его встали более двадцати человек, первый из них по имени Афанасий Ощерин, совсем старый и весь уже пожелтел, в сединах; и еще раз сообщили ему все о нем. И, немного подумав, сказал ему святейший Феофан: «О, старче, старый воин, ты ли выступал и командовал мученическими воинами?» А Афанасий отвечал: «Ей, святой владыко, понужден я был слезами кровавыми». То же самое и другие говорили о нем. И святейший сказал Афанасию: «Возлюбленный брат, что тебе ближе: молитвенное иноческое уединение или подвижничество перед всеми людьми?» Афанасий пал <перед ним>, поклонился и сказал: «Всякая вещь и дело, святой владыко, познается в свое время; у вас, святых отцов, от Господа Бога власть в руках — и прощать, и связывать; я же не знаю, что делаю или сделал по правилам послушания». И, обнажив свою голову, он склонился к нему, и сказал: «Пусть будет тебе известно, мой владыка, вот подпись латынщиков на голове моей от <их> оружия, еще же и в пояснице моей шесть свинцовых напоминаний находятся; и сидя в келье на молитвах, как было найти добровольно таких будильщиков к воздыханию и стонанию? А все это сделалось не по нашему желанию, но благодаря пославшим нас на службу Божию».

Также и другие иноки известили <о себе> святейшего Феофана, до того момента сидевшего и ни к чему не прикасавшегося, — ни к еде, ни к питью, после же того вставшего из-за стола; и закончили трапезу. И <патриарх> благословил того Афанасия, расцеловал его любезно, а также и прочих раненых; и с похвальными словами патриарх отпустил всех, и отбыл на покой. Утром же после святой Литургии принесли ему дары и почести великие; и что-то он принял от святых, а

другое отдал в дом Пресвятой Троицы с заботой о братии.

32. О клобуке, данном архимандриту Дионисию от патриарха Феофана

Потом патриарх Феофан повелел петь последний молебен Пресвятой Троице; и после молебна он осенял себя крестным знамением у святых икон и пришел к гробу великого чудотворца Сергия; и сняв с себя клобук, который носил на голове своей, и покропив святою водою, он обтер своим клобуком колени, голени и стопы ног чудотворца Сергия, и, приникнув ко гробу святого, подложил клобук под стопы святых его ног, и со многими слезами молился долгое время; а Дионисию повелел стоять с непокрытой головой без клобука. И взяв свой клобук из-под стоп чудотворца Сергия, он поцеловал его, и повелел Дионисию целовать; и, наклонив голову Дионисиеву, возложил на него руку, и своему архидиакону повелел возгласить «вонмем»; и архимандрит Синайской горы трижды воспел «Господи, помилуй», по-гречески «Кирие елейсон». Феофан же, держа рукою своею клобук на голове Дионисия, произносил молитву на возложение клобука; и по окончании молитвы благословил Дионисия в клобуке, и целовал его в уста, и сказал «Вот во имя Отца и Сына и Святого Духа дал я тебе благословение, сын мой, и отметил тебя в Великой России, посреди братии твоей, да будешь первым в главенстве над многими иноками по нашему благословению; также и по тебе если кто будет, да носят наше благословение в этом святом месте; гордящиеся и хвалящиеся нашим смирением и отвечают так с радостью: „Таковое знамение нам дано, так как восточные патриархи — почитатели этого святого места, они, оставив свой <знак> достоинства перед Святой Троицей, снявши <его> со своей головы, — положили в память о себе под ноги великому хранителю и блюстителю, великому и богоносному чудотворцу Сергию”». И повелел <патриарх> воспеть на обоих клиросах в святой церкви «Спаси, Христе Боже, отца нашего архимандрита Дионисия» трижды; и, обратившись к братии, сказал всем: «Запишите себе все то, что я совершил для отца вашего архимандрита; и впредь, когда кто-либо из нашей братии будет здесь на поклонении, пусть будет известно нашего смирения пожелание всем следующим за нами поколениям, да и вам — не забывать наше смирение и любовь и в своих молитвах поминать», — и снова прослезился. Братия же и все люди поклонились ему до земли и стали разговаривать попросту.

Житие Иринарха Ростовского

Подготовка текста, перевод и комментарии И. А. Лобаковой

ОРИГИНАЛ

Житие ростовского чудотворца Иринарха входит в круг памятников литературы, посвященных событиям Смутного времени. Как в XIII в. осознание татаро-монгольского нашествия стало главенствующей темой и отразилось во всех литературных жанрах (летописном, агиографическом, жанре ораторской прозы), так и в начале XVII в. тема «гибели царства» раскрывается и в жанре видений, и в летописцах, и в сказаниях, и в житиях, и в посланиях, и в риторических произведениях. В «Житии Иринарха Ростовского» трагические события 1606—1614 гг. получили свое отражение.

Житие написано учеником Иринарха Александром (в миру Алексеем), который пришел к ростовскому затворнику в 1586 г.; «пореновав» его подвигу, принял монашество и не расставался со своим учителем 30 лет до самой смерти Иринарха в 1616 г. Как следует из текста Жития, оно написано по завещанию Иринарха недолгое время спустя после смерти затворника, а список его

посмертных чудес пополнялся на протяжении всего XVII столетия (последнее чудо относится к 1653 г.). Александр, находившийся всегда рядом с Иринархом в его «затворе» и ходивший с ним в Москву к царю Василию Шуйскому, — полноправный герой своего произведения. Этим может быть объяснено яркое личностное начало, проявившееся в Житии. Хотя Александр писал житие своего учителя, опираясь на существующую агиографическую традицию (в произведении и образы, и мотивы, и отдельные сюжетные линии связаны с существовавшим каноном, ощутима и ориентация автора на сознательную архаизацию стиля), но он связан с Иринархом не только общим высоким подвигом, но и общими бедами (только Иринарх с учениками остался в монастыре, когда туда пришли поляки), и общими злоключениями (попытки игумена разлучить Иринарха с учениками), и общим бытом (30 лет они прожили рядом). Неразрывность бытия и быта в Житии, житийная топика и личностность воспоминаний в памятнике позволяют говорить об особенности индивидуального стиля. Уже первые исследователи — Амфилохий, опубликовавший текст Жития, В. О. Ключевский, Н. П. Барсуков, И. Забелин отмечали его своеобразие. К их наблюдениям хотелось бы добавить, что подвижничество Иринарха в Житии противопоставлено не миру и его страстям (на этом противопоставлении обыкновенно строился конфликт в житийной литературе), но главным образом жизненным принципам многих иноков обители и даже двух ее игуменов. Обвинения, которые приводят к уходу Иринарха из Борисоглебского монастыря, могут быть соотнесены с претензиями знаменитой Калязинской челобитной. Реакция игумена, разделившего негодование братии, — своего рода положительный ответ адресата известного памятника русской смеховой культуры. Вместе с тем во времена Смуты, как отмечается многими историками, наблюдается падение монастырской дисциплины и нравственная распущенность иноков (достаточно упомянуть о многочисленных эпизодах в воспоминаниях поляков Стадницкого, Савицкого, Жолкевского, отмечавших многочисленные факты пьянства и рядовых монахов, и игуменов как в самой Москве, так и в Вязьме, Новгороде и других городах). Это может быть объяснено, как представляется, тем, что во времена Смуты большая часть иерархов Русской церкви сделала вид, что признает Лжедимитрия: рязанский епископ Игнатий, позже ставший патриархом, первым благословил «царевича»; в состав Думы Лжедимитрия I входили кроме уже названного Игнатия митрополит Новгородский Исидор, Ростовский Кирилл, Казанский Гермоген, архиепископы Иоасаф Вологодский, Трифон Суздальский, Феодосий Рязанский, Феодосий Смоленский, Феоктист Тверской, епископы Иосиф Коломенский, Геннадий Псковский, Сильвестр Козельский, настоятель Архангельского собора Московского Кремля Арсений. Разумеется, истинное имя Лжедимитрия было хорошо известно всем им. Готовность идти на подлость ради политической целесообразности неминуемо привела к «размыванию» нравственных границ во всем обществе: и пастырей, и паствы. Таким образом, конфликт Иринарха с братией носит вполне реальный характер.

Интересны отголоски северных языческих поверий, отразившихся в почитании камня, которые составили почти самостоятельный сюжет в Житии, повествующий о дьяконе Ануфрии. Камень, которому поклонялись жители, по данным разных списков, находился то в буераке, то в речной быстрине. И то, и другое, по данным фольклористов, имеет свою традицию.

Тесно связанное, как уже отмечалось, с произведениями о Смуте Житие Иринарха-затворника имеет одно разительное отличие от памятников этого

круга. В произведениях почти всех авторов изображение Смуты опирается на эсхатологическую образную систему (гибель царства, падение сильных, торжество неправды, нашествие иноплеменников и др.). Но в Житии Иринарха нашествие «литвы» и все беды Смутного времени преподносятся как «бытовое зло», как одно из многих «бед и досаждений» житейских. И потому сцены благословений Иринархом на борьбу с Лжеди-митрием и поляками М. В. Скопина-Шуйского, Д. М. Пожарского, Б. М. Лыкова — не стали кульминационными в произведении, это лишь эпизоды жизни ростовского подвижника. Вероятно, по этой причине С. Ф. Платонов считал, что Житие — «памятник очень любопытный и по литературным приемам, и по содержанию».

Текст «Жития Иринарха Ростовского» публикуется по списку XVII в., хранящемуся в *РНБ* (собр. Погодин, № 724), текст с утраченных листов этой рукописи дан по рукописи начала XVIII в. (собр. Погодина, № 725).

ОРИГИНАЛ

****МѢСЯЦА ГЕНВАРЯ ВЪ 13 ДЕНЬ. ЖИТИЕ И ПОДВИЗИ ОТЦА НАШЕГО, ВОЗДЕРЖАТЕЛЯ И СТОЛПА КРѢПКА, И СТРАДАЛЬЦА, И НАСТАВНИКА, И УЧИТЕЛЯ, И ЗАТВОРНИКА БОРИСОГЛѢБСКАГО МОНАСТЫРЯ, НА УСТЬЕ, [1] СТАРЦА, ПРАВЕДНА МУЖА ИЛИНАРХА. СПИСАНО БЫСТЬ ТОЯ ЖЕ ОБИТЕЛИ УЧЕНИКОМЪ ЕГО, СТАРЦОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ, ИЖЕ БЫСТЬ С НИМ ТРИДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ПРИ ЖИВОТѢ ЕГО

*Господи*** благослови отче!

Сей отецъ наш Илинархъ града Ростова родися веси Кондакова от християну родителю: отца благочестива именемъ Анкидина и матери Ирины. И наречено имя ему во святом крешении Илия. И радовашеся родители его о рожении его, видѣша преспевающа паче иныхъ младенецъ: двадесяти бо пяти недѣль на ноги пошелъ.[2] И воспитанъ бысть во благочестии и вѣрѣ Христовѣ и на игры никогдаже упражняяся, но любляше смирение, и кротость, и тихость ко всѣмъ, безмятеж и цѣломудрие. И егда бысть Илия шти лѣтъ, глаголя матери своей: «Какъ возрасту, и постригуся и буду мнихъ, и желѣза ми носити на себѣ, и тружати ми ся Богу, и буду учитель и наказатель всѣмъ людемъ». Мати же его Ирина нача дивитися и радоватися о чадѣ своем Илии и словеси его, еже пророчествовалъ о себѣ шти лѣтъ. И збысться пророчеству его слово.

О иномъ глаголе того же Илии. И бысть в то время, призва к себѣ отецъ его Анкидинъ священника именемъ Василия на обѣдъ. И нача Василий-священникъ глаголати житие преподобнаго Макария, Калязинскаго чюдо-творца.[3] И услыша отрокъ глаголы священника Василия, и глагола: «И азъ буду мнихъ таков же». И прииде священникъ Василий ко отроку, и почюдися разуму его. И видя отроча младо, а глаголъ его совершенъ и глагола ему: «Како смѣлъ еси, чадо, такое слово глаголати?» И рече ему Илия: «Кто тебя ся не боитъ, тотъ то и глаголетъ».

О отшествии отъ отца и матери. В то же время належащу убо гладу в веси той, и отрокъ отиде от отца своего и матери, и иде въ Нижний Новъградъ, и бысть отрокъ 18 лѣтъ. И пребысть в Нижнемъ два лѣта, и отецъ его и мати тужаше по отроке.

О взыскании отрока. И посла отецъ его дву сыновъ своихъ — Андрея и Давыда, и сошли его у нѣкоего християнина, живущаго в селѣ. И ради бысть о обрѣтении брата своего. И пребысть ту всѣ три брата единъ годъ.

О отшествии отца Анкидина отъ жития сего суетнаго в вѣчный покой. И Божиимъ откровениемъ видѣ отрокъ Илия отца своего прествление, сѣдящу ему во храминѣ, и нача плакати горко, яко не могущу утѣшити его. И воспросиша его: «Что, чадо, плачеши и рыдаеши тако?» Онъ же рече имъ: «Вижу родителя своего преставление, и несутъ его свѣтлии юноши на погребение». Людие же подивишася видѣнию его, — яко видѣ преставление родителя своего за 300 поприщь.

В той же год приидe в домъ родителя своего и вопрошаше матери своея: «Гдѣ бысть родитель мой?» И глагола мати ему: «Родитель твой, чадо, преставися в Госпожино говѣние».[4] Онъ же разумѣ и глагола матери своей, яко «въ то время азъ видялъ преставление родителя моего: несутъ его свѣтлии юноши на погребение». И бысть мати его о глаголѣ радостна и видѣ сына своего глаголюща предъ нею и вѣщающа.

О отшествии отрока Илии из дому отца своего. Илия же изыде из дому отца своего с материю своею и з братом своим большимъ Андрѣемъ и приидоша во град Ростовъ, и купи себѣ домъ, и нача торговати, и умножися у него имѣния. Онъ же нача прибѣгати къ церкви, и имѣяй страхъ Божий въ сердцы своемъ. И бысть милостивъ к нищимъ и даяше милостыню невозбранно и не отвращая лица своего от нищих. И паче всего желаше, дабы ему избыти мира сего суетнаго и прелести, и пребывати въ молитвахъ день и нощь. И паче всего мира чистоту возлюби и храняше въ сердцы, и тѣло нескверно — храмъ Святому Духу, и пребываше въ дѣвьстве, чистотѣ и цѣломудрии неразлучно, и не разлучаяся отъ церкве — по Господню словеси — день и нощь, и желаше достигнути аггельскаго образа. И видѣ нѣкоего человѣка посадцкаго, именемъ Агафоника, чтуща книгу, и нача с ним бесѣдовати и глаголати о Божественном Писании. И оттоле бысть ему другъ превозлюбленъ и желаше душевнаго ему спасения и сподобления святаго рая, идѣже желаютъ аггели приникнути.

О изшествии из дому матери своея. И взя крестъ святый, и благословися имъ, и целова радостно от всего сердца своего. И видѣ мати его, и почюдися о взятии креста, и рече ему: «Чадо, что сие дѣешь и камо далече ли грядешъ?» Он же рече матери своей: «Иду, мати моя, въ монастырь ко святымъ страстотерпцом и великомучеником Борису и Глѣбу на Устье помолитися». Она же нача плакати и рыдати: «О чадо мое драгое! Как глаголалъ еси шти лѣтъ, яко буду мнихъ!» Онъ же поклонися матери своей, и целова ю, и отиде в монастырь ко святымъ страстотерпцомъ Борису и Глѣбу.

О пришествии въ монастырь. И прииде во обитель ко святымъ страстотерпцом Христовым Борису и Глѣбу, и видѣ монастырь, и возрадовася радостию великою, и прииде ко игумену, и поклонися пред игуменомъ. И игуменъ благослови его и вопроси его: «Что ради пришествие твое?» Он же рече ко игумену: «Желаю, господине отче, ангельскаго образа. Постриги меня Бога ради, невѣжу и селянина, и причти мя ко избранному стаду и ко святѣй дружинѣ сей».

О пострижении Ильинѣ. И видѣ игуменъ отроча сердечныма очима пришедша от Бога, и прия его с радостию, и постригъ во ангельский образъ. И наречено бысть во иноцѣх имя ему Илинархъ.[5] И дасть игуменъ его под началъ. Он же пребывая у своего начальника в послушании, и покорении, в молитвах и постѣ.

О послании в пекальню. И как отиде начало его, и нача игуменъ искушати его и смиряти. И посла его въ пекальню.[6] Он же взя благословение от игумена. И пребывая в пекалне и труждаяся на братию день и нощь в покорении и послушании, и в посмѣянии терпя, и ничтоже помышляя тѣлеснаго и от церкве не отлучаяся. И прихожъдаше ко церкви преже всѣхъ братий, во церкви ни с кѣмъ не

глагола, и сѣдания во чтении не приимаше, но на ногахъ своихъ стояше, аки твердый камень адамантъ или самфиръ.[7] И ис церкве от пѣния прежде отпуста не исхождаше.

О друге его о Агафоннике. И свѣда другъ его Агафонникъ о пострижении его, и прииде к нему в монастырь посѣтити его. И пребысть у него в монастырѣ много дней, и потомъ проводи его из монастыря два поприща, и целовав его и воздавъ прощение, и отпусти его с миромъ. А самъ возвратися старецъ Илинархъ въ монастырь, идущу же ему по пути и помышляше въ сердцы своемъ, како бы ся ему спасти, и обѣщавающася итти въ Кириловъ[8] или на Соловки.[9] И бысть ему гласъ свыше, глаголя: «Не ходи в Кириловъ, ни на Соловки: здѣ спасешися». Он же о глаголѣ томъ усумнѣвся, и вторицею той же гласъ глаголя: «Здѣ спасешися». Он же отъ гласа того нача плакати прилѣжно и помышляше въ себѣ: «Что сие будетъ?» И третицею той же гласъ свыше глагола ему: «Здѣ спасешися». Он же в себѣ крѣпляшеся о гласѣхъ и, обозрѣвся, никогоже не видѣ, а глас третицею слыша.

И прииде в монастырь, и пребывая в послушании и в покорении ко всѣмъ неуклонно, и труды к трудомъ прилагая паче первых дней, и в нощныхъ молитвах и во бдѣниихъ пребывая, и на земли легая, и мало сна приимая.

О пономарстве. Потом же игуменъ посла его в пономарскую службу. Он же все с радостию служаше в монастрыскихъ службахъ.

О пришествии страннаго человѣка и о здании сапоговъ. И видѣ Илинархъ человѣка странна образомъ, пришедша в монастырь, и помолися Богу Илинархъ.

Молитва: «Гоподи Иисусе Христе, Сыне Божий, сотворивый небо и землю, и перваго человѣка, прадѣда нашего Адама, по образу своему, и почти его теплотою, еже бысть во святом раю. Тако буди твоя воля рабомъ твоим. И дай мнѣ, Господи, теплоту ногам моим, да обую страннаго и да дамъ ему съ себя сапоги на нозѣ его». И сконча молитву и рече: «Аминь!» И снявъ с себя сапоги и даде нищему.

И от того часа дал ему Богъ терпѣние и теплоту: хождаше по мразу, аки в теплой келлии. И оттоле нача носити ветхия ризы и босъ хождаше. И по завидѣнию, сатанину дѣйству, нача игуменъ его смиряти: и до дву часовъ у кѣльи его на молитве у оконца на мразѣ держаше. А онъ с радостию терпя и благодаряше истиннаго Бога, поминая слово Господне глаголющее: «Многими скорбьми подобаетъ внити в Царство Небесное». И оставляет его благовѣстити на многъ час; и игуменъ его потом посади в тюрму на три дни и не даде ему ясти и пити, чтобы носилъ цвѣтное платье и во обувении ходилъ. И выпустилъ его ис тюрмы, и посла его в ту же службу, и онъ благодаря истиннаго Бога, ходя по мразу босъ, поминая терпѣние Исаака Сириянина,[10] како нозѣ его примерзая ко каменю, а мраза на себѣ не чуя.

О градскомъ муже и о озноблении ногъ его. Нѣкто христолюбивъ муж, стоя во градѣ Ростове от заимодавецъ на правеже.[11] И он, хотя искупити того мужа с правежу, и иде к нему босъ во градъ Ростовъ. И бысть в то время мразъ крѣпокъ зѣло, и отиде от монастыря седмь поприщь, и в то время позноби у себя у ног персты. И от ознобления возвратися въ монастырь, и пребысть в том оскорблении и в болѣзни. И не пощадѣ удъ своихъ, и терпя день и нощь для имени Христова три годы, и много земля крови наливашеся. И от тѣхъ многострадальных трудовъ Господь исцѣли его.

И по исцѣлении игуменъ непрестанно смиряя его, он же хождаше в зимѣ и в лѣте

босъ и благодаря истиннаго Бога, поминая многострадального Иева,[12] иже бысть на гноищи, не отлучаяся от церкве Божии пребывая въ страсѣ Божии, в покорении и в послушании.

И ненавидя враг добра роду человѣчу и болѣ на него вооружашеся и чѣмъ бы уловити своимъ злохищрениемъ, научи на него игумена. Игумен же посла его во иную замонастырьскую службу, чѣм бы ему болѣ его смирити. И стужися старецъ, что его от церкве изгнаша. Он же отиде от монастыря великаго ради гонения игуменова, и иде путемъ, и видѣ звѣри многи, противу его являшеся: ово волцы, ово медвѣди, и на него взирая и зубы на него скрегующе, хотя его устрашити. Он же, Илинархъ, крестомъ лице свое огражая и во умѣ своем безпрестани молитву творя: «Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грѣшнаго, избави мя от звѣриина зияния». Они же исчезаху и без вѣсти погибаху.

Он же прииде без пакости во град Ростовъ и прииде в монастырь к великому чюдному Богоявлению[13] и к великому чюдотворцу и свѣтилнику Авраамию.[14] И архимандрит восприят его с радостию въ монастырь — къ великому чюдотворцу Аврамию во обитель, и причте его ко изъбранному стаду, и благослови его, и посла его в келарьскую службу. Он же с радостию въ службе ходя, не отлучаяся от церкве день и нощь.

И житилие монастыря того, братия и прочии служителие, взимаша монастырьския всякие потребы без воздержания, и без боязни, и множествомъ много. Домъ тощаше, и старецъ во умѣ своемъ воздыхая и моляся чюдному чюдотворцу Авраамию: «Господи преподобный Авраамий! Не азъ твоему монастырю раззоритель». И нѣкогда уснувъ, и видѣ к себѣ пришедша в кѣллию преподобнаго отца Авраамия. И рече Авраамий ко старцу: «Что, избранное и праведное сѣмя и житель святаго рая, скорбишъ о монастырьских давании? Давай имъ безвозбранно. Они бо изволили здѣ пространно жити, а ты здѣ алчешь и наготуешь. И ты в Вышнем Царствии пространно поживеши и насладишися пищи небесныя, а они взалчуть во вѣки. Азъ здѣ умолилъ Вышняго Творца, чтобы домъ мой алчнымъ и здѣ емлющим былъ неоскуденъ потребами монастырьскими». И возбнувъ, не видѣ никогоже. И от того часа утѣшився и дая безо всякаго сомнѣния.

О преставлении матери его. И стоящу старцу во церкви в пѣснь Херувимскую, и нача плакати и рыдати во всю церковь. И прииде к нему архимандрит и рече ему: «Что, господине старецъ, тако плачешь и рыдаешь?» Он же рече ему, яко «мати моя преставилася». И архимандрит, видя его плачющася, прослезися на него зря, и дивися о глаголѣ, исходящем изо устъ его. И стоя на обѣдне во церкви, и прииде к нему братъ его Андрей, поклонися и глагола, яко «родительница Ирина преставилася». И старецъ благословися у архимандрита после святаго пѣния, и поиде з братомъ своимъ, и погребе матерь свою честно.

О Лазаревѣ монастырѣ.[15] И после погребения нача старецъ размышляти, како бы ему спастися и получити желанное. И не восхотѣ властельства келарьския службы, чтобы ему уничижену быти, и вселися у Лазаря великаго въ кѣлье полъчетверта года и въ слезахъ и молитвахъ, скорбь, и тѣсноту, и глад терпя много дней, не вкушая ничесоже. И Иоаннъ преподобный уродивый[16] всегда его посѣщая и его утѣшая, а старецъ неотступно ходя ко церкви Пречистые Богородицы соборной[17] и молися Богу со слезами.

И пришед от пѣния и сѣдящу ему в кѣллии своей в полудни, молящуся со слезами и со воздыханиемъ страстотерпцомъ и великомученикомъ Христовымъ Борису и Глѣбу:[18] «Святии страстотерпцы и великомученики Борисъ и Глѣбъ! Всей братьи у васъ в монастырѣ мѣсто есть, а мнѣ, грѣшному, у васъ мѣста нѣтъ!» И

воздремавъ сидя, и видя в тонце снѣ страстотерпцовъ, идущих къ монастырю. И глагола имъ старецъ: «Свѣты страстотерпцы Борис и Глѣбъ! Далече ли грядите?» И рекоша ему страстотерпцы Борисъ и Глѣбъ: «Идем, старецъ, по тебя. Поди в нашъ монастырь». Он же, возбнувъ от сна, и услыша молитву у окна, и открыв оконце свое, и видѣ старца Борисоглѣбского монастыря, именемъ Ефремъ. И рече: «Господине! Прислалъ к тебѣ строитель Варламъ.[19] Поди, господине, на обѣщание въ монастырь. А строитель тебѣ глаголати мнѣ велѣлъ, подвода, де, ли тебѣ, государю, надобе, или самъ будешъ въ монастырь?» Старецъ же Илинархъ отвѣща ему: «Государю строителю благословение старцу Варламу, а азъ по времени буду сам в монастырь». А уже ему на себѣ носящу желѣза тяжкая и на ногахъ пута, по словеси Господни. И воста старецъ, и моляся Богу.

О змии. И поиде в монастырь на обѣщание с радостию великою, и от великаго труда на пути утрудися, и сѣде при пути, усну сном невеликим. И видѣ во снѣ: приползе к нему змия и хотя его сьѣсти, и онъ жезлом своим змию удари в горло, и змия отбѣже от него. И онъ, воспрянувъ от сна своего, и прекрестися, и поиде к монастырю с радостию без пакости. И видѣ монастырь, радъ бысть, и прииде ко вратом, помолися Богу, и вниде въ монастырь и в то время поюща обѣдню. И онъ поиде ко церкви и вниде в церковь, и ста на мѣсте, и помолися Богу, и удари челомъ строителю Варламу. И строитель Варламъ радъ бысть, и цѣловавъ его с любовию, и постави его подле себя. И по завидѣнию сатанину в том часѣ прииде старец, нѣкто именем Никиферъ, и глагола строителю: «Почто сего старца приемлеши, яко игумена не слушает, и в ветхих и худых ризах и босъ ходит, и желѣза на себѣ носитъ?» И строитель Варлам удари осном своим старца Никифера: то бо есть врагом наученъ. И приятъ строитель Варламъ старца Илинарха въ монастырь с радостию, и даде ему особную кѣлию.

О извѣщении от образа Владычня. И приходящу старцу во церковь, со страхом и трепетомъ, и моляся Господу Богу, и часто взирая на иконы со усердиемъ и воздыхая от сердца прилѣжно. И видѣ образ — Господа нашего Исуса Христа Распятие, и нача старецъ вельми плакатися, и у Бога милости прошать: на врагов прогонения.

Молитва: «О праведное солнце, свѣт нашъ пресвѣтлый, Владыко Человѣколюбче Исус Христос! Како ты, свѣт, претерпѣлъ такое великое распятие, и поругание, и оплевание, и за ланиту ударение, и отцта и желчи напоение для нашего спасения от своего создания и от неразумнаго их и беззаконнаго соборища и от зависти! И нынѣ, свѣтъ мой, како мнѣ, грѣшному и неразумному и селянину, спастися и тебѣ, свѣту единому, Исусу Христу Сыну Божию распятому, въ Троицѣ славимому Богу нераздѣльному, Отцу, и Сыну, и Святому Духу, угодити? И буди воля твоя со мною, Владыко!» И в том часѣ бысть ему от образа Владычня извѣщение: «Поди въ кѣлию свою и буди затворник, не исходи аки авва,[20] и тамо спасешися».

О благословении на затворъ по извѣщению Господню. Он же, старецъ Илинархъ, прииде къ строителю старцу Варламу, и благословися у него молитися въ кѣлье по евангельскому словеси Господню: «Подобаетъ многими скорбьми внити в Царство Небесное. Аще кто в животѣ семъ суетном душу свою погубитъ мене ради и Евангелия, той въ будущий вѣкъ обрящет ю. Аще кто в животѣ семъ алчет и жаждет, и онъ тамо вовѣки насытится».[21] И строитель Варламъ благослови старца молитися на затворѣ и не исходити из нея никакоже: прослави, де, Богъ Рускую землю и дом великих страстотерпцов Бориса и Глѣба, и преподобных отецъ наших Феодора и Павла[22] в нынѣшнее и в послѣднее время досточюдными мужы: страдальцы, и учители, и наказатели. И оттолѣ по благословению прият дерзновение молитися въ кѣлье неисходно, поминая первых мниховъ, како они по дебремъ, и по островом, и в вертепах пожиша, и тлѣннаго

сего миру не изволиша ходити, и свѣтъ сей не изволиша зрѣти: изволили темницу претерпѣти. И здѣлалъ на себя ужище желѣзное трех саженъ, и приковался к стулу, и многи труды и поты терпя, и поругания и посмѣяния от братии. Он же за них Бога моля: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! Не постави имъ грѣха сего: не вѣдят бо, что творят рабом твоим, Владыко!»[23]

О ученикѣ его Александрѣ. И прииде к нему нѣкто именемъ Алексий, и позавидѣ житию его, и многому страданию, посту и молитве, крѣпости и воздержанию, и тяжким его желѣзамъ, что онъ на себѣ ношаше, и нача ему бити челом: «Приими мя, господине, и причтай мя ко избранному стаду и ко святыни своей, и научи мя заповѣдем Господнимъ». Старецъ же прият его с радостию и с любовию великою, видя в нем кипѣние сердечное ко ангельскому образу, и благослови его, и призва священника и диякона, и велѣ его пострищи. И наречено имя ему Александръ во ангельском образѣ. И бысть у него первый ученикъ, и по пострижении быша с ним въ кѣлье, со Илинархом преподобнымъ, с послушаниемъ и с великим радѣниемъ в постѣ и молитвѣ день и нощь.

О приходе Иоанна, Христа ради юродиваго Ростовскаго и Московскаго, и о глаголе его. Прииде к нему, старцу, гость — Иоаннъ блаженный Большей Колпакъ. И той нача с нимъ бесѣдовати и глаголати ему: «Старецъ Илинархъ! Здѣлай себѣ сто крестовъ мѣдных по полугривенкѣ».[24] И отвѣща ему старецъ: «Государь Иоаннъ! Мнѣ невозможно, сирому, столько сотворити. Азъ в нищитѣ пребываю». И отвѣща праведный Иоаннъ, рече старцу: «Святый Духъ не ложь глаголетъ: „Небо и земля мимоидет, а словеса Господня не могут преити”, но вся сия збудется. Но да Богъ поможет ти и да дастъ ти исполнить все прошение и желание твое по глаголу сему». И ино рекъ старцу: «Не дивися сему, что будет ти тако, что усты человечи не исповѣдати и не исписати, что дастъ тебѣ Богъ конь, и никто может на том конѣ, от Бога данном, ѣздити и на твоем мѣсте после тебя сѣсти». И пророчество его збысться.

О отшествии Иоанновѣ из монастыря. Иоаннъ блаженный, благословя и прощение получивъ, и нача глаголати: «Далъ тебѣ Господь Богъ от востока и до запада наказати, и научити, и по всей вселеннѣй учениковъ наполняти землю, и от пиянства весь миръ отводити. И для того беззаконнаго пиянства наведет Господь Богъ на землю иноплеменных,[25] и тѣ бо твоему коню подивятся и почюдятся многому страданию, и мечь, де, их тебя не вредит, и онѣ, де, тебя прославят паче вѣрныхъ. Азъ же иду к Москве ко государю земли прошати — что, де, у меня на Москвѣ будут видимых и невидимых бѣсей: что в нихъ едва уставятся хмелевые тычи; и тех, де, Святая Троица силою своею изженет». И изглагола и целование воздавъ, отиде, и тамо преставился. И погребено бысть тѣло его у Святыя Троицы на рву.[26]

И по словеси Иоаннову, болми старец подвизаяся, пребывая въ трудѣ, и в постѣ, и в молитвѣ: день и нощь стократные молитвы къ Богу возсылая и желаше честных крестов. И виде во снѣ: прииде к нему другъ и даша ему крестъ. И другий другъ прииде, во снѣ же, и далъ ему палку желѣзную.

О дании креста. И не по многих днех по явлении прииде к нему другъ его Иоаннъ, посадной человѣкъ, и принесе старцу — по пророчеству Иоанна преподобнаго — честный крестъ и даде ему. И приемъ старецъ, и хвалу воздавъ Богу и угоднику его блаженному Иоанну, и с того креста слилъ сто крестов мѣдных. Исполни Богъ прошение и желание его по благословению Иоанна блаженнаго.

О палкѣ желѣзной. А другий другъ, именем Василий, пришедъ далъ палъку желѣзную. Он же с радостию прият и, збирая труды ко трудом и присушая тѣло свое постом, и молитвою, бдѣниемъ, всенощным стояниемъ. И всегда слезы ко

слезам проливая, аки рѣчное течение испущая, непрестанно прося у Бога милости и исполнение трудовъ.

О старце Леонтии и о честных его крестѣх. Нѣкто старецъ именемъ Леонтий, Борисоглѣбскаго же монастыря, и поревнова добродѣтели и трудом, и себе такоже сковалъ желѣза, и ношаше на себѣ 33 креста мѣдных. И ту честные кресты поставилъ у Александра, а самъ ся благословил у старца итти въ пустыню. И старецъ Илинархъ молилъ его, чтобы не ходилъ в пустыню: «Послушай, да не убиенъ тамо, чадо, будеши». Он же Леонтий непрестанно прося благословения; и не моги его старец умолити, и прослезився вельми, и цѣлова его во уста, и прорече: «О драгое чадо Леонтий! Уже сѣмо не возвратишися по честныя кресты». И Леонтий отходя и рече: «Господи, аще тако — да будутъ тебѣ мои кресты ко трудом». А самъ поклонися, отиде в Переаславльской уѣздъ въ монастырь ко Пречистѣй Богородицѣ на Кубри[27] и тамо убиен бысть от разбойникъ.

И тѣ кресты содрузи старец со своими кресты в труды, и всѣх крестовъ исполнися, по умолению и пророчеству Иоаннову, 142 креста. И труждаяся старец день и нощь на ужищи на трех саженехъ шесть лѣтъ; и инъ христолюбецъ с Углеча прислалъ старцу ужище три сажени, и трудился въ немъ 12 лѣтъ. И нѣкто старецъ Феодорит Борисоглѣбского же монастыря, здѣлалъ себѣ ужище желѣзное трех сажен и тружался в нем 25 недѣль. И игуменъ велѣлъ ему, Феодориту, ходити въ службе монастырской на братию труждатися. И ужище отдалъ старцу, и стало ужище девять саженъ, и в том ужище труждался 25 лѣтъ.

И по завидѣнию сатанину и по дѣйству, чтобы чѣмъ праведнаго оскорбить и опечалить и от добродѣтелей отвлещи, своим злым ухищрениемъ научилъ братию игумену навадити. И пришедше братия рекоша игумену: «Господине! Онъ, старецъ Илинархъ, седит на затворѣ, и постится, и на себѣ имѣет многая и тяжкая желѣза, и не пьет хмельнаго, и брашна мало вкушаетъ, и учитъ. И повелѣваетъ братии тако же в трудѣхъ ходити, и поститися, и хмельнаго никакоже не повелѣваетъ во уста приимати. А глаголетъ он — то бо, де, есть всего злѣе — подобаетъ бо мнихом быти яко ангеломъ: ни о чем не скорбѣти, и плоти своея не щадѣти, ни в чем еѣ не миловати, „многими скорбьми подобает внити в Царство Небесное”. И не велит братии въ службахъ ходити и кладет на нихъ труды великия».[28]

И по научению сатанину и по немилосердию игуменъ Ермогенъ[29] старца ограбилъ и с монастыря сослалъ, не помянувъ Бога и благини брата своего: поста, и трудовъ, и темничнаго сидѣния, для имени Иисусъ Христа страдания. И старецъ от изгнания утѣшашеся, поминая слово Господне глаголющее: «Аще вас изжденутъ из дому святаго, бѣжите во иный. Азъ с вами есмь до скончания вѣка. Аминь».[30]

И по изгнании пребысть старецъ въ Ростове у Лазоря великаго годъ и 2 недели, и, моляся Господу Богу день и нощь, слезы ко слезам прилагая и труды ко трудом, непрестанно постяся, поминая всегда пред очима смерть.

И игуменъ же Ермогенъ, воспомянувъ братии свою вину, и пославъ ко старцу Илинарху единого от братии. И пришед ко старцу глагола: «Господине! Не помяни, де, нашего пред собою наваждения, поди на обѣщание въ монастырь къ страстотерпцом Христовым Борису и Глѣбу». И старецъ Илинархъ возвратися въ монастырь и помолися Богу сице: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! Не лиши мене вѣчных своих благъ обѣщания; дай, Господи, грѣшному старцу обѣщание дотерпѣти». И на ся вину воскладая: «Азъ, Господи, братии сей вопреки в темницѣ сей живу, они бо праведни и праведныя труды тебѣ, Господи, приносят.

Азъ, кальный, лишен добродѣтелей». И прииде в кѣлию свою, и пребывая въ трудѣх своих, моля Бога за государя, и за православную християнъскую вѣру, и за плод приношения, о всей вселеннѣй. И ненавидящих его любляше ихъ, аки душу свою. И далъ ему Господь прозрѣние — видѣти въ человѣцѣхъ тайная, и изо многих градовъ стекахуся к нему и благословение от него приимаху. Многия богоизбранныя люди милостыню приношаху. Он же, старецъ, с радостию нищимъ и странным даяше милостыню и одѣяние, а приходящих наставляя и научая заповѣдем Господним, и от грѣховъ ихъ отводя, и обличая тайная ихъ согрѣшении. И они по благословению его на заповѣди Господни обращахуся.

И нѣкто былъ старецъ, именемъ Тихонъ; помысли себе угодити Богу и здѣлалъ себѣ на труды ужище желѣзное, и сидѣлъ в трудѣхъ седмь лѣтъ. И оставя труды от панов, убояся посѣчения, и ужище желѣзное отдалъ старцу, и стало у него всего ужища желѣзнаго 20 сажен. В тѣх во многих трудѣхъ старецъ труждался день и нощь непрестанно 30 лѣтъ и 4 мѣсяца, Богу моляся, не даде рукама своима покоя, ни очима своима дремания: овогда свитки вязе власяные, иногда — клобуки, иное на нищихъ одѣяние шияше, и беспрестани нищим даяше, и бѣднымъ помогая, и от сильных изимая, за всех Богу моляся в нощи на молитве стоя. И не дая главѣ своей облегчения от великия тягости, скорбя, яко иногда утружаяся от великия болѣзни и людей не зная на многъ час, а о болѣзни радовашесь, и славу возсылая Богу безпрестани. А сна въ день никакоже принимая, окромѣ нощи часъ, или два, или на три, а тѣло же свое палкою бия, а самъ молитву творя беспрестани.

О видѣнии Московскаго царства и о разорении и о посѣчении и иных градов во 117 году. Нѣ в кое время спящу ему на постели своей в тонцѣ снѣ, и видѣ Москву град посѣчену от литвы, и все Росийское царство попленено и позжено по мѣстом. И воспрянувъ от сна своего, и нача плакати и рыдати вельми, что быти царству Московскому попленену от литвы, и домомъ святым, и церквам, и всей Росийской землѣ, и едва от слез и рыдания утѣшися. И облистая свѣт праведный на долгъ часъ, и ис свѣта бысть ему гласъ свыше: «Поѣди к Москвѣ, повѣждь сие царю. Да будетъ тако!» И онъ прекрести лице свое крестом и молитвою Иисусовою. И той же гласъ: «Да тако сие будетъ!» Он же, старецъ, прекрести лице свое вторицею и сотвори молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грѣшнаго, от искушения. Азъ есмь рабъ Отца, и Сына, и Святаго Духа, и не желаю ничего на свѣте сем видѣти». И той же третицею глас изъ свѣта глаголя: «Сотвори и не ослушайся; по глаголу сему да будетъ тако роду сему лукаваму и непокоривому». И убоявся старецъ видѣния и глагола изъ свѣта: «Призови игумена и благословися у него, поѣди къ Москвѣ и возвѣсти царю Василию Иоанновичю,[31] яко быть царству Московскому плѣнену от литвы и всей Росийской земли».

О друге его града Переаславля, о исцѣлении Симеоновского диякона Ануфрия. И приѣхавъ в Переаславль, и ста у Никицкого монастыря[32] на конюшенном дворѣ, и посла по диякона, а самъ поиде к чюдотворцу Никите[33] помолитися и у гроба его благословитися.

А диякон в то время велми изнемогаше студению трясавичною и не могий терпѣти студени, влазяше в пещь по напущению врага, противяся добродѣтели, что онъ, дияконъ, сотворилъ по ево, старцову, благословению и велѣнию: что бысть во градѣ Переаславле камень за Борисом и Глѣбом в потокѣ, в немже вселися дѣмонъ, мечты творя и привлачая к себѣ ис Переаславля мужей, и женъ, и дѣтей ихъ, и разсѣвая сердца въ праздникъ великих верховныхъ апостолъ Петра и Павла. И онѣ слушаху его и к нему стекахуся з году на годъ и творяху ему почесть.[34] Он же, старецъ Илинархъ, повелѣ тотъ камень вринути въ яму, чтобы родъ християнский тако не творили и к каменю не приходили. И дѣмонъ

сопротивяся другу его — диякону и наводя на него от иереовъ, и от християнъ, и отъ роду его ненависть, и посмѣхъ, и всякие неподобныя рѣчи клеветы, и продажи, убытки, и немощи, и всякие скорби. Он же не поскорбѣ, ни потужи ни въ чем же, но уповая на милость Божию, пред очима имѣ смертный час, и к Божиимъ врагом врачевания ради не потече. И прииде едва ко старцу дияконъ, и видѣ его велми изнемогша. И возрадовася велми старецъ Илинархъ, и цѣлова его любезно, и далъ ему четверть хлѣба, и благослови его и рекъ: «Да от сея яди буди здравъ!» И от того часа бысть здравъ от болѣзни тоя.

О приѣзде къ Москве. И приѣхавъ к Москве со учеником своим Александром за часъ дни, и на утро прииде старецъ со учеником своим в соборъную церковь Пречистыя Богородицы Успения,[35] и помолися Богородицѣ и великим чюдотворцем Петру-митрополиту и Ионѣ.[36] И нѣкто сынъ боярской, [37] именемъ Симеонъ, поиде ко царю и возвѣсти о пришествии старца. И царь радошенъ бысть и повелѣ ити ко Благовѣщению Пречистыя Богородицы. [38] Старецъ же прииде во церковь, и помолися Богородицѣ, и благослови царя крестомъ, и целова царя Василия Иоанновича. А царь целова его любовию и подивися великом трудом его. И рече старецъ царю Василию Иоанновичу: «Откры ми Господь Богъ, грѣшну старцу, что виделъ град Москву плѣнену отъ литвы и все Росийское царство. И азъ, оставя многолѣтное в темницѣ сидѣние и труды, и самъ к тебѣ пришелъ возвѣстити. И ты стой о вѣре Христовѣ мужеством и храбръством». И извѣстя сам же изыде из церкве, царь же Василий взя старца под руку, а ученикъ его — под другую.

О благословении царицы.[39] И рече царь ко старцу: «Благослови царицу». Старецъ же не ослушався, ни вопреки глагола, поиде со царемъ ко царице в полату и благослови царицу Марию Петровну. И, благословя, изыде ис полаты. Царица же посла старцу два полотенца. Старецъ же не хотя взяти. Царь же Василий заклиная его Богом живым: «Возми Бога ради!» Старецъ же рече царю: «Азъ приѣхалъ не для ради даровъ. Азъ приѣхалъ возвѣстити тебѣ правду».[40]

Царь же проводи его до дворца ис полаты и приказа болярину потчивати. И повелѣ царь дати возокъ свой и конюха, и велѣлъ проводити до монастыря святых страстотерпцовъ Бориса и Глѣба. И старецъ, ѣтчи хлѣба у болярина даново, а всево пребысть на Москвѣ 20 часовъ. И поѣхалъ с Москвы, и прииде въ монастырь ко святым страстотерпцом Борису и Глѣбу, и помолився Богу, и вниде въ кѣллию свою. И пребывая в старых трудѣхъ своих: в постѣ и молитве, слезы ко слезам прилагая, прося у Бога милости, дабы праведный свой гнѣвъ утолилъ, якоже и надъ великою Ниневием-градом.[41]

А конюха государева и возок отпустилъ с миром к Москве.

О нашествии литвы. И по мале времяни прииде литва, злые, и свирѣпые, и немилостивыя сѣкатели в Рускую землю. И почали без милости плѣнити и посѣкати, и многие грады повоеваша, села и деревни пожгоша, и крестьяном великую бѣду наношаху. И град Дмитров взяли[42] и огнем сожгли, и московьскую силу и посадных людей, и женъ ихъ, и дѣтей посѣкли, и церкви Божии осквернили, и крестьянъ в нихъ сѣкли, и престолы Божиими поколебали, и одѣяние с них пограбили, и с ыконъ оклады одирали, и иконы метали, и книги пограбили, и церкви пожгли. И многия крестьяня, посѣчения ихъ убоявся, и дань имъ и кормъ даваше. И многие грады имъ покорялися.

И во 117 году град Ростовъ повоеваша,[43] и поплѣниша, и пожгоша. И соборную церковь Успения Богородицы осквернили, мужей и женъ, отроковицъ и дѣвицъ испосѣкли, и раки великих чюдотворцовъ Леонтия и Исайя, и все церковное здание, и всякую казну испограбили. И многими грады владѣли, и налогу

великую роду християнскому чинили. И многие грады от нихъ учали запиратися.

О испытании вѣры ко старцу литовских людей по научению дияволю. И нѣкто прииде воевода, бѣ золъ и немилостивъ, именем Микулинской.[44] И повоевалъ град Ростовъ, и под Ярославлем посады пожгли и людей многихъ посѣкли. Такоже и Углечь пожгли[45] и многих людей посѣкли.

И послѣ того прииде въ монастырь Борисоглѣбской на Устье, и прииде панъ Микулинъской ко старцу со многими паны. И нача его, старца, о вѣрѣ испытовати: «Въ коего же ты вѣруешъ?» И старецъ рече ему: «Азъ вѣрую во Святую Троицу — Отца, и Сына, и Святаго Духа Нераздѣльную; распятаго на крестѣ Господа нашего Исуса Христа, воскресшаго в третий день». Он же рече: «А земнаго царя кого имѣешъ?» И старецъ гласно ему проглагола: «Азъ имѣю рускаго царя Василия Иоанновича. Живу в Руси — рускаго царя и имѣю, а иного никого не имѣю царя — ни короля литовскаго, ни царя крымскаго, ни прелестниковъ мира сего». Отвѣщав же ему панъ именемъ Амсянъ: «И ты, старецъ, измѣнникъ: в нашего короля, ни въ Дмитрея не вѣруешь». И отвѣщавъ ему старецъ: «Я вашего меча тлѣннаго никако не боюся, и вѣры своея, рускаго царя не здамъ. Аще мя за сие съсечеши, и азъ радуяся, терплю. Немного есть вамъ во мънѣ крови, а у моего живаго Бога есть таковъ мечь, что васъ невидимо сѣчетъ безъ мясъ и безъ крови, а душы ваша вовѣки побьет в муку». Панъ же Микулинской и иные подивилися: «Велика есть вѣра в старце!» И бысть нужа належаше от литвы велика во весь годъ о спытовании вѣры.

О приходе князя Михаила Васильевича Скопина[46] с ратию въ Калязинъ монастырь.[47] И по нѣкоемъ времяни прииде князь Михайло от Новаграда с ратию и ста в Колязине с рускими людми и с нѣмцы[48] противу литвы. И прииде панъ Сопега[49] от Троицы противу его со всею же ратию.[50] И Божиею помощию, и молитвами Пречистыя Богородицы и великихъ чюдотворцевъ умолениемъ, и словом старцовым побили московская рать литву. И панъ Сопега отвороти прочь со всею ратию, и ста за два наслѣга до монастыря в селѣ Покровском, и нача мыслити, чтобы имъ монастырь Борисоглѣбской на Устье пожечи и братию побить. И бысть в то время кручина велика, и нача братия прощатися другъ со другом. И нача старецъ учениковъ своихъ Александра и Корнилия утѣшати: «Да не убоимся иновѣрных пожъжения и посѣчения ихъ тлѣннаго мимошедшаго въ мьгновение. Аще насъ сожгутъ или посѣкутъ, да явимся новии мученицы, аки святии отцы в Раифѣ,[51] да вѣнцы небесными увяземся от Христа Бога своего вовѣки». И нача молитися со слезами.

Молитва: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, сотворивый небо и землю, море и рѣки, и наполнилъ всю вселенную своим учениемъ — святым Евангелиемъ! Ты самъ, Владыко человѣколюбче, рече: „Не убойтеся от убивающих тѣла, не могущихъ же души коснутися никакоже.[52] Аще хотя и смертно испиете за имя мое, не вредитъ васъ ничесоже.” Мы, Господи, недѣемся на тя. Нынѣ, Владыко, помилуй нас! И избави нас от такия скорби належащия от сих звѣрообразных сѣкателей, и разори совѣтъ ихъ, совещавающь на рабы твоя, и всели въ сердца ихъ милость и жалость ко святым домом твоимъ, гдѣ, Господи, самъ живеши вовѣки. Аминь».

И в то время прииде нѣкто панъ, именем Кирбирски рохмистръ,[53] и прииде в кѣлию ко старцу, и благословися у него, и подивися старцовымъ трудом. И шед, повѣда Сопѣге: «Азъ нашелъ в монастырѣ у Бориса и Глѣба трех старцовъ скованых».

О пришествии пана Сопѣги въ монастырь ко старцу. И посла впреди себя пана, и повелѣ приход свой повѣдати. И старецъ рекъ: «Аще поидет посѣтити в темницѣ,

онъ по своей воле приидетъ к нам». И Сопѣга слышавъ от пана старцовы глаголы, и приѣде въ монастырь ко старцу, и вшед в кѣлию, и рече: «Благослови, батко. Как сию велию муку терпишь?» И отвѣщавъ ему старецъ: «Бога ради сию темницу и муку терплю в кѣлье сей». И почали многие паны говорить Сопѣге: «Сей старецъ за нашего короля и за Дмитрея Бога не молит, а молитъ Бога за Шуйского!» И отвѣщавъ старецъ: «Я в Руси рожденъ и крещенъ, и азъ за рускаго царя и Бога молю». И отвѣща Сопѣга: «Правда въ батке велика: в коей земли жити, тому царю и прямити». И рече: «Паны тебя, господине, наши ограбили?» И отвѣщав старецъ: «Приѣхавъ панъ лютъ Сушинской,[54] и пограбилъ весь монастырь, не токмо меня, грѣшнаго старьца». И отвѣща Сопѣга: «И за то панъ Сушинской повѣшенъ». И рече старецъ пану Сопѣге: «Возвратися, господине, во свою землю. Полно тебѣ в Руси воевать. Аще не изыдеши из Руси, или опять возвратишися в Русь, и не послушаеш Божия слова, то убиенъ будеши в Руси». И панъ Сопѣга умилился душею о словеси и рече: «Чѣмъ мнѣ тебя даровать? Я такова батька нигдѣ здѣсь, ни во иных землях крѣпка и безбоязна от нашего меча не наѣхалъ». И рече старецъ: «Я Святому Духу не указщикъ, я от Святаго Духа и питаюся. Какъ тебя Святый Духъ научит, такъ и сотворишь по его святой воле». И Сопѣга рече старцу: «Прости, батко!» И поклонився, изыде с миром, и присла старцу на милостыню 5 рублевъ денегъ,[55] и не велѣ монастыря тронути ничѣмъ. И поиде Сопѣга с ратию в Переаславль.

И бысть въ монастырѣ радость велия, что Господь Богъ избавил великаго плѣнения, а старецъ безпрестани моляся Богу со слезами, слезы ко слезамъ проливая, чтобы Господь Богъ избавилъ всю Рускую землю от плѣнения.

О благословении князя Михаила Васильевича Скопина во 11𝟖 году. Поиде князь Михайло за литвою и прислалъ ко старцу по благословение ис Переаславля, и старец Илинархъ послалъ ему благословение и просфиру да крестъ.[56] Велѣлъ ему итти за литвою: «Дерзай, да Богъ поможет ти!» И посла князь посылку в слободу Александрову. И тутъ Божиею помощию побили литву.[57] И помале и сам князь приидe, и ста в слободѣ. И почали безбожнии агаряне литва противу его ис-под Троицы и ис-под Москвы збиратися всѣми людми. И послышавъ князь Михайло и печаленъ бысть о томъ. И присла гонца ко старцу, и старецъ посла ко князю благословение и просфиру и рекъ: «Дерзай, князь Михайло, и не убойся! Богъ ти поможет». И поби князь литву, и потомъ посла князь воеводу к Троицѣ[58] и преподобному Сергию — Давыда с радостью. И воевода прииде въ монастырь здрав, и князь Михайло присла ко старцу гонца и дары.

И старецъ посла благословение. И поиде под Троицу. И послыша Сопѣга, поиде к Дмитреву. И прииде князь к Троицѣ здравъ и, вшед в монастырь, и помолися Троице[59]и преподобному отцу Сергию. И воздавъ славу Богу, и Пречистой Богородицѣ, и рускимъ чюдотворцемъ, и посла князь рать подъ Сопѣгу.

И в Димитровѣ побили литву,[60] и Сопѣга побежалъ под Иосифовъ монастырь.[61] А ис Тушина побѣжалъ прелестникъ въ Колугу, и тамо его убили.[62] А князь Михайло от Троицы самъ прииде к Москве. И, вшедъ в соборную церковь, помолися Богородицѣ, и цѣлова образ иконы Владимерския и чюдотворцовы раки, и поиде въ дом свой.

О взятии креста от князя Михаила. И посла старецъ Илинархъ по честный крестъ ученика своего Александра ко князю Михаилу, и повелѣ взяти честный крестъ, что данъ ему на помощь — на прогнание супостатов литвы. И князь Михайло отда ученику его с радостию честный крестъ, и посла старцу челобитье и дары. И старец Александръ возвратися с честным крестом ко учителю своему въ монастырь, и отда честный крестъ учителю своему старцу Илинарху, он же с

радостию приимъ. И взя честный крестъ и начатъ молитву творити.

Молитва: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! Слава ти, Владыко человѣколюбче, претерпѣвшему на сем честном и чюдном крестѣ распятие и страсти по своему божеству для нашего спасения и показавшему сему роду милость и чудеса от своего честнаго креста: помощь князю Михаилу — на литву побѣждение и прогнание. Аки во Иерусалимѣ при благовѣрном царѣ Констянтине на сопостаты,[63] тако и нынѣ, Господи, твоею милостию невидимою прогнани бысть литва от лица православных християнъ. Ты же, Господи, вовѣки сохраняеши нас. Аминь».

И по нѣкоем времяни князь Михайло и после отслания честнаго креста, и челобитья, и даровъ отиде к Богу.[64]

И ненавидя дияволъ добра, и видя себе уничиженна от старца Илинарха, и состави на него волну великую во 11*8* году. Присланъ бысть от патриарха Ермогена[65] игумен Симеон[66] лют, и немилостивъ, свирѣпъ, и пьянчивъ, и невоздержателенъ на добро. И повелѣ старцу Илинарху ходити ко церкви молитися, а онъ не может въ трудѣхъ своих великих по Господню словеси и по кѣлье преити, труждаяся Богу день и нощь въ постѣ, и въ молитвѣ, и в слезах, иссушая плоть свою, и в немощи умирает въ кѣлье. Игумен же немилостивый Симеонъ, злѣе и свирѣпѣе невѣрных, прииде ко старцу въ кѣлию з братиею, и ограбилъ его без милости, и поима у него весь запас. И еще осталося 4 пуда соли, пудъ меду. И ученикъ, старец Александръ, сказал, что только осталося. И старецъ воспомянув нѣкоего отца затворника благиню: пришедше лютии разбойницы, поимали все имѣние, и еще забыша нѣкую вещь взяти, и онъ гнаше во слѣдъ ихъ, поминая прежняго мниха житие. Такожде разбойницы пришедше, поимавше не все имѣние, и онъ имъ сказал: «Еще, де, осталося». И тѣ — первии — разбойницы умилилися душею, и первому все отдаша. А второму мниху никако возврати. Тако и старецъ повелѣ и досталъ отдати. И он, немилостивый игуменъ, и то взял![67]

О видѣнии юноши въ бѣлых ризахъ. И в тот вечеръ видѣ старецъ Илинархъ юношу в бѣлых ризах, близъ себе стояща, свѣтлым образом зря на него и вѣщающа: «О немилостивый и скаредный лютый игуменъ! Аки злый, пришед, все имѣние пограбил, а еще не насытился». И изглагола невидим бысть. А старецъ моляся Богу всю нощь, без сна пребывая.

О изломлении руки и о разлучении ис кѣльи со ученики. И по явлении юноши пришед на утро онъ, игуменъ, ко старцу въ кѣлию, и взя старца Илинарха, и повелѣ волочи ис кѣльи. И по повелѣнию игумна немилостиваго взяв 4 человѣка под пазухи и поволокли. А игумен самшестъ понес ужище желѣзное. И, волокши ему, старцу, лѣвую руку выломили, и покинули старца за 3 сажени до церкви. И старецъ ту пребысть 9 часовъ и молясь Господу Богу.

Молитва: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, не постави им грѣха сего, яко всуе мятутся и не вѣдят, Господи, что сие творят рабом твоим, Владыко. Избави, Господи, скорби сея, и дай, Господи, терпѣние до исхода души моея ис тѣла, яко благословен еси вовѣки. Аминь».

А учениковъ его, старца Александра и Корнилия, розослали по иным кѣльям. А старецъ поверженъ единъ лежаше, и радуяся о оскорблении. И возрѣвъ, видѣв юношу в свѣтлых ризахъ и рече: «Услыша Богъ молитву твою и терпѣние. И аще чесо просиши, — и дастъ ти ся». И от того часа невидим бысть.

И старец Александръ прииде в кѣлию свою, нача молитися Богу: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! До чево намъ, Господи, сей скорби со учителемъ своим от

сих звѣрообразъных авероновъ[68] и отъ пьяницъ дотерпѣти? Буди воля твоя с нами, яко благословенъ еси со Отцем и со Святымъ Духомъ нынѣ, и присно, и вовѣки вековъ. Аминь». И бысть ему от честныхъ крестовъ извѣщение: «Поди ко игумену и рцы ему: „Игуменъ! Прочто противу судебъ Божиихъ борешися?”» И старецъ Александръ прииде во церковь ко игумену и нача глаголати игумену: «Отпусти старца Илинарха в кѣлию свою на обѣщание со ученики его, да не злѣ испустишь душу свою, боряся противу судебъ Божиихъ». И игуменъ благослови старца и обоих учениковъ его.

И старецъ прииде въ кѣлию свою, и благодаривъ Бога истиннаго, и помолися Богу сице: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, свѣдый вся тайная сердца, вся предстоит в воли твоей. Ты еси Богъ нашь, и тебѣ, единому свѣту, служим. Избави мя, Господи, таковаго гонителя и зла нашедшаго, и дай, Господи, терпѣние по воли твоей владычней вовѣки. Аминь».

И бысть ему глас свыше: «Дерзай, страдальче мой! Азъ есмь с тобою всегда, но ждах твоего великаго подвига: и терпѣнию твоему удивилися вси ангели, и архангелы вострепетали, и земля вострепетала, видя твое терпѣние в таких трудѣхъ, и подвиги, постъ и молитву. Да уже не будет ти от сего иного зла от такова гонителя, но ждутъ тебе со страхом и трепетом порода царства моего. Но вся тебѣ уже уготована, и будетъ ти тако». И глас глаголющь, а не видѣ никогоже, и старец Илинархъ стоя, испущая слезы от очию своею, аки струя, и молитву беспрестани творя: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! Помилуй мя, грѣшнаго, от искушения». И лице свое крестя крестомъ беспрестани.

И потом игуменъ Симеонъ изгнанъ бысть из монастыря.

О приходе литвы под Москву и о здании Москвы на прелесть. И увѣдали литва смерть князя Михаила Скопина, возвратишася к Москве, и ста под Москвою, и взяли лестию Москву и царство зълымъ умышлениемъ, и царя Василия Иоанновича имъ, врагом, здаша и сослали его в Литву.[69] И 119 году царство Московское поплѣниша, и людей множество посѣкли по видѣнии словеси Господню ко старцу. И сие збыстся слово Господне, глаголюще во 116 году: «Небо и земля мимоидутъ, а словеса Господня не могутъ преити».[70]

О приходе пановъ в монастырь на Устье во 120 году и о исповѣдании пана Сопѣги. В нѣкое время в осень после Дмитриева дни Селуньскаго[71] пришла литва в Ростовъ. И в то время игуменъ побѣжалъ со всею братиею на Бѣлоезеро[72] от панов, убоявсѣ мукъ и ихъ посѣчения, а старецъ Илинархъ со ученики своими пребысть въ кѣлии своей, моляся Богу беспрестани.

И пришед литва въ монастырь, и пребысть в монастырѣ десять недѣль. И пришед падъ ко старцу в кѣлию и рече: «Благослови, батько! А Сопѣга убиен бысть под Москвою по твоему словеси». И рече старецъ къ пану: «Подите и вы во свою землю, и вы живи будете. Аще не изыдите из нашие земли, то и вамъ быть такожде побитым». И шед панъ, повѣда всѣм паном слово старцово. И почали паны ко старьцу по вся дни приходити, и старецъ нача имъ глаголати: «Подите и вы во свою землю, аще не поидете во свою землю, то побиты и вы будете». И прииде ко старцу воеводин сынъ, именемъ Воинъ,[73] и благословися у старца итти во свою землю. И старецъ благослови его итти во свою землю из Руские земли. И воеводин сынъ поклонився до земли, и поиде ко отцу своему, и повѣда ему о благословении. И отецъ его, то слышавъ, умилися. И самъ Иоаннъ Каменской воевода[74] прииде ко старцу в кѣлию, и поклонися старцу до земли: «Благослови, батько, и меня итти во свою землю, какъ еси благословилъ сына моего». И старецъ благослови его, и рече: «Толко не трони монастыря, и братии, и града Ростова». Онже отиде от старца, и поиде во свою землю со всею ратию, и

не сотвори зла по благословению граду Ростову и монастырю ничесоже. И бысть в монастырѣ радость велия, что Богъ избавилъ такие великие скорби.

О благословении князя Димитрия Михайловича Пожарского[75] да нижегородца посадцкаго человѣка Козмы Минина.[76] И в то время на Москвѣ молва бысть и кручина велика в земли, что литва сидит на Москвѣ. И молишася нижегородцы, чтобы Господь Богъ далъ милость свою и очистилъ бы град Москву от великия скорби. И бысть въ Нижнем князь Димитрий Пожарской, и почали новъгородцы бити челом, чтобы шелъ к Москве и очистилъ бы град Москву от великия скорби, и даша ему на рать подмогу, на ратныя люди денги и запасъ, и нача ему помогать всѣми городы, и нача ему Богъ помощь свою подавать, и силы умножилося. И к нему выбрали новгородца, торговаго человека Козму Минина, и почалъ онъ в совѣте быть заедино.

И нача Господь милость свою подавать, и пошли они ко граду Ярославлю со всею ратью. И ста во граде Ярославле, и почали к нимъ ратныя люди со всѣхъ градовъ русских збиратися и за вѣру стояти и за святыя Божия церкви умирати. И услыша князь Дмитрей Тимофѣевичь Трубецкой[77] пришествие князя Димитрия Пожарского и Козмы Минина въ Ярославль со всею ратию, и присла к ним гонца, чтобы шли под Москву спѣшно. А князь Дмитрей Михайловичь да Козма Мининъ помышляя и бояся идти под Москву Иоанна Заруцкого,[78] что он, Иоаннъ, убилъ под Москвою воеводу Прокопия Петровича Ляпунова,[79] того ради не смѣя итти под Москву с ратию.

И посла старецъ к нему благословение и просфиру, и имъ повелѣ итти под Москву со всею ратию, не бояся Иоанна Заруцкого: «И гдѣ ли будет Иоаннъ Заруцкой — и узрите славу Божию». И радъ бысть князь о томъ словеси, и поиде со всею ратию не бояся Иоанна Заруцкого к Москве, и ста в Ростовѣ. И прииде князь Дмитрей Михайловичъ да Козьма Мининъ по благословение сам ко старцу[80] Илинарху. Старецъ же ихъ благословилъ итти под Москву и дал имъ крестъ свой на помощь. И поиде князь радуяся, взявъ благословение и крестъ у старца. И поиде в Переаславль, ис Переаславля къ Троице, и сталъ у Троицы, и помолился Святѣй Троицѣ и чюдотворцу Сергию, и посла воеводу князя Димитрия Лопатина[81] под Москву ко князю Димитрию Тимофѣевичу Трубецкому, и онъ радъ бысть.

А Заруцкой по благословению старцову ис-под Москвы побѣжалъ, гонимъ Божиею благодатию — силою невидимою. А литва и прибылые люди идут з запасы к Москве к сидѣлцем. И слышавъ князь Дмитрий Трубецкой, прислалъ гонца ко князю, чтобы шел наспѣхъ на помощь под Москву со всею ратию.

И во другий день приидоша литовские люди под Москву, и воеводы помоляся Святѣй Троицы и московским чудотворцем, и далъ имъ Богъ помощь свою на литовския люди, и литву побили.

И стоя князь Димитрий под Москвою, и Божиею помощию взяли град Китай, и литва сѣли въ Кремли-градѣ, и помалѣ сидѣлцы здалися. И князь Димитрий вниде въ Москву въ Кремль-градъ и помолися Пречистѣй Богородицѣ и московским чюдотворцемъ.

И бысть радость на Москвѣ велия, что Господь Богъ очистил град Москву от литовских людей. А в монастырѣ у Бориса и Глѣба на Устье — кручина великая, что правят коръмы на ратных людей, а в монастырѣ от раззорения литовских людей нѣть ничево. И игуменъ прииде з братиею, и крестьяны и почали бити челомъ старцу, чтобы отпустилъ къ Москве бити челом ученика своего Александра.

И старецъ не презрѣ моления ихъ, и постави на их воле, и отпустил ученика своего Александра к Москве бити челом, и повелѣлъ взяти у князя Димитрия Михайловича честный крестъ, что дан на помощь. И ученикъ Александръ приѣде къ Москве, и бысть в то время на Москвѣ радость, что король литовъской побѣжал во свою землю изъ Вязъмы.[82] И ученикъ старецъ Александръ прииде ко князю и привезе ему от старца благословение и просфиру. И князь рад бысть и далъ ему грамоту, что не давать на ратных людей корму — никаких запасовъ за раззорение литовское.[83]

И ученикъ взя грамоту и честный крестъ, возвратися в монастырь, и даде игумену грамоту, и игуменъ радъ бысть. И старецъ Александръ прииде в кѣлию ко учителю своему Илинарху, и далъ ему честный крестъ, и отъ князя исправил челобитье.

О государѣ-царѣ и великомъ князѣ Михаиле Феодоровиче[84] всеаРосии. По устроению Божию и по приговору всей земли: князей, и бояр, и воевод, и преосвященных митрополитов, архимандритовъ и игуменов, во 121-мъ году излюбленъ бысть государь-царь и великий князь Михайло Феодоровичь всеа Росии и поставленъ бысть во цари на Москвѣ и надо всѣми Ордами, и над цари, и над короли, и царьским вѣнцемъ вѣнчанъ.

И бысть радость об немъ, государе, во всей Росийской землѣ. И еще бысть кручина велика на Углече, и на Вологдѣ, и во иныхъ окольныхъ градѣх от казаковъ:[85] много християнские крови лилося, и многие грады и села отъ нихъ запустѣли. И благовѣрный государь-царь и великий князь Михайло Феодоровичь вся Росии послалъ болярина своего и воеводу князя Бориса Михайловича Лыкова[86] казаковъ смиряти. И послалъ его въ Ярославль и далъ ему рати седмь городовъ.[87]

О благословении князя Бориса Лыкова. И в то время прииде литва с черкасы в село Даниловское, и князь прислалъ старца Иоакима[88] ко старцу Илинарху по благословение. И старецъ посла ко князю просвиру и благословение, и повелѣ идти за литвою. И взя князь просвиру с радостию и поиде за литвою. И иде за ними 2 недѣли, и сниде их за Костромою, не доходя Нижнево,[89] и тамо их Божиею милостию побили, и многие языки поимали, и послал ко государю-царю к Москве.

А самъ князь возвратися к Вологде со всею ратию, и поиде на казаки, что онѣ плѣнятъ Вологотской уѣздъ и Бѣлоезерской. И онъ ихъ начатъ гонити Божиею милостию и старцовою — Илинарховою — молитвою и благословениемъ, и они от него побѣжали на Бѣлоезеро. И онъ посла за ними посылку, и они побѣжали на Углечь, и стояли 2 недѣли, и онъ послал под них посылки, и казаковъ гонили Божиею милостию и старцовою молитвою.

О приходе князя ко старцу. И онъ посла ратных людей под Москву, а самъ прииде ко страстотерпцом Христовымъ Борису и Глѣбу молитися и у старца Илинарха благословитися. И взя сам князь Борисъ у старца благословение, и поиде к Москве со всею ратию, и тамо ихъ переималъ и приведе ко государю.[90] И бысть радость велия, что Богъ подалъ милость свою, и заступлениемъ и молитвами Пречистыя Богородицы и московских чюдотворцевъ, и слезами, и молениемъ, и благословением Илинарховым, что раззорился казачей злой совѣтъ, и плѣнение, и грабежъ по дорогамъ.

И оттоле бысть от них тишина, а старецъ беспрестани Бога моля, и слезы ко слезам прилагая, и постъ къ посту, и милостыню творя, и странных приимая, и бѣдным помогая, обидимыхъ от силных взимая.

Добро есть тайна царева таити, а дѣла Божия ясно проповѣдати, старца и страдальца и затворника Илинарха при животѣ его о чудесѣхъ Божиих молитвами его.

Чюдо первое. О изгнании нечистого духа изо отрока. Нѣкто християнинъ села Давыдова именем Иосифъ приведе сына своего, бѣсом ержима, и нача пред старцом плакати и рече: «Помоги нашему невѣрию!» И отвѣщавъ ему старецъ: «Духъ нечистый ничѣмъ не изыдет, токмо молитвою и постом изгнанъ будет».[91] И возложи старецъ Илинархъ на отрока крестъ свой честный, и пребысть отрокъ со отцем своим в монастырѣ недѣлю, и изыде из него бѣсъ. И старецъ отпусти отрока со отцем его в домъ свой, и приидоша в дом свой радуяся.

Чюдо 2. Нѣкто християнинъ именем Андрей села Вощажникова деревни Розбитухи одержим бысть нечистым духомъ, и пребысть в том недуге 10 лѣтъ. И приведе сынъ его Козма ко старцу Илинарху. И старецъ возложи на него крестъ свой честный. И онъ побѣжа от старца на город и по хоромам. И цѣловальникъ Афонасей приведе его ко старцу, и пришед, поклонился пред старцем. И отвѣща ему старец: «Не бойся, Андрей!» И прииде ученикъ — старецъ Александръ, и взя Андрея, и возложилъ на него ужище желѣзное старцово, и приведе его ко Спасову образу и Пречистѣй Богородицѣ, и в той час бысть здравъ. И рече ему тихимъ словомъ: «Не бойся, Андрей». И онъ поклонился образу Спасову, и пребысть у старца 10 дней, и отиде в дом свой радуяся.

Чюдо 3. О сыне боярском. Нѣкто сынъ боярской, именемъ Матфей Тюхменевъ, пребысть въ монастырѣ воеводою и в то время одержим бысть нечистымъ духомъ. А в то же время шелъ из Суждаля пан Лисовской.[92] И прииде ко старцу Илинарху и начат вопити нечистым духомъ: «О горѣ мнѣ, яко хотят мя жива во адъ волочи!» И иное нелѣпое глаголаше. И ужасашеся его братия и ратныя люди. Старецъ же Илинархъ возложилъ на него крестъ свой честный, и привяза его ко ужищу своему, и приставил два человѣка ратныхъ к нему. И пребысть всю нощь без сна, и на утро посла его к обѣдне молитися, и прииде от обѣдни здравъ, и нача глаголати со старцем цѣлым разумом. И заповѣда ему старецъ всю недѣлю поститися: ни мяса ясти, ни пива, ни вина пити. Онъ же приятъ от старца заповѣдь с радостию и бысть исцѣленъ от нечистаго духа молитвою старца Илинарха.

Чюдо 4. Нѣкто християнинъ именемъ Никифоръ по прозвищу Коряевской одержим бысть нечистымъ духом и начат на монастырѣ вопити великим гласомъ. И услышаша братия, и дѣтеныши служебницы збѣжашаси к нему, и бысть въ монастырѣ молва велика. И рече старецъ Илинархъ ученику своему Александру: «Что на монастырѣ молва велия?» И отвѣща ученики: «Никифоръ с ума ссшелъ». И повелѣ старцу взяти к себѣ в келлию, и поиде ученикъ, и взя Никифора въ келию, и повелѣ старецъ Илинархъ возложити на него крестъ свой честный и привязати к огрядкѣ. И ученикъ старецъ Александръ, сотвори по словеси старцеву: возложилъ на него крестъ честный свой. И пребысть в томъ единъ часъ, и повелѣ старецъ Илинархъ сняти съ него честный крестъ и ужище, и повелѣ ему лещи на своемъ мѣстѣ. Онъ же спа всю нощь кротце, и на утрие воставъ, и бысть здравъ Божиею помощию и молитвою старца Илинарха, и отиде здравъ.

Чюдо 5. О исцѣлѣвшемъ отроке. Нѣкто отрокъ села Сущева именемъ Анкидин бысть одержимъ нечистым духомъ, и приидоша родители его ко старцу. Старецъ же Илинаръ возложи на него крестъ честный свой, и повелѣ ему молитися день и нощь. И Господь Богъ исцѣли его молитвою старца Илинарха, и пребысть у старца 3 недели, и бысть здравъ, и отиде в домъ свой радуяся.

Чюдо 6. О исцѣлении главою. Нѣкто сынъ боярской Симеонъ Романовъ[93] боленъ

бысть главою, и лежаше на одрѣ своем много дьней, и присла гостя именем Григория Чеполосова ко старцу Илинарху по благословение, чтобы пожаловалъ — далъ крестъ свой честный. И старецъ посла честный крестъ свой и просвиру, и благословение. И Симеонъ Романов честный крестъ старцовъ восприятъ и благословение и просвиру съ радостию великою, и пѣвъ молебен, и кропися водою, и бысть здравъ. И оттолѣ нача ко старцу Илинарху любовь велию къ нему имѣти.

Чюдо 7. О исцѣлевшей женѣ очною болѣзнею. Нѣкто християнинъ именем Феодоръ села Новаго на рѣкѣ на Сарѣ, и бысть у него жена очима больна годичное время. И прииде Феодоръ ко старцу по честный крестъ, и старецъ Илинархъ даде крестъ честный. Онъ же прииде в дом свой и пѣвъ молебен, и окропиша водою, и бысть она въ третий день здрава. И привезе крестъ честный ко старцу, и повѣда исцѣление свое. И старецъ отвѣщавъ: «Богъ исцѣлилъ по вѣрѣ ея».

Чюдо 8. И о исцѣлении бѣсныя жены града Углеча. Нѣкто священникъ именем Григорий, Пятницкой словетъ, и прииде ко старцу по благословение. И старецъ благослови его честнымъ крестомъ. Онъ же отиде въ домъ свой, и пѣвъ пѣние в трапезѣ, и в то время прииде к нему жена бѣсом одержима, и начат вопити. Онъ же осѣни ея крестомъ, она же умолча, и священникъ вторицею и третицею осѣни ея крестомъ по благословению старца Илинарха. Она же прииде ко священнику, и поклонися ему, и рекла: «Егда ты крестомъ честнымъ осѣняеши мя, — а бѣси вси ис трапезы избѣгаху». И в той часъ Богъ исцѣли ея молитвою старца Илинарха, и бысть здрава. И священникъ приѣхавъ ко старцу, и повѣда о исцѣлении жены тоя, и старецъ заповѣда ему никому повѣдати, дондеже въ животѣ своемъ.

Чюдо 9. О исцѣлѣвшей женѣ очною болѣзнию. Нѣкто подъячей в Москвѣ, именемъ Петръ Лошаковъ — и бысть у него жена болна зѣло. Онъ же присла ко старцу Илинарху по крестъ честный. Старецъ же далъ крестъ честный свой. И пѣвъ молебенъ и освятивъ воду с честнаго креста старцева, и егда окропиша водою, и в том часѣ бысть здрава. И оттолѣ нача ко старцу Илинарху имѣти вѣру и любовь и з женою, и присла честный крестъ.

А чюдеса Богъ прослави своего страдалца при животѣ старца Илинарха, и Богъ его молитвами болныхъ и бѣсных исцѣляетъ. И кого благословлял — и тѣ вси человѣцы от его благословения жиша во благочестии, и домы ихъ неоскудны пребыша молитвами святаго.

Еже исперва писано о рождении и о житии, и изъ мира о отшествии в монашеский чин, о трудѣхъ его, и о терпѣнии, и о изгнании, и о постѣ, и о молитвѣ, и о пророчестви, и о видѣнии, и о глаголании, и о благословении, и о чюдесѣхъ — и повелѣ ми вся сия по преставлении своемъ написати, а святѣй церкви Божии предати чтущимъ и послушающим на ползу души и на исправление добрыхъ дѣлъ в славу и честь Святѣй Троицѣ — Отцу, и Сыну, и Святому Духу, и Пречистѣй Богородице. Мнѣ же о семъ въ велицѣмъ удивлении бывшу. Аминь.

О преставлении старца Илинарха. Сей мужь преподобный и многострадальный Илинархъ призва насъ, учениковъ своихъ, и рече намъ:[94] «Братия моя и спостницы! Молю васъ убо: се нынѣ отхожду от жизни сея ко Господу Богу моему. Да молите за мя Бога и Пречистую Богородицу да по преставлении и разлучении моемъ, дабы взята была милостивыми аггели душа моя, да избѣгну азъ сѣтей вражиихъ и от воздушных мытарствъ святыми вашими молитвами, понеже грѣшенъ есмъ. А вы, господие мои, пребудите после мене въ постѣ, и в молитвѣ, и

в трудѣхъ, въ пощениихъ, и во бдѣниихъ, в слезах, еще в любви между собою без роптания, в послушании, и в покорении. Писано бо есть: „Блажении нищии духом, яко тѣхъ есть Царство Небесное. Блажении плачющии, яко тии утѣшатся. Блажении кротцыи, яко тии наслѣдятъ землю. Блажении алчущии и жаждущии правды, яко тии насытятся. Блажени милостивии, яко тии помиловани будутъ. Блажени чистии сердцемъ, яко тии Бога узрят. Блажени миротворцы, яко тии сынове Божии нарекутся. Блажени изгнани правды ради, яко тѣх есть Царство Небесное. Блажени есте, егда поносят вам, и изжденутъ, и рекут всяк зол глаголъ на вас лжуще имени моего ради. Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небѣсѣхъ"».[95] И иная многая старецъ наказавъ учениковъ своихъ и поучивъ, еже ко спасению. Ученики же, видѣша старца въ послѣднем издыхании, быша въ велицѣ умилении, и в сѣтовании, и въ слезахъ многихъ, и рекоша: «О добрый нашъ пастырю и учителю! Се уже нынѣ молимъ тя въ послѣднемъ издыхании на кончинѣ вѣка: и нынѣ къ кому прибѣгнемъ, и от кого насладимся медоточныхъ словес учения, и кто попечется о наших грѣшных душах? Но молимъ тя, угодниче Спасовъ, аще обрящеши пред Богомъ милость по отшествии своем от жизни сея, моли о насъ неослабно Бога и Пречистую Богородицу, якож годе твоей святыни, понеже тебѣ вся наша тайная страдания извѣстна». И рече старецъ Илинархъ ученикoм своим: «Азъ отхожу от вас тѣлом, а духом — с вами есмь неразлучно». И еще к тому проглагола: «Аще кто начнет обидѣти васъ или наступати на сию мою обитель, свыше данную от Бога, искупленую по упрошению игумена и братии, ино имъ судит Богъ и Мати Божия». И давъ ученикoм прощение и о Христѣ послѣднее цѣлование, и став на молитве, и помолився на многъ часъ: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий! Помилуй мя, грѣшнаго, избави, Господи Боже мой, грѣшную мою душу от рукъ князь и властей миродержателей и тмы; по воздуху преддержат вся моя грѣхи написана дневная, и нощная, во свитцѣхъ. Посли, Господи, милость свою и заглади, Господи, рукописание ихъ молитвами Пречистыя Владычицы нашея Богородицы, и святыя великомученицы Екатерины,[96] и всѣх святых. И мою, Господи, душу приими, яко благословенъ еси вовѣки. Аминь».

И отиде къ Богу въ вѣчный покой в лѣто 7124, генъваря въ 13 день, на память святых мученикъ Ермила и Стратонника.[97] Преставися рабъ Божий старецъ-схимникъ Илинархъ противъ суботы въ девятомъ часу нощи. И по благословению и по велѣнию преосвященнаго Кирилла, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго,[98] погребѣ старца инока схимника Илинарха Борисоглѣбской игуменъ Петръ, да отецъ его духовной черной священникъ Тихонъ,[99] да дияконъ Титъ, да ученики его: старецъ Александръ, да старецъ Корнилей. По ево, старцову Илинархову благословению и погребенъ бысть в повелѣнномъ мѣсте во уготованном его — в пещерѣ, что самъ своима рукама ископал.

А после старца Илинарха осталося праведных его трудовъ Божиим повелѣниемъ 142 креста мѣдных, да семеры труды плечные, да ужище желѣзное 20 сажен на шее было, да пута желѣзные ножные, да на рукахъ пута было, на персѣхъ оковцевъ желѣзных и мѣдных 18, да связни носил на поясу (тяги — пуд), да палка желѣзная и трудился ею — невидимых бѣсей изганялъ. А пребыл старецъ Илинархъ жития своего Божиимъ судом во всѣхъ своих трудѣх праведных 38 лѣтъ и 4 мѣсяца, а в мирѣ — 30 лѣтъ, и всѣх лѣтъ жития старца Илинарха — 68 лѣтъ и 4 мѣсяца.

Аз же, худый, и неразумный, и многогрѣшный, убоявся осуждения ленивагo раба, съкрывшаго талантъ,[100] глаголюща: «яко яръ есть господинъ мой; жнет, идѣже не сѣялъ, собираетъ, идѣже не расточил»,[101] вмале написах житие сие такова мужа — многострадальнаго старца Илинарха. Онъ бо в рождении благочестива

отца Анкидина и матери Ирины, града Ростова, веси Конъдакова.

Кто его благословения не приималъ, и кого онъ не призрилъ? Ко всѣм нелицемѣрную любовь имѣлъ по словеси Господню: «Любите любящия вы, благословите ненавидящия вы и кленущия»,[102] и да прославится въ васъ великолѣпое и пресвятое имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь.

О чюдесѣхъ по преставлении его — старца Илинарха.

Чюдо 1. Бысть ученикъ — старецъ Корнилий ногою боленъ, и раны гноем источны. И прииде на гробъ ко старцу Илинарху, и помолился, и взялъ з гроба земли, и начатъ раны присыпати. И почало с тое поры жить, и заживе раны, и исцѣленъ бысть молитвою старца Илинарха.

Чюдо 2. О исцѣлевшем сердечною болѣзнию. Нѣкто християнин именем Андреанъ, живый у него въ кѣлье, бысть боленъ чревомъ и болѣлъ неделю, и приближися къ смерти. И онъ, Андреанъ, прииде на гробъ ко старцу Илинарху, и помолися, и взял земли, и испилъ с неѣ воды. И бысть здравъ молитвою старца Илинарха.

Чюдо 3. Нѣкто християнинъ именем Савинъ града Ярославля и бысть скорбен студеною немощию. И явися ему старецъ Илинархъ и рече: «Савинъ, приими старца за руку». И бѣ рука его трудновата: «И поди ко гробу моему и будеши здравъ». И прииде ко гробу его, и в том часѣ бысть здравъ. И после прииде ко гробу его, и повѣда о чюдеси и о явлении: и исцѣлен бысть молитвою старца Илинарха.

Чюдо 4. Нѣкто старецъ именем Моисей того же Борисоглѣбского монастыря болен бысть: огнем жгом. Двои сутки без сна пребылъ, только болѣзнь къ смерти приближися. И нѣкто старецъ именемъ Феоктистъ прииде его навестити. Он же ему проглаголал: «Брате, Богомъ еси ко мнѣ посланъ! Поди ко старцу Илинарху на гробъ и возми земли». Старецъ же Феоктистъ поиде на гробъ ко старцу, и взялъ земли, и далъ ему з земли воды испить. Он же в той часъ уснулъ сном любезным, и восталъ от сна своего, и бысть здравъ молитвою старца Илинарха.

Чюдо 5. Нѣкто града Переаславля посадской человекъ именем Козма бысть боленъ главою три года, и прииде ко старцу Илинарху на гробъ, и помолился, и приложися ко кресту честному, и бысть в том часѣ здравъ молитвою старца Илинарха, и отиде в домъ свой радуяся.

Чюдо 6. Нѣкая жена именем Мария, града Переаславля посадского человека Андрея Басина — жена его, впаде в немощь велику трясовишную и умомъ смятесе. И мужъ ея Андрей о томъ вельми скорбя и недоумѣяшеся, что сотворити. И прииде на мысль ему, чтобы взяти земли со Илинархова гробу. И приде в Переславль к Николе-чюдотворцу на болото к строителю старцу Дионисию, исповѣда мысль свою и болѣзнь жены своея. И рече старецъ: «Аще желаешъ, будет ти тако». И далъ ему земли старцова Илинархова гробу. Он же взя с радостию, и пришедъ в дом свой, и далъ женѣ своей испити зъ земли тое воды. И жена его Мария в той часъ бысть здрава. И пришед Андрей ко старцу Дионисию и исповѣда, что Богъ молитвою старца Илинарха исцѣлилъ от великия немощи жену его. А самъ отшелъ в дом свой, радуяся и з женою о исцѣлении, хвалу воздая Богу, и Пречистей Богородицѣ, и страдальцу ихъ затворнику Илинарху.

Чюдо 7. Борисоглѣбского монастыря слуга именемъ Алексѣй одержимъ бысть нечистымъ духомъ, и люто пострада, и не глагола въ болѣзни той. И прииде к нему сродникъ его навестити, именем Стефанъ, и нача на него зрѣти неуклонно.

Он же лежа на одрѣ своемъ, и не возможе глаголати от великия немощи, толко помалу намѣчаше перстом. Они же доумишася, что посылаетъ ко старцу Илинарху взяти земли з гробу его исцѣления ради. И приидоша въскорѣ ко гробу старца Илинарха, и помоляся Богу, и взявъ земли, и даша ему з земли воды испить. И бысть исцѣленъ молитвою старца Илинарха, и нача глаголати со сродники своими. Они же возрадовашася вельми и прославиша Бога, и Пречистую Богородицу, и угодника Христова многострадальнаго чюдотворца Илинарха.

Чюдо 8. Человѣкъ нѣкий именем Василий города Кашина одержимъ бысть бѣсным недугомъ: являшася ему лукавыя бѣси во плоти человѣчи, и совращаху его со истинънаго пути, и отлучаху его от вѣры Христовы, и стужаху ему божественныя образы, и святыя иконы, и честныя кресты, и глаголаша ему своим лукавством и мерзостнымъ запустѣниемъ: «Молися намъ!» Тако страдаше от нихъ немало, и без сна пребывая день и нощь. И бысть во смятении ума, и слыша о исцѣлении святаго чюдотворца Илинарха, поиде в монастырь Борисоглѣбской ко святому старцу Илинарху на гробъ. И много являхуся ему нечистыя духи на пути, и стужаху его, и совращаху его со истиннаго пути, он же страдаше от них люто. Милосердием же Божиимъ прииде в монастырь Борисоглѣбской въ суботу пред вечернею, и прииде ко гробу святаго чюдотворца Илинарха, и нача молитися со слезами. И приложися къ честному кресту трудовъ его, и в той час исполнися божественнаго разума молитвами чюдотворца Илинарха, и велиею радостию одержимъ бысть. Во утрии же день воскресения Христова по обычаю пришедъ ко гробу святаго, и молебенъ певъ, и здрав отиде в домъ свой, радуяся, хваляще и славяще Христа Бога нашего, и Пречистую Богородицу, и угодника ихъ чюдотворца Илинарха.

Чюдо 9. Нѣкто християнинъ именем Никонъ одержимъ бысть бѣснымъ недугом, и люто пострада от духъ нечистыхъ, якоже промедлитися болѣзни его 30 недѣль. И собрашася к нему сродники его, и смотряху на него прилѣжно, и не возмогоша что сотворити ему. И взыде единому от нихъ на мысль вести въ монастырь Борисоглѣбской ко святому чюдотворцу Илинарху на гробъ, и совѣщашася вси сродницы единою мыслию о нем, и приведоша его ко святому чюдотворцу Илинарху ко гробу. И нача молитися о немъ, и благословиша его честнымъ крестомъ святаго трудовъ, и возложиша на него крестъ честный и чѣпь, и пребысть с ним сутки, и возвратишася восвояси, и поведоша в тѣхъ трудѣхъ. И бысть исцѣлен молитвами святаго, и исполнися божественнаго разума. И возрадовашася вси о исцѣлении его, и воздаша хвалу Христу — Богу нашему, и Пречистѣй Богородицѣ, и угоднику Христову Илинарху.

Чюдо 10. Того же Борисоглѣбского монастыря слуга именем Михайло одержим бысть бѣсным недугомъ и люто пострада от бѣсовъ. И прииде отецъ его навѣстити, зря на него неуклонно и бысть в велицѣй печали о чадѣ своем и не вѣдѣ, что сотворити ему. И взыде ему на мысль вести его ко гробу святаго чюдотворца Илинарха, и приведоша его ко гробу. И нача отецъ его молитися о немъ, и возложиша на него крестъ честный и чѣпь великих трудовъ старца Илинарха. И пребысть двои сутки, и бысть здравъ и исцѣлен молитвами святаго чюдотворца Илинарха.

Чюдо 11. Нѣкая жена, именем Ирина, града Суждаля боярина князь Семена Васильевича Прозоровскаго вотчины села Воскресенского, попа Иоанна жена, одержима бысть скорбию великою: на обою сосцу струпъ велий исходилъ з гноемъ беспрестани, и от тоя скорби восклонитися ей не дало нимало. И от пищи лишилася, едва в ней душа была. И обещалася старцу Илинарху, что приѣхать въ Борисоглѣбской монастырь помолитися и его гробу поклонитися. И персть его,

Илинархова гробу, у меня была. И в нынѣшнемъ во 161-мъ году генъваря въ 7 день та Ирина с тое персти испила воды, и призва въ молитве: «Старче Божий Илинархъ! Помози ми въ скоръби сей, аще имаши къ Богу дерзновение». И в томъ часѣ бысть ей глас: «Отпаде болѣзнь твоя от обою сосцу твоею». Она же осяза болѣзнь свою рукама своима и обрѣте себе от тоя болѣзни здраву.

Чюдо 12. Некий младенецъ именем Григорий во крещении своем ужаснувся воды купѣльныя, и от того страхования нача злѣ страдати: младенчески кричалъ безмѣрнымъ воплемъ изо всея крѣпости своея, пружаяся зело. И тако страда полгода по вся дьни безпрестанно, и в нощи неусыпно, и пищи лишаяся от того страдания. Родители же его принесоша ко гробу святаго Илинарха, и служили молебенъ, и той младенецъ преста страдати, и умолче от кричания и от вопли. И нача покойно спати, во истомлении своем чють дыхая. Во утрии же день младенецъ той едва очютися от сна своего и прия сосецъ матери своея. И от того часа бысть здравъ и тихъ, и никако впред не помянеся ему труд сей молитвами святаго чюдотворца Илинарха.

Чюдо 13 того же святаго Илинарха. О исцѣлѣвшей женѣ. Нѣкая жена именемъ Агрипина, того же Борисоглѣбского монастыря села Коскина Гавриловская жена, бысть одержима бѣсным недугомъ и люто пострада от духъ нечистыхъ, не помня дому своего, ни чад своих не зная. И нача мужа и чад своих бити. И того ради лютаго недуга привязана бысть к лавке. И здаяше все имѣние свое врачемъ, и дом свой истощаша, и пользы не обрѣтше. И не вѣде, что сотворити ей. И собрашася к ней сродники ея, и смотряху на нея прилѣжно, и взыде имъ на мысль, и сташа глаголати про чюдотворца Илинарха. И она помаавъ рукою своею, и повелѣ вести ся къ чюдотворцу Илинарху. И приведоша ея к чюдотворцу на гроб, и начаша молитися о ней, и благословили ея честнымъ крестомъ святаго трудовъ, и возложиша на нея крестъ честный. И в том часѣ бысть здрава. И возрадовашася вси о исцѣлении ея, и воздаша хвалу Христу — Богу нашему, и Пречистѣй Богородицѣ, и угоднику ихъ и чюдотворцу Илинарху, и возвратишася с радостию велиею восвояси.

---

[1] *...Борисоглѣбскаго монастыря на Устье...* — Борисоглебский монастырь расположен на обширной возвышенности на берегу реки Устье, окруженной лесом. Основанный в конце XIV в. выходцами из Новгорода Великого Федором и Павлом по благословению Сергия Радонежского, он пользовался особым покровительством московских государей: Василий II Темный нашел в нем приют во время войны с князем Юрием Дмитриевичем, в нем был крещен его сын Иван III Васильевич, Иван IV Грозный жаловал этот монастырь, наравне с Соловецким, землями и денежными вкладами более других обителей. Архитектурный ансамбль монастыря сложился к 30-м гг. XVI в. Зодчим каменного собора Бориса и Глеба (1522—1524) и Благовещенской церкви с трапезной (1524—1526) был московский мастер Григорий Борисов.

[2] *...двадесяти бо пяти недѣлъ на ноги пошелъ.* — Безусловное житийное чудо: ребенок пошел неполных шести месяцев от роду.

[3] *…житие преподобнаго Макария, Калязинскаго чюдотворца…* — Из Жития Макария известно, что он был сыном боярина Кожина. Принял монашество и основал Калязинский монастырь, игуменом которого закончил свою жизнь в 1483

г. В 1521 г. были обнаружены его мощи, и Собором 1547 г. он был признан святым. Память его отмечается 17 марта.

[4] …*в Госпожино говѣение.* — Имеется в виду пост с 1по 15 августа, предшествующий Успению Богородицы.

[5] …*во иноцѣх имя ему Илинархь.* — Получил имя в честь мученика Иринарха, пострадавшего в царствование Диоклитиана в 303 г. в Севастии Армянской. Память 28 ноября.

[6] …*посла его въ пекальню.* — Работа в пекарне — обязательная монастырская служба, повествование о кротком выполнении которой является общим местом большинства русских житий: достаточно вспомнить жития Феодосия Печерского, Александра Ошевенского, Александра Свирского, митрополита Филиппа и мн. др.

[7] …*аки твердый камень адамантъ или самфиръ.* — Сравнение святого с драгоценным камнем алмазом поддерживает библейскую традицию, согласно которой самым твердым из камней является именно алмаз. Сапфир еще в античной культуре связывался с чистотой помыслов и души, в христианской традиции считался также камнем, символизирующим небесное начало.

[8] …*въ Кириловъ…* — Кирилло-Белозерский монастырь, основанный во второй трети XIV в. Кириллом, — один из наиболее почитаемых русских монастырей, имевший прочные связи как с Новгородом, так и с московскими государями: именно сюда, оставив Москву Тохтамышу в 1393 г., приехал с семьей Дмитрий Донской; богатые вклады делали Василий II Темный, Иван III, Василий III, Иван Грозный, Федор Иванович.

[9] …*или на Соловки.* — Соловецкий монастырь на Белом море, основанный Зосимой и Савватием — монахами Кирилло-Белозерского монастыря в 1420—1430-х гг. К концу XV в. стал экономическим и политическим центром Беломорья, одной из главных святынь Северной Руси. Пользовался покровительством московских государей. Был освящен именем митрополита Филиппа, который почти 30 лет прожил в Соловецкой обители, около 20 из которых — в качестве игумена (см.: *БЛДР.* Т. 13. С. 718-741).

[10] …*терпѣние Исаака Сириянина…* — Исаак Сирин, один из святых отцов Церкви, живший в VII в. Автор многих сочинений об устроении души, о божественных тайнах, о благочинии и судах. Считается одним из наиболее тонких психологов христианства. Из жизнеописания Исаака Сирина известно, что он оставил епархию в Ниневии из-за отказа богатого заимодавца выполнить евангельскую заповедь в отношении задолжавшего ему и удалился в монастырь, где жил, предавшись ученым занятиям. Ослеп от постоянного чтения в холодной келье и суровых постов.

[11] …*от заимодавецъ на правеже.* — Человека, который занял деньги и не смог вернуть их в срок, по требованию заимодавца могли публично наказать — «поставить на правеж» (посадить в колодки, бить батогами и т. п.). Наказание длилось до тех пор, пока не возвращалась занятая сумма, либо пока заимодавец не сочтет принятые должником истязания достаточными.

[12] …*поминая многострадальнаго Иева…* — Праведник Иов, испытываемый с

согласия Бога дьяволом, не возроптал, лишившись скота, имущества и детей. Пораженный страшной болезнью, сидя «на гноище», вызывал омерзение у окружающих. С кротостью перенес все испытания, за что был вознагражден. (См. Иов, 1—42).

[13] *...в монастырь к великому чюдному Богоявлению...* — Богоявленский монастырь был основан Авраамием Ростовским в 10—20-х гг. XIII в. Богоявленский собор монастыря был построен в 1554—1556 гг. по повелению и на средства Ивана Грозного «на победу и одоление Казанского царства». О пятиглавом четырехстолпном храме с разнообразными боковыми объемами (угловыми притворами, колокольней и южной галереей) искусствоведы пишут как о воплощении «образа города», более всего напоминающем тот, что видим на иконах Николы Можайского в левой руке святого. С 1589 г. игуменом Богоявленского монастыря был Феодосий.

[14] *...к великому чюдотворцу... Авраамию.* — В Житии Авраамия Ростовского говорится, что жители Чудского конца города «поклоняшеся идолу каменному — Велесу». Святой уничтожил истукана, а на том месте, где тот находился, и поставил Богоявленский монастырь. В Житии Авраамия многие эпизоды посвящены борьбе святого с язычеством. Был причислен к лику святых в начале XVI в. (еще до Собора 1547 г.).

[15] *О Лазаревѣ монастырь.* — Монастырь во имя Лазарева воскресения упоминается лишь в двух документах конца XVI в. (об уничтожении пожаром 1597 г. нескольких домов близ монастыря; среди священников Ростова в 1619 г. назван «от убогих домов Лазарева монастыря поп Тихон»). Уже в конце 20-х гг. XVII в. речь идет лишь о приходской церкви во имя Воскресения Лазаря. Ни о времени создания монастыря, ни о его основателях сведений найти не удалось.

[16] *И Иоаннъ преподобный уродивый ...* — Иван Большой Колпак — один из самых почитаемых юродивых времен Смуты. Родом из Вологодского края, работал на северных солеварнях водоношей. Придя в Ростов, построил келью близ церкви, ходил, опоясанный веригами с тяжелыми кольцами на них. Кротко сносил обиды, наносимые ему детьми и «взрослыми безумцами», с улыбкой предрекал будущее. При царе Федоре Ивановиче проповедовал в Москве. Г. П. Федотов считал, что своим прозвищем «Большой Колпак» обязан был одеянию с капюшоном. Известно, что умер он в Москве, а при его похоронах разразилась страшная гроза. Послужил прообразом Юродивого в трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов», где, в частности, колпак Иоанна впервые был назван железным.

[17] *...ко церкви Пречистые Богородицы соборной...* — Имеется в виду соборный храм Лазарева монастыря.

[18] *...молящуся... Борису и Глѣбу...* — Первые русские святые, покровители княжеского рода, помощники князьям в битвах. В Ростове почитались особо: Борис был ростовским князем и считался покровителем города и всех ростовчан.

[19] *...строитель Варламъ.* — В монастырском обиходе строителем именовали инока, помогающего настоятелю в «устроении» монастырской жизни.

[20] *...аки авва...* — Вероятно, имеется в виду Никита-столпник, один из наиболее

почитаемых святых Ростовского края.

[21] *«Подобаетъ многими скорбьми внити... во веки насытится».* — Ср.: «Многими скорбьми подобаетъ намъ внити во Царствие Божие» (Деян. 14, 22).

[22] *...отецъ наших Феодора и Павла...* — Т. е. основателей Борисоглебского монастыря.

[23] *«Не постави имъ грѣха сего... Владыко!»* — Предсмертная просьба первомученика Стефана: «Господи, не постави имъ грѣха сего!» (Деян. 7, 60).

[24] *...по полугривенкѣ...* — Полугривенка в начале XVII в. воспринималась не только как монета, но и как эквивалент веса.

[25] *И для того беззаконнаго пиянства наведет... иноплеменныхъ...* — В Житии в качестве главной причины Смуты названо пьянство, которое в ряду причин наступления «тяжких времен» в других произведениях, как правило, не упоминалось.

[26] *...у Святыя Троицы на рву.* — Юродивый Иоанн Большой Колпак был похоронен у стен построенного Бармой и Постником в 1559 г. храма Покрова на рву рядом с другим юродивым — Василием Блаженным. На кладбище при церкви Троицы на рву был похоронен в 1551 г. юродивый Василий. На месте этой церкви и был поставлен новый храм — храм Покрова.

[27] *...въ монастырь ко пречистѣй Богородицѣ на Кубри ...* — Имеется в виду пустынь во имя Успения Богородицы в 26 верстах от Переяславля в лесах на реке Кубри, впадающей в Нерль. Основана пустынь в начале XV в. Известна жалованная грамота, данная монастырю в 1472 г. С конца XVII в. более не упоминается.

[28] *«Господине! Онъ, старецъ Илинархъ... на нихъ труды великия».* — Обвинения, предъявляемые иноками старцу, чрезвычайно близки комическим сетованиям знаменитой «Калязинской челобитной».

[29] *...игуменъ Ермогенъ...* — Сведения об игуменах Ростовской епархии во времена Смуты крайне скудны. Все, что удалось обнаружить об этом игумене, имеет своим источником, вероятнее всего, Житие Иринарха Ростовского.

[30] *«Аще вас изжеднуть из дому... Аминь».* — Евангельская цитата (Мф. 10, 14).

[31] *...царю Василию Иоанновичю...* — Имеется в виду Василий Иванович Шуйский, царствовавший с 19 мая 1606 по 19 июля 1610 г.

[32] *...в Переаславль, и ста у Никицкого монастыря...* — Никитский монастырь в Переяславле-Залесском стоит в северной части города на высоком берегу Плещеева озера. Основан согласно легенде в XII в. Почти все существующие постройки относятся к 60-м гг. XVI в.

[33] *...к чюдотворцу Никите...* — Никита-столпник, один из наиболее почитаемых святых Ростовской земли. Из его Жития известно, что родился он в Переяславле-Залесском, в юности вел крайне невоздержанную жизнь. Пораженный словами

Священного Писания, оставил жену, детей и имущество, удалился в монастырь, надел на себя вериги и заключился в столп. Умер мученической смертью, убитый разбойниками, которые сочли его вериги серебряными, около 1189 г. Мощи Никиты-столпника были обретены в 1556 г., находились в Никитском соборе монастыря. Память преподобного — 24 мая.

[34] *...бысть во градѣ Переаславле камень... ему почесть.* — Здесь рассказано о еще существовавших в XVII в. отголосках языческого культа. Интересно, что в Житии Авраамия Ростовского сам культ описан подробнее, но тяжесть бед, обрушившихся на нашего героя, свидетельствует о том, что силы зла представлялись во времена Смуты более могущественными: излечение от болезни оказалось под силу лишь Иринарху.

[35] *...в соборъную церковь Пречистыя Богородицы Успения...* — Речь идет о главном соборе Руси — Успенском соборе Московского Кремля, построенном итальянским зодчим Аристотелем Фиорованти в 1479 г.

[36] *...чюдотворцем Петру-митрополиту и Ионѣ.* — Иринарх поклонился святым московским митрополитам Петру (ум. в 1326 г.) и Ионе (ум. в 1461 г.), похороненным — вместе с другими первосвященниками Русской церкви — в Успенском соборе Кремля и почитавшимся как заступники Русской земли.

[37] *...сынъ боярской...* — Для сословно-должностной системы XVII в., как считают историки, данное понятие — уже анахронизм.

[38] *...ко Благовѣщению Пречистыя Богородицы.* — Благовещенский собор Московского Кремля, построенный в 1484—1489 гг. псковскими мастерами и в начале XVI в. расписанный Феодосием, был домовой церковью русских царей.

[39] *...благословении царицы.* — Царица Мария Петровна (?—1626) — дочь князя Ивана Буйносова-Ростовского Екатерина, которая, став царицей, впервые получила новые имя и отчество (спустя несколько лет невеста царя Михаила Федоровича Романова Мария Хлопова была переименована в Анастасию; других случаев смены имени православной девицы в браке, насколько известно, нет). Женой Василия Шуйского княжна стала в январе 1608 г., т. е. уже после вступления его на престол. Брак оказался бездетным. Когда произошло свержение Шуйского, была пострижена в монахини и получила имя Елена.

[40] *...возвѣстити тебе правду.* — Пс. 21, 32.

[41] *...якоже и надъ великою Ниневием-градом.* — Ниневия — столица Ассирии, по сведениям Библии — один из самых больших, богатых и распутных городов Древнего мира. С пророчеством множества бед и конечной гибели этого города обращались к его жителям пророки Иона и Наум. После пророчества Ионы жители покаялись и были прощены. Пророчество же Наума сбылось: в 625 г. до н. э. город был захвачен и разрушен мидянами и их союзниками вавилонянами. Пожары, наводнения, песчаные ураганы привели к тому, что великий город исчез с лица земли.

[42] *И град Дмитров взяли...* — С 1608 г. появление в северных землях Руси польско-литовских отрядов стало обыденным явлением: в поисках продовольствия и денег, как известно из «Записок» Жолкевского, к Димитрову, Ростову,

Ярославлю постоянно посылались то люди Лисовского, то Сапеги, то Жолкевского.

[43] *...град Ростовъ повоеваша...* — В окрестностях Ростова отряды чужеземцев появились осенью 1608 г. Сам город был впервые захвачен поляками в 1609 г., они пожгли его и разграбили. Пожар бушевал несколько дней.

[44] *...воевода... именем Микулинской.* — Воевода Микулинский упоминается в Дневнике Яна Сапеги и «Записках» С. Жолкевского. Известно, что прибытие отряда Микулинского в декабре 1607 г. под Брянск привело к падению города. Его отряд принимал участие в осаде Троицкого монастыря. Из-за острой нехватки продовольствия был послан в северные земли Руси, где его люди силой оружия отбирали съестное и все наиболее ценное. Последние известия о нем читаются под 1614 г. В польских источниках ничего более обнаружить о Микулинском не удалось.

[45] *... и под Ярославлем посады пожгли... и Углечь пожгли...*
— «Продовольственные» отряды поляков мародерствовали с большим усердием.

[46] *...князя Михаила Васильевича Скопина...* — М. В. Скопин-Шуйский (1587—1610) — один из наиболее талантливых военачальников начала XVII в., племянник царя Василия Ивановича. Вел борьбу с польско-литовской интервенцией, опираясь не столько на помощь наемников, сколько на помощь северных городов Руси. Освободив Торжок, Тверь, Димитров (март 1610 г.), разбив поляков под стенами Троице-Сергиева монастыря, как освободитель въехал в столицу. Пользовался исключительной любовью народа, и его неожиданная смерть в апреле 1610 г. породила устойчивые слухи об отравлении молодого князя из зависти к его славе полководца дядей-царем и его родственниками.

[47] *...въ Калязинъ монастырь.* — Троицкий монастырь на берегу Волги и близ города Калязина, основанный Макарием Калязинским в 1444 г.

[48] *...с нѣмцы...* — Т. е. с иноземцами. В данном случае речь идет о шведском наемном отряде под предводительством Якоба Делагарди.

[49] ...*панъ Сопега...* — Ян-Петр-Павел Сапега (1569—1611), гетман, правитель многих подвластных Литве городов, двоюродный брат Льва Сапеги, канцлера литовского. Прибывший в августе 1608 г. в Тушино на помощь Лжедимитрию II, встал во главе 22-х тысячного войска и начал действовать самостоятельно. Его смерть под Москвой от болезни сильно ослабила польские войска. В русских источниках обычно сообщалось, что Сапега был смертельно ранен.

[50] *...от Троицы... со всею же ратию.* — Троице-Сергиев монастырь, основанный в середине XIV в. Сергием Радонежским, был одним из наиболее почитаемых на Руси, крупнейшим книжным, художественно-культурным и хозяйственным центром. К XVII в. владел огромным количеством земель, драгоценной утвари. Был хорошо укреплен. Об обороне Троице-Сергиева монастыря см.: Сказание Авраамия Палицына.

[51] *...аки святии отцы в Раифѣ...* — 14 января Церковь поминает святых отцов, подвизавшихся в обителях горы Синай и пустыни Раифа. В IV в. сарацины

захватили монастыри и убили около 70 человек.

[52] *Не убойтеся от убивающих тѣла... никакоже.* — Ср.: «И не убойтеся от убивающих тело, души же не могущих убити, убойтеся же паче могущаго и душу и тело погубити в геене» (Мф. 10, 28).

[53] *...именем Кирбирски рохмистръ...* — С 1609 по 1611 г. в окрестностях Ростова несколько раз появлялся ротмистр Свидерский со своим отрядом, который должен был снабжать продовольствием находившиеся в Москве польско-литовские войска. Возможно, в Житии упоминается именно он.

[54] *...панъ лютъ Сушинской...* — Сведений о Сушинском найти не удалось, но известно, что Сапега приказал казнить в 1609 г. несколько человек, повинных в мародерстве как средстве личного обогащения.

[55] *...милостыню 5 рублевъ денегъ...* — Очень большая сумма в XVII в.

[56] ... *послалъ ему благословение и просфиру да крестъ.* — Благословение Иринархом борьбы с захватчиками имеет немало аналогов в русской агиографии. Самый яркий пример — Сергий Радонежский, благословивший Дмитрия Ивановича Московского на битву с монголо-татарами.

[57] *И тутъ Божиею помощию побили литву.* — О военных действиях М. В. Скопина-Шуйского см. комментарии к «Писанию о преставлении и погребении князя Михаила Скопина-Шуйского».

[58] *...воеводу к Троицѣ.* —Поляки были разбиты под Троице-Сергиевым монастырем 12января 1610 г.

[59] ...*помолися Троице.* — Т. е. перед храмовой иконой Святой Троицы, написанной Андреем Рублевым.

[60] *И в Димитровѣ побили литву.* — Димитров был освобожден войсками М. В. Скопина-Шуйского весной 1610 г.

[61] *...под Иосифовъ монастырь.* — Имеется в виду Иосифо-Волоколамский монастырь, основанный Иосифом Волоцким в 80-х гг. XV в.

[62] *...ис Тушина побѣжалъ прелестникъ въ Колугу, и тамо его убили.* — Лжедимитрий II («тушинский вор») был убит под Калугой в декабре 1610 г. князем Петром Урусовым и служившими ему татарами.

[63] *...во Иерусалимѣ при благовѣрном царѣ Констянтине на сопостаты...* — Здесь Иерусалим выступает как символ святого города. Константин был императором Константинополя и выступал его защитником от войск турецкого султана Мехмеда II Фатиха в 1453 г. В Повести Нестора-Искандера, рассказывающей о героической обороне «святого» города от иноверцев, Константинополь неоднократно сопоставляется с Иерусалимом. (См.: Повесть о взятии Константинополя турками в 1453 году. Наст. изд., т. 7, с. 26—71).

[64] *...и после отслания честнаго креста... отиде к Богу.* — Князь умер 23 апреля, проболев всего две недели. (См.: Писание о преставлении и погребении князя

Скопина-Шуйского).

[65] *...от патриарха Ермогена...* — Патриарх Гермоген (ок. 1530—1612), поставлен на патриаршество при Василии Шуйском, после свержения которого выступал за избрание царя «от корене российского рода». Под давлением семибоярщины был вынужден признать польского королевича Владислава, но при этом настаивал на принятии последним православия и на охране православия в стране. Узнав о претензиях на русский престол Сигизмунда III и о готовности ряда бояр принести ему присягу, выступил в Успенском соборе Кремля с призывом не целовать креста польскому королю. Писал грамоты, призывающие бороться с поляками. Лишенный сана в январе 1611 г., был заточен и умер голодной смертью 17 февраля 1612 г.

[66] *...игумен Симеонъ...* — Об игумене Симеоне известия черпались из Жития Иринарха Ростовского.

[67] *...ограбилъ его без милости...и то взялъ!* — Эпизод является не совсем точной реминисценцией 294 Слова Синайского патерика, в котором старец, узнав, что ограбленный брат отдал разбойникам и не замеченную ими вещь, стал молить Бога о приходе разбойников, чтобы с радостью отдать им все, что имел. Это Слово Синайского патерика было очень популярным, его упоминает Симон в новелле об Арефе-черноризце в Киево-Печерском патерике (см. наст. изд., т. 4, с. 386—389). Но в Житии Иринарха игумен оказывается более безжалостным, чем разбойники.

[68] *...от сих звѣрообразъныхъ авероновъ...* — Имя Авирона, воспротивившегося Моисею и за это поглощенному расступившейся землей, стало нарицательным для обозначения человека, нарушающего очевидный нравственный запрет.

[69] *...и сослали его в Литву.* — Василий Шуйский после свержения с престола в июле 1610 г. был пострижен в монахи, затем схвачен поляками и вместе с братьями Дмитрием и Иваном вывезен в Польшу. Умер под Варшавой в сентябре 1612 г.

[70] *«Небо и землямимоидутъ... немогутъ преити».* — Ср.: «Небо и земля мимоидет, а словеса моя не имут преити» (Лк. 21, 33).

[71] *...после Дмитриева дни Селуньскаго...* — Память Димитрия Солунского отмечается 26 октября.

[72] *...игуменъ побѣжалъ со всею братиею на Бѣлоезеро ...* — Т. е. все искали спасения в Кирилло-Белозерском монастыре. Такой уход был вполне обыденным явлением: во время опасности в отдаленные крупные обители отправляли не только основные ценности, иконы, книги, но и иноки могли искать в них спасения.

[73] *воеводин сынъ, именемъ Воинъ...* — По другим источникам, о сыне польского воеводы Каминского Воине ничего не известно.

[74] *...самъ Иоаннъ Каменской воевода...* — По польским источникам известно, что Ян Каминский в декабре 1611г. пытался взять Суздаль, но потерпел неудачу и отступил. В ноябре 1612 г. вместе с ротами Йозефа Будилы взял Ростов, но удерживал город недолго. Был разбит войсками кн. Прозоровского. О дальнейшей

судьбе Каминского ничего более найти в польских источниках не удалось.

[75] *...князя Димитрия Михайловича Пожарского...* — Князь Дмитрий Михайлович Пожарский во главе Второго ополчения в августе 1612 г. выступил из Нижнего Новгорода. Был хорошо известен как непримиримый враг интервентов: еще в 1608 г. оборонял Москву от Лжедимитрия II, был тяжело ранен. Затем боролся с польскими войсками в Рязанской земле.

[76] *...нижегородца, посадцкаго человѣка Козмы Минина.* — Кузьма Захарович Минин-Сухорук (?—1616) — земский староста в Нижнем Новгороде, по инициативе которого осенью 1611г. стало собираться Второе земское ополчение для освобождения Москвы, которое возглавил князь Д. М. Пожарский.

[77] *...князь Дмитрей Тимофѣевичь Трубецкой...* — Князь Д. Т. Трубецкой (?—1625) впервые упоминается в 1608 г. в звании стольника при Василии Шуйском, позже служил «тушинскому вору» (входил в состав тушинской Боярской думы). После убийства Лжедимитрия поддержал Первое земское ополчение и в марте 1611 г. подошел к Москве с казачьими войсками со стороны Калуги. Казачьи полки были плохо управляемы, недисциплинированны и разобщены. Сам князь ревниво относился к Д. М. Пожарскому и не спешил ему помогать. Однако после изгнания поляков и до избрания на царство Михаила Романова был главным и единственным правителем государства, получив титул «спасителя Отечества». В 1613—1614 гг. освободил Новгородские земли от шведов. Умер воеводою в Тобольске.

[78] *...бояся итти под Москву Иоанна Заруцкого...* — Иван Мартынович Заруцкий (?—1614), казачий атаман. Подошел к Москве в составе войска Ивана Болотникова, от которого переметнулся к Лжедимитрию II, став одним из ближайших его сподвижников, что не помешало Заруцкому перейти на сторону Сигизмунда III. Почувствовав непопулярность и этого «царя», примкнул к П. П. Ляпунову и вместе с ним и Д. Т. Трубецким возглавил Первое земское ополчение. Используемый М. Мнишек, мечтая о личной власти, призвал избрать на русский престол сына Лжедимитрия II и Марины. Не добившись успеха под Москвой, пытался подчинить лжецаревичу южные города. После избрания на престол Михаила Федоровича Романова был разбит отрядами князя И. А. Одоевского, бежал в Астрахань, оттуда на Яик, но был выдан казаками, доставлен в Москву и посажен на кол.

[79] *...убилъ под Москвою воеводу Прокопия Петровича Ляпунова...* — Прокофий Ляпунов (?—1611), глава рязанского дворянства. Вместе с ним против поляков боролись четверо его братьев (один из них, Степан, был повешен в лагере Сигизмунда под Смоленском в 1612 г.) и трое племянников. Именно он начал движение за освобождение Москвы и всего государства от интервентов. К Рязани присоединились Нижний Новгород, Владимир, Суздаль, Муром. Так было сформировано Первое земское ополчение, к которому примкнули остатки «тушинцев» во главе с Трубецким и Заруцким. В марте 1611 г. оно подошло к Москве. 22 июля 1611 г. по решению казачьего круга Ляпунов, выдвигавший наиболее жесткие требования дисциплины и выполнения приказов, был убит.

[80] *...прииде князь Дмитрей Михайловичъ да Козьма Мининъ по благословение сам ко старцу...* — По другим источникам сведений о посещении князем

Пожарским и Мининым Иринарха нет.

[81] *...посла воеводу князя Димитрия Лопатина...* — О военных действиях этого воеводы сведений найти не удалось.

[82] *...король литовъской побѣжал во свою землю изъ Вязъмы.* — Король Сигизмунд покинул пределы России в январе 1613 г.

[83] *...что не давать на ратных людей корму... за раззорение литовское.* — После Смуты государству с разоренной казной было крайне затруднительно обеспечивать ополчение. Средства на содержание ратных людей и их прокорм давали все города и монастыри России. Однако наиболее пострадавшие от военных действий селения освобождались от этой тяготы. Борисоглебский монастырь пострадал менее других в Ростовской епархии, однако роль Иринарха в освобождении государства была столь значима, что монастырь освободили от необходимости кормить войско.

[84] *О государѣ-царѣ... Михаиле Феодоровиче...* — Михаил Федорович Романов, внучатый племянник первой жены Ивана Грозного Анастасии Романовны и, следовательно, родственник последнего из Рюриковичей на Руси Федора Ивановича, был избран на царство в феврале 1613 г. Земским собором.

[85] *...и во иныхъ окольныхъ градѣх от казаковъ...* — По всей стране бродили разрозненные вооруженные отряды разбитых сторонников Лжедимитриев, тех, кто служил полякам, ушел из ополчения. Все они жили грабежами и разбоем. Борьба с ними закончилась лишь к 1620 г.

[86] *...послалъ болярина своего и воеводу князя Бориса Михайловича Лыкова...* — Князь Б. М. Лыков упоминается еще среди воевод царя Бориса Годунова, однако в 1605 г. перешел на сторону Лжедимитрия I, затем служил Василию Шуйскому, входил в знаменитую «семибоярщину» вместе с князьями Ф. И. Мстиславским, И. М. Воротынским, А. В. Трубецким, А. В. Голицыным и боярами И. Н. Романовым и Ф. И. Шереметевым. Вошел во Второе земское ополчение, позже боролся с остатками польских отрядов на севере Руси. Еще более упрочил свое положение, женившись на родной сестре патриарха Филарета — А. Н. Романовой. Известен как один из наиболее активных участников местнических споров.

[87] *...далъ ему рати седмь городовъ.* — По свидетельству разрядных книг, князю были даны более десятка городов.

[88] *...старца Иоакима...* — О ком идет речь, решить затруднительно.

[89] *...за Костромою, не доходя Нижнево...* — Театр военных действий после восшествия на престол Михаила Федоровича Романова еще долго был чрезвычайно широк. Успешные действия против отдельных отрядов не изменяли общего неблагополучного фона: мелкие военные группы наносили вреда не меньше, чем крупные.

[90] *...и тамо ихъ переималъ и приведе ко государю.* — Главари военных шаек, как правило, предавались казни в Москве.

[91] *...токмо молитвою и постом изгнанъ будет.* — Ср.: Мф. 17,21; Мр. 9, 29.

[92] *...из Суждаля пан Лисовской.* — Александр Йозеф Лисовский (1575—1616), из средне-поместной шляхты, владения которого были в Литве, прибыл на Русь во главе двухтысячного конного отряда поляков. Был прислан Сигизмундом III на помощь Лжедимитрию. Разбил войска И. Куракина, с 1608 г. — на стороне Тушинского вора. Под его началом было более 700 поляков, 2000 казаков и около 1000 русских сторонников Лжедимитрия II. Вместе с Сапегой осаждал Троице-Сергиев монастырь, воевал под Орлом, Рязанью, Зарайском. До весны 1610 г. находился в лагере Сигизмун-даIII. С августа 1611г. прошел военным рейдом по землям Ярославля, Вологды, Солигалича. С 1614 г. — королевский полковник. Через Перемышль, Ржев, Углич, Муром в начале 1616 г. вернулся в Литву, где в апреле и умер. В некоторых русских литературных памятниках сообщается о гибели Лисовского. Источником этих ошибочных сведений стала царская грамота в Троице-Сергиев монастырь, в которой сообщалось о смерти «злого врага» России.

[93] *сынъ боярской Симеонъ Романовъ...* — Вероятно, автору хотелось подчеркнуть близость упомянутого лица к царствующей боярской фамилии.

[94] *...призва насъ, учениковъ своихъ, и рече намъ...* — Предчувствие смерти — еще один дар, которым наделены святые.

[95] *«Блажении нищии духом... на небѣсѣхъ».* — См. Лк. 6, 20—23.

[96] *...великомученицы Екатерины...* — Великомученица Екатерина — первая монахиня («невеста Христова»), покровительница всех монашествующих.

[97] *...на память святыхмученикъ Ермила и Стратонника.* — День памяти мучеников Ер-мила и Стратоника — 13 января. Дьякон Ермил и тюремный страж Стратоник погибли в Сингидоне (нынешний Белград) при царе Ликинии около 315 г.

[98] *...Кирилла, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго...* — Кирилл (Завидов), умер в 1616 г. Хиротонисан из архимандритов Троице-Сергиева монастыря. Сменил на митрополичьей кафедре Филарета (Федора) Романова. Управлял епархией с 1611 по 1616 г., погребен в Ростовском Успенском соборе.

[99] *...черной священникъ Тихонъ...* — Овдовевший священник по Уставу постригался в монахи.

[100] *...осуждения лениваго раба, съкрывшаго талантъ...* — В притче о трех рабах, которы-мих господин дал по таланту (денежной мере), говорится о том, что двое рабов пустили талант в оборот и вернули своему господину данное им с прибылью, а третий зарыл талант в землю и вернул лишь отданное ему, за что был наказан своим господином. См. Мф. 25, 14—30.

[101] *...яко яръ есть господинъмой... идѣже нерасточил.* — Ср.: «...яко жесток еси человек, жнеши, идеже не сеял еси, и собираешь, идеже не расточил еси» (Мф. 25, 24).

[102] *Любите любящия вы... и кленущия...* — Неточная евангельская цитата. Ср.:

«Любите враги ваша, благословите кленущая вы, добро творите ненавидящим вас. И молитеся за творящих вам напасть и изгонящия вы» (Лк. 6, 27—28).

ПЕРЕВОД

МЕСЯЦА ЯНВАРЯ В 13 ДЕНЬ. ЖИТИЕ И ПОДВИГИ ОТЦА НАШЕГО: ВОЗДЕРЖАТЕЛЯ И ОПОРЫ КРЕПКОЙ, И СТРАДАЛЬЦА, И НАСТАВНИКА, И УЧИТЕЛЯ, И ЗАТВОРНИКА БОРИСОГЛЕБСКОГО МОНАСТЫРЯ, КОТОРЫЙ НА УСТЬЕ, СТАРЦА, ПРАВЕДНОГО МУЖА ИРИНАРХА. НАПИСАНО ТОЙ ЖЕ ОБИТЕЛИ СТАРЦЕМ, УЧЕНИКОМ ЕГО АЛЕКСАНДРОМ, КОТОРЫЙ БЫЛ С НИМ ТРИДЦАТЬ ЛЕТ ПРИ ЖИЗНИ ЕГО

Господи, благослови отче!

Этот отец наш Иринарх родился в землях города Ростова, в деревне Кондаково от родителей-христиан: отца благочестивого по имени Анкидин и матери Ирины. И дано ему имя во святом крещении Илья. И радовались родители его о рождении его, видя его развивающимся быстрее иных младенцев: двадцати пяти недель <от роду> ногами пошел. И воспитан был в благочестии и вере Христовой, и играм никогда не предавался, но любил смирение, и кротость, и тихость ко всем, спокойствие и целомудрие. И когда было Илье шесть лет, сказал он матери своей: «Когда я вырасту, то постригусь и буду монахом, и буду оковы носить на себе, и трудиться во имя Бога, и буду учитель и наставник всем людям». И мать его Ирина стала дивиться и радоваться за чадо свое — Илью, и словам его, которыми пророчествовал о себе в 6 лет. И сбылось пророческое слово.

О другом пророчестве того же Ильи. И в то же время случилось, что пригласил к себе отец его Анкидин священника по имени Василий на обед. И начал священник Василий рассказывать о жизни преподобного чудотворца Макария Калязинского. И услышал отрок рассказ священника Василия, и сказал: «И я буду монахом таким же». И подошел священник Василий к отроку, и подивился разуму его. И видя дитя малое, а слова его — исполнены совершенства, и сказал ему: «Сколь смел ты, чадо, чтобы такие слова произнести?» И ответил ему Илья: «Кто тебя не боится, тот так и говорит».

Об уходе его от отца и матери. В то время голод отяготил ту деревню, и отрок покинул отца своего и мать, и пошел в Нижний Новгород, а было отроку <тогда> 18 лет. И пробыл в Нижнем Новгороде два года, а отец его и мать тужили по отроку.

О нахождении юноши. И послал отец двух своих сыновей — Андрея и Давида, и нашли его у некоего крестьянина, живущего в селе. И рады были, что нашли брата своего. И пробыли тут все три брата один год.

Об отшествии отца его Анкидина от жизни сей суетной в вечный покой. И по Божественному откровению увидел юноша Илья смерть своего отца, когда сидел в доме, и начал плакать горько, так что никто не мог утешить его, и спросили его: «Что, чадо, плачешь так и рыдаешь?» Он же сказал им: «Вижу отца своего преставление, и несут его светлые юноши на погребение». Люди же удивились видению его, — что видел смерть отца своего за триста поприщ.

В тот же год он пришел в дом отца своего и спросил мать свою: «Где отец мой?» И говорила мать ему: «Родитель твой, чадо, преставился в Успенский пост». Он же понял и сказал своей матери, что «в то время я видел преставление моего отца: несут его светлые юноши на погребение». И была мать его от этих слов радостна,

видя своего сына, говорящего пред ней и вещающего истину.

Об уходе отрока Ильи из дома отца своего. Илья же ушел из дома отца своего вместе со своей матерью и своим старшим братом Андреем в город Ростов, и купил себе дом, и стал торговать, и увеличивалось богатство его. Он же начал часто ходить в церковь, имея страх Божий в сердце своем. И был милостив к нищим, и милостыню давал неустанно, и не отворачивался от нищих. И более всего желал, чтобы избежать ему соблазнов мира сего суетного, и пребывать в молитвах день и ночь. И более, чем весь мир, чистоту возлюбил и сохранял в сердце, и тело неоскверненным в девственности и целомудрии нераздельно как храм Духу Святому, не отлучаясь из церкви — по слову Господню — и день и ночь, желая достичь ангельского образа. И увидел некоего посадского человека по имени Агафоник, который читал книгу, и начал часто беседовать и разговаривать с ним о Божественном Писании. И с тех пор стал ему другом любимейшим, желая ему душевного спасения и сподобиться святого рая, куда желают попасть ангелы.

Об уходе из дома от своей матери. И взял он крест святой, и благословился им, и целовал радостно от всего сердца своего. И увидела мать его, и подивилась, что взял он крест, и сказала ему: «Чадо, что это делаешь, и куда, и далеко ли уходишь?» Он же сказал матери своей: «Иду, мать моя, в монастырь к святым страдальцам и великомученикам Борису и Глебу на Устье помолиться». Она же стала плакать и рыдать: «О чадо мое дорогое! Так ты и говорил в шесть лет, что будешь монахом!» Он же поклонился матери своей, и целовал ее, и ушел в монастырь к святым страдальцам Борису и Глебу.

О приходе в монастырь. И пришел в обитель страстотерпцев Христовых Бориса и Глеба, и увидел монастырь, и обрадовался радостью великою, и пришел к игумену, и поклонился игумену. Игумен же благословил его и спросил: «Зачем, чадо, пришел?» Он же сказал игумену: «Желаю, господин святой отец, стать иноком. Постриги меня, Бога ради, невежу и крестьянина, и присоедини меня к избранному стаду и ко святой этой дружине».

О пострижении Ильи. Увидел игумен юношу сердечным взором, как от Бога пришедшего, и принял его с радостью, и постриг в монахи. И наречен был во иноках именем Иринарх. И отдал его игумен под начало наставника. Он же пребывал у своего учителя в послушании и покорности, в молитвах и посте.

О послании в пекарню. И как закончилось его ученичество, игумен начал испытывать его смирение. И послал его в пекарню. Он же взял благословение у игумена. Пребывая в пекарне, трудился на братию день и ночь в покорности и послушании, терпя насмешки, ни о чем плотском не думая и от духовных <устремлений> не отступая. И приходил в церковь прежде всех братий, а в церкви ни с кем не говорил, и не присаживался во время чтения церковного, но на своих ногах стоял, как твердый камень бриллиант или сапфир. И из церкви от службы не уходил прежде отпуста.

О друге его Агафонике. И узнал друг его Агафоник о пострижении его в монахи, и пришел к нему в монастырь проведать его. И пробыл в монастыре у него много дней, и потом Иринарх проводил его из монастыря два поприща, и, поцеловав его и попрощавшись, отпустил его с миром. А сам старец Иринарх возвратился в монастырь, и размышлял по пути про себя, как бы самому ему спастись, и обещал пойти в Кириллов <монастырь> или на Соловки. И был ему голос свыше, сказавший: «Не ходи ни в Кириллов, ни на Соловки: здесь спасешься». И засомневался он в сказанном, и во второй раз тот же голос произнес: «Здесь спасешься». Он же из-за услышанного стал сильно плакать и думал про себя: «Что это будет?» И в третий раз тот же голос свыше проговорил ему: «Здесь

спасешься». Он же про себя утвердился, что действительно слышал голос, и оглянувшись, никого не увидал, а слышал голос <в то время> в третий раз.

И пришел в монастырь, пребывая там в послушании, покорности по отношению ко всем неуклонно, и труды к трудам прилагая более первых дней, в ночных молитвах и бодрствовании пребывая, и на земле лежа, мало сну предавался.

О пономарстве. Потом же игумен послал его пономарем служить. Он же все с радостью исполнял в монастырских службах.

О приходе странника и об отдаче сапог. И увидел Иринарх человека — по виду странника, пришедшего в монастырь, и помолился Иринарх Богу.

Молитва: «Господи Иисусе Христе, Сын Божий, сотворивший небо и землю, и первого человека, прадеда нашего Адама, по образу своему, и почтил его теплотою, которая была в святом раю. Да будет твоя святая воля со мною, рабом твоим. Дай мне, Господи, теплоту ногам моим, да обую странника и дам с себя сапоги ему на ноги». И окончил молитву и сказал: «Аминь!» И, сняв с себя сапоги, отдал нищему.

И с того часа дал ему Бог терпение и теплоту: ходил по морозу как по теплой келье. И с тех пор начал носить ветхие ризы и ходил босым. И из зависти, под сатанинским влиянием, начал его игумен смирению учить: до двух часов держал его на молитве в мороз у оконца его кельи. И он с радостью терпел и благодарил истинного Бога, поминая слова Господа, говорившего: «Претерпев множество скорбей подобает войти в Царство Небесное». И оставлял его <игумен> благовестить на долгие часы; потом игумен посадил его в тюрьму на три дня, и не давал ему есть и пить, чтобы <Иринарх> носил добротное платье и обутым ходил. И, выпустив его из тюрьмы, послал его в ту же службу, а он, благодаря истинного Бога, ходил по морозу бос, вспоминая терпение Исаака Сирина, как ноги у него примерзали к камню, а сам мороза не чувствовал.

О горожанине и об обморожении ног его. Некто от христолюбивых людей находился во граде Ростове, терпя наказание от заимодавцев. И он <Иринарх>, желая выкупить того человека, пошел к нему босым в город Ростов. И в то время был очень сильный мороз, и, отойдя от монастыря на семь поприщ, он обморозил себе пальцы ног. И из-за обморожения возвратился в монастырь, и пребывал в той боли и болезни. Не пощадил ног своих, терпя день и ночь во имя Христа три года, и многою кровью земля пропиталась. И от тех многострадальных тягот исцелил его Господь.

И по излечении игумен не переставая требовал от него смирения, а он ходил зимою и летом босым, благодаря истинного Бога, вспоминая многострадального Иова, что сидел на гноище, и не отлучался он от Божьей церкви, пребывая в страхе Божьем, и в покорности, и в послушании.

И ненавидящий добро враг рода человеческого более на него зла замыслил, чтобы поймать его своими злыми ухищрениями, и подучил на него игумена. Игумен же послал его <Иринарха> на другую — за пределами монастыря — работу, чтобы еще более к смирению привести. И тужил старец, что его от церковной службы изгнали. И ушел из монастыря из-за великого игуменского преследования, и пошел дорогою, и видел множество зверей, выходивших навстречу ему: то волков, то медведей, что на него взирая и зубами скрежеща, желали его испугать. Он же, Иринарх, крестом себя ограждая, молитву беспрестанно про себя говорил: «Господи, Иисусе Христе, Сын Божий, помилуй меня, грешного, избавь меня от съедения зверями». Они же исчезали и

неизвестно как погибали.

Он же пришел невредимым в город Ростов и пришел в монастырь великого чудного Богоявления к великому чудотворцу и светочу Авраамию. И архимандрит принял его с радостью в монастырь — в обитель великого чудотворца Авраамия, и причислил его к избранному стаду, и благословил его, и послал служить келарем. Он же с радостью обязанности выполнял, не отлучаясь от церкви ни днем, ни ночью.

И насельники монастыря того, братия и прочие служители, взимали всякие монастырские потребы без бережливости и без боязни чрезмерно много. Монастырь беднел, и старец, про себя вздыхая, молился чудному чудотворцу Авраамию: «Господин преподобный Авраамий! Не я монастырю твоему разоритель». И однажды уснув, увидел преподобного отца Авраамия, пришедшего к нему в келью. И сказал Авраамий старцу: «Что, избранное и праведное семя и житель святого рая, скорбишь о монастырских выдачах? Давай им без ограничений. Ибо они здесь изволили широко жить, а ты здесь голодаешь и рубищем прикрыт. И ты в Царстве Небесном широко поживешь и насладишься небесной пищей, а они взалкают навеки. Я здесь умолил и упросил Всевышнего Творца, чтобы дом мой и при алчных хватателях не оскудевал необходимым для монастырской жизни». И проснулся он, и не увидел никого. И с того часа утешился и давал без всякого сомнения.

О смерти матери его. И когда старец стоял в церкви во время пения песни Херувимской, начал он плакать и рыдать на всю церковь. И подошел к нему архимандрит и сказал ему: «Что, господин старец, так плачешь и рыдаешь?» Он же сказал ему, что «мать моя преставилась». И архимандрит, видя его плачущим, и сам прослезился, на него глядючи, и дивился словам, исходящим из уст его. И когда он стоял на обедне в церкви, пришел к нему брат его Андрей, и поклонился, и сказал, что мать их Ирина умерла. И старец после церковной службы получил благословение у архимандрита, и пошел с братом своим, и похоронил мать свою достойно.

О Лазаревском монастыре. И после похорон начал старец размышлять, как бы ему душу спасти и получить желанное. И не захотел власти келарского положения, дабы оставаться уничиженну, и поселился в келье великого Лазаря, полтора месяца в слезах и в молитвах, скорби, тяготы и голод терпя, по многу дней ничего не вкушая. И Иван, преподобный юродивый, часто его посещал и утешал, а старец, постоянно ходя в соборную церковь Пречистой Богородицы, молился Богу со слезами.

И пришел он с церковной службы, и когда сидел в келье своей в полдень, молился со слезами и печалью страстотерпцам и великомученикам Христовым Борису и Глебу: «Святые страстотерпцы и великомученики Борис и Глеб! Всем братьям у вас в монастыре место есть, а мне, грешному, у вас места нет!» И задремав сидя, увидел в тонкой дреме страстотерпцев, идущих к монастырю. И сказал им старец: «Светы страстотерпцы Борис и Глеб! Далеко ли идете?» И ответили ему страстотерпцы Борис и Глеб: «Идем, старец, за тобою. Иди в наш монастырь». Он же очнулся от сна, и услышал у окна молитву, и открыл свое окошко, и увидел старца Борисоглебского монастыря по имени Ефрем. И сказал он: «Господин! Прислал меня к тебе строитель Варлаам. Иди, господин, в монастырь, где давал иноческий обет. А строитель повелел мне узнать у тебя, нужна ли тебе, государю, подвода или сам придешь в монастырь?» Старец же Иринарх ответил ему: «Благословение государю-строителю старцу Варлааму, а я со временем сам в монастырь приду». А уже носил тогда на себе оковы тяжкие, и на ногах путы, по

слову Господню. И встал старец, и помолился Богу.

О змее. Идя в монастырь — на место своего пострижения — с великой радостью, он от великих тягот по пути устал, и сел у дороги, и заснул неглубоким сном. И увидел во сне: приползла к нему змея и хотела его укусить, он же посохом ударил ее в шею, и змея отползла от него. И он, пробудившись от сна своего, перекрестился и с радостью пошел к монастырю без неприятностей. И увидел монастырь, и обрадовался, и подойдя к воротам, помолился Богу, и вошел в монастырь в то время, как служили обедню. И он пошел к церкви, и вошел в церковь, и встал на месте <своем>, и помолился Богу, и поклонился строителю-старцу Варлааму. Строитель же Варлаам обрадовался, и с любовью поцеловал его, и поставил рядом с собою. И по зависти сатанинской в тот час некто старец по имени Никифор сказал строителю: «Почему сего старца принимаешь, когда он игумена не слушает, и в ветхих дырявых ризах босым ходит, и оковы на себе многие носит?» А строитель Варлаам ударил посохом своим старца Никифора, ибо был он сатаной подучен. И принял строитель Варлаам старца Иринарха в монастырь с радостью, и дал ему особую келью.

Об известии от образа Владыки небесного. И когда приходил старец в церковь, то со страхом и трепетом молился Господу Богу, часто глядя на иконы сосредоточенно, и вздыхал из глубины сердца усердно. И видя икону — Распятие Господа нашего Иисуса Христа, начал старец сильно плакать и у Бога милости просить на изгнание врагов.

Молитва: «О праведное солнце, свет наш пресветлый, Владыко Человеколюбец Иисус Христос! Как ты, свет, претерпел такое великое крестное страдание, и поругание, и оплевывание, и по ланитам удары, и испитие уксуса и желчи ради нашего спасения от тех, кого сам создал, от неразумного и беззаконного их сборища из-за зависти <их>! И ныне, свет мой, как мне, грешному и неразумному крестьянину, спастись и тебе, свету единому Иисусу Христу, Сыну Божию распятому, в Троице славимому Богу неделимому — Отцу, Сыну и Святому Духу, угодить? И да будет воля твоя со мною, Владыка!» И в тот же час было ему от образа Владыки <небесного> известие: «Иди в келью свою, и будь затворником, не выходя <из нее>, как старец, и там спасешься».

О благословении на затворничество по известию <от образа> Господа. Он же, старец Иринарх, пришел к строителю старцу Варлааму и взял благословение у него молиться в келье по евангельскому слову Господню: «Подобает через множество скорбей войти в Царство Небесное. Если кто в жизни сей суетной душу свою погубит ради меня и Евангелия, тот в будущей жизни обретет ее. Если кто в жизни сей голодает и жаждой томится, то там вовеки насытится». И строитель Варлаам благословил старца молиться в затворничестве и не выходить из кельи совсем: прославил, сказал он, Бог Русскую землю и монастырь великих страстотерпцев Бориса и Глеба, и преподобных отцов наших игуменов Федора и Павла в нынешнее — последнее время — досточудными мужами: и страдальцами, и учителями, и наставниками. И с тех пор по благословению принял он подвиг — молиться в келье безвыходно, вспоминая первых монахов, как они в чащобах, и на островах, и в пещерах живали, а в тленном сем мире не изволили ходить, и свет этот не изволили видеть: изволили в темнице терпеть. И сделал для себя он цепь железную в три сажени длиной, и приковался к стулу многими трудами и по́том, терпя поругание и насмешки от братии. Он же за них Богу молился: «Господи Иисусе Христе, Сын Божий! Не сочти им за грех это — не ведают, что творят рабам твоим, Владыка!»

Об ученике его Александре. И пришел к нему некто по имени Алексей, и пожелал

для себя жизни такой, и многого страдания, поста и молитвы, твердости и воздержания, и тяжких его оков, что на себе носил, и начал умолять его: «Прими меня, господин, и приобщи меня к избранному стаду и к святости твоей, и научи меня заповедям Господним». Старец же принял его с радостью и с любовью великой, видя в нем кипение сердечное к монашеству, и благословил его, и призвал священника и дьякона, и повелел его постричь. И наречено ему имя в иночестве Александр. И был он у него первым учеником, и после пострижения жил с ним в келье, с преподобным Иринархом, с послушанием и великой исполнительностью пребывая в посте и молитвах день и ночь.

О приходе Ивана, Христа ради юродивого ростовского и московского, и о словах его. Пришел к нему, старцу, гость — блаженный Иван Большой Колпак. И тот начал с ним беседовать, и стал ему Иван говорить: «Старец Иринарх! Сделай себе сто крестов медных по полугривенке». И отвечал ему старец: «Государь Иван! Невозможно мне, бедному, столько их сделать. Я в нищете пребываю». И в ответ праведный Иван сказал старцу: «Святой Дух лжи не говорит: „Небо и земля прейдут, а слова Господа не могут прейти", но все они сбудутся. А Бог да поможет тебе, да даст и исполнит все просимое и желаемое тобой по слову этому». И еще сказал Иван старцу: «Не подивись тому, что тебе так будет, что и устам человеческим не произнести, и не написать, что даст тебе Бог коня, и никто не сможет на том коне, Богом данном, ездить — и на твоем месте после тебя сидеть». И сбылось сие по его пророчеству.

Об уходе Ивана из монастыря. Иван блаженный, дав благословение и прощение получив, стал говорить: «Дал тебе Господь Бог от востока и до запада <людей> наставить и научить, и по всем населенным местам учениками наполнить землю, и от пьянства всех людей отвадить. Из-за того беспредельного пьянства наведет Господь Бог на землю иноплеменных, и те твоему коню удивятся, и восхитятся многому страданию, и меч их тебе не повредит, и они прославят тебя более православных. А я иду к Москве к государю землю просить — что в Москве у меня довольно видимых и невидимых бесов: меж них едва войдет лоза хмельная; и всех тех Святая Троица силою изгонит». И сказав это, поцеловал и ушел, и там <в Москве> умер. И погребено тело его близ храма Святой Троицы на рву.

По слову Ивана более начал старец прилагать усилий, пребывая в труде, и в посте, и в молитве: днем и ночью стократные молитвы к Богу воссылая, желая честных крестов. И увидел во сне: пришел к нему друг и дал ему крест. И другой друг пришел, во сне же, и дал ему палку железную.

О том, как дали кресты. Спустя несколько дней после того сновидения пришел к нему друг Иван, посадский человек, и принес старцу — по пророчеству Ивана праведного — честной крест, и дал ему. И взял старец и, хвалу воздав Богу и угоднику его блаженному Ивану, из того креста отлил сто крестов медных. Исполнил Бог просимое желание его по благословению Ивана блаженного.

О палке железной. А другой друг по имени Василий, придя, дал ему палку железную. Он же с радостию принял и <продолжал> собирать труды к трудам, иссушая тело свое постом, и молитвой, и пребыванием без сна, и стоянием всенощным. И всегда слезы со слезами смешивая, словно речной поток изливая, непрестанно просил у Бога милости и исполнения трудов.

О старце Леонтии и о его честных крестах. Некто старец Леонтий из Борисоглебского же монастыря старался подражать добродетели <его> и трудам, и сковал себе такие же оковы, и носил на себе тридцать три креста медных. И те честные кресты оставил у Александра, а сам взял благословение у старца идти в уединенное место. И старец Иринарх молил его, чтобы не ходил в

пустынное место: «Послушай, чадо, и не будешь там убит». Тот же Леонтий беспрестанно просил благословения; и не мог его старец отговорить, и благословил его, и сильно прослезился, и целовал его в уста, и пророчески изрек: «О дорогое дитя мое Леонтий! Уже сюда не вернешься за честными крестами». И Леонтий, уходя, сказал: «Господин, если так будет, — да будут мои кресты тебе на труды». А сам, поклонившись, ушел в Переяславский уезд в монастырь Пречистой Богородицы на Кубре и там был убит разбойниками.

И те кресты присоединил старец к своим крестам для трудов, и всего крестов у него стало, по молитве и пророчеству Ивана блаженного, сто сорок два креста. И трудился старец день и ночь, нося цепь длиною три сажени шесть лет; и другой христолюбец из Углича прислал старцу еще три сажени цепи, и трудился в них он двенадцать лет. И был некто старец Феодорит из Борисоглебского же монастыря, сделал себе цепь железную трех саженей длиной и трудился в ней двадцать пять недель. Игумен же велел ему, Феодориту, ходить на службу монастырскую и трудиться на братию. И он цепь свою отдал старцу, и стала цепь девять саженей длиной, и трудился в той цепи двадцать пять лет.

И по умышлению и делу сатанинскому, чтобы оскорбить и опечалить праведного и от добродетелей отвлечь, своим злым ухищрением научил <сатана> братию донести игумену <на старца>. И пришедшие из братии сказали игумену: «Господин! Сей старец Иринарх сидит взаперти и постится, и на себе носит многие тяжкие оковы, и не пьет хмельного, и пищи мало вкушает, и наставляет. И повелевает братии так же в трудах пребывать, и поститься, и хмельного повелевает никак в рот не брать. А говорит он — и это всего злее, — подобает монахам быть как ангелам: ни о чем не скорбеть, и плоти своей не щадить, и ни в чем ей не потакать, де „через многие скорби подобает войти в Царство Небесное”. И не велит братии в службах без дела ходить и накладывает на них труды великие».

И по наущению сатанинскому и по немилосердию игумен Ермоген старца ограбил и из монастыря изгнал, не помянув Бога и благих дел брата своего: поста, и трудов, и в темнице заточения, во имя Иисуса Христа страдания. И старец изгнанием утешался, вспоминая слово Господнее, гласящее: «Если вас изгонят из дома святого, стремитесь в иной. Я с вами до скончания жизни. Аминь».

И после изгнания пробыл старец в Ростове у Лазаря великого год и две недели, и, молясь Господу Богу день и ночь, слезы к слезам присоединяя, и труды к трудам, непрестанно постился, всегда держа пред мысленным взором смерть.

Игумен же Ермоген, осознав вину братии и собственную, послал к старцу Иринарху одного из монахов. И пришел он к старцу, говоря: «Господин! Не вспоминай о нашем на тебя доносе, поди на место своего пострига в монастырь великомучеников Христовых Бориса и Глеба». И старец Иринарх возвратился в монастырь и так помолился Богу: «Господи Иисусе Христе, Сын Божий! Не лиши меня своего вечного блаженства и обета, дай, Господи, грешному старцу по обету дотерпеть». И на себя вину возлагал: «Я, Господи, в отличие от братии в темнице этой живу, а они — праведные, и праведные труды тебе, Господи, приносят. Я, смрадный, лишен добродетелей». И пришел он в келью свою, и, пребывая в трудах своих, молил Бога за государя, и за православную христианскую веру, и за урожаи во всех населенных землях. И ненавидящих его любил, как душу свою. И дал ему Господь <дар> прозрения — видеть в людях потаенное, и из многих городов стекались к нему и благословение от него принимали. Многие богоизбранные люди милостыню приносили. Он же, старец, с радостью нищим и

странникам давал милостыню и одежду, и приходящих наставляя и уча заповедям Господним, и от грехов их отвращая, и обличая тайные их согрешения. И они по благословению его к заповедям Господним обращались.

И был некто из старцев по имени Тихон; решил про себя угодить Богу и, сделав себе на тяготу цепь железную, сидел в трудах семь лет. И оставил труды свои, убоявшись от поляков быть убитым мечом, и цепь железную отдал старцу, и стало у него цепи железной двадцать саженей. В тех многих тяготах старец трудился день и ночь беспрестанно тридцать лет и четыре месяца, Богу молясь, и не давал рукам своим покоя, ни очам своим дремы: иногда одежды вязал власяные, иногда — клобуки, другое платье для нищих шил, и непрестанно нищих оделяя и бедным помогая, от богатых избавляя, за всех Богу молился, в ночи на молитве стоя. И не давал себе облегчения от великой тяжести, скорбя, что иногда так изнемогал от великой боли, что и людей не узнавал в течение многих часов, но боли той радовался, славу воссылая Богу беспрерывно. А сну днем нисколько не предавался кроме часа ночью, или двух, или трех, а тело же свое палкой бил, сам молитву творя беспрерывно.

О видении Московского царства и о разорении <его> и погублении и иных городов <разорении> в 7117 <1609> году. В некое время, когда он пребывал в тонком полусне на постели своей, увидел он город Москву, порубленную литовцами, и все Российское царство плененным и частично сожженным. И очнувшись от сна своего, стал сильно плакать и рыдать, что быть царству Московскому от литовцев плененным, и монастырям святым, и церквам, и всей Российской земле, едва утешился от слез и рыдания. И заблистал свет праведный на долгое время, и из света раздался голос ему свыше: «Поезжай в Москву и поведай об этом царю. Да будет так!» Он же осенил себя крестом и молитву Иисусову сотворил. И тот же голос сказал: «Да будет так!» Он же, старец, вторично перекрестился и сотворил молитву: «Господи Иисусе Христе, Сын Божий, помилуй меня, грешного, от искушения. Я — раб Отца, Сына и Святого Духа, и не желаю ничего на свете этом видеть». И тот же голос в третий раз сказал из света: «Сделай <так> и не ослушайся, по слову сему да будет так роду этому лукавому и непокорному». И убоялся старец видения и голоса из света: «Призови к себе игумена и получи благословение, езжай в Москву, чтоб возвестить царю Василию Ивановичу, что быть царству Московскому и всей Русской земле плененными от Литовского государства».

О друге его из города Переяславля, об исцелении Симеоновского дьякона Ануфрия. И приехал старец Иринарх в Переяславль, и остановился на конюшенном дворе Никитского монастыря, и послал за дьяконом, а сам пошел к чудотворцу Никите помолиться и получить благословение у гроба его.

А дьякон в то время сильно разболелся ознобом малярийным, и не мог терпеть лихорадки, и забрался в печь из-за козней дьявола, противящегося добродетели, потому как тот дьякон сделал по его, старцеву, благословению и повелению: был в городе Переяславле камень за храмом Бориса и Глеба в быстрине, в который вселился демон, мечтания творя и привлекая к себе из Переяславля мужчин, и женщин, и детей их, разъединяя сердца в праздник великих верховных апостолов Петра и Павла. И они <люди> слушались его, и стекались к нему из года в год и воздавали ему почести. Он же, старец Иринарх, повелел тот камень скинуть в яму, чтобы народ христианский так не делал, и к камню бы не приходили. И демон, сопротивляясь другу его дьякону, навлекал на него от иереев, и от христиан, и от его родни ненависть, и насмешки, и всякие домыслы, и клевету, и разорение, и убытки, и немощи, и всякие скорби. Он же не печалился, не тужил ни о чем, но, уповая на милость Божию, видел пред собою смертный час, но к

Божиим врагам ради излечения не пошел. И едва пришел дьякон к старцу, и тот увидел его сильно изнемогшего. И очень обрадовался старец Иринарх, и поцеловал его с любовью, и дал ему четвертушку хлеба, благословив его, и сказал: «Да будешь от сей еды здоров!» И с того часа он выздоровел от того недуга.

О приезде в Москву. И приехал в Москву с учеником своим старцем Александром до рассвета, и утром рано пришел старец с учеником своим в соборную церковь Успения Пречистой Богородицы к великим чудотворцам Петру-митрополиту и Ионе. И некто из детей боярских, по имени Симеон, пошел к царю и возвестил о приходе старца. И царь обрадовался и приказал идти в Благовещенский храм Пречистой Богородицы. Старец же пошел в церковь, помолился Богородице и, благословив царя крестом, поцеловал царя Василия Ивановича. А царь его поцеловал с любовью, и подивился великим трудам его. И сказал старец царю Василию Ивановичу: «Открыл мне, грешному старцу, Господь Бог: видел город Москву и всю Русскую землю, плененною Литвой. И я, оставив многолетнее в темнице пребывание и труды, сам к тебе пришел <о том> возвестить. И ты стой за веру Христову мужественно и храбро». Известив, сам же вышел из церкви, царь Василий взял старца под руку, а ученик его — под другую.

О благословении царицы. И сказал царь старцу: «Благослови царицу». Старец же не ослушался, перечить не стал, пошел в палату к царице вместе с царем и благословил царицу Марию Петровну. И, благословив, вышел из палаты. Царица же послала старцу два полотенца. Старец же не захотел взять. Царь Василий заклинал его именем Бога живого: «Возьми, Бога ради!» Старец же сказал царю: «Я приехал не ради подарков. Я приехал возвестить тебе правду».

Царь же проводил его до дворца из палаты и приказал боярину его потчевать. И приказал царь дать свой возок и конюха, и проводить в монастырь святых страстотерпцев Бориса и Глеба. И старец, перекусив у того боярина, пробыл в Москве всего двадцать часов. И выехал из Москвы, пришел в монастырь святых страстотерпцев Бориса и Глеба, и помолился Богу, и вошел в свою келью. И пребывал в прежних трудах своих: в посте и молитве, слезы к слезам прилагая, прося у Бога милости, дабы праведный своей гнев утолил, как <прежде> — на великий город Ниневию.

А конюха государева и возок отпустил с миром в Москву.

О нашествии литовцев. Вскоре же пришли литовцы, злые, и свирепые, и немилостивые губители на Русскую землю. Начали без милосердия покорять и сечь, и многие города разорили, села и деревни пожгли, и христианам великие беды принесли. И город Димитров взяли и огнем сожгли, а московских ратных и посадских людей, их жен и детей мечу предали, и церкви Божии осквернили, и христиан в них мечами иссекли, и алтари Божии поколебали, и покровы с них пограбили, и с икон оклады сдирали, иконы выбрасывали, и книги похватали, и церкви пожгли. И многие христиане, убоявшись смерти от их мечей, давали им дань и на прокорм. И многие города им покорились.

И в 7117 <1609> году город великий Ростов разорили, и покорили, и сожгли. И соборную церковь Успения Пресвятой Богородицы осквернили, мужчин и женщин, девочек и девушек мечами посекли, и раки великих чудотворцев Леонтия и Исайи, и все церковные строения, и всякое кованое украшение пограбили. И владели многими городами, и тяготу великую роду христианскому нанесли. И многие города стали от них обороняться.

Об испытании веры старца Иринарха литовскими людьми по наущению

дьявольскому. Пришел же некий воевода, зол и немилостив, по имени Микулинский. Он разорил город Ростов, и под Ярославлем <его люди> посады пожгли и людей многих порубили. Также и Углич пожгли и многих людей мечами посекли.

И после того пришли в монастырь Борисоглебский, что на Устье, и пришел пан Микулинский в келью к старцу со многими панами. И начал его, старца, испытывать о вере: «В кого же ты веруешь?» И старец сказал ему: «Я верю в Святую Неразделимую Троицу — Отца, Сына и Святого Духа; и в распятого на кресте Господа нашего Иисуса Христа, воскресшего на третий день». Он же сказал: «А земным царем кого считаешь?» Старец же ему внятно проговорил: «У меня — русский царь Василий Иванович, живу в Руси — русского царя и имею, а иного никого для меня нет — ни царя, ни литовского короля, ни крымского царя, ни самозванцев от мира сего». Отвечал же ему некто из панов по имени Амсян: «А ты, старец, изменник: ни в нашего короля, ни в Дмитрия не веришь». Отвечал ему старец: «Я вашего меча земного нисколько не боюсь и веры своей и русского царя не предам. Если меня за это мечом убьешь, то я, радуясь, претерплю. Не много во мне крови для вас, а у моего живого Бога есть такой меч, что вас сечет невидимо и без телесных ран и без крови, а души ваши пошлет вовеки на различные мучения». Пан же Микулинский и иные паны подивились: «Как велика вера в этом старце!» И была нужда великая, гнетом легшая от литовцев на весь год как испытание веры.

О приходе князя Михаила Васильевича Скопина с воинами в Калязинский монастырь. И спустя некоторое время пришел князь Михаил из Новгорода с ратью и встал близ Калязина с русскими людьми и немцами против литовцев. И пришел пан Сапега от Троице-Сергиева монастыря против него со всей ратью. И с Божьей помощью, и молитвами Пречистой Богородицы, и великих чудотворцев мольбами, и по слову старцеву побила московская рать литовцев. И пан Сапега возвратился вспять со всей ратью, и остановился за двое суток перехода до монастыря в селе Покровском, и начал думать, чтобы им Борисоглебский монастырь на Устье пожечь и братию убить. И была в то время кручина великая, и начала братия друг с другом прощаться. И стал старец учеников своих Александра и Корнилия утешать: «Да не убоимся сожжения и мгновенного конца жизни — тленной и временной, под мечами иноверных. Если нас и сожгут или мечом погубят, — явимся новыми мучениками, подобно святым отцам в Синае и Раифе, да венцами небесными увенчаемся от Христа, Бога своего вовеки». И начал молиться со слезами.

Молитва: «Господи, Иисусе Христе, Сын Божий, сотворивший небо и землю, море, и реки, и наполнивший всю вселенную своим учением — святым Евангелием! Ты сам сказал, Владыка-человеколюбец: „Не бойтесь убивающих тело, но души никак не могущих коснуться. Если кто смертоносное выпьет во имя мое, не повредит ему ничем”. Мы, Господи, надеемся на тебя. Ныне, Владыка, помилуй нас! Избавь нас от таких горестей, гнетом лежащих, от этих звероподобных губителей, и разгони их сборище, соединяющееся против рабов твоих, и всели в сердца их милосердие и жалость к святым твоим домам, где, Господи, ты сам живешь вовеки. Аминь».

И в то время пришел некий пан по имени Кирбирский, ротмистр, и вошел в келью к старцу, и благословение от него принял, и подивился трудам старца. И придя, поведал Сапеге: «Я нашел в монастыре Бориса и Глеба трех старцев скованных».

О приходе пана Сапеги в монастырь к старцу Иринарху. И послал <пан Сапега> перед собой пана, и повелел поведать о своем приходе. И старец сказал: «Если

пойдет посетить <нас> в темницу, то по своей воле придет к нам». И Сапега, услышав от пана старцевы слова, пришел в монастырь к старцу в келью, и войдя, сказал: «Благослови, батька. Как эту великую муку терпишь?» И отвечал ему старец: «Во имя Бога эту темницу и муку терплю в келье сей». И начали многие паны говорить ему, Сапеге: «Этот старец за нашего короля и за Дмитрия Бога не молит, а молит Бога за Шуйского!» И ответил старец: «Я на Руси рожден и крещен, и за русского царя Бога молю». И ответил Сапега: «Правда в этом батьке великая: в какой земле жить, тому царю и служить». И сказал: «Паны наши тебя, господин, ограбили?» И ответил старец: «Приехав, лютый пан Сушинский пограбил весь монастырь, а не только меня, старца грешного». И отвечал Сапега: «За то пан Сушинский повешен». И сказал старец пану Сапеге: «Возвращайся, господин, в свою землю. Полно тебе на Руси воевать. Если не уйдешь с Руси, или опять придешь на Русь, или не послушаешь слова Божия, то убит будешь на Руси». И пан Сапега умилился душою этим словам и сказал: «Чем мне тебя одарить? Я такого твердого и без страха перед мечами нашими отца <святого> нигде ни здесь, ни в иных землях не встречал». И сказал старец: «Я Святому Духу не указчик, я от Святого Духа питаем. Как тебя Святой Дух научит, так и сотворишь по его святой воле». И Сапега сказал старцу: «Прости, батька!» И поклонившись, ушел с миром, и прислал старцу милостыню — 5 рублей денег, и велел с тех пор монастырь ничем не обижать. И пошел Сапега с ратью своею в Переяславль.

И была в монастыре радость великая, что Господь Бог избавил **<их>** от великого плена, и старец беспрестанно молился Богу и слезы к слезам прилагал, чтобы Господь Бог избавил всю Русскую землю от пленения.

О благословении князя Михаила Васильевича Скопина в 7118<1610>году. Пошел князь Михаил за литовцами и прислал к старцу за благословением из Переяславля, и старец Иринарх послал ему благословение: просфору да крест. Велел ему идти за литовцами: «Дерзай, да поможет тебе Бог!» И послал князь войско в слободу Александрову, и здесь с Божьей помощью побили литовцев. И малое время спустя сам князь пришел, и остановился в слободе. И начали безбожные агаряне-литовцы против него из-под Троицкого монастыря и из-под Москвы собирать войска. И услышав <это>, князь Михаил опечалился о том. И послал гонца к старцу, и старец послал к князю благословение и просфору и сказал: «Дерзай, князь Михаил, и не устрашись! Бог тебе поможет». И разбил князь литовцев, и потом послал князь с радостью воеводу Давыда к Троицкому монастырю — к преподобному Сергию. И воевода пришел в монастырь живым-здоровым, и князь Михаил прислал к старцу гонца и дары.

И старец послал благословение князю. И пошли под Троицу. И узнав, Сапега пошел к Димитрову. И пришел князь к Троице невредим, и войдя в монастырь, помолился перед иконой Святой Троицы и преподобному отцу Сергию. И прославив Бога и Пречистую Богородицу, и русских чудотворцев, послал князь рать на Сапегу.

И в Димитрове побили литовцев, и Сапега бежал под Иосифов-Волоколамский монастырь. А самозванец из Тушина бежал в Калугу, и там его убили. А сам князь Михаил от Троицкого монастыря пошел к Москве. И войдя в соборную церковь, помолился Богородице, и целовал образ — икону Владимирской Божьей матери и раки чудотворцев, и пошел в дом свой.

О взятии креста у князя Михаила. И послал старец Иринарх за честным крестом ученика своего старца Александра к князю Михаилу, и приказал взять честной крест, что был дан ему в помощь на изгнание супостатов литовских. И князь

Михаил с радостью отдал его ученику честной крест, и послал старцу послание и дары. И старец Александр возвратился с честным крестом к учителю своему в монастырь, и отдал честной крест учителю своему, старцу Иринарху, он же с радостью принял <его>. И, взяв честной крест, начал он молитву творить.

Молитва. «Господи Иисусе Христе, Сын Божий! Слава, тебе, Владыка-человеколюбец, претерпевший на этом честном и чудном кресте распятие и страдание по своей божественной воле ради нашего спасения и показавший этому народу милость и чудеса от своего честного креста: помощь князю Михаилу над литовцами победу, и изгнание <их>. Как в Иерусалиме при благоверном царе Константине на врагов, так и ныне, Господи, твоей милостью невидимой изгнаны литовцы православными христианами. Ты же, Господи, вовеки сохраняешь нас. Аминь».

Через некоторое время, после того как князь Михаил вернул честной крест с благодарностью и дарами, он отошел к Богу.

И ненавидящий добро дьявол, видя себя униженным от старца Иринарха, поднял на него смуту великую в *7118* <1610> году. Прислан был патриархом Гермогеном игумен Симеон лют, и немилостив, и свиреп, и пьяница, и не помнящий добра. И повелел старцу Иринарху ходить молиться в церковь, а он не может в трудах своих великих по слову Господнему и по келье пройти, трудясь во славу Бога день и ночь в посте, и в молитве, и в слезах, иссушая плоть свою и в немощи умирая в келье. Игумен же немилостивый Симеон, злее и свирепее неверных, пришел к старцу в келью с братией, и ограбил его без милосердия, и отобрал у него весь запас. И осталось еще четыре пуда соли и пуд меда. И ученик, старец Александр, сказал, что столько осталось. И старец вспомнил о добродетели некоего старца-затворника: пришедшие лютые разбойники захватили все <его> имущество и забыли некую вещь взять, и он поспешил им вослед, вспоминая жизнь прежде жившего монаха. Так же пришедшие разбойники захватили не все имущество, и он сказал им: «Еще осталось». И те — первые — разбойники умилились душою, и первому <монаху> все отдали. А второму монаху — ничего не вернули. Так и старец повелел и оставшееся отдать. И он, немилостивый игумен, и то взял!

О видении юноши в белых одеждах. И в тот вечер увидел старец Иринарх юношу в белых одеждах, близ него стоящего, светлым лицом повернувшись к нему, говорящего: «О немилостивый, и лютый, и скаредный игумен! Словно злыдень, придя, все имущество ограбил, и еще не насытился». Сказал и невидим стал. А старец молился всю ночь, без сна пребывая.

О переломе руки и о разлучении с учениками и с кельей. После явления юноши пришел на утро игумен к старцу в келью, и взял старца Иринарха, и повелел волочить его из кельи. И по приказанию немилостивого игумена взяли <его> четыре человека подмышки и поволокли. А игумен с ними вшестером понес и цепь железную. И, тащив его, старца, левую руку ему сломали, и бросили старца в трех саженях от церкви. И пробыл тут старец девять часов, молясь Господу Богу.

Молитва: «Господи, Иисусе Христе, Сын Божий, не сочти им сего за грех, так как всуе мятутся и не ведают, Господи, что творят рабам твоим, Владыка. Избавь меня, Господи, от скорби этой, и дай, Господи, мне терпение до <часа> исхода души моей из тела, ибо благословен ты вовеки. Аминь».

А учеников его, старцев Александра и Корнилия, услали по другим кельям. А старец один лежал, брошенный, радуясь оскорблению. И, взглянув, увидел юношу в светлых одеждах, говорящего: «Услышал Бог молитву твою и

терпение < увидел>. И если чего попросишь, — дастся тебе». И с того времени стал невидим.

Старец же Александр пришел в келью свою, начал молиться Богу: «Господи, Иисусе Христе, сын Божий! До каких пор, Господи, нам эти скорби с учителем нашим от этих звероподобных аверонов и от пьяниц терпеть? Да будет воля твоя над нами, ибо благословен с Отцом и Святым Духом ныне, и всегда, и вовеки веков. Аминь». И было ему от честных крестов известие: «Пойди к игумену и скажи ему, игумену: „Зачем против судеб Божиих борешься?"» И старец Александр пришел в церковь к игумену и начал говорить игумену: «Отпусти старца Иринарха в келью его по обету с его учениками, да не умрешь злою смертью — ибо борешься против предначертаний Божиих». И игумен благословил старца и обоих учеников его.

И старец пришел в келью свою, и благодарил Бога истинного, и помолился Богу так: «Господи, Иисусе Христе, Сын Божий, ведающий все тайное в сердце, все послушно воле твоей. Ты — Бог наш, и тебе, единственному свету, служим. Избави меня, Господи, такого гонителя и к злу прибегшего. Дай, Господи, терпение по воле твоей владычной вовеки. Аминь».

И был ему голос свыше: «Дерзай, страдалец мой! Я — с тобою всегда, но ждал твоего великого подвига: и терпению твоему удивились все ангелы, и архангелы затрепетали, и земля поколебалась, видя твое терпение в таких трудах, подвиги, пост и молитву. Да уже не будет тебе другого зла от такого гонителя, но ждут тебя со страхом и трепетом силы царства моего. Все тебе уже приготовлено, и будет тебе так». И голос говорил, а никого не видел старец Иринарх, стоя, проливая слезы из очей своих, как потоки, и молитву беспрестанно творил: «Господи, Иисусе Христе, Сын Божий! Помилуй меня, грешного, от искушения». А крестом себя осенял безостановочно.

И потом игумен Симеон изгнан был из монастыря.

О приходе литовцев под монастырь и о сдаче Москвы самозванцу. И узнали литовцы о смерти князя Михаила Скопина и возвратились к Москве, и встали под Москвою, захватили царство ложью по своему злому умыслу, и царя Василия Ивановича им, врагам, предательски отдали, и они сослали его в Литву. И в 7119 <1611> году царство Московское завоевали, и людей многих порубили <мечами> — как и виделось старцу в видении слов Господних. И так сбылось слово Господнее, сказанное в 7116 <1608> году: «Небо и земля прейдут, а слова Господа не могут прейти».

О приходе панов в монастырь на Устье в 7120 <1612> году и о рассказе о смерти пана Сапеги. И как-то осенью после дня памяти Дмитрия Солунского пришли литовцы в Ростов. И в то время игумен со всею братией бежал на Белое озеро от панов, убоявшись мучений от рук их и гибели от мечей, а старец Иринарх с учениками своими пребывал в келье своей, молясь Богу беспрестанно.

И пришли литовцы в монастырь, и пребывали в монастыре десять недель. И пришедший в келью к старцу пан сказал: «Благослови, батька! А Сапега убит был под Москвою, как ты и предсказал». И сказал старец пану: «Идите и вы в свою землю — и будете живы. А если не уйдете с нашей земли, — и вам также быть убитыми». И пойдя, поведал пан всем панам слова старца. И начали паны всякий день приходить к старцу, и старец начал им говорить: «Идите и вы в свою землю, если не пойдете в свою землю, то и вы убиты будете». И пришел к старцу сын воеводы по имени Воин, и взял благословение у старца идти в свою землю. И старец благословил его идти в свою землю из Русской земли. И сын воеводы

поклонился до земли, и пошел к своему отцу, и поведал ему о благословении. И, услышав об этом, его отец умилился. И сам воевода Иван Каменский пришел к старцу в келью и поклонился старцу до земли: «Благослови, батька, и меня идти в свою землю, как уже благословил сына моего». И старец благословил его, и сказал: «Только не грабь монастырь, и братию, и город Ростов». Он же ушел от старца, и пошел в свою землю со всем войском, и не сделал зла городу Ростову и монастырю благодаря благословению <старца>. И была в монастыре великая радость: избавил их Бог от такой великой скорби.

О благословении князя Дмитрия Михайловича Пожарского да нижегородского посадского человека Козьмы Минина. И в то время молва, что литовцы сидят в Москве, была великой кручиной для всей земли. И молились нижегородцы, чтобы Господь Бог оказал милость свою и очистил город Москву от великой скорби. И был <тогда> в Нижнем князь Дмитрий Пожарский, и стали новгородцы молить его, чтобы пошел в Москву и освободил бы город Москву от великой скорби, и дали ему помощь деньгами и припасами для сбора войска, и начали ему помогать все города, и начал ему Бог помощь свою подавать, и силы умножились. И выбрали новгородца, торгового человека Кузьму Минина к нему <в помощь>, и стал он в решениях заодно <с Пожарским>.

И начал им Господь милость свою подавать, и пошли они к городу Ярославлю со всем войском. И остановились в городе Ярославле, и начали к ним собираться ратные люди со всех городов русских, чтобы за веру встать и за святые Божии церкви умирать. И услышал князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, что пришел князь Дмитрий Пожарский и Кузьма Минин в Ярославль со всем войском, и прислал к ним гонца, чтобы они спешно шли к Москве. А князь Дмитрий Михайлович да Кузьма Минин, желая и боясь идти под Москву, <где был> Иван Заруцкий, поскольку он, Иван, убил под Москвою воеводу Прокопия Петровича Ляпунова, и по той причине не смели идти под Москву с войсками.

И послал старец к нему благословение и просфору, и приказал им идти под Москву со всем войском, не боясь Ивана Заруцкого: «И где ни будет Иван Заруцкий — узрите славу Божию». И рад был князь тем словам, и пошел со всем войском, не боясь Ивана Заруцкого, к Москве, и остановился в Ростове. И пришли князь Дмитрий Михайлович да Кузьма Минин за благословением сами к старцу Иринарху. Старец же их благословил идти на Москву и дал им крест свой на помощь. И пошел князь, радуясь, взяв благословение и крест у старца. И пошел в Переяславль, из Переяславля — к Троицкому монастырю, и встал под ним, и помолился Святой Троице и чудотворцу Сергию, и послал воеводу князя Дмитрия Лопатина под Москву к князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому, и тот рад был.

И Заруцкий по благословению старца из-под Москвы побежал, гоним Божией благодатью — войском невидимым. А литовцы и недавно приставшие к ним люди идут с запасами к Москве к сидящим в осаде. И услышав <это>, князь Дмитрий Трубецкой прислал гонца к князю, чтобы шел поспешно на помощь под Москву со всей ратью.

И на другой день пришли литовцы под Москву, и воеводы, помолясь Святой Троице и московским чудотворцам, — и подал им Бог свою помощь на литовских людей — литовцев разбили.

И стоял князь Дмитрий под Москвой, и с Божьей помощью взяли Китай-город, а литовцы засели в Кремле, и вскоре осажденные сдались. И князь Дмитрий вошел в Москву за кремлевские стены и помолился Пречистой Богородице и московским чудотворцам.

И была большая радость в Москве, потому что Господь Бог очистил город Москву от литовских людей. А в монастыре Бориса и Глеба на Устье — кручина великая: требуют запасов на содержание ратных людей, а в монастыре нет ничего из-за разорения его литовскими людьми. И игумен пришел с братией, и начали христиане молить старца, чтобы отпустил в Москву ученика своего старца Александра, дабы тот <власти> умолил.

И старец не отверг их мольбы, и выполнил волю их, и отпустил ученика своего Александра в Москву с прошением, и велел взять у князя Дмитрия Михайловича честной крест, что дан был ему в помощь. И ученик Александр пришел в Москву, и была в то время на Москве радость, что литовский король бежал в свою землю из Вязьмы. И ученик <Иринарха> старец Александр пришел к князю и привез ему от старца благословение и просфору. И князь обрадовался, и дал ему грамоту, по которой <можно> не давать на ратных людей никаких припасов из-за разорения литовского.

И ученик взял грамоту и честной крест, и возвратился в монастырь, и дал грамоту игумену, игумен же обрадовался. А старец Александр пришел в келью к учителю своему Иринарху, и отдал ему честной крест, и от князя передал поклон.

О государе-царе и великом князе Михаиле Федоровиче, всея России. По устроению Божию и по решению всей земли: князей, и бояр, и воевод, и преосвященных митрополитов, архимандритов и игуменов, в 1613-м году с любовью избран был государь-царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси, и поставлен был царем на Москве, и над землями всех <бывших> Орд владыкой, и над царями и королями, и царским венцом увенчан.

И была по всей Русской земле радость о нем, о государе. И еще была великая кручина в Угличе, и Вологде, и в иных окраинных городах от казаков: много крови христианской лилось, и многие города и села от них в запустение пришли. Благоверный государь-царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси послал боярина своего и воеводу князя Бориса Михайловича Лыкова казаков усмирить. Послал его в Ярославль и дал ему семь городов для сбора войска.

О благословении князя Бориса Лыкова. И в то время пришли литовцы с черкесами в село Даниловское, и князь прислал старца Иоакима просить благословения к старцу Иринарху. И старец послал князю благословение и просфору, и повелел идти за литовцами. И князь взял с радостью просфору, и пошел за литовцами. И шел за ними две недели, и настиг их за Костромою, не доходя Нижнего <Новгорода>, и там по милости Божией их разбил, и многих иноплеменников пленил, и послал государю-царю в Москву.

А сам князь возвратился в Вологду со всем войском и начал воевать с казаками, потому что они разоряли Вологодский уезд и Белозерский. И он начал их гнать по Божией милости и по старцеву — Иринархову — благословению и молитве, и они от него побежали на Белоозеро. И он послал за ними отряд, и они побежали к Угличу, и готовились к битве две недели, и он послал против них еще отряды, и гнал казаков Божьей милостью и старцевой молитвою.

О приходе князя к старцу. И он послал отряды воинских людей под Москву, а сам пошел к страстотерпцам Христовым Борису и Глебу помолиться и у старца Иринарха благословиться. И взял князь Борис у старца благословение, и пошел к Москве со всем войском, и там их <казаков> перехватал и привел к государю. И была большая радость, что Бог оказал милость свою, и что заступничеством и молитвами Пречистой Богородицы и московских чудотворцев, и слезами, и молением по благословению Иринархову рассеялось казачье злое сборище,

разорение и грабеж на дорогах.

И с тех пор наступил мир, и старец беспрестанно Бога молил, слезы к слезам сочетая, и пост к посту, и милостыню раздавая, и странников принимая, и бедным помогая, обижаемых властями спасая.

Благом является тайну царскую хранить, а дела Божии явственно проповедовать, и <также и дела> старца страдальца и затворника Иринарха при жизни о чудесах Божиих по его молитвам.

Чудо 1. Об изгнании нечистого духа из отрока. Некто из крестьян села Давыдова по имени Иосиф привел сына своего, бесом одержимого, и начал плакать перед старцем, говоря: «Помоги в нашем отчаянии!» И ответил ему старец: «Дух нечистый никак не уйдет, только молитвою и постом изгнан будет». И возложил старец Иринарх на отрока свой крест честной, и пробыл отрок со своим отцом в монастыре неделю, и покинул его бес. И старец отпустил юношу с отцом его домой выздоровевшего, и пришли в дом свой радуясь.

Чудо 2. Некто из крестьян по имени Андрей из деревни Разбитухи села Вощажникова одержим был нечистым духом, пребывая в том недуге десять лет. И привел его сын Кузьма к старцу Иринарху. И старец возложил на него честной крест свой. И он побежал от старца в город, по домам <бегал>. И целовальник Афанасий привел его к старцу, и он, придя, поклонился старцу. И сказал старец: «Не бойся, Андрей!» И пришел ученик, старец Александр, и взял Андрея, и положил на него цепь железную старцеву, и привел его к образу Спасителя и Пречистой Богородицы, и в тот же час он выздоровел. И сказал ему <старец> тихим голосом: «Не бойся, Андрей». Он же поклонился образу Спасителя. И пробыл у старца десять дней, и ушел от старца в дом свой, радуясь.

Чудо 3. О сыне боярском. Некто от детей боярских по имени Матфей Тюхменев пребывал в монастыре в качестве воеводы и был в то время охвачен безумием. А в то время шел из Суздаля пан Лисовский. И пришел к старцу Иринарху, и начал вопить <по наущению> нечистого духа: «О горе мне, так как хотят меня в ад живого волочь». И другую нелепицу говорил. И ужаснулись ему братия и ратные люди. Старец же Иринарх возложил на него честной крест свой, и привязал его к цепи своей, и приставил к нему двух людей ратных. И пробыл всю ночь без сна, и утром рано послал его к обедне молиться, и пришел от обедни здоров, и начал говорить со старцем в полном уме и разуме. И заповедал ему старец всю неделю поститься: ни мяса не есть, ни пива, ни вина не пить. Он же принял от старца эту заповедь с радостью и был исцелен от нечистого духа молитвою старца Иринарха.

Чудо 4. Некий крестьянин по имени Никифор по прозвищу Каряевский был одержим нечистым духом, начал вопить в монастыре громким голосом. И услышала братия, и все работники, и было в монастыре много разговоров **<**о том>. И сказал старец Иринарх ученику своему Александру: «Что на монастыре гомон великий?» И отвечал ученик: «Никифор обезумел». И повелел старцу взять <его> к себе в келью, и пошел ученик, и взял Никифора в келью, и повелел старец Иринарх возложить на него свой крест честной и привязать к оградке. И ученик его, старец Александр, сотворил по слову старцеву: возложил на него свой крест честной. И пробыл <так> один час, и повелел старец Иринарх снять с него честной крест, и приказал ему лечь на своем месте. И он всю ночь спал кротко, и на утро встав, стал здоров с Божьей помощью и по молитве старца Иринарха, и ушел в дом свой радуясь.

Чудо 5. Об исцелившемся. Некий юноша из села Сущева по имени Анкидин был одержим нечистым духом, и привели его родители к старцу. Старец же Иринарх

возложил на него свой крест честной и повелел ему молиться день и ночь. И господь Бог исцелил его молитвою старца Иринарха, и пробыл у старца три недели, и стал здоров, и ушел в дом свой радуясь.

Чудо 6. Об исцелении от головной боли. Некто из детей боярских по имени Симеон Романов мучился от головной боли, и лежал в постели своей много дней, и прислал купца по имени Григорий Чеполосов к старцу Иринарху за благословением, чтобы дал для благословения крест свой честной. И старец Иринарх послал свой честной крест, и просфору, и благословение. И Симеон Романов честной крест старцев, и благословение, и просфору принял с радостью великой, и молился, и окроплялся водою, и выздоровел. И с тех пор стал глубоко почитать старца Иринарха.

Чудо 7. Об исцелевшей от глазной болезни женщине. У некоего крестьянина по имени Феодор из села Нового на реке на Саре была жена, болевшая глазной болезнью в течение года. Пришел Феодор к старцу за честным крестом, и старец Иринарх дал ему честной крест свой. И пришел в дом свой и, помолившись, семь раз окропил ее водою, и на третий день она стала здорова. И принес он честной крест к старцу Иринарху, и поведал об исцелении своем. И старец ответил: «Бог исцелил по вере ее».

Чудо 8. Об исцелении женщины из города Углича. Некто священник по имени Григорий по прозвищу Пятницкий пришел к старцу Иринарху за благословением. И старец его благословил честным крестом. Он же ушел к себе домой, и когда служил в трапезной молитвенную службу, то в это время пришла к нему одержимая бесом женщина и стала вопить в трапезной. Он же осенил ее крестом, она же умолкла, и священник во второй и в третий раз осенил ее крестом честным по благословению старца Иринарха. И она подошла к священнику и, поклонившись ему, сказала: «Когда ты крестом честным осеняешь меня, — то бесы все из трапезной убегают». И в тот час Бог исцелил ее молитвою старца Иринарха, и стала здорова. Священник, приехав в монастырь к старцу, поведал об исцелении той женщины, и старец приказал ему никому <о том> не рассказывать до тех пор, пока он жив.

Чудо 9. Об исцелении жены от болезни глаз. <Жил> некий подьячий в Москве по имени Петр Лошаков, и была у него очень больная жена. Он же прислал к старцу Иринарху за честным крестом. Старец же дал крест свой честной. Он <подъячий>, отслужив молебен и освятив воду честным крестом старцевым, окропил ее водою, и в тот час выздоровела. И с той поры уверовал в старца Иринарха, и полюбил <его> вместе с женою, и прислал честной крест <обратно>.

И прославил Бог своего страдальца старца Иринарха при жизни его: Бог по его молитвам больных и одержимых бесом исцеляет. И те, кого он благословил, все люди по его благословению жили в благочестии, и дома их не оскудевали по его молитве.

Что в начале написано о рождении и жизни, и от мирской жизни уходе во иноческий образ, о трудах его, и терпении, и о гонениях <на него>, и о посте, и о молитве, и о даре пророчества, и о видении, и о возвещении, и о благословении, и о чудесах, — то повелел мне все это по преставлении своем написать, и святой Божией церкви передать читающим и слушающим для пользы души и на следование добрым делам во славу и в честь Святой Троицы, Отца, и Сына, и Святого Духа, и Пречистой Богородицы. Я же о том сильно удивлялся. Аминь.

О преставлении старца Иринарха. Сей человек праведный и многострадальный

Иринарх призвал нас, своих учеников, и сказал нам: «Братья мои и сопостники! Молю вас: вот отхожу от жизни сей к Господу Богу моему. Молите же за меня Пречистую Богородицу в час смерти моей, да изымут милостивые ангелы душу мою, да избегну я сетей вражеских и воздушных мытарств вашими святыми молитвами, поскольку грешен я. А вы, господа мои, пребывайте после смерти моей в посте, и в молитвах, и в трудах, и бодрствовании, в слезах, а еще — в любви между собою, без ропота, и в послушании, и в покорности. Ибо написано: „Блаженны нищие духом, ибо им принадлежит Царство Небесное. Блаженны плачущие, ибо они утешатся. Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю. Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся. Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут. Блаженны чистые сердцем, ибо они узрят Бога. Блаженны миротворцы, ибо они сыновьями Божьими назовутся. Блаженны изгнанные ради правды, ибо им принадлежит Царство Небесное. Блаженны вы, когда ругают вас и изгоняют, и скажут о вас всякое злое слово, оболгут вас ради имени моего. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика награда ваша на небесах"». И многое другое старец наказал своим ученикам, и наставлял, что служит ко спасению. Ученики же, видя старца при последнем дыхании находящегося, пребывали в великом умилении, и в сетовании, и во многих слезах, и сказали: «О добрый наш пастырь и учитель! Вот уже ныне молим тебя при последнем вздохе на исходе жизни. Теперь же к кому прибегнем, и от кого насладимся медом истекающих слов учения, и кто печься будет о наших грешных душах? Но умоляем тебя, угодник Спасителя, если обретешь милость от Бога после ухода из жизни сей, моли о нас непрерывно Бога и Пречистую Богородицу, как угодно твоей святости, поскольку тебе все наши потаенные страдания известны». И сказал старец Иринарх ученикам своим: «Я отхожу от вас телом, а духом — с вами неразлучен». И еще к тому прибавил: «Если кто начнет обижать вас и притеснять эту мою обитель, свыше данную от Бога, выкупленную прошением игумена и братии, — и их будет судить Бог и Матерь Божия». И дав ученикам прощение, и ради Христа исполнив обряд прощания, стал на молитву, и молился долго: «Господи, Иисусе Христе, Сын Божий! Помилуй меня, грешного, избавь, Господи Боже мой, грешную мою душу от рук князя тьмы и сил владык мира; на воздухе будут держать предо мною свитки, в которых написаны все мои грехи дневные и ночные. Пошли, Господи, милость свою, и сотри, Господи, рукописания эти молитвами Пречистой Владычицы нашей Богородицы, и святой великомученицы Екатерины, и всех святых. И мою душу прими, Господи, ибо благословен вовеки. Аминь».

И отошел к Богу в вечный покой в год 7124 <1616>, в 13 день января, на память святых мучеников Ермила и Стратоника. Преставился раб Божий старец-схимник Иринарх с пятницы на субботу в девятом часу ночи. По благословению и по повелению преосвященного Кирилла, митрополита Ростовского и Ярославского, погребли старца-инока схимника Иринарха Борисоглебский игумен Петр, да отец его духовный священник-монах Тихон, да дьякон Тит, да ученики его: старец Александр, да старец Корнилий. И по его — старца Иринарха — благословению погребен был на указанном им месте, в приготовленной им пещере, которую он своими руками выкопал.

И после старца Иринарха осталось от праведных его трудов по Божьему повелению сто сорок два креста медных, да семь тяжестей плечевых, да цепи железной двадцать саженей на шее было, да оковы железные ножные, да на руках было и на груди оков железных и медных 18, да связанными носил на поясе тяжестей в пуд <весом>, да палка железная, он трудился ею — невидимых бесов изгонял. А было жизни старца Иринарха — по суду Божиему — в этих своих трудах праведных тридцать восемь лет и четыре месяца, а в миру жизни старца

Иринарха — тридцать лет, а всех лет жизни старца Иринарха — шестьдесят восемь лет и четыре месяца.

Я же, дурной, и неразумный, и многогрешный, убоялся быть осужденным, словно ленивый раб, спрятавший сокровище, глаголящий, что «яростен господин мой; жнет, где не сеял, и собирает, где не раскидал», написал вкратце это житие такого человека — многострадального старца Иринарха. Порожден он был благочестивым отцом Анкиндином и матерью Ириной близ города Ростова в деревне Кондаково.

Кто его благословения не принимал, и кого он оставил без заботы? Всех любил нелицемерно по слову Господню: «Любите любящих вас, благословите ненавидящих и клянущих вас», и да прославится в вас великолепное и пресвятое имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь.

О чудесах после смерти его, старца Иринарха.

Чудо 1. У ученика — старца Корнилия — нога болела: раны гноем сочились. И пришел он ко гробу старца Иринарха, помолился, и взял с гроба земли, и начал раны присыпать. И вновь ожил, и зажили раны, и исцелен был молитвами старца Иринарха.

Чудо 2. Об исцелевшем от сердечной болезни. Некий христианин по имени Адриан, живя в келье у него <Иринарха>, разболелся животом, и болел неделю, и приблизился к смерти. И он, Адриан, пришел ко гробу старца Иринарха, и помолился, и взял земли, испил воды, пропущенной через эту землю, и выздоровел по молитве старца Иринарха.

Чудо 3. Некий христианин — Савин из города Ярославля — был болен ознобом. И явился к нему старец Иринарх и сказал: «Савин, возьми старца за руку». И была рука его обессилевшей, и он сказал: «Пойди ко гробу моему и будешь здоров». И в тот же час он почувствовал облегчение, и пришел ко гробу его, и поведал о чуде, и о явлении <ему старца>: он исцеление получил молитвами старца Иринарха.

Чудо 4. Некто старец Моисей из того же Борисоглебского монастыря болен был: словно огнем сжигаем. Двое суток без сна пробыл, а болезнь его к смерти приближала. И некий старец по имени Феоктист пришел его навестить. Он же ему проговорил: «Брат, Богом ты послан ко мне! Пойди к старцу Иринарху на могилу и возьми с гроба его земли». Старец же Феоктист пошел на могилу старца, и взял земли, и дал ему воды, пропущенной через эту землю. Он же тотчас заснул сном желанным и, восстав от сна своего, выздоровел по молитве старца Иринарха.

Чудо 5. Некий посадский человек из города Переяславля по имени Кузьма страдал от головной боли три года, и пришел ко гробу старца Иринарха помолиться, и поцеловал честной крест, и стал здоров в тот же час по молитве старца Иринарха, и пошел домой, радуясь.

Чудо 6. Некая женщина по имени Мария из города Переяславля, жена посадского человека по имени Андрей Басин, впала в немощь — от сильной лихорадки ума лишилась. Ее муж Андрей, сильно скорбя о том, недоумевал, что делать. И пришла ему мысль взять земли с Иринарховой могилы. И пришел он в Переяславль в <монастырь> Николы-чудотворца на болоте к строителю старцу Дионисию, поведал о замысле своем и о болезни жены своей. И сказал старец: «Если хочешь, то так тебе и будет». И дал ему земли с могилы старца Иринарха. Он же взял **<ее>** с радостью, и пришел в дом свой, и дал жене своей пить воду,

пропущенную через эту землю. И жена его Мария в тот же час выздоровела. И придя к старцу Дионисию, Андрей поведал, что Бог по молитве старца Иринарха исцелил от тяжкой болезни жену его. А сам отошел в дом свой, радуясь с женою об исцелении, хвалу воздавая Богу и Пречистой Богородице и страдальцу их — затворнику Иринарху.

Чудо 7. Борисоглебского монастыря слуга по имени Алексей был одержим нечистым духом, и люто страдал, и не говорил, в той болезни <пребывая>. И пришел к нему его родственник, по имени Стефан, навестить, и начал на него смотреть неотрывно. Он же, лежа на постели своей, не мог говорить от великой немощи, только немного пальцем показывал. Он же <родственник> догадался, что посылает к старцу Иринарху взять на могиле его исцеления ради земли. И пошел быстро ко гробу старца Иринарха, помолясь Богу, взял земли, и дал ему испить воды, пропущенной через землю. И был он исцелен молитвою старца Иринарха, и начал говорить со своими родными. Они же очень обрадовались, и прославили Бога, и Пречистую Богородицу, и угодника Христова многострадального чудотворца Иринарха.

Чудо 8. Некий человек по имени Василий из города Кашина был одержим бесами: являлись ему лукавые бесы в облике человеческом, и сбивали его с пути истинного, и отлучали его от веры Христовой, и поганили ему божественные образа — святые иконы и честные кресты, и говорили ему по своей лживости и омерзительной опустошенности: «Молись нам!» И так страдал он от них долгое время, без сна пребывая день и ночь. И был в смятении ума, и услышал об исцелении от святого чудотворца Иринарха, пошел в монастырь Борисоглебский на могилу святого старца Иринарха. И много раз являлись ему нечистые духи по дороге, и пакостили ему, и совращали его с истинного пути, он же страдал от них люто. Пришел в монастырь Борисоглебский по милосердию Божиему в субботу перед вечерней, и пришел к могиле святого чудотворца Иринарха, и начал молиться со слезами. И приложился к честному кресту трудов его, и в тот же час наполнился божественным разумом по молитвам чудотворца Иринарха, и был охвачен великой радостью. Утром же воскресного дня по обычаю пришел ко гробу святого и, молебен отслужив, здоровым ушел в дом свой, радуясь, хваля и славя Христа — Бога нашего, и Пречистую Богородицу, и угодника их чудотворца Иринарха.

Чудо 9. Некий крестьянин по имени Никон был одержим бесами, и люто страдал от нечистых духов, и длилась болезнь его уже тридцать недель. И собрались к нему его родственники, и внимательно смотрели на него, и не могли <придумать>, чем помочь ему. И пришло одному из них на ум привести его в Борисоглебский монастырь к могиле святого чудотворца Иринарха, и посоветовались все его родные заодно о нем, и привели его к захоронению святого чудотворца Иринарха. И начал <некто из монастыря> молиться за него, и благословил его честным крестом — деянием святого, и возложил на него крест честной и цепь, и пробыли с ним сутки, и возвратились восвояси, и его повели в тех тяготах. И был исцелен молитвами святого, и преисполнился божественного разума. И все возрадовались об исцелении его, и воздали хвалу Христу — Богу нашему, и Пречистой Богородице, и угоднику Христову Иринарху.

Чудо 10. Того же Борисоглебского монастыря слуга по имени Михаил был одержим беснованием и люто страдал от бесов. И пришел его отец посетить, и, глядя на него неотрывно, был в великой печали о ребенке своем, и не ведал, что ему делать. И пришло ему на ум вести его к могиле святого чудотворца Иринарха, и привели его к гробу. И начал отец его молиться о нем, и возложил на него честной крест и цепь великих деяний старца Иринарха. И пребывал двое суток, и

выздоровел, и исцелен молитвами святого чудотворца Иринарха.

Чудо 11. Некая женщина, по имени Ирина, из вотчины — близ города Суздаля — боярина князя Семена Васильевича Прозоровского, из села Воскресенского, жена попа Ивана была охвачена тяжким недугом: на груди — язвы огромные, беспрерывно сочащиеся гноем, и от того недуга нисколько приподняться не могла. И есть не могла, едва душа держалась. И дала обет старцу Иринарху идти в Борисоглебский монастырь помолиться и его гробу поклониться. А земля с могилы Иринарховой у меня была. И в нынешнем 7161 <1653> году 7 января та Ирина с той земли испила воды. И призвала в молитве: «Отец, Божий <угодник> Иринарх! Помоги мне в скорби моей, если есть у тебя к Богу дерзновение». И в тот час был ей глас: «Отпали струпья твои от груди твоей». Она же дотронулась до язв своих руками своими и обнаружила себя выздоровевшей от той болезни.

Чудо 12. Некий младенец, по имени Григорий, во время крещения испугался воды в купели и после того страха начал тяжело страдать: младенчески кричал безостановочным криком изо всех своих сил, напрягаясь сильно. И так страдал полгода всякий день беспрестанно, и ночью не засыпая, и пищи лишаясь из-за того страдания. Родители же принесли его ко гробу святого Иринарха, и служили молебен, и тот младенец перестал страдать, умолк от крика и вопля. И заснул спокойно, едва дыша от утомления своего. Утром же младенец тот едва пробудился от сна своего и взял грудь матери своей. И с того времени был здоров и спокоен, и в будущем никак не отразилась на нем та тягота молитвами святого чудотворца Иринарха.

Чудо 13 святого Иринарха. Об исцелевшей женщине. Некая женщина по имени Агриппина, жена Гаврилы из села Коскина того Борисоглебского монастыря, была одержима бесами и жестоко страдала от нечистого духа, не помня дома своего, ни чад своих не узнавая. И начала мужа своего и детей своих избивать. И из-за того лютого недуга была привязана к лавке. И все деньги отдали врачам, и достаток свой истощили, но пользы не обрели. И не знали, что сделать для нее. И собрались к ней ее родные, и внимательно смотрели на нее, и пришло им на ум, и стали говорить про чудотворца Иринарха. И она повела рукою своею, и повелела вести себя к чудотворцу Иринарху. И привели ее к могиле чудотворца, и стали молиться за нее, и благословили ее честным крестом святого трудов, и возложили на нее честной крест. И тотчас выздоровела. И возрадовались все об ее исцелении, и воздали хвалу Христу — Богу нашему, и Пречистой Богородице, и угоднику их и чудотворцу Иринарху, и возвратились с великой радостью восвояси.

Из Хронографа 1617 года

Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова и Е. Г. Водолазкина

ВСТУПЛЕНИЕ

В 1617 г. была создана новая редакция Русского хронографа (о его первоначальной редакции см.: наст. изд., т. 9, с. 234—271). В этой редакции была существенно сокращена часть, повествующая о всемирной истории, а главы, посвященные истории русской, напротив, переработаны и продолжены до 1613 г. — до воцарения Михаила Федоровича Романова.

Из всемирно-исторической части здесь приведены легендарные сведения о

«людѣх дивиихъ». Из раздела, посвященного русской истории, публикуется текст глав Хронографа, в которых рассказывается о царствовании Федора Ивановича, Бориса Годунова и событиях Смутного времени. Как исторический источник Хронограф, разумеется, не идет в сравнение с историческими повестями и публицистическими сочинениями о Смутном времени, созданными по большей части непосредственными очевидцами и участниками событий. Но этот памятник представляет ценность в других отношениях. Во-первых, именно здесь в сжатом изложении содержится вся история Руси за три десятилетия после смерти Ивана Грозного, тогда как другие сочинения освещают лишь отдельные периоды или события. Во-вторых, рассказ Хронографа лег в основу всей последующей русской историографии. Например, неоднозначно утверждается в нем версия о причастности Бориса Годунова к убийству (а не случайной гибели) царевича Дмитрия, дипломатически затушевана неприглядная роль Романовых в политических событиях тех лет, идеализируется слабоумный царь Федор Иванович и т. д. Именно глазами автора Хронографа смотрели на описанные в нем события потомки: распространенный в сотнях списков, Хронограф был чрезвычайно популярен и весьма авторитетен. Наконец, нужно иметь в виду, что приведенные здесь главы Хронографа представляют литературный интерес как образец стиля исторического повествования начала XVII в.

Текст воспроизводится по одному из лучших списков Хронографа редакции 1617г. — рукописи *БАН,* Архангельского собр., № С 139, первой половины XVII в. Поправки сделаны по изданию: Статьи о Смуте, извлеченные из Хронографа 1617 года, и отповедь в защиту патриарха Гермогена в кн.: Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. СПб., 1909 (Русская историческая библиотека. Т. 13, изд. 2-е).

ОРИГИНАЛ

О СТОЛПОТВОРЕНИИ И О РАЗДѢЛЕНИИ ЯЗЫК

Роди же ся от колѣна Хамова[1] мужь муринъ имянем Хусъ.[2] Сей же роди Неурота[3] гиганта. Сей же замысли столпъ здати. И множество убо человѣкъ послушавше совѣта Неуротова и начаша здати столп Халаньский,[4] — превелика и превзята, высотою мало не досяжуща луннаго круга. Тако убо зиждему к высотѣ, и от силнаго вѣтра свержени бываху, инии же приближением солнца сгараху от теплоты. А мѣра столпа того имѣяше высоту и ширину 5433 лакотъ, а Феодоритъ[5] пишет о том столпу, что имелъ 3 версты обояко. Дѣлаему же столпу 40 лѣтъ и еще не совершенъ бысть, и ту размѣси Богъ языки на 70 и единъ языкъ, а вторый языкъ Адамовъ, егоже не отятъ Богъ у Фалека,[6] сына Еверова,[7] зане Еверъ не приложился безумию ихъ. И отъ того Евера еуреи прозвашася. А всѣхъ языкъ на лицы всея земля 72. Сѣ же от потопа до раздѣления языкъ лѣтъ 530, а от Адама до раздѣления языкъ лѣтъ 2772, а родовъ 16. И отселе наречеся мѣсто то Вавилон, понеже ту размѣсишася столпотворцемъ языки, «вавелъ» бо «размѣшение» наричется еурейским языком.

В том убо мѣсте оста Невротъ с подобоязычными ему, и созда градъ, и нарече Вавилонъ, и царствова в немъ. Сей персы научилъ небеснымъ двизаниемъ и звѣздословию, и всякому волъхвованию, видѣ бо на высотѣ столпа звѣздамъ шествие, но не видѣ служебъныя силы, якоже глаголетъ Божие речение: аггели солнцу, аггели лунѣ, аггели звѣздамъ, аггели вѣтромъ и грому, и молнии и прочая.[8] И от сего конечно Неуротъ осуетихся умом, и возмнѣвъ разумѣти Божие творение, еще же и совѣтъ Его покусився тѣмъ разтворити, и счастию

человѣческому строитися от тѣх, слогая, аки бы и не быти самовластию в насъ, но творити намъ все зло по нуже, от сихже да свободитъ Господь Богъ вѣрныхъ своих. «Кто бо, — рече пророк, — умъ Господень разумѣ или кто совѣтникъ Ему бысть?»[9] Звѣзды бо во свое время сотворены, а не с нами: мы же потомъ, а не со звѣздами.[10]

Другий же внукъ Хамовъ, Месремъ,[11] вселися во странѣ Египетстей, и по его имяни Египетъ нареченъ бысть, «Месремъ» бо еурейскимъ языкомъ «Египетъ» глаголется. Сии убо Неуротъ и Месремъ первие начаша царствовати и земными человѣки владѣти.

О РАЗМѢШЕНИИ ЯЗЫКЪ И ПРОЧЕЕ. ГЛАВА 11

По столпотворении убо и размѣшении языкъ начаша быти мнози человѣцы на земли, и не точию же размѣсишася гласы и языки ихъ, но и образы ихъ измѣнишася, и нравы и обычая ихъ размѣсишася. Се же все бысть, яко да явятся в нихъ дѣла помышления ихъ, зане много лукавъствоваша на Бога, Творца своего, и заблудиша дѣлы своими. Сего же ради и приуподобишася звѣремъ и скотомъ дивиимъ, тако бо и образы ихъ, и жилища ихъ явишася.[12] Отпусти бо ихъ Богъ по начинанию сердецъ ихъ, и поидоша в начинаниихъ своихъ.

О САТЫРЕХЪ

Есть люди, глаголемии сатыри. Жилище ихъ в лесахъ по горамъ, а хожение ихъ скоро. Егда текутъ, никтоже можетъ постигнути ихъ. А ходятъ наги, а живутъ со звѣрми, а тѣлй ихъ обростли власами, а языкомъ не говорятъ, токмо гласом кричатъ.[13]

О АНДРОИНАХ[14]

Люди, имянуемии андроини, а живутъ они во Фритской земли,[15] а имѣютъ у себя плоть половину страны мужьскую, а другую женьскую: у всяково человѣка правой сосокъ мужьской, а лѣвой сосецъ женьской.

О АРИМАСПАХ[16]

Люди аримаспи живутъ в далныхъ земляхъ Татарскихъ,[17] а имѣютъ по одному глазу, или оку, а воюются съ грифы за жемчюгъ и злато.

О АСТРОМОВЕХЪ

Люди астромове, или астонии,[18] живутъ во Индийской земли. Сами мохнаты, без обоихъ губъ. А питаются от древъ и корения пахнучево и от цвѣтовъ, и от яблокъ лесныхъ, а ни пьютъ, ни ядятъ, толко нюхают. А покамѣста у нихъ тѣ запахи есть, потамѣста и живутъ.

О АТАНАСИИ[19]

Люди есть атанасии, живутъ на полунощии Окияна моря. Уши у них столь велики, что покрывает ими все свое тело.

О ПОПОДЕСѢХЪ[20]

Люди поподеси живутъ надъ моремъ Окияномъ. Главы у нихъ человѣчьи, а руки и ноги, какъ коньские ноги, а ходятъ на всѣхъ четырех ногахъ.

О НЕУРИЛАХ[21]

Люди неурили живутъ в далныхъ Татарскихъ землях, а имѣютъ обращатися из человѣка в волка, а из волка паки в человѣка.

О ПИЛМЕЯХЪ[22]

Люди есть, зовоми пилмеи. Живут во Индийскихъ земляхъ, ростом невелики: толко лакти единого;[23] и недолговѣчны: толко по 8 лѣтъ вѣкъ ихъ. А жены ихъ родятъ в пятой годъ, а дерутся с жаравлями о корму, а ѣздятъ на козлахъ, а стреляюъ из луковъ.

О КАТАИНАХ[24]

Люди, зовоми катаини, живутъ в Сикилийской странѣ под горою имянемъ Етна. Тѣ люди велики, как волотове. А имѣютъ по одному оку, а иные слѣпы, а мнят, что и нѣтъ на земли такихъ людей, чтобы у нихъ было по два ока. А родомъ тѣ люди добрѣ хороши, а молятся солнцу и месяцу.

О ЩИРИТАХ[25]

Люди щиритове живутъ в Татарской землѣ, без ушей, толко лише диры за ушей мѣста.

О ТРОГЛОДИТАХ

Люди троглодиты живутъ во Фридской странѣ по горамъ, а ядят змей.

О МАНТИКОРАХ[26]

Люди мантикоры живутъ во Индийскихъ странахъ, зубы у нихъ в три ряды, главы у нихъ человѣчии, а тѣло лютово звѣря.

О МОНОМЕРАХ

Люди, мономери зовоми, а инде — монокули,[27] об одной ногѣ, а коли солнце печетъ, и онъ можетъ покрытися ногою, какъ лапою.

О ПОТАМИЯХЪ[28]

Люди, зовоми апотамии, ходятъ на ногахъ и на рукахъ. Брады у них долги. Половина человѣка, а другая конь. А у жон ихъ власовъ на главахъ нѣтъ, а живутъ в водѣ.

Много же и иныхъ всяким чюднымъ родствомъ, как во Фрицких и во Индийскихъ и в Сирскихъ странахъ: у иныхъ песии главы, а иные без главъ, а на грудѣхъ зубы, а на лактяхъ очи, а иные о дву лицахъ, а иные о четырех очех, а иные по шти рогъ на главахъ носятъ, а у иныхъ по шти перстовъ у рукъ и у ногъ, а всѣ тѣ люди на вселенную пошли от единаго человѣка, рекше Адама, и за умножение грѣховъ тако ся учиниша. Можемъ разумѣти то от жены Лотовы[29] и от прочихъ, ихже множество окаменѣша <...>.

ЦАРСТВО ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ФЕДОРА ИВАНОВИЧА[30] ВСЕА РУСИ

В лѣто 7092 по царѣ и великомъ князе Иване Василиевиче всея Руси Руси восприимъ скифетро Росийскаго царствия благородный сынъ его, государь царь и великий князь Феодоръ Ивановичь всея Руси. Тогда во всемъ царствии его благочестие крѣпцѣ соблюдашеся, и все православное христианство без мятежи и в тишинѣ пребывающе и другъ со другомъ свѣтло и радостно ликующе. Ему же всечестная и предобрая бысть супруга, царица и великая княгини Ирина, дщерь нѣкоего от велможъ велика болярина имянемъ Феодора Годунова,[31] яже всѣми благонравными добротами точна бысть и тезобытна Еудокие царицѣ,[32] супрузѣ Феодосия Юнаго, царя греческаго. Благородный же и боговенчанный государь царь и великий князь Феодоръ Ивановичь, всея Руси самодержецъ, не точию убо в

тѣлесныхъ добротахъ сияше, но и душу мужъствену являя и благодатьми свѣтящуюся отвсюду, правдою и целомудриемъ, чистотою же и смиреномудриемъ присно украшающе себе, лсти же и лукавъства и всякаго зла отнюдъ всяко ненавистенъ бысть и сихъ *весма* удаляася и не храня вражды всякия, ниже злобѣ или гнѣву во сердцы своемъ мѣсто даяше, но ко всѣмъ бысть всегда тихъ, милостивъ и кротокъ. Воистинну, аще кто речетъ и не погрѣшитъ: ограда бысть многихъ благъ, яже водами Божиими напаяема, или рай одушевленъ, иже храня благодатная садовия. И тако ему пребывающу и царство державы своея присно неволнуемо снабдевающе, понеже окрестнии языцы без *кровопролития* вси повинующеся и служити ему покоряхуся, и дары любочестия приношаху ему. Прежереченный же благовѣрный боляринъ Никита Романовичь[33] не по мнозе времени отиде ко Господу, и по немъ ближний приятель бысть государю царю и великому князю Феодору Ивановичю всея Руси и правитель державы его бояринъ и конюшей Борисъ Федоровичь Годуновъ, братъ царицы и великия княгини Ирины Федоровны, иже государю царю и великому князю Феодору Ивановичю шуринъ бысть. Не бывает же убо никто от земнородныхъ безпороченъ в житии своемъ: аще и зело проразсудителное к народомъ мудроправльство показа, но обаче убо и царстей чести зависть излия. И сего ради не точию ближних и сродныхъ цареви от царъствующаго града Москвы отгнати сотвори, но и честь царскую всяко на ся привлече и во всемъ державному точенъ творяшеся.

В лѣто 7093 государь царь и великий князь Феодоръ Ивановичь, всеа Руси самодержецъ, дастъ во одержание брату своему, царевичю князю Дмитрею Ивановичю, градъ Углечь с пригородки и со уѣзды его и повелѣ ему тамо быти и съ материю своею, царицею Марфою. Глаголютъ же нѣцыи, яко тако быти повелѣ государь царь и великий князь Феодоръ Ивановичь всеа Руси совѣтомъ шурина своего Бориса Федоровича Годунова.

В лѣто 7094-го премудрый граматикъ Дионисий, митрополитъ Московский и всея Руси, да князь Иванъ Петровичь Шуйский и прочии от болшихъ бояръ и от вельможъ царевы полаты и гости московские и всѣ купецкия люди учиниша совѣтъ и укрепишася между себе рукописаниемъ бити челомъ государю царю и великому князю Феодору Ивановичю всея Руси, чтобы ему государю вся земля царския державы своея пожаловати, прияти бы ему вторый бракъ, а царицу перваго брака Ирину Федоровну пожаловати, отпустити во иноческий чинъ. И бракъ учинити ему царьскаго ради чадородия. И таковый совѣтъ увѣдавъ, шуринъ царевъ Борисъ Годуновъ и, присовокупивъ к себѣ многими дары змиеобразныя лсти злыхъ совѣтниковъ и люто, аки звѣрь, растерзаетъ сихъ совокупление: Дионисия митрополита со престола Московския митрополии отгна и повелѣша ему быти в манастырѣ у Спаса на Хутыне, а на его мѣсто возведенъ бысть на престолъ Московския митрополии Иевъ смиреномудреный. Тогда же и князь Ивана Петровича Шуйсково в далныя отоки сосла и съ братиею его и тамо злѣ уморити повелѣ. Такоже и прочихъ чиновъ всякихъ, митрополичьихъ и княжих совѣтниковъ, аки буря зелная размета.

В лѣто 7094 государь царь и великий князь Феодоръ Ивановичь, всеа Руси самодержецъ, повелѣ на Москвѣ дѣлати градъ каменной[34] около Болшово посаду, подлѣ земляные осыпи, а дѣлали его 7 лѣтъ, и нарекоша имя ему Царевъ град, а мастеръ былъ русъскихъ людей имянемъ Конь Феодоровъ.

В лѣто 7096-го приде к Москвѣ Иеремий, патриархъ Константина града, и с нимъ митрополитъ, да два епископа, и благословилъ и поставил на Москвѣ митрополита Иева патриархомъ[35] первымъ в Московскомъ государьствѣ, а в Великомъ Новѣграде поставиша архиепископа Александра первымъ митрополитомъ Великому Новуграду, а Ростову — Варлама, третиаго

митрополита — в Казань, а четвертаго — на Крутицы.[36]*

Того же лѣта государь царь и великий князь Феодоръ Ивановичь, всеа Руси самодержецъ, ходилъ воевати на нѣмцы ливонския,[37] и нѣмцы учиниша миръ со государемъ и отдаша ему московския грады: Иваньградъ, и Яму и Копорию. Тогда же под *Ругодивомъ**[38]*** на приступѣ убиша нѣмцы государева воеводу князя Ивана, Юриева сына, Токмакова.

В лѣто 7099, июля 20, приходилъ под Москву крымской царь со многими людми и стоялъ на Котлѣ[39] два дни. Государь царь и великий князь Феодоръ Ивановичь всеа Руси послалъ воеводу своего шурина Бориса Федоровича Годунова и с нимъ воеводъ и людей многихъ. И крымской царь съ людми московскими дѣла не поставилъ и побежалъ от Москвы посрамленъ.

Того же лѣта, маия въ 15 день, на память преподобнаго и богоносного отца нашего Пахомия Великаго убиенъ бысть благовѣръный царевичь, князь Дмитрей Ивановичь,[40]иже на Углечѣ, от *Микитки* Качалова, да от Данилки *Битяговсково.* Мнози же глаголаху, яко еже убиенъ благовѣрный царевичь князь Дмитрей Ивановичь Углецкой повелѣниемъ московъского болярина Бориса Годунова.

О злое сластолюбие власти! О звѣре страшный, иже вся поядая и отончевая и останки ногами изтребляа, ни милости внимая, ни будущаго прещениа помышляа! Не щадитъ сродныхъ, ни устрашается великородныхъ, ни милуетъ старости, не умиляется о юности, но аки злый вранъ, иже злобою очерненый, доброцвѣтущую вѣтвь благоплоднаго древа сокруши и пагубу злу велию учини!

В лѣто 7106, генваря въ 7 день, угасе свѣща страны Русьския, померче свѣтъ православия, государь царь и великий князь Феодоръ Ивановичь, всея Руси самодержецъ, приемлетъ нашествие облака смертнаго, оставляетъ царство временное и отходитъ в жизнь вѣчную. Былъ на государьствѣ 13 лѣтъ и 7 мѣсяцей и 10 дней. Отрасли же сродства своего не оставилъ по себѣ, и тако русьскихъ царей родъ конецъ до здѣ ста.

Благословилъ же и приказалъ быти по себѣ на престолѣ Московскаго государьства Русьскиа земли братаничу своему по матери Феодору Никитичю Романова,[41]племяннику родному благовѣрныя царицы и великия княгини Анастасии, матери своея. Обаче же козниюю лукавою и предъкновениемъ московскаго болярина и конюшево Бориса Годунова таковаго дара получити не сподобился, еще же и *злострадательствомъ* злѣ пострада, о нем же впреди речено будетъ.

ЦАРСТВО БОРИСОВО, ЕЖЕ ОТ СУНКЛИДСКАГО САНУ, РЕКОМАГО ГОДУНОВА

В лѣто 7106-го по царѣ и великомъ князѣ Феодорѣ Ивановиче, всея Руси самодержце, приемлетъ скифетродержство великия Руси государьства шуринъ его Борис Федоровичь. Той бо от сродничества своего имяновашеся Годуновъ, иже *хитростными* пронырствы престолъ царства великия державы Русьския возхити и самодержецъ наречеся.

Сей убо государь царь и великий князь Борисъ Федоровичь во свое царство в Русийскомъ государьствѣ градовъ и манастырей и прочихъ достохвалныхъ вещей много устроивъ, ко мздоиманию же зело бысть ненавистенъ, разбойства и татьбы и всякаго корчемства много покусився, еже бы в свое царство таковое неблагоугодное дѣло изкоренити, но не возможе отнюдь. Во бранех же *неизкусенъ* бысть: время бо тому не настояше. Оруженосию же не зело изященъ, а естествомъ свѣтлодушен и нравомъ милостивъ, паче же рещи и

нищелюбивъ. От него же мнози доброкапленыя потоки приемльши и от любодаровитыя его длани в сытость напитавшеся. Всѣмъ бо неоскудно даяние простираше, не точию ближнимъ и своимъ и сыновомъ русьскимъ, но и странным далнымъ и иноплемянным, аки море даяния и езеро пития разливашеся всюду, яко камения и древа и нивы вся дарми его упокоишася. И тако убо цвѣтяся, аки финикъ листвиемъ добродѣтели. Аще бы не терние завистныя злобы цвѣтъ добродѣтели того помрачи, то моглъ бы убо всяко древнимъ уподобитися царемъ, иже во всячественнѣмъ благочестии цвѣтущимъ.

Но убо да никтоже похвалится чистъ быти от сѣти неприятелственаго злокозньствия врага; понеже и сей перстною плотию недуговаше и жизнь суетнаго сего свѣта зело возлюби и к себѣ вся приправливая, и аки ужемъ привлачаше. Сего ради и от клевещущихъ нѣкия извѣты нечестиваго совѣта на неповинныя въ ярость суетно приимаше. И сего ради на ся от всѣхъ Русьския земли чиноначалниковъ негодование наведе, и многихъ напастныхъ волнъ злобурнии вѣтри возсташа на нь и доброцвѣтущую его царства красоту внезапу низложиша.

В лѣто 7107-го повелѣниемъ государя царя и великаго князя Бориса Федоровича всея Руси поставленъ бысть градъ в поле близъ Крыму на татарской границе, а ставилъ его Богданъ Бѣльской.[42] И нарекоша имя ему *Новой Царевъ градъ Борисовъ.*

В лѣто 7109-го преставися в Великомъ Новѣградѣ Варламъ митрополитъ, и на его мѣсто поставиша Великому Новуграду Исидора митрополита, а былъ игуменъ святыхъ чюдотворцовъ Изосима и Саватии Соловецкия обители.

Тогда же на Москвѣ от нѣкиихъ мужей злохитрыя козни на ничтоже повиннаго Феодора, реку, Никитича, великаго московъскаго болярина соплеташеся. Желаниемъ же и повелѣниемъ царя и великаго князя Бориса глаголють быти сему составлению, понеже издавна царь Борисъ нося язвы в души лукавыя, аще и образомъ коварнымъ являшеся кь нему свѣтлодушенъ и любителствователенъ, внутрь же уду имый великъ огнь ненависти. Бѣ бо ему мысль от сѣмени своего воцарствити на престолъ царства Руськаго и сего ради царския породы вѣтвь сокрушити помысли и изверже злый совѣтъ, аки ехиднино рожение. Осужаетъ убо того и посылаетъ в Поморския страны и тамо его пострищи повелеваетъ во обители преподобнаго отца нашего Антония Сискаго. Таже и братию его, с ним же и сына его Михаила, еще бо ему тогда зело сущу юну. Он же таковыя великия бѣды со всякимъ благодарениемъ в подвизѣ своемъ претерпѣвая и от случающихся ему не изнемогая, но о всемъ на всесилнаго Бога уповая и иноческаго образа одеяние паче царския багряницы возлюби.

Того лѣта грѣхъ ради нашихъ гладъ бысть великъ по всей земли Рустей. А насталъ гладъ тотъ съ августа мѣсяца и наста съ сентября 7110 лѣта, и многое безчислено множество от того гладу измроша людей. Ядуще же тогда и мнози псину и мертвечину и ину скаредину, еяже и писати нелѣть. А ржи четверть купиша тогда по три рубли и выше. И от того времяни начаша на Москвѣ и во всѣхъ городехъ русьскихъ всякое жито четвериками покупати, а четверикъ имянуется осмая доля четверти, а четвертая доля осмины. Тѣми же четвериками торговати и мѣрити навыкоша. А прежние мѣры, которые имянуеми четверти, то бывало четвертая доля бочки или кадки, то же и оковами зваху: оковаху бо по верху тоя кади желѣзнымъ обручомъ для тово, чтобы нелзя ея урѣзати, а осмину имяновали осмую доли бочки. А бочку или оковъ купливали по три алтына и по гривне, а коли дорого, ино и по пяти алътынъ.

В лѣто 7111-го бысть грѣхъ ради нашихъ моръ лютъ зело во граде Смоленску и во

странахъ его. И толико множество помроша людей, елико и погребати не успеваху ихъ.

Тогда же и ино велие зло разсыпася по земли Рустей и, аки облакъ злодыхательныя темности, от страны зовомыя Сиверския[43] приде и пред очима всѣхъ излияся и над главою Бориса царя ста и тако скрежетомъ смертнымъ возгремѣ ему. Что же убо сие, повѣмъ сице.

О РОЗСТРИГЕ

Нѣкто убо бысть от поселянскихъ жителей Галическия страны служивых людей сынъ боярской, имянемъ Григорий, по прознаменованию Отрепъевъ. Сей возхотѣ преже мнихъ быти и в чину дияконства учинися. И потомъ предста ему темномудрый духъ и вложи в сердце его нѣкими беснователными мечты развратное помышление, во еже убо назватися ему царскою отраслию, царевичемъ Дмитреемъ Ивановичемъ Углецкимъ. И таковымъ имянованиемъ ложнымъ шедъ преже в Литву и тамо лукавымъ своимъ мудрованиемъ всѣхъ прооманилъ. И потомъ простоокия люди русьския прелстилъ и царя московскаго Бориса злѣ изверже, и царство сице возхити. Отиде убо с Москвы в землю Полскую и Литовскую во образѣ нѣкоего пилигрина, сирѣчь калики, и тамо сверже с себе мнишеское одеяние и диаконьский чинъ попра. И навыче языка полскаго и волъхвования цыганскаго и всякаго чародѣйства бесовъскаго. И потомъ творяшеся аки къ смерти болѣзновати, и призва к себѣ латинъския вѣры попа, показуя себе, аки изповѣдь творити ему. И тогда сице глаголаше ему: «Отче! Аще — рече — лучит ми ся умрети здѣ, в земли вашей, молю тя, да погребеши мя царски: сынъ бо есмь царя московъскаго Ивана Василиевичя, всея Руси самодержца».

Слышав же латинанинъ повѣдаетъ великому пану Юрию Сардаминскому.[44] Сей же — Жиггимонту, королю польскому. И непщева быти сему истиньству. И сего ради прилежа о немъ со всякимъ ласкосердиемъ, и обещеваетъ же и дщерь свою в жену ему, имянемъ *Марину[45]* егда будетъ на престолѣ Московъского государьства. И вдасть ему многое сокровище, еже раздавати ратнымъ людемъ и доступати государьства Московскаго. И тако, собрався съ людми многими польскими и литовъскими, и приде в Киевъ, приятъ грады порубежныя: Черниговъ, и Путимль, и Стародубъ. И обвлада страною Московския земли, и глаголемою Сиверою, и прельсти многия люди русьския. Мнози же и с Москвы от дворянъ и боляръ и от всякихъ чиновъ подыхаша о немъ: мняху бо, яко той есть, имже пронарицается. Царь же Борисъ, слышавъ великую бѣду сию, паче же увидѣвъ, зело ужасеся и бысть прискорбенъ, зане уразумѣвъ, яко фиялъ гнѣва ярости Господня на нь изливашеся. И сего ради бысть зело прискорбенъ, потом же и болѣзненъ, таже и смертенъ.

В лѣто 7112-го государь царь и великий князь Борисъ Федоровичъ, всея Руси самодержецъ, преставися маия въ 13 день, во иноцехъ Боголѣпъ. Былъ на Московъскомъ государьствѣ 7 лѣтъ и 6 мѣсяцъ, а всего поживе 53 лѣта. И по немъ сяде на государьство Московъское сынъ его Федоръ Борисовичь.

ЦАРСТВО ФЕОДОРА БОРИСОВИЧА ГОДУНОВА

Того же лѣта по царѣ и великомъ князе Борисѣ Федоровиче всея Руси сяде на Московъское государство сынъ его Феодоръ Борисовичь, тогда ему сущу лѣтъ 16. Аще убо и юнъ сый лѣтными числы бысть, но да смысломъ и разумомъ многихъ превзыде сѣдинами совершеныхъ: бѣ бо зело изъученъ премудрости и всякаго философскаго естествословиа наказан и о благочестии же присно упраздняшеся, злобы же и мерзости и всякаго нечестия отинудъ всяко ненавистенъ бысть.

Тѣлесною же добротою возраста и зрака благолѣпною красотою, аки кринъ в тернии паче всѣхъ блисташеся. Аще бы не тартарный мразъ цвѣтъ благородия его раздробилъ, то мнѣлъ бы убо быти того плоду потребна всячественому добру.

Но уже мнози тогда возмутишася от прелести кровояднаго лвичнаго *щонка* Розтриги, егоже рѣхъ преже Григория Отрепъева, иже всѣмъ в Руси тишину жития, аки лютая буря, возмути и сего непорочнаго царя, блаженаго, реку, и предобраго отрока Феодора Борисовича, аки недовозрастъшаго красноцвѣтущаго финика, немилосердныма рукама отторгнуша, не точию от престола царскаго, но и от жития сего, аки лютый звѣрь, иже спяй в горахъ, возхити. С великимъ бо стремлением сей Розстрига пламень ярости изпусти и, аки вепрь из дубравы многодревныя, на Московъское государьство со многими людми польскими и литовскими и с клятвопреступники русьскими борзыми *ногама* наскочи и вся грады Русьскиа страны и мѣста ово убо лестию, ово же и озлоблениемъ тяжкимъ поработи. Благороднаго же и благовѣрнаго московъскаго государя царя Федора Борисовича злолютою смертию осуди, его же и съ материю удавити повелѣ. Точию два мѣсяца бысть на Московскомъ государьствѣ после отца своего Бориса, вмалѣ царския державы насладися. И тако блаженный, аки тихъ овенъ, на ничтоже злобу имущъ, скончася. О нем же мнози от народа тайно во сердцахъ своихъ возрыдаша за непорочное его житие, но от избавляющихъ ему ни единъ обрѣтеся: «Въ день бо ярости, — рече, — не ползуетъ имѣние».

ЦАРСТВО РОЗСТРИГИ, ГРИГОРИЯ ОТРЕПЪЕВА, ИЖЕ ЛЖЕЮ ОТ ЛУКАВАГО ВЗЯТЪ НА СЯ ИМЯНОВАНИЕ НОВО ЦАРЕВИЧА КНЯЗЯ ДМИТРЕЯ УГЛЕЦКАГО

В лѣто 7113-го по царѣ и великомъ князе Феодоре Борисовиче возхити престолъ Русьскаго царства розстрига Григорей Отрепъевъ преже бывый черной диаконъ, иже лжекозньствено имяноваше себе царевича князя Дмитрея Углецкаго, сына великаго государя московскаго, царя и великого князя Ивана Василиевича всея Руси, иже зависти ради царьства убьенъ от бысть от злыхъ крамольниковъ на Углече, о немже писахъ в царствѣ блаженныя памяти Феодора Ивановича.

Сей же бысть от родства не славныхъ, ни великородныхъ, но от послѣднихъ людей служивыхъ в чину дѣтей бояръскихъ. Бысть бо убо человѣкъ зломыслъственъ, речениемъ же многословенъ и ко книжному прочитанию борзозрителенъ, но не на благо, нравомъ же лукавъ и скверноуменъ, и естествомъ плоти зело незраченъ и скупоростенъ, а сердцемъ лютъ и свирѣподушенъ, и изполненъ всякаго пронырства лукаваго и бѣснования, ядовитъ злобою, аки смертодыхателная скорпия, яже зрѣниемъ уморяа многия. Глаголаша же о немъ мнози, яко по всему уподобитися ему нравомъ и дѣлы скверному законопреступнику, нечестивому мучителю царю Иулиану,[46] иже съ бѣсы волъхвуя и вся проклятыа вѣры похваляа, а на православное христианство лютое мучительство простирая и хваляся на все страны греческия, еже погасити в ней Христово благочестие и святыню его изтнити. Но не попусти ему Христова сила конечно сего сотворити.

Такожде и сей мерзоядный вепрь, оставивъ убо благочестивыя вѣры свѣт и поправъ великий чинъ диаконьский, и свергь с себе свѣтлое одеяние иноческое, и вѣру православную, юже утвердиша седмью святыми вселенскими соборы[47] богоносивыи отцы, сию поноси. Глаголаше же: «А что то за соборы, соборы? Ино то соборы? Мощно, — рече, — быти осмому или и девятому собору». Такожде и о латинахъ глаголаше, яко нѣсть порока в нихъ, единако все: якоже вѣра латинская, такожде вѣра и греческая. Поя же и жену себе некрещену латинския вѣры из Литвы, дщерь Юрья, пана Сердаминсково, и наведе с собою из Литвы в Московъское государьство множество людей польскихъ и *литовскихъ.* И

бысть тогда от нихъ всѣмъ рускимъ людемъ великое гонение и насильство и поругание всяко, понеже онъ обещевался имъ, что ему в Русьскомъ государьствѣ во всемъ воля ихъ творити и вѣру ихъ ввести и всяко утвердити. И сего ради на правовѣрныя воздвизая пламень ярости и хваляся, аки злодыхательная буря надымаяся, изстнити хотя в земли Рустей Христово благочестие, якоже Иулианъ.

Но возбрани ему всемогущаго Бога непобѣдимая Христова сила, и неистовое его стремление въскорѣ сокруши и изщезновениемъ возрази. Не во мнозе времени власти насладися, и внезапу бо убо возшумѣша многочисленаго народа волны, и вси велможи, князи и боляре и державнии земли, разъярившеся на мерзость его и, пришедши в полату, убиша его мечи[48] и единомысленыхъ с ним полскихъ людей и литовскихъ множество избиша, а прочихъ, вмале оставльше, во своя ихъ отпустиша рекше в Литву и в Полшу. Розстрига же гнусодѣтелный и руцѣ убиствомъ оскверни и кровь християномъ многую пролия, но вмале власти насладися, точию царствова 11 мѣсяцъ. И по немъ сяде на Московъское государьство князь Василей Ивановичь Шуйской.[49]

При сего царствии мерзостнаго розстриги от многихъ лѣтъ собранная многочисленая царская сокровища Московъскаго государьства изтощишася, понеже онъ нескуднымъ богатьствомъ польскихъ людей ратныхъ и литовъскихъ наполни. Даваше бо всѣмъ имъ многобогатное дарование, златомъ и сребромъ и многоразличными вещми драгими сихъ руцѣ изполняа, потом же и соигрецемъ и всякимъ глумотворцемъ и женамъ гнусодѣлателным и отрочатомъ изъстощи.

При сего же царствии много благородныхъ мужей и благоговѣйныхъ мучени быша и венчашася, иже обличающе его, еже онъ не царевичь князь Дмитрей, но розстрига, бывый чернецъ и диякон, Гриша Отрепъевъ, понеже мнози знаху его родъ и житие. И сего ради многих умучи, а иныхъ во изгнание и в темницы осуди. Блаженаго же и смиреномудренаго, медоточныя сладости источника, Иева патриарха ругателно от престола великия церкви отринути повелѣ и отгна и на его мѣсто возводитъ на престолъ единомысленаго себѣ Игнатия патриарха,[50] родомъ страны Италийския, а вѣры — не вѣмъ греческия, не вѣмъ латинския, едино вѣмъ, еже православия догматы не изъстово изполняюще и творяще.

При сего же царствии бысть убо нѣкое и благотворимо дѣло, о нем же нынѣ и слово предложити хощу, аще ли и не от еговыа родныя доброты содѣяся сие, но Божиими, имиже вѣсть, судбами спасаетъ вся. Бываетъ бо по случаю и пелынная лютость врачевания ради недугъ в достохвалныхъ словесехъ приобношается. Такоже и от сеговыя злобы произыде доброта вины ради сицевы. Понеже сей, егоже реку Розстрига, хотя убо к народомъ во лсти своей показатися, иже онъ есть царьский сынъ, имже и пронаречеся, и сего ради вся благородныя и великославныя от заточениа и изъ темницъ изводитъ и со всяцѣми почестьми в древнее достоиньство в царствующий градъ Москву возвращаетъ всѣхъ тѣхъ, которыхъ царь Борисъ многозавистныя ради злобы изгна и заточи, понеже наслѣдию своему о царствовании упраздняшеся и сего ради всѣхъ, иже была искръ царския крове родове, аки доброцвѣтущия вѣтви, сихъ немилостивно изкореняюще. Непщеваше бо хитрокозньствованиемъ воцарствитися и не возпомянулъ глаголющаго, яко Господь выситъ и низитъ, и даетъ царство емуже хощетъ.

Тогда же и Филаретъ, великий старецъ, со сыномъ своимъ Михаиломъ Феодоровичемъ и со братом своимъ Иваномъ Никитичемъ от Поморских странъ из заточения приде. Иже сей великий старецъ, егоже рѣхъ Филаретъ, бысть в мире на Москвѣ болший бояринъ Феодоръ Никитичь, о немже писахъ и преже, братъ двуродной по царице Анастасии государю царю и великому князю Феодору

Ивановичю, всея Руси самодержцу. Его же тогда едва священнымъ соборомъ умолиша и поставиша его митрополитомъ Ростову граду и Ярославлю.

ЦАРСТВО ВАСИЛИЯ ЦАРЯ ПО ПРИНАРОКОВАНИЮ ШУЙСКАГО

В лѣто 7114-го по царствовании розстригинѣ сяде на Московское государьство царь Василей Ивановичь, глаголемый Шуйской, иже бысть от сродства князей суздалскихъ. Суздальския же нарицахуся вины ради сицевы. Были два сына у великаго князя Ярослава Всеволодича, внука Георгиева Долгоруково, правнука Владимера Монамаха, праправнука Всеволода Ярославича, сына Владимерова великаго Киевъскаго, крестившаго всю землю Рускую. А былъ болшой сынъ у великаго князя Ярослава Всеволодича князь великий Александръ, глаголемый Невъский, иже княжилъ в Володимерѣ, ту же и положенъ бысть во обители Пречистыя Богородицы, честнаго ея Рожества. От него же родися князь Данила Московской и прочии по роду степеньми. А другой былъ сынъ князь Андрѣй Ярославичь, меншей братъ Александру Ярославичю Невскому. И тотъ былъ на великомъ княжении Суждалскомъ, а по немъ седѣлъ сынъ его князь Василей Андреевичь, а у князя Василия былъ сынъ князь Константинъ, а у князя Константина князь Дмитрей. Тотъ былъ на великомъ княжении новогородскомъ. А у князя Дмитрея — князь Василей Кирдяпа, а у князя Василиа Кирдяпы — князь Юрий, а у князя Юрия — князь Феодоръ, а у князя Феодора Юриевича, у Кирдяпина вънука — князь Василей Шуйской, а у князя Василия Шуйсково — князь Иванъ, а у князя Ивана дѣти — князь Андрѣй да князь Петръ. И сихъ сродства — царь[51] и великий князь Василей Ивановичь всея Руси.

О ПОСТАВЛЕНИИ *ГЕРМОГЕНА* ПАТРИАРХА

Тогда же повелѣнием государя царя и великого князя Василия Ивановича всея Руси и совѣтомъ всего священнаго собора Игнатия патриарха, егоже без священныхъ рукоположений возведе на престолъ Розстрига, сего вдаша в Чюдовъ монастырь под начало, яко совершено навыкнетъ благочестивыя вѣры, яже во Христа Бога. А на престолъ патриаршеский возведенъ бысть Гермогенъ, казанский митрополитъ. Аще и Иеву патриарху тогда еще живу сущу, но не возвратися на свой престолъ, понеже доброзрачная зѣница потемнѣста и сладостный свѣтъ от очеси его взятся от него.

О ЗЛОМЪ РАЗВРАТНИЦѢ ПЕТРУШКѢ[52] И О ПРОЧИХЪ МЯТЕЖНИКАХЪ

Мало убо нѣкое время людие почиша от ратныхъ поль и немного упокоишася от оружнаго изострения. Паки розстригины стаибники воздвизаютъ крамолы, паки во грады вся наводят бѣды, паки бѣдно возмущаютъ народы. Се другое зло приде, другий звѣрь подобенъ первому явился не образом, но дѣлы!

Во граде убо Путимлѣ и во всѣй землѣ Черниговския страны инъ нѣкто прелукавый змий возста имянемъ Петрушка, казаческой товарищь, родом звенигородецъ, художествомъ гончар. Сей ложныя лжи ложъ называя себе сыномъ царевича Ивана Ивановича, коего и не бывало, а Розстригу называетъ себѣ дядею и глаголетъ его быти жива. И таковаго ради *ложного* зvателства его всѣ люди страны тоя прияша его, по сих же и сивѣриане и вси мятежницы, иже во время власти розстригины локнуша крови християньския; сии вси приложишася к нему и, пришедше, обвладаша грады многими и мѣсты Шатъскими и Рязанскими, и достигоша даждь и до самого царствующаго града Москвы, егоже непобѣдимая держава, Христа Бога нашего десница, от толикия бѣды преславно избави и свободи молениемъ и заступлениемъ Пречистыя его Богоматери и, иже в Рустей земли пресвѣтло сияющихъ великихъ святителей и чюдотворцовъ Петра, и Алексея, и Ионы, и святаго новаго почестоносца Христова и чюдотворца

царевичя князя Дмитрея Углецкаго, о немже сице речеся.

О ПРЕНЕСЕНИИ МОЩЕЙ СВЯТАГО МУЧЕНИКА ЦАРЕВИЧА ДИМИТРИЯ И О ИЗБАВЛЕНИИ ГРАДА МОСКВѢ ОТ БЕЗБОЖНЫХЪ МЯТЕЖНИКОВЪ

В первое лѣто царствования государя царя и великаго князя Василия Ивановича всея Руси явишася чюдеса многи и быша изцеления всякими недуги одержимыми приходящимъ человѣкомъ от мощей святаго мученика Димитрия царевича во градѣ Углечѣ, идѣже от злотворныхъ рукъ убиенъ бысть. Слышав же сия, царь и великий князь Василей Ивановичь разпаляшеся, яже по Бозѣ, любовию ко святому мученику Димитрию царевичю и возжада от всего сердца вѣрою своею, дабы святыя его мощи в державѣ града его Москвы положени быша были, еже и бысть. И сего ради посылаетъ на Углечь по святыя Христова мученика мощи преосвященнаго Геласия, сарскаго и подонскаго митрополита, иже на Крутицахъ, с ним же и ины многи священныя и честныя иереи и диаконы. И принесены быша святыя его мощи во царьствующий градъ Москву в лѣто 7114-го, июня въ 3 день, на память святаго мученика Лукиана и иже с нимъ, и положени быша во церкви архистратига Михаила у столпа клироса праваго, идѣже и донынѣ точитъ изцеления съ вѣрою приходящимъ къ честнѣй рацѣ святыхъ мощей его.

Егда же убо велицей бѣдѣ и брани от злыхъ мятежниковъ царствующему граду Москвѣ належащи, тогда благоговѣйнымъ повелѣниемъ царя Василия Гермогенъ патриархъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ у гроба святаго мученика, царевича Димитрия, совершивше молебная и воду освятивъ и всѣхъ ратных людей покропивши, и честный покровъ святыхъ мощей его изнесоша на мѣсто *Калужскихъ* вратъ. И тако вси людие, иже на сопротивныя изходящии, благословляхуся во вратѣхъ и честнымъ животворящимъ крестомъ Господнимъ осѣняхуся, симъ же и *вооружахуся* и на брань къ сопротивнымъ *безстрашно* ополчахуся. И тако молитвами святаго новаго почестоносца Христова Димитрия такову побѣду на сопротивныя дарова Богъ, яко ни единому от благочестиваго воинства убиену быти, сопротивныхъ же и безбожныхъ мятежниковъ безчисленое множество падоша, тако же и живыхъ рукама множества яша; прочии же вси и со злоначалники своими от царствующаго града посрамлени бѣжаша.

ПАКИ О ПОБѢДЕ ВАСИЛИЯ ЦАРЯ НА ЗЛЫЕ МЯТЕЖНИКИ И НА НАЧАЛНАГО ИХЪ ПРЕГОРДАГО РАЗБОЙНИКА ПЕТРУШКУ

В лѣто 7115-го во второе лѣто царства Василия царя, паки собрашася сопротивнии и зломятежное сонмище себѣ градъ Тулу и Колугу укрепиша и со прежереченнымъ архизлотворцемъ своимъ Петрушкомъ Гончарсковъскимъ, ту вселишася и многими градами и мѣста обвладающе и православных християнъ тяжко озлобляюще и съ яростию на царствующий градъ Москву паки хвалящеся.

Слышав же царь и великий князь Василей Ивановичь неистовыхъ сих плотоядныхъ звѣрей стремление, и вооружашеся самъ на злодыхателное ихъ зевание. И шедъ со многими вои, челюсти ихъ разтерза и многия грады ко своей деръжавѣ, Московъскому государьству, обрати и козньми нѣкиими хитропыщными наводнении Тулу градъ взя[53] и прежереченнаго оного разбойника Петрушку, которой назывался сыномъ царевича Ивана Ивановича, того жива ухватилъ и связана к Москвѣ приведе и по многомъ изтязании повѣсити его повелѣ. Мятежников же и клятвопреступниковъ взя безчисленое множество и к нимъ беззлобивое пастырьство благочестия своего показа и всѣхъ сихъ восвояси отпусти, мнѣвъ убо от злолютыа ярости в немятежную тишину благимъ наказаниемъ уцеломудрити ихъ и смирениемъ управити, и в разумъ истинный привести, и вмѣсто смерти животъ всѣмъ дарова. Они же, окаянии,

шедше, паки составиша рать и паки воздвигнуша брань болши первыя, и вмѣсто тишины дохнуша бурю, яже до облакъ раздымашеся и многомятежными претяше дождьми не водными пролитии, но кровными.

ПЛАЧЕВЕ И РЫДАНИЕ ЗЛОТЕКУЩАГО КОЛА В ЖИТИИ

О яросте злодыхателная! О вражда стараго и прелютаго врага! О злоба лукаваго и прегордаго змия! Доколе тщишися и хвалишися развращати благонравныя умы рода человѣческаго? Доколе погубляеши доброцвѣтущую Божия твари красоту и тщишися всегда всяцѣй чести противитися завистию и жизнь ратуеши? Присно бо желаеши кроткихъ сердца лютостию возьярити и немилосердиемъ разпалити, на неповинныя же и кроткия кровопролитую брань воздвигнути и убиствомъ руки всѣхъ проскврнити и душа погубити! Увы, ненасыщаемое дно человѣческихъ очей! Доколе всякообразныя злобы на насъ изливаеши? Мнитъ бо ми ся подобьствоватися всезлобныя державы темному миродержцу, иже не сщадитъ ни единаго естества твари Божия, но всѣхъ, аки левъ рыкая, поглотити хотя: сего во злѣ пореваетъ и погубляет, а иного во всекозньствено зло возставляетъ, якоже и онъ сице, о немже здѣ глаголатися хощетъ.

О НОВОЯВЛЬШЕМСЯ РАЗВРАТНИЦѢ ТИШИНЫ, ЕГОЖЕ ИМЯ НАРИЦАШЕСЯ ДИКОЙ ВОРЪ ТУШИНЪСКОЙ

В лѣто 7116-го паки инъ звѣрь подобенъ тѣма же явился, или, рещи, и лютѣйши сихъ возста: на готовое бо селение дияволи мечты приде самъ отецъ лъжи сатана. Еще бо тогда не вси рустии грады к Московъскому государьству обратишася, от негоже отпадоша крамолодѣющими мятежники. И се паки в той же прежереченнѣй Черниговстей странѣ явися инъ злобѣсный и кроволокателный песъ,[54] или человѣкоядный звѣрь, иже лукавое око отверзе и злое рыкание изпусти и вся простожителныя люди устраши, а змиеобразныя, лукавыя и злыя, сихъ, ко своему кроволитному нраву усвояа, приврати. К нему же и паки множество приидоша полских людей и литовъских, понеже и сей нарицая себе царевичемъ княземъ Димитреемъ Углецкимъ. Аще и судъ Божий въскоре постиже злобѣснаго сего пса, но убо конечно увидѣша литовския люди неустроение в Руси и междоусобное смятение и брань, и сего ради вси устремишася на Русьскую землю. И бысть от нихъ злое и тяжкое всѣмъ християном озлобление, понеже и предатели царства и царя с ними уже сложишася и крамолу велию во вся грады русьския устрояху, и на царствующий градъ Москву зело належаху, и всѣ страны Русьския земли немилостиво пленяху. И толико множество полскихъ людей и литовъских, и мятежниковъ, и клятвопреступниковъ русьскихъ собрашася, яко и земли покрыватися щиты и воздуху блещатися копии, брани же и крови разливатися всюду.

Овии бо убо грады Москвѣ тогда придержахуся и Василия царя славляху, якоже Великий Новъградъ, и Псковъ, Смоленескъ и Казань,[55] овии же Литвѣ и мятежникомъ руським поработишася. И таково грѣхъ ради нашихъ от начала в земли Русьстей смятение не бывало, еже тогда бысть. И таковыми смятении злые они мятежницы сердце Василия царя, аки лодию многомутныя волны, возколебаша, и отвсюду утесняему вмалѣ не погрузитися хотя, аще бо и желая отсюду помощи и отонюду, но ниоткуду же обретая. Царь бо, не имый сокровища многа и друговъ храбрыхъ, подобенъ есть орлу безперу и не имущу клюва и ногтей: вся бо мерзъский Розстрига ходящему сребру царская сокровища изтощи, и теснотою скудости ратныя люди стесняющеся вси.

О МУЖЕСТВѢ ЦАРСКАГО ВОЕВОДЫ КНЯЗЯ МИХАИЛА ВАСИЛИЕВИЧА СКОПИНА

В лѣто 7117-го государь царь и великий князь Василей Ивановичь всея Руси послалъ во Свейскую землю воеводу от сродьства своего, князя Михаила Василиевича Скопина, а велѣлъ ему призывати ко своему царскому жалованию ратных людей немецкихъ *и* всякихъ земель. Онъ же повелѣние государя своего Василия царя скоро изполни: шедъ, множество людей немецкихъ на царскую его милость призва и русьскихъ всякихъ людей ратных много собра и ко царствующему граду Москвѣ со многими людми возвратися. И бысть воевода храбръ и мужественъ и добрымъ благоприятелствомъ ко всему народу русьскому себе показа. Скоро, аки молния, супостатныя полки обтече и вся овцохищныя волки люто устраши. Пастырь бо звѣрогонителенъ бысть и сице врагомъ и всѣмъ мятежникомъ непобѣдимъ, яко и всѣхъ от царствующаго града отгнати сотвори. Бѣ бо во бранехъ лютъ на враги и стремлениемъ зело изкусен, и ратник непобедимъ. Мнѣлъ бы убо и вся страны Русьския земли таковымъ мужественымъ храбрьствомъ от рукъ супостатных свобожденымъ быти, аще не бы темный гробъ общия нужды того доброзрителную храбрость покрылъ.[56]

Но за еже грѣховнаго ради терния злобы нашея отъя от насъ Богъ таковаго звѣрогонителя бодраго и въ его мѣсто далъ воеводу сердца не храбраго, но женьствующими обложена вещми, иже красоту и пищу любящаго, а не луки натязати и копия приправляти хотящаго. И сего ради паки мятежницы приспѣваютъ, паки супостаты ся возвращаютъ, паки крови многия проливаютъ, паки вся страны Руськия земли пленяют, и паки царствующий градъ тяжко облежаху и вся люди, во градѣ живущия, нуждами утѣсняху. Василию же царю недоумѣвающуся, что сотворити, уже бо и предатели мнози готовляхуся на нь.

Не вѣмь бо, что и во православных тогда случилося: вмѣсто убо истинны лжу прославиша и вмѣсто правды лукавое похвалиша по глаголющему: «Возлюбилъ еси злобу паче благостыни». Мнози бо от доброцвѣтущаго благовѣрия Василия царя, аки мразомъ раздробляеми, отпадоша и в темноту нужныя зимы литовскаго неправовѣрия отпадоша.

О СОНМИЦЕ МЯТЕЖНИКОВЪ НА ЦАРЯ ВАСИЛИЯ

В лѣто 7118-го, февраля въ 17 день, в суботу Сырныя недѣли крамолники народу и мятежницы тишины[57] учиниша нечистаго совѣта сонмищу на царя Василия. Приидоша тогда на мѣсто Лобное и возмутиша народы, глаголюще сице: «Царь нашь, князь Василей Шуйской, согласивъся с потаковники своими, и сѣлъ на Московъское государьство силно, а нынѣ его ради кровь проливается многая, потому что онъ человѣкъ глупъ и нечестивъ, пияница и блудник, и всячествованиемъ неизтовенъ, царствования недостоинъ». Сия же слышавше, и мнози от народа сице рекоша к ним: «Государь нашъ, царь и великий князь Василей Ивановичь, сѣлъ на Московъское государьство не силно, выбрали его быти царем болшие боляре и вы, дворяня, и всѣ служивые люди, а пианьства и всякаго неизтовъства мы в немъ не вѣдаем. А коли бы таковому совѣту быти, ино бы тутъ были и болшие боляре, да и всякихъ чиновъ люди». И никто же от народа приложися к мятежником тѣмъ. И сего ради народа возмутити не возмогоша.

Темномысленаго же суровъства своего не осташа, но к царю Василию в полаты съ немилосерднымъ нравомъ устремишася, текуще. Онъ же, слышавъ, и в лице имъ ста, рече: «Что приидосте ко мнѣ с шумом гласа нелѣпаго, о людие? Аще убити мя хощете, готовъ есмь умрети. Аще ли от престола и царства мя изгоняете, то не имате сего учинити, дондеже снидутся всѣ болшие боляре, и всѣхъ чинов люди, да и азъ с ними. И какъ вся земля совѣтъ положитъ, такъ и азъ готовъ по тому совѣту творити». Сия же слышавъше мятежницы, и вси посрамлени быша от царска лица и от народа всего. И сего ради вси бѣжаша в супостатныя полки за

градъ, на мѣсто, глаголемое Тушино, идѣже вси волцы и хищницы и всѣхъ градовъ крамолницы не спятъ, но тщетнымъ поучаются, и зло мыслятъ и творятъ.

О ЧЮДЕСИ БЫВШЕМЪ ЕЖЕ ВО ЦАРСТВО ВАСИЛИЯ ЦАРЯ

В четвертое лѣто царства царя Василия, октября въ 20 день, съ четверътка на пятницу в полунощную годину во церкви архистратига Михаила, честнаго его собора, идѣже лежаху тѣлеса великихъ князей и всѣхъ благочестивыхъ царей Русьския земли, се слышахуся гласи плачевнии и шумъ, аки нѣкия сопротивоборныя бесѣды. И потомъ бысть псаломъскаго священнословия гласъ поющихъ отшедшимъ душам вѣчныя благости 118-го псалма и со аллилуиарами. И по семъ съ плачемъ скончася гласъ. Слышавше же чреды тоа стражие и прочимъ повѣдаша людемъ. Рекоша же тогда мнози от народа, яко царство Василия царя въскоре съ плачемъ кончатися имать.

ПАКИ ИНО БЫСТЬ ПРЕСЛАВНОЕ ЧЮДО

Того же лѣта, мѣсяца февралия въ 18 день, бысть ино чюдо преславно, егоже вѣрнымъ молчати невозможно. Еже убо во обители честныхъ инокинь девическаго общежительства во церкви Пречистыя Богородицы честнаго ея Рожества, в нощи съ суботы на возкресение Сырныя недѣли возжеся сама о себѣ огнемъ небеснымъ свѣща пред святымъ ея богородичнымъ образомъ. Сие же слышавше, вѣрнии со тщаниемъ текоша видѣти преславнаго чюдеси, молебная совершающе и благодарственныя пѣсни радостно поюще и славу всещедрому Богу возсылающе и Пречистой его Богоматери. Егда же бысть третий часъ дни недѣлнаго, тогда убо зелно належащу вѣтру во двери церковныя дхнувшу и абие свѣщу самовозжженную погаси — бѣ бо велика ношашеся буря. От сего убо вознепщевати ми показатися, яко вмалѣ царствовавшему свѣтяся благодать мимо иде.

О ПЛЕНЕНИИ ЦАРЯ ВАСИЛИЯ И О СМЕРТИ ЕГО И О РАЗОРЕНИИ ГРАДА МОСКВЫ

В лѣто 7119-го, июля въ 17 день, в пятое лѣто царства царя Василия паки мятежницы злу и велику посреди народа крамолу воздвигнуша, безстудно же и сурово на Василия царя устремишася[58] и нападоша на нь и немилосердыми руками, аки птенца, возхитиша и по обнажении царския диадимы введоша его в монастырь Чюда архистратига Михаила, и облекши его во иноческое одеяние, и предаша во зловражныя руцѣ и християноубиственыя полскимъ людемъ и литовскимъ. Они же, его емши, абие иноческое одѣяние свергоша с него и во изрядныя ризы пакы облекоша его, аще и не хотящу ему, но нравомъ плѣнническаго обычая содѣяша о немъ. И тако отведоша его в Литву къ Жигимонту королю, и тамо нужным страданиемъ приятъ кончину жития своего и къ вѣчному царству, невечернему свѣту, преселися. Царствова на Московъскомъ государствѣ 4 лѣта и два мѣсеца.

О БОЛЯРСКОМЪ ДЕРЖАВЪСТВѢ МОСКОВЪСКАГО ГОСУДАРЬСТВА

По царѣ и великомъ князѣ Василие Ивановиче всея Руси прияша власть государьства Русьскаго седмь московскихъ бояриновъ,[59] ни ничтоже имъ управльшимъ, точию два мѣсяца власти насладишася: бѣ бо великому междоусобному враждованию тогда належащу. Помыслиша же убо и совѣщаша на Московъское государьство литовъскаго королевича Станислава[60] призвати и царемъ учинити, «аще, — рече, — оставитъ вѣру латинскую и крестится нашимъ крещениемъ гречески». На се и послаша къ королю болшихъ пословъ и людей от всякихъ чиновъ Русьския земли. Древния же лжи проказивыя лестцы, злохитрыя

поляки, аще и мирьная совещеваху, но в сердцы язвы лукавыя ношаху. Егда убо во градъ Москву внидоша, тогда и мирная составления разрушати начинаху и народъ християнский тяжко озлобляху, поне и русьским мятежником на се имъ помогающим. Седмочисленыя же боляре Московъския державы и всю власть Русьския земли предаша в руцѣ литовъских воеводъ: оскудѣша бо убо премудрыя старцы и изнемогоша чюдныя совѣтники, и отъя Господь крѣпъкия земли. Все же сие, Богу на ны попущающу за премногое наше прегрѣшение.

Того же лѣта, марта въ 19, излияся фиалъ горести, царствующему граду Москвѣ разорение.[61] Падоша тогда высокозъдании домове, иже красотами блистающиися, огнем поядошася, и вси мудроверхия церкви, яже преже божественою славою сиающе, скверными рукама до конца разоришася. И множество христиансково народа мечемъ плеча литовъскаго разсѣкошася, а инии от домовъ своихъ и от града скокомъ бѣжаша, понеже спастися желаху. Прочии же во граде осташа, пленениемъ супостатныхъ рукъ тяжко порабощени быша. И тако литовския люди обладаша Москвою два лѣта и 6 мѣсяць бѣдно же, поне и русьския люди не отступиша и убивающе многихъ; аще убо изгубивъ свое достояние, но и паки свое отчество възыскати хотяху, якоже и бысть.

О ГЕРМОГЕНѢ ПАТРИАРСЕ И О КОНЧИНѢ ЕГО

В первое лѣто царства Василия царя возведенъ бысть на престолъ патриаршеский велицей церкви Гермогенъ, иже бысть казанъский митрополитъ. Бысть же словесен мужъ и хитрорѣчивъ, но не сладкогласенъ. О божественных же словесѣхъ присно упраздняшеся и вся книги Ветхаго закона и Новыя благодати, и уставы церковныя и правила законныя до конца извыче. А нравомъ грубъ и къ бывающим в запрещенияхъ косенъ к разрѣшениямъ. Ко злымъ же и благимъ не быстроразпрозрителенъ, но ко лстивымъ паче и лукавымъ прилежа и слуховѣрствователенъ бысть. О сем бо убо нѣкий рече, яко «во всѣхъ земнородныхъ умъ человѣчь погрѣшителенъ есть и от добраго нрава злыми совратенъ». Якоже и сей преложенъ бысть от нѣкихъ мужей змиеобразных, иже лесть сшивающи, козньми соплетоша и любезное в ненависть преложиша. Еже о Василии царѣ злорѣчьствомъ навадиша мятежницы словесы лестными, он же имъ о всемъ вѣру ятъ. И сего ради ко царю Василию строптивно, а не благолѣпотно бесѣдоваше всегда, понеже внутръюду имый навѣтователный огнь ненависти и на супостатная коваръства, якоже лѣпо бѣ, никакоже отчелюбно совѣщевающеся со царемъ. Мятежницы же во время свое преже царский венецъ низложиша, потом же и святительскую красоту злѣ поруганиемъ обезчестиша.

Егда бо по Василии царѣ прияша Москву супостатнии руцѣ, тогда убо онъ по народѣ пастыря непреборима показати себе хотя, но уже времени и часу ушедшу, како непостояному стояти вознепщева и во время лютыя зимы кляпышу процвѣтати хотя. Тогда убо аще и яряшуся ему на клятвопреступныя мятежники и обличая христиноборство их, но ятъ бысть немилосердыма рукама, и, аки птища въ заклѣпте, гладомъ умориша, и тако ему скончавшуся.

О ВЛАДѢНИИ МОСКВЫ ЛИТОВЪСКИМИ ЛЮДМИ, И ПАКИ О ВЗЯТИИ ЕЯ РУСЬСКИМѢ ЛЮДЕМЪ

В лѣта, в няже Литва обвладающе градомъ Москвою, тогда славляшеся имя Жиггимонта королю польсково, а надъ прочими грады и над всѣми людми ратными Русьския земли власть прияша от московъскихъ болярь большихъ князь Дмитрей Тимофеевичь Трубецкой, да воевода Прокофей Ляпуновъ, рязанецъ. И пришедши со многими людми подъ Москву, и взяша у литвы болшой посадъ да каменной градъ Бѣлой, имянуемый Царевъ городъ, того же лѣта, марта въ 27

день. А литва обвладаша в Китае граде и въ Кремли.

И тако препроводися не мало время. Облежаху же вои рустии свой градъ и брахуся съ супостатами присно, прияти же его не могуще, дондеже отверзеся дверь милосердия щедротъ Господнихъ. Да с ними же, со княземъ Дмитреемъ Тимофеевичемъ Трубецкимъ, да съ Прокофиемъ Ляпуновымъ, воевода же надъ казаческими полки былъ московъской служивой ротмистръ панъ Иван Заруцкой. И сей бысть не нехрабръ и сердцем лютъ, но нравомъ лукавъ, понеже и чести позавидѣ Прокофиевѣ и злую крамолу на нь состави.[62] И преданъ бысть въ кровоядныя руцѣ злочинному сонмищу, идѣже без зла не спятъ. Сии же немилостиво, аки волцы, возхитиша и лице поля кровию его очервлениша. Аще и мнози тогда сущии в воиньствените народѣхъ Прокофия ради опечалишася, но ничтоже о животѣ его успѣша.

И бысть тогда велико уныние и мятежъ во всей земли Русьстей, понеже велицей злобѣ християньскому народу належащи прещения ради невѣрныхъ и насилования ратных. «Аще не быша прекратилися дние тѣ, не бы убо спаслася, — по глаголющему, — всяка плоть».[63]

Но есть Богъ близ всѣмъ, призывающимъ его. Воистиннѣ по *великой* возпростираемѣй убо милости своей даруетъ ко здравию врачевание. Воздвизаетъ бо нѣкоего от христианска народа, мужа от рода неславна, но смысломъ мудра, егоже прозваниемъ нарицаху Козма Мининъ, [64] *художествомъ* бяше преже говядаръ. Сей по случаю чина чреды своея бысть началникъ в то время судных дѣлъ во братии своей, рекше посадьскихъ людей в Нижнемъ Новѣградѣ. Видѣ тогда насилуемы многи и зѣло оскорбися и поболѣ Зоровавелски душею[65] за люди Господня, всемогущаго Бога на помощъ призва и молву безчисленых печалей на ся приятъ. И тако ношашеся всегда бурями различных попечений, аще и неискусенъ стремлениемъ, но смѣлъ дерзновениемъ. Собравъ убо от народа многая сокровища сребра, и одари люди ратныя оброки доволными.

И сице собра полъки многия и военачалника изкусна во бранехъ — князя Дмитрея Михайловича Пожарсково[66] над всѣми быти совоспригодоби. Самъ же никогда отлучаяся, аки древний Гедеонъ[67] всѣхъ сердца на супротивныя укрѣпляа. И тако со многими вои под Москву приде[68] и благимъ добронравиемъ своим, аки солнечным любовнаго луча свѣтом военачалники совокупи, и всѣхъ храбрых благочестиваго воиньства воедино собра. И тако Содѣтелевымъ промысломъ, всесилныя же его и непобѣдимыя десницы крѣпостию и воеводьтвомъ разгнашася темныя облацы толикихъ великихъ належащих золъ: приступиша тогда со устроенными на брань орудии ко стѣнамъ града и прияша вои русьския паки Москву в лѣто 7121-го, октября въ 24 день, на память святаго мученика Арефы. Потом же и крѣпкий Кремль градъ прияша и множество полскихъ и литовъскихъ людей побиша, и всея земли Русьския началнаго крамолника Фетку Андронова[69] жива яша, и по многомъ изтязании обѣшенъ бысть. И прочих мятежниковъ умучиша с нимъ. Воздастъ бо ся воздаяние ихъ имъ, рекше врагомъ, по враждѣ ихъ и по рвению ихъ, зане преже многихъ гоняху, потомъ тогда сами в пагубу течаху и злѣ скончавахуся.

ЦАРСТВО ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА, ВСЕЯ РУСИ САМОДЕРЪЖЦА

В лѣто 7121-го, марта въ 14, паки сынове русьстии приемлют входъ отечества достояния древняго градъ Москву, паки наста весна благодатного бытия и простирается струя свѣтлотекущаго жития, еже нами чаемаго упованиа великаго Бога свѣтъ возсия, и того благоволениемъ от конецъ того Русьския земли и до

конецъ ея народи православиа мали и велицы, богатии и нищии, старыя же и юныя богатно разумѣниемъ от иже всѣмъ дающаго жизнь обогатившися и свѣтом добромыслимаго совѣта купно озарившися. Аще бо убо и разнородными мѣстъ людми, но едиными рекоша усты, и в далномъ несогласии жития разстоятелстве бысть аки согласенъ совѣтъ во единоравеньстве. Изволиша бо смысломъ, избраша же словомъ и учиниша дѣлом, еже добръ совѣтъ сотвориша. Бѣ бо убо не человѣческимъ составлениемъ, но Божиимъ строениемъ, егоже молиша и просиша государя себѣ на престолъ царствия Московъскаго государьства царя Михаила Федоровича, иже бысть по сродству племянникъ царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси по матери его, царицѣ и великой княгинѣ Анастасии Романовне, яже бысть супруга царя Ивана Василиевича.

Приидоша же тогда всея Русьския земли велможи, князи и боляре и дворяне и всѣ стратизи, иже во храбрастех сияюще, и ратныя лики и всяких чиновъ приказныя люди, и изъ всѣхъ градовъ изъбранныя роды и вси купно от мала и до велика православныя християне во град, глаголемый Кострома, к Михаилу Федоровичю — ту бо тогда ему пребывающу и съ материю своею, великою старицею инокою Марфою. Къ ея же ногама вси припадающе, и со слезами биша челомъ и просиша у нея, дабы благословила сына своего на престолѣ царствия Московъскаго государьства, еже быти ему царем сродственаго его ради союза царских искръ и по благословению, еже отцу его благовѣрному болярину Феодору Никитичу блаженныя памяти царемъ и великимъ княземъ Феодоромъ Ивановичем. Она же едва слезнаго ради великаго народа моления на се преклонилася: бѣ бо государь младъ, а время тогда обуреваемо, и люди строптивы, рекше волнуеми. Но обаче положи упование и надежду на всемогущаго Бога, не презрѣ многихъ слезъ и просит у своего сына Михаила Феодоровича, паче же и благословляет его быти государя въ Рустей земли, царя и великаго князя Михаила Феодоровича.

И тогда приемлет богопорученное ему Московскаго государьства скифетродержание и нача правити мудрокормный царствия корабль. И бысть православию глава и богозрачному благочестию начало и государь всѣмъ правовѣрным, иже под солнечнымъ течениемъ, и всему православному христианству наречеся боговенчанный царь и великий князь Михайло Феодоровичь, всея Руси самодержецъ. Аще бо и от преже царствовавшихъ держава отечественная его пресѣчеся, аки доброрастное и красноцвѣтущее древо, еже теснотами лютыя зимы увядши смирися, но нынѣ паки при лѣтней теплотѣ и свѣтлости усмѣхнувшися и процвѣте. Преславное же и великое мѣсто и многонароднаго христианства селение, еже есть мати Русьским градовом Москву, юже от невѣрных латинъ пленениемъ запустошенную и от руских мятежниковъ тяжким озлоблением состарѣвшуюся и осиротѣвшую, паки младозрачну тогда, аки предобрую отроковицу и преукрашеную невѣсту сотвори. Апостольская же и соборная святая церковь паки приемлет своего украшения доброзримую лѣпоту. Паки солнце правды свѣтлую лучю благодати своея намъ возсия, имже видѣша вси свѣтъ великъ, сладостныа тишины свободный день. Отъя бо от насъ Господь Богъ нашъ укоризну нашу всю и странескъ страхъ и дарова державному держати державу во крѣпости достояния его и побѣды на врагы царствующему поручи. Ему же буди благопребывателно и многолѣтно здравствовати и во всякомъ благоденствии и радости расти и мужствовати.

---

[1] *Хам* — один из трех сыновей Ноя, был проклят за непочтительное отношение к отцу (см. Быт. 9, 18).

[2] *Хуш (Кус, Хус)* — сын Хама (см. Быт. 10, 6), считается родоначальником эфиопов (потому — «мурин». В Древней Руси это слово обозначало, среди прочего, и жителей Африки, и темнокожих людей вообще).

[3] *Нимрод* — потомок Хуша (см. Быт. 10, 8), в буквальном переводе с еврейского его имя значит «мятежник». Обладал незаурядной физической силой.

[4] *...столп Халаньский...* — В данном случае местонахождение башни связывается с городом Халне, упоминаемым в книге Бытия, 10, 10. Этот город, наряду с Вавилоном, Эрехом и Аккадом находился в Сенаарской долине и входил в так называемую «первую халдейскую конфедерацию», носившую имя Вавилонии. Настоящее упоминание о «столпе Халаньском» восходит к славянскому переводу Хроники Константина Манассии.

[5] *Феодорит* (386 (393?)—457) — епископ Киррский. Известен своими трудами в области истории Церкви, догматики, апологетики, экзегетики.

[6] *Фалек* — сын Евера (см. Быт. 10, 24—25). Его имя (а точнее, древнееврейское «пелег») значит «разделение». По поводу того, какое именно событие определяется как «разделение», существовали различные трактовки, в том числе и та, согласно которой речь идет о разделении народов.

[7] *Евер* — правнук Сима. Считалось, что от Евера получил свое имя еврейский народ.

[8] *...аггели солнцу... и прочая.* — Известное многим русским хронографам учение об анге-лах восходит к сочинению Епифания Кипрского «De mensuris et ponderibus» (PG. T. 43. P. 276).

[9] *«Кто бо... совѣтникъ Ему бысть?»* — Ис. 40, 13.

[10] *Звѣзды бо... не со звѣздами.* — Согласно книге Бытия, звезды были созданы Богом в четвертый день, а человек — в шестой.

[11] *Другий же внукъ Хамовъ, Месремъ...* — Мицраим — один из сыновей Хама (см. Быт. 10, 6). Словом «Мацор» (двойственным числом от которого является «Мицраим») в библейских текстах неоднократно обозначается Египет.

[12] *Сего же ради... ихъ явишася.* — Большинство рассказов о «всяким чюднымъ родствомъ» людях заимствовано из русского перевода польской Хроники Мартина Бельского (Kronika to jest historya swiata. Krakow, 1564). Подобного рода сообщения имели богатую традицию, которую не обошел своим вниманием даже такой просвещенный для своего времени автор, как блаженный Августин, хотя и отнесся он к ней достаточно сдержанно. Отношение к такого рода сообщениям было неоднозначным и в дохристианские времена. Так, Страбон писал, что «Деимах и Мегасфен в особенности не заслуживают доверия. Ведь они рассказывают нам о людях, которые сидят на своих ушах, о безротых, безносых, об одноглазых и длинноногих и о людях с повернутыми назад пальцами, они возобновили гомеровскую басню о войне журавлей с пигмеями...» (Страбон.

География. М., 1994. С. 76—77). Аналогичные описания были известны на Руси с древнейших времен (например, из переводов Хроники Георгия Амартола, «Александрии» и др.).

Из вошедших в Хронику Мартина Бельского источников соответствующие сведения содержались в сочинении Августина «О граде Божием» (кн. 16, гл. 8) и в Хронике Иоанна Науклера Johannis Naucleri, praepositi Tubingensis, Chronica succinctim compraenendita res memorabiles… Coloniae, 1544. P. 16). Впрочем, и Августин, и Иоанн в своих сочинениях основывались на «Естественной истории» Плиния Старшего (речь идет преимущественно о седьмой книге этого сочинения: Pline lʹ Ancien. Histoire Naturelle. Livre VII. Paris, 1977). Мартин Бельский не удовольствовался сведениями, приводимыми первыми двумя авторами, а обратился, как мы полагаем, непосредственно к труду Плиния.

[13] *А ходятъ наги… токмо гласом кричатъ.* — Эта характеристика у Плиния отнесена к другому мифическому племени — хоромандам.

[14] *Андрогин* — греч. ὁ ʹ ανδρόγυος — мужеженщина. Сообщая об андрогинах, Плиний ссылается на Аристотеля.

[15] *…а живутъ они во Фритской земли…* — Речь здесь идет об Африке (в польском тексте Хроники Бельского: «w Afrусе»). Очевидно, первая буква топонима в какой-то момент была воспринята как часть предлога.

[16] *Аримаспы* — мифическое племя одноглазых людей, упоминаемое еще у Эсхила. Непосредственным источником Плиния является в данном случае историк Геродот.

[17] *…в далныхъ земляхъ Татарскихъ…* — Судя по тому, что в другом месте Хроники Бельский говорит «Scyty albo Tatary», здесь имеется в виду Скифия.

[18] *Люди астромове, или астонии…* — Оба слова восходят, на наш взгляд, к греч. ʹἄστομος - безустый.

[19] *О атанасии.* — О людях, укрывающихся своими ушами, упоминает Плиний, но названия этого народа он не приводит. В русском переводе Хроники Мартина Бельского читается «танесъ», в польском тексте — «tanesi». Возможно, создатель Хронографа 1617 г. попытался дать греческую этимологию этого слова и связал его с ʹ αθάνατος — бессмертный.

[20] *О поподесѣхъ.* — Имеются в виду «лошадиноногие»: греч.ʹο ἵππος — конь иʹο πούς — нога.

[21] *О неурилах.* — Имеется в виду племя невров. Плиний упоминает о них в 88-м разделе 4-й книги «Естественной истории».

[22] *О пилмеяхъ.* — Сведения о пигмеях читаются уже у Гомера: в Илиаде (III, 3—6) упомянута их война с журавлями.

[23] *…толко лакти единого…*— По мнению Плиния, рост пигмеев составлял 3 пяди(примерно 0.7 м).

[24] *О катаинах.* — В польском тексте говорится о «циклопах или гигантах» («Cyklopes albo Gigantes»).

[25] *О щиритах.* — Здесь имеется в виду народ, названный Элианом Σκιρᾶται (Claudius Aelianus. Denatura animalium. Lipsiae, 1864. P. 400—401). Плиний и Науклер говорят, что у этих людей дыры вместо носа.

[26] *О мантикорах.* — Мантикоры — мифические существа, имеющие тело животного, голову человека и питающиеся человеческим мясом. О них упоминает еще Ктесий (V в. до н. э.).

[27] *Люди, мономери зовоми, а индемонокули...* — μονομερής (греч.) — имеющий лишь одну часть, μονόκωλος (греч.) — односторонний, стоящий на одной ноге.

[28] *О потамияхъ.* — Греч. ποτάμιος — речной.

[29] *Лот* — племянник Авраама. Перед разрушением Содома и Гоморры Лот с семейством был выведен из Содома ангелами. На пути из Содома жена Лота вопреки запрету обернулась назад и была превращена в соляной столп.

[30] *...Федора Ивановича...* — (1557-1598) – средний сын Ивана Грозного, по смерти отца – государь всея Руси (1584-1598).

[31] *...Ирина, дщеръ... Феодора Годунова...* — Отец Ирины и Бориса Годуновых — Федор был помещиком средней руки. После его смерти Ирину и Бориса взял в свою семью дядя — Дмитрий Годунов, бывший главой Постельного приказа (начальником внутренней дворцовой стражи). Благодаря ему молодые Годуновы с юных лет жили и воспитывались при дворе.

[32] *...Евдокие царицѣ...* — Жене византийского императора Феодосия Малого (408—450). Евдокия по недоразумению была обвинена супругом в измене и выслана из столицы. В историографии она традиционно упоминается как пример благочестивой царицы и безвинной страдалицы.

[33] *Никита Романовичъ...* — Брат Анастасии, жены Ивана Грозного, с 1562 г. боярин. По желанию Грозного он был введен в состав регентского совета (ввиду недееспособности Федора) и возглавлял его до 1584 г. Умер в 1586 г.

[34] *...повелѣ на Москвѣ дѣлати градъ каменной...* — В 1585—1591 гг. был возведен Белый, или Царев, город — стена с башнями, полукольцом охватывавшая Кремль и Китай-город по линии современного Бульварного кольца.

[35] *...поставил на Москвѣ митрополита Иева патриархомъ...* — первый патриарх Московский, уроженец г. Старицы.

[36] *...на Крутицы.* — Крутицкий монастырь в Москве являлся местопребыванием московского митрополита.

[37] *...ходилъ воевати на нѣмцы ливонския...* — имеется в виду битва на Чудском озере 1242 г.

[38] *...под Ругодивомъ...* — Под Нарвою.

[39] *...на Котлѣ...* — Котлы — подмосковное село между Коломенским и Даниловым монастырем. Около него войско крымских татар и ногайцев, возглавлявшееся Казы-Гиреем, было остановлено русскими войсками.

[40] *...убиенъ быстъ... Дмитрей Ивановичъ...* — Дмитрий погиб в мае 1591 г. Версия о преднамеренном убийстве царевича восторжествовала лишь 15 лет спустя: погибшего решили канонизировать, а самоубийца не мог быть объявлен святым. Кроме того, важно было подтвердить гибель Дмитрия, так как самозванец Григорий Отрепьев выдавал себя за спасшегося царевича.

[41] *...Феодору Никитичю Романова...* — Патриарх Филарет, в миру Федор Никитич Романов (1550-е-1633), отец царя Михаила Федоровича. Возглавлял боярскую оппозицию при Борисе Годунове, насильственно пострижен в монахи (1601), сослан в Антониево-Сийский монастырь. Был востребован из ссылки Лжедмитрием I, поставлен ростовским митрополитом (1605). При Лжедмитрии II провозглашен патриархом (1608), направлен в составе посольства в Польшу за царевичем Владиславом (1610); до 1619 г. находился в Польше в качестве пленника. По возвращении в Москву стал патриархом и соправителем царя.

[42] *Богдан Бѣлъской* — боярин (с 1605 г.), приближенный Ивана Грозного, Федора Ивановича и Бориса Годунова. Убит в 1610 г. Город Борисов был построен у впадения р. Оскол в Северский Донец.

[43] *...от страны зовомыя Сиверския...* — Северская земля — пограничные районы Руси, территория современной Черниговской области Украины.

[44] *...Юрию Сардаминскому.* — Сандомирский воевода, Юрий Мнишек, был наместником польского короля в Самборе.

[45] *Марина* — дочь Юрия Мнишека, в 1605 г. была обручена с Отрепьевым, в мае 1606 г. приехала в Москву, где была обвенчана и коронована. После убийства Лжедмитрия жила в Ярославле (1606—1608 гг.), была женой Лжедмитрия II, в котором признала будто бы спасшегося Отрепьева. Умерла в Туле в 1614 г.

[46] *...царю Иулиану...* — Юлиан Отступник - Юлиан, Флавий Клавдий — римский император (331—363), вставший на сторону язычества и выступивший с гонениями против христиан, за что в истории получил имя Отступника или Законопреступника**.**

[47] *...седмью святыми вселенскими соборы...* — Имеются в виду вселенские соборы, состоявшиеся до разделения христианской церкви на православную и католическую: для православной церкви только эти соборы оставались авторитетными.

[48] *...и вси велможи... убиша его мечи...* — Во главе заговора стояли Василий Шуйский и Василий Голицын. Лжедмитрий был убит в Кремлевском дворце на рассвете 17 мая 1606 г.

[49] *Василей Ивановичъ Шуйской* — царь из старинного рода суздальских князей, избранный на трон после народного восстания в Москве 17 мая 1606 г. и после

убийства Лжедмитрия. Был свергнут с престола москвичами в июле 1610 г. и пострижен в монахи. Затем был арестован поляками вместе с братьями Дмитрием и Иваном; умер в плену под Варшавой 5 сентября 1612 г.

[50] *...Игнатия патриарха...* — Игнатий, прибывший с Кипра еще при Борисе Годунове, был поставлен главой рязанской епархии и прославился как «муж грубый, пьяница и пакостник». После перехода рязанских дворян на сторону Самозванца Игнатий первым прибыл в его лагерь и стал служить ему ревностно и верно. Занимал патриарший престол 11 месяцев в 1605—1606 гг. и 5 месяцев в 1611 г. С приходом к власти Василия Шуйского в мае 1606 г. был заточен в Чудовом монастыре. В 1611 г., когда патриарх Гермоген был захвачен в плен поляками, Игнатий вновь был возведен на патриарший престол, но в том же году бежал в Польшу. Умер в 1640 г.

[51] *И сихъ сродства - царъ...* — Ближайшими предками Василия Шуйского были не упомянутые в перечне потомки Ивана Васильевича Шуйского (ум. в 1542 г.), а представители другой ветви: у Юрия, сына Василия Кирдяпы, был еще сын — Василий — прадед царя Василия Ивановича Шуйского.

[52] *Петрушка.* — Автор хронографической статьи видит главную опасность в новом самозванце — «царевиче» Петре, хотя тот был далеко не главной фигурой в широком движении, направленном против Василия Шуйского. Восстание было начато летом 1606 г. путивльским воеводой князем Г. Шаховским. С осени того же года к восставшим примкнул Иван Болотников, вскоре ставший его фактическим руководителем. Он возглавил войско, двинувшееся кМоскве и осаждавшее ее в ноябре—декабре 1606 г. «Царевич» Петр — Илья Горчаков, Илейка Муромец, выходецив посадских людей г. Мурома, которого казаки объявили сыном царя Федора Ивановича (Хронограф называет Ивана Ивановича — старшего сына Ивана Грозного), начал свой поход весной 1606 г. от Астрахани. Он двигался по берегу Волги. У Свияжска (западнее Казани) Петр готовился пойти к Москве, куда его призывал Лжедмитрий, намеревавшийся использовать его войско. Узнав о гибели Самозванца, Петр повернул назад, дошел до Путивля. Позже он направился вслед за Болотниковым, отступившим к тому времени от Москвы к Калуге, а затем к Туле. В октябре 1607 г. Болотников и Петр сдали царю Василию крепость Тулу. Впоследствии они были казнены.

[53] *...kознъми нѣкиими хитропыщными наводнении Тулу градъ взя...* — По предложению муромца, сына боярского Ивана Сумина Кравкова, по прозвищу Мешок, на реке Вороньей, ниже устья реки Упы, была построена плотина. Поднявшаяся вода затопила Тулу, пострадали запасы пороха и продовольствия, что и вынудило осажденных сложить оружие. Сдача Тулы произошла 10 октября 1607 г.

[54] *...инъ злобѣсный и кроволокателный песъ...* — Речь идет о Лжедмитрии II.

[55] *...Великий Новъградъ, и Псковъ, Смоленескъ и Казань...* — Новгород был захвачен шведами лишь в 1611 г., Псков ими захвачен не был. Смоленск был захвачен поляками в 1611 г. после двухлетней осады.

[56] *...Михаила Василиевича... аще не бы темный гробъ... покрылъ.* — М. В. Скопин-Шуйский; см. в наст. изд. «Писание о преставлении и погребении князя

Скопина-Шуйского».

[57] *...крамолники народу и мятежницы тишины...* — Речь идет о попытке свержения Василия, предпринятой Григорием Сумбуловым, Романом Гагариным и Тимофеем Грязным.

[58] *...паки мятежницы злу... на Василия царя устремишася...* — Василий был свергнут в результате боярского заговора в июле 1610 г. и насильственно пострижен в монахи. Позднее его увезли в Польшу, и он умер там.

[59] *...седмъ московскихъ бояриновъ...* — Князья Ф. И. Мстиславский, И. М. Воротынский, А. В. Трубецкой, А. В. Голицын, Б. М. Лыков, бояре И. Н. Романов (брат Филарета) и Ф. И. Шереметев.

[60] *...литовъскаго королевича Станислава...* — Имеется в виду Владислав.

[61] *...мартавъ 19... царствующему граду Москвѣ разорение.* — Речь идет о жестоко подавленном восстании в Москве против бояр и поддерживавшего их польского гарнизона. Пожаром была уничтожена большая часть города. Уже несколько дней спустя к Москве подошло ополчение, во главе которого стояли П. П. Ляпунов, Д. Т. Трубецкой и казачий атаман И. Заруцкий. Ополченцы окружили польский гарнизон в Китай-городе и Кремле.

[62] *...и чести позавидѣ Прокофиевѣ и злую крамолу на нъ состави.* — 22 июля 1611г. казаки созвали «круг», и по его решению Прокофий Ляпунов был убит; это убийство сильно ослабило ополчение.

[63] *Аще не быша прекратилися дние... всяка плоть.* — Мф. 24, 22; Мр. 13, 20.

[64] *...Козма Мининъ...* — Козьма Захарьич Минин-Сухорук, организатор Второго земского ополчения для освобождения Москвы (начал собирать ополчение осенью 1611г.), земский староста в Нижнем Новгороде (умер до середины 1616 г.).

[65] *...поболѣ Зоровавелски душею...* — Зоровавель — предводитель евреев, возвратившихся из вавилонского плена на родину. Имя этого библейского персонажа употреблялось применительно к лицам, выступавшим в роли заступников, защитников интересов народа.

[66] *...князя Дмитрея Михайловича Пожарсково...* — Д. М. Пожарский отличился еще в 1608 г., активно участвуя в обороне Москвы против войск Лжедмитрия II, затем боролся с интервентами в Рязанской земле. В марте 1611г. стал одним из руководителей Первого ополчения, был тяжело ранен. Князь Пожарский возглавил и войско Второго ополчения, созданного по инициативе К. З. Минина, сыграв решающую роль в освобождении Москвы осенью 1612 г.

[67] *...аки древний Гедеонъ...* — легендарный библейский герой, имя которого традиционно использовалось в средневековой русской литературе для характеристики удачливого полководца.

[68] *...под Москву приде...* — Ополчение подошло к Москве в июле 1612 г. В августе оно отбило атаку войск гетмана Ходкевича, шедшего на выручку

засевшему в Кремле польскому гарнизону. Осада продолжалась до конца октября. Ополчение торжественно вступило в Москву 1 ноября 1612 г.

[69] *...Фетку Андронова...* —Федор Андронов — ярый сторонник Сигизмунда III; его предательское поведение вызвало резкое осуждение у современников-патриотов. Человек незнатного происхождения, «мужик», Андронов начал свою служебную карьеру в Тушине у Лжедмитрия II. В январе 1610 г. был направлен Филаретом в составе посольства М. Г. Салтыкова под Смоленск, где, перейдя на сторону Сигизмунда III, получил от него в награду чин думного дворянина. 19 августа 1610 г. прибыл под Москву в стан С. Жолкевского с приказом Сигизмунда III приводить москвичей к присяге самому королю. В ноябре 1610 г., по требованию короля, получил от правительства «Семибоярщины» в полное распоряжение государственную казну (став главным казначеем Казенного двора) и ведение челобитных дел, т. е. фактически обрел неограниченную власть, позволявшую ему вместе с М. Г. Салтыковым и думным дьяком Иваном Грамотиным вершить государственные дела в интересах Сигизмунда III. Регулярно через гетмана Льва Сапегу Ф. Андронов доносил королю о московских событиях. В 1613 г., после завершения следствия о его преступлениях, был повешен «по многом истязании».

ПЕРЕВОД

О СТОЛПОТВОРЕНИИ И РАЗДЕЛЕНИИ ЯЗЫКОВ

Родился от колена Хамова муж темнокожий по имени Хус. Этот же ро-дил гиганта Нимрода. Тот же задумал строить башню. Множество людей послу-шали совета Нимродова и начали строить Халанскую башню — огромнейшую и высочайшую, высотой едва не достигающую лунного круга. И так возводя ее ввысь, сильным ветром сбрасывались они <вниз>, иные же из-за приближения солнца сгорали от жара. Размеры же той башни составляли в высоту и ширину 5433 локтя, а Феодорит пишет о той башне, что имела она 3 версты в обе сторо-ны. Строилась башня 40 лет, и была еще не окончена, когда разделил Бог языки на 70 и один язык, и второй язык Адамов, который не отнял Бог у Фалека, сына Еверова, ибо Евер не примкнул к их безумию. И от этого Евера получили имя евреи. Всего же языков на всей земле 72. Итак, от потопа до разделения языков лет 530, а от Адама до разделения языков 2772, а родов 16. Стало же с тех пор это место называться Вавилон, ибо здесь разделились у строителей башни язы-ки, «вавел» ведь на еврейском языке означает «разделение».

В том месте остался Нимрод с теми, кто говорил на одном с ним языке, и создал город, и назвал Вавилоном, и царствовал в нем. Он дал персам знания о движении небесных тел и учение о звездах и <научил> разнообразным волхвова-ниям, ибо видел на вершине башни движение звезд, но не видел служебных сил, как <о том> говорит Божье слово: ангелов солнца, ангелов луны, ангелов звезд, ангелов ветров, грома, молнии и прочих. И от этого Нимрод окончательно стал суетен умом и возомнил, что понимает созданное Богом, да еще и замысел Его покусился этим разрушить, <считая>, что и судьба человеческая строится, осно-вываясь на них <звездах>, словно бы и нет в нас своей воли, но все зло <обрече-ны> мы творить вынужденно, от каковых <мыслей> да освободит Господь Бог верных своих. Ибо «кто, — сказал пророк, — уразумел дух Господа или кто был советником Ему?» Ведь созданы звезды в свое время, а не с нами: мы же

впоследствии, а не со звездами.

Второй же потомок Хама, Мицраим, поселился в стране Египетской, и его именем был назван Египет, ибо «Мицраим» на еврейском языке значит «Египет». Эти же Нимрод и Мицраим первыми начали царствовать и властвовать над населяющими землю людьми.

О РАЗДЕЛЕНИИ ЯЗЫКОВ И О ДРУГОМ. ГЛАВА 11

После столпотворения же и разделения языков появились многие люди на земле, и не только разделились наречия и языки их, но и вид их изменился, и нравы и обычаи их разделились. Произошло же все это для того, чтобы проявились в них задуманные ими дела, ибо весьма неправедно поступали перед Богом, Творцом своим, и через дела свои заблудились. Оттого и уподобились зверям и скотам диким, такими же стали и вид их, и жилище. Ибо отпустил их Бог <жить> по склонности сердец их, и направили они <свой путь> согласно своим склонностям.

О САТИРАХ

Есть люди, называемые сатирами. Жилища их в лесах на горах, а ходьба их быстра. Когда бегут, никто не может их настигнуть. А ходят нагими, живут со зверями, тела их обросли волосами, не говорят на языке, только криком кричат.

ОБ АНДРОГИНАХ

Люди, именуемые андрогинами, живут во Фритской земле, а тело имеют с одной стороны мужское, а с другой — женское: у всякого человека правый сосок мужской, а левый сосок женский.

ОБ АРИМАСПАХ

Люди аримаспы живут в дальних землях Татарских, а имеют по одному глазу, или оку, и сражаются с грифами за жемчуг и золото.

ОБ АСТРОМОВАХ

Люди астромовы, или астонии, живут в Индийской земле. Сами мохнаты, без обеих губ. А питаются от деревьев и пахучих кореньев, от цветов и от яблок лесных, но не пьют, не едят, только нюхают. И пока у них эти запахи есть, до тех пор и живут.

ОБ АТАНАСИЯХ

Есть люди атанасии, живут они на севере моря Океана. Уши у них столь велики, что покрывают они ими все свое тело.

О ПОПОДЕСАХ

Люди поподесы живут над морем Океаном. Головы у них человеческие, а руки и ноги, как лошадиные ноги, и ходят на всех четырех ногах.

О НЕУРИЛАХ

Люди неурилы живут в дальних Татарских землях, и дано им превращаться из человека в волка, а из волка — вновь в человека.

О ПИГМЕЯХ

Есть люди, называемые пигмеями. Живут в Индийских землях, ростом невелики: в один только локоть; и недолговечны: только 8 лет век их. Женщины их рожают

на пятом году, дерутся они с журавлями из-за корма, ездят на козлах, а стреляют из луков.

О КАТАИНАХ

Люди, называемые катаинами, живут в Сицилийской земле под горой, именуемой Этна. Эти люди велики, как великаны. Имеют по одному глазу, а иные слепы, и думают, что и нет на земле таких людей, чтобы у них было по два глаза. Естеством эти люди очень хороши, молятся солнцу и луне.

О ЩИРИТАХ

Люди щириты живут в Татарской земле, без ушей, только лишь дыры вместо ушей.

О ТРОГЛОДИТАХ

Люди троглодиты живут во Фридской земле в горах, а едят змей.

О МАНТИКОРАХ

Люди мантикоры живут в Индийских землях, зубы у них в три ряда, головы у них человеческие, а тело лютого зверя.

О МОНОМЕРАХ

Люди, называемые мономерами, а кое-где — монокулами, имеют одну ногу, а когда жжет солнце, он может закрываться ступней ноги.

О ПОТАМИЯХ

Люди, называемые потамиями, ходят посредством ног и рук. Бороды у них длинны. Одна половина человеческая, а другая лошадиная. У женщин их на головах нет волос, а живут в воде.

Много же и иных разных чудных порождений, как во Фрицких, в Индийских и в Сирийских землях: у иных собачьи головы, а иные без голов, на груди зубы, на локтях глаза, у иных два лица, иные с четырьмя глазами, иные по шести рогов на голове носят, у иных по шести пальцев на руках и на ногах, и все те люди в мире произошли от одного человека, то есть Адама, и за умножение грехов стали такими. Мы можем это понять, <вспомнив> жену Лота и множество других, которые окаменели <...>.

ЦАРСТВО ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ВСЕЯ РУСИ ФЕДОРА ИВАНОВИЧА

В году 7092-м (1584) после царя и великого князя всея Руси Ивана Васильевича воспринял скипетр Российского царства достойный сын его, государь царь и великий князь всея Руси Федор Иванович. Тогда во всем его царстве благочестие твердо соблюдалось и все православные христиане безмятежно и в спокойствии пребывали, друг подле друга в светлом и радостном ликовании. Была же у него честнейшая и достойнейшая супруга, царица и великая княгиня Ирина, дочь одного из вельмож, великого боярина по имени Федора Годунова, которая всеми благонравными достоинствами подобна была и равна царице Евдокии, супруге Феодосия Юного, царя греческого. Благородный же и боговенчанный государь царь и великий князь Федор Иванович, всея Руси самодержец, не только красотой телесною сиял, но и душой отличался мужественной и всяческими достоинствами сияющей, справедливостью и целомудрием, чистотой душевной и смиренномудрием всегда украшен был, обман же и коварство и всякое зло, напротив, всячески ненавидел, и от всего этого держался как можно дальше, и не

хранил в сердце зла, и раздражению или гневу в сердце своем не давал места, но со всеми был всегда тих, милостив и кроток. Поистине, если кто скажет так, то не погрешит: был он сад бесчисленных добродетелей, водами Божественными напояемый, и рай одушевленный, хранящий сады благодатные. И так пребывал он и царство державы своей хранил в постоянном покое, ибо соседние народы без кровопролития все повиновались и служить ему соглашались, и дары любочестия приносили ему. Преждереченный же благоверный боярин Никита Романович в скором времени отошел к Господу, и после него ближайшим соратником государю царю и великому князю всея Руси Федору Ивановичу и правителем державы его стал конюший Борис Федорович Годунов, брат царицы и великой княгини Ирины Федоровны, приходившийся государю царю и великому князю Федору Ивановичу шурином. Но не бывает никто из рожденных на земле беспорочен в жизни своей: хотя и чрезвычайно мудро и рассудительно правил он народом, но при этом исполнился зависти к почету царскому. И из-за этого не только добился изгнания из царствующего града Москвы близких и родственников царских, но и всю честь царскую на себя возложил и во всем держал себя подобно царствующему.

В году 7093-м (1585) государь царь и великий князь Федор Иванович, всея Руси самодержец, передал во владение брату своему, царевичу князю Дмитрию Ивановичу, город Углич с пригородами и с уездом его и повелел ему жить там с матерью его царицей Марфой. Говорят же некие, что так повелел сделать государь царь и великий князь всея Руси Федор Иванович по совету шурина своего Бориса Федоровича Годунова.

В году 7094-м (1586) премудрый грамматик Дионисий, митрополит Московский и всея Руси, да князь Иван Петрович Шуйский, и прочие от больших бояр и от вельмож царских, и купцы московские, и все торговые люди порешили и связали себя письменной клятвою в том, что будут бить челом государю царю и великому князю всея Руси Федору Ивановичу, чтобы он, государь всей земли державы царской, согласился бы вступить во второй брак, а царицу свою по первому браку Ирину Федоровну пожаловал — отпустил бы в иноческий чин. И брак сотворил бы для рождения наследника царского. И, узнав об этом сговоре, шурин царев, Борис Годунов, богатыми дарами сплотил вокруг себя злых советников на змиеобразное коварство и, словно зверь лютый, растерзал этот союз: Дионисия митрополита с престола Московской митрополии согнал и приказал ему находиться в монастыре Спаса-на-Хутыне, а на его место возведен был на престол московский митрополит Иов смиренномудрый. Тогда же и князя Ивана Петровича Шуйского в далекие края сослал вместе с братьями его и там приказал его жестоким образом умертвить. Так и других чиновных людей, митрополичьих и княжеских советников разметал, словно буря страшная.

В году 7094-м (1586) государь царь и великий князь Федор Иванович, всея Руси самодержец, приказал возвести в Москве стену каменную вокруг Большого посада, вдоль земляного вала, а строили ее 7 лет и нарекли название ей Царев град, а строитель был из русских людей по имени Конь Федоров.

В году 7096-м (1588) приехал в Москву Иеремия, патриарх Константинопольский, и с ним митрополит и два епископа, и благословил и поставил в Москве митрополита Иова первым патриархом в Московском государстве, а в Великом Новгороде поставил архиепископа Александра первым митрополитом Великому Новгороду, а в Ростове — Варлаама, третьего митрополита — в Казань, а четвертого — на Крутицы.

В том же году государь царь и великий князь Федор Иванович, всея Руси

самодержец, ходил войной на немцев ливонских, и немцы заключили мир с государем и отдали ему московские города: Ивангород, и Ямь, и Копорье. Тогда же под Ругодивом во время приступа убили немцы воеводу государева, князя Ивана, сына Юрьева Токмакова.

В году 7099-м (1591), июля 20, приходил под Москву крымский царь с большим войском и стоял у Котла два дня. Государь царь и великий князь Федор Иванович всея Руси послал воеводой своего шурина Бориса Федоровича Годунова и с ним воевод и людей многих. И крымский царь на бой с московскими людьми не выступил и бежал из-под Москвы со срамом.

В том же году, 15 мая, в день памяти преподобного и богоносного отца нашего Пахомия Великого убит был благоверный царевич, князь Дмитрий Иванович Угличский, Никиткой Качаловым, да Данилкой Битяговским. Многие же говорили, что убит был благоверный царевич князь Дмитрий Иванович Угличский по приказанию московского боярина Бориса Годунова.

О злое сластолюбие власти! О зверь страшный, все пожирающий и обгладывающий и остатки ногами попирающий, ни голоса милосердия не слушающий, не думающий о будущем возмездии! Не щадит родственников, не страшится великородных, не жалеет старых, не умиляется, глядя на юных, но словно злой ворон, который от злобы своей черен, доброцветущую ветвь благоплодного дерева сломил и совершил великое злое преступление!

В году 7106-м (1598), января в 7 день, угасла свеча страны Русской, померк свет православия: государь царь и великий князь Федор Иванович, всея Руси самодержец, восприял приход облака смертного, оставил царство временное и отошел в жизнь вечную. Был он на царстве 13 лет и 7 месяцев и 10 дней. Отрасли же наследной не оставил по себе, и так русских царей род на нем прервался.

Благословил же и повелел быть после себя на престоле Московского государства Русской земли двоюродному брату своему по матери Федору Никитичу Романову, родному племяннику благоверной царицы и великой княгини Анастасии, матери своей. Но по козням и препонам, расставленным московским боярином и конюшим Борисом Годуновым, не сподобился получить этого дара, а при том еще в злых страданиях жестоко пострадал, а о том дальше будет рассказано.

ЦАРСТВО БОРИСА, БЫВШЕГО ОТ САНА СИНКЛИТСКОГО, ИМЕНУЕМОГО ГОДУНОВА

В году 1706-м (1598) после царя и великого князя Федора Ивановича, всея Руси самодержца, принял скипетр великого русского государства шурин его Борис Федорович. Тот от рода своего именовался Годунов, лукавыми кознями своими добыл престол царский великой державы Русской и самодержцем назвался.

Этот государь царь и великий князь Борис Федорович во время царствования своего в Русском государстве много построил городов и монастырей и совершил много других хвалы достойных деяний, и взяточничество люто ненавидел, и всячески стремился во время царствования своего искоренить такие дела неблаговидные, как разбойничество и воровство и пьянство в корчмах, но не смог, однако, этого осуществить. В делах воинских не отличался искусством: не пришло тому время. Не слишком хорошо владел он и оружием, но душу имел светлую и нрав милостивый, а особенно, можем сказать, нищелюбив. Многие приняли от него потоки вод сладких и насытились из дланей его щедрых, любящих одаривать. Всех ведь он щедрыми дарами осыпал, не только ближних своих и сынов русских, но и далеких чужестранцев и иноплеменников, словно

море даров и озеро питья разливалось повсюду, так что и каменья, и деревья, и нивы ублаготворены были дарами его. И так красовался, словно финиковая пальма, листвой добродетелей. Если бы не тернии злой зависти, отчего красота добродетели его померкла, то мог бы во всем уподобиться древним царям, процветавшим всяческим благочестием.

Но никто пусть не похвалится, что свободен он от сетей злых и от враждебных козней дьявола; также и он страдал от плоти тленной и жизнь суетного мира сего возлюбил чрезмерно и к себе все собирал, словно арканом подтягивал. Того же ради в ярости беспричинной вслушивался в наветы нечестивого сборища клеветников на людей неповинных. И этим вызвал негодование всех людей чиновных Русской земли, и обрушили на него злобурные ветры много тяжелых волн и доброцветущую красоту царства его внезапно сокрушили.

В году 7107-м (1599) повелением государя царя и великого князя всея Руси Бориса Федоровича был сооружен город в степи, недалеко от Крыма на татарской границе, а построил его Богдан Бельский. И назвали его Новый царев град Борисов.

В 7109-м (1601) году преставился в Великом Новгороде митрополит Варлаам, и на его место поставили в Великом Новгороде митрополита Исидора, бывшего игумена Соловецкого монастыря святых чудотворцев Зосимы и Савватия.

В это время в Москве наплели некие мужи злохитрую клевету на ни в чем не повинного, скажу, Федора Никитича, великого московского боярина. Говорят, что родилась клевета эта по желанию и по воле царя и великого князя Бориса, так как издавна царь Борис таил в душе язвы коварства, и если являлся к тому как бы с чистым сердцем и с любовью, то в глубине души скрывал великий огонь ненависти. Была ведь у него мысль кого-либо от рода своего возвести на престол царства Русского и поэтому задумал изничтожить ветвь царского рода и возымел умысел злой, как рождение ехиднино. Осудил того Федора и сослал в Поморский край и там постричь его повелел в обители преподобного отца нашего Антония Сийского. Туда же отправил и братьев его, с ним же и сына его Михаила, бывшего тогда еще совсем юным. Федор же эти напасти великие перенес как подвижник, со всяческим благодарением, и не пришел в отчаяние от случившегося с ним, но во всем уповал на всесильного Бога и одеяние образа иноческого возлюбил больше багряницы царской.

В том же году за грехи наши начался страшный голод во всей земле Русской. А начался голодтот с августа месяца и разразился с сентября 7110 (1602) года, и бесчисленное множество людей умерло от того голода. Многие ели тогда псину и мертвечину и иную мерзость, о которой и писать нельзя. А ржи четверть покупали тогда за три рубля и более. И с этого времени начали в Москве и во всех городах русских всякое зерно четвериками покупать, а четвериком называется восьмая доля четверти, а четвертая доля осьмины. Этими-то четвериками взяли в обычай измерять товары. А прежняя мера, которая называлась четвертью, то была четвертая часть бочки или кадки, ее же оковом называли: оковывали поверху ту кадку железным обручем, чтобы нельзя ее было укоротить, а осьминой называли восьмую часть бочки. А бочку или оков покупали за три алтына и за гривну, а если подороже — то и за пять алтын.

В 7111-м (1603) году был за грехи наши мор сильнейший в городе Смоленске и в области его. И такое множество людей умерло, что и погребать их не успевали.

Тогда же и другая великая беда обрушилась на землю Русскую, и словно темная туча пришла, зло сулящая, от области, именуемой Северской, и на глазах у всех

хлынула дождем, и, став над головой Бориса царя, прогремела ему громом, смерть предвещающим. О том же, что это было, расскажу так.

О РАССТРИГЕ

Был некто из жителей — поселян Галичской области, сын боярский из людей служивых, по имени Григорий, а по прозванью Отрепьев. Он намеревался сначала стать монахом и дослужился до чина дьяконского. И потом предстал перед ним темномудрый дух и заронил некими бесовскими чарами в сердце его крамольный замысел — назваться отраслью корня царского, царевичем Дмитрием Ивановичем Угличским. И под таким именем ложным отправился он сначала в Литву и там, благодаря хитрому уму своему, всех обманул. И потом простодушных людей русских прельстил и царя московского Бориса сверг, и царство у него отнял. Ушел же из Москвы в землю Польскую и Литовскую под видом пилигрима, то есть калики, и там сбросил с себя монашескую рясу и дьяконский сан свой попрал. И научился языку польскому и гаданию цыганскому и всякому чародейству бесовскому. И потом притворился, будто бы смертельно болен, и призвал к себе попа латинского вероисповедания, сделав вид, что хочет исповедоваться. И тогда сказал ему так: «Отец! Если, — сказал, — суждено будет мне здесь умереть, в земле вашей, прошу тебя, похорони меня по-царски, ибо я сын московского царя Ивана Васильевича, всея Руси самодержца».

Услышав это, латинянин поведал обо всем знатному пану Юрию Сардаминскому. Тот же — Сигизмунду, королю польскому. И приняли все это за правду. И поэтому пан заботился о нем со всей сердечностью и пообещал ему в жены дочь свою, именем Марину, когда будет он на престоле Московского государства. И передал ему немало сокровищ, чтобы было чем платить ратникам и можно было бы двинуться на Московское государство. И так Отрепьев, собрав множество людей польских и литовских, пришел в Киев и захватил города пограничные: Чернигов, и Путивль, и Стародуб. И овладел областью Московской земли, именуемой Сиверою, и обманул многих людей русских. Многие же и из Москвы, и дворяне, и бояре, и всяких чинов, вздыхали о нем, ибо думали, что он и есть тот, за кого себя выдавал. Царь же Борис, услышав об этой великой беде и увидев происходящее, пришел в немалый ужас и опечалился, ибо уразумел, что фиал гнева и ярости Господней излился на него. И поэтому весьма закручинился, а потом разболелся и умер.

В 7712-м (1604) году государь царь и великий князь Борис Федорович, всея Руси самодержец, преставился 13 мая, постригшись под именем Боголепа. Был он на престоле Московского государства 7 лет и 6 месяцев, а всего прожил 53 года. И после него сел на престол Московского государства сын его Федор Борисович.

ЦАРСТВО ФЕДОРА БОРИСОВИЧА ГОДУНОВА

В том же году после царя и великого князя всея Руси Бориса Федоровича сел на престол Московского государства сын его Федор Борисович, а лет ему тогда было 16. Но хотя и юн был летами, но умом и знаниями превосходил многих, украшенных сединами: в совершенстве освоил он науки и обучен был всякому философскому естествословию и благочестием всегда отличался, а зло и мерзость и нечестие всякое особенно ненавидел. Статностью же тела своего и лица благородной красотою выделялся среди всех, словно лилия между сорняков. Если бы холод адов не смял цветок благородства его, то, я думаю, были бы плоды на всякое благо потребные.

Но уже многие тогда примкнули к мятежу, обманутые кровоядным щенком льва Расстригою, его же я упоминал прежде как Григория Отрепьева, который, словно

сильная буря, разметал на Руси тихую жизнь, и этого непорочного царя и блаженного, говорю я, и достойнейшего отрока Федора Борисовича, словно молодой побег прекрасно цветущего финика, вырвали руками немилосердными, и, словно лютый зверь, спавший в горах, не только престола царского его лишил, но и самой жизни. Обуреваемый неукротимыми желаниями Расстрига этот дохнул пламенем ярости и, поспешая, словно вепрь из густой дубравы, вторгся в Московское государство со многими людьми польскими и литовскими и с клятвопреступниками русскими и все города и села Русской земли подчинил — одни обманом, другие — жестокой силой. Благородного же и благоверного московского государя царя Федора Борисовича предал злолютой смерти, повелел его удушить вместе с матерью. Только два месяца был на престоле Московского государства после отца своего Бориса, недолго царской властью наслаждался. И так скончался блаженный, словно агнец тихий, никому зла не причинивший. Его же многие люди тайно в душе своей оплакивали за непорочную его жизнь, но не нашлось у него ни одного защитника: «В день ярости, — говорится, — и богатство не помогает».

ЦАРСТВО РАССТРИГИ, ГРИГОРИЯ ОТРЕПЬЕВА, КОТОРЫЙ ОБМАНОМ БЕСОВСКИМ НАЗВАЛ СЕБЯ ИМЕНЕМ НОВЫМ — ЦАРЕВИЧЕМ КНЯЗЕМ ДМИТРИЕМ УГЛИЧСКИМ

В 7113-м (1605) году после царя и великого князя Федора Борисовича захватил престол Русского государства расстрига Григорий Отрепьев, бывший прежде черным дьяконом, обманом назвавший себя царевичем князем Дмитрием Угличским, сыном великого государя московского, царя и великого князя всея Руси Ивана Васильевича, сыном, который из-за зависти к власти царской убит был злыми изменниками в Угличе, о чем писал я, рассказывая о царствовании блаженной памяти Федора Ивановича.

Был он не из славного рода, не из знатного, но из последних людей служивых, из числа детей боярских. Был же он человеком злоумным, в беседах многословным, но быстро схватывал все, что прочел в книгах, однако не на благо все это, ибо нравом он был коварен и к дурному склонен, а с виду очень невзрачен и малорослый, а сердцем лют и свиреп душой, и полон всякой хитрости, и коварства, и беснования, а ядом злобы подобен скорпиону, дышащему смертью, который взглядом убивает многих. Многие говорили о нем, что уподобился он во всем — и нравом, и делами — скверному законопреступнику, нечестивому мучителю царю Юлиану, с бесами колдовавшему и прославлявшему все проклятые веры, а православных христиан страшным мукам подвергавшего и хвалившегося, что во всех землях греческих угасит христианское благочестие и святыни Христовы изничтожит. Но не допустила сила Христова, чтобы так свершилось.

Так же и этот мерзоядный вепрь, оставив свет благочестивой веры и поправ великий чин дьяконский, сверг с себя светлое одеяние иноческое и веру православную, которую утвердили на семи вселенских соборах богоносные отцы, ту веру — поносил. Говорил же: «А что за соборы, соборы? Разве лишь те соборы? Можно, — говорил, — быть и восьмому, и девятому собору». Также и о латинянах говорил, что нет порока в них и все одинаково: какова вера латинская, такова же и вера греческая. Взял же и жену себе некрещеную, латинской веры, из Литвы, дочь Юрия, пана Сардаминского, и привел с собой из Литвы в Московское государство множество людей польских и литовских. И было тогда от них всем русским людям много притеснений, и насилий, и поношений всяких, так как обещал он своим, что будет он в Русском государстве во всем их волю исполнять и вероисповедание их введет и всячески укрепит. И поэтому против правоверных

возжигал пламя ярости и хвалился, вздымаясь как злодышащая буря, что изничтожит в земле Русской Христово благочестие, подобно Юлиану.

Но не допустила этого всемогущего Бога Христова сила и неистовые его желания вскоре угасила и в небытие низвергла. Недолгое время он властью наслаждался, восшумели внезапно волны многолюдного моря людского, и все вельможи, князья и бояре и властители земли, разъярившись на мерзость его, ворвались в палату, мечами зарубили его, и единомышленников его — множество польских и литовских людей — перебили, а остальных — немногих уцелевших — отпустили восвояси, то есть в Литву и в Польшу. Расстрига же, гнусный делами своими, руки убийством осквернил и крови христианской много пролил, но недолго властью наслаждался — царствовал всего 11 месяцев. И после него сел на престол Московского государства князь Василий Иванович Шуйский.

Во время царствования мерзостного расстриги истощились многими годами собиравшиеся бесчисленные царские сокровища государства Московского, так как он польских и литовских ратников одарил немалым богатством. Раздавал ведь всем им богатейшие дары, в руки им сыпал золото и серебро и различные вещи дорогие, к тому же и на участников игр своих и на всяких скоморохов и жен развратных и отроков истощил казну.

При его же царствовании много благородных и благочестивых мужей удостоились мученических венцов, за то, что обличали его, говоря, что он не царевич князь Дмитрий, а расстрига, бывший чернец и дьякон Гриша Отрепьев, так как многие знали семью его и жизнь. И за это многих замучил, а других приговорил к изгнанию и заточению. Блаженного же и смиренномудрого Иова патриарха, подобного источнику медовой сладости, оскорбив, приказал свести с престола великой церкви и изгнать, а на его место возвел на престол патриаршеский единомышленника своего Игнатия, родом из страны Италийской, а вероисповедания — не знаю, то ли греческого, то ли латинского, одно знаю, что православные обряды исполнял и творил не ревностно.

При его же царствовании свершилось все же и некое благое деяние, о котором теперь и хочу сказать слово, хотя свершилось это не по причине его природной доброты, но по воле Божьей — ведает он судьбами и спасает всех. Случается, что горечь лекарства, во имя исцеления от недугов, заслуживает похвальных слов. Так же вот и от этого зла проявилось благо по следующей причине. Поскольку тот, кого называю я Расстригою, стремился обманным путем показать народу, что он и есть истинный царский сын, чье имя на себя принял, то ради этого всех благородных и прославленных извел из заточения и из темниц и со всякими почестями возвратил прежнее положение в царствующем граде Москве всем тем, кого царь Борис из-за многозавистной злобы изгнал и заточил, ибо заботился о наследниках своих и царском престоле и поэтому всех, кто принадлежал к родам, близким царской крови, безжалостно искоренял, словно ветви доброцветущие. Рассчитывал он хитрыми своими лознями воцариться и не вспомнил сказанного, что Господь возвышает и низвергает и дарует власть царскую кому захочет.

Тогда же и Филарет, великий старец, с сыном своим Михаилом Федоровичем и с братом своим Иваном Никитичем из Поморских стран из заточения возвратился. Этот старец великий, кого именую я Филаретом, был во время мирской жизни своей в Москве знатным бояриным Федором Никитичем, о котором писал я и прежде, брат он был двоюродный по царице Анастасии государю царю и великому князю Федору Ивановичу, всея Руси самодержцу. И тогда умолил его священный собор и поставил митрополитом Ростову городу и Ярославлю.

ЦАРСТВО ВАСИЛИЯ ЦАРЯ, ИМЕНУЕМОГО ШУЙСКИМ

В году 7114-м (1606) после царствования расстриги сел на престол Московского государства царь Василий Иванович, именуемый Шуйский, происходивший из рода князей суздальских. Суздальскими же именуются по такой причине. Было два сына у великого князя Ярослава Всеволодовича, внука Юрия Долгорукого, правнука Владимира Мономаха, праправнука Всеволода Ярославича; <он же — сын Ярослава>, сына Владимира великого Киевского, крестившего всю землю Русскую. А был старший сын у великого князя Ярослава Всеволодовича — великий князь Александр, именуемый Невский, княживший во Владимире, здесь же и положен был в монастыре Пречистой Богородицы, честного ее Рождества. У него родился сын — князь Даниил Московский, и другие были от этого рода, поколение за поколением. А другой был сын — князь Андрей Ярославич, младший брат Александра Ярославича Невского. И тот был великим князем Суздальским, а после него княжил сын его князь Василий Андреевич, а у князя Василия был сын — князь Константин, а у князя Константина — князь Дмитрий. Тот был великим князем Новгородским. А у князя Дмитрия — князь Василий Кирдяпа, а у князя Василия Кирдяпы — князь Юрий, а у князя Юрия — князь Федор, а у князя Федора Юрьевича, у Кирдяпина внука, — князь Василий Шуйский, а у князя Василия Шуйского — князь Иван, а у князя Ивана дети — князь Андрей да князь Петр. И из их рода царь и великий князь всея Руси Василий Иванович.

О ПОСТАВЛЕНИИ ГЕРМОГЕНА ПАРИАРХА

Тогда же повелением государя царя и великого князя всея Руси Василия Ивановича и по решению всего священного собора патриарх Игнатий, возведенный на престол Расстригою без священного рукоположения, был отправлен в Чудов монастырь под начало, чтобы освоил он в совершенстве благочестивую веру в Христа Бога. А на престол патриаршеский возведен был Гермоген, казанский митрополит, хотя Иов патриарх еще тогда был жив, но не возвратился на свой престол, ибо доброзрачные зеницы его замутились и свет сладостный был отнят от очей его.

О ЗЛОМ КРАМОЛЬНИКЕ ПЕТРУШКЕ И О ПРОЧИХ МЯТЕЖНИКАХ

Недолго отдыхали люди от браней и немного пожили в покое, не видя обнаженного оружия. Но снова расстригины сообщники возбуждают смуту, снова на все города наводят беды, снова на гбре будоражат людей. Вот другое зло пришло, другой зверь явился, подобен первому не видом, но делами!

В городе Путивле и во всей земле Черниговской стороны некий новый коварнейший змий явился, по имени Петрушка, казачий атаман, родом звенигородец, ремеслом гончар. Он — лживой лжи ложь — называл себя сыном царевича Ивана Ивановича, какового сына и не было, а Расстригу называл своим дядею и говорил, что тот жив. Из-за этого самозваного прозвища приняли его все люди той стороны, а затем и северские люди и все мятежники, испившие крови христианской во времена правления расстриги; все они присоединились к нему и, двинувшись, овладели многими городами и селами вблизи Шацка и Рязани и дошли почти до самого царствующего града Москвы, который, однако, непобедимая сила — десница Христа, Бога нашего, от этой беды преславно спасла и избавила мольбами и заступничеством Пречистой его Богоматери и сияющих пресветло в Русской земле великих святителей и чудотворцев Петра, и Алексея, и Ионы, и святого нового почестоносца Христова и чудотворца — царевича князя Дмитрия Угличского, о нем же так рассказывают.

О ПЕРЕНЕСЕНИИ МОЩЕЙ СВЯТОГО МУЧЕНИКА ЦАРЕВИЧА ДМИТРИЯ И О ИЗБАВЛЕНИИ ГОРОДА МОСКВЫ ОТ БЕЗБОЖНЫХ МЯТЕЖНИКОВ

В первый год царствования государя царя и великого князя всея Руси Василия Ивановича случились чудеса многие, и были исцеления людям, страдавшим различными недугами и приходившим к мощам святого мученика царевича Дмитрия в городе Угличе, где он был убит руками злотворными. Услышав об этом, царь и великий князь Василий Иванович воспылал любовью благочестивой к святому мученику царевичу Дмитрию и в вере своей возжаждал всем сердцем положить святые мощи его в державном городе своем Москве, что и свершилось. И поэтому послал в Углич за святыми мощами Христова мученика преосвященного Геласия, митрополита Сарского и Подонского, что на Крутицах, а с ним же и других многих священнослужителей и честных иереев и дьяконов. И принесены были святые те мощи в царствующий град Москву в 7114 (1606) году, июня в 3 день, на память святого мученика Лукиана и тех, кто с ним, и положены были в церкви архистратига Михаила у столпа правого клироса, где и доныне даруют исцеление приходящим с верой к честнбй раке святых мощей его.

Когда же угрожала царствующему граду Москве великая беда и нападение злых мятежников, тогда по благоговейному повелению царя Василия патриарх Гермоген со всем священным собором у гроба святого мученика царевича Дмитрия совершил молебен и воду освятил и кропил ею всех ратников, и честной покров святых мощей его вынесли к Калужским воротам. И так всех людей, выходивших в поход на врага, благословляли в тех воротах и осеняли их честным Животворящим Крестом Господним, им и вооружались на битву и бесстрашно выходили навстречу неприятелю. И так молитвами святого нового почестоносца Христова Дмитрия даровал Бог такую победу на врага, что ни один не был убит из благочестивого воинства, а врагов их и безбожных мятежников пало бесчисленное множество, а также многие живыми в руки попали; все же остальные и с предводителями своими бежали со срамом от стен царствующего града.

СНОВА О ПОБЕДЕ ЦАРЯ ВАСИЛИЯ НАД ЗЛЫМИ МЯТЕЖНИКАМИ И НАД ПРЕДВОДИТЕЛЕМ ИХ - ГОРДЫМ РАЗБОЙНИКОМ ПЕТРУШКОЙ

В 7115-м (1607) году во второй год царствования царя Василия снова собрались противники и зломятежный лагерь свой — города Тулу и Калугу — укрепили под предводительством архизлотворца своего Петрушки Гончарсковского, обосновались здесь и овладели многими городами и селениями и православных христиан тяжко притесняли и снова в ярости угрожали царствующему граду.

Царь же и великий князь Василий Иванович, услышав о дерзости этих кровожадных зверей, сам вооружился против злом дышащей отверстой пасти и пошел со многими воинами, пасть их разорвал и много городов вернул своей державе, Московскому государству, и с помощью неких козней и хитро устроенного затопления взял город Тулу и ранее упомянутого разбойника того Петрушку, называвшегося сыном царевича Ивана Ивановича, схватил живым, связанным привел к Москве и после жестоких пыток велел его повесить. Мятежников же и клятвопреступников захватил бесчисленное множество и к ним проявил свое беззлобие и отеческое благочестие — всех их по домам распустил, надеясь таким добрым отношением смирить злолютую ярость и удержать их в покое и без мятежей и милосердием восстановить порядок и привести их к здравомыслию, и потому вместо смерти всем жизнь даровал. Те же, окаянные, ушли и снова собрали войско и снова начали войну, больше прежней, и вместо тишины дохнули бурей, достигшей до облаков и досадившей дождями

многомятежными, не водой изливающимися, но кровью.

ПЛАЧ И РЫДАНИЕ О ЗЛО ПРИНЕСШЕМ КОЛЕСЕ СУДЬБЫ

О ярость, злом дышащая! О вражда вечного и лютого врага! О злоба коварного и прегордого змия! До каких пор будешь стремиться и гордиться тем, что развращаешь благонравные умы рода человеческого? До каких пор будешь губить доброцветущую красоту творения Божьего и стараться всегда завистью противиться всему благородному и воевать против жизни? Всегда стремишься кротких сердца разъярить лютостью и распалить немилосердием, против неповинных же и кротких кровопролитную брань начать и осквернить руки всех убийством и души погубить! Увы, ненасытная глубина очей человеческих! До каких пор станешь насылать на нас бедствия всяческие? Думается мне, что подобно все это всезлобной державе темного миродержца, который не щадит ни одного творения Божьего, но всех, словно лев рыкая, проглотить хочет: одного в злобе низвергает и губит, а другого возбуждает на исполненное козней зло, как того, о ком здесь будет рассказано.

О НОВОЯВЛЕННОМ ВОЗМУТИТЕЛЕ ТИШИНЫ, ИМЯ КОТОРОГО БЫЛО ДИКИЙ ВОР ТУШИНСКИЙ

В 7116-м (1608) году снова иной зверь, подобный прежним, явился или, скажем, страшнее тех поднялся: на место, созданное по дьявольскому умыслу, явился сам отец лжи — сатана. Тогда ведь еще не все русские города возвращены были Московскому государству, отторженные от него крамолу творящими мятежниками. И вот снова в той же упомянутой уже Черниговской стороне явился новый злобесный и кровь лакающий пес, или людей пожирающий зверь хищным глазом сверкнул, и злой рык испустил, и всех простых людей устрашил, а змиеобразных, коварных и злых — тех привлек, приучая к своему кровожадному обычаю. К нему же снова собралось множество польских людей и литовских, так как и он называл себя царевичем князем Дмитрием Угличским. Хотя суд Божий вскоре покарал этого злобесного пса, но так как убедились окончательно литовские люди в том, что на Руси неустроение и междоусобица, смута и распри, то устремились все на Русскую землю. И принесли они всем христианам горькие и тяжкие бедствия, ибо и предатели царства и царя примкнули к ним, и во всех городах русских мятежи поднимали, и царствующему граду Москве угрожали, и все области земли Русской безжалостно захватывали. И так много собралось польских людей, и литовских, и мятежников, и клятвопреступников русских, что всю землю покрыли щиты и воздух блестел от копий, всюду брани и кровопролитие.

Некоторые же города тогда с Москвой остались и чтили царя Василия, такие как Великий Новгород, и Псков, Смоленск и Казань, другие же подчинились Литве и русским мятежникам. И такого — за грехи наши — смятения от начала Русской земли не бывало, какое тогда настало. И смутами этими злые те мятежники потрясли сердце царя Василия, как ладью многомутные волны, и, со всех сторон теснимый, едва не погрузился он, хотя и жаждал помощи и оттуда и отсюда, но ниоткуда не получал. Ибо царь, не имеющий сокровищ многих и соратников храбрых, подобен орлу ощипанному, лишенному клюва и когтей: ибо все царские сокровища в разменное серебро Расстрига превратил, и ратные люди все бедствием скудости были стеснены.

О МУЖЕСТВЕ ЦАРСКОГО ВОЕВОДЫ КНЯЗЯ МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА СКОПИНА

В 7117-м (1609) году государь царь и великий князь всея Руси Василий Иванович

послал в Шведскую землю воеводу, родственника своего, князя Михаила Васильевича Скопина, и поручил ему нанимать за царское жалование ратных людей немецких и из других земель. Тот же повеление государя своего — царя Василия — вскоре исполнил: отправившись, набрал за царское его жалование множество людей немецких, и много всяких русских людей ратных собрал, и к царствующему граду Москве со множеством людей возвратился. И был он воевода храбрый и мужественный, и показал себя поборником добрым всего народа русского. Стремительно, как молния, являлся повсюду перед полками вражескими и до смерти устрашил всех волков овцехищных. Был он как пастух зверегонитель, неодолимый врагами и всеми мятежниками, и всех их смог отогнать от царствующего града. Был он в боях с врагами лют и весьма искусен в атаках и воин непобедимый. Думаю, что и вся земля Русская была бы вызволена из рук супостатов мужеством и храбростью его, если бы темный гроб, всем уготованный, не скрыл бы его прославленную храбрость.

Но за греховное терние преступлений наших отнял Бог у нас этого доблестного зверегонителя и вместо него дал воеводу с сердцем трусливым, погрязшего в слабостях, свойственных женщинам, любящего красоту и яства, а не рвущегося лук натягивать или копье метать. И поэтому снова воспрянули мятежники, снова вернулись супостаты, снова проливают множество крови, снова пленяют все области земли Русской и снова окружили царствующий град и всем людям, в нем живущим, стали чинить невзгоды. Царь же Василий не знал, что делать, ибо уже предатели многие готовились выступить против него.

Не ведаю, что с православными тогда случилось: ибо вместо истины ложь прославили и вместо правды — обман похвалили, как сказано было: «Возлюбил ты зло больше добра». Многие, словно от мороза оцепенелые, отпали от доброцветущего благоверия царя Василия и пали в мрак бедственной зимы неправоверия литовского.

О СБОРИЩЕ МЯТЕЖНИКОВ ПРОТИВ ЦАРЯ ВАСИЛИЯ

В 7118-м (1610) году, февраля в 17 день, в субботу Сырной недели возмутители покоя, к бунту побуждающие народ, собрались для сговора против царя Василия. Пришли тогда на место Лобное и возбудили народ, так говоря: «Царь наш, князь Василий Шуйский, сговорившись со сторонниками своими, сел на престол Московского государства силою, а теперь из-за него много крови проливается, потому что человек он глупый и нечестивый, пьяница и блудник и во всем неистов, царствования недостоин». Услышав это, многие из народа так отвечали: «Государь наш, царь и великий князь Василий Иванович, сел на престол Московского государства не силою, а избрали его на царство великие бояре и вы, дворяне, и все служивые люди, а про пьянство его и всякое неистовство мы не знаем. А если решать такой вопрос, то тут должны быть и великие бояре, да и всех чинов люди». И никто из народа не примкнул к тем мятежникам. И поэтому не смогли вовлечь народ в смуту.

Они же темных замыслов своих не оставили и, не помышляя о милосердии, устремились в палаты к царю Василию. Он же, услышав, встал перед ними и сказал: «Что пришли ко мне, люди, с криками неподобающими? Если убить меня хотите, то я готов умереть. Если же престола и власти царской меня лишаете, то не сможете этого сделать, пока не соберутся все великие бояре, и всех чинов люди, и я с ними. И как вся земля порешит, так я готов по решению тому и поступить». Услышав это, мятежники посрамлены были и от царского лица, и от всего народа. И поэтому бежали все во вражеские полки за город, в селение, называемое Тушино, где все волки и хищники и смутьяны из всех городов не спят,

но суетным тешатся и зло замышляют и творят.

О ЧУДЕ, БЫВШЕМ В ЦАРСТВОВАНИЕ ЦАРЯ ВАСИЛИЯ

В четвертый год царствования царя Василия, октября в 20 день, с четверга на пятницу, в полунощный час в церкви архистратига Михаила честного его собора, где лежат тела великих князей и всех благочестивых царей Русской земли, послышались голоса плачущих и шум, словно некий спор ожесточенный. И потом послышался голос поющих псаломское священнословие на отход души в вечную благость, 118-й псалом с аллилуариями. И после этого с плачем замолк голос. Услышали это сторожившие в те часы и рассказали другим людям. И говорили тогда многие из народа, что вскоре суждено с плачем кончиться царствованию Василия царя.

ЕЩЕ БЫЛО ДРУГОЕ ПРЕСЛАВНОЕ ЧУДО

В том же году, месяца февраля в 18 день, случилось иное чудо преславное, о котором не следует молчать благоверным. Во обители честных инокинь монастыря девичьего, в церкви честного Рождества Пречистой Богородицы, в ночь с субботы на воскресенье Сырной недели загорелась сама собой от огня небесного свеча перед святым ее, Богородицы, образом. Услышав об этом, благоверные поспешили прийти и посмотреть на преславное чудо, творя молебен и в радостном пении вознося славу всещедрому Богу и Пречистой его Богоматери. Когда же настал третий час дня воскресного, тогда порыв сильного ветра дунул в двери церковные и тотчас свечу самовозжженную погасил — ибо была сильная буря. Этим, думается мне, предвещано было, что недолго процарствовавшего благодать сияющая минует.

О ПЛЕНЕНИИ ЦАРЯ ВАСИЛИЯ И О СМЕРТИ ЕГО И О РАЗОРЕНИИ ГОРОДА МОСКВЫ

В 7119-м (1611) году, июля в 17 день, на пятый год царствования царя Василия снова мятежники возбудили в народе злую и жестокую смуту, без стыда и с жестокостью устремились на царя Василия и напали на него и немилосердными руками, словно птенца, схватили и, после того как совлекли с него диадему царскую, отвели его в монастырь Чуда архистратига Михаила, и облекли его в иноческое одеяние, и предали в злые вражеские и христианоубийственные руки польских и литовских людей. Они же, получив его в свои руки, иноческое одеяние с него сорвали и снова облекли его в дорогие одежды, хотя и не хотел он этого, но поступили так, как обычно поступают с пленниками. И в таком виде отвели его в Литву к королю Сигизмунду, и там в страшных муках встретил он конец жизни своей и в вечное царство, в свет немеркнущий, переселился. Царствовал в Московском государстве 4 года и два месяца.

О БОЯРСКОМ ПРАВЛЕНИИ В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

После царя и великого князя всея Руси Василия Ивановича взяли власть в государстве Русском семь московских бояр, но ничего они не поправили, только два месяца властью наслаждались, ибо началась тогда великая междоусобица. Посовещались они и решили призвать на престол Московского государства литовского королевича Станислава и провозгласить его царем, «если, — сказали, — оставит веру латинскую и крестится в нашу веру греческую». С этим и послали к королю великих послов и людей от всех чинов земли Русской. Извечной лжи коварные кознодеи, злохитрые поляки, хотя и договаривались о мире, но в сердце скрывали коварные замыслы. Когда же вступили они в град Москву, тогда стали нарушать условия перемирия и народ христианский жестоко притеснять стали,

ибо и русские мятежники помогали им в этом. Семь же бояр державы Московской все правление землей Русской передали в руки литовских воевод, ибо не осталось премудрых старцев, и силы оставили дивных советников, и отнял Господь у земли богатырей ее. Все же это Бог навел на нас за множайшие грехи наши.

В том же году, марта в 19 день, излился фиал горя — разгромлен был царствующий город Москва. Рухнули тогда высоко вознесенные дома, блиставшие красотой, — иные огнем истреблены, и все прекраснокупольные церкви, прежде славой божественной сиявшие, скверными руками начисто разграблены были. И множество народа христианского мечами литовцев изрублено было, а другие из домов своих и из городов бежали поспешно, ища спасения. Прочие же, оставшиеся в городе, руками вражескими пленены и порабощены были. И так литовские люди владели Москвой два года и 6 месяцев, но в страхе были, ибо русские люди не отошли от города и убивали многих; хотя и утратили все свое достояние, но мечтали вернуть себе свою отчину, что и случилось.

О ГЕРМОГЕНЕ ПАТРИАРХЕ И О КОНЧИНЕ ЕГО

В первый год царствования Василия царя возведен был на престол патриаршеский великой церкви Гермоген, бывший прежде казанским митрополитом. Был он образованным мужем и красноречивым, но не сладкогласным. В божественных словах постоянно упражнялся, и все книги Ветхого закона, и Новой благодати, и уставы церковные, и законоположения постиг в совершенстве. А характер имел тяжелый и не спешил прощать наказанных. Дурных людей от хороших быстро не мог отличить, а к льстецам, а более того — к людям хитрым, прислушивался и доверял сплетням. Об этом некто сказал: «Из всех живущих на земле более всего склонен к греху ум человеческий и от обычаев добрых к злым совращается». Так вот и этот совращен был некиими мужами, подобными змиям, которые шьют клевету, козни сплетают и любовь обращают в ненависть. Так и Василия царя зло оклеветали мятежники словами лживыми, а он поверил всему, сказанному ими. И поэтому с царем Василием всегда говорил грубо, а не благожелательно, ибо в душе носил огонь ненависти, зажженный наветами, и о коварстве супостатов никогда с отеческой любовью не совещался с царем, как тому быть подобало. Мятежники же сначала в удобный час царский венец попрали, а потом и святительскую красоту, надругавшись жестоко, обесчестили.

Когда же после царя Василия оказалась Москва во вражеских руках, тогда хотел он предстать непоколебимым заступником народа, но уже минуло время и час прошел, словно приняли идущего за стоящего, и во время лютой зимы вздумал зацвести миндаль. Тогда хоть и ярился он на клятвопреступных мятежников и обличал их борьбу с христианами, но схвачен был немилосердными руками и, словно птицу в сетях, голодом его уморили, и так умер он.

О ТОМ, КАК ВЛАДЕЛИ МОСКВОЮ ЛИТОВСКИЕ ЛЮДИ, И СНОВА ВЗЯТА ОНА БЫЛА РУССКИМИ ЛЮДЬМИ

В годы, когда Литва владела городом Москвой, славили там имя Сигизмунда, короля польского, а над остальными городами и над всеми людьми ратными земли Русской взяли власть один из великих бояр московских — князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой и воевода Прокопий Ляпунов, рязанец. И, подступив со многими людьми под Москву в том же году, марта в 27 день, отбили у литовцев большой посад и каменный град Белый, именуемый Царев град. А литовцы удерживали Китай-город и Кремль.

И так прошло немало времени. Осаждали воины русские свой город и неустанно сражались с врагами, но не могли его взять, пока не отверзлась дверь милосердия и щедрот Господних. Да с ними, с князем Дмитрием Тимофеевичем Трубецким и с Прокопием Ляпуновым, был атаман казацких полков, московский служивый ротмистр пан Иван Заруцкий. И был он не трус и сердцем лют, но душой коварен, ибо, позавидовав славе Прокопия, составил против него заговор. И был тот передан в кровожадные руки зло чинящего сборища, где глаз не смыкают творящие зло. Те же безжалостно, как волки, схватили его и поле кровью его обагрили. И хотя многие, бывшие тогда в рядах воинства, опечалились из-за смерти Прокопия, но не смогли помочь ему сохранить жизнь.

И была тогда великая печаль и смута по всей Русской земле, ибо великие бедствия обрушились на христианский народ из-за притеснений со стороны неверных и насилий от ратников. «Если бы не кончились дни те, то не осталось бы — как сказано — ничего живого».

Но Бог рядом с теми, кто призывает его. Поистине по великой, ко всем простираемой милости своей дарует исцеление от болезни. Ибо выдвинул он из народа христианского некоего мужа от рода не именитого, но разумом мудрого, его же прозывали именем Кузьма Минин, а занимался прежде торговлей скотом. В то время пришла его очередь стать начальником судейским среди своей братии, то есть людей посадских в Нижнем Новгороде. Видя тогда, сколько притеснений терпят все, и опечалился очень, и душой поболел, подобно Зоровавелю, за людей Господних, призвал на помощь всемогущего Бога и сердцем воспринял все, что говорилось о бесчисленных бедствиях. И всегда носим был бурными ветрами различных забот, если в чем и неискусен, то зато решителен и деятелен. Собрал у народа множество серебра и заплатил необходимое жалованье людям ратным.

И так собрал полки многие и военачальника, искусного в битвах, князя Дмитрия Михайловича Пожарского уговорил стать над всеми. Сам же никогда не отлучался, словно древний Гедеон, возбуждая сердца всех против врагов. И так со многими воинами подступили к стенам Москвы и благим добронравием своим, словно ласковыми лучами солнечного света, военачальников собрал и всех храбрецов войска благочестивого воедино совокупил. И так, по промыслу Создателя, могуществом всесильной и непобедимой его десницы и под предводительством его разогнаны были темные тучи столь великих бед, на нас обрушившихся: подступили тогда с изготовленным на битву оружием к стенам города и снова взяли воины русские Москву в году 7121-м (1613), октября в 24 день, на память святого мученика Арефы. Потом и крепкую Кремлевскую крепость захватили, и многих польских и литовских людей побили, и главного смутьяна во всей земле Русской — Федьку Андронова схватили живым, и после многих истязаний был он повешен. И других изменников замучили с ним. Воздалось им по поступкам их, как бы сказать — по злу их и по рвению их, ибо прежде многих преследовали, а потом сами к гибели устремились и страшной смертью скончались.

ЦАРСТВО ГОСУДАРЯ ЦАРЯ И ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА ФЕДОРОВИЧА, ВСЕЯ РУСИ САМОДЕРЖЦА

В году 7121-м (1613), марта в 14 день, снова сыны русские обрели врата отечества и достояния древнего — город Москву, снова наступила весна благодатного бытия и разлились струи светлотекущего жития, ибо долгожданной надежды нашей, великого Бога, свет воссиял, и по его благоволению от предела Российской земли и до ее окраин народ православный, малые люди и великие, богатые и нищие, старые и юные обогатились богатым разумом от всем дающего жизнь и светом

добромысленного согласия все озарились. Хотя и из разных мест были люди, но в один голос говорили, и хотя сговориться не могли, ибо жили вдали друг от друга, но собрались все как равные в едином совете. Решили разумом, избрали же словом и постановили делом и благое решение приняли. Свершилось оно, людьми составленное, но по божественному устроению: умолили и упросили стать их государем на престоле царском Московского государства царя Михаила Федоровича, который был по роду племянник царя и великого князя всея Руси Федора Ивановича по матери его, царице и великой княгине Анастасии Романовне, бывшей супругой царю Ивану Васильевичу.

Сошлись же тогда всей Русской земли вельможи, князья, и бояре, и дворяне, и все воеводы, сияющие храбростью, и цвет воинства, и всяких чинов приказные люди, и из всех городов лучшие семьи, и все вместе от мала до велика православные христиане в град, именуемый Кострома, к Михаилу Федорови-чу — здесь тогда находился он с матерью своею, великой старицей инокиней Марфой. И все, к ее ногам припадая, со слезами били челом и просили у нее, чтобы благословила сына своего на престол царский Московского государства, что быть ему царем по родственной близости его искрам царским и по благословению, данному отцу его, благоверному боярину Федору Никитичу блаженной памяти царем и великим князем Федором Ивановичем. Она же, вняв слезным мольбам бесчисленных людей, с трудом согласилась на это: ибо государь был молод, а время тогда было бурное, и люди строптивые — то есть склонные к смутам. Но, однако, возложила надежду и упование на всемогущего Бога, не отвернулась от многих слез, и просила сына своего Михаила Федоровича, и более того — благословила его стать государем в Русской земле, царем и великим князем Михаилом Федоровичем.

И тогда приемлет богопорученное ему скипетродержание Московского государства и повел мудро направленный корабль царствия. И стал он православию глава и начало богоугодному благочестию и государь всем правоверным, что под солнцем, и всему православному христианству назвался боговенчанный царь и великий князь Михаил Федорович, всея Руси самодержец. Хотя и прервалась чреда прежде царствовавших в отчинной державе его, подобно могучему и пышно цветущему дереву, увядшему и оскудевшему, скованному лютой зимой, теперь при летнем тепле и солнце улыбнулось оно и расцвело. Преславное же и великое место и многочисленных христиан дом, то есть мать городов русских — Москва, опустошенная во время завоевания неверными латинянами и состарившаяся и осиротевшая в тяжких бедах, причиненных русскими мятежниками, снова превратилась в юную обликом, словно это отроковица прекрасная и нарядная невеста. Апостольская и соборная святая церковь снова возвратила себе взор ласкающую красоту своего убранства. Снова солнце правды светлыми лучами благодати своей перед нами засияло, и увидели все свет великий, сладостной тишины свободный день. Избавил нас Господь Бог наш от обид наших и от страха перед иноземцами, и даровал державному держать державу в крепости достоинства своего, и даровал царствующему победу над врагами. Пусть будет он в благе пребывать, и многие годы здравствовать, и во всяком благоденствии и в радости расти и мужать.

Из "Временника" Ивана Тимофеева

Подготовка текста, перевод и комментарии В. И. Охотниковой

ВСТУПЛЕНИЕ

Среди современников автор «Временника» Иван Тимофеев слыл человеком начитанным, книжным, дьяки отзывались о нем с уважением и в 60-е гг. XVII в.: «...был де он книгочтец и временных книг писец». О жизни и деятельности дьяка Ивана Тимофеева известно немного, большая часть сведений почерпнута из его рассказов о себе во «Временнике», меньшая — из документальных источников. Впервые подпись дьяка Ивана Тимофеева появляется в 1598 г. на избирательной грамоте Бориса Годунова, затем в грамотах 1605 г., уже во времена правления Лжедмитрия I. В 1607 г. Иван Тимофеев был послан царем Василием Шуйским в Новгород, здесь нес службу до 1610 г., после ее окончания он не мог вернуться в Москву из-за скудости средств. Живя в Новгороде, Иван Тимофеев стал очевидцем захвата и почти шестилетней оккупации города шведами. После освобождения Новгорода Иван Тимофеев служил в Астрахани, Ярославле, Нижнем Новгороде, имя его теряется в документах после 1629 г.

Что же заставило дьяка Ивана Тимофеева взяться за перо и описать события времен Смуты? Сам Иван Тимофеев так пишет о побудительных причинах его литературного труда: потрясенный разорением великого древнего Новгорода, зная о таком же унижении и опустошении Москвы, он думал о том, «как могло случиться, что недавно существовавшая невыразимая словами красота такого города и всего, что было в нем... как будто в один час разрушилась?.. В течение многих дней постоянно не переставал я размышлять в уме своем о таком разорении города... и ходил как умалишенный». По словам автора, мысль о необходимости описать и объяснить происходящее «как пальцем, тыкала меня в ребра... она постоянно побуждала меня к этому и неотступно напоминала, так что при моей слабости не мог я отогнать ее беспощадную докуку...».

Можно предположить, что отдельные записи сделаны Иваном Тимофеевым еще в Москве, большая часть работы была проделана в Новгороде, во время оккупации города шведами. Писать в неволе, среди врагов, было нелегко. Не хватало бумаги, недоставало сил, работать приходилось тайком, урывками, скрываясь от недругов, перепрятывая написанное из одного места в другое. В 1616—1617 гг. Тимофеев начинает объединять и редактировать написанное ранее.

«Временник» сохранился в единственном списке *(РГБ,* собр. Музейное, № 10692), это не авторский экземпляр, а копия 30-х гг. XVII в. В дошедшей до нас рукописи выделяются пять самостоятельных частей, каждая из которых рассказывает о деятельности одного исторического лица — Ивана Грозного, Федора Ивановича, Бориса Годунова, Лжедмитрия I, Василия Шуйского; шестая часть, озаглавленная «Летописец вкратце», является пересказом всего того, о чем писалось в первых пяти частях. Каждая часть, в свою очередь, делится на главы; так, например, в части, посвященной Борису Годунову, имеется 4 отдельных главы, текст последней из них прерывает «Глубокий плач из середины сердца» о разорении Новгорода, по содержанию он не связан с рассказом о Борисе Годунове. Композиция «Временника» сложна и непоследовательна. Эту особенность своего произведения осознает и сам автор, считая, что оно подобно скроенной, но не сшитой одежде, что отдельные части его «не получили соединения в стройное сочетание по порядку» (л. 292—293). Действительно, отдельные фрагменты, например «Глубокий плач из середины сердца», кажутся вставленными не на свое место, некоторые мысли и темы повторяются, особенно в последней части. Но, говоря о нестройности своего сочинения, автор имел в виду не только эту чисто внешнюю неорганизованность текста.

До XVII в. для исторических произведений привычным было хронологическое расположение материала. Кажется, что Иван Тимофеев следует традиционному хронологическому принципу, части его сочинения выстраиваются во временной последовательности. И тем не менее его обращение с историческим материалом не совсем обычно. «Временник» — не историческая повесть, в нем нет подробного и последовательного описания событий Смуты. Не факты и события во всей их исторической конкретности и причинно-временной взаимосвязи интересуют автора, а человеческая личность. События обсуждаются, рассматриваются как проявление и следствие характера или условие, формирующее его. Внимание автора «Временника» поглощено изображением сложности, изменчивости человеческого характера, его сочинение превращается в собрание характеристик деятелей времен Смуты. Характеры, изображенные Иваном Тимофеевым, противоречивы, изменчивы, в них нет средневековой схематичности. Автор пытается разобраться в сложности человеческой натуры, объяснить, чем вызвано смешение в человеческой душе разных начал — добрых и злых, понять, что оказывает решающее влияние на характер человека. Особо пристальным вниманием к внутреннему состоянию человека, сложностям психологии отмечена характеристика Бориса Годунова. Желая быть объективным, Иван Тимофеев много пишет о достоинствах Бориса, его уме, благочестии, умении расположить к себе людей и в то же время осуждает Бориса за гордость, жестокость, коварство, пытаясь понять, почему умный человек становится жестоким, благочестивый — гордым. Автор далеко не равнодушно взвешивает на весах справедливости доброе и злое в душах тех людей, о которых он пишет, и не скрывает, что это его личное мнение, его собственное истолкование событий. И эта открытая субъективность повествования, когда объектом изображения становится авторское отношение к историческим характерам, тоже было необычным для исторических сочинений. Таким образом, в литературной жизни начала XVII в. «Временник» дьяка Ивана Тимофеева — знаменательное явление.

Для публикации из «Временника» выбраны наиболее характерные в литературном и историческом отношении рассказы о Борисе Годунове и Лжедмитрии I. Из части, повествующей о деятельности Бориса Годунова, взята первая глава «О обирании Бориса на царство...», опущенные в ее тексте фрагменты отмечены знаком <...>. IVчасть «Богопустное на ны царство Ростригино беззаконное» публикуется полностью, опускается заключающее рассказ о Лжедмитрии I размышление автора над тем, что всеобщее падение нравов, прежде всего всеобщее молчание, стало причиной несчастий Русской земли; это совершенно самостоятельный по теме фрагмент, помещенный и в рукописи на отдельных листах.

Текст печатается по списку *РГБ,* собр. Музейное, № 10692. Полное научное издание см.: Временник Ивана Тимофеева / Подг. к печ., пер. и коммент. О. А. Державиной. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951.

ОРИГИНАЛ

О ОБИРАНИИ БОРИСА НА ЦАРСТВО В НОВОМДЕВИЧЕ МОНАСТЫРѢ[1] И О ВОЦАРЕНИИ ЕГО; И КАКЪ ЕВО ДЛЯ В ТОТЪ МОНАСТЫРЬ СО КРЕСТЫ ХОДИЛИ, А ПОСЛЕ БОРИСОВЫ СМЕРТИ ПЕРЕСТАЛИ ХОДИТЬ; И О СЕРПУХОВСКОМЪ БОРИСОВЕ ПОХОДЕ 106-го ГОДУ, КАКЪ ХОДИЛЪ ПРОТИВЪ ЦАРЯ; ДА О ТОМЪ, КАКЪ ПРИ ЦАРѢ федоре ивановиче и борисе прелестники ЦЕРКВИ СТАВИЛИ И

ОБРАЗЫ ПИСАЛИ ВО ИМЯНА АНГЕЛА ИХЪ

И по тѣх предитекущих времен, в сего внутрь миротворений общия жизни к седмой тысящи грядущаго лѣта 106-го, по успении самодержавнаго вправду государя царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Русии, скончавшаго Давыдски свой кродце животъ в деянии его благихъ дѣл, иже от рабских рукъ нуждно и прежде времени почившаго.[2] Яко многеми непщеватися о немъ, еже прежде времене ему положенѣх Богомъ предѣл крестопреступный в клятве раб сему уготова вѣчнымъ сномъ почити, возложи бо на того царску главу свою рабосквернавую убивства руку, принесе господску животу смертен яд и уби й, некровопролитне аще, убивательне же обаче, якоже отрочате брату сего[3] прежде той же. О самого же смерти царя восплеска си тайно руками, зря всѣх несмѣльствомъ умолкшихъ о немъ людей, и немилостию от своея совѣсти жгомъ, отбеже извнутрь самого царствия в пострижение сестры своея лавру,[4] бывшей прежде супрузе оного предпомянута царя. Триехъ бо ради винъ непщуемо бысть бѣгъство его, коварством нѣкако мышлено. Первее страхъ о семъ имѣ в сердцы си, да увѣсть истее, аще ли отнюдь не быти внезапну востанию на нь людий, огорчившемся по зельнемъ плачи вкусом о смерти царя, и ускорят вослѣд его на убивство мщеньемъ. Второе, аще же таковый в людех распаления пламень не возжется въскоре, он благонадежне безстуден будетъ. Третий же, разсмотритъ свое хотимое: колицемъ усердиемъ народ весь в державу себе его взыщет и еликою теплотою вослѣд его по немъ тещи имутъ, и кий коего о его взыскании предваряти начнетъ или небрежти, в прочее простирая, роздвоять во царствии — овых за страсть любити и намъздевати, овых ненавидети и томленьми мучити. Вся сия лукавне о всѣх увѣдети хотя, да последи, великая получив, тщащихся о нем возлюбит, нерадящих же умучитъ гнѣвомъ. Во граде же оставшу на се с великими своя ему от рода избранныя и многими с ними по немъ спомогателя, яко вездѣ быти в людех того всѣх слух и око.

По отхождении же его, иже лестию, в лавру от града, наутрие, токмо еще начинающу дневи, солнцу же своя простирати луча на вселенную, собрашася необлѣнно вкупе силнословесныя рачителя его вся и, молебну человекуугодия хартию писанми тщанно соплетше, временю прилучну в донесение ко оному, губительну же по всему суетиемъ желателныхъ душамъ в будущемъ, ускориша они самого архиерѣя во дворъ и подъяша й с крестопокланяемою всею честию кафолическия церкве, и с прочими всего яда во святомолебне устроении и исхождении и чине же купно святительне и священными в белоодежне оболчении. Сподвигоша же с нима и люди вся, от старецъ до юношей, от града изытием со святоношении во обители мѣсто, идѣже превосходный славою, яко в берлозе дивия нѣкако, лестне крыяся, в нѣхотѣния образе самохотящ намъ поставитися и быти деспод; еже и сотворися, умолим вмале: идѣже богатово хотѣние, ту удобно бываетъ прошение. День же того прошения тогда в Сырней седмицы вторникъ бѣ.[5]

И якоже придоша вси с святоношеньми в лавру, изыде виновный сопротивъ во святосрѣтении с ту сущими священных же и простых во сретение всеградней святыни. И вшедшимъ во церковь, молебноя обычие сотворишимъ, и по совершении начаша со архиерѣомъ святоименнии и мирстии столпи велицыи, и по нихъ вси чинове царскаго велми всего устроения, и умноженая зело чадь, малая с великими, умилне с плачемъ молящим, и бедящимъ же всяко, и понуждающим на долзе мнаго, да преклонится к молению и не оставит сиры, яко да будеть Росийску всему жребию царь. О сем кождо своя к той пристойная оного хотѣнию принося увещания глаголы, могущая молимаго повинути о просимомъ, глаголющим же себѣ к нему сими примилити словесы, о семъ друг друзе

словохотне рвениемъ ретящимся. Средним же и до мала всѣмъ нелѣпо с воплемъ многимъ кричати не в чинъ, яко до иже разседатися от вопля того утроба ихъ, и лица рдѣтися от рдѣнья, и ушеса своя от шума того слышащих затыкати. Таково человекомъ угодия лесть бяше в нихъ!

Прикровеному хотѣниемъ ко всѣмъ купно отвещавающим, еже никако ему на таковое дерзнухъ, сице глаголаше: «Не буди то!» — рече, с клятвами се утвержая слово к нимъ. Просимыя же наипаче к нему словесы належаху, к мольбѣ паче многосугубу мольбу прилогающе, и вящщий вопль простроша в людехъ, молимаго хотѣние спокрывающе купно вси. Он же и еще не повинувся к тѣмъ, яко да не вмале хотя умолимъ быти, и скорым ихъ от крове умягчениемъ уяснится его хотѣния дѣло и вси словомъ отщутят лесть его; откровениемъ бо малемъ обличается обнаженне и сердечное сокровение, всяко умудрение вещи. Онъ же, зря всѣхъ таковое о себѣ прошения прилежание, еще спокрывся нехотѣниемъ и выспрь, яко орелъ, превзятся мѣрою паче, и прелукавне явлеными показаньми обольстеваше люди. Иже в руках держа пота своего утирания ткания плат, сего плата в приложение своимъ онъ клятвам предстоящимъ вдале народу, иже не слышащимъ от прочихъ вопля словес его, ставше ему в крылу церковнемъ, прямо входу западных врат, на мѣсте высоцѣ, еже мощи видену ему быти всѣми, оного плата окрестъ шия своея облагаше. Ближнимъ, имже мощи глас словес человеческих слышети, симъ глаголаше, далним же прилагателне о себѣ показуя разумевати, яко бы удавитися понуждаемаго ради хотяше, аще не престанут молящеи. Таково послѣднее тогда своего нехотѣния притворение людскому множеству показа, и плошайших убо симъ в вѣру многу улови, прочих же никакоже, яко и сего его льстиваго ловления сѣтей разумѣньми ся вышшимъ быти. Но что успѣ разумѣние? Аще и уразумѣша, но хотящее богопопущение быти превратити не возмогоша, Богу в прочее то смотрительне на се къ збытию попустившу о хотящихъ дѣятися по сих. И паки предиреченных имемся о предиглаголаннемъ.

Он же, по прилагании еже платом си удавления, убеже от церкве в темножительныя храмы мнихоцарицы, сущи сестрѣ ему, и яко зельне свое нехотѣние показуя, извѣстно же видѣнием и крепцѣ увѣрився, яко не имут молящая из лавры изыти, молимое прошение не получивъ от него. Видяху же молящая молимаго к молению яко непреклонна вправду, движутся вослѣд бежащаго и внити спрошение в храмы пред лице госпожи, яко да тамо многу к ней мольбу простручт и яко да поне сия преклонится к мольбамъ и вдастъ повелительне брата молящихъ прошению, паче же оного желания хотѣнию. К сим же отрокъ нѣкий наущен, не вѣде кими, хотемем ли самѣм коварне нѣкако, или блазнительми его, яко проповѣдника, извѣтомъ пред лицемъ мнихопребывателных затворив царицы посадиша и на забралехъ, поставленехъ в защищение града храмомъ, оноя мнишицы смирения ради, и выспрь сего на та вознесше, при самыхъ оконцах державныя, извѣтомъ народа яко во уши той младый вопити повелѣн. Просимых же молению согласенъ отрока вопль бысть, вся народныя их гласы превосходя; к затворшейся иже в темных храмѣхъ волею единогласно вопия, да дастъся ею поставитися царски брат ея во главу всѣмъ людемъ; и паки то же непремѣнне крича и не престая. И елико сей вопияше, симъ паче хотимаго обличаше, яко уже студ бѣ мнозем и слышати таковаго нелѣпаго и бесчисленаго вопля. И аще не бы любезен былъ и кромѣ воли желателя таков близъ непреступных храмов бесчиненъ и мног вопль уноша, то не бы к мѣсту тому и приступити смѣл, ниже бы зрящая стерпѣли тому на мнозе, яко и в среднихъ таковым бывати не стерпѣваютъ, ни попущают же, обаче ни его, еда творимо что свѣне своего повелѣния узритъ. Се к прочимъ множае бысть

хотимому обличение.

Абие же вся молящая от храмовъ сестры виновнаго со многимъ изыдоша веселиемъ, яко одарени, получивше ото обою обѣщно просимое, сестры и брата обаче. Яко руками радостию восплескавше, во вся церковныя камбаны ударити повелѣша, возвышающе выспрь своя гласы на многоополчении прошения. И о приложения лѣт живота новохотящем поставитися царии паки молебная пѣвше довольне, и всѣм людемъ такоже обещавшемся новогосподе молити повсюде запоручиша и во всемъ царьствии спѣшне то же и с приложенми творити повелѣша. И по семъ обещавыйся, много не отлагая, от лавры паки вниде во град. Елицы же к преимущему ласканий своя кождо прелестныя словеса в лавре молениемъ изрицаху, не единаго ради сихъ множество изрещи не возможно, но и за студ, — усладил бо ся, блажимъ хвалами, лжами, и утвержатися обыче яко на вѣтрех. О таковых бо сама Истина рече: «Горе, егда возглаголютъ о вас человецы добре и блажащеи вас лстят вы»[6] и прочая.

Он же презре словес силу, глаголемыхъ Богомъ, ли не разумѣ, отнюдь бо бѣ симъ не искусенъ сы, от рожения бо до конца буквеных стезь ученми не стрывая. И чюдо, яко первый таков царь не книгочий нам бысть.[7] В прочих же, разве сихъ, худого преизлиха в мори обладаемых коварствах паче о простертей вещи познаетца, о ней же слово: како, всѣхъ обольстивъ, на верхъ всея земныя чести превзниде, подобне яко на небо от земля, единоступлением на престол царствия воступи, благороднийшихъ себѣ в рабы себѣ покори, первее средороденъ и средочинен. И аще убо дерзостию и прегрѣшно зело *наскочение* на превысокая сотвори, срабным бѣ, но ни враг его кто наречет сего яко безумна: скудоумным бо тацемъ образомъ, якоже он, на таковая превосходити и обоимати недостижно, аще кто ин таковъ обрящется в людехъ. Таков бо той бысть рабоцарь, яко и прочая величайшая и прегордыя по вселенней цари, иже нечестивыхъ державъ обладателя, рабородства того не отвращахуся, ни гнушахуся, державнаго ради соименства; и благоразумия его о земныхъ слышаще, справаго братства и друголюбства не отметахуся, якоже и благороднехъ, прежде его бывшихъ, ли и вящше. И что дивно, аще быша по семъ намъ инии цари разуму, но к сего стѣнь суть онехъ разумы, якоже познано есть во всѣх, киждо бо, яко ограду нѣкако прелѣз, свой путь погибели обрѣтъ. И да никтоже мя о сихъ словесы уловит, иже о любославнемъ разделѣниемъ: во овых того есмь уничижая, в прочих же яко похваляя, в ких явится мѣстехъ; по нѣкихъ ни убо, но здѣ, того при онех разума единаго праведне представляю, якоже и в прочихъ, не разликуя; во инех же, яко и в сихъ, оглаголанием не терплю сего господскихъ главъ убийственное ниизложение и на сихъ престолы наступления. Разве же сего в дѣлныхъ прочая того благая и злая, бывшая на лицы и нами изрещи возможная, не утаишася, но не вся, разве что сокровеных.

Нрав же бо ему сопротивне ратующихъ ходити: егда не исхождаху они на брань, тогда он устремляшеся на ня; егда же волцы овецъ не врежаху, он сихъ на ся звизданьми токмо, яко храбор являяся, призывая. Егда же суровии смиренымъ безстудне навѣтовати начнут, он пребываетъ от каменотвердынь неисходен, якоже преди слово покажетъ и мимошедшая изъявитъ.

По избрании же великаго и своемъ ему к нам хотѣнии на превысокая не скоро тогда, но разсмотрено и еще седает, яко лѣто цѣло препустивъ, дождавъ предпосланного блаженным Феодором, самодержавнымъ царемъ, на востокъ ко агарянску царю[8] ходившаго. Известивъ ему той в послании, пришед, небытие царево на Русь, тогда новоизбранный нашъ хотяи быти царь, увѣрився тверде о неисхождении сопротивнем царя, собравъ многи вои, преславно творитъ исхождение свое. Ополчився ратью противу токмо имени царя, не навѣтующаго

намъ бранью, тогда, дошед града Серпухова, царь наш ста при брезе Оки и двомѣсечно медление творитъ тамо на единомъ мѣсте со всѣми силами, преди не поступая. Обаче и посланныя от царя, не вѣдущи его исхождения и стояния ту, приидоша обыкшимъ обычаем по первыхъ, якоже иногда биваше между господствъ, посланным с посланными вкупе ли особь приходити сопротивъ творимо. Он же свое устремление притворное в царскихъ свѣтлостехъ многолюднаго собрания предо онеми показуя, извѣтомъ своея храбрости, яко готов бѣ, глаголаше, тѣхъ сопротивитися царю, и все уряжение воинъско и огнепальная премнога громострѣляния, иже посланиемъ огаряномъ пришедшимъ во устрашение та представляя, сими сихъ и в прочая ужасая. Им же тогда и путишественый свой прехитрый белосущаго лняноткания снеговиден град, долготою и широтою много обоямо простертъ, того имъ во удивление показа. Его же составное умудрение видѣнием подобоградно все, многи врата и башты по стенах имѣя, величество же объятия того четверостѣнна круглость. Отдалече бо зримъ, сущу бити ему яко каменюзданну граду и внезапно ставшу нѣкако на мѣсте праздне; о немъ глаголати нѣкимъ, могущь же нѣкогда и устрашити кого мимоходящихъ путемъ от нечаяния скорымъ возрѣниемъ на нь и последи удивити. Внутрь же себе имѣя, красуяся, вмещена самого царя, водворяющася с чинми всѣми, и вся телесныя того потребы в себѣ объемля и о нихъ служимыя. Рать же всю, окрестъ внѣ стоиму округ же его, украшаху цветущия злаконосне крины, зеленѣюще и цвѣтущесе различне. Со оного же мѣста обладатель нашъ чюжевѣрныя воспять отпусти, и яко пришед вся во своя, видимая ими своему они царствии возвестят. И ту двомѣсечное он исполнив время, со тщетныя побѣды к царствию во многосиятелней возвратися славе, фараонитцки, множество колесниц и конникъ; симъ исхождениемь, коеже возлюбити его всѣх паче утверди, иже не разумѣющих козненаго.

И еще, пришед, о своемъ совершении премедли два обращения лунѣ, до начала новаго круга, индиктиону тогда начинающу седмому, себтябрия 3-х каландъ, [9] совершене помазася елеомъ от рога, в сущихъ на земли превосходную венчася славою, оттуду господско притежа си совершене имя, царя же и князя вкупе наречение прия, якоже обычай биваше сущимъ помазоватися царем в преимущихъ чине преславнаго возвышения. Здѣ желаемому си неявлену хотѣнию збытием конецъ приимъ, яко всѣх царей честь, собравъ, единому имяни своему возложи. Толикие бо гордости вознесеся о царствии, еже вмале не сравнися з Богомъ послежде; но получение таковыя славы от своего ему яве желания по всему яко нож наостренъ самъ принесе своему сердцу, имъже себе збодъ и, низпад, сокрушися, якоже и во других о семъ пространнее речеся мѣстех.

Лаврскаго же ради иже прошения сотворенаго получения в безмерная уставиша церковнии святонастольницы, великому угождающе, оному же симъ приповелевающу, от матере церквамъ и царствия всего[10] святоисхождения сотворяти неизмѣнно на лѣта в Сырныя седьмицы третий день. Празднование извѣтомъ яко Божии Матери имени возложиша, вещью же царюющаго угождению сокровне; яко да той день не остает неисходенъ в домѣх и нигдѣже ни единъ от велика до мала, мужеска пола и женска, онемъ вослѣдуя. И таково уставление во указания день исполняше, не преступи, до иже бѣ животъ в первоповелевающимъ и се хотящем. В твари же по строю тогда от небесъ аще слани, аще дождевы, аще бури, и нестерпимыя вѣтры, и прочая, еже никако мощи издомовнѣ изникнути, обаче повелеваемое за страх и помущения ради облакъ отложити не смѣюще, но яко со тщанием творяху въ страсе. И чюдо, яко во она происхождения самъ, о нем же празноваху, исхождение собою сотворяя купно с народы! Самъ себѣ празнуя по образу, иже кто на кий день каковыя Богомъ беды избавится, тогда празднует Богови: незабвено будетъ в помилованем дѣло его, —

и к сему того должная есть, — он же радостне празднуя, на кий день временную си славу получи.

О омрачения! о многаго славоослепления! Или еще от сихъ винъ сего злоба, еже царей умершвение и царствия желания, не обличися, ни обнажися? <…>

Не восхотѣх же и се не помянуто оставити. Аггела бо имя воцареному бѣ единъ празднуемыхъ перво от двою июля въ 24, в онь же творится пресвѣтлая добропобѣдныхъ на память новоявленосвятыхъ мучеников всеросийскихъ, князей, самобратныхъ по плоти, Бориса и Глѣба,[11] во святомъ крещении Роман и Давидъ, иже самоизволне презрѣша земное царство и во исповѣдании крови своя излияша усердно за Христа, той бо не разлучи ихъ в животѣ на земли, ниже по смерти на небеси. Тѣхъ святую двоицу, не разлучимую Богомъ, человекоугодницы иконописаньми на дцкахъ разлучаху единаго от другаго. Вящщаго описующе, яко почитаема мняху, паче же симъ раздражаема на ня; юннаго же, с сродным не совокупляюще, яко презираема, от сплотнаго спребывания воображениемъ отторгаху. И что тяжко бѣ: на дцкахъ вапы обою брату воображати, святороженнаго супруга не разпрязая, вѣде, яко не шаровнаго бо другому не доста утворения, но иконостежателе вѣры умаление.

По притчи земных указаний. Два друга кто обрѣтъ, брата си, ближники царя, и за вкупную искрь себе любовь сообращающемся имъ друголюбиемъ выну, по случаю же званъ будетъ инемъ третьимъ на бракъ единъ от двою, не разлучающихся никогда нигдѣже. Не имат ли незванный от звавшаго своего презрѣния вменити в бесчестие и о звавшем враждовати гнѣвомъ? В прочее тому не хощетъ нарицатися друг, но сопротивне, и время обрѣтъ, цареви на нь о своемъ уничижении в молитвах изъявитъ. Негодует же всяко на звавшаго и званный брата ради, к брату бывшее оскорбление вменяетъ свое бесчестие. И яко не убо дружбы дѣло се, но разделения и самохотныя вражды; и не точию бо братия имут во отмщение ревность сию, но и несроднии друзи же. Предиреченному же не трапезнаго предложения недовлѣние другаго к любви удержание, но оскудѣние усердия к дружбе.

И что рещи о повелѣваемыхъ иконописателем? В них же суть ови разумиви, но неразсудливи и невнимательны о добрѣ и злѣ наглости ради, ови же средоумни, другия же нимало, но на первыя взирающе подобы, прочая же поучающихъ не внемлюще, преслущливи и презориви всяко. Но множае горе преобладающему, иже превзятся на всѣхъ разумы; опасно бо ему, сия вѣдящу и зрящу, единого лице годе ему бысть на иконахъ. Сопричастен же ко греху о глаголемыхъ иже духовная кормила объемый, слыша бо таковая, вѣде и зря, но умолчевая, а не поучевая, ни обличая. И о сихъ судити вѣсть правды око, иже вся зритъ, егда приидет день своего пришествия.

Паки же *возьмемъ* слово, от идѣже стахом и начатое положихомъ, паки же бывшая по ряду да напишемъ.

Не зжали бо си, ни помысли ради получения славолюбия соутробныя ему сестры, всеа же Росия госпожи, сицевою како зелною скорбию ту оскорбити, еже по таковѣ мужи не прилучшеюся смертию разлучити, и зрѣти ю ему, присно от толикия славы в черная оболчену; ея же ради нѣкогда сочетания, за еже ко царю, он си всю честь получи, якоже подражатель бѣ. Господския иже первых по цари болярския многи дщери, дѣвы, своя же госпожа, нуждею от зависти постризати, яко несозрѣлыя класы срѣзовати, имже не бѣ всяко воля. Тѣмъ родителемъ ихъ колику скорбь и болѣзнь вѣчну творяше: небрегомы толико, яко кроткия агницы, остризаеми. Не явлеся о сем извѣтъ творя, яве же вещь указа: яко да не понудится нѣкими царь прияти едину от нихъ второбрачиемъ в жену неплодства

ради сестры его, он же тогда уже будетъ яко ничто. Мняше се серце его, собирая беззаконие ему. Но еже чюжимъ чадом содѣя, се и о сестрѣ сотвори он же, како же не къ сроднымъ той человекълюбивъ явился бы! По прехождению же времен и дщери его нѣ от коего тожде бысть невольное пременение риз,[12] но и со студомъ всяко; аще и не он, но мы узрѣша то. О женѣ же и сыне его что рещи? Нужно бо удавиша й неначаемии враги, о сихъ слово пространнее преди положися по своему чину.

И яже злоба о Борисе извещана бѣ, должно есть и благодеяний его к мирови не утаити и в среду глаголемых совнести, аще та и притворна имъ к людем бяху по всему. Елика убо злотворная его подробну написати подщахомся, сице и добротворивая о нем исповѣдати не обленимся, дондеже от прехода лѣтняго продолжения не спокрышася забвениемъ. Елика ми на память взыдоша, толико напишу их, да не и наше списание еже на нь злобное возмнится, по нѣкихъ враждуемо. Егда злотворная единако изречена бы, добрая же от инѣх сказуема, нами же умолкнута, — яве неправдование обнажилося бы списателево. А иже обоя вправду извѣстуема без прилога, всяка уста заградятся.

В начале убо жития си он всяко добровиновен бѣ. Первое его — и добро творив и начальнейшее к Богу, неже к людемъ: се еже о благочестии всяцемъ ревнитель усерден, по древнихъ о церквах с чинми тоя бысть попеченми прилѣжен; требующимъ даватель неоскуден, к мирови в мольбахъ о всяцей вещи преклонитель кротостен, во отвѣтехъ всѣм сладокъ, на обидящихъ молящимся беспомощным и вдовицам отмститель скор; о земли правлениох прилежаниемъ премногъ; правосудства любление имѣ безмѣздно, неправде всяцей изиматель нелестен; о зданиох градостроителных вещей, яве къ царствия наполнянию тому прилучныя красоты, уряжениемъ излишенъ. Доможителное всѣмъ во дни его пребывание в тихости, не обидно, даже и до начатия еже по немъ самобезначальства в земли. Насилующимъ маломощных возбранение з гнѣва прещениемъ уемно, разве обид кихъ слух его не прият, обидимым от рукъ силных изиматель крѣпок; купно о всея земли утвержение попечением показуяся преизлиха, дондеже не превзятъ любовластием; в безмѣрие богомерскому винопитию продаяние отнюдное искоренение с наказанием; зелных мздоприимству всему в конецъ умерщвение непощаденно бяше, мерско бо ему за нравъ; на всяко зло, сопротивное добру, искоренитель неумолимъ со властию, якоже инѣмъ воздоброе мздовоздатель нелестен, но не всѣмъ убо. Во всѣх же Росию всю олукавствова, преже бо уклонения его ко злѣйшим, иже на господско подражания убивство, по первосамодержцех благочестию послѣдуя, во инех и вящше.

Но вем вещи силу сказати, откуду се ему доброе прибысть: от естества ли, ли от произволения, ли за славу мирскую. Яве, яко в прикровеней лсти, за еже на самую высоту, от много лѣтъ разжения его тайно лежиме во глубине сердца его. Мню бо, не мал прилог и от самодержавного вправду Феодора многу благу ему навыкнути, от младых бо ноготъ придержася пятъ его часто. Яве, яко узде его Богомъ попущене бывши, возбранению ни от кого же ему не сущу, отигра бо ся, яко жребец от стада, самовластием от Бога и царя. В часѣ же смерти его никтоже вѣсть, что внезодолѣ и кая страна мѣрила претягну дѣлъ его: благая ли злая; яко может Богъ и в день смерти воздати человеком противу пути его, якоже пишет.*[13] Но что, аще похощет кто дивитися еже сего к земли о добромъ тщанию, и не чюдо, что бо от всѣхъ сущихъ сравнитися может главѣ царстей? Аще бы он и себѣ всего самого за оного животъ нѣкако излиялъ, ничтоже суть достойно, ни мир весь, власу единому царских глав, якоже видимъ ныне вси, аще не тако суть.

Добротворения же он своего ради, еже к земли мнимаго имъ прилежания его, превознесеся гордостию серце ему, якоже нѣкогда Новходоносору царю о Вавилоне дѣлъ ради здания.[14] К сим еще прилагаетъ два нѣкая делеса, яже с прочими здѣ его добрыми в ряду не вписашеся, иже он нача, гордостию разстворив, здати. Богъ же, совѣтъ его предваривъ, не даде ему совершити, разсыпа бо и, прегордое его предзря.

Первое убо и верховнейшее дѣло его: основание во умѣ своемъ положи и промчеся всюду, еже о здании Святая святых храма[15] сего весь подвиг бѣ; якоже во Иерусалиме, во царствии си хотяше устроити, подражая мняся по всему Соломону самому, яве, яко уничиживъ толикъ древняго здания святителя Петра храмъ Успения Божия Матере.[16] И яже к созданию на сограждение стенам потребная готовляхуся имъ вся.

Второпервое, превелие и то дѣло его, — аще и восхотѣ убо, не возмог же се: источникъ самого присносущаго живота нашего, троическаго состава, единаго видимаго возраста Христа Бога гроб, божественыя его плоти вместилище, с сущаго от их во Иерусалиме мѣрою и подобиемъ златослияненъ весь вообразити подщася, каменобисеро и златовязно устроити. И якоже у близ совершения той бывъ во утворении, топази оны и бисеры многоценными, яко лящею, весь посыпан, ухищреньми умудренъ прехитре зело, яко не токмо невѣжде, подобным мнѣ, таковое дивство бысть, но и благородныхъ первыхъ, неже по сих, иже в царских домѣх при всеа красоты славе воспитанех, драгости и умодѣлне хитрости дивяся; уму же и даже от предѣлъ своих уступати, зраку же очес от каменоблистаний, свѣтлостей различья сияний лучь едва в мѣстехъ имъ своихъ устояти. Многоцѣнства же онем объятися численыя истовыя мѣры положения не бѣ, превзыде бо числа всяко.

Сие же здѣ не вещи дивство естества, но превзятие Борисово описую, сугубство гордости, высокоумие бо вѣре его одолѣ, множае камень честных з бисерми и существа самого злата превозношение взыде.

Внят Божие ухо возношение сердца его, зане частыми смотренми вещи сея превзимаяся, предварших его всеросийскихъ деспот всѣхъ уничижая симъ, яко упремудривъся, иже, глаголашеся, и не бѣ в нихъ толико разума о семъ домыслитися. Симъ всечастно надымаяся, таже и от ласкатель ему своих бояр поджизаемъ хвалою лстивою, яко подгнѣтою нѣкако, словесы многосугубны потаки ему приглашающих и паче сихъ и, яко хврастие подо огнь, хвалу серцу его подлагаху, образующе своими словесы, яко и онамо в будущемъ подгнѣта ему будутъ они таковымъ ласканием. Они и к царствия желанию сего подвигоша, связахуся с хотѣниемъ его, якоже два ужа нѣкая вкупе: сего хотѣние и онѣхъ ласкание — грѣхоплетенная верига.

Како убо той помысли толика велия дѣла наздавати, еже воздвижение толико святыни храма и о вотелесении Господни, кромѣ Божия хотѣния и воли, не вѣдый, яко и Богоотецъ древле, пророкъ святый царь Давидъ, иже по сердцу Господню бывый, таковое здание рачаще и не получи,[17] но ему же повелѣша, иже от чреслъ его изшедый нача таковое и совершитъ? Добре иже о себѣ начинающихъ таковая рекошася, яко «помыслиша совѣты, ихже не возмогоша составити».[18] Гробозданное же златое умодѣлство все красотою его многою нелѣпотне Ростригою лжецарем на доможителныя потребы безообразни сокрушени разсыпашеся, неже хитротворение, красоты жалость от разбиения удержа. Обоихъ си дѣле Богъ имени своему совершенехъ имъ быти не благоволи, показуя всѣм, яко в них же з гордостию вѣра того слияна бѣ. Нѣчто си примесися вкупе, мню, и от неправды собраное, еже от слез и кровей, от Создавшаго око и

Насадившаго ухо и Научающаго языки мня утаити, но не возможе. От неправды Богъ угождаемъ не обыче бывати, якоже овча порочно, слѣпо же и хрома, приносимо древле Богу на жертву: «Принеси, рече, таковое ко князю вашему, еда приимет».[19] В нихже онъ угождати тому надѣяся, в тѣхъ прогнѣвая того паче. Також и о тяжкослиянныхъ и многошумных звуком камбанехъ бысть и злое содѣланехъ. Приготовленая же орудия, на вся яже сограждение великия церкви, Богомь не у на то прияты, яко непотребны вменишася, Шуйским Васильемъ царем на ина здания, даже на простыя храмы вся распродашася. Яко добродѣтели убо по естеству вся благи, суть, различне же от Бога судятся произволениемъ творящих я — сице и о сихъ. <...>

БОГОПУСТНОЕ НА НЫ ЦАРСТВО РОСТРИГИНО БЕЗЗАКОННОЕ

Посемъ воста от ложа своего скименъ лют, враг же обаче, а не человекъ бывая словеснаго существа, оболкся в плоть антихристъ; и яко теменъ облакъ возвлекся от несветимыя тмы, нечаянно, внезапу токмо, и наиде на ны. Его же страха слухомъ Борис, прегордый пред малемъ и царствуяи нами, ужаснувся того стремления, с высоты престола царствия низзвержеся. Прикладне, яко комар лва не дошед порази, якоже пишет. Не той бо, но совесть ему своя сего низложи, вѣдый вся, яже о себѣ нѣкогда.

И сей бо худороденъ сы, и зело плашайша племене пород ему бѣ, Галич бо град того изблева.[20] Ульяна по всему законопреступнаго исчадие[21] и нечестивое порождение Гришка, порекло Отрепъевъ, не толико сей на ны, елико оного властолюбца поразити страхомъ пущенъ бысть, суду на неправеднаго пришедшу праведну дати: до сего праведней ярости дерзости Борисове стерпѣти. Преславнымъ именем во образе царска сына вменився, Дмитрия Ивановича всеа Русии, предипомянутаго великаго победителя во царех всынотворився ему, чюжа ему бывша по всему, разве рабства число в прочихъ срабных ему песочнаго умножения бѣ онъ. Якоже море не познаваеть в предѣлехъ своих малехъ держащихся в немъ животных до единого, сице сего царюющему не бѣ знан ни род сего, ниже имя его, — он же дерзну сицевому усынотворитися, якоже к Богу приближениемъ приразився! Богу свое терпѣние и попущение показующу, привлечеся от Сѣвера[22] в самую матере градовомъ град Москву в совокуплении многихъ силъ безбожныя литвы с приразившимися к нему и *мЬншими* всѣми вои Росийска господства, благородными началы воемъ бранныхъ силъ, иже Росийску жребию сущим, скифетродержателемъ тогда Борисом в защищение против оного на краяхъ всего Сѣвера поставльшимся.[23] Приложшеся убо имъ от десна на шуе клятва крестопреступне ко лжеименного воли, овы убо того лукавое лщение познавше, овы же и ино мнѣвше — по правде нѣкако возсияти ему от изо оземъства царю, идѣже бѣ оземъствованъ сущий царевичь Димитрий Ивановичь Борисомъ. Прельстившеся много и козньствы его. Еще ему внѣ сущу предѣл Руския земля, самохотне повинушася вси, идолу сущу, яко царю, поклонишася. Страх смерти чаяния по вострии меча его одолѣ, к сим же всѣм купно и Борисово тожде насилное во льсти кроволюбное царство стужи, не от ига еже бы имъ даней подложения, но неповинных мнозех пролития кровей, оболгания мнѣвшеся при оном отдохнутиемъ поне мал получити покой. Но надежею вмѣсто уповаемых вси солгани быша. Горѣе нечестивых, иже православными прежде не именовавшихся никогдаже, конечное зло хотящеся от него на вся нанести и паче всякого зла злѣйши: по смерти его от тайных его увѣдено бысть, яко Христову вѣру, православиемъ вѣчно цветущую, в конецъ хотя окаянный от памяти испровреще[24]* зломыслиемъ врага, аще не бы Господь прекратилъ дни жизни его.

По начинанию бо и конецъ его, понеже таковъ бѣ напрасенъ и наглъ, вкупе же и

дерзь, яко Июда, иже на Тайней вечери дерзну.[25] Тако сей предприятием убо своим злым, преже бѣ прияти ему царство, во мнишеское облещися дерзну, и не довляшеся симъ преокаянный, но и еще к сему преложи, яко во огнь вскочити не устыдѣся, еже и священнодьяконство ему на ся у великаго,[26] противнаго умысловмъ, изолгати, вѣдый в себѣ, яко от предложения своего хотя священство и мнишество отвержениемъ си обезчестити, по мале богопустну времени о семъ приспѣвшу, еже и бысть. Вкупе обоего чина самоизволне совлечеся, священства, глаголю, и мнишества, с сими же убо и обещания святого крещения отвержеся преокаянный, достовѣрными, паче же от дѣл его познано бысть. Весь сатана и антихристъ во плоти явлься, себе самого бесом жертву принес! Еще же ему и в латынех, — яве, яко Богомъ изгнанъ от наслѣдия вѣрных, — тамо к сквернобрачия совокуплению за дщерь у нѣкоего инославна духоборныя ереси призятьствовася[27] обещаниемъ, у могущаго всю злобу умышления его исполнити, ельма достигнетъ своего упования совершеное желание некасаемым коснутися, еже получения царьствия приятия, еже и бысть. Обличати хотящихъ овы яве, овы отай убиваше, иных же во оземство зачатая, прочихъ тѣхъ, яже онѣм на такавая дерзати, устрашая, многи бо имѣ у себе ласкатели, угожающая руги, и другимъ дщанно ретящихся.

Оста же по смерти Бориса царя супруга его, яко горлица, вдовствующи, двѣ си точию отрасли имущи. Сына убо, «дара Божия» имянуема,[28] могуща державе скифетраправления, и произбранну уже на царство крестоклятвено же, и люди вся отча державы ввѣривщу си утвержене к служению; едино тогда точию недостаему — еже не помазану сущу, на мало сему отложену бывшу ради супротивия ратных к бранемъ строений. Дщерь же дѣву имущи чертожницу, совершене уже приспѣвши к браку, «странна» имянем по толку.[29] Ей же и обручникъ волею отчею приведенъ бысть отвнѣ земля, сын нѣкоего краля, любезне ему, — еще живу сущу отцу ея, — браку же не збывшуся, Богу несоблаговолившу плотскихъ совѣту.[30] По малу же предвари приближениемъ ко граду предипомянутый нововосхититель царствия. Матерь же ону, уже безмужну и сих обоих прежде рождьшую, с сыномъ ея одолѣтель прежде своего входа во град, от ближникъ своихъ преде себе послав, в дому перваго достояния и безсловесне нѣкако и нуждно обоихъ убиством осуди,[31] увы, загнетением смерти преда. Мню, сего отрока тѣломъ чиста представша Христови, яко родительныхъ грѣх непричастну. Твердозаклепанную же юницу, по еже во град своемъ входе, умилене нужею от царска чертога извед раболѣпно, свѣне всяко чина царска, в нѣкоемъ угождаемаго ему и приближна нововельможи дому без тоя воля, яко несозрѣла класа, пожат, во мнишеская облекъ.[32] И чюдо, аще не бѣ ото отступника той тайноругательно что!

Юже прежде в твердыняхъ высоты царствия, при рожших ю, храмине сущей едва солнеце скважнею виде ю когда, яко «слава тщери царевы внутрь»,[33] по Писанию, — тогда же сию небрегому и мельчайшии чади многи обгляда око. И оттуду на лѣта к болшему безчестию продолжися живот ея даже и до четвертаго по отцы царюющаго, часте в державах пременяющихся. И от мѣста на мѣсто, и от лавры в лавру она превождение подъя, и до толика безславия жизнь ея протяжеся, яко и до еже, егда всему царску граду объяту от противных и во облежании бывшу, в нем той с прочими затворене, всякого безчестия, скудость и нужду претерпѣти, даже и до сего, яко и иноплеменных языкъ, самых враговъ отца ея, ту уничижене руки осязаша. Прочее же помолчю. Елико в царствиях превзятыя высоты достиже, множае в нижайшихъ бесчестия всякаго! Яве, яко за грехи родивших ю и сродных всѣхъ едина та за всѣх всяко безчестие подъя. И да никтоже иже от здѣ глаголъ сопротивно нѣкое тоя чистотѣ вознепщует; еже бы по изволению, ея, не буди то, разве насилия многа от попущения предисогрѣшшимъ

ея родителем, той и неповинне сущи. Не знааше бо, ниже свѣдуще преже, что есть плоти грѣхъ, в преимущихъ бо, неже в плѣжущихъ, от еже родися и воздоися и воспитася, идѣже всяко ни слово гнило не происходит никогдаже, разве вся изрядная и честнѣйшая в дѣлехъ и словесѣх преимѣтельства. Откуду же и мощи сопротивному той навыкнути не токмо же, но и тоя служительницам, сущимъ в чинохъ и до послѣдних, навыкшим лучшему, неже дщери царя? Се вси свѣдят. Юже вѣчно сподоби, Господи, сихъ бесчестиемъ будущую честь купити, имже образом вѣчный животъ купуют праведнии! И паки прежереченных имемся.

Подобна же себѣ богоотступный и *фатриарха* несвящена, Игната имянемъ, изообрѣтъ,[34] на преосвященемъ велицемъ престоле сего постави вмѣсто сущаго патриарха Иова,[35] православнаго и в Росии перваго, измѣн, оземствомъ во град нѣкий осуди. Вскоре обещанная оного сквернителя сквернавица и за грехи наша обладателя пославшимся по ню в царский град приводится нѣкоимъ от синклит стаинником его Власовым Офонасомъ, всяко человекоугодне ему от серца и душа послуживщу чести ради гнилыя. Богопротивно, обаче всеукрашене бо та в царских лѣпотах, яко царица, колеснично фараоницки с отцемъ си в царский град приведеся; огнеподобно же ереси яростию, не яко царица, но человекообразная аспида, на християнство грядущи, дыша, подобне, якоже иже о женах во Откровении Богослова[36] лежит: «Едина едину, нечестива благочестиву хотя потопити изо устъ водою». Но убо ехидна сия аще и не водою, якоже та, но Росия вся, мир нашъ кровию от нея потоплен бысть, кто не вѣсть! Приведый же сию тайноглагольникъ его Афонас от пославшего его сан нѣкий паче достояния своего и имени сугубыя чести преложение не в лѣпоту приятъ: всѣх сокровищныхъ царскихъ доброт властохранителя надо всѣми того постави, вся царская ему вручи хранилища. Ему же, зряще нѣцыи же и то, еще и предходатая его сотвори себѣ напослѣдокъ, иже втораго чина болярска, ступающа с прочими пред лицомъ лжецаря; преизящества достойнии тайно враждебне взавидеша чрезмѣрие того, присно убо дающемся.

Повнегда же нечестивней оного супрузе царскаго града дощедши, вскоре скверносверстникъ тоя презлый, православныхъ собор призвав, лстивъне прельщаетъ ихъ, извѣтъ творя яко праваго совѣта, соопрошается неправе с ними своея подруги о крещении, аще достоит ей, рече, второе креститися. Вменяетъ ей преокаянный латынское богопротивное крещение во истинное святое християнское купѣлное порождение извѣтомъ симъ; что ей, глаголя, второе креститися, яве есть, яко не хотя ко истинному просвещению тоя привести.

Таже соборным же правилом взысканий ради о сихъ, на среду священносудящихъ и лжецаря пред лице всѣ в храмины крова его совнесшимся, и овы убо ото отецъ немноги же поистине непросвещене во церковь совнити ей с нимъ не соблаговолиша; прочии же страстне человекоугодия слабостию за славу мирскую подавишася, на обою ногу болѣниемъ храмлюще, прельстишася купно же не пастырски, но наемнически, и ужаснушася, воли его быти повинувшеся попустиша. Зрящще то, и первии умолкоша, яко словеса беззаконникъ премогоша, и вси даша ему плещи. Несвященный его фатриархъ егов весь готовъ бысть, яко и прочимъ онемъ соблазнившимся. Видя же сей волкохищный обще всѣх бѣгство и разума нестоятелное, — даша ему свою волю улучити, на царствие наступление, тако и в церковь ему внития с прочими нечестивыми не возбранят, еже и бысть, — приемлетъ сложение помысла своего исполнити вскоре. Не токмо бо человеческий срамъ презре, но и Божия страха преокаянный не ужасеся, ниже во умѣ того приемляше, мняше Бога яко не суща: «Рече бо безуменъ в сердцы своемъ: нѣсть Бога».[37]

Яко в просту храмину вседержавныя нашия общехристиянския надежи и

Заступницы всемирныя песъ со всесквернавою сукою и латынь и еретикъ со множествы вскочи[38]и на версѣ царска престола дерзостно предсѣд! Видимо весь храмъ наполнися тогда еретикъ, яко волков; невидимо же мраченъ облакъ тмы исполнися бесов, радующемся, объемлющим их. Божия благодати, мню, отступльши, яко да исполнится реченное: «Узрите мерзость запустѣния, стоящу на мѣсте святе; чтый да разумѣетъ».[39] И ничимъ же тогда мнѣе самого антихриста его зрящимъ, недостойна на престоле суща, неже царя! Дню же праздника бывшу великаго архиерея во святых, иже Мирликийскихъ Николы честных мощей принесения,[40] егда же та скверна дерзости законопреступления, — и не празнованого его! Паче Иродова празника сотворяшеся сугубо тогда беззакония:[41] осквернивъ святая богоборне, еретическими наступивъ ногами царьствопомазание и женитву, невидимо мажущимъ и венчающимъ его к своей воле бесомъ, благодати не сущи.

О, долготерпѣния твоего, Владыко! Како не разверзе земля устъ своихъ, якоже о Дафане и Авироне древле![42] Гдѣ тогда уступило твое многотерпѣливое, кое водворение безгнѣвия его безчислие, его же тя вся тварь бывшая тобою вместити не может? Вправду предѣл и мѣсто себѣ самъ еси, по богословцехъ, пресвятый Господи! Вѣде, яко долготерпѣние твое усмотри дати ему всю злобу хотѣния его исполнити, яко да тѣм он лютѣйшу себѣ муку устроитъ.

Он же, растлитый, несвершеный урокъ жития своего и прекрашеный грехолюбно поживе, всеблудно же, и беззаконно по всему, и рабско, и скотолѣпно всяко. Яко вѣж бѣ, тако бѣ, во плоти бо, яко в гробищи, пребывая, питаяся отнюдь иже вправду прежде царствующих его ни стѣни жительства царствия их показавшу. Свое существо дѣлы си обнажи с точными совѣтники себѣ во нравехъ и младоумными дѣлы, неже лѣты. Нѣцыи обновляюще о нем любовременною славою в преизлишных богатствах и в чрезъестественных чинов свою многолѣтную старость в скаредах всяцех и в мусикѣйских гласехъ. С присными си, причастными всѣх дѣл его, поживе мертвою жизнию, по богатаго притчи,[43] на всякъ день веселяшеся красно, непщуя животъ си продолжитися. Царски чины ради студных дѣлъ недостойный недостойным недостойне раздая чрез естество и возрастъ, паче отечества же и благихъ винъ послужения, срамных же вельма. Подобне, егда по случаю нѣкако пес восхитит нѣгде не по естеству, но снѣдь царску, бежит в мѣсто тайно тоя снѣсти; прочии же пси, таковое узрѣвше восхищеное, у единого отъемлют и наслажаются вси купно чрезъестественаго, несвойственого; пожирают же растерзательно и небрежно, обаче и растрашают многа, прерывающе, у другаго ов отъемъ, ов много и ин же мало, яко ведяще бяше не свое всѣм; бывает бо имъ за се, имъже от прочих в тѣх обиденым, изгрызатися. Сицев разумъ и о глаголемых такоже, по Премудромъ,[44] «якоже многоцѣнныя усерязи у свиний в ноздрех». Тако в недостойнех чины.[45] Яков дающий, тацы же и приемлющии: ни даяи вѣсть, что дает, ни приемляи знаемъ, и аще бы виновное вѣдели обои, не бы несвойственное усвояли. И Борис сего в сихъ немноземъ отличенъ бѣ. Но паки о перемъ скончаемъ слово.

Сокровичная же хранилища прежде всѣх бывших царских доброт, даже и до златицъ и сребреницъ самѣхъ, увы, вся истощи без чина и размотрения, не в лѣпоту разсточительне, яко скудель мня всѣ, неже сребро. И дражайшая раздаяя, яве бѣ, о них же не трудися; их же многихъ тем невозможно числомъ объяти, — мню, яко и песочное множество сихъ мѣре превзыти. И богопротивных землю, вкуполатынную Литву, сими обогати, мал сихъ останокъ в тайнохранилницахъ оставль; и сему точию смерти его удержавшу.

Но убо царствуяи всѣми не попусти ему благочестивых престола лѣто цѣло оскверневати, величество Божия ярости и прежде вѣчнаго суда множества

нечестия ему не стерпѣ. Аще и отшед тогда в царьская, всяко гнѣва не убежа от неумытнаго суда Христова, внезапно вмале сотренъ бысть с возлюблыцимися с ним, не со всѣми же. Богодвижно народу всему, яко огнь возгорѣся во Иякове, [46] и бури зело силне на нь подвигшися, взятся от жизни нежизненый живот его и «память его с шумомъ погибе», по реченному, и со иже с нимъ. И чюдо! Богу крѣпце ниже произносно совѣт во мнозех еже поучение о смерти его удержавшу, не возможе той преокаянный мыслимоя о себѣ в согласующих увѣдети. И аще бы поне мало нѣкоего о семъ часть не утаилася слова, велие бы было повреждение дѣлу и сотворилася вспона. Но Божию совѣту человекъ возбранити не может, никто бо может умудрити, егда реченное хощетъ исполнитися. От него и от любитель его таковый совѣтъ сокровенъ бысть, ему же и хранители его ратоборцы, учиненыя имъ, близ ложница его поставльшиися в блежчащихъся бранных оружиях животъ его облюдовати, еже помощи ему, християном не соодолѣша; и мнози от нихъ оружия своя праздна при ногах православныхъ повергоша, Божия гнѣва пролитие на нь уразумѣша.

Над сими же в царский нашъ град и совшедшая с нимъ рать и на превысокий престол посадившая его богоборная литва купно погибоша, в них же множество избранных благородных бѣ. Яко олово в водѣ, зелне посредѣ царствия вси погрязоша, и не избысть от них ни един; якоже древле о фараоне бысть,[47] сице и в нас днесь тождe Бог чюдодѣйствова. Таковъ убо бывает конецъ востающихъ неправедно на православных землю, якоже пророкъ рече: «Помыслиша совѣты, ихже не возмогоша составити»,[48] и прочее. Сице и днесь тайноумышления нѣкая на ны языческая,[49] егда Свѣдый время восхощет, не укоснит раздрати совѣт ихъ; может бо, аще утолитъ на ны ярость гнѣва своего. Таже прежереченная накончаем.

Мы же тогда тѣм злочестивымъ мня свою погибель отмстити, но Богу за грехи наша гнѣва своего, лютѣйша сих, на ны сохраншу, прегрѣшное наше очищая; увы, множайши тѣмъ земли Рустей вред сотворихомъ: всю землю их сами на ся сим восколебахомъ. И по мал час тогда онех падением порадовахомся, много же оттуду и доныне неутѣшно плачем. Яростный огнь возжгохом, даже и до сего сихъ *подвигохомъ,* еже помале пришедшимъ убо в силах тяжцех имъ, и предняя наша грады стершим, и дошедшимъ самыя матере градовом, вся тоя входы же и исходы, облежениемъ обсѣдше, затвориша и на много оставиша. Никому же сопротивъ могущи стремление ихъ возбранити, и жилища си близ забрал града на лѣта утвердиша. Самого же царя, иже внове пред малемъ самохотно восхищениемъ наскочивше безступне от болярска чина на царство, — мню, яве, яко без Божия промысла, его же и конецъ, небесный суд всѣмъ делъ его показа, безчестно бо и малолѣтно пребысть, — сего, яко в худе клѣтце, со всѣми вои его неисходна во граде затвориша, князя Василия Шуйского. Всеа же Росия грады и веси по нем, яко звѣрие растекошася, не точию пусты под мечь подложиша, но в различья смертей до основания низложивъ, всеродно испровергоша. Купно рещи, не бѣ мѣста, идѣже правовѣрных кровми горы и холми не полияшася, и удолия, и дебри вся наполнишася, и водамъ естество, ими очервивъ, згустися, и звѣря селныя и парящая плотми вѣрных удовлишася; и множество им преизбысть, оставльшая же вся, со землею смесивъшеся, истлѣша даже до общаго всѣхъ воскресения. Но и еще мечь гнѣва всего доныне на мѣста прескача, останцы земныя, идѣже бѣ что, изыскуя, поядает не престая. Со злочестивыми вкупно сложивъшимся, вѣрных часть всѣм зло симъ быша злосовѣтникъ с наскочившимъ без смотрения разбойнически на царство, якоже преди слово скажетъ. «Поставиша си князя, мене не вопросиша, — рече Богъ, — согрешил еси, умолкни».[50] <...>

---

[1] *...в Новомдевиче монастырѣ...* — Новодевичий монастырь, место пострижения и погребения московских цариц, находился недалеко от Москвы, основан в 1533 г. в память взятия Смоленска и перенесения в Москву иконы Смоленской Богоматери.

[2] *...Феодора Ивановича... прежде времени почившаго.* — Иван Тимофеев повторяет распространенное среди его современников мнение о том, что в смерти Федора Ивановича был повинен Борис Годунов. Оно отражено и в других письменных источниках (Псковская I летопись, Морозовский летописец, Сказание о царстве царя Федора Иоанновича). Федор Иванович сравнивается с библейским царем Давидом, жизнь которого христианскими авторами истолковывается как образец кротости.

[3] *...брату сего...* — Имеется в виду царевич Дмитрий.

[4] *...в пострижение сестры своея лавру* — Через несколько дней после смерти Федора Ивановича его жена, царица Ирина, сестра Бориса, удалилась в Новодевичий монастырь и постриглась в монахини.

[5] *Денъ же того прошения тогда в Сырней седмицы вторникъ бѣ.* — Крестный ход в Новодевичий монастырь начался на рассвете 21 февраля, это был вторник Сырной недели, т. е. Масленицы.

[6] *«Горе, егда... лстят вы»...* — Ср.: Лк. 6, 26.

[7] *...яко первый таков царъ не книгочий нам бысть.* — Царь Борис, которого современники упрекали в незнании Священного Писания и даже безграмотности, многое сделал для развития просвещения в России, первым послал нескольких дворянских детей на учебу за границу, открывал типографии, намеревался учредить в России школы и даже университет, дал прекрасное образование своим детям; многие отмечали его ум и восхищались его даром красноречия. Упреки в безграмотности Бориса несправедливы, сохранились грамоты, подписанные его рукой.

[8] *...на востокъ ко агарянску царю...* — Агарянами назывались мусульманские народы Востока; согласно библейской легенде они были потомками Агари, рабыни Авраама. Далее Иван Тимофеев рассказывает о дипломатических отношениях Бориса с крымским ханом Казы-Гиреем, послов которого тот принимал под Серпуховом.

[9] *...премедли два обращения лунѣ... себтябрия 3-х каландъ...* — Борис венчался на царство 1 сентября 1598 г. Автор передает эту дату, пользуясь единицами летоисчисления, принятыми в Древней Руси.

[10] *...от матере церквамъ и царствия всего...* — Успенский собор в Кремле, главный храм Русской православной церкви.

[11] *Аггела бо имя воцареному бѣ... Бориса иГлѣба...*— Братья Борис и Глеб, сыновья князя Владимира, были убиты в 1015 г. братом Святополком, почитались

как русские святые, покровители Русской земли и князей (см. *ПЛДР,* 1, с. 278—303).

[12] *...и дщери его нѣ от коего тожде бысть невольное применение риз...* — Имеется в виду насильственное пострижение в монахини Ксении Годуновой. Приказав удушить вдову и сына Годунова, Самозванец сохранил жизнь его дочери Ксении, известной своей красотой и образованностью. Он сделал ее своей наложницей, а потом выслал в Белозерские пределы, где она постриглась с именем Ольги в пустыни близ Кириллова монастыря.

[13] *...может Богъ... якоже пишет.* — Ср.: Иер. 17, 10; Мф. 16, 27.

[14] *...якоже нѣкогда Новходоносору царю о Вавилоне дѣлъ ради здания.* — Деятельность Бориса Годунова по благоустройству и укреплению Москвы Иван Тимофеев сравнивает с тем, что сделал для украшения своей столицы вавилонский царь Навуходоносор (604-562 гг. дон. э.).

[15] *...о здании Святая святых храма...* — Храм Святая святых в Иерусалиме был построен, по преданию, царем Соломоном. Борис действительно намеревался построить на центральной площади Кремля грандиозный собор Святая святых, проект собора был готов и строительные материалы свезены на площадь.

[16] *...толикъ древняго здания святителя Петра храмъ Успения Божия Матере.* — Первая каменная церковь Успения Богородицы была заложена в 1326 г. митрополитом Петром (1305—1326), признанным Русской церковью святым.

[17] *...пророкъ святый царь Давидъ... таковое здание рачаще и не получи...* — Строительство Иерусалимского храма начал еще царь Давид, но завершить его смог только сын Давида Соломон.

[18] *...«помыслиша совѣты... составити».* — Пс. 20, 12.

[19] *...якоже овча порочно... еда приимет.* — Ср.: Мал. 1, 8.

[20] *...и зело плашайша племене породему бѣ, Галич бо град того изблева.* — Предки Отрепьева приехали на Русь из Литвы и осели в Галиче (костромском) и Угличе, источники упоминают о них с начала XVI в. Отец Григория, мелкий галичский дворянин Богдан Отрепьев, имел поместье в Коломне, дослужился до чина стрелецкого сотника и погиб во время пьяной драки в Немецкой слободе в Москве.

[21] *Ульяна по всему законопреступнаго исчадие...* — Юлиан (Флавий Клавдий Юлиан) — римский император (361—363), сначала покровительствовал христианам, а затем выступил с гонениями против них, за что прозван Отступником.

[22] *...пршлечеся от Сѣвера...* — Земли Северской Украины с городами Новгород Северский, Путивль, Стародуб, Чернигов и др.

[23] *...с приразившимися к нему имѣншими всѣми вои... в защищение против оного на краяхъ всего Сѣвера поставлъшимся.* — В

1604—1605 гг. в поход против Самозванца Борисом были отправлены войска во главе с Мстиславским и Шуйским. Незадолго до кончины Борис, недовольный их действиями, послал им на смену М. Катырева-Ростовского и П. Басманова. В это время в армии Бориса уже многие перешли на сторону Самозванца. Среди воевод и князей на сторону Лжедмитрия стали Б. Лыков, И. Татев, И. и В. Голицыны, изменил Годуновым и П. Басманов.

[24] *...Христову вѣру, православиемъ вѣчно цветущую, в конецъ хотя окаянный от памяти испровреши...* — Сохранились послания папы римского к Лжедмитрию I, в которых папа напоминал, что тот уже принял римско-католическую веру и обещал ввести ее в Московском государстве. В ответных посланиях Лжедмитрий I уклонялся от определенных обещаний и высказываний на эту тему.

[25] *...яко Июда, иже на Тайней вечери дерзну.* — Иуда накануне предательства присутствовал на прощальном ужине Христа с учениками — Тайной вечере.

[26] *...у великаго...* — Имеется в виду патриарх Иов; заметив способности молодого монаха, он приглашает Григория Отрепьева на патриарший двор, где тот занимается перепиской книг и сочинением канонов святым, сопровождает патриарха на Собор и в Думу.

[27] *...к сквернобрачия совокуплению за дщеръ у нѣкоего инославна духоборныя ереси призятъствовася...* — Речь идет о сандомирском воеводе Юрии Мнишеке, дочь которого Марина была обручена с Лжедмитрием I, когда он был в Польше.

[28] *...сына убо, дара Божия имянуема...* — Федор в переводе с греческого означает «Божий дар».

[29] *Дщерь жедѣву имущи... «странна» имянем по толку .* — Имя Ксении Годуновой в переводе означает «странница».

[30] *Ей же и обручникъ волею отчею приведенъ бысть отвнѣ земля... плотскихъ со вѣту.* — Заботясь о судьбе любимой дочери, Борис искал ей достойного жениха. Вначале в Москву был приглашен шведский принц Густав, но брак расстроился, затем женихом Ксении был объявлен датский герцог Иоганн, он прибыл в Москву в 1602 г., сразу же тяжело заболел, врачи Бориса не могли спасти ему жизнь.

[31] *Матерь же ону... с сыномъ ея... обоихъ убиством осуди...* — Лжедмитрий I отказался вступить в Москву, пока будет жив царь Федор. 10 июня 1605 В. Голицын с несколькими стрельцами явился на подворье Годуновых, где содержались под стражей царь Федор и его мать Мария, и приступил к осуществлению приказа Самозванца. Вдова Бориса безропотно отдалась в руки убийцам, Федор мужественно сопротивлялся, с трудом они набросили петлю на его шею.

[32] *Твердозаклепанную же юницу... во мнишеская облекъ.* — Несчастная судьба Ксении Годуновой почти у всех современников вызывала сочувствие. Она была красива, статна, Борис дал дочери хорошее воспитание и образование. Она покоряла всех своей обходительностью, разумностью речей. После смерти матери и брата Ксения оказалась на девичьей половине дома князя Мосальского, которому Самозванец поручил управление Москвой до своего вступления. После

воцарения Лжедмитрия I Ксения становится его наложницей. Когда отец Марины, Юрий Мнишек, потребовал, чтобы Лжедмитрий I порвал связь с Ксенией, ее постригли в монахини и поместили в монастырь на Белом озере. Ксения вернулась из изгнания в правление Василия Шуйского для участия в торжественном перенесении останков Годуновых из Варсонофьевского монастыря в Троице-Сергиеву лавру. В Троице-Сергиевом монастыре Ксения находилась и во время его осады войсками Лжедмитрия II, сохранились ее письма из монастыря, в которых она рассказывает о трудностях осадной жизни — голоде, болезнях, изменах. Ксения была в Москве и в то время, когда бояре, присягнув Владиславу, сыну польского короля Сигизмунда III, сдали столицу полякам; затем она оказалась в руках казаков И. Заруцкого, осадивших Новодевичий монастырь, они не пощадили ее, обобрали и вместе с другими черницами отправили во Владимир. Умерла Ксения в 1622 г.

[33] *...«слава тщери царевы внутръ»...* — Пс. 44, 14.

[34] *...и фатриарха несвящена, Игната имянемъ, изообрѣтъ...* — Игнатий, прибывший с Кипра еще при Борисе Годунове, был поставлен главой рязанской епархии и прославился как «муж грубый, пьяница и пакостник». После перехода рязанских дворян на сторону Самозванца Игнатий первым прибыл в его лагерь и стал служить ему ревностно и верно. Занимал патриарший престол 11 месяцев в 1605—1606 гг. и 5 месяцев в 1611 г. С приходом к власти Василия Шуйского в мае 1606 г. был заточен в Чудовом монастыре. В 1611 г., когда патриарх Гермоген был захвачен в плен поляками, Игнатий вновь был возведен на патриарший престол, но в том же году бежал в Польшу. Умер в 1640 г.

[35] *...постави вмѣсто сущаго патриарха Иова...* — Еще до своего вступления в Москву Лжедмитрий повелел расправиться с патриархом Иовом, которому Григорий Отрепьев был хорошо известен. Патриарху велели явиться в Успенский собор в полном парадном облачении, там содрали с него патриаршие одежды, отняли посох и увезли в заточение в Старицкий Богородицкий монастырь.

[36] *...во Откровении Богослова...* — Откровение (Апокалипсис) — одна из книг Нового Завета, автором которой считается ученик Христа Иоанн Богослов. Иван Тимофеев, характеризуя М. Мнишек, вызывает у читателей ассоциации с образом блудницы из Откровения (Апок. 17, 1-18).

[37] *«Рече бо безуменъ... нѣстъ Бога».* — Пс. 13, 1; 52, 2.

[38] *Яко в просту храмину вседержавныя нашия общехристиянския надежи и Зас тупницы всемирныя песъ... вскочи...* — Венчание Лжедмитрия I и Марины Мнишек происходило в кремлевском соборе Успения Богоматери.

[39] *«Узрите мерзость... да разумѣетъ».* — Мф. 24, 15.

[40] *Дню же праздника... иже Мирликийскихъ Николы честных мощей принесени я...* — 9 мая.

[41] *Паче Иродова празника сотворяшеся сугубо тогда беззакония...* — По евангельской легенде, на пиру у иудейского царя Ирода красавица Саломея попросила в награду за свой танец голову Иоанна Крестителя; по приказу Ирода

Иоанн был обезглавлен, его голову на блюде принесли Саломее (Мф. 14, 3-11).

[42] *...якоже о Дафане и Авироне древле.* — Согласно библейской легенде, Бог покарал Дафана и Авирона, не захотевших подчиниться власти Моисея; их живыми поглотила земля (Чис. 16, 12-33).

[43] *...по богатаго притчи...* — Евангельская притча о богатом: богатый, собрав много добра, надеялся жить долго, есть, пить и веселиться, но Бог сказал ему: «Безумный, в сию ночь душу твою возьмут у тебя, кому же достанется то, что ты заготовил?» (Лк. 12, 16—21).

[44] *...по Премудромъ...* — Имеется в виду царь Соломон.

[45] *«Якоже многоцѣнныя усерязи... чины».* — Ср.: Притч. 11, 22.

[46] *...яко огнь возгорѣся во Иякове...* — Перефразируется и переосмысляется строка из псалма Давида: «Господь услышал и воспламенился гневом, и огонь возгорелся на Иакова, и гнев подвигнулся на Израиля» (Пс. 77, 21). Иаков — третий библейский патриарх, его считает своим родоначальником еврейский народ. Имя Иаков — Израиль (имя Израиль — Богоборец — дано Иакову после его борьбы с Богом), употребляется и более широко, для обозначения всего еврейского народа, а также христианской церкви и христианских народов. В данном контексте «во Иакове» — «в христианах», «в русском народе».

[47] *...якоже древле о фараоне бысть...* — Имеется в виду библейская легенда о гибели египетского фараона (Исх. 14, 5—23).

[48] *«Помыслиша совѣты... составити»...* — Пс. 20, 12.

[49] *Сице и днесь тайноумышления нѣкая на ны языческая...* — Большая часть «Временника» была написана Иваном Тимофеевым в 1611—1617 гг., во время польско-шведской оккупации. Говоря о «тайноумышлениях языческих», Иван Тимофеев это и имеет в виду. Далее он рассказывает об осаде Москвы войсками Лжедмитрия II.

[50] *«Поставиша си князи... умолкни».* — Ср.: Ос. 8, 4.

ПЕРЕВОД

ОБ ИЗБРАНИИ БОРИСА НА ЦАРСТВО В НОВОДЕВИЧЬЕМ МОНАСТЫРЕ И О ВОЦАРЕНИИ ЕГО; И КАК ЕГО РАДИ ХОДИЛИ В ТОТ МОНАСТЫРЬ С КРЕСТНЫМ ХОДОМ, А ПОСЛЕ СМЕРТИ БОРИСА ПЕРЕСТАЛИ ХОДИТЬ; И О СЕРПУХОВСКОМ ПОХОДЕ БОРИСА 106 (1598) ГОДА, КАК ХОДИЛ ПРОТИВ ХАНА; И О ТОМ, КАК ПРИ ЦАРЕ ФЕДОРЕ ИВАНОВИЧЕ И БОРИСЕ ЛЬСТЕЦЫ СТАВИЛИ ЦЕРКВИ И ПИСАЛИ ИКОНЫ ВО ИМЯ АНГЕЛА ИХ

И по прошествии тех времен, в наступившем седьмой тысячи 106 (1598)-ом году от сотворения мира до нашей жизни преставился истинно самодержавный государь царь и великий князь всея Руси Федор Иванович, кротко, подобно Давиду, скончавшийся, не завершив своих добрых дел, почивший от руки раба своего насильственно и преждевременно. И многие думают, что преступивший крестную клятву раб раньше положенного Богом срока уготовил ему вечным

сном почить, ибо возложил свою оскверненную убийством руку раба на царскую главу, смертельным ядом отравил жизнь господина своего и убил его, хотя и не проливая крови, но смертельно, как раньше дитя, брата его. Смерти самого царя он радовался, тайно ликуя, видя, что все люди умалчивают о том из трусости; и, безжалостно палимый своей совестью, он убежал из царствующего града в лавру, <место> пострижения своей сестры, бывшей супруги упомянутого прежде царя. По трем причинам было предпринято его бегство, с большой хитростью задуманное. Во-первых, страх был в сердце его и хотел он доподлинно узнать, не восстанет ли внезапно против него народ, огорчившийся и вкусивший горечь плача о смерти царя, и не поспешит ли из мести убить и его. Во-вторых, если же это пламя ненависти не вспыхнет в народе, он будет действовать уверенно и без стыда. В-третьих же, сможет увидеть желаемое: с каким усердием весь народ будет просить его себе в правители, и с какой искренностью вслед за ним будет идти, и кто кому о его избрании будет говорить заранее или кто оставит его без внимания, чтобы в будущем, царствуя, разделить всех — одних за преданность любить и поощрять, других ненавидеть и муками томить. Все это он хотел узнать хитростью, чтобы потом, получив великое <царство>, потрудившихся для него возлюбить, а нерадивых — замучить гневом. В городе же он оставил для этого вместе с вельможами своих избранных родственников и многих других своих помощников, так чтобы везде среди людей были его слух и око.

После его притворного ухода из города в лавру, утром, когда день еще только начинался, а солнце едва простерло свои лучи над вселенной, все его красноречивые почитатели не поленились собраться вместе и, усердно составив подобострастное письменное прошение, по времени удобное для подачи ему, но в будущем губительное для душ, желающих всего суетного, поспешили на двор самого архиерея и подняли его со всей крестопоклоняемой святынею православной церкви и всех епископов и священников в белоснежном облачении на святое молебное шествие. С ними подняли и всех людей, от старцев до юношей, на шествие со святынями из города к месту обители, где притворно скрывался, словно дикий зверь в берлоге, превознесшийся в славе, изображая нежелание, сам же желая получить власть и быть нам господином; что и свершилось, умоляли его недолго: где большое хотение, там к месту бывает прошение. День же этого прошения приходился тогда на вторник Сырной недели.

И когда все пришли со святынями в лавру, то виновник этого вышел навстречу святому шествию с находящимися там священниками и простыми людьми навстречу городской святыне. И когда вошли они в церковь и совершили обычный молебен, то по окончании его все люди духовного чина и великие мирские сановники вместе с архиереем, а за ними и все чины царского всего управления и во множестве стекшийся сюда народ, малые вместе с великими, начали жалостно с плачем молить, и упрашивать всяко, и убеждать долго и много: пусть склонится он к их мольбе и не оставит их сиротами и пусть будет царем всему Российскому государству. К этому каждый присоединил свои слова увещевания, соответствующие того желанию, способные склонить умоляемого согласиться на просимое, надеясь расположить его к себе этими словами и стремясь превзойти друг друга в словесном рвении. Люди от средних и до меньших непристойно с воплями кричали без порядку, так что от вопля надрывалась утроба их и лица багровели от усилий, и слышащим этот шум нужно было затыкать свои уши. Столько человекоугоднической лести было в них!

А он, скрывая свое желание, отвечал всем вместе, что никак не дерзнет на такое, и говорил: «Не будет этого!» — клятвами подтверждая эти слова. Просящие вновь приступали к нему с речами, присоединяя к мольбам еще более усиленные

мольбы, и сильнейший вопль пронесся по толпе, заглушая желание умоляемого. Но он опять не повиновался им, ибо хотел, чтобы его умоляли подольше, иначе в их поспешном прощении крови раскроется суть его желания и все почувствуют в его словах ложь; ведь и в малой откровенности явственно обнажаются сокрытые в сердце хитрые помыслы. Он же, видя такое усердие всех в упрашивании себя, вновь изобразил нежелание, и ввысь, как орел, вознесся безмерно, и хитро продуманными жестами вводил людей в заблуждение. Он держал в руках тканый платок, которым вытирал пот, в дополнение к своим клятвам для стоящего вдали народа, который не слышал его слов из-за вопля остальных людей, он, встав на церковном крыльце у входа в западные врата, на высоком месте, так что все могли его видеть, обернул этот платок вокруг своей шеи. Ближним, которые могли слышать голос человеческий, он говорил, дальним же давал понять этим жестом, что он готов удавиться, если умоляющие не перестанут его принуждать. Так притворно разыграв перед множеством народа свое нежелание, он заставил поверить себе менее сведущих, но не остальных, которые в понимании <происходящего> были выше и этих ловчих сетей его обмана. Но что принесло это понимание? Хотя и поняли, но не смогли предотвратить то, что хотел попустить Бог, ибо Бог позволил этому совершиться для предостережения в будущем тех, кто захочет действовать так же. И вновь от сказанного выше перейдем к тому, о ком говорилось.

Он же, изобразив платком свою готовность удавиться, поспешно ушел от церкви в темные жилые покои монахини-царицы, которая была ему сестрой, тем самым еще больше показывая свое нежелание, сам же воочию доподлинно и твердо убедившись, что умоляющие не уйдут из лавры, не получив от него согласия на просимое. Увидели умоляющие, что умоляемый ими к мольбам как будто и вправду непреклонен, устремились вслед за убегающим и спросили разрешения войти в покои пред лицо госпожи, чтобы там обратить к ней мольбу и чтобы она склонилась к их мольбам и повелела бы брату уступить просьбе умоляющих, а вернее, его собственному желанию. К тому же некий отрок был хитро подучен неизвестно кем — самим ли желающим <избрания> или угождающими ему; словно глашатая, посадили обманом его против келий царицы на крепостной стене, поставленной для защиты монастырских строений и для оной монахини смирения, и, подняв его высоко, до самых окон государыни, повелели тому отроку кричать, как будто бы по воле всего народа, почти в уши государыни. Этот крик отрока соответствовал мольбам просителей и покрывал собою все голоса из толпы; затворившейся в темных покоях он кричал по их воле одно и то же: чтобы повелела она брату своему быть царем, главою над всем народом; и все время кричал он одно и то же, не переставая. И чем дольше он кричал, тем больше разоблачал самого желающего, ибо многим уже было стыдно слушать такой нелепый и непрекращающийся вопль. И если столь непристойный вблизи неприступных келий неумолкаемый вопль не был бы приятен желающему и совершался не по его воле, то юноша не посмел бы и приблизиться к тому месту и видящие не терпели бы этого так долго, потому что и средние люди не терпят и не допускают такого, тем более когда видят, что совершается это без их повеления. Это еще одно среди многих прочих обвинение желающему.

Вскоре все просители в большой радости, как будто одаренные, вышли из покоев сестры виновника, получив от обоих, сестры и брата, обещание исполнить просимое. Восплескав радостно руками, они повелели ударить во все церковные колокола и звонкими голосами оповестили все множество людей, собравшихся для прошения, о согласии. И, совершив, как положено, молебен о умножении лет жизни желающему поставиться новому царю, всех людей обязали молиться повсюду о давшем обещание быть царем и то же, еще и дополняя, повелели

спешно совершать по всему царству. И после этого обещавший, не откладывая надолго, вновь возвратился из лавры в город. А о тех, кто ради угождения возвышающемуся произносил в лавре свои льстивые речи, ни об одном из них невозможно рассказать не только потому, что их было множество, но и из-за стыда, — ибо усладился <Борис>, ублажаемый лживыми хвалами, и научился утверждаться, как на ветрах. О таких самой Истиной сказано: «Горе, когда люди превозносят вас и льстят вам ублажающие вас», и так далее.

А он пренебрег силой слов, сказанных Богом, или не знал их, ибо был совсем неискушен в этом, от рождения до смерти он не протаривал книжных путей учением. И удивительно, что впервые у нас был такой царь некнигочей. О других же злых делах, кроме прежних, которые опаснее морских бедствий, узнается из последующих его деяний, о которых и расскажем: как он, всех обольстив, поднялся на вершину всех земных почестей, все равно что на небо с земли, твердой поступью вступил на царский престол, благороднейших сделал своими рабами, прежде занимая среднее положение по роду и чину. И хотя он, будучи рабом, дерзко и преступно захватил высочайшую власть, но даже никто из его врагов не назвал бы его безумным, ибо таким образом, как он, подняться на такую высоту и там удержаться глупому невозможно, и едва ли кто другой такой найдется среди людей. Таков был этот «рабоцарь», что и прочие величайшие и прегордые во вселенной цари, властители нечестивых держав, не пренебрегали, не гнушались им из-за его низкого происхождения, ибо носил он равное им имя царя; и, слыша о его благоразумии в земных делах, не отвергали верного братства и содружества с ним, как ранее с благородными, бывшими прежде него, и даже больше тех. И что удивительно, хотя после него были у нас и иные умные цари, но их ум лишь тень его ума, как это очевидно из всего, ибо каждый будто через некую ограду перелез, найдя свой путь погибели. И пусть никто не пытается поймать меня на этих словах, будто я оправдываю славолюбца; в одних местах я его обличаю, в других как будто хвалю, но делаю это не везде, а лишь здесь, справедливо оценивая ум тех и других, невзирая на лица, но и там и здесь, осуждая, не терплю насильственного низложения им государей и завладения их престолом. Кроме того, не утаилось, стало явным и возможным для описания, доброе и злое во всех других его делах, не всех, конечно, за исключением самых сокровенных.

Его образ действий против врагов был таким: когда они не выходили на битву, тогда он устремлялся на них; когда же волки не вредили овцам, он вызывал их на себя, насмехаясь, изображая храбреца. Когда же свирепые враги бесстыдно начнут издеваться над смиренными, он не выходит из-за каменных твердынь, как это ясно из ранее сказанного и как это покажет последующий рассказ.

После избрания великого <государя> и изъявления его собственного желания быть царем, он не скоро еще садится <на престол>, но осмотревшись, промедлив почти целый год в ожидании возвращения посла, самодержавным царем, блаженным Федором отправленного на восток к агарянскому царю. Вернувшийся посол известил его, что хан не придет на Русь, и тогда, твердо убедившись, что хан не пойдет против него, вновь избранный наш, желающий быть у нас царем, собрав множество воинов, торжественно выступает <в поход>. Выступив в поход только против имени хана <он не угрожал нам войной>, царь наш, дойдя до города Серпухова, встал на берегу Оки и два месяца медлил там, стоя на одном месте со всеми силами, вперед не продвигаясь. Между тем и послы хана, не зная о его выступлении и пребывании тут, пришли по обыкновению вслед за русским послом, как когда-то заведено было между государями, — приходить послам с послами вместе или, наоборот, отдельно. Он же в блеске царского величия при

многолюдном собрании показывал перед послами свое притворное рвение и как бы в доказательство своей храбрости говорил, что готов воевать против их хана, и показывал пришедшим агарянским послам на устрашение все снаряжение воинское и многие огнестрельные громоподобные орудия, приводя их тем самым в ужас. Тогда же он показал им на удивление и свой передвигающийся искусно придуманный град, кажущийся снежным из-за белых льняных тканей, простирающийся далеко и в ширину и в длину. Все это хитрое устройство по виду было похоже на город со многими воротами и башнями по стенам, вся же его площадь была окружена с четырех сторон стенами. Если смотреть издалека, то он походил на каменный город, внезапно возникший неким образом на пустом месте; некоторые говорили, что проходящие мимо по дороге люди могли и испугаться от неожиданности при беглом взгляде на него, а потом удивиться. В себе он заключал, красуясь, самого царя со всеми живущими при дворе вельможами и имел все необходимое для земных его потребностей и его служителей. Войско же все, стоящее вокруг города поблизости, украшали цветущие сочные растения, зеленеющие и цветущие разнообразно. С этого места властелин наш отпустил чужеземцев назад, чтобы они, вернувшись к себе, рассказали в своем царстве обо всем виденном. И так простояв тут два месяца, он возвратился на царство с мнимой победой, но в ослепительной славе, по-фараонски сопровождаемый множеством колесниц и всадников; это шествие должно было еще больше укрепить в любви к нему тех, кто не понимал его козней.

Возвратясь, он помедлил с исполнением своего желания еще два обращения луны, до начала нового ее круга, и когда начался седьмой индиктион, в сентябре третьих календ, он наконец помазался елеем из рога, среди живущих на земле увенчался величайшею славою и с того времени действительно получил имя государя, стал нарекаться царем и князем, по обычаю принимающих помазание на царство, возводимых в самый высший сан преславного возвышения. В то время сбылось, наконец, его тайное желание, всех царей честь собрав, к единому имени своему присоединить. Воцарившись, он так вознесся гордостью, что чуть не сравнялся с Богом, но, достигнув такой славы по своему собственному желанию, он сам поднес к своему сердцу как бы нож заостренный, которым и заколол себя, и рухнул, низверженный, о чем пространнее будет сказано в других местах.

В память о полученном в лавре согласии на их прошение церковные священнонаставники, угождая «великому», который ими же и повелевал, нечто непомерное установили: обязательно каждый год в третий день Сырной недели совершать святой крестный ход из главной церкви всего царства. Празднование установили как будто во имя Божьей Матери, на деле же ради тайного угождения царствующему, чтобы в тот день ни один человек, от мала и до велика, мужского пола и женского, не оставался в домах или гделибо, но следовал за ними. И это установление исполняли в указанный день и не нарушали его до тех пор, пока был жив первоповелевший и желавший этого. И если в природе по небесному устроению были тогда морозы, дожди, бури и нестерпимые ветра и подобное этому, так что невозможно было и из дома высунуться, все равно, несмотря на ненастье, не смели отложить повеленного, но старательно все исполняли в страхе. И удивительно, что во время этого шествия тот, ради кого совершали этот праздник, сам выходил и принимал в нем участие вместе с народом! Он совершал празднество в честь самого себя, по примеру тех, кто совершал празднества в честь Бога в тот день, когда Бог избавил его от какой-либо беды, чтобы не забылось дело рук его получившими милость, — и это долг их перед Богом, — он же радостно праздновал тот день, когда получил временную свою славу.

О омрачение, о безмерное славоослепление! Неужели и этими его преступными делами не обличается, не обнажается злоба его — убийство царей и жажда власти? <...>

Не хочу оставить неупомянутым и следующее. Воцарившийся носил имя в честь первого из двух ангелов, чей день празднуется 24 июля, это день пресветлой памяти добропобедных новоявленных святых мучеников всероссийских, князей, братьев по крови Бориса и Глеба, во святом крещении Романа и Давида, которые по доброй воле презрели земное царство и во имя веры ревностно пролили кровь свою за Христа, и он не разлучил их в земной жизни и после смерти на небесах. Ту святую двоицу, не разлучаемую Богом, человекоугодники отделяли одного от другого при написании икон. Изображая только старшего, думали, что чтят его, но этим только ожесточали его против себя; младшего же, не соединяя с братом как презираемого, разлучали в изображении с родным по плоти. И что особенно тяжко: изображать на иконах красками обоих братьев как святорожденную неразлучимую чету, я знаю, мешало не то, что на другого не хватило всего необходимого для написания образа, но умаление веры у тех, кто заказывал иконы.

Как учит притча о земных братьях. Если кто найдет двух друзей, братьев между собой, приближенных царя, воистину живущих во взаимной искренней любви и дружеском согласии, и вот один из двух, не разлучающихся никогда и нигде, будет позван кем-то третьим на пир. Не будет ли непозванный считать невнимание к себе за бесчестие от звавшего и не воспылает ли гневом на него? К тому же не захочет называться ему другом, а будет врагом и, найдя время, в жалобах на него царю расскажет о своем унижении. Вознегодует на звавшего из-за брата и позванный и нанесенное брату оскорбление воспримет как свое бесчестие. И как будто это уже не дружбы дело, но раздора и своевольной вражды; и не только братья столь ревностны в отмщении, но и просто друзья, не родственники. Что касается сказанного выше, то сдержанность в любви другого брата происходила не из-за недовольства трапезой, но из-за оскудения усердия в дружбе.

А что можно сказать о заказывающих иконы? Среди них есть разумные, но не способные рассуждать и безразличные к добру и злу из-за бесстыдства, другие — среднего ума, третьи и того не имеют, но, взирая на поведение первых, не внимая поучениям других, заносчивы и высокомерны. Но самое большое горе властителю, который всех превосходит умом; страшно, что ему, это видящему и понимающему, только одного лик был угоден на иконах. Сопричастен греху, о котором говорилось, и тот, кто имеет духовную власть, ибо слышал о таком, знал и видел, но умалчивал, а не поучал, не обличал. И рассудит их всевидящее око правды, когда придет день его пришествия.

Вновь поведем речь о том, с чего начали и где остановились, и опять опишем по порядку бывшее.

Чтобы удовлетворить славолюбие, он не пожалел родной своей сестры, госпожи всея России, не подумал, какой сильной печалью опечалит ее, разлучив с мужем, умершим неестественной смертью, и как ему смотреть на нее, ранее столь прославляемую, теперь одетую в черное; а некогда, благодаря ее супружеству с царем, он достиг для себя всех почестей, так что и сам был подобен царю. Многих знатных девиц, дочерей первых после царя бояр, своих государынь, он из зависти заставлял насильно постригать в монахини, как несозревшие колосья срезал, против их воли. И родителям их сколько скорби и страданий нескончаемых принес: беззащитные, они были пострижены, как кроткие овцы. И делал он это

обманом, но поступки говорили сами за себя: он боялся, чтобы некоторые не уговорили царя вступить с одной из них во второй брак из-за бесплодия его сестры, и тогда он уже будет ничем. Так помышлял он в сердце своем, умножая беззакония. И как он поступил с сестрой своей, то же сделал и с детьми других — как он мог оказаться человеколюбивым к чужим! Через некоторое время и над его дочерью была совершена неким насильственно такая же смена одежд, да еще и позорно; если и не он, то мы это увидели. Что можно сказать о жене его и сыне? Насильно удавили их нежданные враги, об этом пространный рассказ будет впереди, в свой черед.

И если было рассказано о злобе Бориса, то не должно умалчивать и о его добрых делах для народа и ввести их в повествование, если даже они были и неискренними по отношению к людям. Поскольку мы постарались подробно описать все его злодеяния, то теперь не поленимся поведать и о его добродеяниях, пока они не покрылись забвением с течением времени. Что вспомнится мне, о том и напишу, чтобы написанное мною о нем не показалось недоброжелательным, а некоторым и враждебным. Если мною описаны будут только злодеяния, а о добродетелях расскажут другие, а я промолчу, то сразу же обнажится несправедливость писателя. А если о том и другом будет рассказано правдиво, без прибавлений, то все уста умолкнут.

В начале жизни своей он был во всем добродетелен. Во-первых, добро творил, и главным образом для Бога, а не для людей: усердный поборник всякого благочестия, неутомимый в заботах о древних церковных устоях вместе со служителями церкви; просителям щедрый даритель, кротко внимающий всем просьбам народа, всем приятный в ответах, скорый отмститель за беспомощных и вдов, жалующихся на обидчиков; безмерно усердный в делах управления страной; бескорыстно любящий правосудие, нелицемерный искоренитель всякой неправды; особенно заботящийся о строительстве в городах зданий, которые придавали бы царству подобающую ему красоту. И домашняя жизнь всех в дни его царствия протекала тихо, без вражды даже до самой поры безначалия на земле, начавшейся после него. Насилующим слабых твердая с гневом преграда он был надежным защитником тех, кто терпел обиды от руки сильных, разве только не доходил слух до него о какой-либо несправедливости; и об укреплении всей земли он заботился необыкновенно, покуда не был охвачен властолюбием; он пытался карами искоренить богомерзкую привычку к безмерному винопитию; мздоимство сильных он беспощадно уничтожал, ибо такие нравы были ему противны; всякого зла, всего враждебного добру он был властный, неумолимый искоренитель, как и за добро искренний воздаятель, но не всем однако. Всем этим он всю Россию обольстил, ибо до его уклонения на путь злодеяний и покушения на убийство царя он следовал благочестию первых самодержцев, а иных и превосходил.

И я знаю, что сказать о сущности этого явления, откуда в нем взялось все доброе — от природы ли, или по его доброй воле, или из-за мирской славы. Ясно, что все происходило от скрытого притворства, желания достичь самых высот, которое жгло его много лет и тайно лежало в глубине его сердца. Думаю, что многому добру он научился от истинно самодержавного Федора, ибо с малых лет часто следовал за ним по пятам. Понятно поэтому, что когда Бог ослабил узду его и не было никого, кто бы сдерживал его, то, как взыгравший жеребец отбивается от стада, так и он самовольно отошел от Бога и царя. Никто не знает, что возобладало в час его смерти и какая часть дел его — добрых или злых — перетянула на весах, ибо, как пишется, может Бог и в день смерти воздать человеку за образ жизни его. И, может быть, кто-то захочет восхититься его

доброй заботой о земле, и это не удивительно, но что из всего существующего может сравниться с царской главой? Если бы он и всего себя отдал за жизнь царя, ничто, даже весь мир, не стоит одного волоса с царской головы, и ныне все видим, что это так.

Сердце его вознеслось от гордости за свои добрые дела, то есть мнимые заботы о благе земли, как некогда у Навуходоносора царя, гордящегося созданным им в Вавилоне. К этим он прибавляет еще два неких дела, которые не описывались здесь среди прочих его добрых дел, которые он начал совершать, объятый гордостью. Но Бог, предупредив его замыслы, не дал им осуществиться, расстроил их, провидя их высокомерную суть.

Первое и самое главное дело его: он принял в уме своем решение, и оно разнеслось повсюду, что весь труд его жизни будет в создании храма Святая святых; он хотел украсить царствующий город, подобно Иерусалиму, думая, что подражает самому Соломону, на самом же деле унизив этим храм Успения Божией Матери, древнее создание святителя Петра. И уже готовилось им все необходимое для постройки и возведения стен.

Подобно первому, величественным было и второе дело его, но и его, хотя и хотел, не мог завершить: из состава Святой Троицы, источника нашей вечно существующей жизни, одного видимого в земном образе Христа Бога гробницу, вместилище его божественной плоти, по величине и виду подобную находящейся в Иерусалиме, он задумал создать, всю ее отлив из золота и украсив драгоценными камнями и золотой вязью. И была она уже почти завершена, всяусыпана топазами и драгоценными камнями, какчечевицей, искусно отделана затейливыми украшениями, так что не только невежде, подобному мне, было это на диво, но и первые из благородных, и те, кто были воспитаны в царских домах при всем сиянии красоты, дивились ее богатому убранству и искусной работе, и даже ум помрачался, зрачки глаз не могли выдержать сверкания камней и сияния блещущих лучей. Невозможно было исчислить ее истинную ценность, потому что она превосходила все числа.

Все это я описываю здесь не ради удивления перед красивой вещью, но чтобы показать возвышение Бориса, его удвоенную гордость, потому что высокомерие одолело в нем веру, превозношение его превзошло и драгоценные камни с жемчугами, и силу самого золота.

Почувствовало Божье ухо возношение его сердца, что превозносится тот, часто осматривая эту вещь, унижая тем самым всероссийских правителей, бывших до него, словно думая, что превзошел их мудростью, и показывая, что не было в них столько ума, чтобы до этого додуматься. И без того постоянно преисполненный гордости, он разгорался, словно от лучины, и от льстивой хвалы своих заискивающих бояр; потворствуя ему своими многочисленными словами, они подкладывали в его сердце хвалу, как хворост в огонь, давая понять своими словами, что и в будущем будут разжигать его страсти такой же вкрадчивой лестью. Они и пробудили в нем стремление добиться царства, соединившись с его желанием вместе, как две скрученные вместе веревки: его желание и их лесть — одна сплетенная из грехов верига.

И как он мог без согласия и воли Бога подумать о создании столь великих сооружений, как воздвижение такого святого храма и гробницы для тела Господня, позабыв, что в древности и Богоотец, пророк святой, царь Давид, который был по сердцу Господу, намеревался соорудить подобное же здание и не получил <согласия>, но ему было сказано, что родившийся от него начнет такое же и совершит? О затевающих самовольно подобное хорошо сказано: «Задумали

планы, которые не смогли исполнить». Созданная из золота гробница, умелое творение во всей его великой красоте, была бессмысленно уничтожена, разобрана лжецарем Расстригою для безобразных домашних потребностей, и не удержали его от разрушения ни искусная работа, ни сострадание к красоте. К обоим этим делам, совершаемым во славу имени своего, Бог не был благосклонен, показывая всем, что в них вера Бориса слилась с гордостью. Думаю, повлияло здесь и то, что собранное неправдою, слезами и кровью думал он утаить от Создавшего око и Устроившего ухо и поучающего народы, но не мог. Нельзя угодить Богу неправдой, как и прежде нельзя было приносить в жертву Богу овцу с изъяном, хромую или слепую: «Поднеси, — сказано, это князю вашему, разве он примет?» И чем он надеялся угодить Богу, тем именно его более гневил. То же было и с отлитыми тяжелыми колоколами, многошумными по звону и неблагозвучными. А все материалы, приготовленные для возведения великой церкви, не принятой Богом, царем Василием Шуйским как ненужные были распроданы на другие здания и даже на простые храмы. Хотя добрые дела по виду все хороши, но судит о них Бог по намерениям творящих их, — так и об этих. <...>

НИСПОСЛАННОЕ НА НАС БОГОМ БЕЗЗАКОННОЕ ЦАРСТВО РАССТРИГИ

После того восстал из своего логова молодой лютый лев, дьявол, а не человек, наделенное даром слова существо, воплотившийся антихрист; и как темное облако, поднявшееся из беспросветной тьмы, он неожиданно, почти внезапно, напал на нас. Испуганный слухами о нем, столь гордый с незнатными, царствующий над нами Борис, ужаснувшись его стремительности, с высоты престола царского низвергся. Это было подобно тому, как комар льва поразил, не коснувшись его, как пишется. Но не тот, а своя совесть его низложила, так как знал он о себе все, что некогда совершил.

И был он худородным, и происходил из самой последней по знатности рода семьи, город Галич изрыгнул его из себя. Во всем — детище законопреступного Юлиана и его нечестивый плод, Гришка, по прозванию Отрепьев, был послан не столько на нас, сколько для того, чтобы поразить страхом того властолюбца, пришел праведному суду предать неправедного: до того праведный гнев терпел Борисову дерзость. Выдавая себя за царского сына, присвоив славное имя Дмитрия Ивановича всея Руси, он назвался сыном прежде упомянутого великого между царями победителя, будучи совсем чужим ему, кроме разве того, что был он одним из многих, бесчисленных как песок, рабов его. Как море не знает каждого из мелких животных, живущих в его глубинах, так и во время царствования его не был известен ни род того, ни имя, а он дерзнул назваться сыном его, все равно что к Богу приблизиться! Пока Бог терпел это и допускал, он пришел из Северских земель в градМоскву, мать всех городов русских, объединив многие силы безбожных литовцев с перешедшими на его сторону простыми воинами Российской державы и благородными воеводами ратных сил, которые были ранее под властью русского царя и были поставлены для защиты против того самозванца на всех Северских границах скипетродержателем Борисом. Переметнувшись справа налево, преступив крестную клятву, они подчинились воле обманщика: одни соблазнились его лукавой лестью, другие же и вправду думали, что он царь, какимто образом восставший из того изгнания, куда был выслан Борисом истинный царевич Дмитрий Иванович. Еще когда он был вне пределов Русской земли, то все, прельстившись и поверив в его обман, добровольно подчинились и поклонились этому идолу, как царю. Всеми овладел страх ожидания смерти от острия меча его, к тому же всех тяготило и Борисово жестокое в льстивости, кровожадное царствование, не от ига податей,

возложенных на них, но от пролития крови многих неповинных они, обманутые, надеялись при нем отдохнуть и хоть немного успокоиться. Но в надеждах и упованиях все обманулись. Хуже нечестивых, которые и раньше никогда не называли себя православными, он хотел совершить самое страшное зло, всякого зла злее: после его смерти стало известно от его приближенных, что он, окаянный, по злому вражескому наущению хотел Христову веру, православием вечно цветущую, окончательно вырвать из памяти, если бы Господь не прекратил дней жизни его.

По началу был и конец его, потому что был он столь бесстыден и нагл, к тому же и дерзок, как Иуда, который осмелился быть на Тайной вечере. Так и этот в своем злом умысле, прежде чем получить ему царство, осмелился облечься в монашеские одежды и этим не удовольствовался, окаянный, но к этому и другое прибавил, не побоялся и в огонь вскочить — обманом принять на себя и священнодьяконство у великого, зная, что своим отречением от поставления он обесчестит священство и монашество, что и произошло, когда подошло время, отпущенное на это Богом. Самовольно отрекшись от того и другого чина, священства, говорю, и монашества, тем самым ведь и от обетов святого крещения отрекся, окаянный, что узнано было от достоверных свидетелей и еще больше из его дел. Во всем он был воплощением сатаны и антихриста, самого себя бесам в жертву принес! Еще будучи среди латынян, — ясно, что Богом он был изгнан туда из земли правоверных, — там он обещал соединиться скверным браком с дочерью некоего неправославного еретика духоборца и стать зятем того, кто мог исполнить весь злобный замысел его, целей его достичь и осуществить наконец-то его желания — коснуться некасаемого, то есть получить царство, что и свершилось. Тех, кто хотел обличить его, он убивал, кого открыто, кого тайно, одних отправлял в изгнание, других, которые осмелились бы делать то же, держал в страхе, ибо много имел вокруг себя льстецов, угодливых друзей, рьяно друг с другом соперничающих.

После смерти Бориса царя осталась его супруга вдовствующей, словно горлица, имея рядом с собой только два молодых побега: сына, именуемого «даром Божиим», обладающего правом держать скипетр правления и избранного уже на царство с клятвой на кресте и твердо принявшего в служение к себе всех людей отеческой державы; одного только недоставало — он не был помазан, отложено это было из-за подготовки войск к войне; и девицу дочь, невесту, уже вполне созревшую для брака, по значению имени «странницу». По воле отца, когда он еще был жив, ей привезен был из другой земли жених, сын некоего короля, любезного ему, но брак не состоялся, Бог не позволил осуществиться планам родственников. Вскоре же дал знать о приближении к городу и прежде упомянутый новый похититель царства. Еще до своего вступления в город насильник осудил на смерть вдову мать, родившую этих двух детей, и сына ее; послав приближенных своих, он в наследственном их доме без обвинений и жестоко умертвил обоих, увы! задушив. Думаю, что этот отрок чистым предстал перед Христом, ибо не был причастен к родительским грехам. А крепко охраняемую девицу он после своего вступления в город против ее воли вывел из царского дворца, словно рабу, без всяких царских почестей, и в доме некоего угождающего и приближенного к нему нового вельможи без ее согласия, как несозревший колос, срезал — заставил постричь ее в монахини. И удивительно, если отступник тайно не совершил над ней насилие!

Ту, которую прежде, в твердыне высоты царства, при родителях ее, и солнце видело в тереме лишь иногда в щель, ибо, согласно Писанию, «слава дщери царя внутри», а теперь ее, никем не оберегаемую, рассматривали глаза и самых низких

людишек. И с того времени с большим бесчестием долгие годы жизнь ее текла, даже до четвертого после отца ее царствующего, так часто в государстве переменялись правители. И с места на место, из лавры в лавру переводили ее, и до такого позора жизнь ее дотянулась, что в то время, когда весь царствующий город был окружен противником и находился в осаде, она была вместе со всеми в осаде и терпела бесчестие, голод и нужду, и до того дожила, что руки иноплеменников, главных врагов отца ее, к ней пренебрежительно прикасались. О прочем промолчу. Кто гордой высоты достиг в царстве, тот много всякого бесчестия получит от нижайших! Явно, что за грехи родивших ее и всех родных ее она одна приняла бесчестие. И пусть никто, услышав все сказанное, не подумает ничего позорного о ее чистоте; будь ее воля, не случилось бы этого, если бы не насилия многие, совершенные ее грешным родителем, то она бы невинной осталась. Не знала и не ведала прежде, что такое плотский грех, ибо была рождена и выкормлена и воспитана в среде избранных, а не ничтожных, где никогда не произносится ни одного непристойного слова, но говорится только о благопристойном и заслуживающем чести в делах и словах. И откуда ей можно было научиться другому, если не только дочь царя, но и прислуживающие ей, от имеющих чины до низших, были научены только хорошему? Это все знают. Господи, удостой ее за это бесчестие будущей чести, как получают вечную жизнь праведники! И опять вернемся к ранее сказанному.

Нашел богоотступник и патриарха, подобного себе, в патриархи не поставленного, Игната именем, и посадил его на великом преосвященном престоле вместо настоящего патриарха Иова, истинно православного и первого в России, которого он сместил, осудил на изгнание в некий город. В скором времени и распутница, связанная обетом с этим распутником и нашим, за грехи наши, завоевателем, привозится в царствующий город посланным за ней одним из сановников, ставленником его, Власовым Афанасием, человекоугодливо, от души и сердца служившим ему ради чести гнилой. Против воли Бога, однако красуясь в царском убранстве, как царица, в колесницах по-фараонски, с отцом своим была привезена она в царствующий град; она дышала огнеподобной яростью ереси, идя на христиан не как царица, но как змея в образе человека, нечто подобное сказано о женах в Откровении Иоанна Богослова: «Одна другую, нечестивая благочестивую, хочет потопить из уст своих водою». Но эта ехидна не водой, как та, а кровью затопила всю Россию, мир наш, — кто не знает этого! Привезший же ее тайнослужитель его Афанасий не по заслугам получил от пославшего его некий сан, выше положения своего и имени: он поставил его властителем и хранителем всех драгоценных царских сокровищ, поручив ему все царские кладовые. Ему же, как видели некоторые, он дал впоследствии и чин второго боярина, предшествователя своего, идущего с прочими <в церемониях> впереди лжецаря; достойные высших званий тайно и злобно позавидовали даваемому ему постоянно сверх всякой меры.

Вскоре после прибытия в царствующий град нечестивой той супруги распутный муж ее порочный, созвав собор православных, прельщает их лестью, делая вид, будто ищет справедливого совета, притворно совещается с ними о крещении своей подруги, спрашивая, следует ли ей креститься второй раз. Этим вопросом он, окаянный, уравнивает ее латинское богопротивное крещение с истинно святым христианским рождением в купели; говоря, следует ли ей второй раз креститься, ясно, что он не хочет привести ее к истинному святому крещению.

Когда, по соборным правилам, для обсуждения этого собрались священные судьи вместе с лжецарем в покоях его дома, то одни из отцов, немногие, не одобрили того, чтобы жена некрещенная вошла с ним в церковь; другие же, поддавшись по

человеческой слабости страсти к земной славе, хромая от немощи на обе ноги, не как пастыри, а как наемники прельстились и, испугавшись, повиновались, допустив исполнение его воли. Видя такое, умолкли и первые, так что слова беззаконников пересилили и все перед ним отступили. Его же патриарх, не получивший посвящения, во всем угождал ему, как и другие соблазнившиеся. Он же, хищный волк, видя всеобщее отступление и нетвердый разум — они дали ему достичь желаемого, захватить царство и так же не возбранят ему войти в церковь вместе с другими нечестивыми, что и свершилось, — решает скорее исполнить замыслы свои. Он, преокаянный, не только человеческий стыд презрел, но и страха Божиего не ужаснулся, даже не вспомнил о Боге, думая, что его и не существует: «И сказал безумный в сердце своем: нет Бога».

Как в простой дом, в храм вседержавной нашей общехристианской надежды и всемирной Заступницы вскочил пес со всескверной сукой и множеством латынян и еретиков и нагло воссел на царском престоле! Весь храм видимо наполнился тогда еретиками, как волками; невидимо же, как мрачным облаком тьмы, переполнился бесами, радующимися и обнимающими их. Божия благодать, я думаю, отступила тогда, чтобы исполнилось сказанное: «Узрите мерзость запустения, стоящую на святом месте; читающий да разумеет». И видели его тогда никем иным, как антихристом, сидящим недостойно на престоле, но не царем! В день праздника перенесения честных мощей великого во святых архиерея Николая Мирликийского вершилась эта наглая дерзость законопреступления, и не праздновали его! И вдвое больше, чем на празднике Ирода, совершилось тогда беззакония: поднявшись против Бога, осквернил он святыню, еретическими ногами попрал царское помазание и брак, так как его невидимо помазывали и венчали по своей воле бесы, без благодати Божией.

О долготерпение твое, Владыко! Как не разверзла земля уст своих, как в древности при Дафане и Авироне! Куда тогда делось твое долготерпение, где водворилась безмерность беззлобия того, которого не может постичь и вся тварь, созданная тобой? Воистину, как учат богословы, предел и место сам себе — ты, пресвятый Господи! Знал я, что долготерпение твое предусматривало дать исполниться всей злобе его желаний, чтобы этим он сам себе подготовил лютейшую муку.

Он же, растленный, незавершенный и прерванный срок своей жизни весьма греховно прожил, и развратно, и во всем преступно, и по-рабски, и по-скотски. Кем был, тем и остался, заключенный в плоть, как в гроб, он не поддерживал даже видимости царского образа жизни справедливо царствовавших прежде его. Свою сущность он обнажил в делах своих вместе с подобными себе в нравах советниками: глупыми младенцами по делам, но не по годам. Некоторые из них по своей любви к временной славе в излишней роскоши и чрезмерных чинах забывали при нем свою глубокую старость среди всякого бесстыдства и игрищ с музыкой. С приспешниками своими, соучастниками всех дел его, он жил мертвой жизнью, как богатый в притче, каждый день веселясь радостно, думая, что жизнь его будет долгой. За бесстыдные дела раздавал этот недостойный недостойным недостойно царские чины не по происхождению и возрасту, не по родству и не за добрые заслуги по службе, но за весьма постыдные <услуги>. Это было подобно тому как пес, по случаю схватив где-нибудь неподходящую для него царскую пищу, бежит в укромное место, чтобы ее съесть; другие же псы, увидев похищенное, начинают отнимать у первого, и все вместе наслаждаются тем, что не положено им по природе и естеству; пожирают же, раздирая на куски и кое-как, и многое теряют, вырывая один у другого, один схватит много, а другой мало, ибо знают, что это все не им принадлежит; и бывает, что перегрызутся из-за

этого с другими обиженными. Так сказанное можно пояснить словами Премудрого: «Как дорогие серьги у свиней в ноздрях, так и чины у недостойных». Каков дающий, таковы и принимающие, ни дающий не ведает, что дает, ни принимающий не знает, а если бы оба понимали ценность этого, то не присваивали бы не положенного им. И Борис немногим отличался от них в подобных делах. Но завершим рассказ о начатом.

Кладовые, хранящие сокровища бывших царей, вплоть до золотых и серебряных монет, он, увы, опустошил без смысла и разума, не в меру расточительно, думая, что это глиняные черепки, а не серебро. И по тому, как он раздавал драгоценности, ясно было, что он их не собирал; их великое множество и числом нельзя передать, — думаю, что их количество превысит множество песка. И землю богопротивных, латинствующую Литву, он обогатил ими, оставив в тайнохранилищах лишь малый остаток от всего; и остановила его в этом только смерть.

Но царствующий над всеми не допустил его целый год осквернять престол благочестивых, до вечного суда величие Божиего гнева не могло терпеть множества бесчинств его. И хотя он скрылся в царских покоях, но гнева беспристрастного суда Христова не избежал и вскоре неожиданно был уничтожен вместе с любимцами своими, но не со всеми. Когда весь народ, побуждаемый Богом, воспламенился, как огонь в Иакове, и подобно сильной буре двинулся на него, была взята из жизни неживая жизнь его и тех, кто были с ним, и, как сказано, «память о нем с шумом погибла». О чудо! Так как Бог сохранил в тайне заговор многих о смерти его, то не смог этот преокаянный узнать о замыслах против себя заговорщиков. А если бы даже малая часть их речей не утаилась, то был бы большой вред делу и возникли бы препятствия. Но человек не может препятствовать Божьему предначертанию, и никто не может ухитриться избежать того, что должно исполниться. От него и любимцев его был скрыт этот заговор, и стража его, ратники, учрежденные им и поставленные рядом со спальней с блистающим военным оружием, чтобы охранять его жизнь и оказывать ему помощь, не смогли пересилить христиан, и многие из них бросили свое бесполезное оружие к ногам православных, уразумев, что это изливается на него гнев Божий.

Вслед за ним погибли и войско, пришедшее с ним в царствующий наш град, и богоборная литва, посадившая его на превысокий престол, среди них было много благородных знатных людей. Как олово в воде, все они сразу потонули посреди царствующего города, и ни один из них не спасся; как в древности было с фараоном, так и теперь среди нас Бог чудодействовал. Таким бывает конец неправедно поднимающихся на православную землю, как сказал пророк: «Задумали планы, которые не смогли исполнить», и так далее. Так и сегодня будет с некими языческими тайноумышлениями против нас, если Всеведающий захочет, не замедлит разрушить замыслы их; ведь он все может, если смягчит ярость гнева своего на нас. Но закончим ранее сказанное.

Мы же тогда думали отомстить тем злочестивым за свою погибель, но за грехи наши Бог сохранил гнев свой на нас, еще более яростный, чем тех злочестивых, исправляя прегрешения наши; увы, еще больше вреда причинили мы Русской земле: всю их землю подняли против себя. И недолго радовались их падению — с того времени и доныне много и неутешно плачем. Яростный огонь разожгли мы и даже к тому побудили их, что они вскоре, придя с силой огромной, и уничтожив пограничные наши города, и дойдя до матери всех городов, устроив осаду, закрыли все входы и выходы и на длительное время так оставили. Никто не мог оказать им сопротивления, и они надолго устроили себе жилища около стен

города. Самого же царя, который незадолго до этого из боярского рода самовольно, как хищник, бесстыдно вскочил на царство — думаю, что случилось это без Божиего благословения, что доказал и конец его, небесный суд над всеми его делами, так как царствовал он бесчестно и кратковременно — его, князя Василия Шуйского со всеми его воинами, как в худой клетке, безвыходно заключили в городе. Как звери разбежавшись, они потом не только города и села всей России мечом опустошили, но и весь народ до конца уничтожили, предав различным смертям. Вообще говоря, не было места, где бы горы и холмы не были политы кровью правоверных, а долины и чащобы не были бы ею наполнены, и воды природные, окровавленные, загустели, и звери земные и птицы парящие телами правоверных насытились; и множество ими было истреблено, оставшиеся же, с землею смешавшись, истлели до всеобщего воскрешения. Но меч гнева еще и доныне, переносясь с места на место, отыскивает останки земные, где что есть, и не переставая уничтожает. Соединившись с злочестивыми, часть правоверных вместе с вскочившим внезапно, по-разбойнически, на царство, были злыми советниками во всем этом зле, об этом речь пойдет впереди. «Поставили себе князя, меня не спросивши, — сказал Бог, — если согрешил ты, умолкни». <...>

Псковская летописная повесть о Смутном времени

Подготовка текста, перевод и комментарии В. И. Охотниковой

ВСТУПЛЕНИЕ

Псковская повесть о Смутном времени интересна непосредственной и живой реакцией на события начала XVII в. Псков не был в эпицентре событий и в сложной политической борьбе этого времени занимал независимую позицию. Псковичи сами решали, кому присягать и кого признавать, кого из новых претендентов на царский стол поддерживать. Однозначно позицию псковичей оценить невозможно, она была противоречивой и осложнялась внутренней борьбой между различными социальными группировками в самом Пскове. Следует отметить, однако, что в это смутное время Псков был почти единственным городом, который не шел ни на какие соглашения с иноземцами, претендовавшими на политическое господство. Псковичи защищали свои земли от отрядов Лисовского, в течение нескольких лет вели постоянную борьбу со шведами, оккупировавшими Новгород, они отказались присягать польскому королевичу Владиславу, ставленнику московского боярства.

Текст издается по рукописи *СПб. ФИРИ,* собр. Археографической комиссии, № 252.

ОРИГИНАЛ

О СМЯТЕНИИ И МЕЖДОУСОБИИ И ОТСТУПЛЕНИИ ПСКОВИЧ ОТ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРЬСТВА; И КАКО БЫША ПОСЛѢДИ БѢДЫ И НАПАСТИ НА ГРАД ПСКОВЪ ОТ НАШЕСТВИЯ ПОГАНЫХ И ПЛЕНЕНИЯ, ПОЖАР И ГЛАД; И ОТКУДУ НАЧАША ЗЛАЯ СИЯ БЫТИ И В КОЕ ВРЕМЯ

В лѣто 7115-го, егда убиенъ бысть на Москвѣ ложный царь, назвавыйся Дмитрей; молитвами Пречистыя Богородица и великихъ чюдотворцов не попусти Богъ ему разорити християнския вѣры и церкви превратити в латинство, якоже той

окаянный умысли; но лѣто едино бысть и вскоре убиенъ бысть. И по том сяде на царство князь Василей Шуйской, и отпусти царицу Маринку,[1] воровскую литовку, с литвою во свою землю, и повелѣ ихъ проводити до границы. И приидоша на Сѣверу,[2] и присташа к ним рустии людие, и засѣдоша грады, и царя собѣ ложнаго устроиша паки. И царь Василей многащи посылая на нихъ рати и сам ходи, но ничто же успѣ; смятоша бо ся людие и прельстишася, грѣхъ ради нашихъ Богу попустившу; приидоша и под самый царствующий градъ и обседоша;[3] и бысть глад велий, ниоткуду же помощи надѣющеся.

И посла царь племянника своего князя Михаила Скопина[4] в Новъград, и посла и за море наяти нѣмецъ в помощь собѣ противу Литвы. В то же время, месяца августа, явишася во псковских пригородѣхъ смутные грамоты от вора испод Москвы на прелесть малодушным, и возмутишася людие и начаша крестъ ему целовати. В то же время вскоре преставися епископъ Генадей[5] от кручины, слышав таку прелесть. Такоже и во Пскове смятошася людие, слышавше нѣкоего грядуща от ложнаго царя[6] с малою ратию. Воеводы же видевше толико смятение в народе, и много укрепляху их, и не могоща увѣщати. В то же время народи похваташа лутчих людей, гостей, и пометаша я в темницу, воеводы же послаша в Новъгород, дабы прислали рати в помощь во Псковъ. В то же время нѣкто враг креста Христова вложи имъ то слово, что нѣмцы будут во Псковъ; слышали бяху преже, что послал царь по нѣмец, но не бѣ еще пришли из заморья в Новъгородъ. И тогда возопивше нѣцыи мятежницы в народе, яко нѣмцы пришли суть от Иванягорода к мосту на Великой рекѣ. И в той час возмутишася вси и похваташа воевод, всадиша в темницу, а сами послаша по воровского воеводу, по Федку Плещеева, и целоваша крестъ вору ложно, и начаша быти в своей воли, и отложишася от Московского государства ложному царю, и быша в своей воли возбеснѣвше, и лихоимством разгорѣшася на чюжде имѣние.

Тое же осени приидоша от вора во Псков, якоже от сотоны бѣсове, и его полку мучители, и убийцы, и грабители, повѣдающе малоумным державу его и власть; тии же окаяннии воздаша хвалу прелестней и темней державе его, и начаша хвалитися пред нимъ своим радѣниемъ к вору, како вожделѣша ему покоритися. И навадиша на онѣх боголюбцовъ и страдальцовъ, иже не восхотѣша колѣна поклонити Ваалови,[7] сирѣчь предотечи антихристову, на начальниковъ градских и на нарочитых града мужей, иже бяху в темницу всажени. Иземше же тии злии лютии звѣрие тѣхъ ис темницы, нужною смертию умориша, овых на колие поткоша, инѣмъ главы отсекоша, протчихъ различными муками мучиша, и имѣния их поимаша, болярина же Петра Никитича Шереметева в темницы удавиша. И во владычнѣ дворѣ, и по монастыремъ, и у начальниковъ градскихъ, и у гостей имѣния поимав, сьѣхаша под Москву к своему ложному царю и тамо послѣди от своихъ побиени быша.

И присла ложный царь во Псков новых воевод своихъ, пана Ондрѣя Тронянова Порѣцкого Бѣлорусца, да пана Побѣдинского Лютора, да диака Крика Тенкина; но тии ничтоже во граде не сотвориша зла, и немного быша, и сьѣхаша.

И потом приѣха князь Александръ Жировой Засѣкинъ. При семъ учинися гнѣвъ Божий на славный градъ Псковъ в наказание, дабы осталися самоволия своего и междоусобия: месяца майя въ 15 день, въ 6-й час, загорѣся на Полонище ув Успенского монастыря от дворового варения, и сметашася людие и погасиша огнь. Начаша разходитися по домом, и внезапу загорѣся паки невидимо. И в той час бысть буря велия, вѣтръ силенъ от юга, и понесе огнь к площади, и не возмогоша утолити ничемъ, и побѣгоша вси коиджо во свой домъ. И потом загорѣся Печерское подворье, и внезапу загорѣся у преподобнаго Варлама верхъ на Запсковье, и оттуду, возвѣя вѣтръ силенъ сѣверъ, и загорѣся весь градъ и

зелейные полаты, и зелием вырвало Кремля города на обѣ стороны. И до ночи весь градъ попали, и много людей камениемъ поби и погорѣ, токмо осташа 2 монастыря — Никола чюдотворец в Пѣскахъ да противъ того за рекою Козьма и Дамиян на Гримячой горѣ; да в соборном храмѣ[8] токмо соблюде Богъ гробницу благовѣрного князя Доманта,[9] а то все погорѣ.

Псковичи же народъ, чернь и стрельцы, ни тѣм Божиимъ гнѣвом наказашася, начаша чюжая имѣния грабити у нарочитых людей и, диаволом надхнени суще, рекоша сице: «Боляре и гости городъ зажгоша!» И начаша в самой пожар с камением гонити ихъ, они же побѣгоша из града. И наутрия собрався, начаша влачити нарочитых дворян и гостей, мучити и казнити и в темницы сажати неповинных от начальных града и церковнаго чина, глаголюще безумнии, яко: «Вы градъ зажгосте и разористе, царю нашему не радя». А все то окаяннии мятежницы и начальники жидовской сонмицы затѣяша на добрых людей, дабы имѣние ихъ взяти. А буй народ всуе во слѣдъ их бяху послѣдующе, вопиющи и сами, и тогда мнозей крови неповинной во граде лиющися, по вся дни мучаще окаяннии.

Слышавши же в Великомъ Новѣграде ратнии попущение Божие на Псков, пожар, атаман Тимофѣй Шаров с казаками прииде вскоре; и не смѣяше изгономъ приступити ко граду. А во граде тогда не бѣ ни наряду, ни зелия, но мало бѣ и оружия ручнаго, но, колие заострив, выходиша из града. И много побиша гражан новгородцы, гнавше и до града, а во град не дерзнуша внити, понеже бѣ град великъ и людей множество, а ихъ тогда не бѣ много, с триста человекъ.

Псковичи же, яко вторыи жиды, разъярився, имающе ис темницы добрых людей, злѣ мучаще и глаголюще, яко: «Вы призвасте новгородцовъ на ны». Новгородцы же на Завеличьи[10] посад попалиша и отидоша.

Того же лѣта, месяца августа въ 18 день, враги креста Христова емше ис темницы гостя Алексѣя Семенова, сына Хозю, и много мучиша злѣ и поведоша из града вон на казнь. В той же час нѣцыи христолюбцы, слышавше в рядехъ таково суровство и кровопролитие мятежникъ, вземше оружия своя и рекоша к собе: «Аще не станем на враговъ своих и мучителей ныне, то всѣхъ добрых мужей гражан онѣ погубят». И возопивше, поидоша на них, и разгнавше буихъ от народа, и побиша начальниковъ сонмищю, иных казни предаша, и стрельцовъ из града изгнаша. Егда же услышаша окаяннии тии, иже поведоша на казнь Алексѣя, что восташа на них гражане, в той часъ враг нѣкто стрелец прибѣжа, в самых градных вратехъ отсече неповинную главу праведнаго Алексѣя. А по разгнании враговъ изведоша всѣх, свободиша и воздаша хвалу Богови о сем.

И во 118-ом году, в масленые заговена,[11] прислаша из Великого Новаграда двух стрельцовъ з грамоты от царя Василия, чтобы псковичи обратилися паки к Московскому государству, и соединились, и стали бы заедино на воров и на литву. Начальницы же града и нарочитии мужие восхотѣша приклонитися к государству и совокупитися, и хотѣша вскоре крестъ целовати, и вражиимъ навѣтом того часу записи прежней не обрѣтоша в казнѣ, по чему крестъ целовати.

И паки того же часу возгорѣшася злая горши первых: побѣгоша по всему граду мятежницы и развратницы, прежереченнии самоначальницы, кличницы, кровопивцы, мучащии без правды, похичающии чюжая имѣния и не хотящии под властми жити; и ристающе по граду, вопиюще таковым же убо невѣгласом и смердомъ, по крестцом по сонмищем стоящим, яко начальницы града и лутчии людие, дворяне и гости, чернцы и попы, и всѣ бѣлые люди хотят крестъ целовати и мстити свою обиду, еже мы имъ сотворихомъ, и крестъ целовали московскому

царю Василию.

Они же, буий народ, малодушнии и неразумнии, воздвигошася со оружиемъ на своихъ же, и послаша за городъ, за Великую рѣку, в слободу стрелецкую по стрельцовъ, и поидоша к ним в городъ, понеже стрельцы из града изгнани быша по Алексѣеве убиении Хозина за ихъ воровство и во градъ ихъ не пущали до сего времени. Начальницы же града, и гости, и дворяне, и нѣколико от нарочитыхъ людей града, видевше смятение народное и злое их умышление, уже бо вечеру сущу, елицы успѣша на конехъ, инии же пѣши, заплакавше горце, домы и жены и дѣти оставльше, бѣжаша вон из града на Великую рѣку къ Снятой горѣ.[12] Кои же кони имяху, поидоша к Новугороду, а кои пѣшии, тѣ пошли ко Пречистей Богородицы в Печерский монастырь,[13] боящеся прежняго их мучительства и казней злыхъ.

Наутрия же в самый чистый понедельникъ Великого поста,[14] в онже сущии християне предочищахуся от всѣх злых дѣлъ, они же, паче звѣрей суровейши, свирѣпо распыхахуся, яко лвы, собрашася средѣ града и позвониша на виче. Собрася буий народ несмысленний и поселяне, яко скоти безсловеснии, и сами не свѣдуще, чесо ради собрани. Начальницы же сонму рекоша, яко: «Вчера ищущеи тии кровии нашей побежаша; и мы ихъ оставшая совѣтники изберемъ, и в темницу заключим, и испытаемъ о них».

И поскочиша по домом, ищуще лов обрѣсти и насытитися крови человеческия, якоже и прежнии мучителие, или паче вторыя жиды, ихже преже пророчествуя, рек имъ благовѣрный великий князь Александръ Ярославич Невский по дѣлом ихъ.[15] И елицех обрѣтоша православных неповинных, влечаху их в сонмище, и мучаху ихъ злѣ, и в полаты и погребы пустые пометаша ихъ; елице же из града побѣгоша душею да тѣлом, то жен тѣх меташа в полаты и погребы и, оттуду изимающе, злѣ мучаху и смерти предаваху. И входяще в домы ихъ, ядуще, и пиюще, и веселящеся, и имѣния ихъ собѣ раздѣлиша. Такоже елицы бяху в темницы имуще что, окуповахуся мздою муки ради и смерти; елицы бяху не имуще что дати, тии замучении быша и в темницы помроша, жены же и дѣти осташа скитающеся. Бѣ же всѣхъ страдавших в таковой скорби муж и женъ боле 2 сотъ, дондеже пришолъ ложной царь и воръ Матюшка,[16] свободи ихъ всѣхъ страдавшихъ и в то мѣсто самѣхъ ихъ поточи. По Божию строению все сие такъ бысть, всѣ послѣди возмездие прияша противу своимъ дѣломъ. Но паки напредь возвратимся. Царь же Василей, слышавъ таковое междоусобие во Пскове, смердов самовластие, и хотя пострашити ихъ, дабы обратилися к Московскому государству, присла в Великий Новгородъ князя Владимера Долгорукого, повелѣ ему ити с новгородцы ратию подо Псковъ; и приидоша после Петрова дни.[17]

И изыдоша псковичи из града за три поприща противу имъ, к Промѣшицы рѣчки, яко бѣшении буии, яко на борьбу или на кулачной бой, ниже бѣ в нихъ воеводы ни нарядника, но тѣ жъ уставляюще в нихъ полки, иже сонму собиратели, тии же поостряюще народъ, кричаще, и вопиюще, и ничтоже знающе ратного дѣла. И побиша тогда многихъ псковичь на Промѣщицы у Спаса,[18] и топташа до самого града.

Новгородцы же сташа у Николы на Любятове в монастырѣ.[19] И псковичи паче всѣмъ градом изыдоша на нихъ, со щиты рыбницкими на возѣхъ и с полковым нарядом, и поидоша к монастырю святого Николы. Бѣ же новгородскихъ людей всѣхъ немного, яко триста человекъ, послани бѣша для устрашения, дабы паки соединились воедино псковичи. Видевше же новгородцы неурядное ихъ воинство, грядущих на них множества не устрашишася и раздѣлишася на три части в полцехъ; первый полкъ немецъ напустиша на псковичь. Псковичи же, тогда еще не

знающе ратного дѣла, видѣвше нѣмецъ, побѣгоша ко граду, они же всѣми полки напустиша и гониша до града, биюще и секуще, но с милостию рустии, токмо нѣмцы множество посѣкоша; аще бы тогда мало постояли, и град бы им здали.

Но Богу тако изволившу, грѣх ради наших хотящу мстити и пленити Рускую землю: якоже пси преже ся ухом слышахом о Сѣверней странѣ, что было тамо от Литвы около Московского государства и около Новаграда, токмо оста Псковская земля доселе цѣла. Но наполнися чаша горести пелынныя — прииде слух: он, лютый тать и разбойникъ, пан Лисовской да Иван Просовецкой с рускими мучители и грабители, и грядет убѣгом в сю страну,[20] иже не обрѣте мѣста гоним от князя Михаила Васильивича Скопина, иже многи грады от него искрадом плѣнены и разорены бысть. Слышавше же, новгородцы идоша восвоя, да не пришедъ внезапу на Великий Новъград пленити я.

Псковичи же, преже сего видевше приходящих на них новгородцовъ, не имѣющи же помощи ниоткуду, послаша в Ливонскую землю к пану Хоткѣевичю[21] Максима Карповского, дабы имъ помоглъ; он же тогда не успѣ собратися с вои ити с ними. Псковичи же, слышавше пана Лисовского с литвою и рускими людьми стояща в Новгородской земли, в Порховшине, послаша к нему бити челом, чтобы он шол во Псков с рускими людьми. Он же, много пленив Новгородчину, прииде во Псков.

И пустиша й во град, а литву за городом поставиша на посаде и в стрелетцкой слободѣ. Но помалу начаша и литва во град входити, и начаша многую великую казну пропивати и платьемъ одѣватися, понеже бѣ многое множество имяху злата, и сребра, и жемчюгу, иже грабили и пленили бяху славныя грады Ростовъ и Кострому, и обители и лавры честныя Пафнутия в Боровске и Колязинъ, и многия иныя; и раки святых разсекаху, и суды и окладу образного, и полону множество, жен, и девиц, и отрокъ. Егда же та вся провороваша и проиграша зернью и пропиша, начаша буестию глаголати и грозити гражаномъ, что «мы убо многия грады пленили и разорили, такоже будет от нас граду сему Пскову, понеже убо живот наш весь здѣ положен в корчмѣ». И не збысться их злая мысль: не человеческим такъ смыслом учинися, но Божиим промыслом, еще не хотя тогда погубити молитвъ ради Пречистыя своея Матере и великих чюдотворцов, тогда града сего на предастъ варвару сему не расхищение, но покояния нашего ожидая.

Слышавше же гражане у злых человекъ сие злое умышление, и пришед к варвару, начаша лстивыми словесы глаголати, чтобы шол на Иваньгород на испоручение, понеже тогда обстоим бѣ свѣйскими нѣмцы[22] и за хрептом бѣ Новаграда и Пскова; а мы де, казну собрав, пришлем к тебѣ. Он же нимало постоявъ о семъ, и вскоре изыде из града со всѣми, и иде к Иванюгороду. Нѣмцы же, слышавше, бежаша на свою страну в Ругодив.

Той же окаянный варвар, послѣди уразумѣ в собѣ, како умыслиша псковичи о немъ оманъ, выслаша из града вонъ лестию, и много опечалися. Паки же вторую лесть умысли еще, дабы толикъ крѣпостию Иваньгород лестию взяти: «Тоде могу ис того града и прочая достати». И посла напред собя нѣколико ратных съ хлѣбом во град ити, поне бѣ скуден хлѣбом. Они же внидоша в острог и хотѣша внити во град и засѣсти, по словеси его, и никтоже во граде помысли коварства сего быти, но вельми возрадовашася и похвалиша я. Но един диакъ, начальник именем Афонасей Андронниковъ, уразумѣ злое его коварство, и повелѣ затворити врата граду, и не пусти ихъ, и повелѣ имъ в остроге быти.

И того часу и сам многоковарный приспѣ к острогу, и не пустиша й, и бысть посрамлен; и вопросися у начальников градских пребыти во граде с немногими

людми, и пустиша й и честь ему воздаша о испоручении. Он же подивися великой крѣпости граду, понеже стоит на горѣ высоцѣ, три стены камены бяху и множество наряду и всякой казны. И похвали державцовъ градских, рекъ, яко: «Ни в коем граде руском не могоша узнати моего многоразличнаго коварства и сѣтей, имиже прельстих, сего же града не удастъ ми ся лестию взяти, понеже узнаша мою лесть». И изыде из града.

И начаша между собою литва и русь собиратися, и поидоша русь во Псков, а пан Лисовской с литвой да нѣмецъ, полоненых на Иванегороде, и поимав, поиде мимо Псков. И шед выше Пскова; и взятъ пригороды Вороноч, и Красной, и Заволочье, и начат оттуду по вся дни и нощи подо Псков, и под Изборско, и под Печоры и прочими, и высѣче всю Псковскую землю.

И того лѣта начаша вся злая быти во Пскове: всякой хлѣб дорожати посадех, понеже осажен бысть отвсюду, з дву сторон нѣмцы, а с третию литва, не дающе никамо исходити из градов потребы ради. И бысть того гладного времени, и мору, и осадного сидѣния от литвы и от руских ворoвъ и нѣмец 8 лѣтъ. Но великая милость Пречистыя Богородица Печерския, что токмо мимо свой дом не затвори пути к литовскому рубежу в Ливонскую землю, оттуду во вся та лѣта хлѣб шол во Псков, понеже миръ велий имяху мещане со псковичи; аще не бы та земля подмогла хлѣбом, то никако бы избыли поганых. Но многа же злая тогда быша и на еѣ Пречистые Богородицы обитель от литовскихъ людей и неметцкихъ нашествия; но от всѣхъ сих сохрани и соблюде Пречистая Богородица дом свой, и прославися во всѣхъ странах вселенныя, от них же малая исповѣмъ послѣди, понеже невозможно вся подробну исповѣдати преславная еи чюдеса, бывшая в та времена.

Тогда грѣхъ ради нашихъ в Московском государьствѣ бысть раздоръ в людехъ, царя Василия возненавидеша за многое кровопролитие, второе же, братия его племянника своего возненавидеша за храбрость его, князя Михаила Скопина, иже нѣмец наят и отгна вора с литвою от царствующаго града, и вманив его к Москве, отравою умориша.[23] И здумаша литовского королевича собѣ на царство посадити,[24] тако и сотвориша, веземше царя Василия и отдаша литовскому королю.[25] Король же много жадав сего, како бы ни обольстити руских людей, обѣща дати на царство сына своего и посла людей своих к Москве; и пришедше царствомъ обладаша. Свѣйстии же нѣмцы, видѣвше неустроение в государьствѣ, и кто их наят, того умерша, пришедше, взяша Великий Новград июля въ Ібдень и владѣша им 6 лѣтъ.[26]

Того же 119-го году, об Велице дни,[27] паки явися прелесть на Иване-городе: прельстившемся иванегородцемъ и псковичам вору тушинскому. Назвася тѣм же именем роздьякон Матюшка, прибежавъ с Москвы, обрѣте собѣ благополучно время, еже смутити грады руския, понеже прежней воръ тушинской в Колуге убиен бысть Петром Урусовымъ, и будто ся тот ушолъ на Ивангород, а не убит. И начаша к нему такие же воры и убийцы собиратися: из Новагорода казачья, покинув Новъгород нѣмцем, и к нему приидоша, и стрельцы псковстии же к нему собрашася; и начаша посылати грамоты во Псков и в пригороды на разгласие и смущение, глаголя: «Царь есмъ».

Псковстии же гражане, видевше прелесть бывающую и яко мнози тацы быша преже мятежницы и развратницы Рустей земли, называющеся царским отродомъ, и не вняша сему, и отслаша посланного безчестна, рекше, яко враг есть и разоритель християнству и не хотящим его царя собѣ. Он же собрався с своими воры и прииде с нарядом стѣнобитным и с наметным подо Псковъ июля месяца; гражане же крѣпко противу его сташа и многи побѣды показавше преже; той же

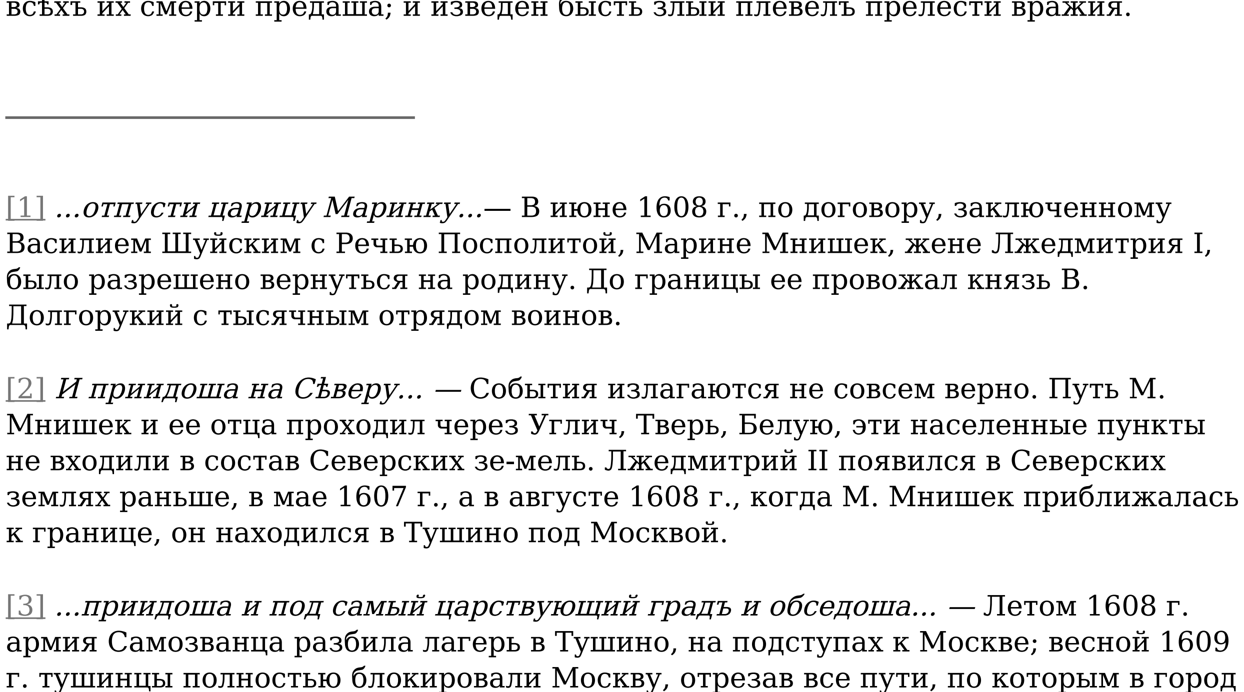
вор много бив по домом людцкимъ и, наметывая огнеными, зажигая, люди устрашая, и ничто же успѣвъ.

Слышавше же нѣмцы в Великом Новѣграде явльшагося вора, подо Псковом стояща, убояшася, да некогда вселится во Псков и ихъ, пришедъ, изгонит вонъ из Новагорода; и послаша на него нѣколико яти его. Той же окаянный, слышав идущих на собя нѣмецъ, бѣжа исподо Пскова на Иваньгород; и догнаша его нѣмцы за Гдовом на Плюсе реки, токмо успѣ онъ един с нѣкими преѣхати, и многихъ посекоша ту. Гражане же псковстии, недоумѣющеся, что сотворити и куда приклонитися, ниоткуду же помощи надѣющися, понеже Москва бѣ за литвою, а в Новѣграде нѣмцы, яко окружени отвсюду, и положиша на том, еже призвати к собѣ ложного царя. Оле безумия послѣдняго! Прежде закляша себѣ отнюд не послушати ложнаго царя, ниже предатися ему, послѣди же послаша от всѣх чиновъ людей бити челом ему и повинную послаша.

Той же окаянный возрадовася радостию велиею о сем, яко избавиша его от неметцкого осаду, тамо было ему изчезнути; прииде же во Псков вскоре. И срѣтоша его с честию, и начаша к нему собиратися мнози, иже радовахуся крови и чюжаго имѣния, к сему же и поганых любя, литву и нѣмецъ. И бысть гражаном многое насилие и правеж в кормех и во всякой дани, и многих умучиша. Тогда псковичи конечне увѣришася ложными, лестными цари и начаша тужити и скорбѣти от его налогу.

Тогда бѣ литва осажена в Москвѣ рускими людьми, и прислаша оттуду нѣких нарочитыхъ во Псковъ дозрѣти прелести того новонарекшагося царя. Они же дозирателие бяху страхом одержими, боящеся смерти, не обличиша его. И не по мнозе времени обрѣтше получно время, егда ратных посла от себе под новъгородской пригородъ под Порховъ, и тогда совѣтъ сотворше со гражане, яша его и сведоша к Москве.

И оттуду преста прелесть ложных царей в Руси; но мала нѣкая остася лесть: по убиении прежняго ложнаго царя, иже убиен бысть в Колуге, нѣкто Ивашко Заруцкой взем сына его Ивашка и жену его и бѣжа на Низ по Волге во Астараханъ.[28] Егда же воцарися благочестивый царь Михаил и обновися Московское государство, тогда и тѣхъ враговъ, изымавше, приведоша к Москве, всѣхъ их смерти предаша; и изведен бысть злый плевелъ прелести вражия.



[1] *...отпусти царицу Маринку...*— В июне 1608 г., по договору, заключенному Василием Шуйским с Речью Посполитой, Марине Мнишек, жене Лжедмитрия I, было разрешено вернуться на родину. До границы ее провожал князь В. Долгорукий с тысячным отрядом воинов.

[2] *И приидоша на Сѣверу...* — События излагаются не совсем верно. Путь М. Мнишек и ее отца проходил через Углич, Тверь, Белую, эти населенные пункты не входили в состав Северских зе-мель. Лжедмитрий II появился в Северских землях раньше, в мае 1607 г., а в августе 1608 г., когда М. Мнишек приближалась к границе, он находился в Тушино под Москвой.

[3] *...приидоша и под самый царствующий градъ и обседоша...* — Летом 1608 г. армия Самозванца разбила лагерь в Тушино, на подступах к Москве; весной 1609 г. тушинцы полностью блокировали Москву, отрезав все пути, по которым в город

поступало продовольствие.

[4] *И посла царь племянника своего князя Михаила Скопина...* — См. коммент.: «Писание о преставлении и погребении князя Михаила Скопина-Шуйского». Под немцами здесь и далее имеются в виду шведы.

[5] *...преставися епископъ Генадей...* — Геннадий, псковский епископ (1595—1608).

[6] *...слышавше нѣкоего грядуща от ложнаго царя...* — Войска Лжедмитрия II («Тушинского вора») появились в псковских землях летом 1608 г., многие псковские пригороды (Себеж, Опочка, Красный, Остров, Изборск) подчинились тушинскому воеводе Плещееву.

[7] *...не восхотѣша колѣна поклонити Ваалови...* — Ваал — идол, языческое божество.

[8] *...в соборном храмѣ...* — Троицкий собор (XII в.), патрональный храм города.

[9] *...благовѣрного князя Доманта...* — Псковский князь Довмонт (1266—1299), одержавший ряд серьезных побед над Литвой и Орденом; погребен в Троицком соборе, почитался как местный святой, считался защитником и покровителем города. (См. наст. изд., т. 6, с. 56—63).

[10] *...на Завеличъи...* — Завеличье — район города Пскова за рекой Великой.

[11] *...в масленые заговена...* — Воскресенье на Масленой неделе.

[12] *...къ Снятой горѣ.* — Крутая гора к северу от Пскова на правом берегу реки Великой, здесь находился монастырь Рождества Богородицы, в котором могли укрыться бежавшие.

[13] *...ко Пречистей Богородицы в Печерский монастыръ...* — Псково-Печерский монастырь Успения Богородицы, приблизительно в 50-ти километрах к западу от Пскова.

[14] *...в самый чистый понеделъникъ Великого поста...* — Первый понедельник Великого поста называется «чистым понедельником».

[15] *...паче вторыя жиды... по дѣлом ихъ.* — Александр Невский, освободивший Псков и разгромивший немецких рыцарей на Чудском озере в 1242 г., после возвращения в Псков обратился к псковичам с речью, в которой призывал их помнить о том, что он сделал для Пскова, и не уподобляться иудеям, которые забыли о пророке, спасшем их от египетского плена. (См. наст. изд., т. 5, с. 364-365).

[16] ... *пришолъ ложной царъ и воръ Матюшка...* — «Лжецарь Матюшка» (некоторые источники называют его Сидоркой) был московским дьяконом из-за Яузы. После убийства в Калуге «Тушинского вора» Матюшка прибежал в Новгород, промышлял здесь мелкой торговлей и наконец открыл свое «царское имя». Новгородцы не поверили ему, и новоявленному Дмитрию пришлось бежать, с несколькими казаками он ушел в Ивангород и там 23 марта 1611 г. объявил, что

он «спасенный Дмитрий». Вокруг Матюшки стало собираться казачество, пришли к нему и псковичи, уверяя, что Псков готов принять Дмитрия. 8 июля «царь» появился под Псковом, но псковичи не открыли ему ворот. Матюшка стоял под стенами города шесть недель. Испугавшись приближения шведов с новгородцами, он бежал в Гдов; разбитый шведами, укрылся в Ивангороде. Выручили Матюшку псковичи. Опасаясь литовцев с Ходкевичем и шведов во главе с Горном, не желая признавать королевича Владислава, псковичи решили присягнуть самозванцу. Матюшке удалось проскользнуть между отрядами шведов, 4 декабря он был в Пскове. Обосновавшись в псковском Кремле, Матюшка отправил послов в ополчение под Москву к бывшим тушинцам. Казаки заволновались, для опознания царя были посланы выборные люди. Не осмелившись сказать правду о самозванстве Матюшки, они подтвердили истинность Дмитрия. 2 марта 1612 г. казаки ополчения провозгласили государем псковского «лжецаря Матюшку», третьего по счету Лжедмитрия. Его вынуждены были признать, боясь расправы, и вожди ополчения И. Заруцкий, Д. Трубецкой. 11 апреля из ополчения в Псков прибыло новое посольство во главе с И. Плещеевым, бывшим любимцем «Тушинского вора». Плещеев более месяца разыгрывал роль верного слуги, не изобличая самозванства Матюшки, положение которого в Пскове было очень непрочным. Псковичи уже давно разочаровались в своем царьке, оказавшемся неспособным изгнать из псковских земель Лисовского, защитить от шведов, — он лишь развратничал и облагал поборами. Чувствуя непрочность своего положения, Матюшка ночью 18 мая 1612 г. бежал к Гдову с небольшим числом казаков, 20 мая его поймали, привели на позор в Псков, затем под усиленной охраной отправили в Москву. В московских таборах казаки посадили его на цепь для всеобщего обозрения. Так бесславно закончилось недолгое царствование псковского «лжецаря Матюшки»; после избрания на престол Михаила Романова он был повешен.

[17] *...после Петрова дни.* — Петров день — 29 июня ст. ст.

[18] *...к Промѣшицы... у Спаса...* — Промежица — ручей, впадающий в реку Череху, приток Великой; церковь Нерукотворного образа Спаса — приблизительно в трех километрах к югу от города.

[19] ...*сташа у Николы на Любятове в монастырѣ.* — Никольский монастырь на погосте Любятово, в полутора километрах на пути из Новгорода в Псков.

[20] *...пан Лисовской да Иван Просовецкой... грядет убѣгом в сю страну...* — Александр Лисовский, воевода Лжедмитрия II, возглавлял вместе с Я. Сапегой осаду Троице-Сергиева монастыря под Москвой. В октябре 1609 г., после решительных действий М. Скопина-Шуйского, Лисовский со своими отрядами ушел в новгородские и псковские земли.

[21] *...к пану Хоткѣевичу...* — Литовский гетман Ян Кароль Ходкевич (1560—1621).

[22] *...на Иванъгород на испоручение, понеже тогда обстоим бѣ свѣйскими нѣмцы...* — Свейские немцы, т. е. шведы; Ивангород в 1607—1610 гг. часто переходил из рук в руки.

[23] *..князя Михаила Скопина... вманив его к Москве, отравою умориша.* — См.

«Писание о преставлении и погребении князя Михаила Скопина-Шуйского».

[24] *И здумаша литовского королевича собѣ на царство посадити ...* — Речь идет о царевиче Владиславе.

[25] *...вземше царя Василия и отдаша литовскому королю.* — царь из старинного рода суздальских князей, избранный на трон после народного восстания в Москве 17 мая 1606 г. и после убийства Лжедмитрия. Был свергнут с престола москвичами в июле 1610 г. и пострижен в монахи. Затем был арестован поляками вместе с братьями Дмитрием и Иваном; умер в плену под Варшавой 5 сентября 1612 г.

[26] *Свѣйстии же нѣмцы... взяша Великий Новград... и владѣша им 6 лѣтъ.* — Новгород был во власти шведов с июля 1611 по февраль 1617 г.

[27] *...об Велице дни...* — Великий день — Пасха.

[28] *...нѣкто Ивашко Заруцкой... во Астараханъ.* — Иван Мартынович Заруцкий, казачий атаман, поддерживал разные политические силы, был одним из ближайших сподвижников Лжедмитрия II, от него перешел служить к Сигизмунду III, затем вместе с Ляпуновым и Трубецким возглавил первое земское ополчение. Мечтая о личной власти, начал агитацию за избрание на русский престол «воренка» — сына Лжедмитрия II и М. Мнишек. Идея приглашения в Москву «воренка» многими была встречена с недоверием. Войско Заруцкого редело, города, которые он пытался добыть для «воренка», оказывали сопротивление. После избрания на престол М. Романова против Заруцкого выступили дворянские отряды во главе с И. Одоевским. И. Заруцкий укрылся в Астрахани, после восстания в Астрахани бежал на Яик. Здесь казаки выдали «царицу», «воренка» и Заруцкого властям. В Москве «воренок» Иван был повешен, И. Заруцкий посажен на кол, М. Мнишек сослана (умерла в Туле своей смертью).

ПЕРЕВОД

О СМУТЕ И РАЗДОРАХ И ОТСТУПНИЧЕСТВЕ ПСКОВИЧЕЙ ОТ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА, И КАКИЕ БЫЛИ ПОТОМ В ГРАДЕ ПСКОВЕ БЕДЫ И НАПАСТИ ОТ НАШЕСТВИЯ И ЗАВОЕВАНИЯ ПОГАНЫМИ, ПОЖАР И ГОЛОД; И ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ НЕСЧАСТЬЯ ЭТИ И В КАКОЕ ВРЕМЯ

В год 7115-й (1606) был убит в Москве лжецарь, назвавший себя Дмитрием; благодаря молитвам Пречистой Богородицы и великих чудотворцев не допустил Бог уничтожения христианской веры и обращения церкви в латинство, как замыслил то окаянный; только одно лето был он царем и вскоре был убит. И после него сел на царство князь Василий Шуйский, и отпустил царицу Маринку, преступную литовку, вместе с литовцами в их землю, и повелел проводить их до границы. И пришли они в Северские земли, и присоединились к ним русские люди, и заняли города, и нашли себе опять лжецаря. И царь Василий много раз посылал на них войска и сам ходил, но безуспешно; взволновались люди и соблазнились <то Бог допустил за грехи наши>; пришли даже к царствующему граду и осадили его; и был голод сильный, и ниоткуда не ждали помощи.

И послал царь племянника своего, князя Михаила Скопина, в Новгород, и послал его за море нанять немцев на помощь себе в войне с Литвой. В то же время, в

августе месяце, в псковских пригородах появились крамольные грамоты от вора из-под Москвы на прелыщение малодушных, и соблазнились люди, и начали ему крест целовать. Тогда же вскоре преставился епископ Геннадий от горя, услышав о таком соблазне. Также и в Пскове взволновались люди, услышав о том, что от лжецаря идет кто-то с небольшим войском. Воеводы же, увидев такое волнение народа, долго успокаивали его, но не смогли остановить. Тогда народ схватил лучших людей, купцов и бросил их в темницу, воеводы же послали в Новгород с просьбой прислать в Псков войско на помощь. В это же время некто враг креста Христова пустил слух, что немцы идут в Псков; и слышали прежде, что послал царь за немцами, но те еще не пришли из-за моря в Новгород. И тогда в народе стали кричать какие-то мятежники, что немцы уже пришли от Ивангорода к мосту на Великой реке. И тотчас все поднялись и схватили воевод, посадили в темницу, а сами послали за воровским воеводой Федькой Плещеевым, и целовали крест вору, и начали жить по своей воле, и отошли от Московского государства, и подчинились лжецарю, и обезумели, живя по своей воле, и в жадности разгорелись страстью к чужому богатству.

В ту же осень пришли от вора в Псков, как от сатаны бесы, из войска его мучители, и убийцы, и грабители, рассказав малоумным о его могуществе и власти; те же окаянные восхвалили преступное и греховное правление его и начали хвалиться перед ним своим усердием к вору, как они жаждали ему покориться. И наговорили на тех боголюбцев и страдальцев, которые не захотели преклонить колени пред Ваалом, то есть предтечей антихриста, — на городских правителей и знатных мужей города, которые были посажены в темницу. И взяли те злые лютые звери их из темницы, насильственной смерти предали, одних на кол посадили, другим головы отсекли, остальных разными муками замучили и имущество их забрали, боярина же Петра Никитича Шереметева в темнице удавили. И на владычном дворе, и в монастырях, и у правителей городских, и у купцов все богатства забрав, уехали под Москву к своему лжецарю и там впоследствии своими же были убиты.

И прислал лжецарь в Псков новых своих воевод, пана Андрея Тронянова Порецкого Белорусца, и пана Лютора Побединского, да дьяка Крика Тенкина; но те ничего злого в городе не сделали и, недолго побыв, уехали.

И потом приехал князь Александр Жировой Засекин. При нем разразился гнев Божий на славный град Псков в наказание, чтобы отошли от своеволия своего и раздоров: месяца мая в 15 день, в 6-м часу, загорелось на Полонище у Успенского монастыря, когда готовили пищу во дворе, и сбежались люди, и погасили огонь. Начали расходиться по домам, и вдруг неожиданно загорелось снова. И в этот миг поднялась буря великая, сильный ветер с юга, и понесло огонь к площади, и не смогли его укротить ничем, и побежали все каждый в свой дом. И потом загорелось Печерское подворье, и неожиданно загорелся верх у церкви преподобного Варлаама на Запсковье, и оттуда подул сильный северный ветер, и загорелся весь город и пороховые склады, и порохом взорвало стены Кремля с двух сторон. И до ночи весь город выжгло, и много людей побило камнями и пожгло, осталось только 2 монастыря — Николая чудотворца в Песках, да напротив него, за рекой, Козьмы и Демьяна на Гремячей горе; и в соборном храме сохранил Бог только гробницу благоверного князя Довмонта, а остальное все сгорело.

Псковский же народ, чернь и стрельцы, не испугавшись того Божиего гнева, начали чужое добро грабить у знатных людей и, дьяволом подстрекаемые, говорили так: «Бояре и купцы город зажгли!» И во время самого пожара начали камнями их выгонять, они же побежали из города. И утром, собравшись, они

начали хватать знатных дворян и купцов, мучить и казнить и в темницы сажать неповинных из числа правителей города и людей церковного сана, безумные, говоря: «Вы город зажгли и погубили, нашего царя не желая». А все это окаянные мятежники и главари иудейского сборища затеяли против добрых людей, чтобы богатства их взять. А буйная толпа слепо следовала их примеру и кричала, и тогда много крови неповинной пролилось в городе, целыми днями мучили окаянные.

Услышали воины в Великом Новгороде о попущенье Божием на Псков, о пожаре, и вскоре пришел атаман Тимофей Шаров с казаками и не осмелился внезапно напасть на город. А в городе тогда не было ни орудий, ни пороха, да и ручного оружия было мало, но, заострив колья, выходили из города. И много горожан побили новгородцы, преследовали их до города, а в город не дерзнули войти, ибо был город велик и людей в нем множество, а их немного тогда было, человек триста.

Псковичи же, словно вторые иудеи, разъярившись, вытащили из темницы добрых людей, жестоко их мучили, говоря: «Вы призвали на нас новгородцев». Новгородцы же спалили посад на Завеличье и ушли.

В тот же год, месяца августа в 18-й день, враги креста Христова взяли из темницы купца Алексея Семенова, сына Хозина, и долго мучили жестоко, и повели его из города на казнь. Тогда же некие христолюбцы услышали в торговых рядах о такой свирепости мятежников и кровопролитиях, взяли свое оружие и сказали сами себе: «Если ныне не поднимемся на врагов своих и мучителей, то они всех добрых мужей города погубят». И, вскричав, пошли на них, и разогнали буйную толпу, и побили главарей сборища, иных казнили, а стрельцов выгнали из города. Услышали же те окаянные, которые повели на казнь Алексея, что поднялись против них горожане, и вот прибежал какой-то безбожник стрелец и у самых городских ворот отсек неповинную голову праведного Алексея. А после того как были разогнаны враги, всех освободили и воздали хвалу Богу о том.

В 118 (1610) году, в масленичное заговенье, были присланы из Великого Новгорода два стрельца с грамотой от царя Василия, чтобы псковичи вновь возвратились под власть Московского государства, и воссоединились, и вместе бы поднялись на смутьянов и на литовцев. Правители города и знатные мужи захотели подчиниться власти и воссоединиться и хотели сразу же крест целовать, но по вражьему навету не нашли в казне прежней записи, по которой крест целовать.

И вновь тогда начались несчастья горше первых: побежали по всему городу мятежники и развратители, прежденазванные главари, крикуны, кровопийцы, мучающие беззаконно, расхищающие чужие богатства и не желающие подчиняться властям; и, рыская по городу, они кричали таким же невеждам и смердам, стоящим на перекрестках и площадях, что правители города и лучшие люди, дворяне и купцы, монахи и попы, и все белые люди хотят крест целовать и мстить за свои обиды, которые мы им причинили, и крест целовали московскому царю Василию.

Они же, буйная толпа, малодушные и неразумные, поднялись с оружием на своих же и послали за город, за Великую реку, в слободу стрелецкую за стрельцами; и те пошли к ним в город, ибо после убийства Алексея Хозина стрельцы за их предательство из города были изгнаны, и в город их до сего времени не пускали. Правители же города, и купцы, и дворяне, некоторые из знатных людей города, увидев смятение народа и злые его помыслы, бежали из города с наступлением вечера к Снетной горе по Великой реке, заплакав горько, дома и жен и детей

оставив, кто успел, тот на конях, другие же пешими. Те, кто имел коней, пошли к Новгороду, а пешие пошли в Печерский монастырь Пречистой Богородицы, боясь прежних преследований и жестоких казней.

Утром, в чистый понедельник Великого поста, когда все истинные христиане очищаются от всех злых дел, они же, еще более дикие, чем звери, свирепо разъярившись, как львы, собрались в центре города и позвонили на вече. Собрался буйный народ неразумный и крестьяне, как скот бессловесный, сами не зная, чего ради собраны. Главари же сборища сказали: «Ищущие вчера нашей крови сбежали, а мы оставшихся их советников возьмем и посадим в темницу и разузнаем о них».

И помчались по домам, ища добычи и желая насытиться кровью человеческой, подобно прежним мучителям, или еще более того — вторым иудеям, как, предрекая, назвал псковичей за дела их великий князь Александр Ярославич Невский. И кого из неповинных православных нашли, тех потащили на сборище, и жестоко их мучили, и бросили в пустые дома и погреба; кто же душой и телом покинул город, у тех жен кинули в дома и погреба и, выпуская их оттуда, жестоко мучили и смерти предавали. И занимали дома их, ели, пили и веселились, и богатства их между собой делили. И если кто-нибудь из сидящих в темнице имел что-то при себе, то откупался взяткой от мук и смерти; кто же не мог ничего дать, те были замучены и умерли в темницах, а жены их и дети остались бездомными. И было более двухсот мужчин и женщин, страдавших от таких бед, пока пришедший лжецарь и вор Матюшка не освободил всех страдальцев и вместо них не заточил самих <мучителей>. Все это было по Божьему предусмотрению, все потом получили возмездие за свои дела. Но возвратимся к прежнему рассказу. Царь Василий, узнав о таких раздорах в Пскове, самовольстве смердов и желая постращать их, чтобы подчинились они Московскому государству, прислал в Великий Новгород князя Владимира Долгорукого, повелел ему с новгородскими войсками идти под Псков; и пришли они после Петрова дня.

И вышли псковичи из города навстречу им за три поприща, к речке Промежице, как буйно помешанные, словно на борьбу или на кулачный бой, и не было у них ни воеводы, ни предводителя, и полки их строили те же, кто собирали их на сборище, они и подстрекали народ, крича и вопя и совсем не зная ратного дела. И многих псковичей тогда побили на Промежице у Спаса, и преследовали их до самого города.

Новгородцы же стали у Никольского монастыря на Любятове. И псковичи почти всем городом вышли на них с рыбацкими щитами на возах и полковыми орудиями, и пошли к монастырю святого Николая. Новгородских же людей было немного, около трехсот человек, посланы они были для устрашения, чтобы воссоединились псковичи. Увидели же новгородцы беспорядочное их войско, не устрашились множества идущих на них и разделились на три полка; первым выпустили на псковичей полк немцев. Псковичи же, тогда еще не понимая в ратном деле, увидев немцев, побежали к городу, тогда новгородцы бросили на них все полки и преследовали их до города, убивая и рубя; русские делали это с жалостью, только немцы многих порубили; и если бы тогда еще немного постояли, то сдали бы им город.

Но Бог так повелел, за грехи наши пожелал покарать и разорить Русскую землю: прежде мы, как собаки, только ушами слышали о Северской земле и о том, что творили литовцы на границах Московского государства и около Новгорода, и только Псковская земля одна оставалась доселе целой. Но наполнилась чаша горечи полынной — пришла весть, что злой тать и разбойник пан Лисовский и

Иван Просовецкий вместе с русскими мучителями и грабителями приближается, спасаясь бегством, и к этой земле, что не нашли они больше места, гонимые князем Михаилом Васильевичем Скопиным, что многие города неожиданно ими были взяты и разорены. Услышав это, новгородцы возвратились, опасаясь, чтобы тот не пришел внезапно на Великий Новгород и не взял его.

Псковичи же еще до этого, узнав о готовящемся нападении на них новгородцев, не имея ниоткуда помощи, послали в Ливонскую землю к пану Ходкевичу Максима Карповского с просьбой о помощи, он же тогда не успел собрать войско и выступить. И псковичи, узнав о том, что пан Лисовский с литовцами и русскими людьми стоит в Новгородской земле, около Порхова, послали к нему бить челом, чтобы шел он в Псков с русскими людьми. Он же, опустошив многие новгородские земли, пришел в Псков.

И пустили его в город, а литовцев расположили за городом в посаде и стрелецкой слободе. Но понемногу начали и литовцы проникать в город, и многие начали большие деньги пропивать и принаряжаться, ибо многое множество имели золота, и серебра, и жемчуга, что награбили и захватили в славных городах Ростове и Костроме, и в обителях и лаврах прославленных, в монастыре Пафнутия Боровского и Колязинском монастыре и многих других; и гробницы святых разбивали, и сосуды и оклады у икон, и много плена взяли, жен, и девиц, и юношей. Когда все это порастратили, и проиграли в кости, и пропили, начали они дерзко говорить и угрожать горожанам: «Мы-де многие города захватили и разорили, так же поступим и с городом Псковом, ибо все состояние наше заложено здесь в корчме». И не осуществился их злой замысел, случилось все не по человеческому разумению, но по Божиему промыслу, ибо, благодаря молитвам Пречистой своей Матери и великих чудотворцев, не захотел он тогда погубить город, не отдал его этому варвару на расхищение, ибо ждал нашего покаяния.

Узнали горожане об этом злом умысле злых людей и, придя к варвару, начали в льстивых словах его уговаривать, чтобы шел он к Ивангороду на выручку, поскольку был он тогда окружен шведскими немцами и находился за спиной у Новгорода и Пскова; а они-де, собрав деньги, пошлют к нему. Он нисколько не раздумывал над этим, и вскоре ушел из города со всем войском, и пришел к Ивангороду. Немцы же, узнав об этом, бежали в свои земли, в Ругодив.

Потом тот окаянный варвар понял, как обманули его псковичи, хитро выслав его из города, и сильно опечалился. И тогда он задумал ответную хитрость, чтобы взять обманом Ивангород, такую мощную крепость: «Тогда-де могу из этого города и другие отвоевать». И послал он вперед себя небольшой отряд в город с хлебным запасом, ибо там оставалось мало продовольствия. Они вошли в острог и хотели войти в город и засесть там, как он велел, и никто в городе не увидел в этом коварства, но все очень обрадовались и похвалили их. Но один из старших дьяков, по имени Афанасий Андронников, понял его злое коварство, и повелел закрыть ворота города, и не пустил их, и повелел им находиться в остроге.

В это же время и сам многоковарный подоспел к острогу, и не пустили его, и был он посрамлен; и попросился у правителей городских побывать в городе с небольшим числом людей, и пропустили его, и поблагодарили за выручку. Он же удивлялся мощным укреплениям города: стоит он на высокой горе, имеет три каменные стены и множество орудий и всяких запасов. И похвалил правителей городских, говоря:«Ни в одном из русских городов не могли разгадать моих многочисленных хитростей и уловок, которыми я их оболыцал, этот же город мне не удалось взять обманом, ибо раскрыли мой обман». И ушел из города.

И разделились между собой литовцы и русские, и пошли русские в Псков, а пан

Лисовский с литовцами и немцами, взятыми в плен в Ивангороде, пошел мимо Пскова. И пошел выше Пскова, и взял пригороды Воронич, и Красное, и Заволочье, и начал оттуда совершать набеги на Псков каждые день и ночь, и на Изборск, и на Печоры, и в другие места, и опустошил всю Псковскую землю.

И в тот же год начались всякие беды в Пскове: стало дорожать пропитание в посадах, поскольку был окружен город отовсюду, с двух сторон немцами, а с третьей литовцами, не дающими выйти из города за необходимым. И 8 лет длились голод, и мор, и сидение в осаде от литовцев, и от русских воров, и от немцев. Но велика милость Пречистой Богородицы Печерской, что не позволила закрыть путь, идущий мимо ее дома к литовской границе в Ливонскую землю, оттуда все эти годы и доставляли пропитание в Псков, поскольку жители <ливонских> городов были в большом мире с псковичами; если бы не помогала та земля пропитанием, то не могли бы избавиться от поганых. Но много бед от нашествия литовских и немецких войск выпало тогда и на долю обители Пречистой Богородицы, но от всех бед сохранила и защитила Пречистая Богородица дом свой, и прославился ее монастырь во всех концах вселенной, о чем немного расскажу впоследствии, потому что невозможно подробно рассказать о всех преславных чудесах ее, случившихся в то время.

Тогда за грехи наши начались в Московском государстве распри: возненавидели царя Василия за многое кровопролитие, и, во-вторых, братья царя Василия возненавидели за храбрость племянника своего, князя Михаила Скопина, который нанял немцев и отогнал вора с литовцами от царствующего города, и, заманив его в Москву, отравили. И задумали посадить на царство литовского королевича, так и сделали: взяли царя Василия и отдали его литовскому королю. Король же давно ждал того, чтобы обольстить русских людей, обещал дать на царство своего сына и послал своих людей в Москву, и, придя, овладели они царством. Шведские немцы, увидев беспорядки в государстве и что умер тот, кто их нанял, 16 июля пришли и захватили Великий Новгород и владели им 6 лет.

В том же 119 (1611) году накануне Великого дня новые волнения охватили Ивангород, ибо ивангородцы и псковичи поддались на обман тушинского вора. Назвавшийся этим именем раздьякон Матюшка, прибежав из Москвы, выбрал удобное время для того, чтобы поднять мятеж в русских городах, ибо прежний тушинский вор был убит в Калуге Петром Урусовым, но говорилось, будто он ушел в Ивангород, а не был убит. И начали собираться вокруг него такие же воры и убийцы: из Новгорода казаки, оставив Новгород немцам, пришли к нему, и стрельцы псковские присоединились к нему; и начал он посылать грамоты в Псков и пригороды, вызывая раздоры и смуту, говоря: «Я царь».

Псковские жители, видя постоянные предательства и то, что и прежде многие мятежники и отступники Русской земли называли себя царским именем, не послушали его и с позором отправили посланного, сказав, что он безбожник и вероотступник и что они не хотят его себе в цари. Тот же собрал своих воров и пришел в июле месяце к Пскову со стенобитными и метательными орудиями; горожане же мужественно сопротивлялись ему и много побед одержали; а этот вор долго обстреливал жилые дома и зажигал их, метая огонь, людей устрашая, но ничего не достиг.

Немцы в Великом Новгороде услышали о объявившемся воре, стоящем под Псковом, испугались, что когда-нибудь тот сядет в Пскове и, придя, выгонит их из Новгорода; и послали небольшое войско взять его. Тот же окаянный, узнав о немцах, выступивших против него, убежал из-под Пскова в Ивангород; и догнали его немцы за Гдовом на реке Плюссе, и многих убили здесь, только он один с

небольшим отрядом успел переехать реку. Псковские же жители, не зная, что делать и к кому примкнуть, не надеясь ни на чью помощь, поскольку в Москве были литовцы, а в Новгороде немцы, окруженные со всех сторон, они порешили призвать к себе лжецаря. О, это последнее безумие! Прежде клялись не слушать лжецаря, не подчиняться ему, потом же сами послали выборных от всех сословий бить ему челом и повинную послали.

Тот же окаянный обрадовался радостью великой, что избавили его от немецкого окружения, в котором он бы и погиб, и вскоре пришел в Псков. И встретили его с честью, и начали к нему собираться многие из тех, кто радовался крови и жаждал чужого добра, к тому же и поганых любил, литовцев и немцев. И много насильничали они над горожанами, и взыскивали с истязаниями корма и всякую дань, и многих замучили. Тогда псковичи окончательно разуверились в лжецарях, обманщиках, и начали тужить и страдать от его притеснений.

В это время литовцы были окружены в Москве русскими войсками и прислали оттуда в Псков нескольких достойных мужей разоблачить обман этого нового самозванного царя. Те же, кто прибыл, чтобы установить <кто этот новый царь>, испугались, боясь смерти, не обличили его. И некоторое время спустя, выбрав удобное время, когда он послал войско на новгородский пригород Порхов, тогда они, посоветовавшись с горожанами, схватили его и увезли в Москву.

И с тех пор прекратились на Руси мятежи лжецарей, лишь небольшая смута осталась: после убийства прежнего лжецаря, который был убит в Калуге, некто Ивашка Заруцкий взял его сына Ивашку и жену и бежал вниз по Волге в Астрахань. Когда же воцарился благочестивый царь Михаил и возродилось Московское государство, тогда и тех безбожников, поймав, привезли в Москву, всех казнили; и был уничтожен злой сорняк вражеских смут.

Хворостинин Иван Андреевич "Словеса дней, и царей, и святителей московских"

Подготовка текста, перевод и комментарии Е. П. Семеновой, перевод Д. М. Буланина

ВСТУПЛЕНИЕ

Повесть Ивана Андреевича Хворостинина — один из любопытных литературных памятников первой четверти XVII в. Автор делает попытку осмыслить происшедшие в период Смуты события, разобраться в правильности поступков тех или иных исторических деятелей. Повесть не только отражает события Смутного времени, но и несет на себе отпечаток идеологической борьбы, происходившей в Москве в период утверждения на царском престоле Романовых.

Обилие автобиографических намеков ставит повесть в тесную связь с биографией самого И. А. Хворостинина. Писатель происходил из семьи, принадлежавшей к обедневшей ветви ярославских князей. Однако Хворостинины сумели упрочить свое положение при опричнине, стали обладателями больших земельных богатств и даже породнились с Годуновыми. (Двоюродная сестра И. А. Хворостинина Авдотья была замужем за С. С. Годуновым. — Корецкий В. И., СоловьеваТ. Б., Станиславский А. Л. Документы первой крестьянской войны в России // Сов.

архивы. 1982. № I. С. 34—41). И. А. Хворостинин в юности был кравчим при дворе Лжедмитрия I, затем при Василии Шуйском за близость к Самозванцу был сослан. Вернувшись из ссылки в начале 1611 г., он благополучно служил до 1623 г., когда его интерес к польским книгам и польской культуре был замечен правительством. Хворостинина обвинили в еретичестве и сослали в монастырь. Стремление оправдаться и послужило поводом для написания данного сочинения. Обширные богословские отступления и цитаты из библейских книг в нем прямо служат конкретной цели — доказать свою приверженность православию. Этой же цели служат и рассказы о его добродетельном поведении и праведных его речах. Необходимость оправдать себя дала толчок для развития своеобразного, эмоционально окрашенного повествования, отличающегося от прочих произведений о Смуте. В повести Хворостинина имеется яркий положительный герой, ставший центром всего повествования — патриарх Гермоген.

Хворостинин был также одним из первых русских стихотворцев. Его стихотворный трактат «Изложение на еретики-злохульники», сохранившийся в единственном списке (см.: Савва В. И. Сочинения князя Ивана Андреевича Хворостинина. Вновь открытые полемические сочинения XVII в. против еретиков. СПб., 1907), направлен против католической церкви («римской прелести») и также служит вполне конкретной цели — стремлению оправдаться, показать себя ревностным сторонником православия.

Повесть Хворостинина дошла до нас в четырех списках. Это рукописи *РНБ,* O.IѴ.172; *ГИМ,* Заб. 474/857; *РГБ,* Вифанской дух. семинарии (все три списка конца XVII в.) и рукопись Королевской библиотеки в Копенгагене. Все списки не имеют конца, причем первые три обрываются на одном и том же месте — на послании патриарха Гермогена; четвертый же, копенгагенский, несколько ранее. Список *РНБ,* O.IѴ.172 принадлежал «дому» патриарха Адриана. Разночтений между списками *РНБ, ГИМ* и *РГБ*практически нет.

В настоящем издании «Словеса дней, и царей...» Хворостинина публикуются по самому раннему списку (середины XVII в.) — по рукописи Королевской библиотеки в Копенгагене № 4 Kbl SAmli № 61552ᶜ, 4° (Новое королевское собр.). Отсутствующий в этом списке текст дается по списку *РНБ*, Q.IѴ.172, опубликованному в свое время С. Ф. Платоновым: *РИБ.* СПб., 1909, т. 13, изд. 2. Все исправления в тексте выделены курсивом.

ОРИГИНАЛ

СЛОВЕСА ДНЕЙ, И ЦАРЕЙ, И СВЯТИТЕЛЕЙ МОСКОВСКИХ, ЕЖЕ ЕСТЬ В РОСИИ. СПИСАНО ВКРАТЦЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКО, НАПИСАНО БѢ КО ИСПРАВЛЕНИЮ И КО ПРОЧИТАНИЮ БЛАГОЧЕСТИЕ ЛЮБЯЩИХ. СОСТАВЛЕНО ИВАНОМЪ ДУКСОМЪ[1]

ПРЕДИСЛОВИЕ ИМУЩЕ СИЦЕВО

Иже вышняго непостижимаго Бога, неизреченнаго и присновоспеваемаго Творца, во всяком славима роде, Царя царствующимъ и господьствующа всѣми, иже живот и дыхание дая всяческой твари, имъ же владыки властодержьствуют, и силнии держатъ правостию землю, и научении пишут истинну; иже искони от Вседержителя Бога превышняя мудрость — Сынъ, безначалное Слово, иже слову дател и благодарению подател, — той бо всѣхъ нас Зиждител и Господь, иже от

небытия в бытие приведыи зиждителным своимъ повелѣнием, и родоначалника праотца Адама созда пречистыма и нетлѣнныма рукама и душу живу вдохну в то перстное тѣло и раю жителя сотвори. Сему же помрачившу совесть и преступившаго заповедь, горкая плода вкусивше, извержен бысть из рая, яко преестественная помыслив поползеся, и тлѣнию подлежа греха ради сущаго в раю невоздержания, пресущественнаго суеумия, не покаяся ко Творцу своему и Зиждителю, да победитъ грѣхъ покаянием. Аще исперва смирил бы себѣ, не бы всему роду навел напасть, и аще сохранил бы заповедь, не бы отпал. Паки по обнажении дастъ вину еже покаятися и помилovану быти, но пребысть выя его высока. И прииде бо, глаголя ему, Творец: «Адаме, гдѣ бѣ?» — Вмѣсто от коея же славы и в каков вниде в студ! И прочая вопрошаше его: «Почто согрешил еси, почто преступи?» — подтворяя его свойственне к покаянию и смирению виновнаго прощения. Ни мало смирения! И гдѣ есть еже покаяние и виновное прощение! Но нимало покаяния, но еще и сопротивословесие и сопротиворѣчие: «Жена, юже ми дастъ». Ниже глаголетъ «жена моя *прелсти»,* — «юже дастъ ми», якоже аще кто речет: «Беду, еже ми еси навел на главѣ моей». Таково есть, братия моя, речет Святое Писание: егда не удержит человѣкъ еже себѣ укоряти, и обленитися *и* самого Бога виновна тако же сотворити.

Таже происходит ко оной глас его: «Почто ты не сохрани заповѣди?» Якоже, нечто свойственне глаголя, рцы: «Поне ты покаяние принеси и от греха очистившася, да смирится душа твоя, и помилована будеши». И обаче нигдѣ прощения! Отвещевает и та глаголющи: «Змия прелсти мя», якоже бо: «та согрешила, а аз кую имам вещь?»

Что творите, окаяннии? Сотворите едино покаяние, познайте прегрешения ваша, покрыйте наготу свою! И ни един же от них *сподоби* себѣ , и ни един обретеся имея мало смирения. И сея видѣв, Господь достиже устроение ваше: в кая и в колика зла внесе вас, еже оправдитися самем, еже составляти себѣ, еже держати свою волю, яко же суть чада и вражебницы Божия возношения. Якоже смиренномудрию чада суть, еже самому ся укоряти, еже не вѣровати своему разуму, еже ненавидети свою волю. От сих бо сподобляется кто приити — все исходити въ естественное очищением святых заповедей Христовых. Кромѣ бо смирения невозможно послушати заповеди, ни приити в кое благо.

Падением же Адамовым и заповеди преступлением *зря* смертию отъятое естество, Миротворецъ умилосердися о своемъ создании, отеческое пресвѣтлое безначалное Божие Слово, изволением Бога Отца и содеянием Святого Духа изволи посетити земныя своя руки создание, древле падшаго перваго родоначалника. Сниде ото отческих пребезначалных божественных нѣдръ неразлучно отческаго лона, от Приснодевы воплотися Марии, от чистых ея девственных кровей, основа плоть по существу человечю развее греха. Себѣ сотворя подобен быти нам, подобных уподобляя себѣ и своего создания не терпя зрѣти грехом порабощена, в Дѣву вселися нас ради, да нас введет в первое достояние и от древняго падения воздвижеся, тлѣнием наше отятое естество оцыстит, да, от грѣх свобождишеся, да первое сынотворение приимем. Все убо плотско, еже от нас, совершив смотрение, крестъ же и смерть восприим, с небесными преславно сотворив земъная, воскреси же из мертвых со славою, и на небеса вознесеся, и одесную величествия Отча сяде, самовидцем его учеником по обещанию в видѣний огненных язык утешителный Духъ посла и заповѣдах им во вся изыки просвещати, во тмѣ невѣдения седящих, и крестити их во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Якоже оттоле овем убо прия восточныя конца, овем же западныя прияти, и проходити сѣверныя и южныя протицати страны, и повелѣнися им исполняюще

заповеди. Тогда священный Андрѣй, един сый от двоюнадесяти числа полка ученикъ Христовых, брат Петра верховнаго апостола, от Иерусалима в Синопию прииде и от Синопии в Херсон, а от Херсона поиде Днепром вверхъ и ста под горами при брезе и, заутра востав, и рече к сущим ту с ним учеником: «Видите ли горы сия? Яко на сих горах восияет благодать Божия, и будет град велик, и церкви многи имать Бог воздвигнутися». И возшед на горы тыя, и благослови, и постави крестъ, и помолися Богу, и сниде з горы, идѣже есть ныне град Киев, и поиде по Днепру вверхъ, и прииде в Новгород Великий, и отуду поиде в Варяги, и прииде в Рим.[2] Проповѣдати же слово спасенное в Рустей земли возбранен бысть от Святого Духа, егоже судбы — бездна[3] многа, и сего ради суть сия несказанны.

По всем же странам спасена проповѣдь евангилская изыде, и вси от тмы идолския избавлени и свѣтом богоразумия озаришася. Точию ж Руская земля помрачашеся тмою идолобесия и скверными дѣлы до конца осквернена сущи и много убо время преиде по вознесении на небеса единороднаго Сына Божия. Но не терпя своего создания зрѣти погибающа Святая и Божественная и поклоняемая Троица и посети нас, восток, свыше, и свѣтом богоразумия просвети, вѣрою и благочестием, премудростию же и разумом праведнаго родоначалника, владыческаго самодержца и владыку всея Руския земли, блаженнаго Владимера, сына Святославля, правнука же Рюрикова. Призрѣ бо на него всевидящее око Божие и просвети его божественным крещением, и бысть сын свѣта. Не токмо же сам един подщася спастися, но и всѣхъ спасти подвижеся и всѣмъ повелѣ креститися во имя Отца и Сына и Святого Духа. От того времени праведное солнце — Христосъ евангельскою свѣтлою проповедию землю нашу осия, и апостолский громъ нас огласи. И божественная церкви, и монастыри составишася, и быша мнози святители же и преподобнии, чудотворцы же и знаменосцы, и якоже златыми крилами на небеса возлетаху. И якоже древле нечестием всѣхъ превзыде Руская земля, тако и ныне благочестием всѣхъ одолѣ. Во инѣхъ бо странах аще и мнози быша благочестивии и праведнии, но мнози бѣяху и нечестивии, и невѣрнии, с ними живуще и еретическая мудръствующа. В Рустей же земли не токмо веси и села мнози сведоми, но и гради мнози суть единаго пастыря Христа едина овчата суть, вси единомудръствующе, и вси славяще Святую Троицу.[4]

Аз убо елика слышах и елика видех, никако же могу таити, и никто же ми не невѣруй сему писанию, не мни мене гордящася. О чада светообразная церковная! Хотех убо вашей любви благоглаголати, пастырь наших детелей без разсечения на среду предложити и острозрѣнию любително к величеству спасенному возвестити пастырское благое исправление. Невелику убо, бѣ *рекше* етери, мѣсту быти устроения, еже бы вложити любовь в душу вашю; ваше бо слышащих дѣло се и вашеи прекрасной души достойно есть. Аз же убо аще и многи дни томим и привлачаем к любви великодушных мужъ, и безкровных мучеников, и победоносцов речеточством, правдодѣлателное и о сихъ хотех об них мало нѣчто повествовати вашей любви, но свою немощь недостижну усмотрив, и ко онех величеству и благохвалению удержевахся. Но убо забвения и нерадѣния — тяжчайша вмених. Се же есть слово наше, елико по силе. Повестем нашим предлог скажется сице.

О МОСКВѢ

Страна Руская и преславный град Москва — свидѣтель словесем нашим есть. Всегда *нужа бѣ,* и растлеваемое богатество, красота и слава оскудеваше, и родоначалие владыческое прииде от земли нашея, изриновени быша от любве человеколюбия, оскудѣша грады, оскудѣша люди, не оскудѣ мерзость и возрасте

плод греха, взыде дѣло беззакония, и возненавиде друг друга, и умножишася в нас падения. Убиенна земля наша гладом,[5] и мнози вкусиша от глада лайна, и плотей человеческих, и мертвых телес существа своего, птицъ же, и зверей, и рыбы, и елико слово подробну сказати не может: коры древяные, корение водное, былие непотребное, и елико таковая и множайша сих, елика ни качеству предати возможно.

Сицевая же зря царь Борис, иже вознесеся от магистрьскаго чину, владыко самодержавецъ поставися, якоже нѣкогда и Василий Македонский;[6] аще и ненаучен сый Писанием и вещем книжным, но природное свойство целоносно имѣя. Прииде ж во времена та глад велик на землю, самодержецъ же в тузе и в болѣзни быв и, видев падения многа, зжалися зело гладных ради, и ниву сердца своего благоразсуднаго милосердия житом насѣяв, существенную пшеницу, елико предлежащу человеческому естеству, роздати повелѣ. Отверзе своя сокровенная, открыи свое богатство своея славы, оскудевая сокровища — свои же прибытки и сущая сребреницами мешца *наполнена*развերзати и влагати в руце требующим повелѣвая. И кто изглаголет человѣколюбный его нрав в то время и к нищим благодать? Умершии же на пути, от глада изгибших обретатели сотвори и в погребалныя ризы и погребанию предавати тѣхъ устрои. И никто же от прежебывших царей тако сотвори, якоже владыка нашъ над убогими милость яви.

Аще убо лукав сый нравом и властолюбив, но зело и боголюбив: церкви многи возгради и красоту градцкую велелѣпием исполни, лихоимцы укроти,[7] самолюбных погубив, областем странным страшен показася, и в мудрость жития мира сего, яко добрый гигантъ облечеся, приим славу и честь от царей, и озлоби люди своя, и востави сына на отца и отца на сына, и сотвори вражду в домѣхъ ихъ, и ненавидѣние и лесть сотвори в рабѣхъ, и возведе работныхъ на свободныя, и уничижи господа началствующих, соблазни миръ, и введе ненависть, и востави рабы на господей своих, и власти силных отъя,[8] и погуби благородныхъ много, еже нелѣпо есть днесь простерти слово, да не постигнет нас время, повести дѣюще. С волхвы убо покусився и бытие дней своихъ разумѣти и тщание свое положи в чародеяние, и возвысися зело и почитание сотвори себѣ яко Богу, и восписовашеся: «Паче Творца тварь почтеся».

И видѣ Богъ, и не презрѣ, и возже, аки огнь, рвение свое, и укроти высокоумие его, и уби землю его кровми, и умали дни времени его, и порази поражением лютым, и в темное сенение смерти изринул его, яко не сподобися великого царя дару,[9] печати славы небесныя, тѣла и крови воплощьшагося от Девы Христа Бога нашего во оставление грехом. Но мертва суща постническим образом почетши и чернорисца славы, иноческого жития безрасудне показати по смерти изволиша. Умре ж властодержавецъ Борисъ, и плакашеся об нем много, и погребоша его в храме святого архистратига Михаила с великою честию с великими дуксы и со преждебывшими цари, доволну честь величества сотвориша ему, и погребение чюдно сотвориша по нем, о печали восклониша.

Сынъ же его Феодор царствию наслѣдник быв, еще млад зело, по отцове умертвии печалию преестественною побежден бысть, и многих ради нестроений и крамолы людцкия, благородный и светлѣйший юноша[10] образом же, и саном, и словесем, и отеческим наказанием, и книжным почитанием искусенъ быв. Во времена же его, и пред смертию отца его, быша знамения многа комитнаго указания: овогда копейным образом, овогда двѣ луны, и едина едину побораше, овогда на царственномъ дворѣ его в нощи коегождо часа от храма боголѣпного Спасова Преображения и от двора его исхождаше свѣт, и взымашеся на высоту. И тако разумѣхом, яко присещение Божие отъяся от них, и власть милости Божия отиде

от дому его.

И воста законопреступник,[11] и уклони окрестных сердца ходити во след свой, прелсти души несмысленных, благочестивых же страхом укроти. И тако многим бѣдством неукротимый звѣрь инокъ Григорий царским имянем облече себе и беззаконною заповедию мучителскою всѣхъ людей поколеба; и смятошася ото ополчения его всѣ, даже и до царствующаго града достиже. Всѣ во сретение изыдоша противу ему и со обилием богатства радостно сретоша его. На дом же и на сына его царя Феодора, еще не поставленаго, но обещавшимся и клятвою, яко поставленному смертию избавителя Христа Бога нашего, святым крестом его, — и разяришася нань, яко волцы и хищники на овча Божие, всѣ во царствующем граде Москвѣ, на сына царска и на его матерь и сестру; и беззаконнаго царя владыкою изволиша. На сих же с камениемъ и з дреколием вооружишася, яко истиннии враги Божия святого креста, и во храмы царственныя приидоша, криком великим гласяще, иже нелѣпыя речения мнози испущаще на них, яко сатана во ум их вложи. И взяша их, отведоша на прежебывший двор ихъ, на нем же преже воцарения живяше, с великим безчестием, яко злодѣев осудиша. И взыдоша на дворы любезнейшии други их — исполнишася мста — и вся пограбиша и сущая с ними жители обнажиша. Беззаконнаго же царя посланнии, имуще чаяния своего радость и владяща всѣми, и вѣсть приим от преступника прежденареченнаго Феодора царя и матерь его, и помышляше, како их погубити. И един злосовѣтник зол прииде — якоже сам сказа мнѣ сие — и совеща посланным совѣт зол, да пошлют тамо воины, имуще уже, и подавят ихъ, и да не будет крамола в людех. И тако сотвориша, яко беззаконный царь изволи совѣтом нечестивым. Тѣло же преждереченнаго царя Бориса ис храма изринути повелѣ. И бѣ дивно видѣние: мертвеца оного тѣло во гробе безчестно полежа, иже убий сына господина своего, нелѣпно глаголя нань, его же ублажи Христос Богъ, такожде же и неправду на други своя возвед и льстивыми словесы ульсти, и уби безвинных много. И се показа тѣлом Содѣтель всяческих в поношение и по смерти его и изверже на обличение всѣмъ неправедно мыслящим[12] и глаголавшим лукавая.

Се, зря сего властодержьца, по пророческому наказанию навыкните, яко же глаголя велегласный пророкъ: «Ныне, царие, разумѣите и накажитеся, вси судящей земли! Работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся ему с трепетом. Приимете наказание, да не когда прогнѣваетца Господь, и погибнете от пути праведнаго, егда возгоритца вскоре ярость его».[13] Иный пророк рече: «Слышите убо, царие, и разумейте, и накажитеся, судия концем земли! Внушите, содержащеи множество и гордящиеся о народех язык!»[14] И паки рекше: [15] «Егда царь праведен на престоле сядет, не станет противу очию его ничто же лукавое. Кто же ся похвалит чисто имѣти сердце, или хто дерзнет чистъ быти от грѣхъ? Не люби клеветания, да не отпадеши; отверзи очи свои и насыщайся хлѣба. Мерзость Господеви — сугуба мѣра, и мѣрила лстивна — нѣсть от него приятно. От Господа же исправляются столпы мужеви; согрешаяй же како разумѣет пути его? По молитве покаяние бывает. Сеятель нечестивым есть царь мудръ. Свѣт Господень озаряет душа человеков и помышление, иже ищет насыщение чреву своему.[16] Милости на сохранение царю и обыдет престол его вправду. Лѣпо есть[17] юнотам мудростию чювство, слава же старцем — седины. *Укращение* и досаждения утыкаются злых, язвы же в сокровищахчрева». [18] Градутверждает муж премудръ. «Любит Господь праведных сердца, приемлеми же ему вси непорочнии в путех своих; устнама пасет царь люди своя; очи же Господни соблюдаютъ чувствия».[19] «Лучше учреждение зелием с любовию и благодатию, неже представление телца со враждою. Муж яръ притворяет свары,[20] терпеливый же и грядущая укротит. Терпелив муж укротит суд, нечестивый же воздвизает паче». Сие ж оставим и о предлежащем

побѣседуемъ.

И святительский чин, и ерейский соборъ с сущими жители благолѣпно почтоша беззаконнаго со святыми иконами, псалмы и пѣсньми духовными ублажиша его вси роды града того, и вся страна преклонися к похвалению того. И тако законопреступник, иноческий образ повергъ, и всеславнаго царя Ивана сына нарек себѣ, и «мерзость запустению» в сердце имѣя, и остротою смысла, учением книжным себѣ доволно искусив, и оскверни престол царствия, и сяде пес на престоле, а не царь, и законопреступникъ и хулникъ иноческаго жития, а не владыко ни князь, крепостию украшен. И всѣ воследствоваше ему, и блядословяше вкупе вси, ни един глаголя мужественно вопреки, но вси от страха его смятошася.

Возграждая храмы свое юношеское бытие, на среду тризнища приводя смехотворными образы, вменяя гнѣвом и немилостивно погубляя благородныя — и от сего деяния и существо бытия своего обяви, яко не господственно дѣло творя. Пристанию злочестивно прилагаше; нѣкогда же величашеся грядущихъ по себѣ, *видъ* жития своего храмины похвалив,[21] елико благочестием их устрои, яко златоточны простертием украсив. И велми похвалися о сих, а не о Бозе, иже живот и дыхание дая человеком. Сие ж слышавъ ту стоящъ юноша, иже ему много любим бе[22] и печашеся присно о его спасении — и паче всѣх человекъ подо областию его, — отложи страх, без боязни на того вооружився, яко на сущаго змия, на мысль его наступив, яко опаш, высителные словеса отсекая острием словеснаго меча, сице рече: «О царю! Како Михаил царь конскую хранилницу устрои, в ней же и воды живыя источниками утвори речным устремлением, многих людей удивив и в дѣлех своих восхвалися, яко такова потребность конскому истовству никто же от прежних владыкъ тако сотвори. Магистръ же нѣкий потребно православию слово изрече и во люди прохлади царю Михаиле: „Царь, владыко нашъ Устиниян[23] преестественно дѣло содѣла, храм Вседержителю возгради, в нем же и все свое имение истощи, — и сей не зело хвалим есть! Ты ли хвалишися, гноеви сокровище сотворив?” — Такожде и ты хвалишися, о царю, блуднические храмы златом доволно украсив, в память вѣчное устроение сие мниши, а не Содетелю имѣя хвалу. Суетную славу тшетным бытием помышляеши и властодержавецъ мнишися быти; или не вѣси, яко Бог есть, иже стирает всяко превозношение гордых, отрѣзуя языки велерѣчивых, и обуродствуя речеточцев, вознося смиренныя, низводя возвышенныя? Не слышал ли еси николиже, о царю, како Волтасаръ, царь перский,[24] сын Навходоносора царя,[25] внесе сосуды храма Божия, иже бѣ во Иеросалиме, и похвали боги златыя, и сребреныя, и мѣденыя, Бога же святого истиннаго Вседержителя не похвали? Изыде персты руки человечи против святилника, извержение его от царства и умаление дний его писашеся; якоже и бысть. Сие убо вѣдая, бойся непотребное творити!»

И егда слышав он, яко стрелою сердце свое словесы онеми пронзе, некако сокровенно и рече ми: «И ты ли злая помыслил еси на мя? Остави свое доброе правление моему любочестию!» Онъ же рече: «Никакоже, о царю, еже к тебѣ благоусердия отрекохся; не точию здѣ во изобилии живуще у тебе, но и при смерти никакождe же отторгнулся бы от тебе! Аз, владыко мой, от прирожения своего имѣхъ нрав еже царя чтити и еже к нему благоразумие имѣти. Не небрегохъ твоего спасения, понеже мнози на твою державу подвигшеся. З Богомъ рещи, свою бодрость о твоем спасении делесы показахом, тѣмъ же и любочестию от твоея десницы прияти надѣяся, зело опасно мыслихомъ о твоем спасении. И ничто же лукаво к тебѣ и на тя помыслих, но здраву совесть помышления своего имѣхъ к тебѣ, и правы пути словес своих мню, и паче своего спасения хощу зрѣти

твое здравие. Но не воздам тебѣ чести, царю человеку сущу, паче славы Божия! От милости жь твоей самодержьцевы никое ж зло отторгнути мя может, развее повержения християнского закона. Око всевидящее Божие зрѣнием богоначалия вѣсть, како к вашему величеству без лестей имѣхъ смыслъ!» И тако прекратив слово. Ничтоже страданием претив ми,[26] руку на уста положи, *охабаяся* от мене в нечеловѣчных коварствах. Но мыслию же и тщаниемъ много возвысився, и *самодержавие* выше человеческих обычаев устрояя, и кров проливая, и скверняяся в тимѣния дѣлъ своих.

И архиерея резанския власти благопотребна себѣ обрет и единомышленна от грекъ, Игнатия имянем, и патриарха его постави, дѣлателя всякому беззаконию. И скаредному смешению сообѣщник быв[27] и, проста рещи, враг Богу и человеком, и единогласен ему. И властию его извергается первый прежде его бывший святейший патриархъ и пастырь нашъ Иевъ, яко чюдный Герман, и вводится он, яко Онастасий, возненавиденный не единымъ градом, но всемирно и всеградно всѣми человеки, — Игнатий, «мерзость запустения», на святом мѣсте святых наших отецъ посажается и церковный чинъ объемлет.[28] И ничто же сам божественное творити навыче, — жезлом святителским и пастырским сановники украшает, быстрины слез боголюбивымъ творит, сердца сокрушает любящих Господа, зря его посажена на престоле праведных от беззаконнаго царя, законопреступнаго царя, паче же реку, черньца, повергшаго обѣты своя.

Царским венчася венцем сущий отступник! Воистинну аки о немъ велегласный пророк Езекѣил глаголет сице: «Ты, сквернавый старѣйшина Израилев, его же день прииде во время неправды! Се глаголет Господь: сложи клобук и положи венецъ; смири высокая и вознесе смиренная. Неправдою неправду положю я, и та не такова будет».[29]Зрите силу слова пророческаго: нарицает бо его сквернавым начялником Израилевым. Гдѣ убо Израилю начялникъ? Гдѣ есть ныне начялник жидовский? Гдѣ старѣйшенствует Израиль? Подо областию бо многих старѣйшинъ християнских и бусурменских пребывает и доселе и жидовский родъ. Аще бы о тѣхъ глаголал, но множественно бы число предложилъ пророк, рек бы: старѣйшины суть Израилевы; но не тако, но единаго старѣйшину укоряет божественный пророк. Мы убо воистинну истинные нарицаемся израилтяне новопросвященныя, якоже и в Благовѣстии Иван Креститель глаголя, видех бо грядущих на крещение, рече: «Сотворите плод достоин покаянию; и не нарицайте себе глаголати, яко „отца имамы Авраама”; может Богъ и от камени сего чада воздвигнуть Аврааму»,[30] сиирѣчь от язык. Израиль бо сказуется «ум, зри Бога»; тако и мы вѣрою чистою зрим Бога, в Троицы едино святоначалие и животъ и живущее царство безконечное. Се слово пророческое указует сквернавейшего старѣйшину Израилева, неправдою неправедно погубляя и вознося смиренная и смиряя высокая. Не сей ли есть? Не смири ли высоких царя Бориса, не вознесе ли смиренныя, не сня ли клобукъ, не положи ли на ся проклятия венецъ? И та вся нѣ ста такова, яко же восхотѣ: и неправдою неправдовавшего Бориса низложи й тако горко же тому окаянному и нужно убиением живота своего гонзнувше, по Святому Речению: «Праведникъ ото уловления избѣгнет, и в того мѣсто нечестивый предасться».[31]Якоже апостол Петръ уча нас, глаголя: «Вѣсть Господь благочестивыя от напасти избавити, неправеднии же в день судный мучимы блюсти»;[32] но сего и преже суда Миротворец осуди.

По падении же сего, иже его смерти ходатай, duксъ Василий улсти люди благословенным саномъ, смирением, и свое хотѣние в них покладая, да его сотворятъ царя; якоже и бысть.[33] Потицает бо и подседает друг своих лукавыми бесѣдами и тщетными прибытки, к хотѣнию своему ласканием превозводя, обѣты им всяческии творити благоготовляшеся. Якоже и сродницы его, тако же и он от

бытия начала своего под всѣми деспоты своими взыскати началства их желая и многообразное зло помышляя господем своим выну: искони бѣ властолюбцы, а не боголюбцы.[34] И тако прия Василий хоругви царствия многими своими труды, злыя и лестныя свои изменныя поты отерши, сообѣщник бысть, отецъ своих превзыде. *Радостотворными* любителствы обемля и обеспечалуяся ото всѣхъ, обещание же милостивно всѣмъ требующим даяти хотя, милостивное ко всем человеком благодѣяние обещася сотворити, — и тѣми словесы человеческое множество любовию хотя возжещи и на среду благохваления привести.

Се же все творя, льстя человеческое бытие, не точию сим, но и множайшими содѣя: в церковь соборную Божия Матери вшед, безстрастием дерзновения исполнився и «не положи Бога пред собою», по писанному, но взем честное всемирное наше оружие божественное, Христа Бога нашего святый поклоняемый крестъ, рече самодержецъ, новоизбранный царь людем, благодарение творяще, лукаво крестъ лобза, клятву сам на ся возда. И тако всему миру клятся потребу творити всем, во царствии его живущим. О беда! О скорбь! Единаго ради малаго времени жития сего свѣтом лститца царь и клятву возводит на главу свою, никто же от человекъ того от него требуя; но самоволне клятве издався, [35] властолюбецъ сый, а не боголюбецъ. Точию хотя прославитися на земли, а не на небеси. И что человеческое естество вѣсть хотение свое? И якоже тоѣ клятвы коснувся владыко, и предастъ его Богъ в неискусен умъ, во еже творити неподобное и преступи клятву свою. И воздвижеся нань держава его, и преступиша клятву, ею же кляшася ему; и во дни его всяка правда успе, и суд истинный не бѣ, и всяко любочестие пресякну.[36]

И воста кождо от дому своего от градов полских его державы, и повергоша дѣла своя, рало и всяку работу, и облекошася во брани, и препоясашася оружием победитися с ним, погубити великодушных во градѣхъ своих, и благочестивых в домех их многим мукам разнымъ изда: овых с превышних возграждений града долу изрѣяша и скончевая, овех же х конем привязая, ристанием тех уды растерзая, овех же на части розсекаше, и многими беды грѣх ради наших погубляя, понеже согрешихом пред Господем нашим. И доволну удивлению вина на нас и на братии нашей быша от единоплеменных,[37] и тако себѣ сотвориша подобно *преждереченных* бытие лжеимянитых царей. Царь же Василий, в тузе и скорби быв, утвержашеся и противляшеся на них: овогда своя вои погуби, овогда их многое ополчение расторгаше и безчисленныя крови врагов своих проливаше различно, и никако же истинно Богу притече, юношеским обуяся житиемъ и подвиги.[38] Аще и стар бѣ, но объюроде от многаго сѣтования: овогда Бога помощника себѣ творя, овогда же с чародѣи и бытие свое познавая, и гаданием суетным и безвѣстным вдастъ себѣ, яко же издавна учен бысть гаданию, от него же нас избави человеколюбецъ Христос. Дай же нам, о Боже и Господи силам, ходити в путех твоих, и разумѣти заповеди твоя, и творити волю твою, и славити тя во исповѣдании сердечнем, и оправданием твоим вознестися, и никого же познати, разве тебѣ, единаго Бога, со Отцем и Духом Святым всегда сопребывающа и славима, нераздѣлно царство и господьство, и на тя надѣятися, ничто же от суетных помыслити, но на твою всегда взирати на святую славу, и на твою благость уповати, и мудрьствовати предание отеческое, и храбритися в тебѣ самомъ, Исусе, свѣтъ мой, и сияния Отчая славы, и зрак постаси его, и человѣчество человѣколюбием несмѣшно имѣя *со* обожественным составом, пречистою плотию во двою естеству *познаваем.* Молимся ти, твоя держава неприкладна и вчеловечество твое нерушимо! Никакоже от земных и небесных надѣемся что прияти, или во что вѣровати, разве Бога нашего Владыку, и по тебѣ земнорождьшую тя Царицу, и Владычицу, и Заступницу, и Приснодеву Марию со всѣми силами, и всѣхъ тебѣ благоугодивших от века, Владыце и Богу нашему,

колѣна рода нашего почитати и славити, поклонятися и воспевати, и надежду упования нашего спасения имѣти. Се же здѣ да прекратится слово, предлежащее да сочинится.

Сей убо присноглаголемый владыка и царь нашъ невѣрствием от многаго сѣтования объят бысть и в буйство преложися, и предивное существо изменив, ложная шептания во уши своя от неискусных приемля, на свое достояние подвижеся и свои люди оскорби, злосердием творя. Никако же о сих не преста, внимающе духовом лестьчим и учением бесовским входящих к нему, вѣруя их блядословию и в ыстинну вменяше и оскорбляя их православных сего ради, в тесноте живущих,[39] измени обычая своя, якоже исперва имѣя. И тако много со враги своими брахся. И *въ* пятое лѣто державы его исполнися лютостною ревностию *люди* нань и на братию его, от бояр же и до простых людей подвигшеся, подстрекая, подтицая малоумных и страха Божия неимущих, полагающих свѣт во тму, прозываше горкое сладким и сладкое горким, не боящеся крестныя клятвы, завистию и гнѣвом отлучаше от престола его.[40]

В та же времена добре украшающа патриаршеский святый престол Ермоген,[41] третий патриархъ бывый первоначалником святейшем патриархе Иеве и по беззаконном Игнатии, о нем же впреди рекохом. Видев бо добрый пастырь царя малодушствующа, много ползова его от своего искуства, и не возможе. Многии убо беды приим от всех человекъ его ради, якоже нѣкогда влачити его неискусна и поверзати праведника и святителя Божия, воистинну истиннаго пастыря нашего и учителя изряднаго. Овогда ополчашеся люди нань, овогда он на них охрабряяся, божественными словесы и утѣшителевым огнем, нашедшею божественною водою — яко три изоощренными копиями прободаше три храборникъ, правоосудный хранител быв. Овогда страхом уязвляшеся треволнения людскаго шатания, овогда безстрастием украшаяся, словесную кормлю человеком неоскудно подавая, овех же наказанием поучая, ко благочестию наставляя, подражая Владыке Христу, кроткаго учителя кроткий ученик, кротостию наказуя люди Божия по преданному уставу.

Иже благословение его стежавше по временехъ жития своего владыко*[42] *измещеся* людми своими от престола своего, вкупе обоим солгавше и преступив крестную клятву. Видех убо и аз неистовствующих на его величество и распаляхся мыслию своею, и душею болѣх ево ради: виде бо пастыря, поражена своими козлищи, и вмѣсто волков избодая и уязвляя своего владыку. Аще и болши всѣхъ подъят от него гонение и грабление,[43] в *тиранстве* живущи под властию его, но ничто же лукавно нань помыслих, но боле об нем имѣя скорбь. И тщахся ко спасению его, и не *можаше,* зане гнѣвом его бых ни во что же, но истинное свое и благочестное исправление ему отдах. Якоже и ко врагом его многим прилепитися, любимым и славным его, призываху же мя и обогащение многотысящное обещаше ми,[44] непщуя *ни* разумѣти креста Христова клятву юности моея ради, и тѣм упразнити душу мою хотя, в житии сем ничто же стяжа, развее Христа Исуса в мертвеннем теле своем приобрести, да от многих содеянных мя зол свободит и вся же на мя лютыя совѣты разорит, яко да оправдаюся в словесех и похожду я. И паки, оставльше, предлежащее повествуем.

Восташа на насъ языцы и смириша нас отвсюду пленением, и многою силою, и свирепством своим, земля наша опустевая плоды, и никто же умудритися на них ратоборством возможе. Нападоша на благородныя пред ними, по пророку: «Воздремаша, — рече, — вседше на коня. Богъ страшен и высок есть над всѣми, и кто станетъ противу воли его?».[45] Яко согрешихом пред ним, и не имуще исправления, и падоша мечем злости нашия, и неправдою нас посече, различными страстьми гибнуще. Времени же доволну бывшу беды нашея,

полский и литовский, германский ж и агарянский язык, иже окрестъ нас живущий, стужа нам.

Инии от славных наших мнози приложшася к ним и совѣты творяше к нам, яко властодержьца нам нѣсть, и корень владыки великаго Владимира, самодержца всея Русии, чреслъ его отросли доброцветущия — нашия господия отяшася, и поработихомся сами себѣ единосверсником своим: «Внимайте же себѣ опасно! Се полского и литовского короля сынъ есть, имянуется Владислав, и се есть потребен к нашему господоначалствию: юноша предобръ, и рода самодержавных владык искони, и никто же возможет его укорити, истинный властелин и подобен нашим прежним владыкам во всем. А отецъ его самодержецъ добре о нас совеща, видев нашу беду и поколебание, вмѣсто мерила праведнаго сына своего нашей земли царя дает. И послужим ему суще, яко истинному своему владыце. *Не* будем безначалны ради свидѣния: аще и неединообѣщникъ вѣре нашей, но хощет нас ради единомыслие прияти и во единой благой совести закона нашего быти с нами, не воскладати же, ниже учити вѣры их, ни храмы свои сотворяти, но право разумевати нашъ православия закон, существо вѣры, соборная творити, свое ж мудрование отринути, но Кафалический святой восточной церкви сообѣщник быти». Сими же множайшими словесы глаголя нам, и по сих вси снидошася к совещанию, их всѣ совѣты добре наричюще.[46]

Сицевая же зря, церковный нашъ пастырь, святейший патриархъ, болит душею и ревностию духовною разжизается, обѣты странных и наших прелощников никако повелеваше согласоватися. Аки пророк, начерта и назнаменуя нам, яко лестию сие творят, и нѣсть бо нам полезно сие: «Молите же ся, яко добру совесть вѣры имамы во всѣх путех своих, добре хотящих жити. Лише же молю, да сие творите, да вскоре миръ дастъ нам от злобы их кровию завѣта вѣчнаго Господа нашего Исуса Христа!» Слезами же святитель лице, ризы же и браду мочаше.
И *бѣ* видети умиленно видѣние: слезы и умиления его, «яко миро, сходяще на браду, браду древняго Арона, сходяще на ометы одежды его, яко роса Аермонская, сходящая на горы Сионския; яко он мудръствуя благословение и животъ до века».[47] И бо бѣ отецъ нашъ украшен седины светолепными, яко нива, лица дѣтеля зря, и никто стыдяшеся старости его ни словес учения не внимаше, но нѣчто и неправо нань помышляше.

И по многих прекословиях сложишася в совокупление едино *со* странными, и со отступники совѣта его, и со единомышленниками ихъ, и не послушаша словеси истиннаго пастыря своего, изволиша во следчюжаго обычая ходити. И сущаго царя своего Василия совещаша мирским обычаем во иноческий образ облещи, якоже и сотвориша по нужде, да не проложатся к нему единомысленники его, да не сотворят крамолы в людех и да не лстятся к нему народы.[48] О бѣда от неистовства людскаго! Како творят? Внѣ закона и устава бывают чюжаго спасения рачителие, жестокосерди зело, не знающе книжнаго учения и ни закона своего! Патриарху же нашему обѣты творя к людем, яко ничто же по преданию отеческому учиниша ему и нѣстъ достоин иночеству. Рече: «Егда Владыко мой Христос на столѣ владычества моего укрепит мя, совлеку его от риз и от иночества свобожду его, по правилом богоносныхъ отецъ наших, законом и истинною, каноны и правилы оправдаю его!» Глаголати же на неправедных к церкви, и призвати на них Бога истинна, и велми претяще дерзнувше отрицатися своивинне мирскаго бытия за чюжее спасение, зане самим сотворятся таковая и тем облекутся и осудятся: «И на возлагающих нань иночествующих одеяния на нихъ положю, иночествовати ж им сотворю!»[49] Слышав же то истовство святителя Божия, подвизающеся истинне, и тако совещевающеся и даде царя своего в руки иноплеменником и со братиею его единородною сущи, и заточиша

его в прѣделы своя даже и до дней смертных.[50] И величающеся о нем, яко храбростию, рече, взяхомъ своею, и окрестъных тамо удивляюща.

И не срамляющеся клятвы своея, ею же кляшася и лобызающе Господенъ крестъ, яко царя нам, владыки своего сына дати хотяще, и крестные обѣты преступи, и солга, и оболсти ны, и тако по многих лестных глаголехъ и легкостию ума нашего и градъ нашъ облада и народы оскорби. Священный же патриархъ, видѣ народы оскорбленыи суще, поучая, словесем Господним утешая. Якоже ту прилучившуся и мнѣ, паче же всѣхъ ко мнѣ речѣ и пред всеми мя обия со слезами.[51] «Ты боле всѣхъ потрудихся во учении, ты вѣси, ты знаеши!» Ко всем же рече и вѣдующим книжная любомудрия, и учение свое к нам простре, сице глаголя: «Рекоша бо на мя враждотворцы наши, яко аз воставляю вои и вооружаю на ополчение страннаго сего и неединовѣрнаго воинства, иже, преступив клятву, обладая нами чрез словеса своя. И аз никако таковая глаголя вам когда, вы бо есте словесем моим свидѣтели. И едино имѣхъ вам речение: „Облецытеся во оружие Божие, в постъ и в молитвы. Аще кто изучил грамотное учение, псалмами да вооружается; аще кто не умеет книжнаго учения, Исусовою молитвою да облечется во оружие спасения; аще кто разбойник, да отстанет от того; аще кто грабитель, да отторгнется от того; и кто есть лихоимецъ, да отрешится от сего; и кто есть блудник, да отринет от себе скверну свою, — и спасутся, и обратятся к Богу и исцелѣютъ. И поможет нам Господь Богъ, по пророческому словеси «вечер, заутра и полудне»".[52] Се оружие православия, се супротивление по вѣре, се устав закона! А его же нарекше царем, аще не будет единогласен вѣры нашея, нѣсть нам царь! Не сый вѣрен, да не будет намъ владыко и царь!»

И тако слышавше, елицы бѣша воини и елицы властодержъцы[53] возъяришася на архиерѣя и грядущих ко благословению его отревати повелѣ, непослушающих же совѣта их кознем многоличнымъ к расточению предавати указа. Он же, нашъ пастырь, аки затворенъ бысть от входящих к нему, и страха ради мнози отречеся къ его благословению ходити, но сей никако же обычнаго своего учения оставив, но еще глаголати, и поношати, и еретическое шатание разрушати, яко предобрый воин Христовъ или яко лев от чащи лѣса. От Божественнаго книжнаго Писания на среду благочестивых пажите еретическое их единомыслие обличаше, сурово наскакаше и немилостивно велерѣчием своихъ словес погубляющи враги Божияго закона. Бѣ бо учению, книжному любомудрию искусен, каноны и жития святых написа, и Церкви *отда,* добрый кормьчий, добре управляя Христов карабль, мир сей — *волнящееся* море еретическими волнами кормилцем словесе Божия в пѣны разбивая и корабль ко спасенному пристанищу наставляя; но волны множашеся, и корабль истончевашеся и оскудеваше многими пѣнами соблазна. И сей видев священный отецъ нашъ, яко оскудеваше крѣпость, и единомыслие человеком творя, избрание творит святителское, яко очима сердечныма своима разсмотряет преосвященныхъ митрополит, и епископов, и освящен[54] наго причета, ко исправлению и ко учению христианския вѣры добрѣ искусныхъ! И тако всѣми образы и наказанми подвизаяся, любве ради Божия распалался и бодомъ бываетъ.

Рачениемъ Божественнаго Параклита отлучаетъ на послужение Божияго дѣла и святыя непорочныя нашия во Христа Бога истинныя вѣры, якоже предаша и научиша насъ апостольский преосвященный соборъ и святыхъ отецъ нашихъ Божественный ликъ: избра преосвященнаго Филарета, митрополита богоспасаемыхъ градовъ Ростова и Ярославля, суще от племени преславныхъ преждебывших царей, яко союзомъ владычества ихъ приплетение имѣя.[55] Сего подвизаше къ подвигу и устремляетъ итти къ полскому владыке Жигимонту испросити сына его на государьство нашия державы и единовиновну быти съ

нами Божественнаго закона. Еще же и отъ книг и отъ правилъ вдаст ему, Писанием Священным укрѣпляя. И тако онъ добрый отецъ не отречеся послушания, со инѣми священнолѣпными отцы вдастся пастырьскимъ наказанием: без лѣности во броня мужества оболкшеся, достизаетъ властодержца полскаго, разоряя грады наша и опустѣвая плоды земли нашея, подъ единым градомъ нашимъ Смоленскимъ стоя, и стѣнобитныя козни ко граду готовляя, и вся на разорение страны нашия совѣщевая мудрования, подвиги безпрестани творя. Стратилатъ же града того,[56] воини и жители, елицы бяше въ немъ, тако противу козней ихъ противление благопотребно себѣ творя, не лѣняся, по реченному: «Хощетъ бо, — рече, — Богъ непразднымъ и небездѣлнымъ сидѣти, но нѣчто содѣловати и промышляти противу врагъ своихъ». Посланныхъ же преждевоспомянутый краль Жигимонтъ и его единомысленныи совѣтницы ни во что же вмѣнивъ,[57] едино рече имъ: «Не блазнитеся ничимъ: вся руки наша обдержати имать, и владыка нашъ владѣти имать. Се превышний градъ вашъ Москва со *владущими* вашими ко владыцѣ нашему взираютъ и восписуютъ, славы и чести приемлютъ, — вы ж иная мудрствуете!» И тако сущихъ со преосвященнымъ митрополитомъ и со земскимъ посломъ при семъ священнический и иноческий чинъ и воинский санъ возврати вспять и посланныхъ немного главнѣйшихъ взя, во свою страну отведе и заточи во своихъ градехъ.[58] И приимъ градъ *Смоленскъ* безбѣдно,[59] зане оскудѣша люди в немъ и не можаше множеству ихъ противитися, но не здашася, ни преклониша врагомъ главы своя. И тако воеводу взя, много бѣдилъ, во своихъ предѣлѣхъ воеводу заточи. И тако король купно со преславными своими возвратися въ землю свою, утеръ потъ своихъ трудовъ, похвали дружину свою, возвеселися во храбростѣхъ своихъ и укори насъ, грѣхъ ради нашихъ.

И бехъ безславны и не имѣхомъ надежды ни единые, и мнози чести отъ иновѣрнаго приемши царя — имѣюща же еретическии враги Божияго креста въ преславномъ градѣ Москвѣ, много ополчения полскаго и иноязыческаго и воя, благоуготовленныя ко ихъ славѣ. Наши же боляре страха ради, инии же корысти ради, сложишася съ ними, и воинстии полки наша из града изыти повѣлеша, и, службу уготовивъ *послам,* себѣ же и дому своему учиниша спасение. И святейшаго патриарха въ монастырѣ святаго архистратига Михаила въ томъ же градѣ Москвѣ заточиша и опечалиша его кормлею и питиемъ.[60] И тако зажже градъ и посѣче люди: во врага мѣсто со иноплеменники свои быша, и пожигая, и погубляя насъ! И по бывшемъ пожарѣ собравшеся нашего ополчения воины и самѣхъ ихъ побѣдиша, и облегоша ихъ множество людей. Они же сходяще и бишася множицею съ нами, и ослабляшеся крѣпость ихъ, и покусишася воины ихъ братися или ихъ свободити, и не возмогоша. Преждереченному же и святолѣпному патриарху Ермогену, много трудившеся, къ Богу отшедшу, по многомъ страдании и тѣсноте, произволениемъ мученикъ бывъ.

По многихъ искушениихъ градъ свой обрѣтше,[61] въ соборную церковь Божия Матери со благохвалениемъ внидоша, Богу, давшему сугубу благодать, поклоншуся и рождьшую его со всѣми святыми прославльшу, пастыря не обрѣтши, аки глаголание во уши наши слышати: «Се красота моя отъяся и завѣса моя раздрася, еретическимъ хулениемъ уста затворишася, добрата помрачися! Озобая вепрь дивий пастыря моих овецъ, и звѣрии тлетворнии плодъ устен моихъ оскверниша, завѣтъ служителя моего, яко въ дубравѣ древянѣ, разсѣкоша! Моего отъ мене славословника и людей моихъ учителя отсѣкоша отъ мене многими скорбми и во гробѣ темнѣ затвориша его, молчанию уставъ положиша ему! Рече блазненный еретический соборъ въ сердцы своемъ: „Заградим уста многоглаголавшаго ны и обезчествуемъ учение его, и не будетъ къ тому тако учити люди своя, и насъ *не* возвратитъ къ тому, и не устремляется наша сердца

словесемъ его!”» И таковая аки отъ церкви изречение приемъ, страдалца и исповѣдника похвалиша: таковъ бѣ отецъ нашъ, таковы и учителя нашего хвалы.

Монастыря достигше, хвалу Божию архангелу Михаилу воздахомъ, чюдесемъ его удивишася и великаго святителя Алексѣя чюдотворца прославиша. Ту о мученикѣ и страдалцѣ Христовѣ патриархе Ермогенѣ, мало числомъ братии обрѣтши, вопросихомъ сицевыми глаголы: «Гдѣ положисте отъ еретикъ пострадавшего Христа ради нашего учителя, рцыте намъ? Гдѣ покоище словесное лежитъ въ васъ, гдѣ Царя Небеснаго сокровенная драхма положена, гдѣ священный, отлученный безъ вины церковный сосудъ положенъ бысть, гдѣ воинъ и заступникъ вѣры нашея, повѣствуйте намъ? Гдѣ бодрствующая спитъ мысль по бозѣ, гдѣ сладкаго глаголания наша сокровенно положено, гдѣ вѣчное положенное богатство, гдѣ искушенное сребро сокровенно въ васъ лежитъ, гдѣ точащая истинная златая честная уста? Да не утаите неутаенного!» И тако, достигше, хваление[62] благодушно страданию принесши, глаголаше бо: «Учителю святый! Не прогнѣвайся на насъ, непослушающихъ словесъ твоихъ и клятву самоволнѣ возложше, но прости наша вины и очисти наша беззакония, да оправдишися въ словесѣхъ твоихъ, и побѣдимъ прежнее дерзновение твоими къ Богу молитвами, яко и по смерти *мнимъ* тя жива суща. Не отторгнуша *тя* еретики отъ православия, но по вѣрѣ истино крѣпцѣ пострада, люди научи, и Церковь упасе. Помози убо и моему недостоинству!» Поклоншуся гробу его, и многаго ради ко мнѣ любления плакахся у гроба его зѣло, яко сподобися вѣнценосецъ Христовъ быти во дни наша последняя.

Воспомянухъ и уранихся мыслию: якоже слышахомъ, етери глаголюще, яко соблазнъ и смущение патриархъ той сотворилъ есть и возведе люди своя братися на враги, владуща нами; изсѣчени быша отъ нихъ, и крови пролияшася велицы отъ его учителства, и отъ Резани и Сѣверы воставилъ воя, и писаниемъ подощряя.[63] И во уме приимъ преподобнаго Ануфрия Великаго слово:[64] «Лучше биену быти, а не бити, укориму быти, а не укоряти и приимати биющаго, яко милующаго, и оскорбляющаго, яко утешающаго». Яко и святый Петр, верховный апостолъ, рече о Христе Спасѣ нашемъ: «Иже укоряемъ, противу не укоряше; стражда, не прещаше»; «иже грѣха не сотвори, и не обрѣтеся лесть во устехъ его»; «предаяше же себе судящему неправедно».[65] И тако помыслихъ, яко недостоитъ духовну человѣку суще дерзати на кровопролитие поучениемъ, и отбѣгати и удалятися мирскихъ, якоже преславный во псалмѣхъ пѣний учитъ ны пророкъ Давидъ, существенно къ Богу глаголет: «Избави мя отъ кровей, Боже, Боже спасения моего».[66] И храмъ тому свой создати Содѣтель не повелѣ: «Яко пролиял еси, — глаголя, — крови многи, и не возградиши церкви моей». И тако мнѣ помыслившуся, яко пастыря глагол сей бысть. Во градѣхъ резанскихъ стратилатствующу ми[67] доволно, тамо архиерея имѣя сообѣщника любви моея Феодорита, суща добрѣ украшающа престолъ Божия Матере, честнаго и славнаго ея Успения, по преданному его уставу. Вопрошающу ми его о списании патриаршескомъ: «Како налсти народы и ополчение ваше къ своей погибели подъят?» — он же сей духовныя ради любве въ нутренюю храмину поиде и епистолию самыя патриаршеския руки вдастъ ми, имуще образ писания сицевъ: «О Христѣ возлюбленный брате нашъ и сослужителю нашего *смирения»**[68]** <…>

---

[1] *Составлено Иваномъ duксомъ.* — Дукс — князь. Этот латинизм напоминает

нам о «западничестве» Хворостинина.

[2] *Якоже оттоле... и прииде в Рим.* — Почти дословная цитата из «Повес-ти временных лет».

[3] *...егоже судбы - бездна...* — См. Пс. 35, 7.

[4] *...и вси славяще Святую Троицу.* — Этот гимн Троице, очевидно, не случаен. В тексте царского указа 1623 г. подробно перечислены вины Хворостинина. Его обвиняли в том, что он отрицал воскресение мертвых, не постился в Страстную неделю, разговлялся до Пасхи. Это указывает, как отмечает А. М. Панченко, на близость писателя к арианам, антитринитариям — протестантским сектам, отрицающим божественное происхождение Христа, а также догматы Церкви о предопределении и Троице. В XVI—первой половине XVII в. арианство было очень широко распространено в Польше и имело много сторонников среди польских дворян и духовенства. (См.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 28).

[5] *Убиенна земля наша гладом...* — Описание голода 1601—1603 гг.

[6] *...иже вознесеся от магистрьскаго чину... якоже нѣкогда и Василий Македонск ий...* — Бориса Годунова, бывшего в свое время конюшим, Хворостинин сравнивает с византийским императором Василием Македонянином (867-886), который в молодости был конюхом.

[7] *...лихоимцы укроти...* — Годунов пытался бороться со спекуляцией хлебом. Скупщиков хлеба приказано было бить кнутом, а наиболее злостных сажать в тюрьму.

[8] *...и востави рабы на господей своих, и власти силных отъя...* — Автор, по-видимому, имеет в виду выступления «рабов» (холопов) 1602-1603 гг., в ходе которых отряд Хлопка появился в окрестностях Москвы.

[9] *...яко не сподобися великого царя дару...* — Годунов умер, не успев причаститься перед смертью.

[10] *...благородный и светлѣйший юноша...* — Юный Хворостинин был у царевича Федора Годунова стольником.

[11] *И воста законопреступник...* — Лжедмитрий I. Формула «Лжедмитрий-законопреступник» присутствует уже в грамоте Шуйского (июнь 1606 г.). Это стандартное сравнение встречается почти во всех повестях о Смуте и должно напомнить читателю образ Юлиана Отступника, очень популярный среди древнерусских книжников.

[12] *...и изверже на обличение всѣмъ неправедно мыслящим...* — Тело царя Бориса извлекли из гробницы в Архангельском соборе в Кремле, положили в простой гроб и вместе с задушенными женой и сыном погребли в ограде Варсонофьева монастыря.

[13] *...разгоритця вскоре ярость его* — См. Пс. 2, 10—12.

[14] *...гордящиеся о народех языкъ!* — См. Прем. 6, 1—2.

[15] *И паки рекше...* — См. Прит. 20.

[16] *...насыщение чреву своему.* — Ср.: Притч. 20, 26—27.

[17] *Лѣпо есть...* — См. Притч. 20, 29.

[18] *...въ сокровищах чрева.* — Ср.: Притч. 20, 30.

[19] *...соблюдатъ чувствия.* — См. Притч. 22, 12—13.

[20] *...притворяет свары.* — См. Притч. 15, 17—18.

[21] *...храмины похвалив...* — Лжедмитрий велел построить в Кремле новый деревянный дворециз двух корпусов для себя и для Марины, а внутреннее убранство их велел сделать по польскому образцу. Эти нововведения не понравились москвичам.

[22] *...юноша, иже ему много любим бе...* — Очевидно, сам Хворостинин. (Это следует далее из текста).

[23] *Како Михаил царь... владыко нашъ Устиниян...* — Хворостинин сравнивает здесь Лжедмитрия с византийским императором Михаилом III (842—867), который прославился своей разгульной жизнью. Юстиниан (527-565), византийский император; при нем была сооружена церковь Софии в Константинополе — замечательное сооружение византийской архитектуры.

[24] *...како Волтасаръ, царь перский...* — По преданию, отразившемуся в Библиии у древнегреческих авторов, в ночь взятия Вавилона вавилонский царь Валтасар устроил пир. В разгар пира таинственная рука начертала на стене слова, предрекавшие гибель Вавилона.

[25] *...сынъ Навходоносора царя...* — См. Дан. 5.

[26] *Ничтоже страданием претив ми...* — Хворостинин не выдерживает до конца повествования от лица «некоего юноши» и переходит к рассказу от первого лица.

[27] *И скаредному смешению сообѣщник быв...* — Автор подразумевает брак с Мариной Мнишек.

[28] *И властию его извергается... и церковный чинъ объемлет.* — В свое время Отрепьев служил патриарху Иову и был ему хорошо известен. Поэтому еще до въезда самозванца в Москву Иов был арестован приверженцами Лжедмитрия и с позором отправлен в монастырь. Этой ситуации — воцарению Игнатия на патриаршеском престоле — Хворостинин находит точную аналогию в византийских хрониках, сравнивая Иова и Игнатия с византийскими патриархами Германом и Анастасием: 17 января 730 г. император Лев III собрал заседание синклита и предложил высшей знати подписаться под эдиктом, запрещающим иконопочитание. Патриарх Герман категорически отказался, тогда он был смещен и заменен иконоборцем Анастасием.

[29] *...«Ты, сквернавый старѣйшина Израилев... смири высокая и вознесе смиренная... такова будет.* — Ср.: Иез. 21, 25—27.

[30] *...и не нарицайте
себе глаголати, яко «отца имамы Авраама»... чада воздвигнутъ Аврааму...* — См. Мф. 3, 9; Лк. 3, 8.

[31] *...«Праведник ото уловления избѣгнет, и в то мѣсто нечестивый предастъся».* — Притч. 11, 8; Пс. 33, 20; Есф. 7, 9.

[32] *...«Вѣстъ Господъ благочестивыя от напасти избавити... мучимы блюсти»...* — 2 Пет. 2. 9.

[33] *...якоже и бысть.* — Василий Шуйский был избран в цари через два дня после смерти Лжедмитрия I.

[34] *...искони бѣ властолюбцы, а не боголюбцы.* — Шуйских обвинили в попытке захватить власть в первые дни после утверждения Лжедмитрия I в Москве (Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты. СПб., 1910. С. 272).

[35] *...но самоволне клятве издався...* — Сторонники Шуйского в Боярской думе приехали в Кремль, нарекли там его царем, затем пошли в Успенский собор, где Василий Шуйский стал «целовать всей земле крест», обещая, что не будет злоупотреблять властью.

[36] *...и суд истинный небѣ, и вся колюбочестие пресякну.* — Целуя крест, Шуйский торжественно обещал народу праведный суд, уничтожение опал без вины и отмену клеветнических доносов. Однако своих обещаний он не сдержал и начал тут же расправляться со своими противниками. О том, что Шуйский «преступил свою клятву», говорит не только Хворостинин, но и другие писатели того времени.

[37] *И воста кождо от дому своего... быша от единоплеменных...* — Здесь Хворостинин говорит о Крестьянской войне под руководством Ивана Болотникова.

[38] *...юношеским обуяся житиемъ иподвиги.— Совершал «поцвиг»ирассеивал* «многочисленно ополчение» не столько Василий, сколько его племянник, знаменитый полководец М. В. Скопин-Шуйский.

[39] *...оскорбляя их православных сего ради, в тесноте живущих...* — Хворостинин обвиняет Василия Шуйского в еретичестве, выставляя себя ревностным защитником православия. Не следует забывать, что именно при Шуйском Хворостинин был первый раз сослан в монастырь.

[40] *...завистию и гнѣвом отлучашеот престола его.* — 17 июля 1610 г. бояре и население Москвы выступили против Василия Шуйского. Несмотря на противодействие патриарха Гермогена, они стали просить Шуйского, чтобы тот «оставил царство». И. М. Воротынский, З. Ляпунов, И. Н. Салтыков и Ф. Хомутов вывезли Шуйского из дворца на его старый боярский двор и арестовали его братьев. Правительство Шуйского пало.

[41] *В та же времена добре украшающа патриаршеский святый престол Ермоген..* *.* — Игнатий был смещен с патриаршеского престола сразу же после убийства Лжедмитрия I. Гермоген стал патриархом с июля 1606 г.

[42] *Иже благословение его стежавше по временехъ жития своего владыко ...* — Речь идет о Василии Шуйском.

[43] *Аще и болши всѣхъ подъят от него гонение и грабление...* — Автобиографические намеки. Хворостинин убеждает читателей, что сослан был Шуйским безвинно.

[44] *...призываху же мя и обогащением многотысящное обещаше ми...* — Кто призывал Хворостинина пойти против В. Шуйского — неясно. Можно лишь предположить, что это могли быть его родственники. Ненависть к Шуйскому стала у Хворостининых семейной чертой. Иван Дмитриевич Хворостинин, астраханский воевода (двоюродный брат Ивана Андреевича), возглавил бунт астраханского гарнизона против московского правительства. А его брат, Юрий Дмитриевич, был в лагере «Тушинского вора», затем одним из первых перебежал на службу к Сигизмунду. Следует отметить, что Юрий Хворостинин был послом от тушинцев к Сигизмунду в январе 1610 г. вместе с Филаретом, М. Г. Салтыковым, В. М. Мосальским, М. Молчановым, Ф. Андроновым. Любопытно, что для И. А. Хворостинина Тушинского лагеря и Лжедмитрия II как бы не существует: в повести нет даже намека на лагерь в Тушине. Однако данный абзац повести вряд ли мог понравиться Филарету, хорошо помнившему истинный ход событий.

[45] *...противу воли его?* — См. Пс. 75, 7—8.

[46] *...и по сих вси снидошася к совещанию, их всѣ совѣты добре наричюще.* — Здесь Хворостинин рассказывает о действиях боярского правительства, заключившего в августе 1610 г. с Жолкевским договор об избрании на царство Владислава, сына польского короля Сигизмунда.

[47] *...и животъ до века.* — См. Пс. 132, 2—3.

[48] *И сущаго царя своего Василия совещаша мирским обычаем во иноческий образ облещи...ида нелстятся к нему народы.* — Попытка Гермогена убедить народ снова возвести Василия Шуйского на царство послужила одним из ближайших поводов к насильственному пострижению Шуйского.

[49] *И на возлагающих нань иночествующих одеяния на нихъ положю, иночествовати ж им сотворю!* — Василий Шуйский был пострижен в монахи насильно, обеты за него давал князь Василий Тюфякин. Тюфякину и грозит в своей речи патриарх. Об этом подробно повествует Новый летописец.

[50] *...и даде царя своего в руки иноплеменником... и до дней смертных.* — После этих угроз патриарха, во избежание попыток восстановить Шуйского на престоле, его вывезли в Польшу.

[51] *...пред всеми мя обия со слезами...* — Была ли подобная беседа на самом деле, остается только догадываться. Очевидно лишь, что Хворостинин, памятуя о

тяготевших над ним обвинениях в еретичестве, всячески стремится предстать перед читателями праведным и благочестивым человеком, болеющим за судьбы государства.

[52] *...«вечер, заутра и полудне»...* — Пс. 54, 18.

[53] *И тако слышавше, елицы бѣша воини и елицы властодержъцы...* — Боярское правительство.

[54] *...яко очима сердечныма своима разсмотряет преосвященныхъ митрополит, и епископов, и освящен...* — На этом месте обрывается текст в копенгагенском списке (конец листа рукописи). Любопытно, что обрыв происходит не только на абзаце, относящемся к Гермогену, но и до рассказа о Филарете. Далее в тексте речь идет о посольстве в сентябре 1610 г., в которое входили Филарет, В. В. Голицын, Д. И. Мезецкий, В. Б. Сукин и Т. Луговской. Послы отправились к королю Сигизмунду, стоявшему в то время под Смоленском, с тем, чтобы просить Владислава на Московское царство.

[55] *...суще от племени преславныхъ преждебывших царей, яко союзомъ владычес тва ихъ приплетение имѣя.* — Хворостинин подчеркивает, что Романовы близки к прежней династии только по женской линии. Это сделано, очевидно, не случайно. Хворостинин возвеличивает и прославляет Гермогена в противовес Филарету на протяжении почти всей повести.

[56] *Стратилат же града того...* — Воевода смоленский М. Шеин.

[57] *Посланныхъ же преждевоспомянутый кралъ Жигимонтъ и его единомысленн ыи совѣтницы ни во что же вмѣнивъ...* — Хворостинин здесь несколько искажает события, поскольку Филарет был послан к Сигизмунду III боярским правительством, а не одним Гермогеном и церковным собором.

[58] *...и заточи во своих градехъ.* — Таким образом, некоторые виднейшие члены Боярской думы и главные претенденты на царский престол постепенно оказались в польском плену. (До этого туда был вывезен Шуйский). Филарет находился в польском плену до 1619 г.

[59] *И приимъ градъ Смоленскъ безбѣдно...* — В июне 1611г., когда в Смоленске оставалось всего около 200 защитников, крепость была взята поляками.

[60] *И святейшаго патриарха въ монастырѣ... заточиша и опечалиша его кормлею и питиемъ.* — Гермогена заточили в январе 1611 г., чтобы прекратить его агитационную деятельность. У него отняли дьяков и дворовых людей и разграбили его двор.

[61] *По многихъ искушениихъ градъ своей обрѣтше...* — Из рассказа Хворостинина следует, что он вошел в Москву вместе с ополчением Пожарского и тогда же занялся выяснением судьбы Гермогена.

[62] *И тако, достигше, хваление...* — Найдя гроб Гермогена.

[63] *...и отъ Резани и Сѣверы воставилъ воя, и писаниемъ подощряя.* — Любопытн о, что Хворостинин здесь живо отразил настроения периода «избирательной

борьбы» 1613 г. Сторонники воцарения на престоле Романовых ставили в укор Гермогену его патриотическую агитационную деятельность, якобы не подходившую высокому церковному сану. Сочинение Хворостинина интересно именно попыткой самостоятельно разобраться в этих обвинениях и высказать свою точку зрения. Возможно, что обрыв повести на послании Гермогена во всех известных нам списках следует поставить в прямую зависимость с этой попыткой автора прославить «истинного патриота».

[64] *...Ануфрия Великаго слово...* — Онуфрий Великий, подвизался в Египетской пустыне в конце IV в.

[65] *...«предаяше же себе судящему неправедно».* — См. 2 Пет. 2, 22—23.

[66] *...«Избави мя отъ кровей Боже, Боже спасения моего».* — Пс. 50, 16.

[67] *Во градѣхъ резанскихъ стратилатствующу ми...* — Хворостинин был рязанским воеводой в 1619 г.

[68] *...и сослужителю нашего смирения...* — Далее обрыв текста в трех списках повести.

ПЕРЕВОД

РАССКАЗ О ВРЕМЕНАХ, И ЦАРЯХ, И СВЯТИТЕЛЯХ МОСКОВСКИХ, КОТОРЫЕ БЫЛИ В РОССИИ. ЗАПИСАНО КРАТКО НАЧАЛО ИСТОРИЧЕСКОЕ, НАПИСАНО БЫЛО ДЛЯ ИСПРАВЛЕНИЯ И ДЛЯ ЧТЕНИЯ ЛЮБЯЩИХ БЛАГОЧЕСТИЕ. СОСТАВЛЕНО ИВАНОМ ДУКСОМ

ПРЕДИСЛОВИЕ ЕГО ТАКОВО

Тот, который от непостижимого в высоте Бога, несказанного и вечно воспеваемого Творца, во всяком прославляемого роде, Царя над царствующими и господствующего над всеми, который жизнь и дыхание дал всей твари, благодаря которому властители властвуют, и правители по справедливости обладают землей, и обученные пишут истину; тот, который изначально является высочайшей мудростью Вседержителя Бога — Сын, не имеющее начала Слово, который слово дает и милости раздает, — тот всем нам Создатель и Господь, который из небытия в бытие привел все созидательным своим повелением, и родоначальника людей праотца Адама создал пречистыми и нетленными руками, и душу живую вдохнул в это бренное тело, и жителем рая его сделал. Когда же у Адама помрачилась совесть и он преступил заповедь, гибельный плод вкусив, он был изгнан из рая, потому что неподобающее помыслил и соблазнился, и стал он тлению подвержен из-за греха невоздержанности в раю, из-за непомерной суетности, и тогда он не покаялся перед Творцом своим и Создателем, чтобы победить грех покаянием. Если бы он с самого начала смирился, он не навлек бы несчастье на весь род человеческий, и если бы соблюдал заповеди, не был бы отвергнут. Вновь, когда он был изобличен, дал ему Бог возможность покаяться и получить прощение, но вознесся в гордыне своей человек. Ведь Творец пришел, говоря ему: «Адам, где ты был?» Вместо такой славы такой заслужил позор! И еще спрашивал его Бог: «Почему ты согрешил, почему нарушил запрет?» — наводя его поотечески на мысль о необходимости покаяния и смиренной мольбы о прощении. Никакого смирения! Какое там покаяние и мольба о прощении! Никакого покаяния, а, напротив, препирательства и возражения: «Виновна жена,

которую ты мне дал». Ведь он не говорит «жена моя соблазнила меня», но «которую ты мне дал», как если бы кто сказал: «Бедствие, которое ты обрушил мне на голову». Так, братья мои, говорит Святое Писание: если человек не осознает своего греха, то не постыдится возложить собственную вину на самого Бога.

После того слышит она глас Бога: «Почему ты не сохранила заповедь?» Как если бы, поотечески говоря, он изрек: «Если ты покаешься и от греха очистишься, то смирится душа твоя и будешь помилована». И опять никакой мольбы о прощении! Она также в ответ говорит: «Змея прельстила меня», то есть «она согрешила, а я тут при чем?»

Что делаете, окаянные? Принесите лишь покаяние, осознайте прегрешения ваши, покройте наготу свою! Но ни один не сделал этого, но ни у кого не оказалось хотя бы немного смирения. И, увидев это, Господь решил судьбу вашу: в какие только беды он не вверг вас, чтобы вы сами помышляли о судьбе своей, чтобы заботились о себе, чтобы жили по собственной воле, раз вы, как дети, противитесь Божиему величию. А детям смирения свойственно самим себя укорять, не доверять своему разуму, ненавидеть своеволие. Кто основывается на этом — тот всего достигает по закону природы, очищенный святыми заповедями Христа. Ведь ни подчиняться заповедям, ни достичь какого-либо блага нельзя иначе, кроме как смирением.

Видя природу, искаженную смертью из-за падения Адама и нарушения заповеди, Творец, отеческое светлейшее и не имеющее начала Божие Слово, проявил милосердие к своему созданию, по воле Бога Отца и при содействии Святого Духа соизволил посетить земное создание своей руки, падшего некогда первого родоначальника людей. Сошел он от отеческих, не имеющих начала божественных недр, не разлучаясь с отеческим лоном, воплотился от Девы Марии, от чистой ее девственной крови, создал плоть по сути человеческую, но только безгрешную. Сотворив себя подобным нам, уподобляя себе подобных ему и не желая видеть свое создание в порабощении у греха, он в Деву вселился ради нас, чтобы нас привести в первоначальное состояние и от древнего грехопадения поднять, тлению подверженную нашу природу очистить, чтобы могли мы, от греха освободившись, вновь стать Божиими сынами. Все плотское, что в нас есть, усвоив себе, крест и смерть восприяв, с небесным славно соединив земное, воскрес из мертвых со славой, и на небеса вознесся, и по правую руку от величия Отца сел, а своим ученикам, свидетелям, как обещал, в виде огненных языков Духа утешителя послал и заповедал им просвещать все народы, пребывающие во тьме неведения, и крестить их во имя Отца и Сына и Святого Духа.

И одни апостолы получили восточные страны, другие же западные получили, и обходили они северные и южные пересекали страны, исполняя данные им заповеди. Тогда святой Андрей, один из полка двенадцати учеников Христовых, брат верховного апостола Петра, из Иерусалима в Синопию пришел и из Синопии в Херсон, а из Херсона пошел вверх по Днепру и остановился под горами на берегу и, утром встав, обратился к бывшим тут с ним ученикам: «Видите горы эти? На этих горах воссияет благодать Божия, и будет город великий, и воздвигнет Бог много церквей». И поднялся он на эти горы, и благословил это место, и поставил крест, и помолился Богу, и сошел с горы, где ныне стоит город Киев, и пошел вверх по Днепру, и пришел в Новгород Великий, и оттуда пошел к варягам, и пришел в Рим. Но проповедовать слово спасения в Русской земле ему было возбранено Святым Духом, замыслы которого — великая тайна, и потому они недоступны разумению.

По всем странам спасительная проповедь евангельская распространилась, и все от тьмы идольской были избавлены и светом божественного разумения просветились. Только Русская земля была омрачена тьмой служения идолам и скверными делами совершенно осквернена, и много уже прошло времени после вознесения на небеса единородного Сына Божиего. Но не стерпела Святая и Божественная и достойная поклонения Троица, видя свое создание погибающим, и сошла к нам на востоке сверху и светом божественного разумения просветила, верой и благочестием, премудростью и разумом праведного родоначальника, владычествующего самодержца и владыки всей Русской земли, блаженного Владимира, сына Святослава, правнука же Рюрика. Обратилось к нему всевидящее око Божие и просветило его божественным крещением, и стал он сыном света. Не только сам захотел спастись, но и всех постарался спасти и всем повелел креститься во имя Отца и Сына и Святого Духа. С того времени праведное солнце — Христос светом евангельской проповеди землю нашу озарил, и апостольский глас нас научил. И божественные церкви и монастыри стали строиться, и появилось много святителей и преподобных, чудотворцев и носителей знамений, и, словно на золотых крыльях, возносились они на небо. И, как прежде нечестием превзошла всех Русская земля, так теперь в благочестии всех оставила позади. В других странах хотя и много было благочестивых и праведных, но много было и нечестивых и неверных, которые вместе с ними жили и еретически мыслили. А в Русской земле не только многие деревни и села просвещены, но и города многие — все единого пастыря Христа единодушные овцы, все единомыслящие и все славят Святую Троицу.

Что я слышал и что видел, ничего не могу утаить, и пусть никто не усомнится в этом моем рассказе, не посчитает меня возгордившимся. О светлые чада церкви! Хотел я с добрыми словами обратиться к вашей любви, пастырей наших деяния без умолчаний гласности предать и премудрости, любящей величие спасения, сообщить о доброй деятельности пастырей. Недостаточно ведь, как сказали некоторые, подробен мой рассказ, чтобы возбудить любовь в душе вашей; вам ведь нужно слышать об этом, и для вашей прекрасной души полезно это. Я же, хотя и много дней томился и воодушевлялся любовью к мужам великой души, и необагренным кровью мученикам, и одержавшим победу красноречием, и хотел рассказать кое-что правдивое для вашей любви, но, свою немощь великую увидев, удерживался от прославления и восхваления их. Однако я понял, что забвение и пренебрежение — еще более тяжкие грехи. Так что вот мое писание, насколько мне было по силам. Начало нашей повести расскажем так.

О МОСКВЕ

Страна Русская и славный город Москва — свидетели слов наших. В то время беда была, и расточалось богатство, красота и слава померкла, и покровительство Владыки покинуло землю нашу, лишены мы были любви его человеколюбия, оскудели города, оскудели люди, но не оскудела мерзость, и возрос плод греха, распространились дела беззаконные, и возненавидели люди друг друга, и все чаще мы стали впадать в соблазн. Истощена была земля наша голодом, и многие стали есть от голода нечистоты, и мясо человеческое, и мертвые тела людей, и птиц, и зверей, и рыб, и о чем подробно в повести сказать нельзя: ели кору деревьев, корни водорослей, грязь непотребную, и подобное этому, и многое такое, сущность чего и передать невозможно.

Все это видел царь Борис, который вознесся на престол из чина магистра, получил власть самодержца, как некогда и Василий Македонянин; хотя и не обучен был Писанию и премудрости книжной, обладал острым природным умом. Наступил в те времена голод великий на земле, самодержец же в печали и

горести пребывал и, видя смерть многих людей, сжалился весьма над голодающими и, ниву сердца своего благоразумного житом милосердия засеяв, настоящую пшеницу, которая необходима для человеческого существа, раздать повелел. Раскрыл он свои хранилища, достал богатства своей славы, растрачивая сокровища — свои сбережения и повелевая наполненные серебром мешки развязывать и давать в руки нуждающимся. Кто может поведать о человеколюбивом его нраве и заботе о нищих? Умерших в пути, от голода погибших он велел подбирать и облачать в погребальную одежду и хоронить их в земле. Никто из прежних царей не делал ничего подобного тому, что владыка наш по отношению к убогим милостиво совершил.

Хотя он был коварным и властолюбивым, но также и весьма благочестивым: он множество церквей воздвиг, и красоту городов великолепием наполнил, лихоимцев укротил, надменных искоренил, странам чужим он страх внушал, и, как добрый гигант, был он исполнен мудрости в земной жизни, и получил славу и честь от царей, но озлобил подданных своих, и восстановил сына против отца и отца против сына, и вселил вражду в дома их, и ненависть и коварство вселил в рабов, и поднял зависимых людей на свободных, и унизил господ, находящихся у власти, и внес соблазн в мир, и породил ненависть, и возбудил рабов против господ их, и власть у знатных отнял, и погубил благородных людей много, о чем не пристало здесь распространяться, чтобы не настигла нас смерть во время написания повести. У волхвов попытался он будущее свое узнать, и надежды свои возложил на чародейство, и возгордился весьма, и заставлял почитать себя как Бога, и сказано об этом: «Поклонялись вместо Творца твари».

И увидел это Бог и не пренебрег этим, но зажег как огонь гнев свой, и наказал высокомерие его, и залил землю его кровью, и сократил дни жизни его, и поразил его поражением страшным, и в темные обители смерти вверг его как недостойного величия царской власти, знамения славы небесной, тела и крови воплотившегося для искупления грехов от Девы Христа, Бога нашего. Уже мертвым его удостоили пострижения, монашеской славы, и к иноческой жизни его решили безрассудно приобщить после смерти. Так умер самодержец Борис, и плакали о нем много, и погребли его в храме святого архистратига Михаила с великой честью вместе с великими дуксами и с прежними царями, достаточную честь величию его воздав, и погребение торжественное ему устроили, в печали находясь.

Наследовал царство сын его Федор, еще очень молодой, и был он по смерти отца печалью чрезмерной удручен, а также из-за многих беспорядков и мятежей среди людей, а был благородный этот и прекрасный юноша и видом своим, и достоинством, и речью, и знанием отцовских наставлений, и любовью к книгам замечателен. Во времена же его и перед смертью отца его были знамения многие, указания комет: однажды появилась комета в виде копья, в другой раз видели две луны и одна другую побеждала, а в другой раз на царском дворе ночью каждый час из храма благолепного Преображения Спаса и из двора царского исходил свет и поднимался в высоту. Так мы поняли, что помощи Божией лишились они и благодать милости Божией покинула царский дом.

И восстал вероотступник, и привлек сердца окружающих к себе, прельстил души неразумных, а благочестивых страхом смирил. Так среди многих бедствий неукротимый зверь инок Григорий царское имя присвоил себе и незаконными мучительными приказами всех смутил; и в замешательство пришли все перед войском его, так что он к самому царствующему городу подошел. Все навстречу вышли к нему и великими дарами радостно встретили. А на семью Бориса и сына его царя Федора, еще не венчанного на царство, но которого они клялись смертью

избавителя Христа, Бога нашего, святым крестом его, возвести на престол, — на него разгневались все в царствующем городе Москве, как волки и хищники на овцу Божию, на сына царского и на его мать и сестру; и незаконного царя захотели сделать властителем. А на тех камнями и кольями вооружились, как настоящие враги святого креста Божиего, и в храмы царские пришли, крики громкие издавая, а также многими бранными словами осыпали их, которые сатана в их уме породил. И взяли их, отвели на прежний двор их, где они до восшествия на престол жили, с великим бесчестием, как будто со злодеями расправлялись. И ворвались во дворы ближайших друзей их — так свершилось возмездие — и все расхитили и живших при них слуг грабили. А незаконного царя посланники, радуясь исполнению своих надежд и властвуя над всеми, получили указание от преступника погубить прежнего Федора царя и мать его и размышляли, как это сделать. И тут один злой советник явился — как он сам рассказывал мне об этом — и дал посланникам совет злой, чтобы они послали туда воинов с веревками и удавили их, и так удастся избежать волнений среди людей. Так они и сделали, как незаконный царь решил по совету нечестивому. Тело же прежденазванного царя Бориса он повелел из храма выкинуть. И было поучительное зрелище: в гробе с бесчестием лежало тело мертвеца того — кто убил сына господина своего, кто недоброе наговаривал на того, кого сделал блаженным Христос Бог, и кто также напраслину на друзей своих возвел, и льстивыми словами прельстил, и кто убил невинных много. И вот показал Создатель тело его, после смерти выброшенное для надругательства в назидание всем неправедно мыслящим и говорящим лживые слова.

Так что, видя этого властителя, пророческому наставлению повинуйтесь, как говорит красноречивый пророк: «Итак, вразумитесь, цари, и научитесь, все судьи земли! Служите Господу со страхом и радуйтесь перед ним с трепетом. Внемлите наставлению, чтобы, когда прогневается Господь, вам не уклониться с пути праведного, ибо возгорится вскоре гнев его». Другой пророк сказал: «Итак слушайте, цари, и разумейте, и научитесь, судьи концов земли! Внимайте, обладатели множества и гордящиеся перед народами иноплеменными!» И еще сказал: «Когда царь праведный на престоле сядет, ничто лукавое не устоит перед очами его. Кто похвалится, что имеет чистое сердце, или кто дерзнет назваться чистым от греха? Не люби клевету, чтобы не впасть в грех; открой глаза свои и досыта ешь хлеб. Мерзость перед Господом — неодинаковые гири и неверные весы — неприятны ему. От Господа направляются шаги человека; грешному же как узнать путь свой? После обещания приходится каяться. Мудрый царь просеивает нечестивых. Свет Господа озаряет души людей и помыслы, которые стремятся к насыщению своего чрева. Милость охраняет царя, и окружает она поистине престол его. Хорош в юношах дар мудрости, а слава стариков — седина. Раны и побои искореняют зло и удары, проникающие во внутренности чрева». Премудрый муж укрепляет город. «Любит Господь сердца праведных, приятны ему все непорочные в обычаях своих; мудростью пасет царь людей своих; очи Господа охраняют знание». «Лучше питаться овощами с любовью и благодатью, нежели вкушать тельца с ненавистью. Вспыльчивый человек возбуждает раздор, а терпеливый раздор, готовый вспыхнуть, утишает. Терпеливый муж улаживает распрю, нечестивый же еще более разжигает ее». Но оставим это и вернемся к прежнему рассказу.

И святители и собор иереев вместе со всеми горожанами благолепно, со святыми иконами, встретили незаконного царя, псалмами и песнями духовными умилостивили его все от первых до последних в городе том, и вся страна единодушно стала восхвалять его. Так вероотступник, от иноческого сана отрекшийся и сыном прославленного царя Ивана себя назвавший, превратив

сердце свое в «мерзость запустения», хотя в остроте разума, в знании книжном весьма преуспел, осквернил престол царский, и сел на престоле пес, а не царь, вероотступник и осквернитель иноческого жития, а не владыка и не князь, властью облеченный. И все последовали за ним, и все вместе лукавили, и никто мужественно ему не возразил, но все от страха пришли в смятение.

Воздвигая хоромы для утех своей юношеской жизни, устраивая торжества со смехотворными личинами, распаляясь гневом и немилосердно губя благородных людей — всеми этими деяниями он сущность свою проявил, не подобающие правителю дела совершая. Так, он палаты нечестиво умножал; однажды он кичился перед своими приближенными и видом своих хором, в которых он жил, похвалялся, указывая, сколь благочестиво он их построил, как будто златоверхими постройками украсил. И весьма хвалился этим и не думал о Боге, который жизнь и дыхание дает людям. Услышал это стоящий поблизости юноша, которого он очень любил и который всегда заботился о его спасении — более всех людей, находившихся под властью его, — и вот он отбросил страх, без боязни против царя вооружившись, как против настоящего змея, на мысль его наступив, как на хвост, гордые слова отсекая острым мечом слова, сказал так: «О царь! Вспомни, как царь Михаил конское стойло построил, к которому проточную воду подвел, питаемую течением реки, и многих людей удивил и созданием своим похвалялся, что такого пристанища для коней никто из прежних владык не создавал. Но магистр один достойное православного слово изрек и в присутствии людей охладил пыл царя Михаила: „Царь и владыка наш Юстиниан удивительное дело сделал, храм Вседержителю воздвиг и на это все свои средства истратил, — и того не так хвалят! Что же ты похваляешься, для навоза сокровищницу создав?” Так и ты похваляешься, о царь, пристанища порока золотом многим украсив, и думаешь, что эта постройка будет навеки памятью о тебе, но не похвалит тебя Создатель. Ты помышляешь о суетной славе в бренной жизни и властелином при этом думаешь быть; или ты не знаешь, что есть Бог, который сокрушает всякое превозношение гордых, отрезает языки хвастливых и безумие насылает на риторов, возвышает смиренных, низвергает вознесшихся? Разве ты не слышал никогда, о царь, как Валтасар, царь персидский, сын царя Навуходоносора, принес сосуды из храма Божиего, который был в Иерусалиме, и славил богов золотых, и серебряных, и медных, а Бога святого, истинного Вседержителя, не прославил? И появились пальцы руки человеческой напротив светильника, и было написано о свержении его с царского престола и о сокращении дней его; так и сбылось. Зная об этом, бойся совершать непотребные дела!»

Когда царь услышал такую речь, то слова эти в сердце его как будто стрела вонзились, и он как-то тихо сказал мне: «И ты зло замыслил против меня? Оставь свою чрезмерную заботу о моей добродетели!» А юноша сказал: «Никогда, о царь, я не откажусь от забот о тебе; не только здесь в изобилии живя у тебя, но и при смерти я никогда не отрекся бы от тебя! Я, повелитель мой, с рождения имею обычай царя почитать и о его благе заботиться. Не забыл я о твоем спасении и тогда, когда многие на твою власть восстали. Бог свидетель тому, что мы свое усердие о твоем спасении делами доказали и, надеясь за это получить воздаяние из твоей десницы, весьма усердно думали о твоем спасении. И ничего коварного о тебе или против тебя я не помышлял, но с чистой совестью помыслы мои обращены к тебе, и я считаю правильными слова свои, и дороже своего спасения для меня видеть тебя здоровым. Но не воздам тебе чести более Бога, так как царь тоже человек! От любви же к тебе, самодержец, никакое злодеяние меня не заставит отречься, разве что твое пренебрежение христианскими заповедями. Всевидящее око Божие в своем всесилии видит, как нелицемерно к вашему величеству относился мой разум!» И на этом закончил речь. Никакими муками

он не угрожал мне, но закрыл рот рукой, сторонясь меня в своем бесчеловечном коварстве. В мыслях и делах своих он весьма вознесся, и самодержавие выше человеческих законов поставил, и кровь проливал, и осквернялся в грязных делах своих.

В архиерее рязанской епархии он нашел подходящего себе человека и единомышленника из греков, по имени Игнатий, и патриархом поставил его, вершителя всяческих беззаконий. И стал Игнатий пособником ему в его постыдном браке, и, попросту сказать, врагом Бога и людей, и единодушен был с ним. И по указанию царя извергается из сана бывший до Игнатия первый святейший патриарх и пастырь наш Иов, как славный Герман, и возводится этот, как Анастасий, ненавистный не одному городу, но всей земле и во всех городах всем людям, — Игнатий, «мерзость запустения», усаживается на святом месте святых отцов наших и управление церковью принимает. Ничего божественного совершать он не привык — жезлы святителей и пастырей он раздает сановникам, потоки слез у благочестивых исторгает, сердца огорчает любящих Господа, видящих его посаженным на престоле праведных незаконным царем, царем вероотступником, а точнее сказать, иноком, нарушившим обеты свои.

Царским венчался венцом настоящий отступник! Как будто поистине о нем красноречивый пророк Иезекииль говорит так: «Ты, недостойный правитель Израиля, нечестивым дням которого наступил конец! Так говорит Господь: сними с себя диадему и сложи венец; унизь вознесшихся и возвысь униженных. Неправдой я низложу неправду, и она не будет таковой». Видите смысл слов пророческих: ведь называет он его недостойным предводителем Израиля. Где же Израиля предводитель? Где теперь предводитель иудеев? Где главенствует Израиль? Ведь под властью многих правителей христианских и басурманских находится и до сих пор иудейский род. Если бы он о них говорил, то множественное число употребил бы пророк, сказал бы: правители Израиля; но он сказал не так, лишь одного правителя укоряет божественный пророк. Мы здесь поистине называемся истинными израильтянами новообращенными, как и в Евангелии Иоанн Креститель говорит, увидев идущих креститься, сказал: «Сотворите достойный плод покаяния. И не думайте говорить в себе: „Отец у нас Авраам"; ибо Бог может из камней этих воздвигнуть детей Аврааму», то есть из язычников. Ведь Израиль означает «ум, зри Бога»; так и мы с верой чистой зрим Бога, в Троице святое единодушие и жизнь и будущее царство бесконечное. Это слово пророческое указывает на недостойнейшего правителя Израиля, неправдой неправедно губящего людей, возвышающего униженных и унижающего вознесшихся. Не таков ли и он? Не унизил ли вознесшегося царя Бориса, не возвысил ли униженных, не сбросил ли он клобук, не возложил ли на себя венец проклятия? Но все случилось не так, как он хотел: неправедно неправедного Бориса низложивший так же печально и насильственно окончил свою жизнь, по словам Священного Писания: «Праведник спасается от беды, а вместо него попадает в нее нечестивый». Как апостол Петр учит нас, говоря: «Знает Господь, как избавлять благочестивых от искушения, а беззаконников соблюдать ко дню суда для наказания»; но этого человека и до суда Творец осудил.

После падения этого царя виновник его смерти дукс Василий прельстил людей благочестивым видом, смирением и свои надежды на них возложил, рассчитывая, что его сделают царем; как и случилось. Подстрекает он и побуждает друзей своих коварными речами и бренными подарками, к воплощению своего желания лестью их склоняя, спешит им давать всяческие обещания. Как родня его, так и он сам с начала своей жизни при всех царях получить власть желал и разнообразное зло всегда замышлял против государей своих: с давних пор были

они властолюбцы, а не боголюбцы. Так с большим трудом получил Василий царский скипетр, неправедный и коварный свой изменнический пот утерши, в сонм царствующих вошел, предков своих превзошел. Ласковым участием привлекая и заботясь обо всех, спеша давать обещания милостивые всем нуждающимся, милости и благодеяния всем людям суля, — этими словами во множестве людей он хотел любовь возбудить и вызвать их похвалы.

Но, делая все это, он лукавил перед людским родом, не только в этом, но и во многих других делах: войдя в соборную церковь Божией Матери, неистовой дерзостью преисполнившись и «не в Боге полагая крепость свою», как сказано, он взял честное всесильное наше оружие божественное, Христа, Бога нашего, святой чтимый крест, и обратился самодержец, новоизбранный царь, к людям, благодарность высказал и коварно крест целовал, присягу дал сам. Так всей земле он присягнул, обещая делать угодное всем, в царстве его живущим. О беда! О скорбь! Только ради скоропреходящей жизни этой властью обольщается царь и присягой связывает себя, хотя никто из людей этого от него не требовал; по собственной воле он дал присягу, будучи властолюбцем, а не боголюбцем. Только на земле он желал прославиться, а не на небесах. Но разве знает человеческая природа, к чему приводят желания ее? Как только ту присягу произнес владыка, наказал его Бог неразумием, так что он стал совершать недостойные дела и тем нарушил присягу свою. И восстала против него держава его, и все нарушили присягу, которую дали ему; и в дни царства его всякая правда уснула, и суда истинного не было, и всякая добродетель иссякла.

И восстали все, живущие в окраинных городах его державы, и отложили дела свои, плуг и всякую работу, и приготовились к войне, и взяли оружие, чтобы сразиться с царем, губили добродетельных жителей своих городов и благочестивых в домах их многообразным мукам подвергли: одних они с высоких укреплений города вниз сбросили и потом прикончили, иных, к коням привязав, растерзали их тело при скачке, а иных на части рассекали и многими другими способами умерщвляли из-за грехов наших, потому что мы согрешили перед Господом нашим. И великого удивления достойно наказание, которое понесли мы и братья наши от своих соплеменников, так что жизнь наша напомнила о временах правления прежних незаконных царей. Царь же Василий, в печали и скорби находясь, укреплялся и противился бунтовщикам: иногда он своих воинов терял, иногда их многочисленное ополчение рассеивал и множество крови врагов своих проливал различным способом, но все не хотел непритворно к Богу обратиться, будучи поглощен приличествующей юношам жизнью и трудами. Хотя он был и стар, но обезумел от великой печали: иногда он Бога просил о помощи, а иногда с чародеями свое будущее пытался узнать и гаданиям суетным и тайным предавался, так как он издавна постиг науку гадания, от которой да избавит нас человеколюбивый Христос. Дай же нам, о Боже и Господь сил, жить по правилам твоим, и понимать заповеди твои, и исполнять волю твою, и славить тебя в молитвах сердечных, и признанием твоим гордиться, и никого не знать, кроме тебя, единого Бога, с Отцом и Духом Святым всегда пребывающего и прославляемого, неразделяемое царство и власть, и на тебя надеяться, а из суетных вещей ни о чем не помышлять, но на твою всегда взирать святую славу, и на твою благость уповать, и мыслить по заповедям святых отцов, и храбрости набираться только тобой, о Иисус, свет мой, и сияние Отцовской славы и образ ипостаси его, соединивший в своем человеколюбии несмешанными человеческую и божественную природу, в безгрешной плоти два естества проявивший. Молимся тебе, чья держава неизменна и чье вочеловечение нерушимо! Ничего из находящегося на земле и на небе мы не рассчитываем получить и ни во что не хотим верить, кроме как в тебя — Бога нашего Владыку, а также в родившую тебя

на земле Царицу, и Владычицу, и Заступницу, и Деву Марию со всеми небесными силами, и хотим всех угодивших изначально тебе, Владыке и Богу нашему, предков наших почитать и славить, поклоняться и воспевать и надежду твердую на наше спасение иметь. Но здесь следует прервать повествование, чтобы возвратиться к предмету нашему.

Этот вышеупомянутый владыка и царь наш неверием из-за многих печалей был охвачен и дерзостью преисполнился и, человеческой природе изменив, ложным наветам невежественных людей внимал, на свое царство ополчился и в злобе своих подданных обижал. Никак он от своих дурных поступков не отставал, внимая речам лживым и учениям бесовским тех, кто приходил к нему, верил их обманам и считал это истиной, и обижал этим православных, живущих в нужде, изменил он привычкам своим, которые у него сначала были. Итак, долгое время он с врагами своими сражался. Но в пятый год царствования его исполнился народ лютой ненавистью против него и братьев его, от бояр вплоть до простых людей все восстали, подстрекая, подбивая неразумных и не боящихся Бога, считающих свет тьмою, называющих горькое сладким и сладкое горьким, и все, пренебрегая присягой на кресте, из зависти яростно прогоняли его с престола.

В то время поистине украшал патриарший святой престол Гермоген, бывший третьим патриархом после первого святейшего патриарха Иова и после беззаконного Игнатия, о котором мы раньше рассказали. Когда увидел этот добрый пастырь, что царь упал духом, он многократно пользовал его своими наставлениями, но не смог ничего достичь. Многих бед он натерпелся от всех людей из-за царя, так что однажды его волочили грубо и повалили на землю праведника и святителя Божиего, воистину истинного пастыря нашего и учителя замечательного. Порой ополчались люди на него, порой он, будучи хранителем правосудия, им противоборствовал, божественными словами и огнем Святого Духа, бывшей у него святой водой — как будто тремя заостренными копьями пронзал он трех врагов. Иногда он был охвачен страхом из-за волнений среди мятежных людей, а иногда бесстрашным становился, словесную пищу людям щедро раздавая, некоторых же наставлениями поучая, к благочестию направляя, подражая Владыке Христу, кроткого учителя кроткий ученик, по церковным правилам кротко поучая людей Божиих.

Получивший некогда его благословение царь спустя некоторое время был смещен людьми своими со своего престола, так что и он, и они солгали и изменили присяге на кресте. Видел и я разъярившихся на царское величие, и осаждали меня мысли, и душа у меня болела за него: ибо я видел пастыря, одолеваемого своими козлищами, которые подобно волкам нападали на него и наносили раны своему владыке. Хотя я и больше всех претерпел от него гонений и был ограблен, в темнице живя при царствовании его, но ничего враждебного против него не мыслил, а более о нем скорбел. Стремился я спасти его, но не мог, потому что из-за гнева его был бессилен, хотя искренние свои и благочестивые помыслы ему отдал. Хотя к врагам его многим, любимым и славным у царя, призывали меня присоединиться и многотысячную награду обещали мне, надеясь, что я из-за молодости моей пренебрегу присягой на кресте Христовом, и желая так погубить душу мою, но в жизни этой я ни к чему не стремлюсь, хочу только к Иисусу Христу в этом тленном теле приобщиться, чтобы он от многих совершенных мной зол меня очистил и все враждебные замыслы против меня уничтожил, чтобы я оказался правым в словах своих и утвердился в них. Однако снова, оставив это, к рассказу обратимся.

Поднялись против нас народы и осилили нас набегами отовсюду, и многой силой и свирепостью своей истребляя плоды земли нашей, и никто не додумался, как

противостоять вражеской силе. Напали на благородных людей, по словам пророка: «Уснули, — сказал он, — севшие на коней. Бог страшен и высоко над всеми, и кто устоит пред лицом его?» Согрешили мы перед ним, и нет нам оправдания, и пали мы под мечом наших собственных пороков, за грехи наши он погубил нас, умирающих в разных мучениях. Долгое время продолжались несчастья наши, поляки и литовцы, немцы и агаряне, которые вокруг нас живут, притесняли нас.

Многие из наших именитых людей вошли в соглашение с врагами и советы давали нам, говоря, что государя у нас нет, и род властителя великого Владимира, самодержца всея Руси, дбма его прекрасные наследники — наши господа исчезли, и порабощены мы теперь себе подобными: «Слушайте внимательно! Вот сын польского и литовского короля, по имени Владислав, и он подходит нам в правители: юноша прекрасный, из рода древних самодержавных владык, и никто не может его упрекнуть ни в чем, настоящий властелин и подобен он во всем нашим прежним владыкам. Видя наше несчастье и смятение, отец его, самодержец, хорошее дело нам предлагает, как будто мерило правильное, сына своего нашей земле царем дает. Послужим же ему, как законному своему владыке. Не будем упорствовать в беспорядке из-за вероучения: хотя он и не одной с нами веры, но хочет он ради нас православие принять и быть с нами вместе в единой благой совести закона нашего, а их веру не исповедовать и не распространять, и не строить свои храмы, но честно соблюдать установления нашего православия, суть веры, по правилам соборов действовать, а свои умствования отвергнуть и быть последователем Вселенской святой восточной церкви». Такими пространными речами они убеждали нас, а потом все сошлись на собор, и эти советы были признаны правильными.

Все это видя, церковный наш пастырь, святейший патриарх, томится душой и ревностью духовной распаляется, и призывает он не верить обещаниям чужеземцев и наших предателей. Как пророк он предсказал и указал нам, что они коварно это делают, и не на пользу нам это: «Молитесь же, чтобы мы соблюли незапятнанной чистоту веры во всех делах своих, чтобы добродетельно жили. Только умоляю, чтобы вы следовали этому, и тогда Бог вскоре мир дарует нам и избавит нас от злодеяний их ради запечатленного навеки кровью обещания Господа нашего Иисуса Христа!» При этом святитель слезами лицо, одежду и бороду орошал. И было это зрелище, достойное умиления: слезы умиления его были, «как елей, стекающий на бороду, бороду древнего Аарона, стекающий на края одежды его, как роса Ермонская, сходящая на горы Сионские; ибо заповедал Господь благословение и жизнь навеки». Хотя был отец наш украшен сединами благолепными, как нива, смотрящая на жнеца, никто не устыдился старости его и словам поучения его не внимал и даже нечто преступное против него замышляли.

После многих словопрений пришли к согласию с чужестранцами, и не внявшие предостережениям патриарха, единомышленники их, не послушали они слов истинного пастыря своего, предпочли по чужим законам жить. А собственного своего царя Василия решили всем миром в иноки постричь, и по необходимости сделали это, чтобы не соединились с ним единомышленники его, чтобы не посеяли крамолу в людях и не привлекли к нему народ. О несчастье из-за безумия человеческого! Что делают? Вопреки установлениям и правилам они сами за царя произносили спасительные обеты, столь жестокосердные люди, не разумеющие книжной мудрости и установлений своих! Патриарх же наш сетовал на этих людей, говоря, что они не по заветам святых отцов поступили с царем и что он не может быть иноком. И сказал он: «Когда Владыка мой Христос на

престоле моем власть мою укрепит, сниму я с него рясу и от иноческих обетов освобожу его, по правилам наших божественных отцов, по установлениям и по справедливости, по канонам и правилам я оправдаю его!» Говорил он против оскорбляющих церковь, и призывал на них Бога истинного, и смело угрожал решившимся вместо царя отрекаться от мирской жизни, обещая, что они поплатятся за это и теперь должны сами стать монахами: «Кто возлагает на него иноческие одежды, на тех самих я это одеяние возложу, заставлю их быть иноками!» Услышав об этой ревности святителя Божиего, ратующего за истину, они посовещались и выдали царя своего в руки иноплеменникам с родными его братьями, а те в заточении держали его в своих владениях до самой смерти. И гордились они своим пленником, говоря, что благодаря своей храбрости захватили его, и тем в изумление повергали тамошних жителей.

И, презрев клятву свою, которой они клялись, целовали при этом крест Господний, дать нам в цари сына властителя своего, враги обещание свое на кресте нарушили, и солгали, и обманули нас, и вот благодаря многим их лживым словам и по причине легкомыслия нашего они городом нашим овладели и народ унизили. Священный же патриарх, видя, что народ унижен, поучал людей, словами Господа их утешая. Поскольку случилось и мне там быть, он прежде всего ко мне обратился и перед всеми меня обнял со слезами: «Ты более всех искушен в науках, ты ведаешь, ты знаешь!» Он обратился ко всем, сведущим в книжных премудростях, и мысли свои нам сообщил, так говоря: «Рассказывают про меня смутьяны наши, что я призываю воинов и воодушевляю их противоборствовать этому враждебному и иноверному войску, которое, нарушив клятву, владеет нами вопреки словам своим. Но я ничего такого никогда вам не говорил, ведь вы свидетели моих слов. И одно я только вам повторял: „Облачитесь в оружие Божие, в пост и в молитвы. Кто научен грамоте, псалмами пусть вооружается; кто несведущ в книжной грамоте, молитву Иисуса пусть возьмет как оружие спасения; кто разбойник, пусть оставит это занятие; кто грабитель, пусть прекратит это делать; а кто стяжатель, пусть избавится от этого; а кто блудник, пусть отбросит от себя порок свой, — тогда все спасутся, обратятся к Богу и будут исцелены. И поможет нам Господь Бог, по словам пророка, «вечером, утром и в полдень»”. Вот оружие православия, вот противоборство за веру, вот предписание устава! Ачто касается того, кого признали царем, то, если он не будет одной веры с нами, не царь он нам! Не будучи единоверным, пусть не будет он у нас владыкой и царем!»

Услышав это, оказавшиеся здесь воины и властители разгневались на архиерея и подходящих к его благословению отгонять повелели, а нарушающих их запрет разными способами разгонять приказали. А он, наш пастырь, хотя и отлучен был от приходящих к нему, хотя в страхе многие отказались подходить к его благословению, все же он не оставил обычных своих наставлений, но продолжал говорить, и поносить врагов, и еретическое безумие сокрушать как мужественный воин Христа или как лев в чаще леса. Он обличал словами книг Божественного Писания их еретические замыслы против пашен благочестия, неотступно нападал и немилосердно сокрушал красноречием своих слов врагов Божественных установлений. Ведь был он искушен в науках и в книжной мудрости, каноны и жития святых написал, отцом Церкви был, славным кормчим, славно направляющим корабль Христа, мир этот — море, волнуемое еретическими волнами, кормилом слова Божиего вспенивая и корабль к спасительной пристани направляя; но волны умножались, и корабль слабел и изнемогал среди многой пены грехов. Когда увидел этот священный отец наш, что ослабевают силы, думая о спасении людей, он выбирает святителя, как бы перед глазами своего сердца пересматривает священных митрополитов, и

епископов, и весь церковный причт в поисках тех, кто весьма искушен в правилах и в учении христианской веры. Так занимаясь всякими делами и наставлениями, он в Божественной любви распалялся и возгорался.

По указанию Святого Духа он выделил человека для служения Божиему делу и святой непорочной нашей истинной вере в Христа Бога, которую завещали нам и которой нас научили все священные апостолы и Божественный сонм святых отцов наших: выбрал он преосвященного Филарета, митрополита богохранимых городов Ростова и Ярославля, происходящего из рода прежних славных царей, так как союзом с ними он был облечен частицей их власти. Он побуждал его к подвигу и направил к польскому властителю Сигизмунду, чтобы просить у того сына для управления нашей державой и чтобы королевич единую с нами исповедовал Божественную веру. Также кое-какие книги и наставления дал ему патриарх, словами Священного Писания укрепляя его. И этот славный отец проявил послушание, с другими священными отцами он внял пастырским наставлениям: отбросив лень и в броню мужества облачившись, он прибывает к властителю польскому, который разорял города наши и истреблял плоды земли нашей, который стоял под городом нашим Смоленском, и стенобитные орудия к приступу города готовил, и вынашивал всякие мысли о разорении страны нашей, который победы одерживал. Воевода же города того, все воины и жители, которые были в нем, приступы их успешно отбивали, не ленились, как сказано: «Не хочет ведь, — сказано, — Бог в праздности и безделье сидеть, но хочет что-то делать и предпринимать против врагов своих». Но ни во что не ставили посланников вышеупомянутый король Сигизмунд и согласные с ним советники, только сказали им: «Не обманывайте себя: все попадет в наши руки, и всем будет владеть наш властелин. Вот ваш столичный город Москва с правителями вашими на нашего властелина взирают и спрашивают его обо всем, а за это славу и почести получают, — а вы по-другому считаете!» После этого бывших там вместе со священным митрополитом и с земским послом священников и иноков и служилых людей король отправил назад и лишь немногих главнейших в посольстве взял, в свою страну увел и заточил их в своих городах. И взял он город Смоленск без затруднений, потому что мало осталось людей в нем и не могли они многочисленному войску сопротивляться, но они не сдались, не преклонили перед врагами головы свои. Воеводу тамошнего пленив, долго мучил его король и в своих землях воеводу заточил. Затем король вместе с полководцами своими возвратился в землю свою, утер пот после своих трудов, наградил войско свое, радовался победам своим и нас поносил за грехи наши.

И были мы обесславлены и лишены надежды всякой, и большой чести мы удостоились у иноверного царя — получили мы в славном городе Москве еретиков, врагов Божиего креста, многочисленные полки поляков и других иноплеменников и воинов, готовых сражаться ради своей славы. Наши же бояре из страха, а другие ради корысти, вошли в соглашение с ними, и повелели выйти из города воинам из наших полков, и такой услугой врагам обезопасили себя и дом свой. А святейшего патриарха в монастыре святого архистратига Михаила в том же городе Москве заточили и мучили его скудостью пищи и питья. Потом они подожгли город и перебили людей: будто враги, были они заодно с иноплеменниками, и сжигая, и убивая нас! Спустя некоторое время после пожара подошли воины наши с ополчением и победили врагов, а многих из них осадили в городе. Много раз выходили они и бились с нами, и таяла сила их, а подошедшая подмога пыталась к ним пробиться или их освободить, но не смогли они этого сделать. А вышеназванный и святой патриарх Гермоген, славные дела совершив, к Богу отошел после многих страданий и мучений, по своей воле мучеником став.

Когда после многих приступов город свой мы освободили, в соборную церковь Божией Матери, восхваляя ее, вошли, Богу, ниспославшему великую благодать, поклонились и родившую его со всеми святыми прославили, но пастыря не нашли, тогда как бы некий голос уши наши услышали: «Вот красота моя исчезла и завеса моя разорвана, еретической хулой уста затворились, все доброе поблекло! Поглотил дикий вепрь пастыря моих овец, и звери тлетворные пищу мою осквернили, заповедь служителя моего, как будто дерево в роще, подсекли! Моего восхвалителя и людей моих учителя отсекли от меня многими мучениями и в гробе темном затворили его, молчать заставили его! Решило лживое еретическое сборище в сердце своем: „Закроем уста хулившему нас и предадим бесчестию наставления его, и уж не будет он впредь поучать людей своих, и нас не обратит к покаянию, и не смутятся наши сердца словами его!"» И такие слова как будто от самой церкви услышав, мы воздали хвалы страдальцу и исповеднику: каким был отец наш, такие подобают учителю нашему и похвалы.

Добравшись до монастыря, мы воздали хвалу божественному архангелу Михаилу, чудесам его подивились и великого святителя чудотворца Алексея прославили. Здесь же, поредевшую братию встретив, мы спросили о мученике и страдальце за Христа патриархе Гермогене такими словами: «Где вы положили пострадавшего от еретиков за Христа, нашего учителя, скажите нам? Где успокоенное слово лежит у вас, где положена втайне драхма Царя Небесного, где священный, незаслуженно отвергнутый церковный сосуд положен, где воин и заступник веры нашей, ответьте нам? Где спит недремлющая мысль о Боге, где сладостные слова наши втайне положены, где вовеки неприкосновенное богатство, где испытанное серебро втайне лежит у вас, где изрекающие истину честные золотые уста? Не таите не могущего утаиться!» И, найдя тело его, мы горячие хвалы страданию его воздали и говорили: «Учитель святой! Не прогневайся на нас, не внимающих словам твоим и проклятие безрассудно заслуживших, но прости наши провинности и очисти нас от беззаконий, чтобы, укрепившись словами твоими, мы победили прежнюю дерзость твоими молитвами к Богу, так как мы считаем тебя живым и после смерти. Не смогли еретики отклонить тебя от православия, и ты за веру поистине жестоко пострадал, людей вразумил и Церковь спас. Помоги же и мне, недостойному!» Поклонился я гробу его и из-за великой его любви ко мне долго я у гроба оплакивал то, что он удостоился венца мученичества за Христа и дни наши последние.

Вспомнил я все, и поразила меня мысль: как мы помним, некоторые говорили, что этот патриарх вселил в душу искушение и смятение и возбудил людей на борьбу с врагами, пленившими нас; все они были врагами истреблены, и много крови пролилось из-за его поучений, и он в Рязанских и Северских землях поднял воинов, ободряя их посланиями. И на ум мне пришло слово преподобного Онуфрия Великого: «Лучше побитым быть, но не бить, укоряемым быть, а не укорять, и относиться к бьющему, как к милосердному, и к оскорбляющему, как к утешителю». Также и святой Петр, верховный апостол, сказал о Спасителе нашем Христе: «Будучи укоряем, он не укорял взаимно; страдая, не угрожал»; «он не сделал никакого греха, и не было лести в устах его», «он был покорен судье неправедному». И вот я подумал, что не пристало человеку в духовном сане призывать в поучениях к кровопролитию, но должно чуждаться и удаляться мирской жизни, как учит нас прославленный в пении псалмов пророк Давид, искренне к Богу обращается: «Избавь меня от кровей, Боже, Боже спасения моего». Но все же храм свой ему создать Создатель не дозволил: «Потому что ты пролил, — сказал он, — много крови, ты не должен строить дома моего». И подумалось мне, что к нашему пастырю слова эти подходят. Тогда я служил воеводой в городах рязанских, и там был в великой со мной любви архиерей

Феодорит, который, во всем следуя уставу, благополучно украшал престол храма Божией Матери, честного и славного ее Успения. Когда я спросил его о писаниях патриарха: «Не ввел ли он в соблазн народ и ополчение ваше не на погибель ли себе поднял?» — тот, движимый духовной любовью, в глубь храма удалился и послание, написанное рукой самого патриарха, дал мне, в котором было следующее: «Возлюбленный ради Христа брат наш и помощник нашего смирения» <...>

О причинах гибели царств

Подготовка текста, перевод и комментарии М. А. Салминой, перевод О. В. Творогова

ВСТУПЛЕНИЕ

Сочинение «О причинах гибели царств» представляет собой трактат на политическую тему и носит в подлиннике пространное заглавие «Описание вин или причин, которыми к погибели и к разоренью всякие царства приходят, и которыми делами в целости и в покою содержатца и строятца». Это памятник исторической мысли, содержащий попытку осмыслить судьбы государств и причины, приводящие их к неустройству и гибели. В нем ставятся вопросы о причинах возникающих смут и мятежей и на первый план выдвигается вопрос о царской власти, о необходимых для «хорошего царя» качествах, а также вопрос о поведении «начальников», подчиненных царя. Историко-политические рассуждения в нем иллюстрируются конкретными примерами из античной истории, что придает памятнику литературный интерес. Трактат является, возможно, памятником новолатинской литературы, попавшим на Русь в XVII в. через польско-украинско-белорусское посредство. Некоторые списки сочинения содержат имя переводчика — Василия Садовулина (или Садовского). Но источник перевода пока не обнаружен. Декларируемая в издании 1989 г. принадлежность памятника Николаю Спафарию (см.: Н. Г. Милеску Спафарий — ученый, мыслитель, государственный деятель. Кишинев, 1989. С. 101—132) несостоятельна. Вместе с тем заслуживает рассмотрения датировка памятника 1670-ми гг.

Трактат переписывался и в XVIII в. и имел хождение в старообрядческой среде. Один из списков памятника находился в библиотеке Петра I (рукопись *БАН.* 17.8.10). Древнерусский текст трактата сложен по языку, изобилует громоздкими конструкциями.

Списки памятника датируются XVII—XVIII вв. Древнейшим является список *РНБ,* О.II.3.XVII в. Текст печатается по списку *РНБ*, О.II.3, впервые опубликованному М. А. Салминой в издании: *ТОДРЛ. М.;Л.,* 1954. Т. 10. С. 342—352; исправления сделаны по списку *РНБ*, собр. Титова, 1121 (старый номер 2350).

ОРИГИНАЛ

ОПИСАНИЕ ВИНЪ ИЛИ ПРИЧИНЪ, КОТОРЫМИ К ПОГИБЕЛИ И К РАЗОРЕНЬЮ ВСЯКИЕ ЦАРСТВА ПРИХОДЯТ, И КОТОРЫМИ ДѢЛАМИ в цѣлости И В ПОКОЮ СОДЕРЖАТЦА И СТРОЯТЦА

Наперед показуютца двух мудрецовъ слова или разумѣнья о томъ, будутъ всякие

царства с вины и причины человѣческие погибель свою и разоренье приемлют или судомъ Божиим.

Платон философъ[1] тѣми словы о том написал, что коли прироженные и естественные начала свое всякое царство имѣетъ, хотя бы и налутчи и крѣпко постановленое и устрою не было, и оно своего времѣни за дѣлами и за розъправами своими, сирѣчь от перемены закону, погибнетъ.

Ксенефонтъ философ написаша о дѣлах царя перскаго Кируса,[2] смотрячи на всѣ царства, которые коли-нибудь любо под одного царя, любо под многих царей властью были, дивитца тому, что ни одиное царство цѣлое и долгимъ временемъ безстрашное не стояло, и показуетъ тому такую вину, сирѣчь тѣх люди, которые властельми и начальниками государствъ бывают, егда за их злобою и за их хотѣниемъ и гордостью, и за их неправдою всякие царства переменяютца и погибают.

И с того сугубого разумѣния тѣхъ двухъ философ лутчее и праведное есть Ксенефонта мудреца разумѣние того для, что хотя не дѣлаетца ничто на свѣте без воли и без суда Божия, совершение того суду Божия исполняетца за грехами и злобами человѣческими, которые дѣлают люди, розлучаяся з Богом, и гневъ его страшны на себя попускаютъ, который ничим, толко покаянием, усмиряетца.

А приходит гневъ Божий на все люди *злоб ради ихъ,* к симъ же и за грѣхи началниковъ. И тому есть образцовъ много во Святом Писании, посрѣдѣ которых той образец: когда Богъ разгнѣвася на Соломона, царя жидовского, того ради, что сердце его отступило от Бога и небрег повѣлѣний его. Сказалъ ему Богъ за то казнь, что хотѣл разорвати царьство его и дати его слузѣ его, что послѣди исполнилося над нимъ. Потому, когда Соломон умре, разорвано бысть царьство его тѣм дѣлом, что едини избрали Ровоама, сына Соломонова, друзии же избрали Еровоама, сына Наватова.

Учитъ таково же Исусъ Сираховъ[3] в тые слова написалъ, что неправды ради и обиды и для богатества неправедно добытого и собранаго бывают царства переношены от одного народу *до другаго,* и того дѣла показуется, что злоба и грѣхи человѣческие виною бывают да погибели царствъ всяких, которую злобу мочно приверстати к чирью злому, канцѣром[4] нареченному, которой чирей коли гдѣ на тѣлѣ *человѣческом покажется,**[5]*** тогды от премудрых лѣкарей и от добраго и дорого зелия не бывает излеченъ, но так долго ширитца, покамѣста всѣм тѣломъ обладает и после человѣка уморитъ.

Таково же, гдѣ злоба человѣческая розмножаетца и разширяетца, и гдѣ не есть единомысленье начальников с подъдаными, тогды приходит к тому дѣлу, что ся над всѣми царствы исполняет того злобы и грехи человѣческие, от Бога повинные.

Надобет государем и начальником во всякомъ государстве добро и праведно жити, чтобы были обрасцом всякихъ добродѣтелей того для, что каковых обычаевъ будет царь, таковы же, смотря на него, будут и подданые его. Есть к тому и простая притча: каков купецъ или торговый человекъ, таков и товаръ его.

А какъ грехами и иными непригожими дѣлами и злобами государевъ и начальников осквернене *и* испоръченое бывает государьство, таково же опять смирением и милостью их добродѣтель справляетца того для, что добрый обычей государский укрѣпляет подданныхъ его.

До тѣх мѣстъ стояти будет государство всякое, покамѣста в нем добродѣтель владѣти будет, и добрые святые и праведные обычаи и постановленья в чести

содержаные будутъ. И не будет таковых никаких *премудростей прелестных* и насильства, которые бы добре укрепленое и единомысленное государство из основания, из славы его скинули и разорили того для, что коли въ государстве не будетъ владѣти гордость и лакомство, таково же и злое хотѣние и иные бездѣлья и злоба, тогды в том государстве всякие дѣла крѣпкие и непоколебимые будутъ.

Изначала всякому государю и начальнику подобает того беречи, чтобы силою и неправдою ничто не дѣлалось в государстве. Егда бо коли через силу что-нибудь дѣлается, тогда такое дѣло не будет уже постоянное и крѣпкое того для, что ни одного мучителя не была постоянная и долговѣчна власть и сила, потому что мучительство и насильство завидство и нелюбовь у подданных родит и до помствы думы и мысли человѣческие приводит, чего есть образец въ государстве Римскомъ. Коли Апиуш Клавдиуш, думной и начальный бояринъ Римского государства, который судебники и постановленья списывал, хотѣл было насильствомъ къ любви своей безчесней присилити дочь одного римлянина Вергиниуша.[6] И не могучи совершити своего злого хотѣния, здумалъ хитростью и насильством доступить того, которое дѣло было с великою жалостью отца тоѣ девицы и племяни ее, таково же и всего миру. То же дѣло здѣлали великую нелюбовь и смуту против Апиушови, что отецъ своею прямою рукою дочь свою насмерть убилъ, не хотя того, чтобы была къ нечистой любости злого властеля взята и обезщещена. А потом отецъ еѣ мир весь до помъсты взбудил, убивъши дочь свою, со *окровавлеными* руками поѣхал до войска римскаго и обьявилъ всему войску жалость и насильство того начальника, которымъ дѣломъ был великою виною до великой смуты въ государстве Римском.

И аще начальником всяким любовь подданных тѣхъ, которыми владѣют, есть красотою и честью и безстрашным житьем, так опять нелюбовь и ненавидство подданых безчестьемъ есть государемъ и начальником всяким, многажды къ погибели приводитъ их. А которые начальники хотятъ того и желают, чтобы поддании больши боялись их, нежели любили их, тогда такие къ погибели, что слепые, идутъ того для, что ничево нѣтъ меж всѣми вещьми лутчево къ *содержанию* величества государского, только коли государи имѣютъ любовь всѣх подданых. Таково же опять ничево нѣтъ худшого, только то, коли одного всѣ боятъца.

Написалъ мудрец: аще которого люди боятца, того уже не ради видеть, и всякий того желает, чтобы скоро тот человѣкъ изгинулъ, которого боятца. А которые начальники хотят того, чтобы поддани их боялися их, и им таково же надобет боятися тѣхъ подданых своих. Чому есть образецъ о сиракузанскимъ царю о Дионизиусу,[7] которой для великого мучительства своего таков страх в собѣ имѣлъ, что сам углемъ розъпаленым власы свое на бороде и на голове опалил, боясь ножниц и ножа мастеръского. Таково же и Александръ, ферейски царь, всегда невесело и кручиновато на сѣмъ свѣте жил, которой хотя и жену свою Тебу любил, но коли къ ней в полату входил, всегда перед собою з голым мечемъ иноземцу итти велѣлъ. А напередь того двоих дворянъ своихъ, которые всегда берегли его, посылал, чтобы тѣ дворяне всѣ углы и всѣ ящики в ларцах у жены его выискали для того, чтобы на него желѣза потай не схоронено. Но то его великое береженье не пособило ему, потому что от той жены своей после убитъ.

Любовь подданых користна есть къ цѣлости здоровья государьского и къ величеству достойному, и къ крѣпости, но страх злой есть сторож долъгого житья, которой приводитъ государей къ страшному житью с великою ихъ неславою. Полидорус[8] мудрец написал о том в тѣ слова, что не может ничто несчаслившего человѣку случитца, какъ во время житья своего злое разуменье у подданых имѣти, по смерти же опять неславу или проклядство терпѣти. Неславно

то было оному гетману лакедимонскому Лисандру,[9] который всегда тѣ словы молыл: «Аще гдѣ лвовою кожею соверъшити невозможно, тогды там лисею пособляти надобет», сиирѣчь, гдѣ силою не мочно, тамъ хитростью промышляти.

Великую опять славу и добродѣтель здѣлали то цесарю римскому Фабрициусови, до которого коли лекарь епирского царя Пируса писалъ грамоту, обещаючи государя своего окрмом извести, толко бы ему за то заплата великая дана была. Фабрициуш[10] цесарь не токмо къ такой измѣне не приложился, но еще грамоту через думного своего до царя Пируса, хотя и с нѣмъ воевалъ, от государства Римского в тѣ слова писалъ: «Начаемъся того, царь Пирус, что не имѣешь токоваго сщастья у себя, которымъ бы мочно тобе разсудити у себя, кто тебѣ есть праведънымъ другом, а кто опять недругомъ, измѣнником, о чом и сам свѣдаешь, коли сию грамоту, от нас къ тебѣ посланую, прочтешь и увидишь то явно, что ты сопротивъ добрым *и* праведным людем войну поднеслъ, а на злыхъ и неправедных совѣтников надѣешься, о чом мы не для тебя самого, но для насъ извещаем, чтобы смерть твоя неправедно нас не обвинила и чтобы никто не начаялъся того, что мы тебя хитростью своею извели, не могучи тебя чесно побѣдити».

До задеръжания в цѣлости государства надобет того, чтобы не были переменные права или судебники и постановленья государьские, но еще болши цѣло задеръжанье того для, что перемена давных и старыхъ *вещей* дѣлает перемѣну в государстве. А коли бы надобное дѣло переменити что-нибудь обычаевъ в государстве, того не подобаетъ того вскоре дѣлати, но лехким путьемъ того для, чтобы скорою переменою серца у подданых не смутилися и чтобы за тѣмъ дѣломъ не послѣдовалъ страх въ государстве, потому что всякая новая вещь болши убытком государьства бывает, нежели корыстью, и за нею послѣдует смута и мятеж въ государстве. А больши того, коли тѣ новые дѣла и *управы,* сиречь судебники, бываютъ постановленные не для корысти всѣхъ *людей* в государстве, но любо для подвышшения богатых и великихъ людей, любо для пониженья убогих.

Подобает таково же, чтобы власть приказных людей въ государстве праведная была, сиирѣчь, чтобы въ своей мѣре и в постановленье остоялась и чтобы болши власти своей не ширили, толко столь много, сколько имъ в судебниках указано. И тая власть приказныхъ людей чтобы по постановленью, в судебниках описаному, а не болши ширилась над поддаными того для, что во всяком государстве безстрашнейшая есть такая вещъ, коли власть приказныхъ людей болши содержаетца в мѣре, нежели в силе. Потому егда такая власть размножитца и разширитца, тогды и до мучительства государя и начальников възбужает и приводит против подданным своимъ.

Римляне десять мужовъ имѣли,[11] которые государствомъ владѣли и судебники списывали. Тѣ мужове такъ стали скоро силными, что много дѣлъ насильством въ государьстве дѣлали, для чего смута и мятеж въ государстве сталось, и тѣ мужове от чину своего откинены были после.

Таково же они тритцать мужове,[12] которых Лисандер, лакедимонъский царь, начальниками въ государстве *Атениенскомъ поставил,* коли городовых людей много через мечь и через окормъ истеряли и извели, а после сами такову же казнь за *своя* злобы приняли. Трасибулус,[13] атениенски бояринъ, любовью къ отчине своей възбужоны, видя оных городовых людей неправедно от тѣхъ мучителей къ казни приговореных и осуженныхъ, а иныхъ из города прочь отогнаных, а у иных животы поиманые, въскоре волю Атениенъского государства *превратил, преломивши* власть и силу тѣхъ начальниковъ, а после и самых загубил за пособленьем тѣхъ людей, которыхъ были тѣ начальные мужове

къ смерти осудили, а иных из города прочь отогнали были.

Философ Аристотель, смотря на такие дѣла, тѣми написал словы: «Аще болши власть и сила начальников въ своей мѣре содержана будет, тогды таковое государство славнейшее и крѣпше будетъ того для, что властъ начальниковъ не будет уже завидливая людем въ государьстве, начальники же опять станут ласково с людми поступати и дѣлати».

Теопомпус,[14] царь спартански, власть государскую привел был къ мѣре у лакедимонов. Наперед бо *поставил* ефорос, сиирѣчь земские приказные люди, которые мимо царя всякую власть и силу становити и судити въ государстве имѣли, которые коли что судили, уже о томъ до царя по указъ не ходили. Тѣ же земские начальники какъ дѣлъ всяких въ государстве берегли, таково же и самого царя учили, наказуя его, коли что против праву и против судебников дѣлалъ. И з того постановленья царя Теопомпуса смеялась одного времени жена его, говоря тѣми словы: «Какъ ся ты не соромишь того, царь Теопомписъ, что ты меньшую власть и достоинство царьское сыномъ своим оставляешь, нежели ею от прародителей своихъ взял еси?» На которые слова такой отвѣтъ далъ: «Жено моя! Не меньшую власть, но добре крѣпкую и совершенъную сыномъ моим оставлю». Тѣ слова его праведные и разсудливые того для, что всякие мѣрные вещи долго и крѣпко на сѣмъ свѣте стоят.

Прилѣжная есть вещъ беречися завидства, и больши еще людем великим и чесным, потому что коли кто есть чеснейши и разумнѣйший, той имѣетъ больши завидливых противъ собѣ. Завидство убо есть безконечная вещъ, которая на тѣхъ людей оборочаетца, которым сщастье ласково есть. И то завидство приверстати мочно къ болести, от грековъ нареченней офталмия, сиирѣчь очная болесть, того *ради,* что коли человѣкъ такую болесть в очах имѣет, гнушаетца вещами сияющими и не может въ солнце очима своима смотрити. Таково же завидство за тѣми последует, которые всево миру честными, богатыми бываютъ, которое завидство не токмо люди честныхъ погубило, но много государствъ и городов разорило. Таково же и Атениенское государство греческое ништо не погубило, толко завидство.

Заплата за службы дѣлает таково же завидство въ государстве, чего надобет беречися начальником и иного чину людем, чтобы ее добре не желали. Образцов оного чесного мужа Питакуса мудреца[15] из семи мудрецов. Коли он отчину свою от мучительства освободилъ и Фринона, гетмана атениенъского, один на один убилъ, подали ему власть и начальничество государства, которую власть возгнусилъся и не хотѣлъ ее приняти, и коли много отчинъ всѣ бояре оного государства давали ему за службу его, отказалъ им тѣми словы: «Не давайте мнѣ того, чого бы много людей мнѣ завидило, а больши ещо того же хотѣло».

Из завидства происходит заушниство, коли кто тайно счиплет кого на добрей славе и на чести его, хотячи ею отняти ему. И того Письмо Святое боронит и объявляет, что заушники, шишиморы, насильники гордые, достойные смерти. И не токмо тѣ, которые дѣлают то, но которые и произволяютъ на то. А с того завидства ростет убавленье чести и славы, коли кто *явного* честью в *людех* скверънитъ, безчестуючи его. С того же опять завидства ростетъ ещо радость в тѣхъ вещахъ, коли ся несчасливо дѣет что ближнему нашему. И токовым людем Письмо Святое грозит тѣми словы: «Которые люди радуютца из скорби, ис печали благихъ, увязнут в сѣти, а перед смертью болестью истомленъные будут». Четвертая злоба от завидъства происходит, сиирѣчь жалость, которую в тѣ поры человѣкъ завидливъ имѣѣт, коли видит счастье ближнего своего в чести и в богатствах. Написалъ Еклесиастес:[16] «Егда

человѣку сщасливо что дѣетца, в тѣ поры жаль бывает недругом его». Пятая злоба от того же завидства отростает, коли кто не токмо кручинитца с того, что недругу его добро дѣетца, но еще завидуетъ тому и желаетъ того, чтоб всѣ зло над ним увиделъ.

Похлѣбство или лесть происходит от завидства и есть злымъ окормомъ въ государстве, чого для надобет началным людемъ беречися того, чтобы ушей своихъ не прикланяли до слуханья таковыхъ вещи, которые ни одной корысти не здѣлают, но ещо болши помешки принесутъ в государстве того для, что таковые люди лестиви вестями толко живут, носячи и облыгаючи добрых и честных людей въ государьстве заслуженых, и тѣмъ дѣломъ добродѣтельные прироженья государей своих къ лютости и къ немилости приводят. И хотя бы таковой нанос и оболгание одва не прямое было, ино воспомянувъ на слова мудреца Солона,[17] которые написалъ, что в розряде великих и разсудливыхъ дѣлъ нельзя начальнику всѣхъ людей волю и любовь творити, и несть пригоже дѣло государю возрушатися в разуме своемъ до гневу и къ лютости того для, что милость и добродѣтель государская здоровье дает всѣму государству. Есть тому образецъ оного мучителя Нерона, царя римъского, который уродился лютым и страшнымъ мучителемъ, тую только одну добродѣтель къ славе достойную имѣлъ,[18] что ничего больши не терпѣл, толко то, коли ему лаяли и непригоже о нем говорили. Епаминундас,[19] греческий князь, терпѣливо зносил злые молвы человѣческие, показуя то, что подобает мужеству и просужеству человѣческому злыми молвами возгнушатися. Юлиуш, цесарь римской,[20] какъ до всѣхъ ласковы и милостивы был, таково же и до тѣхъ, которые о нѣм слова непригожие говорили, и ничим не хотѣлъ мститися над ними того, толко заказуя и забороняючи того: «Государю всякому подобает не слушати словесъ от злых устъ происходящих, коли он за государским чиномъ во всякихъ дѣлах последует».

Лакомство таково же есть виною къ погибели государствам того для, что нѣтъ худшей помешки въ государствах, только лакомство, а больши ещо начальниковъ, которые государством владѣютъ. Какъ Еклесиастес в тѣ слова написал: «Над человѣка лакомаго нѣтъ на свѣте худшого, которой душу свою продает, а в житью своимъ видитца, будто в нутре своем шарпает и роздѣрает».

Кикеро мудрецъ[21] написалъ: «Аще кто государствомъ торговати хочетъ и корысти себѣ ис того ищет, и он есть *безчесный, злый* и *бездушный* человѣкъ, а за тѣм послѣдуетъ смута и мятеж въ государстве, коли начальники больши ся печалуют о корысти своей, нежели о *добрых делѣх* государьства *своего.* И с того опять дѣла корысти не бывает, но ещо *болши* виною есть къ погибели государьством, коли думные бояре меж собою о чины и достоенства какие или о корысти бранятца, и за таковую их *нелюбовь* и *межусобье*государство от смуты неволное есть. А за смутою опять погибель послѣдует, из малыи бо искры велики пламень происходит».

Два молодыхъ бояре в сиракузанским государстве *думные* брани и нелюбовь меж собою имѣли того для, что один невѣсту другого за жену собе взял. В то время коли тот на воеводство посланъ был, что коли звѣдал тот, которому обѣдно было, мыслил и думал о помсте над тѣм, который невѣсту его взял, и обьявивши и сказавши ему чужоложство. Сталось с того смута в городе, а после одни люди къ одному, другие опять къ другому оборотились и здѣлали меж себя войну, в которой войне много честных и великих бояр побито, а после мир всѣмъ государством завладѣлъ.

Великую такову же мятеж и смуту въ царстве римском здѣлали два бояре думные о достоенство побранясь, Мариушь и Сылья.[22] Мариуш пославши Сылья до царя

Бога о отданье Югурты измѣнника,[23] которого коли Силья привел, стал гордымъ и спесивым с того счастья, и для знаменья послуги своей, сопротивляючися славе Мариушовей, дал вырезати на перстьню своем Югорту собе отданого и перьстень тотъ всегда на персту носил. О што разкручинився Мариуш, откинул его от себя. А после Силья, совокупивъшися з Метелиушем и с Катулюшем, недругами Мариуса, поднеслъ войну межусобную и побил Мариуша.

Сопротивление опять или ревность о добродѣтелей во всякомъ государстве славно есть и чесно, и корыстно того для, что с того разширяютца всякие государьства, и в котором государстве боляре меж собою без хитрости ревънуют о добродѣтели, и то государство налутчое есть, которой праведную добродѣтель имѣетъ, ничего не желает, толко чтоб былъ къ корысти всему государству. Но нашего испорченого времени больши есть тѣх людей, которые о том печалуютца, чтобы одинъ другого превосходилъ просужьствомъ въ здобываньѵ *богатствъ* и имѣнья, нежели въ славе и в добродѣтели. И кто бы хотѣлъ добродетель с тѣми бездѣлными вещами вѣсити, познал бы то, что тѣ вещи великую помѣшку дѣлают къ здобыванью славы и всякое чести, а больши ещо тому, которой в них надѣжю всего сщастья своего полагаетъ.

Не нашол бы нынешнего времени человѣка таковаго, которой бы возгнушался хотѣнием богатствъ, какъ то дѣлал он, чесной Темистоклес[24] греческий, который, одного времени гуляючи, увидел чепь золотую на земли, которую не подняв позвалъ одного из меньших дворян своих и рече к нему: «Чого для не подоимешъ тоѣ чепи, несть ты бо Темистоклес». Которым дѣлом показал то, что много есть людей, желающих и хотящих богатствъ, в которых он не корыстовался, что и тѣхъ из земли не подносил, которые счастьем своим нашолъ.

Хотѣние таково же есть дѣлом убыточным и корень всѣх злоб, и нарекли ее мудрецы окормомъ злым государства того для, что больши недостойным, нежели достойным богатства роздает, которым дѣломъ смута и мятеж въ государстве дѣлаетца, коли честные люди и въ государстве заслуженные от чиновъ великих и честных откиненые, а мѣлъкие люди бывают подвызшеные. Через такую смуту он, чесной римлянин Нумус, *убит* былъ, чтобы за убитьем его былъ приступъ къ достоенству человѣку глупому, Сатурнинемъ нареченному.[25] Хотѣние бо възбужаетъ просужих и честных людей до соединенья единомысленного, чтобы меж себя роздѣлили достоинъства, не припускаючи къ нимъ иныхъ мѣлъких людей. А притом приходит государство до власти немногихъ людей, которая власть не есть розна от мучительства.

Которой убо властель на богатства хотящи есть, тот миру завидливъ и нелюбы есть. А при том иноземцом больши, нежели своимъ, здоровья своего вѣрить, и тѣ дѣла исполняет, которые до укрѣпленья государства его помѣшкою бывают. А после того мир до кручины и до безразумия пришодши за тѣ насильства и бѣдности свое промышляет над тѣми людми, которые власть свою над ними ширили. Какъ ся то совершило над сынами Писистратеса мучителя,[26] которые для своего чесного и завидливаго государствания *побиты* были.

Достойная и пригожа видица она мова Аристотелья философа, который совѣтовалъ людем мѣлъким начальничества и власти отдавати, сиирѣчь таковым, которые бы в убожестве и в недостатку преже жили, а до богатъства опять пришедъши, чтоб гордыми и спесивыми не были.

Худо таково же дѣетца в том государьстве, гдѣ боляре не возмогутъ волно молыти о дѣлех надобных, которые бы были къ корысти добрей государьству, бояся тѣхъ, которые меж собою соединенье и единомысленье имѣвши, всякие дѣла по своей воле дѣлают, которая воля убытком была Димостину, риторю греческому,

[27] коли Александръ, царь*македонский,* образъцом волности въ греческие государства с войском въѣхалъ и Атены, славны город, взяти и овладѣти хотѣлъ. [28] После оправдался бояром и миру атениенскому через грамоты и через послы свое, что того не здѣлалъ для того, чтобы имъ волность или волю отняти хотѣлъ и город в неволю взяти, но что он десяти мужей атениенских боляр неради виделъ и кручинился на них о томъ, что всегда в думе непригоже воспоминали его и лаяли ему. И коли бы тѣ боляре были ему отданые, и он бы здѣлалъ то, что от осады города отступит и миръ от голоду и от войны освободит. А наперед хотѣлъ Димостина, ритора и сладкоглаголиваго мужа, над которого в оно время не имѣло греческое государство лучшего и славнаго, а к нему еще иных десяти мужев. Различные о том думы у боляр были. Одни хотѣли и молыли о томъ, что лутчи сколько человѣкъ потеряти — всѣм цѣлым остатца. Тѣ опять произволити на то не хотѣли, которых Александръ царь для казни хотѣлъ собе отдати, и одва о том смѣли говорити того для, что за смертью их иные всѣ началися цѣлыми въ здоровью остатца. И уже было издумано отдати их царю Александру, коли бы был Димостинес сладкословецъ такую басню хитрости царя Александра не объявил и тѣми словы атеенским бояром и миру говорил: «Волкъ николи пастырем, которым въ ихъ береженью обманити хотѣлъ, совѣтовал о том, чтобы с ним подружился въ братцкой любви, которую любовь меж собою совершили таковым дѣломъ, чтобы всѣ собаки, которые виною были всякой недружбы и нелюбви меж ими, отдали волъку, которые берегли овецъ. Тогды волкъ, отнявъши собе страхъ и боязнь, всю животину не токмо до сытости своей, но ещо по воле своей шарпалъ и ѣлъ и не токмо животину, но и самых пастырей. Таково же и Александръ царь дѣлает, всѣх тѣхъ, которые хитрость его обьявляютъ, хочет от вас отняти, чтобы после скоро всѣхъ думных и вас мир в руки свое взял, истерявши тѣхъ, которые мудростью своею обороняютъ вас». И надобет, чтобы тая басня была наукою думным бояром, чтобы береглись хитрости тѣхъ людей, которые клеветничеством и ложью своею на тѣхъ людей наносятъ, которым добродѣтелью в версту не могут быти.

Димостинес, он чесной сладкоглаголатель написал то, что ничего человѣку несчаслившого не мочно прилучится, только коли не имѣет воли молыть в дѣлехъ своих. И во оправданью своим показалъ то: Димокритус у царя Филипа[29] македонского в посольстве будучи от бояр атениенскихъ, коли он волно и безстрашно молыл къ царю Филипу, рече к нему царь Филип: «Не боишься того ты, Димокрите, что яз велю тобе голову отсѣчи?» Рече Димокритус: «Не боюсь того, аще голову мою возмешь, и то будетъ с великою и безсмертною славою моею».

Во всяком государстве без согрешенья не бываетъ, и надобет поучати проступниковъ лехким обычаемъ того для, что начальником подобаетъ показати милость подданым собе, а побѣжати гордыхъ. И никакие славы ни одному начальнику не принесет то дѣло, коли гневом своим, которые его до помсты приводит над своими поддаными, не возможетъ владѣти.

Милосерие начальниковъ любое есть всѣму миру и дѣлает великую любовь тѣмъ, которые показуют ее. Атениенъское государство преже сего милосердие вмѣсто Бога славилось, чтобы начальных людей учило виноватых ласково поучати. Всякому властителю подобает на тѣ слова памятать, что всякому властителю от Бога постановленному подобает беречися от кровѣпролития. Но егда бо того надобет было и не мочно бы усмирити злых обычаев въ государстве, толко *кровѣпролитьем,* тогды надобет дѣлати по обычаю лѣкарей и докторовъ, которые коли видят то, что никакими лѣкарствы злая болесть въ человѣку не может быти излечена, и они, не радуясь тому, но с великою жалостью иные части тѣла человѣческого оттинают, но только то, что ся испортило, чтобы достальное

тѣло от того испорченого не испортилося.

Таково же не надобеть всегда милость виноватым показати того для, чтобы государство оттого не погинуло, но всегда поученья надобет для содержанья в цѣлости государьства, поне злобу, изначала показаную, мочно отогнати, но коли уже старѣетца, тогды нельзя ее излечити и усмирити.

Слова тѣ Солона мудреца, достойные памяти: «Государь всякий, который хочет подданых в любви держати, *не* добре лютым, не добре *опять* милостивым подобает *ему*быти». Лисандер, лакедемонъский царь, будучи воспрошоны о томъ, *которое* бы ему налутчое государство видилось, таков отвѣт на то дал: «Егда въ государстве люди добрые за свою добродѣтель бывают *почтены* и заплатою украшенные, злии же опять за свое худые дѣла поучения емлют, тогды государство такое славное и непоколебимое всегда бывает».

И то таково же не приносит доброго конъца въ государстве, коли обычаи иноземъские въ государьстве приимают. Что и он Ликургус,[30] лакедимонский законодавца, в постановленью государьства увидѣвъ, таков законъ меж иными постановил, чтобы до думы государства лакедимонского иноземъцов не приимано. А то не того для дѣлалъ, чтобы иноземцом чести уимал или чтобы нерад их видѣлъ, но что для них перемена во обычаях и в дѣлех оного государства *не* была бы. А больши того надобет беречи, чтобы из обычаев иноземскихъ протор или избытокъ в житью человѣческом, сирѣчь вь ѣствах и в платью не здѣлался. Которое дѣло какъ скоро въ государство войдет и приимется, тогды уже приносит безконечное зло, а послѣдует за тѣмъ дѣлом великая злоба.

Протор, или избытокъ нареченный, — есть отцом бѣдности и убожества. Показалъ то цесарь римской Тивериушь[31] думному своему Атилли, коли тот Атилля для своего протору и избытку великого до великого убожества пришолъ, всегда плакалъ, воспомянув достатки свои. И рече къ нему царь Тивириушь: «Не скоро и по времени поберегся ты в томъ, истерявъши всѣ свои богатства. А за таковым протором последует хотѣние чюжого имѣния, потерявъши свое». И коли то хотѣние до чюжих животов приступитца, тогды единомысленья и любви меж житейскими людьми не будетъ и за тѣмъ дѣломъ смуты и мятеж приходит в государстве, а после разоренья государствъ и царствъ.

И какъ всякие добродѣтели славное и чесное государьство дѣлают, таково же опят слава государства того гинетъ, гдѣ владѣетъ злоба, неправда и хитрость. И того для всякие властители государствъ всяких долъжни беречи того, чтобъ цѣлость государства своего содеръжати могли и собе безсмертную славу навеки оставити. И о таковых дѣлах долъжни промышляти, чим бы гнѣвъ Божий усмирили, а таковых грехов береглися, которыми Богъ возгнушаетца.

Празнование и ленивство есть таково же убыткомъ государству, коли начальные люди не исполняютъ долженства чину своего от Бога на нихъ возложеного для своего празнования и ленивства. И оны городы Содому и Гомору ништо къ погибели не привело, только гордость множества и достатокъ хлѣба, *и* празнование, от которого всякие злобы происходятъ.

Был воспрошеный гетманъ лакедимонъский Клиоменес[32] от одного человѣка: для чего лакедимони, воюя *со* аргивы и не одиножды побидителями будучи, до конца их не разорили. Отказал ему на то: «Не желаем того собе, чтобы от нас были аргиви разорены, но чтобы мы таких недругов имѣли, которые бы *молодых* наших ратных людей учили». Которым дѣлом показал то, что юность празнованием портитца. На что смотря, Ликургус законодавца не токмо молодых людей мужского полу къ дѣлом възбужалъ, но и девичье тѣла в различных дѣлах

научал, сиирѣчь въ скаканью, въ стрелянию и в ыных просужствахъ. А коли одинъ человѣкъ спрашивал Ликургуса о томъ, для чего бы то дѣлал, сказал ему: «Различные вины къ тому, а именно такую, чтобы девичее или женского полу люди лутчи и з большею крѣпостью и без страху могли болести износити и терпѣти во время рожения дѣтей, а больши того, коли бы того надобет было, чтобы за дѣти свое и за себя и за отчину свою воевали». Агесилауш, царь лакедимонский, царем будучи и иным всѣмъ совѣтуючи николи не празновал и труды великие приималъ. То же празнование и погибель принесло оному Сарданапалию, царю асирийскому, которого коли Арбацес, воевода его ближный, меж кучою женъщин безчесных увидел прядучи нити, видячи то, что не было пригоже дѣло, чтобы таков царь повелѣвал и владѣлъ множеством людей, который над женъщины худший был, здѣлал то над ним, что сам себѣ и богатство свое всѣ на каменой столпи положив, спалилъ.[33]

Хило философ[34] называлъ того добрым царем быти, который печалуетца о том, чтобы подданые его не от боязни любили его, но от милосердия.

Агасиклес,[35] царь лакидимонъски, былъ спрошенъ от одного человѣка, каковымъ бы дѣломъ мочно всякому государю без страху царьствовати, не имѣвъ около себя никаковаго береженья, таков отвѣтъ на то сказал: «Коли бы такъ повеливал подданнымъ своим, какъ отецъ повелѣвает сыномъ своимъ», которая скаска его достойна есть разсуженья, потому что отецъ с прироженья своего отцовского болши печалуетца о дѣтях своихъ, нежели самъ о собѣ. И для того дѣти любятъ отца. Таково же и государи о корысти и прибыли государства своего всего лутчи должни промышляти, нежели во свои прямые добрые имения и богатства, чтобы тѣмъ любовь подъданых своих здѣлали и оборотили къ себѣ, которая есть крѣпким основаньем долгого ихъ государствания потому, коли добрый царь, любо начальникъ изо всѣхъ людей сщасливший бывает, таково же опять мучитель царь изо въсѣхъ несщасливший станетца того для, какъ тот царь, который добрым есть, безстрашное имѣетъ свое житье, такъ опять злой царь страх и много измѣнниковъ на себя всегда безпрестанно имѣетъ.

Агесилаушъ,[36] царь лакедимонъский, былъ спрошан, которая бы добродѣтель честнѣйша была — мужество или правда, отказал на то: «Мужество не есть корыстное будет, при нѣмъ правды не будет, потому что коли бы всѣ люди праведными были, не надобеть бы уже мужество. Премудрость таково же без правды хитростью есть, смиренство опять без мужества ленивством есть, правда опять без смиренъства лютостью есть».

Желанье и хотѣнье царьствъ не от добродѣтели происходитъ, но от злобы, и то хотѣние человѣка до неправды и до злого конца приводитъ. Дал на то отвѣтъ Диогенес[37]философ Филипу, царю македонскому, коли Филипъ, войско свое великое собравъ, пришол до Хероние.[38] И пришолъ таково же там в тѣ поры Диогенес, которого поимано и перед царя приведено. Царь, увидѣвши Диогенеса, собе незнакомаго, рече къ нему наудачю: «Ты не лазучникъ ли?» Диогенес рече къ царю: «Подлинно яз лазучникъ есть, пришол язъ присмотритися *бѣсноватому* и глупому разумови твоему, который неполно имѣешъ на царстве Македонском, но еще чюжихъ царствъ здобываешь и самъ себя в такой страх подаешь, чтобы и здоровья, и царство свое *потеряеши* напрасно».

Подобает за таковеми дѣлами государемъ послѣдовати, которые бы престолу ихъ разъмноженье и разширенье дѣлали. А того беречися должни, чтобы не было достойнаго престолу их и чтобы каковую неславу престолу их чинило, и таковаго строенья въ государьстве не становити, которое бы было страшное всѣм, чтобы и

болыпи страху, нежели покою, и болыпи ненавидства, нежели любви, не принесло.

Также и всякому начальнику подобает беречись от гневу, потому что гневъ затмѣвает чесные дѣла. Пишут мудрецы о Александру царю македонском, якоже много обрасцовъ показовал непобѣженого сердца своего, но что он иногды скорый был до гневу и для ради того всѣ своѣ дѣла чесные и великие затмѣвал: убилъ неповинного старого приятеля своего, Клитусем нареченного,[39] а после, егда по оным гневу образумился, вынявши меч с тѣла его, самъ къ собе оборотилъ и хотѣлъ *убити себя,* толко бы его приближеные приятели не уняли.

Таково же и Дионисиушь *мучитель,* егда хотѣлъ тѣшитися мечом, тогды платие свое и саблю отдал времѣнънику молодому держати, х которому ласков былъ. И одного времени, егда одинъ з другов и приятелей приближеных его шутя молылъ къ тому мучителю Дионисию тѣ слова: «Тому ли времѣнънику молодому здоровья своего вѣришь?», къ чому онъ времѣнъникъ розсмѣялъся, и для ради смѣху того мучитель и того времянника своего, и приятеля убити велѣлъ. Приятеля для того, что образецъ къ убивству показалъ, временъника же для того, что оную повесть или вопрос смѣхомъ укрѣпилъ. И с таковаго дѣла мучитель Дионисий до коих мѣстъ жив был, весел не бывалъ.

Философ единъ спрошен от гетмана или воеводы, каковым бы дѣлом возможно владѣти без похуления. Рече философ: «Аще гневомъ не будешь николи взбужены». И тѣмъ дѣломъ обьявилъ то, что гневъ до всякого чину исполнения великою есть помѣшкою. Нѣтъ убо тамъ разсужения, кому гневъ владѣетъ, хотя бы и былъ и премудрый, подлинно ся в дѣлахъ помѣшаетъ.

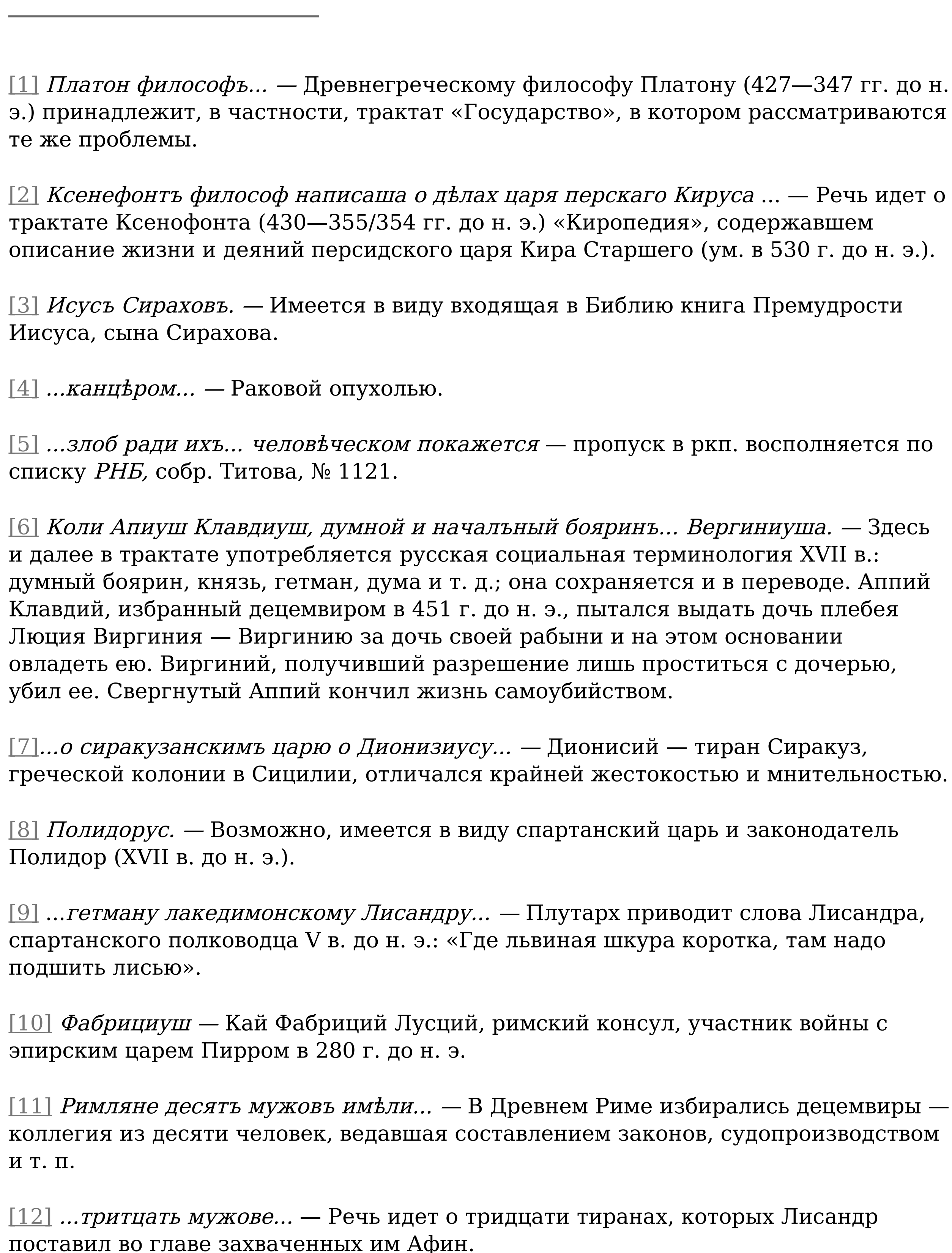
Аристотель мудрецъ прилагалъ и приверсталъ до гневу дымъ, яко бо в дыму очи человѣческие бываютъ затмѣные и зрѣние теряетца и владѣния к вижению вещей перед очима будущих не бывает. Таково жь, егда человѣкъ гневомъ розжетца, тогды темнение разумови приходит, что и греховъ своих в тѣ поры человѣкъ видѣти не возможет.

Всякий опять начальникъ и судия постановленны къ разсужению различныхъ дѣлъ долъженъ есть правды беречи и по описаных судебниках судити. И подобает ему на посулы не смотрити и не дати ся от истинного отводити, къ чому есть обрасцовъ много. А именно во времѣ Камбисеса, царя перскаго,[40] Сисанес судия, будучи посулами подарованый, неистинно и неправедно дѣла судилъ. Что егда царю *Комбисесу* сказано, велѣлъ кожю с тѣла его содрати, а после самого удавити, а тую кожю, с тѣла содраную, велѣл на том мѣсте, на котором судии садилися, повесити. А после сына его Отана судьею поставилъ и тѣ слова молвил къ нему: «Памятуй о томъ, на каковѣмъ мѣсте седячи судишъ».

Бияс судия, егда одного человѣка виноватого на смерть осудилъ, сталъ сам плакати, жалѣючи бѣдного человѣческаго жития. Но коли былъ о томъ спрошон, чого бы для плакал, поне есть то на его волю казнити и освободити человѣка, рече на то Бияс: «Подобающе и пригоже есть дѣло прирожению человѣческому милость показати, но от управы и истинного *отступати* — есть то дѣло убыточное и неподобающе къ такому чину». Подобает собирати людей мудрыхъ и богобоязныхъ, которые бы были праведными и лакомством возгнушались. А которые на достатокъ и на богатства и на деньги лакомыми суть и желательными, сицевые ничего чесного разсудити не возмогутъ.

Обьявилось то в оныхъ двух начальниках города, Олинту нареченного,[41] которых нарицали Листенесъ и Евътикрастесъ, которые подарки и посулы прелъстивъшись, город царю Филипу македонскому здали, чого для царь Филипъ

многажды тѣ слова молвилъ, что ни одинъ город не есть такъ крѣпко устроеный и укрѣпленый, которого бы невозможно взяти и овладѣти в тѣ поры, егда бы до него оселъ или конь с великимъ мехом золота вшолъ. Нѣтъ бо лютого и страшнейшего дѣла над лакомъство, для ради которого многие царства погибают.



---

[1] *Платон философъ...* — Древнегреческому философу Платону (427—347 гг. до н. э.) принадлежит, в частности, трактат «Государство», в котором рассматриваются те же проблемы.

[2] *Ксенефонтъ философ написаша о дѣлах царя перскаго Кируса* ... — Речь идет о трактате Ксенофонта (430—355/354 гг. до н. э.) «Киропедия», содержавшем описание жизни и деяний персидского царя Кира Старшего (ум. в 530 г. до н. э.).

[3] *Исусъ Сираховъ.* — Имеется в виду входящая в Библию книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова.

[4] *...канцѣром...* — Раковой опухолью.

[5] *...злоб ради ихъ... человѣческом покажется* — пропуск в ркп. восполняется по списку *РНБ,* собр. Титова, № 1121.

[6] *Коли Апиуш Клавдиуш, думной и началъный бояринъ... Вергиниуша.* — Здесь и далее в трактате употребляется русская социальная терминология XVII в.: думный боярин, князь, гетман, дума и т. д.; она сохраняется и в переводе. Аппий Клавдий, избранный децемвиром в 451 г. до н. э., пытался выдать дочь плебея Люция Виргиния — Виргинию за дочь своей рабыни и на этом основании овладеть ею. Виргиний, получивший разрешение лишь проститься с дочерью, убил ее. Свергнутый Аппий кончил жизнь самоубийством.

[7]*...о сиракузанскимъ царю о Дионизиусу...* — Дионисий — тиран Сиракуз, греческой колонии в Сицилии, отличался крайней жестокостью и мнительностью.

[8] *Полидорус.* — Возможно, имеется в виду спартанский царь и законодатель Полидор (XVII в. до н. э.).

[9] ...*гетману лакедимонскому Лисандру...* — Плутарх приводит слова Лисандра, спартанского полководца V в. до н. э.: «Где львиная шкура коротка, там надо подшить лисью».

[10] *Фабрициуш* — Кай Фабриций Лусций, римский консул, участник войны с эпирским царем Пирром в 280 г. до н. э.

[11] *Римляне десятъ мужовъ имѣли...* — В Древнем Риме избирались децемвиры — коллегия из десяти человек, ведавшая составлением законов, судопроизводством и т. п.

[12] *...тритцать мужове...* — Речь идет о тридцати тиранах, которых Лисандр поставил во главе захваченных им Афин.

[13] *Трасибулус* — афинянин, руководивший афинскими изгнанниками, свергнувшими «тиранию тридцати».

[14] *Теопомпус* — спартанский царь VIII в. до н. э.

[15] *Питакуса мудреца...* — Питтак — политический деятель и законодатель из г. Милетины на о. Лесбос, живший в VII—VI вв. до н. э. Он почитался греками в числе семи мудрецов (Питтак, Солон, Клеовул, Периандр, Хилон, Фалес и Биас).

[16] *Еклесиастес* - Екклезиаст («проповедник») - название одной из книг Библии.

[17] *Солон* — афинский законодатель VII—VI вв. до н. э.

[18] *...мучителя Нерона... одну добродѣтелъ... имѣлъ...* — Нерон — римский император (54—68 гг.), отличавшийся крайней жестокостью. Однако историк Светоний сообщает, что на этом фоне «особенно удивительно и примечательно было то равнодушие, с которым он воспринимал нарекания и проклятия людей. Ни к кому он не был так снисходителен, как к тем, кто язвил его колкостями и стишками».

[19] *Епаминундас* — греческий полководец Эпаминонд (IV в. до н. э.).

[20] *Юлиуш, цесарь римской...* — Римский полководец и государственный деятель (102 или 100—44 гг. до н. э.).

[21] *Кикеро мудрецъ...* — Цицерон, выдающийся римский оратор, философ и государственный деятель (106—43 гг. до н. э.).

[22] *...два бояре думные... Мариушъ и Сылъя.* — Гай Марий (156—86 гг. до н. э.) — римский полководец и политический деятель. Луций Корнелий Сулла (138—78 гг. до н. э.) — первоначально сподвижник Мария, а затем его противник.

[23] *...до царя Бога о отданъе Югурты измѣнника...* — Царь Нумидии Югурта во время войны с Римом (111—105 гг. до н. э.) был выдан римлянам царем Мавритании Бокхом.

[24] *Темистоклес* — Фемистокл, государственный деятель и полководец в Афинах (525-460 гг. до н. э.).

[25] *...чесной римлянин Нумус... Сатурнинемъ нареченному.* — Речь идет, возможно, об убийстве Сатурнином, сподвижником Мария, племянника Суллы Нония.

[26] *...над сынами Писистратеса мучителя...* — Сын афинского тирана Писистрата Гиппарх был убит в 514 г., а другой сын — Гиппий изгнан из Афин в 510 г. до н. э.

[27] *...Димостину, риторю греческому...* — Демосфен (384—322 гг. до н. э.) — афинский политический деятель и оратор, активно боровшийся за независимость Афин от Македонии.

[28] *...Александръ, царъ македонский... въѣхалъ и Атены... взяти и овладѣти хотѣл*

ъ. — Демосфен выступал против Филиппа, а не его сына Александра.

[29] *...Димокритус у царя Филипа...* — Здесь и далее вместо Демосфена ошибочно назван Демокрит — выдающийся греческий философ V в. до н. э.

[30] *Ликургус* — Ликург, легендарный спартанский законодатель.

[31] *Тивериушъ.* — Античные историки упоминали необычайную скупость римского императора Тиберия (14—37 гг. до н. э.).

[32] *...гетманъ лакедимонъский Клиоменес...* — Речь идет, видимо, о спартанском царе Клеомене (ум. в 219 г. до н. э.).

[33] *...оному Сарданапалию... на каменой столпи положив, спалилъ.* — Упоминаемый в античных источниках ассирийский царь Сарданапал отождествляется обычно с царем Ашшурбанипалом (VII в. до н. э.), который, согласно легенде, покончил жизнь самоубийством, сгорев вместе со своими сокровищами.

[34] *Хило философ* — Хилон, древнегреческий философ, один из «семи мудрецов».

[35] *Агасиклес* — легендарный спартанский царь VI в. до н. э. из рода Еврипонтидов. Изречение его приводит Плутарх (Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990. С. 287) (сер. «Литературные памятники»).

[36] *Агесилаушъ* – Агесилай II, спартанский царь (ок. 444-ок. 360 гг.до н. э.), царь с 401 г.

[37] *Диогенес* - Диоген, древнегреческий философ (ок. 1400-ок. 325 гг. до н. э.).

[38] *...до Хероние.* — Херонея, город в Беотии, возле которого в 338 г. до н. э. Филипп Македонский нанес поражение войску, выставленному против него греческими городами.

[39] *...убилъ... старого приятеля своего, Клитусем нареченного...* — Напиру в порыве гнева Александр Македонский убил своего друга и полководца Клита, обвинившего Александра в измене македонским традициям и нравам.

[40] *...Камбисеса, царя перскаго...* — Камбиз — древнеперсидский царь из династии Ахеменидов (VI в. до н. э.).

[41] *...города, Олинту нареченного...* — Олинф, город в Халкидике, разрушенный македонским царем Филиппом в 348 г. до н. э.

ПЕРЕВОД

ОПИСАНИЕ ВИНЪ ИЛИ ПРИЧИНЪ, КОТОРЫМИ К ПОГИБЕЛИ И К РАЗОРЕНЬЮ ВСЯКИЕ ЦАРСТВА ПРИХОДЯТ, И КОТОРЫМИ ДѢЛАМИ в цѢлости И В ПОКОЮ СОДЕРЖАТЦА И СТРОЯТЦА

Наперед показуютца двух мудрецовъ слова или разумѣнья о томъ, будутъ всякие царства с вины и причины человѣческие погибель свою и разоренье приемлют или судомъ Божиим.

Платон философъ[1] тѣми словы о том написал, что коли прироженные и естественные начала свое всякое царство имѣетъ, хотя бы и налутчи и крѣпко постановленое и устрою не было, и оно своего времѣни за дѣлами и за розъправами своими, сирѣчь от перемены закону, погибнетъ.

Ксенефонтъ философ написаша о дѣлах царя перскаго Кируса,[2] смотрячи на всѣ царства, которые коли-нибудь любо под одного царя, любо под многих царей властью были, дивитца тому, что ни одиное царство цѣлое и долгимъ временемъ безстрашное не стояло, и показуетъ тому такую вину, сирѣчь тѣх люди, которые властельми и начальниками государствъ бывают, егда за их злобою и за их хотѣниемъ и гордостью, и за их неправдою всякие царства переменяютца и погибают.

И с того сугубого разумѣния тѣхъ двухъ философ лутчее и праведное есть Ксенефонта мудреца разумѣние того для, что хотя не дѣлаетца ничто на свѣте без воли и без суда Божия, совершение того суду Божия исполняетца за грехами и злобами человѣческими, которые дѣлают люди, розлучаяся з Богом, и гневъ его страшны на себя попускаютъ, который ничим, толко покаянием, усмиряетца.

А приходит гневъ Божий на все люди *злоб ради ихъ,* к симъ же и за грѣхи началниковъ. И тому есть образцовъ много во Святом Писании, посрѣдѣ которых той образец: когда Богъ разгнѣвася на Соломона, царя жидовского, того ради, что сердце его отступило от Бога и небрег повѣлѣний его. Сказалъ ему Богъ за то казнь, что хотѣл разорвати царьство его и дати его слузѣ его, что послѣди исполнилося над нимъ. Потому, когда Соломон умре, разорвано бысть царьство его тѣм дѣлом, что едини избрали Ровоама, сына Соломонова, друзии же избрали Еровоама, сына Наватова.

Учитъ таково же Исусъ Сираховъ[3] в тые слова написалъ, что неправды ради и обиды и для богатества неправедно добытого и собранаго бывают царства переношены от одного народу *до другаго,* и того дѣла показуется, что злоба и грѣхи человѣческие виною бывают да погибели царствъ всяких, которую злобу мочно приверстати к чирью злому, канцѣром[4] нареченному, которой чирей коли гдѣ на тѣлѣ *человѣческом покажется,* ***[5]*** тогды от премудрых лѣкарей и от добраго и дорого зелия не бывает излеченъ, но так долго ширитца, покамѣста всѣм тѣломъ обладает и после человѣка уморитъ.

Таково же, гдѣ злоба человѣческая розмножаетца и разширяетца, и гдѣ не есть единомысленье начальников с подъдаными, тогды приходит к тому дѣлу, что ся над всѣми царствы исполняет того злобы и грехи человѣческие, от Бога повинные.

Надобет государем и начальником во всякомъ государстве добро и праведно жити, чтобы были обрасцом всякихъ добродѣтелей того для, что каковых обычаевъ будет царь, таковы же, смотря на него, будут и подданые его. Есть к тому и простая притча: каков купецъ или торговый человекъ, таков и товаръ его.

А какъ грехами и иными непригожими дѣлами и злобами государевъ и начальников осквернене *и* испоръченое бывает государьство, таково же опять смирением и милостью их добродѣтель справляетца того для, что добрый обычей государский укрѣпляет подданныхъ его.

До тѣх мѣстъ стояти будет государство всякое, покамѣста в нем добродѣтель владѣти будет, и добрые святые и праведные обычаи и постановленья в чести содержаные будутъ. И не будет таковых никаких *премудростей прелестных* и насильства, которые бы добре укрепленое и единомысленное государство из

основания, из славы его скинули и разорили того для, что коли въ государстве не будетъ владѣти гордость и лакомство, таково же и злое хотѣние и иные бездѣлья и злоба, тогды в том государстве всякие дѣла крѣпкие и непоколебимые будутъ.

Изначала всякому государю и начальнику подобает того беречи, чтобы силою и неправдою ничто не дѣлалось в государстве. Егда бо коли через силу что-нибудь дѣлается, тогда такое дѣло не будет уже постоянное и крѣпкое того для, что ни одного мучителя не была постоянная и долговѣчна власть и сила, потому что мучительство и насильство завидство и нелюбовь у подданных родит и до помствы думы и мысли человѣческие приводит, чего есть образец въ государстве Римскомъ. Коли Апиуш Клавдиуш, думной и начальный бояринъ Римского государства, который судебники и постановленья списывал, хотѣл было насильствомъ къ любви своей безчесней присилити дочь одного римлянина Вергиниуша.[6] И не могучи совершити своего злого хотѣния, здумалъ хитростью и насильством доступить того, которое дѣло было с великою жалостью отца тоѣ девицы и племяни ее, таково же и всего миру. То же дѣло здѣлали великую нелюбовь и смуту против Апиушови, что отецъ своею прямою рукою дочь свою насмерть убилъ, не хотя того, чтобы была къ нечистой любости злого властеля взята и обезщещена. А потом отецъ еѣ мир весь до помъсты взбудил, убивъши дочь свою, со *окровавлеными* руками поѣхал до войска римскаго и обьявилъ всему войску жалость и насильство того начальника, которымъ дѣломъ был великою виною до великой смуты въ государстве Римском.

И аще начальником всяким любовь подданных тѣхъ, которыми владѣют, есть красотою и честью и безстрашным житьем, так опять нелюбовь и ненавидство подданых безчестьемъ есть государемъ и начальником всяким, многажды къ погибели приводитъ их. А которые начальники хотятъ того и желают, чтобы поддании больши боялись их, нежели любили их, тогда такие къ погибели, что слепые, идутъ того для, что ничево нѣтъ меж всѣми вещьми лутчево къ *содержанию* величества государского, только коли государи имѣютъ любовь всѣх подданых. Таково же опять ничево нѣтъ худшого, только то, коли одного всѣ боятъца.

Написалъ мудрец: аще которого люди боятца, того уже не ради видеть, и всякий того желает, чтобы скоро тот человѣкъ изгинулъ, которого боятца. А которые начальники хотят того, чтобы поддани их боялися их, и им таково же надобет боятися тѣхъ подданых своих. Чому есть образецъ о сиракузанскимъ царю о Дионизиусу,[7] которой для великого мучительства своего таков страх в собѣ имѣлъ, что сам углемъ розъпаленым власы свое на бороде и на голове опалил, боясь ножниц и ножа мастеръского. Таково же и Александръ, ферейски царь, всегда невесело и кручиновато на сѣмъ свѣте жил, которой хотя и жену свою Тебу любил, но коли къ ней в полату входил, всегда перед собою з голым мечемъ иноземцу итти велѣлъ. А напередь того двоих дворянъ своихъ, которые всегда берегли его, посылал, чтобы тѣ дворяне всѣ углы и всѣ ящики в ларцах у жены его выискали для того, чтобы на него желѣза потай не схоронено. Но то его великое береженье не пособило ему, потому что от той жены своей после убитъ.

Любовь подданых користна есть къ цѣлости здоровья государьского и къ величеству достойному, и къ крѣпости, но страх злой есть сторож долъгого житья, которой приводитъ государей къ страшному житью с великою ихъ неславою. Полидорус[8] мудрец написал о том в тѣ слова, что не может ничто несчаслившего человѣку случитца, какъ во время житья своего злое разуменье у подданых имѣти, по смерти же опять неславу или проклядство терпѣти. Неславно то было оному гетману лакедимонскому Лисандру,[9] который всегда тѣ словы молыл: «Аще гдѣ лвовою кожею соверъшити невозможно, тогды там лисею

пособляти надобет», сиирѣчь, гдѣ силою не мочно, тамъ хитростью промышляти.

Великую опять славу и добродѣтель здѣлали то цесарю римскому Фабрициусови, до которого коли лекарь епирского царя Пируса писалъ грамоту, обещаючи государя своего окормом извести, толко бы ему за то заплата великая дана была. Фабрициуш[10] цесарь не токмо къ такой измѣне не приложился, но еще грамоту через думного своего до царя Пируса, хотя и с нѣмъ воевалъ, от государства Римского в тѣ слова писалъ: «Начаемъся того, царь Пирус, что не имѣешь токоваго сщастья у себя, которымъ бы мочно тобе разсудити у себя, кто тебѣ есть праведънымъ другом, а кто опять недругомъ, измѣнником, о чом и сам свѣдаешь, коли сию грамоту, от нас къ тебѣ посланую, прочтешь и увидишь то явно, что ты сопротивъ добрым *и* праведным людем войну поднеслъ, а на злыхъ и неправедных совѣтников надѣешься, о чом мы не для тебя самого, но для насъ извещаем, чтобы смерть твоя неправедно нас не обвинила и чтобы никто не начаялъся того, что мы тебя хитростью своею извели, не могучи тебя чесно побѣдити».

До задеръжания в цѣлости государства надобет того, чтобы не были переменные права или судебники и постановленья государьские, но еще болши цѣло задеръжанье того для, что перемена давных и старыхъ *вещей* дѣлает перемѣну в государстве. А коли бы надобное дѣло переменити что-нибудь обычаевъ в государстве, того не подобаетъ того вскоре дѣлати, но лехким путьемъ того для, чтобы скорою переменою серца у подданых не смутилися и чтобы за тѣмъ дѣломъ не послѣдовалъ страх въ государстве, потому что всякая новая вещь болши убытком государьства бывает, нежели корыстью, и за нею послѣдует смута и мятеж въ государстве. А больши того, коли тѣ новые дѣла и *управы,* сиречь судебники, бываютъ постановленные не для корысти всѣхъ *людей* в государстве, но любо для подвышшения богатых и великихъ людей, любо для пониженья убогих.

Подобает таково же, чтобы власть приказных людей въ государстве праведная была, сиирѣчь, чтобы въ своей мѣре и в постановленье остоялась и чтобы болши власти своей не ширили, толко столь много, сколько имъ в судебниках указано. И тая власть приказныхъ людей чтобы по постановленью, в судебниках описаному, а не болши ширилась над поддаными того для, что во всяком государстве безстрашнейшая есть такая вещъ, коли власть приказныхъ людей болши содержаетца в мѣре, нежели в силе. Потому егда такая власть размножитца и разширитца, тогды и до мучительства государя и начальников възбужает и приводит против подданным своимъ.

Римляне десять мужовъ имѣли,[11] которые государствомъ владѣли и судебники списывали. Тѣ мужове такъ стали скоро силными, что много дѣлъ насильством въ государьстве дѣлали, для чего смута и мятеж въ государстве сталось, и тѣ мужове от чину своего откинены были после.

Таково же они тритцать мужове,[12] которых Лисандер, лакедимонъский царь, начальниками въ государстве *Атениенскомъ поставил,* коли городовых людей много через мечь и через окормъ истеряли и извели, а после сами такову же казнь за *своя* злобы приняли. Трасибулус,[13] атениенски бояринъ, любовью къ отчине своей възбужоны, видя оных городовых людей неправедно от тѣхъ мучителей къ казни приговореных и осуженныхъ, а иныхъ из города прочь отогнаных, а у иных животы поиманые, въскоре волю Атениенъского государства *превратил, преломивши* власть и силу тѣхъ начальниковъ, а после и самых загубил за пособленьем тѣхъ людей, которыхъ были тѣ начальные мужове къ смерти осудили, а иных из города прочь отогнали были.

Философ Аристотель, смотря на такие дѣла, тѣми написал словы: «Аще болши

власть и сила начальников въ своей мѣре содержана будет, тогды таковое государство славнейшее и крѣпше будетъ того для, что властъ начальниковъ не будет уже завидливая людем въ государьстве, начальники же опять станут ласково с людми поступати и дѣлати».

Теопомпус,[14] царь спартански, власть государскую привел был къ мѣре у лакедимонов. Наперед бо *поставил* ефорос, сиирѣчь земские приказные люди, которые мимо царя всякую власть и силу становити и судити въ государстве имѣли, которые коли что судили, уже о томъ до царя по указъ не ходили. Тѣ же земские начальники какъ дѣлъ всяких въ государстве берегли, таково же и самого царя учили, наказуя его, коли что против праву и против судебников дѣлалъ. И з того постановленья царя Теопомпуса смеялась одного времени жена его, говоря тѣми словы: «Какъ ся ты не соромишь того, царь Теопомписъ, что ты меньшую власть и достоинство царьское сыномъ своим оставляешь, нежели ею от прародителей своихъ взял еси?» На которые слова такой отвѣтъ далъ: «Жено моя! Не меньшую власть, но добре крѣпкую и совершенъную сыномъ моим оставлю». Тѣ слова его праведные и разсудливые того для, что всякие мѣрные вещи долго и крѣпко на сѣмъ свѣте стоят.

Прилѣжная есть вещъ беречися завидства, и больши еще людем великим и чесным, потому что коли кто есть чеснейши и разумнѣйший, той имѣетъ больши завидливых противъ собѣ. Завидство убо есть безконечная вещъ, которая на тѣхъ людей оборочаетца, которым сщастье ласково есть. И то завидство приверстати мочно къ болести, от грековъ нареченней офталмия, сиирѣчь очная болесть, того *ради,* что коли человѣкъ такую болесть в очах имѣет, гнушаетца вещами сияющими и не может въ солнце очима своима смотрити. Таково же завидство за тѣми последует, которые всево миру честными, богатыми бываютъ, которое завидство не токмо люди честныхъ погубило, но много государствъ и городов разорило. Таково же и Атениенское государство греческое ништо не погубило, толко завидство.

Заплата за службы дѣлает таково же завидство въ государстве, чего надобет беречися начальником и иного чину людем, чтобы ее добре не желали. Образцов оного чесного мужа Питакуса мудреца[15] из семи мудрецов. Коли он отчину свою от мучительства освободилъ и Фринона, гетмана атениенъского, один на один убилъ, подали ему власть и начальничество государства, которую власть возгнусилъся и не хотѣлъ ее приняти, и коли много отчинъ всѣ бояре оного государства давали ему за службу его, отказалъ им тѣми словы: «Не давайте мнѣ того, чого бы много людей мнѣ завидило, а больши ещо того же хотѣло».

Из завидства происходит заушнисто, коли кто тайно счиплет кого на добрей славе и на чести его, хотячи ею отняти ему. И того Письмо Святое боронит и объявляет, что заушники, шишиморы, насильники гордые, достойные смерти. И не токмо тѣ, которые дѣлают то, но которые и произволяютъ на то. А с того завидства ростет убавленье чести и славы, коли кто *явного* честью в *людех* скверънитъ, безчестуючи его. С того же опять завидства ростетъ ещо радость в тѣхъ вещахъ, коли ся несчасливо дѣет что ближнему нашему. И токовым людем Письмо Святое грозит тѣми словы: «Которые люди радуютца из скорби, ис печали благихъ, увязнут в сѣти, а перед смертью болестью истомленъные будут». Четвертая злоба от завидъства происходит, сиирѣчь жалость, которую в тѣ поры человѣкъ завидливъ имѣѣт, коли видит счастье ближнего своего в чести и в богатствах. Написалъ Еклесиастес:[16] «Егда человѣку сщасливо что дѣетца, в тѣ поры жаль бывает недругом его». Пятая злоба от того же завидства отростает, коли кто не токмо кручинитца с того, что недругу его добро дѣетца, но еще завидуетъ тому и желаетъ того, чтоб всѣ зло над ним

увиделъ.

Похлѣбство или лесть происходит от завидства и есть злымъ окормомъ въ государстве, чого для надобет началным людемъ беречися того, чтобы ушей своихъ не прикланяли до слуханья таковыхъ вещи, которые ни одной корысти не здѣлают, но еще болши помешки принесутъ в государстве того для, что таковые люди лестиви вестями толко живут, носячи и облыгаючи добрых и честных людей въ государьстве заслуженых, и тѣмъ дѣломъ добродѣтельные прироженья государей своих къ лютости и къ немилости приводят. И хотя бы таковой нанос и оболгание одва не прямое было, ино воспомянувъ на слова мудреца Солона,[17] которые написалъ, что в розряде великих и разсудливыхъ дѣлъ нельзя начальнику всѣхъ людей волю и любовь творити, и несть пригоже дѣло государю возрушатися в разуме своемъ до гневу и къ лютости того для, что милость и добродѣтель государская здоровье дает всѣму государству. Есть тому образецъ оного мучителя Нерона, царя римъского, который уродился лютым и страшнымъ мучителемъ, тую только одну добродѣтель къ славе достойную имѣлъ,[18] что ничего больши не терпѣл, толко то, коли ему лаяли и непригоже о нем говорили. Епаминундас,[19] греческий князь, терпѣливо зносил злые молвы человѣческие, показуя то, что подобает мужеству и просужеству человѣческому злыми молвами возгнушатися. Юлиуш, цесарь римской,[20] какъ до всѣхъ ласковы и милостивы был, таково же и до тѣхъ, которые о нѣм слова непригожие говорили, и ничим не хотѣлъ мститися над ними того, толко заказуя и забороняючи того: «Государю всякому подобает не слушати словесъ от злых устъ происходящих, коли он за государским чиномъ во всякихъ дѣлах последует».

Лакомство таково же есть виною къ погибели государствам того для, что нѣтъ худшей помешки въ государствах, только лакомство, а больши еще начальниковъ, которые государством владѣютъ. Какъ Еклесиастес в тѣ слова написал: «Над человѣка лакомаго нѣтъ на свѣте худшого, которой душу свою продает, а в житью своимъ видитца, будто в нутре своем шарпает и роздѣрает».

Кикеро мудрецъ[21] написалъ: «Аще кто государствомъ торговати хочетъ и корысти себѣ ис того ищет, и он есть *безчесный, злый* и *бездушный* человѣкъ, а за тѣм послѣдуетъ смута и мятеж въ государстве, коли начальники больши ся печалуют о корысти своей, нежели о *добрых делѣх* государьства *своего.* И с того опять дѣла корысти не бывает, но еще *болши* виною есть къ погибели государьством, коли думные бояре меж собою о чины и достоенства какие или о корысти бранятца, и за таковую их *нелюбовь* и *межусобье*государство от смуты неволное есть. А за смутою опять погибель послѣдует, из малыи бо искры велики пламень происходит».

Два молодыхъ бояре в сиракузанским государстве *думные* брани и нелюбовь меж собою имѣли того для, что один невѣсту другого за жену собе взял. В то время коли тот на воеводство посланъ был, что коли звѣдал тот, которому обѣдно было, мыслил и думал о помсте над тѣм, который невѣсту его взял, и обьявивши и сказавши ему чужоложство. Сталось с того смута в городе, а после одни люди къ одному, другие опять къ другому оборотились и здѣлали меж себя войну, в которой войне много честных и великих бояр побито, а после мир всѣмъ государством завладѣлъ.

Великую такову же мятеж и смуту въ царстве римском здѣлали два бояре думные о достоенство побранясь, Мариушь и Сылья.[22] Мариуш пославши Сылья до царя Бога о отданье Югурты измѣнника,[23] которого коли Силья привел, стал гордымъ и спесивым с того счастья, и для знаменья послуги своей, сопротивляючися славе Мариушовей, дал вырезати на перстьню своем Югорту

собе отданого и перьстень тотъ всегда на персту носил. О што разкручинився Мариуш, откинул его от себя. А после Силья, совокупивъшися з Метелиушем и с Катулюшем, недругами Мариуса, поднеслъ войну межусобную и побил Мариуша.

Сопротивление опять или ревность о добродѣтелей во всякомъ государстве славно есть и чесно, и корыстно того для, что с того разширяютца всякие государьства, и в котором государстве боляре меж собою без хитрости ревънуют о добродѣтели, и то государство налутчое есть, которой праведную добродѣтель имѣетъ, ничего не желает, толко чтоб былъ къ корысти всему государству. Но нашего испорченого времени больши есть тѣх людей, которые о том печалуютца, чтобы одинъ другого превосходилъ просужьствомъ въ здобыванью *богатствъ* и имѣнья, нежели въ славе и в добродѣтели. И кто бы хотѣлъ добродетель с тѣми бездѣлными вещами вѣсити, познал бы то, что тѣ вещи великую помѣшку дѣлают къ здобыванью славы и всякое чести, а больши ещо тому, которой в них надѣжю всего сщастья своего полагаетъ.

Не нашол бы нынешнего времени человѣка таковаго, которой бы возгнушался хотѣнием богатствъ, какъ то дѣлал он, чесной Темистоклес[24] греческий, который, одного времени гуляючи, увидел чепь золотую на земли, которую не подняв позвалъ одного из меньших дворян своих и рече к нему: «Чого для не подоимешъ тоѣ чепи, несть ты бо Темистоклес». Которым дѣлом показал то, что много есть людей, желающих и хотящих богатствъ, в которых он не корыстовался, что и тѣхъ из земли не подносил, которые счастьем своим нашолъ.

Хотѣние таково же есть дѣлом убыточным и корень всѣх злоб, и нарекли ее мудрецы окормомъ злым государства того для, что больши недостойным, нежели достойным богатства роздает, которым дѣломъ смута и мятеж въ государстве дѣлаетца, коли честные люди и въ государстве заслуженные от чиновъ великих и честных откиненые, а мѣлъкие люди бывают подвызшеные. Через такую смуту он, чесной римлянин Нумус, *убит* былъ, чтобы за убитьем его былъ приступъ къ достоенству человѣку глупому, Сатурнинемъ нареченному.[25] Хотѣние бо възбужаетъ просужих и честных людей до соединенья единомысленного, чтобы меж себя роздѣлили достоинъства, не припускаючи къ нимъ иныхъ мѣлъких людей. А притом приходит государство до власти немногихъ людей, которая власть не есть розна от мучительства.

Которой убо властель на богатства хотящи есть, тот миру завидливъ и нелюбы есть. А при том иноземцом больши, нежели своимъ, здоровья своего вѣрить, и тѣ дѣла исполняет, которые до укрѣпленья государства его помѣшкою бывают. А после того мир до кручины и до безразумия пришодши за тѣ насильства и бѣдности свое промышляет над тѣми людми, которые власть свою над ними ширили. Какъ ся то совершило над сынами Писистратеса мучителя,[26] которые для своего чесного и завидливаго государствания *побиты* были.

Достойная и пригожа видица она мова Аристотелья философа, который совѣтовалъ людем мѣлъким начальничества и власти отдавати, сиирѣчь таковым, которые бы в убожестве и в недостатку преже жили, а до богатъства опять пришедъши, чтоб гордыми и спесивыми не были.

Худо таково же дѣетца в том государьстве, гдѣ боляре не возмогутъ волно молыти о дѣлех надобных, которые бы были къ корысти добрей государьству, бояся тѣхъ, которые меж собою соединенье и единомысленье имѣвши, всякие дѣла по своей воле дѣлают, которая воля убытком была Димостину, риторю греческому,[27] коли Александръ, царь *македонский,* образъцом волности въ греческие государства с войском въѣхалъ и Атены, славны город, взяти и овладѣти хотѣлъ.[28] После оправдался бояром и миру атениенскому через грамоты и через послы

свое, что того не здѣлалъ для того, чтобы имъ волность или волю отняти хотѣлъ и город в неволю взяти, но что он десяти мужей атениенских боляр неради виделъ и кручинился на них о томъ, что всегда в думе непригоже воспоминали его и лаяли ему. И коли бы тѣ боляре были ему отданые, и он бы здѣлалъ то, что от осады города отступит и миръ от голоду и от войны освободит. А наперед хотѣлъ Димостина, ритора и сладкоглаголиваго мужа, над которого в оно время не имѣло греческое государство лучшего и славнаго, а к нему еще иных десяти мужев. Различные о том думы у боляр были. Одни хотѣли и молыли о томъ, что лутчи сколько человѣкъ потеряти — всѣм цѣлым остатца. Тѣ опять произволити на то не хотѣли, которых Александръ царь для казни хотѣлъ собе отдати, и одва о том смѣли говорити того для, что за смертью их иные всѣ началися цѣлыми въ здоровью остатца. И уже было издумано отдати их царю Александру, коли бы был Димостинес сладкословецъ такую басню хитрости царя Александра не объявил и тѣми словы атеенским бояром и миру говорил: «Волкъ николи пастырем, которым въ ихъ береженью обманити хотѣлъ, совѣтовал о том, чтобы с ним подружился въ братцкой любви, которую любовь меж собою совершили таковым дѣломъ, чтобы всѣ собаки, которые виною были всякой недружбы и нелюбви меж ими, отдали волъку, которые берегли овецъ. Тогды волкъ, отнявъши собе страхъ и боязнь, всю животину не токмо до сытости своей, но ещо по воле своей шарпалъ и ѣлъ и не токмо животину, но и самых пастырей. Таково же и Александръ царь дѣлает, всѣх тѣхъ, которые хитрость его обьявляютъ, хочет от вас отняти, чтобы после скоро всѣхъ думных и вас мир в руки свое взял, истерявши тѣхъ, которые мудростью своею обороняютъ вас». И надобет, чтобы тая басня была наукою думным бояром, чтобы береглись хитрости тѣхъ людей, которые клеветничеством и ложью своею на тѣхъ людей наносятъ, которым добродѣтелью в версту не могут быти.

Димостинес, он чесной сладкоглаголатель написал то, что ничего человѣку несчаслившого не мочно прилучится, только коли не имѣет воли молыть в дѣлехъ своих. И во оправданью своим показалъ то: Димокритус у царя Филипа[29] македонского в посольстве будучи от бояр атениенскихъ, коли он волно и безстрашно молыл къ царю Филипу, рече к нему царь Филип: «Не боишься того ты, Димокрите, что яз велю тобе голову отсѣчи?» Рече Димокритус: «Не боюсь того, аще голову мою возмешь, и то будетъ с великою и безсмертною славою моею».

Во всяком государстве без согрешенья не бываетъ, и надобет поучати проступниковъ лехким обычаемъ того для, что начальником подобаетъ показати милость подданым собе, а побѣжати гордыхъ. И никакие славы ни одному начальнику не принесет то дѣло, коли гневом своим, которые его до помсты приводит над своими поддаными, не возможетъ владѣти.

Милосерие начальниковъ любое есть всѣму миру и дѣлает великую любовь тѣмъ, которые показуют ее. Атениенъское государство преже сего милосердие вмѣсто Бога славилось, чтобы начальных людей учило виноватых ласково поучати. Всякому властителю подобает на тѣ слова памятать, что всякому властителю от Бога постановленному подобает беречися от кровѣпролития. Но егда бо того надобет было и не мочно бы усмирити злых обычаев въ государстве, толко *кровѣпролитьем,* тогды надобет дѣлати по обычаю лѣкарей и докторовъ, которые коли видят то, что никакими лѣкарствы злая болесть въ человѣку не может быти излечена, и они, не радуясь тому, но с великою жалостью иные части тѣла человѣческого оттинают, но только то, что ся испортило, чтобы достальное тѣло от того испорченого не испортилося.

Таково же не надобеть всегда милость виноватым показати того для, чтобы государство оттого не погинуло, но всегда поученья надобет для содержанья в

цѣлости государьства, поне злобу, изначала показаную, мочно отогнати, но коли уже старѣетца, тогды нельзя ее излечити и усмирити.

Слова тѣ Солона мудреца, достойные памяти: «Государь всякий, который хочет подданых в любви держати, *не* добре лютым, не добре *опять* милостивым подобает *ему*быти». Лисандер, лакедемонъский царь, будучи воспрошоны о томъ, *которое* бы ему налутчое государство видилось, таков отвѣт на то дал: «Егда въ государстве люди добрые за свою добродѣтель бывают *почтены* и заплатою украшенные, злии же опять за свое худые дѣла поучения емлют, тогды государство такое славное и непоколебимое всегда бывает».

И то таково же не приносит доброго конъца въ государстве, коли обычаи иноземъские въ государьстве приимают. Что и он Ликургус,[30] лакедимонский законодавца, в постановленью государьства увидѣвъ, таков законъ меж иными постановил, чтобы до думы государства лакедимонского иноземъцов не приимано. А то не того для дѣлалъ, чтобы иноземцом чести уимал или чтобы нерад их видѣлъ, но что для них перемена во обычаях и в дѣлех оного государства *не* была бы. А больши того надобет беречи, чтобы из обычаев иноземскихъ протор или избытокъ в житью человѣческом, сирѣчь вь ѣствах и в платью не здѣлался. Которое дѣло какъ скоро въ государство войдет и приимется, тогды уже приносит безконечное зло, а послѣдует за тѣмъ дѣлом великая злоба.

Протор, или избытокъ нареченный, — есть отцом бѣдности и убожества. Показалъ то цесарь римской Тивериушь[31] думному своему Атилли, коли тот Атилля для своего протору и избытку великого до великого убожества пришолъ, всегда плакалъ, воспомянув достатки свои. И рече къ нему царь Тивириушь: «Не скоро и по времени поберегся ты в томъ, истерявъши всѣ свои богатства. А за таковым протором последует хотѣние чюжого имѣния, потерявъши свое». И коли то хотѣние до чюжих животов приступитца, тогды единомысленья и любви меж житейскими людьми не будетъ и за тѣмъ дѣломъ смуты и мятеж приходит в государстве, а после разоренья государствъ и царствъ.

И какъ всякие добродѣтели славное и чесное государьство дѣлают, таково же опят слава государства того гинетъ, гдѣ владѣетъ злоба, неправда и хитрость. И того для всякие властители государствъ всяких дольъжни беречи того, чтобъ цѣлость государства своего содеръжати могли и собе безсмертную славу навеки оставити. И о таковых дѣлах дольъжни промышляти, чим бы гнѣвъ Божий усмирили, а таковых грехов береглися, которыми Богъ возгнушаетца.

Празнование и ленивство есть таково же убыткомъ государству, коли начальные люди не исполняютъ долженства чину своего от Бога на нихъ возложеного для своего празнования и ленивства. И оны городы Содому и Гомору ништо къ погибели не привело, только гордость множества и достатокъ хлѣба, *и* празнование, от которого всякие злобы происходятъ.

Был воспрошеный гетманъ лакедимонъский Клиоменес[32] от одного человѣка: для чего лакедимони, воюя *со* аргивы и не одиножды побидителями будучи, до конца их не разорили. Отказал ему на то: «Не желаем того собе, чтобы от нас были аргиви разорены, но чтобы мы таких недругов имѣли, которые бы *молодых* наших ратных людей учили». Которым дѣлом показал то, что юность празнованием портитца. На что смотря, Ликургус законодавца не токмо молодых людей мужского полу къ дѣлом възбужалъ, но и девичье тѣла в различных дѣлах научал, сиирѣчь въ скаканью, въ стрелянию и в ыных просужствахъ. А коли одинъ человѣкъ спрашивал Ликургуса о томъ, для чего бы то дѣлал, сказал ему: «Различные вины къ тому, а именно такую, чтобы девичее или женского полу люди лутчи и з большеею крѣпостью и без страху могли болести износити и

терпѣти во время рожения дѣтей, а больши того, коли бы того надобет было, чтобы за дѣти свое и за себя и за отчину свою воевали». Агесилауш, царь лакедимонский, царем будучи и иным всѣмъ совѣтуючи николи не празновал и труды великие приималъ. То же празнование и погибель принесло оному Сарданапалию, царю асирийскому, которого коли Арбацес, воевода его ближный, меж кучою женъщин безчесных увидел прядучи нити, видячи то, что не было пригоже дѣло, чтобы таков царь повелѣвал и владѣлъ множеством людей, который над женъщины худший был, здѣлал то над ним, что сам себѣ и богатство свое всѣ на каменой столпи положив, спалилъ.[33]

Хило философ[34] называлъ того добрым царем быти, который печалуетца о том, чтобы подданые его не от боязни любили его, но от милосердия.

Агасиклес,[35] царь лакидимонъски, былъ спрошенъ от одного человѣка, каковымъ бы дѣломъ мочно всякому государю без страху царьствовати, не имѣвъ около себя никаковаго береженья, таков отвѣтъ на то сказал: «Коли бы такъ повеливал подданнымъ своим, какъ отецъ повелѣвает сыномъ своимъ», которая скаска его достойна есть разсуженья, потому что отецъ с прироженья своего отцовского болши печалуетца о дѣтях своихъ, нежели самъ о собѣ. И для того дѣти любятъ отца. Таково же и государи о корысти и прибыли государства своего всего лутчи должни промышляти, нежели во свои прямые добрые имения и богатства, чтобы тѣмъ любовь подъданых своих здѣлали и оборотили къ себѣ, которая есть крѣпким основаньем долгого ихъ государствания потому, коли добрый царь, любо начальникъ изо всѣхъ людей сщасливший бывает, таково же опять мучитель царь изо въсѣхъ несщасливший станетца того для, какъ тот царь, который добрым есть, безстрашное имѣетъ свое житье, такъ опять злой царь страх и много измѣнниковъ на себя всегда безпрестанно имѣетъ.

Агесилаушъ,[36] царь лакедимонъский, былъ спрошан, которая бы добродѣтель честнѣйша была — мужество или правда, отказал на то: «Мужество не есть корыстное будет, при нѣмъ правды не будет, потому что коли бы всѣ люди праведными были, не надобеть бы уже мужество. Премудрость таково же без правды хитростью есть, смиренство опять без мужества ленивством есть, правда опять без смиренъства лютостью есть».

Желанье и хотѣнье царьствъ не от добродѣтели происходитъ, но от злобы, и то хотѣние человѣка до неправды и до злого конца приводитъ. Дал на то отвѣтъ Диогенес[37]философ Филипу, царю македонскому, коли Филипъ, войско свое великое собравъ, пришол до Херdroние.[38] И пришолъ таково же там в тѣ поры Диогенес, которого поимано и перед царя приведено. Царь, увидѣвши Диогенеса, собе незнакомаго, рече къ нему наудачю: «Ты не лазучникъ ли?» Диогенес рече къ царю: «Подлинно яз лазучникъ есть, пришол язъ присмотритися *бѣсноватому* и глупому разумови твоему, который неполно имѣешъ на царстве Македонском, но еще чюжихъ царствъ здобываешь и самъ себя в такой страх подаешь, чтобы и здоровья, и царство свое *потеряеши* напрасно».

Подобает за таковеми дѣлами государемъ послѣдовати, которые бы престолу ихъ разъмноженье и разширенье дѣлали. А того беречися должни, чтобы не было достойнаго престолу их и чтобы каковую неславу престолу их чинило, и таковаго строенья въ государьстве не становити, которое бы было страшное всѣм, чтобы и болыпи страху, нежели покою, и болыпи ненавидства, нежели любви, не принесло.

Также и всякому начальнику подобает беречись от гневу, потому что гневъ затмѣвает чесные дѣла. Пишут мудрецы о Александру царю македонском, якоже

много обрасцовъ показовал непобѣженого сердца своего, но что он иногды скорый был до гневу и для ради того всѣ своѣ дѣла чесные и великие затмѣвал: убилъ неповинного старого приятеля своего, Клитусем нареченного,[39] а после, егда по оным гневу образумился, вынявши меч с тѣла его, самъ къ собе оборотилъ и хотѣлъ *убити себя,* толко бы его приближеные приятели не уняли.

Таково же и Дионисиушь *мучитель,* егда хотѣлъ тѣшитися мечом, тогды платие свое и саблю отдал времѣнънику молодому держати, х которому ласков былъ. И одного времени, егда одинъ з другов и приятелей приближеных его шутя молылъ къ тому мучителю Дионисию тѣ слова: «Тому ли времѣнънику молодому здоровья своего вѣришь?», къ чому онъ времѣнъникъ розсмѣялъся, и для ради смѣху того мучитель и того времянника своего, и приятеля убити велѣлъ. Приятеля для того, что образецъ къ убивству показалъ, временъника же для того, что оную повесть или вопрос смѣхомъ укрѣпилъ. И с таковаго дѣла мучитель Дионисий до коих мѣстъ жив был, весел не бывалъ.

Философ единъ спрошен от гетмана или воеводы, каковым бы дѣлом возможно владѣти без похуления. Рече философ: «Аще гневомъ не будешь николи взбужены». И тѣмъ дѣломъ обьявилъ то, что гневъ до всякого чину исполнения великою есть помѣшкою. Нѣтъ убо тамъ разсужения, кому гневъ владѣетъ, хотя бы и былъ и премудрый, подлинно ся в дѣлахъ помѣшаетъ.

Аристотель мудрецъ прилагалъ и приверсталъ до гневу дымъ, яко бо в дыму очи человѣческие бываютъ затмѣные и зрѣние теряетца и владѣния к вижению вещей перед очима будущих не бывает. Таково жь, егда человѣкъ гневомъ розжетца, тогды темнение разумови приходит, что и греховъ своих в тѣ поры человѣкъ видѣти не возможет.

Всякий опять начальникъ и судия постановленны къ разсужению различныхъ дѣлъ дольженъ есть правды беречи и по описаных судебниках судити. И подобает ему на посулы не смотрити и не дати ся от истинного отводити, къ чому есть обрасцовъ много. А именно во времѣ Камбисеса, царя перскаго,[40] Сисанес судия, будучи посулами подарованый, неистинно и неправедно дѣла судилъ. Что егда царю *Комбисесу* сказано, велѣлъ кожю с тѣла его содрати, а после самого удавити, а тую кожю, с тѣла содраную, велѣл на том мѣсте, на котором судии садилися, повесити. А после сына его Отана судьею поставилъ и тѣ слова молвил къ нему: «Памятуй о томъ, на каковѣмъ мѣсте седячи судишъ».

Бияс судия, егда одного человѣка виноватого на смерть осудилъ, сталъ сам плакати, жалѣючи бѣдного человѣческаго жития. Но коли былъ о томъ спрошон, чого бы для плакал, поне есть то на его волю казнити и освободити человѣка, рече на то Бияс: «Подобающе и пригоже есть дѣло прироженню человѣческому милость показати, но от управы и истинного *отступати* — есть то дѣло убыточное и неподобающе къ такому чину». Подобает собирати людей мудрыхъ и богобоязныхъ, которые бы были праведными и лакомством возгнушались. А которые на достатокъ и на богатства и на деньги лакомыми суть и желательными, сицевые ничего чесного разсудити не возмогутъ.

Обьявилось то в оныхъ двух начальниках города, Олинту нареченного,[41] которых нарицали Листенесъ и Евътикрастесъ, которые подарки и посулы прелъстивъшись, город царю Филипу македонскому здали, чого для царь Филипъ многажды тѣ слова молвилъ, что ни одинъ город не есть такъ крѣпко устроеный и укрѣпленый, которого бы невозможно взяти и овладѣти в тѣ поры, егда бы до него оселъ или конь с великимъ мехом золота вшолъ. Нѣтъ бо лютого и страшнейшего дѣла над лакомъство, для ради которого многие царства погибают.

---

[1] *Платон философъ...* — Древнегреческому философу Платону (427—347 гг. до н. э.) принадлежит, в частности, трактат «Государство», в котором рассматриваются те же проблемы.

[2] *Ксенефонтъ философ написаша о дѣлах царя перскаго Кируса* ... — Речь идет о трактате Ксенофонта (430—355/354 гг. до н. э.) «Киропедия», содержавшем описание жизни и деяний персидского царя Кира Старшего (ум. в 530 г. до н. э.).

[3] *Исусъ Сираховъ.* — Имеется в виду входящая в Библию книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова.

[4] *...канцѣром...* — Раковой опухолью.

[5] *...злоб ради ихъ... человѣческом покажется* — пропуск в ркп. восполняется по списку *РНБ,* собр. Титова, № 1121.

[6] *Коли Апиуш Клавдиуш, думной и началъный бояринъ... Вергиниуша.* — Здесь и далее в трактате употребляется русская социальная терминология XVII в.: думный боярин, князь, гетман, дума и т. д.; она сохраняется и в переводе. Аппий Клавдий, избранный децемвиром в 451 г. до н. э., пытался выдать дочь плебея Люция Виргиния — Виргинию за дочь своей рабыни и на этом основании овладеть ею. Виргиний, получивший разрешение лишь проститься с дочерью, убил ее. Свергнутый Аппий кончил жизнь самоубийством.

[7]*...о сиракузанскимъ царю о Дионизиусу...* — Дионисий — тиран Сиракуз, греческой колонии в Сицилии, отличался крайней жестокостью и мнительностью.

[8] *Полидорус.* — Возможно, имеется в виду спартанский царь и законодатель Полидор (XVII в. до н. э.).

[9] ...*гетману лакедимонскому Лисандру...* — Плутарх приводит слова Лисандра, спартанского полководца V в. до н. э.: «Где львиная шкура коротка, там надо подшить лисью».

[10] *Фабрициуш* — Кай Фабриций Лусций, римский консул, участник войны с эпирским царем Пирром в 280 г. до н. э.

[11] *Римляне десятъ мужовъ имѣли...* — В Древнем Риме избирались децемвиры — коллегия из десяти человек, ведавшая составлением законов, судопроизводством и т. п.

[12] *...тритцать мужове...* — Речь идет о тридцати тиранах, которых Лисандр поставил во главе захваченных им Афин.

[13] *Трасибулус* — афинянин, руководивший афинскими изгнанниками, свергнувшими «тиранию тридцати».

[14] *Теопомпус* — спартанский царь VIII в. до н. э.

[15] *Питакуса мудреца...* — Питтак — политический деятель и законодатель из г. Милетины на о. Лесбос, живший в VII—VI вв. до н. э. Он почитался греками в числе семи мудрецов (Питтак, Солон, Клеовул, Периандр, Хилон, Фалес и Биас).

[16] *Еклесиастес* - Екклезиаст («проповедник») - название одной из книг Библии.

[17] *Солон* — афинский законодатель VII—VI вв. до н. э.

[18] *...мучителя Нерона... одну добродѣтелъ... имѣлъ...* — Нерон — римский император (54—68 гг.), отличавшийся крайней жестокостью. Однако историк Светоний сообщает, что на этом фоне «особенно удивительно и примечательно было то равнодушие, с которым он воспринимал нарекания и проклятия людей. Ни к кому он не был так снисходителен, как к тем, кто язвил его колкостями и стишками».

[19] *Епаминундас* — греческий полководец Эпаминонд (IV в. до н. э.).

[20] *Юлиуш, цесарь римской...* — Римский полководец и государственный деятель (102 или 100—44 гг. до н. э.).

[21] *Кикеро мудрецъ...* — Цицерон, выдающийся римский оратор, философ и государственный деятель (106—43 гг. до н. э.).

[22] *...два бояре думные... Мариушъ и Сылъя.* — Гай Марий (156—86 гг. до н. э.) — римский полководец и политический деятель. Луций Корнелий Сулла (138—78 гг. до н. э.) — первоначально сподвижник Мария, а затем его противник.

[23] *...до царя Бога о отданъе Югурты измѣнника...* — Царь Нумидии Югурта во время войны с Римом (111—105 гг. до н. э.) был выдан римлянам царем Мавритании Бокхом.

[24] *Темистоклес* — Фемистокл, государственный деятель и полководец в Афинах (525-460 гг. до н. э.).

[25] *...чесной римлянин Нумус... Сатурнинемъ нареченному.* — Речь идет, возможно, об убийстве Сатурнином, сподвижником Мария, племянника Суллы Нония.

[26] *...над сынами Писистратеса мучителя...* — Сын афинского тирана Писистрата Гиппарх был убит в 514 г., а другой сын — Гиппий изгнан из Афин в 510 г. до н. э.

[27] *...Димостину, риторю греческому...* — Демосфен (384—322 гг. до н. э.) — афинский политический деятель и оратор, активно боровшийся за независимость Афин от Македонии.

[28] *...Александръ, царъ македонский... въѣхалъ и Атены... взяти и овладѣти хотѣлъ.* — Демосфен выступал против Филиппа, а не его сына Александра.

[29] *...Димокритус у царя Филипа...* — Здесь и далее вместо Демосфена ошибочно назван Демокрит — выдающийся греческий философ V в. до н. э.

[30] *Ликургус* — Ликург, легендарный спартанский законодатель.

[31] *Тивериушъ.* — Античные историки упоминали необычайную скупость римского императора Тиберия (14—37 гг. до н. э.).

[32] *...гетманъ лакедимонъский Клиоменес...* — Речь идет, видимо, о спартанском царе Клеомене (ум. в 219 г. до н. э.).

[33] *...оному Сарданапалию... на каменой столпи положив, спалилъ.* — Упоминаемый в античных источниках ассирийский царь Сарданапал отождествляется обычно с царем Ашшурбанипалом (VII в. до н. э.), который, согласно легенде, покончил жизнь самоубийством, сгорев вместе со своими сокровищами.

[34] *Хило философ* — Хилон, древнегреческий философ, один из «семи мудрецов».

[35] *Агасиклес* — легендарный спартанский царь VI в. до н. э. из рода Еврипонтидов. Изречение его приводит Плутарх (Плутарх. Застольные беседы. Л., 1990. С. 287) (сер. «Литературные памятники»).

[36] *Агесилаушъ* – Агесилай II, спартанский царь (ок. 444-ок. 360 гг.до н. э.), царь с 401 г.

[37] *Диогенес* - Диоген, древнегреческий философ (ок. 1400-ок. 325 гг. до н. э.).

[38] *...до Хероние.* — Херонея, город в Беотии, возле которого в 338 г. до н. э. Филипп Македонский нанес поражение войску, выставленному против него греческими городами.

[39] *...убилъ... старого приятеля своего, Клитусем нареченного...* — Напиру в порыве гнева Александр Македонский убил своего друга и полководца Клита, обвинившего Александра в измене македонским традициям и нравам.

[40] *...Камбисеса, царя перскаго...* — Камбиз — древнеперсидский царь из династии Ахеменидов (VI в. до н. э.).

[41] *...города, Олинту нареченного...* — Олинф, город в Халкидике, разрушенный македонским царем Филиппом в 348 г. до н. э.

Комментарии

Большинство публикуемых в этом томе произведений посвящено событиям так называемого Смутного времени; почти все они созданы в тот сложный период истории Русского государства. Смутное время — конец XVI —начало XVII в. — ознаменовалось социально-экономическими потрясениями, народными восстаниями, борьбой русского народа с польско-шведской интервенцией.

18 марта 1584 г. умер Иван Васильевич Грозный, 31 мая на царство венчался его слабоумный сын Федор. По завещанию Ивана Грозного при Федоре был назначен регентский совет. Шурин Федора Ивановича (брат жены царя Ирины), боярин Борис Годунов, занимавший пост конюшего при дворе (конюший считался

старшим в боярской Думе), пользовался неограниченным доверием молодого царя. Уже ко второй половине 80-х гг. он, отстранив от политической деятельности всех членов регентского совета, стал фактическим правителем страны.

Малолетний сын Ивана Грозного от последней (седьмой) жены, Марии Нагой, — Дмитрий (когда умер Иван Грозный, ему было менее двух лет), получивший в удел Углич и отправленный туда вместе с матерью, 15 мая 1591 г. погиб.

До сих пор тайна смерти царевича Дмитрия не выяснена: была ли это случайная гибель во время припадка «падучей болезни», которой он страдал, или же было совершено преднамеренное убийство, спровоцированное Борисом Годуновым, расчищавшим себе путь к престолу (у Федора Ивановича детей не было — его единственная дочь умерла в младенчестве).

Царь Федор Иванович умер в 1598 г. Земский собор избрал царем Бориса Годунова.

Ливонская война (1558—1583) и опричнина подорвали экономическую базу феодального государства, и в 70—80-х гг. XVI в. страну охватил общий хозяйственный кризис. Сложной была и внешнеполитическая обстановка (возобновились набеги крымцев, Стефан Баторий готовился нарушить заключенное с Иваном Грозным перемирие и начать военные действия против России, Швеция вынашивала планы новых завоеваний). Это заставляло Бориса Годунова предпринимать решительные действия как во внутренней, так и во внешней политике. Мероприятия, направленные на восстановление разрушенного хозяйства страны, прежде всего выразились в ужесточенной эксплуатации крестьян. Именно в это время произошло окончательное закрепощение крестьянства: в течение 80—90-х гг. повсеместно был отменен так называемый Юрьев день — право перехода крестьян от одного феодала к другому. Определенные успехи были достигнуты в плане внешнеполитическом. После смерти в 1586 г. Стефана Батория Годунов смог продлить перемирие с Польшей на 1587—1602 гг. Заключением «вечного мира» (так называемый Тявзинский мир) закончилась русско-шведская война 1590—1595 гг., и России были возвращены захваченные шведами во время Ливонской войны русские города Ивангород, Ям, Копорье, Корела. Ведется успешная борьба с иноземными притязаниями на южных и восточных рубежах страны, идет активное освоение Приуралья и Сибири, начатое еще при Иване Грозном, к началу XVII в. было ликвидировано Сибирское ханство и территория Западной Сибири включена в состав России. В 1589 г. в Москве учреждено патриаршество — первым русским патриархом избран митрополит Иов. Учреждение в Москве патриаршества стало не только началом нового этапа в истории Православной церкви в России: оно повышало авторитет страны на международной арене.

Крепостническая политика Бориса Годунова вела к резкому обострению классовых противоречий между феодалами и крепостным крестьянством. Резкому обострению классовых противоречий способствовал страшный голод, охвативший в 1601—1603 гг. почти всю страну. Началось массовое бегство крестьян от помещиков из центральных и северных земель, более всего пострадавших от голода, на юг, главным образом в Северскую Украину. Назревала крестьянская война.

В 1601—1602 гг. в польских владениях на Украине появился самозванец,

объявивший, что он царевич Дмитрий, чудом спасшийся от убийцв Угличе. Претендуя на московский престол как «законныйнаследник», он обратился запомощью кпольским магнатам, апотом икпольскому королю Сигизмунду. Сигизмунд не решился открыто поддержать самозванца, и вторжение в Россию было организовано как частное предприятие польских магнатов и шляхты. Осенью 1604 г. Лжедмитрий с небольшим войском казаков и польских шляхтичей через Северскую Украину пошел на Москву. Под Добрыничами правительственные войска нанесли самозванцу сильное поражение. Он бежал в Путивль. Весь юг и юго-восток страны восстал против Годунова. Начался новый подъем крестьянской войны.

В апреле 1605 г. умер Борис Годунов. Его 16-летний сын Федор в создавшейся обстановке удержать власти не мог. Вскоре бояре-воеводы вместе со всей армией, действовавшей против самозванца у города Кромы, перешли на сторону Лжедмитрия. Народ связывал с именем «царя Дмитрия» надежду на улучшение своего положения. В Москве 1 июня 1605 г. восстали широкие массы населения, бояре воспользовались этим восстанием для свержения Годуновых. Федор и его мать были убиты.

20 июня 1605 г. Лжедмитрий торжественно вступил в Москву, 21 июля он венчался на царство в Успенском соборе. Новый самозваный царь не смог выполнить обещаний, которые он давал всем, кто поддерживал его. Не принесло воцарение Лжедмитрия и облегчения в положении народных масс — вера в «хорошего царя» не оправдалась. Пренебрежение к русским национальным обычаям и религии нового «царя Дмитрия» возбуждало серьезное недовольство всех слоев общества. Своего апогея это недовольство достигло в мае 1606 г., когда в Москву на свадьбу самозванца с Мариной Мнишек, дочерью польского магната Ежи (Юрия) Мнишка, прибыло две тысячи поляков, которые вели себя в Москве как завоеватели. Сложившейся обстановкой воспользовались бояре во главе с князем Василием Шуйским, устроив заговор против самозванца.

17 мая 1606 г. в Москве вспыхнуло восстание, принявшее всенародный характер. Лжедмитрий был убит, на престол бояре возвели Василия Шуйского, который стал проводить политику, угодную узкому кругу боярской знати. Это усилило недовольство народных масс. Первыми восстали южные окраины — северские города Путивль и Чернигов. Во главе восставших вскоре встал Иван Исаевич Болотников, талантливый полководец, человек незаурядной духовной силы и мужества, бывший холоп боярина Телятевского. Собрав в Путивле большое войско, Болотников в июле 1606 г. пошел на Москву. По мере продвижения армия Болотникова все время пополнялась новыми силами. В октябре 1606 г. Болотников окружил Москву. Осада длилась пять недель. Напуганные ростом восстания дворянские отряды из войска Болотникова стали переходить на сторону Василия Шуйского. Усиленные подкреплениями из западных и северных уездов страны войска царя Василия Шуйского смогли нанести поражение отрядам Болотникова (сражение 2 декабря 1606 г. около села Коломенского). Болотников отступил к Калуге и в течение 5 месяцев отражал натиск правительственных войск. Весной 1607 г. он перешел в хорошо укрепленную Тулу. После длительной осады 10 октября 1607 г. Тула пала. Сторонники Болотникова подверглись жестокой расправе, сам Иван Болотников, которому царь поклялся сохранить жизнь, был сослан в Каргополь, где его ослепили, а вскоре он был утоплен в проруби.

Летом 1607 г. в Северской Украине вновь объявился самозванец, будто бы

дважды (в Угличе и в Москве) спасшийся от убийц царевич Дмитрий. За его спиной стояли польские феодалы, которые решили воспользоваться осложнившимся внутренним положением России для захвата русских земель. Основную часть армии Лжедмитрия II составляли отряды польской шляхты, однако к нему присоединились и крестьяне, и низы посадского населения. В июне 1608 г. Лжедмитрий II подошел к Москве и, не сумев взять ее «с хода», остановился лагерем в подмосковном селе Тушине (отсюда прозвище второго самозванца - «Тушинский вор»). Осада Москвы продолжалась с июня 1608 по март 1610 г. Одновременно отряды Лжедмитрия II захватывали различные области страны. К осени 1608 г. под его властью оказались все Верхнее и Среднее Поволжье, многие местности севера и центра России. На первых порах вера в «хорошего царя» привлекала на сторону Лжедмитрия II угнетенное крестьянство и посадское население. Однако грабежи и бесчинства тушинских отрядов, в которых преобладали польские шляхтичи, привели к резкому недовольству населения. На борьбу поднялись крестьяне и посадские люди. В течение зимы 1608/09 г. от тушинцев были освобождены города Поволжья и севера страны. Активную роль в борьбе с Лжедмитрием II сыграл родственник царя Василия Шуйского, воевода, князь М. В. Скопин-Шуйский, талантливый и мужественный полководец. С армией, набранной в Новгородской земле, и с вспомогательными отрядами шведов (Василий Шуйский заключил в феврале 1609 г. союз со Швецией) он освободил от польско-тушинских войск Верхнее Поволжье и в конце 1609 г. подошел к Москве. К этому же времени, убедившись в непопулярности своего ставленника Лжедмитрия II и в его неспособности овладеть Москвой, правящие круги Польши перешли к прямому вмешательству в русские дела. В сентябре 1609 г. войска короля Сигизмунда III перешли границу и осадили Смоленск; большая часть шляхтичей покинула Тушинский лагерь и присоединилась к королевским войскам.

В марте 1610 г. князь М. В. Скопин-Шуйский освободил Москву от польско-тушинской осады и вступил со своими войсками в столицу. Военные успехи Скопина-Шуйского завоевали ему огромную популярность среди всех кругов населения. Вскоре после вступления в Москву Скопин-Шуйский внезапно умер (23 апреля). Современники объясняли его смерть тем, что он был отравлен боярами из-за зависти к его воинским успехам и всенародной популярности.

В июне 1610 г. по приказу Сигизмунда из-под Смоленска на Москву двинулись войска гетмана Жолкевского. В бою под селением Клушино московское войско Василия Шуйского потерпело сокрушительное поражение. Это поражение вселило уверенность в тушинцев. Войска Лжедмитрия II вновь подступили к Москве, расположившись в Коломне.

17 июля 1610г. Василий Шуйский был свергнут московскими боярами и дворянами с престола и власть перешла в руки правительства из семи бояр («семибоярщина»). Это правительство, опасаясь восстания низов в столице, заключило 17 августа 1610г. договор с гетманом Жолкевским о приглашении на русский трон сына Сигизмунда III, королевича Владислава, при условии, что он примет православие. К Сигизмунду III было отправлено посольство для выработки условий; в Успенском соборе в Москве бояре целовали крест Владиславу. Среди москвичей усиливались волнения и недовольство. Ожидали окончания переговоров.

В ночь на 21 сентября 1610 г. по тайному сговору с «семибоярщиной» польские войска вошли в Москву. Был уже поставлен вопрос не о присяге королевичу

Владиславу, а о присяге русского населения польскому королю Сигизмунду, о передаче Смоленска полякам и т. п. Народ повсеместно поднимался на борьбу с оккупантами.

Движение за освобождение Москвы (и всего государства) началось в Рязани, его возглавил руководитель рязанского дворянства Прокопий Ляпунов. К рязанцам присоединились Нижний Новгород, Муром, Суздаль, Владимир и другие города, а также остатки русских тушинцев во главе с Трубецким и Заруцким. Так сформировалось первое ополчение. В марте 1611 г. оно подошло к Москве.

Из-за внутренних противоречий, вызванных прежде всего «пестротой» состава ополчения, летом 1611 г. был убит Ляпунов, земские дружины разошлись по своим городам, первое ополчение распалось. Почти одновременно (в июне) пал Смоленск. Сигизмунд III уже открыто заявлял о своем желании быть русским королем и присоединить Россию к Польше. Шведские войска, находившиеся в пределах русских земель по договору 1609 г., захватили Новгород и всю Новгородскую землю. Началась шведская интервенция.

В сентябре 1611 г. в Нижнем Новгороде начало формироваться второе ополчение. Организатором его был земский староста Козьма Минин. Командование вторым ополчением было поручено князю Д. М. Пожарскому, опытному военачальнику. Движение, начавшееся в Нижнем Новгороде, получило поддержку и в других городах. В марте 1612 г. второе ополчение выступило из Нижнего Новгорода. В августе его отряды вошли в Москву. К этому же времени подоспел к Москве со свежими силами гетман Ходкевич. Прорваться в Москву ему не удалось. Польский гарнизон, осажденный силами Пожарского в Кремле, вынужден был 27 октября 1612 г. сдаться.

Освобождение Москвы явилось поворотным моментом в истории интервенции начала XVII в. В феврале 1613 г. в Москве был созван Земский собор для избрания на трон нового царя. Им был избран представитель старого московского боярства — Михаил Федорович Романов.

В результате военных действий и дипломатических переговоров в 1617 г. был заключен Столбовский мирный договор со Швецией, по которому Швеция должна была вернуть России Новгород и Новгородскую область, но оставляла за собой Ижорскую землю с берегами Невы и Финского залива, а 1 декабря 1618 г. в селе Деулине было заключено перемирие между Москвой и Польшей; хотя Польша сохраняла за собой Смоленскую землю, Россия получала передышку на четырнадцать с половиной лет.

Начинался период восстановления экономического и политического положения Русского государства после более чем тридцатилетнего периода Смутного времени — так была названа современниками эпоха внутренних неурядиц и польско-шведской интервенции конца XVI—начала XVII в.